

Жюль Верн.

Дети капитана Гранта

Jules Vern	Жюль Верн
THE CHILDREN OF CAPTAIN GRANT	Дети капитана Гранта
CHAPTER I THE SHARK	ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Глава I РЫБА-МОЛОТ
ON the 26th of July, 1864, a magnificent yacht was steaming along the North Channel at full speed, with a strong breeze blowing from the N.	26 июля 1864 года по волнам Северного канала шла на всех парах при сильном норд-осте великолепная яхта.
E. The Union Jack was flying at the mizzen-mast, and a blue standard bearing the initials E. G., embroidered in gold, and surmounted by a ducal coronet, floated from the topgallant head of the main-mast.	На ее фок-мачте развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты виднелись шитые золотом буквы "Э." и "Г.".
The name of the yacht was the DUNCAN, and the owner was Lord Glenarvan, one of the sixteen Scotch peers who sit in the Upper House, and the most distinguished member of the Royal Thames Yacht Club, so famous throughout the United Kingdom.	Яхта эта носила название "Дункан" и принадлежала лорду Эдуарду Гленарвану, виднейшему члену известного во всем Соединенном Королевстве Темзинского яхт-клуба.
Lord Edward Glenarvan was on board with his young wife, Lady Helena, and one of his cousins, Major McNabbs.	На борту "Дункана" находились Гленарван со своей молодой женой леди Элен и его двоюродный брат майор Мак-Наббс.
The DUNCAN was newly built, and had been making a trial trip a few miles outside the Firth of Clyde.	Недавно в открытом море, в нескольких милях от залива Фёрт-оф-Клайд, было произведено испытание этой яхты, и теперь она шла обратно в Глазго.
She was returning to Glasgow, and the Isle of Arran already loomed in the distance, when the sailor on watch caught sight of an enormous fish sporting in the wake of the ship.	На горизонте уже вырисовывался остров Арран, когда стоявший на вахте матрос доложил о том, что за кормой "Дункана" плывет какая-то огромная рыба.
Lord Edward, who was immediately apprised of the fact, came up on the poop a few minutes after with his cousin, and asked John Mangles, the captain, what sort of an animal he thought it was.	Капитан Джон Манглс немедленно приказал сообщить об этом лорду Гленарвану, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют. - Скажите, что это за рыба, по-вашему? - спросил он капитана.
"Well, since your Lordship asks my opinion," said Mangles, "I think it is a shark, and a fine large one too."	- Я думаю, милорд, что это крупная акула, - ответил Джон Манглс.
"A shark on these shores!"	- Акула - в здешних водах! - воскликнул лорд Гленарван.
"There is nothing at all improbable in that," returned the captain. "This fish belongs to a species that is found in all latitudes and in all seas.	- В этом нет никакого сомнения, - продолжал капитан, - такие акулы встречаются во всех морях и под всеми широтами.
It is the 'balance-fish,' or hammer-headed shark, if I am not much mistaken.	Это рыба-молот. Или я сильно ошибаюсь, или мы имеем дело с одной из этих мерзких тварей.
But if your Lordship has no objections, and it would give the smallest pleasure to Lady Helena to see a novelty in the way of fishing, we'll soon haul up the monster and find out what it really is."	Если вы, милорд, согласны и леди Гленарван доставит удовольствие присутствовать при такой любопытной ловле, то мы можем скоро узнать в точности, что это за рыба.

"What do you say, McNabbs? Shall we try to catch it?" asked Lord Glenarvan.	- А вы какого мнения, Мак-Наббс? - обратился Гленарван к майору. - Стоит нам поохотиться?
"If you like; it's all one to me," was his cousin's cool reply.	- Я заранее присоединяюсь к вашему мнению, - невозмутимо ответил майор.
"The more of those terrible creatures that are killed the better, at all events," said John Mangles, "so let's seize the chance, and it will not only give us a little diversion, but be doing a good action."	- Вообще следует уничтожать как можно больше этих хищных тварей, - заметил Джон Мангле. - Воспользуемся же случаем, и мы увидим необычайное зрелище и заодно сделаем полезное дело.
"Very well, set to work, then," said Glenarvan.	- Тогда начнем, Джон, - сказал лорд Гленарван.
Lady Helena soon joined her husband on deck, quite charmed at the prospect of such exciting sport.	Он велел предупредить жену, и леди Элен, очень заинтересованная предстоящей захватывающей охотой, поспешила на ют к мужу.
The sea was splendid, and every movement of the shark was distinctly visible. In obedience to the captain's orders, the sailors threw a strong rope over the starboard side of the yacht, with a big hook at the end of it, concealed in a thick lump of bacon.	Море было спокойно, и с капитанского мостика нетрудно было следить за всеми движениями акулы: она то ныряла, то с удивительной силой выскакивала на поверхность воды. Джон Мангле отдал необходимые приказания. Матросы сбросили с правого борта яхты крепкий канат с крюком, на который была насажена приманка - большой кусок свиного сала.
The bait took at once, though the shark was full fifty yards distant. He began to make rapidly for the yacht, beating the waves violently with his fins, and keeping his tail in a perfectly straight line.	Прожорливая акула, хотя она и находилась ярдах в пяти десяти от "Дункана", почуяла приманку и стала быстро догонять яхту. Видно было, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, с силой рассекали волны, а хвост помогал ей удерживать безукоризненно прямое направление.
As he got nearer, his great projecting eyes could be seen inflamed with greed, and his gaping jaws with their quadruple row of teeth.	По мере того как акула приближалась к яхте, все отчетливее выступали ее большие, горящие алчностью глаза навыкате; когда же она переворачивалась, из разинутой пасти выглядывало четыре ряда зубов.
His head was large, and shaped like a double hammer at the end of a handle.	Голова у нее была широкая и напоминала двойной молот, насаженный на рукоятку.
John Mangles was right. This was evidently a balance-fish-the most voracious of all the SQUALIDAE species.	Джон Манглс не ошибся - это действительно была самая прожорливая из акул: рыба-молот.
The passengers and sailors on the yacht were watching all the animal's movements with the liveliest interest.	И пассажиры и команда "Дункана" с напряженным вниманием следили за акулой.
He soon came within reach of the bait, turned over on his back to make a good dart at it, and in a second bacon and contents had disappeared.	Вот она уже оказалась совсем близко от крюка, вот перевернулась на спину, чтобы поудобнее схватить его. Миг - и огромная приманка исчезла в ее объемистой пасти.
He had hooked himself now, as the tremendous jerk he gave the cable proved, and the sailors began to haul in the monster by means of tackle attached to the mainyard.	Еще миг - и акула, сильно дернув за канат, сама насадила себя на крюк. Тут матросы, не теряя времени, принялись подтягивать добычу при помощи блоков, прикрепленных к грот-рею.

He struggled desperately, but his captors were prepared for his violence, and had a long rope ready with a slip knot, which caught his tail and rendered him powerless at once.	Акула, чувствуя, что ее вырывают из родной стихии, отчаян но забилась, но с ней быстро справились, накинув на хвост мертвую петлю и тем парализовав ее движения.
In a few minutes more he was hoisted up over the side of the yacht and thrown on the deck.	Еще несколько мгновений - и акула была поднята над бортовыми сетками и сброшена на палубу.
A man came forward immediately, hatchet in hand, and approaching him cautiously, with one powerful stroke cut off his tail.	Тотчас же один из матросов осторожно при близился к акуле и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.
This ended the business, for there was no longer any fear of the shark.	Охота закончилась. Больше нечего было бояться чудовища.
But, though the sailors' vengeance was satisfied, their curiosity was not; they knew the brute had no very delicate appetite, and the contents of his stomach might be worth investigation.	Чувство мести моряков было удовлетворено, но не их любопытство. Надо сказать, что на всех судах принято тщательно осматривать желудок акул.
This is the common practice on all ships when a shark is captured, but Lady Glenarvan declined to be present at such a disgusting exploration, and withdrew to the cabin again.	Матросы, зная, до какой степени эта прожорливая рыба неразборчива, обыкновенно ждут от подобного осмотра какого-нибудь сюрприза, и ожидания их не всегда бывают напрасны. Леди Гленарван не пожелала присутствовать при этой отвратительной операции и перешла в рубку.
The fish was still breathing; it measured ten feet in length, and weighed more than six hundred pounds.	Акула еще дышала. Она была десяти футов длины и весила больше шестисот фунтов .
This was nothing extraordinary, for though the hammer-headed shark is not classed among the most gigantic of the species, it is always reckoned among the most formidable.	Это обычные размеры и вес для этой породы. Но рыба-молот, пусть не самая крупная из акул, считается одной из наиболее опасных.
The huge brute was soon ripped up in a very unceremonious fashion.	Вскоре огромную рыбу без дальнейших церемоний вскрыли ударами топора.
The hook had fixed right in the stomach, which was found to be absolutely empty, and the disappointed sailors were just going to throw the remains overboard, when the boatswain's attention was attracted by some large object sticking fast in one of the viscera.	Крюк проник в самый желудок, оказавшийся совершенно пустым. Очевидно, акула давно постилась. Разочарованные моряки уже собирались было выбросить акулу в море, как вдруг внимание помощника капитана привлек какой-то грубый предмет, основательно засевший в ее внутренностях.
"I say! what's this?" he exclaimed.	- Э! Что это такое? - крикнул он.
"That!" replied one of the sailors, "why, it's a piece of rock the beast swallowed by way of ballast."	- Да, верно, кусок скалы, акула его проглотила, чтобы нагрузиться балластом, - ответил один из матросов.
"It's just a bottle, neither more nor less, that the fellow has got in his inside, and couldn't digest," said another of the crew.	- Рассказывай! - отозвался другой. - Это просто-напросто ядро: оно попало в желудок этой твари и еще не успело там перевариться.
"Hold your tongues, all of you!" said Tom Austin, the mate of the DUNCAN. "Don't you see the animal has been such an inveterate tippler that he has not only drunk the wine, but swallowed the bottle?"	- Помалкивайте, вы! - вмешался в разговор помощник капитан Том Остин. - Не видите разве, что эта тварь была горькой пьяницей и, чтобы ничего не потерять, не только вы лакала все вино, но проглотила еще и бутылку?

"What!" said Lord Glenarvan. "Do you mean to say it is a bottle that the shark has got in his stomach."	- Как! - воскликнул лорд Гленарван. - Бутылка - в брюхе акулы?
"Ay, it is a bottle, most certainly," replied the boatswain, "but not just from the cellar."	- Настоящая бутылка, - подтвердил помощник капитана, - но, как видно, из погреба она вышла давненько.
"Well, Tom, be careful how you take it out," said Lord Glenarvan, "for bottles found in the sea often contain precious documents."	- Ну тогда, Том, выньте ее, да поосторожнее, - сказал лорд Эдуард, - ведь в бутылках, найденных в море, нередко бывают важные документы.
"Do you think this does?" said Major McNabbs, incredulously.	- Вы думаете? - проговорил майор Мак-Наббс.
"It possibly may, at any rate."	- По крайней мере, это возможно.
"Oh! I'm not saying it doesn't. There may perhaps be some secret in it," returned the Major.	- О, я не спорю с вами, - отозвался майор. - Быть может, в этой бутылке и кроется какая-нибудь тайна.
"That's just what we're to see," said his cousin. "Well, Tom." "Here it is," said the mate, holding up a shapeless lump he had managed to pull out, though with some difficulty. "Get the filthy thing washed then, and bring it to the cabin."	- Сейчас мы это узнаем, - промолвил Гленарван. - Велите отмыть бутылку от этой мерзости и принести ее в рубку.
Tom obeyed, and in a few minutes brought in the bottle and laid it on the table, at which Lord Glenarvan and the Major were sitting ready with the captain, and, of course Lady Helena, for women, they say, are always a little curious.	Том выполнил приказание, и бутылка, найденная при таких странных обстоятельствах, вскоре стояла на столе в кают-компании. Вокруг стола разместились лорд Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Манглс и леди Элен - недаром говорят, что все женщины любопытны.
Everything is an event at sea.	В море любая мелочь становится событием.
For a moment they all sat silent, gazing at this frail relic, wondering if it told the tale of sad disaster, or brought some trifling message from a frolic-loving sailor, who had flung it into the sea to amuse himself when he had nothing better to do.	С минуту все молчали. Каждый смотрел на хрупкий сосуд, стараясь угадать, что он в себе содержит: тайну ли какого-нибудь кораблекрушения или просто записку, вверенную волнам праздным мореплавателем.
However, the only way to know was to examine the bottle, and Glenarvan set to work without further delay, so carefully and minutely, that he might have been taken for a coroner making an inquest.	Но пора было узнать, в чем дело, и лорд Гленарван начал осматривать бутылку, приняв все необходимые в таких случаях меры предосторожности. В эту минуту он напоминал коронера , разбирающего важное преступление. И он, конечно, был прав, относясь к делу так внимательно, ибо часто то, что кажется пустяком, может открыть очень многое.
He commenced by a close inspection of the outside.	Прежде чем вскрыть бутылку, Гленарван осмотрел ее снаружи.
The neck was long and slender, and round the thick rim there was still an end of wire hanging, though eaten away with rust.	У нее было удлиненное крепкое горлышко, на котором еще уцелел обрывок проржавленной проволоки.
The sides were very thick, and strong enough to bear great pressure.	Стенки ее были так плотны, что могли выдержать давление в несколько атмосфер.

It was evidently of Champagne origin, and the Major said immediately,	Это говорило о том, что бутылка из Шампани. Такими именно бутылками виноградари Эпернэ и Аи перешибают спинки стульев, причем на стекле не остается даже самой маленькой трещины. Не удивительно, что и эта бутылка смогла вынести испытания дальних странствований.
"That's one of our Clicquot's bottles."	- Бутылка фирмы Клико, - объявил майор.
Nobody contradicted him, as he was supposed to know; but Lady Helena exclaimed,	И так как Мак-Наббс считался знатоком в этом вопросе, никто не усомнился в его правоте.
"What does it matter about the bottle, if we don't know where it comes from?"	- Дорогой майор, - обратилась к нему леди Элен, - не все ли равно, какая это бутылка, если мы не узнаем, откуда она взялась.
"We shall know that, too, presently, and we may affirm this much already-it comes from a long way off.	- Это мы узнаем, дорогая Элен, - сказал лорд Гленарван. - Да и теперь уже можно сказать, что она приплыла издалека.
Look at those petrifactions all over it, these different substances almost turned to mineral, we might say, through the action of the salt water!	Обратите внимание на каменный нарост, который ее покрывает. Это минеральные отложения морской воды.
This waif had been tossing about in the ocean a long time before the shark swallowed it."	Бутылка долго носилась по волнам океана, прежде чем очутилась в брюхе акулы.
"I quite agree with you," said McNabbs. "I dare say this frail concern has made a long voyage, protected by this strong covering."	- Нельзя не согласиться с вами, - отозвался майор. - Конечно, этот хрупкий сосуд в своей каменистой оболочке мог проделать длинное путешествие.
"But I want to know where from?" said Lady Glenarvan.	- Но откуда он? - спросила леди Гленарван.
"Wait a little, dear Helena, wait; we must have patience with bottles; but if I am not much mistaken, this one will answer all our questions," replied her husband, beginning to scrape away the hard substances round the neck. Soon the cork made its appearance, but much damaged by the water.	- Погодите, погодите, дорогая Элен: здесь необходима выдержка. Или я сильно ошибаюсь, или бутылка сама ответит нам на все вопросы. С этими словами Гленарван принялся счищать нарост с горлышка бутылки, и вскоре показалась пробка, очень пострадавшая от морской воды.
"That's vexing," said Lord Edward, "for if papers are inside, they'll be in a pretty state!"	- Досадно, - заметил Гленарван, - если там какая-нибудь бумага, она должна быть сильно повреждена.
"It's to be feared they will," said the Major.	- Боюсь, что так, - согласился майор.
"But it is a lucky thing the shark swallowed them, I must say," added Glenarvan, "for the bottle would have sunk to the bottom before long with such a cork as this."	- К тому же, - продолжал Гленарван, - этой плохо закупоренной бутылке грозила опасность пойти ко дну. К счастью, акула вовремя проглотила ее и доставила на борт "Дункана".
"That's true enough," replied John Mangles, "and yet it would have been better to have fished them up in the open sea.	- Это верно, - сказал Джон Манглс, - но все же было бы лучше, если бы мы ее выловили в открытом море, под определенной широтой и долготой.

Then we might have found out the road they had come by taking the exact latitude and longitude, and studying the atmospheric and submarine currents; but with such a postman as a shark, that goes against wind and tide, there's no clew whatever to the starting-point."	Тогда, учтя воздушные и морские течения, было бы возможно установить пройденный этой бутылкой путь, а теперь, с таким вот почтальоном, как акула, плывущая против ветра и течения, в этом будет очень трудно разобраться.
"We shall see," said Glenarvan, gently taking out the cork.	- Посмотрим, - сказал Гленарван и принялся с величайшей осторожностью вытаскивать пробку.
A strong odor of salt water pervaded the whole saloon, and Lady Helena asked impatiently:	Когда бутылка была откупорена, по кают-компании распространился сильный запах морской соли.
"Well, what is there?"	- Ну? - с чисто женской нетерпеливостью спросила леди Элен.
"I was right!" exclaimed Glenarvan. "I see papers inside.	- Да, я был прав, - отозвался Гленарван, - там бумаги. - Документы! Документы! - воскликнула леди Элен.
But I fear it will be impossible to remove them," he added, "for they appear to have rotted with the damp, and are sticking to the sides of the bottle."	- Только, по-видимому, они попорчены сыростью, - заметил Гленарван, - и их невозможно вытащить, до того они при стали к стенкам бутылки.
"Break it," said the Major.	- Разобьем ее, - предложил Мак-Наббс.
"I would rather preserve the whole if I could."	- Я предпочел бы сохранить бутылку в целости, - ответил Гленарван.
"No doubt you would," said Lady Helena; "but the contents are more valuable than the bottle, and we had better sacrifice the one than the other."	- Я тоже, - согласился майор. - Несомненно, хорошо бы сохранить бутылку, - вмешалась Элен, - но содержимое ведь более ценно, чем самый сосуд, и потому лучше пожертвовать последним.
"If your Lordship would simply break off the neck, I think we might easily withdraw the papers," suggested John Mangles.	- Вам достаточно отбить горлышко, - посоветовал Джон Манглс, - и тогда можно будет вынуть документы, не повредив их.
"Try it, Edward, try it," said Lady Helena.	- Скорее же, дорогой Эдуард! - воскликнула леди Элен.
Lord Glenarvan was very unwilling, but he found there was no alternative; the precious bottle must be broken.	В самом деле, иным способом трудно было бы извлечь бумаги, и лорд Гленарван решился отбить горлышко драгоценной бутылки.
They had to get a hammer before this could be done, though, for the stony material had acquired the hardness of granite.	Так как каменистый нарост на ней приобрел твердость гранита, пришлось прибегнуть к молотку.
A few sharp strokes, however, soon shivered it to fragments, many of which had pieces of paper sticking to them.	Вскоре на стол посыпались осколки, и из бутылки показались слипшиеся клочки бумаги.
These were carefully removed by Lord Glenarvan, and separated and spread out on the table before the eager gaze of his wife and friends.	Гленарван осторожно извлек их и разложил перед собой. Леди Элен, майор и капитан обступили его.
CHAPTER II THE THREE DOCUMENTS	Глава II ТРИ ДОКУМЕНТА

ALL that could be discovered, however, on these pieces of paper was a few words here and there, the remainder of the lines being almost completely obliterated by the action of the water.	Вынутые из бутылки клочки бумаги были наполовину уничтожены морской водой. Из почти стертых строк можно было разобрать лишь немногие слова.
Lord Glenarvan examined them attentively for a few minutes, turning them over on all sides, holding them up to the light, and trying to decipher the least scrap of writing, while the others looked on with anxious eyes.	Лорд Гленарван стал исследовать эти клочки. Он поворачивал их, смотрел на свет, разглядывал каждую буковку, которую пощадило море. Затем он взглянул на своих друзей, не сводивших с него жадных глаз.
At last he said: "There are three distinct documents here, apparently copies of the same document in three different languages. Here is one in English, one in French, and one in German."	- Здесь, - сказал он, - три различных документа, по-видимому копии одного и того же, написанные на трех языках: английском, французском и немецком. Я убедился в этом, сличив уцелевшие слова.
"But can you make any sense out of them?" asked Lady Helena.	- Но, по крайней мере, в этих-то словах все же можно уловить какой-нибудь смысл? - спросила леди Элен.
"That's hard to say, my dear Helena, the words are quite incomplete."	- Трудно сказать что-нибудь определенное на этот счет, дорогая: уцелевших слов очень немного.
"Perhaps the one may supplement the other," suggested Major McNabbs.	- А может быть, они дополняют друг друга? - заметил майор.
"Very likely they will," said the captain. "It is impossible that the very same words should have been effaced in each document, and by putting the scraps together we might gather some intelligible meaning out of them."	- В самом деле, - отозвался Джон Манглс. - Не уничтожила же морская вода в трех документах слова на одних и тех же местах! Соединив уцелевшие обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.
"That's what we will do," rejoined Lord Glenarvan; "but let us proceed methodically.	- Этим мы и займемся, - сказал Гленарван, - но будем делать все методически.
Here is the English document first."	Начнем с английского документа.
All that remained of it was the following:	В этом документе строки и слова были расположены следующим образом:
62 Bri gow sink stra aland skipp Gr that monit of long and ssistance lost	62 Bri gow sink stra aland skipp Gr that monit of long and ssistance lost
"There's not much to be made out of that," said the Major, looking disappointed.	- Да, смысла здесь не много, - с разочарованным видом проговорил майор.
"No, but it is good English anyhow," returned the captain.	- Как бы то ни было, - заметил капитан, - ясно, что это английский язык.
"There's no doubt of it," said Glenarvan. "The words SINK, ALAND, LOST are entire; SKIPP is evidently part of the word SKIPPER, and that's what they call ship captains often in England.	- В этом нет никакого сомнения, - отозвался лорд Гленарван, - слова sink, aland, that, and, lost уцелели; а skipp, очевидно, значит skipper.
There seems a Mr. Gr. mentioned, and that most likely is the captain of the shipwrecked vessel."	Видимо, речь тут идет о каком-то мистере Gr.... вероятно капитане потерпевшего крушение судна. - Добавим еще к этому обрывки слов monit и ssistance, - сказал Джон Манглс, - смысл их совершенно ясен.

"Well, come, we have made out a good deal already," said Lady Helena.	- Ну вот, уже кое-что мы знаем! - сказала леди Элен.
"Yes, but unfortunately there are whole lines wanting," said the Major, "and we have neither the name of the ship nor the place where she was shipwrecked."	- К несчастью, не хватает целых строк, - заметил майор. - Как узнать название погибшего судна и место его крушения?
"We'll get that by and by," said Edward.	- Узнаем и это, - сказал Гленарван.
"Oh, yes; there is no doubt of it," replied the Major, who always echoed his neighbor's opinion. "But how?"	- Без сомнения, - согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. - Но каким образом?
"By comparing one document with the other."	- Дополняя один документ другим.
"Let us try them," said his wife.	- Так примемся же за дело! - воскликнула леди Элен.
The second piece of paper was even more destroyed than the first; only a few scattered words remained here and there.	Второй клочок бумаги пострадал больше, чем предыдущий.
It ran as follows: 7 Juni Glas zwei atrosen graus bringt ihnen	В нем было всего несколько бессвязных слов, расположенных следующим образом:
"This is written in German," said John Mangles the moment he looked at it.	- Это написано по-немецки, - сказал Джон Манглс, взглянув на бумагу.
"And you understand that language, don't you?" asked Lord Glenarvan.	- А вы знаете этот язык, Джон? - спросил Гленарван.
"Perfectly."	- Знаю очень хорошо.
"Come, then, tell us the meaning of these words."	- Тогда скажите нам, что значат эти несколько слов.
The captain examined the document carefully, and said:	Капитан внимательно осмотрел документ.
"Well, here's the date of the occurrence first: 7 Juni means June 7; and if we put that before the figures 62 we have in the other document, it gives us the exact date, 7th of June, 1862."	- Прежде всего, - сказал он, - мы можем теперь установить, когда именно произошло кораблекрушение: седьмого Juni, то есть седьмого июня, а сопоставляя это с цифрой "шестьдесят два", стоящей в английском документе, мы получаем точную дату: седьмого июня 1862 года.
"Capital!" exclaimed Lady Helena. "Go on, John!"	- Чудесно! - обрадовалась леди Элен. - Что же дальше, Джон?
"On the same line," resumed the young captain, "there is the syllable GLAS and if we add that to the GOW we found in the English paper, we get the whole word GLASGOW at once.	- В той же строчке, - продолжал молодой капитан, - я вижу слово Glas; сливая его со словом gow первого документа, получаем Glasgow.
The documents evidently refer to some ship that sailed out of the port of Glasgow."	Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.
"That is my opinion, too," said the Major.	- Я того же мнения, - заявил майор.

"The second line is completely effaced," continued the Captain; "but here are two important words on the third. There is ZWEI, which means TWO, and ATROSEN or MATROSEN, the German for SAILORS."	- Второй строчки в этом документе совсем нет, - продолжал Джон Манглс, - но в третьей я вижу два очень важных слова: zwei, что значит "два", и atrosen, вернее сказать - Matrosen, в переводе - "матросы".
"Then I suppose it is about a captain and two sailors," said Lady Helena.	- Значит, речь здесь как будто идет о капитане и двух матросах, - сказала Элен.
"It seems so," replied Lord Glenarvan.	- По-видимому, - согласился Гленарван.
"I must confess, your Lordship, that the next word puzzles me. I can make nothing of it.	- Я должен признаться, - продолжал капитан, - что следующее слово, graus, ставит меня в тупик - я не знаю, как его перевести.
Perhaps the third document may throw some light on it.	Быть может, это разъяснит нам третий документ.
The last two words are plain enough. BRINGT IHNEN means BRING THEM; and, if you recollect, in the English paper we had SSISTANCE, so by putting the parts together, it reads thus, I think: 'BRING THEM ASSISTANCE.'"	Что же касается двух последних слов, то их легко понять: Bringt ihnen значит "окажите им", а если мы свяжем их с английским словом assistance, которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то сама собой напрашивается фраза: "Окажите им помощь".
"Yes, that must be it," replied Lord Glenarvan. "But where are the poor fellows?	- Да! "Окажите им помощь"! - повторил Гленарван. - Но где находятся эти несчастные?
We have not the slightest indication of the place, meantime, nor of where the catastrophe happened."	До сих пор у нас нет ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа.
"Perhaps the French copy will be more explicit," suggested Lady Helena.	- Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, - заметила леди Элен.
"Here it is, then," said Lord Glenarvan, "and that is in a language we all know."	- Прочтем же французский документ, - сказал Гленарван, - мы все знаем этот язык, так что это будет нетрудно.
The words it contained were these: troi ats tannia gonie austral abor contin pr cruel indi jete ongit et 37 degrees 11" LAT	Вот точное воспроизведение третьего документа:
"There are figures!" exclaimed Lady Helena.	- Здесь есть цифры! - воскликнула леди Элен. - Смотрите, господа!
"Look!"	Смотрите!
"Let us go steadily to work," said Lord Glenarvan, "and begin at the beginning.	- Будем делать все по порядку, - сказал лорд Гленарван, - и начнем сначала.
I think we can make out from the incomplete words in the first line that a three-mast vessel is in question, and there is little doubt about the name; we get that from the fragments of the other papers; it is the BRITANNIA.	Разрешите мне восстановить одно за другим все эти неполные, отрывочные слова. С первых же букв я вижу, что речь идет о трехмачтовом судне, название которого благодаря английскому и французскому документам для нас вполне яс но: это "Британия".
As to the next two words, GONIE and AUSTRAL, it is only AUSTRAL that has any meaning to us."	Из следующих двух слов gonie и austral - только второе для нас всех понятно.

"But that is a valuable scrap of information," said John Mangles. "The shipwreck occurred in the southern hemisphere."	- Вот уже драгоценная подробность, - заявил Джон Манглс, - значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.
"That's a wide world," said the Major.	- Это неопределенно, - заметил майор.
"Well, we'll go on," resumed Glenarvan. "Here is the word ABOR; that is clearly the root of the verb ABORDER.	- Продолжаю, - сказал Гленарван. - Слово abor - корень глагола aborder .
The poor men have landed somewhere; but where? CONTIN-does that mean continent? CRUEL!"	Эти несчастные выбрались на какой-то берег. Но где? Что значит contin? Не материк ли? Затем cruel .
"CRUEL!" interrupted John Mangles. "I see now what GRAUS is part of in the second document. It is GRAUSAM, the word in German for CRUEL!"	- Cruel! - воскликнул Джон Манглс. - Так вот объяснение немецкого слова graus: grausam - жестокий!
"Let's go on," said Lord Glenarvan, becoming quite excited over his task, as the incomplete words began to fill up and develop their meaning. "INDI,-is it India where they have been shipwrecked?	- Продолжаем! Продолжаем! - сказал Гленарван. Он вчитывался в текст со все более страстным интересом, по мере того как перед ним раскрывался смысл этих незаконченных слов. - Indi... Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены?
And what can this word ONGIT be part of?	А что значит слово ongit?
Ah!	А!
I see-it is LONGITUDE; and here is the latitude, 37 degrees 11".	Longitude . А вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут.
That is the precise indication at last, then!"	Наконец-то мы имеем точное указание!
"But we haven't the longitude," objected McNabbs.	- Да, но нет долготы, - промолвил Мак-Наббс.
"But we can't get everything, my dear Major; and it is something at all events, to have the exact latitude.	- Не все сразу, дорогой майор, - отозвался Гленарван. - Точно знать градус широты - это уже немало.
The French document is decidedly the most complete of the three; but it is plain enough that each is the literal translation of the other, for they all contain exactly the same number of lines.	Решительно этот французский документ самый полный из трех. Очевидно, каждый из них является дословным переводом других, ведь количество строк везде одинаковое.
What we have to do now is to put together all the words we have found, and translate them into one language, and try to ascertain their most probable and logical sense."	В таком случае, надо эти три документа соединить, перевести их на один язык, а затем постараться найти их наиболее правдоподобный, логичный и полный смысл.
"Well, what language shall we choose?" asked the Major.	- На какой же из трех языков собираетесь вы переводить? - спросил майор.
"I think we had better keep to the French, since that was the most complete document of the three."	- На французский, - ответил Гленарван, - ведь больше всего слов сохранилось во французском документе.
"Your Lordship is right," said John Mangles, "and besides, we're all familiar with the language."	- Вы правы, - согласился Джон Манглс. - К тому же этот язык нам всем хорошо знаком.
"Very well, then, I'll set to work."	- Итак, решено!

In a few minutes he had written as follows: 7 Juin 1862 trois-mats Britannia Glasgow sombre gonie austral a terre deux matelots capitaine Gr abor contin pr cruel indi jete ce document de longitude et 37 degrees 11" de latitude Portez-leur secours perdus. [7th of June, 1862 three-mast BRITANNIA Glasgow] foundered gonie southern on the coast two sailors Gr Captain landed contin pr cruel indi thrown this document in longitude and 37 degrees 11" latitude Bring them assistance lost	Я составлю этот документ следующим образом: объединю обрывки слов и фраз, оставляя между ними пробелы, и дополню те слова, смысл которых несомненен. Затем мы их сравним и обсудим. Гленарван тотчас взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было написано следующее :
Just at that moment one of the sailors came to inform the captain that they were about entering the Firth of Clyde, and to ask what were his orders.	В эту минуту появился матрос. Он доложил капитану, что "Дункан" входит в Фёрт-оф-Клайд, и спросил, какие будут приказания.
"What are your Lordship's intentions?" said John Mangles, addressing Lord Glenarvan.	- Каковы ваши намерения, милорд? - обратился Джон Манглс к Гленарвану.
"To get to Dunbarton as quickly as possible, John; and Lady Helena will return to Malcolm Castle, while I go on to London and lay this document before the Admiralty."	- Как можно скорее достигнуть Дамбартона. Оттуда леди Элен поедет домой, в Малькольм-Касл, а я отправлюсь в Лон дон представить этот документ в адмиралтейство.
The sailor received orders accordingly, and went out to deliver them to the mate.	Джон Манглс отдал соответствующие распоряжения, и мат рос пошел передать их помощнику капитана.
"Now, friends," said Lord Glenarvan, "let us go on with our investigations, for we are on the track of a great catastrophe, and the lives of several human beings depend on our sagacity.	- Теперь, друзья мои, - сказал Гленарван, - будем про должать наше расследование. Мы напали на след катастрофы, и от нас зависит жизнь нескольких человек.
We must give our whole minds to the solution of this enigma."	Напряжем же все силы нашего ума, чтобы разгадать эту загадку.
"First of all, there are three very distinct things to be considered in this document-the things we know, the things we may conjecture, the things we do not know."	- Мы готовы, дорогой Эдуард, - ответила Элен. - Прежде всего, - продолжал Гленарван, - выделим в документе три части: во-первых, то, что нам уже известно, во-вторых, то, о чем можно догадываться, и, наконец, в-третьих, то, что нам неизвестно.
"What are those we know?	Что мы знаем?
We know that on the 7th of June a three-mast vessel, the BRITANNIA of Glasgow, foundered; that two sailors and the captain threw this document into the sea in 37 degrees 11" latitude, and they entreat help."	Мы знаем, что седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно "Британия", вышедшее из порта Глазго, потерпело крушение. Затем нам известно, что два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут вот этот документ и что они просят оказать им помощь.
"Exactly so," said the Major.	- Совершенно верно, - согласился майор.

"What are those now we may conjecture?" continued Glenarvan. "That the shipwreck occurred in the southern seas; and here I would draw your attention at once to the incomplete word GONIE.	- О чем мы можем догадываться? - продолжал Гленарван. - Прежде всего о том, что крушение произошло в южных морях, и тут я обращу ваше внимание на обрывок слова gonie.
Doesn't the name of the country strike you even in the mere mention of it?"	Нет ли в нем указания на название страны?
"Patagonia!" exclaimed Lady Helena.	- Патагония! - воскликнула Элен.
"Undoubtedly."	- Наверное.
"But is Patagonia crossed by the 37th parallel?" asked the Major.	- Но разве через Патагонию проходит тридцать седьмой градус широты? - спросил майор.
"That is easily ascertained," said the captain, opening a map of South America. "Yes, it is; Patagonia just touches the 37th parallel. It cuts through Araucania, goes along over the Pampas to the north, and loses itself in the Atlantic."	- Это легко проверить, - ответил Джон Манглс, раскрывая карту Южной Америки. - Совершенно верно: тридцать седьмая параллель пересекает Араканию, проходит через пампасы по северным областям Патагонии, а затем через Атлантический океан.
"Well, let us proceed then with our conjectures.	- Хорошо! Идем дальше в наших догадках.
The two sailors and the captain LAND-land where? CONTIN-on a continent; on a continent, mark you, not an island.	Два матроса и капитан abor... достигли... чего? Contin... материка. Обращаю на это ваше внимание. Они достигли материка, а не острова.
What becomes of them?	Какова же их судьба?
There are two letters here providentially which give a clew to their fate-PR, that must mean prisoners, and CRUEL INDIAN is evidently the meaning of the next two words.	К счастью, две буквы pr говорят нам о ней. Бедняги! Они pris onniers, пленники.
These unfortunate men are captives in the hands of cruel Indians.	Чьи же пленники? Cruels indiens - жестоких индейцев.
Don't you see it?	Достаточно ли убедительно это для вас?
Don't the words seem to come of themselves, and fill up the blanks?	Разве эти слова не просятся сами собой на пустые места?
Isn't the document quite clear now?	Разве смысл документа не становится ясен?
Isn't the sense self-evident?"	Разве ваши умы не озаряются светом?
Glenarvan spoke in a tone of absolute conviction, and his enthusiastic confidence appeared contagious, for the others all exclaimed, too,	Гленарван говорил с таким убеждением, в глазах его светилась такая абсолютная уверенность, что воодушевление его не вольно передалось слушателям, и они в один голос воскликнули:
"Yes, it is evident, quite evident!"	- Конечно! Конечно!
After an instant, Lord Edward said again,	После минутного молчания лорд Гленарван продолжал:
"To my own mind the hypothesis is so plausible, that I have no doubt whatever the event occurred on the coast of Patagonia, but still I will have inquiries made in Glasgow, as to the destination of the BRITANNIA, and we shall know if it is possible she could have been wrecked on those shores."	- Друзья мои, все эти гипотезы мне кажутся очень правдоподобными. По-моему, катастрофа произошла у берегов Пата гонии. Впрочем, я непременно наведу справки в Глазго о том, куда направлялась "Британия". Тогда мы наверняка будем знать, могла ли она очутиться в тех водах.

"Oh, there's no need to send so far to find out that," said John Mangles. "I have the Mercantile and Shipping Gazette here, and we'll see the name on the list, and all about it."	- О, нам нет нужды ездить так далеко, - заговорил Джон Манглс, - у меня есть комплект "Мореходной газеты", и мы получим из нее самые точные сведения.
"Do look at once, then," said Lord Glenarvan.	- Давайте посмотрим! - сказала леди Гленарван.
The file of papers for the year 1862 was soon brought, and John began to turn over the leaves rapidly, running down each page with his eye in search of the name required.	Джон Манглс вынул комплект газет 1862 года и стал их бегло просматривать.
But his quest was not long, for in a few minutes he called out:	Поиски его длились недолго, и вскоре он с удовлетворением прочел вслух:
"I've got it! 'May 30, 1862, Peru-Callao, with cargo for Glasgow, the BRITANNIA, Captain Grant.'"	- "Тридцатого мая 1862 года. Перу. Кальяо. Место назначения Глазго, "Британия", капитан Грант".
"Grant!" exclaimed Lord Glenarvan. "That is the adventurous Scotchman that attempted to found a new Scotland on the shores of the Pacific."	- Грант! - воскликнул Гленарван. - Не тот ли это отважный шотландец, который собирался основать Новую Шотландию где-то в Тихом океане!
"Yes," rejoined John Mangles, "it is the very man.	- Да, - ответил Джон Манглс, - это тот самый Грант.
He sailed from Glasgow in the BRITANNIA in 1861, and has not been heard of since."	В 1861 году он отплыл из Глазго на "Британии", и с тех пор о нем ничего не известно.
"There isn't a doubt of it, not a shadow of doubt," repeated Lord Glenarvan. "It is just that same Captain Grant.	- Теперь нет никаких сомнений, никаких! - сказал Гленарван. - Это он!
The BRITANNIA left Callao on the 30th of May, and on the 7th of June, a week afterward, she is lost on the coast of Patagonia.	"Британия" вышла из Кальяо тридцатого мая, а седьмого июня, через неделю после отплытия, она потерпела крушение у берегов Патагонии.
The few broken disjointed words we find in these documents tell us the whole story.	И вот из этих, казалось бы, непонятных обрывков слов мы узнали всю ее историю.
You see, friends, our conjectures hit the mark very well; we know all now except one thing, and that is the longitude."	Как видите, друзья мои, мы многое угадали! Теперь неизвестной остается лишь долгота - только ее нам и не хватает.
"That is not needed now, we know the country. With the latitude alone, I would engage to go right to the place where the wreck happened."	- Но она нам и не нужна, - заявил Джон Манглс, - раз известна страна и та широта, под которой произошло крушение. Я берусь найти это место.
"Then have we really all the particulars now?" asked Lady Helena.	- Значит, нам известно все? - спросила леди Элен.
"All, dear Helena; I can fill up every one of these blanks the sea has made in the document as easily as if Captain Grant were dictating to me."	- Все, дорогая, и я могу восстановить слова, смытые морской водой, с такой же уверенностью, словно мне их продиктовал сам капитан Грант.
And he took up the pen, and dashed off the following lines immediately:	Лорд Гленарван снова взял перо и уверенной рукой написал следующее:
"On the 7th of June, 1862, the three-mast vessel, BRITANNIA, of Glasgow, has sunk on the coast of Patagonia, in the southern hemisphere.	"7 июня 1862 года трехмачтовое судно "Британия", из порта Глазго, затонуло у берегов Патагонии, в Южном полушарии.

Making for the shore, two sailors and Captain Grant are about to land on the continent, where they will be taken prisoners by cruel Indians.	Два матроса и капитан Грант попытаются достигнуть берега, где попадут в плен к жестоким индейцам.
They have thrown this document into the sea, in longitude and latitude 37 degrees 11".	Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37° 11' широты.
Bring them assistance, or they are lost."	Окажите им помощь, иначе их ждет гибель".
"Capital! capital! dear Edward," said Lady Helena.	- Прекрасно! Прекрасно, дорогой Эдуард! - воскликнула леди Элен.
"If those poor creatures ever see their native land again, it is you they will have to thank for it."	- И если эти несчастные снова увидят свою родину, то они будут обязаны этим счастьем вам!
"And they will see it again," returned Lord Glenarvan; "the statement is too explicit, and clear, and certain for England to hesitate about going to the aid of her three sons cast away on a desert coast.	- Они увидят родину! - ответил Гленарван. - Этот документ настолько ясен и достоверен, что Англия не может не прийти на помощь трем своим сыновьям, заброшенным на пустынный морской берег.
What she has done for Franklin and so many others, she will do to-day for these poor shipwrecked fellows of the BRITANNIA."	То, что она сделала когда-то для Франклина и многих других, она сделает теперь для потерпевших крушение на "Британии".
"Most likely the unfortunate men have families who mourn their loss.	- У этих несчастных, - заговорила леди Элен, - конечно, есть семьи, которые их оплакивают.
Perhaps this ill-fated Captain Grant had a wife and children," suggested Lady Helena.	Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...
"Very true, my dear, and I'll not forget to let them know that there is still hope.	- Вы правы, дорогая, и я берусь уведомить их о том, что надежда еще не совсем потеряна.
But now, friends, we had better go up on deck, as the boat must be getting near the harbor."	А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, так как мы, по-видимому, подходим к порту. И в самом деле, "Дункан", прибавив ходу, проходил в эту минуту мимо острова Бьюта. Справа виднелся Ротсей. Затем яхта устремилась в узкий фарватер залива, прошла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь в Дамбартоне, у базальтовой скалы, на вершине которой стоит знаменитый замок шотландского героя Уоллеса.
A carriage and post-horses waited there, in readiness to convey Lady Helena and Major McNabbs to Malcolm Castle, and Lord Glenarvan bade adieu to his young wife, and jumped into the express train for Glasgow.	У пристани ожидал экипаж, который должен был отвезти леди Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Касл. Лорд Гленарван обнял свою молодую жену и поспешно отправился на вокзал на поезд в Глазго.
But before starting he confided an important missive to a swifter agent than himself, and a few minutes afterward it flashed along the electric wire to London, to appear next day in the Times and Morning Chronicle in the following words:	Но прежде чем уехать, он прибегнул к самому быстрому способу сообщения, и несколько минут спустя телеграф передал в редакции газет "Таймс" и "Морнинг кроникл" следующее объявление:
"For information respecting the fate of the three-mast vessel BRITANNIA, of Glasgow, Captain Grant, apply to Lord Glenarvan, Malcolm Castle, Luss, Dumbartonshire, Scotland."	"Относительно судьбы трехмачтового судна "Британия" из Глазго, капитан Грант, обращаться к лорду Гленарвану, Малькольм-Касл, Люсс, графство Дамбартон, Шотландия".

CHAPTER III THE CAPTAIN'S CHILDREN	Глава III МАЛЬКОЛЬМ-КАСЛ Малькольм-Касл - один из самых поэтических замков гор ной Шотландии. Он расположен вблизи деревни Люсс и возвышается над красивой долиной. Прозрачные воды озера Лох - Ломонд омывают его гранитные стены. С незапамятных времен замок принадлежал роду Гленарванов, сохранившему в краю героев Вальтера Скотта - Роб Роя и Фергуса Мак-Грегора - старинное гостеприимство. Во времена революции в Шотландии многие мелкие фермеры, которые не могли заплатить высокую арендную плату бывшим вождям кланов, были изгнаны . Одни умерли с голоду, другие стали рыбаками или эмигрировали. И только Гленарваны, считая, что честность обязательна как для бедных, так и для богатых, не предали своих арендаторов. Ни один из них не покинул родного крова и могил предков, все остались на земле клана. Поэтому во времена всеобщей ненависти и раздоров у лорда Гленарвана и в замке и на яхте "Дункан" служили одни шотландцы из старинных кланов Мак - Фарлана, Мак-Наббса, Мак-Ногтона, уроженцы графств Стерлинг и Дамбартон, честные и преданные люди. Некоторые из них еще говорили на древнем гэлльском языке Каледонии .
LORD GLENARVAN'S fortune was enormous, and he spent it entirely in doing good.	Лорд Гленарван был обладателем огромного состояния, которое он тратил на то, чтобы делать добро ближним.
His kindheartedness was even greater than his generosity, for the one knew no bounds, while the other, of necessity, had its limits.	А доброта его даже превосходила щедрость, ведь если щедрость неизбежно имеет предел, то доброта безгранична.
As Lord of Luss and "laird" of Malcolm, he represented his county in the House of Lords; but, with his Jacobite ideas, he did not care much for the favor of the House of Hanover, and he was looked upon coldly by the State party in England, because of the tenacity with which he clung to the traditions of his forefathers, and his energetic resistance to the political encroachments of Southerners.	Господин Люсса, "лерд" Малькольм был представителем от своего графства в палате лордов. Но английским государственным мужам было не по вкусу то, что он открыто высказывал симпатию к выходцам из Шотландии Стюартам, не заботясь о том, понравится ли это правящей Ганноверской династии , был привержен традициям предков и энергично противился политическому нажиму "этих южан".
And yet he was not a man behind the times, and there was nothing little or narrow-minded about him; but while always keeping open his ancestral county to progress, he was a true Scotchman at heart, and it was for the honor of Scotland that he competed in the yacht races of the Royal Thames Yacht Club.	Это не значит, однако, что лорд Эдуард Гленарван был отсталым, косным и ограниченным человеком; но, приветствуя в своем графстве все прогрессивное, он оставался в душе шотландцем. И только о славе Шотландии заботился он, принимая участие в соревнованиях Темзинского королевского яхт-клуба.

Edward Glenarvan was thirty-two years of age. He was tall in person, and had rather stern features; but there was an exceeding sweetness in his look, and a stamp of Highland poetry about his whole bearing. He was known to be brave to excess, and full of daring and chivalry-a Fer-gus of the nineteenth century; but his goodness excelled every other quality, and he was more charitable than St. Martin himself, for he would have given the whole of his cloak to any of the poor Highlanders.	Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица, но необыкновенно добрыми глазами, настоящий житель поэтичной горной Шотландии. Он слыл человеком беззаветно храбрым, деятельным, великодушным, Фергусом XIX столетия. А главное - он был добрее самого святого Мартина , и, окажись на его месте, он не только поделил бы с нищим свой плащ, но отдал бы его весь.

He had scarcely been married three months, and his bride was Miss Helena Tuffnell, the daughter of William Tuffnell, the great traveler, one of the many victims of geographical science and of the passion for discovery. Miss Helena did not belong to a noble family, but she was Scotch, and that was better than all nobility in the eyes of Lord Glenarvan; and she was, moreover, a charming, high-souled, religious young woman. Lord Glenarvan did not forget that his wife was the daughter of a great traveler, and he thought it likely that she would inherit her father's predilections.	Лорд Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Уильяма Таффнела, принесшего свою жизнь в жертву географической науке и страсти к открытиям. Мисс Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была шотландкой, что в глазах лорда Гленарвана было выше всякого дворянства, и он избрал подругой жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он познакомился с ней в Кильпатрике, где она, оставшись сиротой, жила в одиночестве и боролась с нуждой. Гленарван оценил стойкость этой девушки и женился на ней. Мисс Элен была двадцати двухлетней блондинкой с глазами голубыми, как воды шотландских озер в прекрасное весеннее утро. Ее любовь к мужу была еще больше, чем благодарность к нему. Она любила его так, как будто это он был одиноким сиротой, а она - наследницей большого состояния. Крестьяне и слуги готовы были умереть за "добрую хозяйку Люсса", как они называли Элен. Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Касле, среди чудесной дикой природы горной Шотландии. Они гуляли по тенистым дубовым и кленовым аллеям, по берегам озер, спускались в дикие ущелья, где древние развалины повествуют об истории Шотландии. Сегодня они бродили в березовых и хвойных лесах, по просторным лугам с пожелтевшим вереском, а завтра взбирались на крутые вершины или скакали верхом по опустевшим долинам. Они изучали, понимали, любили этот полный поэзии край, называемый до сих пор "краем Роб Роя", и все те знаменитые места, которые так вдохновенно воспел Вальтер Скотт. Вечером, когда на горизонте зажигался "фонарь Мак-Фарлана" - луна, они уходили бродить по старинной галерее, опоясывавшей своими зубчатыми стенами весь замок Малькольм. И там, задумавшись и забыв обо всем на свете, они сидели на каком-нибудь камне, окруженные безмолвием, освещенные бледными лучами луны, а ночной сумрак медленно сгущался над вершинами гор. Долго оставались они погруженными в тот возвышенный восторг, в ту духовную близость, тайной которой владеют лишь любящие сердца... Так прошли первые месяцы их супружества. Но лорд Гленарван не забывал, что его жена - дочь известного путешественника. Ему казалось, что у леди Элен должны были быть такие же стремления, как и у ее отца, и он не ошибался в этом.

He had the DUNCAN built expressly that he might take his bride to the most beautiful lands in the world, and complete their honeymoon by sailing up the Mediterranean, and through the clustering islands of the Archipelago.	Был построен "Дункан". Ему предстояло перенести лорда и леди Гленарван в самые прекрасные уголки мира, к остро вам Эгейского моря, в Средиземное море. Можно представить себе радость Элен, когда муж передал "Дункан" в полное ее распоряжение. В самом деле, что может быть лучше для молодых супругов, чем путешествие к пленительным берегам Греции, медовый месяц в волшебных восточных краях!
However, Lord Glenarvan had gone now to London.	И вот лорд Гленарван уехал в Лондон.
The lives of the shipwrecked men were at stake, and Lady Helena was too much concerned herself about them to grudge her husband's temporary absence.	Но ведь речь шла о спасении несчастных, потерпевших крушение, и потому внезапный отъезд мужа не опечалил Элен. Она только с большим нетерпением ждала его.
A telegram next day gave hope of his speedy return, but in the evening a letter apprised her of the difficulties his proposition had met with, and the morning after brought another, in which he openly expressed his dissatisfaction with the Admiralty.	Полученная на следующий день телеграмма обещала скорое его возвращение. Вечером же пришло письмо, сообщавшее, что лорд Гленарван задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших в его деле осложнений. На третий день было получено новое письмо, в котором лорд Гленарван уже не скрывал своего недовольства адмиралтейством.
Lady Helena began to get anxious as the day wore on.	В этот день леди Элен начала уже беспокоиться.
In the evening, when she was sitting alone in her room, Mr. Halbert, the house steward, came in and asked if she would see a young girl and boy that wanted to speak to Lord Glenarvan.	Вечером, когда она сидела одна в своей комнате, появился управляющий замком, Халберт, и спросил, будет ли ей угодно принять молодую девушку и мальчика, желающих поговорить с лордом Гленарваном.
"Some of the country people?" asked Lady Helena.	- Они местные жители? - спросила Элен.
"No, madame," replied the steward, "I do not know them at all.	- Нет, миледи, - ответил управляющий, - я их не знаю.
They came by rail to Balloch, and walked the rest of the way to Luss."	Они приехали по железной дороге в Баллох, а оттуда пришли в Люсс пешком.
"Tell them to come up, Halbert."	- Попросите их сюда, Халберт, - сказала леди Гленарван. Управляющий вышел.
In a few minutes a girl and boy were shown in.	Через несколько минут в комнату леди Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра.
They were evidently brother and sister, for the resemblance was unmistakable.	Сходство между ними было так велико, что в этом невозможно было усомниться.
The girl was about sixteen years of age; her tired pretty face, and sorrowful eyes, and resigned but courageous look, as well as her neat though poor attire, made a favorable impression.	Сестре было лет шестнадцать. Ее хорошенькое, немного утомленное личико, глаза, уже, видимо, пролившие немало слез, скромное и в то же время мужественное выражение лица, бедная, но опрятная одежда - все это располагало в ее пользу.

The boy she held by the hand was about twelve, but his face expressed such determination, that he appeared quite his sister's protector.	Она держала за руку мальчика лет двенадцати. У него был очень решительный вид. Казалось, он считает себя покровителем сестры. Да! Несомненно, каждому, кто осмелился бы отнестись без должного уважения к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом.
The girl seemed too shy to utter a word at first, but Lady Helena quickly relieved her embarrassment by saying, with an encouraging smile: "You wish to speak to me, I think?"	Сестра, очутившись перед леди Элен, несколько смутилась, но та поспешила заговорить с ней. - Вы желали поговорить со мной? - спросила она, ободряюще глядя на девушку.
"No," replied the boy, in a decided tone; "not to you, but to Lord Glenarvan."	- Нет, не с вами, - решительным тоном заявил мальчик, - а с самим лордом Гленарваном.
"Excuse him, ma'am," said the girl, with a look at her brother.	- Извините его, сударыня, - проговорила девушка, бросая укоризненный взгляд на брата.
"Lord Glenarvan is not at the castle just now," returned Lady Helena; "but I am his wife, and if I can do anything for you-"	- Лорда Гленарвана нет в замке, - пояснила леди Элен, - но я его жена, и если я могу заменить...
"You are Lady Glenarvan?" interrupted the girl.	- Вы леди Гленарван? - спросила девушка.
"I am."	- Да, мисс.
"The wife of Lord Glenarvan, of Malcolm Castle, that put an announcement in the TIMES about the shipwreck of the BRITANNIA?"	- Жена того самого лорда Гленарвана из Малькольм-Касла, который поместил в газете "Таймс" объявление, касающееся крушения "Британии"?
"Yes, yes," said Lady Helena, eagerly; "and you?"	- Да, да! - поспешила ответить леди Элен. - А вы?..
"I am Miss Grant, ma'am, and this is my brother."	- Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.
"Miss Grant, Miss Grant!" exclaimed Lady Helena, drawing the young girl toward her, and taking both her hands and kissing the boy's rosy cheeks.	- Мисс Грант! Мисс Грант! - воскликнула леди Элен и тут же порывисто обняла девушку и расцеловала мальчугана.
"What is it you know, ma'am, about the shipwreck?	- Сударыня, - взволнованно сказала девушка, - что вам известно о кораблекрушении, которое потерпел мой отец?
Tell me, is my father living?	Жив ли он?
Shall we ever see him again?	Увидим ли мы его когда-нибудь?
Oh, tell me," said the girl, earnestly.	Говорите, умоляю вас!
"My dear child," replied Lady Helena.	- Милая девочка!
"Heaven forbid that I should answer you lightly such a question; I would not delude you with vain hopes."	Я не хочу легкомысленно внушать вам призрачные надежды...
"Oh, tell me all, tell me all, ma'am.	- Говорите, сударыня, говорите!
I'm proof against sorrow. I can bear to hear anything."	Я умею переносить горе и в силах все выслушать.

"My poor child, there is but a faint hope; but with the help of almighty Heaven it is just possible you may one day see your father once more." The girl burst into tears, and Robert seized Lady Glenarvan's hand and covered it with kisses.	- Милое дитя, - ответила леди Элен, - хотя надежда на это очень слаба, но все же возможно, что настанет день, когда вы снова увидите вашего отца. - Боже мой, боже мой!.. - воскликнула мисс Грант и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась. А ее брат, Роберт, горячо целовал в это время руки леди Гленарван.
As soon as they grew calmer they asked a complete string of questions, and Lady Helena recounted the whole story of the document, telling them that their father had been wrecked on the coast of Patagonia, and that he and two sailors, the sole survivors, appeared to have reached the shore, and had written an appeal for help in three languages and committed it to the care of the waves.	Когда прошел первый порыв этой горестной радости, девушка засыпала леди Элен бесчисленными вопросами, и та ей рассказала историю документа, рассказала о том, как "Британия" потерпела крушение у берегов Патагонии, о том, как капитан и два матроса, уцелевшие после катастрофы, по-видимому, достигли материка, и, наконец, о том, как в документе, составленном на трех языках и брошенном на волю океана, они взывали о помощи ко всему миру.
During the recital, Robert Grant was devouring the speaker with his eyes, and hanging on her lips.	Во время этого рассказа Роберт Грант смотрел на леди Элен так, как будто вся его жизнь зависела от ее слов.
His childish imagination evidently retraced all the scenes of his father's shipwreck. He saw him on the deck of the BRITANNIA, and then struggling with the billows, then clinging to the rocks, and lying at length exhausted on the beach.	Детское воображение мальчика рисовало ему ужасные минуты, пережи тые отцом: он видел его на палубе "Британии", видел его в волнах, вместе с ним цеплялся за прибрежные утесы, полз, задыхаясь, по песку, настигаемый волнами.
More than once he cried out, "Oh, papa! my poor papa!" and pressed close to his sister.	Несколько раз во время рассказа у мальчика вырывалось: - О папа, мой бедный папа! - и он еще крепче прижимался к сестре.
Miss Grant sat silent and motionless, with clasped hands, and all she said when the narration ended, was:	Что же касается мисс Грант, она слушала, сложив руки, не проронив ни слова.
"Oh, ma'am, the paper, please!"	- А документ, где документ, сударыня?! - воскликнула девушка, как только Элен окончила свой рассказ.
"I have not it now, my dear child," replied Lady Helena.	- У меня уже нет его, милая девочка, - ответила та.
"You haven't it?"	- Уже нет?
"No. Lord Glenarvan was obliged to take it to London, for the sake of your father; but I have told you all it contained, word for word, and how we managed to make out the complete sense from the fragments of words left-all except the longitude, unfortunately."	- Да, в интересах вашего отца лорду Гленарвану пришлось отвезти этот документ в Лондон. Но я ведь дословно передала вам его содержание и то, каким образом нам удалось разобраться в нем. Среди этих обрывков почти стертых фраз волны пощадили несколько цифр. К несчастью, долгота...
"We can do without that," said the boy.	- Можно обойтись и без нее! - крикнул мальчуган.

"Yes, Mr. Robert," rejoined Lady Helena, smiling at the child's decided tone. "And so you see, Miss Grant, you know the smallest details now just as well as I do."	- Конечно, мистер Роберт, - согласилась Элен, невольно улыбаясь такой решительности юного Гранта. - Как видите, мисс Грант, - снова обратилась она к девушке, - теперь малейшие подробности документа так же хорошо известны вам, как и мне самой.
"Yes, ma'am, but I should like to have seen my father's writing."	- Да, сударыня, - ответила девушка, - но мне хотелось бы увидеть почерк отца!
"Well, to-morrow, perhaps, to-morrow, Lord Glenarvan will be back.	- Ну что ж, быть может, завтра лорд Гленарван возвратится домой.
My husband determined to lay the document before the Lords of the Admiralty, to induce them to send out a ship immediately in search of Captain Grant."	Имея в руках неоспоримый документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной от правки судна на поиски капитана Гранта.
"Is it possible, ma'am," exclaimed the girl, "that you have done that for us?"	- Возможно ли это! - воскликнула девушка. - Неужели вы это сделали для нас?
"Yes, my dear Miss Grant, and I am expecting Lord Glenarvan back every minute now."	- Да, мисс, и я с минуты на минуту жду лорда Гленарвана.
"Oh, ma'am! Heaven bless you and Lord Glenarvan," said the young girl, fervently, overcome with grateful emotion.	- Сударыня, - с глубокой признательностью и верой произнесла девушка, - да благословит бог вас и лорда Гленарвана!
"My dear girl, we deserve no thanks; anyone in our place would have done the same.	- Милая девочка, - ответила Элен, - мы не заслуживаем никакой благодарности: каждый на нашем месте сделал бы то же самое.
I only trust the hopes we are leading you to entertain may be realized, but till my husband returns, you will remain at the Castle."	Только бы оправдались надежды, которые я заронила в ваше сердце! А до возвращения мужа вы, конечно, останетесь в замке...
"Oh, no, ma'am. I could not abuse the sympathy you show to strangers."	- Сударыня, мне не хотелось бы злоупотреблять вашим сочувствием к нам, чужим для вас людям.
"Strangers, dear child!" interrupted Lady Helena; "you and your brother are not strangers in this house, and I should like Lord Glenarvan to be able on his arrival to tell the children of Captain Grant himself, what is going to be done to rescue their father."	- Чужим! Нет, милое дитя, ни ваш брат, ни вы не чужие в этом доме, и я непременно хочу, чтобы мой муж, вернувшись домой, сообщил детям капитана Гранта, что будет сделано для спасения их отца.
It was impossible to refuse an invitation given with such heart, and Miss Grant and her brother consented to stay till Lord Glenarvan returned.	Невозможно было отказаться от приглашения, сделанного так сердечно. Мисс Грант с братом остались в Малькольм - Касле ожидать возвращения лорда Гленарвана.
CHAPTER IV LADY GLENARVAN'S PROPOSAL	Глава IV ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛЕДИ ГЛЕНАРВАН
LADY HELENA thought it best to say nothing to the children about the fears Lord Glenarvan had expressed in his letters respecting the decisions of the Lords of the Admiralty with regard to the document.	Говоря с детьми капитана Гранта, леди Элен умолчала об опасениях, высказанных в письме лордом Гленарваном относительно ответа адмиралтейства на его просьбу.
Nor did she mention the probable captivity of Captain Grant among the Indians of South America.	Также не проронила она ни слова и о том, что капитан Грант, вероятно, попал в плен к южноамериканским индейцам.

Why sadden the poor children, and damp their newly cherished hopes?	К чему было еще больше огорчать этих бедных детей и омрачать только что засиявшую перед ними надежду!
It would not in the least alter the actual state of the case; so not a word was said, and after answering all Miss Grant's questions, Lady Helena began to interrogate in her turn, asking her about her past life and her present circumstances.	А дела это совершенно не меняло. И леди Элен, ответив на все вопросы мисс Грант, в свою очередь принялась расспрашивать девушку о том, как она живет, как растит одна брата.
It was a touching, simple story she heard in reply, and one which increased her sympathy for the young girl.	Простой и трогательный рассказ девушки еще больше увеличил симпатию к ней леди Гленарван.
Mary and Robert were the captain's only children.	Мери и Роберт были единственными детьми капитана Гранта.
Harry Grant lost his wife when Robert was born, and during his long voyages he left his little ones in charge of his cousin, a good old lady.	Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта. На время своих дальних плаваний он поручал заботу о своих детях доброй старой двоюродной сестре.
Captain Grant was a fearless sailor. He not only thoroughly understood navigation, but commerce also-a two-fold qualification eminently useful to skippers in the merchant service.	Капитан Грант был отважным моряком, соединявшим качества мореплавателя и коммерсанта, что так ценно для капитана торгового флота.
He lived in Dundee, in Perthshire, Scotland.	Жил он в Шотландии, в городе Данди графства Перт, и был коренной шотландец.
His father, a minister of St. Katrine's Church, had given him a thorough education, as he believed that could never hurt anybody.	Его отец, священник церкви Сент-Катрин, дал ему хорошее образование, считая, что оно никому не вредит и пригодится даже капитану дальнего плавания.
Harry's voyages were prosperous from the first, and a few years after Robert was born, he found himself possessed of a considerable fortune.	Во время первых заморских плаваний Гарри Гранта, сна чала в качестве помощника капитана, а затем и капитана, дела его шли удачно, и несколько лет спустя после рождения сына он обладал уже некоторым состоянием.
It was then that he projected the grand scheme which made him popular in Scotland.	Вот тогда-то и появилась у него мысль, сделавшая его популярнейшим человеком во всей Шотландии.
Like Glenarvan, and a few noble families in the Lowlands, he had no heart for the union with England.	Подобно Гленарванам и некоторым другим знатным шотландским семействам, он в душе не признавал власть Англии.
In his eyes the interests of his country were not identified with those of the Anglo-Saxons, and to give scope for personal development, he resolved to found an immense Scotch colony on one of the ocean continents.	По его убеждению, интересы его родины не могли совпадать с интересами англосаксов, и он решил основать большую шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана.
Possibly he might have thought that some day they would achieve their independence, as the United States did-an example doubtless to be followed eventually by Australia and India.	Мечтал ли он о независимости для своей будущей колонии, по примеру Соединенных Штатов Америки?
But whatever might be his secret motives, such was his dream of colonization.	Возможно. Быть может, он как-нибудь и выдал свои тайные надежды.

But, as is easily understood, the Government opposed his plans, and put difficulties enough in his way to have killed an ordinary man.	Во всяком случае, правительство отказалось прийти на помощь в осуществлении его проекта. Больше того: оно создавало капитану Гранту всяческие препятствия, которые в другой стране погубили бы его.
But Harry would not be beaten. He appealed to the patriotism of his countrymen, placed his fortune at the service of the cause, built a ship, and manned it with a picked crew, and leaving his children to the care of his old cousin set off to explore the great islands of the Pacific.	Но Гарри Грант не сломился: он воззвал к патриотическим чувствам своих земляков, пожертвовал своим состоянием, а на вырученные средства построил судно "Британия" и, набрав отличную команду, отплыл с ней исследовать большие острова Тихого океана. Детей же своих он оставил на попечении старой двоюродной сестры.
This was in 1861, and for twelve months, or up to May, 1862, letters were regularly received from him, but no tidings whatever had come since his departure from Callao, in June, and the name of the BRITANNIA never appeared in the Shipping List.	Было это в 1861 году. В течение года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но со времени его отплытия из Кальяо, в июне 1862 года, никто больше не слыхал о "Британии", и "Мореходная газета" упорно молчала об участи капитана Гранта.
Just at this juncture the old cousin died, and Harry Grant's two children were left alone in the world.	Старая родственница Гарри Гранта неожиданно умерла, и его дети остались одни на свете.
Mary Grant was then only fourteen, but she resolved to face her situation bravely, and to devote herself entirely to her little brother, who was still a mere child.	Мери Грант было всего четырнадцать лет, но отважная девочка, очутившись в таком тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя брату, совсем еще ребенку. Его надо было воспитывать, учить.
By dint of close economy, combined with tact and prudence, she managed to support and educate him, working day and night, denying herself everything, that she might give him all he needed, watching over him and caring for him like a mother.	Экономная, осторожная, предусмотрительная девочка, работая день и ночь, отказывая себе во всем ради брата, воспитывала его и стойко выполняла материнские обязанности.
The two children were living in this touching manner in Dundee, struggling patiently and courageously with their poverty.	Двое детей жили в Данди, упорно борясь с нуждой.
Mary thought only of her brother, and indulged in dreams of a prosperous future for him.	Мери думала только о брате и мечтала о счастливой будущности для него.
She had long given up all hope of the BRITANNIA, and was fully persuaded that her father was dead.	Бедная девочка была убеждена, что "Британия" погибла и отца нет в живых.
What, then, was her emotion when she accidentally saw the notice in the TIMES!	Не поддается описанию волнение Мери, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в "Таймсе" вдруг вывело ее из того отчаяния, в котором она жила.
She never hesitated for an instant as to the course she should adopt, but determined to go to Dumbartonshire immediately, to learn the best and worst.	Она решилась действовать без промедления.
Even if she were to be told that her father's lifeless body had been found on a distant shore, or in the bottom of some abandoned ship, it would be a relief from incessant doubt and torturing suspense.	Если б она узнала, что тело капитана Гранта найдено на каком-нибудь пустынном берегу среди обломков потерпевшего крушение судна, то даже и это было бы лучше, чем непрестанное сомнение, вечная пытка неизвестности.

She told her brother about the advertisement, and the two children started off together that same day for Perth, where they took the train, and arrived in the evening at Malcolm Castle.	Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели на пертский поезд, а вечером были уже в Малькольм-Касле, и здесь, после стольких душевных мук, Мери вновь обрела надежду.
Such was Mary Grant's sorrowful story, and she recounted it in so simple and unaffected a manner, that it was evident she never thought her conduct had been that of a heroine through those long trying years.	Вот какую грустную историю поведала Мери Грант леди Гленарван. Она рассказала все очень просто, далекая от мысли что в эти долгие годы испытаний вела себя как героиня.
But Lady Helena thought it for her, and more than once she put her arms round both the children, and could not restrain her tears.	Но для Элен это было очевидно, и, слушая Мери, она, не стыдясь, плакала и обнимала обоих детей капитана Гранта.
As for Robert, he seemed to have heard these particulars for the first time.	Роберту же казалось, что он узнал все это только сейчас.
All the while his sister was speaking, he gazed at her with wide-open eyes, only knowing now how much she had done and suffered for him; and, as she ended, he flung himself on her neck, and exclaimed,	Слушая рассказ сестры, мальчик широко раскрывал глаза. Он впервые стал отдавать себе отчет в том, сколько она для него сделала, сколько выстрадала, и наконец, не в силах больше сдерживаться, он бросился к сестре и крепко обнял ее.
"Oh, mamma! My dear little mamma!"	- Мамочка, дорогая моя мамочка! - воскликнул он, глубоко растроганный.
It was quite dark by this time, and Lady Helena made the children go to bed, for she knew they must be tired after their journey.	Пока продолжались эти разговоры, наступила ночь. Леди Элен, понимая, что дети устали, решила прервать беседу.
They were soon both sound asleep, dreaming of happy days.	Мери и Роберта Грант отвели в предназначенные для них комнаты, и они заснули с надеждой на будущее.
After they had retired. Lady Helena sent for Major McNabbs, and told him the incidents of the evening.	После их ухода леди Элен велела попросить к себе майора и рассказала ему обо всем, что произошло в этот вечер.
"That Mary Grant must be a brave girl," said the Major.	- Славная девушка эта Мери Грант, - заметил Мак-Наббс, выслушав рассказ леди Элен.
"I only hope my husband will succeed, for the poor children's sake," said his cousin. "It would be terrible for them if he did not."	- Только бы мужу удалось то дело, за которое он взялся, - промолвила леди Элен, - иначе положение этих детей будет ужасным!
"He will be sure to succeed, or the Lords of the Admiralty must have hearts harder than Portland stone."	- Лорд Гленарван добьется своего, - отозвался Мак-Наббс. - Не каменные же сердца у этих лордов адмиралтейства.
But, notwithstanding McNabbs's assurance, Lady Helena passed the night in great anxiety, and could not close her eyes.	Но, несмотря на уверенность майора, леди Элен провела очень беспокойную, бессонную ночь.
Mary Grant and her brother were up very early next morning, and were walking about in the courtyard when they heard the sound of a carriage approaching.	На следующий день, когда Мери и Роберт, поднявшись на заре, прогуливались по обширному двору замка, послышался шум подъезжающего экипажа.
It was Lord Glenarvan; and, almost immediately, Lady Helena and the Major came out to meet him.	Это возвращался в Малькольм - Касл лорд Гленарван.

Lady Helena flew toward her husband the moment he alighted; but he embraced her silently, and looked gloomy and disappointed-indeed, even furious.	Лошади неслись во всю прыть. Почти одновременно с коляской во дворе появилась в" со провождении майора леди Элен и бросилась навстречу мужу. Вид у него был разочарованный. Он молча обнял жену.
"Well, Edward?" she said; "tell me."	- Ну что, Эдуард? - воскликнула леди Элен.
"Well, Helena, dear; those people have no heart!"	- У этих людей нет сердца, дорогая! - ответил лорд Гленарван.
"They have refused?"	- Они отказали?
"Yes. They have refused me a ship!	- Да, они отказали в моей просьбе послать судно.
They talked of the millions that had been wasted in search for Franklin, and declared the document was obscure and unintelligible. And, then, they said it was two years now since they were cast away, and there was little chance of finding them. Besides, they would have it that the Indians, who made them prisoners, would have dragged them into the interior, and it was impossible, they said, to hunt all through Patagonia for three men-three Scotchmen; that the search would be vain and perilous, and cost more lives than it saved.	Они говорили о миллионах, напрасно потраченных на розыски Франклина, они заявили, что документ темен, непонятен; говорили, что катастрофа с этими несчастными произошла два года назад и теперь очень мало шансов найти их; уверяли, что потерпевшие крушение, попав в плен к индейцам, конечно, были уведены ими внутрь страны и что нельзя же обыскать всю Патагонию, чтобы найти трех человек - трех шотландцев! - что эти рискованные, напрасные поиски погубят больше людей, нежели спасут.
In short, they assigned all the reasons that people invent who have made up their minds to refuse.	Словом, они приводили все возможные доводы, заранее решив отказать.
The truth is, they remembered Captain Grant's projects, and that is the secret of the whole affair. So the poor fellow is lost for ever."	Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!
"My father! my poor father!" cried Mary Grant, throwing herself on her knees before Lord Glenarvan, who exclaimed in amazement: "Your father? What? Is this Miss-"	- Бедный мой отец! - воскликнула Мери Грант, падая на колени перед Гленарваном. - Ваш отец? - спросил лорд Гленарван, с удивлением глядя на склонившуюся к его ногам девушку. - Неужели, мисс...
"Yes, Edward," said Lady Helena; "this is Miss Mary Grant and her brother, the two children condemned to orphanage by the cruel Admiralty!"	- Да, Эдуард, - вмешалась леди Элен, - мисс Мери и ее брат Роберт - дети капитана Гранта. Это их лорды адмиралтейства только что обрекли на сиротство.
"Oh! Miss Grant," said Lord Glenarvan, raising the young girl, "if I had known of your presence-"	- Ах, мисс, - сказал лорд Гленарван, поднимая девушку, - если б я знал, что вы здесь...
He said no more, and there was a painful silence in the courtyard, broken only by sobs.	Он не докончил фразы. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, воцарилось во дворе замка.
No one spoke, but the very attitude of both servants and masters spoke their indignation at the conduct of the English Government.	Никто не проронил ни слова: ни лорд Гленарван, ни леди Элен, ни майор, ни безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев слуги. Видно было, что все эти шотландцы негодовали на английское правительство.
At last the Major said, addressing Lord Glenarvan:	Через несколько минут майор спросил лорда Гленарвана:
"Then you have no hope whatever?"	- Итак, у вас нет никакой надежды?

"None," was the reply.	- Никакой!
"Very well, then," exclaimed little Robert, "I'll go and speak to those people myself, and we'll see if they-" He did not complete his sentence, for his sister stopped him; but his clenched fists showed his intentions were the reverse of pacific.	- Ну что ж! В таком случае, я отправлюсь к этим господам! - крикнул юный Роберт. - И мы посмотрим... Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана выдал его отнюдь не миролюбивые намерения.
"No, Robert," said Mary Grant, "we will thank this noble lord and lady for what they have done for us, and never cease to think of them with gratitude; and then we'll both go together."	- Нет, Роберт, нет! - проговорила Мери Грант. - Поблагодарим милых хозяев этого замка за все, что они для нас сделали - мы никогда в жизни этого не забудем, - а затем удалимся.
"Mary!" said Lady Helena, in a tone of surprise.	- Мери! - крикнула леди Элен.
"Go where?" asked Lord Glenarvan.	- Что же вы собираетесь делать? - спросил лорд Гленарван девушку.
"I am going to throw myself at the Queen's feet, and we shall see if she will turn a deaf ear to the prayers of two children, who implore their father's life."	- Я хочу броситься к ногам королевы, - ответила девушка, - и посмотрим, останется ли она глуха к словам двух детей, молящих спасти их отца.
Lord Glenarvan shook his head; not that he doubted the kind heart of her Majesty, but he knew Mary would never gain access to her.	Лорд Гленарван покачал головой: не потому даже, что он сомневался в добром сердце королевы, а потому, что знал, что Мери Грант не сможет до нее добраться.
Suppliants but too rarely reach the steps of a throne; it seems as if royal palaces had the same inscription on their doors that the English have on their ships: Passengers are requested not to speak to the man at the wheel.	Мольбы слишком редко доходят до ступеней трона, и на дверях дворцов как будто начертаны те слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: "Passangers are requested not to speak to the man ad the wheel".
Lady Glenarvan understood what was passing in her husband's mind, and she felt the young girl's attempt would be useless, and only plunge the poor children in deeper despair.	Леди Элен поняла мысль мужа. Она знала, что попытка девушки должна кончиться ничем. Для нее было ясно, что отныне жизнь этих двух детей будет полна отчаяния.
Suddenly, a grand, generous purpose fired her soul, and she called out: "Mary Grant! wait, my child, and listen to what I'm going to say."	И тут ее осенила великая, благородная мысль... - Мери Грант! - воскликнула она. - Подождите, не ухо дите, мое дитя. Выслушайте меня.
Mary had just taken her brother by the hand, and turned to go away; but she stepped back at Lady Helena's bidding.	Девушка держала руку брата, собираясь уходить. Она остановилась.
The young wife went up to her husband, and said, with tears in her eyes, though her voice was firm, and her face beamed with animation:	Леди Элен, взволнованная, со слезами на глазах, обратилась к мужу.
"Edward, when Captain Grant wrote that letter and threw it into the sea, he committed it to the care of God. God has sent it to us-to us! Undoubtedly God intends us to undertake the rescue of these poor men."	- Эдуард! - сказала она твердым голосом. - Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...
"What do you mean, Helena?"	- Что вы хотите сказать, Элен? - спросил лорд Гленарван. Все вокруг молчали.
"I mean this, that we ought to think ourselves fortunate if we can begin our married life with a good action.	- Я хочу сказать, - продолжала леди Элен, - что начать супружескую жизнь добрым делом - великое счастье!

Well, you know, Edward, that to please me you planned a pleasure trip; but what could give us such genuine pleasure, or be so useful, as to save those unfortunate fellows, cast off by their country?"	Вот вы, дорогой Эдуард, чтобы порадовать меня, задумали увеселительное путешествие. Но можно ли испытать большую радость, можно ли принести больше пользы, чем спасая несчастных, которым отказалась помочь их родина?
"Helena!" exclaimed Lord Glenarvan.	- Элен! - воскликнул Гленарван.
"Yes, Edward, you understand me.	- Да! Вы поняли меня, Эдуард.
The DUNCAN is a good strong ship, she can venture in the Southern Seas, or go round the world if necessary.	"Дункан" - доброе, надежное судно. Оно смело может плыть в южные моря, может совершить кругосветное путешествие, и оно совершит его, если это понадобится!
Let us go, Edward; let us start off and search for Captain Grant!"	В путь же, Эдуард! Плывем на поиски капитана Гранта!
Lord Glenarvan made no reply to this bold proposition, but smiled, and, holding out his arms, drew his wife into a close, fond embrace. Mary and Robert seized her hands, and covered them with kisses; and the servants who thronged the courtyard, and had been witnesses of this touching scene, shouted with one voice,	Услышав эти решительные слова своей юной жены, лорд Гленарван обнял ее и, улыбаясь, прижал к сердцу, в то время как Мери и Роберт осыпали ее руки поцелуями, а слуги замка, растроганные и восхищенные этой сценой, от всего сердца кричали:
"Hurrah for the Lady of Luss.	- Ура! Да здравствует хозяйка Люсса!
Three cheers for Lord and Lady Glenarvan!"	Трижды ура лорду и леди Гленарван!
CHAPTER V THE DEPARTURE OF THE "DUNCAN"	Глава V ОТПЛЫТИЕ "ДУНКАНА"
WE have said already that Lady Helena was a brave, generous woman, and what she had just done proved it in-disputably.	Мы уже говорили, что леди Элен была женщина велико душная и сильная духом. Ее поступок был бесспорным тому доказательством.
Her husband had good reason to be proud of such a wife, one who could understand and enter into all his views.	Лорд Гленарван действительно мог гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку.
The idea of going to Captain Grant's rescue had occurred to him in London when his request was refused, and he would have anticipated Lady Helena, only he could not bear the thought of parting from her.	Уже в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самому отправиться на поиски капитана Гранта, и если он не опередил Элен, то только потому, что не мог примириться с мыслью о разлуке с ней.
But now that she herself proposed to go, all hesitation was at an end.	Но, если Элен сама стремилась отправиться на эти поиски, никаким колебаниям уже не могло быть места.
The servants of the Castle had hailed the project with loud acclamations-for it was to save their brothers-Scotchmen, like themselves-and Lord Glenarvan cordially joined his cheers with theirs, for the Lady of Luss.	Слуги восторженно приветствовали это предложение - ведь речь шла о спасении таких же шотландцев, как они сами. И Гленарван от всего сердца присоединился к их крикам "ура" в честь молодой хозяйки Малькольм-Касла.
The departure once resolved upon, there was not an hour to be lost.	Раз отплытие было решено, не приходилось терять ни одно го часа.

A telegram was dispatched to John Mangles the very same day, conveying Lord Glenarvan's orders to take the DUNCAN immediately to Glasgow, and to make preparations for a voyage to the Southern Seas, and possibly round the world, for Lady Helena was right in her opinion that the yacht might safely attempt the circumnavigation of the globe, if necessary.	В тот же день лорд Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести "Дункан" в Глазго и сделать все нужные приготовления для плавания в южных морях, - плавания, которое могло стать и кругосветным. Надо сказать, что леди Элен, предлагая "Дункан" для экспедиции, не ошиблась в оценке его мореходных качеств.
The DUNCAN was a steam yacht of the finest description.	Это замечательно прочное и быстроходное судно могло не бояться дальнего плавания.
She was 210 tons burden-much larger than any of the first vessels that touched the shores of the New World, for the largest of the four ships that sailed with Columbus was only 70 tons.	То была превосходная паровая яхта водоизмещением в двести десять тонн, а ведь первые суда, достигавшие Америки, - суда Колумба, Пинсона, Веспуччи, Магеллана - все были гораздо меньших размеров.
She had two masts and all the sails and rigging of an ordinary clipper, which would enable her to take advantage of every favorable wind, though her chief reliance was on her mechanical power.	Две мачты "Дункана": фок и грот - несли по два прямых паруса, кроме того, на яхте были косые паруса: кливера и стаксели. Вообще парусность "Дункана" была совершенно достаточной для того, чтобы он ходил как обыкновенный клипер .
The engine, which was constructed on a new system, was a high-pressure one, of 160-horse power, and put in motion a double screw.	Но, конечно, больше всего можно было рассчитывать на его механическую силу - паровую машину, построенную по новейшей системе. Это был двигатель высокого давления в сто шестьдесят лошадиных сил, приводящий в движение двойной винт.
This gave the yacht such swiftness that during her trial trip in the Firth of Clyde, she made seventeen miles an hour, a higher speed than any vessel had yet attained.	Идя на всех парах, "Дункан" развивал небывалую скорость. В самом деле, во время пробного плавания в заливе Фёрт-оф-Клайд патент-лаг отметил скорость, доходящую до семнадцати морских миль в час.
No alterations were consequently needed in the DUNCAN herself; John Mangles had only to attend to her interior arrangements.	"Дункан", конечно, мог смело отправиться даже и в кругосветное плавание. Джону Манглсу оставалось лишь позаботиться о внутреннем переоборудовании судна.
His first care was to enlarge the bunkers to carry as much coal as possible, for it is difficult to get fresh supplies en route.	Прежде всего он занялся расширением угольных ям, чтобы погрузить побольше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива.
He had to do the same with the store-rooms, and managed so well that he succeeded in laying in provisions enough for two years.	С не меньшим вниманием отнесся Джон Манглс и к пополнению камбуза. Он умудрился запастись съестными припасами на целых два года.
There was abundance of money at his command, and enough remained to buy a cannon, on a pivot carriage, which he mounted on the forecastle.	Правда, недостатка в деньгах у него не было; ему их хватило даже на то, чтобы приобрести небольшую пушку, которая и была установлена на шканцах яхты.
There was no knowing what might happen, and it is always well to be able to send a good round bullet flying four miles off.	Кто знает, что может случиться в пути!

John Mangles understood his business. Though he was only the captain of a pleasure yacht, he was one of the best skippers in Glasgow.	Надо сказать, что Джон Манглс был знаток своего дела, и хотя в данное время он командовал лишь яхтой, но вообще считался одним из лучших шкиперов Глазго.
He was thirty years of age, and his countenance expressed both courage and goodness, if the features were somewhat coarse.	Ему было тридцать лет. В чертах его лица, немного суровых, сквозили мужество и доброта.
He had been brought up at the castle by the Glenarvan family, and had turned out a capital sailor, having already given proof, in some of his long voyages, of his skill and energy and sang-froid.	Ребенком он был взят в Малькольм-Касл. Семья Гленарван дала ему образование и сделала из него прекрасного моряка. Во время нескольких совершенных им дальних плаваний Джон Манглс не раз проявлял свое искусство, энергию и хладнокровие.
When Lord Glenarvan offered him the command of the DUNCAN, he accepted it with right good will, for he loved the master of Malcolm Castle, like a brother, and had hitherto vainly sought some opportunity of showing his devotion.	Когда Гленарван предложил ему взять на себя командование "Дунканом", он охотно на это согласился, ибо любил хозяина Малькольм-Касла, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.
Tom Austin, the mate, was an old sailor, worthy of all confidence.	Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старый моряк, заслуживавший полного доверия.
The crew, consisting of twenty-five men, including the captain and chief officer, were all from Dumbartonshire, experienced sailors, and all belonging to the Glenarvan estate; in fact, it was a regular clan, and they did not forget to carry with them the traditional bagpipes.	Судовая команда "Дункана", включая капитана с его помощником, состояла из двадцати пяти человек. Все они, испытанные моряки, были уроженцами графства Дамбартон, сыновьями арендаторов Гленарванов. Они и на яхте как бы представляли собой клан бравых шотландцев. Среди них даже был традиционный piper-bag.
Lord Glenarvan had in them a band of trusty fellows, skilled in their calling, devoted to himself, full of courage, and as practiced in handling fire-arms as in the maneuvering of a ship; a valiant little troop, ready to follow him any where, even in the most dangerous expeditions.	Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных ему, отважных, горячо любящих свое дело, опытных моряков, умеющих владеть оружием и пригодных для самых рискованных экспедиций.
When the crew heard whither they were bound, they could not restrain their enthusiasm, and the rocks of Dumbarton rang again with their joyous outbursts of cheers.	Когда команде "Дункана" стало известно, куда ей предстоит отправиться, моряки не в силах были сдержать свою радость и огласили громким "ура" скалы Дамбартона.
But while John Mangles made the stowage and provisioning of the yacht his chief business, he did not forget to fit up the rooms of Lord and Lady Glenarvan for a long voyage.	Джон Манглс, усердно занимаясь погрузкой на "Дункан" топлива и провианта, не забывал о необходимости приспособить для дальнего плавания помещения лорда и леди Гленарван.
He had also to get cabins ready for the children of Captain Grant, as Lady Helena could not refuse Mary's request to accompany her.	Ему также надо было приготовить каюты для детей капитана Гранта - ведь леди Элен не могла не внять просьбе Мери взять ее с собой на борт "Дункана".
As for young Robert, he would have smuggled himself in somewhere in the hold of the DUNCAN rather than be left behind.	А юный Роберт, конечно, скорее спрятался бы в трюме, чем остался на берегу.
He would willingly have gone as cabin-boy, like Nelson.	Он был готов плыть на "Дункане" юнгой, как в свое время Нельсон и Франклин.

It was impossible to resist a little fellow like that, and, indeed, no one tried.	Разве можно было отказать такому мальчугану! Даже и не пытались.
He would not even go as a passenger, but must serve in some capacity, as cabin-boy, apprentice or sailor, he did not care which, so he was put in charge of John Mangles, to be properly trained for his vocation.	Пришлось согласиться и с тем, что он будет считаться не пассажиром, а членом команды. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.
"And I hope he won't spare me the 'cat-o-nine-tails' if I don't do properly," said Robert.	- Прекрасно! - заявил Роберт, - Пусть капитан не щадит меня и угостит кнутом, если я сделаю что-нибудь не так, как надо.
"Rest easy on that score, my boy," said Lord Glenarvan, gravely; he did not add, that this mode of punishment was forbidden on board the DUNCAN, and moreover, was quite unnecessary.	- Будь спокоен на этот счет, мой мальчик, - серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что кошки-девятихвостки на "Дункане" не применялись, да в них и не было нужды.
To complete the roll of passengers, we must name Major McNabbs.	Чтобы дополнить список пассажиров яхты, надо еще упомянуть о майоре Мак-Наббсе.
The Major was about fifty years of age, with a calm face and regular features-a man who did whatever he was told, of an excellent, indeed, a perfect temper; modest, silent, peaceable, and amiable, agreeing with everybody on every subject, never discussing, never disputing, never getting angry.	Это был человек лет пятидесяти, с правильным, спокойным лицом, с прекрасным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный. Мак-Наббс всегда шел туда, куда ему указывали, всегда во всем со всеми соглашался. Он никогда ни о чем не спорил, ни с кем не препирался, никогда не выходил из себя.
He wouldn't move a step quicker, or slower, whether he walked upstairs to bed or mounted a breach. Nothing could excite him, nothing could disturb him, not even a cannon ball, and no doubt he will die without ever having known even a passing feeling of irritation.	Так же спокойно, как по лестнице в свою спальню, взбирался он на откос разбитой траншеи: ничто не могло его взволновать или отклонить от его пути, даже бомба; и, вероятно, он так и умрет, не найдя случая рассердиться.
This man was endowed in an eminent degree, not only with ordinary animal courage, that physical bravery of the battle-field, which is solely due to muscular energy, but he had what is far nobler-moral courage, firmness of soul.	Мак-Наббс был не только храбрым воякой, смельчаком, какими бывают все физически сильные люди, но, что гораздо ценнее, у него было и нравственное мужество - сила духа.
If he had any fault it was his being so intensely Scotch from top to toe, a Caledonian of the Caledonians, an obstinate stickler for all the ancient customs of his country.	Единственной его слабостью было то, что он был шотландцем с головы до ног, настоящим сыном Каледонии, и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины.
This was the reason he would never serve in England, and he gained his rank of Major in the 42nd regiment, the Highland Black Watch, composed entirely of Scotch noblemen.	Поэтому он никогда не хотел служить Англии, а свой майорский чин получил в 42-м полку конной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами.
As a cousin of Glenarvan, he lived in Malcolm Castle, and as a major he went as a matter of course with the DUNCAN.	Как близкий родственник Гленарвана, Мак-Наббс жил в Малькольм-Касле, а как офицер, майор счел совершенно естественным отправиться в плавание на "Дункане".
Such, then, was the PERSONNEL of this yacht, so unexpectedly called to make one of the most wonderful voyages of modern times.	Таковы были пассажиры яхты, которой по непредвиденным обстоятельствам суждено было совершить одно из самых изумительных путешествий новейших времен.

From the hour she reached the steamboat quay at Glasgow, she completely monopolized the public attention.	С момента своего появления у пароходной пристани Глазго "Дункан" стал возбуждать любопытство публики.
A considerable crowd visited her every day, and the DUNCAN was the one topic of interest and conversation, to the great vexation of the different captains in the port, among others of Captain Burton, in command of the SCOTIA, a magnificent steamer lying close beside her, and bound for Calcutta.	Ежедневно его осматривало множество народа; только им и интересовались, только о нем и говорили. Это не очень-то нравилось другим капитанам, в том числе и капитану Бертону, который командовал великолепным пароходом "Шотландия", стоявшим у пристани бок о бок с "Дунканом" и готовившимся плыть в Калькутту.

Considering her size, the SCOTIA might justly look upon the DUNCAN as a mere fly-boat, and yet this pleasure yacht of Lord Glenarvan was quite the center of attraction, and the excitement about her daily increased.	Капитан этого громадного парохода действительно был вправе смотреть свысока на своего крошку-соседа, "Дункан". Однако всеобщий интерес, притом со дня на день возраставший, сосредоточивался на яхте Гленарвана. Время отплытия "Дункана" приближалось. Джон Манглс показал себя капитаном умелым и энергичным. Через месяц со дня испытания яхты в заливе Фёрт-оф-Клайд, снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания "Дункан" уже был готов выйти в море. Отплытие было назначено на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны. Когда проект лорда Гленарвана получил известность, ему пришлось выслушать много замечаний об утомительности и опасности подобного путешествия, но он не обратил на них ни малейшего внимания и готовился отбыть из Малькольм-Касла. Многие порицавшие шотландского лорда в то же время втайне восхищались им. В конце концов, общественное мнение открыто стало на его сторону, и вся печать, за исключением правительственных органов, единодушно осудила поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, лорд Гленарван был так же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, - он делал то, что считал своим долгом, а остальное его не волновало. 24 августа Гленарван, леди Элен, майор Мак-Наббс, Мери и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард яхты, и его жена, миссис Олбинет, служанка леди Гленарван, покинули Малькольм-Касл. Преданные семье Гленарван слуги устроили им самые сердечные проводы. Через несколько часов путешественники уже были на борту "Дункана". Население Глазго с большой симпатией приветствовало леди Элен, эту юную отважную женщину, которая, от казавшись от роскошной жизни с ее спокойными удовольствиями, спешила на помощь потерпевшим кораблекрушение. Помещения лорда Гленарвана и его жены находились на юте "Дункана" и состояли из двух спален, гостиной и двух небольших ванных комнат. Затем имелась общая кают-компания, куда выходили шесть кают, из которых пять были заняты Мери и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты и выходили на палубу. Команда же была размещена в межпалубном помещении, и размещена с удобствами, ибо яхта не имела другого груза, кроме угля, провианта и оружия. Таким образом, капитан умело всех устроил, пользуясь тем, что на яхте было много свободного места.

The DUNCAN was to sail out with the tide at three o'clock on the morning of the 25th of August. But before starting, a touching ceremony was witnessed by the good people of Glasgow.	"Дункан" должен был выйти в море 25 августа, около трех часов утра, с началом отлива, но до отплытия яхты жители Глазго стали свидетелями трогательного зрелища.
At eight o'clock the night before, Lord Glenarvan and his friends, and the entire crew, from the stokers to the captain, all who were to take part in this self-sacrificing voyage, left the yacht and repaired to St. Mungo's, the ancient cathedral of the city. This venerable edifice, so marvelously described by Walter Scott, remains intact amid the ruins made by the Reformation; and it was there, beneath its lofty arches, in the grand nave, in the presence of an immense crowd, and surrounded by tombs as thickly set as in a cemetery, that they all assembled to implore the blessing of Heaven on their expedition, and to put themselves under the protection of Providence. The Rev. Mr. Morton conducted the service, and when he had ended and pronounced the benediction, a young girl's voice broke the solemn silence that followed. It was Mary Grant who poured out her heart to God in prayer for her benefactors, while grateful happy tears streamed down her cheeks, and almost choked her utterance.	В восемь часов вечера лорд Гленарван, его семья и гости, вся команда, от кочегара до капитана, все участники предстоящей экспедиции отбыли с яхты и направились в Сен-Мунго, старинный собор в Глазго, так живо описанный Вальтером Скоттом. Этот собор, уцелевший среди опустошений, произведенных еще во времена Реформации, принял под свои величественные своды пассажиров и моряков "Дункана". В обширном нефе со множеством надгробных плит преподобный Мортон призвал благословение божье на путешественников, молясь о даровании им благополучного плавания. И вот в древней церкви зазвучал голос Мери Грант. Девушка пела и в молитве возносила благодарность своим благодетелям и богу.

The vast assembly dispersed under the influence of deep emotion, and at ten o'clock the passengers and crew returned on board the vessel.	В одиннадцать часов вечера все были на борту. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводить пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса - они не могли быть использованы, так как дул юго-западный ветер, - были тщательно покрыты холщовыми чехлами для предохранения их от копоти. В два часа ночи на "Дункане" стали чувствоваться толчки от дрожания паровых котлов: манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырывался из-под клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало рассветать, и уже можно было разглядеть фарватер реки Клайд, его бакены с потускневшими при свете зари фонарями. Надо было отплывать. Джон Манглс приказал известить об этом лорда Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу. Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие свистки "Дункана", были отданы концы, яхта отвалила от пристани. Заработал винт, и "Дункан" двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лоцмана: ему прекрасно был знаком фарватер реки Клайд, и никто не смог бы лучше вывести судно в открытое море. Яхта послушно двигалась по его воле. Молча и уверенно управлял он правой рукой машиной, а левой - рулем. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились виллами, возвышавшимися по прибрежным холмам. Городской шум замер вдали. Час спустя "Дункан" пронесся мимо скал Дамбартона, а через два часа был в заливе Фёрт-оф-Клайд. В шесть часов утра яхта уже плыла в открытом океане.
CHAPTER VI AN UNEXPECTED PASSENGER	Глава VI ПАССАЖИР КАЮТЫ НОМЕР ШЕСТЬ
THE ladies passed the whole of the first day of the voyage in their berths, for there was a heavy swell in the sea, and toward evening the wind blew pretty fresh, and the DUNCAN tossed and pitched considerably.	В первый день плавания "Дункана" море было довольно неспокойно, и к вечеру ветер посвежел. "Дункан" сильно качало. Поэтому женщины не выходили на палубу. Они лежали в каютах на койках.
But the morning after, the wind changed, and the captain ordered the men to put up the foresail, and brigantine and foretopsail, which greatly lessened the rolling of the vessel.	На следующий день ветер несколько изменил направление. Капитан Джон Манглс приказал поднять паруса. Благодаря этому "Дункан" стал устойчивее - меньше чувствовалась боковая и килевая качка.

Lady Helena and Mary Grant were able to come on deck at daybreak, where they found Lord Glenarvan, Major McNabbs and the captain.	Леди Элен и Мери Грант смогли рано утром подняться на палубу, где уже стояли лорд Гленарван, майор и капитан. Восход солнца был великолепен. Дневное светило, напоминавшее позолоченный металлический диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. "Дункан" скользил в потоках света, и казалось, что не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса. Пассажиры яхты молча созерцали появление сияющего светила. - Что за чудное зрелище! - проговорила наконец леди Элен. - Такой восход предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменился и оставался попутным! - Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, - отозвался лорд Гленарван, - и нам не приходится жаловаться на такое начало нашего путешествия. - А скажите, дорогой Эдуард, сколько времени может продлиться наше путешествие? - На это нам может ответить только капитан Джон... - сказал Гленарван. - Как мы идем, Джон? Довольны ли вы своим судном? - Чрезвычайно доволен, милорд. Это чудесное судно - моряку приятно ступать по его палубе. И машина и корпус как нельзя лучше соответствуют друг другу. Вот почему яхта, как видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Идем мы со скоростью семнадцать морских миль в час, и если скорость эта не понизится, то мы дней через десять пересечем экватор, а меньше чем через пять не дель обогнем мыс Горн. - Слышите, Мери? Меньше чем через пять недель! - обратилась к девушке леди Элен. - Слышу, сударыня, - ответила Мери. - Мое сердце забилось при этих словах капитана.
"And how do you stand the sea, Miss Mary?" said Lord Glenarvan.	- Как вы переносите плавание, мисс Мери? - спросил лорд Гленарван.
"Pretty well, my Lord.	- Неплохо, милорд.
I am not very much inconvenienced by it. Besides I shall get used to it."	А скоро я и совсем освоюсь с морем.
"And our young Robert!"	- А наш юный Роберт?
"Oh, as for Robert," said the captain, "whenever he is not poking about down below in the engine-room, he is perched somewhere aloft among the rigging.	- О, Роберт!.. - вмешался Джон Манглс. - Если его нет в машинном отделении, значит, он уже взобрался на мачту.
A youngster like that laughs at sea-sickness. Why, look at him this very moment!	Этот мальчуган просто насмехается над морской болезнью... Да вот, сами полюбуйтесь.
Do you see him?"	Видите, где он?
The captain pointed toward the foremast, and sure enough there was Robert, hanging on the yards of the topgallant mast, a hundred feet above in the air.	Взоры всех устремились туда, куда указывал капитан, - на фок-мачту: там, футах в ста от палубы, на канатах брам - стеньги висел Роберт.

Mary involuntarily gave a start, but the captain said:	Мери невольно вздрогнула.
"Oh, don't be afraid, Miss Mary; he is all right, take my word for it; I'll have a capital sailor to present to Captain Grant before long, for we'll find the worthy captain, depend upon it."	- О, успокойтесь, мисс! - сказал Джон Манглс. - Я отвечаю за него. Обещаю вам, что в недалеком будущем представлю капитану Гранту лихого молодца, - ведь мы, несомненно, разыщем этого достойного капитана!
"Heaven grant it, Mr. John," replied the young girl. "My dear child," said Lord Glenarvan, "there is something so providential in the whole affair, that we have every reason to hope. We are not going, we are led; we are not searching, we are guided.	- Да услышит вас небо, мистер Джон! - ответила девушка. - Милая мисс Мери, будем надеяться, - заговорил Гленарван. - Все предвещает нам удачу.
And then see all the brave men that have enlisted in the service of the good cause.	Взгляните на этих славных малых, взявшихся за осуществление нашей высокой цели.
We shall not only succeed in our enterprise, but there will be little difficulty in it.	С ними мы не только добьемся успеха, но добьемся его без особенного труда.
I promised Lady Helena a pleasure trip, and I am much mistaken if I don't keep my word."	Я обещал Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу свое слово.
"Edward," said his wife, "you are the best of men."	- Эдуард, вы лучший из людей! - воскликнула леди Элен Гленарван.
"Not at all," was the reply; "but I have the best of crews and the best of ships. You don't admire the DUNCAN, I suppose, Miss Mary?"	- Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне... Разве вы не восхищаетесь нашим "Дунканом", мисс Мери?
"On the contrary, my lord, I do admire her, and I'm a connoisseur in ships," returned the young girl.	- Конечно, восхищаюсь, милорд, - ответила девушка, - и восхищаюсь как настоящий знаток.
"Indeed!"	- Вот как!
"Yes. I have played all my life on my father's ships.	- Я еще ребенком играла на кораблях отца.
He should have made me a sailor, for I dare say, at a push, I could reef a sail or plait a gasket easily enough."	Он должен был сделать из меня моряка. Но и теперь, если бы понадобилось, я, пожалуй, смогла бы взять на рифы парус.
"Do you say so, miss?" exclaimed John Mangles.	- Что вы говорите, мисс! - воскликнул Джон Манглс.
"If you talk like that you and John will be great friends, for he can't think any calling is equal to that of a seaman; he can't fancy any other, even for a woman.	- Если так, - сказал лорд Гленарван, - то в лице капитана Джона вы, несомненно, будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше всякой другой на свете. Даже для женщины он не представляет себе ничего лучшего.
Isn't it true, John?"	Не правда ли, Джон?
"Quite so," said the captain, "and yet, your Lordship, I must confess that Miss Grant is more in her place on the poop than reefing a topsail.	- Совершенно верно, милорд, - ответил молодой капитан. - Я, конечно, должен признаться, что мисс Грант более пристало находиться в рубке, чем ставить брамсель .
But for all that, I am quite flattered by her remarks."	Тем не менее мне были очень приятны ее слова.
"And especially when she admires the DUNCAN," replied Glenarvan.	- Особенно когда она так восхищалась "Дунканом"... - добавил лорд Гленарван.

"Well, really," said Lady Glenarvan, "you are so proud of your yacht that you make me wish to look all over it; and I should like to go down and see how our brave men are lodged."	- ...который этого вполне заслуживает, - ответил Джон Манглс. - Право, вы так гордитесь вашей яхтой, - сказала леди Элен, - что мне захотелось осмотреть ее всю до самого трюма, а также поглядеть, как наши славные матросы устроились в кубрике.
"Their quarters are first-rate," replied John, "they are as comfortable as if they were at home."	- Устроились превосходно, - ответил Джон Манглс, - совсем как дома.
"And they really are at home, my dear Helena," said Lord Glenarvan. "This yacht is a portion of our old Caledonia, a fragment of Dumbartonshire, making a voyage by special favor, so that in a manner we are still in our own country.	- И они действительно дома, дорогая Элен, - сказал лорд Гленарван. - Ведь эта яхта - часть нашей древней Каледонии, уголок графства Дамбартон, плывущий по волнам океана. И мы вовсе не покинули нашей родины:
The DUNCAN is Malcolm Castle, and the ocean is Loch Lomond."	"Дункан" - это Малькольм - Касл, а океан - озеро Лох-Ломонд.
"Very well, dear Edward, do the honors of the Castle then."	- Ну тогда, дорогой Эдуард, покажите же нам ваш замок, - шутливо сказала леди Элен.
"At your service, madam; but let me tell Olbinett first."	- К вашим услугам! - ответил лорд Гленарван. - Но раньше позвольте мне сказать несколько слов Олбинету.
The steward of the yacht was an excellent maitre d'hotel, and might have been French for his airs of importance, but for all that he discharged his functions with zeal and intelligence.	Стюард "Дункана" Олбинет был превосходный метрдотель, усердно и умно исполнявший свои обязанности. Он немедленно явился на зов хозяина.
"Olbinett," said his master, as he appeared in answer to his summons, "we are going to have a turn before breakfast. I hope we shall find it ready when we come back." He said this just as if it had been a walk to Tarbert or Loch Katrine they were going, and the steward bowed with perfect gravity in reply.	- Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, - сказал лорд Гленарван таким тоном, словно речь шла о прогулке в окрестностях замка. - Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет на столе. Олбинет важно отвесил поклон.
"Are you coming with us, Major?" asked Lady Helena.	- Идете вы с нами, майор? - спросила Мак-Наббса леди Элен.
"If you command me," replied McNabbs.	- Если прикажете, - ответил он.
"Oh!" said Lord Glenarvan; "the Major is absorbed in his cigar; you mustn't tear him from it.	- О, майор поглощен дымом своей сигары, - вмешался лорд Гленарван, - не будем же отрывать его.
He is an inveterate smoker, Miss Mary, I can tell you. He is always smoking, even while he sleeps."	Знаете, мисс Мери, он у нас заядлый курильщик - даже и во сне не вы пускает изо рта сигару.
The Major gave an assenting nod, and Lord Glenarvan and his party went below.	Майор кивнул головой в знак согласия. Остальные спустились в кубрик.
McNabbs remained alone, talking to himself, as was his habit, and was soon enveloped in still thicker clouds of smoke.	Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по своей всегдашней привычке, стал мирно беседовать сам с собой, окружая себя еще более густыми облаками дыма.
He stood motionless, watching the track of the yacht.	Он стоял неподвижно и глядел на пенистый след за кормой яхты.

After some minutes of this silent contemplation he turned round, and suddenly found himself face to face with a new comer.	После нескольких минут молчаливого созерцания он обернулся и увидел перед собой новое лицо.
Certainly, if any thing could have surprised him, this RENCONTRE would, for he had never seen the stranger in his life before.	Если бы вообще что-нибудь могло удивить майора, то он, пожалуй, был бы удивлен этой встречей, ибо этот пассажир был ему совершенно незнаком.
He was a tall, thin, withered-looking man, about forty years of age, and resembled a long nail with a big head.	Этому высокому, сухощавому человеку могло быть лет сорок. Он напоминал длинный гвоздь с большой шляпкой.
His head was large and massive, his forehead high, his chin very marked.	Голова у него была круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый.
His eyes were concealed by enormous round spectacles, and in his look was that peculiar indecision which is common to nyctalopes, or people who have a peculiar construction of the eye, which makes the sight imperfect in the day and better at night.	Глаза скрывались за огромными круглыми очками, и особенная неопределенность во взгляде говорила о никталопии .
It was evident from his physiognomy that he was a lively, intelligent man; he had not the crabbed expression of those grave individuals who never laugh on principle, and cover their emptiness with a mask of seriousness.	Лицо у него было умное и веселое. В нем не было той неприветливости, какую напускают на себя некоторые для важности. Такие люди из принципа ни когда не смеются, пряча под маской серьезности свое ничтожество.
He looked far from that. His careless, good-humored air, and easy, unceremonious manners, showed plainly that he knew how to take men and things on their bright side.	Напротив, непринужденность и милая бесцеремонность этого незнакомца ясно показывали, что он умеет видеть в людях и вещах только хорошее.
But though he had not yet opened his mouth, he gave one the impression of being a great talker, and moreover, one of those absent folks who neither see though they are looking, nor hear though they are listening.	Хоть он еще не открывал рта, чувствовалось, что он любит поговорить. Было ясно также, что он из тех страшно рассеянных людей, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат.
He wore a traveling cap, and strong, low, yellow boots with leather gaiters.	Незнакомец был в дорожной фуражке, обут в грубые желтые ботинки и кожаные гетры.
His pantaloons and jacket were of brown velvet, and their innumerable pockets were stuffed with note-books, memorandum-books, account-books, pocket-books, and a thousand other things equally cumbersome and useless, not to mention a telescope in addition, which he carried in a shoulder-belt.	На нем были бархатные коричневые панталоны и такая же куртка с бесчисленными туго набитыми карманами, откуда торчали записные книжки, блокноты, бумажники, вообще масса столь же ненужных, сколь и обременительных предметов. Через плечо у него висела на ремне подзорная труба.
The stranger's excitement was a strong contrast to the Major's placidity.	Суетливость незнакомца составляла полную противоположность невозмутимому спокойствию майора.

He walked round McNabbs, looking at him and questioning him with his eyes without eliciting one remark from the imperturbable Scotchman, or awakening his curiosity in the least, to know where he came from, and where he was going, and how he had got on board the DUNCAN.	Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его, кидал на него вопросительные взгляды, но тот и не думал поинтересоваться тем, откуда взялся этот господин, куда он направляется и почему он на борту "Дункана".
Finding all his efforts baffled by the Major's indifference, the mysterious passenger seized his telescope, drew it out to its fullest extent, about four feet, and began gazing at the horizon, standing motionless with his legs wide apart.	Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки общения разбиваются о равнодушие майора, он схватил свою подзорную трубу - раздвинутая во всю длину, она достигала четырех футов - и, расставив ноги, неподвижный, как дорожный столб, направил ее на линию горизонта, где вода сливалась с небом.
His examination lasted some few minutes, and then he lowered the glass, set it up on deck, and leaned on it as if it had been a walking-stick. Of course, his weight shut up the instrument immediately by pushing the different parts one into the other, and so suddenly, that he fell full length on deck, and lay sprawling at the foot of the mainmast.	Понаблюдав так минут пять, он поставил свою подзорную трубу на палубу и оперся на нее, как на трость; но тут труба сложилась, части ее вошли одна в другую, и новый пассажир, внезапно потеряв точку опоры, едва не растянулся у грот-мачты.
Any one else but the Major would have smiled, at least, at such a ludicrous sight; but McNabbs never moved a muscle of his face.	Всякий другой на месте майора хотя бы улыбнулся, но он даже бровью не повел.
This was too much for the stranger, and he called out, with an unmistakably foreign accent: "Steward!" He waited a minute, but nobody appeared, and he called again, still louder, "Steward!"	Тогда незнакомец смирился наконец с его безразличием. - Стюард! - крикнул он с иностранным акцентом и стал ждать. Никто не появлялся. - Стюард! - позвал он уже громче.
Mr. Olbinett chanced to be passing that minute on his way from the galley, and what was his astonishment at hearing himself addressed like this by a lanky individual of whom he had no knowledge whatever.	Мистер Олбинет проходил в эту минуту в камбуз, находившийся под шканцами. Каково же было его удивление, когда он услышал, что его так бесцеремонно окликает какой-то долговязый незнакомец!
"Where can he have come from? Who is he?" he thought to himself. "He can not possibly be one of Lord Glenarvan's friends?"	"Откуда он взялся? - подумал Олбинет. - Какой-нибудь друг лорда Гленарвана? Невозможно!"
However, he went up on the poop, and approached the unknown personage, who accosted him with the inquiry,	Однако он подошел к незнакомцу.
"Are you the steward of this vessel?" "Yes, sir," replied Olbinett; "but I have not the honor of-"	- Вы стюард этого судна? - спросил тот. - Да, сэр, но я не имею чести...
"I am the passenger in cabin Number 6."	- Я пассажир каюты номер шесть, - не дал ему договорить незнакомец.
"Number 6!" repeated the steward.	- Каюты номер шесть? - повторил Олбинет.
"Certainly; and your name, what is it?"	- Ну да. А как ваше имя?
"Olbinett."	- Олбинет.
"Well, Olbinett, my friend, we must think of breakfast, and that pretty quickly.	- Ну так вот, друг мой Олбинет, - сказал незнакомец из каюты номер шесть, - нужно подумать о завтраке, да не откладывая.

It is thirty-six hours since I have had anything to eat, or rather thirty-six hours that I have been asleep-pardonable enough in a man who came all the way, without stopping, from Paris to Glasgow.	Уже тридцать шесть часов, как я ничего не брал в рот, вернее сказать, я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, который без остановок примчался из Парижа в Глазго.
What is the breakfast hour?"	Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтрак?
"Nine o'clock," replied Olbinett, mechanically.	- В девять, - машинально ответил Олбинет.
The stranger tried to pull out his watch to see the time; but it was not till he had rummaged through the ninth pocket that he found it.	Незнакомец пожелал взглянуть на часы, но это заняло немало времени, так как часы он нашел только в девятом кармане.
"Ah, well," he said, "it is only eight o'clock at present.	- Да, но ведь еще нет и восьми часов!
Fetch me a glass of sherry and a biscuit while I am waiting, for I am actually falling through sheer inanition."	Ну тогда, Олбинет, принесите-ка мне пока печенья и стакан черри: я падаю от истощения.
Olbinett heard him without understanding what he meant for the voluble stranger kept on talking incessantly, flying from one subject to another.	Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец говорил безумолку, с необыкновенной - быстротой перескакивая с пред мета на предмет.
"The captain?	- Ну, а где же капитан?
Isn't the captain up yet?	Еще не встал?
And the chief officer? What is he doing?	А его помощник?
Is he asleep still? It is fine weather, fortunately, and the wind is favorable, and the ship goes all alone."	Он что, тоже спит? - трещал незнакомец. - К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.
Just at that moment John Mangles appeared at the top of the stairs.	Как раз в ту минуту, когда он это говорил, на лестнице юта показался Джон Манглс.
"Here is the captain!" said Olbinett.	- Вот и капитан, - объявил Олбинет.
"Ah! delighted, Captain Burton, delighted to make your acquaintance," exclaimed the unknown.	- Ах, я очень рад! - воскликнул незнакомец. - Очень рад познакомиться с вами, капитан Бертон!
John Mangles stood stupefied, as much at seeing the stranger on board as at hearing himself called "Captain Burton."	Удивление Джона Манглса не имело границ, и не столько потому, что его назвали капитаном Бертоном, сколько потому, что он увидел незнакомца на борту своего судна.
But the new comer went on in the most affable manner.	Тот продолжал рассыпаться в любезностях.
"Allow me to shake hands with you, sir; and if I did not do so yesterday evening, it was only because I did not wish to be troublesome when you were starting.	- Позвольте пожать вам руку, - сказал он. - Если я этого не сделал третьего дня вечером, то только потому, что в момент отплытия не следует никого беспокоить.
But to-day, captain, it gives me great pleasure to begin my intercourse with you."	Но сегодня, капитан, я счастлив познакомиться с вами.
John Mangles opened his eyes as wide as possible, and stood staring at Olbinett and the stranger alternately.	Джон Манглс, широко открыв глаза, с удивлением смотрел то на Олбинета, то на незнакомца.

But without waiting for a reply, the rattling fellow continued: "Now the introduction is made, my dear captain, we are old friends.	- Теперь мы познакомились с вами, дорогой капитан, - продолжал незнакомец, - и стали старыми друзьями.
Let's have a little talk, and tell me how you like the SCOTIA?"	Ну, давайте поболтаем. Скажите, довольны ли вы своей "Шотландией"?
"What do you mean by the SCOTIA?" put in John Mangles at last.	- О какой "Шотландии" вы говорите? - наконец спросил Джон Манглс.
"By the SCOTIA? Why, the ship we're on, of course-a good ship that has been commended to me, not only for its physical qualities, but also for the moral qualities of its commander, the brave Captain Burton.	- О "Шотландии", на которой мы с вами находимся. Это прекрасное судно. Мне расхвалили его качества и достоинства его командира, славного капитана Бертона.
You will be some relation of the famous African traveler of that name. A daring man he was, sir.	А кстати, не родственник ли вы великого африканского путешественника Бертона, этого отважного человека?
I offer you my congratulations."	В таком случае примите мои горячие поздравления.
"Sir," interrupted John. "I am not only no relation of Burton the great traveler, but I am not even Captain Burton."	- Сэр, я не только не родственник путешественника Бертона, но даже и не капитан Бертон, - ответил Джон Манглс.
"Ah, is that so? It is Mr. Burdness, the chief officer, that I am talking to at present."	- А-а... - протянул незнакомец. - Значит, я говорю с помощником капитана Бертона, мистером Берднессом?
"Mr. Burdness!" repeated John Mangles, beginning to suspect how the matter stood. Only he asked himself whether the man was mad, or some heedless rattle pate?	- Мистер Берднесс? - переспросил Джон Манглс. Он уже начал догадываться, в чем тут дело, только еще не мог разобрать, кто перед ним: сумасшедший или чудак.
He was beginning to explain the case in a categorical manner, when Lord Glenarvan and his party came up on the poop.	Молодой капитан уже собирался без дальних околичностей это выяснить, но на палубе появились лорд Гленарван, его жена и мисс Грант.
The stranger caught sight of them directly, and exclaimed:	Увидев их, незнакомец закричал:
"Ah! the passengers, the passengers!	- А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно!
I hope you are going to introduce me to them, Mr. Burdness!"	Надеюсь, мистер Берднесс, вы будете так добры представить меня...
But he could not wait for any one's intervention, and going up to them with perfect ease and grace, said, bowing to Miss Grant,	Но тут же, не ожидая посредничества Джона Манглса, он непринужденно выступил вперед.
"Madame;" then to Lady Helena, with another bow, "Miss;" and to Lord Glenarvan, "Sir." Here John Mangles interrupted him, and said,	- Миссис... - сказал он мисс Грант. - Мисс... - сказал он леди Элен. - Сэр... - прибавил он, обращаясь к лорду Гленарвану.
"Lord Glenarvan."	- Лорд Гленарван, - пояснил Джон Манглс.
"My Lord," continued the unknown, "I beg pardon for presenting myself to you, but at sea it is well to relax the strict rules of etiquette a little.	- Милорд, - продолжал незнакомец, - я прошу извинить меня за то, что сам представляюсь вам, но в море, мне кажется, можно несколько отступить от светского этикета.

I hope we shall soon become acquainted with each other, and that the company of these ladies will make our voyage in the SCOTIA appear as short as agreeable."	Надеюсь, мы быстро познакомимся, и в обществе этих дам путешествие на "Шотландии" покажется нам и коротким и приятным.
Lady Helena and Miss Grant were too astonished to be able to utter a single word.	Ни леди Элен, ни мисс Грант не нашлись, что на это ответить.
The presence of this intruder on the poop of the DUNCAN was perfectly inexplicable.	Они никак не могли понять, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе "Дункана".
Lord Glenarvan was more collected, and said, "Sir, to whom have I the honor of speaking?"	- Сэр, - обратился к нему лорд Гленарван, - с кем я имею честь говорить?
"To Jacques Eliacin Francois Marie Paganel, Secretary of the Geographical Society of Paris, Corresponding Member of the Societies of Berlin, Bombay, Darmstadt, Leipsic, London, St. Petersburg, Vienna, and New York; Honorary Member of the Royal Geographical and Ethnographical Institute of the East Indies; who, after having spent twenty years of his life in geographical work in the study, wishes to see active service, and is on his way to India to gain for the science what information he can by following up the footsteps of great travelers."	- С Жаком-Элиасеном-Франсуа-Мари Паганелем, секретарем Парижского географического общества, членом-корреспондентом географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, а также почетным членом Королевского географического и этнографического института Восточной Индии. Вы видите перед собой человека, который двадцать лет изучал географию, не выходя из кабинета, и наконец, решив заняться ею практически, направляется теперь в Индию, чтобы связать там в одно целое труды великих путешественников.
CHAPTER VII JACQUES PAGANEL IS UNDECEIVED	Глава VII ОТКУДА ПОЯВИЛСЯ И КУДА НАПРАВЛЯЛСЯ ЖАК ПАГАНЕЛЬ
THE Secretary of the Geographical Society was evidently an amiable personage, for all this was said in a most charming manner.	Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано им чрезвычайно мило.
Lord Glenarvan knew quite well who he was now, for he had often heard Paganel spoken of, and was aware of his merits.	Впрочем, теперь лорд Гленарван прекрасно знал, с кем имеет дело: ему были хорошо известны имя и заслуги Жака Паганеля.
His geographical works, his papers on modern discoveries, inserted in the reports of the Society, and his world-wide correspondence, gave him a most distinguished place among the LITERATI of France.	Его труды по географии, доклады о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях общества, переписка его чуть ли не со всем светом - все это сделало Паганеля одним из самых видных ученых Франции.
Lord Glenarvan could not but welcome such a guest, and shook hands cordially.	Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему нежданному гостю.
"And now that our introductions are over," he added, "you will allow me, Monsieur Paganel, to ask you a question?"	- А теперь, когда мы представились друг другу, - сказал он, - вы позволите мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?
"Twenty, my Lord," replied Paganel; "it will always be a pleasure to converse with you."	- Хоть двадцать, милорд, - ответил Жак Паганель, - разговор с вами всегда будет для меня удовольствием.
"Was it last evening that you came on board this vessel?"	- Вы поднялись на борт этого судна третьего дня вечером?

"Yes, my Lord, about 8 o'clock.	- Да, милорд, третьего дня в восемь часов вечера.
I jumped into a cab at the Caledonian Railway, and from the cab into the SCOTIA, where I had booked my cabin before I left Paris.	Прямо из вагона я бросился в кеб, а из кеба - на "Шотландию", где я еще из Парижа заказал каюту номер шесть.
It was a dark night, and I saw no one on board, so I found cabin No.	Было темно. Я никого не заметил на палубе.
6, and went to my berth immediately, for I had heard that the best way to prevent sea-sickness is to go to bed as soon as you start, and not to stir for the first few days; and, moreover, I had been traveling for thirty hours. So I tucked myself in, and slept conscientiously, I assure you, for thirty-six hours."	А так как я был утомлен тридцатичасовой дорогой и к тому же знал, что во избежание морской болезни полезно немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать с нее в первые дни плавания, то я сейчас же лег и самым добросовестным образом, смею вас уверить, проспал целых тридцать шесть часов!
Paganel's listeners understood the whole mystery, now, of his presence on the DUNCAN.	Теперь для слушателей Жака Паганеля стало ясно, каким образом он очутился на яхте.
The French traveler had mistaken his vessel, and gone on board while the crew were attending the service at St. Mungo's.	Французский путешественник, перепутав суда, сел на "Дункан" в то время, когда все были в церкви Сен-Мунго.
All was explained.	Все объяснилось.
But what would the learned geographer say, when he heard the name and destination of the ship, in which he had taken passage?	Но что скажет ученый - географ, узнав название и место назначения судна, на которое он попал?
"Then it is Calcutta, M. Paganel, that you have chosen as your point of departure on your travels?"	- Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом вашей экспедиции? - спросил лорд Гленарван.
"Yes, my Lord, to see India has been a cherished purpose with me all my life.	- Да, милорд. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию.
It will be the realization of my fondest dreams, to find myself in the country of elephants and Thugs."	И вот наконец-то эта заветная мечта осуществится, я попаду на родину слонов.
"Then it would be by no means a matter of indifference to you, to visit another country instead."	- Значит, господин Паганель, для вас было бы не безразлично, если бы вам пришлось посетить не эту, а какую-нибудь другую страну?
"No, my Lord; indeed it would be very disagreeable, for I have letters from Lord Somerset, the Governor-General, and also a commission to execute for the Geographical Society."	- Мне было бы это, милорд, не только не безразлично, а даже очень неприятно, так как у меня имеются рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, да к тому же мне дано Географическим обществом поручение, которое я должен выполнить.
"Ah, you have a commission."	- А! Вам дано поручение?
"Yes, I have to attempt a curious and important journey, the plan of which has been drawn up by my learned friend and colleague, M. Vivien de Saint Martin.	- Да, мне поручено осуществить одно полезное и любопытное путешествие, план которого был разработан моим ученым другом и коллегой, господином Вивьеном де Сен-Мартеном.

I am to pursue the track of the Schlaginweit Brothers; and Colonels Waugh and Webb, and Hodgson; and Huc and Gabet, the missionaries; and Moorecroft and M. Jules Remy, and so many celebrated travelers.	По этому плану мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинтвейт, полковника Во Уэбба, Ходжсона, миссионеров Гю и Габе, Муркрофта, Жюля Реми и многих других известных путешественников.
I mean to try and succeed where Krick, the missionary so unfortunately failed in 1846; in a word, I want to follow the course of the river Yarou-Dzangbo-Tchou, which waters Thibet for a distance of 1500 kilometres, flowing along the northern base of the Himalayas, and to find out at last whether this river does not join itself to the Brahmapoutre in the northeast of As-sam.	Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в 1846 году миссионеру Крику, то есть обследовать течение реки Цангпо, которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров орошает Тибет. Мне хотелось бы, наконец, выяснить, не сливается ли эта река на северо-востоке области Ассама с рекой Брахмапутрой.
The gold medal, my Lord, is promised to the traveler who will succeed in ascertaining a fact which is one of the greatest DESIDERATA to the geography of India."	А уж тому путешественнику, которому удастся осветить этот важнейший для географии Индии вопрос, будет, конечно, обеспечена золотая медаль.
Paganel was magnificent.	Паганель был восхитителен.
He spoke with superb animation, soaring away on the wings of imagination.	Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он так и несся на быстрых крыльях фантазии.
It would have been as impossible to stop him as to stop the Rhine at the Falls of Schaffhausen.	Остановить его было бы так же невозможно, как воды Рейн ского водопада.
"Monsieur Jacques Paganel," said Lord Glenarvan, after a brief pause, "that would certainly be a grand achievement, and you would confer a great boon on science, but I should not like to allow you to be laboring under a mistake any longer, and I must tell you, therefore, that for the present at least, you must give up the pleasure of a visit to India."	- Господин Жак Паганель, - начал лорд Гленарван, когда знаменитый ученый сделал минутную передышку, - это, бесспорно, прекрасное путешествие, и наука будет вам за него признательна. Но я не хочу держать вас дольше в заблуждении и потому должен сказать, что, по крайней мере, на ближайшее время вам придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.
"Give it up.	- Отказаться?
And why?"	Почему?
"Because you are turning your back on the Indian peninsula."	- Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную полуострову Индостан.
"What!	- Как!
Captain Burton."	Капитан Бертон...
"I am not Captain Burton," said John Mangles.	- Я не капитан Бертон, - отозвался Джон Манглс.
"But the SCOTIA."	- Но "Шотландия"...
"This vessel is not the SCOTIA."	- Это судно - не "Шотландия"!
It would be impossible to depict the astonishment of Paganel.	Удивление Паганеля не поддается описанию.

He stared first at one and then at another in the utmost bewilderment. Lord Glenarvan was perfectly grave, and Lady Helena and Mary showed their sympathy for his vexation by their looks. As for John Mangles, he could not suppress a smile; but the Major appeared as unconcerned as usual. At last the poor fellow shrugged his shoulders, pushed down his spectacles over his nose and said:	Он посмотрел по очереди на лорда Гленарвана, сохранявшего совершенную серьезность, на леди Элен и Мери Грант, лица которых выра жали огорчение и сочувствие, на улыбавшегося Джона Манглса, на невозмутимого майора, а затем, пожав плечами, опустив очки со лба на нос, воскликнул:
"You are joking."	- Что за шутка!
But just at that very moment his eye fell on the wheel of the ship, and	Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, и он прочел надпись:
he saw the two words on it: Duncan.	"Дункан".
Glasgow.	Глазго".
"The DUNCAN! the DUNCAN!" he exclaimed, with a cry of despair, and forthwith rushed down the stairs, and away to his cabin.	- "Дункан"! "Дункан"! - крикнул Паганель в отчаянии, а затем, сбежав с лестницы, устремился в свою каюту.
As soon as the unfortunate SAVANT had disappeared, every one, except the Major, broke out into such peals of laughter that the sound reached the ears of the sailors in the forecastle.	Как только злосчастный ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы.
To mistake a railway or to take the train to Edinburgh when you want to go to Dumbarton might happen; but to mistake a ship and be sailing for Chili when you meant to go to India-that is a blunder indeed!	Поехать не в ту сторону по железной дороге, ну хотя бы сесть в дамбартонский поезд вместо эдинбургского - еще куда ни шло, но перепутать судно и плыть в Чили, когда собрался в Индию, - это уже верх рассеянности!
"However," said Lord Glenarvan, "I am not much astonished at it in Paganel. He is quite famous for such misadventures.	- Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, - заметил лорд Гленарван. - Он ведь известен подобными злоключениями.
One day he published a celebrated map of America, and put Japan in it!	Однажды он издал прекрасную карту Америки, куда умудрился втиснуть Японию.
But for all that, he is distinguished for his learning, and he is one of the best geographers in France."	Но все это не мешает ему быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.
"But what shall we do with the poor gentleman?" said Lady Helena; "we can't take him with us to Patagonia."	- Что же мы будем делать с этим беднягой? - проговорила леди Элен. - Не можем же мы увезти его с собой в Патагонию!
"Why not?" replied McNabbs, gravely. "We are not responsible for his heedless mistakes.	- А почему нет? - веско сказал Мак-Наббс. - Разве мы отвечаем за его рассеянность?
Suppose he were in a railway train, would they stop it for him?"	Допустим, он сел бы не в тот поезд, - разве он мог бы его остановить?
"No, but he would get out at the first station."	- Не мог бы, но он сошел бы на ближайшей станции, - возразила леди Элен.
"Well, that is just what he can do here, too, if he likes; he can disembark at the first place where we touch."	- Ну, так это он сможет сделать, если пожелает, в первой же гавани, где мы остановимся, - заметил лорд Гленарван.
While they were talking, Paganel came up again on the poop, looking very woebegone and crestfallen.	В это время Паганель, убедившись, что багаж его находится на том же судне, снова поднялся на палубу.

He had been making inquiry about his luggage, to assure himself that it was all on board, and kept repeating incessantly the unlucky words,	Удрученный и пристыженный, он все твердил злополучное слово:
"The DUNCAN! the DUNCAN!"	"Дункан"! "Дункан"!
He could find no others in his vocabulary.	Других слов у него не находилось.
He paced restlessly up and down; sometimes stopping to examine the sails, or gaze inquiringly over the wide ocean, at the far horizon.	Он ходил взад и вперед, рассматривая мачты яхты, вопрошая безмолвный горизонт открытого моря.
At length he accosted Lord Glenarvan once more, and said-	Наконец он снова подошел к лорду Гленарвану.
"And this DUNCAN-where is she going?"	- А куда идет этот "Дункан"? - спросил он.
"To America, Monsieur Paganel," was the reply.	- В Америку, господин Паганель.
"And to what particular part?"	- Куда именно?
"To Concepcion."	- В Консепсьон.
"To Chili! to Chili!" cried the unfortunate geographer. "And my mission to India.	- В Чили! В Чили! - закричал несчастный ученый. - А моя экспедиция - в Индию!
But what will M. de Quatre-fages, the President of the Central Commission, say?	Что скажет господин Катрфаж, президент Центральной комиссии!
And M. d' Avezac?	А господин Авезак!
And M. Cortanbert?	А господин Кортамбер!
And M. Vivien de Saint Martin?	А господин Вивьен де Сен-Мартен!
How shall I show my face at the SEANCES of the Society?"	Как я теперь покажусь на заседании Географического общества!
"Come, Monsieur Paganel, don't despair. It can all be managed; you will only have to put up with a little delay, which is relatively of not much importance.	- Не отчаивайтесь, господин Паганель, - стал успокаивать его Гленарван, - все это может кончиться для вас сравнительно небольшой потерей времени.
The Yarou-Dzangbo-Tchou will wait for you still in the mountains of Thibet.	А река Цангпо пока подождет вас в горах Тибета.
We shall soon put in at Madeira, and you will get a ship there to take you back to Europe."	Скоро мы зайдем на остров Мадейра, и там вы сядете на судно, которое доставит вас обратно в Европу.
"Thanks, my Lord.	- Благодарю вас, милорд.
I suppose I must resign myself to it; but people will say it is a most extraordinary adventure, and it is only to me such things happen.	Видно, уж придется примириться с этим. Но надо сказать, приключение удивительное! Только со мной подобная вещь и могла случиться.
And then, too, there is a cabin taken for me on board the SCOTIA."	А моя каюта, заказанная на "Шотландии"!..
"Oh, as to the SCOTIA, you'll have to give that up meantime."	- Ну, о "Шотландии" вам лучше позабыть.
"But the DUNCAN is a pleasure yacht, is it not?" began Paganel again, after a fresh examination of the vessel.	- Но мне кажется, - снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, - "Дункан" - прогулочная яхта.

"Yes, sir," said John Mangles, "and belongs to Lord Glenarvan."	- Да, сэр, - отозвался Джон Манглс, - и принадлежит она лорду Гленарвану...
"Who begs you will draw freely on his hospitality," said Lord Glenarvan.	- ...который просит вас без стеснения пользоваться его гостеприимством, - докончил Гленарван.
"A thousand thanks, my Lord! I deeply feel your courtesy, but allow me to make one observation: India is a fine country, and can offer many a surprising marvel to travelers.	- Бесконечно благодарен вам, милорд, - ответил Паганель. - Глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне высказать вам такое простое соображение: Индия - прекрасная страна, полная чудесных неожиданностей для путешественников.
These ladies, I suppose, have never seen it. Well now, the man at the helm has only to give a turn at the wheel, and the DUNCAN will sail as easily to Calcutta as to Concepcion; and since it is only a pleasure trip that you are-"	Наверно, дамы не бывали там... И стоит рулевому повернуть руль, как "Дункан" так же свободно направится к Калькутте, как и к Консепсьону, а раз это увеселительное путешествие...
His proposal was met by such grave, disapproving shakes of the head, that he stopped short before the sentence was completed; and Lady Helena said: "Monsieur Paganel, if we were only on a pleasure trip, I should reply,	Но тут, видя, что Гленарван отрицательно качает головой, Паганель умолк. - Господин Паганель, - сказала леди Элен, - если бы это было увеселительное путешествие, то я, не задумываясь, ответила бы вам:
'Let us all go to India together,' and I am sure Lord Glenarvan would not object; but the DUNCAN is going to bring back shipwrecked mariners who were cast away on the shores of Patagonia, and we could not alter such a destination."	"Давайте все вместе отправимся в Индию", и лорд Гленарван, я уверена, не был бы против. Но дело в том, что "Дункан" плывет в Америку, чтобы привезти оттуда на родину потерпевших крушение у патагонских берегов, и он не может отказаться от такой гуманной цели.
The Frenchman was soon put in possession of all the circumstances of the case.	Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела.
He was no unmoved auditor, and when he heard of Lady Helena's generous proposition, he could not help saying,	Не без волнения услыхал он о чудесной находке документа, об истории капитана Гранта и о велико душном предложении леди Элен.
"Madame, permit me to express my admiration of your conduct throughout-my unreserved admiration.	- Сударыня, - обратился он к ней, - позвольте мне вы разить безграничное восхищение, которое внушает мне ваш поступок.
Let your yacht continue her course.	Пусть ваша яхта продолжает свой путь!
I should reproach myself were I to cause a single day's delay."	Я не про стил бы себе, если бы задержал ее хоть на один день.
"Will you join us in our search, then?" asked Lady Helena.	- Так вы хотите присоединиться к нашей экспедиции? - спросила леди Элен.
"It is impossible, madame. I must fulfill my mission.	- Для меня это невозможно: я должен выполнить данное мне поручение.
I shall disembark at the first place you touch at, wherever it may be."	Я высажусь на первой же вашей стоянке.
"That will be Madeira," said John Mangles.	- Значит, на Мадейре, - заметил Джон Манглс.
"Madeira be it then.	- Пусть на Мадейре.
I shall only be 180 leagues from Lisbon, and I shall wait there for some means of transport."	Я буду там всего в ста восьмидесяти милях от Лиссабона и подожду какого-нибудь судна.

"Very well, Monsieur Paganel, it shall be as you wish; and, for my own part, I am very glad to be able to offer you, meantime, a few days' hospitality.	- Ну что ж, господин Паганель, - сказал Гленарван, - так и будет сделано. Что касается меня, я рад возможности видеть вас несколько дней гостем на моей яхте.
I only hope you will not find our company too dull."	Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!
"Oh, my Lord," exclaimed Paganel, "I am but too happy to have made a mistake which has turned out so agreeably.	- О, - воскликнул ученый, - это еще счастье, милорд, что я ошибся судном так удачно!
Still, it is a very ridiculous plight for a man to be in, to find himself sailing to America when he set out to go to the East Indies!"	Тем не менее нельзя не признаться, что человек, который собрался в Индиго, а плывет в Америку, попал в довольно-таки смешное положение.
But in spite of this melancholy reflection, the Frenchman submitted gracefully to the compulsory delay.	Как ни печально, но Паганелю пришлось примириться с задержкой, которую он не был в силах предотвратить.
He made himself amiable and merry, and even diverting, and enchanted the ladies with his good humor.	Он оказался человеком очень милым, веселым, конечно, рассеянным и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением.
Before the end of the day he was friends with everybody.	Не прошло и дня, как Паганель со всеми подружился.
At his request, the famous document was brought out. He studied it carefully and minutely for a long time, and finally declared his opinion that no other interpretation of it was possible.	Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго и тщательно изучал его. Истолкование документа не вызывало у него ни каких сомнений.
Mary Grant and her brother inspired him with the most lively interest. He gave them great hope; indeed, the young girl could not help smiling at his sanguine prediction of success, and this odd way of foreseeing future events.	Он отнесся с живым участием к Мери Грант и ее брату и старался внушить им твердую надежду на встречу с отцом. Он так уверовал в успех экспедиции "Дункана", так радужно смотрел на все, что, слушая его, Мери не могла не улыбаться.
But for his mission he would have made one of the search party for Captain Grant, undoubtedly.	Право, если бы не его поручение, он тоже бросился бы на поиски капитана Гранта.
As for Lady Helena, when he heard that she was a daughter of William Tuffnell, there was a perfect explosion of admiring epithets.	Когда же Паганель узнал, что леди Элен - дочь известного путешественника Уильяма Таффнела, он разразился восторженными восклицаниями.
He had known her father, and what letters had passed between them when William Tuffnell was a corresponding member of the Society!	Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Уильям Таффнел стал членом-корреспондентом Парижского географического общества!
It was he himself that had introduced him and M. Malte Brun.	И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Таффнела в члены общества!..
What a rencontre this was, and what a pleasure to travel with the daughter of Tuffnell.	Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать с дочерью Уильяма Таффнела!
He wound up by asking permission to kiss her, which Lady Helena granted, though it was, perhaps, a little improper.	В заключение географ попросил у леди Элен разрешения по целовать ее. И леди Гленарван согласилась, хотя, может быть, это и было несколько "improper" .

CHAPTER VIII THE GEOGRAPHER'S RESOLUTION	Глава VIII НА "ДУНКАНЕ" СТАЛО ОДНИМ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ БОЛЬШЕ
MEANTIME the yacht, favored by the currents from the north of Africa, was making rapid progress toward the equator.	Между тем яхта, благодаря попутным течениям у берегов Северной Африки, быстро приближалась к экватору.
On the 30th of August they sighted the Madeira group of islands, and Glenarvan, true to his promise, offered to put in there, and land his new guest.	30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, верный обещанию, сказал своему гостю, что можно остановиться и высадить его на берег.
But Paganel said: "My dear Lord, I won't stand on ceremony with you.	- Дорогой лорд, - ответил Паганель, - я буду говорить с вами попросту.
Tell me, did you intend to stop at Madeira before I came on board?"	Скажите, намеревались ли вы до моего появления сделать остановку у Мадейры?
"No," replied Glenarvan.	- Нет, - сказал Гленарван.
"Well, then, allow me to profit by my unlucky mistake.	- Тогда разрешите мне использовать мою злосчастную рассеянность.
Madeira is an island too well known to be of much interest now to a geographer.	Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет никакого интереса для географа.
Every thing about this group has been said and written already. Besides, it is completely going down as far as wine growing is concerned.	Все о нем уже сказано и написано; к тому же когда-то знаменитое тамошнее виноделие теперь в полнейшем упадке.
Just imagine no vines to speak of being in Madeira!	Подумайте только: на Мадейре больше нет виноградников!
In 1813, 22,000 pipes of wine were made there, and in 1845 the number fell to 2,669.	В 1813 году там добывалось двадцать две тысячи пип вина, а в 1845 году уже всего две тысячи шестьсот шестьдесят девять пип.
It is a grievous spectacle!	Прискорбное явление!
If it is all the same to you, we might go on to the Canary Isles instead."	Если вам безразлично, нельзя ли сделать остановку у Канарских островов...
"Certainly. It will not the least interfere with our route."	- Сделаем остановку у Канарских островов, - ответил Гленарван, - они у нас на пути.
"I know it will not, my dear Lord.	- Я это знаю, дорогой лорд.
In the Canary Islands, you see, there are three groups to study, besides the Peak of Teneriffe, which I always wished to visit.	А Канарские острова интерес нее: они состоят из трех групп, не говоря уже о пике на острове Тенерифе - мне всегда хотелось его увидеть.
This is an opportunity, and I should like to avail myself of it, and make the ascent of the famous mountain while I am waiting for a ship to take me back to Europe."	Вот как раз удоб ный случай! Им я воспользуюсь и в ожидании судна, которое доставит меня в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.
"As you please, my dear Paganel," said Lord Glenarvan, though he could not help smiling; and no wonder, for these islands are scarcely 250 miles from Madeira, a trifling distance for such a quick sailer as the DUNCAN.	- Как вам будет угодно, дорогой Паганель, - невольно улыбаясь, ответил Гленарван. И он улыбался не зря. Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях - расстояние незначительное для такой быстроходной яхты, как "Дункан".

Next day, about 2 P. M., John Mangles and Paganel were walking on the poop.	31 августа в два часа дня Джон Манглс и Паганель разгуливали по палубе.
The Frenchman was assailing his companion with all sorts of questions about Chili, when all at once the captain interrupted him, and pointing toward the southern horizon, said: "Monsieur Paganel?"	Француз забрасывал капитана вопросами о Чили. - Господин Паганель! - вдруг прервал его Джон, указывая на какую-то точку на южной стороне горизонта.
"Yes, my dear Captain."	- Что такое, дорогой капитан? - отозвался ученый.
"Be so good as to look in this direction.	- Соблаговолите посмотреть вон в ту сторону.
Don't you see anything?"	Вы ничего там не видите?
"Nothing."	- Ничего.
"You're not looking in the right place.	- Вы не туда смотрите.
It is not on the horizon, but above it in the clouds."	Это не у горизонта, но повыше, среди облаков.
"In the clouds?	- Среди облаков?
I might well not see."	Сколько я ни смотрю...
"There, there, by the upper end of the bowsprit."	- Ну вот, теперь взгляните по направлению бушприта.
"I see nothing."	- Ничего не вижу.
"Then you don't want to see.	- Да вы просто не хотите видеть!
Anyway, though we are forty miles off, yet I tell you the Peak of Teneriffe is quite visible yonder above the horizon."	Но поверьте мне, что, хотя мы еще и в сорока милях от Тенерифского пика, его остроконечная вершина уже вырисовывается над горизонтом.
But whether Paganel could not or would not see it then, two hours later he was forced to yield to ocular evidence or own himself blind.	Но через несколько часов только слепой мог ничего не видеть, и Паганель волей-неволей сдался.
"You do see it at last, then," said John Mangles.	- Наконец-то вы ее видите, - сказал ему капитан.
"Yes, yes, distinctly," replied Paganel, adding in a disdainful tone, "and that's what they call the Peak of Teneriffe!"	- Да, да, вижу совершенно ясно. Вот это и есть так называемый Тенерифский пик? - пренебрежительно прибавил географ.
"That's the Peak."	- Он самый.
"It doesn't look much of a height."	- Мне кажется, он не так уж высок.
"It is 11,000 feet, though, above the level of the sea."	- Однако он возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.
"That is not equal to Mont Blanc."	- Но ему, во всяком случае, далеко до Монблана.
"Likely enough, but when you come to ascend it, probably you'll think it high enough."	- Возможно, но когда дело дойдет до подъема на эту гору, пожалуй, вы найдете, что она достаточно высока.
"Oh, ascend it! ascend it, my dear captain!	- Подниматься? Подниматься на Тенерифский пик?
What would be the good after Humboldt and Bonplan?	К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана?

That Humboldt was a great genius. He made the ascent of this mountain, and has given a description of it which leaves nothing unsaid.	Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и описал ее так, что уже ничего не прибавишь.
He tells us that it comprises five different zones-the zone of the vines, the zone of the laurels, the zone of the pines, the zone of the Alpine heaths, and, lastly, the zone of sterility.	Он тогда же установил вертикальную смену растительных поясов: пояс виноградников, пояс лавровых лесов, пояс сосен, пояс горной пустыни с дроком и, наконец, каменистые осыпи, где совершенно отсутствует растительность.
He set his foot on the very summit, and found that there was not even room enough to sit down.	Гумбольдт добрался до самой высшей точки Тенерифского пика - там негде было даже сесть.
The view from the summit was very extensive, stretching over an area equal to Spain.	Перед его глазами расстила лось пространство, равное четвертой части Испании.
Then he went right down into the volcano, and examined the extinct crater.	Затем он спустился до самого кратера этого вулкана.
What could I do, I should like you to tell me, after that great man?"	Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после великого человека?
"Well, certainly, there isn't much left to glean. That is vexing, too, for you would find it dull work waiting for a vessel in the Peak of Teneriffe." "But, I say, Mangles, my dear fellow, are there no ports in the Cape Verde Islands that we might touch at?"	- Действительно, после него вам ничего не открыть, - со гласился Джон Манглс. - А жаль, вам будет ужасно скучно ждать в порту Санта-Крус-де-Тенерифе прихода судна. Развлечений там мало, вряд ли вам удастся рассеяться. - Моя рассеянность всегда при мне, - смеясь, заметил Паганель. - Но скажите, дорогой Манглс, разве нет крупных портов на островах Зеленого Мыса?
"Oh, yes, nothing would be easier than putting you off at Villa Praya."	- Конечно, есть. И для вас, например, было бы очень легко сесть в Прая на пароход, идущий в Европу.
"And then I should have one advantage, which is by no means inconsiderable-I should find fellow-countrymen at Senegal, and that is not far away from those islands.	- Не говоря уж об одном немалом преимуществе, - заметил Паганель, - ведь острова Зеленого Мыса недалеко от Сенегала, где я найду земляков.
I am quite aware that the group is said to be devoid of much interest, and wild, and unhealthy; but everything is curious in the eyes of a geographer. Seeing is a science.	Конечно, мне прекрасно известно, что эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый. Но для глаз географа все любопытно: уметь видеть - это наука.
There are people who do not know how to use their eyes, and who travel about with as much intelligence as a shell-fish.	Есть люди, которые не умеют видеть и путешествуют так же "умно", как какие-нибудь ракообразные.
But that's not in my line, I assure you."	Но поверьте, у меня другая школа.
"Please yourself, Monsieur Paganel. I have no doubt geographical science will be a gainer by your sojourn in the Cape Verde Islands.	- Как вам будет угодно, господин Паганель, - ответил Джон Манглс. - Я уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географическую науку.
We must go in there anyhow for coal, so your disembarkation will not occasion the least delay."	А мы как раз должны туда зайти, чтобы запастись углем, и ваша высадка нас нисколько не задержит.

The captain gave immediate orders for the yacht to continue her route, steering to the west of the Canary group, and leaving Teneriffe on her larboard.	Сказав это, капитан взял курс на запад от Канарских островов. Знаменитый Тенерифский пик остался за кормой.
She made rapid progress, and passed the Tropic of Cancer on the second of September at 5 A. M.	Продолжая идти таким же быстрым ходом, "Дункан" пересек 2 сентября, в пять часов утра, тропик Рака.
The weather now began to change, and the atmosphere became damp and heavy.	Погода стала меняться. Воздух сделался тяжелым и влажным, как всегда в период дождей.
It was the rainy season, "le tempo das aguas," as the Spanish call it, a trying season to travelers, but useful to the inhabitants of the African Islands, who lack trees and consequently water.	Время это испанцы зовут "Le tiempo das aguas" . Оно очень тягостно для путешественников, но полезно для жителей африканских островов, страдающих от недостатка растительности, а значит, и от недостатка влаги.
The rough weather prevented the passengers from going on deck, but did not make the conversation any less animated in the saloon.	Бурное море не позволяло пассажирам яхты оставаться на палубе, но разговоры в кают-компании не стали от этого менее оживленными.
On the 3d of September Paganel began to collect his luggage to go on shore.	3 сентября Паганель, готовясь высадиться на берег, принялся укладывать свои вещи.
The DUNCAN was already steaming among the Islands.	"Дункан" уже лавировал между остро вами Зеленого Мыса.
She passed Sal, a complete tomb of sand lying barren and desolate, and went on among the vast coral reefs and athwart the Isle of St. Jacques, with its long chain of basaltic mountains, till she entered the port of Villa Praya and anchored in eight fathoms of water before the town.	Он прошел мимо острова Сал, бесплодно го и унылого, как песчаная могила, прошел вдоль обширных коралловых рифов, а затем, оставив в стороне остров Сен-Жак, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, вошел в бухту Прая и стал на якорь у самого города.
The weather was frightful, and the surf excessively violent, though the bay was sheltered from the sea winds.	Погода была ужасная, и бушевал прибой, несмотря на то, что бухта была защищена от морских ветров.
The rain fell in such torrents that the town was scarcely visible through it.	Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было разглядеть город.
It rose on a plain in the form of a terrace, buttressed on volcanic rocks three hundred feet high.	Расположен он был на плоской горной террасе, упирающейся в отроги мощных скал вулканического происхождения, вышиной триста футов.
The appearance of the island through the thick veil of rain was mournful in the extreme.	Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.
Lady Helena could not go on shore as she had purposed; indeed, even coaling was a difficult business, and the passengers had to content themselves below the poop as best they might.	Леди Элен не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. В то время как море и небо в каком-то смятении смешивали свои воды, пассажирам не оставалось ничего другого, как сидеть в кают-компании.
Naturally enough, the main topic of conversation was the weather.	Естественно, злободневной темой разговоров на яхте была погода.

Everybody had something to say about it except the Major, who surveyed the universal deluge with the utmost indifference.	Каждый сказал что-нибудь по этому по воду. Один майор не проронил ни слова; он, кажется, с полным равнодушием присутствовал бы и при всемирном потопе.
Paganel walked up and down shaking his head.	Паганель ходил взад-вперед, качая головой. - Все как нарочно! - повторял он.
"It is clear enough, Paganel," said Lord Glenarvan, "that the elements are against you."	- Да, стихии против вас, - отозвался Гленарван.
"I'll be even with them for all that," replied the Frenchman.	- А я все-таки восторжествую над ними.
"You could not face rain like that, Monsieur Paganel," said Lady Helena.	- Не можете же вы покинуть яхту в такую погоду, - сказала леди Элен.
"Oh, quite well, madam, as far as I myself am concerned. It is for my luggage and instruments that I am afraid. Everything will be ruined."	- Я лично, сударыня, прекрасно мог бы и опасаюсь только за свой багаж и инструменты: ведь все пропадет.
"The disembarking is the worst part of the business. Once at Villa Praya you might manage to find pretty good quarters.	- Опасен только момент высадки, - заметил Гленарван, - а как только вы попадете в Прая, вы там устроитесь не так уж плохо.
They wouldn't be over clean, and you might find the monkeys and pigs not always the most agreeable companions.	Правда, относительно чистоты можно пожелать большего: придется жить с обезьянами и свиньями, а соседство с ними далеко не всегда приятно.
But travelers are not too particular, and, moreover, in seven or eight months you would get a ship, I dare say, to take you back to Europe."	Но путешественник не должен обращать внимание на такие мелочи. К тому же надо надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся сесть на судно, идущее в Европу.
"Seven or eight months!" exclaimed Paganel.	- Через семь-восемь месяцев! - воскликнул Паганель.
"At least. The Cape Verde Islands are not much frequented by ships during the rainy season.	- Да, и это самое меньшее: ведь в период дождей суда не так уж часто заходят на острова Зеленого Мыса.
But you can employ your time usefully.	Но вы сможете с пользой употребить свое время.
This archipelago is still but little known."	Этот архипелаг еще малоизвестен. Здесь есть над чем поработать в области топографии и климатологии, этнографии и гипсометрии .
"You can go up the large rivers," suggested Lady Helena.	- Вы сможете заняться обследованием рек, - заметила леди Элен.
"There are none, madam."	- Таковых там не имеется, - ответил Паганель.
"Well, then, the small ones."	- Ну, займитесь речками.
"There are none, madam."	- Их также нет.
"The running brooks, then." "There are no brooks, either."	- Тогда какими-нибудь потоками, ручьями... - И их не существует.
"You can console yourself with the forests if that's the case," put in the Major.	- В таком случае, вам придется обратить свое внимание на леса, - промолвил майор.

"You can't make forests without trees, and there are no trees."	- Для лесов необходимы деревья, а они здесь отсутствуют.
"A charming country!" said the Major.	- Приятный край, нечего сказать! - отозвался майор.
"Comfort yourself, my dear Paganel, you'll have the mountains at any rate," said Glenarvan.	- Утешьтесь, дорогой Паганель, - сказал Гленарван, - ведь вам все же остаются горы.
"Oh, they are neither lofty nor interesting, my Lord, and, beside, they have been described already."	- О, милорд! Горы эти и невысоки и неинтересны. Да к тому же они уже изучены.
"Already!" said Lord Glenarvan.	- Изучены? - удивился Гленарван.
"Yes, that is always my luck.	- Да. Как всегда, мне не везет.
At the Canary Islands, I saw myself anticipated by Humboldt, and here by M. Charles Sainte-Claire Deville, a geologist."	На Канарских островах все было уже сделано Гумбольдтом, а здесь меня опередил один геолог, господин Шарль Сент-Клер-Девиль.
"Impossible!"	- Неужели?
"It is too true," replied Paganel, in a doleful voice. "Monsieur Deville was on board the government corvette, La Decidee, when she touched at the Cape Verde Islands, and he explored the most interesting of the group, and went to the top of the volcano in Isle Fogo.	- Увы, это так! - жалобно ответил Паганель. - Этот ученый был на борту французского корвета "Решительный", когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. И вот Сент-Клер воспользовался своим пребыванием здесь, чтобы подняться на самую интересную из вершин архипелага, а именно - на вулкан острова Фогу.
What is left for me to do after him?"	Скажите же на милость, что мне остается делать после него?
"It is really a great pity," said Helena. "What will become of you, Monsieur Paganel?"	- Это действительно прискорбно, - сказала леди Элен. - Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?
Paganel remained silent.	Паганель несколько минут молчал.
"You would certainly have done much better to have landed at Madeira, even though there had been no wine," said Glenarvan.	- Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там и нет больше вина, - заметил Гленарван.
Still the learned secretary was silent.	Ученый секретарь Парижского географического общества по-прежнему молчал.
"I should wait," said the Major, just as if he had said, "I should not wait."	- Я бы подождал еще, - сказал майор, но он так же равнодушно мог бы посоветовать обратное.
Paganel spoke again at length, and said: "My dear Glenarvan, where do you mean to touch next?"	- Дорогой Гленарван, - прервал наконец молчание Паганель, - где вы думаете сделать следующую остановку?
"At Concepcion."	- О, не раньше чем в Консепсьоне.
"Plague it!	- Черт возьми!
That is a long way out of the road to India."	Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!
"Not it! From the moment you pass Cape Horn, you are getting nearer to it."	- Да нет же: как только вы обогнете мыс Горн, вы начнете к ней приближаться...
"I doubt it much."	- Это-то я знаю.

"Beside," resumed Lord Glenarvan, with perfect gravity, "when people are going to the Indies it doesn't matter much whether it is to the East or West."	- К тому же, - продолжал Гленарван самым серьезным тоном, - не все ли равно, попадете ли вы в Ост - или Вест-Индию?
"What! it does not matter much?"	- Как не все ли равно?!
"Without taking into account the fact that the inhabitants of the Pampas in Patagonia are as much Indians as the natives of the Punjaub."	- Ну да, ведь между индейцами Патагонии и индийцами Пенджаба разница всего в одной букве!
"Well done, my Lord. That's a reason that would never have entered my head!"	- А знаете, милорд, - воскликнул Паганель, - ведь этот довод никогда не пришел бы мне в голову!
"And then, my dear Paganel, you can gain the gold medal anyway.	- А что касается золотой медали, дорогой Паганель, - продолжал Гленарван, - то ее можно заслужить в любой стране.
There is as much to be done, and sought, and investigated, and discovered in the Cordilleras as in the mountains of Thibet."	Можно работать, производить изыскания, делать открытия и в Кордильерах и на Тибете.
"But the course of the Yarou-Dzangbo-Tchou-what about that?"	- Но как же мои исследования реки Цангпо?
"Go up the Rio Colorado instead.	- Ну что ж, вы ее замените Рио-Колорадо.
It is a river but little known, and its course on the map is marked out too much according to the fancy of geographers."	Река большая, почти не изученная. Географы наносят ее на карту, как им заблагорассудится.
"I know it is, my dear Lord; they have made grave mistakes.	- Я знаю, дорогой лорд. Встречаются ошибки в несколько градусов.
Oh, I make no question that the Geographical Society would have sent me to Patagonia as soon as to India, if I had sent in a request to that effect.	Я нисколько не сомневаюсь в том, что, обратись я к Географическому обществу с просьбой послать меня в Патагонию, оно так же охотно командировало бы меня туда, как и в Индию.
But I never thought of it."	Но я как-то не думал об этом.
"Just like you."	- По вашей обычной рассеянности...
"Come, Monsieur Paganel, will you go with us?" asked Lady Helena, in her most winning tone.	- А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? - спросила ученого леди Элен самым любезным тоном.
"Madam, my mission?"	- Сударыня, а мое поручение?..
"We shall pass through the Straits of Magellan, I must tell you," said Lord Glenarvan.	- Предупреждаю вас, что мы пройдем Магеллановым проливом, - объявил Гленарван.
"My Lord, you are a tempter."	- Милорд, вы искуситель!
"Let me add, that we shall visit Port Famine."	- Добавлю, что мы побываем в Голодном Порту.
"Port Famine!" exclaimed the Frenchman, besieged on all sides. "That famous port in French annals!"	- Голодный Порт! - воскликнул атакованный со всех сторон француз. - Да ведь это же порт, знаменитый во всех географических летописях!
"Think, too, Monsieur Paganel, that by taking part in our enterprise, you will be linking France with Scotland."	- Примите еще во внимание, господин Паганель, - продолжала леди Элен, - что в вашем лице Франция разделила бы с Шотландией честь участвовать в экспедиции.

"Undoubtedly."	- Да, конечно!
"A geographer would be of much use to our expedition, and what can be nobler than to bring science to the service of humanity?"	- Географ был бы очень полезен нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу людям!
"That's well said, madam."	- Вот это хорошо сказано!
"Take my advice, then, and yield to chance, or rather providence. Follow our example.	- Поверьте мне: положитесь, как это сделали мы, на волю случая или, вернее, провидения!
It was providence that sent us the document, and we set out in consequence.	Оно послало нам этот документ, и мы двинулись в путь.
The same providence brought you on board the DUNCAN. Don't leave her."	Оно же привело вас на борт "Дункана" - не покидайте его.
"Shall I say yes, my good friends? Come, now, tell me, you want me very much to stay, don't you?" said Paganel.	- Хотите знать, друзья мои, что я думаю? - сказал Паганель. - Так вот: вам очень хочется, чтобы я остался.
"And you're dying to stay, now, aren't you, Paganel?" returned Glenarvan.	- Вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, - парировал Гленарван.
"That's about it," confessed the learned geographer; "but I was afraid it would be inconsiderate."	- Чертовски! - воскликнул ученый-географ. - Но я боялся быть навязчивым.
CHAPTER IX THROUGH THE STRAITS OF MAGELLAN	Глава IX МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ
THE joy on board was universal when Paganel's resolution was made known.	Все на яхте пришли в восторг, узнав о решении Паганеля.
Little Robert flung himself on his neck in such tumultuous delight that he nearly threw the worthy secretary down, and made him say,	Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.
"Rude petit bonhomme. I'll teach him geography."	- Бойкий мальчуган! - сказал Паганель. - Я обучу его географии.
Robert bade fair to be an accomplished gentleman some day, for John Mangles was to make a sailor of him, and the Major was to teach him sang-froid, and Glenarvan and Lady Helena were to instil into him courage and goodness and generosity, while Mary was to inspire him with gratitude toward such instructors.	А так как Джон Манглс брался учить Роберта морскому делу, Гленарван - быть мужественным, майор - хладнокровным, леди Элен - добрым и великодушным, а Мери Грант - благодарным таким учителям, то, очевидно, юный Грант должен был стать безукоризненным джентльменом.
The DUNCAN soon finished taking in coal, and turned her back on the dismal region.	"Дункан", быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места.
She fell in before long with the current from the coast of Brazil, and on the 7th of September entered the Southern hemisphere.	Уклонившись к западу, он попал в течение, проходившее у берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и очутился в Южном полушарии.
So far, then, the voyage had been made without difficulty.	Все шло прекрасно. Все верили в успех экспедиции.
Everybody was full of hope, for in this search for Captain Grant, each day seemed to increase the probability of finding him.	Казалось, каждый день прибавлял шансы найти капитана Гранта.

The captain was among the most confident on board, but his confidence mainly arose from the longing desire he had to see Miss Mary happy.	Едва ли не больше всех верил в успех сам капитан "Дункана". Впрочем, его вера была внушена главным образом горячим желанием, чтобы мисс Мери утешилась и была счастлива.
He was smitten with quite a peculiar interest for this young girl, and managed to conceal his sentiments so well that everyone on board saw it except himself and Mary Grant.	Джон Манглс питал к этой девушке особые чувства, которые он так плохо скрывал, что в. се на "Дункане", кроме Мери Грант и его самого, их заметили.
As for the learned geographer, he was probably the happiest man in all the southern hemisphere.	Что же касается ученого-географа, то, вероятно, он был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии.
He spent the whole day in studying maps, which were spread out on the saloon table, to the great annoyance of M. Olbinett, who could never get the cloth laid for meals, without disputes on the subject.	По целым дням изучал он географические карты, разложенные на столе в кают-компании. Из-за этого у него происходили ежедневные споры с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол.
But all the passengers took his part except the Major, who was perfectly indifferent about geographical questions, especially at dinner-time.	И надо сказать, что в этих спорах на стороне Паганеля были все пассажиры яхты, за исключением майора - тот относился к географии с обычным своим равнодушием, в особенности же в обеденное время.
Paganel also came across a regular cargo of old books in the chief officer's chest. They were in a very damaged condition, but among them he raked out a few Spanish volumes, and determined forthwith to set to work to master the language of Cervantes, as no one on board understood it, and it would be helpful in their search along the Chilian coast.	Кроме того, Паганель раскопал у помощника капитана целый ворох раз розненных книг и, найдя среди них несколько испанских, решил изучать язык Сервантеса, которого, надо заметить, никто на яхте не знал. Знание этого языка должно было облегчить географу изучение чилийского побережья.
Thanks to his taste for languages, he did not despair of being able to speak the language fluently when they arrived at Concepcion.	Полагаясь на свои лингвистические способности, Паганель надеялся к прибытию в Консепсьон свободно говорить по-испански.
He studied it furiously, and kept constantly muttering heterogeneous syllables.	Итак, он с жаром взялся за занятия и беспрестанно бормотал непонятные слова.

He spent his leisure hours in teaching young Robert, and instructed him in the history of the country they were so rapidly approaching.	В свободное время он еще умудрялся заниматься с Робертом: рассказывал ему о земле, к которой "Дункан" так быстро приближался. 10 сентября, когда яхта находилась под 5° 37' широты и 31° 15' долготы, Гленарван узнал то, чего, вероятно, не знают многие и более образованные люди. Паганель излагал новым друзьям историю Америки. Говоря о великих мореплавателях, по пути которых следовал "Дункан", он упомянул Христофора Колумба и закончил утверждением, что великий генуэзец так и умер, не подозревая, что он открыл Новый Свет. Слушатели запротестовали, но Паганель стоял на своем. - Это совершенно достоверно, - объявил он. - Я отнюдь не хочу умалять славу Колумба, но факт остается фактом. В конце пятнадцатого века все помыслы людей были направлены к тому, чтобы облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним словом, стремились найти кратчайший путь в "страну пряностей". Это и пытался осуществить Колумб. Он совершил четыре путешествия, приставал к Америке у берегов Гондураса, Никарагуа, Верагуа и Коста-Рики, причем все эти земли считал японскими и китайскими. И он умер, не по дозревая о существовании огромного материка, увы, даже не унаследовавшего его имени. - Я готов поверить вам, дорогой Паганель, - отозвался Гленарван. - Но позвольте мне выразить удивление и задать вам вопрос: кто же из мореплавателей правильно понял открытие Колумба? - Его последователи, начиная с Охеды, который сопровождал Колумба в его путешествиях, затем Винсент Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабрал, Солис, Бальбоа. Эти мореплаватели проплыли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте их границы: триста шестьдесят лет назад их несло к югу то самое течение, которое теперь несет и нас с вами. Представьте, друзья мои, мы пересекли экватор как раз в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, и мы приближаемся к тому самому восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон высадился тогда у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабрал спустился южнее - до Порту-Сегуру. Затем Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в 1502 году, продвинулся еще дальше на юг. В 1508 году Винсент Пинсон и Солис соединились для совместного обследования американских берегов, и в 1516 году Солис открыл устье реки Ла-Платы, но там его съели туземцы. Честь же первым обогнуть новый материк выпала Магеллану. Этот великий мореплаватель в 1520 году направился к Америке с пятью судами. Он проплыл вдоль берегов Патагонии, открыл порт Десеадо, а также бухту

Сан-Хулиан, где долго простоял. Затем, открыв за пятьдесят вторым градусом широты пролив Онз-Миль-Вьерж, который впоследствии получил его имя, Магеллан вышел в Тихий океан. Ах, какую радость он должен был почувствовать, как забилось от волнения его сердце, когда перед его глазами, сверкая под лучами солнца, раскинулось новое море! - Как бы мне хотелось быть там! - воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа. - Мне тоже, мой мальчик, и, конечно, я не упустил бы та кого случая, родись я на триста лет раньше. - Но это было бы печально для нас, господин Паганель, - отозвалась леди Элен, - ведь в этом случае вас не было бы с нами на палубе "Дункана" и мы не услышали бы всего того, что вы сейчас рассказали нам. - Другой бы рассказал вам об этом вместо меня, сударыня, и он еще прибавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти искатели приключений основа ли здесь много городов. Куско, Кито, Лима, Сантьяго, Вильяррика, Вальпараисо и Консепсьон, куда направляется наш "Дункан", обязаны им своим существованием. Открытия братьев Писарро дополнили открытия Магеллана, и очертания американских берегов были, к большому удовлетворению ученых Старого Света, занесены на карту. - Ну, я не удовлетворился бы этим, - заявил Роберт. - Почему же? - спросила Мери, глядя на своего юного брата, увлеченного рассказом обо всех этих открытиях. - В самом деле, мой мальчик, почему? - с ободряющей улыбкой спросил и лорд Гленарван. - Да потому, что я захотел бы узнать, есть ли еще что-нибудь за Магеллановым проливом. - Браво, друг мой! - воскликнул Паганель. - Я тоже за хотел бы узнать, простирается ли материк до Южного полюса или там открытое море, как предполагал Дрейк, один из ваших соотечественников. Итак, несомненно, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они непременно отправились бы вслед за двумя голландцами - Схаутеном и Ле Мером, стремясь, как и они, отгадать эту географическую загадку. - Это были ученые? - спросила леди Элен. - Нет, просто смелые купцы, которых мало заботила научная сторона открытий. В то время существовала голландская Ост-Индская компания, которая одна имела право провозить товары через Магелланов пролив. А так как тогда не знали другого пути в Азию, кроме этого пролива, такая привилегия была просто грабительской. И вот несколько купцов решили уничтожить эту монополию, открыв другой пролив. В их числе был некий Исаак Ле Мер, человек умный и образованный. Он снарядил на

	свои средства экспедицию, во главе которой были поставлены его племянник Якоб Ле Мер и Схаутен, опытный моряк родом из Горна. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне 1615 года, почти через сто лет после Магеллана. Они открыли новый пролив между Землей Штатов и Огненной Землей, названный проливом Ле Мера, а в феврале 1616 года обогнули столь известный теперь мыс Горн, который еще больше чем его собрат, мыс Доброй Надежды, заслуживает названия мыса Бурь. - О, я в самом деле хотел бы быть там! - воскликнул Роберт. - И ты, мой мальчик, испытал бы ни с чем не сравнимое счастье! - с воодушевлением сказал Паганель. - В самом деле, есть ли большее удовлетворение, большая радость, чем те, которые испытывает мореплаватель, нанося на судовую карту свои открытия! Его взору медленно открываются новые земли, они как бы всплывают из морских волн, остров за островом, мыс за мысом. Сначала контуры этих земель на карте прерывисты: тут - отдельный мыс, там - одинокая бухта, дальше - затерянный в пространстве пролив. Но со временем открытия дополняют друг друга, отрезки соединяются, точки сливаются, и вот наконец новый материк с его озерами, реками, речками, горами, долинами, равнинами, деревнями, городами, столицами появляется на глобусе во всем своем великолепии. Ах, друзья мои, человек, открывающий новые земли, - тот же изобретатель! Он переживает те же волнения, те же неожиданности. Но теперь эта золотая жила оскудела: всё видели, всё обследовали, всё, что можно было открыть, открыли, и нам, современным географам, больше нечего делать. - Нет, дорогой Паганель, еще есть что делать, - возразил Гленарван. - А что же? - Да то, что мы делаем. Между тем "Дункан" с изумительной быстротой несся по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября он пересек тропик Козерога и взял курс к знаменитому проливу. Несколько раз едва заметной полоской на горизонте показывались низкие берега Патагонии. До них было больше десяти миль, и Паганель, даже смотря в свою знаменитую подзорную трубу, мог получить об американском побережье лишь весьма неясное представление.
On the 25th of September, the yacht arrived off the Straits of Magellan, and entered them without delay.	25 сентября "Дункан" был уже у Магелланова пролива и уверенно вошел в него.
This route is generally preferred by steamers on their way to the Pacific Ocean.	Пароходы, направляющиеся в Тихий океан, обычно предпочитают этот путь.
The exact length of the straits is 372 miles.	Точная длина Магелланова пролива составляет всего триста семьдесят шесть миль.

Ships of the largest tonnage find, throughout, sufficient depth of water, even close to the shore, and there is a good bottom everywhere, and abundance of fresh water, and rivers abounding in fish, and forests in game, and plenty of safe and accessible harbors; in fact a thousand things which are lacking in Strait Lemaire and Cape Horn, with its terrible rocks, incessantly visited by hurricane and tempest.	Он настолько глубок, что по нему даже у самых берегов могут проходить суда большого водоизмещения. По берегам много источников пресной воды, рек, изобилующих рыбой, лесов, богатых дичью, сколько угодно легкодоступных мест для стоянок. Словом, здесь множество преимуществ, которых нет ни в проливе Ле Мера, ни у мыса Горн с его грозными скалами, где непрестанно свирепствуют ураганы и штормы.
For the first three or four hours-that is to say, for about sixty to eighty miles, as far as Cape Gregory-the coast on either side was low and sandy.	В первые часы, то есть на протяжении шестидесяти - восьмидесяти миль, до самого мыса Грегори, "Дункан" плыл вдоль низких песчаных берегов.
Jacques Paganel would not lose a single point of view, nor a single detail of the straits.	Жак Паганель старался не упустить ни одного уголка берега, ни одной детали пролива.
It would scarcely take thirty-six hours to go through them, and the moving panorama on both sides, seen in all the clearness and glory of the light of a southern sun, was well worth the trouble of looking at and admiring.	Яхта должна была пройти пролив меньше чем за двое суток, и подвижная панорама берегов, залитая сверкающим южным солнцем, конечно, заслуживала такого неотступного наблюдения.
On the Terra del Fuego side, a few wretched-looking creatures were wandering about on the rocks, but on the other side not a solitary inhabitant was visible.	На север ном берегу не видно было жителей, только по обнаженным скалам Огненной Земли бродили несколько туземцев.
Paganel was so vexed at not being able to catch a glimpse of any Patagonians, that his companions were quite amused at him.	Паганелю оставалось лишь сожалеть о том, что он не видит ни одного патагонца; это вызывало в нем сильнейшую досаду, что очень забавляло его спутников.
He would insist that Patagonia without Patagonians was not Patagonia at all.	- Что за Патагония без патагонцев! - с раздражением повторял он.
But Glenarvan replied: "Patience, my worthy geographer. We shall see the Patagonians yet."	- Потерпите, почтенный географ, мы еще увидим патагонцев, - утешал его Гленарван.
"I am not sure of it."	- Далеко не уверен в этом.
"But there is such a people, anyhow," said Lady Helena.	- Но ведь они существуют, - заметила леди Элен.
"I doubt it much, madam, since I don't see them."	- Сомневаюсь в этом, сударыня, раз я не вижу ни одного.
"But surely the very name Patagonia, which means 'great feet' in Spanish, would not have been given to imaginary beings."	- Но ведь кого-то же назвали "патагонцами", что по-испански значит "большие ноги".
"Oh, the name is nothing," said Paganel, who was arguing simply for the sake of arguing. "And besides, to speak the truth, we are not sure if that is their name."	- Э, название ничего не значит! - воскликнул Паганель, упрямо стоявший на своем, чтобы разжечь спор. - А к тому же, сказать по правде, неизвестно еще, как они называются.
"What an idea!" exclaimed Glenarvan. "Did you know that, Major?"	- Не может быть! - удивился Гленарван. - Вы знали это, майор?
"No," replied McNabbs, "and wouldn't give a Scotch pound-note for the information."	- Нет, - ответил Мак-Наббс, - и не дал бы и одного шотландского фунта за то, чтобы узнать.

"You shall hear it, however, Major Indifferent. Though Magellan called the natives Patagonians, the Fuegians called them Tiremenen, the Chilians Caucalhues, the colonists of Carmen Tehuelches, the Araucans Huiliches; Bougainville gives them the name of Chauha, and Falkner that of Tehuelhets.	- И все-таки вы сейчас услышите кое-что об этом, равно душный человек! - заявил Паганель. - Правда, Магеллан наз вал здешних туземцев патагонцами, но арауканы зовут их техуэльче, у Бугенвиля они известны под именем чайхи.
The name they give themselves is Inaken.	Сами же они себя зовут общим именем инакен .
Now, tell me then, how would you recognize them? Indeed, is it likely that a people with so many names has any actual existence?"	Вот и скажите теперь, как тут разобраться и вообще может ли существовать народ, у которого столько названий.
"That's a queer argument, certainly," said Lady Helena.	- Вот это довод! - воскликнула леди Элен.
"Well, let us admit it," said her husband, "but our friend Paganel must own that even if there are doubts about the name of the race there is none about their size."	- Ну, хорошо, - сказал Гленарван, - но наш друг Паганель, наверное, согласится с тем, что если существуют сомнения относительно названия патагонцев, то, по крайней мере, известно, какого они роста.
"Indeed, I will never own anything so outrageous as that," replied Paganel.	- Никогда не соглашусь с таким чудовищным утверждением! - воскликнул Паганель.
"They are tall," said Glenarvan.	- Они высокого роста, - настаивал Гленарван.
"I don't know that."	- Не знаю.
"Are they little, then?" asked Lady Helena.	- Низкого? - спросила леди Элен.
"No one can affirm that they are."	- Никто не может утверждать и этого.
"About the average, then?" said McNabbs.	- Так среднего роста? - проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.
"I don't know that either."	- И это мне не известно.
"That's going a little too far," said Glenarvan. "Travelers who have seen them tell us."	- Ну, это уж слишком! - воскликнул Гленарван. - Путешественники, которые их видели...
"Travelers who have seen them," interrupted Paganel, "don't agree at all in their accounts.	- Путешественники, которые их видели, - перебил его Паганель, - противоречат друг другу.
Magellan said that his head scarcely reached to their waist."	Так, Магеллан говорит, что его голова едва доходила им до пояса...
"Well, then, that proves."	- Ну, вот видите!
"Yes, but Drake declares that the English are taller than the tallest Patagonian?"	- Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше ростом самого высокого патагонца.
"Oh, the English-that may be," replied the Major, disdainfully, "but we are talking of the Scotch."	- Ну, англичане... - презрительно заметил майор. - Вот если бы там были шотландцы...
"Cavendish assures us that they are tall and robust," continued Paganel. "Hawkins makes out they are giants.	- Кавендиш уверял, что патагонцы - народ крепкий и рослый, - продолжал Паганель. - По словам Гаукинса, это просто великаны.
Lemaire and Shouten declare that they are eleven feet high."	Ле Мер и Схаутен приписывают им рост в одиннадцать футов...
"These are all credible witnesses," said Glenarvan.	- Прекрасно! Эти люди заслуживают доверия, - заметил Гленарван.

"Yes, quite as much as Wood, Narborough, and Falkner, who say they are of medium stature.	- Да, но такого же доверия заслуживают и Вуд, и Нарборо, и Фолкнер, а по их мнению - патагонцы среднего роста.
Again, Byron, Giraudais, Bougainville, Wallis, and Carteret, declared that the Patagonians are six feet six inches tall."	Правда, Байрон Ла Жироде, Бугенвиль, Уэлс и Картере утверждают, что средний рост патагонцев - шесть футов шесть дюймов, а господин д'Орбиньи, лучший знаток этих мест, считает, что он равен только пяти футам четырем дюймам.
"But what is the truth, then, among all these contradictions?" asked Lady Helena.	- Но какое же из этих противоречивых показаний верно? - спросила леди Элен.
"Just this, madame; the Patagonians have short legs, and a large bust; or by way of a joke we might say that these natives are six feet high when they are sitting, and only five when they are standing."	- Верно, сударыня, что у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: в них шесть футов, когда они сидят, и только пять, когда стоят.
"Bravo! my dear geographer," said Glenarvan. "That is very well put."	- Браво, милейший ученый! - воскликнул Гленарван. - Вот это хорошо сказано!
"Unless the race has no existence, that would reconcile all statements," returned Paganel. "But here is one consolation, at all events: the Straits of Magellan are very magnificent, even without Patagonians."	- Ну, а если патагонцев вообще не существует, тогда от падают и все разногласия, - продолжал Паганель. - А теперь, друзья мои, замечу в утешение, что Магелланов пролив великолепен и без патагонцев.
Just at this moment the DUNCAN was rounding the peninsula of Brunswick between splendid panoramas.	В это время "Дункан", плывя вдоль живописных берегов, огибал полуостров Брансуик.
Seventy miles after doubling Cape Gregory, she left on her starboard the penitentiary of Punta Arena.	Было пройдено уже семьдесят миль от мыса Грегори, по правому борту осталась исправительная тюрьма в Пунта-Аренас.
The church steeple and the Chilian flag gleamed for an instant among the trees, and then the strait wound on between huge granitic masses which had an imposing effect.	Среди деревьев промелькнул чилийский флаг и колокольня церкви. Пролив катил свои воды среди величественных гранитных массивов.
Cloud-capped mountains appeared, their heads white with eternal snows, and their feet hid in immense forests.	Подножия гор скрывались в огромных лесах, а вершины их, покрытые вечным снегом, терялись в облаках.
Toward the southwest, Mount Tarn rose 6,500 feet high.	На юго-западе поднималась гора Тарн в шесть тысяч пятьсот футов вышиной.
Night came on after a long lingering twilight, the light insensibly melting away into soft shades.	После продолжительных сумерек наступила темнота. Дневной свет постепенно угас, и на землю легли мягкие тени.
These brilliant constellations began to bestud the sky, and the Southern Cross shone out.	Небо загорелось яркими звездами. Созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу.
There were numerous bays along the shore, easy of access, but the yacht did not drop anchor in any; she continued her course fearlessly through the luminous darkness.	В этой сияющей ночи, при свете звезд, заменявших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала свой путь, не бросая якоря ни в одной из удобных бухт, которых здесь так много.

Presently ruins came in sight, crumbling buildings, which the night invested with grandeur, the sad remains of a deserted settlement, whose name will be an eternal protest against these fertile shores and forests full of game.	Часто реи задевали за ветки южных буков, склонявшихся к волнам, часто винт взбивал воды в устьях больших рек, поднимая диких гусей, уток, куликов, чирков и вообще все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались какие-то раз валины и оползни. Ночь придавала им величественный вид. Это были печальные остатки покинутой колонии, имя которой - вечное свидетельство того, что местность эта вовсе не так плодородна, а леса не так богаты дичью, как говорят.
The DUNCAN was passing Fort Famine.	"Дункан" проходил мимо Голодного Порта.
It was in that very spot that Sarmiento, a Spaniard, came in 1581, with four hundred emigrants, to establish a colony.	На этом месте поселился в 1584 году испанец Сармьенто во главе четырехсот эмигрантов.
He founded the city of St. Philip, but the extreme severity of winter decimated the inhabitants, and those who had struggled through the cold died subsequently of starvation.	Здесь он основал город Сан - Филипп. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов. Голод прикончил тех, кого пощадила зима.
Cavendish the Corsair discovered the last survivor dying of hunger in the ruins.	И в 1587 году корсар Кавендиш нашел последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах этого города, просуществовавшего три года, но пережившего, казалось, шесть веков.
After sailing along these deserted shores, the DUNCAN went through a series of narrow passes, between forests of beech and ash and birch, and at length doubled Cape Froward, still bristling with the ice of the last winter.	"Дункан" проплыл вдоль этих пустынных берегов. На рассвете он снова плыл по тесному проливу между буковыми, ясеневыми и березовыми лесами. Время от времени показывались зеленые пригорки, поросшие остролистом холмы, вершины гор. Там, высоко, был виден обелиск Бугенвиля. Яхта прошла мимо устья бухты Сан-Николас. Некогда Бугенвиль назвал ее Французским заливом. Вдали резвились тюлени и киты, о величине которых можно было судить по выбрасываемым ими мощным фонтанам воды, видимым на расстоянии четырех миль. Наконец "Дункан" обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый кое-где зимним льдом.
On the other side of the strait, in Terra del Fuego, stood Mount Sarmiento, towering to a height of 6,000 feet, an enormous accumulation of rocks, separated by bands of cloud, forming a sort of aerial archipelago in the sky.	По другую сторону пролива, на Огненной Земле, поднималась на шесть тысяч футов в небо гора Сармьенто - гигантское нагромождение утесов и скал, между которыми проползали облака, образуя как бы воздушный архипелаг.

It is at Cape Froward that the American continent actually terminates, for Cape Horn is nothing but a rock sunk in the sea in latitude 52 degrees.	В сущности, мысом Фроуорд и заканчивается Америка, ибо мыс Горн - не что иное, как утес, затерявшийся в океане под 56° южной широты. После мыса Фроуорд, между полуостровом Брансуик и островом Десоласьон, пролив суживается. Этот длинный остров вытянулся среди множества мелких островков, напоминая колоссального кита, выброшенного на усеянный валунами берег. Как не похож этот изрезанный конец Американского материка на ровные, правильные оконечности Африки, Австралии и Индии! Какая неведомая катастрофа искрошила этот огромный мыс, брошенный между двух океанов! Далее вместо плодородного побережья протянулись пустынные, дикие берега, изрезанные запутанным лабиринтом узких проток. "Дункан" неуклонно и безошибочно шел этими капризными извилинами, смешивая столбы дыма из своих труб с туманом, сквозь который порой проглядывали скалы. Не замедляя хода, яхта прошла мимо нескольких испанских факторий, обосновавшихся на этих безлюдных берегах.
At Cape Momax the straits widened, and she was able to get round Narborough Isles and advance in a more southerly direction, till at length the rock of Cape Pilares, the extreme point of Desolation Island, came in sight, thirty-six hours after entering the straits.	Затем пролив снова расширяется. "Дункан", обойдя крутые берега островов Нарборо, приблизился к южному побережью. Наконец, через тридцать шесть часов после входа в пролив, на "Дункане" увидели скалу мыса Пилар на самой окраине острова Десоласьон.
Before her stem lay a broad, open, sparkling ocean, which Jacques Paganel greeted with enthusiastic gestures, feeling kindred emotions with those which stirred the bosom of Ferdinand de Magellan himself, when the sails of his ship, the TRINIDAD, first bent before the breeze from the great Pacific.	Огромное, просторное, сверкающее море простиралось перед форштевнем "Дункана". И Жак Паганель, приветствуя море восторженным жестом, был взволнован не менее, чем сам Магеллан, когда его корабль "Тринидад" накренился под ветром Тихого океана.
CHAPTER X THE COURSE DECIDED	Глава X ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
A WEEK after they had doubled the Cape Pilares, the DUNCAN steamed into the bay of Talcahuano, a magnificent estuary, twelve miles long and nine broad.	Через неделю после того, как "Дункан" обогнул мыс Пилар, он на всех парах вошел в бухту Талькауано - великолепную гавань длиной в двенадцать и шириной в девять миль.
The weather was splendid.	Погода была прекрасная.
From November to March the sky is always cloudless, and a constant south wind prevails, as the coast is sheltered by the mountain range of the Andes.	В этом краю с ноября по март на небе не видно ни одной тучки, и вдоль берегов, защищенных Кордильерами, неизменно дует южный ветер.
In obedience to Lord Glenarvan's order, John Mangles had sailed as near the archipelago of Chiloe as possible, and examined all the creeks and windings of the coast, hoping to discover some traces of the shipwreck.	По приказанию лорда Гленарвана Джон Манглс вел яхту вблизи берегов архипелага Чилоэ и других бесчисленных осколков этой части Американского материка.

A broken spar, or any fragment of the vessel, would have put them in the right track; but nothing whatever was visible, and the yacht continued her route, till she dropped anchor at the port of Talcahuano, forty-two days from the time she had sailed out of the fogs of the Clyde.	Здесь какой-нибудь обломок, сломанная мачта, кусок дерева, обработанный человеческой рукой, могли навести "Дункан" на след крушения "Британии". Но ничего такого не было видно. Яхта продолжала свой путь и, наконец, через сорок два дня после того, как покинула туманные воды Фёрт-оф-Клайд, бросила якорь в порту Талькауано.
Glenarvan had a boat lowered immediately, and went on shore, accompanied by Paganel.	Тотчас же Гленарван велел спустить на воду шлюпку, сел в нее вместе с Паганелем, и вскоре они высадились на берег у бревенчатого мола.
The learned geographer gladly availed himself of the opportunity of making use of the language he had been studying so conscientiously, but to his great amazement, found he could not make himself understood by the people.	Ученый-географ хотел было применить на практике свой испанский язык, над изучением которого он так добросовестно потрудился, но, к его крайнему удивлению, туземцы его не понимали.
"It is the accent I've not got," he said.	- Очевидно, у меня плохое произношение, - сказал он.
"Let us go to the Custom-house," replied Glenarvan.	- Отправимся в таможню, - сказал Гленарван.
They were informed on arriving there, by means of a few English words, aided by expressive gestures, that the British Consul lived at Concepcion, an hour's ride distant.	В таможне с помощью нескольких английских слов и вы разительных жестов ему дали понять, что английский консул живет в Консепсьоне, на расстоянии часа езды.
Glenarvan found no difficulty in procuring two fleet horses, and he and Paganel were soon within the walls of the great city, due to the enterprising genius of Valdivia, the valiant comrade of the Pizarros.	Гленарван легко нашел двух хороших верховых лошадей, и вскоре они с Паганелем уже въезжали в этот большой город, обязанный своим существованием предприимчивому Вальдивия, спутнику братьев Писарро.
How it was shorn of its ancient splendor!	Но в какой упадок пришел некогда великолепный город!
Often pillaged by the natives, burned in 1819, it lay in desolation and ruins, its walls still blackened by the flames, scarcely numbering 8,000 inhabitants, and already eclipsed by Talcahuano.	Подвергающийся набегам индейцев, пострадавший от пожара в 1819 году, со стенами, еще черными от огня, опустошенный, разоренный, он насчитывал теперь едва восемь тысяч жителей, уступая по значению соседнему городу - Талькауано.
The grass was growing in the streets, beneath the lazy feet of the citizens, and all trade and business, indeed any description of activity, was impossible.	Жители Консепсьона были до того ленивы, что улицы его зарастали травой, как луга. Никакой торговли, никакой деятельности, никаких дел.
The notes of the mandolin resounded from every balcony, and languishing songs floated on the breeze.	С каждого балкона неслись звуки мандолины, а из-за решетчатых ставен слышалось томное пение.
Concepcion, the ancient city of brave men, had become a village of women and children.	Консепсьон, бывший когда-то городом мужчин, стал селением женщин и детей.
Lord Glenarvan felt no great desire to inquire into the causes of this decay, though Paganel tried to draw him into a discussion on the subject.	Гленарван не выказал большого желания углубляться в причины такого упадка, хотя Паганель и порывался заговорить на эту тему.

He would not delay an instant, but went straight on to the house of Mr. Bentic, her Majesty's Consul, who received them very courteously, and, on learning their errand, undertook to make inquiries all along the coast.	Не теряя ни минуты, Гленарван отправился к консулу ее величества британской королевы Дж. Р. Бентоку, эсквайру, который принял его очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, взялся навести справки по всему побережью.
But to the question whether a three-mast vessel, called the BRITANNIA, had gone ashore either on the Chilian or Araucanian coast, he gave a decided negative.	Консул Бенток ничего не знал относительно того, было ли выброшено у тридцать седьмой параллели, на чилийском или арауканском побережье, трехмачтовое судно "Британия".
No report of such an event had been made to him, or any of the other consuls.	Ни каких подобных сведений не поступило ни к нему, ни к его коллегам, консулам других стран.
Glenarvan, however, would not allow himself to be disheartened; he went back to Talcahuano, and spared neither pains nor expense to make a thorough investigation of the whole seaboard.	Гленарвана это, однако, не обескуражило. Он вернулся в Талькауано и, не жалея ни хлопот, ни денег, разослал по всему побережью людей на разведку.
But it was all in vain. The most minute inquiries were fruitless, and Lord Glenarvan returned to the yacht to report his ill success.	Тщетно: самые подробные опросы прибрежного населения ничего не дали. Из этого следовало, что после крушения "Британии" от нее не осталось никаких следов. Гленарван уведомил своих спутников о безрезультатности предпринятых им розысков.
Mary Grant and her brother could not restrain their grief.	Мери Грант и ее брат не смогли скрыть горя. Прошло уже шесть дней со времени прибытия "Дункана" в Талькауано. Его пассажиры собрались на юте.
Lady Helena did her best to comfort them by loving caresses, while Jacques Paganel took up the document and began studying it again.	Леди Элен старалась утешить - конечно, не словами (что могла она сказать!), а ласками - детей капитана. Жак Паганель снова взялся за документ: он с глубочайшим вниманием рассматривал его, словно стремясь выпытать у него нечто новое.
He had been poring over it for more than an hour when Glenarvan interrupted him and said:	Уже целый час географ разглядывал документ, когда Гленарван вдруг обратился к нему:
"Paganel!	- Паганель!
I appeal to your sagacity.	Я полагаюсь на вашу проницательность.
Have we made an erroneous interpretation of the document?	Не ошибочно ли наше толкование этого документа?
Is there anything illogical about the meaning?"	Логичны ли дополненные нами слова?
Paganel was silent, absorbed in reflection.	Паганель ничего не ответил: он размышлял.
"Have we mistaken the place where the catastrophe occurred?" continued Glenarvan. "Does not the name Patagonia seem apparent even to the least clear-sighted individual?"	- Быть может, мы неверно определили предположительное место катастрофы? - продолжал Гленарван. - Разве слово "Патагония" не бросается в глаза даже самому недогадливому человеку?
Paganel was still silent.	Паганель продолжал молчать.
"Besides," said Glenarvan, "does not the word INDIEN prove we are right?"	- Наконец, слово "индеец" не говорит ли за то, что мы правы? - прибавил Гленарван.

"Perfectly so," replied McNabbs.	- Несомненно, - отозвался Мак-Наббс.
"And is it not evident, then, that at the moment of writing the words, the shipwrecked men were expecting to be made prisoners by the Indians?"	- А если так, разве не очевидно, что потерпевшим крушение в ту минуту, когда они писали эти строки, грозила опасность попасть в плен к индейцам?..
"I take exception to that, my Lord," said Paganel; "and even if your other conclusions are right, this, at least, seemed to me irrational."	- Тут я остановлю вас, дорогой Гленарван, - заговорил наконец Паганель. - Если ваши первые выводы верны, то последний, во всяком случае, мне не кажется правильным.
"What do you mean?" asked Lady Helena, while all eyes were fixed on the geographer.	- Что вы хотите сказать? - спросила леди Элен. Все взоры устремились на географа.
"I mean this," replied Paganel, "that Captain Grant is now a prisoner among the Indians, and I further add that the document states it unmistakably."	- Я хочу сказать, что капитан Грант в настоящее время в плену у индейцев, - раздельно произнес Паганель, - и добавлю, что документ не оставляет никаких сомнений на этот счет.
"Explain yourself, sir," said Mary Grant.	- Объясните, господин Паганель, - попросила мисс Грант.
"Nothing is plainer, dear Mary. Instead of reading the document seront prisonniers, read sont prisonniers, and the whole thing is clear."	- Нет ничего легче, дорогая Мери: вместо того чтобы читать "станут пленниками", нужно читать "стали пленниками", и тогда все становится ясно.
"But that is impossible," replied Lord Glenarvan.	- Но это невозможно! - воскликнул Гленарван.
"Impossible! and why, my noble friend?" asked Paganel, smiling.	- Невозможно? А почему, мой уважаемый друг? - спросил, улыбаясь, Паганель.
"Because the bottle could only have been thrown into the sea just when the vessel went to pieces on the rocks, and consequently the latitude and longitude given refer to the actual place of the shipwreck."	- Да потому, что бутылка могла быть брошена только в тот момент, когда судно разбилось о скалы. Отсюда и вывод, что градусы широты и долготы, означенные в документе, указы вают место крушения.
"There is no proof of that," replied Paganel, "and I see nothing to preclude the supposition that the poor fellows were dragged into the interior by the Indians, and sought to make known the place of their captivity by means of this bottle."	- Это не доказано! - с живостью возразил Паганель. - Не вижу, почему потерпевшие крушение не могли бы попытаться дать знать с помощью этой бутылки, где они находятся, уже после того, как индейцы увели их вглубь материка.
"Except this fact, my dear Paganel, that there was no sea, and therefore they could not have flung the bottle into it."	- По одной простой причине, дорогой Паганель: для того чтобы бросить в море бутылку, надо, во всяком случае, быть у моря.
"Unless they flung it into rivers which ran into the sea," returned Paganel.	- Или, за отсутствием моря, у рек, впадающих в него.
This reply was so unexpected, and yet so admissible, that it made them all completely silent for a minute, though their beaming eyes betrayed the rekindling of hope in their hearts.	Удивленное молчание встретило этот ответ - неожиданный, но вполне приемлемый. По заблестевшим глазам слушателей Паганель мог понять, что в сердце каждого из них снова затеплилась надежда.
Lady Helena was the first to speak.	Первой прервала молчание леди Элен.
"What an idea!" she exclaimed.	- Какая мысль! - воскликнула она.

"And what a good idea," was Paganel's naive rejoinder to her exclamation.	- И какая хорошая мысль! - наивно добавил географ.
"What would you advise, then?" said Glenarvan.	- Так вы думаете... - начал Гленарван.
"My advice is to follow the 37th parallel from the point where it touches the American continent to where it dips into the Atlantic, without deviating from it half a degree, and possibly in some part of its course we shall fall in with the shipwrecked party."	- Я думаю, что надо найти место пересечения Американского материка тридцать седьмой параллелью и затем следовать вдоль нее, не уклоняясь ни на полградуса, до той точки, где эта параллель уходит в Атлантический океан. Двигаясь по этому маршруту, нам, быть может, и удастся найти потерпевших крушение на "Британии".
"There is a poor chance of that," said the Major.	- Слабая надежда, - заметил майор.
"Poor as it is," returned Paganel, "we ought not to lose it. If I am right in my conjecture, that the bottle has been carried into the sea on the bosom of some river, we cannot fail to find the track of the prisoners.	- Хоть и слабая, но нельзя пренебрегать и такой, - возразил Паганель. - Если предположение мое верно и бутылка была действительно принесена в океан водами одной из рек этого материка, мы непременно нападем на следы пленников.
You can easily convince yourselves of this by looking at this map of the country."	Смотрите, друзья мои, смотрите на карту этой страны: я все докажу вам с полной очевидностью!
He unrolled a map of Chili and the Argentine provinces as he spoke, and spread it out on the table.	Говоря это, Паганель разложил на столе карту Чили и аргентинских провинций.
"Just follow me for a moment," he said, "across the American continent.	- Смотрите же, - повторил он, - и следуйте за мной в этой прогулке по Американскому материку.
Let us make a stride across the narrow strip of Chili, and over the Cordilleras of the Andes, and get into the heart of the Pampas.	Переберемся через узкую полосу Чили. Перевалим через Андские хребты. Спустимся к пампасам.
Shall we find any lack of rivers and streams and currents?	Разве в этой местности мало рек, речек, горных потоков?
No, for here are the Rio Negro and Rio Colorado, and their tributaries intersected by the 37th parallel, and any of them might have carried the bottle on its waters.	Наоборот. Вот Рио-Негро, вот Рио-Колорадо, вот их притоки; все они пересечены тридцать седьмой параллелью, и все они свободно могли унести в море бутылку с документом.
Then, perhaps, in the midst of a tribe in some Indian settlement on the shores of these almost unknown rivers, those whom I may call my friends await some providential intervention.	Быть может, там, среди какого-нибудь оседлого племени индейцев, на берегу одной из этих малоизвестных рек, в каком-нибудь горном ущелье те, кого я вправе назвать нашими друзья ми, ждут, томясь в плену, чудесного избавления.
Ought we to disappoint their hopes?	Можем ли мы обмануть их надежды?
Do you not all agree with me that it is our duty to go along the line my finger is pointing out at this moment on the map, and if after all we find I have been mistaken, still to keep straight on and follow the 37th parallel till we find those we seek, if even we go right round the world?"	Разве вы не согласны, что нам на до неуклонно придерживаться линии, которую мой палец про водит сейчас по карте? А если, вопреки моим предположениям, я и на этот раз ошибаюсь, разве долг не велит нам двигаться по тридцать седьмой параллели, и если это понадобится для разыскания потерпевших крушение, то и совершить по ней кругосветное путешествие?

His generous enthusiasm so touched his auditors that, involuntarily, they rose to their feet and grasped his hands, while Robert exclaimed as he devoured the map with his eyes:	Эти великодушные слова, произнесенные Паганелем с таким воодушевлением, произвели глубокое впечатление на слушателей.
"Yes, my father is there!"	Все встали и стали пожимать ему руку.
"And where he is," replied Glenarvan, "we'll manage to go, my boy, and find him.	- Да, мой отец там! - крикнул Роберт, жадно глядя на карту.
Nothing can be more logical than Paganel's theory, and we must follow the course he points out without the least hesitation.	- И мы найдем его, где бы он ни был, мой мальчик, - заявил Гленарван. - Действительно, ничего не может быть логичнее толкования документа, сделанного нашим другом Паганелем, и надо без всяких колебаний идти по указанному им пути.
Captain Grant may have fallen into the hands of a numerous tribe, or his captors may be but a handful.	Капитан Грант мог попасть в плен к многочисленному племени или к племени небольшому.
In the latter case we shall carry him off at once, but in the event of the former, after we have reconnoitered the situation, we must go back to the DUNCAN on the eastern coast and get to Buenos Ayres, where we can soon organize a detachment of men, with Major McNabbs at their head, strong enough to tackle all the Indians in the Argentine provinces."	В последнем случае мы сами его освободим. В первом же - разузнав о положении капитана, мы возвращаемся на восточное побережье, садимся на "Дункан" и достигаем Буэнос-Айреса. Здесь майор Мак-Наббс организует такой отряд, который справится со всеми индейцами аргентинских провинций.

"That's capital, my Lord," said John Mangles, "and I may add, that there is no danger whatever crossing the continent."	- Правильно, правильно, милорд! - воскликнул Джон Манглс. - А я еще добавлю, что этот переход через материк безопасен. - Безопасен и неутомителен, - подтвердил Паганель. - Сколько людей совершили этот переход, не располагая нашими возможностями и не имея перед собой, как мы, великой цели, их воодушевляющей! Разве некий Базилио Вильярмо не прошел в 1782 году от Кармен-де-Патагонес до Анд? А чилиец, судья из провинции Консепсьон, дон Луис де ла Крус, выйдя в 1806 году из Антуко и перевалив через Анды, не добрался ли через сорок дней до Буэнос-Айреса, следуя по той же тридцать седьмой параллели? Наконец, полковник Гарсиа, г-н Альсид д'Орбиньи и мой почтенный коллега доктор Мартин де Мусси - разве они не изъездили этот край во всех направлениях, совершив во имя науки то, что мы собираемся совершить во имя человеколюбия! - Господин Паганель! Господин Паганель! - воскликнула Мери Грант дрожащим от волнения голосом. - Как отблагодарить вас за самоотверженность, которая подвергнет вас стольким опасностям! - Опасностям? - воскликнул Паганель. - Кто произнес здесь слово "опасность"? - Не я! - отозвался Роберт. Глаза мальчугана сверкали и были полны решимости. - Опасности! - продолжал Паганель. - Да разве они есть? И вообще, о чем говорить? Путешествие всего в каких-нибудь тысячу четыреста километров - ведь мы будем двигаться по прямой линии; путешествие, которое будет совершаться под широтами, соответствующими широтам Испании, Сицилии, Греции в Северном полушарии, значит, почти в таком же климате, наконец, путешествие, которое продлится не больше месяца. Да это прогулка!
"Monsieur Paganel," asked Lady Helena, "you have no fear then that if the poor fellows have fallen into the hands of the Indians their lives at least have been spared."	- Господин Паганель, - обратилась к нему леди Элен, - значит, вы думаете, что если потерпевшие крушение попали в руки индейцев, им пощадили жизнь?
"What a question?	- Думаю ли я, сударыня?
Why, madam, the Indians are not anthropophagi!	Но эти индейцы не людоеды!
Far from it.	Отнюдь!
One of my own countrymen, M. Guinnard, associated with me in the Geographical Society, was three years a prisoner among the Indians in the Pampas.	Один мой соотечественник, знакомый мне по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампасах в плену у индейцев.
He had to endure sufferings and ill-treatment, but came off victorious at last.	Правда, он перенес там немало страданий, с ним плохо обращались, но в конце концов он вышел победителем из этого испытания.
A European is a useful being in these countries.	В этих краях европейца считают полезным.

The Indians know his value, and take care of him as if he were some costly animal."	Индейцы знают ему цену и заботятся о нем, как о самом полезном животном.
"There is not the least room then for hesitation," said Lord Glenarvan. "Go we must, and as soon as possible.	- Итак, решено! - заявил Гленарван. - Нужно отправляться, и немедленно.
What route must we take?"	Каким будет наш путь?
"One that is both easy and agreeable," replied Paganel. "Rather mountainous at first, and then sloping gently down the eastern side of the Andes into a smooth plain, turfed and graveled quite like a garden."	- Нетрудным и приятным, - ответил Паганель. - Вначале горы, потом отлогий восточный склон Кордильер, а дальше - гладкая равнина с травкой и песочком: настоящий сад.
"Let us see the map?" said the Major.	- Посмотрим по карте, - предложил майор.
"Here it is, my dear McNabbs.	- Вот, дорогой Мак-Наббс.
We shall go through the capital of Araucania, and cut the Cordilleras by the pass of Antuco, leaving the volcano on the south, and gliding gently down the mountain sides, past the Neuquem and the Rio Colorado on to the Pampas, till we reach the Sierra Tapalquen, from whence we shall see the frontier of the province of Buenos Ayres.	Мы выступим из той точки чилийского побережья между мысом Румена и заливом Карнеро, где тридцать седьмая параллель вступает на Американский материк. Миновав столицу Араукании, мы горным проходом Антуко перевалим через Береговые Кордильеры, причем вулкан останется в стороне, на юге. Затем спустимся по пологим склонам гор, переберемся через Рио-Колорадо и двинемся через пампасы к озеру Салина-Гранде, к реке Гуамини, к Сьерра - Тапальке. В этом месте проходит граница провинции Буэнос - Айрес.
These we shall pass by, and cross over the Sierra Tandil, pursuing our search to the very shores of the Atlantic, as far as Point Medano."	Перейдя ее, мы поднимемся на Сьерра-дель-Тандиль и продолжим наши поиски до мыса Меданос на побережье Атлантического океана.
Paganel went through this programme of the expedition without so much as a glance at the map.	Описывая маршрут предстоящей экспедиции, Паганель даже не потрудился взглянуть на лежавшую перед его глазами кар ту: он не нуждался в ней.
He was so posted up in the travels of Frezier, Molina, Humboldt, Miers, and Orbigny, that he had the geographical nomenclature at his fingers' ends, and could trust implicitly to his never-failing memory.	Его четкая память, хранившая труды Фрезье, Молина, Гумбольдта, Мьерса, д'Орбиньи, не могла ни ошибиться, ни запутаться. Покончив с этой географической номенклатурой, Паганель прибавил:
"You see then, friend," he added, "that it is a straight course.	- Итак, друзья мои, путь наш прям.
In thirty days we shall have gone over it, and gained the eastern side before the DUNCAN, however little she may be delayed by the westerly winds."	В месяц мы его за кончим и будем на восточном побережье даже раньше "Дункана", если его хоть немного задержит в пути западный ветер.
"Then the DUNCAN is to cruise between Corrientes and Cape Saint Antonie," said John Mangles.	- Стало быть, "Дункану" придется крейсировать между мысами Корьентес и Сан-Антонио? - спросил Джон Манглс.
"Just so."	- Именно так.

"And how is the expedition to be organized?" asked Glenarvan.	- А какой вы наметили бы состав нашей экспедиции? - спросил Гленарван.
"As simply as possible.	- Самый малый.
All there is to be done is to reconnoiter the situation of Captain Grant and not to come to gunshot with the Indians.	Ведь наша цель - разузнать, что с капитаном Грантом. Мы же не собираемся сразу вступать в бой с индейцами.
I think that Lord Glenarvan, our natural leader; the Major, who would not yield his place to anybody; and your humble servant, Jacques Paganel."	Я думаю, пойдет лорд Гленарван - он, разумеется, будет нашим предводителем; майор, который, конечно, никому не согласился бы уступить свое место; ваш покорный слуга Жак Паганель...
"And me," interrupted Robert.	- И я! - крикнул юный Грант.
"Robert, Robert!" exclaimed Mary.	- Роберт! Роберт! - остановила его сестра.
"And why not?" returned Paganel. "Travels form the youthful mind.	- А почему бы и нет? - возразил Паганель. - Юноши закаляются в путешествиях.
Yes, Robert, we four and three of the sailors."	Итак, мы четверо и трое матросов с "Дункана"...
"And does your Lordship mean to pass me by?" said John Mangles, addressing his master.	- Как, - спросил Джон Манглс Гленарвана, - а меня вы не берете?
"My dear John," replied Glenarvan, "we leave passengers on board, those dearer to us than life, and who is to watch over them but the devoted captain?"	- Дорогой Джон, мы ведь оставляем на борту яхты наших пассажирок, то есть самое драгоценное для нас на свете. Кто лучше может о них позаботиться, чем преданный капитан "Дункана"!
"Then we can't accompany you?" said Lady Helena, while a shade of sadness beclouded her eyes.	- Так, значит, мы не сможем пойти с вами? - сказала леди Элен. Взор ее затуманился грустью.
"My dear Helena, the journey will so soon be accomplished that it will be but a brief separation, and-"	- Дорогая Элен, - ответил Гленарван, - наше путешествие должно совершиться в кратчайший срок. Мы расстаемся не надолго, и...
"Yes, dear, I understand, it is all right; and I do hope you may succeed."	- Да, друг мой, я понимаю вас, - промолвила леди Элен. - Поезжайте, горячо желаю вам успеха!
"Besides, you can hardly call it a journey," added Paganel.	- К тому же это даже не путешествие, - заявил Паганель.
"What is it, then?"	- Что же это такое? - спросила леди Элен.
"It is just making a flying passage across the continent, the way a good man goes through the world, doing all the good he can.	- Да просто переход. Мы совершим его, как совершают путь земной все честные люди, творя добро по мере сил.
Transire beneficiendo-that is our motto."	Transire Benefaciendo - вот наш девиз.
This ended the discussion, if a conversation can be so called, where all who take part in it are of the same opinion.	Этими словами Паганеля спор закончился, если спором можно назвать разговор, все участники которого держатся одного мнения.
Preparations commenced the same day, but as secretly as possible to prevent the Indians getting scent of it.	В тот же день начались приготовления к экспедиции. Решено было держать их в строжайшей тайне, чтобы не привлечь внимания индейцев.
The day of departure was fixed for the 14th of October.	Отъезд назначили на 14 октября.

The sailors were all so eager to join the expedition that Glenarvan found the only way to prevent jealousy among them was to draw lots who should go.	Когда речь зашла о том, кто из матросов отправится, все они предложили свои услуги. Гленарван не знал, кого выбрать, и, не желая обидеть никого из этих славных малых, решил бросить жребий.
This was accordingly done, and fortune favored the chief officer, Tom Austin, Wilson, a strong, jovial young fellow, and Mulrady, so good a boxer that he might have entered the lists with Tom Sayers himself.	Так и было сделано. Повезло помощнику капитана Тому Остину, силачу Вильсону и Мюльреди, который, пожалуй, мог бы состязаться в боксе с самим Томом Сайерсом.
Glenarvan displayed the greatest activity about the preparations, for he was anxious to be ready by the appointed day.	Гленарван проявил исключительную энергию в этих приготовлениях. Он желал завершить их в назначенный день и добился этого.
John Mangles was equally busy in coaling the vessel, that she might weigh anchor at the same time.	Не менее энергично, чем Гленарван, действовал Джон Манглс.
There was quite a rivalry between Glenarvan and the young captain about getting first to the Argentine coast.	Он спешил запастись углем, чтобы немедленно выйти снова в море. Джону хотелось прибыть на аргентинское побережье раньше путешественников. И вот между Гленарваном и молодым капитаном возникло настоящее соперничество, и оно, конечно, послужило на пользу дела.
Both were ready on the 14th.	14 октября в назначенный час все были готовы.
The whole search party assembled in the saloon to bid farewell to those who remained behind.	В момент отплытия пассажиры яхты собрались в кают-компании.
The DUNCAN was just about to get under way, and already the vibration of the screw began to agitate the limpid waters of Talcahuano, Glenarvan, Paganel, McNabbs, Robert Grant, Tom Austin, Wilson, and Mulrady, stood armed with carbines and Colt's revolvers.	"Дункан" уже снимался с якоря, и лопасти его винта будоражили прозрачные воды бухты Талькауано. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт Грант, Том Остин, Вильсон и Мюльреди, вооруженные карабинами и кольтами, готовились покинуть яхту.
Guides and mules awaited them at the landing stairs of the harbor.	Проводники и мулы ждали их у конца бревенчатого мола.
"It is time," said Lord Glenarvan at last.	- Пора, - вымолвил наконец лорд Гленарван.
"Go then, dear Edward," said Lady Helena, restraining her emotion.	- Ну, отправляйтесь, друг мой, - стараясь сдержать волнение, ответила леди Элен.
Lord Glenarvan clasped her closely to his breast for an instant, and then turned away, while Robert flung his arms round Mary's neck.	Лорд Гленарван прижал ее к груди. Роберт бросился на шею сестре.
"And now, friends," said Paganel, "let's have one good hearty shake of the hand all round, to last us till we get to the shores of the Atlantic."	- А теперь, дорогие друзья, - воскликнул Паганель, - покрепче пожмем на прощанье друг другу руки, чтобы это рукопожатие чувствовалось до самой нашей встречи на берегах Атлантического океана!
This was not much to ask, but he certainly got strong enough grips to go some way towards satisfying his desire.	Это, конечно, было невозможно. Однако некоторые обнимались так горячо, что пожелание почтенного ученого могло, пожалуй, и осуществиться.

All went on deck now, and the seven explorers left the vessel.	Все, кто оставался, снова поднялись на палубу, а семеро путешественников покинули "Дункан".
They were soon on the quay, and as the yacht turned round to pursue her course, she came so near where they stood, that Lady Helena could exchange farewells once more. "God help you!" she called out.	Вскоре они высадились у набережной. Маневрировавшая в это время яхта подошла к ней ближе чем на полкабельтова . - Счастливого пути и успеха, друзья мои! - крикнула в последний раз леди Элен с юта.
"Heaven will help us, madam," shouted Paganel, in reply, "for you may be sure we'll help ourselves."	- Вперед! - скомандовал Джон Манглс машинисту.
"Go on," sung out the captain to his engineer.	- В путь! - как бы перекликаясь с капитаном, крикнул лорд Гленарван.
At the same moment Lord Glenarvan gave the signal to start, and away went the mules along the coast, while the DUNCAN steamed out at full speed toward the broad ocean.	И в тот момент, когда наши всадники понеслись по прибрежной дороге, "Дункан" на всех парах направился в открытое море.
CHAPTER XI TRAVELING IN CHILI	Глава XI ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЧИЛИ
THE native troops organized by Lord Glenarvan consisted of three men and a boy.	Гленарван взял с собой четырех проводников-туземцев: трех мужчин и одного мальчика.
The captain of the muleteers was an Englishman, who had become naturalized through twenty years' residence in the country.	Во главе их стоял англичанин, проживший в этой стране более двадцати лет.
He made a livelihood by letting out mules to travelers, and leading them over the difficult passes of the Cordilleras, after which he gave them in charge of a BAQUEANO, or Argentine guide, to whom the route through the Pampas was perfectly familiar.	Занимался он тем, что отдавал внаем мулов путешественникам и был про водником через Кордильеры. Перевалив через горы, он обыкновенно передавал своих путешественников "бакеано" - аргентинскому проводнику, хорошо знакомому с дорогами в пампасах.
This Englishman had not so far forgotten his mother tongue among mules and Indians that he could not converse with his countrymen, and a lucky thing it was for them, as Lord Glenarvan found it far easier to give orders than to see them executed, Paganel was still unsuccessful in making himself understood.	Англичанин еще не совсем забыл в обществе индейцев и мулов свой родной язык и мог разговаривать с нашими путешественниками. Гленарван был очень рад, что благодаря этому индейцы понимали и выполняли его приказы, ведь Жаку Паганелю никак не удавалось объясниться с ними.
The CATAPEZ, as he was called in Chilian, had two natives called PEONS, and a boy about twelve years of age under him.	При проводнике (туземцы называли его "катапац") было два подручных пеона и двенадцатилетний мальчуган.
The PEONS took care of the baggage mules, and the boy led the MADRINA, a young mare adorned with rattle and bells, which walked in front, followed by ten mules.	Пеоны погоняли мулов, нагруженных багажом экспедиции, а мальчик вел "мадрину" - невысокую кобылу с бубенчиками. Мадрина шла впереди, десять мулов следовали за ней.
The travelers rode seven of these, and the CATAPEZ another.	На семи из них ехали наши путешественники, на восьмом - катапац.
The remaining two carried provisions and a few bales of goods, intended to secure the goodwill of the Caciques of the plain.	Остальные два мула были нагружены съестными припасами и рулонами ткани, которые должны были задобрить касиков .
The PEONS walked, according to their usual habit.	Пеоны шли, как они привыкли, пешком.

Every arrangement had been made to insure safety and speed, for crossing the Andes is something more than an ordinary journey.	Переход через Южную Америку обещал быть быстрым и безопасным. Перевалить через Анды не так-то легко.
It could not be accomplished without the help of the hardy mules of the far-famed Argentine breed.	Сделать это можно, только имея в своем распоряжении выносливых мулов, из ко торых наиболее ценятся аргентинские.
Those reared in the country are much superior to their progenitors.	У этих превосходных животных выработались свойства, какими порода их первона чально не обладала.
They are not particular about their food, and only drink once a day, and they can go with ease ten leagues in eight hours.	Они неприхотливы в пище, пьют раз в день, легко проходят сорок километров за восемь часов и сво бодно несут груз в четырнадцать арробов.
There are no inns along this road from one ocean to another.	На всем пути от одного океана до другого нет ни одного постоялого двора.
The only viands on which travelers can regale themselves are dried meat, rice seasoned with pimento, and such game as may be shot en route.	Обычно путешественники питаются в дороге сушеным мясом, рисом, приправленным перцем, и дичью, ко торую удается подстрелить.
The torrents provide them with water in the mountains, and the rivulets in the plains, which they improve by the addition of a few drops of rum, and each man carries a supply of this in a bullock's horn, called CHIFFLE.	В горах пьют из потоков, на равнине - из ручьев. К воде прибавляют несколько капель рома, хранящегося у каждого путешественника в бычьем роге - шифле.
They have to be careful, however, not to indulge too freely in alcoholic drinks, as the climate itself has a peculiarly exhilarating effect on the nervous system.	Впрочем, в тех краях лучше пить поменьше спиртного, ибо нервы и без того в очень возбужденном состоянии.
As for bedding, it is all contained in the saddle used by the natives, called RECADO.	А все постельные принадлежности заменяет туземное седло - рекадо.
This saddle is made of sheepskins, tanned on one side and woolly on the other, fastened by gorgeous embroidered straps.	Оно сделано из пелионов - бараньих шкур, дубленных с одной стороны и покрытых шерстью с другой, - и укрепляется на муле широкими, роскошно вышитыми подпругами.
Wrapped in these warm coverings a traveler may sleep soundly, and brave exposure to the damp nights.	Ночью путешественник, завернувшись в эти теплые пелионы, спокойно спит: ему нипочем никакая сырость.
Glenarvan, an experienced traveler, who knew how to adapt himself to the customs of other countries, adopted the Chilian costume for himself and his whole party.	Гленарван, бывалый путешественник, умеющий приноравливаться к местным обычаям, оделся сам и одел своих спутников в чилийские одежды.
Paganel and Robert, both alike children, though of different growth, were wild with delight as they inserted their heads in the national PONCHO, an immense plaid with a hole in center, and their legs in high leather boots.	Паганель и Роберт - большое дитя и малое - пришли в невыразимый восторг, когда просунули го ловы в чилийское пончо - широкий плащ с отверстием посередине, а на ноги натянули сапоги из лошадиной кожи.

The mules were richly caparisoned, with the Arab bit in their mouths, and long reins of plaited leather, which served as a whip; the headstall of the bridle was decorated with metal ornaments, and the ALFORJAS, double sacks of gay colored linen, containing the day's provisions.	И надо было видеть, какой вид имели их мулы в богатой сбруе, с арабскими удилами во рту, с длинными плетеными поводьями, служившими в то же время и кнутом, с металлическими украшениями на уздечке, с яркими альфорхас - двойными холщовыми мешками с дневным запасом продуктов.
Paganel, DISTRAIT as usual, was flung several times before he succeeded in bestriding his good steed, but once in the saddle, his inseparable telescope on his shoulder-belt, he held on well enough, keeping his feet fast in the stirrups, and trusting entirely to the sagacity of his beast.	Пока рассеянный Паганель взбирался на такого великолепного мула, животное три или четыре раза чуть не лягнуло его. Усевшись же в седло, с неразлучной подзорной трубой через плечо, и уперевшись ногами в стремена, наш ученый всецело положился на опытность своего мула, и надо сказать, что ему не пришлось в этом раскаиваться.
As for Robert, his first attempt at mounting was successful, and proved that he had the making in him of an excellent horseman.	Роберт же проявил замечательные способности к верховой езде. Двинулись в путь.
The weather was splendid when they started, the sky a deep cloudless blue, and yet the atmosphere so tempered by the sea breezes as to prevent any feeling of oppressive heat.	Погода была чудесная. Хотя на небе не было ни облачка, но зноя не чувствовалось - дул свежий ветер с моря.
They marched rapidly along the winding shore of the bay of Talcahuano, in order to gain the extremity of the parallel, thirty miles south.	Маленький отряд быстро продвигался по извилистым берегам бухты Талькауано, стремясь выйти в тридцати милях к югу на тридцать седьмую параллель.
No one spoke much the first day, for the smoke of the DUNCAN was still visible on the horizon, and the pain of parting too keenly felt.	Целый день быстро ехали среди камышей пересохших болот, но говорили мало: слишком живо было впечатление от прощания с оставшимися на яхте. Еще виднелся дым "Дункана", уже исчезавшего за горизонтом.
Paganel talked to himself in Spanish, asking and answering questions.	Все молчали, за исключением Паганеля: усердный географ задавал себе вопросы по-испански и отвечал сам себе на том же языке.
The CATAPEZ, moreover, was a taciturn man naturally, and had not been rendered loquacious by his calling.	Глава проводников - катапац - был человеком довольно молчаливым; к тому же и его профессия не очень располагала к болтовне.
He hardly spoke to his PEONS.	Он почти не разговаривал с пеонами.
They understood their duties perfectly.	Те прекрасно знали свое дело.
If one of the mules stopped, they urged it on with a guttural cry, and if that proved unavailing, a good-sized pebble, thrown with unerring aim, soon cured the animal's obstinacy.	Когда какой-нибудь из мулов останавливался, они подгоняли его гортанным криком, а если это не помогало, то преодолевали упрямство животного, метко швыряя в него камнями.
If a strap got loose, or a rein fell, a PEON came forward instantly, and throwing off his poncho, flung it over his beast's head till the accident was repaired and the march resumed.	Когда, случалось, ослабевала подпруга или сваливалась уздечка, пеон сбрасывал свой плащ и, покрыв им голову мула, приводил все в порядок, после чего животное снова пуска лось в путь.

The custom of the muleteers is to start immediately after breakfast, about eight o'clock, and not to stop till they camp for the night, about 4 P.	Погонщики мулов имеют обыкновение начинать дневной переход после завтрака, в восемь часов утра, и останавливаться на ночлег в четыре часа пополудни.
M. Glenarvan fell in with the practice, and the first halt was just as they arrived at Arauco, situated at the very extremity of the bay.	Гленарван сообразовался с этим обычаем. Когда катапац подал сигнал к остановке, путешественники, ехавшие весь день у пенистых волн океана, приближались к городу Арауко, расположенному в самой южной части бухты.
To find the extremity of the 37th degree of latitude, they would have required to proceed as far as the Bay of Carnero, twenty miles further.	Отсюда до места, где начинается тридцать седьмая параллель, - до залива Карнеро - надо было проехать к за паду еще миль двадцать.
But the agents of Glenarvan had already scoured that part of the coast, and to repeat the exploration would have been useless.	Но нанятые Гленарваном люди уже осмотрели всю эту часть побережья и не нашли никаких следов крушения. Новое обследование было бы излишним.

It was, therefore, decided that Arauco should be the point of departure, and they should keep on from there toward the east in a straight line.	Поэтому решили, что из Арауко экспедиция направится по прямой линии на восток. Маленький отряд остановился на ночь в городе, расположившись прямо во дворе одного трактира, благоустроенность которого оставляла желать лучшего. Арауко - столица Араукании, крошечного государства, занимающего площадь всего в каких-нибудь сто пятьдесят лье в длину и тридцать в ширину. Населяют Арауканию молу че - эти первородные сыны Чили. Гордое и сильное племя молуче - единственное из племен Америки, которое никогда не подпадало под иноземное владычество. Правда, некогда город Арауко был захвачен испанцами, но население Араукании не подчинилось им. Оно оказывало им такое же сопротивление, какое теперь оказывает захватническим попыткам Чили. И по ныне государственный флаг его - белая звезда на лазурном фоне, - развеваясь на укрепленном холме, защищающем столицу, гордо говорит о независимости Араукани. Пока готовили ужин, Гленарван, Паганель и катапац прогуливались по городу, между домами с соломенными крышами. В Арауко, кроме церкви и развалин францисканского монастыря, не было ничего достопримечательного. Гленарван попытался разузнать что-нибудь о "Британии", но безуспешно. Несмотря на все старания Паганеля, никто из местных жителей не понимал его. Но раз родным языком их было, как и повсюду здесь, до самого Магелланова пролива, арауканское наречие, то, конечно, испанский язык мог пригодиться ему не больше древнееврейского. Но географ тешил если не слух, то глаз: разглядывая различные типы молуче, он как ученый испытывал истинную радость. Мужчины были рослые, с плоскими лицами медно - красного цвета, крупными головами с копной черных волос, все безбородые: у них было в обычае выщипывать себе бороду. Во взгляде их сквозило недоверие. Казалось, они предавались без делью, - безделью воинов, не знающих, чем заняться в мирное время. Их несчастные и отважные женщины несли на себе всю тяжелую работу по домашнему хозяйству, чистили лошадей и оружие, ходили за плугом, охотились за дичью вместо своих повелителей - мужчин. При всем этом женщины молуче умудрялись еще выделывать пончо - национальные плащи бирюзового цвета. Каждое из этих пончо требовало двух лет работы и стоило не меньше ста долларов. В общем, молуче - народ малоинтересный, с довольно-таки дикими нравами. Им свойственны почти все человеческие пороки, но только одна доблесть - любовь к независимости. - Настоящие спартанцы! - повторял Паганель после про гулки

за ужином. Конечно, почтенный ученый преувеличивал, но он еще больше удивил своих собеседников, прибавив, что его французское сердце громко билось во время прогулки по городу Арауко. На вопрос майора, что же могло вызвать это внезапное сердцебиение, Паганель ответил, что волнение его было совершенно естественным, ибо еще не так давно один из его соотечественников занимал престол Араукании. Майор попросил географа сообщить имя этого монарха. Жак Паганель с гордостью назвал господина де Тоннена, бывшего адвоката из Перигё, доблестного человека, обладателя пышной бороды, который претерпел в Араукании то, что лишившиеся трона короли охотно называют "неблагодарностью своих подданных". Так как майор, услышав о бывшем адвокате, изгнанном с престола, насмешливо улыбнулся, то Паганель с полной серьезностью заметил, что, пожалуй, легче адвокату стать хорошим королем, чем королю хорошим адвокатом. Эти слова вызвали всеобщий смех. И тут же все выпили несколько глотков маисовой водки за здоровье бывшего короля Араукании - Орелия Антония I. Через несколько минут путешественники, завернувшись в свои пончо, уже спали крепким сном. На следующее утро, в восемь часов, маленький отряд двинулся вдоль тридцать седьмой параллели на восток. Шли в том же порядке: впереди - мадрина, сзади - мулы. Дорога про ходила по плодородной земле Араукании, богатой виноградниками и пастбищами. Но мало-помалу местность делалась все пустыннее. Изредка встречались то хижина "растреадорес" - индейских объездчиков диких лошадей, известных по всей Америке, то какая-нибудь заброшенная почтовая станция, служившая теперь приютом бродяге-туземцу. Две речки преградили за этот день путь отряду: Раке и Тубал, но в обоих случаях катапац нашел брод. У горизонта тянулась горная цепь Анд, постепенно повышаясь и вырисовываясь все более частыми пиками по направлению к северу. Но это еще были только нижние позвонки огромного хребта, поддерживающего могучее туловище Нового Света. В четыре часа пополудни, после перехода в тридцать пять миль, путешественники, встретив среди равнины рощицу из гигантских миртов, сделали здесь привал. Мулов разнуздали и расседлали, и они принялись щипать густую луговую траву. Из ярких двойных мешков - альфорхас - достали неизменное сухое мясо и рис. После ужина путешественники улеглись на землю и, закутавшись в бараньи пелионы, положив под голову седла - рекадо, погрузились в глубокий целительный сон. Катапац и пеоны бодрствовали поочередно всю ночь.

Since the weather was so favorable, and the whole party, even Robert, were in perfect health, and altogether the journey had commenced under such favorable auspices, it was deemed advisable to push forward as quickly as possible.	Погода была благоприятной, и все участники экспедиции, не исключая и Роберта, хорошо себя чувствовали. Раз путешествие начиналось при таких счастливых предзнаменованиях, надо было этим пользоваться и "оседлать удачу", как делают это игроки. Таково было общее мнение.
Accordingly, the next day they marched 35 miles or more, and encamped at nightfall on the banks of Rio Biobio.	На следующий день двигались быстро, благополучно переправились через пороги реки Бель, и, когда вечером расположились лагерем на берегу Био-Био, протекавшей на границе между Чили испанским и Чили независимым, Гленарван отметил, что экспедицией пройдено еще тридцать пять миль.
The country still presented the same fertile aspect, and abounded in flowers, but animals of any sort only came in sight occasionally, and there were no birds visible, except a solitary heron or owl, and a thrush or grebe, flying from the falcon.	Местность не менялась. Край был плодородный, кругом росли во множестве амариллис, фиалковое дерево, дурман и кактусы с золотистыми цветами. В чаще прятались какие-то звери; среди них оцелот - дикая кошка. Птиц было немного: иногда только мелькали цапля, чомга, одинокая сова или спасающиеся от когтей сокола дрозды.
Human beings there were none, not a native appeared; not even one of the GUASSOS, the degenerate offspring of Indians and Spaniards, dashed across the plain like a shadow, his flying steed dripping with blood from the cruel thrusts inflicted by the gigantic spurs of his master's naked feet.	Туземцев почти не встречалось. Лишь изредка, словно тени, проносились галопом "гуасо" - вырождающиеся потомки индейцев и испанцев; бока их лошадей были исколоты огромной шпорой, привязанной к голой ноге всадника.
It was absolutely impossible to make inquiries when there was no one to address, and Lord Glenarvan came to the conclusion that Captain Grant must have been dragged right over the Andes into the Pampas, and that it would be useless to search for him elsewhere.	По дороге не попадалось никого, кто мог бы что-нибудь сообщить путешественникам. Но Гленарван уже примирился с этим. Он старался убедить себя, что индейцы, захватив в плен капитана Гранта, должны были увести его по ту сторону Анд - следовательно, поиски могли дать какие-либо результаты только в пампасах, а не по эту сторону гор.
The only thing to be done was to wait patiently and press forward with all the speed in their power.	Значит, пока надо было запастись терпением и быстро двигаться вперед.
On the 17th they set out in the usual line of march, a line which it was hard work for Robert to keep, his ardor constantly compelled him to get ahead of the MADRINA, to the great despair of his mule. Nothing but a sharp recall from Glenarvan kept the boy in proper order.	17-го тронулись в путь в обычное время и в установленном порядке. Соблюдать этот порядок Роберту было нелегко. Горячий мальчуган, к отчаянию своего мула, все порывался опередить мадрину, и только строгий окрик Гленарвана мог вернуть его на место.
The country now became more diversified, and the rising ground indicated their approach to a mountainous district. Rivers were more numerous, and came rushing noisily down the slopes.	Местность становилась менее ровной. Появившиеся холмы и бурно катившиеся многочисленные рио - речки - указывали на близость гор.
Paganel consulted his maps, and when he found any of those streams not marked, which often happened, all the fire of a geographer burned in his veins, and he would exclaim, with a charming air of vexation:	Паганель часто заглядывал в карту, и если какая-нибудь из речек там не значилась, а это бывало нередко, кровь географа закипала, и он очень забавно сердился.

"A river which hasn't a name is like having no civil standing. It has no existence in the eye of geographical law."	- Речка без названия - это все равно что человек без паспорта, - с возмущением говорил ученый. - Для географического закона она не существует.
He christened them forthwith, without the least hesitation, and marked them down on the map, qualifying them with the most high-sounding adjectives he could find in the Spanish language.	На этом основании наш ученый, не стесняясь, давал этим безыменным речкам самые звучные испанские названия и тут же заносил их на свою карту.
"What a language!" he said. "How full and sonorous it is!	- Что за язык! - повторял Паганель. - Какой он звучный и гармоничный!
It is like the metal church bells are made of-composed of seventy-eight parts of copper and twenty-two of tin."	Он будто вылит из металла! Я уверен, что в нем семьдесят восемь частей меди и двадцать две части олова - как в той бронзе, из которой льют колокола.
"But, I say, do you make any progress in it?" asked Glenarvan.	- Делаете вы успехи в испанском языке? - спросил его Гленарван.
"Most certainly, my dear Lord.	- Конечно!
Ah, if it wasn't the accent, that wretched accent!"	Если бы только не это проклятое произношение!
And for want of better work, Paganel whiled away the time along the road by practising the difficulties in pronunciation, repeating all the break-jaw words he could, though still making geographical observations.	И Паганель, не унывая, громогласно боролся с трудностями испанского произношения, что, впрочем, не мешало ему делать и географические наблюдения.
Any question about the country that Glenarvan might ask the CATAPEZ was sure to be answered by the learned Frenchman before he could reply, to the great astonishment of the guide, who gazed at him in bewilderment.	В этой-то области он был удивительно силен, и тут уж, конечно, превзойти его никто не мог. Когда Гленарвану случалось обратиться к катапацу с вопросом относительно какой-нибудь особенности данного края, географ всегда опережал проводника. Катапац с великим изумлением смотрел на ученого.
About two o'clock that same day they came to a cross road, and naturally enough Glenarvan inquired the name of it.	В этот самый день, около двух часов дня, путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у катапаца ее название, и, естественно, ему ответил Жак Паганель:
"It is the route from Yumbel to Los Angeles," said Paganel.	- Это дорога из Юмбеля в Лос-Анхелес.
Glenarvan looked at the CATAPEZ, who replied:	Гленарван посмотрел на катапаца.
"Quite right." And then, turning toward the geographer, he added: "You have traveled in these parts before, sir?"	- Совершенно верно, - подтвердил тот, а затем, обращаясь к географу, спросил: - Вы, значит, проезжали в этих краях?
"Oh, yes," said Paganel, quite gravely.	- Разумеется! - серьезным тоном ответил Паганель.
"On a mule?"	- На муле?
"No, in an easy chair."	- Нет, в кресле.
The CATAPEZ could not make him out, but shrugged his shoulders and resumed his post at the head of the party.	Катапац, очевидно, не понял его, так как, пожав плечами, вернулся на свое обычное место во главе отряда.

At five in the evening they stopped in a gorge of no great depth, some miles above the little town of Loja, and encamped for the night at the foot of the Sierras, the first steppes of the great Cordilleras.	В пять часов вечера сделали привал в неглубоком ущелье, в нескольких милях от города Лаха. Эту ночь путешественники провели у подножия сьерры - первых ступеней Анд.
CHAPTER XII ELEVEN THOUSAND FEET ALOFT	Глава XII НА ВЫСОТЕ ДВЕНАДЦАТИ ТЫСЯЧ ФУТОВ
NOTHING of importance had occurred hitherto in the passage through Chili; but all the obstacles and difficulties incident to a mountain journey were about to crowd on the travelers now.	Переход через Чили совершался до сих пор без значительных происшествий. Но теперь должны были возникнуть все те препятствия и опасности, с которыми сопряжено путешествие в горах. Начиналась борьба с суровой природой.
One important question had first to be settled. Which pass would take them over the Andes, and yet not be out of their fixed route?	Прежде чем пуститься в путь, нужно было решить один важный вопрос: какой перевал через Кордильеры выбрать, что бы не отклониться от намеченного пути.
On questioning the CATAPEZ on the subject, he replied:	Спросили мнение катапаца.
"There are only two practicable passes that I know of in this part of the Cordilleras."	- В этой части Кордильер, - ответил тот, - я знаю лишь два перевала, удобных для езды.
"The pass of Arica is one undoubtedly discovered by Valdivia Mendoze," said Paganel.	- Вы, без сомнения, имеете в виду перевал Арика, открытый Вальдивия Мендосой? - спросил Паганель.
"Just so."	- Да.
"And that of Villarica is the other."	- А второй, не правда ли, перевал Вильяррика?
"Precisely."	- Правильно.
"Well, my good fellow, both these passes have only one fault; they take us too far out of our route, either north or south."	- Но, друг мой, оба эти перевала нам не подходят, потому что один из них лежит далеко к северу, а другой - далеко к югу от нашего пути.
"Have you no other to propose?" asked the Major.	- А вы можете предложить нам еще какой-нибудь проход? - обратился к географу майор.
"Certainly," replied Paganel. "There is the pass of Antuco, on the slope of the volcano, in latitude, 37 degrees 30' , or, in other words, only half a degree out of our way."	- Могу, - ответил Паганель, - я имею в виду проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом тридцатью тремя минутами южной широты, то есть приблизительно в полуградусе от нашего пути, на высоте всего шести тысяч футов.
"That would do, but are you acquainted with this pass of Antuco, CATAPEZ?" said Glenarvan.	- Прекрасно! - сказал Гленарван. - Ну а вы, катапац, знаете этот перевал?
"Yes, your Lordship, I have been through it, but I did not mention it, as no one goes that way but the Indian shepherds with the herds of cattle."	- Да, милорд, мне случалось проходить им, а не упомянул я о нем только потому, что это скорее горная тропа, по которой гонят свой скот пастухи-индейцы с восточных склонов.
"Oh, very well; if mares and sheep and oxen can go that way, we can, so let's start at once."	- Ну что ж, друг мой, - сказал Гленарван, - там, где проходят стада лошадей, баранов и быков, сумеем пройти и мы. А раз этот проход ведет нас по прямой линии, пойдем через него!

The signal for departure was given immediately, and they struck into the heart of the valley of Las Lejas, between great masses of chalk crystal.	Немедленно был дан сигнал к отправлению, и отряд углу бился в лежащую меж больших известковых скал долину Лас-Лахас. Подъем был едва заметен. Около одиннадцати часов утра пришлось обогнуть небольшое озеро. Этот естественный водоем был живописным местом встречи всех соседних речек: журча, стекались они сюда и безмолвно сливались в прозрачной глади. Над озером поднимались "льянос" - обширные, по росшие дикими злаками склоны, где пасся скот индейцев. Вскоре отряд наткнулся на болото, тянувшееся к югу и к северу. Только благодаря инстинкту мулов путешественники выбрались оттуда благополучно. В час пополудни показался форт Балье наре; он возвышался на утесе, как бы увенчивая его остроконечную вершину своими полуразвалившимися стенами. Отряд проехал мимо. Дорога становилась круче и каменистее; камни шумным каскадом скатывались из-под ног мулов. Около трех часов появились живописные развалины другого форта, раз рушенного во время восстания 1770 года. - Как будто горы, - сказал Паганель, - недостаточная преграда для людей, и нужны еще укрепления!
From this point the pass began to be difficult, and even dangerous.	Начиная отсюда, дорога стала не только трудной, но даже и опасной.
The angles of the declivities widened and the ledges narrowed, and frightful precipices met their gaze.	Подъемы сделались более крутыми, пропасти - угрожающе глубокими, тропинки по их краю становились все уже и уже.

The mules went cautiously along, keeping their heads near the ground, as if scenting the track. They marched in file. Sometimes at a sudden bend of the road, the MADRINA would disappear, and the little caravan had to guide themselves by the distant tinkle of her bell. Often some capricious winding would bring the column in two parallel lines, and the CATAPEZ could speak to his PEONS across a crevasse not two fathoms wide, though two hundred deep, which made between them an inseparable gulf.	Мулы шли вперед осторожно, нагнув голову, обнюхивая дорогу. Ехали гуськом. Случалось, что на каком-нибудь крутом повороте мадрина вдруг исчезала из виду, и тогда маленький караван шел на отдаленное позвякивание ее колокольчика. Нередко извилистая тропа раздваивалась, отряд двигался по параллельным тропинкам, и катапац переговаривался со своими пеонами через непроходимую пропасть шириной всего в каких-нибудь двадцать футов, но глубиной в две тысячи. Здесь трава еще боролась с камнями, пробиваясь между ними, но уже чувствовалось, что царство минералов побеждает царство растений. О близости вулкана Антуко говорили застывшие потоки лавы цвета железа, испещренные иглообразными желты ми кристаллами. Нагроможденные друг на друга утесы, казалось, должны были вот-вот обрушиться и удерживались на своем месте вопреки всем законам равновесия. Вероятно, их очертания легко менялись во время землетрясений. И при взгляде на все эти склонившиеся набок остроконечные вершины, покосившиеся купола, бугры было ясно, что для этой горной местности час окончательного формирования еще не пробил. В таких условиях дорогу не так-то легко разыскать. Почти непрекращающиеся сотрясения костяка Анд часто меняют трассу, ориентиры исчезают. Поэтому катапац часто останавливался, разглядывал скалы, старался найти среди легко крошившихся камней следы индейцев. Но не оставалось никаких примет.
Glenarvan followed his guide step by step.	Гленарван шаг за шагом следовал за проводником.
He saw that his perplexity was increasing as the way became more difficult, but did not dare to interrogate him, rightly enough, perhaps, thinking that both mules and muleteers were very much governed by instinct, and it was best to trust to them.	Он все понимал и чувствовал, как замешательство катапаца возрастало с трудностями пути. Он не решался задавать ему вопросы, считая, быть может не без основания, что не только у мулов, но и у их погонщиков есть инстинкт, на который и следует полагаться.
For about an hour longer the CATAPEZ kept wandering about almost at haphazard, though always getting higher up the mountains.	Так - можно сказать, наудачу - катапац брел еще с час, все поднимаясь, однако, в гору.
At last he was obliged to stop short.	Наконец он принужден был остановиться.
They were in a narrow valley, one of those gorges called by the Indians "quebrads," and on reaching the end, a wall of porphyry rose perpendicularly before them, and barred further passage.	Отряд находился в одном из узких ущелий, называемых индейцами "кебрадас". Дорогу преградила отвесная скала из порфира.
The CATAPEZ, after vain attempts at finding an opening, dismounted, crossed his arms, and waited.	После тщетных поисков какого-нибудь про хода катапац слез с мула и, скрестив на груди руки, остановился в выжидательной позе.

Glenarvan went up to him and asked if he had lost his way.	Гленарван подошел к нему. - Вы заблудились? - спросил он.
"No, your Lordship," was the reply.	- Нет, милорд, - ответил катапац.
"But you are not in the pass of Antuco."	- Однако мы ведь не в проходе Антуко?
"We are."	- Мы в нем.
"You are sure you are not mistaken?"	- Вы не ошибаетесь?
"I am not mistaken.	- Не ошибаюсь.
See! there are the remains of a fire left by the Indians, and there are the marks of the mares and the sheep."	Вот зола костра, который разводили здесь индейцы, а вон следы, оставленные стадами лошадей и овец.
"They must have gone on then."	- Так, значит, по этой дороге можно пройти?
"Yes, but no more will go; the last earthquake has made the route impassable."	- Теперь уже нельзя: последнее землетрясение сделало ее непроходимой.
"To mules," said the Major, "but not to men."	- Для мулов, но не для людей, - отозвался майор.
"Ah, that's your concern; I have done all I could.	- Ну, это ваша забота, - ответил катапац, - я сделал все, что мог.
My mules and myself are at your service to try the other passes of the Cordilleras."	Если вам угодно, мы с моими мулами готовы вернуться назад и искать других проходов через Анды.
"And that would delay us?"	- И на сколько это задержит нас?
"Three days at least."	- Дня на три, не меньше.
Glenarvan listened silently.	Гленарван задумался.
He saw the CATAPEZ was right. His mules could not go farther.	Разумеется, катапац не отступал от условий, его мулы не могли идти дальше.
When he talked of returning, however, Glenarvan appealed to his companions and said:	Но когда он предложил вернуться назад, Гленарван, обернувшись к своим спутникам, спросил их:
"Will you go on in spite of all the difficulty?"	- Может быть, попробуем все-таки пройти?
"We will follow your Lordship," replied Tom Austin.	- Мы пойдем за вами, - ответил Том Остин.
"And even precede you," added Paganel. "What is it after all?	- И даже впереди вас, - добавил Паганель. - В чем, собственно говоря, дело?
We have only to cross the top of the mountain chain, and once over, nothing can be easier of descent than the slopes we shall find there.	Надо перевалить через горную цепь, противоположный склон которой несравненно более отлог, чем тот, где мы сейчас находимся.
When we get below, we shall find BAQUEANOS, Argentine shepherds, who will guide us through the Pampas, and swift horses accustomed to gallop over the plains.	Спустившись же по тому склону, мы раздобудем себе и аргентинских проводников - бакеанос, и быстроногих коней, привыкших скакать по равнинам.
Let's go forward then, I say, and without a moment's hesitation."	Вперед, и без колебаний!
"Forward!" they all exclaimed.	- Вперед! - подхватили спутники Гленарвана.

"You will not go with us, then?" said Glenarvan to the CATAPEZ.	- А вы не отправитесь с нами? - спросил катапаца Гленарван.
"I am the muleteer," was the reply.	- Я погонщик мулов, - ответил тот.
"As you please," said Glenarvan.	- Как хотите.
"We can do without him," said Paganel. "On the other side we shall get back into the road to Antuco, and I'm quite sure I'll lead you to the foot of the mountain as straight as the best guide in the Cordilleras."	- И без него обойдемся, - сказал Паганель. - Ведь по ту сторону этой скалы мы снова очутимся на тропинках про хода Антуко, и я ручаюсь, что не хуже лучшего местного провод ника выведу вас самым прямым путем к подножию Кордильер.
Accordingly, Glenarvan settled accounts with the CATAPEZ, and bade farewell to him and his PEONS and mules.	Гленарван уплатил катапацу то, что ему причиталось, и от пустил его вместе с его пеонами и мулами.
The arms and instruments, and a small stock of provisions were divided among the seven travelers, and it was unanimously agreed that the ascent should recommence at once, and, if necessary, should continue part of the night.	Оружие, инструменты и съестные припасы были распределены между семью путешественниками. С общего согласия, было решено немедленно начать восхождение и, если понадобится, провести в пути часть ночи.
There was a very steep winding path on the left, which the mules never would have attempted.	По левому склону гор вилась очень крутая тропинка, по которой мулы не могли бы пройти.
It was toilsome work, but after two hours' exertion, and a great deal of roundabout climbing, the little party found themselves once more in the pass of Antuco.	Подниматься по такой тропинке было чрезвычайно трудно, но все же после двух часов изнурительного, запутанного пути Гленарван и его спутники снова выбрались в проход Антуко.
They were not far now from the highest peak of the Cordilleras, but there was not the slightest trace of any beaten path.	Теперь они находились уже недалеко от вершины хребта. Но никакой протоптанной тропы не было.
The entire region had been overturned by recent shocks of earthquake, and all they could do was to keep on climbing higher and higher.	Недавнее землетрясение все здесь изменило.
Paganel was rather disconcerted at finding no way out to the other side of the chain, and laid his account with having to undergo great fatigue before the topmost peaks of the Andes could be reached, for their mean height is between eleven and twelve thousand six hundred feet.	Это неожиданное исчезновение тропы порядком озадачило Паганеля. Он подумал, что теперь подъем на вершину Анд, средняя высота которых колеблется от одиннадцати до двенадцати тысяч шестисот футов, будет сопряжен с большими трудностями.
Fortunately the weather was calm and the sky clear, in addition to the season being favorable, but in Winter, from May to October, such an ascent would have been impracticable.	К счастью, время года было благоприятное: ветра нет, на небе ни облачка. Зимой - с мая по октябрь - такое восхождение было бы невозможно.
The intense cold quickly kills travelers, and those who even manage to hold out against it fall victims to the violence of the TEMPORALES, a sort of hurricane peculiar to those regions, which yearly fills the abysses of the Cordilleras with dead bodies.	Снежные лавины убивают путешественников, а тех, кого они пощадят, часто приканчивают жестокие "темпоралес" - местные ураганы, которые ежегодно сбрасывают новые жертвы в пропасти Анд.

They went on toiling steadily upward all night, hoisting themselves up to almost inaccessible plateaux, and leaping over broad, deep crevasses.	Подъем продолжался всю ночь. Путники то взбирались на почти неприступные площадки, цепляясь руками за их выступы, то перепрыгивали через широкие и глубокие расщелины.
They had no ropes, but arms linked in arms supplied the lack, and shoulders served for ladders.	Плечи товарищей при этом служили лестницей, а поданные друг другу руки - веревками. Отважные путешественники походили на труппу каких-то ловкачей-акробатов.
The strength of Mulrady and the dexterity of Wilson were taxed heavily now.	Вот когда пригодились сила Мюльреди и ловкость Вильсона.
These two brave Scots multiplied themselves, so to speak. Many a time, but for their devotion and courage the small band could not have gone on.	Этим славным шотландцам приходилось просто разрываться на части, и их отвага и преданность не раз спасали весь отряд.
Glenarvan never lost sight of young Robert, for his age and vivacity made him imprudent.	Гленарван не спускал глаз с Роберта, так как мальчуган по своей горячности был очень неосторожен.
Paganel was a true Frenchman in his impetuous ardor, and hurried furiously along.	Паганель устремлялся вперед с чисто французским пылом.
The Major, on the contrary, only went as quick as was necessary, neither more nor less, climbing without the least apparent exertion.	Майор же потихоньку продвигался по склону, не де лая ни одного лишнего движения.

Perhaps he hardly knew, indeed, that he was climbing at all, or perhaps he fancied he was descending.	Замечал ли он вообще, что уже несколько часов поднимается в гору? Наверное, нет! Быть может, ему даже казалось, что он спускается. В пять часов утра барометр показал, что путешественники уже достигли высоты в семь тысяч пятьсот футов. Они находились на так называемых вторичных плоскогорьях, где кончалась древесная растительность. Тут прыгали животные, которые осчастливили бы любого охотника, но они сами прекрасно знали это, ибо, еще издали завидев людей, уносились со всех ног. Это были ламы - драгоценные горные животные, заменяющие и барана, и быка, и лошадь, способные жить там, где не смог бы существовать даже мул, - и шиншиллы - маленькие боязливые грызуны, нечто среднее между зайцем и тушканчиком, ценные своим мехом. Задние лапки делали их похожими на кенгуру. Очень забавно было смотреть, как эти проворные зверьки, подобно белке, скакали по верхушкам деревьев. - Это еще не птица, но уже не четвероногое, - заметил Паганель. Однако лама и шиншилла не были последними животными, встреченными маленьким отрядом во время подъема. На высоте девяти тысяч футов, у границы вечных снегов, бродили целыми стадами жвачные животные необыкновенной красоты: альпака с длинной шелковистой шерстью и викуньи - безрогая коза, изящная и благородная, с тончайшей шерстью. Но приблизиться к этим красавицам гор было немыслимо, да и рассмотреть их было трудно: они уносились, как на крыльях, бесшумно скользя по ослепительно белым коврам снега.
The whole aspect of the region had now completely changed. Huge blocks of glittering ice, of a bluish tint on some of the declivities, stood up on all sides, reflecting the early light of morn.	Все вокруг преобразилось: поднимающиеся со всех сторон огромные глыбы блестящего, местами синеватого льда отражали первые лучи восходящего солнца.
The ascent became very perilous.	Подъем стал очень опасным.
They were obliged to reconnoiter carefully before making a single step, on account of the crevasses.	Нельзя было ступить ни шагу, не прощупав самым тщательным образом, нет ли под снегом расщелины.
Wilson took the lead, and tried the ground with his feet.	Вильсон шел во главе отряда, пробуя ногой крепость льда.
His companions followed exactly in his footprints, lowering their voices to a whisper, as the least sound would disturb the currents of air, and might cause the fall of the masses of snow suspended in the air seven or eight hundred feet above their heads. They had come now to the region of shrubs and bushes, which, higher still, gave place to grasses and cacti.	Его спутники поднимались за ним, стараясь идти точно по его следам и избегая повышать голос, ибо малейший шум, сотрясая воздух, мог вызвать обвал снегов, нависших футах в семистах или восьмистах над их го ловами. Путники достигли пояса кустарников. Когда они поднялись еще на двести пятьдесят туазов, кустарники сменились злаками и кактусами.

At 11,000 feet all trace of vegetation had disappeared.	На высоте же одиннадцати тысяч футов исчезли и они. На бесплодной почве уже не видно было никакой растительности.
They had only stopped once, to rest and snatch a hurried meal to recruit their strength.	За все время подъема путешественники сделали лишь один привал, в восемь часов утра.
With superhuman courage, the ascent was then resumed amid increasing dangers and difficulties.	Быстро передохнув и кое-как подкрепившись, они, превозмогая усталость, отважно возобновили подъем, пренебрегая все возраставшими опасностями.
They were forced to bestride sharp peaks and leap over chasms so deep that they did not dare to look down them.	Им приходилось перелезать через остроконечные гребни, пробираться над пропастями, куда даже заглянуть было страшно.
In many places wooden crosses marked the scene of some great catastrophes.	Во многих местах попадались деревянные кресты, указывавшие места прошлых катастроф.
About two o'clock they came to an immense barren plain, without a sign of vegetation.	Около двух часов пополудни между оголенными остроконечными вершинами развернулось огромное, без всяких следов растительности плоскогорье, похожее на пустыню.
The air was dry and the sky unclouded blue.	Воздух здесь был сухой, а небо ярко-голубого цвета.
At this elevation rain is unknown, and vapors only condense into snow or hail.	На этой высоте дождей не бывает: испарения здесь превращаются в снег или град.
Here and there peaks of porphyry or basalt pierced through the white winding-sheet like the bones of a skeleton; and at intervals fragments of quartz or gneiss, loosened by the action of the air, fell down with a faint, dull sound, which in a denser atmosphere would have been almost imperceptible.	Повсюду, словно кости скелета, торчали из - под белого покрова остроконечные порфировые и базальтовые вершины. Иногда обваливались куски разрушавшегося от выветривания кварца или гнейса; разреженный воздух почти заглушал тупой звук их падения.
However, in spite of their courage, the strength of the little band was giving way.	Несмотря на все мужество путешественников, силы начали изменять им.
Glenarvan regretted they had gone so far into the interior of the mountain when he saw how exhausted his men had become.	Гленарван, видя, до чего изнурены его спутники, стал уже раскаиваться в том, что завел их так далеко в горы.
Young Robert held out manfully, but he could not go much farther.	Юный Роберт старался не поддаваться усталости, но сил у него не могло хватить надолго.
At three o'clock Glenarvan stopped and said:	В три часа Гленарван остановился.
"We must rest." He knew if he did not himself propose it, no one else would.	- Надо отдохнуть, - сказал он, сознавая, что никто, кроме него, не сделает такого предложения.
"Rest?" rejoined Paganel; "we have no place of shelter."	- Отдохнуть, но где? - отозвался Паганель. - Ведь здесь нет никакого укрытия.
"It is absolutely necessary, however, if it were only for Robert."	- Но это необходимо, хотя бы для Роберта.
"No, no," said the courageous lad; "I can still walk; don't stop."	- Да нет, милорд, я еще могу идти... - возразил отважный мальчуган. - Не останавливайтесь...

"You shall be carried, my boy; but we must get to the other side of the Cordilleras, cost what it may.	- Тебя понесут, мой мальчик, - перебил его Паганель, - но нам во что бы то ни стало необходимо добраться до восточного склона.
There we may perhaps find some hut to cover us.	Там, быть может, мы найдем какой-нибудь кров.
All I ask is a two hours' longer march."	Про шу вас продержаться еще два часа.
"Are you all of the same opinion?" said Glenarvan.	- Все ли согласны на это? - спросил Гленарван.
"Yes," was the unanimous reply: and Mulrady added, "I'll carry the boy."	- Да, - ответили его спутники. - А я берусь нести мальчика, - прибавил Мюльреди.
The march eastward was forthwith resumed.	И отряд снова двинулся на восток.
They had a frightful height to climb yet to gain the topmost peaks.	Еще целых два часа длился этот ужасающий подъем. Надо было добраться до самой вершины.
The rarefaction of the atmosphere produced that painful oppression known by the name of PUNA. Drops of blood stood on the gums and lips, and respiration became hurried and difficult.	Разреженный воздух вызывал у путешественников болезненное удушье, кровоточили десны и губы. Чтобы усилить кровообращение, приходилось часто дышать, а это утомляло не меньше, чем ослепительный блеск снегов.
However strong the will of these brave men might be, the time came at last when their physical powers failed, and vertigo, that terrible malady in the mountains, destroyed not only their bodily strength but their moral energy.	Как ни велика была сила воли у этих мужественных людей, но настала минута, когда самые отважные из них изнемогли, и головокружение, этот ужасный бич гор, лишило их не только физических, но и душевных сил.
Falls became frequent, and those who fell could not rise again, but dragged themselves along on their knees.	Нельзя безнаказанно пренебрегать подобным переутомлением: то один, то другой падал, а поднявшись, был уже не в состоянии идти и тащился на коленях или ползком.
But just as exhaustion was about to make short work of any further ascent, and Glenarvan's heart began to sink as he thought of the snow lying far as the eye could reach, and of the intense cold, and saw the shadow of night fast overspreading the desolate peaks, and knew they had not a roof to shelter them, suddenly the Major stopped and said, in a calm voice,	Было ясно, что обессиленные люди скоро совсем не смогут продолжать слишком затянувшийся подъем. Гленарван не без ужаса глядел на необозримые снега, сковавшие холодом эту мрачную область; на вечерний сумрак, уже заволакивавший пустынные вершины, - глядел и с болью в сердце думал о том, что кругом нет никакого пристанища, как вдруг майор, остановив его, сказал спокойным голосом:
"A hut!"	- Хижина.
CHAPTER XIII A SUDDEN DESCENT	Глава XIII СПУСК С АНД
ANYONE else but McNabbs might have passed the hut a hundred times, and gone all round it, and even over it without suspecting its existence.	Всякий другой на месте Мак-Наббса раз сто прошел бы мимо этой хижины, кругом нее и даже над нею, не заподозрив о ее существовании.
It was covered with snow, and scarcely distinguishable from the surrounding rocks; but Wilson and Mulrady succeeded in digging it out and clearing the opening after half an hour's hard work, to the great joy of the whole party, who eagerly took possession of it.	Занесенная снегом, она почти не выделялась среди окрестных скал. Пришлось откапывать ее. Полчаса упорно го труда Вильсона и Мюльреди ушло на то, чтобы освободить вход в хижину, и маленький отряд поспешил укрыться в. ней.

They found it was a CASUCHA, constructed by the Indians, made of ADOBES, a species of bricks baked in the sun.	Хижина эта была построена индейцами, сложившими ее из "адобес" - кирпичей из глины и соломы, высушенных на солнце.
Its form was that of a cube, 12 feet on each side, and it stood on a block of basalt.	Она имела форму куба высотой в двенадцать футов и стояла на вершине базальтовой скалы.
A stone stair led up to the door, the only opening; and narrow as this door was, the hurricane, and snow, and hail found their way in when the TEMPORALES were unchained in the mountains.	Каменная лестница вела к входу - единственному отверстию в хижине, и как ни был узок этот вход, но когда в горах по временам бушевал ветер, снег и град проникали через него внутрь.
Ten people could easily find room in it, and though the walls might be none too water-tight in the rainy season, at this time of the year, at any rate, it was sufficient protection against the intense cold, which, according to the thermometer, was ten degrees below zero.	В хижине свободно могли поместиться десять человек, и стены ее, недостаточно предохранявшие от влаги в период дождей, в это время года служили неплохой защитой от резкого холода - термометр показывал десять градусов ниже нуля.
Besides, there was a sort of fireplace in it, with a chimney of bricks, badly enough put together, certainly, but still it allowed of a fire being lighted.	К тому же очаг с трубой из кое-как сложенных кирпичей позволял развести огонь и успешно бороться с холодом.
"This will shelter us, at any rate," said Glenarvan, "even if it is not very comfortable. Providence has led us to it, and we can only be thankful."	- Вот и приют, хотя и не особенно удобный, но, во всяком случае, сносный, - сказал Гленарван.
"Why, it is a perfect palace, I call it," said Paganel; "we only want flunkeys and courtiers.	- Как, - воскликнул Паганель, - да это просто дворец! Не хватает лишь караула и придворных.
We shall do capital here."	Мы здесь чудесно устроимся!
"Especially when there is a good fire blazing on the hearth, for we are quite as cold as we are hungry. For my part, I would rather see a good faggot just now than a slice of venison."	- Особенно когда в очаге запылает огонь, - прибавил Том Остин. - Ведь мы все не только проголодались, но и замерзли, и меня лично хорошая вязанка дров порадовала бы больше, чем кусок мяса.
"Well, Tom, we'll try and get some combustible or other," said Paganel.	- Что ж, Том, постараемся раздобыть топлива, - отозвался Паганель.
"Combustibles on the top of the Cordilleras!" exclaimed Mulrady, in a dubious tone.	- Топливо - на вершинах Кордильер! - сказал Мюльреди, недоверчиво качая головой.
"Since there is a chimney in the CASUCHA," said the Major, "the probability is that we shall find something to burn in it."	- Раз в хижине устроили очаг - значит, поблизости есть и топливо, - заметил майор.
"Our friend McNabbs is right," said Glenarvan. "Get everything in readiness for supper, and I'll go out and turn woodcutter."	- Наш друг Мак-Наббс совершенно прав, - сказал Гленарван. - Готовьте все к ужину, а я возьму на себя обязанности дровосека.
"Wilson and I will go with you," said Paganel.	- Мы с Вильсоном пойдем вместе с вами, - объявил Паганель.
"Do you want me?" asked Robert, getting up.	- Если я могу быть вам полезен... - сказал, вставая с места, Роберт.
"No, my brave boy, rest yourself. You'll be a man, when others are only children at your age," replied Glenarvan.	- Нет, мой храбрый мальчик, отдыхай, - ответил Гленарван. - Ты станешь мужчиной, когда твои сверстники будут еще детьми.

On reaching the little mound of porphyry, Glenarvan and his two companions left the CASUCHA.	Гленарван, Паганель и Вильсон вышли из хижины. Было шесть часов вечера.
In spite of the perfect calmness of the atmosphere, the cold was stinging.	Мороз сильно обжигал, хотя воздух был неподвижен. Голубое небо начинало темнеть, и последние лучи заходящего солнца озаряли остроконечные вершины гор. Паганель захватил с собой барометр.
Paganel consulted his barometer, and found that the depression of the mercury corresponded to an elevation of 11,000 feet, only 910 meters lower than Mont Blanc.	Взглянув на него, он убедился, что давление ртути соответствует высоте в одиннадцать тысяч семьсот футов, - следовательно, эта часть Анд была ниже Монблана только на девятьсот десять метров.
But if these mountains had presented the difficulties of the giant of the Swiss Alps, not one of the travelers could have crossed the great chain of the New World.	Если бы в здешних горах встречались такие же трудности, какие встречаются на каждом шагу на гигантской швейцарской горе, и если бы путешественники попали в бури и метели, то ни один из них, конечно, не перебрался бы через мощную горную цепь Нового Света.
On reaching a little mound of porphyry, Glenarvan and Paganel stopped to gaze about them and scan the horizon on all sides.	Гленарван и Паганель, взобравшись на порфировый утес, оглядели горизонт.
They were now on the summit of the Nevadas of the Cordilleras, and could see over an area of forty miles.	Они находились на самой верхушке главного хребта Анд и охватывали взором пространство в сорок квадратных миль. Восточный склон был отлог. По его откосам можно было легко спускаться, а пеоны умудрялись даже скользить по ним на протяжении сотен саженей. Вдали виднелись громадные продольные полосы морен, образовавшихся из камней и обломков скал, оттесненных туда ледниками.
The valley of the Colorado was already sunk in shadow, and night was fast drawing her mantle over the eastern slopes of the Andes.	Долина Рио-Колорадо уже погружалась в тень: солнце склонялось к западу. Освещенные его лучами выступы скал, шпили, пики один за другим угасали, и весь восточный склон мало-помалу темнел.
The western side was illumined by the rays of the setting sun, and peaks and glaciers flashed back his golden beams with dazzling radiance.	Западный же, отвесный склон со всеми его отрогами был еще освещен. Вид этих скал и ледников, залитых лучами заходящего солнца, был ослепительно красив. К северу спускался волнообразно ряд вершин. Незаметно сливаясь друг с другом, они образовали смутно терявшуюся вдали неровную линию, словно проведенную неумелой рукой.
On the south the view was magnificent.	Зато на юге зрелище было великолепное, и по мере приближения ночи оно становилось величественно-грандиозным.
Across the wild valley of the Torbido, about two miles distant, rose the volcano of Antuco.	Внизу виднелась дикая долина, а над нею, в двух милях от наших путешественников, зиял кратер Антуко.

The mountain roared like some enormous monster, and vomited red smoke, mingled with torrents of sooty flame.	Вулкан этот, выбрасывая потоки пламени, пепла и дыма, ревел, как огромное чудовище.
The surrounding peaks appeared on fire.	Окружавшие его горы, казалось, были объяты пламенем.
Showers of red-hot stones, clouds of reddish vapor and rockets of lava, all combined, presented the appearance of glowing sparkling streams.	Град раскаленных добела камней, клубы красноватого дыма, взлетающие струи лавы - все это сливалось в сверкающие снопы.
The splendor of the spectacle increased every instant as night deepened, and the whole sky became lighted up with a dazzling reflection of the blazing crater, while the sun, gradually becoming shorn of his sunset glories, disappeared like a star lost in the distant darkness of the horizon.	И в то время как тускнеющее солнце, словно потухшее светило, исчезало во мраке горизонта, ослепительный, с каждой минутой усиливающийся свет вулкана заливал все вокруг своим заревом.
Paganel and Glenarvan would have remained long enough gazing at the sublime struggle between the fires of earth and heaven, if the more practical Wilson had not reminded them of the business on hand.	Паганель и Гленарван забыли о своей новой роли дровосеков и превратились в художников. Они, пожалуй, долго бы еще восхищались этой величественной борьбой земного и небесного огня, но Вильсон, более трезво настроенный, вернул их к действительности.
There was no wood to be found, however, but fortunately the rocks were covered with a poor, dry species of lichen.	Дров, правда, нигде кругом не оказалось, но, к счастью, скалы здесь были покрыты тощим, сухим лишайником.
Of this they made an ample provision, as well as of a plant called LLARETTA, the root of which burns tolerably well.	Путешественники запаслись в большом количестве этим лишайником, а также растением льяретта, корни которого неплохо горят.
This precious combustible was carried back to the CASUCHA and heaped up on the hearth.	Как только это драгоценное топливо было принесено в хижину, им немедленно набили очаг.
It was a difficult matter to kindle it, though, and still more to keep it alight.	Но разжечь огонь, а особенно поддерживать его оказалось делом далеко не легким.
The air was so rarefied that there was scarcely oxygen enough in it to support combustion. At least, this was the reason assigned by the Major.	В разреженном воздухе было слишком мало кислорода для горения - по крайней мере, такое объяснение дал майор.
"By way of compensation, however," he added, "water will boil at less than 100 degrees heat. It will come to the point of ebullition before 99 degrees."	- Зато, - прибавил он, - воде здесь, чтобы закипеть, не понадобится доходить до ста градусов; и тому, кто любит кофе, сваренный на воде в сто градусов, придется обойтись без этого, так как вода на этой высоте кипит при температуре даже ниже девяноста.
McNabbs was right, as the thermometer proved, for it was plunged into the kettle when the water boiled, and the mercury only rose to 99 degrees.	Мак-Наббс оказался прав: термометр, опущенный в воду в тот момент, когда она закипела, показал только восемьдесят семь градусов.
Coffee was soon ready, and eagerly gulped down by everybody.	Все с наслаждением выпили по нескольку глотков горячего кофе.
The dry meat certainly seemed poor fare, and Paganel couldn't help saying:	Что же касается сушеного мяса, то оно доставило присутствующим мало удовольствия и вызвало со стороны Паганеля замечание, столь же здравое, сколь и бесполезное.

"I tell you what, some grilled llama wouldn't be bad with this, would it?	- Да, - сказал он, - по правде говоря, кусок из жареной ламы нам бы сейчас не помешал.
They say that the llama is substitute for the ox and the sheep, and I should like to know if it is, in an alimentary respect."	Говорят, что это животное способно заменить и быка и барана. Мне хотелось бы знать, распространяется ли это и на его мясо.
"What!" replied the Major.	- Как!
"You're not content with your supper, most learned Paganel."	Вы недовольны нашим ужином, ученый Паганель? - обратился к нему Мак-Наббс.
"Enchanted with it, my brave Major; still I must confess I should not say no to a dish of llama."	- Я в восторге от него, почтенный майор, но не могу не признаться, что блюдо из дичи было бы очень кстати.
"You are a Sybarite."	- Вы сибарит, - сказал Мак-Наббс.
"I plead guilty to the charge. But come, now, though you call me that, you wouldn't sulk at a beefsteak yourself, would you?"	- Согласен с этим эпитетом, майор, но, что бы вы ни говорили, разве отказались бы вы от доброго бифштекса?
"Probably not."	- Пожалуй, нет, - согласился майор.
"And if you were asked to lie in wait for a llama, notwithstanding the cold and the darkness, you would do it without the least hesitation?"	- А если бы вас попросили пойти на охоту, несмотря на холод и тьму, вы отправились бы незадумываясь?
"Of course; and if it will give you the slightest pleasure-"	- Конечно. И если только вам угодно...
His companions had hardly time to thank him for his obliging good nature, when distant and prolonged howls broke on their ear, plainly not proceeding from one or two solitary animals, but from a whole troop, and one, moreover, that was rapidly approaching.	Не успели еще друзья Мак-Наббса поблагодарить его и заявить, что они вовсе не хотят злоупотреблять его бесконечной любезностью, как вдали послышался вой. Он не прекращался. Казалось, то был вой не отдельных животных, а целого быстро приближающегося стада.
Providence had sent them a supper, as well as led them to a hut. This was the geographer's conclusion; but Glenarvan damped his joy somewhat by remarking that the quadrupeds of the Cordilleras are never met with in such a high latitude.	У географа мелькнула мысль: не желает ли провидение, дав им приют, снабдить их еще и ужином? Но Гленарван несколько разочаровал его, напомнив, что четвероногие животные Анд никогда не встречаются на таких высотах.
"Then where can these animals come from?" asked Tom Austin. "Don't you hear them getting nearer!"	- Откуда же тогда этот шум? - спросил Том Остин. - Слышите, он приближается?
"An avalanche," suggested Mulrady.	- Уж не лавина ли? - сказал Мюльреди.
"Impossible," returned Paganel. "That is regular howling."	- Невозможно! - возразил Паганель. - Это настоящий звериный вой.
"Let us go out and see," said Glenarvan.	- Сейчас увидим, - сказал Гленарван.
"Yes, and be ready for hunting," replied McNabbs, arming himself with his carbine.	- И увидим с оружием в руках, - добавил майор, беря свой карабин.
They all rushed forthwith out of the CASUCHA.	Все выскочили из хижины.
Night had completely set in, dark and starry.	Уже наступила ночь, темная и звездная.
The moon, now in her last quarter, had not yet risen.	Узкий серп убывающей луны еще не показывался на небе.

The peaks on the north and east had disappeared from view, and nothing was visible save the fantastic SILHOUETTE of some towering rocks here and there.	Северные и восточные вершины тонули во мраке: еле можно было различить фантастические силуэты ближайших утесов.
The howls, and clearly the howls of terrified animals, were redoubled.	Вой - вой перепуганных зверей - все усиливался.
They proceeded from that part of the Cordilleras which lay in darkness.	Он несся со стороны гор, погруженных во мрак.
What could be going on there?	Что там происходило?
Suddenly a furious avalanche came down, an avalanche of living animals mad with fear.	Вдруг на плоскогорье обрушилась бешеная лавина - лавина живых существ, обезумевших от страха.
The whole plateau seemed to tremble.	Все плоскогорье как будто заколебалось.
There were hundreds, perhaps thousands, of these animals, and in spite of the rarefied atmosphere, their noise was deafening.	Неслись сотни, быть может, тысячи животных, производивших, несмотря на разреженность воздуха, оглушительный шум.
Were they wild beasts from the Pampas, or herds of llamas and vicunas?	Были ли это дикие звери пампасов, или только стадо лам и викуний?
Glenarvan, McNabbs, Robert, Austin, and the two sailors, had just time to throw themselves flat on the ground before they swept past like a whirlwind, only a few paces distant.	Гленарван, Мак-Наббс, Роберт, Остин и оба матроса едва успели броситься на землю, как этот живой вихрь промчался в нескольких футах над ними.
Paganel, who had remained standing, to take advantage of his peculiar powers of sight, was knocked down in a twinkling.	Паганель, видевший ночью лучше, чем днем, и оставшийся на ногах, чтобы все разглядеть, был мгновенно сбит с ног.
At the same moment the report of firearms was heard.	В этот момент раздался выстрел.
The Major had fired, and it seemed to him that an animal had fallen close by, and that the whole herd, yelling louder than ever, had rushed down and disappeared among the declivities lighted up by the reflection of the volcano.	Это майор выпалил наугад. Ему показалось, что какое-то животное упало в нескольких шагах от него, а вся стая в неудержимом порыве уже неслась с еще большим шумом по склонам, освещенным отблеском вулкана.
"Ah, I've got them," said a voice, the voice of Paganel.	- А! Вот они! - раздался голос Паганеля.
"Got what?" asked Glenarvan.	- Кто это "они"? - спросил Гленарван.
"My spectacles," was the reply.	- Да мои очки.
"One might expect to lose that much in such a tumult as this."	Чуть было не потерял их в этой сумятице.
"You are not wounded, I hope?"	- А вы не ранены?
"No, only knocked down; but by what?"	- Нет! Помят немножко. Не знаю только кем.
"By this," replied the Major, holding up the animal he had killed.	- Вот кем, - отозвался майор, таща за собой застреленное им животное.
They all hastened eagerly into the hut, to examine McNabbs' prize by the light of the fire.	Все поспешили вернуться в хижину и при свете очага стали рассматривать добычу Мак-Наббса.

It was a pretty creature, like a small camel without a hump.	Это было красивое животное, похожее на небольшого верб люда, только без горба.
The head was small and the body flattened, the legs were long and slender, the skin fine, and the hair the color of cafe au lait.	У него была изящная головка, стройное тело, длинные тонкие ноги, шелковистая светло-кофейного цвета шерсть с белыми пятнами на брюхе.
Paganel had scarcely looked at it before he exclaimed,	Как только Паганель увидел его, он воскликнул:
"A guanaco!"	- Это гуанако!
"What sort of an animal is that?" asked Glenarvan.	- Что это значит? - спросил Гленарван.
"One you can eat."	- Животное, годное в пищу, - ответил Паганель.
"And it is good savory meat, I assure you; a dish of Olympus!	- И вкусное? - Очень вкусное. Пища, достойная богов Олимпа!
I knew we should have fresh meat for supper, and such meat!	Я же знал, что у нас будет на ужин свежее мясо! Да еще какое мясо!..
But who is going to cut up the beast?"	Но кто же освежует тушу?
"I will," said Wilson.	- Я, - сказал Вильсон.
"Well, I'll undertake to cook it," said Paganel.	- Прекрасно! А я берусь зажарить мясо, - добавил Паганель.
"Can you cook, then, Monsieur Paganel?" asked Robert.	- Вы, стало быть, и повар, господин Паганель? - спросил Роберт.
"I should think so, my boy. I'm a Frenchman, and in every Frenchman there is a cook."	- Конечно, мой мальчик, раз я француз - ведь каждый француз в душе кулинар.
Five minutes afterward Paganel began to grill large slices of venison on the embers made by the use of the LLARETTAS, and in about ten minutes a dish was ready, which he served up to his companions by the tempting name of guanaco cutlets.	Через пять минут Паганель уже раскладывал на раскаленных углях очага большие куски дичи. Десятью минутами позже он подал своим товарищам аппетитное жареное "филе гуанако".
No one stood on ceremony, but fell to with a hearty good will.	Никто не стал чиниться, и все накинулись на еду.
To the absolute stupefaction of the geographer, however, the first mouthful was greeted with a general grimace, and such exclamations as-"Tough!"	Но, едва проглотив первый кусок, все, к великому изумлению географа, скривились и стали отплевываться.
"It is horrible."	- Отвратительно! - говорил один.
"It is not eatable."	- Совершенно несъедобно! - добавлял другой.
The poor SAVANT was obliged to own that his cutlets could not be relished, even by hungry men.	Бедный ученый, попробовав сам своей стряпни, принужден был сознаться, что это жареное мясо было действительно не съедобно даже для голодных людей.
They began to banter him about his "Olympian dish," and indulge in jokes at his expense; but all he cared about was to find out how it happened that the flesh of the guanaco, which was certainly good and eatable food, had turned out so badly in his hands.	Его товарищи стали под шучивать над ним, к чему, впрочем, он отнесся очень добро душно, и подняли на смех "пищу богов". Паганель ломал себе голову, каким образом вкусное, всеми ценимое мясо гуанако могло сделаться таким несъедобным в его руках.

At last light broke in on him, and he called out:	Вдруг его осенила мысль...
"I see through it now! Yes, I see through it.	- Понял! - воскликнул он. - Понял, черт побери!
I have found out the secret now."	Я знаю теперь, в чем тут дело.
"The meat was too long kept, was it?" asked McNabbs, quietly.	- Быть может, это мясо слишком долго лежало? - спокойно спросил Мак-Наббс.
"No, but the meat had walked too much.	- Нет, язвительный майор, оно слишком долго бежало.
How could I have forgotten that?"	Как я мог упустить это из виду!
"What do you mean?" asked Tom Austin.	- Что вы хотите сказать, господин Паганель? - спросил Том Остин.
"I mean this: the guanaco is only good for eating when it is killed in a state of rest.	- Я хочу сказать, что мясо гуанако хорошо только тогда, когда животное убито во время отдыха.
If it has been long hunted, and gone over much ground before it is captured, it is no longer eatable.	Если же за ним долго охотились, и оно много пробежало, мясо его становится несъедобным.
I can affirm the fact by the mere taste, that this animal has come a great distance, and consequently the whole herd has."	И вот по отвратительному вкусу нашего жаркого я могу заключить, что это животное, да и вообще все стадо, примчалось издалека.
"You are certain of this?" asked Glenarvan.	- Вы в этом уверены? - спросил Гленарван.
"Absolutely certain."	- Совершенно уверен.
"But what could have frightened the creatures so, and driven them from their haunts, when they ought to have been quietly sleeping?"	- Но какое же происшествие, какое явление природы могло так напугать этих животных и погнать из мест, где они должны бы теперь спокойно спать?
"That's a question, my dear Glenarvan, I could not possibly answer.	- На это, дорогой Гленарван, я не могу вам ответить.
Take my advice, and let us go to sleep without troubling our heads about it.	Право же, не стоит искать объяснений, а давайте лучше уснем. Я, например, просто смертельно хочу спать.
I say, Major, shall we go to sleep?"	Ну как, будем спать, майор?
"Yes, we'll go to sleep, Paganel."	- Будем спать, Паганель!
Each one, thereupon, wrapped himself up in his poncho, and the fire was made up for the night.	Подбросили топлива в очаг, и каждый завернулся в свое пончо.
Loud snores in every tune and key soon resounded from all sides of the hut, the deep bass contribution of Paganel completing the harmony.	Вскоре раздался богатырский храп на все лады, причем громче всех выделялся в этом стройном оркестре бас ученого - географа.
But Glenarvan could not sleep.	Один Гленарван не сомкнул глаз.
Secret uneasiness kept him in a continual state of wakefulness.	Его томило какое-то смутное беспокойство.
His thoughts reverted involuntarily to those frightened animals flying in one common direction, impelled by one common terror.	Мысли его невольно возвращались к этому стаду гуанако, в необъяснимом ужасе мчавшемуся куда-то.

They could not be pursued by wild beasts, for at such an elevation there were almost none to be met with, and of hunters still fewer.	Их не могли преследовать хищные звери - на такой высоте хищников почти нет, а охотников и того меньше.
What terror then could have driven them among the precipices of the Andes?	Что же пробудило в гуанако этот ужас, погнавший их к пропастям Антуко?
Glenarvan felt a presentiment of approaching danger.	Гленарван предчувствовал надвигающуюся опасность.
But gradually he fell into a half-drowsy state, and his apprehensions were lulled. Hope took the place of fear.	Однако под влиянием полудремоты мысли его приняли другое направление, и тревога сменилась надеждой.
He saw himself on the morrow on the plains of the Andes, where the search would actually commence, and perhaps success was close at hand.	Завтра он со своими спутниками очутится у подошвы Анд. Там по - настоящему начнутся поиски капитана Гранта, и, быть может, они вскоре увенчаются успехом.
He thought of Captain Grant and his two sailors, and their deliverance from cruel bondage.	Он мечтал о том, как будут освобождены от тяжкого плена капитан Грант и два его матроса.
As these visions passed rapidly through his mind, every now and then he was roused by the crackling of the fire, or sparks flying out, or some little jet of flame would suddenly flare up and illumine the faces of his slumbering companions.	Эти картины одна за другой проносились в его воображении. Порой его отвлекало от них потрескивание искр, взлетавших над очагом, или яркая вспышка пламени, освещавшая лица его спавших товарищей и бросавшая беглые тени на стены хижины.
Then his presentiments returned in greater strength than before, and he listened anxiously to the sounds outside the hut.	Но потом его с еще большей силой стали томить предчувствия.
At certain intervals he fancied he could hear rumbling noises in the distance, dull and threatening like the mutter-ings of thunder before a storm.	Он полубессознательно прислушивался к доносившимся извне звукам, объяснить происхождение которых среди этих пустынных вершин было трудно. Ему почудились вдруг отдаленные, глухие, угрожающие раскаты, похожие на раскаты грома, но неслись они не с неба.
There surely must be a storm raging down below at the foot of the mountains.	Видимо, это была гроза, бушевавшая где-то по склонам гор, на несколько тысяч футов ниже.
He got up and went out to see.	Гленарвану захотелось убедиться в этом, и он вышел из хижины.
The moon was rising.	Всходила луна.
The atmosphere was pure and calm.	Воздух был прозрачен и неподвижен.
Not a cloud visible either above or below.	Ни одного облачка ни вверху, ни внизу.
Here and there was a passing reflection from the flames of Antuco, but neither storm nor lightning, and myriads of bright stars studded the zenith.	Кое-где мелькали отблески огнедышащего вулкана Антуко. Ни грозы, ни молний. Тысячи звезд сверкали на небе.
Still the rumbling noises continued.	А между тем грохот не умолкал.
They seemed to meet together and cross the chain of the Andes.	Ка залось, он приближался, раскатываясь по горам.

Glenarvan returned to the CASUCHA more uneasy than ever, questioning within himself as to the connection between these sounds and the flight of the guanacos.	Гленарван вернулся в хижину, охваченный еще большим беспокойством. Он ломал себе голову над тем, что могло быть общего между этими подземными раскатами и бегством гуанако. Уж не являлось ли одно следствием другого?
He looked at his watch and found the time was about two in the morning.	Он взглянул на часы. Было два часа ночи.
As he had no certainty, however, of any immediate danger, he did not wake his companions, who were sleeping soundly after their fatigue, and after a little dozed off himself, and slumbered heavily for some hours.	Не совсем уверенный в том, что действительно надвигается какая-то опасность, он не разбудил своих утомленных товарищей, спавших мертвым сном, и сам впал в тяжелую дремоту, которая длилась несколько часов.
All of a sudden a violent crash made him start to his feet.	Вдруг ужасающий грохот поднял его на ноги.
A deafening noise fell on his ear like the roar of artillery.	Это был оглушительный шум, как будто по гулкой мостовой проезжали повозки с артиллерийскими снарядами.
He felt the ground giving way beneath him, and the CASUCHA rocked to and fro, and opened.	Гленарван почувствовал, что почва уходит из-под его ног; хижина заколебалась, и в стенах ее появились трещины.
He shouted to his companions, but they were already awake, and tumbling pell-mell over each other. They were being rapidly dragged down a steep declivity.	- Тревога! - крикнул он. Едва проснувшись, путешественники были сбиты с ног и, повалившись друг на друга, покатились вниз по крутому склону.
Day dawned and revealed a terrible scene.	В лучах рассвета их глазам открылась страшная картина.
The form of the mountains changed in an instant. Cones were cut off. Tottering peaks disappeared as if some trap had opened at their base.	Очертания гор менялись на глазах: вершины обламывались, скалы, качаясь, исчезали, словно проваливались в какие-то люки.
Owing to a peculiar phenomenon of the Cordilleras, an enormous mass, many miles in extent, had been displaced entirely, and was speeding down toward the plain.	Про исходило то, что часто случалось в Андах: целый горный кряж в несколько миль шириной перемещался, катясь к равнине.
"An earthquake!" exclaimed Paganel.	- Землетрясение! - крикнул Паганель.
He was not mistaken.	Географ не ошибся.
It was one of those cataclysms frequent in Chili, and in this very region where Copiapo had been twice destroyed, and Santiago four times laid in ruins in fourteen years.	Это было одно из стихийных бедствий, обычных на гористой границе Чили: в течение четырнадцати лет город Копьяпо был дважды уничтожен, а Сантьяго разрушен четыре раза.
This region of the globe is so underlaid with volcanic fires and the volcanoes of recent origin are such insufficient safety valves for the subterranean vapors, that shocks are of frequent occurrence, and are called by the people TREMBLORES.	Эта часть земного шара особенно подвержена действию подземного огня, а вулканов - клапанов молодых гор - недостаточно для беспрепятственного выхода подземных газов. Отсюда непрекращающиеся сотрясения, на местном наре чии - "трамблорес".

The plateau to which the seven men were clinging, holding on by tufts of lichen, and giddy and terrified in the extreme, was rushing down the declivity with the swiftness of an express, at the rate of fifty miles an hour.	Горное плато с семью ошеломленными, охваченными ужасом людьми, вцепившимися в росшие кругом лишайники, катилось вниз с быстротой курьерского поезда, то есть со скоростью пятидесяти миль в час.
Not a cry was possible, nor an attempt to get off or stop.	Нельзя было ни задержаться, ни даже крикнуть.
They could not even have heard themselves speak.	Расслышать друг друга было немыслимо.
The internal rumblings, the crash of the avalanches, the fall of masses of granite and basalt, and the whirlwind of pulverized snow, made all communication impossible.	Подземный гул, грохот сталкивающихся гранитных и базальтовых скал, облака снежной пыли делали какое-либо общение невозможным.
Sometimes they went perfectly smoothly along without jolts or jerks, and sometimes on the contrary, the plateau would reel and roll like a ship in a storm, coasting past abysses in which fragments of the mountain were falling, tearing up trees by the roots, and leveling, as if with the keen edge of an immense scythe, every projection of the declivity.	Кряж то спускался без толчков и тряски, то качался, словно судно в бурном море. Он проносился мимо пропастей, в которые сваливались каменные глыбы, выкорчевывал вековые деревья, и, подобно гигантской косе, срезал все выступы восточного склона. Трудно даже представить себе всю мощь этой огромной массы, в миллиарды тонн весом, мчащейся со все возрастающей скоростью под уклон в пятьдесят градусов!
How long this indescribable descent would last, no one could calculate, nor what it would end in ultimately. None of the party knew whether the rest were still alive, whether one or another were not already lying in the depths of some abyss.	Никто не мог определить, сколько времени длилось это неописуемое падение. Никто не осмелился бы подумать о том, в какую бездну предстояло этой громаде свергнуться. Никто не мог бы сказать, все ли еще живы или кто-нибудь уже лежит распростертый на дне пропасти.
Almost breathless with the swift motion, frozen with the cold air, which pierced them through, and blinded with the whirling snow, they gasped for breath, and became exhausted and nearly inanimate, only retaining their hold of the rocks by a powerful instinct of self-preservation.	Задыхаясь от быстрого движения, окоченевшие от ледяного ветра, ослепленные снежным вихрем, они едва переводили дыхание, обессиленные, почти без жизненные, и только могучий инстинкт самосохранения заставлял их цепляться за скалы.
Suddenly a tremendous shock pitched them right off, and sent them rolling to the very foot of the mountain.	Вдруг толчок невероятной силы оторвал их от скользящего острова, и они покатились по последним уступам гор.
The plateau had stopped.	Плато, на котором они неслись, резко остановилось.
For some minutes no one stirred.	В течение нескольких минут никто не шевельнулся.
At last one of the party picked himself up, and stood on his feet, stunned by the shock, but still firm on his legs.	Наконец кто-то поднялся. Оглушенный толчком, он все-таки твердо держался на ногах.
This was the Major.	То был майор.
He shook off the blinding snow and looked around him.	Стряхнув ослеплявшую его пыль, он осмотрелся.

His companions lay in a close circle like the shots from a gun that has just been discharged, piled one on top of another.	Вокруг него один на другом неподвижно лежали его спутники.
The Major counted them. All were there except one-that one was Robert Grant.	Майор пересчитал их и недосчитался одного. Не хватало Роберта Гранта.
CHAPTER XIV PROVIDENTIALLY RESCUED	Глава XIV СПАСИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ
THE eastern side of the Cordilleras of the Andes consists of a succession of lengthened declivities, which slope down almost insensibly to the plain.	Восточный склон Анд, опускаясь длинными пологими скатами, незаметно переходит в равнину.
The soil is carpeted with rich herbage, and adorned with magnificent trees, among which, in great numbers, were apple-trees, planted at the time of the conquest, and golden with fruit. There were literally, perfect forests of these.	Здесь и остановился внезапно обломок. В этом новом краю расстилались тучные пастбища, целыми лесами стояли отягощенные золотистыми плодами яблони, посаженные еще во времена завоевания материка.
This district was, in fact, just a corner of fertile Normandy.	Казалось, путешественники очутились в уголке плодородной Нормандии.
The sudden transition from a desert to an oasis, from snowy peaks to verdant plains, from Winter to Summer, can not fail to strike the traveler's eye.	Конечно, при иных обстоятельствах они были бы поражены таким внезапным переходом от пустыни к оазису, от снеговых вершин к зеленым лугам, от зимы - к лету.
The ground, moreover, had recovered its immobility.	Почва больше не колебалась.
The trembling had ceased, though there was little doubt the forces below the surface were carrying on their devastating work further on, for shocks of earthquake are always occurring in some part or other of the Andes.	Землетрясение прекратилось. Видимо, подземные силы проявляли свою разрушительную деятельность уже где-то дальше, ведь Анды всегда сотрясаются в каком-нибудь месте.
This time the shock had been one of extreme violence.	На этот раз землетрясение было особенно сильным.
The outline of the mountains was wholly altered, and the Pampas guides would have sought vainly for the accustomed landmarks. A magnificent day had dawned. The sun was just rising from his ocean bed, and his bright rays streamed already over the Argentine plains, and ran across to the Atlantic.	Очертания гор резко изменились. На фоне голубого неба вырисовывалась новая панорама вершин, гребней, пиков, и проводник по пампасам напрасно стал бы искать на них знакомые приметы.
It was about eight o'clock.	Было восемь часов утра.
Lord Glenarvan and his companions were gradually restored to animation by the Major's efforts.	Гленарван и его спутники благодаря стараниям майора мало - помалу вернулись к жизни.
They had been completely stunned, but had sustained no injury whatever.	Они были сильно оглушены, но и только.
The descent of the Cordilleras was accomplished; and as Dame Nature had conveyed them at her own expense, they could only have praised her method of locomotion if one of their number, and that one the feeblest and youngest, the child of the party, had not been missing at the roll call.	Итак, с Анд они спустились и могли бы даже приветствовать такое передвижение, все заботы о котором взяла на себя природа, если бы не исчез один из них, самый слабый, еще ребенок: Роберт Грант.

The brave boy was beloved by everybody. Paganel was particularly attached to him, and so was the Major, with all his apparent coldness.	Все полюбили отважного мальчика: и Паганель, особенно к нему привязавшийся, и майор, несмотря на свою сдержанность, но больше всех - Гленарван.
As for Glenarvan, he was in absolute despair when he heard of his disappearance, and pictured to himself the child lying in some deep abyss, wildly crying for succor.	Когда он узнал об исчезновении Роберта, то пришел в отчаяние. Ему представлялось, что несчастный мальчик лежит на дне какой-нибудь пропасти и тщетно зовет на помощь его, своего второго отца.
"We must go and look for him, and look till we find him," he exclaimed, almost unable to keep back his tears.	- Друзья мои, друзья мои, - говорил Гленарван, с трудом удерживая слезы, - надо его искать, надо его найти!
"We cannot leave him to his fate.	Не можем же мы его так бросить!
Every valley and precipice and abyss must be searched through and through.	Мы должны осмотреть каждую долину, каждую пропасть.
I will have a rope fastened round my waist, and go down myself.	Обвяжите меня веревкой и спустите вниз.
I insist upon it; you understand; I insist upon it.	Это моя воля, слышите!
Heaven grant Robert may be still alive!	Только бы Роберт был жив!
If we lose the boy, how could we ever dare to meet the father?	Как без него искать его отца?
What right have we to save the captain at the cost of his son's life?"	И что это будет за спасение капитана Гранта, если оно стоило жизни его сыну!
Glenarvan's companions heard him in silence.	Спутники Гленарвана молча слушали его.
He sought to read hope in their eyes, but they did not venture to meet his gaze.	Чувствуя, как ему хочется прочесть в их взгляде хотя бы тень надежды, они опускали глаза.
At last he said, "Well, you hear what I say, but you make no response.	- Ну что ж, - продолжал Гленарван, - вы слышали меня. Вы молчите!
Do you mean to tell me that you have no hope-not the slightest?"	Значит, у вас нет никакой надежды? Ника кой?
Again there was silence, till McNabbs asked:	Несколько минут длилось молчание. Наконец заговорил Мак-Наббс:
"Which of you can recollect when Robert disappeared?"	- Кто из вас, друзья мои, помнит, в какой именно момент исчез Роберт?
No one could say.	Ответа на этот вопрос не последовало.
"Well, then," resumed the Major, "you know this at any rate. Who was the child beside during our descent of the Cordilleras?"	- Скажите, по крайней мере, возле кого был мальчик во время спуска? - продолжал майор.
"Beside me," replied Wilson.	- Возле меня, - отозвался Вильсон.
"Very well. Up to what moment did you see him beside you?	- До каких пор ты видел его рядом?
Try if you can remember."	Постарайся припомнить... Говори же!

"All that I can recollect is that Robert Grant was still by my side, holding fast by a tuft of lichen, less than two minutes before the shock which finished our descent."	- Вот все, что я помню, - отозвался Вильсон. - Минуты за две до толчка, которым кончился наш спуск, Роберт, уцепившись за пучок лишайника, еще был рядом со мной.
"Less than two minutes?	- Минуты за две?
Mind what you are saying; I dare say a minute seemed a very long time to you.	Подумай хорошенько, Вильсон. Минуты могли показаться тебе очень длинными.
Are you sure you are not making a mistake?"	Не ошибаешься ли ты?
"I don't think I am.	- Думаю, что не ошибаюсь.
No; it was just about two minutes, as I tell you."	Да, именно так: минуты за две, а быть может, и того меньше.
"Very well, then; and was Robert on your right or left?"	- Пусть так. Где же был Роберт: справа или слева от тебя? - спросил Мак-Наббс.
"On my left.	- Слева.
I remember that his poncho brushed past my face."	Я еще помню, как его пончо хлестало меня по лицу.
"And with regard to us, how were you placed?"	- А по какую сторону от нас ты сам был?
"On the left also."	- Тоже слева.
"Then Robert must have disappeared on this side," said the Major, turning toward the mountain and pointing toward the right: "and I should judge," he added, "considering the time that has elapsed, that the spot where he fell is about two miles up.	- Значит, Роберт мог исчезнуть только с этой стороны, - проговорил майор, поворачиваясь к горам и указывая вправо. - А судя по тому, когда исчез мальчик, он мог упасть на высоте не более двух тысяч футов.
Between that height and the ground is where we must search, dividing the different zones among us, and it is there we shall find him."	Мы должны разделиться, обыскать по участкам всю эту зону и найти его.
Not another word was spoken.	Никто не добавил к этому ни слова.
The six men commenced their explorations, keeping constantly to the line they had made in their descent, examining closely every fissure, and going into the very depths of the abysses, choked up though they partly were with fragments of the plateau; and more than one came out again with garments torn to rags, and feet and hands bleeding.	Путники взобрались на склоны гор и начали поиски на разной высоте. Держась правее линии спуска, они обыскивали малейшие трещины, спускались, рискуя жизнью, до дна пропастей, местами заваленных обломками скал, и выбирались оттуда с окровавленными руками и ногами, в изодранной одежде.
For many long hours these brave fellows continued their search without dreaming of taking rest.	В течение долгих часов вся эта часть Кордильер, кроме нескольких совершенно недоступных плато, была обследована самым тщательным образом, причем ни одному из этих самоотверженных людей и в голову не пришло подумать об отдыхе.
But all in vain.	Но, увы, все поиски оказались тщетными.
The child had not only met his death on the mountain, but found a grave which some enormous rock had sealed forever.	Видимо, бедный мальчик нашел в горах не только смерть, но и могилу, навеки сокрытую, как надгробной плитой, какой-нибудь огромной скалой.

About one o'clock, Glenarvan and his companions met again in the valley.	Около часа дня Гленарван и его спутники, разбитые усталостью, удрученные, сошлись на дне долины.
Glenarvan was completely crushed with grief.	Гленарван глубоко скорбел.
He scarcely spoke. The only words that escaped his lips amid his sighs were,	Он почти не мог говорить и только, вздыхая, повторял:
"I shall not go away!	- Не уйду отсюда!
I shall not go away!"	Не уйду!..
No one of the party but could enter into his feeling, and respect it.	Никто не возражал ему, все понимали это упорство, ставшее навязчивой идеей.
"Let us wait," said Paganel to the Major and Tom Austin. "We will take a little rest, and recruit our strength.	- Подождем, - сказал Паганель майору и Тому Остину, - отдохнем немного и восстановим свои силы.
We need it anyway, either to prolong our search or continue our route."	Это необходимо, возобновим ли мы поиски или будем продолжать путь.
"Yes; and, as Edward wishes it, we will rest.	- Да, - ответил Мак-Наббс, - останемся здесь, раз этого хочет Эдуард.
He has still hope, but what is it he hopes?"	Он надеется... но на что?
"Who knows!" said Tom Austin.	- Один бог знает, - сказал Том Остин.
"Poor Robert!" replied Paganel, brushing away a tear.	- Бедный Роберт! - Паганель вытер слезы.
The valley was thickly wooded, and the Major had no difficulty in finding a suitable place of encampment.	В долине кругом росло множество деревьев. Майор выбрал место под группой высоких рожковых деревьев и распорядился разбить здесь временный лагерь.
He chose a clump of tall carob trees, under which they arranged their few belongings-few indeed, for all they had were sundry wraps and fire-arms, and a little dried meat and rice.	Несколько одеял, оружие, немного сушеного мяса и риса - вот все, что уцелело у путешественников.
Not far off there was a RIO, which supplied them with water, though it was still somewhat muddy after the disturbance of the avalanche.	Речка, протекавшая поблизости, снабдила их водой, еще мутной после обвала.
Mulrady soon had a fire lighted on the grass, and a warm refreshing beverage to offer his master.	Мюльреди развел на земле костер и вскоре предложил Гленарвану подкрепиться горячим питьем.
But Glenarvan refused to touch it, and lay stretched on his poncho in a state of absolute prostration.	Но тот отказался и продолжал в оцепенении лежать на своем пончо.
So the day passed, and night came on, calm and peaceful as the preceding had been.	Так прошел день. Настала ночь, такая же тихая и без мятежная, как и начало предыдущей.
While his companions were lying motionless, though wide awake, Glenarvan betook himself once more to the slopes of the Cordilleras, listening intently in hope that some cry for help would fall upon his ear.	Все улеглись, но глаз сомкнуть не могли, а Гленарван снова отправился на поиски по склонам Кордильер. Он прислушивался, надеясь расслышать призыв мальчика.

He ventured far up in spite of his being alone, straining his ear with painful eagerness to catch the faintest sound, and calling aloud in an agony of despair.	Он поднялся высоко в горы и то слушал, приложив ухо к земле и стараясь приглушить биение своего сердца, то с отчаянием звал Роберта.
But he heard nothing save the beatings of his own heart, though he wandered all night on the mountain.	Всю ночь несчастный Гленарван блуждал в горах.
Sometimes the Major followed him, and sometimes Paganel, ready to lend a helping hand among the slippery peaks and dangerous precipices among which he was dragged by his rash and useless imprudence.	То Паганель, то майор шли за ним следом, готовые поддержать его на тех скользких гребнях, у края тех пропастей, к которым увлекала его бесполезная отвага. Но и эти последние усилия оказались бесплодными.
All his efforts were in vain, however, and to his repeated cries of	Напрасно выкрикивал он без конца:
"Robert, Robert!" echo was the only response.	"Роберт! Роберт!" - ответом ему было лишь эхо.
Day dawned, and it now became a matter of necessity to go and bring back the poor Lord from the distant plateau, even against his will.	Наступило утро. Друзьям Гленарвана пришлось идти за ним на отдаленное плоскогорье и силой увести его в лагерь.
His despair was terrible.	Он был в невыразимом отчаянии.
Who could dare to speak of quitting this fatal valley?	Кто посмел бы заговорить с ним об уходе, кто посмел бы предложить ему покинуть эту роковую долину?
Yet provisions were done, and Argentine guides and horses were not far off to lead them to the Pampas.	Между тем не хватало съестных припасов. Где-то по близости можно было встретить тех аргентинских проводников, о которых говорил им катапац, и найти лошадей, необходимых для перехода через пампасы.
To go back would be more difficult than to go forward.	Вернуться назад было гораздо труднее, чем двигаться вперед.
Besides, the Atlantic Ocean was the appointed meeting place with the DUNCAN.	Кроме того, ведь было условлено встретиться с "Дунканом" на побережье Атлантического океана.
These were strong reasons against any long delay; indeed it was best for all parties to continue the route as soon as possible.	Эти веские соображения не позволяли больше медлить: в интересах всего отряда надо было идти дальше.
McNabbs undertook the task of rousing Lord Glenarvan from his grief.	Мак-Наббс попытался отвлечь Гленарвана от горестных мыслей.
For a long time his cousin seemed not to hear him. At last he shook his head, and said, almost in-audibly:	Долго уговаривал он своего друга, но тот, казалось, ничего не слышал и только качал отрицательно головой. Наконец он пробормотал:
"Did you say we must start?"	- Выступать?
"Yes, we must start."	- Да, выступать.
"Wait one hour longer."	- Подождем еще час.
"Yes, we'll wait another," replied the Major.	- Хорошо, подождем, - согласился майор.
The hour slipped away, and again Glenarvan begged for longer grace.	Час прошел, и Гленарван стал умолять, чтобы ему дали еще час.

To hear his imploring tones, one might have thought him a criminal begging a respite.	Казалось, приговоренный к смерти молит о продлении своей жизни.
So the day passed on till it was almost noon. McNabbs hesitated now no longer, but, acting on the advice of the rest, told his cousin that start they must, for all their lives depended on prompt action.	Так тянулось до полудня. Наконец Мак-Наббс, посоветовавшись со всеми остальными, решительно заявил, что надо отправляться, ибо от этого зависит жизнь всех участников экспедиции.
"Yes, yes!" replied Glenarvan. "Let us start, let us start!"	- Да, да, - отозвался Гленарван, - надо, надо отправляться.
But he spoke without looking at McNabbs.	Но проговорил он это, уже не глядя на Мак-Наббса.
His gaze was fixed intently on a certain dark speck in the heavens.	Взор его был привлечен какой-то черной точкой высоко в небе.
Suddenly he exclaimed, extending his arm, and keeping it motionless, as if petrified:	Вдруг его рука поднялась и замерла.
"There! there! Look! look!"	- Вон там, там! - крикнул Гленарван. - Смотрите! Смотрите!
All eyes turned immediately in the direction indicated so imperiously.	Все устремили глаза в том направлении, куда он так настойчиво указывал.
The dark speck was increasing visibly. It was evidently some bird hovering above them.	Черная точка уже успела заметно увеличиться - это была птица, парившая на неизмеримой высоте.
"A condor," said Paganel.	- Это кондор, - сказал Паганель.
"Yes, a condor," replied Glenarvan. "Who knows?	- Да, кондор, - отозвался Гленарван. - Как знать!..
He is coming down-he is gradually getting lower! Let us wait."	Он летит сюда, снижается... Подождем... На что надеялся Гленарван? Уж не начал ли помрачаться его рассудок? Что значили слова: "Как знать"?
Paganel was not mistaken, it was assuredly a condor.	Паганель не ошибся: кондор делался все более и более ясно видимым.
This magnificent bird is the king of the Southern Andes, and was formerly worshiped by the Incas.	Этот великолепный хищник, которому некогда поклонялись инки, был царем южных Кордильер.
It attains an extraordinary development in those regions.	В этих местах кондоры достигают необычайно крупных размеров.
Its strength is prodigious. It has frequently driven oxen over the edge of precipices down into the depths of abysses.	Сила их изумительна: нередко они сталкивают в пропасть быков.
It seizes sheep, and kids, and young calves, browsing on the plains, and carries them off to inaccessible heights.	Кондор набрасывается на бродящих по равнинам овец, козлят, телят и, вцепившись в свою жертву когтями, поднимается с ней на большую высоту.
It hovers in the air far beyond the utmost limits of human sight, and its powers of vision are so great that it can discern the smallest objects on the earth beneath.	Часто он парит на высоте двадцати тысяч футов. Отсюда, недоступный ничьим взорам, этот царь поднебесья устремляет свои глаза на землю и различает там мельчайшие предметы с зоркостью, изумляющей естествоиспытателей.
What had this condor discovered then?	Что же мог увидеть кондор?
Could it be the corpse of Robert Grant?	Быть может, труп Роберта?

"Who knows?" repeated Glenarvan, keeping his eye immovably fixed on the bird.	- Как знать!.. - повторял Гленарван, не спуская глаз с громадной птицы.
The enormous creature was fast approaching, sometimes hovering for awhile with outspread wings, and sometimes falling with the swiftness of inert bodies in space. Presently he began to wheel round in wide circles.	А она приближалась, то паря в воздухе, то камнем устремляясь вниз. Но вот меньше чем в семистах футах от земли хищник начал описывать большие круги.
They could see him distinctly. He measured more than fifteen feet, and his powerful wings bore him along with scarcely the slightest effort, for it is the prerogative of large birds to fly with calm majesty, while insects have to beat their wings a thousand times a second.	Теперь кондора можно было ясно рассмотреть: ширина его могучих распростертых крыльев превышала пятнадцать футов, и они держали его в воздухе, почти не двигаясь, ибо большим птицам свойственно летать с величественным спокойствием, в то время как насекомым, чтобы удержаться в воздухе, нужны тысячи взмахов крыльев в секунду.
The Major and Wilson had seized their carbines, but Glenarvan stopped them by a gesture.	Майор и Вильсон схватили свои карабины. Гленарван жестом остановил их.
The condor was encircling in his flight a sort of inaccessible plateau about a quarter of a mile up the side of the mountain.	Кондор описывал круги над недоступным горным плато, находившимся приблизительно в четверти мили от наших путников.
He wheeled round and round with dazzling rapidity, opening and shutting his formidable claws, and shaking his cartilaginous carbuncle, or comb.	Огромная птица носилась с головокружительной быстротой, то выпуская, то пряча свои страшные когти и потряхивая мясистым гребнем.
"It is there, there!" exclaimed Glenarvan.	- Это там! Там!.. - крикнул Гленарван.
A sudden thought flashed across his mind, and with a terrible cry, he called out, "Fire! fire! Oh, suppose Robert were still alive! That bird."	Вдруг в голове его мелькнула мысль. - Если Роберт еще жив... - воскликнул он в ужасе. - Эта птица... Стреляйте, друзья мои, стреляйте!
But it was too late. The condor had dropped out of sight behind the crags.	Но было уже поздно: кондор исчез за высокими выступами скалы.
Only a second passed, a second that seemed an age, and the enormous bird reappeared, carrying a heavy load and flying at a slow rate.	Прошла какая-нибудь секунда, показавшаяся столетием... Огромная птица появилась снова; она летела медленнее, отягощенная грузом.
A cry of horror rose on all sides. It was a human body the condor had in his claws, dangling in the air, and apparently lifeless-it was Robert Grant.	Раздался вопль ужаса: в когтях у кондора висело и раскачивалось безжизненное тело - тело Роберта Гранта.
The bird had seized him by his clothes, and had him hanging already at least one hundred and fifty feet in the air.	Хищник, держа мальчика за платье, парил в воздухе футах в ста пятидесяти над лагерем.
He had caught sight of the travelers, and was flapping his wings violently, endeavoring to escape with his heavy prey.	Он завидел путешественников и, стремясь поскорее улететь со своей тяжелой добычей, с силой рассекал крыльями воздух.
"Oh! would that Robert were dashed to pieces against the rocks, rather than be a-"	- А! - крикнул Гленарван. - Пусть лучше тело Роберта разобьется об эти скалы, чем послужит...
He did not finish his sentence, but seizing Wilson's carbine, took aim at the condor. His arm was too trembling, however, to keep the weapon steady.	Он не договорил и, схватив карабин Вильсона, стал наводить его на кондора, но руки его дрожали, глаза заволоклись туманом, и он не мог прицелиться.

"Let me do it," said the Major.	- Позвольте мне, - сказал майор.
And with a calm eye, and sure hands and motionless body, he aimed at the bird, now three hundred feet above him in the air.	И, неподвижный, спокойный, уверенный, Мак-Наббс прицелился в кондора: тот был от него уже в трехстах футах.
But before he had pulled the trigger the report of a gun resounded from the bottom of the valley. A white smoke rose from between two masses of basalt, and the condor, shot in the head, gradually turned over and began to fall, supported by his great wings spread out like a parachute.	Но не успел майор нажать курок своего карабина, как в глубине долины раздался выстрел; белый дымок поднялся между двумя базальтовыми громадами - и кондор, сраженный пулей в голову, медленно описывая круги, стал спускаться, словно на парашюте, на своих широко распростертых крыльях.
He had not let go his prey, but gently sank down with it on the ground, about ten paces from the stream.	Не выпуская добычи, он мягко упал футах в десяти от крутого берега ручья.
"We've got him, we've got him," shouted Glenarvan; and without waiting to see where the shot so providentially came from, he rushed toward the condor, followed by his companions.	- Вперед! Вперед! - крикнул Гленарван. И, не стараясь узнать, откуда раздался благодетельный выстрел, он кинулся к кондору. Спутники его помчались за ним.
When they reached the spot the bird was dead, and the body of Robert was quite concealed beneath his mighty wings.	Когда они добежали до кондора, птица была уже мертва, а тела Роберта почти не было видно из-под ее широких крыльев.
Glenarvan flung himself on the corpse, and dragging it from the condor's grasp, placed it flat on the grass, and knelt down and put his ear to the heart.	Гленарван бросился к мальчику, вырвал его из когтей кондора, уложил на траву и приник ухом к груди безжизненного тела.
But a wilder cry of joy never broke from human lips, than Glenarvan uttered the next moment, as he started to his feet and exclaimed:	Никогда еще из уст человеческих не исторгалось такого радостного крика, как тот, что вырвался в этот миг у Гленарвана:
"He is alive!	- Он жив!
He is still alive!"	Он жив еще!
The boy's clothes were stripped off in an instant, and his face bathed with cold water.	В одну минуту с Роберта сняли одежду, смочили ему лицо свежей водой.
He moved slightly, opened his eyes, looked round and murmured,	Мальчик пошевелился, открыл глаза, посмотрел и пробормотал:
"Oh, my Lord! Is it you!" he said; "my father!"	- А, это вы, милорд... отец мой!..
Glenarvan could not reply. He was speechless with emotion, and kneeling down by the side of the child so miraculously saved, burst into tears.	Гленарван, задыхаясь от волнения, был не в силах ответить: опустившись на колени возле чудом спасенного мальчика, он плакал от радости.
CHAPTER XV THALCAVE	Глава XV ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК ЖАКА ПАГАНЕЛЯ
ROBERT had no sooner escaped one terrible danger than he ran the risk of another scarcely less formidable.	Роберт, избавившись от одной огромной опасности, тут же подвергся другой - пожалуй, не меньшей: его едва не задушили в объятиях.
He was almost torn to pieces by his friends, for the brave fellows were so overjoyed at the sight of him, that in spite of his weak state, none of them would be satisfied without giving him a hug.	Хотя он был еще очень слаб, ни один из его спутников не мог удержаться от того, чтобы не прижать его к груди.

However, it seemed as if good rough hugging did not hurt sick people; at any rate it did not hurt Robert, but quite the contrary.	Но надо полагать, что такие сердечные объятия не гибельны для больных: по крайней мере, Роберт от них не умер.
But the first joy of deliverance over, the next thought was who was the deliverer? Of course it was the Major who suggested looking for him, and he was not far off, for about fifty paces from the RIO a man of very tall stature was seen standing motionless on the lowest crags at the foot of the mountain.	Но от спасенного мысли наших путешественников обратились к спасителю, и, разумеется, майору первому пришло в голову осмотреться кругом. Шагах в пятидесяти от реки он увидел человека чрезвычайно высокого роста, неподвижно стоявшего на уступе у самой подошвы горы.
A long gun was lying at his feet.	Он держал длинное ружье.
He had broad shoulders, and long hair bound together with leather thongs.	Этот неожиданно появившийся человек был широкоплеч, с длинными волосами, схваченными кожаным ремешком.
He was over six feet in height.	Рост его превышал шесть футов.
His bronzed face was red between the eyes and mouth, black by the lower eyelids, and white on the forehead.	Его смуглое лицо было раскрашено: брови - красной краской, нижние веки - черной, а лоб - белой.
He wore the costume of the Patagonians on the frontiers, consisting of a splendid cloak, ornamented with scarlet arabesques, made of the skins of the guanaco, sewed together with ostrich tendons, and with the silky wool turned up on the edge.	Он был в одежде индейцев пограничной полосы Патагонии: на нем был великолепный плащ из шкуры гуанако, разукрашенный красным орнаментом и сшитый жилами страуса.
Under this mantle was a garment of fox-skin, fastened round the waist, and coming down to a point in front.	Под плащом виднелась еще одежда из лисьего меха.
A little bag hung from his belt, containing colors for painting his face. His boots were pieces of ox hide, fastened round the ankles by straps, across.	Она была стянута поясом, у которого висел мешочек с красками для лица.
This Patagonian had a splendid face, indicating real intelligence, notwithstanding the medley of colors by which it was disfigured.	Несмотря на пеструю раскраску, лицо этого патагонца было величественно и говорило о его несомненном уме.
His waiting attitude was full of dignity; indeed, to see him standing grave and motionless on his pedestal of rocks, one might have taken him for a statue of sang-froid.	В позе, пол ной достоинства, он ожидал, что будет дальше. Глядя на эту неподвижную, внушительную фигуру, можно было принять ее за статую хладнокровия.
As soon as the Major perceived him, he pointed him out to Glenarvan, who ran toward him immediately.	Как только майор заметил патагонца, он указал на него Гленарвану, и тот тотчас же побежал к нему.
The Patagonian came two steps forward to meet him, and Glenarvan caught hold of his hand and pressed it in his own.	Патагонец сделал два шага вперед. Гленарван взял его руку и крепко пожал.
It was impossible to mistake the meaning of the action, for the noble face of the Scotch lord so beamed with gratitude that no words were needed.	В глазах Эдуарда, во всем его сияющем лице, светилась такая горячая благодарность, что патагонец, конечно, не мог не понять его.
The stranger bowed slightly in return, and said a few words that neither Glenarvan nor the Major could understand.	Он слегка нагнул голову и произнес несколько слов, которые остались непонятными как для майора, так и для его кузена.

The Patagonian surveyed them attentively for a few minutes, and spoke again in another language. But this second idiom was no more intelligible than the first.	Тогда патагонец, внимательно посмотрев на чужестранцев, заговорил на другом языке, но, как он ни старался, его не поняли и на этот раз.
Certain words, however, caught Glenarvan's ear as sounding like Spanish, a few sentences of which he could speak.	Однако во фразах, произнесенных туземцем, что-то напомнило Гленарвану испанский язык - он знал несколько общеупотребительных испанских слов.
"ESPANOL?" he asked.	- Espanol? - спросил он.
The Patagonian nodded in reply, a movement of the head which has an affirmative significance among all nations.	Патагонец кивнул головой сверху вниз - движение, имеющее значение подтверждения у всех народов.
"That's good!" said the Major. "Our friend Paganel will be the very man for him.	- Отлично, - сказал майор, - теперь дело за нашим другом Паганелем.
It is lucky for us that he took it into his head to learn Spanish."	Хорошо, что ему пришло в голову учить испанский язык!
Paganel was called forthwith.	Позвали Паганеля.
He came at once, and saluted the stranger with all the grace of a Frenchman. But his compliments were lost on the Patagonian, for he did not understand a single syllable.	Он немедленно прибежал и раскланялся перед патагонцем с чисто французской грацией, которую тот, по всей вероятности, не смог оценить. Географу тотчас рассказали, в чем дело.
However, on being told how things stood, he began in Spanish, and opening his mouth as wide as he could, the better to articulate, said:	- Чудесно! - воскликнул он. И, широко открывая рот, чтобы яснее выговаривать, он проговорил:
"Vos sois um homen de bem." (You are a brave man.)	- Vos sois um homem de bem.
The native listened, but made no reply.	Туземец, видимо, напряг слух, но ничего не ответил.
"He doesn't understand," said the geographer.	- Он не понимает, - сказал географ.
"Perhaps you haven't the right accent," suggested the Major.	- Быть может, вы неправильно произносите? - спросил майор.
"That's just it!	- Возможно.
Confound the accent!"	Произношение дьявольское!
Once more Paganel repeated his compliment, but with no better success.	И Паганель снова повторил свою любезную фразу, но успех ее был тот же.
"I'll change the phrase," he said; and in slow, deliberate tones he went on, "Sam duvida um Patagao" (A Patagonian, undoubtedly).	- Ну, выразимся иначе, - сказал географ и, произнося медленно, как учитель в классе, спросил патагонца: - Sem duvida, um Patago?
No response still.	Тот по-прежнему молчал.
"DIZEIME!" said Paganel (Answer me).	- Dizeime! - добавил Паганель.
But no answer came.	Патагонец и на этот раз не проронил ни слова.
"Vos compriendeis?" (Do you understand?) shouted Paganel, at the very top of his voice, as if he would burst his throat.	- Vos compriendeis? - закричал Паганель так громко, что едва не порвал себе голосовые связки.

Evidently the Indian did not understand, for he replied in Spanish,	Было очевидно, что индеец не понимал того, что ему говорили, так как он ответил наконец по-испански:
"No comprendo" (I do not understand).	- No comprendo.
It was Paganel's turn now to be amazed. He pushed his spectacles right down over his nose, as if greatly irritated, and said,	Тут уж настала очередь Паганеля изумиться, и он с видимым раздражением сдвинул очки со лба на глаза.
"I'll be hanged if I can make out one word of his infernal patois. It is Araucanian, that's certain!"	- Пусть меня повесят, если я понимаю хоть одно слово из этого дьявольского диалекта! - воскликнул он. - Верно, это арауканское наречие.
"Not a bit of it!" said Glenarvan. "It was Spanish he spoke."	- Да нет же, - отозвался Гленарван, - этот человек ответил по-испански.
And addressing the Patagonian, he repeated the word, "ESPANOL?" (Spanish?).	И, повернувшись к патагонцу, он вновь спросил его: - Espa?ol?
"Si, si" (yes, yes) replied the Indian.	- Si, si! - ответил туземец.
Paganel's surprise became absolute stupefaction.	Паганель прямо-таки остолбенел.
The Major and his cousin exchanged sly glances, and McNabbs said, mischievously, with a look of fun on his face,	Майор и Гленарван украдкой переглядывались.
"Ah, ah, my worthy friend; is this another of your misadventures? You seem to have quite a monopoly of them."	- А знаете, мой ученый друг, - начал, слегка улыбаясь, майор, - может быть, вы что-нибудь перепутали по вашей бесподобной рассеянности?
"What!" said Paganel, pricking up his ear.	- Как? Что? - насторожился географ.
"Yes, it's clear enough the man speaks Spanish."	- Дело в том, что патагонец, несомненно, говорит по-испански.
"He!"	- Он?
"Yes, he certainly speaks Spanish.	- Да, он!
Perhaps it is some other language you have been studying all this time instead of-"	Уж не изучили ли вы случайно другой язык, приняв его...
But Paganel would not allow him to proceed. He shrugged his shoulders, and said stiffly, "You go a little too far, Major."	Мак-Наббс не успел договорить. - О! - возмущенно прервал его ученый, пожимая плечами, и довольно сухо сказал: - Вы слишком много позволяете себе.
"Well, how is it that you don't understand him then?"	- Но чем же объяснить, что вы его не понимаете? - ответил Мак-Наббс.
"Why, of course, because the man speaks badly," replied the learned geographer, getting impatient.	- Не понимаю я потому, что этот туземец плохо говорит! - ответил, начиная раздражаться, географ.
"He speaks badly; that is to say, because you can't understand him," returned the Major coolly.	- Так вы считаете, что он плохо говорит, только потому, что вы его не понимаете? - спокойно спросил майор.
"Come, come, McNabbs," put in Glenarvan, "your supposition is quite inadmissable.	- Послушайте, Мак-Наббс, - вмешался Гленарван, - ваше предположение невероятно.

However DISTRAIT our friend Paganel is, it is hardly likely he would study one language for another."	Как ни рассеян наш друг Паганель, но не настолько, чтобы изучить один язык вместо другого.
"Well, Edward-or rather you, my good Paganel-explain it then."	- Тогда, дорогой Эдуард, или лучше вы, почтенный Паганель, объясните мне: что здесь происходит?
"I explain nothing. I give proof. Here is the book I use daily, to practice myself in the difficulties of the Spanish language.	- Мне нечего объяснять: я констатирую, - ответил географ. - Вот книга, которой я ежедневно пользуюсь для преодоления трудностей испанского языка.
Examine it for yourself, Major," he said, handing him a volume in a very ragged condition, which he had brought up, after a long rummage, from the depths of one of his numerous pockets. "Now you can see whether I am imposing on you," he continued, indignantly.	Посмотрите на нее, майор, и вы увидите, что я не ввожу вас в заблуждение! С этими словами Паганель начал рыться в своих многочисленных карманах и через несколько минут вытащил весьма потрепанный томик, который и подал с уверенным видом майору. Тот взял книжку и посмотрел на нее.
"And what's the name of this book?" asked the Major, as he took it from his hand.	- Что это за произведение? - спросил он.
"The LUSIADES, an admirable epic, which-"	- Это "Лузиады", - ответил Паганель, - великолепная героическая поэма, которая...
"The LUSIADES!" exclaimed Glenarvan.	- "Лузиады"? - воскликнул Гленарван.
"Yes, my friend, the LUSIADES of the great Camoens, neither more nor less."	- Да, друг мой, не более не менее как "Лузиады" великого Камоэнса!
"Camoens!" repeated Glenarvan; "but Paganel, my unfortunate fellow, Camoens was a Portuguese!	- Камоэнса? - повторил Гленарван. - Но, бедный друг мой, ведь Камоэнс - португалец!
It is Portuguese you have been learning for the last six weeks!"	Вы в течение последних шести недель изучаете португальский язык!..
"Camoens! LUISADES! Portuguese!" Paganel could not say more.	- Камоэнс... "Лузиады"... Португальский... - вот все, что мог пролепетать Паганель.
He looked vexed, while his companions, who had all gathered round, broke out in a furious burst of laughter.	У него потемнело в глазах, а в ушах загремел гомерический хохот обступивших его спутников.
The Indian never moved a muscle of his face.	Патагонец и бровью не повел.
He quietly awaited the explanation of this incomprehensible mirth.	Он терпеливо ждал объяснения того, что происходило на его глазах и было ему совершен но непонятно.
"Fool, idiot, that I am!" at last uttered Paganel.	- Ах я безумец, сумасшедший! - воскликнул наконец Паганель. - Вот оно что!
"Is it really a fact?	Значит, в самом деле!
You are not joking with me?	Это не шутка!
It is what I have actually been doing?	И я мог... я!
Why, it is a second confusion of tongues, like Babel.	Да ведь это вавилонское смешение языков!

Ah me! alack-a-day! my friends, what is to become of me? To start for India and arrive at Chili! To learn Spanish and talk Portuguese!	Ах, друзья мои, друзья! Подумайте только: отправиться в Индию и очутиться в Чили, учить испанский язык, а говорить на португальском!..
Why, if I go on like this, some day I shall be throwing myself out of the window instead of my cigar!"	Нет, это уж слишком! Если так пойдет и дальше, то в один прекрасный день я, вместо того чтобы выбросить в окно сигару, выброшусь сам.
To hear Paganel bemoan his misadventures and see his comical discomfiture, would have upset anyone's gravity.	Видя, как Паганель относится к своему злоключению, как переживает он свою комическую неудачу, нельзя было не смеяться.
Besides, he set the example himself, and said:	Впрочем, он первый подал пример.
"Laugh away, my friends, laugh as loud as you like; you can't laugh at me half as much as I laugh at myself!"	- Смейтесь, друзья мои, смейтесь от души! - повторял он. - Поверьте мне, что всех больше буду смеяться над собой я сам! - И, говоря это, он захохотал так, как, должно быть, не хохотал никогда ни один ученый в мире.
"But, I say," said the Major, after a minute, "this doesn't alter the fact that we have no interpreter."	- Шутки шутками, но мы остались без переводчика, - сказал майор.
"Oh, don't distress yourself about that," replied Paganel, "Portuguese and Spanish are so much alike that I made a mistake; but this very resemblance will be a great help toward rectifying it. In a very short time I shall be able to thank the Patagonian in the language he speaks so well."	- О, не отчаивайтесь, - отозвался Паганель, - португальский и испанский языки до того похожи, что, как видите, я смог даже перепутать их, но зато это же сходство поможет мне быстро исправить свою ошибку, и в недалеком будущем я смогу поблагодарить этого достойного патагонца на языке, которым он так хорошо владеет.
Paganel was right. He soon managed to exchange a few words with the stranger, and found out even that his name was Thalcave, a word that signified in Araucanian, "The Thunderer."	Паганель не ошибся: уже через несколько минут ему удалось обменяться с туземцем несколькими словами. Географ даже узнал, что патагонца зовут Талькав, что на арауканском языке значит "громовержец".
This surname had, no doubt, come from his skill in handling fire-arms.	По всей вероятности, это прозвище дано ему за умение метко стрелять.
But what rejoiced Glenarvan most was to learn that he was a guide by occupation, and, moreover, a guide across the Pampas.	Но особенно обрадовался Гленарван тому, что патагонец оказался профессиональным проводником по пампасам.
To his mind, the meeting with him was so providential, that he could not doubt now of the success of their enterprise. The deliverance of Captain Grant seemed an accomplished fact.	Казалось, сама судьба послала им этого патагонца, и все окончательно уверовали в успех экспедиции, и никто уж не сомневался в спасении капитана Гранта.
When the party went back to Robert, the boy held out his arms to the Patagonian, who silently laid his hand on his head, and proceeded to examine him with the greatest care, gently feeling each of his aching limbs.	Путешественники вернулись вместе с индейцем к Роберту. Мальчик протянул руки к туземцу, и тот безмолвно положил ему на голову свою руку. Он осмотрел Роберта, ощупал ушиб ленные места.
Then he went down to the RIO, and gathered a few handfuls of wild celery, which grew on the banks, with which he rubbed the child's body all over.	Затем, улыбаясь, пошел к берегу реки, сорвал там несколько пучков дикого сельдерея и, вернувшись, натер им тело больного.

He handled him with the most exquisite delicacy, and his treatment so revived the lad's strength, that it was soon evident that a few hours' rest would set him all right.	После этого сделанного чрезвычайно осторож но массажа мальчик почувствовал прилив сил, и стало ясно, что, отдохнув несколько часов, он встанет на ноги.
It was accordingly decided that they should encamp for the rest of the day and the ensuing night.	Было решено этот день и следующую ночь провести в лагере.
Two grave questions, moreover, had to be settled: where to get food, and means of transport.	Надо было еще решить два важных вопроса: относительно пи щи и транспорта.
Provisions and mules were both lacking.	Ни съестных припасов, ни мулов у путешественников не было.
Happily, they had Thalcave, however, a practised guide, and one of the most intelligent of his class.	К счастью, теперь с ними был Талькав. Этот проводник, привыкший сопровождать путешественников вдоль границы Патагонии, один из самых умных местных бакеанос, взялся снабдить Гленарвана всем необходимым для его небольшого отряда.
He undertook to find all that was needed, and offered to take him to a TOLDERIA of Indians, not further than four miles off at most, where he could get supplies of all he wanted.	Он предложил отправиться в индейскую деревню - тольдерию, находившуюся всего в четырех милях. Там, по его словам, можно будет достать все, в чем нуждалась экспедиция.
This proposition was partly made by gestures, and partly by a few Spanish words which Paganel managed to make out.	Предложение это было сделано наполовину с помощью жестов, а наполовину с помощью испанских слов, которые Паганелю удалось понять.
His offer was accepted, and Glenarvan and his learned friend started off with him at once.	Оно было принято, и Гленарван со своим ученым другом, простившись с товарищами, немедленно направились вслед за проводником-патагонцем вверх по течению реки.
They walked at a good pace for an hour and a half, and had to make great strides to keep up with the giant Thalcave.	Они шли полтора часа, быстро, большими шагами, стараясь поспеть за великаном Талькавом.
The road lay through a beautiful fertile region, abounding in rich pasturages; where a hundred thousand cattle might have fed comfortably.	Вся эта прилегавшая к подножию Анд местность отличалась красотой и замечательным плодородием. Одни тучные пастбища сменялись другими. Казалось, они свободно могли прокормить хоть стотысячное стадо.
Large ponds, connected by an inextricable labyrinth of RIOS, amply watered these plains and produced their greenness.	Широкие пруды, соединенные между собой частой сетью речек, обильно питали своей влагой зеленеющие равнины.
Swans with black heads were disporting in the water, disputing possession with the numerous intruders which gamboled over the LLANOS.	Черношейные лебеди резвились в этом водяном царстве, оспаривая его у множества страусов, носившихся по льяносам.
The feathered tribes were of most brilliant plumage, and of marvelous variety and deafening noise.	Вообще мир пернатых был здесь блестящ, очень шумен и вместе с тем изумительно разнообразен.

The isacus, a graceful sort of dove with gray feathers streaked with white, and the yellow cardinals, were flitting about in the trees like moving flowers; while overhead pigeons, sparrows, chingolos, bulgueros, and mongitas, were flying swiftly along, rending the air with their piercing cries.	"Изакас" - изящные горлицы, серенькие с белыми полосками, и желтые кардиналы, сидя на ветках деревьев, напоминали живые цветы. Перелетные голуби летели куда-то вдаль, а мелкие птахи, носясь друг за другом, наполняли воздух своим пронзительным чириканьем.
Paganel's admiration increased with every step, and he had nearly exhausted his vocabulary of adjectives by his loud exclamations, to the astonishment of the Patagonian, to whom the birds, and the swans, and the prairies were every day things.	Жак Паганель был в упоении от всего окружающего, и из его уст то и дело вырывались восторженные восклицания. Это очень удивляло патагонца: тот считал вполне естественным, что на деревьях есть птицы, на прудах - лебеди, а на лугах - травы.
The learned geographer was so lost in delight, that he seemed hardly to have started before they came in sight of the Indian camp, or TOLDERIA, situated in the heart of a valley.	Вообще ученому-географу не пришлось ни жалеть о предпринятой прогулке, ни жаловаться на ее продолжительность. Когда он увидел поселение индейцев, ему показалось, что он только что пустился в путь. Тольдерия раскинулась в глубине долины, сжатой отрогами Анд.
About thirty nomadic Indians were living there in rude cabins made of branches, pasturing immense herds of milch cows, sheep, oxen, and horses. They went from one prairie to another, always finding a well-spread table for their four-footed guests.	Здесь в шалашах из ветвей жило человек тридцать туземцев-кочевников. Они занимались скотоводством и, перегоняя с пастбища на пастбище большие стада коров, быков, лошадей и овец, всюду находили для своих четвероногих питомцев обильную пищу.
These nomads were a hybrid type of Araucans, Pehu-enches, and Aucas.	Эти андо-перуанцы - помесь арауканов, пуэльче и аукассов.
They were Ando-Peruvians, of an olive tint, of medium stature and massive form, with a low forehead, almost circular face, thin lips, high cheekbones, effeminate features, and cold expression.	Цвет их кожи имеет оливковый оттенок, они среднего роста, коренастые, с почти круглым невыразительным лицом, низким лбом, выдающимися скулами, тонкими губами.
As a whole, they are about the least interesting of the Indians.	В общем, туземцы были малоинтересны.
However, it was their herds Glenarvan wanted, not themselves.	Но Гленарвану нужны были не они, а их стада.
As long as he could get beef and horses, he cared for nothing else.	А раз у кочевников были быки и лошади, он был вполне доволен ими.
Thalcave did the bargaining. It did not take long.	Талькав взялся вести переговоры; на это не потребовалось много времени.
In exchange for seven ready saddled horses of the Argentine breed, 100 pounds of CHARQUI, or dried meat, several measures of rice, and leather bottles for water, the Indians agreed to take twenty ounces of gold as they could not get wine or rum, which they would have preferred, though they were perfectly acquainted with the value of gold.	За семь низкорослых лошадок аргентинской породы со сбруей, за сто фунтов сушеного мяса - карки, не сколько мер риса и несколько бурдюков для воды индейцы согласились получить, за неимением вина или рома, что для них было бы более ценно, двадцать унций золота, - стоимость золота они прекрасно знали.
Glenarvan wished to purchase an eighth horse for the Patagonian, but he gave him to understand that it would be useless.	Гленарван хотел было купить и восьмую лошадь, для патагонца, но тот дал понять, что в этом нет нужды.

They got back to the camp in less than half an hour, and were hailed with acclamations by the whole party or rather the provisions and horses were.	Закончив эту сделку, Гленарван распрощался со своими новыми "поставщиками", как их назвал Паганель, и меньше чем через полчаса все трое были уже в лагере. Там их встретили восторженными криками, которые относились, правда, скорее к съестным припасам и верховым лошадям.
They were all hungry, and ate heartily of the welcome viands.	Все с большим аппетитом принялись за еду.
Robert took a little food with the rest.	Поел немного и Роберт.
He was fast recovering strength.	Силы уже почти вернулись к нему.
The close of the day was spent in complete repose and pleasant talk about the dear absent ones.	Остаток дня посвятили отдыху. Говорили понемногу обо всем: вспомнили своих милых спутниц, вспомнили "Дункан", капитана Джона Манглса и его славную команду, не забыли и Гарри Гранта - он ведь мог быть где-нибудь поблизости.
Paganel never quitted the Indian's side.	Паганель же не расставался с индейцем - стал тенью Таль кава.
It was not that he was so glad to see a real Patagonian, by whom he looked a perfect pigmy-a Patagonian who might have almost rivaled the Emperor Maximii, and that Congo negro seen by the learned Van der Brock, both eight feet high; but he caught up Spanish phrases from the Indian and studied the language without a book this time, gesticulating at a great rate all the grand sonorous words that fell on his ear.	Географ был вне себя от радости, что увидел настоящего патагонца, рядом с которым его самого можно было принять за карлика, который мог соперничать ростом с римским императором Максимином или с тем негром из Конго восьми футов ростом, которого видел ученый Ван-дер-Брок. Паганель осаждал Талькава своими испанскими фразами, и тот терпеливо отвечал. На этот раз географ изучал испанский язык уже без книги. Он старательно напрягал горло, язык, губы, громко произнося испанские слова.
"If I don't catch the accent," he said to the Major, "it won't be my fault; but who would have said to me that it was a Patagonian who would teach me Spanish one day?"	- Не моя вина, если у меня будет плохое произношение, - не раз говорил он майору. - Кто бы мог подумать, что испанскому языку меня будет обучать патагонец!
CHAPTER XVI THE NEWS OF THE LOST CAPTAIN	Глава XVI РИО-КОЛОРАДО
NEXT day, the 22d of October, at eight o'clock in the morning, Thalcave gave the signal for departure.	На следующий день, 22 октября, в восемь часов утра, Талькав объявил, что пора отправляться.
Between the 22d and 42d degrees the Argentine soil slopes eastward, and all the travelers had to do was to follow the slope right down to the sea.	Аргентинские равнины между 22 и 42° широты понижаются с запада на восток - перед путешественниками теперь простирался отлогий спуск к Морю.

Glenarvan had supposed Thalcave's refusal of a horse was that he preferred walking, as some guides do, but he was mistaken, for just as they were ready, the Patagonian gave a peculiar whistle, and immediately a magnificent steed of the pure Argentine breed came bounding out of a grove close by, at his master's call.	Когда патагонец отказался от предложенной лошади, Гленарван подумал, что Талькав, как многие местные проводники, предпочитает идти пешком, что, при его длинных ногах, было делом нетрудным. Но Гленарван ошибся. Перед самым отъездом Талькав свистнул как-то по-особому, и тотчас же на зов хозяина из соседней рощицы выбежала великолепная рослая лошадь.
Both in form and color the animal was of perfect beauty.	Это было необыкновенно красивое животное караковой масти, сильное, гордое, смелое и горячее. У него была маленькая, изящно посаженная голова, раздувающиеся ноздри, глаза, полные огня, мощные колени, крутой загривок, высокая грудь, длинные бабки - словом, все признаки силы и ловкости.
The Major, who was a thorough judge of all the good points of a horse, was loud in admiration of this sample of the Pampas breed, and considered that, in many respects, he greatly resembled an English hunter.	Мак-Наббс, знаток лошадей, не мог налюбоваться этим степным скакуном; майор обнаружил у него некоторое сходство с английским гунтером.
This splendid creature was called	Этот красавец конь но сил имя
"Thaouka," a word in Patagonia which means bird, and he well deserved the name.	"Таука", что по-патагонски значит "птица". Несомненно, он заслуживал это имя.
Thalcave was a consummate horseman, and to see him on his prancing steed was a sight worth looking at.	Талькав вскочил в седло, и лошадь рванулась вперед. Нельзя было без восхищения смотреть на этого великолепного наездника.
The saddle was adapted to the two hunting weapons in common use on the Argentine plains-the BOLAS and the LAZO.	У его седла висели болас и лассо, бывшие в большом ходу у охотников аргентинских равнин.
The BOLAS consists of three balls fastened together by a strap of leather, attached to the front of the RECADO.	Болас состоит из трех шаров, соединенных кожаным ремнем.
The Indians fling them often at the distance of a hundred feet from the animal or enemy of which they are in pursuit, and with such precision that they catch round their legs and throw them down in an instant.	Индейцам случается кидать его шагов на сто в преследуемого зверя или врага, и они делают это так метко, что болас опутывает ноги жертвы, и она тут же валится на землю.
It is a formidable weapon in their hands, and one they handle with surprising skill.	Это грозное оружие в руках индейцев, владеющих им с поразительной ловкостью.
The LAZO is always retained in the hand.	Лассо же никогда не покидает руки того, кто его бросает.
It is simply a rope, thirty feet long, made of tightly twisted leather, with a slip knot at the end, which passes through an iron ring.	Оно представляет собой длинный, футов в тридцать, ремень, сплетенный из двух кожаных полос и заканчивающийся мертвой петлей, скользящей по железному кольцу.
This noose was thrown by the right hand, while the left keeps fast hold of the rope, the other end of which is fastened to the saddle.	Эту петлю бросают правой рукой, а левой держат за конец лассо, который прочно прикреплен к седлу.

A long carbine, in the shoulder belt completed the accouterments of the Patagonian.	Длинный, надетый через плечо карабин дополнял вооружение патагонца.
He took his place at the head of the party, quite unconscious of the admiration he was exciting, and they set off, going alternately at a gallop and walking pace, for the "trot" seemed altogether unknown to them.	Талькав, не замечая восторга, вызванного его ловкостью, непринужденной и гордой осанкой, стал во главе отряда, и все двинулись в путь. Всадники или скакали галопом, или ехали шагом, ибо аргентинским лошадям рысь, видимо, была незнакома.
Robert proved to be a bold rider, and completely reassured Glenarvan as to his ability to keep his seat.	Роберт ехал так уверенно, что Гленарван быстро перестал беспокоиться относительно его умения держаться в седле.
The Pampas commenced at the very foot of the Cordilleras.	Пампасы начинаются у самой подошвы Анд.
They may be divided into three parts. The first extends from the chain of the Andes, and stretches over an extent of 250 miles covered with stunted trees and bushes; the second 450 miles is clothed with magnificent herbage, and stops about 180 miles from Buenos Ayres; from this point to the sea, the foot of the traveler treads over immense prairies of lucerne and thistles, which constitute the third division of the Pampas.	Они могут быть разделены на три части: первая часть, покрытая низкорослыми деревьями и кустарником, тянется от гор на двести пятьдесят миль; вторая, шириною в четыреста пятьдесят миль, поросшая великолепными травами, кончается в ста восьмидесяти милях от Буэнос-Айреса. Отсюда до самого моря путешественник едет по бескрайним лугам, покрытым дикой люцерной и чертополохом, - это третья часть пампасов.
On issuing from the gorges of the Cordilleras, Glenarvan and his band came first to plains of sand, called MEDANOS, lying in ridges like waves of the sea, and so extremely fine that the least breath of wind agitated the light particles, and sent them flying in clouds, which rose and fell like water-spouts.	Когда отряд Гленарвана выехал из ущелий Кордильер, ему прежде всего встретилось на пути множество песчаных дюн, носящих здесь название "меданос". Если пески эти не укреплены корнями растений, то ветер их гонит, словно морские волны. Песок дюн, необыкновенно мелкий, при малейшем ветерке взвивается, порой образуя целые смерчи, поднимающиеся на значительную высоту.
It was a spectacle which caused both pleasure and pain, for nothing could be more curious than to see the said water-spouts wandering over the plain, coming in contact and mingling with each other, and falling and rising in wild confusion; but, on the other hand, nothing could be more disagreeable than the dust which was thrown off by these innumerable MEDANOS, which was so impalpable that close one's eyes as they might, it found its way through the lids.	Смотреть на это одновременно и приятно и неприятно. Приятно, потому что, конечно, чрезвычайно любопытно наблюдать за этими бродящими по равнине смерчами: они сталкиваются, смешиваются, падают и снова поднимаются в хаотическом беспорядке; а неприятно, потому что эти бесчисленные меданос наполняют воздух мельчайшей пылью, которая проникает в глаза, как плотно ни закрывай их.
This phenomenon lasted the greater part of the day.	Это явление, вызываемое северным ветром, продолжалось в течение всего дня.
The travelers made good progress, however, and about four o'clock the Cordilleras lay full forty miles behind them, the dark outlines being already almost lost in the evening mists.	Тем не менее отряд быстро продвигался вперед, и к шести часам вечера горы, оставшиеся в сорока милях позади, лишь смутно чернели на горизонте, теряясь в вечернем тумане.

They were all somewhat fatigued with the journey, and glad enough to halt for the night on the banks of the Neuquem, called Ramid, or Comoe by certain geographers, a troubled, turbulent rapid flowing between high red banks.	Путешественники, несколько утомленные после перехода в добрых тридцать восемь миль, были рады отдыху. Привал сделали на берегу реки Неукен, мутные, бурые воды которой мчались меж высоких красных утесов. Неукен называется у одних географов "Рамид", а у других - "Комоэ" и берет начало среди озер, известных только индейцам.
No incident of any importance occurred that night or the following day.	Этой ночью и за весь следующий день не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказать.
They rode well and fast, finding the ground firm, and the temperature bearable.	Ехали легко и быстро. Ровная местность и умеренная температура облегчали путешествие.
Toward noon, however, the sun's rays were extremely scorching, and when evening came, a bar of clouds streaked the southwest horizon-a sure sign of a change in the weather.	Все же около полудня солнечные лучи стали жгучими. Вечером горизонт на юго-западе заволокло тучами - верный признак перемены погоды.
The Patagonian pointed it out to the geographer, who replied:	Патагонец не мог не знать этого и указал географу пальцем на западную часть горизонта.
"Yes, I know;" and turning to his companions, added, "see, a change of weather is coming!	- Знаю, - отозвался Паганель и, обращаясь к своим спутникам, добавил: - Погода меняется.
We are going to have a taste of PAMPERO."	Нам придется испытать на себе памперо.
And he went on to explain that this PAMPERO is very common in the Argentine plains. It is an extremely dry wind which blows from the southwest.	И тут же он объяснил, что памперо, холодный, чрезвычайно сухой юго-западный ветер, - частое явление в аргентинских равнинах.
Thalcave was not mistaken, for the PAMPERO blew violently all night, and was sufficiently trying to poor fellows only sheltered by their ponchos.	Талькав не ошибся, и ночью памперо задул с ужасной силой. Для путников, защищенных одними пончо, эта ночь была нелегкой.
The horses lay down on the ground, and the men stretched themselves beside them in a close group.	Лошади улеглись на землю, а люди сбились в кучу подле них.
Glenarvan was afraid they would be delayed by the continuance of the hurricane, but Paganel was able to reassure him on that score, after consulting his barometer.	Гленарван боялся, что ураган может задержать их, но Паганель, поглядев на свой барометр, успокоил его, сказав:
"The PAMPERO generally brings a tempest which lasts three days, and may be always foretold by the depression of the mercury," he said.	- Обычно памперо свирепствует три дня подряд, на что безошибочно указывает падение барометра.
"But when the barometer rises, on the contrary, which is the case now, all we need expect is a few violent blasts.	Но когда барометр поднимается, как в данном случае, все ограничивается несколькими часами яростного шквала.
So you can make your mind easy, my good friend; by sunrise the sky will be quite clear again."	Успокойтесь же, мой друг, на рассвете небо снова станет ясным.
"You talk like a book, Paganel," replied Glenarvan.	- Вы говорите, как книга мудрости, Паганель, - заметил Гленарван.
"And I am one; and what's more, you are welcome to turn over my leaves whenever you like."	- Я и есть книга, - согласился географ, - и вы свободно можете перелистывать ее, сколько вам заблагорассудится.

The book was right. At one o'clock the wind suddenly lulled, and the weary men fell asleep and woke at daybreak, refreshed and invigorated.	"Книга" не ошиблась: в час ночи ветер вдруг стих, и путешественникам удалось восстановить свои силы крепким сном. Все проснулись освеженными и бодрыми, в особенности Паганель: как молодой пес, он весело потягивался, так что хрустели суставы.
It was the 20th of October, and the tenth day since they had left Talcahuano.	...Было 24 октября. Прошло десять дней со времени отъезда путешественников из Талькауано.
They were still ninety miles from the point where the Rio Colorado crosses the thirty-seventh parallel, that is to say, about two days' journey.	До того места, где Рио-Колорадо пересекается тридцать седьмой параллелью, оставалось еще девяносто три мили, то есть еще три дня пути.
Glenarvan kept a sharp lookout for the appearance of any Indians, intending to question them, through Thalcave, about Captain Grant, as Paganel could not speak to him well enough for this.	Во время этого переезда через Американский материк Гленарван стремился встретить туземцев, надеясь получить от них какие-либо сведения о капитане Гранте. Сделать это он мог при посредстве патагонца, с которым Паганель уже недурно стал объясняться.
But the track they were following was one little frequented by the natives, for the ordinary routes across the Pampas lie further north.	Но, к сожалению, ехали по местам, мало посещаемым индейцами, так как проезжие дороги из Аргентинской республики к Андам проходят севернее.
If by chance some nomadic horseman came in sight far away, he was off again like a dart, not caring to enter into conversation with strangers.	Поэтому путешественники не встречали на своем пути никаких индейцев: ни кочевников, ни оседлых, живущих под властью кациков.
To a solitary individual, a little troop of eight men, all mounted and well armed, wore a suspicious aspect, so that any intercourse either with honest men or even banditti, was almost impossible.	Если же случайно вдали и показывался какой-нибудь всадник-кочевник, то он спешил ускакать, видимо не желая вступать в сношения с незнакомцами. Подобный отряд должен был в самом деле казаться подозрительным всякому, кто бы ни отважился в одиночестве бродить по здешней равнине: грабителя пугал вид этих восьми вооруженных людей на быстрых лошадях, а путешественник среди этих пустынных мест мог заподозрить в них людей злонамерен ных. И потому им никак не удавалось побеседовать ни с честны ми людьми, ни с грабителями. Пожалуй, приходилось пожалеть, что на пути им не попадалась шайка растреадорес , хотя бы даже и пришлось начать разговор ружейными выстрелами.
Glenarvan was regretting this exceedingly, when he unexpectedly met with a singular justification of his rendering of the eventful document.	И все же, хотя Гленарвану и не удалось, к сожалению, войти в сношения с индейцами, произошло нечто, удивительным образом подтвердившее правильность толкования документа.

In pursuing the course the travelers had laid down for themselves, they had several times crossed the routes over the plains in common use, but had struck into none of them.	Уже несколько раз отряд пересекал разные дороги и тропы, в том числе довольно значительную дорогу из Кармен-де-Патагонес в Мендосу. Ее легко можно было узнать по грудам костей домашних животных: мулов, лошадей, овец и быков. Кости эти, обглоданные хищными птицами и побелевшие от действия воздуха, служили как бы вехами дороги. Их были тысячи, и, вероятно, не один человеческий скелет смешался здесь с останками животных.
Hitherto Thalcave had made no remark about this.	До сих пор Талькав не задавал никаких вопросов о маршруте путешественников.
He understood quite well, however, that they were not bound for any particular town, or village, or settlement.	Но, конечно, он понимал, что путь этот, не проходивший ни по одной из дорог пампасов, не вел ни к деревням, ни к городам, ни к учреждениям аргентинских провинций.
Every morning they set out in a straight line toward the rising sun, and went on without the least deviation.	Каждое утро отряд, выезжая, направлялся навстречу восходящему солнцу и держался в течение всего дня прямой линии, а вечером, когда делали привал, заходящее солнце виднелось позади.
Moreover, it must have struck Thalcave that instead of being the guide he was guided; yet, with true Indian reserve, he maintained absolute silence.	Должно быть, Талькаву как проводнику казалось странным, что не он ведет путешественников, а его самого ведут. Но если он и удивлялся, то по сдержанности, свойственной индейцам, не показывал этого и, пересекая тропинки, по которым отряд не желал следовать, никаких замечаний не делал.
But on reaching a particular point, he checked his horse suddenly, and said to Paganel:	Однако в этот день, когда отряд достиг дороги из Кармен-де-Патагонес в Мендосу, Талькав остановил своего коня и, повернувшись к Паганелю, сказал:
"The Carmen route."	- Это дорога на Кармен-де-Патагонес.
"Yes, my good Patagonian," replied Paganel in his best Spanish; "the route from Carmen to Mendoza."	- Ну да, милейший мой патагонец, - ответил географ, стараясь как можно лучше выговаривать испанские слова, - это дорога из Кармен-де-Патагонес в Мендосу.
"We are not going to take it?"	- Мы по ней не поедем? - спросил Талькав.
"No," replied Paganel.	- Нет, - отозвался Паганель.
"Where are we going then?"	- А куда же мы направляемся?
"Always to the east."	- Всё на восток.
"That's going nowhere."	- Это значит никуда не попасть.
"Who knows?"	- Как знать!
Thalcave was silent, and gazed at the geographer with an air of profound surprise.	Талькав замолчал и с глубоким удивлением посмотрел на ученого.

He had no suspicion that Paganel was joking, for an Indian is always grave.	Однако он ни на минуту не допускал, что Паганель шутит. Индеец, всегда ко всему относящийся серьезно, не может себе представить, чтобы кто-либо говорил несерьезно.
"You are not going to Carmen, then?" he added, after a moment's pause.	- Так, значит, вы не едете в Кармен? - прибавил он, помолчав немного.
"No."	- Нет, - ответил Паганель.
"Nor to Mendoza?" "No, nor to Mendoza."	- И в Мендосу не едете? - И туда не едем.
Just then Glenarvan came up to ask the reason of the stoppage, and what he and Thalcave were discussing.	В это время Гленарван подъехал к Паганелю и спросил его, что говорил ему Талькав и почему он остановился.
"He wanted to know whether we were going to Carmen or Mendoza, and was very much surprised at my negative reply to both questions."	- Он спрашивал, куда мы направляемся: в Кармен-де - Патагонес или в Мендосу, - пояснил Паганель, - и был очень удивлен, узнав, что мы не едем ни в одно из этих мест.
"Well, certainly, it must seem strange to him."	- В самом деле, наше путешествие должно ему казаться очень странным, - заметил Гленарван.
"I think so.	- Видимо, так.
He says we are going nowhere."	Он говорит, что мы никуда не попадем.
"Well, Paganel, I wonder if it is possible to make him understand the object of our expedition, and what our motive is for always going east."	- Ну что же, Паганель, не могли бы вы разъяснить ему, какова цель нашей экспедиции и почему нам важно двигаться все время на восток?
"That would be a difficult matter, for an Indian knows nothing about degrees, and the finding of the document would appear to him a mere fantastic story."	- Это будет очень трудно сделать, - ответил Паганель, - ведь для индейца непонятно, что такое географические градусы, а история документа покажется ему фантастической.
"Is it the story he would not understand, or the storyteller?" said McNabbs, quietly.	- Чего он не поймет: саму историю или того, кто будет ее рассказывать? - с самым серьезным видом вставил майор.
"Ah, McNabbs, I see you have small faith in my Spanish yet."	- Ах, Мак-Наббс, - воскликнул Паганель, - вы все еще сомневаетесь в моем испанском языке!
"Well, try it, my good friend."	- Попытайтесь, мой почтенный друг! - ответил тот.
"So I will."	- Попытаюсь.
And turning round to the Patagonian he began his narrative, breaking down frequently for the want of a word, and the difficulty of making certain details intelligible to a half-civilized Indian.	Паганель подъехал к патагонцу и начал объяснения. Гео графу часто приходилось останавливаться из-за недостатка слов, а также из-за трудности передать индейцу некоторые особенности дела и разъяснить ему совершенно непонятные для него подробности.
It was quite a sight to see the learned geographer. He gesticulated and articulated, and so worked himself up over it, that the big drops of sweat fell in a cascade down his forehead on to his chest.	Любопытно было глядеть на ученого: он жестикулировал, силился как можно отчетливее произносить слова и вообще так старался, что пот градом катился у него со лба.
When his tongue failed, his arms were called to aid.	От устных объяснений он перешел к наглядным.

Paganel got down on the ground and traced a geographical map on the sand, showing where the lines of latitude and longitude cross and where the two oceans were, along which the Carmen route led.	Паганель соскочил с лошади и стал чертить на песке географическую карту, где меридианы пересекались с параллелями, где были изображены два океана и проходила дорога на Кармен-де-Патагонес. Ни один преподаватель еще не бывал в таком затруднительном положении.
Thalcave looked on composedly, without giving any indication of comprehending or not comprehending.	Талькав невозмутимо следил за всеми движениями географа, но по его виду нельзя было угадать, понимает он или нет.
The lesson had lasted half an hour, when the geographer left off, wiped his streaming face, and waited for the Patagonian to speak.	Урок географа длился более получаса. Наконец Паганель умолк, вытер вспотевшее лицо и посмотрел на патагонца.
"Does he understand?" said Glenarvan.	- Понял он? - спросил Гленарван.
"That remains to be seen; but if he doesn't, I give it up," replied Paganel.	- Сейчас выясним, - ответил Паганель. - Но если он не понял, то от дальнейших пояснений я отказываюсь.
Thalcave neither stirred nor spoke.	Талькав не сделал ни одного движения, не проронил ни слова.
His eyes remained fixed on the lines drawn on the sand, now becoming fast effaced by the wind.	Он не отрывал глаз от начерченной карты, мало-помалу сдуваемой ветром.
"Well?" said Paganel to him at length.	- Ну? - спросил его Паганель.
The Patagonian seemed not to hear.	Казалось, Талькав не слышал этого вопроса.
Paganel fancied he could detect an ironical smile already on the lips of the Major, and determined to carry the day, was about to recommence his geographical illustrations, when the Indian stopped him by a gesture, and said:	Ученый заметил на губах майора ироническую улыбку и, задетый за живое, собирался было с новой энергией возобновить свой урок географии, но патагонец жестом остановил его.
"You are in search of a prisoner?"	- Вы ищете пленника? - спросил он.
"Yes," replied Paganel.	- Да, - ответил Паганель.
"And just on this line between the setting and rising sun?" added Thalcave, speaking in Indian fashion of the route from west to east.	- И ищете именно вдоль этой линии, которая идет от заходящего солнца к восходящему? - прибавил Талькав, пользуясь индейской манерой выражаться для определения дороги с запада на восток.
"Yes, yes, that's it."	- Вот-вот.
"And it's your God," continued the guide, "that has sent you the secret of this prisoner on the waves."	- Это ваш бог вручил волнам огромного моря тайну пленника?
"God himself."	- Да, сам бог.
"His will be accomplished then," replied the native almost solemnly. "We will march east, and if it needs be, to the sun."	- Ну, так пусть воля его свершится, - с некоторой торжественностью проговорил Талькав. - Мы будем двигаться на восток и, если понадобится, до самого солнца!
Paganel, triumphing in his pupil, immediately translated his replies to his companions, and exclaimed:	Паганель, придя в восторг от своего ученика, не замедлил перевести товарищам ответы индейца.

"What an intelligent race! All my explanations would have been lost on nineteen in every twenty of the peasants in my own country."	- Что за умный народ! - с жаром прибавил он. - Я уверен, что из двадцати французских крестьян девятнадцать не поняли бы моих объяснений.
Glenarvan requested him to ask the Patagonian if he had heard of any foreigners who had fallen into the hands of the Indians of the Pampas.	Гленарван попросил узнать у патагонца, не слыхал ли он о каком-либо чужестранце, попавшем в плен к индейцам пампасов.
Paganel did so, and waited an answer.	Паганель задал индейцу этот вопрос и стал ждать ответа.
"Perhaps I have."	- Быть может... - сказал патагонец.
The reply was no sooner translated than the Patagonian found himself surrounded by the seven men questioning him with eager glances.	Этот ответ был немедленно переведен на английский язык, и семь путешественников, окружив патагонца, вперили в него вопросительные взгляды.
Paganel was so excited, he could hardly find words, and he gazed at the grave Indian as if he could read the reply on his lips.	Паганель, волнуясь и с трудом подбирая слова, продолжал задавать вопросы. Его глаза, устремленные на лицо невозмутимого патагонца, словно пытались прочесть на нем ответ раньше, чем он слетит с его губ.
Each word spoken by Thalcave was instantly translated, so that the whole party seemed to hear him speak in their mother tongue.	Каждое испанское слово патагонца географ тотчас повторял по-английски, так что его спутники понимали индейца, как будто он говорил на их родном языке.
"And what about the prisoner?" asked Paganel.	- Кто же был этот пленник? - спросил Паганель.
"He was a foreigner."	- Это был чужестранец, европеец, - ответил Талькав.
"You have seen him?"	- Вы видели его?
"No; but I have heard the Indian speak of him.	- Нет, но я знаю о нем по рассказам индейцев.
He is brave; he has the heart of a bull."	То был храбрец. У него было сердце быка.
"The heart of a bull!" said Paganel. "Ah, this magnificent Patagonian language.	- Сердце быка! - повторил Паганель. - Ах, как выразительны патагонцы!..
You understand him, my friends, he means a courageous man."	Вы понимаете, друзья мои? Он хочет сказать "мужественный человек"!
"My father!" exclaimed Robert Grant, and, turning to Paganel, he asked what the Spanish was for,	- Мой отец! - крикнул Роберт Грант. Потом, обращаясь к Паганелю, он спросил: - Как сказать по-испански:
"Is it my father."	"Это мой отец"?
"Es mio padre," replied the geographer.	- Es mio padre, - ответил географ.
Immediately taking Thalcave's hands in his own, the boy said, in a soft tone:	Тогда Роберт взял Талькава за руки и с нежностью произнес:
"Es mio padre."	- Es mio padre!
"Suo padre," replied the Patagonian, his face lighting up.	- Suvo padre! - воскликнул патагонец, и взгляд его про светлел.
He took the child in his arms, lifted him up on his horse, and gazed at him with peculiar sympathy.	Он обнял мальчика, приподнял его в седле и посмотрел на него с любопытством и приязнью.

His intelligent face was full of quiet feeling.	Умное, спокойное лицо индейца выражало сочувствие.
But Paganel had not completed his interrogations.	Но Паганель еще не закончил своих расспросов.
"This prisoner, who was he?	Где находился этот пленник?
What was he doing?	Что он делал?
When had Thalcave heard of him?"	Когда именно Талькав слышал о нем?
All these questions poured upon him at once.	Все эти вопросы теснились одновременно в его уме.
He had not long to wait for an answer, and learned that the European was a slave in one of the tribes that roamed the country between the Colorado and the Rio Negro.	Ответы были тут же получены. Паганель узнал, что европеец был в плену у одного из индейских племен, кочующих между Рио - Колорадо и Рио-Негро.
"But where was the last place he was in?"	- Но где же находился он в последнее время? - спросил Паганель.
"With the Cacique Calfoucoura."	- У касика Кальфукура, - ответил Талькав.
"In the line we have been following?"	- Не вблизи ли той линии, по которой мы двигались до сих пор?
"Yes."	- Да.
"And who is this Cacique?"	- А кто такой этот касик?
"The chief of the Poyuches Indians, a man with two tongues and two hearts."	- Он вождь индейского племени пойуче - человек с двумя языками, с двумя сердцами.
"That's to say false in speech and false in action," said Paganel, after he had translated this beautiful figure of the Patagonian language. "And can we deliver our friend?" he added.	- То есть он хочет сказать, что этот вождь - человек лживый на словах и на деле... - пояснил Паганель, предварительно переведя дословно это образное выражение. - А сможем ли мы освободить нашего друга? - спросил он, обращаясь к проводнику.
"You may if he is still in the hands of the Indians."	- Быть может, если он еще в руках индейцев.
"And when did you last hear of him?"	- А когда вы о нем слыхали?
"A long while ago; the sun has brought two summers since then to the Pampas."	- Давно. С тех пор уже солнце два раза посылало пампасам лето.
The joy of Glenarvan can not be described.	Радость Гленарвана не поддавалась описанию.
This reply agreed perfectly with the date of the document.	Время, указанное патагонцем, совпадало с датой документа.
But one question still remained for him to put to Thalcave.	Оставалось предложить еще один вопрос Талькаву, и Паганель не замедлил это сделать.
"You spoke of a prisoner," he said; "but were there not three?"	- Вы говорите об одном пленнике, - сказал он, - а разве их было не трое?
"I don't know," said Thalcave.	- Не знаю.
"And you know nothing of his present situation?"	- И вы ничего не знаете о том, что теперь с пленником?
"Nothing."	- Ничего.

This ended the conversation.	На этом разговор закончился.

It was quite possible that the three men had become separated long ago; but still this much was certain, that the Indians had spoken of a European that was in their power; and the date of the captivity, and even the descriptive phrase about the captive, evidently pointed to Harry Grant.

Вполне возможно, что трое пленников могли быть давно разлучены. Но из слов пата гонца было ясно, что индейцы слышали о европейце, попавшем в плен. Время пленения, место, где находился пленник, даже образная фраза патагонца о его отваге - все говорило за то, что это был капитан Грант. На следующий день, 25 октября, путешественники с новым воодушевлением продолжали свой путь к востоку. Ехали они по скучной, однообразной, бесконечной равнине, на местном языке носящей название "травезиас". Глинистая почва, постоянно обдуваемая ветром, была совершенно гладкой: нигде ни камня, ни даже мелкого камешка. Они попадались только на дне какого-нибудь пересохшего оврага или по берегам небольших прудов, вырытых руками индейцев. Изредка встречались рощи из низких деревьев с темными верхушками. Среди них проглядывали белые рожковые деревья, - мякоть их стручков сладка, освежающа и приятна. Показывались рощицы фисташковых деревьев - ханаров - и всевозможные колючие кустарники, один вид которых говорил о скудости почвы. День 26 октября был утомителен. Нужно было поскорее добираться до Рио-Колорадо. Лошади, погоняемые всадниками, неслись с такой быстротой, что в тот же вечер отряд достиг этой великолепной реки пампасов. Индейское название ее - Кобу-Лебу, что значит "великая река". Пересекая пампасы, она впадает в Атлантический океан. Там, вблизи устья, происходит любопытное явление: количество воды в этой реке по мере приближения к океану все уменьшается - потому ли, что почва дна реки впитывает влагу, потому ли, что вода испаряется. Наука еще не вполне выяснила причину. Добравшись до Рио-Колорадо, Паганель, "в географических целях", счел прежде всего нужным искупаться в ее окрашенных красноватой глиной водах. Река оказалась удивительно глубокой, что объяснялось таянием снегов под лучами летнего солнца. Да и ширина ее была так велика, что лошади не в состоянии были ее переплыть. К счастью, двигаясь вверх по течению, путешественники вскоре обнаружили висячий мост, сделанный по индейскому способу - из сплетенных гибких прутьев, скрепленных ремнями. По этому мосту отряду удалось перебраться на левый берег, где путешественники и расположились лагерем. Прежде чем лечь спать, Паганель вознамерился уточнить координаты Рио-Колорадо. И он самым тщательным образом нанес на карту эту реку - за отсутствием Цангпо, которая протекала вдали от него в Тибетских горах. Следующие два дня - 27 и 28 октября - путешествие продолжалось без

	особых происшествий. Перед глазами был все тот же вид - бесплодная равнина. Более однообразного пейзажа, более невзрачной панорамы не найти. Между тем почва делалась все влажнее. Приходилось перебираться через затопленные водой низины, так называемые "каньядас", и через никогда не пересыхающие мелкие лагуны - "эстерос", заросшие болотными травами. Вечером лошади остановились у большого озера - Урре-Лаукен, вода которого содержит очень много минеральных солей, почему индейцы зовут его Горьким озером. В 1862 году оно было свидетелем жестокой расправы аргентинских войск с туземцами. Здесь путешественники расположились как обычно, и ночь прошла бы спокойно, если бы вокруг не было обезьян и диких собак. Эти шумные животные, терзая уши европейцев, исполнили, видимо, в их честь, дикую симфонию, которую, быть может, и одобрит какой-нибудь композитор грядущих лет.
CHAPTER XVII A SERIOUS NECESSITY	Глава XVII ПАМПАСЫ
THE Argentine Pampas extend from the thirty-fourth to the fortieth degree of southern latitude.	Аргентинские пампасы простираются от 29° до 40° южной широты.
The word PAMPA, of Araucanian origin, signifies grass plain, and justly applies to the whole region.	Слово "пампасы" арауканское, оно значит "равнина трав". Такое название как нельзя больше подходит к этому краю.
The mimosas growing on the western part, and the substantial herbage on the eastern, give those plains a peculiar appearance.	Заросли мимозы западной его части и роскошные травы восточной придают ему своеобразный вид.
The soil is composed of sand and red or yellow clay, and this is covered by a layer of earth, in which the vegetation takes root.	Вся эта растительность пускает корни в слой земли, под которым лежит красная или желтая глинисто-песчаная почва.

The geologist would find rich treasures in the tertiary strata here, for it is full of antediluvian remains-enormous bones, which the Indians attribute to some gigantic race that lived in a past age.	Американские пампасы - такое же особое географическое явление, как, например, саванны Страны великих озер или степи Сибири. Континентальный климат пампасов отличается более суровой зимой и более знойным летом, чем климат провинции Буэнос-Айрес. По словам Паганеля, океан зимой медленно отдает земле тепло, которое поглощается им летом. Этим объясняется, что на островах более ровная температура, чем в глубине материков[60]. Вот почему климат западной части пампасов не похож на умеренный климат побережья Атлантического океана. В западной части бывают резкие скачки температуры: то суровые холода, то жгучая жара. Осенью, то есть в апреле и мае, нередки проливные дожди. Но в описываемое нами время года погода стояла очень сухая и чрезвычайно жаркая. На рассвете отряд, определив направление, двинулся в путь. Грунт, скрепленный корнями деревьев и кустов, сделался совершенно твердым: исчез мельчайший песок, из которого образовывались меданос; исчезла и пыль, клубившаяся в воздухе.
The horses went on at a good pace through the thick PAJA-BRAVA, the grass of the Pampas, par excellence, so high and thick that the Indians find shelter in it from storms.	Лошади шли бодрым шагом среди высокой травы, которая растет только в пампасах. Индейцы укрываются под ней от гроз.
At certain distances, but increasingly seldom, there were wet, marshy spots, almost entirely under water, where the willows grew, and a plant called the Gygnerium argenteum.	Иногда, но все реже и реже, встречались влажные лощины, где росли ивы, а также местное растение Gynerium argenteum, растущее вблизи стоячей воды.
Here the horses drank their fill greedily, as if bent on quenching their thirst for past, present and future.	Лошади, встретив в этих лощинах воду, спешили воспользоваться случаем и пили вволю, словно желая запастись влагой на будущее.

Thalcave went first to beat the bushes and frighten away the cholinas, a most dangerous species of viper, the bite of which kills an ox in less than an hour. For two days they plodded steadily across this arid and deserted plain. The dry heat became severe.	Талькав ехал впереди и бил палкой по кустам, распугивая "голинас" - опаснейших змей, от укуса которых, менее чем через час, погибает даже бык. Проворный конь Талькава перепрыгивал через густые кусты, помогая своему хозяину прокладывать путь тем, кто ехал позади. Путешествие по этим гладким равнинам не представляло трудности, и отряд подвигался быстро. Местность не менялась: все так же ни одного камня на сто миль кругом. Невыносимое, нескончаемое однообразие! Нужно было быть Паганелем - одним из тех ученых-энтузиастов, которые что-то видят там, где нечего видеть, чтобы интересоваться подробностями такой дороги. Что же привлекало его внимание? Трудно сказать. Какой-нибудь кустик, может быть, травка. Но и этого было достаточно, чтобы развязать язык словоохотливому географу. Он тут же принимался поучать Роберта, и мальчик охотно слушал его. В течение всего этого дня, 29 октября, перед глазами всадников простиралась та же бесконечно однообразная равнина. Около двух часов пополудни под копытами лошадей стали попадаться побелевшие кости. Это были останки огромного стада быков. Но кости лежали не отдельными кучками, как обычно скелеты обессиленных животных, падавших одно за другим. И никто не мог объяснить, почему на сравнительно небольшом пространстве было собрано столько скелетов. Непонятно было это даже и для Паганеля. Он обратился за разъяснениями к Талькаву, который тут же ответил что-то. Восклицание географа: "Быть не может!" - и утвердительный жест патагонца очень заинтересовали всех остальных. - Так что же это такое? - спросили они Паганеля. - Небесный огонь, - ответил географ. - Как, - воскликнул Том Остин, - молния могла убить наповал стадо голов в пятьсот! - Талькав это утверждает, а он не ошибается. Впрочем, я ему верю, ведь грозы в пампасах отличаются особенной силой. Только бы нам не испытать этого на себе! - Что-то очень жарко, - заметил Вильсон. - Термометр, наверное, показывает тридцать градусов в тени, - отозвался Паганель. - Это меня не удивляет, - сказал Гленарван, - я чувствую, как электричество пронизывает меня. Будем надеяться, что подобная жара недолго продержится. - Ну нет, - возразил Паганель, - нельзя рассчитывать на перемену погоды, когда на горизонте не видно ни облачка. - Тем хуже, - заметил Гленарван, - наши лошади измучены зноем... А тебе, мой мальчик, не слишком жарко? - прибавил он, обращаясь к Роберту. - Нет, милорд, - ответил мальчуган, - я люблю жару. Жара - вещь хорошая! - Особенно зимой, - глубокомысленно заметил майор,

выпустив клуб дыма от своей сигары. Вечером сделали привал у заброшенного ранчо - глиняной мазанки с соломенной крышей. Около хижины был частокол, правда полусгнивший, но все же он мог оградить лошадей от лисиц. Самим лошадям эти хитрые звери не страшны, но они перегрызают их недоуздки, и лошади пользуются этим, чтобы вырваться на свободу. В нескольких шагах от ранчо была вырыта яма, очевидно служившая кухней, так как в ней виднелась остывшая зола. Внутри ранчо имелись скамья, убогое ложе из бычьей кожи, котелок, вертел и чайник для приготовления матэ - чая индейцев из сушеных трав, очень распространенного в Южной Америке. Его пьют, как многие американские напитки, через соломинку. По просьбе Паганеля, Талькав приготовил несколько чашек матэ, и путешественники с удовольствием запили им свой обычный ужин, найдя индейский напиток превосходным. На следующий день, 30 октября, солнце встало в знойной дымке и устремило на землю необыкновенно жгучие лучи. Жара была невыносимой, а на равнине, к несчастью, нигде нельзя было укрыться от нее. Однако маленький отряд снова храбро двинулся на восток. Несколько раз в пути встречались огромные стада коров и быков. Не имея сил пастись из-за этой удручающей жары, скот лениво лежал на траве. Сторожей, вернее сказать пастухов, не было. Одни собаки сторожили эти стада. Впрочем, здешние быки очень мирного нрава и, не в пример своим европейским родичам, не впадают в ярость при виде красного цвета. - Это потому, что они пасутся на земле республики, - сказал Паганель и сам пришел в восторг от своей шутки во французском духе. К полудню в пампасах начались изменения, которые не могли ускользнуть от глаз, утомленных однообразием этих мест. Злаки стали реже. Вместо них появились тощие репейники и гигантские чертополохи, футов в девять вышиной, которые могли бы осчастливить всех ослов земного шара. То и дело попадались низкие колючие кусты с темной зеленью. На такой иссушенной почве это была самая пышная растительность. До сих пор влага, сохранявшаяся в глинистой почве равнины, питала луга, и ковер травы был густ и роскошен. Но теперь этот ковер, местами истертый, местами прорванный, обнажил свою основу и обнаружил скудость почвы. Талькав указал спутникам на эти явные признаки возраставшей сухости. - Я лично ничего не имею против этой перемены, - заявил Том Остин, - все трава да трава - это может и надоесть. - Да, но там, где есть трава, есть и вода, - отозвался майор. - О, у нас ее еще много, - вмешался Вильсон, - да и по дороге мы

наверняка встретим какую-нибудь реку. Услышь это Паганель, он, конечно, не упустил бы случая сказать, что между Рио-Колорадо и горами аргентинской провинции рек очень мало, но как раз в этот момент географ объяснял Гленарвану одно явление, на которое тот обратил его внимание. С некоторого времени в воздухе как будто чувствовался запах гари, а между тем до самого горизонта не видно было никакого огня. Не замечалось и дыма - указания на отдаленный пожар. Таким образом, это явление нельзя было объяснить какой-нибудь обычной причиной. Вскоре запах горелой травы стал так силен, что все, за исключением Паганеля и Талькава, были удивлены. На вопросы своих друзей географ, всегда готовый все объяснить, поведал им следующее: - Мы с вами не видим огня, но чувствуем запах дыма. А ведь нет дыма без огня, и эта поговорка так же верна в Америке, как и в Европе. Значит, где-то есть и огонь. Просто здесь в пампасах такая ровная поверхность, что воздушные течения не встречают никаких препятствий, и запах горящей травы часто чувствуется миль за семьдесят пять. - За семьдесят пять миль? - недоверчиво переспросил майор. - Да, именно, - подтвердил Паганель. - Надо сказать, что эти пожары охватывают большие пространства и порой достигают значительной силы. - Кто же поджигает траву? - спросил Роберт. - Иногда молния, когда травы очень высушены зноем, а иногда это дело рук индейцев. - А зачем они это делают? - Индейцы утверждают - не знаю, насколько это верно, - будто после таких пожаров в пампасах лучше растут злаки. Возможно, зола удобряет почву. Я же думаю, что цель этих пожаров - уничтожить миллиарды клещей, докучающих стадам. - Но такой энергичный способ может стоить жизни животным, бродящим по равнине, - заметил майор. - Так и бывает, но какое это имеет значение, когда скота так много! - Я забочусь не об индейцах - это их дело, - продолжал Мак-Наббс, - а думаю о путешественниках, которые проезжают через пампасы. Ведь их может настигнуть огонь! - Как же, как же! - с видимым удовольствием воскликнул Паганель. - Это порой случается, и я лично с удовольствием полюбовался бы таким зрелищем. - Это похоже на нашего ученого, - сказал Гленарван. - Из любви к науке он согласился бы сгореть заживо! - Ну нет, дорогой Гленарван, но я ведь читал Купера, и его Кожаный Чулок научил меня, как спастись от надвигающегося пламени. Надо просто вырвать траву на несколько саженей вокруг себя. Нет ничего проще. Поэтому-то я нисколько не страшусь приближения пожара и, напротив,

	мечтаю его увидеть. Но пожеланиям Паганеля не суждено было осуществиться, и если он и оказался наполовину изжарен, то только по милости нестерпимо жгучих лучей солнца. Лошади тяжело дышали, измученные тропической жарой. Тени можно было ждать только от изредка набегавшего на огненный диск облачка. Тогда всадники, подгоняя лошадей, старались держаться в освежающей тени, которую вместе с облаком гнал вперед западный ветер. Но лошади скоро отставали, и солнце, ничем не заслоненное, заливало новыми огненными потоками иссохшую почву пампасов. Вильсон, заявляя, что у них есть достаточный запас воды, не подумал о неутолимой жажде, терзавшей в течение этого дня путников, а его утверждение, что на их пути наверняка встретится какая-нибудь река, было слишком поспешным.
There were not only no RIOS, but even the ponds dug out by the Indians were dried up.	На самом деле речек не было видно (однообразно плоская почва не представляла для них удобных русел), даже искусственные водоемы, вырытые руками индейцев, и те все пересохли.
As the drought seemed to increase with every mile, Paganel asked Thalcave when he expected to come to water.	Видя, что земля становится с каждой милей все суше, Паганель заговорил об этом с Талькавом и спросил, где рассчитывает он найти воду.
"At Lake Salinas," replied the Indian.	- В озере Салина-Гранде, - ответил индеец.
"And when shall we get there?"	- А когда мы доедем до него?
"To-morrow evening."	- Завтра вечером.
When the Argentines travel in the Pampas they generally dig wells, and find water a few feet below the surface.	Обычно аргентинцы во время путешествий по пампасам роют колодцы и находят воду на глубине нескольких футов.
But the travelers could not fall back on this resource, not having the necessary implements.	Но так как у путешественников не было нужных инструментов, они не могли прибегнуть к этому способу.
They were therefore obliged to husband the small provision of water they had still left, and deal it out in rations, so that if no one had enough to satisfy his thirst no one felt it too painful.	Пришлось ограничивать порции воды, и хотя ее хватало, чтобы никто не испытывал мучительной жажды, но напиться вволю тоже было нельзя.
They halted at evening after a course of thirty miles and eagerly looked forward to a good night's rest to compensate for the fatigue of day.	Вечером, после перехода в тридцать миль, сделали привал.
But their slumbers were invaded by a swarm of mosquitoes, which allowed them no peace.	Все рассчитывали выспаться и отдохнуть, но ночью тучи назойливых москитов и комаров не дали никому покоя.
Their presence indicated a change of wind which shifted to the north.	Их появление указывало на предстоящую перемену ветра. И действительно, вскоре он изменил направление: стал дуть с севера.
A south or southwest wind generally puts to flight these little pests.	А эти проклятые насекомые обычно исчезают лишь при южном и юго-западном ветре.

Even these petty ills of life could not ruffle the Major's equanimity; but Paganel, on the contrary, was perfectly exasperated by such trifling annoyances.	В то время как майор спокойно переносил эти мелкие житейские неприятности, Паганель, напротив, негодовал на них.
He abused the poor mosquitoes desperately, and deplored the lack of some acid lotion which would have eased the pain of their stings.	Проклиная москитов и комаров, он сожалел о том, что нет подкисленной воды, которая успокаивала бы зуд от множества укусов.
The Major did his best to console him by reminding him of the fact that they had only to do with one species of insect, among the 300,000 naturalists reckon. He would listen to nothing, and got up in a very bad temper.	И, хотя майор пытался утешить географа, говоря, что им еще повезло, если из трехсот видов насекомых, известных естествоиспытателям, приходится иметь дело только с двумя, Паганель встал в плохом настроении.
He was quite willing to start at daybreak, however, for they had to get to Lake Salinas before sundown.	Однако, когда отряд на заре собирался двинуться в путь, торопить ученого не понадобилось, так как в этот день предстояло добраться до Салина-Гранде.
The horses were tired out and dying for water, and though their riders had stinted themselves for their sakes, still their ration was very insufficient.	Лошади были переутомлены. Они чуть не умирали от жажды, хотя всадники, заботясь о них, и урезывали свою собственную порцию воды.
The drought was constantly increasing, and the heat none the less for the wind being north, this wind being the simoom of the Pampas.	Засуха еще больше давала себя чувствовать, а зной при северном, несущем пыль ветре - этом самуме пампасов - казался еще нестерпимей.
There was a brief interruption this day to the monotony of the journey.	В тот день небольшое происшествие нарушило обычную монотонность путешествия.
Mulrady, who was in front of the others, rode hastily back to report the approach of a troop of Indians.	Мюльреди, ехавший впереди, вдруг повернул назад и сообщил своим спутникам о приближении отряда индейцев.
The news was received with very different feelings by Glenarvan and Thalcave.	К этому отнеслись различно.
The Scotchman was glad of the chance of gleaning some information about his shipwrecked countryman, while the Patagonian hardly cared to encounter the nomadic Indians of the prairie, knowing their bandit propensities.	Гленарвану пришло в голову, что от туземцев он, пожалуй, сможет узнать что-нибудь о потерпевших крушение на "Британии". Талькав же отнюдь не был рад встрече с индейцами-кочевниками: он считал их грабителями и старался избегать их.
He rather sought to avoid them, and gave orders to his party to have their arms in readiness for any trouble.	По его совету всадники сгрудились и привели в боевую готовность оружие. Нужно было приготовиться ко всему.
Presently the nomads came in sight, and the Patagonian was reassured at finding they were only ten in number.	Вскоре показался отряд индейцев. Он состоял человек из десяти, не больше. Это успокоило патагонца.
They came within a hundred yards of them, and stopped.	Индейцы приблизились на расстояние каких-нибудь ста шагов.
This was near enough to observe them distinctly.	Теперь их легко можно было разглядеть.
They were fine specimens of the native races, which had been almost entirely swept away in 1833 by General Rosas, tall in stature, with arched forehead and olive complexion.	Эти туземцы принадлежали к тому пампасскому племени, которое в 1833 году разгромил генерал Розас. Рослые, с высоким выпуклым лбом, оливковым оттенком кожи, они были прекрасными представителями индейской расы.

They were dressed in guanaco skins, and carried lances twenty feet long, knives, slings, bolas, and lassos, and, by their dexterity in the management of their horses, showed themselves to be accomplished riders.	Их одежда была сделана из шкур гуанако, а вооружение состояло из копий футов в двадцать длиной, ножей, пращей, болас и лассо. По ловкости, с которой они управляли лошадьми, видно было, что это искусные наездники.
They appeared to have stopped for the purpose of holding a council with each other, for they shouted and gesticulated at a great rate.	Они остановились шагах в ста от путешественников и стали совещаться, крича и жестикулируя.
Glenarvan determined to go up to them; but he had no sooner moved forward than the whole band wheeled round, and disappeared with incredible speed.	Гленарван направил к ним своего коня. Но не успел он проехать и десятка футов, как отряд индейцев круто повернул и с невероятной быстротой скрылся из виду.
It would have been useless for the travelers to attempt to overtake them with such wornout horses.	Истомленные лошади Гленарвана и его спутников, конечно, никак не смогли бы их догнать.
"The cowards!" exclaimed Paganel.	- Трусы! - крикнул Паганель.
"They scampered off too quick for honest folks," said McNabbs.	- Честные люди так быстро не убегают, - прибавил Мак-Наббс.
"Who are these Indians, Thalcave?" asked Paganel.	- Что это за индейцы? - спросил Паганель Талькава.
"Gauchos."	- Гаучо.
"The Gauchos!" cried Paganel; and, turning to his companions, he added, "we need not have been so much on our guard; there was nothing to fear."	- Гаучо, - повторил Паганель, поворачиваясь к своим спутникам, - гаучо! Тогда нам не стоило принимать всех этих мер предосторожности, ибо бояться было нечего.
"How is that?" asked McNabbs.	- Почему? - спросил майор.
"Because the Gauchos are inoffensive peasants."	- Да потому, что эти гаучо - безобидные крестьяне.
"You believe that, Paganel?"	- Вы так думаете, Паганель?
"Certainly I do.	- Конечно.
They took us for robbers, and fled in terror."	Они нас приняли за грабителей и потому обратились в бегство.
"I rather think they did not dare to attack us," replied Glenarvan, much vexed at not being able to enter into some sort of communication with those Indians, whatever they were.	- А по-моему, они просто не решились напасть на нас, - возразил Гленарван, очень раздосадованный тем, что ему не удалось вступить в переговоры с этими туземцами, кем бы они ни были.
"That's my opinion too," said the Major, "for if I am not mistaken, instead of being harmless, the Gauchos are formidable out-and-out bandits."	- Мне тоже кажется, что эти гаучо не так уж безобидны, - заявил майор.
"The idea!" exclaimed Paganel.	- Что вы! - воскликнул Паганель.
And forthwith commenced a lively discussion of this ethnological thesis-so lively that the Major became excited, and, quite contrary to his usual suavity, said bluntly:	И он с таким жаром принялся спорить по этому этнологическому вопросу, что даже умудрился расшевелить майора, и тот, вопреки своей обычной покладистости, сказал ему:
"I believe you are wrong, Paganel."	- Я думаю, вы неправы, Паганель.

"Wrong?" replied Paganel.	- Неправ? - переспросил ученый.
"Yes.	- Да.
Thalcave took them for robbers, and he knows what he is talking about."	Сам Талькав принял этих индейцев за грабителей, а он хорошо знает эти края.
"Well, Thalcave was mistaken this time," retorted Paganel, somewhat sharply. "The Gauchos are agriculturists and shepherds, and nothing else, as I have stated in a pamphlet on the natives of the Pampas, written by me, which has attracted some notice." [illustration omitted] [page intentionally blank]	- Ну и что ж? На этот раз Талькав ошибся, - возразил с некоторой резкостью Паганель. - Гаучо - мирные землепашцы и пастухи, только и всего. Я сам писал об этом в одной брошюре о пампасах, пользующейся некоторой известностью.
"Well, well, you have committed an error, that's all, Monsieur Paganel."	- Значит, вы ошиблись, господин Паганель.
"What, Monsieur McNabbs! you tell me I have committed an error?"	- Я ошибся, господин Мак-Наббс?
"An inadvertence, if you like, which you can put among the ERRATA in the next edition."	- Если угодно - по рассеянности, - продолжал настаивать майор, - и вам надо будет внести некоторые поправки в следующее издание вашей брошюры.
Paganel, highly incensed at his geographical knowledge being brought in question, and even jested about, allowed his ill-humor to get the better of him, and said:	Паганель, очень уязвленный тем, что его географические познания не только подвергаются сомнению, но и становятся предметом шуток, начал раздражаться.
"Know, sir, that my books have no need of such ERRATA."	- Знайте, милостивый государь, - сказал он майору, - что мои книги не нуждаются в подобных исправлениях!
"Indeed! Well, on this occasion they have, at any rate," retorted McNabbs, quite as obstinate as his opponent.	- Нет, нуждаются, по крайней мере в данном случае! - возразил Мак-Наббс, также охваченный упрямством.
"Sir, I think you are very annoying to-day."	- Вы, сударь, слишком придирчивы сегодня! - отрезал Паганель.
"And I think you are very crabbed."	- А вы слишком сварливы! - парировал майор.
Glenarvan thought it was high time to interfere, for the discussion was getting too hot, so he said:	Спор принял большие размеры, чем заслуживал такой незначительный повод, и Гленарван нашел нужным вмешаться.
"Come, now, there is no doubt one of you is very teasing and the other is very crabbed, and I must say I am surprised at both of you."	- Несомненно, - сказал он, - один из вас чересчур придирчив, а другой чересчур сварлив. По правде сказать, вы оба удивляете меня.
The Patagonian, without understanding the cause, could see that the two friends were quarreling.	Патагонец, не понимая, о чем спорят два друга, без труда догадался, что они готовы поссориться.
He began to smile, and said quietly:	Он улыбнулся и спокойно сказал:
"It's the north wind."	- Это северный ветер.
"The north wind," exclaimed Paganel; "what's the north wind to do with it?"	- Северный ветер! - воскликнул Паганель. - При чем тут северный ветер?

"Ah, it is just that," said Glenarvan. "It's the north wind that has put you in a bad temper.	- Ну конечно, - отозвался Гленарван, - ваше плохое настроение объясняется северным ветром.
I have heard that, in South America, the wind greatly irritates the nervous system."	Я слышал, что этот ветер на юге Америки чрезвычайно раздражает нервную систему.
"By St. Patrick, Edward you are right," said the Major, laughing heartily.	- Клянусь святым Патриком, вы правы, Эдуард! - воскликнул майор и расхохотался.
But Paganel, in a towering rage, would not give up the contest, and turned upon Glenarvan, whose intervention in this jesting manner he resented.	Но Паганель, не на шутку раздраженный, сдаваться не желал и набросился на Гленарвана, чей тон ему казался неуместно шутливым:
"And so, my Lord, my nervous system is irritated?" he said.	- Так, по-вашему, милорд, моя нервная система в возбужденном состоянии?
"Yes, Paganel, it is the north wind-a wind which causes many a crime in the Pampas, as the TRAMONTANE does in the Campagna of Rome."	- Конечно, Паганель, и причина этому - северный ветер. Он здесь часто толкает людей даже на преступления, подобно трамонтано в окрестностях Рима.
"Crimes!" returned the geographer. "Do I look like a man that would commit crimes?"	- На преступления? - крикнул ученый. - Так я похож на человека, собирающегося совершать преступления?
"That's not exactly what I said."	- Я этого не говорю.
"Tell me at once that I want to assassinate you?"	- Скажите лучше прямо, что я хочу зарезать вас!
"Well, I am really afraid," replied Glenarvan, bursting into an uncontrollable fit of laughter, in which all others joined.	- Ох, боюсь, что недалеко до этого! - ответил Гленарван, не в силах больше удерживаться от смеха. - К счастью, северный ветер дует только один день. Слова Гленарвана вызвали всеобщий хохот.
Paganel said no more, but went off in front alone, and came back in a few minutes quite himself, as if he had completely forgotten his grievance.	Паганель пришпорил лошадь и ускакал вперед, желая рассеять в одиночестве свое плохое настроение. Через какие-нибудь четверть часа он уже и не помнил о происшедшем. Так на короткое время ученый изменил своему добродушному характеру, но, как правильно указал Гленарван, причина этого была чисто внешняя.
At eight o'clock in the evening, Thalcave, who was considerably in advance of the rest, descried in the distance the much-desired lake, and in less than a quarter of an hour they reached its banks; but a grievous disappointment awaited them-the lake was dried up.	В восемь часов вечера Талькав, ехавший немного впереди, сообщил, что они приближаются к желанному озеру. Четверть часа спустя маленький отряд уже спускался по крутому берегу Салина-Гранде. Но здесь путников ожидало тяжелое разочарование: озеро пересохло.
CHAPTER XVIII IN SEARCH OF WATER	Глава XVIII В ПОИСКАХ ВОДЫ
LAKE SALINAS ends the string of lagoons connected with the Sierras Ventana and Guamini.	Озером Салина-Гранде заканчивается ряд небольших озер, которые тянутся между Сьерра-де-ла-Вентана и Сьерра-Гуамини.

Numerous expeditions were formerly made there from Buenos Ayres, to collect the salt deposited on its banks, as the waters contain great quantities of chloride of sodium.	Раньше к Салина-Гранде направлялись из Буэнос-Айреса целые экспедиции для добывания соли, так как воды его содержат весьма значительное количество хлористого натрия. Но теперь из-за сильной жары вода испарилась, и осевшая соль превратила озеро в огромное сверкающее зеркало.
But when Thalcave spoke of the lake as supplying drinkable water he was thinking of the RIOS of fresh water which run into it.	Когда Талькав говорил о питьевой воде Салина-Гранде, он, в сущности, имел в виду не самое озеро, а пресные речки, впадающие в него во многих местах.
Those streams, however, were all dried up also; the burning sun had drunk up every thing liquid, and the consternation of the travelers may be imagined at the discovery.	Но сейчас и они пересохли: все выпило палящее солнце. Легко представить себе то подавленное состояние, которое овладело путешественниками, измученными жаждой, когда они увидели высохшие берега Салина - Гранде.
Some action must be taken immediately, however; for what little water still remained was almost bad, and could not quench thirst.	Надо было немедленно принять какое-нибудь решение. Воды в бурдюках оставалось немного, да и та была наполовину испорчена и не могла утолить жажду. А она жестоко давала себя чувствовать.
Hunger and fatigue were forgotten in the face of this imperious necessity.	И голод и усталость забывались перед этой насущной потребностью.
A sort of leather tent, called a ROUKAH, which had been left by the natives, afforded the party a temporary resting-place, and the weary horses stretched themselves along the muddy banks, and tried to browse on the marine plants and dry reeds they found there-nauseous to the taste as they must have been.	Изнуренные путешественники приютились в "рука" - кожаной палатке, раскинутой и оставленной туземцами в небольшом овраге. Лошади, лежа на илистых берегах озера, с видимым отвращением жевали водоросли и сухой тростник.
As soon as the whole party were ensconced in the ROUKAH, Paganel asked Thalcave what he thought was best to be done.	Когда все разместились в рука, Паганель обратился к Талькаву и спросил, что, по его мнению, следовало делать.
A rapid conversation followed, a few words of which were intelligible to Glenarvan.	И географ и индеец говорили быстро, но Гленарвану все же удалось разобрать несколько слов.
Thalcave spoke calmly, but the lively Frenchman gesticulated enough for both.	Талькав говорил спокойно, а Паганель жестикулировал за двоих.
After a little, Thalcave sat silent and folded his arms.	Их диалог длился несколько минут, затем патагонец, замолчав, скрестил руки на груди.
"What does he say?" asked Glenarvan. "I fancied he was advising us to separate."	- Что он сказал? - спросил Гленарван. - Мне показалось, что он советует нам разделиться.
"Yes, into two parties. Those of us whose horses are so done out with fatigue and thirst that they can scarcely drag one leg after the other, are to continue the route as they best can, while the others, whose steeds are fresher, are to push on in advance toward the river Guamini, which throws itself into Lake San Lucas about thirty-one miles off.	- Да, на Две группы, - ответил Паганель. - Те, у кого лошади еле передвигают ноги, пусть как-нибудь продолжают путь вдоль тридцать седьмой параллели. Те же, у кого лошади в лучшем состоянии, должны, опередив первый отряд, отправиться на поиски реки Гуамини, которая впадает в озеро Сан-Лукас в тридцати одной миле отсюда.

If there should be water enough in the river, they are to wait on the banks till their companions reach them; but should it be dried up, they will hasten back and spare them a useless journey."	Если воды в этой реке достаточно, второй отряд подождет товарищей на ее берегах. Если же Гуамини также пересохла - направится обратно им навстречу, чтобы избавить их от напрасного перехода.
"And what will we do then?" asked Austin.	- А тогда что делать? - спросил Том Остин.
"Then we shall have to make up our minds to go seventy-two miles south, as far as the commencement of the Sierra Ventana, where rivers abound."	- Тогда придется спуститься на семьдесят пять миль к югу, к отрогам Сьерра-де-ла-Вентана, а там рек очень много.
"It is wise counsel, and we will act upon it without loss of time.	- Совет неплох, - сказал Гленарван, - и нам нужно немедленно последовать ему.
My horse is in tolerable good trim, and I volunteer to accompany Thalcave."	Моя лошадь еще не очень ослабела от жажды, и я могу сопровождать Талькава.
"Oh, my Lord, take me," said Robert, as if it were a question of some pleasure party.	- О милорд, возьмите меня с собой! - взмолился Роберт, как будто дело шло об увеселительной поездке.
"But would you be able for it, my boy?"	- Но сможешь ли ты поспевать за нами, мальчик?
"Oh, I have a fine beast, which just wants to have a gallop. Please, my Lord, to take me."	- Да. У меня хорошая лошадь. Она так и рвется вперед... Так как же, милорд?.. Прошу вас!
"Come, then, my boy," said Glenarvan, delighted not to leave Robert behind.	- Хорошо, едем, мой мальчик, - согласился Гленарван.
"If we three don't manage to find out fresh water somewhere," he added, "we must be very stupid."	Он, в сущности, был очень рад, что ему не придется расставаться с Робертом. - Не может же быть, в самом деле, чтобы нам втроем не удалось найти какой-нибудь источник свежей и чистой воды!
"Well, well, and what about me?" said Paganel.	- А я? - спросил Паганель.
"Oh, my dear Paganel, you must stay with the reserve corps," replied the Major. "You are too well acquainted with the 37th parallel and the river Guamini and the whole Pampas for us to let you go.	- О, вы, милейший Паганель, останетесь, - отозвался майор. - Вы слишком хорошо знаете и тридцать седьмую параллель, и реку Гуамини, и вообще все пампасы, чтобы покинуть нас.
Neither Mulrady, nor Wilson, nor myself would be able to rejoin Thalcave at the given rendezvous, but we will put ourselves under the banner of the brave Jacques Paganel with perfect confidence."	Ни Мюльреди, ни Вильсон, ни я - никто из нас не сможет добраться до места, которое Талькав назначит для встречи. Под знаменем же храброго Жака Паганеля мы смело двинемся вперед.
"I resign myself," said the geographer, much flattered at having supreme command.	- Приходится покориться, - согласился географ, очень польщенный тем, что его поставили во главе отряда.
"But mind, Paganel, no distractions," added the Major. "Don't you take us to the wrong place-to the borders of the Pacific, for instance."	- Но смотрите только не будьте рассеянны, - прибавил майор, - не заведите нас не туда, куда надо, например, обратно к Тихому океану!
"Oh, you insufferable Major; it would serve you right," replied Paganel, laughing. "But how will you manage to understand what Thalcave says, Glenarvan?" he continued.	- А вы заслуживаете этого, несносный майор!.. - смеясь, сказал Паганель. - Но вот что скажите мне, дорогой Гленарван: как будете вы объясняться с Талькавом?

"I suppose," replied Glenarvan, "the Patagonian and I won't have much to talk about; besides, I know a few Spanish words, and, at a pinch, I should not fear either making him understand me, or my understanding him."	- Я полагаю, что нам с патагонцем не придется разговаривать, - ответил Гленарван, - но в каком-нибудь экстренном случае тех испанских слов, которые я знаю, хватит для того, чтобы мы поняли друг друга.
"Go, then, my worthy friend," said Paganel.	- Так отправляйтесь в путь, мой достойный друг, - сказал Паганель.
"We'll have supper first," rejoined Glenarvan, "and then sleep, if we can, till it is starting time."	- Сначала поужинаем, - сказал Гленарван, - и, если сможем, выспимся перед отъездом.
The supper was not very reviving without drink of any kind, and they tried to make up for the lack of it by a good sleep.	Путешественники закусили всухомятку, что, конечно, мало подкрепило их, а затем, за неимением лучшего, улеглись спать.
But Paganel dreamed of water all night, of torrents and cascades, and rivers and ponds, and streams and brooks-in fact, he had a complete nightmare.	Паганелю снились потоки, водопады, речки, реки, пруды, ручьи, даже полные графины - словом, снилось все, в чем содержится питьевая вода. То был настоящий кошмар.
Next morning, at six o'clock, the horses of Thalcave, Glenarvan and Robert were got ready.	На следующий день, в шесть часов утра, лошади Талькава, Гленарвана и Роберта Гранта были оседланы.
Their last ration of water was given them, and drunk with more avidity than satisfaction, for it was filthy, disgusting stuff.	Их напоили оставшейся в бурдюках водой. Пили они с жадностью, но без удовольствия, ибо вода эта была отвратительная.
The three travelers then jumped into their saddles, and set off, shouting	Когда лошади были напоены, Талькав, Гленарван и Роберт вскочили в седла.
"Au revoir!" to their companions.	- До свиданья! - крикнули остающиеся.
"Don't come back whatever you do," called Paganel after them.	- Главное, постарайтесь не возвращаться! - добавил Паганель. Вскоре патагонец, Гленарван и Роберт потеряли из виду маленький отряд, оставленный на попечении географа.
The Desertio de las Salinas, which they had to traverse, is a dry plain, covered with stunted trees not above ten feet high, and small mimosas, which the Indians call curra-mammel; and JUMES, a bushy shrub, rich in soda.	Desertio de las Salinas, то есть пустыня озера Салина, по которой ехали три всадника, представляла собой равнину с глинистой почвой, поросшую чахлыми кустами футов в десять вышиной, низкорослыми мимозами (курра-мамель) и кустарниками юмма, содержащими много соды.
Here and there large spaces were covered with salt, which sparkled in the sunlight with astonishing brilliancy.	Кое-где встречались обширные пласты соли, отражавшие с необыкновенной яркостью солнечные лучи.
These might easily have been taken for sheets of ice, had not the intense heat forbidden the illusion; and the contrast these dazzling white sheets presented to the dry, burned-up ground gave the desert a most peculiar character.	Если бы не палящий зной, эти баррерос можно было бы легко принять за обледенелые участки земли. Контраст между сухой, выжженной почвой и сверкающими соляными пластами придавал пустыне своеобразный и интересный вид.

Eighty miles south, on the contrary, the Sierra Ventana, toward which the travelers might possibly have to betake themselves should the Guamini disappoint their hopes, the landscape was totally different.	Совершенно иную картину представляет находящаяся в восьмидесяти милях южнее Сьерра-де-ла-Вентана, куда, если река Гуамини пересохла, пришлось бы спуститься нашим путешественникам.
There the fertility is splendid; the pasturage is incomparable.	Этот край, обследованный в 1835 году капитаном Фицроем - главой экспедиции на "Бигле", необыкновенно плодороден. Здесь находятся роскошные, лучшие на индейских землях пастбища. Северо-западные склоны Сьерра-де-ла-Вентана покрыты пышными травами; ниже расстилаются леса, состоящие из разных видов деревьев. Там растет альгарробо - род рожкового дерева, плоды которого сушат, размельчают и готовят из них хлеб, весьма ценимый индейцами; белое квебрахо - дерево с длинными, гибкими ветвями, напоминающее нашу европейскую плакучую иву; красное квебрахо, отличающееся необыкновенной прочностью; легко воспламеняющийся наудубай - причина страшных пожаров; вираро с лиловыми цветами в форме пирамиды и, наконец, восьмидесятифутовый гигант тимбо, под колоссальной кроной которого может укрыться от солнечных лучей целое стадо. Аргентинцы не раз пытались колонизировать этот богатый край, но им так и не удалось преодолеть сопротивления индейцев. Конечно, такое плодородие говорило о том, что сюда несут свои воды многочисленные речки, низвергаясь по склонам горной цепи. И в самом деле, речки эти даже во время сильнейших засух никогда не пересыхают.
Unfortunately, to reach them would necessitate a march of one hundred and thirty miles south; and this was why Thalcave thought it best to go first to Guamini, as it was not only much nearer, but also on the direct line of route.	Но, чтобы добраться до них, нужно было продвинуться к югу на сто тридцать миль. Вот почему Талькав был, несомненно, прав, решив сначала направиться к реке Гуамини: это было и гораздо ближе, и по пути.
The three horses went forward might and main, as if instinctively knowing whither they were bound.	Лошади быстро неслись вперед. Эти превосходные животные, видно, инстинктивно чувствовали, куда направляли их хозяева.
Thaouka especially displayed a courage that neither fatigue nor hunger could damp.	Особенно резва была Таука.
He bounded like a bird over the dried-up CANADAS and the bushes of CURRA-MAMMEL, his loud, joyous neighing seeming to bode success to the search.	Она птицей перелетала через пересохшие ручьи и кусты курра-мамель.
The horses of Glenarvan and Robert, though not so light-footed, felt the spur of his example, and followed him bravely.	Лошади Гленарвана и Роберта, увлеченные ее примером, смело следовали - за ней, хотя и не с такой легкостью.
Thalcave inspirited his companions as much as Thaouka did his four-footed brethren.	Талькав же, словно приросший к седлу, служил примером для своих спутников. Патагонец часто оглядывался на Роберта.

He sat motionless in the saddle, but often turned his head to look at Robert, and ever and anon gave him a shout of encouragement and approval, as he saw how well he rode.	Видя, что мальчик сидит в седле уверенно и правильно - опустив плечи, свободно свесив ноги, прижав к седлу колени, - индеец поощрял его одобрительными возгласами.
Certainly the boy deserved praise, for he was fast becoming an excellent cavalier.	Действительно, Роберт Грант становился превосходным наездником и заслуживал его похвалы.
"Bravo! Robert," said Glenarvan. "Thalcave is evidently congratulating you, my boy, and paying you compliments."	- Браво, Роберт! - говорил Гленарван. - Талькав, видимо, доволен тобой.
"What for, my Lord?"	- Чем же он доволен, милорд?
"For your good horsemanship."	- Доволен твоей посадкой.
"I can hold firm on, that's all," replied Robert blushing with pleasure at such an encomium.	- О, я крепко держусь, вот и все, - краснея от удовольствия, ответил мальчуган.
"That is the principal thing, Robert; but you are too modest. I tell you that some day you will turn out an accomplished horseman."	- А это главное, Роберт, - продолжал Гленарван. - Ты слишком скромен, но я предсказываю тебе, что из тебя выйдет отличный спортсмен.
"What would papa say to that?" said Robert, laughing. "He wants me to be a sailor."	- Что ж, это хорошо, - смеясь, сказал Роберт. - Но что скажет на это папа, ведь он хочет сделать из меня моряка?
"The one won't hinder the other.	- Одно не мешает другому.
If all cavaliers wouldn't make good sailors, there is no reason why all sailors should not make good horsemen.	Хоть и не все наездники хорошие моряки, но все моряки могут стать хорошими наездниками.
To keep one's footing on the yards must teach a man to hold on firm; and as to managing the reins, and making a horse go through all sorts of movements, that's easily acquired. Indeed, it comes naturally."	Сидя верхом на рее, приучаешься крепко держаться, а умение осадить коня, заставить его выполнять боковые и круговые движения приходит само собой, это несложно.
"Poor father," said Robert; "how he will thank you for saving his life."	- Бедный отец! - промолвил мальчик. - Как будет он благодарен вам, милорд, когда вы его спасете!
"You love him very much, Robert?"	- Ты очень любишь его, Роберт?
"Yes, my Lord, dearly.	- Да, милорд.
He was so good to me and my sister.	Папа ведь был так добр к нам с сестрой!
We were his only thought: and whenever he came home from his voyages, we were sure of some SOUVENIR from all the places he had been to; and, better still, of loving words and caresses.	Он только и думал о нас. После каждого дальнего плавания он привозил нам подарки из всех тех стран, где он побывал. Но что бывало дороже всего - он, вернувшись домой, был так нежен, с такой любовью говорил с нами!
Ah! if you knew him you would love him, too.	О, когда вы узнаете папу, вы сами его полюбите!
Mary is most like him.	Мери на него похожа.
He has a soft voice, like hers.	У него такой же мягкий голос, как и у нее.
That's strange for a sailor, isn't it?"	Для моряка это даже странно, не правда ли?
"Yes, Robert, very strange."	- Да, очень странно, Роберт, - согласился Гленарван.

"I see him still," the boy went on, as if speaking to himself. "Good, brave papa.	- Я вот как будто вижу его, - продолжал мальчик, словно говоря сам с собой. - Добрый, славный папа!
He put me to sleep on his knee, crooning an old Scotch ballad about the lochs of our country.	Когда я был маленьким, он укачивал меня на коленях, напевая старинную шотландскую песню об озерах нашей родины.
The time sometimes comes back to me, but very confused like.	Порой мне вспоминается мелодия, но смутно.
So it does to Mary, too.	Мери тоже помнит ее.
Ah, my Lord, how we loved him.	Ах, как мы любили его!
Well, I do think one needs to be little to love one's father like that."	Знаете, мне кажется, что только в детстве умеешь так любить отца!
"Yes, and to be grown up, my child, to venerate him," replied Glenarvan, deeply touched by the boy's genuine affection.	- Но нужно вырасти, чтобы научиться уважать его, мой мальчик, - сказал Гленарван, растроганный признаниями, вырвавшимися из этого юного сердца.
During this conversation the horses had been slackening speed, and were only walking now.	Пока они говорили, лошади замедлили ход и пошли шагом.
"You will find him?" said Robert again, after a few minutes' silence.	- Ведь мы найдем его, правда? - - проговорил Роберт после нескольких минут молчания.
"Yes, we'll find him," was Glenarvan's reply, "Thalcave has set us on the track, and I have great confidence in him."	- Да, мы найдем его, - ответил Гленарван. - Талькав навел нас на его след, а патагонец внушает мне доверие.
"Thalcave is a brave Indian, isn't he?" said the boy.	- Талькав - славный индеец, - отозвался мальчик.
"That indeed he is."	- Без сомнения!
"Do you know something, my Lord?"	- Знаете что, милорд?
"What is it, and then I will tell you?"	- Скажи - тогда я отвечу тебе.
"That all the people you have with you are brave. Lady Helena, whom I love so, and the Major, with his calm manner, and Captain Mangles, and Monsieur Paganel, and all the sailors on the DUNCAN. How courageous and devoted they are."	- Я хочу сказать, что вокруг вас только славные люди: леди Элен - я так ее люблю! - майор, всегда такой спокойный, капитан Манглс, господин Паганель и все матросы "Дункана", такие отважные и такие преданные!
"Yes, my boy, I know that," replied Glenarvan.	- Я знаю это, мой мальчик, - ответил Гленарван.
"And do you know that you are the best of all."	- А знаете ли вы, что лучше всех вы сами?
"No, most certainly I don't know that."	- О, вот этого я не знал!
"Well, it is time you did, my Lord," said the boy, seizing his lordship's hand, and covering it with kisses.	- Так знайте, милорд! - воскликнул Роберт, хватая руку Гленарвана и горячо целуя ее.
Glenarvan shook his head, but said no more, as a gesture from Thalcave made them spur on their horses and hurry forward.	Гленарван тихонько покачал головой. Он продолжал бы разговаривать с Робертом, если бы Талькав жестом не дал им понять, чтобы они поторапливались и не отставали. Надо было спешить и помнить об оставшихся позади. Все трое всадников снова пустились вперед крупной рысью.

But it was soon evident that, with the exception of Thaouka, the wearied animals could not go quicker than a walking pace.	Но вскоре стало ясно, что лошадям, за исключением Тауки, это не под силу.
At noon they were obliged to let them rest for an hour.	В полдень пришлось дать им часовой отдых.
They could not go on at all, and refused to eat the ALFAFARES, a poor, burnt-up sort of lucerne that grew there.	Они совсем выбились из сил и даже отказывались есть пучки альфальфы - разновидности люцерны, тощей и выжженной палящими лучами солнца.
Glenarvan began to be uneasy. Tokens of sterility were not the least on the decrease, and the want of water might involve serious calamities.	Гленарвана охватило беспокойство: признаки засушливости не исчезали, и недостаток воды мог привести к гибельным последствиям.
Thalcave said nothing, thinking probably, that it would be time enough to despair if the Guamini should be dried up-if, indeed, the heart of an Indian can ever despair.	Талькав молчал и, вероятно, думал, что в отчаяние приходить преждевременно, пока не выяснилось, пересохла или нет река Гуамини.
Spur and whip had both to be employed to induce the poor animals to resume the route, and then they only crept along, for their strength was gone.	Итак, он снова двинулся вперед, и волей-неволей, понуждаемые хлыстами и шпорами, лошади поплелись шагом - большего от них добиться нельзя было.
Thaouka, indeed, could have galloped swiftly enough, and reached the RIO in a few hours, but Thalcave would not leave his companions behind, alone in the midst of a desert.	Талькав мог бы опередить спутников, Таука в несколько часов домчала бы его до берегов реки. Разумеется, это не могло не прийти в голову патагонцу и, разумеется, он не захотел оставить спутников одних среди этой пустыни.
It was hard work, however, to get the animal to consent to walk quietly.	Вот почему он заставил своего скакуна умерить шаг.
He kicked, and reared, and neighed violently, and was subdued at last more by his master's voice than hand.	Не без сопротивления примирилась с этим Таука: она становилась на дыбы, неистово ржала. Ее хозяин прибегнул не столько к силе, сколько к увещаниям.
Thalcave positively talked to the beast, and Thaouka understood perfectly, though unable to reply, for, after a great deal of arguing, the noble creature yielded, though he still champed the bit.	Ведь Талькав буквально разговаривал со своей лошадью, и Таука если и не отвечала ему, то, во всяком случае, все понимала. Надо думать, что доводы патагонца были очень вески, так как, "поспорив" некоторое время, Таука все-таки сдалась и подчинилась, правда продолжая грызть удила.
Thalcave did not understand Thaouka, it turned out, though Thaouka understood him.	Но если Таука поняла, чего от нее хотел Талькав, то и сам он сумел понять своего скакуна.
The intelligent animal felt humidity in the atmosphere and drank it in with frenzy, moving and making a noise with his tongue, as if taking deep draughts of some cool refreshing liquid.	Умное животное почувствовало признаки влажности в воздухе: лошадь жадно втягивала его, шевеля языком, словно опускала его в спасительную влагу.
The Patagonian could not mistake him now-water was not far off.	Патагонцу стало ясно: близко вода.

The two other horses seemed to catch their comrade's meaning, and, inspired by his example, made a last effort, and galloped forward after the Indian.	Он подбодрил своих спутников, объяснив им нетерпение Тауки. Вскоре и две другие лошади тоже почуяли близость воды. Они напрягли последние силы и понеслись вслед за индейцем.
About three o'clock a white line appeared in a dip of the road, and seemed to tremble in the sunlight.	Около трех часов пополудни впереди, в низине, блеснула светлая полоса. Она переливалась под лучами солнца.
"Water!" exclaimed Glenarvan.	- Вода! - сказал Гленарван.
"Yes, yes! it is water!" shouted Robert.	- Да, вода, вода! - крикнул Роберт.
They were right; and the horses knew it too, for there was no need now to urge them on; they tore over the ground as if mad, and in a few minutes had reached the river, and plunged in up to their chests.	Теперь уж им не нужно было погонять лошадей. Бедные животные, почувствовав прилив сил, неудержимо помчались вперед. В несколько минут они доскакали до реки Гуамини и, не останавливаясь, зашли по грудь в благодатную воду.
Their masters had to go on too, whether they would or not but they were so rejoiced at being able to quench their thirst, that this compulsory bath was no grievance.	Всадники поневоле последовали их примеру и приняли ванну, о чем им не пришлось жалеть.
"Oh, how delicious this is!" exclaimed Robert, taking a deep draught.	- Ах, как вкусно! - воскликнул Роберт, упиваясь водой посередине речки.
"Drink moderately, my boy," said Glenarvan; but he did not set the example.	- Будь умерен, мой мальчик, - предупредил его Гленарван, сам, однако, не подавая примера этой умеренности. Некоторое время не было слышно ничего, кроме громких, торопливых глотков.
Thalcave drank very quietly, without hurrying himself, taking small gulps, but "as long as a lazo," as the Patagonians say.	Талькав же пил спокойно, не спеша, глотками маленькими, но "длинными, как лассо", - по патагонскому выражению.
He seemed as if he were never going to leave off, and really there was some danger of his swallowing up the whole river.	Он никак не мог напиться, и можно было опасаться, как бы он не выпил всю реку целиком.
At last Glenarvan said: "Well, our friends won't be disappointed this time; they will be sure of finding clear, cool water when they get here-that is to say, if Thalcave leaves any for them."	- Ну, видно, нашим друзьям не придется разочароваться в своих ожиданиях, - сказал Гленарван. - Добравшись до Гуамини, они найдут сколько угодно чистой воды, если только Талькав оставит что-нибудь на их долю.
"But couldn't we go to meet them?	- А не могли бы мы отправиться им навстречу? - спросил
It would spare them several hours' suffering and anxiety."	Роберт. - Этим мы избавили бы их от нескольких часов тревоги и страданий.
"You're right my boy; but how could we carry them this water?	- Понятно, это можно было бы сделать, мой мальчик, но в чем же отвезти им воду?
The leather bottles were left with Wilson.	Ведь бурдюки остались у Вильсона.
No; it is better for us to wait for them as we agreed.	Нет, уж лучше нам ждать здесь, как было условленно.

They can't be here till about the middle of the night, so the best thing we can do is to get a good bed and a good supper ready for them."	Учитывая расстояние, которое им надо проехать, притом проехать шагом, они прибудут сюда только ночью. Итак, приготовим для них хороший ночлег и ужин.
Thalcave had not waited for Glenarvan's proposition to prepare an encampment.	Талькав, не дожидаясь предложения Гленарвана, уже отправился искать место для привала.
He had been fortunate enough to discover on the banks of the rio a ramada, a sort of enclosure, which had served as a fold for flocks, and was shut in on three sides.	Ему посчастливилось найти на берегу реки рамаду - трехсторонний загон для скота.
A more suitable place could not be found for their night's lodging, provided they had no fear of sleeping in the open air beneath the star-lit heavens; and none of Thalcave's companions had much solicitude on that score.	Это было превосходное убежище для людей, которые, как наши путешественники, не боятся спать под открытым небом.
Accordingly they took possession at once, and stretched themselves at full length on the ground in the bright sunshine, to dry their dripping garments.	Поэтому они не стали искать ничего лучшего, и все трое растянулись на земле, чтобы просушить на солнце промокшее платье.
"Well, now we've secured a lodging, we must think of supper," said Glenarvan.	- Место для ночлега у нас есть, - сказал Гленарван. - Подумаем теперь об ужине.
"Our friends must not have reason to complain of the couriers they sent to precede them; and if I am not much mistaken, they will be very satisfied.	Надо, чтобы наши друзья остались довольны своими посланными вперед гонцами, и, если я не ошибаюсь, им не придется жаловаться на них.
It strikes me that an hour's shooting won't be lost time. Are you ready, Robert?"	Мне кажется, что, поохотившись с часок, мы не потеряем времени даром... Ты готов, Роберт?
"Yes, my Lord," replied the boy, standing up, gun in hand.	- Да, милорд, - ответил мальчик, поднимаясь на ноги и беря ружье.
Why Glenarvan proposed this was, that the banks of the Guamini seemed to be the general rendezvous of all the game in the surrounding plains.	Мысль об охоте пришла в голову Гленарвану потому, что на берегах Гуамини, казалось, собиралась вся дичь окрестных равнин.
A sort of partridge peculiar to the Pampas, called TINAMOUS; black wood-hens; a species of plover, called TERU-TERU; yellow rays, and waterfowl with magnificent green plumage, rose in coveys.	Целыми стаями поднимались "тинаму" - род красных куропаток, водящихся в пампасах, - черные ржанки, желтые коростели и водяные курочки с великолепным зеленым оперением.
No quadrupeds, however, were visible, but Thalcave pointed to the long grass and thick brushwood, and gave his friends to understand they were lying there in concealment.	Четвероногих же что-то не было видно. Но Талькав, указав спутникам на высокие травы и густой лес, дал им понять, где скрываются эти животные.
Disdaining the feathered tribes when more substantial game was at hand, the hunters' first shots were fired into the underwood.	Охотникам достаточно было сделать несколько шагов, чтобы найти дичь в изобилии. Сначала они пренебрегали птицами, их первые выстрелы были сделаны в крупную дичь пампасов.
Instantly there rose by the hundred roebucks and guanacos, like those that had swept over them that terrible night on the Cordilleras, but the timid creatures were so frightened that they were all out of gunshot in a twinkling.	Они вспугнули сотни косуль и гуанако, подобных тем, которые так неистово обрушились на них на вершинах Кордильер. Но эти чрезвычайно пугливые животные умчались с такой быстротой, что охотники не смогли приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела.

The hunters were obliged to content themselves with humbler game, though in an alimentary point of view nothing better could be wished.	Тогда они обратили свое внимание на менее стремительную, но не менее вкусную дичь.
A dozen of red partridges and rays were speedily brought down, and Glenarvan also managed very cleverly to kill a TAY-TETRE, or peccary, a pachydermatous animal, the flesh of which is excellent eating.	Было подстрелено штук двенадцать красных куропаток и коростелей, а кроме того, Гленарван убил метким выстрелом пекари. Мясо этого толстокожего животного с рыжеватой шерстью очень вкусно, и на него не жаль было потратить порох.
In less than half an hour the hunters had all the game they required.	Менее чем в полчаса охотники без труда настреляли столько дичи, сколько им было нужно.
Robert had killed a curious animal belonging to the order EDENTATA, an armadillo, a sort of tatou, covered with a hard bony shell, in movable pieces, and measuring a foot and a half long.	Роберт также не остался без трофеев: он застрелил армадилла - любопытное животное из семейства неполнозубых, нечто вроде броненосца, длиной в полтора фута, покрытое панцирем из подвижных костяных пластинок.
It was very fat and would make an excellent dish, the Patagonian said.	Это было очень жирное животное, и, по словам патагонца, из него должно было получиться превкусное блюдо.
Robert was very proud of his success.	Роберт очень гордился своей добычей.
Thalcave did his part by capturing a NANDOU, a species of ostrich, remarkable for its extreme swiftness.	Талькав показал своим спутникам, как охотятся на страуса нанду, отличающегося удивительной быстротой.
There could be no entrapping such an animal, and the Indian did not attempt it.	Имея дело с таким быстроногим животным, индеец не стал прибегать к хитрости.
He urged Thaouka to a gallop, and made a direct attack, knowing that if the first aim missed the NANDOU would soon tire out horse and rider by involving them in an inextricable labyrinth of windings.	Он пустил Тауку галопом прямо на нанду, стремясь сразу настичь его, ибо не сделай он этого, страус только замучил бы и лошадь и охотника, стремительно убегая и петляя.
The moment, therefore, that Thalcave got to a right distance, he flung his BOLAS with such a powerful hand, and so skillfully, that he caught the bird round the legs and paralyzed his efforts at once.	Приблизившись к нанду на нужное расстояние, Талькав метнул своей могучей рукой болас, и так ловко, что веревка сейчас же обвилась вокруг ног страуса и остановила его.
In a few seconds it lay flat on the ground.	Еще несколько секунд - и нанду уже лежал распростертый на земле.
The Indian had not made his capture for the mere pleasure and glory of such a novel chase. The flesh of the NANDOU is highly esteemed, and Thalcave felt bound to contribute his share of the common repast.	Индеец постарался добыть нанду не из охотничьего тщеславия, а потому, что мясо этого страуса очень ценится, и Талькаву хотелось предложить от себя блюдо для общего стола.
They returned to the RAMADA, bringing back the string of partridges, the ostrich, the peccary, and the armadillo.	Связку красных куропаток, страуса Талькава, пекари Гленарвана и броненосца Роберта принесли в рамаду.
The ostrich and the peccary were prepared for cooking by divesting them of their tough skins, and cutting them up into thin slices.	Со страуса и пекари тотчас же содрали жесткую кожу и разрезали мясо на тонкие ломтики.

As to the armadillo, he carries his cooking apparatus with him, and all that had to be done was to place him in his own shell over the glowing embers.	Броненосец же обладает одним ценным свойством: он носит на себе противень, на котором его можно изжарить. Поэтому его без дальнейших церемоний положили на раскаленные уголья в собственном панцире.
The substantial dishes were reserved for the night-comers, and the three hunters contented themselves with devouring the partridges, and washed down their meal with clear, fresh water, which was pronounced superior to all the porter in the world, even to the famous Highland USQUEBAUGH, or whisky.	Охотники удовольствовались за ужином одними куропатками, оставив своим друзьям все самое питательное. К ужину была подана чистейшая прозрачная вода, показавшаяся им вкуснее всех вин мира.
The horses had not been overlooked.	Не забыли и о лошадях.
A large quantity of dry fodder was discovered lying heaped up in the RAMADA, and this supplied them amply with both food and bedding.	В рамаде нашлось столько сена, что его им хватило не только для еды, но и для подстилки.
When all was ready the three companions wrapped themselves in the ponchos, and stretched themselves on an eiderdown of ALFAFARES, the usual bed of hunters on the Pampas.	Когда все приготовления были закончены, Гленарван, Роберт и индеец, завернувшись в пончо, улеглись на перины из альфальфы - обычное ложе охотников в пампасах.
CHAPTER XIX THE RED WOLVES	Глава XIX КРАСНЫЕ ВОЛКИ
NIGHT came, but the orb of night was invisible to the inhabitants of the earth, for she was just in her first quarter.	Настала ночь, ночь перед новолунием, когда молодой месяц еще невидим для обитателей Земли.
The dim light of the stars was all that illumined the plain.	Одни звезды озаряли своим слабым светом равнину.
The waters of the Guamini ran silently, like a sheet of oil over a surface of marble.	У горизонта едва мерцали в тумане созвездия Зодиака. Гуамини бесшумно катила свои воды.
Birds, quadrupeds, and reptiles were resting motionless after the fatigues of the day, and the silence of the desert brooded over the far-spreading Pampas.	Птицы и звери, устав за день, отдыхали, и над необъятными пампасами распростерлось безмолвие пустыни.
Glenarvan, Robert, and Thalcave, had followed the common example, and lay in profound slumber on their soft couch of lucerne.	Гленарван, Роберт и Талькав, по примеру всего живого, спали крепчайшим сном, растянувшись на мягком ложе из люцерны.
The worn-out horses had stretched themselves full length on the ground, except Thaouka, who slept standing, true to his high blood, proud in repose as in action, and ready to start at his master's call.	Обессиленные усталостью лошади также улеглись на землю. Лишь Таука, как настоящий чистокровный конь, спала, стоя на ногах. У нее и во сне был такой же гордый вид. Чувствовалось, что она готова броситься вперед по первому зову хозяина.
Absolute silence reigned within the inclosure, over which the dying embers of the fire shed a fitful light.	В загоне царило ничем не нарушаемое спокойствие; лишь угли догоравшего костра мерцали среди безмолвного мрака.

However, the Indian's sleep did not last long; for about ten o'clock he woke, sat up, and turned his ear toward the plain, listening intently, with half-closed eyes.	Однако около десяти часов вечера индеец, проспав очень недолго, проснулся. Едва открыв глаза, он насторожился и стал к чему-то прислушиваться. Видимо, Талькав стремился уловить какой-то еле слышный звук.
An uneasy look began to depict itself on his usually impassive face.	Вскоре на его обычно спокойном лице отразилось смутное беспокойство.
Had he caught scent of some party of Indian marauders, or of jaguars, water tigers, and other terrible animals that haunt the neighborhood of rivers?	Заслышал ли он подкрадывающихся бродяг-индейцев или приближение ягуаров, рычание тигров или других опасных зверей, нередко встречающихся вблизи рек?
Apparently it was the latter, for he threw a rapid glance on the combustible materials heaped up in the inclosure, and the expression of anxiety on his countenance seemed to deepen.	Это, по-видимому, показалось ему вероятным, так как он бросил быстрый взгляд на сваленное в загоне топливо и беспокойство его еще более усилилось.
This was not surprising, as the whole pile of ALFAFARES would soon burn out and could only ward off the attacks of wild beasts for a brief interval.	В самом деле, вся сухая альфальфа должна была скоро сгореть и недолго могла служить защитой от дерзких хищников.
There was nothing to be done in the circumstances but wait; and wait he did, in a half-recumbent posture, his head leaning on his hands, and his elbows on his knees, like a man roused suddenly from his night's sleep.	Итак, Талькаву оставалось только одно: ждать событий, и он стал ожидать их полулежа, в позе человека, внезапно разбуженного какой-то надвигающейся опасностью.
A whole hour passed, and anyone except Thalcave would have lain down again on his couch, reassured by the silence round him.	Прошел час. Всякий другой на месте Талькава, успокоенный царившей кругом тишиной, снова улегся бы и заснул.
But where a stranger would have suspected nothing, the sharpened senses of the Indian detected the approach of danger.	Но там, где чужестранец ничего не заподозрил бы, индеец благодаря обостренным чувствам и природному инстинкту почуял близкую опасность.
As he was thus watching and listening, Thaouka gave a low neigh, and stretched his nostrils toward the entrance of the RAMADA.	В то время как Талькав прислушивался и приглядывался, Таука вдруг глухо заржала и, повернув голову к входу в рамаду, потянула ноздрями воздух.
This startled the Patagonian, and made him rise to his feet at once.	Патагонец быстро приподнялся.
"Thaouka scents an enemy," he said to himself, going toward the opening, to make careful survey of the plains.	- Таука почуяла опасность, - пробормотал он и, выйдя из рамады, стал внимательно осматривать равнину.
Silence still prevailed, but not tranquillity; for Thalcave caught a glimpse of shadows moving noiselessly over the tufts of CURRA-MAMMEL.	Было тихо, но неспокойно. Талькав заметил какие-то тени, бесшумно скользившие среди поросли курра-мамель.
Here and there luminous spots appeared, dying out and rekindling constantly, in all directions, like fantastic lights dancing over the surface of an immense lagoon.	Там и сям сверкали светящиеся точки. Они двигались во всех направлениях, встречались, потухали, снова загорались. Можно было подумать, что это плясали по зеркалу огромной лагуны отблески каких-то фантастических фонарей.

An inexperienced eye might have mistaken them for fireflies, which shine at night in many parts of the Pampas; but Thalcave was not deceived; he knew the enemies he had to deal with, and lost no time in loading his carbine and taking up his post in front of the fence.	Чужестранец мог бы принять эти летающие искры за светляков, часто мерцающих по ночам в пампасах, но Талькав не обманулся: патагонец понял, с каким врагом придется иметь дело. Зарядив ружье, он стал на страже у входа в загон.
He did not wait long, for a strange cry-a confused sound of barking and howling-broke over the Pampas, followed next instant by the report of the carbine, which made the uproar a hundred times worse.	Долго ждать ему не пришлось. В пампасах раздался странный крик - не то лай, не то вой. Ответом на него был выстрел из карабина, а затем послышались ужасающие завывания, казалось несшиеся из сотни глоток.
Glenarvan and Robert woke in alarm, and started to their feet instantly.	Гленарван и Роберт, внезапно разбуженные, вскочили на ноги.
"What is it?" exclaimed Robert.	- Что случилось? - крикнул Роберт.
"Is it the Indians?" asked Glenarvan.	- Индейцы? - спросил Гленарван.
"No," replied Thalcave, "the AGUARAS."	- Нет, - ответил Талькав, - гуары.
"AGUARAS?" said Robert, looking inquiringly at Glenarvan.	- Гуары? - вопросительно глядя на Гленарвана, повторил Роберт.
"Yes," replied Glenarvan, "the red wolves of the Pampas."	- Да, - ответил Гленарван, - красные волки пампасов.
They seized their weapons at once, and stationed themselves beside the Patagonian, who pointed toward the plain from whence the yelling resounded.	Схватив ружья, они присоединились к индейцу. Талькав молча указал им на равнину, откуда несся оглушительный вой.
Robert drew back involuntarily.	Роберт инстинктивно сделал шаг назад.
"You are not afraid of wolves, my boy?" said Glenarvan.	- Ты не боишься волков, мой мальчик? - спросил Гленарван.
"No, my Lord," said the lad in a firm tone, "and moreover, beside you I am afraid of nothing."	- Не боюсь, милорд, - твердо ответил мальчик. - Когда я с вами, я вообще ничего не боюсь.
"So much the better.	- Тем лучше.
These AGUARAS are not very formidable either; and if it were not for their number I should not give them a thought."	Эти гуары - не очень-то страшные звери, и не будь их так много, я бы совсем не обратил на них внимания.
"Never mind; we are all well armed; let them come."	- А если и много! - отозвался Роберт. - Мы хорошо вооружены. Пусть только сунутся к нам!..
"We'll certainly give them a warm reception," rejoined Glenarvan.	- И мы их примем как следует!
His Lordship only spoke thus to reassure the child, for a secret terror filled him at the sight of this legion of bloodthirsty animals let loose on them at midnight.	Говоря это, Гленарван хотел успокоить мальчика, но сам он в глубине души не без страха думал об этом ночном нашествии бесчисленного множества разъяренных хищников.
There might possibly be some hundreds, and what could three men do, even armed to the teeth, against such a multitude?	Быть может, там их целые сотни, и троим, хотя бы и хорошо вооруженным людям, нельзя было надеяться на успех в борьбе с таким количеством зверей.

As soon as Thalcave said the word AGUARA, Glenarvan knew that he meant the red wolf, for this is the name given to it by the Pampas Indians.	Когда патагонец произнес слово "гуар", Гленарван тотчас узнал название, данное пампасскими индейцами красному волку.
This voracious animal, called by naturalists the Canis jubatus, is in shape like a large dog, and has the head of a fox. Its fur is a reddish-cinnamon color, and there is a black mane all down the back.	Этот хищник известен у натуралистов под именем Chrysocyon brachgurus. Ростом он с большую собаку, голова его похожа на лисью, шерсть рыжевато-желтая, а по спине вдоль всего хребта идет длинная грива.
It is a strong, nimble animal, generally inhabiting marshy places, and pursuing aquatic animals by swimming, prowling about by night and sleeping during the day.	Зверь этот очень проворен и силен. Живет он обыкновенно в болотистых местах и часто преследует свою добычу даже вплавь. Ночь выгоняет красного волка из его логова, где он спит днем.
Its attacks are particularly dreaded at the ESTANCIAS, or sheep stations, as it often commits considerable ravages, carrying off the finest of the flock.	Особенно боятся его на больших фермах. Голодные гуары нападают даже на крупный скот и производят немалые опустошения.
Singly, the AGUARA is not much to be feared; but they generally go in immense packs, and one had better have to deal with a jaguar or cougar than with them.	В одиночку красный волк не страшен, но голодная стая их представляет большую опасность. Лучше даже встретиться с кугуаром или ягуаром: с ними можно, по крайней мере, сразиться один на один.
Both from the noise of the howling and the multitude of shadows leaping about, Glenarvan had a pretty good idea of the number of the wolves, and he knew they had scented a good meal of human flesh or horse flesh, and none of them would go back to their dens without a share.	Слыша разносящийся по пампасам вой и видя множество мчащихся по равнине теней, Гленарван не мог сомневаться в том, что на берегах Гуамини собралась огромная стая волков. Хищники эти почуяли верную добычу - лошадиное и человечье мясо, и каждый из них жаждал вернуться в свое логово с частью этой добычи.
It was certainly a very alarming situation to be in.	Положение было более чем тревожное.
The assailants were gradually drawing closer.	Тем временем круг волков мало-помалу суживался.
The horses displayed signs of the liveliest terror, with the exception of Thaouka, who stamped his foot, and tried to break loose and get out.	Проснувшиеся лошади были охвачены ужасом. Лишь Таука нетерпеливо била копытом землю, порываясь оборвать повод и умчаться.
His master could only calm him by keeping up a low, continuous whistle.	Хозяину удавалось успокоить ее только непрерывным свистом.
Glenarvan and Robert had posted themselves so as to defend the opening of the RAMADA.	Гленарван и Роберт стали у входа в рамаду, готовясь к обороне.
They were just going to fire into the nearest ranks of the wolves when Thalcave lowered their weapons.	Зарядив карабины, они собирались уже выстрелить по первому ряду гуаров, как вдруг Талькав молча поднял рукой вверх дула их ружей.
"What does Thalcave mean?" asked Robert.	- Чего хочет Талькав? - спросил Роберт.
"He forbids our firing."	- Он запрещает нам стрелять.
"And why?"	- Почему?

"Perhaps he thinks it is not the right time."	- Быть может, потому, что находит это несвоевременным.
But this was not the Indian's reason, and so Glenarvan saw when he lifted the powder-flask, showed him it was nearly empty.	Но не эта, а более важная причина побудила индейца так поступить. Гленарван понял его, когда Талькав, открыв и перевернув свою пороховницу, показал, что она почти совсем пуста.
"What's wrong?" asked Robert.	- Что же? - спросил Роберт.
"We must husband our ammunition," was the reply.	- Нам придется беречь заряды.
"To-day's shooting has cost us dear, and we are short of powder and shot.	Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас мало свинца и пороха.
We can't fire more than twenty times."	Мы не сделаем и двадцати выстрелов.
The boy made no reply, and Glenarvan asked him if he was frightened.	Мальчик ничего не ответил. - Ты не боишься, Роберт?
"No, my Lord," he said.	- Нет, милорд.
"That's right," returned Glenarvan.	- Хорошо, мой мальчик.
A fresh report resounded that instant. Thalcave had made short work of one assailant more audacious than the rest, and the infuriated pack had retreated to within a hundred steps of the inclosure.	В эту минуту раздался выстрел: Талькав уложил на месте одного слишком дерзкого врага. Волчья стая, надвигавшаяся тесными рядами, отступила и сбилась в кучу в ста шагах от частокола.
On a sign from the Indian Glenarvan took his place, while Thalcave went back into the inclosure and gathered up all the dried grass and ALFAFARES, and, indeed, all the combustibles he could rake together, and made a pile of them at the entrance.	Гленарван, по знаку индейца, стал на его место. А Талькав, собрав подстилки, сухую траву - словом, все, что могло гореть, навалил это у входа в загон и бросил в середину кучи пылающий уголь.
Into this he flung one of the still-glowing embers, and soon the bright flames shot up into the dark night.	Вскоре на черном фоне неба протянулась огненная завеса. Между языками пламени проглянула ярко освещенная колеблющимся заревом равнина.
Glenarvan could now get a good glimpse of his antagonists, and saw that it was impossible to exaggerate their numbers or their fury.	Тут Гленарван увидел, против какого неисчислимого количества хищников им придется бороться. Вряд ли кому-нибудь приходилось видеть такое скопище голодных волков.
The barrier of fire just raised by Thalcave had redoubled their anger, though it had cut off their approach.	Огненная завеса, созданная Талькавом, сразу остановила хищников и этим еще больше разъярила их.
Several of them, however, urged on by the hindmost ranks, pushed forward into the very flames, and burned their paws for their pains.	Но все же некоторые из них под натиском задних рядов приблизились к самому костру и обожгли себе лапы.
From time to time another shot had to be fired, notwithstanding the fire, to keep off the howling pack, and in the course of an hour fifteen dead animals lay stretched on the prairie.	Время от времени приходилось стрелять, чтобы удержать эту завывающую стаю, и через час на равнине уже валялось штук пятнадцать убитых волков.
The situation of the besieged was, relatively speaking, less dangerous now.	Теперь осажденные находились в сравнительно менее опасном положении.

As long as the powder lasted and the barrier of fire burned on, there was no fear of being overmastered.	Пока не кончился порох, пока огненная завеса пылала у входа в рамаду, нечего было опасаться вторжения волков.
But what was to be done afterward, when both means of defense failed at once?	Но что делать, когда эти средства защиты будут исчерпаны?
Glenarvan's heart swelled as he looked at Robert.	Гленарван посмотрел на Роберта, и сердце его сжалось.
He forgot himself in thinking of this poor child, as he saw him showing a courage so far above his years.	Он уже не думал о себе, а только об этом мужественном не по годам мальчике.
Robert was pale, but he kept his gun steady, and stood with firm foot ready to meet the attacks of the infuriated wolves.	Роберт был бледен, но не выпускал из рук ружья и, полный решимости, ожидал нападения разъяренных волков.
However, after Glenarvan had calmly surveyed the actual state of affairs, he determined to bring things to a crisis.	Хладнокровно обдумав положение, Гленарван понял, что надо на что-то решиться.
"In an hour's time," he said, "we shall neither have powder nor fire. It will never do to wait till then before we settle what to do."	- Через какой-нибудь час у нас не будет ни пороха, ни пуль, ни огня, - сказал он, - и, конечно, нам нужно не ждать этого, а что-нибудь делать.
Accordingly, he went up to Thalcave, and tried to talk to him by the help of the few Spanish words his memory could muster, though their conversation was often interrupted by one or the other having to fire a shot.	Он подошел к Талькаву и, припоминая все испанские слова, сохранившиеся в его памяти, начал с ним разговор, часто прерываемый выстрелами.
It was no easy task for the two men to understand each other, but, most fortunately, Glenarvan knew a great deal of the peculiarities of the red wolf; otherwise he could never have interpreted the Indian's words and gestures.	Не без труда удалось собеседникам понять друг друга. К счастью, Гленарвану были известны повадки гуаров. Без этого он не понял бы слов и жестов патагонца.
As it was, fully a quarter of an hour elapsed before he could get any answer from Thalcave to tell Robert in reply to his inquiry.	Все же прошло с четверть часа, прежде чем он начал рассказывать Роберту о содержании своего разговора с Талькавом.
"What does he say?"	- И что же он ответил? - спросил Роберт Грант.
"He says that at any price we must hold out till daybreak.	- Он сказал, что нам во что бы то ни стало надо продержаться до рассвета.
The AGUARA only prowls about at night, and goes back to his lair with the first streak of dawn.	Гуар выходит на добычу только ночью, а с зарей возвращается в свое логово.
It is a cowardly beast, that loves the darkness and dreads the light-an owl on four feet."	Это ночной хищник: он труслив и боится дневного света - своего рода сова, только четвероногая.
"Very well, let us defend ourselves, then, till morning."	- Что ж, будем защищаться до рассвета!
"Yes, my boy, and with knife-thrusts, when gun and shots fail."	- Да, мой мальчик, и защищаться ножами, когда ружья станут бесполезны.

Already Thalcave had set the example, for whenever a wolf came too near the burning pile, the long arm of the Patagonian dashed through the flames and came out again reddened with blood.	Талькав уже начал подавать этому пример: и когда какой-нибудь волк слишком приближался к пылавшему костру, патагонец, сжимая в руке нож, протягивал ее через пламя, и каждый раз клинок обагрялся кровью волка.
But very soon this means of defense would be at an end.	Между тем средства обороны были на исходе.
About two o'clock, Thalcave flung his last armful of combustibles into the fire, and barely enough powder remained to load a gun five times.	Около двух часов ночи Талькав бросил в костер последнюю охапку сухой травы; зарядов же оставалось всего на пять выстрелов.
Glenarvan threw a sorrowful glance round him.	Гленарван с грустью оглянулся вокруг.
He thought of the lad standing there, and of his companions and those left behind, whom he loved so dearly.	Он думал о мальчике, стоявшем подле него, о своих товарищах, думал обо всех, кого любил.
Robert was silent.	Роберт молчал.
Perhaps the danger seemed less imminent to his imagination.	Быть может, в его детском, доверчивом воображении опасность не казалась неминуемой.
But Glenarvan thought for him, and pictured to himself the horrible fate that seemed to await him inevitably.	Но Гленарван думал о ней за него. Ему рисовалась ужасная, неизбежная участь: быть растерзанными заживо.
Quite overcome by his emotion, he took the child in his arms, and straining him convulsively to his heart, pressed his lips on his forehead, while tears he could not restrain streamed down his cheeks.	Не владея больше собой, он привлек к себе Роберта, прижал его к груди и со слезами, которых не в силах был удержать, поцеловал его в лоб.
Robert looked up into his face with a smile, and said,	Роберт, улыбаясь, посмотрел на него.
"I am not frightened."	- Я не боюсь, - промолвил он.
"No, my child, no! and you are right. In two hours daybreak will come, and we shall be saved. Bravo, Thalcave! my brave Patagonian!	- И не надо бояться, мой мальчик, ты прав, - ответил Гленарван. - Через два часа рассветет, и мы будем спасены... Молодец, Талькав!
Bravo!" he added as the Indian that moment leveled two enormous beasts who endeavored to leap across the barrier of flames.	Молодец, мой храбрый патагонец! - крикнул он, увидев, что индеец убил ударами приклада двух огромных волков, порывавшихся перепрыгнуть через огненную преграду.
But the fire was fast dying out, and the DENOUEMENT of the terrible drama was approaching.	Но в эту минуту при угасающем свете костра Гленарван увидел стаю волков, идущую плотными рядами на приступ рамады. Развязка этой кровавой драмы приближалась.
The flames got lower and lower.	Костер мало - помалу угасал.
Once more the shadows of night fell on the prairie, and the glaring eyes of the wolves glowed like phosphorescent balls in the darkness.	Равнина, до сих пор освещенная, погружалась во мрак, и в этом мраке снова замелькали фосфоресцирующие глаза красных волков.
A few minutes longer, and the whole pack would be in the inclosure.	Еще несколько минут - и вся эта огромная стая устремится в загон.

Thalcave loaded his carbine for the last time, killed one more enormous monster, and then folded his arms.	Талькав выпустил последний заряд из своего карабина, прикончив еще одного врага. Истощив свои боевые припасы, патагонец скрестил руки на груди.
His head sank on his chest, and he appeared buried in deep thought.	Голова его склонилась. Казалось, он молча что-то обдумывал.
Was he planning some daring, impossible, mad attempt to repulse the infuriated horde?	Изыскивал ли он какой-нибудь смелый, невозможный, безрассудный способ отразить эту разъяренную стаю?
Glenarvan did not venture to ask.	Гленарван не решался задать ему вопрос.
At this very moment the wolves began to change their tactics. The deafening howls suddenly ceased: they seemed to be going away.	Тут волки вдруг изменили свой план нападения: они стали удаляться, и их оглушительный вой сразу прекратился.
Gloomy silence spread over the prairie, and made Robert exclaim: "They're gone!"	На равнине воцарилась мрачная тишина. - Они уходят, - промолвил Роберт. - Быть может, и так, - отозвался, прислушиваясь, Гленарван.
But Thalcave, guessing his meaning, shook his head.	Но Талькав, догадавшись, о чем они говорят, отрицательно покачал головой.
He knew they would never relinquish their sure prey till daybreak made them hasten back to their dens.	Патагонец знал, что хищники не уйдут от верной добычи до тех пор, пока заря не загонит их в темные логова.
Still, their plan of attack had evidently been altered. They no longer attempted to force the entrance, but their new maneuvers only heightened the danger.	Однако тактика врагов явно изменилась: они уже не пытались ворваться через вход в рамаду, а избрали новый, еще более страшный способ действий.
They had gone round the RAMADA, as by common consent, and were trying to get in on the opposite side.	Гуары, отказавшись от намерения проникнуть через вход, который так упорно отстаивался огнем и оружием, обошли рамаду и напали на нее с противоположной стороны.
The next minute they heard their claws attacking the moldering wood, and already formidable paws and hungry, savage jaws had found their way through the palings.	Вскоре осажденные услышали, как когти хищников раздирают полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями уже просовывались сильные лапы, окровавленные морды.
The terrified horses broke loose from their halters and ran about the inclosure, mad with fear.	Перепуганные лошади, сорвавшись с привязи, метались, обезумев от ужаса, по загону.
Glenarvan put his arms round the young lad, and resolved to defend him as long as his life held out.	Гленарван схватил мальчика и прижал к себе, решив защищать его до последней возможности.
Possibly he might have made a useless attempt at flight when his eye fell on Thalcave.	Быть может, у него мелькнула безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством, но в этот миг взгляд его упал на индейца.
The Indian had been stalking about the RAMADA like a stag, when he suddenly stopped short, and going up to his horse, who was trembling with impatience, began to saddle him with the most scrupulous care, without forgetting a single strap or buckle.	Талькав, только что быстро ходивший по загону, как дикий зверь в клетке, вдруг подошел к своей дрожавшей от нетерпения лошади и принялся тщательно седлать ее, не забывая ни одного ремешка, ни одной пряжки.

He seemed no longer to disturb himself in the least about the wolves outside, though their yells had redoubled in intensity.	Казалось, возобновившийся с удвоенной силой вой хищников совершенно перестал его беспокоить.
A dark suspicion crossed Glenarvan's mind as he watched him.	Гленарван смотрел на патагонца с ужасом.
"He is going to desert us," he exclaimed at last, as he saw him seize the reins, as if preparing to mount.	- Он бросает нас на произвол судьбы! - воскликнул он, видя, что Талькав готов прыгнуть в седло.
"He! never!" replied Robert.	- Талькав? Никогда! - сказал Роберт.
Instead of deserting them, the truth was that the Indian was going to try and save his friends by sacrificing himself. Thaouka was ready, and stood champing his bit. He reared up, and his splendid eyes flashed fire; he understood his master. But just as the Patagonian caught hold of the horse's mane, Glenarvan seized his arm with a convulsive grip, and said, pointing to the open prairie. "You are going away?" "Yes," replied the Indian, understanding his gesture. Then he said a few words in Spanish, which meant: "Thaouka; good horse; quick; will draw all the wolves away after him." "Oh, Thalcave," exclaimed Glenarvan. "Quick, quick!" replied the Indian, while Glenarvan said, in a broken, agitated voice to Robert: "Robert, my child, do you hear him? He wants to sacrifice himself for us. He wants to rush away over the Pampas, and turn off the wolves from us by attracting them to himself." "Friend Thalcave," returned Robert, throwing himself at the feet of the Patagonian, "friend Thalcave, don't leave us!" "No," said Glenarvan, "he shall not leave us." And turning toward the Indian, he said, pointing to the frightened horses, "Let us go together." "No," replied Thalcave, catching his meaning. "Bad beasts; frightened; Thaouka, good horse." "Be it so then!" returned Glenarvan. "Thalcave will not leave you, Robert. He teaches me what I must do. It is for me to go, and for him to stay by you." Then seizing Thaouka's bridle, he said, "I am going, Thalcave, not you." "No," replied the Patagonian quietly.	И действительно, индеец собирался не бросить друзей, а спасти их.
"I am," exclaimed Glenarvan, snatching the bridle out of his hands. "I, myself! Save this boy, Thalcave!	- Говорю тебе, что я поеду! - крикнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. - А ты спасай мальчика!
I commit him to you."	Доверяю тебе его, Талькав!
Glenarvan was so excited that he mixed up English words with his Spanish.	Гленарван в возбуждении перемешивал испанские слова с английскими.
But what mattered the language at such a terrible moment.	Но что значит язык!
A gesture was enough. The two men understood each other.	В такие грозные мгновения все выражают жесты и люди сразу понимают друг друга.

However, Thalcave would not give in, and though every instant's delay but increased the danger, the discussion continued.	Но Талькав настаивал на своем, спор затягивался, а опасность с секунды на секунду все возрастала. Изгрызенные колья уже начинали поддаваться натиску волков.
Neither Glenarvan nor Thalcave appeared inclined to yield.	Ни Гленарван, ни Талькав не хотели уступать друг другу.
The Indian had dragged his companion towards the entrance of the RAMADA, and showed him the prairie, making him understand that now was the time when it was clear from the wolves; but that not a moment was to be lost, for should this maneuver not succeed, it would only render the situation of those left behind more desperate, and that he knew his horse well enough to be able to trust his wonderful lightness and swiftness to save them all.	Индеец увлек Гленарвана к входу в загон; он показывал ему на освобожденную от волков равнину. Своей страстной речью он стремился заставить понять Гленарвана, что нельзя терять ни секунды, что в случае неудачи в наибольшей опасности окажутся оставшиеся; наконец, что он один достаточно знает Тауку, чтобы использовать для общего спасения изумительное проворство и быстроту ее бега.
But Glenarvan was blind and obstinate, and determined to sacrifice himself at all hazards, when suddenly he felt himself violently pushed back.	Но Гленарван в ослеплении упорствовал: он во что бы то ни стало хотел пожертвовать собой. Вдруг его отбросил в сторону сильный толчок.
Thaouka pranced up, and reared himself bolt upright on his hind legs, and made a bound over the barrier of fire, while a clear, young voice called out:	Таука поднялась на дыбы и, рванувшись вперед, перелетела через огненную преграду и лежавшие за ней трупы волков. В ту же минуту донесся детский голос:
"God save you, my lord."	- Да спасет вас бог, милорд!
But before either Thalcave or Glenarvan could get more than a glimpse of the boy, holding on fast by Thaouka's mane, he was out of sight.	И перед глазами Гленарвана и Талькава промелькнула фигурка Роберта, вцепившегося в гриву Тауки, - промелькнула и исчезла во мраке.
"Robert! oh you unfortunate boy," cried Glenarvan.	- Роберт! Несчастный! - крикнул Гленарван.
But even Thalcave did not catch the words, for his voice was drowned in the frightful uproar made by the wolves, who had dashed off at a tremendous speed on the track of the horse.	Но этого крика не расслышал даже индеец: раздался ужасающий вой. Волки, бросившись за лошадью, с невероятной быстротой помчались на запад.
Thalcave and Glenarvan rushed out of the RAMADA.	Талькав и Гленарван выбежали из рамады.
Already the plain had recovered its tranquillity, and all that could be seen of the red wolves was a moving line far away in the distant darkness.	На равнине уже снова водворилась тишина; лишь вдали среди ночного мрака ускользала смутная волнообразная линия.
Glenarvan sank prostrate on the ground, and clasped his hands despairingly.	Подавленный, ломая в отчаянии руки, Гленарван упал на землю.
He looked at Thalcave, who smiled with his accustomed calmness, and said:	Он поднял глаза на Талькава. Тот улыбался со свойственным ему спокойствием.
"Thaouka, good horse.	- Таука - хорошая лошадь!
Brave boy.	Храбрый мальчик!
He will save himself!"	Спасется... - повторял патагонец, подкрепляя слова кивками головы.
"And suppose he falls?" said Glenarvan.	- А если он упадет? - сказал Гленарван.
"He'll not fall."	- Не упадет!

But notwithstanding Thalcave's assurances, poor Glenarvan spent the rest of the night in torturing anxiety.	Несмотря на эту уверенность Талькава, несчастный Гленарван провел ночь в страшной тревоге.
He seemed quite insensible now to the danger they had escaped through the departure of the wolves, and would have hastened immediately after Robert if the Indian had not kept him back by making him understand the impossibility of their horses overtaking Thaouka; and also that boy and horse had outdistanced the wolves long since, and that it would be useless going to look for them till daylight.	Он даже не думал о том, что с исчезновением стаи волков для него исчезла и опасность. Он хотел скакать на поиски Роберта. Индеец не пустил его и дал ему понять, что с их лошадьми догнать Роберта немыслимо, что Таука, конечно, опередила своих врагов и найти ее в темноте невозможно. Словом, по его убеждению, надо было ждать рассвета и только тогда начинать поиски Роберта.
At four o'clock morning began to dawn.	В четыре часа утра стала заниматься заря.
A pale glimmer appeared in the horizon, and pearly drops of dew lay thick on the plain and on the tall grass, already stirred by the breath of day.	Сгустившийся у горизонта туман вскоре окрасился бледным золотом. Прозрачная роса пала на равнину, и утренний ветерок закачал высокие травы.
The time for starting had arrived.	Пришло время отправляться.
"Now!" cried Thalcave, "come."	- Поедем! - сказал индеец.
Glenarvan made no reply, but took Robert's horse and sprung into the saddle.	Гленарван молча вскочил на лошадь Роберта.
Next minute both men were galloping at full speed toward the west, in the line in which their companions ought to be advancing.	Вскоре оба всадника неслись галопом прямо на запад, навстречу второму отряду.
They dashed along at a prodigious rate for a full hour, dreading every minute to come across the mangled corpse of Robert.	Целый час они бешено мчались, ища глазами Роберта и все боясь увидеть его окровавленный труп.
Glenarvan had torn the flanks of his horse with his spurs in his mad haste, when at last gun-shots were heard in the distance at regular intervals, as if fired as a signal.	Гленарван немилосердно всаживал шпоры в бока своей лошади. Вдруг послышались ружейные выстрелы, раздававшиеся через определенные промежутки времени, как будто кто-то подавал сигналы.
"There they are!" exclaimed Glenarvan; and both he and the Indian urged on their steeds to a still quicker pace, till in a few minutes more they came up to the little detachment conducted by Paganel.	- Это они! - воскликнул Гленарван. Оба всадника еще быстрее погнали своих лошадей. Несколько минут спустя они соединились с отрядом Паганеля.
A cry broke from Glenarvan's lips, for Robert was there, alive and well, still mounted on the superb Thaouka, who neighed loudly with delight at the sight of his master.	У Гленарвана вырвался крик: Роберт был здесь, живой и невредимый, верхом на великолепной Тауке! Лошадь радостно заржала, завидев своего хозяина.
"Oh, my child, my child!" cried Glenarvan, with indescribable tenderness in his tone.	- Ах, мальчик мой, мальчик! - с невыразимой нежностью воскликнул Гленарван.
Both he and Robert leaped to the ground, and flung themselves into each other's arms.	И они с Робертом, соскочив с лошадей, бросились на шею друг другу.
Then the Indian hugged the brave boy in his arms.	Затем наступила очередь индейца прижать к груди мужественного сына капитана Гранта.

"He is alive, he is alive," repeated Glenarvan again and again.	- Он жив! Он жив! - восклицал Гленарван.
"Yes," replied Robert; "and thanks to Thaouka."	- Да, - ответил Роберт, - благодаря Тауке!
This great recognition of his favorite's services was wholly unexpected by the Indian, who was talking to him that minute, caressing and speaking to him, as if human blood flowed in the veins of the proud creature.	Но еще до того, как индеец услышал эти полные признательности слова, он стал благодарить своего коня: говорил с ним, целовал его, словно в жилах этого благородного животного текла человеческая кровь.
Then turning to Paganel, he pointed to Robert, and said,	Затем Талькав повернулся к Паганелю.
"A brave!" and employing the Indian metaphor, he added, "his spurs did not tremble!"	- Храбрец! - сказал он, указывая на Роберта. И, пользуясь индейской метафорой для выражения отваги, добавил: - Шпоры его не дрогнули.
But Glenarvan put his arms round the boy and said, "Why wouldn't you let me or Thalcave run the risk of this last chance of deliverance, my son?"	- Скажи, дитя мое, почему ты не дал ни мне, ни Талькаву сделать эту последнюю попытку спасти тебя? - спросил Гленарван, обнимая Роберта.
"My lord," replied the boy in tones of gratitude, "wasn't it my place to do it?	- Милорд, - ответил мальчик, и в голосе его звучала горячая благодарность, - разве я не должен был пожертвовать собой?
Thalcave has saved my life already, and you-you are going to save my father."	Талькав уже спас мне жизнь, а вы спасете жизнь моего отца!
CHAPTER XX STRANGE SIGNS	Глава XX АРГЕНТИНСКИЕ РАВНИНЫ
AFTER the first joy of the meeting was over, Paganel and his party, except perhaps the Major, were only conscious of one feeling-they were dying of thirst.	Как ни радостна была встреча, но после первых же излияний Паганель, Остин, Вильсон, Мюльреди - все, кто оставались позади, за исключением, быть может, одного майора Мак-Наббса, почувствовали, что умирают от жажды.
Most fortunately for them, the Guamini ran not far off, and about seven in the morning the little troop reached the inclosure on its banks.	К счастью, Гуамини протекала невдалеке, и путешественники немедленно двинулись дальше.
The precincts were strewed with the dead wolves, and judging from their numbers, it was evident how violent the attack must have been, and how desperate the resistance.	В семь часов утра маленький отряд достиг загона. Нагроможденные у входа волчьи трупы красноречиво говорили о том, как яростно нападал враг и с какой энергией оборонялись осажденные.
As soon as the travelers had drunk their fill, they began to demolish the breakfast prepared in the RAMADA, and did ample justice to the extraordinary viands.	Путешественники с лихвой утолили жажду, а потом им предложили в ограде загона роскошный завтрак.
The NANDOU fillets were pronounced first-rate, and the armadillo was delicious.	Филе нанду было признано великолепным, а броненосец, зажаренный в собственном панцире, - восхитительным блюдом.
"To eat moderately," said Paganel, "would be positive ingratitude to Providence. We must eat immoderately."	- Есть такие вкусные вещи в умеренном количестве было бы неблагодарностью по отношению к провидению, - заявил Паганель. - Долой умеренность!

And so they did, but were none the worse for it. The water of the Guamini greatly aided digestion apparently.	И географ действительно объелся, отбросив всякую умеренность, но его здоровье не потерпело от этого никакого ущерба благодаря воде Гуамини: по мнению ученого, она способствовала пищеварению.
Glenarvan, however, was not going to imitate Hannibal at Capua, and at ten o'clock next morning gave the signal for starting.	В десять часов утра Гленарван, не желая повторять ошибку Ганнибала, чрезмерно задержавшегося в Капуе, подал сигнал к отправлению.
The leathern bottles were filled with water, and the day's march commenced.	Бурдюки были наполнены водой, и отряд пустился в путь.
The horses were so well rested that they were quite fresh again, and kept up a canter almost constantly.	Освеженные и сытые лошади охотно мчались вперед легким галопом.
The country was not so parched up now, and consequently less sterile, but still a desert.	Земля становилась более влажной, а потому и более плодородной, но оставалась такой же пустынной.
No incident occurred of any importance during the 2d and 3d of November, and in the evening they reached the boundary of the Pampas, and camped for the night on the frontiers of the province of Buenos Ayres.	2 и 3 ноября прошли без всяких приключений, и вечером второго дня путешественники, уже привыкшие к длинным переходам, сделали привал на границе между пампасами и провинцией Буэнос-Айрес. Отряд покинул бухту Талькауано 14 октября.
Two-thirds of their journey was now accomplished. It was twenty-two days since they left the Bay of Talcahuano, and they had gone 450 miles.	Значит, он совершил в двадцать два дня переход в четыреста пятьдесят миль; иными словами, преодолел уже две трети пути.
Next morning they crossed the conventional line which separates the Argentine plains from the region of the Pampas.	На следующее утро путешественники перешли условную границу, отделявшую аргентинские равнины от пампасов.
It was here that Thalcave hoped to meet the Caciques, in whose hands, he had no doubt, Harry Grant and his men were prisoners.	Здесь Талькав надеялся встретить тех касиков, в руках которых, как он думал, находятся Гарри Грант и два его товарища по плену. Из четырнадцати провинций, составляющих аргентинскую республику, провинция Буэнос-Айрес самая обширная и самая населенная. На юге, между 64° и 65°, она граничит с индейской территорией. Почва этой провинции удивительно плодородна, а климат необыкновенно здоровый. Это простирающаяся до подножия гор Сьерра-дель-Тандиль и Сьерра-Тапальке почти идеально гладкая равнина, покрытая злаками и бобовыми растениями.
From the time of leaving the Guamini, there was marked change in the temperature, to the great relief of the travelers.	Покинув берега Гуамини, путешественники, к своему немалому удовольствию, заметили, что температура становится все умереннее: в среднем было не более семнадцати градусов по Цельсию.
It was much cooler, thanks to the violent and cold winds from Patagonia, which constantly agitate the atmospheric waves.	Причиной этого понижения температуры были постоянные холодные ветры из Патагонии.

Horses and men were glad enough of this, after what they had suffered from the heat and drought, and they felt animated with fresh ardor and confidence.	И животные и люди, столько претерпевшие от засухи и зноя, теперь не имели ни малейшего повода жаловаться. Путешественники ехали бодро и уверенно.
But contrary to what Thalcave had said, the whole district appeared uninhabited, or rather abandoned.	Но, вопреки ожиданиям Талькава, край казался совершенно необитаемым или, вернее сказать, обезлюдевшим.
Their route often led past or went right through small lagoons, sometimes of fresh water, sometimes of brackish.	Путь к востоку вдоль тридцать седьмой параллели, по которому двигался отряд, часто проходил мимо небольших озер то с пресной, то с солоноватой водой или пересекал эти озера.
On the banks and bushes about these, king-wrens were hopping about and larks singing joyously in concert with the tangaras, the rivals in color of the brilliant humming birds.	У воды порхали под сенью кустов проворные корольки и пели веселые жаворонки; тут же мелькали танагры - соперники колибри по разноцветному блестящему оперению. Все эти красивые птицы весело хлопали крыльями, не обращая внимания на скворцов с их красными погонами и красной грудью, расхаживавших по краю берега, точно солдаты на военном параде.
On the thorny bushes the nests of the ANNUBIS swung to and fro in the breeze like an Indian hammock; and on the shore magnificent flamingos stalked in regular order like soldiers marching, and spread out their flaming red wings.	На колючих кустах раскачивались, как креольский гамак, подвижные гнезда птиц, носящих название "аннубис"; по берегам озер, распуская по ветру огнецветные крылья, бродили целыми стаями великолепные фламинго.
Their nests were seen in groups of thousands, forming a complete town, about a foot high, and resembling a truncated cone in shape.	Здесь же виднелись их гнезда, тысячами расположенные близко друг от друга, имевшие форму усеченного конуса примерно в фут вышиной и образовывавшие целые колонии.
The flamingos did not disturb themselves in the least at the approach of the travelers, but this did not suit Paganel.	Приближение всадников не очень встревожило фламинго, и это не понравилось ученому Паганелю.
"I have been very desirous a long time," he said to the Major, "to see a flamingo flying."	- Мне давно хотелось увидеть, как летают фламинго, - сказал он майору.
"All right," replied McNabbs.	- Вот и прекрасно! - отозвался майор.
"Now while I have the opportunity, I should like to make the most of it," continued Paganel.	- И конечно, раз представляется случай, я им воспользуюсь.
"Very well; do it, Paganel."	- Разумеется, Паганель!
"Come with me, then, Major, and you too Robert.	- Тогда и вы со мной, майор, и ты, Роберт, тоже.
I want witnesses."	Мне нужны свидетели.
And all three went off towards the flamingos, leaving the others to go on in advance.	И Паганель, пропустив остальных, направился в сопровождении майора и Роберта к стае фламинго.
As soon as they were near enough, Paganel fired, only loading his gun, however, with powder, for he would not shed even the blood of a bird uselessly. The shot made the whole assemblage fly away en masse, while Paganel watched them attentively through his spectacles.	Приблизившись к ним на расстояние выстрела, географ выпалил из ружья холостым зарядом - он был не способен пролить напрасно даже и птичью кровь, - и вот фламинго, словно по сигналу, разом поднялись и улетели. Паганель внимательно следил за ними через очки.

"Well, did you see them fly?" he asked the Major.	- Ну что, вы видели, как они летают? - спросил он майора, когда стая исчезла из виду.
"Certainly I did," was the reply. "I could not help seeing them, unless I had been blind."	- Конечно, видел, - ответил Мак-Наббс. - Только слепой не увидел бы этого.
"Well and did you think they resembled feathered arrows when they were flying?"	- Скажите, похож ли летящий фламинго на оперенную стрелу?
"Not in the least."	- Ничуть не похож.
"Not a bit," added Robert.	- Ни малейшего сходства, - прибавил Роберт.
"I was sure of it," said the geographer, with a satisfied air; "and yet the very proudest of modest men, my illustrious countryman, Chateaubriand, made the inaccurate comparison.	- Я был в этом уверен, - с довольным видом заявил ученый. - А вот представьте, что мой знаменитый соотечественник Шатобриан допустил это неточное сравнение фламинго со стрелой.
Oh, Robert, comparison is the most dangerous figure in rhetoric that I know.	Запомни, Роберт: сравнение - самая рискованная из известных мне риторических фигур.
Mind you avoid it all your life, and only employ it in a last extremity."	Бойся сравнений и прибегай к ним лишь в самых крайних случаях.
"Are you satisfied with your experiment?" asked McNabbs.	- Итак, вы довольны вашим экспериментом? - спросил майор.
"Delighted."	- Чрезвычайно.
"And so am I.	- И я тоже.
But we had better push on now, for your illustrious Chateaubriand has put us more than a mile behind."	Но теперь давайте поторопим лошадей: по милости вашего знаменитого Шатобриана мы отстали на целую милю.
On rejoining their companions, they found Glenarvan busily engaged in conversation with the Indian, though apparently unable to make him understand.	Подъезжая к своим спутникам, Паганель увидел, что Гленарван ведет какой-то оживленный разговор с индейцем, видимо плохо понимая его.
Thalcave's gaze was fixed intently on the horizon, and his face wore a puzzled expression.	Талькав то и дело останавливался, внимательно всматривался в горизонт, и каждый раз на его лице отражалось сильное удивление. Гленарван, не видя подле себя своего обычного переводчика, пытался сам расспросить индейца, но эта попытка оказалась безуспешной.
The moment Paganel came in sight, Glenarvan called out:	Заметив приближавшегося ученого, Гленарван еще издали крикнул ему:
"Come along, friend Paganel. Thalcave and I can't understand each other at all."	- Скорей сюда, друг Паганель, а то мы с Талькавом никак не можем понять друг друга!
After a few minute's talk with the Patagonian, the interpreter turned to Glenarvan and said:	Побеседовав несколько минут с патагонцем, Паганель обернулся к Гленарвану.

"Thalcave is quite astonished at the fact, and certainly it is very strange that there are no Indians, nor even traces of any to be seen in these plains, for they are generally thick with companies of them, either driving along cattle stolen from the ESTANCIAS, or going to the Andes to sell their zorillo cloths and plaited leather whips."	- Талькава, - сказал он, - удивляет один факт, и в самом деле очень странный. - Какой? - Дело в том, что нигде кругом не видно ни индейцев, ни даже следов их, а между тем их отряды обычно пересекают эти равнины во всех направлениях: то они гонят скот, то пробираются к Андам - продавать там свои самодельные ковры и бичи, сплетенные из кожи.
"And what does Thalcave think is the reason?"	- А чем Талькав объясняет исчезновение индейцев?
"He does not know; he is amazed and that's all."	- Он сам не находит объяснения, а только удивляется.
"But what description of Indians did he reckon on meeting in this part of the Pampas?"	- Каких ' же индейцев рассчитывал он встретить в этой части пампасов?
"Just the very ones who had the foreign prisoners in their hands, the natives under the rule of the Caciques Calfoucoura, Catriel, or Yanchetruz."	- Именно тех, в чьих руках были пленники-чужестранцы: подданных касиков Кальфукура, Катриеля или Янчетруца.
"Who are these Caciques?"	- Кто это такие?
"Chiefs that were all powerful thirty years ago, before they were driven beyond the sierras.	- Это вожди племен. Они были всемогущи до того, как их лет тридцать назад оттеснили за горы.
Since then they have been reduced to subjection as much as Indians can be, and they scour the plains of the Pampas and the province of Buenos Ayres.	Теперь они смирились - насколько, впрочем, может смириться индеец - и теперь кочуют по пампасам и по провинции Буэнос-Айрес.
I quite share Thalcave's surprise at not discovering any traces of them in regions which they usually infest as SALTEADORES, or bandits."	И признаться, я удивлен не меньше Талькава тем, что нам не встречаются следы индейцев в этих местах.
"And what must we do then?"	- Но что же, в таком случае, нам делать? - спросил Гленарван.
"I'll go and ask him," replied Paganel.	- Сейчас узнаю, - ответил Паганель.
After a brief colloquy he returned and said:	Снова поговорив несколько минут с Талькавом, он сказал:
"This is his advice, and very sensible it is, I think.	- Совет патагонца мне кажется очень разумным.
He says we had better continue our route to the east as far as Fort Independence, and if we don't get news of Captain Grant there we shall hear, at any rate, what has become of the Indians of the Argentine plains."	По его мнению, нам следует продолжать путь на восток до форта Независимый, и если даже мы не получим там сведений о капитане Гранте, то, во всяком случае, узнаем, куда девались индейцы аргентинской равнины.
"Is Fort Independence far away?" asked Glenarvan.	- А далеко до этого форта? - поинтересовался Гленарван.
"No, it is in the Sierra Tandil, a distance of about sixty miles."	- Нет, он находится в Сьерра-дель-Тандиль, милях в шестидесяти.
"And when shall we arrive?"	- Когда же мы будем там?
"The day after to-morrow, in the evening."	- Послезавтра к вечеру.
Glenarvan was considerably disconcerted by this circumstance.	Гленарван был порядком озадачен.

Not to find an Indian where in general there were only too many, was so unusual that there must be some grave cause for it; but worse still if Harry Grant were a prisoner in the hands of any of those tribes, had he been dragged away with them to the north or south?	Казалось, меньше всего можно было ожидать, что в пампасах не встретятся индейцы. Обычно их там даже слишком много. Должно было произойти что-то исключительное, чтобы они ушли. Но если Гарри Грант действительно пленник одного из этих племен, важно было узнать, куда же увели его индейцы: на север или на юг?
Glenarvan felt that, cost what it might, they must not lose his track, and therefore decided to follow the advice of Thalcave, and go to the village of Tandil.	Эти сомнения не переставали тревожить Гленарвана. Нужно было во что бы то ни стало не утерять следов капитана, и потому разумней всего казалось последовать совету Талькава - добираться до селения Тандиль.
They would find some one there to speak to, at all events.	Там, по крайней мере, можно будет с кем-нибудь поговорить.
About four o'clock in the evening a hill, which seemed a mountain in so flat a country, was sighted in the distance.	Около четырех часов пополудни на горизонте появился холм, который в такой плоской местности мог быть назван и горой.
This was Sierra Tapalquem, at the foot of which the travelers camped that night.	Это была Сьерра-Тапальке. Достигнув ее подножия, путники расположились лагерем на ночь.
The passage in the morning over this sierra, was accomplished without the slightest difficulty; after having crossed the Cordillera of the Andes, it was easy work to ascend the gentle heights of such a sierra as this.	На следующий день они без труда перебрались через эту гору по отлогим песчаным склонам. Такой переход людям, перевалившим через Кордильеры, показался легким.
The horses scarcely slackened their speed.	Лошадям почти не пришлось замедлять ход.
At noon they passed the deserted fort of Tapalquem, the first of the chain of forts which defend the southern frontiers from Indian marauders.	В полдень всадники миновали заброшенный форт Тапальке. Но, ко все возраставшему изумлению Талькава, индейцев и здесь не оказалось.
But to the increasing surprise of Thalcave, they did not come across even the shadow of an Indian.	Однако вскоре вдали появились три всадника, хорошо вооруженные, на прекрасных конях.
About the middle of the day, however, three flying horsemen, well mounted and well armed came in sight, gazed at them for an instant, and then sped away with inconceivable rapidity.	Они некоторое время наблюдали за маленьким отрядом, а затем, не дав возможности приблизиться к ним, проворно умчались.
Glenarvan was furious.	Гленарван был раздосадован.
"Gauchos," said the Patagonian, designating them by the name which had caused such a fiery discussion between the Major and Paganel.	- Гаучо, - пояснил патагонец, давая этим туземцам то название, которое вызвало в свое время такой горячий спор между майором и Паганелем.
"Ah! the Gauchos," replied McNabbs. "Well, Paganel, the north wind is not blowing to-day.	- А! Гаучо! - воскликнул Мак-Наббс. - Сегодня, кажется, нет северного ветра.
What do you think of those fellows yonder?"	Что вы теперь о них думаете, Паганель?
"I think they look like regular bandits."	- Думаю, что у них самый бандитский вид, - ответил Паганель.
"And how far is it from looking to being, my good geographer?"	- А от вида до сущности, мой любезный ученый?..

"Only just a step, my dear Major."	- Только один шаг, дорогой майор.
Paganel's admission was received with a general laugh, which did not in the least disconcert him.	Признание Паганеля рассмешило всех, но он не обиделся.
He went on talking about the Indians however, and made this curious observation: "I have read somewhere," he said, "that about the Arabs there is a peculiar expression of ferocity in the mouth, while the eyes have a kindly look. Now, in these American savages it is quite the reverse, for the eye has a particularly villainous aspect." No physiognomist by profession could have better characterized the Indian race. But desolate as the country appeared, Thalcave was on his guard against surprises, and gave orders to his party to form themselves in a close platoon.	Между тем путешественники, по совету Талькава, ехали, держась близко друг от друга: как бы ни был пустынен этот край, все же следовало остерегаться неожиданного нападения.
It was a useless precaution, however; for that same evening, they camped for the night in an immense TOLDERIA, which they not only found perfectly empty, but which the Patagonian declared, after he had examined it all round, must have been uninhabited for a long time.	Однако эти меры предосторожности оказались излишними, и в тот же вечер отряд расположился на ночлег в пустой, обширной тольдерии, где касик Катриель имел обыкновение собирать предводимые им отряды туземцев. Патагонец обследовал землю кругом, и, так как нигде не было заметно свежих следов, он пришел к заключению, что тольдерия эта уже давно пустует.

Next day, the first ESTANCIAS of the Sierra Tandil came in sight. The ESTANCIAS are large cattle stations for breeding cattle; but Thalcave resolved not to stop at any of them, but to go straight on to Fort Independence. They passed several farms fortified by battlements and surrounded by a deep moat, the principal building being encircled by a terrace, from which the inhabitants could fire down on the marauders in the plain.	На следующий день Гленарван и его спутники снова очутились на равнине. Показались первые из расположенных близ Сьерра-дель-Тандиль ферм. Но Талькав решил не делать здесь привала, а двигаться прямо к форту Независимый, где он рассчитывал получить нужные сведения, в первую очередь - о причинах этого странного обезлюдения края. Снова появились деревья, так редко встречавшиеся за Кордильерами. Большинство их было посажено после заселения американской территории европейцами. Здесь росли персиковые деревья, тополя, ивы, акации; они росли без ухода, быстро и хорошо. Больше всего этих деревьев было вокруг коралей - обширных загонов для скота, обнесенных частоколом. Там паслись целыми тысячами быки, бараны, коровы и лошади, на которых было выжжено раскаленным железом тавро их хозяина. Множество крупных бдительных собак сторожило их. Солоноватая почва у подошвы гор дает стадам превосходный корм. Поэтому такую почву и выбирают обычно ДЛЯ устройства ферм. Во главе этих скотоводческих хозяйств стоят управляющий и его помощник, имеющие в своем распоряжении пеонов, по четыре человека на каждую тысячу голов скота. Эти люди ведут жизнь библейских пастырей. Их стада так же, если не более, многочисленны, как стада, заполнявшие равнины Месопотамии, но им не хватает мирных семей, и скотоводы пампасов больше похожи на мясников, чем на библейских патриархов. Паганель обратил внимание своих спутников на одно любопытное явление, свойственное этим плоским равнинам: на миражи. Так, фермы издали напоминали большие острова, а растущие вокруг них тополя и ивы, казалось, отражались в прозрачных водах, отступавших по мере приближения путешественников. Иллюзия была настолько полной, что путники все снова и снова поддавались обману. 6 ноября отряд проехал мимо нескольких ферм, а также одной-двух боен "саладеро". Здесь режут скот, откормленный на сочных пастбищах. Саладеро - одновременно и солильня, как показывает название: место, где не только убивают скот, но и солят его мясо. Эта неприятная работа начинается в конце весны. "Саладерос", бойцы, приходят за животными в кораль; они ловят их с помощью лассо, которым владеют с большой ловкостью, и отводят в саладеро. Здесь всех этих быков, волов, коров, овец забивают сотнями; с них сдирают шкуру и разделывают их туши. Но часто быки не даются без сопротивления. Тогда саладерос превращаются в тореадоров. И они выполняют эту опасную работу с редкой ловкостью и столь же редкой жестокостью. В общем, эта резня представляет собой ужасное

	зрелище. Ничего не может быть отвратительнее саладеро. Из этих страшных, зловонных загонов слышатся свирепые крики бойцов, зловещий лай собак, протяжный вой издыхающих животных. Сюда же тысячами слетаются крупные аргентинские грифы. Но сейчас в саладеро царили тишина и покой - они были пусты. Час грандиозной резни еще не наступил. Талькав торопил отряд. Он хотел еще в тот же вечер попасть в форт Независимый. Лошади, подгоняемые седоками и увлеченные примером Тауки, мчались среди высоких злаков. Навстречу всадникам попадались фермы, окруженные зубчатыми стенами и защищенные глубокими рвами. На кровле главного дома была терраса, с которой обитатели, всегда готовые к бою, могли отстреливаться от нападения с равнины.
Glenarvan might, perhaps, have got some information at these houses, but it was the surest plan to go straight on to the village of Tandil.	Гленарвану, быть может, и удалось бы получить на этих фермах сведения, которых он добивался, но вернее было добираться до селения Тандиль.
Accordingly they went on without stopping, fording the RIO of Los Huasos and also the Chapaleofu, a few miles further on.	Поэтому всадники нигде не останавливались. Через две речки - Уэсос и несколькими милями дальше Напалеофу - переправились вброд.
Soon they were treading the grassy slopes of the first ridges of the Sierra Tandil, and an hour afterward the village appeared in the depths of a narrow gorge, and above it towered the lofty battlements of Fort Independence.	Вскоре лошади скакали по зеленым склонам первых уступов Сьерра-дель-Тандиль, и через час в глубине узкого ущелья показалось селение, над которым возвышались зубчатые стены форта Независимый.
CHAPTER XXI A FALSE TRAIL	Глава XXI ФОРТ НЕЗАВИСИМЫЙ
THE Sierra Tandil rises a thousand feet above the level of the sea.	Сьерра-дель-Тандиль возвышается над уровнем моря на тысячу футов.
It is a primordial chain-that is to say, anterior to all organic and metamorphic creation.	Она возникла в древности, еще до появления на Земле всякой органической жизни, и постепенно изменялась под действием вулканических сил.
It is formed of a semi-circular ridge of gneiss hills, covered with fine short grass.	Эта горная цепь представляет собой полукруглый ряд гнейсовых холмов, поросших травой.

The district of Tandil, to which it has given its name, includes all the south of the Province of Buenos Ayres, and terminates in a river which conveys north all the RIOS that take their rise on its slopes. After making a short ascent up the sierra, they reached the postern gate, so carelessly guarded by an Argentine sentinel, that they passed through without difficulty, a circumstance which betokened extreme negligence or extreme security.	Округ Тандиль, носящий имя горной цепи, занимает всю южную часть провинции Буэнос-Айрес. На севере границей округа являются склоны гор, на которых берут свое начало текущие на север реки. В округе Тандиль около четырех тысяч жителей. Административный центр его - селение Тандиль - расположен у подошвы северных склонов гор, под защитой форта Независимый. Протекающая здесь речка Напалеофу придает селению довольно живописный вид. У этого поселка есть одна особенность, о которой не мог не знать Паганель: он был населен французскими басками и итальянцами. Действительно, французы первые основали свои колонии по нижнему течению Ла-Платы. В 1828 году для обороны новой колонии от частых нападений индейцев, защищавших свои владения, французом Паршаппом был выстроен форт Независимый. В этом деле ему помогал французский ученый Альсид д'Орбиньи, который превосходно изучил и описал эту часть Южной Америки. Селение Тандиль - довольно крупный пункт. Отсюда "галерас" - большие, запряженные быками телеги, очень удобные для передвижения по дорогам равнины, - добираются до Буэнос - Айреса в двенадцать дней, поэтому население поддерживает с этим городом довольно оживленную торговлю. Жители Тандиля возят туда скот со своих ферм, соленое мясо со своих боен и очень любопытные изделия индейцев: бумажные и шерстяные ткани, предметы из плетеной кожи весьма тонкой работы и тому подобное. В Тандиле есть не только благоустроенные дома, но даже несколько школ и церквей, где преподают основы светских и духовных знаний. Рассказав обо всем этом, Паганель прибавил, что в Тандиле, несомненно, можно будет что-нибудь разузнать у местных жителей; к тому же в форте всегда стоит отряд национальных войск. Гленарван распорядился поставить лошадей на конюшне довольно приличного на вид постоялого двора, а затем сам он, Паганель, майор и Роберт в сопровождении Талькава направились в форт Независимый. Поднявшись немного в гору, они очутились у входа в крепость. Ее не слишком бдительно охранял часовой-аргентинец. Он пропустил путешественников беспрепятственно, что говорило либо о чрезвычайной беспечности, либо о полной безопасности. На площади крепости происходило учение солдат. Самому старшему из них было не больше двадцати лет, а самый младший не дорос и до семи. По правде сказать, это была просто дюжина детей и подростков, старательно проделывавших воинские упражнения. Форменная одежда их состояла из

	полосатой сорочки, стянутой кожаным поясом. Брюк, длинных или коротких, и в помине не было. Впрочем, в такую теплую погоду можно было одеваться легко. Паганель сразу составил себе хорошее мнение о правительстве, не растрачивающем государственные деньги на галуны и прочую мишуру. У каждого из этих мальчуганов были ружье и сабля, но для младших ружье было слишком тяжело, а сабля длинна. Все они, равно как и обучавший их капрал, были смуглые и походили друг на друга. По-видимому, - так впоследствии и оказалось, - это были двенадцать братьев, которых обучал военному делу тринадцатый. Паганель не был удивлен. Он знал, что по данным статистики среднее количество детей в семье здесь больше девяти, но чрезвычайно изумило его то обстоятельство, что юные воины обучались ружейным приемам, принятым во французской армии, и что капрал отдавал порой команду на родном языке географа. - Вот это интересно! - промолвил он. Но Гленарван явился в форт Независимый не для того, чтобы смотреть, как какие-то мальчуганы упражняются в военном искусстве; еще менее интересовали его их национальность и происхождение. Поэтому он не дал Паганелю долго удивляться, а попросил его вызвать коменданта. Паганель передал эту просьбу капралу, и один из аргентинских солдат направился к домику, служившему казармой.
A few minutes afterward the Commandant appeared in person.	Спустя несколько минут появился и сам комендант.
He was a vigorous man about fifty years of age, of military aspect, with grayish hair, and an imperious eye, as far as one could see through the clouds of tobacco smoke which escaped from his short pipe.	Это был человек лет пятидесяти, крепкий, с военной выправкой. У него были жесткие усы, выдающиеся скулы, волосы с проседью, повелительный взгляд. Таков был комендант, насколько можно было судить о нем сквозь густые клубы дыма, вырывавшиеся из его короткой трубки.
His walk reminded Paganel instantly of the old subalterns in his own country.	Походка его и своеобразная манера держаться напомнили Паганелю старых унтер-офицеров его родины.
Thalcave was spokesman, and addressing the officer, presented Lord Glenarvan and his companions.	Талькав, подойдя к коменданту, представил ему Гленарвана и его спутников.
While he was speaking, the Commandant kept staring fixedly at Paganel in rather an embarrassing manner.	Пока Талькав говорил, комендант рассматривал Паганеля с настойчивостью, способной смутить любого.
The geographer could not understand what he meant by it, and was just about to interrogate him, when the Commandant came forward, and seizing both his hands in the most free-and-easy fashion, said in a joyous voice, in the mother tongue of the geographer:	Ученый, не понимая, в чем дело, собирался уже попросить у него объяснений, но тот, бесцеремонно взяв географа за руку, радостно спросил его на родном языке:
"A Frenchman!"	- Вы француз?

"Yes, a Frenchman," replied Paganel.	- Француз, - ответил Паганель.
"Ah! delightful!	- Ах, как хорошо!
Welcome, welcome.	Добро пожаловать! Милости просим!
I am a Frenchman too," he added, shaking Paganel's hand with such vigor as to be almost alarming.	Я сам француз! - выпалил комендант, с устрашающей энергией тряся руку ученого.
"Is he a friend of yours, Paganel?" asked the Major.	- Это ваш друг? - спросил географа майор.
"Yes," said Paganel, somewhat proudly. "One has friends in every division of the globe."	- Разумеется! - ответил тот не без гордости. - У меня друзья во всех пяти частях света.
After he had succeeded in disengaging his hand, though not without difficulty, from the living vise in which it was held, a lively conversation ensued.	Не без труда освободив свою руку из живых тисков, чуть не раздавивших ее, он вступил в разговор с богатырем-комендантом.
Glenarvan would fain have put in a word about the business on hand, but the Commandant related his entire history, and was not in a mood to stop till he had done.	Гленарван охотно бы вставил слово об интересующем его деле, но вояка начал рассказывать свою историю и отнюдь не был склонен останавливаться на полпути.
It was evident that the worthy man must have left his native country many years back, for his mother tongue had grown unfamiliar, and if he had not forgotten the words he certainly did not remember how to put them together.	Видно было, что этот бравый малый так давно покинул Францию, что стал уже забывать родной язык - если не самые слова, то построение фраз.
He spoke more like a negro belonging to a French colony.	Он говорил примерно так, как говорят негры во французских колониях.
The fact was that the Governor of Fort Independence was a French sergeant, an old comrade of Parachapee.	Комендант форта Независимый оказался сержантом французской армии, бывшим товарищем Паршаппа.
He had never left the fort since it had been built in 1828; and, strange to say, he commanded it with the consent of the Argentine Government.	С самого основания форта, с 1828 года, он не покидал его, а в настоящее время состоял комендантом форта, причем занимал этот пост с согласия аргентинского правительства.
He was a man about fifty years of age, a Basque by birth, and his name was Manuel Ipharaguerre, so that he was almost a Spaniard.	Это был баск пятидесяти лет, по имени Мануэль Ифарагер - как видно по имени, почти испанец.
A year after his arrival in the country he was naturalized, took service in the Argentine army, and married an Indian girl, who was then nursing twin babies six months old-two boys, be it understood, for the good wife of the Commandant would have never thought of presenting her husband with girls.	Спустя год после прибытия в Тандиль сержант Мануэль натурализовался, поступил на службу в аргентинскую армию и женился на индейской женщине. Скоро жена подарила ему двух близнецов - разумеется, мальчиков, ибо достойная спутница жизни сержанта никогда не позволила бы себе подарить ему дочерей.
Manuel could not conceive of any state but a military one, and he hoped in due time, with the help of God, to offer the republic a whole company of young soldiers.	Для Мануэля не существовало на свете другой деятельности, кроме военной, и он надеялся со временем преподнести республике целую роту юных солдат.
"You saw them. Charming! good soldiers are Jose, Juan, and Miquele!	- Вы видели? - воскликнул он. - Молодцы! Хорошие солдаты! Хозе! Хуан! Микель!
Pepe, seven year old; Pepe can handle a gun."	Пепе!.. Пепе семь лет, а он уже умеет стрелять!

Pepe, hearing himself complimented, brought his two little feet together, and presented arms with perfect grace.	Пепе, услыхав, что его хвалят, сдвинул свои крошечные ножки и очень ловко отдал честь ружьем.
"He'll get on!" added the sergeant. "He'll be colonel-major or brigadier-general some day."	- Далеко пойдет, - прибавил комендант. - Когда-нибудь будет полковником или бригадиром!
Sergeant Manuel seemed so enchanted that it would have been useless to express a contrary opinion, either to the profession of arms or the probable future of his children.	Комендант Мануэль говорил так увлеченно, что спорить с ним по поводу преимущества военной службы или того будущего, которое он готовит для своего воинственного чада, было невозможно.
He was happy, and as Goethe says, "Nothing that makes us happy is an illusion."	Он был счастлив. "А что дает счастье, то и реально", - сказал Гете.
All this talk took up a quarter of an hour, to the great astonishment of Thalcave.	Рассказ Мануэля Ифарагера, к великому удивлению Талькава, длился добрых четверть часа.
The Indian could not understand how so many words could come out of one throat.	Индейцу было непонятно, как может столько слов выходить из одного горла.
No one interrupted the Sergeant, but all things come to an end, and at last he was silent, but not till he had made his guests enter his dwelling, and be presented to Madame Ipharaguerre. Then, and not till then, did he ask his guests what had procured him the honor of their visit.	Никто не прерывал коменданта. Но так как даже и французский сержант должен когда-нибудь замолчать, замолчал наконец и Мануэль, заставив предварительно гостей зайти к нему в дом. Те безропотно покорились необходимости быть представленными госпоже Ифарагер, а познакомившись с ней, нашли ее "милой особой", если это выражение применимо к индейской женщине. Когда все желания сержанта были выполнены, он спросил гостей, чему он обязан честью видеть их у себя.
Now or never was the moment to explain, and Paganel, seizing the chance at once, began an account of their journey across the Pampas, and ended by inquiring the reason of the Indians having deserted the country.	Наступил самый благоприятный момент для расспросов. Эту задачу взял на себя Паганель. Начал он с того, что рассказал коменданту на французском языке обо всем их путешествии по пампасам, и кончил тем, что спросил, по какой причине индейцы покинули этот край.
"Ah! there was no one!" replied the Sergeant, shrugging his shoulders-"really no one, and us, too, our arms crossed! Nothing to do!"	- Э, никого! - воскликнул сержант, пожимая плечами. - Верно!.. Никого... Мы все сложа руки... делать нечего...
"But why?"	- Но почему?
"War."	- Война.
"War?"	- Война? - Да, гражданская война... - Гражданская война? - переспросил Паганель.
"Yes, civil war between the Paraguayans and Buenos Ayriens," replied the Sergeant.	- Да, война между Парагваем и Буэнос-Айресом, - ответил сержант.
"Well?"	- Ну и что же?
"Well, Indians all in the north, in the rear of General Flores. Indian pillagers find pillage there."	- Ну, индейцы все на севере... за генералом Флоресом...
"But where are the Caciques?"	- Где же касики?

"Caciques are with them."	- Кацики с ними.
"What! Catriel?"	- Как, и Катриель?
"There is no Catriel."	- Нет Катриеля.
"And Calfoucoura?"	- А Кальфукур?
"There is no Calfoucoura."	- Нет и его.
"And is there no Yanchetruz?"	- А Янчетруц?
"No; no Yanchetruz."	- Тоже нет.
The reply was interpreted by Thalcave, who shook his head and gave an approving look.	Этот разговор был передан Талькаву и тот утвердительно кивнул головой.
The Patagonian was either unaware of, or had forgotten that civil war was decimating the two parts of the republic-a war which ultimately required the intervention of Brazil.	Патагонец, видимо, не знал или забыл о гражданской войне, которая в это время уничтожала население аргентинских провинций Парагвай и Буэнос-Айрес и должна была в будущем повлечь вмешательство Бразилии.
The Indians have everything to gain by these intestine strifes, and can not lose such fine opportunities of plunder.	Это было на руку индейцам, не желавшим упустить такой удобный случай поживиться.
There was no doubt the Sergeant was right in assigning war then as the cause of the forsaken appearance of the plains.	Таким образом, сержант не ошибался, объясняя обезлюдение пампасов междоусобной войной, свирепствовавшей в северных провинциях Аргентины.
But this circumstance upset all Glenarvan's projects, for if Harry Grant was a prisoner in the hands of the Caciques, he must have been dragged north with them.	Но это событие расстраивало все планы Гленарвана. В самом деле, если только Гарри Грант в плену у кациков, то они, значит, увели его к северным границам республики.
How and where should they ever find him if that were the case?	А если так, то где и как его разыскивать?
Should they attempt a perilous and almost useless journey to the northern border of the Pampas?	Следовало ли начинать новые опасные и почти бесполезные поиски на севере пампасов?
It was a serious question which would need to be well talked over.	Прежде чем принять такое серьезное решение, надо было тщательно его обсудить.
However, there was one inquiry more to make to the Sergeant; and it was the Major who thought of it, for all the others looked at each other in silence.	Оставался, однако, еще один важный вопрос, который можно было задать сержанту, и сделать это пришло в голову майору.
"Had the Sergeant heard whether any Europeans were prisoners in the hands of the Caciques?"	В то время как его друзья молча переглядывались между собой, Мак-Наббс спросил сержанта, не слышал ли он о том, что у кациков пампасов находятся в плену европейцы.
Manuel looked thoughtful for a few minutes, like a man trying to ransack his memory. At last he said:	Мануэль подумал несколько минут, как бы припоминая что-то, а затем сказал:
"Yes."	- Да, слышал.
"Ah!" said Glenarvan, catching at the fresh hope.	- А! - вырвалось у Гленарвана; у него блеснула новая надежда.

They all eagerly crowded round the Sergeant, exclaiming,	Гленарван, Паганель, Мак-Наббс и Роберт окружили сержанта.
"Tell us, tell us."	- Говорите, говорите же! - впиваясь в него глазами, повторяли они.
"It was some years ago," replied Manuel. "Yes; all I heard was that some Europeans were prisoners, but I never saw them."	- Несколько лет назад... - начал сержант, - да, верно... европейские пленники... но никогда не видел...
"You are making a mistake," said Glenarvan. "It can't be some years ago; the date of the shipwreck is explicitly given.	- Несколько лет! - прервал его Гленарван. - Вы ошибаетесь.
The BRITANNIA was wrecked in June, 1862.	"Британия" погибла в июне 1862 года.
It is scarcely two years ago."	Значит, это было меньше чем два года назад.
"Oh, more than that, my Lord."	- О! Больше этого, милорд!
"Impossible!" said Paganel.	- Не может быть! - крикнул Паганель.
"Oh, but it must be.	- Нет, так.
It was when Pepe was born. There were two prisoners."	Это было, когда родился Пепе... Было двое.
"No, three!" said Glenarvan.	- Нет, трое, - вмешался Гленарван.
"Two!" replied the Sergeant, in a positive tone.	- Двое, - настаивал сержант.
"Two?" echoed Glenarvan, much surprised. "Two Englishmen?"	- Двое? - переспросил очень удивленный Гленарван. - Двое англичан?
"No, no. Who is talking of Englishmen?	- Совсем нет, - ответил сержант. - Какие там англичане!
No; a Frenchman and an Italian."	Нет... один - француз, другой - итальянец.
"An Italian who was massacred by the Poyuches?" exclaimed Paganel.	- Итальянец, который был убит индейцами племени пуэльче? - воскликнул Паганель.
"Yes; and I heard afterward that the Frenchman was saved."	- Да... потом узнал... француз спасся.
"Saved!" exclaimed young Robert, his very life hanging on the lips of the Sergeant.	- Спасся! - воскликнул Роберт, жизнь которого, казалось, зависела от того, что скажет сержант.
"Yes; delivered out of the hands of the Indians."	- Да, спасся - убежал из плена, - подтвердил сержант.
Paganel struck his forehead with an air of desperation, and said at last,	Все оглянулись на Паганеля: он в отчаянии ударял себя по лбу.
"Ah! I understand. It is all clear now; everything is explained."	- Теперь я понимаю, - промолвил он наконец. - Все объясняется, все ясно!
"But what is it?" asked Glenarvan, with as much impatience.	- Но в чем же дело? - нетерпеливо спросил встревоженный Гленарван.
"My friends," replied Paganel, taking both Robert's hands in his own, "we must resign ourselves to a sad disaster. We have been on a wrong track.	- Друзья мои, - сказал Паганель, беря за руки Роберта, - нам придется примириться с крупной неудачей: мы шли по ложному пути!

The prisoner mentioned is not the captain at all, but one of my own countrymen; and his companion, who was assassinated by the Poyuches, was Marco Vazello.	Тут речь идет вовсе не о капитане Гранте, а об одном моем соотечественнике, товарищ которого, Марко Вазелло, был действительно убит индейцами племени пуэльче.
The Frenchman was dragged along by the cruel Indians several times as far as the shores of the Colorado, but managed at length to make his escape, and return to Colorado.	Француза же индейцы несколько раз уводили с собой к берегам Рио-Колорадо. Потом ему удалось бежать, и он снова увидел Францию.
Instead of following the track of Harry Grant, we have fallen on that of young Guinnard."	Думая, что идем по следам Гарри Гранта, мы шли по следам молодого Гинара.
This announcement was heard with profound silence.	Слова Паганеля были встречены глубоким молчанием.
The mistake was palpable.	Ошибка была очевидна.
The details given by the Sergeant, the nationality of the prisoner, the murder of his companions, his escape from the hands of the Indians, all evidenced the fact.	Подробности, сообщенные сержантом, национальность пленника, убийство его товарища, его бегство из плена - все подтверждало ее.
Glenarvan looked at Thalcave with a crestfallen face, and the Indian, turning to the Sergeant, asked whether he had never heard of three English captives.	Гленарван с удрученным видом смотрел на Талькава. - Вы никогда не слыхали о трех пленных англичанах? - спросил Талькав сержанта.
"Never," replied Manuel. "They would have known of them at Tandil, I am sure. No, it cannot be."	- Никогда, - ответил Мануэль. - В Тандиле было бы известно... Я знал бы... Нет, этого не было.
After this, there was nothing further to do at Fort Independence but to shake hands with the Commandant, and thank him and take leave.	После такого категорического заявления Гленарвану больше нечего было делать в форте Независимый. Он и его друзья, поблагодарив сержанта и пожав ему руку, удалились.
Glenarvan was in despair at this complete overthrow of his hopes, and Robert walked silently beside him, with his eyes full of tears.	Гленарван был в отчаянии, видя, что все его надежды рушились. Роберт молча шел подле него с влажными от слез глазами.
Glenarvan could not find a word of comfort to say to him.	Гленарван не мог найти для мальчика ни одного слова утешения.
Paganel gesticulated and talked away to himself.	Паганель, жестикулируя, разговаривал сам с собой.
The Major never opened his mouth, nor Thalcave, whose amour propre, as an Indian, seemed quite wounded by having allowed himself to go on a wrong scent.	Майор не открывал рта. Что касается Талькава, то, видимо, его индейское самолюбие было задето тем, что он повел иностранцев по неверному следу.
No one, however, would have thought of reproaching him for an error so pardonable.	Однако никому из них не пришло в голову поставить ему в вину столь извинительную ошибку.
They went back to the FONDA, and had supper; but it was a gloomy party that surrounded the table.	Ужин прошел грустно.

It was not that any one of them regretted the fatigue they had so heedlessly endured or the dangers they had run, but they felt their hope of success was gone, for there was no chance of coming across Captain Grant between the Sierra Tandil and the sea, as Sergeant Manuel must have heard if any prisoners had fallen into the hands of the Indians on the coast of the Atlantic.	Конечно, ни один из этих мужественных и самоотверженных людей не жалел о том, что напрасно потратил столько сил и напрасно подвергал себя стольким опасностям, но каждого из них угнетала мысль, что в одно мгновение рухнула всякая надежда на успех. В самом деле, можно ли было надеяться напасть на след капитана Гранта между Сьерра - дель-Тандиль и океаном? Разумеется, нет. Если бы какой-нибудь европеец попал в руки индейцев у берегов Атлантического океана, то, конечно, это было бы известно сержанту Мануэлю.
Any event of this nature would have attracted the notice of the Indian traders who traffic between Tandil and Carmen, at the mouth of the Rio Negro.	Такое происшествие не могло ускользнуть от внимания туземцев, которые вели постоянную торговлю и с Тандилем, и с Кармен-де-Патагонес, расположенным у устья Рио-Негро. А торговцы аргентинских равнин всё знают и обо всем друг другу рассказывают.
The best thing to do now was to get to the DUNCAN as quick as possible at the appointed rendezvous.	Итак, путешественникам оставалось лишь одно: без промедления добираться до "Дункана", ожидавшего их, как было условленно, у мыса Меданос.
Paganel asked Glenarvan, however, to let him have the document again, on the faith of which they had set out on so bootless a search.	Все же Паганель попросил у Гленарвана документ, на основании которого были предприняты их неудачные поиски.
He read it over and over, as if trying to extract some new meaning out of it.	Географ перечитывал его с нескрываемым раздражением. Он словно стремился вырвать у него новое толкование.
"Yet nothing can be clearer," said Glenarvan; "it gives the date of the shipwreck, and the manner, and the place of the captivity in the most categorical manner."	- Но ведь документ так ясен! - повторял Гленарван. - В нем самым определенным образом говорится и о крушении "Британии", и о том, где находится в плену капитан Грант.
"That it does not-no, it does not!" exclaimed Paganel, striking the table with his fist.	- А я говорю, нет! - ответил, ударив кулаком по столу, Паганель. - Нет и нет!
"Since Harry Grant is not in the Pampas, he is not in America; but where he is the document must say, and it shall say, my friends, or my name is not Jacques Paganel any longer."	Раз Гарри Гранта нет в пампасах - значит, его вообще нет в Америке. А где он, об этом нам должен сказать этот документ. И он скажет это, друзья мои, или я не Жак Паганель!
CHAPTER XXII THE FLOOD	Глава XXII НАВОДНЕНИЕ
A DISTANCE of 150 miles separates Fort Independence from the shores of the Atlantic.	Форт Независимый находится в ста пятидесяти милях от берега Атлантического океана.
Unless unexpected and certainly improbable delays should occur, in four days Glenarvan would rejoin the DUNCAN.	Гленарван считал, что если в пути не случится каких-либо неожиданных задержек - а этого вряд ли можно было ожидать, - то они должны быть на "Дункане" через четыре дня.
But to return on board without Captain Grant, and after having so completely failed in his search, was what he could not bring himself to do.	Но вернуться на корабль без капитана Гранта, потерпев полную неудачу в своих розысках, - с этим он никак не мог примириться.

Consequently, when next day came, he gave no orders for departure; the Major took it upon himself to have the horses saddled, and make all preparations.	Поэтому на следующий день он медлил с подготовкой к отъезду. Майор сам приказал запасти провизию, оседлать лошадей и расспросить, где можно будет остановиться в пути.
Thanks to his activity, next morning at eight o'clock the little troop was descending the grassy slopes of the Sierra.	Благодаря проявленной им энергии маленький отряд в восемь часов утра уже спускался по поросшим травой склонам Сьерра-дель-Тандиль.
Glenarvan, with Robert at his side, galloped along without saying a word.	Гленарван молча скакал рядом с Робертом.
His bold, determined nature made it impossible to take failure quietly.	Его смелый, решительный характер не позволял ему отнестись спокойно к постигшей его неудаче.
His heart throbbed as if it would burst, and his head was burning.	Сердце его бешено билось, голова пылала.
Paganel, excited by the difficulty, was turning over and over the words of the document, and trying to discover some new meaning.	Раздосадованный Паганель перебирал в голове слова документа, пытаясь найти в них какой-нибудь новый смысл.
Thalcave was perfectly silent, and left Thaouka to lead the way.	Талькав ехал молча, опустив поводья.
The Major, always confident, remained firm at his post, like a man on whom discouragement takes no hold.	Не терявший надежды майор держался бодро, как человек, никогда не впадающий в отчаяние.
Tom Austin and his two sailors shared the dejection of their master.	Том Остин и оба матроса разделяли огорчение своего начальника.
A timid rabbit happened to run across their path, and the superstitious men looked at each other in dismay.	Вдруг дорогу перебежал пугливый кролик. Суеверные шотландцы переглянулись.
"A bad omen," said Wilson.	- Плохое предзнаменование, - сказал Вильсон.
"Yes, in the Highlands," repeated Mulrady.	- Да, в Шотландии, - отозвался Мюльреди.
"What's bad in the Highlands is not better here," returned Wilson sententiously.	- То, что плохо в Шотландии, не лучше и здесь, - поучительно заметил Вильсон.
Toward noon they had crossed the Sierra, and descended into the undulating plains which extend to the sea.	Около полудня путешественники перевалили через горную цепь Тандиль и очутились на обширных равнинах, плавно спускающихся к океану. На каждом шагу встречались реки.
Limpid RIOS intersected these plains, and lost themselves among the tall grasses.	Орошая своей прозрачной водой этот плодородный край, они терялись среди тучных пастбищ.
The ground had once more become a dead level, the last mountains of the Pampas were passed, and a long carpet of verdure unrolled itself over the monotonous prairie beneath the horses' tread.	Земля, как океан после бури, делалась все более гладкой. Последние отроги гор остались позади, и теперь лошади ступали по ровной однообразной прерии, словно по большому зеленому ковру.
Hitherto the weather had been fine, but to-day the sky presented anything but a reassuring appearance.	До сих пор погода стояла прекрасная, но в этот день небо омрачилось.
The heavy vapors, generated by the high temperature of the preceding days, hung in thick clouds, which ere long would empty themselves in torrents of rain.	Обильные испарения, вызванные высокой температурой последних дней, скопились в виде густых туч, грозивших проливным дождем.

Moreover, the vicinity of the Atlantic, and the prevailing west wind, made the climate of this district particularly damp.	К тому же близость Атлантического океана и постоянный западный ветер делали климат этой местности особенно влажным.
This was evident by the fertility and abundance of the pasture and its dark color.	Об этом можно было судить по ее плодородию, по тучности пастбищ, по темно-зеленой окраске трав.
However, the clouds remained unbroken for the present, and in the evening, after a brisk gallop of forty miles, the horses stopped on the brink of deep CANADAS, immense natural trenches filled with water.	В тот день, однако, тяжелые тучи не разразились ливнем, и к вечеру лошади, сделав переход в сорок миль, добрались до берегов глубоких естественных рвов, наполненных водой.
No shelter was near, and ponchos had to serve both for tents and coverlets as each man lay down and fell asleep beneath the threatening sky.	Здесь сделали привал. Укрыться было негде. Пончо послужили путешественникам и палатками, и одеялами. Все заснули под открытым небом, угрожавшим ливнем. К счастью, угрозой все и ограничилось.
Next day the presence of water became still more sensibly felt; it seemed to exude from every pore of the ground.	На другой день, по мере того как равнина понижалась к океану, сделалось еще заметнее присутствие подпочвенных вод - влага просачивалась как бы через все поры земли.
Soon large ponds, some just beginning to form, and some already deep, lay across the route to the east.	Вскоре дорогу на восток стали пересекать большие пруды: одни из них были уже полны, другие только начинали наполняться.
As long as they had only to deal with lagoons, circumscribed pieces of water unencumbered with aquatic plants, the horses could get through well enough, but when they encountered moving sloughs called PENTANOS, it was harder work.	Пока по пути попадались эти ясно очерченные, свободные от водяных растений пруды, лошади легко обходили их, но когда появились так называемые "пантанос" - трясины, заросшие высокими травами, подвигаться стало гораздо труднее.
Tall grass blocked them up, and they were involved in the peril before they were aware.	Заметить их и вовремя избежать опасности было невозможно.
These bogs had already proved fatal to more than one living thing, for Robert, who had got a good bit ahead of the party, came rushing back at full gallop, calling out:	Эти трясины, очевидно, были роковыми для многих живых существ. Действительно, Роберт, обогнавший отряд чуть не на полмили, прискакал назад, крича:
"Monsieur Paganel, Monsieur Paganel, a forest of horns."	- Господин Паганель! Господин Паганель! Там целый лес рогов!
"What!" exclaimed the geographer; "you have found a forest of horns?"	- Что? - удивился Паганель. - Ты нашел лес рогов?
"Yes, yes, or at any rate a coppice."	- Да, да! Если не лес, то, по крайней мере, рощу!
"A coppice!" replied Paganel, shrugging his shoulders. "My boy, you are dreaming."	- Рощу? Ты бредишь, мальчик! - промолвил Паганель, пожимая плечами.
"I am not dreaming, and you will see for yourself.	- Нет, это не бред, - уверял Роберт, - вы сами увидите.
Well, this is a strange country.	Вот так диковинный край!
They sow horns, and they sprout up like wheat.	Здесь сеют рога, и они растут, как хлеба.
I wish I could get some of the seed."	Хотелось бы мне иметь такие семена!

"The boy is really speaking seriously," said the Major.	- Да ведь он говорит серьезно, - сказал майор.
"Yes, Mr. Major, and you will soon see I am right."	- Да, господин майор, вы сейчас убедитесь в этом.
The boy had not been mistaken, for presently they found themselves in front of an immense field of horns, regularly planted and stretching far out of sight.	Роберт не ошибался: вскоре отряд подъехал к огромному полю, утыканному рогами. Рога эти торчали правильными рядами, и им не было видно конца.
It was a complete copse, low and close packed, but a strange sort.	Действительно, это место производило впечатление какой-то низкорослой, густой, но странной лесной поросли.
"Well," said Robert.	- Ну что? - спросил Роберт.
"This is peculiar certainly," said Paganel, and he turned round to question Thalcave on the subject.	- Это невероятно! - проговорил Паганель и тотчас обратился за разъяснениями к Талькаву.
"The horns come out of the ground," replied the Indian, "but the oxen are down below."	- Рога торчат из земли, но под нею быки, - сказал Талькав.
"What!" exclaimed Paganel; "do you mean to say that a whole herd was caught in that mud and buried alive?"	- Как, - воскликнул Паганель, - здесь, в этой трясине, увязло целое стадо?
"Yes," said the Patagonian.	- Да, - подтвердил патагонец.
And so it was. An immense herd had been suffocated side by side in this enormous bog, and this was not the first occurrence of the kind which had taken place in the Argentine plains.	И в самом деле: здесь нашло свою смерть огромное стадо - земля не выдержала его тяжести. Сотни быков недавно погибли здесь, задохнувшись в громадной трясине. Такие катастрофы порой случаются в аргентинских равнинах, и этого не мог не знать Талькав. Конечно, подобное предостережение надо было принять во внимание.
An hour afterward and the field of horns lay two miles behind.	Отряд объехал место этой колоссальной гекатомбы, способной удовлетворить самых требовательных богов древнего мира, и час спустя поле рогов осталось в двух милях позади.
Thalcave was somewhat anxiously observing a state of things which appeared to him unusual.	Талькава, видимо, стало тревожить что-то необычное.
He frequently stopped and raised himself on his stirrups and looked around.	Он часто останавливал лошадь и поднимался в стременах.
His great height gave him a commanding view of the whole horizon; but after a keen rapid survey, he quickly resumed his seat and went on.	Большой рост позволял ему окинуть взором обширное пространство, но, должно быть не замечая ничего, что могло бы ему объяснить происходящее, он снова пускал свою лошадь вперед.
About a mile further he stopped again, and leaving the straight route, made a circuit of some miles north and south, and then returned and fell back in his place at the head of the troop, without saying a syllable as to what he hoped or feared.	Проехав с милю, он останавливался, а затем, отделившись от своих спутников, отъезжал на несколько миль то к северу, то к югу, потом опять становился во главе отряда, ни одним словом не выдавая ни своих надежд, ни своих опасений.
This strange behavior, several times repeated, made Glenarvan very uneasy, and quite puzzled Paganel.	Такое поведение Талькава заинтересовало Паганеля и обеспокоило Гленарвана.

At last, at Glenarvan's request, he asked the Indian about it.	Он попросил ученого узнать у индейца, в чем дело.
Thalcave replied that he was astonished to see the plains so saturated with water.	Паганель сейчас же передал вопрос Талькаву. Индеец ответил, что он не может понять, почему почва так пропитана влагой.
Never, to his knowledge, since he had followed the calling of guide, had he found the ground in this soaking condition.	Никогда еще, с тех пор как он служит проводником, не случалось ему видеть, чтобы почва была до того влажной.
Even in the rainy season, the Argentine plains had always been passable.	Даже в период сильных дождей по Аргентинской равнине всегда можно было пробраться.
"But what is the cause of this increasing humidity?" said Paganel.	- Но откуда же эта все возрастающая влажность? - интересовался Паганель.
"I do not know, and what if I did?"	- Не знаю, - ответил индеец, - да если б и знал...
"Could it be owing to the RIOS of the Sierra being swollen to overflowing by the heavy rains?"	- А разве горные речки во время сильных ливней не выходят из берегов?
"Sometimes they are."	- Случается.
"And is it the case now?"	- Так, может быть, это происходит и теперь?
"Perhaps."	- Может быть.
Paganel was obliged to be content with this unsatisfactory reply, and went back to Glenarvan to report the result of his conversation.	Паганель принужден был довольствоваться этим полуответом. Он передал Гленарвану свой разговор.
"And what does Thalcave advise us to do?" said Glenarvan.	- А что советует Талькав? - спросил Гленарван.
Paganel went back to the guide and asked him.	- Что надо делать? - переспросил Паганель патагонца.
"Go on fast," was the reply.	- Ехать быстрее, - ответил индеец.
This was easier said than done.	Совет этот легче было дать, чем выполнить.
The horses soon tired of treading over ground that gave way at every step.	Лошади быстро утомлялись, ступая по земле, проваливавшейся у них под ногами.
It sank each moment more and more, till it seemed half under water.	Местность все понижалась, и эта часть равнины представляла собой огромную лощину, куда быстро могли нахлынуть воды из соседних мест.
They quickened their pace, but could not go fast enough to escape the water, which rolled in great sheets at their feet.	Поэтому следовало по возможности скорее выбраться из этой низины, которая при наводнении не замедлила бы превратиться в озеро.
Before two hours the cataracts of the sky opened and deluged the plain in true tropical torrents of rain.	Поехали быстрее. Но будто мало было той воды, по которой шлепали лошади: около двух часов пополудни разверзлись хляби небесные, и хлынул потоками тропический ливень.
Never was there a finer occasion for displaying philosophic equanimity. There was no shelter, and nothing for it but to bear it stolidly.	Укрыться от него не было возможности. Оставалось одно: стать философами и стоически переносить его.

The ponchos were streaming like the overflowing gutter-spouts on the roof of a house, and the unfortunate horsemen had to submit to a double bath, for their horses dashed up the water to their waists at every step.	На пончо всадников стекала вода со шляп, словно с переполненных желобов крыш. С бахромы седел струились ручьи. Всадники, осыпаемые брызгами, летевшими из-под копыт лошадей, ехали как бы под двойным ливнем - с небес и с земли.
In this drenching, shivering state, and worn out with fatigue, they came toward evening to a miserable RANCHO, which could only have been called a shelter by people not very fastidious, and certainly only travelers in extremity would even have entered it; but Glenarvan and his companions had no choice, and were glad enough to burrow in this wretched hovel, though it would have been despised by even a poor Indian of the Pampas.	Промокшие, окоченевшие от холода, измученные усталостью, путники к вечеру добрались до какого-то жалкого ранчо. Только очень неприхотливые люди могли видеть в этом ранчо убежище, и только путешественники, находящиеся в отчаянном положении, способны были укрыться в нем. Но у Гленарвана и его спутников не было выбора, и они забились в эту заброшенную лачугу, которой пренебрег бы последний бедняк-индеец.
A miserable fire of grass was kindled, which gave out more smoke than heat, and was very difficult to keep alight, as the torrents of rain which dashed against the ruined cabin outside found their way within and fell down in large drops from the roof.	Не без труда развели они там из сухой травы костер, дававший больше дыма, чем тепла. За стенами ранчо дождь продолжал лить как из ведра, и крупные капли просачивались сквозь прогнившую соломенную крышу.
Twenty times over the fire would have been extinguished if Mulrady and Wilson had not kept off the water.	Раз двадцать костер грозило залить, и каждый раз Мюльреди и Вильсон отстаивали его у воды.
The supper was a dull meal, and neither appetizing nor reviving.	Очень невкусный и скудный ужин прошел невесело. Ни у кого не было аппетита.
Only the Major seemed to eat with any relish. The impassive McNabbs was superior to all circumstances.	Только один майор не побрезговал промокшей провизией: невозмутимый Мак-Наббс был выше всяких злоключений.
Paganel, Frenchman as he was, tried to joke, but the attempt was a failure.	Паганель, как истый француз, попытался было пошутить, но ему никого не удалось рассмешить.
"My jests are damp," he said, "they miss fire."	- Видно, шутки мои подмочены, - заметил он, - они дают осечки.
The only consolation in such circumstances was to sleep, and accordingly each one lay down and endeavored to find in slumber a temporary forgetfulness of his discomforts and his fatigues.	Лучшее, что можно было сделать в подобном положении, это заснуть. Поэтому каждый попытался на время забыть во сне усталость.
The night was stormy, and the planks of the rancho cracked before the blast as if every instant they would give way.	Ночь была бурная, ранчо трещало, качалось и грозило рухнуть при каждом сильном порыве ветра.
The poor horses outside, exposed to all the inclemency of the weather, were making piteous moans, and their masters were suffering quite as much inside the ruined RANCHO.	Несчастные лошади, не защищенные от непогоды, жалобно ржали во дворе, но и хозяевам их было немногим лучше в скверной лачуге.
However, sleep overpowered them at length.	Мало-помалу сон все же стал одолевать путников.
Robert was the first to close his eyes and lean his head against Glenarvan's shoulder, and soon all the rest were soundly sleeping too under the guardian eye of Heaven.	Первым заснул Роберт, положив голову на плечо Гленарвану, а за ним погрузились в сон и все остальные случайные обитатели ранчо.

The night passed safely, and no one stirred till Thaouka woke them by tapping vigorously against the RANCHO with his hoof.	Ночь прошла без происшествий. Разбудила путников Таука. Бодрая, как всегда, она ржала и с силой била копытом о стену ранчо.
He knew it was time to start, and at a push could give the signal as well as his master.	Когда Талькав не подавал сигнала к отъезду, это умела сделать его лошадь.
They owed the faithful creature too much to disobey him, and set off immediately.	Так как путешественники были уже многим обязаны Тауке, то не повиноваться ей было нельзя, и отряд двинулся в путь.
The rain had abated, but floods of water still covered the ground.	Ливень прекратился, шел только небольшой дождь, но глинистая почва уже не впитывала скопившихся вод. Все эти лужи, болота, пруды сливались в огромные "баньядос" предательской глубины.
Paganel, on consulting his map, came to the conclusion that the RIOS Grande and Vivarota, into which the water from the plains generally runs, must have been united in one large bed several miles in extent.	Паганель, взглянув на карту, подумал, что Рио-Гранде и Рио-Вивората - реки, в которые обычно стекают все воды этой равнины, - теперь, вероятно, образовали одно русло шириной в несколько миль.
Extreme haste was imperative, for all their lives depended on it.	Необходимо было двигаться вперед как можно скорее. Дело шло об общем спасении.
Should the inundation increase, where could they find refuge?	Если наводнение усилится, где тогда найти убежище?
Not a single elevated point was visible on the whole circle of the horizon, and on such level plains water would sweep along with fearful rapidity.	До самого горизонта не видно было ни одной возвышенности, а на такую низменную равнину воды должны были нахлынуть очень быстро.
The horses were spurred on to the utmost, and Thaouka led the way, bounding over the water as if it had been his natural element. Certainly he might justly have been called a sea-horse-better than many of the amphibious animals who bear that name.	Лошадей пустили во весь опор. Таука неслась впереди. В эти минуты она больше какой-нибудь амфибии заслуживала название морского коня, ибо скакала в воде, словно это была ее родная стихия.
All of a sudden, about ten in the morning, Thaouka betrayed symptoms of violent agitation.	Вдруг, около десяти часов утра, Таука стала проявлять признаки сильнейшего волнения.
He kept turning round toward the south, neighing continually, and snorting with wide open nostrils.	Она то и дело поворачивала морду к южной части равнины.
He reared violently, and Thalcave had some difficulty in keeping his seat.	Она протяжно ржала, с силой втягивала свежий воздух, порывисто вскидывалась на дыбы. Скачки лошади не могли вышибить Талькава из седла, но все же он не без труда справлялся с нею.
The foam from his mouth was tinged with blood from the action of the bit, pulled tightly by his master's strong hand, and yet the fiery animal would not be still.	Он натянул удила - выступившая изо рта коня пена окрасилась кровью, но горячее животное все не унималось.
Had he been free, his master knew he would have fled away to the north as fast as his legs would have carried him.	Хозяин Тауки сознавал, что стоит дать ей волю, и она во весь опор умчится к северу.
"What is the matter with Thaouka?" asked Paganel. "Is he bitten by the leeches? They are very voracious in the Argentine streams."	- Что это творится с Таукой? - спросил Паганель. - Уж не впились ли в нее здешние свирепые пиявки?

"No," replied the Indian.	- Нет, - ответил индеец.
"Is he frightened at something, then?"	- Значит, она чего-то испугалась.
"Yes, he scents danger."	- Да, она почуяла опасность.
"What danger?"	- Какую же?
"I don't know."	- Не знаю.
But, though no danger was apparent to the eye, the ear could catch the sound of a murmuring noise beyond the limits of the horizon, like the coming in of the tide.	Хотя опасность, почуянная Таукой, была еще недоступна глазам, но слух уже улавливал ее. Глухой рокот, похожий на рокот прилива, доносился издалека, из-за линии горизонта. Порывистый ветер был влажен и нес с собой водяную пыль. Стремительно улетая от чего-то неведомого, проносились птицы. Лошади, ступая по колено в воде, уже ощущали напор течения.
Soon a confused sound was heard of bellowing and neighing and bleating, and about a mile to the south immense flocks appeared, rushing and tumbling over each other in the greatest disorder, as they hurried pell-mell along with inconceivable rapidity.	Вскоре со стороны юга, в какой-нибудь полумиле от отряда, послышалось ужасающее мычание, ржание, блеяние, и вдали показались огромные стада перепуганных животных. Опрокидывая друг друга, вновь поднимаясь, бешено прорываясь вперед, они мчались со страшной быстротой.
They raised such a whirlwind of water in their course that it was impossible to distinguish them clearly.	С трудом можно было разглядеть этих обезумевших животных из-за поднимаемых ими столбов водяных брызг.
A hundred whales of the largest size could hardly have dashed up the ocean waves more violently.	Кажется, сотня самых больших китов не могла бы с большей силой волновать океан.
"Anda, anda!" (quick, quick), shouted Thalcave, in a voice like thunder.	- Anda, anda! - крикнул громовым голосом Талькав.
"What is it, then?" asked Paganel.	- Что такое? - спросил Паганель.
"The rising," replied Thalcave. "He means an inundation," exclaimed Paganel, flying with the others after Thalcave, who had spurred on his horse toward the north.	- Разлив! Разлив! - ответил Талькав и, дав шпоры лошади, помчался к северу. - Наводнение! - воскликнул Паганель. И все понеслись вслед за Таукой.
It was high time, for about five miles south an immense towering wave was seen advancing over the plain, and changing the whole country into an ocean.	Нельзя было медлить: милях в пяти на юге уже виднелся надвигавшийся огромный, широкий водяной вал, превращавший равнину в настоящий океан.
The tall grass disappeared before it as if cut down by a scythe, and clumps of mimosas were torn up and drifted about like floating islands.	Высокие травы исчезали, словно скошенные. Вырванные водой кусты неслись по течению, образуя как бы островки.
The wave was speeding on with the rapidity of a racehorse, and the travelers fled before it like a cloud before a storm-wind.	Вода прибывала с непреодолимой силой. Очевидно, крупнейшие реки пампасов вышли из берегов и воды Рио-Колорадо на севере и Рио-Негро на юге слились в один поток. Водяной вал, на который указал Талькав, надвигался со скоростью скаковой лошади. Всадники уносились от него, словно тучи, гонимые вихрем.

They looked in vain for some harbor of refuge, and the terrified horses galloped so wildly along that the riders could hardly keep their saddles.	Напрасно они искали глазами места, где можно было бы найти убежище: до самого горизонта простиралась вода. Охваченные паническим страхом, лошади мчались неистовым галопом. Всадники едва держались в седлах. Гленарван часто оглядывался назад. "Вода настигает нас", - думал он.
"Anda, anda!" shouted Thalcave, and again they spurred on the poor animals till the blood ran from their lacerated sides.	- Anda, anda! - кричал Талькав. Несчастных лошадей гнали еще и еще быстрее. Кровь с их расцарапанных шпорами боков тянулась по воде длинными красными нитями.
They stumbled every now and then over great cracks in the ground, or got entangled in the hidden grass below the water.	Лошади спотыкались о рытвины, запутывались в скрытых под водой травах.
They fell, and were pulled up only to fall again and again, and be pulled up again and again.	Они падали. Их заставляли подниматься. Они снова падали и снова их заставляли подниматься.
The level of the waters was sensibly rising, and less than two miles off the gigantic wave reared its crested head.	А между тем вода все прибывала. По ней уже шли волны, говорившие о том, что грозный вал вскоре настигнет путешественников, - его гребень пенился уже меньше чем в двух милях позади них.
For a quarter of an hour this supreme struggle with the most terrible of elements lasted.	С четверть часа продолжалась эта отчаянная борьба с самой грозной из всех стихий.
The fugitives could not tell how far they had gone, but, judging by the speed, the distance must have been considerable.	Беглецы не могли бы сказать, какое расстояние они покрыли, но, судя по скорости лошадей, оно было немалым.
The poor horses, however, were breast-high in water now, and could only advance with extreme difficulty.	Вот уже лошади, по грудь в воде, двигались вперед лишь с величайшим трудом.
Glenarvan and Paganel, and, indeed, the whole party, gave themselves up for lost, as the horses were fast getting out of their depth, and six feet of water would be enough to drown them.	Гленарван, Паганель, Остин - все считали себя погибшими, обреченными на страшную смерть. Лошади начинали терять почву под ногами, а глубина в шесть футов означала для всадников смерть.
It would be impossible to tell the anguish of mind these eight men endured; they felt their own impotence in the presence of these cataclysms of nature so far beyond all human power.	Не поддается описанию ужас этих восьми людей, которых настигал чудовищный водяной вал. Они чувствовали, что борьба со стихией превышает человеческие силы.
Their salvation did not lie in their own hands.	Спасение их зависело уже не от них.
Five minutes afterward, and the horses were swimming; the current alone carried them along with tremendous force, and with a swiftness equal to their fastest gallop; they must have gone fully twenty miles an hour.	Прошло пять минут, и лошади поплыли. Неистовое течение влекло их со скоростью более двадцати миль в час - даже самым бешеным галопом они не могли бы нестись быстрее.
All hope of delivery seemed impossible, when the Major suddenly called out:	Казалось, уже исчезла всякая надежда на спасение, как вдруг раздался голос майора:
"A tree!"	- Дерево!
"A tree?" exclaimed Glenarvan.	- Дерево? - воскликнул Гленарван.

"Yes, there, there!" replied Thalcave, pointing with his finger to a species of gigantic walnut-tree, which raised its solitary head above the waters.	- Там, там! - отозвался Талькав и указал пальцем на гигантское дерево, похожее на ореховое, одиноко поднимавшееся из воды саженях в восьмистах от них. Подгонять своих спутников Талькаву не пришлось.
His companions needed no urging forward now; this tree, so opportunely discovered, they must reach at all hazards.	Все понимали, что надо во что бы то ни стало добраться до этого дерева, так неожиданно попавшегося на их пути.
The horses very likely might not be able to get to it, but, at all events, the men would, the current bearing them right down to it.	Лошади, видимо, не в силах были доплыть до него, но люди, по крайней мере, могли спастись: течение несло их к дереву.
Just at that moment Tom Austin's horse gave a smothered neigh and disappeared.	В этот миг лошадь Остина глухо заржала и исчезла под водой.
His master, freeing his feet from the stirrups, began to swim vigorously.	Сам он высвободил ноги из стремян и поплыл, мощно взмахивая руками.
"Hang on to my saddle," called Glenarvan.	- Хватайся за мое седло! - крикнул ему Гленарван.
"Thanks, your honor, but I have good stout arms."	- Спасибо, - ответил Том Остин. - Руки у меня крепкие!
"Robert, how is your horse going?" asked his Lordship, turning to young Grant.	- А как твоя лошадь, Роберт? - спросил Гленарван, поворачиваясь к юному Гранту.
"Famously, my Lord, he swims like a fish."	- Она плывет, милорд, плывет, как рыба.
"Lookout!" shouted the Major, in a stentorian voice.	- Берегись! - крикнул майор.
The warning was scarcely spoken before the enormous billow, a monstrous wave forty feet high, broke over the fugitives with a fearful noise.	Не успел он произнести это слово, как беглецов настиг огромный вал; чудовищный, в сорок футов вышиной, он с грохотом обрушился на них.
Men and animals all disappeared in a whirl of foam; a liquid mass, weighing several millions of tons, engulfed them in its seething waters.	И люди и лошади - все исчезли в бурлящем водовороте. Колоссальная масса воды, в несколько миллионов тонн весом, понесла их в своем бешеном разливе.
When it had rolled on, the men reappeared on the surface, and counted each other rapidly; but all the horses, except Thaouka, who still bore his master, had gone down forever.	Когда вал прокатился дальше, путешественники вынырнули на поверхность воды и поспешно пересчитали друг друга. Все люди выплыли, но лошади, кроме Тауки, исчезли.
"Courage, courage," repeated Glenarvan, supporting Paganel with one arm, and swimming with the other.	- Смелее! Смелее! - подбадривал Паганеля Гленарван, поддерживая его одной рукой и гребя другой.
"I can manage, I can manage," said the worthy savant. "I am even not sorry-"	- Ничего... ничего!.. - отозвался почтенный ученый. - Я даже не жалею...
But no one ever knew what he was not sorry about, for the poor man was obliged to swallow down the rest of his sentence with half a pint of muddy water.	Но о чем не жалел он, так навсегда и осталось неизвестным, ибо конец фразы бедняге пришлось проглотить вместе с порядочной порцией мутной воды.
The Major advanced quietly, making regular strokes, worthy of a master swimmer.	Майор плыл вперед так спокойно и размеренно, что заслужил бы похвалу любого учителя плавания.

The sailors took to the water like porpoises, while Robert clung to Thaouka's mane, and was carried along with him.	Матросы скользили, как дельфины, попавшие в родную стихию. Роберт уцепился за гриву Тауки, и она тащила его.
The noble animal swam superbly, instinctively making for the tree in a straight line.	Лошадь, сильно рассекая грудью воду, инстинктивно плыла к дереву, куда, впрочем, несло ее и течение.
The tree was only twenty fathoms off, and in a few minutes was safely reached by the whole party; but for this refuge they must all have perished in the flood.	До дерева оставалось только саженей двадцать; еще несколько минут - и все доплыли до него. Им повезло: не будь дерева, пропала бы всякая надежда на спасение и им пришлось бы погибнуть в волнах.
The water had risen to the top of the trunk, just to where the parent branches fork out. It was consequently, quite easy to clamber up to it.	Вода доходила до нижних основных ветвей дерева, и потому взобраться на него было нетрудно.
Thalcave climbed up first, and got off his horse to hoist up Robert and help the others. His powerful arms had soon placed all the exhausted swimmers in a place of security.	Талькав оставил лошадь и, подсадив Роберта, первый влез на дерево; вскоре его могучие руки помогли всем остальным измученным пловцам взобраться туда же.
But, meantime, Thaouka was being rapidly carried away by the current.	Между тем Тауку быстро относило течением.
He turned his intelligent face toward his master, and, shaking his long mane, neighed as if to summon him to his rescue.	Она поворачивала к хозяину свою умную голову и, встряхивая длинной гривой, ржала, как бы зовя его на помощь.
"Are you going to forsake him, Thalcave?" asked Paganel.	- Неужели ты бросишь ее? - спросил Паганель Талькава.
"I!" replied the Indian, and forthwith he plunged down into the tumultuous waters, and came up again ten fathoms off.	- Я?! - вскричал индеец. И, кинувшись в бурные волны, он вынырнул футах в тридцати от дерева.
A few instants afterward his arms were round Thaouka's neck, and master and steed were drifting together toward the misty horizon of the north.	Через несколько минут он уже держался за шею Тауки, и оба - лошадь и ее хозяин - плыли по течению к северу, в туманную даль.
CHAPTER XXIII A SINGULAR ABODE	Глава XXIII, В КОТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ЖИВУТ, КАК ПТИЦЫ
THE tree on which Glenarvan and his companions had just found refuge, resembled a walnut-tree, having the same glossy foliage and rounded form.	Дерево, на котором Гленарван и его спутники нашли себе убежище, походило на ореховое блестящими листьями и закругленной кроной.
In reality, however, it was the OMBU, which grows solitarily on the Argentine plains.	На самом же деле это было омбу. Такие одиночные деревья встречаются на аргентинских равнинах.
The enormous and twisted trunk of this tree is planted firmly in the soil, not only by its great roots, but still more by its vigorous shoots, which fasten it down in the most tenacious manner.	Его огромный, искривленный ствол прикреплен к земле не только толстыми корнями, но и могучими отростками, что делает его особенно устойчивым.
This was how it stood proof against the shock of the mighty billow.	Поэтому-то оно и смогло 'выдержать такой натиск водяной стихии.

This OMBU measured in height a hundred feet, and covered with its shadow a circumference of one hundred and twenty yards.	Омбу имело футов сто вышины и могло покрыть своей тенью окружность диаметром в сто восемьдесят футов.
All this scaffolding rested on three great boughs which sprang from the trunk.	Основой этой громады был ствол в шесть футов толщиной и отходящие от него три массивные ветви.
Two of these rose almost perpendicularly, and supported the immense parasol of foliage, the branches of which were so crossed and intertwined and entangled, as if by the hand of a basket-maker, that they formed an impenetrable shade.	Две из них поднимались почти вертикально. Они-то и поддерживали огромную крону, разветвления которой, скрещенные, перепутанные, словно сплетенные корзинщиком, образовали непроницаемое ее прикрытие.
The third arm, on the contrary, stretched right out in a horizontal position above the roaring waters, into which the lower leaves dipped.	Третья ветвь, напротив, тянулась почти горизонтально над ревущими водами; ее нижние листья купались в них.
There was no want of room in the interior of this gigantic tree, for there were great gaps in the foliage, perfect glades, with air in abundance, and freshness everywhere.	Эта ветвь была как бы мысом зеленого острова, окруженного океаном. На таком гигантском дереве недостатка места, конечно, не чувствовалось, и под его роскошной листвой было вдоволь и воздуха и прохлады.
To see the innumerable branches rising to the clouds, and the creepers running from bough to bough, and attaching them together while the sunlight glinted here and there among the leaves, one might have called it a complete forest instead of a solitary tree sheltering them all.	Глядя на бесчисленные, перевитые лианами ветви, поднимавшиеся чуть не до самых облаков, и на солнечные лучи, скользившие сквозь просветы листвы, можно было, право, подумать, что на этом дереве вырос целый лес.
On the arrival of the fugitives a myriad of the feathered tribes fled away into the topmost branches, protesting by their outcries against this flagrant usurpation of their domicile.	При появлении на омбу беглецов целый пернатый мирок взлетел на верхние ветки, протестуя своими криками против столь вопиющего захвата их обиталища.
These birds, who themselves had taken refuge in the solitary OMBU, were in hundreds, comprising blackbirds, starlings, isacas, HILGUEROS, and especially the pica-flor, humming-birds of most resplendent colors.	Видимо, во время наводнения птицы также нашли себе приют на этом одиноком дереве. Их было здесь великое множество: целые сотни черных дроздов, скворцов, "изаков", "хильгуэрос", но больше всего, пожалуй, колибри - "пика-флор" - с лучезарным оперением.
When they flew away it seemed as though a gust of wind had blown all the flowers off the tree.	Когда эти птички вспорхнули, можно было подумать, что это порыв ветра сорвал с дерева цветы.
Such was the asylum offered to the little band of Glenarvan.	Таково было случайное убежище маленького отряда Гленарвана.
Young Grant and the agile Wilson were scarcely perched on the tree before they had climbed to the upper branches and put their heads through the leafy dome to get a view of the vast horizon.	Юный Грант и ловкий Вильсон, едва взобравшись на дерево, тотчас же залезли на самую его верхушку. Они высунули из зеленого купола свои головы и с высоты окинули взглядом горизонт.
The ocean made by the inundation surrounded them on all sides, and, far as the eye could reach, seemed to have no limits.	Наводнение превратило равнину в океан, который окружал их со всех сторон: не видно было ни конца его, ни края.

Not a single tree was visible on the liquid plain; the OMBU stood alone amid the rolling waters, and trembled before them.	Над водой не поднималось ни единого дерева - только их омбу содрогалось под напором бушевавших вокруг него волн.
In the distance, drifting from south to north, carried along by the impetuous torrent, they saw trees torn up by the roots, twisted branches, roofs torn off, destroyed RANCHOS, planks of sheds stolen by the deluge from ESTANCIAS, carcasses of drowned animals, blood-stained skins, and on a shaky tree a complete family of jaguars, howling and clutching hold of their frail raft.	Вдали, увлекаемые с юга на север стремительным течением, проносились вырванные с корнями стволы деревьев, изломанные ветви, солома с кровель разрушенных ранчо, балки, сорванные водой с крыш ферм, трупы утонувших животных со следами крови на шкурах. Целая семья ягуаров плыла на качающемся дереве - они, рыча, вцепились когтями в свое утлое судно.
Still farther away, a black spot almost invisible, already caught Wilson's eye.	Еще дальше Вильсону удалось разглядеть едва заметную черную точку.
It was Thalcave and his faithful Thaouka.	То были Талькав и его верная Таука - они исчезали вдали.
"Thalcave, Thalcave!" shouted Robert, stretching out his hands toward the courageous Patagonian.	- Талькав! Друг Талькав! - крикнул Роберт, протягивая руку в сторону, где только что был виден мужественный патагонец.
"He will save himself, Mr. Robert," replied Wilson; "we must go down to his Lordship."	- Он спасется, мастер Роберт, - сказал Вильсон. - А теперь давайте спускаться вниз.
Next minute they had descended the three stages of boughs, and landed safely on the top of the trunk, where they found Glenarvan, Paganel, the Major, Austin, and Mulrady, sitting either astride or in some position they found more comfortable.	Через минуту Роберт Грант и матрос спустились с "трехэтажных" ветвей к тому месту, где начинались нижние ветви. Здесь сидели Гленарван, Паганель, майор, Остин и Мюльреди, устроившись, как кому удобнее: кто верхом, кто уцепившись за ветки.
Wilson gave an account of their investigations aloft, and all shared his opinion with respect to Thalcave.	Вильсон рассказал, что он видел с вершины омбу. Все согласились с ним в том, что Талькав не погибнет.
The only question was whether it was Thalcave who would save Thaouka, or Thaouka save Thalcave.	Талькав ли Тауку или Таука Талькава, но они спасут друг друга.
Their own situation meantime was much more alarming than his.	Положение гостей омбу было, бесспорно, более угрожающим, чем положение патагонца.
No doubt the tree would be able to resist the current, but the waters might rise higher and higher, till the topmost branches were covered, for the depression of the soil made this part of the plain a deep reservoir.	Правда, дерево, по-видимому, должно было выдержать напор течения, но все прибывающая вода могла подняться до верхних его ветвей, ибо эта низменная часть равнины превратилась в природный водоем.
Glenarvan's first care, consequently, was to make notches by which to ascertain the progress of the inundation. For the present it was stationary, having apparently reached its height.	Поэтому Гленарван прежде всего распорядился сделать зарубки на стволе омбу, чтобы следить за уровнем воды, Она не поднималась - значит, наводнение уже достигло своей наибольшей высоты.
This was reassuring.	Это несколько успокоило путешественников.
"And now what are we going to do?" said Glenarvan.	- Что же мы будем теперь делать? - спросил Гленарван.
"Make our nest, of course!" replied Paganel	- Вить гнездо, черт возьми! - весело сказал Паганель.

"Make our nest!" exclaimed Robert.	- Вить гнездо! - воскликнул Роберт.
"Certainly, my boy, and live the life of birds, since we can't that of fishes."	- Без сомнения, мой мальчик, и жить, как птицы, раз мы не можем жить, как рыбы.
"All very well, but who will fill our bills for us?" said Glenarvan.	- Хорошо, - согласился Гленарван, - но кто же будет кормить нас?
"I will," said the Major.	- Я, - заявил майор.
All eyes turned toward him immediately, and there he sat in a natural arm-chair, formed of two elastic boughs, holding out his ALFORJAS damp, but still intact.	Все взоры устремились на Мак-Наббса. Майор с комфортом сидел в кресле из двух гибких ветвей и протягивал спутникам свои, правда промокшие, но все же туго набитые чересседельные сумки.
"Oh, McNabbs, that's just like you," exclaimed Glenarvan, "you think of everything even under circumstances which would drive all out of your head."	- Узнаю вас, Мак-Наббс! - воскликнул Гленарван. - Вы всегда помните обо всем, даже при таких обстоятельствах, когда позволительно все забыть!
"Since it was settled we were not going to be drowned, I had no intention of starving of hunger."	- Раз мы решили не тонуть, то, верно, не собираемся умереть с голоду, - отозвался майор.
"I should have thought of it, too," said Paganel, "but I am so DISTRAIT."	- Я бы тоже, конечно, подумал о пище, не будь я так рассеян, - наивно сказал Паганель.
"And what is in the ALFORJAS?" asked Tom Austin.	- А что в этих сумках? - поинтересовался Том Остин.
"Food enough to last seven men for two days," replied McNabbs.	- Пища для семи человек на два дня, - ответил Мак-Наббс.
"And I hope the inundation will have gone down in twenty-four hours," said Glenarvan.	- Отлично! - промолвил Гленарван. - Надо надеяться, что за сутки вода заметно спадет.
"Or that we shall have found some way of regaining terra firma," added Paganel.	- Или что мы найдем за это время способ добраться до твердой земли, - прибавил Паганель.
"Our first business, then, now is to breakfast," said Glenarvan.	- Итак, наш первый долг - позавтракать, - заявил Гленарван.
"I suppose you mean after we have made ourselves dry," observed the Major.	- Предварительно высушив одежду, - заметил майор.
"And where's the fire?" asked Wilson.	- А как добыть огонь? - спросил Вильсон.
"We must make it," returned Paganel.	- Развести его, - ответил Паганель.
"Where?"	- Где?
"On the top of the trunk, of course."	- Да здесь же, на дереве, черт возьми!
"And what with?"	- Из чего?
"With the dead wood we cut off the tree."	- Из сухих веток, которые мы наломаем на этом же дереве.
"But how will you kindle it?" asked Glenarvan. "Our tinder is just like wet sponge."	- Но как их разжечь? - спросил Гленарван. - Наш трут напоминает мокрую губку.
"We can dispense with it," replied Paganel. "We only want a little dry moss and a ray of sunshine, and the lens of my telescope, and you'll see what a fire I'll get to dry myself by.	- Обойдемся и без него, - ответил Паганель. - Немного сухого мха, увеличительное стекло от моей подзорной трубы, луч солнца - и у меня будет превосходный огонь.

Who will go and cut wood in the forest?"	Ну, кто пойдет в лес за дровами?
"I will," said Robert.	- Я! - крикнул Роберт.
And off he scampered like a young cat into the depths of the foliage, followed by his friend Wilson.	И, сопровождаемый своим другом Вильсоном, мальчик, словно котенок, исчез в чаще ветвей.
Paganel set to work to find dry moss, and had soon gathered sufficient. This he laid on a bed of damp leaves, just where the large branches began to fork out, forming a natural hearth, where there was little fear of conflagration.	Тем временем Паганель набрал сухого мха, уложил его на слой сырых листьев в развилке ветвей, затем вывинтил из подзорной трубы увеличительное стекло и, поймав солнечный луч - а это было легко, ибо дневное светило ярко сияло, - без труда зажег сухой мох. Такой костер не представлял никакой опасности.
Robert and Wilson speedily reappeared, each with an armful of dry wood, which they threw on the moss. By the help of the lens it was easily kindled, for the sun was blazing overhead.	Вскоре Вильсон и Роберт вернулись с охапками сухих сучьев, которые тотчас же были брошены на горящий мох.
In order to ensure a proper draught, Paganel stood over the hearth with his long legs straddled out in the Arab manner. Then stooping down and raising himself with a rapid motion, he made a violent current of air with his poncho, which made the wood take fire, and soon a bright flame roared in the improvised brasier.	Паганель принялся раздувать огонь по арабскому способу: он встал, расставив свои длинные ноги, над костром и стал быстро нагибаться и выпрямляться, размахивая пончо. Сучья загорелись, и вскоре яркое пламя с треском взвилось над импровизированным очагом.
After drying themselves, each in his own fashion, and hanging their ponchos on the tree, where they were swung to and fro in the breeze, they breakfasted, carefully however rationing out the provisions, for the morrow had to be thought of; the immense basin might not empty so soon as Glenarvan expected, and, anyway, the supply was very limited.	Все стали обсушиваться, кто как мог; повешенные на ветвях пончо развевались на ветру. Обсушившись, приступили к еде, соблюдая при этом должную умеренность - ведь приходилось думать и о завтрашнем дне: провизии было очень мало, а нахлынувшие в огромную ложбину воды могли спадать медленнее, чем надеялся Гленарван.
The OMBU produced no fruit, though fortunately, it would likely abound in fresh eggs, thanks to the numerous nests stowed away among the leaves, not to speak of their feathered proprietors.	На омбу не произрастало никаких плодов, но, к счастью, на его ветвях было множество гнезд, и дерево предоставило своим гостям богатый выбор яиц.
These resources were by no means to be despised.	Ни яйцами, ни пернатыми хозяевами гнезд пренебрегать, конечно, не приходилось.
The next business was to install themselves as comfortably as they could, in prospect of a long stay.	Пребывание на дереве могло затянуться, поэтому надо было разместиться поудобнее.
"As the kitchen and dining-room are on the ground floor," said Paganel, "we must sleep on the first floor. The house is large, and as the rent is not dear, we must not cramp ourselves for room.	- Раз кухня и столовая у нас в нижнем этаже, то спать мы отправимся этажом выше, - заявил Паганель. - Места в доме много, квартирная плата невысока, стесняться нечего.
I can see up yonder natural cradles, in which once safely tucked up we shall sleep as if we were in the best beds in the world.	Вон там, наверху, я вижу люльки, будто уготованные нам самой природой; если мы привяжемся к ним покрепче, они не уступят лучшим кроватям в мире.
We have nothing to fear.	Опасаться нам нечего.

Besides, we will watch, and we are numerous enough to repulse a fleet of Indians and other wild animals."	Впрочем, можно установить и дежурство. Отряду в семь человек не страшны ни дикие звери, ни индейцы.
"We only want fire-arms."	- Нам не хватает лишь оружия, - заметил Том Остин.
"I have my revolvers," said Glenarvan.	- Мои револьверы при мне, - сказал Гленарван.
"And I have mine," replied Robert.	- И мои тоже, - отозвался Роберт.
"But what's the good of them?" said Tom Austin, "unless Monsieur Paganel can find out some way of making powder."	- А зачем они нам, если господин Паганель не найдет способа изготовить порох? - спросил Том Остин.
"We don't need it," replied McNabbs, exhibiting a powder flask in a perfect state of preservation.	- Это ни к чему, - откликнулся Мак-Наббс, показывая совершенно неподмоченную пороховницу.
"Where did you get it from, Major," asked Paganel.	- Откуда вы ее взяли, майор? - спросил изумленный Паганель.
"From Thalcave.	- Это пороховница Талькава.
He thought it might be useful to us, and gave it to me before he plunged into the water to save Thaouka."	Он подумал о том, что она может пригодиться нам, и, прежде чем броситься спасать Тауку, передал ее мне.
"Generous, brave Indian!" exclaimed Glenarvan.	- Как великодушен и отважен этот индеец! - воскликнул Гленарван.
"Yes," replied Tom Austin, "if all the Patagonians are cut after the same pattern, I must compliment Patagonia."	- Да, если все патагонцы похожи на него, я поздравляю Патагонию, - сказал Том Остин.
"I protest against leaving out the horse," said Paganel. "He is part and parcel of the Patagonian, and I'm much mistaken if we don't see them again, the one on the other's back."	- Не забудьте, пожалуйста, и о лошади, - прибавил Паганель, - ведь она как бы срослась с нашим патагонцем. Я уверен, что мы снова увидим Талькава верхом на его Тауке.
"What distance are we from the Atlantic?" asked the Major.	- Как далеко находимся мы от Атлантического океана? - спросил майор.
"About forty miles at the outside," replied Paganel; "and now, friends, since this is Liberty Hall, I beg to take leave of you.	- Милях в сорока, самое большее, - ответил географ. - А теперь, друзья мои, раз каждый из нас волен делать, что ему заблагорассудится, я прошу разрешения покинуть вас.
I am going to choose an observatory for myself up there, and by the help of my telescope, let you know how things are going on in the world."	Сейчас я поднимусь наверх, выберу наблюдательный пункт и, глядя в подзорную трубу, буду докладывать вам о том, что творится на свете.
Forthwith the geographer set off, hoisting himself up very cleverly from bough to bough, till he disappeared beyond the thick foliage.	Ученому предоставили действовать по его усмотрению, и он, проворно взбираясь по веткам, вскоре исчез за зеленой завесой листвы.
His companions began to arrange the night quarters, and prepare their beds.	Спутники же его начали приготовляться к ночлегу.

But this was neither a long nor difficult task, and very soon they resumed their seats round the fire to have a talk.	Они быстро покончили с этой несложной работой: ведь им не пришлось ни устанавливать кроватей, ни накрывать их бельем и одеялами. А потому все вскоре опять разместились вокруг костра. Завязался разговор, но вовсе не о настоящем положении путешественников, которое им приходилось терпеливо переносить.
As usual their theme was Captain Grant.	Разговор вернулся к неисчерпаемой теме - к судьбе капитана Гранта.
In three days, should the water subside, they would be on board the DUNCAN once more. But Harry Grant and his two sailors, those poor shipwrecked fellows, would not be with them.	Если вода схлынет, то через каких-нибудь три дня маленький отряд вернется на борт "Дункана", но не приведет с собой несчастных, потерпевших кораблекрушение: Гарри Гранта и двух его матросов.
Indeed, it even seemed after this ill success and this useless journey across America, that all chance of finding them was gone forever.	Казалось даже, что после такой неудачи, после бесполезного перехода через Америку, всякая надежда найти их была безвозвратно потеряна.
Where could they commence a fresh quest?	Где их теперь искать?
What grief Lady Helena and Mary Grant would feel on hearing there was no further hope.	В каком горе будут леди Элен и Мери Грант, когда узнают, что будущее не сулит никакой надежды!
"Poor sister!" said Robert. "It is all up with us."	- Бедная сестра! - грустно сказал Роберт. - Для нас все кончено!
For the first time Glenarvan could not find any comfort to give him.	Впервые Гленарван не нашел для мальчика ни одного слова утешения.
What could he say to the lad?	О какой надежде можно было говорить?
Had they not searched exactly where the document stated?	Разве экспедиция самым точным образом не придерживалась в своих поисках указаний найденного документа?
"And yet," he said, "this thirty-seventh degree of latitude is not a mere figure, and that it applies to the shipwreck or captivity of Harry Grant, is no mere guess or supposition.	- А все же в документе упоминалась именно тридцать седьмая параллель, - сказал он. - Указывает ли она место плена Гарри Гранта или крушения его судна, но, во всяком случае, цифра эта не вымысел, не догадка!
We read it with our own eyes."	Мы прочли ее собственными глазами.
"All very true, your Honor," replied Tom Austin, "and yet our search has been unsuccessful."	- Все это так, милорд, - отозвался Том Остин, - однако наши поиски ни к чему не привели.
"It is both a provoking and hopeless business," replied Glenarvan.	- Вот это-то и раздражает меня и приводит в отчаяние! - воскликнул Гленарван.
"Provoking enough, certainly," said the Major, "but not hopeless.	- Раздражать это может, - заметил Мак-Наббс спокойным тоном, - но приходить в отчаяние не от чего.
It is precisely because we have an uncontestable figure, provided for us, that we should follow it up to the end."	Именно потому, что у нас есть точная цифра, мы должны следовать ей до конца.
"What do you mean?" asked Glenarvan. "What more can we do?"	- Что вы хотите сказать, - спросил Гленарван, - и что, по-вашему, можно еще сделать?

"A very logical and simple thing, my dear Edward.	- Все очень просто и логично, дорогой Эдуард: добравшись до
When we go on board the DUNCAN, turn her beak head to the east, and go right along the thirty-seventh parallel till we come back to our starting point if necessary."	"Дункана", мы должны взять курс на восток и, если понадобится, продвигаться вдоль этой тридцать седьмой параллели хотя бы до той самой точки, откуда мы вышли.
"Do you suppose that I have not thought of that, Mr. McNabbs?" replied Glenarvan. "Yes, a hundred times.	- Неужели вы можете предположить, Мак-Наббс, что я не думал об этом? - ответил Гленарван. - Думал, сто раз думал!
But what chance is there of success?	Но какие шансы имеем мы на успех?
To leave the American continent, wouldn't it be to go away from the very spot indicated by Harry Grant, from this very Patagonia so distinctly named in the document."	Покидая Американский материк, мы ведь удаляемся от места, указанного самим Гарри Грантом: удаляемся от Патагонии, о которой так ясно говорится в документе.
"And would you recommence your search in the Pampas, when you have the certainty that the shipwreck of the BRITANNIA neither occurred on the coasts of the Pacific nor the Atlantic?"	- Значит, вы хотите возобновить поиски в пампасах и теперь, когда ясно, что "Британия" не потерпела крушения ни у тихоокеанского, ни у атлантического побережья Америки? - возразил майор.
Glenarvan was silent.	На этот вопрос Гленарван ничего не ответил.
"And however small the chance of finding Harry Grant by following up the given parallel, ought we not to try?"	- И как ни мало шансов найти Гарри Гранта, следуя вдоль тридцать седьмой параллели, разве не должны мы попытаться это сделать? - добавил Мак-Наббс.
"I don't say no," replied Glenarvan.	- Я не спорю... - отозвался Гленарван.
"And are you not of my opinion, good friends," added the Major, addressing the sailors.	- А вы, друзья мои, - обратился майор к морякам, - согласны ли вы со мной?
"Entirely," said Tom Austin, while Mulrady and Wilson gave an assenting nod.	- Совершенно согласны, - ответил Том Остин. А Мюльреди и Вильсон кивнули.
"Listen to me, friends," said Glenarvan after a few minutes' reflection; "and remember, Robert, this is a grave discussion.	- Выслушайте меня, друзья мои, - заговорил после некоторого размышления Гленарван, - и ты, Роберт, вникни хорошенько в то, что я скажу, ибо это очень важно.
I will do my utmost to find Captain Grant; I am pledged to it, and will devote my whole life to the task if needs be.	Я сделаю все, чтобы отыскать капитана Гранта. Я обязался сделать это и, если понадобится, посвящу поискам всю свою жизнь.
All Scotland would unite with me to save so devoted a son as he has been to her.	Вся Шотландия поможет мне спасти этого мужественного, преданного ей человека.
I too quite think with you that we must follow the thirty-seventh parallel round the globe if necessary, however slight our chance of finding him.	Я тоже думаю, что как ни мало шансов на успех, а надо обогнуть земной шар по тридцать седьмой параллели, и я это сделаю.
But that is not the question we have to settle.	Но сейчас нам предстоит решить не этот вопрос, а другой, более сложный.
There is one much more important than that is-should we from this time, and all together, give up our search on the American continent?"	Вот он: должны ли мы отныне окончательно отказаться от розысков на Американском материке?

No one made any reply. Each one seemed afraid to pronounce the word.	Никто не отважился ответить на вопрос, поставленный так категорически.
"Well?" resumed Glenarvan, addressing himself especially to the Major.	- Так как же? - спросил Гленарван, обращаясь к майору.
"My dear Edward," replied McNabbs, "it would be incurring too great a responsibility for me to reply hic et nunc. It is a question which requires reflection.	- Ответить на ваш вопрос, дорогой Эдуард, - значит взять на себя довольно большую ответственность, - сказал Мак-Наббс. - Это требует размышлений.
I must know first, through which countries the thirty-seventh parallel of southern latitude passes?"	Прежде всего, я хочу знать, через какие именно страны проходит тридцать седьмая параллель южной широты.
"That's Paganel's business; he will tell you that," said Glenarvan.	- Это по части Паганеля, - сказал Гленарван.
"Let's ask him, then," replied the Major.	- Так спросим его.
But the learned geographer was nowhere to be seen. He was hidden among the thick leafage of the OMBU, and they must call out if they wanted him.	Географа не было видно за густой листвой, и Гленарвану пришлось окликнуть его:
"Paganel, Paganel!" shouted Glenarvan.	- Паганель! Паганель!
"Here," replied a voice that seemed to come from the clouds.	- Я здесь, - ответил голос, словно с неба.
"Where are you?"	- Где вы?
"In my tower."	- На моей башне.
"What are you doing there?"	- Что вы делаете?
"Examining the wide horizon."	- Изучаю необъятный горизонт.
"Could you come down for a minute?"	- Можете вы на минутку спуститься сюда?
"Do you want me?"	- Я вам нужен?
"Yes."	- Да.
"What for?"	- По какому поводу?
"To know what countries the thirty-seventh parallel passes through."	- Чтобы узнать, через какие страны проходит тридцать седьмая параллель.
"That's easily said. I need not disturb myself to come down for that."	- Ничего нет легче, - ответил Паганель, - и для этого мне вовсе не нужно спускаться вниз.
"Very well, tell us now."	- Ну так скажите!
"Listen, then. After leaving America the thirty-seventh parallel crosses the Atlantic Ocean."	- Покидая Америку, тридцать седьмая параллель южной широты пересекает Атлантический океан.
"And then?"	- Так.
"It encounters Isle Tristan d'Acunha."	- На своем пути она встречает острова Тристан-да-Кунья.
"Yes."	- Прекрасно.
"It goes on two degrees below the Cape of Good Hope."	- Далее она проходит двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды.

"And afterwards?"	- Затем?
"Runs across the Indian Ocean, and just touches Isle St. Pierre, in the Amsterdam group."	- Пересекает Индийский океан.
"Go on."	- Потом?
"It cuts Australia by the province of Victoria."	- Задевает остров Сен-Пьер в группе островов Амстердам.
"And then."	- Дальше? - Пересекает Австралию, проходя через провинцию Виктория. - Продолжайте!
"After leaving Australia in-"	- После Австралии...
This last sentence was not completed.	Эта последняя фраза осталась недоконченной.
Was the geographer hesitating, or didn't he know what to say?	Может быть, географ сбился, забыл?
No; but a terrible cry resounded from the top of the tree.	Нет. С вершины омбу донесся громкий крик.
Glenarvan and his friends turned pale and looked at each other.	Гленарван и его друзья, побледнев, переглянулись.
What fresh catastrophe had happened now?	Неужели опять катастрофа?
Had the unfortunate Paganel slipped his footing?	Неужели Паганель упал?
Already Wilson and Mulrady had rushed to his rescue when his long body appeared tumbling down from branch to branch.	Уже Вильсон и Мюльреди бросились на помощь, как вдруг показалось длинное туловище - Паганель катился с ветки на ветку.
But was he living or dead, for his hands made no attempt to seize anything to stop himself.	Руки его не могли ни за что ухватиться. Жив он? Мертв?
A few minutes more, and he would have fallen into the roaring waters had not the Major's strong arm barred his passage.	Так или иначе, он уже падал в ревущие волны, когда рука майора удержала его.
"Much obliged, McNabbs," said Paganel.	- Я вам весьма обязан, Мак-Наббс! - воскликнул Паганель.
"How's this? What is the matter with you?	- Что с вами? - спросил майор. - Что случилось?
What came over you? Another of your absent fits."	Опять ваша всегдашняя рассеянность?
"Yes, yes," replied Paganel, in a voice almost inarticulate with emotion. "Yes, but this was something extraordinary."	- Да, да, - ответил Паганель, задыхаясь от волнения. - Да, рассеянность... и на этот раз просто феноменальная...
"What was it?"	- В чем же дело?
"I said we had made a mistake.	- Мы впали в заблуждение!
We are making it still, and have been all along."	Мы и сейчас заблуждаемся! Мы все время заблуждались!
"Explain yourself."	- Что вы хотите сказать?
"Glenarvan, Major, Robert, my friends," exclaimed Paganel, "all you that hear me, we are looking for Captain Grant where he is not to be found."	- Гленарван, майор, Роберт и вы все, друзья мои, слушайте! Мы ищем капитана Гранта там, где его нет!
"What do you say?" exclaimed Glenarvan.	- Что вы говорите? - воскликнул Гленарван.

"Not only where he is not now, but where he has never been."	- И не только нет, но никогда и не было! - добавил Паганель.
CHAPTER XXIV PAGANEL'S DISCLOSURE	Глава XXIV ПТИЧЬЯ ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
PROFOUND astonishment greeted these unexpected words of the learned geographer.	Все были поражены этими неожиданными словами.
What could he mean?	Что хотел сказать географ?
Had he lost his sense?	Уж не сошел ли он с ума?
He spoke with such conviction, however, that all eyes turned toward Glenarvan, for Paganel's affirmation was a direct answer to his question, but Glenarvan shook his head, and said nothing, though evidently he was not inclined to favor his friend's views.	Однако он говорил так убедительно! И все взоры обратились к Гленарвану. Утверждение Паганеля было, в сущности, прямым ответом на только что заданный Гленарваном вопрос. Но Гленарван только отрицательно покачал головой. Он, видимо, отнесся скептически к словам ученого. А тот, справившись со своим волнением, снова заговорил.
"Yes," began Paganel again, as soon as he had recovered himself a little; "yes, we have gone a wrong track, and read on the document what was never there."	- Да, да, - сказал он с убеждением, - мы искали там, где не надо было искать, и прочли в документе то, чего там нет.
"Explain yourself, Paganel," said the Major, "and more calmly if you can."	- Объясните же вашу мысль, Паганель, - попросил Мак-Наббс, - только спокойнее.
"The thing is very simple, Major.	- Все очень просто, майор.
Like you, I was in error; like you, I had rushed at a false interpretation, until about an instant ago, on the top of the tree, when I was answering your questions, just as I pronounced the word	Как и вы все, я заблуждался. Как и вы все, я неверно толковал документ. И только минуту назад, сидя на вершине этого дерева и отвечая на ваши вопросы, в тот миг, когда я произносил слово
'Australia,' a sudden flash came across my mind, and the document became clear as day."	"Австралия", меня вдруг озарило, словно молнией, и все мне стало ясно.
"What!" exclaimed Glenarvan, "you mean to say that Harry Grant-"	- Что? - воскликнул Гленарван. - Вы считаете, что Гарри Грант...
"I mean to say," replied Paganel, "that the word AUSTRAL that occurs in the document is not a complete word, as we have supposed up till now, but just the root of the word AUSTRALIE."	- Да, я считаю, - перебил его Паганель, - что слово austral в документе не полное слово, как мы до сих пор предполагали, а корень слова Australie, Австралия.
"Well, that would be strange," said the Major.	- Вот это интересно! - отозвался майор.
"Strange!" repeated Glenarvan, shrugging his shoulders; "it is simply impossible."	- Интересно? - пожал плечами Гленарван. - Да это просто невозможно.
"Impossible?" returned Paganel. "That is a word we don't allow in France."	- Невозможно! - крикнул Паганель. - Мы, во Франции, не признаем этого слова.
"What!" continued Glenarvan, in a tone of the most profound incredulity, "you dare to contend, with the document in your hand, that the shipwreck of the BRITANNIA happened on the shores of Australia."	- Как, - продолжал Гленарван тоном, в котором звучало полнейшее недоверие, - вы решаетесь утверждать, ссылаясь на документ, что "Британия" потерпела крушение у берегов Австралии?

"I am sure of it," replied Paganel.	- Я уверен в этом, - ответил Паганель.
"My conscience," exclaimed Glenarvan, "I must say I am surprised at such a declaration from the Secretary of a Geographical Society!"	- Право, Паганель, подобное заверение в устах секретаря Географического общества меня очень удивляет, - сказал Гленарван.
"And why so?" said Paganel, touched in his weak point.	- Почему? - спросил задетый за живое Паганель.
"Because, if you allow the word AUSTRALIE! you must also allow the word INDIENS, and Indians are never seen there."	- Да потому, что, если вы признаете в слове austral Австралию, вы одновременно должны признать там существование индейцев, а их там никогда не бывало.
Paganel was not the least surprised at this rejoinder. Doubtless he expected it, for he began to smile, and said:	Паганель улыбнулся, нисколько не смущенный этим доводом: он, видимо, ожидал его.
"My dear Glenarvan, don't triumph over me too fast. I am going to floor you completely, and never was an Englishman more thoroughly defeated than you will be.	- Дорогой Гленарван, - сказал он, - не спешите торжествовать: сейчас я разобью вас наголову, и поверьте мне, никогда англичанину еще не случалось терпеть такого поражения.
It will be the revenge for Cressy and Agincourt."	Да будет это расплатой за неудачи Франции при Креси и Азенкуре.
"I wish nothing better.	- Буду очень рад.
Take your revenge, Paganel."	Разбейте меня, Паганель!
"Listen, then.	- Ну, слушайте!
In the text of the document, there is neither mention of the Indians nor of Patagonia!	В документе так же мало говорится об индейцах, как и о Патагонии.
The incomplete word INDI does not mean INDIENS, but of course, INDIGENES, aborigines!	Обрывок слова inch значит не indiens - индейцы, а indigenes - туземцы.
Now, do you admit that there are aborigines in Australia?"	А что в Австралии имеются туземцы, вы, надеюсь, допускаете? Надо признаться, что тут Гленарван пристально посмотрел на географа.
"Bravo, Paganel!" said the Major.	- Браво, Паганель! - одобрил майор.
"Well, do you agree to my interpretation, my dear Lord?" asked the geographer again.	- Что же, дорогой Гленарван, принимаете вы мое толкование?
"Yes," replied Glenarvan, "if you will prove to me that the fragment of a word GONIE, does not refer to the country of the Patagonians."	- Да, но только в том случае, если вы мне докажете, что gonie не конец слова "Патагония".
"Certainly it does not. It has nothing to do with Patagonia," said Paganel.	- Конечно, нет! - крикнул Паганель. - Патагония тут ни при чем.
"Read it any way you please except that."	Подбирайте любые слова, только не это.
"How?"	- Но какое же может быть здесь слово?
"Cosmogonie, theogonie, agonie."	- Космогония, теогония, агония...
"AGONIE," said the Major.	- Агония, - выбрал майор.

"I don't care which," returned Paganel. "The word is quite unimportant; I will not even try to find out its meaning.	- Это мне безразлично, - ответил Паганель, - данное слово не имеет значения; я даже не стану доискиваться его смысла.
The main point is that AUSTRAL means AUSTRALIE, and we must have gone blindly on a wrong track not to have discovered the explanation at the very beginning, it was so evident.	Важно то, что austral указывает на Австралию. Не сбей вы меня тогда с толку своими ложными толкованиями, я сразу же пошел бы по правильному пути, до того здесь все очевидно!
If I had found the document myself, and my judgment had not been misled by your interpretation, I should never have read it differently."	Найди я этот документ сам, я никогда бы не мог понять его иначе!
A burst of hurrahs, and congratulations, and compliments followed Paganel's words.	На этот раз слова Паганеля были встречены криками "ура", приветствиями, поздравлениями.
Austin and the sailors, and the Major and Robert, most all overjoyed at this fresh hope, applauded him heartily; while even Glenarvan, whose eyes were gradually getting open, was almost prepared to give in.	Остин, матросы, майор, а больше всех счастливый Роберт, окрыленный новой надеждой, - все принялись рукоплескать достойному ученому. Гленарван, мало-помалу убеждавшийся в своей ошибке, заявил, что он почти готов сдаться.
"I only want to know one thing more, my dear Paganel," he said, "and then I must bow to your perspicacity."	- Еще один вопрос, дорогой Паганель, - сказал он, - и мне останется только преклониться перед вашей проницательностью.
"What is it?"	- Говорите, Гленарван!
"How will you group the words together according to your new interpretation? How will the document read?"	- Как же будет читаться весь документ при вашем новом толковании?
"Easily enough answered.	- Все очень просто.
Here is the document," replied Paganel, taking out the precious paper he had been studying so conscientiously for the last few days.	Возьмем документ, - ответил Паганель, доставая драгоценную бумагу, которую добросовестно изучал последние дни.
For a few minutes there was complete silence, while the worthy SAVANT took time to collect his thoughts before complying with his lordship's request. Then putting his finger on the words, and emphasizing some of them, he began as follows:	Пока географ собирался с мыслями, все молчали. Наконец Паганель, водя пальцем по отрывочным строкам, уверенно, подчеркивая голосом некоторые слова, прочел следующее:
"'Le 7 juin 1862 le trois-mats Britannia de Glasgow a sombre apres,'-put, if you please, 'deux jours, trois jours,' or 'une longue agonie,' it doesn't signify, it is quite a matter of indifference,-'sur les cotes de l'Australie.	- "Седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно "Британия", из порта Глазго, потерпело крушение после..." Здесь можно вставить, если хотите, "двух дней", "трех дней" или просто "долгой агонии" - это безразлично - "... у берегов Австралии.
Se dirigeant a terre, deux matelots et le Capitaine Grant vont essayer d'aborder,' or 'ont aborde le continent ou ils seront,' or, 'sont prisonniers de cruels indigenes.	Направляясь к берегу, два матроса и капитан Грант попытаются высадиться...", или "высадились на материк, где они попадут...", или "попали в плен к жестоким туземцам.
Ils ont jete ce documents,' etc.	Они бросили этот документ..." и так далее и так далее.
Is that clear?"	Ясно ли это?

"Clear enough," replied Glenarvan, "if the word continent can be applied to Australia, which is only an island."	- Ясно, если только слово "материк" применимо к Австралии, представляющей собой лишь остров.
"Make yourself easy about that, my dear Glenarvan; the best geographers have agreed to call the island the Australian Continent."	- Успокойтесь, дорогой Гленарван, лучшие географы того мнения, что следует называть этот остров Австралийским материком.
"Then all I have now to say is, my friends," said Glenarvan, "away to Australia, and may Heaven help us!"	- Тогда, друзья мои, мне остается сказать вам только одно: в Австралию! И да поможет нам небо! - воскликнул Гленарван.
"To Australia!" echoed his companions, with one voice.	- В Австралию! - в один голос подхватили его спутники.
"I tell you what, Paganel," added Glenarvan, "your being on board the DUNCAN is a perfect providence."	- Знаете, Паганель, - прибавил Гленарван, - само провидение послало вас на "Дункан"!
"All right. Look on me as a messenger of providence, and let us drop the subject."	- Что ж, - отозвался географ, - допустим, что я посланник провидения, и не будем больше говорить об этом.
So the conversation ended-a conversation which great results were to follow; it completely changed the moral condition of the travelers; it gave the clew of the labyrinth in which they had thought themselves hopelessly entangled, and, amid their ruined projects, inspired them with fresh hope.	Так закончился разговор, имевший такие важные последствия в будущем. Он совершенно изменил настроение путешественников. Они снова обрели путеводную нить в лабиринте, откуда им, казалось, уже не было выхода. Над развалинами их рухнувших планов засияла новая надежда.
They could now quit the American Continent without the least hesitation, and already their thoughts had flown to the Australias.	Теперь они могли без боязни покинуть Американский материк, а мысленно они уже устремились в Австралию.
In going on board the DUNCAN again they would not bring despair with them, and Lady Helena and Mary Grant would not have to mourn the irrevocable loss of Captain Grant.	Поднимаясь снова на борт "Дункана", они не принесут с собой отчаяния. Леди Элен и Мери Грант не придется оплакивать безвозвратную потерю капитана Гранта.
This thought so filled them with joy that they forgot all the dangers of their actual situation, and only regretted that they could not start immediately.	Охваченные радостными надеждами, путешественники позабыли обо всех опасностях, грозивших им самим, и жалели лишь об одном: что не могут немедленно пуститься в путь.
It was about four o'clock in the afternoon, and they determined to have supper at six.	Было четыре часа пополудни. Решили ужинать в шесть.
Paganel wished to get up a splendid spread in honor of the occasion, but as the materials were very scanty, he proposed to Robert to go and hunt in the neighboring forest.	Паганелю захотелось ознаменовать этот счастливый день роскошным пиром, а так как меню было очень скудно, он предложил Роберту пойти с ним на охоту в "соседний лес".
Robert clapped his hands at the idea, so they took Thalcave's powder flask, cleaned the revolvers and loaded them with small shot, and set off.	Мальчик захлопал от радости в ладоши. Они взяли пороховницу Талькава, вычистили револьверы, зарядили их и отправились.
"Don't go too far," said the Major, gravely, to the two hunters.	- Не заходите слишком далеко, - серьезным тоном напутствовал охотников майор.

After their departure, Glenarvan and McNabbs went down to examine the state of the water by looking at the notches they had made on the tree, and Wilson and Mulrady replenished the fire.	После их ухода Гленарван и Мак-Наббс решили посмотреть зарубки, сделанные на дереве, а Вильсон и Мюльреди снова разожгли костер.
No sign of decrease appeared on the surface of the immense lake, yet the flood seemed to have reached its maximum height; but the violence with which it rushed from the south to north proved that the equilibrium of the Argentine rivers was not restored.	Спустившись к поверхности образовавшегося огромного озера, Гленарван не заметил, чтобы вода убывала. Однако уровень ее достиг, по-видимому, своего максимума. Все же та неистовая сила, с которой воды неслись с юга на север, доказывала, что аргентинские реки не пришли еще в нормальное состояние.
Before getting lower the liquid mass must remain stationary, as in the case with the ocean before the ebb tide commences.	Прежде чем уровень воды начнет понижаться, эти бурные воды должны были успокоиться, как море между приливом и отливом. А пока они так стремительно неслись к северу, нельзя было рассчитывать на их убыль.
While Glenarvan and his cousin were making these observations, the report of firearms resounded frequently above their heads, and the jubilant outcries of the two sportsmen-for Paganel was every whit as much a child as Robert. They were having a fine time of it among the thick leaves, judging by the peals of laughter which rang out in the boy's clear treble voice and Paganel's deep bass.	В то время как Гленарван и майор делали свои наблюдения, в ветвях омбу раздались выстрелы, сопровождаемые почти столь же шумными криками радости. Высокий голос Роберта сливался с басом Паганеля. Неизвестно, кто из них больше был ребенком.
The chase was evidently successful, and wonders in culinary art might be expected.	Охота, по-видимому, обещала быть удачной и сулила роскошные кушанья.
Wilson had a good idea to begin with, which he had skilfully carried out; for when Glenarvan came back to the brasier, he found that the brave fellow had actually managed to catch, with only a pin and a piece of string, several dozen small fish, as delicate as smelts, called MOJARRAS, which were all jumping about in a fold of his poncho, ready to be converted into an exquisite dish.	Вернувшись к костру, майор и Гленарван с удовольствием поздравили Вильсона с одной прекрасной идеей. Этот славный моряк при помощи булавки и бечевки затеял рыбную ловлю, и результаты ее были изумительны: несколько дюжин маленьких рыбок "мохоррас", вкусных, как корюшка, трепетали, брошенные на его пончо, обещая путешественникам изысканное блюдо.
At the same moment the hunters reappeared.	В это время спустились охотники.
Paganel was carefully carrying some black swallows' eggs, and a string of sparrows, which he meant to serve up later under the name of field larks.	Паганель осторожно нес яйца черных ласточек и связку воробьев, которых он собирался подать за обедом под видом жаворонков.
Robert had been clever enough to bring down several brace of HILGUEROS, small green and yellow birds, which are excellent eating, and greatly in demand in the Montevideo market.	Роберт же ловко подстрелил несколько пар "хильгуэрос": эти маленькие желто - зеленые птички очень приятны на вкус, и на них большой спрос на рынке в Монтевидео.
Paganel, who knew fifty ways of dressing eggs, was obliged for this once to be content with simply hardening them on the hot embers.	Паганель, знавший пятьдесят один способ приготовления яиц, на этот раз мог только испечь их в горячей золе костра.
But notwithstanding this, the viands at the meal were both dainty and varied.	Тем не менее меню получилось разнообразное и изысканное.
The dried beef, hard eggs, grilled MOJARRAS, sparrows, and roast HILGUEROS, made one of those gala feasts the memory of which is imperishable.	Сушеное мясо, крутые яйца, жареные "мохоррас", воробьи и "хильгуэрос" составили незабываемую трапезу.

The conversation was very animated.	За едой весело беседовали.
Many compliments were paid Paganel on his twofold talents as hunter and cook, which the SAVANT accepted with the modesty which characterizes true merit.	Паганеля превозносили и как охотника и как повара. Он принимал эти похвалы со скромностью заслужившего их человека.
Then he turned the conversation on the peculiarities of the OMBU, under whose canopy they had found shelter, and whose depths he declared were immense.	Затем он начал забавный рассказ о бесконечной, по его словам, чаще ветвей приютившего их омбу.
"Robert and I," he added, jestingly, "thought ourselves hunting in the open forest. I was afraid, for the minute, we should lose ourselves, for I could not find the road.	- Нам с Робертом казалось, что мы охотимся в настоящем лесу, - рассказывал он. - Одно время я даже стал опасаться, что мы заблудимся: представьте, я никак не мог найти дорогу!
The sun was sinking below the horizon; I sought vainly for footmarks; I began to feel the sharp pangs of hunger, and the gloomy depths of the forest resounded already with the roar of wild beasts. No, not that; there are no wild beasts here, I am sorry to say."	Солнце уже склонялось к западу. Тщетно искал я наши следы. Голод жестоко давал себя чувствовать. Уже из темной чащи доносилось рычанье диких зверей... то есть нет, я ошибся... здесь нет диких зверей, и я очень сожалею об этом!
"What!" exclaimed Glenarvan, "you are sorry there are no wild beasts?"	- Как, - спросил Гленарван, - вы жалеете, что здесь нет диких зверей?
"Certainly I am."	- Конечно, жалею!
"And yet we should have every reason to dread their ferocity."	- Но они свирепы...
"Their ferocity is non-existent, scientifically speaking," replied the learned geographer.	- С научной точки зрения они вовсе не свирепы, - возразил ученый.
"Now come, Paganel," said the Major, "you'll never make me admit the utility of wild beasts.	- Ну уж извините, Паганель! - вмешался майор. - Вы никогда не заставите меня уверовать в полезность диких зверей.
What good are they?"	Какой от них толк?
"Why, Major," exclaimed Paganel, "for purposes of classification into orders, and families, and species, and sub-species."	- О, майор! - вскричал Паганель. - Но они необходимы для классификации: отряды, семейства, роды, виды...
"A mighty advantage, certainly!" replied McNabbs, "I could dispense with all that.	- Велика польза, нечего сказать! - сказал Мак-Наббс. - Я бы без этого вполне обошелся.
If I had been one of Noah's companions at the time of the deluge, I should most assuredly have hindered the imprudent patriarch from putting in pairs of lions, and tigers, and panthers, and bears, and such animals, for they are as malevolent as they are useless."	Будь я с Ноем во время потопа, я бы уж, конечно, не дал этому неблагоразумному патриарху посадить в ковчег по паре львов, тигров, пантер, медведей и других зверей, столь же зловредных, сколь и бесполезных.
"You would have done that?" asked Paganel.	- Вы бы это сделали? - спросил Паганель.
"Yes, I would."	- Сделал бы.
"Well, you would have done wrong in a zoological point of view," returned Paganel.	- Вот как? Но с зоологической точки зрения вы были бы неправы.
"But not in a humanitarian one," rejoined the Major.	- Зато прав с человеческой точки зрения, - ответил Мак-Наббс.

"It is shocking!" replied Paganel. "Why, for my part, on the contrary, I should have taken special care to preserve megatheriums and pterodactyles, and all the antediluvian species of which we are unfortunately deprived by his neglect."	- Это возмутительно! - воскликнул ученый. - Я бы, наоборот, заставил Ноя взять с собой в ковчег и мегатериев, и птеродактилей, и вообще всех допотопных животных, которых мы, к несчастью, теперь лишены...
"And I say," returned McNabbs, "that Noah did a very good thing when he abandoned them to their fate-that is, if they lived in his day."	- А я вам говорю, - возразил Мак-Наббс, - что Ной прекрасно поступил, оставив их на произвол судьбы, если, конечно, они в самом деле жили в его время.
"And I say he did a very bad thing," retorted Paganel, "and he has justly merited the malediction of SAVANTS to the end of time!"	- А я вам говорю, - упорствовал Паганель, - что Ной поступил дурно и на веки вечные заслужил проклятия ученых.
The rest of the party could not help laughing at hearing the two friends disputing over old Noah.	Слушая этот спор Паганеля и майора о старике Ное, окружающие не могли не хохотать.
Contrary to all his principles, the Major, who all his life had never disputed with anyone, was always sparring with Paganel.	У майора, никогда в жизни ни с кем не спорившего, происходили, вопреки всем его принципам, ежедневные стычки с Паганелем.
The geographer seemed to have a peculiarly exciting effect on him.	Очевидно, ученый обладал особой способностью выводить его из равновесия.
Glenarvan, as usual, always the peacemaker, interfered in the debate, and said:	Гленарван, по своему обыкновению, вмешался в спор.
"Whether the loss of ferocious animals is to be regretted or not, in a scientific point of view, there is no help for it now; we must be content to do without them.	- Стоит или нет об этом сожалеть с научной или человеческой точки зрения, - сказал он, - но нам нужно примириться с отсутствием диких зверей.
Paganel can hardly expect to meet with wild beasts in this aerial forest."	Да, конечно, Паганель и не мог надеяться встретить их в таком воздушном лесу.
"Why not?" asked the geographer.	- А почему бы и нет? - отозвался ученый.
"Wild beasts on a tree!" exclaimed Tom Austin.	- Дикие звери на дереве? - удивился Том Остин.
"Yes, undoubtedly.	- Ну конечно!
The American tiger, the jaguar, takes refuge in the trees, when the chase gets too hot for him.	Американский тигр - ягуар, когда его окружат охотники, обыкновенно спасается от них на деревьях.
It is quite possible that one of these animals, surprised by the inundation, might have climbed up into this OMBU, and be hiding now among its thick foliage."	И одно из таких животных, захваченное наводнением, вполне могло найти убежище на ветвях омбу.
"You haven't met any of them, at any rate, I suppose?" said the Major.	- Все же, надеюсь, вы ягуара не встретили? - спросил майор.
"No," replied Paganel, "though we hunted all through the wood.	- Нет, хотя и обошли весь "лес".
It is vexing, for it would have been a splendid chase.	А жаль! Вот была бы чудесная охота!
A jaguar is a bloodthirsty, ferocious creature.	Ягуар - свирепый хищник!
He can twist the neck of a horse with a single stroke of his paw.	Одним ударом лапы он сворачивает шею лошади.

When he has once tasted human flesh he scents it greedily.	Если ему доведется однажды отведать человечьего мяса, он снова алчет его.
He likes to eat an Indian best, and next to him a negro, then a mulatto, and last of all a white man."	Больше всего он любит индейцев, потом идут негры, потом - мулаты, а потом - белые.
"I am delighted to hear we come number four," said McNabbs.	- Я рад, что занимаю только четвертое место.
"That only proves you are insipid," retorted Paganel, with an air of disdain.	- Это только доказывает, что вы безвкусны.
"I am delighted to be insipid," was the Major's reply.	- Очень рад! - парировал майор.
"Well, it is humiliating enough," said the intractable Paganel. "The white man proclaimed himself chief of the human race; but Mr. Jaguar is of a different opinion it seems."	- Но это унизительно, - невозмутимо продолжал Паганель, - ведь белый человек считает себя лучше всех других. Очевидно, ягуары не разделяют этого мнения.
"Be that as it may, my brave Paganel, seeing there are neither Indians, nor negroes, nor mulattoes among us, I am quite rejoiced at the absence of your beloved jaguars.	- Как бы там ни было, друг Паганель, - сказал Гленарван, - поскольку среди нас нет ни индейцев, ни негров, ни мулатов, я очень рад отсутствию ваших милых ягуаров.
Our situation is not so particularly agreeable."	Наше положение все-таки не так приятно...
"What! not agreeable!" exclaimed Paganel, jumping at the word as likely to give a new turn to the conversation. "You are complaining of your lot, Glenarvan."	- Не так приятно? - воскликнул Паганель, набрасываясь на эти слова, которые могли дать новое направление спору. - Вы жалуетесь на свою судьбу, Гленарван?
"I should think so, indeed," replied Glenarvan. "Do you find these uncomfortable hard branches very luxurious?"	- Конечно, - ответил Гленарван. - Неужели вам так удобно на этих довольно-таки жестких ветвях?
"I have never been more comfortable, even in my study.	- Никогда не чувствовал себя лучше даже в своем собственном кабинете!
We live like the birds, we sing and fly about. I begin to believe men were intended to live on trees."	Мы живем, как птицы: распеваем, порхаем... Я начинаю думать, что люди предназначены для жизни на деревьях.
"But they want wings," suggested the Major.	- Им не хватает лишь крыльев, - вставил майор.
"They'll make them some day."	- Когда-нибудь они сделают их себе.
"And till then," put in Glenarvan, "with your leave, I prefer the gravel of a park, or the floor of a house, or the deck of a ship, to this aerial dwelling."	- А пока, - сказал Гленарван, - позвольте мне, милый друг, предпочесть этому воздушному обиталищу усыпанную песком дорожку парка, паркетный пол дома или палубу судна.
"We must take things as they come, Glenarvan," returned Paganel. "If good, so much the better; if bad, never mind. Ah, I see you are wishing you had all the comforts of Malcolm Castle."	- Видите ли, Гленарван, - ответил Паганель, - нужно уметь мириться с обстоятельствами: хороши они - тем лучше; плохи - надо не обращать на это внимания... Я вижу, вы жалеете о комфорте своего замка.
"No, but-"	- Нет, но...
"I am quite certain Robert is perfectly happy," interrupted Paganel, eager to insure one partisan at least.	- Вот Роберт, я уверен, совершенно доволен, - не дал договорить Гленарвану географ, желая привлечь на свою сторону хоть одного приверженца.

"Yes, that I am!" exclaimed Robert, in a joyous tone.	- О да, господин Паганель! - весело воскликнул Роберт.
"At his age it is quite natural," replied Glenarvan.	- В его возрасте это естественно, - заметил Гленарван.
"And at mine, too," returned the geographer. "The fewer one's comforts, the fewer one's needs; and the fewer one's needs, the greater one's happiness."	- И в моем тоже, - возразил ученый. - Чем меньше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее.
"Now, now," said the Major, "here is Paganel running a tilt against riches and gilt ceilings."	- Ну вот: теперь Паганель поведет атаку на богатство и роскошь, - заметил Мак-Наббс.
"No, McNabbs," replied the SAVANT, "I'm not; but if you like, I'll tell you a little Arabian story that comes into my mind, very APROPOS this minute."	- Ошибаетесь, майор, - отозвался ученый. - Но если хотите, я расскажу вам по этому поводу маленькую арабскую сказку - она как раз мне вспомнилась.
"Oh, do, do," said Robert.	- Пожалуйста, пожалуйста, расскажите, господин Пага - нель! - воскликнул Роберт.
"And what is your story to prove, Paganel?" inquired the Major.	- А что докажет ваша сказка? - поинтересовался майор.
"Much what all stories prove, my brave comrade."	- То, что доказывают все сказки, милый друг.
"Not much then," rejoined McNabbs. "But go on, Scheherazade, and tell us the story."	- Значит, немногое, - ответил Мак-Наббс. - Но все же рассказывайте вашу сказку, Шахерезада. Вы же так искусны в этом.
"There was once," said Paganel, "a son of the great Haroun-al-Raschid, who was unhappy, and went to consult an old Dervish.	- Жил когда-то сын великого Гарун-аль-Рашида, - начал Паганель. - Он был несчастлив. Пошел он за советом к старому дервишу.
The old sage told him that happiness was a difficult thing to find in this world.	Мудрый старец, выслушав его, сказал, что счастье трудно найти на этом свете.
'However,' he added, 'I know an infallible means of procuring your happiness.'	"А все же, - прибавил он, - я знаю один верный способ добыть счастье". -
'What is it?' asked the young Prince.	"Что же это за способ?" - спросил юный принц.
'It is to put the shirt of a happy man on your shoulders.'	"Надо надеть рубашку счастливого человека", - ответил дервиш.
Whereupon the Prince embraced the old man, and set out at once to search for his talisman.	Обрадованный принц обнял старца и отправился на поиски своего талисмана.
He visited all the capital cities in the world.	Он долго странствовал. Он побывал во всех земных столицах!
He tried on the shirts of kings, and emperors, and princes and nobles; but all in vain: he could not find a man among them that was happy.	Он надевал рубашки королей, рубашки императоров, рубашки принцев, рубашки вельмож - напрасный труд, все тщетно. Счастливее он не стал.
Then he put on the shirts of artists, and warriors, and merchants; but these were no better.	Тогда принц принялся надевать рубашки художников, воинов, купцов. Никакого прока.
By this time he had traveled a long way, without finding what he sought.	Долго он так скитался в тщетных поисках счастья.

At last he began to despair of success, and began sorrowfully to retrace his steps back to his father's palace, when one day he heard an honest peasant singing so merrily as he drove the plow, that he thought,	В конце концов, перепробовав столько рубашек и отчаявшись в успехе, принц печально отправился назад. И в один прекрасный день, когда он уже подходил ко дворцу своего отца, он вдруг увидел в поле шедшего за плугом крестьянина. Тот весело распевал.
'Surely this man is happy, if there is such a thing as happiness on earth.' Forthwith he accosted him, and said,	"Если и этот не счастлив, то счастья вообще нет на земле", - подумал принц и, подойдя к пахарю, он спросил его:
'Are you happy?'	"Добрый человек, счастлив ли ты?" -
'Yes,' was the reply.	"Да", - ответил тот.
'There is nothing you desire?'	"И ты ничего не хочешь?" -
'Nothing.'	"Ничего!" -
'You would not change your lot for that of a king?'	"И даже не хотел бы променять свою судьбу на судьбу короля?" -
'Never!'	"Ни за что!" -
'Well, then, sell me your shirt.'	"Ну, тогда продай мне свою рубашку". -
'My shirt!	"Рубашку?
I haven't one!'"	Да у меня ее вовсе нет!"
CHAPTER XXV BETWEEN FIRE AND WATER	Глава XXV МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ
BEFORE turning into "their nest," as Paganel had called it, he, and Robert, and Glenarvan climbed up into the observatory to have one more inspection of the liquid plain.	Сказка Паганеля имела огромный успех. Ему даже аплодировали, но каждый остался при своем мнении. Ученый достиг обычного результата всякого спора - он никого не убедил. Но все же с ним согласились в том, что под ударами судьбы не надо падать духом и что, если нет ни дворца, ни хижины, надо довольствоваться и деревом. Пока велись эти разговоры, наступил вечер. После такого тревожного дня нужно было как следует выспаться. Постояльцы омбу были не только утомлены борьбой с наводнением, но, сверх того, измучены жгучей дневной жарой. Их крылатые соседи уже скрылись в гуще листвы; мелодичные рулады хильгуэрос, этих пампасских соловьев, мало-помалу затихали. Птицы погружались в сон. Лучше всего было последовать их примеру. Но прежде чем, по выражению Паганеля, "забиться в гнездышко", Гленарван, Роберт И географ взобрались в свою "обсерваторию", чтобы в последний раз осмотреть водную равнину.
It was about nine o'clock; the sun had just sunk behind the glowing mists of the western horizon.	Было около девяти часов вечера. Солнце только что скрылось, и облака на горизонте еще пылали.

The eastern horizon was gradually assuming a most stormy aspect.	Всю западную половину неба заволокли клубы теплого пара. Обычно столь яркие, созвездия Южного полушария смутно мерцали, будто скрытые мглистым покровом. Все же их можно было распознать, и Паганель познакомил Роберта и Гленарвана с яркими звездами околополярной зоны. Ученый показал им много созвездий, в том числе Южный Крест - созвездие из четырех звезд первой и второй величины, расположённых в виде ромба почти над самым полюсом, созвездие Кентавра, в котором расположена самая близкая к земле звезда - до нее всего восемь тысяч миллиардов миль; две обширные туманности - облака Магеллана, - из которых более крупная в двести раз больше видимой поверхности Луны; и, наконец, "черную дыру" - то место на небесном своде, где как будто совершенно отсутствуют звезды. Географ очень жалел о том, что на небе еще не появился видимый на обоих полушариях Орион, но зато он рассказал своим ученикам об одной любопытной легенде патагонской "космографии". В глазах поэтичных индейцев Орион - это громадное лассо и три болас, брошенные рукой охотника, бродящего по небесным прериям. Все эти созвездия, отражаясь в зеркале вод, создавали как бы второе небо. Картина была поистине восхитительна. Пока Паганель вел ученые речи, небо на востоке омрачилось.
A thick dark bar of cloud was rising higher and higher, and by degrees extinguishing the stars.	Густая, темная, резко очерченная туча постепенно поднималась, гася звезды.
Before long half the sky was overspread.	Мрачная, зловещая, она вскоре заволокла половину небесного свода.
Evidently motive power lay in the cloud itself, for there was not a breath of wind.	Казалось, что она движется сама собой, так как не чувствовалось ни малейшего ветерка.
Absolute calm reigned in the atmosphere; not a leaf stirred on the tree, not a ripple disturbed the surface of the water.	Воздух был неподвижен. Ни один листок на дереве не шевелился, ни малейшей ряби не пробегало по поверхности вод.
There seemed to be scarcely any air even, as though some vast pneumatic machine had rarefied it.	Даже дышать становилось трудно - точно колоссальный насос разредил воздух.
The entire atmosphere was charged to the utmost with electricity, the presence of which sent a thrill through the whole nervous system of all animated beings.	Атмосфера была насыщена электричеством; каждое живое существо ощущало, как оно бежит по его нервам. Гленарван, Паганель и Роберт почувствовали эти электрические волны.
"We are going to have a storm," said Paganel.	- Надвигается гроза, - заметил Паганель.
"You're not afraid of thunder, are you, Robert?" asked Glenarvan.	- Ты не боишься грома? - спросил Гленарван мальчика.
"No, my Lord!" exclaimed Robert.	- О, милорд!
"Well, my boy, so much the better, for a storm is not far off."	- Ну, тем лучше: скоро будет гроза.

"And a violent one, too," added Paganel, "if I may judge by the look of things."	- И гроза сильная, судя по виду неба, - добавил Паганель.
"It is not the storm I care about," said Glenarvan, "so much as the torrents of rain that will accompany it.	- Меня беспокоит не столько гроза, - продолжал Гленарван, - сколько ливень, который хлынет одновременно с ней.
We shall be soaked to the skin.	Нас промочит до костей.
Whatever you may say, Paganel, a nest won't do for a man, and you will learn that soon, to your cost."	Что бы вы ни говорили, Паганель, а гнездом человек довольствоваться не может, и вы скоро в этом убедитесь на самом себе.
"With the help of philosophy, it will," replied Paganel.	- О, относясь философски...
"Philosophy! that won't keep you from getting drenched."	- Философия не помешает вам вымокнуть.
"No, but it will warm you."	- Нет, конечно, но она согревает.
"Well," said Glenarvan, "we had better go down to our friends, and advise them to wrap themselves up in their philosophy and their ponchos as tightly as possible, and above all, to lay in a stock of patience, for we shall need it before very long."	- Однако давайте спустимся к нашим друзьям, - сказал Гленарван, - и посоветуем им, вооружившись философией, как можно плотнее завернуться в пончо, а главное, запастись терпением, ибо оно нам понадобится.
Glenarvan gave a last glance at the angry sky.	Гленарван в последний раз окинул взором грозное небо.
The clouds now covered it entirely; only a dim streak of light shone faintly in the west.	Оно было покрыто тучами; только на западе неясная полоса еще чуть светилась сумеречным светом.
A dark shadow lay on the water, and it could hardly be distinguished from the thick vapors above it.	Вода потемнела и тоже напоминала огромную тучу, готовую слиться с тучей на небе.
There was no sensation of light or sound.	Ничего не было видно.
All was darkness and silence around.	Ни проблеска света, ни звука. Тишина становилась такой же глубокой, как темнота.
"Let us go down," said Glenarvan; "the thunder will soon burst over us."	- Давайте же спускаться, - повторил Гленарван, - скоро ударит гром.
On returning to the bottom of the tree, they found themselves, to their great surprise, in a sort of dim twilight, produced by myriads of luminous specks which appeared buzzing confusedly over the surface of the water.	Все трое соскользнули по гладким веткам вниз и с удивлением увидели какой-то странный полусвет, освещавший все вокруг. Исходил он от несметного количества светящихся точек, носившихся с жужжанием над водой.
"It is phosphorescence, I suppose," said Glenarvan.	- Что это, фосфоресценция? - спросил Гленарван географа.
"No, but phosphorescent insects, positive glow-worms, living diamonds, which the ladies of Buenos Ayres convert into magnificent ornaments."	- Нет, - ответил тот, - это светляки - живые и недорогие алмазы, из которых дамы Буэнос-Айреса делают себе прекрасные уборы.
"What!" exclaimed Robert, "those sparks flying about are insects!"	- Как, эти летающие искры - насекомые? - воскликнул Роберт.
"Yes, my boy."	- Да, мой милый.

Robert caught one in his hand, and found Paganel was right. It was a kind of large drone, an inch long, and the Indians call it "tuco-tuco."	Роберт поймал одного из светляков. Паганель не ошибся - это было насекомое, похожее на шмеля, с дюйм длиной. Индейцы зовут его "кукухо".
This curious specimen of the COLEOPTERA sheds its radiance from two spots in the front of its breast-plate, and the light is sufficient to read by.	Два пятнышка на щитке насекомого излучали свет, позволявший даже читать в темноте.
Holding his watch close to the insect, Paganel saw distinctly that the time was 10 P. M.	Паганель поднес жучка к своим часам и разглядел, что они показывают десять часов вечера.
On rejoining the Major and his three sailors, Glenarvan warned them of the approaching storm, and advised them to secure themselves in their beds of branches as firmly as possible, for there was no doubt that after the first clap of thunder the wind would become unchained, and the OMBU would be violently shaken.	Гленарван, подойдя к майору и трем морякам, стал отдавать распоряжения на ночь. Нужно было приготовиться к грозе. После первых раскатов грома, без сомнения, забушует ураган, и омбу начнет сильно раскачиваться.
Though they could not defend themselves from the waters above, they might at least keep out of the rushing current beneath.	Поэтому каждому было предложено покрепче привязать себя к доставшейся ему постели из ветвей. Если уж нельзя было избежать потоков с неба, то, во всяком случае, надо было уберечься от земных вод и не упасть в бурный поток, несшийся у подножия дерева.
They wished one another "good-night," though hardly daring to hope for it, and then each one rolled himself in his poncho and lay down to sleep.	Все пожелали друг другу спокойной ночи, не очень-то, правда, на это надеясь, затем каждый улегся на свое висячее ложе, завернулся в пончо и постарался заснуть.
But the approach of the great phenomena of nature excites vague uneasiness in the heart of every sentient being, even in the most strong-minded.	Но приближение грозных явлений природы вызывает во всяком живом существе какую-то смутную тревогу; побороть ее не могут даже самые сильные.
The whole party in the OMBU felt agitated and oppressed, and not one of them could close his eyes. The first peal of thunder found them wide awake. It occurred about 11 P. M., and sounded like a distant rolling.	Постояльцы омбу, взволнованные, угнетенные, были не в состоянии сомкнуть глаз, и в одиннадцать часов первый отдаленный раскат грома застал всех их еще бодрствующими.
Glenarvan ventured to creep out of the sheltering foliage, and made his way to the extremity of the horizontal branch to take a look round.	Гленарван пробрался на самый конец горизонтальной ветви и высунул голову из листвы.
The deep blackness of the night was already scarified with sharp bright lines, which were reflected back by the water with unerring exactness.	Даль темного неба уже разрезали блестящие молнии, отчетливо отражаясь в водах разлившейся реки.
The clouds had rent in many parts, but noiselessly, like some soft cotton material.	Эти молнии разрывали тучи бесшумно, словно мягкую, пушистую ткань.
After attentively observing both the zenith and horizon, Glenarvan went back to the center of the trunk.	Увидев, что небо сливается с горизонтом в едином мраке, Гленарван вернулся к стволу.
"Well, Glenarvan, what's your report?" asked Paganel.	- Что скажете, Гленарван? - спросил его Паганель.

"I say it is beginning in good earnest, and if it goes on so we shall have a terrible storm."	- Скажу, что начало - на славу, друзья мои, и если так пойдет и дальше, то гроза будет страшнейшая.
"So much the better," replied the enthusiastic Paganel; "I should like a grand exhibition, since we can't run away."	- Тем лучше! - с восторгом вскричал Паганель. - Все равно грозы не избежать, но пусть хоть будет чем полюбоваться!
"That's another of your theories," said the Major.	- Вот еще одна из ваших теорий, которая рассыплется с треском, - заметил майор.
"And one of my best, McNabbs.	- Одна из лучших моих теорий, Мак-Наббс!
I am of Glenarvan's opinion, that the storm will be superb.	Я согласен с Гленарваном - гроза будет великолепная!
Just a minute ago, when I was trying to sleep, several facts occurred to my memory, that make me hope it will, for we are in the region of great electrical tempests.	Сейчас, когда я пытался заснуть, мне припомнилось Несколько случаев, которые вселяют в меня надежды. Ведь мы как раз находимся в краю великих электрических бурь.
For instance, I have read somewhere, that in 1793, in this very province of Buenos Ayres, lightning struck thirty-seven times during one single storm.	Я где-то читал, что в 1793 году как раз здесь, в провинции Буэнос-Айрес, во время одной грозы прогремело тридцать семь раскатов грома подряд.
My colleague, M. Martin de Moussy, counted fifty-five minutes of uninterrupted rolling."	По наблюдению моего коллеги Мартена де Мусси, это длилось целых пятьдесят пять минут без перерыва.
"Watch in hand?" asked the Major.	- Он наблюдал с часами в руках? - спросил майор.
"Watch in hand.	- С часами в руках.
Only one thing makes me uneasy," added Paganel, "if it is any use to be uneasy, and that is, that the culminating point of this plain, is just this very OMBU where we are.	Единственное, что могло бы меня встревожить, если бы тревога помогала избежать опасности, - прибавил Паганель, - это то, что на всей этой равнине самый возвышенный пункт - омбу, на котором мы с вами находимся.
A lightning conductor would be very serviceable to us at present. For it is this tree especially, among all that grow in the Pampas, that the thunder has a particular affection for.	Здесь был бы очень кстати громоотвод, ибо из всех деревьев пампасов молния почему-то питает особую слабость именно к омбу.
Besides, I need not tell you, friend, that learned men tell us never to take refuge under trees during a storm."	А потом, вам, конечно, небезызвестно, друзья мои, что ученые не рекомендуют укрываться во время грозы под деревьями.
"Most seasonable advice, certainly, in our circumstances," said the Major.	- Ну, нельзя сказать, чтобы совет этот был уместен, - заявил майор.
"I must confess, Paganel," replied Glenarvan, "that you might have chosen a better time for this reassuring information."	- Надо признаться, Паганель, вы чрезвычайно удачно выбрали момент, для того чтобы сообщить нам эти успокоительные сведения, - прибавил иронически Гленарван.
"Bah!" replied Paganel, "all times are good for getting information. Ha! now it's beginning."	- Ба! Любое время хорошо для пополнения знаний... - отозвался Паганель. - О, начинается!

Louder peals of thunder interrupted this inopportune conversation, the violence increasing with the noise till the whole atmosphere seemed to vibrate with rapid oscillations.	Раскаты грома прервали этот неуместный разговор. Их сила нарастала, а звук повышался. Приближаясь, они переходили из низких тонов в средние (если заимствовать подходящее сравнение из музыки). Небесные струны вибрировали все чаще - звук стал нестерпимым. Все вокруг пылало. Невозможно было определить среди этого огня, какому именно электрическому разряду соответствовал нескончаемый грохот, эхо которого, перекатываясь, уходило в бесконечную глубь неба.
The incessant flashes of lightning took various forms.	То и дело сверкали молнии самой разной формы.
Some darted down perpendicularly from the sky five or six times in the same place in succession.	Некоторые свергались перпендикулярно и вспыхивали по пяти-шести раз на одном и том же месте.
Others would have excited the interest of a SAVANT to the highest degree, for though Arago, in his curious statistics, only cites two examples of forked lightning, it was visible here hundreds of times.	Другие поразили бы любого ученого: если Араго в своей любопытной статистике всего два раза отмечал раздвоенную молнию, то здесь их было сразу сотни.
Some of the flashes branched out in a thousand different directions, making coralliform zigzags, and threw out wonderful jets of arborescent light.	Некоторые молнии, бесконечно разветвляясь, загорались кораллообразными зигзагами, на темном небесном своде вырисовывались как бы светящиеся деревья.
Soon the whole sky from east to north seemed supported by a phosphoric band of intense brilliancy.	Вскоре на северо-востоке протянулась яркая фосфорическая полоса.
This kept increasing by degrees till it overspread the entire horizon, kindling the clouds which were faithfully mirrored in the waters as if they were masses of combustible material, beneath, and presented the appearance of an immense globe of fire, the center of which was the OMBU.	Воспламеняя тучи, словно какое-то горючее вещество, и отражаясь в бурных водах, она мало-помалу охватила весь горизонт. Это молния отразилась в воде, и омбу очутилось в центре огненной сферы.
Glenarvan and his companions gazed silently at this terrifying spectacle.	Гленарван и его спутники глядели на это грозное зрелище молча.
They could not make their voices heard, but the sheets of white light which enwrapped them every now and then, revealed the face of one and another, sometimes the calm features of the Major, sometimes the eager, curious glance of Paganel, or the energetic face of Glenarvan, and at others, the scared eyes of the terrified Robert, and the careless looks of the sailors, investing them with a weird, spectral aspect.	Их слов все равно не было бы слышно... Порой беловатый, точно призрачный свет на мгновение озарял то невозмутимое лицо майора, то оживленное любопытством лицо Паганеля, то энергичные черты лица Гленарвана, то растерянное личико Роберта, то беспечные физиономии матросов.
However, as yet, no rain had fallen, and the wind had not risen in the least.	Однако ни дождя, ни ветра еще не было.
But this state of things was of short duration; before long the cataracts of the sky burst forth, and came down in vertical streams.	Но вскоре хляби небесные разверзлись, и вертикальные, словно нити ткацкого станка, струи соединили черное небо с водной равниной.
As the large drops fell splashing into the lake, fiery sparks seemed to fly out from the illuminated surface.	Крупные капли, ударяясь о поверхность огромного озера, отскакивали тысячами брызг, озаренных молниями.

Was the rain the FINALE of the storm? If so, Glenarvan and his companions would escape scot free, except for a few vigorous douche baths.	Может быть, этот ливень предвещал конец грозы, и путешественники отделались лишь обильным душем?
No.	Нет!
At the very height of this struggle of the electric forces of the atmosphere, a large ball of fire appeared suddenly at the extremity of the horizontal parent branch, as thick as a man's wrist, and surrounded with black smoke.	В разгар электрической бури на конце главной, горизонтальной ветви омбу вдруг появился окруженный черным дымом огненный шар величиной с кулак.
This ball, after turning round and round for a few seconds, burst like a bombshell, and with so much noise that the explosion was distinctly audible above the general FRACAS.	Этот шар, покружившись несколько секунд на одном месте, разорвался, подобно бомбе, с таким грохотом, что он перекрыл даже непрерывный оглушительный гром.
A sulphurous smoke filled the air, and complete silence reigned till the voice of Tom Austin was heard shouting:	Запахло серой. На миг все затихло, и в этот момент послышался крик Тома Остина:
"The tree is on fire."	- Дерево загорелось!
Tom was right.	Том Остин не ошибся.
In a moment, as if some fireworks were being ignited, the flame ran along the west side of the OMBU; the dead wood and nests of dried grass, and the whole sap, which was of a spongy texture, supplied food for its devouring activity.	Мгновенно, словно фейерверк, пламя охватило всю западную сторону омбу. Сучья, гнезда из сухой травы и пористая кора были прекрасной пищей для огня.
The wind had risen now and fanned the flame.	Поднявшийся в это время ветер еще больше раздул его.
It was time to flee, and Glenarvan and his party hurried away to the eastern side of their refuge, which was meantime untouched by the fire.	Надо было спасаться. Гленарван и его спутники стали поспешно перебираться на восточную часть омбу, еще не охваченную огнем.
They were all silent, troubled, and terrified, as they watched branch after branch shrivel, and crack, and writhe in the flame like living serpents, and then drop into the swollen torrent, still red and gleaming, as it was borne swiftly along on the rapid current.	Взволнованные, растерянные, они молча, то протискиваясь, то подтягиваясь на руках, карабкались по ветвям, гнувшимся под их тяжестью. Пылающие ветви корчились, трещали, извиваясь в огне, словно заживо сжигаемые змеи. Горящие головни падали в воду и, бросая пламенные отблески, уносились по течению.
The flames sometimes rose to a prodigious height, and seemed almost lost in the atmosphere, and sometimes, beaten down by the hurricane, closely enveloped the OMBU like a robe of Nessus.	Пламя то поднималось до" самого неба, то, прибитое вниз разъяренным ураганом, охватывало все дерево, словно туника.
Terror seized the entire group. They were almost suffocated with smoke, and scorched with the unbearable heat, for the conflagration had already reached the lower branches on their side of the OMBU. To extinguish it or check its progress was impossible; and they saw themselves irrevocably condemned to a torturing death, like the victims of Hindoo divinities.	Гленарван, Роберт, майор, Паганель, матросы были охвачены ужасом, их душил густой дым, обжигал нестерпимый жар. Огонь уже добирался до них; ничто не могло ни потушить, ни даже приостановить его. Несчастные считали себя обреченными сгореть заживо, подобно тем индусам, которых сжигают в утробе их божества - истукана.
At last, their situation was absolutely intolerable.	Наконец положение стало невыносимым.

Of the two deaths staring them in the face, they had better choose the less cruel.	Из двух смертей приходилось выбирать менее жестокую.
"To the water!" exclaimed Glenarvan.	- В воду! - крикнул Гленарван.
Wilson, who was nearest the flames, had already plunged into the lake, but next minute he screamed out in the most violent terror:	Вильсон, которого уже касалось пламя, первый бросился в воду, но вдруг оттуда раздался его отчаянный крик:
"Help!	- Помогите!
Help!"	Помогите!
Austin rushed toward him, and with the assistance of the Major, dragged him up again on the tree.	Остин стремительно кинулся к нему и помог ему вскарабкаться обратно на ствол.
"What's the matter?" they asked.	- Что такое?
"Alligators! alligators!" replied Wilson.	- Кайманы! Кайманы! - крикнул Вильсон.
The whole foot of the tree appeared to be surrounded by these formidable animals of the Saurian order. By the glare of the flames, they were immediately recognized by Paganel, as the ferocious species peculiar to America, called CAIMANS in the Spanish territories.	И в самом деле, вокруг омбу собрались пресмыкающиеся. Их спины блестели, отражая огонь. По сплющенным хвостам, головам, напоминающим наконечник копья, глазам навыкате, широчайшим, заходящим за уши пастям Паганель сразу признал в них свирепых американских аллигаторов, называемых в испанских колониях кайманами.
About ten of them were there, lashing the water with their powerful tails, and attacking the OMBU with the long teeth of their lower jaw.	Их было штук десять. Они страшными хвостами били по воде и грызли омбу длинными зубами.
At this sight the unfortunate men gave themselves up to be lost.	Несчастные поняли, что гибель их неизбежна.
A frightful death was in store for them, since they must either be devoured by the fire or by the caimans.	Их ждал ужасный конец: или сгореть заживо, или стать жертвой кайманов.
Even the Major said, in a calm voice:	Майор проговорил своим спокойным голосом:
"This is the beginning of the end, now."	- Кажется, в самом деле это конец.
There are circumstances in which men are powerless, when the unchained elements can only be combated by other elements.	Бывают обстоятельства, при которых человек бессилен бороться, когда неистовствующую стихию может побороть лишь другая стихия.
Glenarvan gazed with haggard looks at the fire and water leagued against him, hardly knowing what deliverance to implore from Heaven.	Гленарван блуждающими глазами смотрел на ополчившиеся против них огонь и воду, не зная, откуда могло бы прийти спасение.
The violence of the storm had abated, but it had developed in the atmosphere a considerable quantity of vapors, to which electricity was about to communicate immense force.	Гроза, правда, уже начинала стихать, но в воздухе сконденсировалось значительное количество наэлектризованных, бурно движущихся паров.
An enormous water-spout was gradually forming in the south-a cone of thick mists, but with the point at the bottom, and base at the top, linking together the turbulent water and the angry clouds.	К югу от омбу начал образовываться колоссальный смерч, как бы конус из тумана, вершиной вниз, а основанием вверх, он соединил грозовые тучи с бушевавшими водами.

This meteor soon began to move forward, turning over and over on itself with dizzy rapidity, and sweeping up into its center a column of water from the lake, while its gyratory motions made all the surrounding currents of air rush toward it.	Эта огромная воронка, бешено вращаясь, втягивала потоки воздуха и подняла вверх целый водяной столб.
A few seconds more, and the gigantic water-spout threw itself on the OMBU, and caught it up in its whirl.	Гигантский смерч приближался и через несколько минут налетел на омбу и охватил его со всех сторон.
The tree shook to its roots.	Дерево задрожало до самых корней.
Glenarvan could fancy the caimans' teeth were tearing it up from the soil; for as he and his companions held on, each clinging firmly to the other, they felt the towering OMBU give way, and the next minute it fell right over with a terrible hissing noise, as the flaming branches touched the foaming water.	Гленарвану показалось, что кайманы набросились на омбу и вырывают его из земли своими мощными челюстями. Путешественники ухватились друг за друга: они почувствовали, что могучее дерево уступает натиску и опрокидывается. Еще миг - и пылающие ветви с пронзительным шипением погрузились в бурные воды.
It was the work of an instant. Already the water-spout had passed, to carry on its destructive work elsewhere. It seemed to empty the lake in its passage, by continually drawing up the water into itself.	А смерч уже прошел и помчал дальше свою разрушительную силу, как бы выкачивая за собой воду озера до дна.
The OMBU now began to drift rapidly along, impelled by wind and current.	Рухнувшее омбу, гонимое ветром, понеслось по течению.
All the caimans had taken their departure, except one that was crawling over the upturned roots, and coming toward the poor refugees with wide open jaws.	Кайманы обратились в бегство; лишь один из них полз по вывороченным корням и с разинутой пастью подбирался к людям.
But Mulrady, seizing hold of a branch that was half-burned off, struck the monster such a tremendous blow, that it fell back into the torrent and disappeared, lashing the water with its formidable tail.	Мюльреди отломил горящую ветку и изо всех сил хватил ею по спине хищника. Кайман упал в воду и, ударяя по ней со страшной силой хвостом, исчез в бурном потоке.
Glenarvan and his companions being thus delivered from the voracious SAURIANS, stationed themselves on the branches windward of the conflagration, while the OMBU sailed along like a blazing fire-ship through the dark night, the flames spreading themselves round like sails before the breath of the hurricane.	Гленарван и его спутники, спасенные от этих хищных пресмыкающихся, перебрались на подветренную сторону дерева. Полуобгоревшее омбу плыло среди ночного мрака, и языки пламени, раздуваемые ураганом, выгибались, как огненные паруса.
CHAPTER XXVI THE RETURN ON BOARD	Глава XXVI АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
FOR two hours the OMBU navigated the immense lake without reaching terra firma.	Уже целых два часа неслось омбу по огромному озеру, а берега все не было видно.
The flames which were devouring it had gradually died out.	Огонь, пожиравший дерево, мало-помалу угас.
The chief danger of their frightful passage was thus removed, and the Major went the length of saying, that he should not be surprised if they were saved after all.	Главная опасность этого жуткого плавания миновала. Майор сказал даже, что не удивится, если им удастся спастись.

The direction of the current remained unchanged, always running from southwest to northeast.	Течение продолжало нести омбу в том же направлении: с юго-запада на северо-восток.
Profound darkness had again set in, only illumined here and there by a parting flash of lightning.	Темнота вновь стала непроницаемой; лишь изредка ее прорезывали запоздалые молнии. Паганель тщетно старался разглядеть что-либо на горизонте.
The storm was nearly over.	Гроза затихала, тучи рассеивались.
The rain had given place to light mists, which a breath of wind dispersed, and the heavy masses of cloud had separated, and now streaked the sky in long bands.	Крупные капли дождя сменились мелкой водяной пылью, мчавшейся по ветру.
The OMBU was borne onward so rapidly by the impetuous torrent, that anyone might have supposed some powerful locomotive engine was hidden in its trunk.	Омбу неслось по бурному потоку с такой поразительной быстротой, словно под его корой был скрыт какой-то мощный двигатель.
It seemed likely enough they might continue drifting in this way for days.	Казалось, оно будет нестись так еще не один день.
About three o'clock in the morning, however, the Major noticed that the roots were beginning to graze the ground occasionally, and by sounding the depth of the water with a long branch, Tom Austin found that they were getting on rising ground.	Около трех часов утра майор, однако, заметил, что корни омбу порой задевают за дно. Том Остин с помощью отломанной ветки нащупал дно и установил, что оно поднимается.
Twenty minutes afterward, the OMBU stopped short with a violent jolt.	Действительно, минут через двадцать омбу натолкнулось на что-то и сразу остановилось.
"Land! land!" shouted Paganel, in a ringing tone.	- Земля! Земля! - громко воскликнул Паганель.
The extremity of the calcined bough had struck some hillock, and never were sailors more glad; the rock to them was the port.	Концы обгоревших ветвей наткнулись на какой-то выступ. Никогда, кажется, ни одна мель не приносила столько радости мореплавателям, как эта: ведь она была для них гаванью.
Already Robert and Wilson had leaped on to the solid plateau with a loud, joyful hurrah! when a well-known whistle was heard. The gallop of a horse resounded over the plain, and the tall form of Thalcave emerged from the darkness.	Роберт и Вильсон, первыми выскочившие на твердую землю, уже кричали восторженно "ура", как вдруг послышался знакомый свист, раздался лошадиный топот, и из мрака показалась высокая фигура индейца.
"Thalcave!	- Талькав! - воскликнул Роберт.
Thalcave!" they all cried with one voice.	- Талькав! - подхватили в один голос все остальные.
"Amigos!" replied the Patagonian, who had been waiting for the travelers here in the same place where the current had landed himself.	- Amigos!- отозвался патагонец. Он ждал путешественников на том месте, куда их должно было вынести течение, так же как оно вынесло туда и его самого.
As he spoke he lifted up Robert in his arms, and hugged him to his breast, never imagining that Paganel was hanging on to him.	Патагонец поднял Роберта и прижал его к груди. Экспансивный географ бросился к нему на шею.
A general and hearty hand-shaking followed, and everyone rejoiced at seeing their faithful guide again.	Гленарван, майор и моряки, радуясь, что снова видят своего верного проводника, крепко и сердечно пожали ему руку.

Then the Patagonian led the way into the HANGAR of a deserted ESTANCIA, where there was a good, blazing fire to warm them, and a substantial meal of fine, juicy slices of venison soon broiling, of which they did not leave a crumb.	Затем патагонец отвел их в сарай одной покинутой фермы, находившейся поблизости. Там пылал большой костер, у которого они и обогрелись. На огне жарились сочные куски дичи. Новоприбывшие съели их до последней крошки.
When their minds had calmed down a little, and they were able to reflect on the dangers they had come through from flood, and fire, and alligators, they could scarcely believe they had escaped.	И когда они несколько пришли в себя, никому просто не верилось, что им удалось спастись от стольких опасностей: и от воды, и от огня, и от грозных аргентинских кайманов.
Thalcave, in a few words, gave Paganel an account of himself since they parted, entirely ascribing his deliverance to his intrepid horse.	Талькав в нескольких словах рассказал Паганелю, как он спасся, добавив, что обязан этим всецело своему неустрашимому коню.
Then Paganel tried to make him understand their new interpretation of the document, and the consequent hopes they were indulging.	Потом Паганель попытался разъяснить патагонцу новое предложенное им толкование документа и поделился с ним теми надеждами, которые это толкование сулило.
Whether the Indian actually understood his ingenious hypothesis was a question; but he saw that they were glad and confident, and that was enough for him.	Понял ли индеец остроумные гипотезы ученого? Сомнительно. Но он видел, что друзья его довольны и питают какие-то надежды, а большего ему и не требовалось.
As can easily be imagined, after their compulsory rest on the OMBU, the travelers were up betimes and ready to start.	После такого дня "отдыха" на омбу отважным путешественникам не терпелось снова двинуться в путь.
At eight o'clock they set off.	К восьми часам утра они уже были готовы выступить.
No means of transport being procurable so far south, they were compelled to walk.	Они находились намного южнее всех ферм и саладеро, так что негде было раздобыть какие-либо средства передвижения. Приходилось идти пешком.
However, it was not more than forty miles now that they had to go, and Thaouka would not refuse to give a lift occasionally to a tired pedestrian, or even to a couple at a pinch.	Впрочем, предстояло пройти всего лишь миль сорок. Да и Таука могла время от времени подвезти одного, а то и двух утомленных пешеходов.
In thirty-six hours they might reach the shores of the Atlantic.	За сутки с небольшим можно было добраться до берегов Атлантического океана.
The low-lying tract of marshy ground, still under water, soon lay behind them, as Thalcave led them upward to the higher plains.	Оставив позади огромную лощину, еще всю затопленную водой, путешественники двинулись по более возвышенной местности.
Here the Argentine territory resumed its monotonous aspect. A few clumps of trees, planted by European hands, might chance to be visible among the pasturage, but quite as rarely as in Tandil and Tapalquem Sierras.	Вокруг расстилался тот же однообразный аргентинский пейзаж; иногда, но так же редко, как около Тандиля и Тапальке, встречались насажденные европейцами рощицы.
The native trees are only found on the edge of long prairies and about Cape Corrientes.	Туземные же деревья растут только по окраинам степей и на подступах к мысу Корьентес.

Next day, though still fifteen miles distant, the proximity of the ocean was sensibly felt.	Так прошел день. Близость океана стала чувствоваться уже на следующий день, когда до него оставалось еще миль пятнадцать.
The VIRAZON, a peculiar wind, which blows regularly half of the day and night, bent down the heads of the tall grasses.	Виразон - ветер, который дует всегда только в конце дня и в конце ночи, - пригибал к земле высокие травы.
Thinly planted woods rose to view, and small tree-like mimosas, bushes of acacia, and tufts of CURRA-MANTEL.	На тощей земле росли редкие перелески низких мимоз и кусты акации.
Here and there, shining like pieces of broken glass, were salinous lagoons, which increased the difficulty of the journey as the travelers had to wind round them to get past.	Порой на пути встречались соленые озерца, блестевшие словно куски стекла. Они затрудняли путь, так как их приходилось обходить.
They pushed on as quickly as possible, hoping to reach Lake Salado, on the shores of the ocean, the same day; and at 8 P. M., when they found themselves in front of the sand hills two hundred feet high, which skirt the coast, they were all tolerably tired.	А путники спешили, стремясь в тот же день добраться до озера Лагуна-Саладо у Атлантического океана. Надо признаться, что они изрядно устали, когда в восемь часов утра увидели песчаные дюны вышиной саженей в двадцать, высившиеся у пенистой границы океана.
But when the long murmur of the distant ocean fell on their ears, the exhausted men forgot their fatigue, and ran up the sandhills with surprising agility.	Вскоре послышался и протяжный рокот прилива. - Океан! - крикнул Паганель. - Да, океан! - подхватил Талькав. И путешественники, казалось уже еле передвигавшие ноги, с замечательным проворством взобрались на дюны.
But it was getting quite dark already, and their eager gaze could discover no traces of the DUNCAN on the gloomy expanse of water that met their sight.	Но уже стемнело. Нельзя было ничего разглядеть в безбрежном сумраке. "Дункана" не было видно.
"But she is there, for all that," exclaimed Glenarvan, "waiting for us, and running alongside."	- А все же он здесь! - воскликнул Гленарван. - Он ожидает нас, лавируя у этих берегов!
"We shall see her to-morrow," replied McNabbs.	- Завтра мы его увидим, - отозвался Мак-Наббс.
Tom Austin hailed the invisible yacht, but there was no response.	Остин стал окликать невидимую яхту, но никакого ответа не последовало.
The wind was very high and the sea rough.	Дул свежий ветер, и море было довольно бурным.
The clouds were scudding along from the west, and the spray of the waves dashed up even to the sand-hills.	Облака шли на запад, и брызги пенящихся валов долетали до верхушек дюн.
It was little wonder, then, if the man on the look-out could neither hear nor make himself heard, supposing the DUNCAN were there.	Если бы "Дункан" даже и был на условленном месте встречи, то вахтенный все равно не смог бы ни услышать крик, ни ответить на него.
There was no shelter on the coast for her, neither bay nor cove, nor port; not so much as a creek.	На этом берегу кораблям негде было укрыться: ни залива, ни бухты, ни гавани.
The shore was composed of sand-banks which ran out into the sea, and were more dangerous to approach than rocky shoals.	По всему берегу далеко в море уходили длинные песчаные отмели. А такие отмели для судна опаснее, чем выступающие из воды рифы.

The sand-banks irritate the waves, and make the sea so particularly rough, that in heavy weather vessels that run aground there are invariably dashed to pieces.	Они усиливают волнение, и бури здесь особенно свирепы. Судно, попавшее в бурную погоду на эти песчаные банки, обречено на верную гибель.
Though, then, the DUNCAN would keep far away from such a coast, John Mangles is a prudent captain to get near.	Естественно, что "Дункан" при этих условиях держался вдали. Джон Манглс, всегда очень осторожный, несомненно, не решился бы приблизиться к берегу.
Tom Austin, however, was of the opinion that she would be able to keep five miles out.	Таково было убеждение Тома Остина: он уверял, что "Дункан" находится на расстоянии не меньше пяти миль от берега.
The Major advised his impatient relative to restrain himself to circumstances.	Майор советовал своему нетерпеливому кузену покориться необходимости.
Since there was no means of dissipating the darkness, what was the use of straining his eyes by vainly endeavoring to pierce through it.	Раз никак нельзя рассеять мрак, зачем же понапрасну утомлять свои глаза, тщетно всматриваясь в темный горизонт!
He set to work immediately to prepare the night's encampment beneath the shelter of the sand-hills; the last provisions supplied the last meal, and afterward, each, following the Major's example, scooped out a hole in the sand, which made a comfortable enough bed, and then covered himself with the soft material up to his chin, and fell into a heavy sleep.	Высказав это, Мак-Наббс занялся устройством ночлега под прикрытием дюн. Здесь за последним ужином этого путешествия были съедены остатки провизии. Затем все, по примеру майора, вырыли себе в песке ямы, улеглись в них, укрылись до подбородка огромным одеялом песков и заснули тяжелым сном.
But Glenarvan kept watch.	Один Гленарван бодрствовал.
There was still a stiff breeze of wind, and the ocean had not recovered its equilibrium after the recent storm.	Дул сильный ветер, и океан все еще не успокаивался после бури.
The waves, at all times tumultuous, now broke over the sand-banks with a noise like thunder.	Волны с громовым шумом разбивались у отмелей.
Glenarvan could not rest, knowing the DUNCAN was so near him.	Гленарвана мучила тревога: здесь ли "Дункан"?
As to supposing she had not arrived at the appointed rendezvous, that was out of the question.	Ведь нельзя было и думать, что корабль еще не дошел до установленного места встречи.
Glenarvan had left the Bay of Talcahuano on the 14th of October, and arrived on the shores of the Atlantic on the 12th of November.	14 октября Гленарван покинул бухту Талькауано и 12 ноября достиг берегов Атлантического океана.
He had taken thirty days to cross Chili, the Cordilleras, the Pampas, and the Argentine plains, giving the DUNCAN ample time to double Cape Horn, and arrive on the opposite side.	Если в эти тридцать дней отряд пересек Чили, перевалил через Анды, перебрался через пампасы и Аргентинскую равнину, то, конечно, за это время "Дункан" успел обогнуть мыс Горн и достичь условленного места на противоположном берегу Американского материка.
For such a fast runner there were no impediments.	Такую быстроходную яхту ничто не могло задержать.
Certainly the storm had been very violent, and its fury must have been terrible on such a vast battlefield as the Atlantic, but the yacht was a good ship, and the captain was a good sailor.	Правда, недавно была буря, разыгрался сильный шторм, но "Дункан" был хорошим судном, а его капитан - хорошим моряком.

He was bound to be there, and he would be there.	И раз "Дункан" должен был прийти сюда, значит, он и пришел.
These reflections, however, did not calm Glenarvan.	Эти размышления не могли, однако, успокоить Гленарвана.
When the heart and the reason are struggling, it is generally the heart that wins the mastery.	Когда сердце борется с рассудком, рассудок редко бывает победителем.
The laird of Malcolm Castle felt the presence of loved ones about him in the darkness as he wandered up and down the lonely strand.	А сердце Гленарвана тянулось к тем, кого он любил: к Элен, Мери Грант, матросам "Дункана". Гленарван бродил по пустынному берегу, на который набегали светившиеся фосфорическим блеском волны.
He gazed, and listened, and even fancied he caught occasional glimpses of a faint light.	Он всматривался, прислушивался. Порой ему казалось, что в море светится какой-то тусклый огонек.
"I am not mistaken," he said to himself; "I saw a ship's light, one of the lights on the DUNCAN!	"Я не ошибаюсь, - думал он, - я видел свет судового фонаря - фонаря "Дункана".
Oh! why can't I see in the dark?"	Ах, почему глаза мои не в силах проникнуть сквозь этот мрак!"
All at once the thought rushed across him that Paganel said he was a nyctalope, and could see at night.	И вдруг ему в голову пришла идея: Паганель уверял, что он никталоп. Паганель видит ночью!
He must go and wake him.	И Гленарван пошел будить Паганеля.
The learned geographer was sleeping as sound as a mole. A strong arm pulled him up out of the sand and made him call out:	Ученый крепко спал в своей яме, как вдруг сильная рука извлекла его из этого песчаного ложа.
"Who goes there?"	- Кто это? - крикнул Паганель.
"It is I, Paganel."	- Это я, Паганель.
"Who?"	- Кто вы?
"Glenarvan.	- Гленарван.
Come, I need your eyes."	Идемте, мне нужны ваши глаза.
"My eyes," replied Paganel, rubbing them vigorously.	- Мои глаза? - переспросил Паганель, протирая их.
"Yes, I need your eyes to make out the DUNCAN in this darkness, so come."	- Да, ваши глаза - чтобы разглядеть в этой тьме наш "Дункан". Идемте же!
"Confound the nyctalopia!" said Paganel, inwardly, though delighted to be of any service to his friend.	"Черт побери никталопию!" - сказал про себя географ, впрочем очень довольный тем, что может быть полезен Гленарвану.
He got up and shook his stiffened limbs, and stretching and yawning as most people do when roused from sleep, followed Glenarvan to the beach.	Паганель вылез из своей ямы, потянулся и, разминая затекшие члены, побрел вслед за Гленарваном на берег.
Glenarvan begged him to examine the distant horizon across the sea, which he did most conscientiously for some minutes.	Гленарван попросил его вглядеться в темный морской горизонт. В течение нескольких минут ученый добросовестно занимался созерцанием.

"Well, do you see nothing?" asked Glenarvan.	- Ну? Вы ничего не видите? - спросил наконец Гленарван.
"Not a thing.	- Ничего!
Even a cat couldn't see two steps before her."	Да тут и кошка ничего бы в двух шагах не увидела.
"Look for a red light or a green one-her larboard or starboard light."	- Ищите красный или зеленый свет, то есть фонари правого или левого борта.
"I see neither a red nor a green light, all is pitch dark," replied Paganel, his eyes involuntarily beginning to close.	- Не вижу ни зеленого, ни красного. Все черно! - ответил Паганель. Глаза географа невольно смыкались.
For half an hour he followed his impatient friend, mechanically letting his head frequently drop on his chest, and raising it again with a start.	С полчаса он машинально ходил за своим нетерпеливым другом; время от времени его голова падала на грудь, и он резким движением снова поднимал ее.
At last he neither answered nor spoke, and he reeled about like a drunken man.	Он шел, как пьяный, не отвечая на вопросы и сам ничего не говоря.
Glenarvan looked at him, and found he was sound asleep!	Гленарван посмотрел на Паганеля - Паганель спал на ходу.
Without attempting to wake him, he took his arm, led him back to his hole, and buried him again comfortably.	Тогда он взял ученого под руку, отвел его, не будя, к яме и укутал песком.
At dawn next morning, all the slumberers started to their feet and rushed to the shore, shouting	На рассвете всех поднял на ноги крик Гленарвана:
"Hurrah, hurrah!" as Lord Glenarvan's loud cry, "The DUNCAN, the DUNCAN!" broke upon his ear.	- "Дункан"! "Дункан"! - Ура, ура! - отозвались его спутники, бросаясь к берегу.
There she was, five miles out, her courses carefully reefed, and her steam half up.	В самом деле, милях в пяти в открытом море виднелась яхта. Убрав нижние паруса, она шла под малыми парами.
Her smoke was lost in the morning mist.	Дым из ее трубы терялся в утреннем тумане.
The sea was so violent that a vessel of her tonnage could not have ventured safely nearer the sand-banks.	Море было бурное, и судно такого тоннажа, как яхта, не могло без риска подойти к банкам.
Glenarvan, by the aid of Paganel's telescope, closely observed the movements of the yacht.	Гленарван, вооружившись подзорной трубой Паганеля, следил за маневрами "Дункана".
It was evident that John Mangles had not perceived his passengers, for he continued his course as before.	Джон Манглс, видимо, еще не заметил своих пассажиров. Яхта продолжала идти левым галсом под зарифленным марселем.
But at this very moment Thalcave fired his carbine in the direction of the yacht.	Но тут Талькав, зарядив свой карабин, выстрелил из него по направлению яхты.
They listened and looked, but no signal of recognition was returned.	Все стали прислушиваться, а главное - вглядываться.
A second and a third time the Indian fired, awakening the echoes among the sand-hills.	Трижды, будя эхо в дюнах, прогремел карабин индейца.
At last a white smoke was seen issuing from the side of the yacht.	Наконец над бортом яхты появился белый дымок.

"They see us!" exclaimed Glenarvan. "That's the cannon of the DUNCAN."	- Они увидели нас! - воскликнул Гленарван. - Это пушка "Дункана"!
A few seconds, and the heavy boom of the cannon came across the water and died away on the shore.	Еще несколько секунд - и глухой выстрел донесся до берега.
The sails were instantly altered, and the steam got up, so as to get as near the coast as possible.	"Дункан" сделал поворот и, ускорив ход, направился к берегу.
Presently, through the glass, they saw a boat lowered.	Вскоре в подзорную трубу стало видно, как от борта яхты отвалила шлюпка.
"Lady Helena will not be able to come," said Tom Austin. "It is too rough."	- Леди Элен не сможет сесть в шлюпку, - сказал Том Остин, - море слишком бурное.
"Nor John Mangles," added McNabbs; "he cannot leave the ship."	- Джон Манглс тоже, - отозвался Мак-Наббс, - ему нельзя оставить судно.
"My sister, my sister!" cried Robert, stretching out his arms toward the yacht, which was now rolling violently.	- Сестра, сестра! - повторял Роберт, протягивая руки к яхте, которая сильно качалась на волнах.
"Oh, how I wish I could get on board!" said Glenarvan.	- Ах, как мне не терпится попасть на "Дункан"! - воскликнул Гленарван.
"Patience, Edward! you will be there in a couple of hours," replied the Major.	- Терпение, Эдуард, - сказал майор. - Через два часа вы будете там.
Two hours!	Два часа!
But it was impossible for a boat-a six-oared one-to come and go in a shorter space of time.	Но, конечно, шестивесельная шлюпка не могла проплыть оба конца в более короткий срок.
Glenarvan went back to Thalcave, who stood beside Thaouka, with his arms crossed, looking quietly at the troubled waves.	Гленарван подошел к патагонцу, который, скрестив на груди руки, стоял рядом со своей Таукой и спокойно смотрел на волнующийся океан.
Glenarvan took his hand, and pointing to the yacht, said:	Гленарван взял его за руку и, указывая на "Дункан", сказал:
"Come!"	- Едем с нами!
The Indian gently shook his head.	Индеец покачал тихонько головой.
"Come, friend," repeated Glenarvan.	- Едем, друг! - повторил Гленарван.
"No," said Thalcave, gently. "Here is Thaouka, and there-the Pampas," he added, embracing with a passionate gesture the wide-stretching prairies.	- Нет, - мягко ответил Талькав. - Здесь Таука, там пампасы, - прибавил он, со страстной любовью протянув руки к беспредельным степным просторам.
Glenarvan understood his refusal. He knew that the Indian would never forsake the prairie, where the bones of his fathers were whitening, and he knew the religious attachment of these sons of the desert for their native land.	Гленарван понял, что индеец никогда не согласится покинуть прерию, где покоится прах его предков. Он знал, какую благоговейную привязанность питают эти сыны пустыни к своему родному краю.
He did not urge Thalcave longer, therefore, but simply pressed his hand.	И он больше не настаивал - только крепко пожал Талькаву руку.
Nor could he find it in his heart to insist, when the Indian, smiling as usual, would not accept the price of his services, pushing back the money, and saying:	Не настаивал он и тогда, когда тот с улыбкой отказался принять плату за свой труд, сказав:

"For the sake of friendship."	- Из дружбы!
Glenarvan could not reply; but he wished at least, to leave the brave fellow some souvenir of his European friends.	Взволнованный Гленарван ничего не смог ответить. Ему очень хотелось оставить честному индейцу хоть что-нибудь на память о друзьях-европейцах.
What was there to give, however? Arms, horses, everything had been destroyed in the unfortunate inundation, and his friends were no richer than himself.	Но у него ничего не было: и оружие и лошади - все погибло во время наводнения. Спутники его были не богаче.
He was quite at a loss how to show his recognition of the disinterestedness of this noble guide, when a happy thought struck him.	И вот, когда Гленарван ломал себе голову над тем, как отблагодарить бескорыстного проводника, его вдруг осенила счастливая мысль.
He had an exquisite portrait of Lady Helena in his pocket, a CHEF-D'OEUVRE of Lawrence. This he drew out, and offered to Thalcave, simply saying:	Он вынул из своего бумажника драгоценный медальон с прекрасным портретом кисти Лоуренса и подал его индейцу.
"My wife."	- Моя жена, - пояснил он.
The Indian gazed at it with a softened eye, and said:	Талькав с нежностью посмотрел на портрет.
"Good and beautiful."	- Добрая и красивая! - сказал он просто.
Then Robert, and Paganel, and the Major, and the rest, exchanged touching farewells with the faithful Patagonian.	Роберт, Паганель, майор, Том Остин, оба матроса один за другим трогательно простились с Талькавом. Эти славные люди были искренне огорчены разлукой с отважным, преданным другом.
Thalcave embraced them each, and pressed them to his broad chest.	Индеец их всех прижал поочередно к своей широкой груди.
Paganel made him accept a map of South America and the two oceans, which he had often seen the Indian looking at with interest.	Паганель подарил ему карту Южной Америки и обоих океанов, на которую патагонец не раз посматривал с интересом.
It was the most precious thing the geographer possessed.	Географ отдал то, что у него было самого драгоценного.
As for Robert, he had only caresses to bestow, and these he lavished on his friend, not forgetting to give a share to Thaouka.	Роберту же было нечего дать, кроме ласк, и он с жаром излил их на своего спасителя, не позабыв уделить часть их и Тауке.
The boat from the DUNCAN was now fast approaching, and in another minute had glided into a narrow channel between the sand-banks, and run ashore.	Но к берегу уже подходила шлюпка с "Дункана". Проскользнув между двумя отмелями, она врезалась в песок.
"My wife?" were Glenarvan's first words.	- Как моя жена? - спросил Гленарван.
"My sister?" said Robert.	- Как сестра? - крикнул Роберт.
"Lady Helena and Miss Grant are waiting for you on board," replied the coxswain; "but lose no time your honor, we have not a minute, for the tide is beginning to ebb already."	- Леди Элен и мисс Грант ожидают вас на яхте, - ответил старший матрос. - Но надо спешить, милорд, - прибавил он, - нельзя терять ни минуты: уже начался отлив.
The last kindly adieux were spoken, and Thalcave accompanied his friends to the boat, which had been pushed back into the water.	Все в последний раз обняли индейца. Талькав проводил своих друзей до шлюпки, уже спущенной на воду.

Just as Robert was going to step in, the Indian took him in his arms, and gazed tenderly into his face. Then he said:	В тот миг, когда Роберт садился в шлюпку, индеец обнял мальчика, с нежностью поглядел на него и сказал:
"Now go. You are a man."	- Знай: теперь ты мужчина!
"Good-by, good-by, friend!" said Glenarvan, once more.	- Прощай, друг, прощай! - повторил Гленарван.
"Shall we never see each other again?" Paganel called out.	- Увидимся ли мы когда-нибудь! - воскликнул Паганель.
"Quien sabe?" (Who knows?) replied Thalcave, lifting his arms toward heaven.	- Quien sabe!- ответил Талькав, поднимая руку к небу.
These were the Indian's last words, dying away on the breeze, as the boat receded gradually from the shore.	Это были последние слова индейца. Их заглушил свист ветра. Шлюпка, уносимая отливом, уходила все дальше в открытое море.
For a long time, his dark, motionless SILHOUETTE stood out against the sky, through the white, dashing spray of the waves. Then by degrees his tall form began to diminish in size, till at last his friends of a day lost sight of him altogether.	Долго еще над пенившимися волнами вырисовывалась неподвижная фигура Талькава, но мало-помалу она стала уменьшаться и наконец совсем исчезла из глаз друзей, с которыми его нечаянно свела судьба.
An hour afterward Robert was the first to leap on board the DUNCAN.	Час спустя Роберт первый взбежал по трапу на
He flung his arms round Mary's neck, amid the loud, joyous hurrahs of the crew on the yacht.	"Дункан" и бросился на шею Мери Грант под гремевшие кругом радостные крики "ура".
Thus the journey across South America was accomplished, the given line of march being scrupulously adhered to throughout.	Так закончился этот переход через Южную Америку, совершенный строго по прямой линии.
Neither mountains nor rivers had made the travelers change their course; and though they had not had to encounter any ill-will from men, their generous intrepidity had been often enough roughly put to the proof by the fury of the unchained elements.	Ни горы, ни реки не могли заставить путешественников отклониться от намеченного пути, и если этим благородным, отважным людям не пришлось бороться с людской злобой, то стихии, не раз обрушиваясь на них, подвергали их суровым испытаниям.
CHAPTER I A NEW DESTINATION	ЧАСТЬ ВТОРАЯ Глава I ВОЗВРАЩЕНИЕ НА "ДУНКАН"
FOR the first few moments the joy of reunion completely filled the hearts.	В первые минуты все только радовались встрече.
Lord Glenarvan had taken care that the ill-success of their expedition should not throw a gloom over the pleasure of meeting, his very first words being:	Гленарвану не хотелось омрачать эту радость известием о неудаче поисков.
"Cheer up, friends, cheer up!	- Будем верить в успех, друзья мои! - воскликнул он. - Будем верить!
Captain Grant is not with us, but we have a certainty of finding him!"	Капитана Гранта нет с нами, но мы совершенно уверены, что разыщем его!
Only such an assurance as this would have restored hope to those on board the DUNCAN.	В словах Гленарвана звучала такая убежденность, что в сердцах пассажирок "Дункана" снова затеплилась надежда.

Lady Helena and Mary Grant had been sorely tried by the suspense, as they stood on the poop waiting for the arrival of the boat, and trying to count the number of its passengers. Alternate hope and fear agitated the bosom of poor Mary. Sometimes she fancied she could see her father, Harry Grant, and sometimes she gave way to despair.	Действительно, пока шлюпка приближалась к яхте, леди Элен и Мери Грант пережили немало волнений. Стоя на юте, они пытались пересчитать сидевших в шлюпке. Девушка то приходила в отчаяние, то, наоборот, воображала, что видит отца.
Her heart throbbed violently; she could not speak, and indeed could scarcely stand.	Сердце ее трепетало, она была не в силах вымолвить ни одного слова и едва держалась на ногах.
Lady Helena put her arm round her waist to support her, but the captain, John Mangles, who stood close beside them spoke no encouraging word, for his practiced eye saw plainly that the captain was not there.	Леди Элен поддерживала ее. Джон Манглс молча стоял подле Мери и пристально вглядывался. Его глаза моряка, привыкшие различать отдаленные предметы, не видели капитана Гранта.
"He is there!	- Он там!
He is coming!	Он с ними!
Oh, father!" exclaimed the young girl.	Отец! - шептала девушка.
But as the boat came nearer, her illusion was dispelled; all hope forsook her, and she would have sunk in despair, but for the reassuring voice of Glenarvan.	Однако по мере приближения шлюпки иллюзия рассеивалась. Когда же она была уже в одном кабельтове от яхты, то не только леди Элен и Джон Манглс, но и Мери потеряла всякую надежду. Ободряющие слова Гленарвана прозвучали вовремя.
After their mutual embraces were over, Lady Helena, and Mary Grant, and John Mangles, were informed of the principal incidents of the expedition, and especially of the new interpretation of the document, due to the sagacity of Jacques Paganel.	После первых поцелуев и объятий Гленарван рассказал леди Элен, Мери Грант и Джону Манглсу обо всем, что случилось с ними во время экспедиции, и, главное, о новом толковании документа, которое предложил проницательный Жак Паганель.
His Lordship also spoke in the most eulogistic terms of Robert, of whom Mary might well be proud.	Гленарван с большой похвалой отозвался о Роберте и заверил Мери Грант, что она с полным правом может гордиться братом.
His courage and devotion, and the dangers he had run, were all shown up in strong relief by his patron, till the modest boy did not know which way to look, and was obliged to hide his burning cheeks in his sister's arms.	Он так описал мужество и самоотверженность мальчика в часы опасности и так расхвалил Роберта, что, не спрячься тот в объятиях сестры, он не знал бы, куда деваться от смущения.
"No need to blush, Robert," said John Mangles. "Your conduct has been worthy of your name."	- Не надо краснеть, Роберт, - сказал Джон Манглс, - ты вел себя как достойный сын капитана Гранта.
And he leaned over the boy and pressed his lips on his cheek, still wet with Mary's tears.	Говоря это, он притянул к себе брата Мери и расцеловал его в щеки, еще влажные от слез девушки.

The Major and Paganel, it need hardly be said, came in for their due share of welcome, and Lady Helena only regretted she could not shake hands with the brave and generous Thalcave. McNabbs soon slipped away to his cabin, and began to shave himself as coolly and composedly as possible; while Paganel flew here and there, like a bee sipping the sweets of compliments and smiles.	Излишне упоминать о том, как сердечно были встречены майор и Паганель и с каким чувством благодарности вспоминали великодушного Талькава. Леди Элен очень сожалела, что не могла пожать руку честному индейцу. Мак-Наббс после первых же приветствий ушел к себе в каюту и принялся бриться как ни в чем не бывало. Паганель же порхал от одного к другому, собирая, подобно пчеле, мед похвал и улыбок.
He wanted to embrace everyone on board the yacht, and beginning with Lady Helena and Mary Grant, wound up with M. Olbinett, the steward, who could only acknowledge so polite an attention by announcing that breakfast was ready.	На радостях географ выразил желание перецеловать весь экипаж "Дункана", и, утверждая, что леди Элен и Мери Грант тоже члены экипажа, он начал с них и закончил мистером Олбинетом. Стюард решил, что единственный способ, которым он может отблагодарить ученого за любезность, - это объявить, что завтрак готов.
"Breakfast!" exclaimed Paganel.	- Завтрак? - воскликнул географ.
"Yes, Monsieur Paganel."	- Да, господин Паганель.
"A real breakfast, on a real table, with a cloth and napkins?"	- Настоящий завтрак, на настоящем столе, с приборами и салфетками?
"Certainly, Monsieur Paganel."	- Конечно, господин Паганель!
"And we shall neither have CHARQUI, nor hard eggs, nor fillets of ostrich?"	- И нам не подадут ни сушеного мяса, ни крутых яиц, ни филе страуса?
"Oh, Monsieur," said Olbinett in an aggrieved tone.	- О, сударь! - укоризненно промолвил уязвленный стюард.
"I don't want to hurt your feelings, my friend," said the geographer smiling. "But for a month that has been our usual bill of fare, and when we dined we stretched ourselves full length on the ground, unless we sat astride on the trees.	- Я не хотел вас задеть, друг мой, - заметил, улыбаясь, ученый, - но такова была наша обычная пища в течение целого месяца, и обедали мы не сидя за столом, а лежа на земле или восседая верхом на дереве.
Consequently, the meal you have just announced seemed to me like a dream, or fiction, or chimera."	Поэтому-то завтрак, о котором вы нам возвестили, и мог показаться мне сновидением, вымыслом, химерой.
"Well, Monsieur Paganel, come along and let us prove its reality," said Lady Helena, who could not help laughing.	- Идемте же, господин Паганель, и убедимся в его реальности, - сказала леди Элен, не в силах удержаться от смеха.
"Take my arm," replied the gallant geographer.	- Позвольте предложить вам руку, - галантно обратился к ней географ.
"Has his Lordship any orders to give me about the DUNCAN?" asked John Mangles.	- Не будет ли каких-либо распоряжений относительно "Дункана", милорд? - спросил Джон Манглс.

"After breakfast, John," replied Glenarvan, "we'll discuss the program of our new expedition en famille."	- После завтрака, дорогой Джон, - ответил Гленарван, - мы обсудим сообща план нашей новой экспедиции. Пассажиры яхты и молодой капитан спустились в кают - компанию. Механику дан был приказ держать яхту под парами, чтобы пуститься в путь по первому сигналу. К завтраку все явились переодетыми, а майор даже свежевыбритым.
M. Olbinett's breakfast seemed quite a FETE to the hungry guests.	Завтраку мистера Олбинета была воздана заслуженная честь.
It was pronounced excellent, and even superior to the festivities of the Pampas.	Его нашли чудесным и даже превосходящим великолепные пиршества в пампасах.
Paganel was helped twice to each dish, through "absence of mind," he said.	Паганель по два раза накладывал себе каждого блюда, уверяя, что он это делает "по рассеянности".
This unlucky word reminded Lady Helena of the amiable Frenchman's propensity, and made her ask if he had ever fallen into his old habits while they were away.	Это злополучное слово навело леди Элен на мысль спросить, часто ли случалось милейшему французу впадать в его обычный грех.
The Major and Glenarvan exchanged smiling glances, and Paganel burst out laughing, and protested on his honor that he would never be caught tripping again once more during the whole voyage.	Майор и Гленарван, улыбаясь, переглянулись, а Паганель громко, от души расхохотался и тут же дал честное слово, что не допустит больше ни одной оплошности за все путешествие.
After this prelude, he gave an amusing recital of his disastrous mistake in learning Spanish, and his profound study of Camoens.	Затем он в шутливом тоне рассказал о своей неудаче с испанским языком и о глубоком изучении поэмы Камоэнса.
"After all," he added, "it's an ill wind that blows nobody good, and I don't regret the mistake."	- Впрочем, - прибавил он, - нет худа без добра, и я не сожалею о своей ошибке.
"Why not, my worthy friend?" asked the Major.	- Почему, мой достойный друг? - спросил майор.
"Because I not only know Spanish, but Portuguese.	- Да потому, что теперь я знаю не только испанский язык, но и португальский.
I can speak two languages instead of one."	Я говорю на двух новых языках, вместо одного.
"Upon my word, I never thought of that," said McNabbs. "My compliments, Paganel-my sincere compliments."	- Право, я не подумал об этом, - ответил Мак-Наббс. - Поздравляю вас, Паганель, от всего сердца поздравляю!
But Paganel was too busily engaged with his knife and fork to lose a single mouthful, though he did his best to eat and talk at the same time.	Все зааплодировали ученому, который между тем, не теряя даром времени, умудрялся одновременно разговаривать и есть.
He was so much taken up with his plate, however, that one little fact quite escaped his observation, though Glenarvan noticed it at once. This was, that John Mangles had grown particularly attentive to Mary Grant.	Но он не заметил кое-чего, не ускользнувшего, однако, от Гленарвана, а именно: того особенного внимания, какое оказывал Джон Манглс своей соседке по столу, Мери Грант.

A significant glance from Lady Helena told him, moreover, how affairs stood, and inspired him with affectionate sympathy for the young lovers; but nothing of this was apparent in his manner to John, for his next question was what sort of a voyage he had made.	Леди Элен, слегка кивнув, дала понять мужу, что все "так и есть". Гленарван с сердечной симпатией посмотрел на молодых людей, а затем обратился к Джону Манглсу, но совсем по иному поводу. - А как прошло ваше плавание, Джон? - спросил он.
"We could not have had a better; but I must apprise your Lordship that I did not go through the Straits of Magellan again."	- В наилучших условиях, - ответил капитан. - Только я должен довести до вашего сведения, милорд, что мы не проходили Магеллановым проливом.
"What! you doubled Cape Horn, and I was not there!" exclaimed Paganel.	- Ну вот! - воскликнул Паганель. - Вы, значит, обогнули мыс Горн, а меня с вами не было!
"Hang yourself!" said the Major.	- Повесьтесь! - сказал майор.
"Selfish fellow! you advise me to do that because you want my rope," retorted the geographer.	- Эгоист! - отозвался географ. - Вы даете мне такой совет лишь для того, чтобы получить мою веревку.
"Well, you see, my dear Paganel, unless you have the gift of ubiquity you can't be in two places at once.	- Полноте, дорогой Паганель! - вмешался в их разговор Гленарван. - Если не обладать даром вездесущности, нельзя же быть сразу всюду.
While you were scouring the pampas you could not be doubling Cape Horn."	И раз вы странствовали по пампасам, вы никак не могли в то же время огибать мыс Горн.
"That doesn't prevent my regretting it," replied Paganel.	- Но это не мешает мне сожалеть об этом, - сказал ученый.
Here the subject dropped, and John continued his account of his voyage.	Возразить на это было нечего. Джон Манглс стал рассказывать о переходе.
On arriving at Cape Pilares he had found the winds dead against him, and therefore made for the south, coasting along the Desolation Isle, and after going as far as the sixty-seventh degree southern latitude, had doubled Cape Horn, passed by Terra del Fuego and the Straits of Lemaire, keeping close to the Patagonian shore.	По его словам, огибая американский берег, он обследовал все западные архипелаги, но нигде не обнаружил следов "Британии". У мыса Пилар, при входе в Магелланов пролив, пришлось из-за противного ветра изменить маршрут и пойти на юг. Яхта прошла мимо острова Десоласьон, достигла 67° западной долготы, обогнула мыс Горн, прошла вдоль Огненной Земли, затем через пролив Ле Мер и взяла курс вдоль берегов Патагонии.
At Cape Corrientes they encountered the terrible storm which had handled the travelers across the pampas so roughly, but the yacht had borne it bravely, and for the last three days had stood right out to sea, till the welcome signal-gun of the expedition was heard announcing the arrival of the anxiously-looked-for party.	Здесь, на широте мыса Корриентес, ей пришлось выдержать сильнейшую бурю, ту самую, которая с такой яростью обрушилась во время грозы на путешественников. Выдержала яхта этот шторм хорошо и уже три дня крейсировала в открытом море, когда выстрелы карабина дали знать о прибытии ожидаемых с таким нетерпением путешественников.
"It was only justice," the captain added, "that he should mention the intrepid bearing of Lady Helena and Mary Grant throughout the whole hurricane.	Капитан "Дункана" прибавил, что было бы несправедливо не упомянуть о редкой отваге, проявленной леди Гленарван и мисс Грант.
They had not shown the least fear, unless for their friends, who might possibly be exposed to the fury of the tempest."	Буря их не испугала, и если они и беспокоились, то лишь о своих друзьях, странствовавших в это время по равнинам Аргентинской республики.

After John Mangles had finished his narrative, Glenarvan turned to Mary and said;	Этими словами Джон Манглс и закончил свой рассказ. Лорд Гленарван поздравил его с удачным переходом, а затем обратился к Мери Грант.
"My dear Miss Mary, the captain has been doing homage to your noble qualities, and I am glad to think you are not unhappy on board his ship."	- Дорогая мисс, - сказал он, - я вижу, что капитан Джон воздает должное вашим достоинствам, и я очень рад, что вы так хорошо чувствовали себя на борту его судна.
"How could I be?" replied Mary naively, looking at Lady Helena, and at the young captain too, likely enough.	- Как же могло быть иначе? - ответила Мери, глядя на леди Элен, а может быть, и на молодого капитана.
"Oh, my sister is very fond of you, Mr. John, and so am I," exclaimed Robert.	- О, моя сестра очень любит вас, мистер Джон! - воскликнул Роберт. - И я вас люблю!
"And so am I of you, my dear boy," returned the captain, a little abashed by Robert's innocent avowal, which had kindled a faint blush on Mary's cheek.	- Я тебя тоже, дорогой мальчик, - ответил Джон Манглс. Молодой капитан был несколько смущен словами Роберта, а Мери Грант слегка покраснела.
Then he managed to turn the conversation to safer topics by saying:	Джон Манглс поспешил переменить тему разговора:
"And now that your Lordship has heard all about the doings of the DUNCAN, perhaps you will give us some details of your own journey, and tell us more about the exploits of our young hero."	- Раз я кончил свой рассказ о переходе "Дункана", то, быть может, вы, милорд, опишете нам подробности путешествия по Америке и подвиги нашего юного героя?
Nothing could be more agreeable than such a recital to Lady Helena and Mary Grant; and accordingly Lord Glenarvan hastened to satisfy their curiosity-going over incident by incident, the entire march from one ocean to another, the pass of the Andes, the earthquake, the disappearance of Robert, his capture by the condor, Thalcave's providential shot, the episode of the red wolves, the devotion of the young lad, Sergeant Manuel, the inundations, the caimans, the waterspout, the night on the Atlantic shore-all these details, amusing or terrible, excited by turns laughter and horror in the listeners.	Конечно, ничто не могло бы доставить большего удовольствия леди Элен и мисс Грант. Лорд Гленарван не замедлил удовлетворить их любопытство. Рассказывая, он как бы заново пережил одно за другим все происшествия экспедиции от океана до океана. Переход через Анды, землетрясение, исчезновение Роберта, похищение его кондором, выстрел Талькава, нападение красных волков, самопожертвование мальчика, знакомство с сержантом Мануэлем, наводнение, убежище на омбу, молния, пожар, кайманы, смерч и, наконец, ночь на берегу Атлантического океана - все эти эпизоды, то страшные, то веселые, попеременно вызывали ужас или смех слушателей.
Often and often Robert came in for caresses from his sister and Lady Helena.	Не раз, когда говорилось о Роберте, его сестра и леди Элен, восхищаясь мальчиком, осыпали его ласками.
Never was a boy so much embraced, or by such enthusiastic friends.	Еще никогда не доставалось ему столько похвал и поцелуев сразу.
"And now, friends," added Lord Glenarvan, when he had finished his narrative, "we must think of the present.	Закончив, Эдуард Гленарван прибавил: - А теперь, друзья мои, давайте подумаем о настоящем дне.
The past is gone, but the future is ours.	Прошлое позади, но будущее в наших руках.
Let us come back to Captain Harry Grant."	Займемся же снова судьбой капитана Гарри Гранта.

As soon as breakfast was over they all went into Lord Glenarvan's private cabin and seated themselves round a table covered with charts and plans, to talk over the matter fully.	Завтрак был окончен. Все перешли в салон леди Гленарван и разместились вокруг стола, заваленного картами и планами.
"My dear Helena," said Lord Glenarvan, "I told you, when we came on board a little while ago, that though we had not brought back Captain Grant, our hope of finding him was stronger than ever.	- Дорогая Элен, - не теряя времени, начал Гленарван, - взойдя на борт "Дункана", я сказал вам, что хотя с нами и нет потерпевших крушение на "Британии", но надежды найти их у нас больше, чем когда-либо раньше.
The result of our journey across America is this: We have reached the conviction, or rather absolute certainty, that the shipwreck never occurred on the shores of the Atlantic nor Pacific.	После перехода через Южную Америку мы уверились, причем совершенно точно, в том, что катастрофа эта не произошла ни на тихоокеанском, ни на атлантическом побережье.
The natural inference is that, as far as regards Patagonia, our interpretation of the document was erroneous.	Отсюда естественно следует, что мы ошиблись и что в документе имелась в виду не Патагония.
Most fortunately, our friend Paganel, in a happy moment of inspiration, discovered the mistake.	К счастью, нашего друга Паганеля внезапно осенило вдохновение, и он понял, в чем была ошибка.
He has proved clearly that we have been on the wrong track, and so explained the document that all doubt whatever is removed from our minds.	Он доказал, что мы шли по ложному пути, и истолковал документ так, что у нас нет больше ни малейших сомнений в его подлинном смысле.
However, as the document is in French, I will ask Paganel to go over it for your benefit."	Я говорю о документе, который написан на французском языке, и прошу Паганеля теперь же разъяснить вам его, чтобы ни у кого не осталось ни тени недоверия.
The learned geographer, thus called upon, executed his task in the most convincing manner, descanting on the syllables GONIE and INDI, and extracting AUSTRALIA out of AUSTRAL.	Ученый исполнил просьбу Гленарвана. Он убедительно изложил, что, по его мнению, означают обрывки слов: gonie и indi. Он ясно вывел из слова austral слово "Австралия".
He pointed out that Captain Grant, on leaving the coast of Peru to return to Europe, might have been carried away with his disabled ship by the southern currents of the Pacific right to the shores of Australia, and his hypotheses were so ingenious and his deductions so subtle that even the matter-of-fact John Mangles, a difficult judge, and most unlikely to be led away by any flights of imagination, was completely satisfied.	Он доказал, что если судно капитана Гранта, покинув берега Перу, на пути в Европу потерпело аварию, его могло занести южными течениями Тихого океана к берегам Австралии. Гипотезы ученого были так остроумны, а выводы так логичны, что заслужили полное одобрение даже Джона Манглса, а он был очень строгий судья в таких вопросах, и его нельзя было увлечь фантастическими планами.
At the conclusion of Paganel's dissertation, Glenarvan announced that the DUNCAN would sail immediately for Australia.	Когда Паганель кончил, Гленарван объявил, что "Дункан" тотчас же направится в Австралию.
But before the decisive orders were given, McNabbs asked for a few minutes' hearing.	Однако майор попросил, прежде чем будет отдан приказ взять курс на восток, разрешить ему высказать одно простое соображение.
"Say away, McNabbs," replied Glenarvan.	- Говорите, Мак-Наббс, - сказал Гленарван.
"I have no intention of weakening the arguments of my friend Paganel, and still less of refuting them.	- Цель моя, - начал майор, - не в том, чтобы поколебать доводы моего друга Паганеля, еще менее собираюсь я опровергать их.

I consider them wise and weighty, and deserving our attention, and think them justly entitled to form the basis of our future researches.	Доводы эти я нахожу серьезными, проницательными, достойными всяческого внимания, и мы, несомненно, должны на них опираться в наших будущих поисках.
But still I should like them to be submitted to a final examination, in order to make their worth incontestable and uncontested."	Но я хотел бы, чтобы они были подвергнуты еще одной, последней проверке: тогда они станут бесспорны и неопровержимы. Никто не понимал, куда клонит осторожный Мак-Наббс, и все слушали его с некоторым беспокойством.
"Go on, Major," said Paganel; "I am ready to answer all your questions."	- Продолжайте, майор, - сказал Паганель, - я готов ответить на все ваши вопросы.
"They are simple enough, as you will see. Five months ago, when we left the Clyde, we had studied these same documents, and their interpretation then appeared quite plain.	- И вам будет чрезвычайно легко это сделать, - промолвил майор. - Когда пять месяцев назад мы изучали в Фёрт-оф-Клайд эти три документа, нам казалось, что другого толкования, чем то, какое было предложено, быть не может.
No other coast but the western coast of Patagonia could possibly, we thought, have been the scene of the shipwreck.	Крушение "Британии" могло произойти только у берегов Патагонии.
We had not even the shadow of a doubt on the subject."	У нас не было даже тени сомнения на этот счет.
"That's true," replied Glenarvan.	- Совершенно верно, - заметил Гленарван.
"A little later," continued the Major, "when a providential fit of absence of mind came over Paganel, and brought him on board the yacht, the documents were submitted to him and he approved our plan of search most unreservedly."	- Позднее, - продолжал майор, - когда, на наше счастье, Паганель по своей рассеянности попал на "Дункан", ему показали эти документы, и он безусловно одобрил наше намерение производить поиски у берегов Америки.
"I do not deny it," said Paganel.	- Правильно, - подтвердил географ.
"And yet we were mistaken," resumed the Major.	- И, однако, мы ошиблись, - сказал майор.
"Yes, we were mistaken," returned Paganel; "but it is only human to make a mistake, while to persist in it, a man must be a fool."	- Мы ошиблись, - повторил Паганель. - Каждый человек может ошибиться, но только безумец упорствует в своей ошибке.
"Stop, Paganel, don't excite yourself; I don't mean to say that we should prolong our search in America."	- Не горячитесь, Паганель! Я вовсе не хочу сказать, что мы должны продолжать поиски в Америке.
"What is it, then, that you want?" asked Glenarvan.	- Тогда чего же вы хотите? - спросил Гленарван.
"A confession, nothing more. A confession that Australia now as evidently appears to be the theater of the shipwreck of the BRITANNIA as America did before."	- Хочу только, чтобы вы признали, что Австралия кажется теперь единственно возможным местом крушения "Британии" с той же очевидностью, с которой еще недавно таким местом казалась Америка.
"We confess it willingly," replied Paganel.	- Охотно признаем, - ответил Паганель.
"Very well, then, since that is the case, my advice is not to let your imagination rely on successive and contradictory evidence.	- Констатируя это, - продолжал майор, - я убеждаю вас не давать воли своей фантазии и не доверять всем этим противоречивым "очевидностям".

Who knows whether after Australia some other country may not appear with equal certainty to be the place, and we may have to recommence our search?"	Как знать! Быть может, после Австралии какая-нибудь другая страна внушит вам такую же уверенность, и если эти поиски снова окажутся неудачными, то не станет ли "очевидным", что их надо возобновить еще в другом месте?
Glenarvan and Paganel looked at each other silently, struck by the justice of these remarks.	Гленарван и Паганель переглянулись: соображения майора были поразительно верны.
"I should like you, therefore," continued the Major, "before we actually start for Australia, to make one more examination of the documents.	- Итак, - продолжал Мак-Наббс, - раньше чем мы направимся в Австралию, я хотел бы в последний раз все проверить.
Here they are, and here are the charts.	Вот они, эти бумаги, вот карты.
Let us take up each point in succession through which the 37th parallel passes, and see if we come across any other country which would agree with the precise indications of the document."	Давайте просмотрим одно за другим все места, через которые проходит тридцать седьмая параллель, и подумаем, нет ли другой страны, на которую указывал бы наш документ.
"Nothing can be more easily and quickly done," replied Paganel; "for countries are not very numerous in this latitude, happily."	- Это будет нетрудно и недолго, - заявил Паганель, - так как, на наше счастье, на этой широте лежит мало земель.
"Well, look," said the Major, displaying an English planisphere on the plan of Mercator's Chart, and presenting the appearance of a terrestrial globe.	- Посмотрим, - сказал майор, разворачивая английскую карту обоих полушарий, сделанную по Меркатору.
He placed it before Lady Helena, and then they all stood round, so as to be able to follow the argument of Paganel.	Карту разложили перед леди Элен, и все разместились вокруг нее, чтобы следить за пояснениями Паганеля.
"As I have said already," resumed the learned geographer, "after having crossed South America, the 37th degree of latitude cuts the islands of Tristan d'Acunha.	- Как я уже говорил вам, - начал географ, - тридцать седьмая параллель, пройдя через Южную Америку, пересекает острова Тристан-да-Кунья.
Now I maintain that none of the words of the document could relate to these islands."	Я утверждаю, что ни одно слово документа не может относиться к этим островам.
The documents were examined with the most minute care, and the conclusion unanimously reached was that these islands were entirely out of the question.	Тщательно рассмотрев документы, все признали, что Паганель прав. Острова Тристан-да-Кунья были отвергнуты единогласно.
"Let us go on then," resumed Paganel. "After leaving the Atlantic, we pass two degrees below the Cape of Good Hope, and into the Indian Ocean.	- Продолжим, - снова заговорил географ. - Выйдя из Атлантического океана двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды, мы попадаем в Индийский океан.
Only one group of islands is found on this route, the Amsterdam Isles.	Только одна группа островов встречается на нашем пути - острова Амстердам.
Now, then, we must examine these as we did the Tristan d'Acunha group."	Проверим и эту возможность.
After a close survey, the Amsterdam Isles were rejected in their turn. Not a single word, or part of a word, French, English or German, could apply to this group in the Indian Ocean.	После основательной проверки острова Амстердам были тоже отвергнуты: ни одно слово, полное или неполное, будь то французское, немецкое или английское, не могло относиться к этой группе островов Индийского океана.

"Now we come to Australia," continued Paganel. "The 37th parallel touches this continent at Cape Bernouilli, and leaves it at Twofold Bay.	- Теперь мы подходим к Австралии, - продолжал Паганель. - Тридцать седьмая параллель вступает на этот материк у мыса Бернулли и покидает его в том месте, где находится Туфоллд-Бей.
You will agree with me that, without straining the text, the English word STRA and the French one AUSTRAL may relate to Australia.	Надеюсь, вы согласитесь со мной, что, не делая никакого насилия над текстом документов, можно отнести неполное слово stra из английского документа и неполное слово austral из французского документа к "Австралии"?
The thing is too plain to need proof."	Это так очевидно, что даже не стоит обсуждения.
The conclusion of Paganel met with unanimous approval; every probability was in his favor.	Все согласились с заключением Паганеля. Его предположение казалось всесторонне обоснованным.
"And where is the next point?" asked McNabbs.	- Пойдем дальше, - продолжал майор.
"That is easily answered.	- Хорошо, - откликнулся географ, - путешествие нетрудное.
After leaving Twofold Bay, we cross an arm of the sea which extends to New Zealand.	Покинув Туфоллд-Бей, мы пересекаем море на востоке от Австралии и встречаем на пути Новую Зеландию.
Here I must call your attention to the fact that the French word CONTIN means a continent, irrefragably.	Но напомню вам, что обрывок слова contin из французского документа неопровержимо указывает на то, что тут говорится о континенте.
Captain Grant could not, then, have found refuge in New Zealand, which is only an island.	Стало быть, капитан Грант не мог найти пристанища на Новой Зеландии, ибо это не материк, а остров.
However that may be though, examine and compare, and go over and over each word, and see if, by any possibility, they can be made to fit this new country."	Но пожалуйста - анализируйте, сравнивайте, переворачивайте на все лады слова и обрывки слов, а затем скажите, имеют ли они хоть малейшее отношение к этой стране.
"In no way whatever," replied John Mangles, after a minute investigation of the documents and the planisphere.	- Ни в каком случае, - ответил Джон Манглс, еще раз рассмотрев документы и карту полушарий.
"No," chimed in all the rest, and even the Major himself, "it cannot apply to New Zealand."	- Нет, - согласились с ним остальные слушатели Паганеля и даже сам майор, - о Новой Зеландии не может быть и речи.
"Now," went on Paganel, "in all this immense space between this large island and the American coast, there is only one solitary barren little island crossed by the 37th parallel."	- Дальше, - продолжал географ, - среди всего огромного водного пространства между этим большим островом и берегом Америки тридцать седьмая параллель проходит только через один бесплодный пустынный островок.
"And what is its name," asked the Major.	- Как он называется? - спросил майор.
"Here it is, marked in the map.	- Смотрите на карту.
It is Maria Theresa-a name of which there is not a single trace in either of the three documents."	Это риф Мария-Тереза, но ни в одном из трех документов я не вижу никаких следов этого названия.
"Not the slightest," said Glenarvan.	- Никаких, - подтвердил Гленарван.

"I leave you, then, my friends, to decide whether all these probabilities, not to say certainties, are not in favor of the Australian continent."	- А теперь, друзья мои, - закончил географ, - скажите: не ясно ли, что наиболее вероятным, а точнее - совершенно бесспорным является мой вывод о том, что в документе подразумевается именно Австралия?
"Evidently," replied the captain and all the others.	- Несомненно, - единодушно ответили пассажиры и капитан "Дункана".
"Well, then, John," said Glenarvan, "the next question is, have you provisions and coal enough?"	- Скажите, Джон, - спросил тогда Гленарван капитана, - достаточно ли у вас съестных припасов и угля?
"Yes, your honor, I took in an ample store at Talcahuano, and, besides, we can easily replenish our stock of coal at Cape Town."	- Да, милорд, я с избытком всем запасся в Талькауано. К тому же мы легко сможем еще пополнить наш запас топлива в Кейптауне.
"Well, then, give orders."	- В таком случае дайте приказ к отплытию...
"Let me make one more observation," interrupted McNabbs.	- Еще одно соображение... - перебил Гленарвана майор.
"Go on then."	- Прошу вас, Мак-Наббс!
"Whatever likelihood of success Australia may offer us, wouldn't it be advisable to stop a day or two at the Tristan d'Acunha Isles and the Amsterdam?	- Как ни много у нас шансов на успех в Австралии, но не остановиться ли нам все же на день-два у островов Тристан - да-Кунья и Амстердам?
They lie in our route, and would not take us the least out of the way.	Ведь это по пути.
Then we should be able to ascertain if the BRITANNIA had left any traces of her shipwreck there?"	И тогда уж мы окончательно убедимся в том, что у этих островов нет следов крушения "Британии".
"Incredulous Major!" exclaimed Paganel, "he still sticks to his idea."	- Ну и недоверчив же этот майор! - воскликнул Паганель. - Он стоит на своем!
"I stick to this any way, that I don't want to have to retrace our steps, supposing that Australia should disappoint our sanguine hopes."	- Я стою главным образом за то, чтобы нам не пришлось возвращаться назад в том случае, если Австралия не оправдает наших надежд.
"It seems to me a good precaution," replied Glenarvan.	- Эта предосторожность кажется мне разумной, - заметил Гленарван.
"And I'm not the one to dissuade you from it," returned Paganel; "quite the contrary."	- Уж я-то, конечно, не стану вас отговаривать, - добавил Паганель, - напротив!
"Steer straight for Tristan d'Acunha."	- Тогда, Джон, отдайте приказ идти к островам Тристан - да-Кунья, - распорядился Гленарван.
"Immediately, your Honor," replied the captain, going on deck, while Robert and Mary Grant overwhelmed Lord Glenarvan with their grateful thanks.	- Немедленно, милорд, - ответил капитан и отправился на свой мостик, в то время как Роберт и Мери Грант горячо благодарили лорда Гленарвана.
Shortly after, the DUNCAN had left the American coast, and was running eastward, her sharp keel rapidly cutting her way through the waves of the Atlantic Ocean.	Вскоре "Дункан", держа курс на восток, уже рассекал своим форштевнем волны Атлантического океана, удаляясь от американских берегов.

CHAPTER II TRISTAN D'ACUNHA AND THE ISLE OF AMSTERDAM	Глава II ТРИСТАН-ДА-КУНЬЯ
IF the yacht had followed the line of the equator, the 196 degrees which separate Australia from America, or, more correctly, Cape Bernouilli from Cape Corrientes, would have been equal to 11,760 geographical miles; but along the 37th parallel these same degrees, owing to the form of the earth, only represent 9,480 miles.	Если бы яхта шла вдоль экватора, то сто девяносто шесть градусов, которые отделяют Австралию от Америки (или, вернее сказать, мыс Бернулли от мыса Корриентес), составляли бы путь в одиннадцать тысяч семьсот шестьдесят географических миль. Но тридцать седьмая параллель вследствие формы земного шара короче экватора, и, следуя по ней, яхте предстояло пройти всего лишь девять тысяч четыреста восемьдесят миль.
From the American coast to Tristan d'Acunha is reckoned 2,100 miles-a distance which John Mangles hoped to clear in ten days, if east winds did not retard the motion of the yacht.	От американского берега до островов Тристан-да-Кунья две тысячи сто миль. Это расстояние Джон Манглс надеялся пройти в десять дней, если только его не задержат в пути восточные ветры.
But he was not long uneasy on that score, for toward evening the breeze sensibly lulled and then changed altogether, giving the DUNCAN a fair field on a calm sea for displaying her incomparable qualities as a sailor.	Молодому капитану посчастливилось: к вечеру ветер стал заметно спадать, а затем изменил направление. Море успокоилось, и "Дункан" получил возможность проявить все свои бесподобные качества.
The passengers had fallen back into their ordinary ship life, and it hardly seemed as if they really could have been absent a whole month.	Жизнь вернувшихся пассажиров на яхте пошла своим обычным ходом. Казалось, что они и не покидали судна на целый месяц.
Instead of the Pacific, the Atlantic stretched itself out before them, and there was scarcely a shade of difference in the waves of the two oceans.	Только теперь кругом них плескались волны уже не Тихого, а Атлантического океана. Но ведь все волны, если не считать некоторого различия в их оттенках, похожи друг на друга.
The elements, after having handled them so roughly, seemed now disposed to favor them to the utmost.	Стихии, подвергшие путешественников стольким грозным испытаниям, теперь им благоприятствовали.
The sea was tranquil, and the wind kept in the right quarter, so that the yacht could spread all her canvas, and lend its aid, if needed to the indefatigable steam stored up in the boiler.	Океан был спокоен, дул попутный ветер, и паруса "Дункана", вздувшись под западным бризом, помогали его неутомимо работавшей паровой машине.
Under such conditions, the voyage was safely and rapidly accomplished.	Благодаря всему этому переход совершился быстро и без особых приключений.
Their confidence increased as they found themselves nearer the Australian coast.	Путешественники ждали с твердой надеждой прибытия к австралийскому берегу. Они все больше и больше верили в успех.
They began to talk of Captain Grant as if the yacht were going to take him on board at a given port.	О капитане Гранте говорили так, будто яхта шла за ним в какой-то заранее условленный порт.
His cabin was got ready, and berths for the men.	Уже были приготовлены каюта для него и койки для его двух матросов.
This cabin was next to the famous number six, which Paganel had taken possession of instead of the one he had booked on the SCOTIA.	Мери Грант доставляло большую радость все устраивать и украшать в каюте.

It had been till now occupied by M. Olbinett, who vacated it for the expected guest.	Это помещение уступил мистер Олбинет, сам же он перебрался к своей супруге.
Mary took great delight in arranging it with her own hands, and adorning it for the reception of the loved inmate.	Каюта, предназначенная для капитана Гранта, находилась рядом со знаменитой каютой номер шесть, заказанной Жаком Паганелем на пароходе "Шотландия".
The learned geographer kept himself closely shut up.	Ученый-географ, запершись, проводил в ней почти целые дни.
He was working away from morning till night at a work entitled	Он с утра до вечера работал над трудом под заглавием
"Sublime Impressions of a Geographer in the Argentine Pampas," and they could hear him repeating elegant periods aloud before committing them to the white pages of his day-book; and more than once, unfaithful to Clio, the muse of history, he invoked in his transports the divine Calliope, the muse of epic poetry.	"Чудесные впечатления географа в аргентинских пампасах". Часто было слышно, как он взволнованно произносил свои изящные периоды, прежде чем доверить их записной книжке. И, надо признаться, восторженный ученый не раз изменял музе истории Клио и обращался к божественной музе Каллиопе, вдохновительнице эпических поэм.
Paganel made no secret of it either. The chaste daughters of Apollo willingly left the slopes of Helicon and Parnassus at his call.	Паганель и не скрывал того, что целомудренные дочери Аполлона охотно покидают для него Парнас или Геликон.
Lady Helena paid him sincere compliments on his mythological visitants, and so did the Major, though he could not forbear adding:	Элен и майор поздравляли его с этими мифологическими посетительницами.
"But mind no fits of absence of mind, my dear Paganel; and if you take a fancy to learn Australian, don't go and study it in a Chinese grammar."	- Только смотрите, дорогой Паганель, - добавлял при этом майор, - берегитесь рассеянности, и если вам придет фантазия учиться языку австралийцев, то не вздумайте прибегнуть к помощи китайской грамматики.
Things went on perfectly smoothly on board.	Итак, на яхте все шло прекрасно.
Lady Helena and Lord Glenarvan found leisure to watch John Mangles' growing attachment to Mary Grant.	Лорд и леди Гленарван с интересом наблюдали за Джоном Манглсом и Мери Грант.
There was nothing to be said against it, and, indeed, since John remained silent, it was best to take no notice of it.	Супруги находили, что молодые люди ведут себя безупречно, а раз Джон Манглс молчит, то лучше делать вид, что они ничего не замечают.
"What will Captain Grant think?" Lord Glenarvan asked his wife one day.	- Что подумает капитан Грант! - сказал однажды жене Гленарван.
"He'll think John is worthy of Mary, my dear Edward, and he'll think right."	- Он подумает, что Джон достоин Мери, и не ошибется, дорогой Эдуард.
Meanwhile, the yacht was making rapid progress.	Между тем яхта быстро двигалась к цели.

Five days after losing sight of Cape Corrientes, on the 16th of November, they fell in with fine westerly breezes, and the DUNCAN might almost have dispensed with her screw altogether, for she flew over the water like a bird, spreading all her sails to catch the breeze, as if she were running a race with the Royal Thames Club yachts.	16 ноября, через пять дней после того, как скрылся из виду мыс Корриентес, подул западный бриз, чрезвычайно редко благоприятствующий судам, огибающим южную оконечность Африки: там постоянно дуют юго-восточные ветры. "Дункан" распустил паруса и под фоком, бизанью, марселем, брамселем и косыми парусами лег на левый борт и понесся левым галсом так быстро, что винт почти не успевал отталкиваться от ускользающих вод, рассекаемых его форштевнем. Можно было подумать, что "Дункан" принимает участие в состязании яхт Королевского яхт-клуба.
Next day, the ocean appeared covered with immense seaweeds, looking like a great pond choked up with the DEBRIS of trees and plants torn off the neighboring continents.	На следующий день океан оказался покрытым громадными водорослями, делавшими его похожим на огромный пруд, заросший травами. Казалось, это еще одно Саргассово море, образованное из обломков деревьев и растений с соседних материков.
Commander Murray had specially pointed them out to the attention of navigators.	Впервые на такие скопления обратил внимание мореплавателей ученый Мори.
The DUNCAN appeared to glide over a long prairie, which Paganel justly compared to the Pampas, and her speed slackened a little.	"Дункан" словно скользил по громадному лугу (Паганель удачно сравнил его с пампасами), и ход яхты несколько замедлился.
Twenty-four hours after, at break of day, the man on the look-out was heard calling out,	Прошли еще одни сутки, и на рассвете с мачты послышался голос наблюдателя.
"Land ahead!"	- Земля! - крикнул он.
"In what direction?" asked Tom Austin, who was on watch.	- Где? - спросил его Том Остин, стоявший в это время на вахте.
"Leeward!" was the reply.	- На подветренной стороне, - ответил матрос.
This exciting cry brought everyone speedily on deck.	Не успел раздаться этот всегда волнующий крик: "Земля!", как палуба сразу наполнилась людьми.
Soon a telescope made its appearance, followed by Jacques Paganel.	Вскоре из каюты выглянула подзорная труба, и тотчас же вслед за ней появился Жак Паганель.
The learned geographer pointed the instrument in the direction indicated, but could see nothing that resembled land.	Ученый поспешно направил свой инструмент в указанную сторону, но не увидел там ничего похожего на землю.
"Look in the clouds," said John Mangles.	- Взгляните выше, в облака, - посоветовал ему Джон Манглс.
"Ah, now I do see a sort of peak, but very indistinctly."	- Верно, - сказал Паганель. - Там, правда, виднеется что-то вроде остроконечной горной вершины.
"It is Tristan d'Acunha," replied John Mangles.	- Это острова Тристан-да-Кунья, - объявил Джон Манглс.

"Then, if my memory serves me right, we must be eighty miles from it, for the peak of Tristan, seven thousand feet high, is visible at that distance."	- В таком случае, если только память мне не изменяет, - продолжал ученый, - мы должны быть от острова Тристан в восьмидесяти милях, ибо его вершина, поднимающаяся на семь тысяч футов над уровнем моря, видна именно с такого расстояния.
"That's it, precisely."	- Совершенно верно, - отозвался капитан Джон.
Some hours later, the sharp, lofty crags of the group of islands stood out clearly on the horizon.	Прошло несколько часов, и на горизонте вполне отчетливо вырисовалась группа островов с высокими крутыми берегами.
The conical peak of Tristan looked black against the bright sky, which seemed all ablaze with the splendor of the rising sun.	Коническая вершина острова Тристан выделялась темным силуэтом на фоне неба, озаренного лучами восходящего солнца.
Soon the principal island stood out from the rocky mass, at the summit of a triangle inclining toward the northeast.	Вскоре из скалистой массы архипелага выступил главный его остров, расположенный как бы у вершины направленного на северо-восток треугольника.
Tristan d'Acunha is situated in 37 degrees 8' of southern latitude, and 10 degrees 44' of longitude west of the meridian at Greenwich.	Тристан находится под 37°6' южной широты и 12° западной долготы от Гринвичского меридиана.
Inaccessible Island is eighteen miles to the southwest and Nightingale Island is ten miles to the southeast, and this completes the little solitary group of islets in the Atlantic Ocean.	Этот маленький архипелаг, затерянный в Атлантическом океане, дополняется в восемнадцати милях к юго-западу островом Инаксессибл, а в десяти милях к юго-востоку - островом Найтингейл.
Toward noon, the two principal landmarks, by which the group is recognized were sighted, and at 3 P. M. the DUNCAN entered Falmouth Bay in Tristan d'Acunha.	Около полудня яхта прошла мимо двух известных морякам береговых ориентиров: угловой скалы острова Инаксессибл, очень похожей на лодку с поднятым парусом, и двух островков у северной части острова Найтингейл, напоминающих развалины небольшой крепости. В три часа "Дункан" вошел в бухту острова Тристан - Фалмут, защищенную от западных ветров остроконечной горой Хелп.
Several whaling vessels were lying quietly at anchor there, for the coast abounds in seals and other marine animals.	Здесь дремало на якоре несколько китобойных судов, занятых добычей тюленей и других морских животных, которыми изобилуют эти берега.
John Mangle's first care was to find good anchorage, and then all the passengers, both ladies and gentlemen, got into the long boat and were rowed ashore. They stepped out on a beach covered with fine black sand, the impalpable DEBRIS of the calcined rocks of the island.	Джон Манглс стал искать надежное место для стоянки "Дункана", зная, что эта открытая гавань очень опасна для судов при северном и северо-западном ветре. Именно в этой бухте затонул в 1829 году английский бриг "Джулия" с командой и грузом. "Дункан" бросил якорь на каменистое дно в полумиле от берега, на глубине ста сорока футов. Для пассажиров яхты тотчас была спущена большая шлюпка; они высадились на берег, покрытый тонким темным песком - мельчайшими остатками выветрившихся известковых скал.

Tristan d'Acunha is the capital of the group, and consists of a little village, lying in the heart of the bay, and watered by a noisy, rapid stream.	Столицей всего архипелага Тристан-да-Кунья является небольшой поселок, расположенный в глубине бухты, у широкого шумного ручья.
It contained about fifty houses, tolerably clean, and disposed with geometrical regularity.	В нем до полусотни довольно опрятных домиков, расположенных с той геометрической правильностью, которая, по-видимому, является последним словом английской архитектуры.
Behind this miniature town there lay 1,500 hectares of meadow land, bounded by an embankment of lava.	За этим миниатюрным городком расстилается равнина в полторы тысячи гектаров, заканчивающаяся огромными насыпями из застывшей лавы.
Above this embankment, the conical peak rose 7,000 feet high.	А над этой плоской возвышенностью поднимается конический пик в семь тысяч футов.
Lord Glenarvan was received by a governor supplied from the English colony at the Cape. He inquired at once respecting Harry Grant and the BRITANNIA, and found the names entirely unknown.	Лорд Гленарван был принят губернатором, подчиненным английским колониальным властям в Кейптауне, и тотчас же осведомился у него относительно Гарри Гранта и "Британии". Но это имя и название оказались совершенно неизвестными ему.
The Tristan d'Acunha Isles are out of the route of ships, and consequently little frequented.	Острова Тристан-да-Кунья находятся в стороне от обычного морского пути, и к берегам их редко подходят суда.
Since the wreck of the Blendon Hall in 1821, on the rocks of Inaccessible Island, two vessels have stranded on the chief island-the PRIMANGUET in 1845, and the three-mast American, PHILADELPHIA, in 1857.	После известного крушения английского судна "Блендон-Голл", разбившегося в 1821 году о скалы острова Инаксессибл, еще два судна потерпели крушение у берега главного острова: "Примоге" в 1845 году и трехмачтовый американский корабль "Филадельфия" в 1857 году.
These three events comprise the whole catalogue of maritime disasters in the annals of the Acunhas.	Этими тремя катастрофами и ограничивалась местная статистика кораблекрушений.
Lord Glenarvan did not expect to glean any information, and only asked by the way of duty.	В сущности, Гленарван и не рассчитывал получить здесь какие-нибудь сведения, а расспрашивал губернатора только для очистки совести.
He even sent the boats to make the circuit of the island, the entire extent of which was not more than seventeen miles at most.	Из тех же соображений он послал шлюпки вокруг острова, окружность которого не превышает семнадцати миль. Если бы остров был даже втрое больше, то и тогда на нем не могли бы уместиться ни Лондон, ни Париж.
In the interim the passengers walked about the village.	Пока производился этот осмотр, пассажиры "Дункана" прогуливались по поселку и его окрестностям.
The population does not exceed 150 inhabitants, and consists of English and Americans, married to negroes and Cape Hottentots, who might bear away the palm for ugliness.	Население поселка не достигало и ста пятидесяти человек. Все это были англичане и американцы, женатые на негритянках и готтентотках, поразительно безобразных.

The children of these heterogeneous households are very disagreeable compounds of Saxon stiffness and African blackness.	Дети от этих смешанных браков сочетают грубоватые саксонские черты с черной кожей африканцев. Путешественники были рады тому, что чувствуют под ногами твердую почву. Побывав в поселке, они отправились на берег, к которому прилегает единственная на этом острове обработанная долина. Все остальное пространство острова покрыто крутыми и бесплодными утесами из застывшей лавы. Среди них живут тысячи огромных альбатросов и нескладных пингвинов. Сначала путешественники осмотрели утесы вулканического происхождения, а потом направились к долине. Вокруг них журчали многочисленные проворные ручьи, питаемые вечными снегами конусообразной горы. Пейзаж оживляли зеленые кусты, на которых виднелось почти столько же птичек, сколько и цветов. Среди зеленеющих пастбищ возвышалось одно-единственное дерево футов в двадцать вышиной. Гигантский кустарник "туссе" с древовидным стеблем, "ацена" с колючими семенами, могучие "ломарии" с переплетающимися стеблями, многолетние кустарниковые растения "ануэрии", распространяющие кругом одуряющий аромат, мхи, дикий сельдерей, папоротники - все это составляло хотя не слишком разнообразную, но роскошную флору. Чувствовалось, что над этим благодатным островом нежно веет вечная весна. В окрестностях поселка паслись стада быков и овец. Поля, засеянные пшеницей, маисом, овощами, ввезенными сюда лет сорок назад, примыкали вплотную к улицам столицы. Паганель восторженно называл остров воспетой Фенелоном Огигией, он предложил леди Гленарван отыскать грот и стать новой Калипсо, сам же он желал лишь быть одной из нимф у нее в услужении.
It was nearly nightfall before the party returned to the yacht, chattering and admiring the natural riches displayed on all sides, for even close to the streets of the capital, fields of wheat and maize were waving, and crops of vegetables, imported forty years before; and in the environs of the village, herds of cattle and sheep were feeding.	Так, любуясь природой и разговаривая, путешественники долго гуляли и вернулись на яхту только с наступлением темноты.
The boats returned to the DUNCAN about the same time as Lord Glenarvan.	Как раз в то время, когда Гленарван вернулся на борт, подошли к "Дункану" и шлюпки.
They had made the circuit of the entire island in a few hours, but without coming across the least trace of the BRITANNIA.	Они успели в несколько часов объехать кругом весь остров, но никакого следа "Британии" не нашли.

The only result of this voyage of circumnavigation was to strike out the name of Isle Tristan from the program of search.	Таким образом, острова Тристан-да-Кунья были окончательно исключены из программы поисков. Теперь "Дункан" мог свободно покинуть эти африканские острова и продолжать свой путь на восток. Если он не отплыл в тот же вечер, то только потому, что Гленарван разрешил команде поохотиться на тюленей. Тюлени кишели в бухте Фалмут. Когда-то в этих водах прекрасно себя чувствовали и настоящие киты. Но на них столько охотились, что они почти перевелись. Тюлени же живут здесь целыми стадами. Команда яхты решила всю ночь за ними охотиться, а на следующий день заготовить запасы жира. Поэтому отплытие "Дункана" было отложено на послезавтрашний день - 20 ноября. За ужином Паганель сообщил своим спутникам интересные сведения об островах Тристан-да-Кунья. Они узнали, что этот архипелаг, открытый в 1506 году португальцем Тристаном-да - Кунья, одним из спутников д'Альбукерка, в течение более ста лет не был исследован. Здешние острова считались, и не без основания, приютом бурь и пользовались не лучшей репутацией, чем Бермудские острова. Поэтому к ним подходили только суда, заброшенные к их берегам бурями Атлантического океана. В 1697 году, когда три голландских судна Индийской компании пристали к островам Тристан-да-Кунья, были определены координаты этих островов, а в 1700 году великий астроном Галлей внес в эти вычисления свои поправки. Между 1712 и 1767 годами ознакомились с архипелагом несколько французских мореплавателей. Среди них - Лаперуз, которому было поручено осмотреть острова во время знаменитого путешествия 1785 года. Эти так редко посещаемые острова были необитаемы вплоть до 1811 года, когда одному американцу, Джонатану Лемберту, пришла мысль основать там колонию. В январе этого года он высадился здесь с двумя товарищами, и они принялись за работу. Английский губернатор мыса Доброй Надежды, узнав, что новые колонисты преуспевают, предложил им протекторат Англии. Джонатан принял это предложение и водрузил над своей хижиной британский флаг. Казалось, Джонатану суждено было мирно и безмятежно царствовать над "своими народами" - стариком итальянцем и португальским мулатом, но однажды, исследуя берега своей "империи", он утонул или был утоплен - это осталось тайной. Настал 1816 год. Наполеон был заточен на острове Св. Елены, и Англия, дабы бдительнее охранять его, держала один гарнизон на Тристан-да-Кунья, а другой - на острове Вознесения. Гарнизон Тристан-да-Кунья состоял из артиллерийской батареи, переведенной

из Кейптауна, и из отряда готтентотов. Он оставался здесь до самой смерти Наполеона, до 1821 года, затем был возвращен обратно на мыс Доброй Надежды. - Один только европеец, - добавил Паганель, - капрал, шотландец... - А, шотландец! - перебил его майор, которого всегда интересовали соотечественники. - Звали его Уильям Гласс, - продолжал географ. - Так вот, он остался на острове с женой и двумя готтентотами. Вскоре к шотландцу присоединились два англичанина: один матрос, а другой рыбак с берегов Темзы, служивший до этого драгуном в аргентинской армии. Наконец, один из потерпевших крушение в 1821 году на "Блендон-Голле" поселился вместе со своей молодой женой на острове Тристан. Таким образом, на этом острове в 1821 году жило шесть мужчин и две женщины. В 1829 году население возросло: мужчин стало семь, женщин шесть, а детей четырнадцать. В 1835 году число жителей достигло сорока, а в настоящее время оно утроилось. - Так складывается нация, - сказал Гленарван. - Скажу еще, чтобы дополнить историю Тристан-да - Кунья, - продолжал Паганель, - эти острова, по-моему, не менее острова Хуан-Фернандес имеют право считаться островами робинзонов. В самом деле, если на островах Хуан-Фернандес были в разное время покинуты на произвол судьбы два моряка, то такой же участи едва не подверглись на острове Тристан два ученых. В 1793 году мой соотечественник, естествоиспытатель Обер Дюпти-Туар, до того увлекся здесь собиранием растений, что заблудился и смог добраться до своего корабля лишь в тот момент, когда капитан уже отдал приказ поднять якорь. А в 1824 году один из ваших соотечественников, дорогой Гленарван, искусный рисовальщик, по имени Огюст Эрл, был оставлен на этом же самом острове и провел на нем целых восемь месяцев. Капитан судна забыл о том, что Эрл находится на берегу, и, подняв паруса, отплыл к мысу Доброй Надежды. - Вот поистине рассеянный капитан! - воскликнул майор. - Это, верно, был один из ваших родичей, Паганель? - Если он и не был моим родичем, то, во всяком случае, достоин этой чести, - заявил географ. И этим его ответом разговор об островах Тристан-да-Кунья был закончен. Ночная охота команды "Дункана" оказалась удачной: убито было пятьдесят крупных тюленей. Разрешив охоту, Гленарван не мог запретить матросам использовать трофеи. Поэтому следующий день был посвящен вытапливанию тюленьего жира, а также обработке кож этих ценных животных. Само собой разумеется, что и второй день стоянки в порту пассажиры "Дункана" использовали для

	того, чтобы совершить новую прогулку в глубь острова. Гленарван и майор захватили с собой ружья - они собирались поохотиться на местную дичь. Гуляя, путешественники дошли до самой подошвы горы. Почва здесь была усеяна кусками лавовых шлаков, пористых и черных, и другими обломками вулканического происхождения. Гора возвышалась над нагромождением шатких скал. Происхождение этого огромного конусообразного пика было бесспорно, и английский капитан Кармайкел совершенно верно распознал в нем потухший вулкан. Охотники набрели на несколько кабанов. Пуля майора уложила на месте одного из них. Гленарван же удовольствовался тем, что подстрелил несколько черных куропаток, из которых должно было выйти превосходное рагу. На высоких горных площадках часто мелькали козы. Еще на острове было много диких кошек: гордых, сильных, отважных, страшных даже для собак. Они быстро размножались и обещали в недалеком будущем стать самыми опасными хищниками на острове. В восемь часов вечера все вернулись на яхту, а ночью "Дункан" навсегда покинул Тристан.
CHAPTER III CAPE TOWN AND M. VIOT	Глава III ОСТРОВ АМСТЕРДАМ
As John Mangles intended to put in at the Cape of Good Hope for coals, he was obliged to deviate a little from the 37th parallel, and go two degrees north.	Джон Манглс собирался запастись углем на мысе Доброй Надежды, поэтому ему пришлось немного уклониться от тридцать седьмой параллели и подняться на два градуса к северу. Здесь еще не начиналась зона пассатов, а дули сильные западные ветры, очень благоприятствовавшие ходу "Дункана".
In less than six days he cleared the thirteen hundred miles which separate the point of Africa from Tristan d'Acunha, and on the 24th of November, at 3 P. M. the Table Mountain was sighted.	Менее чем в шесть дней он прошел тысячу триста миль, то есть расстояние от Тристан-да-Кунья до южной оконечности Африки. 24 ноября в три часа дня показалась Столовая гора, а немного погодя Джон заметил и гору Сигналов, поднимающуюся у входа в залив.

At eight o'clock they entered the bay, and cast anchor in the port of Cape Town.	"Дункан" вошел туда около восьми часов вечера и стал на якорь в порту Кейптаун. Паганелю, члену Географического общества, было, конечно, известно, что южную оконечность Африки впервые заметил португальский адмирал Бартоломеу Диаш в 1486 году, а обогнул ее только в 1497 году Васко да Гама. Да и как мог Паганель этого не знать: ведь великий мореплаватель воспет в "Лузиадах" Камоэнса! По этому поводу ученый сделал одно любопытное замечание: если бы Диаш в 1486 году, за шесть лет до первого путешествия Христофора Колумба, обогнул мыс Доброй Надежды, то открытие Америки могло бы быть отложено на совершенно неопределенное время. Ведь путь вдоль южной оконечности Африки - самый короткий и прямой путь в Восточную Индию. А великий генуэзский моряк, углубляясь на запад, как раз искал ближайшего пути в "страну пряностей". И, если бы путь вокруг мыса был уже найден, экспедиция Колумба не имела бы смысла, и вероятно, он не предпринял бы ее. Кейптаун, или Капштадт, основанный в 1652 году голландцем Ван-Рибеком, расположен в глубине Столовой бухты. Это столица значительной колонии, которая окончательно стала английской после договоров 1815 года. Пассажиры "Дункана" воспользовались стоянкой в порту, чтобы осмотреть город. В их распоряжении было лишь двенадцать часов, так как капитану достаточно было одного дня для возобновления запасов угля и он хотел сняться с якоря 26-го утром. Впрочем, больше времени им и не понадобилось, чтобы обойти правильные квадраты шахматной доски, называемой Кейптауном. 30 тысяч черных и белых жителей играют на ней роль шахматных фигур: ферзей, королей, слонов и пешек. Так, во всяком случае, рассказал про этот город Паганель. После того как вы осмотрите замок, возвышающийся в юго-восточной части города, дом и сад губернатора, биржу, музей, каменный крест, водруженный здесь Бартоломеу Диашем в память своего открытия, да еще выпьете стакан понтейского - лучшего из местных вин, вам не останется ничего другого, как пуститься в дальнейший путь.
They sailed away next morning at daybreak.	Так и сделали путешественники на рассвете следующего дня. "Дункан" поднял стакселя, фок и брамсель и через несколько часов уже обогнул тот знаменитый мыс Бурь, которому португальский король Иоанн II, оптимист, так неудачно дал название Доброй Надежды.

Between the Cape and Amsterdam Island there is a distance of 2,900 miles, but with a good sea and favoring breeze, this was only a ten day's voyage.	Отсюда до островов Амстердам - две тысячи девятьсот миль. При хорошей погоде и благоприятном ветре это расстояние можно пройти дней в десять.
The elements were now no longer at war with the travelers, as on their journey across the Pampas-air and water seemed in league to help them forward.	На море путешественникам больше повезло, чем в пампасах: им не пришлось жаловаться на неблагосклонность стихий. Ветер и вода, ополчившиеся против них на суше, теперь дружно помогали им двигаться вперед.
"Ah! the sea! the sea!" exclaimed Paganel, "it is the field par excellence for the exercise of human energies, and the ship is the true vehicle of civilization.	- О море, море! - повторял Паганель. - Вот где простор для человеческой деятельности! А корабль - настоящий проводник цивилизации!
Think, my friends, if the globe had been only an immense continent, the thousandth part of it would still be unknown to us, even in this nineteenth century.	Если бы земная поверхность была одним огромным материком, мы в девятнадцатом веке не знали бы и тысячной его части.
See how it is in the interior of great countries. In the steppes of Siberia, in the plains of Central Asia, in the deserts of Africa, in the prairies of America, in the immense wilds of Australia, in the icy solitudes of the Poles, man scarcely dares to venture; the most daring shrinks back, the most courageous succumbs.	Взгляните, что происходит внутри обширных материков - на равнинах Центральной Азии, в пустынях Африки, прериях Америки, на пространствах Австралии, в ледяных полярных странах. Человек едва осмеливается проникнуть туда. Самый смелый отступает, самый отважный погибает.
They cannot penetrate them; the means of transport are insufficient, and the heat and disease, and savage disposition of the natives, are impassable obstacles. Twenty miles of desert separate men more than five hundred miles of ocean."	Продвигаться там человеку невозможно: средства сообщения недостаточны. Жара, болезни, ярость дикарей ставят непреодолимые препятствия... Двадцать миль пустыни больше разделяют людей, чем пятьсот миль океана. Живущие на разных берегах океана ближе друг к другу, чем живущие на разных концах леса. Англия как бы граничит с Австралией. Но возьмите, например, Египет: он, кажется, на миллионы лье отдален от Сенегала. Пекин как будто за тридевять земель от Петербурга... Море в наше время более доступно, чем самая небольшая пустыня, и только благодаря ему, как верно заметил один американский ученый, между пятью частями света установились родственные узы.
Paganel spoke with such warmth that even the Major had nothing to say against this panegyric of the ocean.	Паганель говорил с жаром, и даже майор ничего не возразил на этот гимн океану.
Indeed, if the finding of Harry Grant had involved following a parallel across continents instead of oceans, the enterprise could not have been attempted; but the sea was there ready to carry the travelers from one country to another, and on the 6th of December, at the first streak of day, they saw a fresh mountain apparently emerging from the bosom of the waves.	И в самом деле, если бы для поисков Гарри Гранта нужно было следовать вдоль тридцать седьмой параллели все время по материку, то это предприятие оказалось бы неосуществимым. Но к услугам отважных путешественников было море, переносившее их из одной страны в другую. 6 декабря, на рассвете, над морскими волнами показалась какая-то гора.

This was Amsterdam Island, situated in 37 degrees 47 minutes latitude and 77 degrees 24 minutes longitude, the high cone of which in clear weather is visible fifty miles off.	Это был остров Амстердам, расположенный под 37° 51'южной широты. Конусообразная вершина была видна в ясную погоду за пятьдесят миль.
At eight o'clock, its form, indistinct though it still was, seemed almost a reproduction of Teneriffe.	В восемь часов утра очертания этой горы, еще неясные, стали напоминать общий облик Тенерифского пика.
"And consequently it must resemble Tristan d'Acunha," observed Glenarvan.	- Значит, она похожа и на гору острова Тристан, - заметил Гленарван.
"A very wise conclusion," said Paganel, "according to the geometrographic axiom that two islands resembling a third must have a common likeness.	- Основательный вывод, - отозвался Паганель. - Он вытекает из геометрографической аксиомы: два острова, похожие на третий, похожи и друг на друга.
I will only add that, like Tristan d'Acunha, Amsterdam Island is equally rich in seals and Robinsons."	Добавлю, что острова Амстердам, так же как и острова Тристан-да-Кунья, были богаты тюленями и робинзонами.
"There are Robinsons everywhere, then?" said Lady Helena.	- Значит, везде есть робинзоны? - спросила леди Элен.
"Indeed, Madam," replied Paganel, "I know few islands without some tale of the kind appertaining to them, and the romance of your immortal countryman, Daniel Defoe, has been often enough realized before his day."	- Честное слово, мадам, я не много знаю островов, где не бывало подобных приключений, - отозвался ученый, - сама жизнь гораздо раньше вашего знаменитого соотечественника Даниеля Дефо осуществила его бессмертный роман.
"Monsieur Paganel," said Mary, "may I ask you a question?"	- Господин Паганель, - обратилась к нему Мери Грант, - разрешите мне задать вам один вопрос.
"Two if you like, my dear young lady, and I promise to answer them."	- Хоть два, дорогая мисс. Обязуюсь на них ответить.
"Well, then, I want to know if you would be very much frightened at the idea of being cast away alone on a desert island."	- Скажите, вас очень пугает мысль очутиться на необитаемом острове?
"I?" exclaimed Paganel.	- Меня? - воскликнул Паганель.
"Come now, my good fellow," said the Major, "don't go and tell us that it is your most cherished desire."	- Не вздумайте, друг мой, уверять, что это ваше заветное желание, - сказал майор.
"I don't pretend it is that, but still, after all, such an adventure would not be very unpleasant to me.	- Я этого не говорю, - ответил географ, - но, пожалуй, подобное приключение пришлось бы мне по вкусу.
I should begin a new life; I should hunt and fish; I should choose a grotto for my domicile in Winter and a tree in Summer. I should make storehouses for my harvests: in one word, I should colonize my island."	Я бы начал новую жизнь: стал бы охотиться, ловить рыбу, жил бы зимой в пещере, а летом - на дереве, устроил бы склад для собранного урожая... Словом, я занялся бы колонизацией моего острова.
"All by yourself?"	- Один?
"All by myself if I was obliged.	- Один, если бы так пришлось.
Besides, are we ever obliged?	А к тому же разве на земле может быть полное одиночество?

Cannot one find friends among the animals, and choose some tame kid or eloquent parrot or amiable monkey?	Как будто нельзя выбрать себе друга среди животных: приручить какого-нибудь козленка, говорящего попугая, милую обезьянку.
And if a lucky chance should send one a companion like the faithful Friday, what more is needed?	А если случай пошлет вам такого товарища, как верный Пятница, то чего же еще вам нужно?
Two friends on a rock, there is happiness.	Два друга на одном утесе - вот вам и счастье!
Suppose now, the Major and I-"	Представьте, например, майора и меня...
"Thank you," replied the Major, interrupting him; "I have no inclination in that line, and should make a very poor Robinson Crusoe."	- Благодарю вас, - сказал Мак-Наббс, - у меня нет ни малейшего желания разыгрывать роль Робинзона, я бы сыграл ее очень плохо.
"My dear Monsieur Paganel," said Lady Helena, "you are letting your imagination run away with you, as usual.	- Дорогой Паганель, - вмешалась леди Элен, - ваше воображение опять уносит вас в мир фантазий.
But the dream is very different from the reality.	Но мне кажется, что действительность очень отличается от мечтаний.
You are thinking of an imaginary Robinson's life, thrown on a picked island and treated like a spoiled child by nature.	Вы представляете лишь тех вымышленных робинзонов, которых заботливая судьба забрасывает на благодатные острова, где природа балует их, словно любимых детей.
You only see the sunny side."	Вы видите только хорошую сторону вещей.
"What, madam! You don't believe a man could be happy on a desert island?"	- Как, вы думаете, что нельзя быть счастливым на необитаемом острове?
"I do not.	- Думаю, что нет.
Man is made for society and not for solitude, and solitude can only engender despair.	Человек создан для жизни в обществе, а не в одиночку. Одиночество порождает отчаяние.
It is a question of time.	Это только вопрос времени.
At the outset it is quite possible that material wants and the very necessities of existence may engross the poor shipwrecked fellow, just snatched from the waves; but afterward, when he feels himself alone, far from his fellow men, without any hope of seeing country and friends again, what must he think, what must he suffer?	Возможно, что сначала заботы об устройстве, об удовлетворении жизненных потребностей и могут отвлечь мысли несчастного, только что спасшегося от морских волн, и он, весь занятый настоящим, не будет думать о мрачном будущем. Но настанет время, когда он почувствует себя одиноким вдали от людей, без всякой надежды увидеть родину, увидеть тех, кого он любит. Что тогда должен будет он передумать, перестрадать!
His little island is all his world. The whole human race is shut up in himself, and when death comes, which utter loneliness will make terrible, he will be like the last man on the last day of the world. Believe me, Monsieur Paganel, such a man is not to be envied."	Его островок - для него весь мир, все человечество - он сам... И, когда настанет смерть, страшная смерть в совершенном одиночестве, он будет чувствовать себя так, как последний человек в последний день мира... Нет, господин Паганель, поверьте мне, лучше не быть этим человеком!
Paganel gave in, though regretfully, to the arguments of Lady Helena, and still kept up a discussion on the advantages and disadvantages of Isolation, till the very moment the DUNCAN dropped anchor about a mile off Amsterdam Island.	Паганель, хотя не без сожаления, все же должен был согласиться с доводами леди Элен. Разговор на тему о преимуществах и тяготах одиночества продолжался вплоть до момента, когда "Дункан" бросил якорь в миле от островов Амстердам.

This lonely group in the Indian Ocean consists of two distinct islands, thirty-three miles apart, and situated exactly on the meridian of the Indian peninsula.	Этот заброшенный в Индийском океане архипелаг состоит из двух островов, расположенных приблизительно в тридцати трех милях один от другого, как раз на долготе полуострова Индостан.
To the north is Amsterdam Island, and to the south St. Paul; but they have been often confounded by geographers and navigators.	Северный остров называется островом Амстердам или Сен-Пьер, а южный - островом Сен-Поль.
At the time of the DUNCAN'S visit to the island, the population consisted of three people, a Frenchman and two mulattoes, all three employed by the merchant proprietor.	Но надо сказать, что и географы и мореплаватели часто смешивают их. Острова были открыты в 1522 году спутником Магеллана Эль-Кано, а много позднее их обследовал д'Антркасто, который вел корабли "Эсперанс" и "Решерш" на поиски Лаперуза. Мореплаватель Берроу, Ботан-Бопре в атласе д'Антркасто, затем Хосбург, Пинпертон и другие географы все время, описывая остров Сен-Пьер, называли его Сен-Поль, и наоборот. В 1859 году офицеры австрийского фрегата "Новара" во время кругосветного путешествия избежали этой ошибки. Паганель непременно хотел исправить ее. Маленький остров Сен-Поль, расположенный к югу от острова Амстердам, необитаем и состоит из одной горы конической формы - по-видимому, потухшего вулкана. Остров же Амстердам, на который шлюпка высадила пассажиров "Дункана", имеет миль двенадцать в окружности. Население его состояло из нескольких добровольных изгнанников, привыкших к своему жалкому существованию. Это были сторожа рыболовных промыслов, принадлежащих, так же как и самый остров, одному коммерсанту с острова Реюньон, некоему Отовану. Этот властитель, пока еще не признанный великими европейскими державами, получает до восьмидесяти тысяч франков в год от ловли, засолки и вывоза рыбы "хейлодактилус", называемой на менее научном языке треской. Острову Амстердам было суждено стать и остаться французским владением. Сначала он принадлежал, по праву первого поселившегося на нем, Камену, судовладельцу из Сен-Дени на Бурбоне. Потом по какому-то международному соглашению остров Амстердам был уступлен одному поляку, который занялся его обработкой при помощи мадагаскарских рабов. Ну, а поляки от французов недалеко ушли, и остров, попав в руки Отована, снова стал французским. Когда 6 декабря 1864 года "Дункан" бросил якорь у острова, население его состояло из трех человек: одного француза и двух мулатов. Все трое были служащими коммерсанта-собственника Отована.
Paganel was delighted to shake hands with a countryman in the person of good old Monsieur Viot.	Паганель с радостью пожал руку соотечественнику, почтенному господину Вио, человеку весьма преклонных лет.

He was far advanced in years, but did the honors of the place with much politeness.	"Мудрый старец" радушно принял путешественников.
It was a happy day for him when these kindly strangers touched at his island, for St. Peter's was only frequented by seal-fishers, and now and then a whaler, the crews of which are usually rough, coarse men.	Этот день, когда ему довелось оказать гостеприимство любезным, культурным европейцам, был для него счастливым. Ведь остров Сен-Пьер обычно посещают лишь охотники на тюленей да изредка китобои - люди грубые и неотесанные; такие гости ненамного приятнее акул.
M. Viot presented his subjects, the two mulattoes.	Вио представил гостям своих подчиненных - двух мулатов.
They composed the whole living population of the island, except a few wild boars in the interior and myriads of penguins.	Трое этих людей да несколько диких кабанов и множество простодушных пингвинов - вот и все здешнее население.

The little house where the three solitary men lived was in the heart of a natural bay on the southeast, formed by the crumbling away of a portion of the mountain.	Домик, где жили трое островитян, стоял в юго-западной части острова, в глубине природной гавани, образовавшейся после обвала. Еще задолго до "царствования" Отована I остров Сен-Пьер служил убежищем для потерпевших кораблекрушение. Паганель очень заинтересовал слушателей, назвав свой первый рассказ об этом: "История двух шотландцев, покинутых на острове Амстердам". Дело было в 1827 году. Английский корабль "Пальмира", проходя в виду этого острова, заметил поднимающийся кверху дым. Капитан стал приближаться к берегу и вскоре увидел двух людей, подававших сигналы бедствия. Он отправил за этими людьми шлюпку, которая и доставила на корабль двадцатидвухлетнего Жака Пэна и сорокавосьмилетного Роберта Прудфута. Эти двое несчастных были в ужасном виде. Они прожили на острове восемнадцать месяцев в страшной нужде, лишениях и муках: у них почти не было ни пищи, ни пресной воды. Питались они ракушками, время от времени какой-нибудь рыбой, пойманной на согнутый гвоздь, или мясом пойманного кабаненка. Им случалось бывать по трое суток без пищи. Подобно весталкам, они неусыпно охраняли костер, разведенный при помощи последнего куска трута, и повсюду носили с собой, как какую-нибудь драгоценность, горящий уголек. Пэн и Прудфут были высажены на остров шхуной, охотившейся за тюленями. Оставили их здесь, по обычаю рыбаков, для того, чтобы они в течение месяца топили жир тюленей и выделывали их кожи. Шхуна за ними не вернулась. Пять месяцев спустя к острову подошло английское судно "Хоуп", направлявшееся к Земле Ван-Димена. Капитан его по какому-то необъяснимому, жестокому капризу отказался взять шотландцев на свое судно. Он отплыл, не оставив им ни куска сухаря, ни огнива. Несомненно, эти двое несчастных погибли бы, если бы "Пальмира", проходившая в виду острова, не подобрала их. Второе приключение, занесенное в историю острова Амстердам - если вообще у такого утеса может быть история, - это приключение капитана Перона, на этот раз уже француза. Началось оно и закончилось так же, как у тех двух шотландцев: он добровольно остается на острове, ожидаемое судно не появляется, наконец, через сорок месяцев к берегам острова по воле ветра заносится иностранное судно. Но это приключение отличается от первого тем, что во время пребывания капитана Перона на острове разыгралась кровавая драма, удивительно похожая на те вымышленные события, которые описал герой Даниеля Дефо, вернувшийся на свой остров. Капитан Перон высадился на берег с

	четырьмя матросами: двумя англичанами и двумя французами. Он собирался охотиться в течение пятнадцати месяцев на морских львов. Охота была очень удачной, но, когда по истечении пятнадцати месяцев судно, которое должно было прийти за охотниками, не появилось, а съестные припасы мало-помалу стали истощаться, вспыхнула национальная рознь. Двое англичан взбунтовались против капитана Перона, и он погиб бы, если бы не помощь его соотечественников. С этого времени началось страшное, полное лишений и мук существование: две враждующие партии днем и ночью следили друг за другом, не расставались с оружием, нападали друг на друга, выходя то победителями, то побежденными. Конечно, в конце концов одна из партий покончила бы с другой. Но, к счастью, какое-то английское судно наконец подобрало и доставило на родину этих несчастных людей, которые враждовали друг с другом на утесе в Индийском океане по такой ничтожной причине. Таковы были эти приключения.
Twice over in the early part of the century, Amsterdam Island became the country of deserted sailors, providentially saved from misery and death; but since these events no vessel had been lost on its coast.	Дважды остров Амстердам становился вторым отечеством для заброшенных на него моряков, которых счастливый случай дважды спас от мук и от смерти. Но с тех пор ни одно судно не потерпело крушения у его берегов.
Had any shipwreck occurred, some fragments must have been thrown on the sandy shore, and any poor sufferers from it would have found their way to M. Viot's fishing-huts.	Волны вынесли бы, конечно, на берег обломки такого судна, а бывшие на нем люди добрались бы на шлюпках до рыболовных промыслов господина Вио.
The old man had been long on the island, and had never been called upon to exercise such hospitality.	А между тем за все многолетнее пребывание здесь старый француз никогда еще не имел случая оказать гостеприимство жертвам моря.
Of the BRITANNIA and Captain Grant he knew nothing, but he was certain that the disaster had not happened on Amsterdam Island, nor on the islet called St. Paul, for whalers and fishing-vessels went there constantly, and must have heard of it.	О "Британии" и капитане Гранте он ничего не знал. Очевидно, катастрофа эта не произошла ни у острова Амстердам, ни у острова Сен-Поль, где часто бывают рыбаки и китобои.
Glenarvan was neither surprised nor vexed at the reply; indeed, his object in asking was rather to establish the fact that Captain Grant had not been there than that he had.	Слова господина Вио не удивили и не огорчили Гленарвана. Ведь он и его спутники искали на островах подтверждение не тому, что там был капитан Грант, а тому, что его там не было. Они хотели убедиться в отсутствии Гарри Гранта в этих точках тридцать седьмой параллели, и только.
This done, they were ready to proceed on their voyage next day.	Отплытие "Дункана" было поэтому назначено на следующий же день.
They rambled about the island till evening, as its appearance was very inviting.	Оставшееся до вечера время путешественники посвятили осмотру острова.
Its FAUNA and FLORA, however, were poor in the extreme.	Он оказался привлекательным, но бедным флорой и фауной.

The only specimens of quadrupeds, birds, fish and cetacea were a few wild boars, stormy petrels, albatrosses, perch and seals.	Описание его не смогло бы заполнить и страницу записной книжки даже самого многословного естествоиспытателя. Млекопитающие, птицы и рыбы были здесь представлены лишь несколькими дикими кабанами, тюленями, белыми как снег чайками, альбатросами и окунями.
Here and there thermal springs and chalybeate waters escaped from the black lava, and thin dark vapors rose above the volcanic soil.	Из-под темной застывшей лавы били горячие ключи и железистые источники, густые пары их клубились над вулканической почвой.
Some of these springs were very hot. John Mangles held his thermometer in one of them, and found the temperature was 176 degrees Fahrenheit.	Температура воды некоторых источников была очень высокой, Джон Манглс погрузил в один из них термометр Фаренгейта, и он показал сто семьдесят шесть градусов.
Fish caught in the sea a few yards off, cooked in five minutes in these all but boiling waters, a fact which made Paganel resolve not to attempt to bathe in them.	Рыба, пойманная в море вблизи, через пять минут становилась вареной в этой почти кипящей воде. Увидев это, Паганель отказался от мысли искупаться в источнике.
Toward evening, after a long promenade, Glenarvan and his party bade adieu to the good old M. Viot, and returned to the yacht, wishing him all the happiness possible on his desert island, and receiving in return the old man's blessing on their expedition.	После долгой прогулки, уже в сумерках, путешественники стали прощаться с почтенным господином Вио. Все горячо пожелали ему счастья, какое только возможно на его пустынном островке, а старик, в свою очередь, пожелал успеха экспедиции. Скоро шлюпка с "Дункана" доставила путешественников на корабль.
CHAPTER IV A WAGER AND HOW DECIDED	Глава IV ПАРИ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ И МАЙОРА МАК-НАББСА
ON the 7th of December, at three A.	7 декабря, в три часа ночи,
M., the DUNCAN lay puffing out her smoke in the little harbor ready to start, and a few minutes afterward the anchor was lifted, and the screw set in motion.	"Дункан" стоял под парами. Заработала лебедка. Якорь был поднят с песчаного дна маленького порта и водворен в свое гнездо на борту. Завертелся винт, и яхта направилась в открытое море.
By eight o'clock, when the passengers came on deck, the Amsterdam Island had almost disappeared from view behind the mists of the horizon.	Когда в восемь часов утра пассажиры поднялись на палубу, остров Амстердам уже исчезал в тумане на горизонте.
This was the last halting-place on the route, and nothing now was between them and the Australian coast but three thousand miles' distance.	Эта стоянка была последней на пути по тридцать седьмой параллели до самых австралийских берегов, а до них оставалось еще целых три тысячи миль.
Should the west wind continue but a dozen days longer, and the sea remain favorable, the yacht would have reached the end of her voyage.	При попутном западном ветре и благоприятной погоде "Дункан" смог бы достигнуть Австралии дней в двенадцать.
Mary Grant and her brother could not gaze without emotion at the waves through which the DUNCAN was speeding her course, when they thought that these very same waves must have dashed against the prow of the BRITANNIA but a few days before her shipwreck.	Мери Грант и Роберт с волнением смотрели на волны, вероятно, те же, что рассекала за несколько дней до своего крушения "Британия".

Here, perhaps, Captain Grant, with a disabled ship and diminished crew, had struggled against the tremendous hurricanes of the Indian Ocean, and felt himself driven toward the coast with irresistible force.	Где-нибудь здесь, быть может, капитан Грант на потерявшем управление судне с остатками команды боролся со страшными бурями Индийского океана, сознавая, что его корабль неудержимо несет к берегу.
The Captain pointed out to Mary the different currents on the ship's chart, and explained to her their constant direction.	Джон Манглс знакомил девушку по своим морским картам с течениями и указывал их постоянное направление.
Among others there was one running straight to the Australian continent, and its action is equally felt in the Atlantic and Pacific.	Одно из этих течений проходит через весь Индийский океан к Австралийскому материку и чувствуется даже в Тихом и Атлантическом океанах.
It was doubtless against this that the BRITANNIA, dismasted and rudderless, had been unable to contend, and consequently been dashed against the coast, and broken in pieces.	Поэтому, если бы "Британия", потеряв мачты и руль, оказалась безоружной против натиска волн и ветра, она должна была быть выброшена на берег и разбиться.
A difficulty about this, however, presented itself. The last intelligence of Captain Grant was from Callao on the 30th of May, 1862, as appeared in the Mercantile and Shipping Gazette. "How then was it possible that on the 7th of June, only eight days after leaving the shores of Peru, that the BRITANNIA could have found herself in the Indian Ocean?"	Одно оставалось непонятным: в последнем сообщении "Мореходной газеты" о капитане Гранте говорилось, что судно вышло из Кальяо 30 мая 1862 года, - как же 7 июня, всего через неделю после отплытия от берегов Перу, "Британия" могла очутиться уже в Индийском океане?
But to this, Paganel, who was consulted on the subject, found a very plausible solution.	Но, когда об этом спросили Паганеля, он нашел такое правдивое объяснение, которое убедило даже самых несговорчивых.
It was one evening, about six days after their leaving Amsterdam Island, when they were all chatting together on the poop, that the above-named difficulty was stated by Glenarvan. Paganel made no reply, but went and fetched the document.	Это было вечером, 12 декабря, через шесть дней после того, как "Дункан" покинул берега острова Амстердам. Лорд и леди Гленарван, Мери и Роберт Грант, капитан Джон, Мак-Наббс и Паганель беседовали в кают-компании. По обыкновению, темой разговора была "Британия" - ведь все мысли путешественников были сосредоточены на ней. На упомянутое противоречие случайно натолкнулся Гленарван. Оно привело всех в ужас: ведь могла рухнуть последняя твердая надежда. Неожиданное замечание Гленарвана заставило Паганеля быстро поднять голову; затем, ни слова не говоря, ученый направился за документом.
After perusing it, he still remained silent, simply shrugging his shoulders, as if ashamed of troubling himself about such a trifle.	Вернувшись, он опять-таки молча пожал плечами, словно ему было просто стыдно, что его могли хотя бы на одно мгновение смутить "таким пустяком".
"Come, my good friend," said Glenarvan, "at least give us an answer."	- Друг мой, - проговорил Гленарван, - дайте нам все же какое-нибудь объяснение.
"No," replied Paganel, "I'll merely ask a question for Captain John to answer."	- Нет, - ответил Паганель, - я только задам один вопрос капитану Джону.
"And what is it, Monsieur Paganel?" said John Mangles.	- Я слушаю, господин Паганель, - сказал Джон Манглс.

"Could a quick ship make the distance in a month over that part of the Pacific Ocean which lies between America and Australia?"	- Может ли быстроходное судно сделать в один месяц переход от Америки до Австралии?
"Yes, by making two hundred miles in twenty-four hours."	- Может, если оно будет проходить двести миль в сутки.
"Would that be an extraordinary rate of speed?"	- Разве такая скорость необычайна?
"Not at all; sailing clippers often go faster."	- Нисколько. Парусные суда часто идут и быстрее.
"Well, then, instead of '7 June' on this document, suppose that one figure has been destroyed by the sea-water, and read '17 June' or '27 June,' and all is explained."	- Ну, так предположите, что морская вода смыла одну цифру, и вместо "седьмого июня" читайте "семнадцатого июня" или "двадцать седьмого июня", и все станет ясным.
"That's to say," replied Lady Helena, "that between the 31st of May and the 27th of June-"	- В самом деле, - сказала леди Элен, - с тридцать первого мая до двадцать седьмого июня...
"Captain Grant could have crossed the Pacific and found himself in the Indian Ocean."	- ... капитан Грант мог пересечь Тихий океан и очутиться в Индийском, - докончил за нее Паганель.
Paganel's theory met with universal acceptance.	Вывод ученого всех обрадовал.
"That's one more point cleared up," said Glenarvan. "Thanks to our friend, all that remains to be done now is to get to Australia, and look out for traces of the wreck on the western coast."	- Итак, еще одно место документа выяснено, - сказал Гленарван, - и опять благодаря нашему ученому другу. Теперь нам остается только добраться до Австралии и начать поиски следов "Британии" на западном побережье.
"Or the eastern?" said John Mangles.	- Или на восточном, - добавил Джон Манглс.
"Indeed, John, you may be right, for there is nothing in the document to indicate which shore was the scene of the catastrophe, and both points of the continent crossed by the 37th parallel, must, therefore, be explored."	- Да, вы правы, Джон: в документе нет указаний на то, что катастрофа произошла именно у западных, а не у восточных берегов. Значит, наши поиски должны быть направлены на место пересечения обоих побережий тридцать седьмой параллелью.
"Then, my Lord, it is doubtful, after all," said Mary.	- Как, милорд, и это неясно? - спросила Мери.
"Oh no, Miss Mary," John Mangles hastened to reply, seeing the young girl's apprehension. "His Lordship will please to consider that if Captain Grant had gained the shore on the east of Australia, he would almost immediately have found refuge and assistance. The whole of that coast is English, we might say, peopled with colonists.	- О нет, мисс! - поспешил ответить Джон Манглс, желая рассеять беспокойство девушки. - Лорд Гленарван, конечно, согласится с тем, что если б капитан Грант высадился на восточном побережье Австралии, то он получил бы там помощь: ведь все это побережье, можно сказать, английское - оно населено колонистами.
The crew of the BRITANNIA could not have gone ten miles without meeting a fellow-countryman."	Команда "Британии" встретила бы соотечественников, не пройдя и десяти миль.
"I am quite of your opinion, Captain John," said Paganel.	- Правильно, капитан Джон, - подтвердил Паганель, - я присоединяюсь к вашему мнению.
"On the eastern coast Harry Grant would not only have found an English colony easily, but he would certainly have met with some means of transport back to Europe."	На восточном побережье, в Туфоллд-Бей, в городе Идеи, Гарри Грант нашел бы не только приют в какой-нибудь английской колонии, но и корабль, на котором он мог бы вернуться в Европу.

"And he would not have found the same resources on the side we are making for?" asked Lady Helena.	- А в той части Австралии, куда мы плывем на "Дункане", потерпевшие крушение не могли бы найти такую помощь? - спросила леди Элен.
"No, madam," replied Paganel; "it is a desert coast, with no communication between it and Melbourne or Adelaide.	- Нет, сударыня, ибо берега эти пустынны, - ответил Паганель. - Никакие пути сообщения не соединяют их ни с Мельбурном, ни с Аделаидой.
If the BRITANNIA was wrecked on those rocky shores, she was as much cut off from all chance of help as if she had been lost on the inhospitable shores of Africa."	Если "Британия" разбилась о тамошние береговые рифы, то спасшиеся с судна люди могли рассчитывать на помощь не больше, чем на негостеприимных берегах Африки.
"But what has become of my father there, then, all these two years?" asked Mary Grant.	- Что же стало с моим отцом за эти два года? - промолвила девушка.
"My dear Mary," replied Paganel, "you have not the least doubt, have you, that Captain Grant reached the Australian continent after his shipwreck?"	- Дорогая Мери, - отозвался Паганель, - ведь вы уверены, не правда ли, в том, что капитану Гранту после кораблекрушения удалось добраться до австралийского берега?
"No, Monsieur Paganel."	- Да, господин Паганель, - ответила девушка.
"Well, granting that, what became of him?	- Ну, так давайте зададим себе вопрос: что могло случиться с капитаном Грантом?
The suppositions we might make are not numerous. They are confined to three. Either Harry Grant and his companions have found their way to the English colonies, or they have fallen into the hands of the natives, or they are lost in the immense wilds of Australia."	Тут могут быть только три гипотезы: или Гарри Грант и его спутники добрались до английских колоний, или они попали в руки туземцев, или, наконец, заблудились в пустынных землях Австралии.
"Go on, Paganel," said Lord Glenarvan, as the learned Frenchman made a pause.	Паганель умолк, ища в глазах слушателей одобрения своих заключений. - Продолжайте, Паганель, - сказал Гленарван.
"The first hypothesis I reject, then, to begin with, for Harry Grant could not have reached the English colonies, or long ago he would have been back with his children in the good town of Dundee."	- Продолжаю, - согласился географ, - и начну с того, что отброшу первую гипотезу. Гарри Грант, конечно, не добрался до английских колоний, ибо, случись это с ним, он давным-давно, целый и невредимый, вернулся бы к своим детям, в свой родной город Данди.
"Poor father," murmured Mary, "away from us for two whole years."	- Бедный отец! - прошептала Мери Грант. - Уже целых два года, как он разлучен с нами!..
"Hush, Mary," said Robert, "Monsieur Paganel will tell us."	- Не перебивай, сестрица, господина Паганеля! - остановил ее Роберт. - Он сейчас нам скажет...
"Alas! my boy, I cannot.	- Увы, нет, мой мальчик!
All that I affirm is, that Captain Grant is in the hands of the natives."	Единственное, что я могу утверждать, это то, что капитан Грант в плену у австралийцев или...
"But these natives," said Lady Helena, hastily, "are they-"	- А эти туземцы, - перебила его леди Элен, - не...

"Reassure yourself, madam," said Paganel, divining her thoughts. "The aborigines of Australia are low enough in the scale of human intelligence, and most degraded and uncivilized, but they are mild and gentle in disposition, and not sanguinary like their New Zealand neighbors.	- Успокойтесь, сударыня, - ответил ученый, поняв, чего она опасалась, - эти туземцы, правда, дики и грубы и стоят на самой низкой ступени развития, но они люди мирные, не кровожадные, подобно своим соседям новозеландцам.
Though they may be prisoners, their lives have never been threatened, you may be sure.	Поверьте мне, если потерпевшие крушение на "Британии" попали к ним в плен, то жизни их не могла грозить никакая опасность.
All travelers are unanimous in declaring that the Australian natives abhor shedding blood, and many a time they have found in them faithful allies in repelling the attacks of evil-disposed convicts far more cruelly inclined."	Все путешественники сходятся на том, что австралийцы не любят проливать кровь и даже часто помогают отражать нападение действительно жестоких беглых каторжников.
"You hear what Monsieur Paganel tells us, Mary," said Lady Helena turning to the young girl. "If your father is in the hands of the natives, which seems probable from the document, we shall find him."	- Вы слышите, что говорит господин Паганель? - обратилась к Мери Грант леди Элен. - Если ваш отец в плену у туземцев - а в документе есть указания на это, - то мы найдем его.
"And what if he is lost in that immense country?" asked Mary.	- А если он заблудился в этой огромной стране? - отозвалась молодая девушка, вопрошающе смотря на Паганеля.
"Well, we'll find him still," exclaimed Paganel, in a confident tone.	- Ну и что же! - уверенно воскликнул географ. - Мы и тогда разыщем его!
"Won't we, friends?"	Не правда ли, друзья мои?
"Most certainly," replied Glenarvan; and anxious to give a less gloomy turn to the conversation, he added- "But I won't admit the supposition of his being lost, not for an instant."	- Конечно! - ответил Гленарван. - Но я не допускаю, чтобы он мог заблудиться.
"Neither will I," said Paganel.	- И я также, - заявил Паганель.
"Is Australia a big place?" inquired Robert.	- А велика ли Австралия? - спросил Роберт.
"Australia, my boy, is about as large as four-fifths of Europe. It has somewhere about 775,000 HECTARES."	- Австралия, мой мальчик, занимает около семисот семидесяти пяти миллионов гектаров земли, иными словами - это четыре пятых Европы.
"So much as that?" said the Major.	- Она так велика? - с удивлением проговорил майор.
"Yes, McNabbs, almost to a yard's breadth.	- Да, Мак-Наббс, это совершенно точно.
Don't you think now it has a right to be called a continent?"	Как вы думаете, имеет подобная страна право на название континента, которое дается ей в документе?
"I do, certainly."	- Конечно, Паганель.
"I may add," continued the SAVANT, "that there are but few accounts of travelers being lost in this immense country.	- Я еще прибавлю, - продолжал ученый, - что число путешественников, исчезнувших в этой огромной стране, очень невелико.

Indeed, I believe Leichardt is the only one of whose fate we are ignorant, and some time before my departure I learned from the Geographical Society that Mcintyre had strong hopes of having discovered traces of him."	Мне даже кажется, что, пожалуй, Лейххардт - единственный, чья судьба неизвестна, да и то незадолго до моего отъезда мне сообщили в Географическом обществе, будто Мак-Интайр считает, что напал на его след.
"The whole of Australia, then, is not yet explored?" asked Lady Helena.	- Разве не все области Австралии исследованы? - спросила леди Гленарван.
"No, madam, but very little of it. This continent is not much better known than the interior of Africa, and yet it is from no lack of enterprising travelers.	- Далеко не все, - ответил Паганель. - Этот континент не более известен, чем Центральная Африка, а надо сказать, что недостатка в предприимчивых путешественниках тут не было.
From 1606 to 1862, more than fifty have been engaged in exploring along the coast and in the interior."	С 1606 по 1862 год с полсотни человек занимались исследованием Австралии - центральных областей и побережий.
"Oh, fifty!" exclaimed McNabbs incredulously.	- Полсотни? - с недоверчивым видом сказал майор. - Да, Мак-Наббс, именно. Я имею в виду и мореплавателей, которые пускались в опасные плавания вдоль необследованных австралийских берегов, и путешественников, углублявшихся в эту огромную страну.
"No, no," objected the Major; "that is going too far."	- И все же полсотни - это преувеличение, - заявил майор.
"And I might go farther, McNabbs," replied the geographer, impatient of contradiction. "Yes, McNabbs, quite that number."	- Так я докажу вам! - крикнул географ, неизменно приходивший в возбуждение, когда ему противоречили.
"Farther still, Paganel."	- Докажите, Паганель!
"If you doubt me, I can give you the names."	- Если вы не доверяете моим словам, то я сейчас же, не задумываясь, перечислю вам все эти пятьдесят имен.
"Oh, oh," said the Major, coolly. "That's just like you SAVANTS. You stick at nothing."	- Ох уж эти мне ученые! - спокойно промолвил майор. - Как они уверены в себе!
"Major, will you bet your Purdy-Moore rifle against my telescope?"	- Майор, хотите держать со мной пари? Ставлю свою подзорную трубу фирмы "Секретан" против вашего карабина "Пэрди-Моор и Диксон".
"Why not, Paganel, if it would give you any pleasure."	- Что ж, если это может доставить вам удовольствие, Паганель! - ответил Мак-Наббс.
"Done, Major!" exclaimed Paganel. "You may say good-by to your rifle, for it will never shoot another chamois or fox unless I lend it to you, which I shall always be happy to do, by the by."	- Ну, майор, - воскликнул ученый, - больше вам не придется убивать серн и лисиц из этого карабина! Разве только я вам его одолжу, что, конечно, всегда сделаю охотно.
"And whenever you require the use of your telescope, Paganel, I shall be equally obliging," replied the Major, gravely.	- Когда вам понадобится моя подзорная труба, Паганель, она всегда будет к вашим услугам, - с серьезным видом ответил на это майор.

"Let us begin, then; and ladies and gentlemen, you shall be our jury. Robert, you must keep count." This was agreed upon, and Paganel forthwith commenced.	- Так начнем! - воскликнул Паганель. - Милостивые господа, будьте нашими судьями, а ты, Роберт, считай имена. Лорд и леди Гленарван, Мери и Роберт, майор и Джон Манглс приготовились слушать географа. Их всех забавлял этот спор. К тому же речь шла об Австралии, куда направлялся "Дункан", и рассказ Паганеля был особенно кстати. Поэтому его попросили немедленно начать эту демонстрацию удивительной памяти.
"Mnemosyne! Goddess of Memory, chaste mother of the Muses!" he exclaimed, "inspire thy faithful servant and fervent worshiper!	- Мнемозина, - воскликнул ученый, - богиня памяти, мать целомудренных муз, вдохнови своего верного и горячего поклонника!
Two hundred and fifty-eight years ago, my friends, Australia was unknown.	Друзья мои, двести пятьдесят восемь лет назад Австралия была неизвестна.
Strong suspicions were entertained of the existence of a great southern continent.	Предполагали, правда, что где-то на юге должен существовать большой материк.
In the library of your British Museum, Glenarvan, there are two charts, the date of which is 1550, which mention a country south of Asia, called by the Portuguese Great Java.	На двух картах от 1550 года, сохранившихся в вашем Британском музее, дорогой Гленарван, указана некая земля к югу от Азии под названием Большая Ява Португальцев.
But these charts are not sufficiently authentic.	Но карты эти очень неточны.
In the seventeenth century, in 1606, Quiros, a Spanish navigator, discovered a country which he named Australia de Espiritu Santo.	Вот почему я сразу перехожу к семнадцатому веку, а именно к 1606 году, когда испанский мореплаватель Кирос открыл землю, которую и назвал Terra Austral del Espiritu Santo, что значит "Южная Земля Святого Духа".
Some authors imagine that this was the New Hebrides group, and not Australia.	Впрочем, некоторые писатели утверждали, что Кирос открыл вовсе не Австралию, а Ново-Гебридские острова.
I am not going to discuss the question, however.	Я не буду вдаваться в этот спорный вопрос.
Count Quiros, Robert, and let us pass on to another."	Отметь, Роберт, Кироса, и перейдем к следующему.
"ONE," said Robert.	- Один! - объявил мальчуган.
"In that same year, Louis Vas de Torres, the second in command of the fleet of Quiros, pushed further south.	- В том же году Луис Ваэс Торрес, помощник Кироса по командованию его эскадрой, обследовал дальше к югу новооткрытые земли.
But it is to Theodore Hertoge, a Dutchman, that the honor of the great discovery belongs.	Но честь истинного открытия Австралии все же принадлежит голландцу Дирку Хартогу.
He touched the western coast of Australia in 25 degrees latitude, and called it Eendracht, after his vessel.	Он высадился на западном побережье Австралии под двадцать пятым градусом широты и дал этому месту в честь своего корабля название Эндрахт.
From this time navigators increased.	За Хартогом идет целый ряд мореплавателей.
In 1618, Zeachen discovered the northern parts of the coast, and called them Arnheim and Diemen.	В 1618 году один из них, Цихен, открывает на северном побережье земли Арнхемленда и Ван-Димена.

In 1618, Jan Edels went along the western coast, and christened it by his own name.	В 1619 году Якоб Эдел дает свое имя части западного побережья.

In 1622, Leuwin went down as far as the cape which became his namesake." And so Paganel continued with name after name until his hearers cried for mercy.	В 1622 году голландцы на корабле "Левин" доходят до мыса, получившего имя этого судна. В 1627 году Нейтс и Витт - первый на западе, а второй на юге - дополняют открытия своих предшественников. За ними следует командующий эскадрой Карпентьер. Он доходит со своими судами до огромного залива, поныне носящего название залива Карпентария. Наконец, в 1642 году мореплаватель Тасман огибает остров, который он, приняв его за часть материка, называет именем генерал-губернатора Батавии Ван-Димена. Потомки справедливо пожелали переменить это название на Тасманию. Таким образом, Австралийский материк обогнули со всех сторон. Было выяснено, что он омывается водами Тихого и Индийского океанов. В 1665 году этот громадный южный остров был назван Новой Голландией. Но названию этому не суждено было сохраниться за ним, ибо как раз в то время голландские мореплаватели начали уже сходить со сцены. Сколько у нас уже имен? - Десять, - отозвался мальчик. - Хорошо, ставлю крестик и перехожу к англичанам. В 1686 году корсар Уильям Дампир, один из самых знаменитых флибустьеров южных морей, пережив много славных приключений и невзгод, пристает на своем судне "Сигнит" к северо - западному берегу Новой Голландии, под 16° 50' широты. Он вошел в сношения с туземцами и весьма подробно описал их нравы и жизнь. В 1699 году тот же Уильям Дампир, но теперь уже не пират, а командир одного из судов королевского флота - "Робак", - посетил бухту, где некогда высадился Хартог. До сих пор открытие Новой Голландии представляло интерес, так сказать, чисто географический. Никому не приходило в голову ее колонизировать, и в течение семидесяти лет, с 1699 по 1770 год, ни один мореплаватель не пристал к ее берегам. Но вот появляется капитан Кук, и новый материк начинает вскоре заселяться европейскими колонистами. Во время трех своих путешествий Кук высаживается в Новой Голландии. В первый раз - тридцать первого марта 1770 года. Произведя в Таити удачные наблюдения над прохождением Венеры через солнечный диск , Кук направляет свое судно "Индевор" в западную часть Тихого океана. Здесь он открывает Новую Зеландию, а затем плывет к восточному побережью Австралии и становится на якорь в одной из тамошних бухт. Бухта эта оказывается настолько богатой неизвестными растениями, что Кук дает ей название Ботанической бухты. Она и поныне называется Ботани-Бей. Сношения мореплавателя с местным населением малоинтересны. Из Ботанической бухты Кук плывет к северу, и под шестнадцатым градусом

широты, против мыса Трибьюлейшн, его судно садится на коралловый риф в восьми лье от берега. Судну грозит опасность пойти ко дну. Но Кук приказывает сбросить в море пушки и съестные припасы, и в следующую же ночь облегченное таким образом судно снимается с рифа приливом. Надо заметить, что корабль не затонул при этом только потому, что кусок коралла, застряв в пробоине, очень уменьшил течь. Куку удается довести свое судно до маленькой бухты, в которую впадает река, названная им Индевор. Здесь в течение трех месяцев, пока длится починка судна, англичане пытаются завязать сношения с туземцами, но это им не удается. По окончании починки корабль продолжает свой путь к северу. Кук хочет узнать, существует ли пролив между Новой Гвинеей и Новой Голландией. После многих опасностей мореплаватель видит на юго-западе широкий морской простор. Значит, пролив существует! Кук проходит через него и высаживается на маленьком острове. Вступив от имени Англии во владение открытой им землей, он дает ей чисто британское название: Новый Южный Уэльс. Три года спустя отважный моряк командует уже двумя судами: "Адвенчер" и "Резольюшн". Капитан Фюрно на корабле "Адвенчер" обследует берега Земли Ван-Димена и возвращается, думая, что она является частью Новой Голландии. Только в 1777 году, во время своего третьего путешествия, Кук сам посещает Землю Ван-Димена. Два его судна, "Резольюшн" и "Дискавери", бросают якорь в бухте Адвенчер. Отсюда Кук отправляется на Сандвичевы острова, которым суждено было через несколько лет стать его могилой. - Это был великий человек, - сказал Гленарван. - Лучший из мореплавателей! После смерти Кука его спутник Бенкс подал английскому правительству мысль устроить у Ботани-Бей исправительную колонию. Вслед за Куком к новому материку устремились мореплаватели всех стран. В последнем полученном от Лаперуза письме, написанном им в Ботани - Бей седьмого февраля 1787 года, плывущий навстречу гибели мореплаватель говорит о своем намерении обследовать залив Карпентария, а также все побережье Новой Голландии до Земли Ван-Димена. Лаперуз уходит в море и не возвращается. В 1788 году капитан Филипп в Порт-Джексоне основывает первую английскую колонию. В 1791 году Ванкувер совершает большое морское путешествие вдоль южного побережья материка. В 1792 году д'Антркасто, посланный на поиски Лаперуза, плывет вокруг всей Новой Голландии, причем на западе и юге от нее открывает по пути ряд островов. В 1795 и 1797 годах двое отважных

молодых людей, Флиндерс и Басс, путешествуя в лодке длиной в восемь футов, продолжают обследование южного побережья. В 1797 году Басс уже один проплывает между Землей Ван-Димена и Новой Голландией по проливу, носящему теперь его имя. В этом же году Фламинг, тот самый, который открыл остров Амстердам, обследует на западном побережье Новой Голландии реку Суон-Ривер, где обитают прекрасные черные лебеди. В 1801 году Флиндерс снова предпринимает исследования. Его судно заходит в бухту Энкаунтер (под 35° 40' широты и 138° 58' долготы) и встречается с "Географом" и "Натуралистом" - двумя французскими судами, которыми командуют Воден и Амлен. - Капитан Воден? - переспросил майор. - Да. А что? - удивился географ. - Да нет, ничего! Продолжайте, дорогой Паганель. - Продолжим. К именам упомянутых мною мореплавателей прибавлю имя капитана Кинга. Данные, добытые им во время его путешествий, с 1817 по 1822 год, дополнили результаты предыдущих обследований субтропического побережья Новой Голландии. - Господин Паганель, я записал уже двадцать четыре имени, - предупредил Роберт. - Хорошо! - отозвался географ. - Половина карабина майора уже моя. Ну, а теперь, когда я покончил с мореплавателями, перейдем к путешественникам по суше. - Прекрасно, господин Паганель! - воскликнула леди Элен. - Нельзя не признаться, что память у вас удивительная. - Что очень странно, - прибавил Гленарван, - у человека такого... - ... такого рассеянного, вы хотите сказать? - не дал ему договорить Паганель. - Но у меня память только на числа и имена, ни на что больше. - Двадцать четыре имени, - повторил Роберт. - Ну, значит, двадцать пятый - лейтенант Даус. Он пустился в путешествие в 1789 году, год спустя после основания колонии в Порт-Джексоне. К этому времени берега нового материка были уже обследованы, но что таил он в себе, никому еще не было известно. Длинная цепь гор вдоль восточного побережья, казалось, преграждала всякий доступ внутрь страны. Лейтенант Даус после девятидневного пути принужден был вернуться в Порт-Джексон. В том же самом году капитан Тенч тоже пробовал перевалить через эту высокую горную цепь и так же безуспешно. Две эти неудачи на три года отбили у других путешественников охоту браться за такое трудное дело. В 1792 году полковник Паттерсон, отважный исследователь Африки, снова попытался проникнуть внутрь материка, но и он потерпел неудачу. В следующем году Хокинсу, простому боцману английского флота, удалось

пробраться на двадцать миль дальше своих предшественников. В течение следующих восемнадцати лет только двое - мореплаватель Басс и инженер Барейе - пробовали пробраться внутрь материка, но так же безуспешно, как и их предшественники. Наконец, в 1813 году, был найден проход в горах, к западу от Сиднея. В 1815 году губернатор Маккуори отважился перебраться через этот проход, и по ту сторону Голубых гор им был заложен город Батерст. После этого ряд путешественников обогащает географическую науку новыми данными и способствует росту колоний. Начало этому изучению кладет в 1819 году Тросби; затем Оксли углубляется на триста миль внутрь страны. За ними следуют Ховелл и Юм. Эти двое путешественников отправились как раз из Туфоллд-Бей, через который проходит тридцать седьмая параллель. В 1829 и 1830 годах капитан Стерт обследует течения рек Дарлинга и Муррея... - Тридцать шесть, - сказал Роберт. - Прекрасно! Я двигаюсь вперед, - ответил Паганель. - Упомяну для полноты об Эйре и Лейххардте, обследовавших часть страны в 1840 и 1841 годах; о путешествиях Стерта в 1845 году, братьев Грегори и Хелпмана в 1846 году по западной части материка, Кеннеди в 1847 году по реке Виктория и в 1848 году по северной части Австралии, Грегори в 1852 году, Остина в 1854 году. С 1855 по 1858 год братья Грегори занимались изучением Австралийского материка, на этот раз его северо-западной части. Бебидж прошел от озера Торренс до озера Эйр. Упомяну, наконец, о путешественнике, знаменитом в летописях Австралии, Стюарте, три раза отважно пересекшем материк. Первая экспедиция Стюарта в глубь страны относится к 1860 году. Когда-нибудь, если пожелаете, я расскажу вам, каким образом Австралия была четырежды пересечена с юга на север. Теперь же я ограничусь тем, что закончу этот длинный перечень. Обращаясь ко времени от 1860 года до 1862 года, я должен прибавить к этим именам имена братьев Демпстер, Кларксона и Харпера, Бёрка и Уилса, Нейльсона, Уокера, Ландсборо, Мак-Кинли, Хоуита... - Пятьдесят шесть! - крикнул Роберт. - Ладно! Майор, я выполнил свое обязательство с лихвой, - сказал Паганель, - а ведь я еще не назвал ни Дюперре, ни Бугенвиля, ни Фицроя, ни Стокса... - Довольно! - проговорил Мак-Наббс, подавленный столькими именами. - ... ни Перу, ни Куа, - продолжал Паганель, не в силах остановиться, как экспресс на полном ходу, - ни Беннета, ни Кеннинга, ни Тьерри... - Пощадите! - ... ни Дикона, ни Стшелецкого, ни Рея, ни Уилкса, ни Митчела...

"Stop, Paganel," said Glenarvan, laughing heartily, "don't quite crush poor McNabbs.	- Остановитесь, Паганель! - вмешался хохотавший от души Гленарван. - Не добивайте злополучного Мак-Наббса!
Be generous; he owns he is vanquished."	Будьте великодушны! Он признает себя побежденным.
"And what about the rifle?" asked the geographer, triumphantly.	- А его карабин? - с торжествующим видом спросил географ.
"It is yours, Paganel," replied the Major, "and I am very sorry for it; but your memory might gain an armory by such feats."	- Он ваш, Паганель, - ответил майор. - Признаться, мне очень жаль его, но у вас такая память, что с ней можно выиграть целый артиллерийский музей.
"It is certainly impossible to be better acquainted with Australia; not the least name, not even the most trifling fact-"	- Наверное, никто не знает больше об Австралии, - заметила леди Элен. - Не забыть ни одного имени, ни одного самого незначительного факта...
"As to the most trifling fact, I don't know about that," said the Major, shaking his head.	- Ну, положим, относительно незначительных фактов... - сказал майор, покачав головой.
"What do you mean, McNabbs?" exclaimed Paganel.	- Что такое? Что вы хотите этим сказать, Мак-Наббс? - закричал Паганель.
"Simply that perhaps all the incidents connected with the discovery of Australia may not be known to you."	- Я хочу сказать, что вам, быть может, неизвестны некоторые подробности, касающиеся открытия Австралии.
"Just fancy," retorted Paganel, throwing back his head proudly.	- Это невозможно, - с гордым видом заявил Паганель.
"Come now. If I name one fact you don't know, will you give me back my rifle?" said McNabbs.	- А если я укажу вам такое происшествие, которое вам неизвестно, вернете ли вы мне мой карабин?
"On the spot, Major."	- Немедленно!
"Very well, it's a bargain, then."	- Так, значит, по рукам?
"Yes, a bargain; that's settled."	- По рукам!
"All right.	- Прекрасно!
Well now, Paganel, do you know how it is that Australia does not belong to France?"	Знаете ли вы, Паганель, почему Австралия не принадлежит Франции?
"But it seems to me-"	- Но, мне кажется...
"Or, at any rate, do you know what's the reason the English give?" asked the Major.	- Или, по крайней мере, известно ли вам, какое объяснение дают этому англичане?
"No," replied Paganel, with an air of vexation.	- Нет, майор, - с досадой ответил Паганель.
"Just because Captain Baudin, who was by no means a timid man, was so afraid in 1802, of the croaking of the Australian frogs, that he raised his anchor with all possible speed, and quitted the coast, never to return."	- Ну, так знайте же: Австралия не принадлежит Франции просто потому, что капитан Боден, бывший, однако, далеко не робкого десятка, так испугался в 1802 году кваканья австралийских лягушек, что поспешил поднять якоря и сбежал оттуда навсегда.
"What!" exclaimed Paganel. "Do they actually give that version of it in England?	- Как, - воскликнул ученый, - это говорят в Англии?
But it is just a bad joke."	Да ведь это злая шутка!

"Bad enough, certainly, but still it is history in the United Kingdom."	- Очень злая, согласен, - ответил майор, - но в Соединенном Королевстве она считается историческим фактом.
"It's an insult!" exclaimed the patriotic geographer; "and they relate that gravely?"	- Это недостойно! - возмутился географ-патриот. - И об этом могут говорить серьезно?
"I must own it is the case," replied Glenarvan, amidst a general outburst of laughter. "Do you mean to say you have never heard of it before?"	- Вынужден сознаться, что это так, дорогой Паганель, - ответил среди общего хохота Гленарван. - Как, вы не знали этой подробности?
"Never!	- Совершенно не знал.
But I protest against it.	Но я протестую.
Besides, the English call us 'frog-eaters.' Now, in general, people are not afraid of what they eat."	Сами же англичане зовут нас лягушкоедами, а разве боятся того, что едят?
"It is said, though, for all that," replied McNabbs.	- Тем не менее, так говорят, - со скромной улыбкой ответил майор.
So the Major kept his famous rifle after all.	Вот так знаменитый карабин "Пэрди-Моор и Диксон" и остался во владении майора Мак-Наббса.
CHAPTER V THE STORM ON THE INDIAN OCEAN	Глава V ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН БУШУЕТ
Two days after this conversation, John Mangles announced that the DUNCAN was in longitude 113 degrees 37 minutes, and the passengers found on consulting the chart that consequently Cape Bernouilli could not be more than five degrees off.	Спустя два дня после этого пари Джон Манглс, определив, как обычно, в полдень координаты, сообщил, что "Дункан" находится под 113° 37' долготы. Пассажиры справились по карте и с радостью убедились, что от мыса Джаффа их отделяет расстояние меньше пяти градусов.
They must be sailing then in that part of the Indian Ocean which washed the Australian continent, and in four days might hope to see Cape Bernouilli appear on the horizon.	Между этим мысом и мысом д'Антркасто австралийский берег описывает дугу, которая стягивается, как хордой, тридцать седьмой параллелью. Если бы "Дункан" поднялся к экватору, он бы на той же долготе нашел мыс Четем, который остался теперь в ста двадцати милях к северу. Яхта плыла в той части Индийского океана, которая омывает Австралийский материк. Можно было надеяться, что дня через четыре на горизонте покажется мыс Бернулли.
Hitherto the yacht had been favored by a strong westerly breeze, but now there were evident signs that a calm was impending, and on the 13th of December the wind fell entirely; as the sailors say, there was not enough to fill a cap.	До сих пор ходу яхты благоприятствовал западный ветер, но в последние дни он мало-помалу стал слабеть, а 13 декабря и совсем упал. Паруса неподвижно повисли вдоль мачт.
There was no saying how long this state of the atmosphere might last. But for the powerful propeller the yacht would have been obliged to lie motionless as a log.	Не будь у "Дункана" мощной машины, он был бы скован океанским штилем. Такое состояние атмосферы могло продержаться неопределенно долгое время. Вечером Гленарван заговорил об этом с Джоном Манглсом.

The young captain was very much annoyed, however, at the prospect of emptying his coal-bunkers, for he had covered his ship with canvas, intending to take advantage of the slightest breeze.	Молодой капитан, видя, как быстро опорожняются угольные ямы, казалось, был очень раздосадован наступившим штилем. Он приказал поднять все паруса, чтобы использовать даже самое ничтожное дуновение, но, выражаясь по-матросски, "ветром и шапки наполнить нельзя было".
"After all, though," said Glenarvan, with whom he was talking over the subject, "it is better to have no wind than a contrary one."	- Во всяком случае, нам не следует слишком жаловаться на наше положение - штиль все же лучше противного ветра, - заметил Гленарван.
"Your Lordship is right," replied John Mangles; "but the fact is these sudden calms bring change of weather, and this is why I dread them. We are close on the trade winds, and if we get them ever so little in our teeth, it will delay us greatly."	- Вы правы, милорд, - ответил Джон Манглс, - но подобное затишье обычно наступает перед переменой погоды, а мы плывем у границы муссонов, дующих с октября по апрель с северо-востока, и если они нас захватят, то это сильно задержит нас в пути.
"Well, John, what if it does?	- Ничего не поделаешь, Джон.
It will only make our voyage a little longer."	Придется смириться с этой помехой. В конце концов, ведь это будет только задержка.
"Yes, if it does not bring a storm with it."	- Конечно, если только не разыграется буря.
"Do you mean to say you think we are going to have bad weather?" replied Glenarvan, examining the sky, which from horizon to zenith seemed absolutely cloudless.	- Разве вы опасаетесь непогоды? - спросил Гленарван, взглянув на совершенно безоблачное небо.
"I do," returned the captain. "I may say so to your Lordship, but I should not like to alarm Lady Glenarvan or Miss Grant."	- Да, - ответил капитан, - но я говорю это только вам, милорд. Я не хочу тревожить леди Гленарван и мисс Грант.
"You are acting wisely; but what makes you uneasy?"	- Вы правы, Джон. Что же вас тревожит?
"Sure indications of a storm.	- Верные признаки надвигающейся бури.
Don't trust, my Lord, to the appearance of the sky.	Не доверяйте, милорд, виду неба.
Nothing is more deceitful.	Он очень обманчив.
For the last two days the barometer has been falling in a most ominous manner, and is now at 27 degrees.	Вот уже два дня, как непрерывно падает барометр. В настоящий момент он стоит на двадцати девяти дюймах.
This is a warning I dare not neglect, for there is nothing I dread more than storms in the Southern Seas; I have had a taste of them already.	Это такое предупреждение, которым не приходится пренебрегать. Особенно же я опасаюсь ярости южного океана - мне приходилось уже выдерживать борьбу с ним.
The vapors which become condensed in the immense glaciers at the South Pole produce a current of air of extreme violence.	Водяные пары, конденсирующиеся над громадными ледниками Южного полюса, вызывают движение воздуха страшной силы.
This causes a struggle between the polar and equatorial winds, which results in cyclones, tornadoes, and all those multiplied varieties of tempest against which a ship is no match."	Из столкновения экваториальных и полярных ветров рождаются циклоны, торнадо и другие бури, бороться с которыми для кораблей далеко не безопасно.
"Well, John," said Glenarvan, "the DUNCAN is a good ship, and her captain is a brave sailor.	- Джон, - ответил Гленарван, - "Дункан" - прочное судно, а капитан его - искусный моряк.

Let the storm come, we'll meet it!"	И в бурю, приди она, мы сумеем устоять.
John Mangles remained on deck the whole night, for though as yet the sky was still unclouded, he had such faith in his weather-glass, that he took every precaution that prudence could suggest.	Эти опасения Джону Манглсу подсказывал инстинкт моряка. Он был, как говорят англичане, искусным знатоком погоды weather-wise. Упорное падение барометра заставило молодого капитана принять на своем судне все меры предосторожности. Джон Манглс ждал сильнейшей бури: хотя небо еще и не предвещало этого, но точный барометр не мог его обманывать. Воздушные течения устремляются из мест с высоким давлением в места с низким. И чем ближе друг от друга эти места, тем скорее устанавливается единый уровень атмосферного давления, но зато тем больше и скорость ветра. Джон Манглс не покидал мостика всю ночь.
About 11 P. M. the sky began to darken in the south, and the crew were called up, and all the sails hauled in, except the foresail, brigantine, top-sail, and jib-boom.	Около одиннадцати часов южная сторона неба начала покрываться тучами. Джон вызвал наверх всю команду и приказал спустить малые паруса. Он оставил только фок, бизань, марсель и кливера.
At midnight the wind freshened, and before long the cracking of the masts, and the rattling of the cordage, and groaning of the timbers, awakened the passengers, who speedily made their appearance on deck-at least Paganel, Glenarvan, the Major and Robert.	В полночь ветер стал крепчать: скорость его достигла тридцати шести футов в секунду. Скрип мачт, шум, производимый работой команды, сухой треск парусов, скрип внутренних переборок яхты - все это открыло пассажирам то, о чем они до сих пор не подозревали. Паганель, Гленарван, майор, Роберт появились на палубе: одни из любопытства, другие - готовые принять участие в работе. По небу, которое еще недавно было ясным и звездным, теперь неслись густые тучи, они выделялись на фоне неба, словно пятна на шкуре леопарда.
"Is it the hurricane?" asked Glenarvan quietly.	- Ураган? - коротко спросил Гленарван Джона Манглса.
"Not yet," replied the captain; "but it is close at hand."	- Еще нет, но скоро будет, - ответил капитан.
And he went on giving his orders to the men, and doing his best to make ready for the storm, standing, like an officer commanding a breach, with his face to the wind, and his gaze fixed on the troubled sky.	Тут же он приказал взять марсель на нижние рифы. Матросы, с трудом борясь с ветром, уменьшили поверхность паруса и прикрепили свернутую часть его к спущенной рее. Джон Манглс хотел сохранить большую парусность, чтобы яхта была устойчивее и ее меньше качало. Приняв эти меры предосторожности, капитан отдал приказ Остину и боцману готовиться к встрече урагана. Найтовы шлюпок были удвоены. Укрепили боковые тали пушек. Натянули крепче ванты. Задраили люки. Джон Манглс, словно офицер, стоящий над пробитой в укреплениях брешью, не покидал подветренной стороны яхты и, стоя на мостике, пытался разгадать, что сулит грозовое небо.

The glass had fallen to 26 degrees, and the hand pointed to tempest.	Барометр упал до двадцати шести дюймов: это исключительно низкое давление. Штормгласс показывал бурю.
It was one o'clock in the morning when Lady Helena and Miss Grant ventured upstairs on deck.	Был час ночи. Леди Элен и Мери Грант, которых жестоко качало в их каютах, отважились подняться на палубу. Ветер дул уже со скоростью 84 футов в секунду. Он бешено свистел в снастях. Металлические тросы, подобно струнам музыкального инструмента, гудели, словно какой-то гигантский смычок заставлял их вибрировать. Блоки ударялись друг о друга. Снасти с шумом двигались по своим шероховатым желобам. Паруса хлопали со звуком пушечного выстрела. Чудовищные волны уже шли на приступ яхты, а она, как бы смеясь над ними, взлетала, подобно морской птице, на их пенившиеся гребни.
But they no sooner made their appearance than the captain hurried toward them, and begged them to go below again immediately.	Завидев женщин, Джон быстро пошел им навстречу и попросил их вернуться к себе.
The waves were already beginning to dash over the side of the ship, and the sea might any moment sweep right over her from stem to stern.	Волны уже хлестали через борт и каждую минуту могли прокатиться по палубе.
The noise of the warring elements was so great that his words were scarcely audible, but Lady Helena took advantage of a sudden lull to ask if there was any danger.	Грохот разбушевавшихся стихий был так оглушителен, что леди Элен еле слышала слова молодого капитана. - Опасности нет? - успела она задать ему вопрос в минуту относительного затишья.
"None whatever," replied John Mangles; "but you cannot remain on deck, madam, no more can Miss Mary."	- Никакой, сударыня, - ответил Джон Манглс. - Но ни вам, ни мисс Мери нельзя оставаться на палубе.
The ladies could not disobey an order that seemed almost an entreaty, and they returned to their cabin.	Леди Гленарван и Мери Грант не стали противиться этому приказу, больше похожему на просьбу, и вошли в кают-компанию в ту самую минуту, когда волны с такой яростью ударили в корму яхты, что задрожали стеклянные иллюминаторы.
At the same moment the wind redoubled its fury, making the masts bend beneath the weight of the sails, and completely lifting up the yacht.	Ветер все усиливался. Мачты согнулись под тяжестью парусов, и яхта, казалось, приподнялась над волнами.
"Haul up the foresail!" shouted the captain. "Lower the topsail and jib-boom!"	- Фок на гитовы! - крикнул Джон Манглс. - Спускай марсель и кливера!

Glenarvan and his companions stood silently gazing at the struggle between their good ship and the waves, lost in wondering and half-terrified admiration at the spectacle.	Матросы кинулись выполнять приказание. Были отданы фалы, стянуты вниз гитовы, спущены кливера - с таким шумом, который заглушил даже грохот бури. Из трубы "Дункана" валили клубы черного дыма. Порой над водой показывались лопасти быстро вращающегося винта. Гленарван, майор, Паганель и Роберт с восхищением и ужасом смотрели на борьбу "Дункана" с волнами. Вцепившись изо всех сил в ванты, не в состоянии обменяться ни единым словом, они глядели на буревестников: эти зловещие птицы стаями носились кругом, как бы тешась неистовством стихии.
Just then, a dull hissing was heard above the noise of the elements.	Вдруг пронзительный свист заглушил шум урагана.
The steam was escaping violently, not by the funnel, but from the safety-valves of the boiler; the alarm whistle sounded unnaturally loud, and the yacht made a frightful pitch, overturning Wilson, who was at the wheel, by an unexpected blow from the tiller.	Пар со страшной силой вырвался из клапанов котла. Резко прозвучал сигнал тревоги. Яхту сильно накренило, и Вильсон, стоявший у штурвала, был сбит с ног внезапным ударом румпеля.
The DUNCAN no longer obeyed the helm.	"Дункан", потерявший управление, пошел поперек волны.
"What is the matter?" cried the captain, rushing on the bridge.	- Что случилось? - крикнул Джон Манглс, бросаясь на палубу.
"The ship is heeling over on her side," replied Wilson.	- Судно ложится набок! - ответил Том Остин. - Руль сломался?
"The engine! the engine!" shouted the engineer.	- К машине, к машине! - послышался голос механика.
Away rushed John to the engine-room.	Джон стремглав сбежал по трапу.
A cloud of steam filled the room.	Все машинное отделение было заполнено густым паром.
The pistons were motionless in their cylinders, and they were apparently powerless, and the engine-driver, fearing for his boilers, was letting off the steam. "What's wrong?" asked the captain.	Поршни в цилиндрах бездействовали. Шатуны перестали вращать гребной вал. Механик, видя полную неподвижность машины и боясь за целость котлов, выпустил пар через пароотводную трубу. - В чем дело? - спросил капитан.
"The propeller is bent or entangled," was the reply. "It's not acting at all."	- Винт погнулся или задел за что-то, - ответил механик. - Он не действует.
"Can't you extricate it?"	- Как, его невозможно высвободить?
"It is impossible."	- Невозможно.
An accident like this could not be remedied, and John's only resource was to fall back on his sails, and seek to make an auxiliary of his most powerful enemy, the wind.	О ремонте думать не приходилось, ясно было одно: винт не работал и пар, не находя себе применения, вырывался через предохранительные клапаны. Джон был вынужден снова прибегнуть к парусам и искать помощи у того самого ветра, который сейчас был его опаснейшим врагом.

He went up again on deck, and after explaining in a few words to Lord Glenarvan how things stood, begged him to retire to his cabin, with the rest of the passengers.	Капитан поднялся на палубу, в двух словах изложил Гленарвану положение дел и стал убеждать его отправиться вместе с остальными пассажирами в кают-компанию.
But Glenarvan wished to remain above.	Гленарван выразил желание остаться на палубе.
"No, your Lordship," said the captain in a firm tone, "I must be alone with my men.	- Нет, милорд, - решительным тоном заявил Джон Манглс, - я должен быть здесь один с моей командой.
Go into the saloon.	Идите в кают-компанию.
The vessel will have a hard fight with the waves, and they would sweep you over without mercy."	Палубу может залить водой, и тогда волны беспощадно сметут вас.
"But we might be a help."	- Но мы можем быть полезны...
"Go in, my Lord, go in.	- Уходите, уходите, милорд, так нужно!
I must indeed insist on it. There are times when I must be master on board, and retire you must."	Бывают обстоятельства, при которых я становлюсь хозяином судна. Уходите, я требую этого!
Their situation must indeed be desperate for John Mangles to speak in such authoritative language.	Очевидно, положение было критическим, если Джон Манглс позволил себе говорить таким повелительным тоном.
Glenarvan was wise enough to understand this, and felt he must set an example in obedience.	Гленарван понял, что ему надлежит подать пример послушания, и покинул палубу, за ним последовали и его трое спутников.
He therefore quitted the deck immediately with his three companions, and rejoined the ladies, who were anxiously watching the DENOUEMENT of this war with the elements.	Они присоединились к женщинам, тревожно ожидавшим в кают-компании развязки этой борьбы со стихиями.
"He's an energetic fellow, this brave John of mine!" said Lord Glenarvan, as he entered the saloon.	- Джон - человек решительный, - сказал, входя в кают - компанию, Гленарван.
"That he is," replied Paganel. "He reminds me of your great Shakespeare's boatswain in the 'Tempest,' who says to the king on board:	- Да, - отозвался Паганель. - Наш капитан напомнил мне боцмана из пьесы "Буря" вашего великого Шекспира. Он кричит королю, плывущему на его корабле:
'Hence!	"Убирайтесь!
What care these roarers for the name of king?	Этим ревущим валам нет дела до королей!
To cabin!	Марш по каютам!
Silence!	Молчать!
Trouble us not.'"	Не мешайте!"
However, John Mangles did not lose a second in extricating his ship from the peril in which she was placed by the condition of her screw propeller.	Между тем Джон Манглс, не теряя ни минуты, пытался вывести судно из того опасного положения, в котором оно очутилось из-за неисправности винта.

He resolved to rely on the mainsail for keeping in the right route as far as possible, and to brace the yards obliquely, so as not to present a direct front to the storm.	Он решил лечь в дрейф, чтобы как можно меньше уклониться от курса. Важно было сохранить хоть некоторые паруса и повернуть их так, чтобы двигаться под углом к направлению ветра. Отдан был приказ поставить марсель, взяв его на рифы, а также установить блинд. "Дункан" был направлен под ветер.
The yacht turned about like a swift horse that feels the spur, and presented a broadside to the billows.	Яхта, обладавшая блестящими мореходными качествами, описала дугу, словно скаковая лошадь, почувствовавшая шпоры, и понеслась бортом к ветру.
The only question was, how long would she hold out with so little sail, and what sail could resist such violence for any length of time.	Выдержат ли остальные паруса? Правда, они были сделаны из лучшего полотна, но какая ткань сможет противостоять такому неистовому натиску!
The great advantage of keeping up the mainsail was that it presented to the waves only the most solid portions of the yacht, and kept her in the right course.	Избранный капитаном маневр давал яхте существенные преимущества: она подставляла волнам наиболее прочные части своего корпуса и держалась нужного направления.
Still it involved some peril, for the vessel might get engulfed between the waves, and not be able to raise herself.	Однако ей грозила и немалая опасность, так как она могла попасть в один из огромных провалов, зиявших между валами, и уже не вырваться оттуда.
But Mangles felt there was no alternative, and all he could do was to keep the crew ready to alter the sail at any moment, and stay in the shrouds himself watching the tempest.	Капитан не имел возможности выбирать и решил держаться такого положения, пока будут целы мачты и паруса. Матросы были у него на глазах, готовые каждую минуту броситься исполнять его распоряжения. Джон Манглс, привязав себя к вантам, наблюдал за разъяренным океаном.
The remainder of the night was spent in this manner, and it was hoped that morning would bring a calm.	Так прошла ночь. Надеялись, что буря стихнет с рассветом.
But this was a delusive hope.	Напрасная надежда!
At 8 A. M. the wind had increased to a hurricane.	Около восьми часов утра ветер еще усилился: скорость его достигла ста восьми футов в секунду. Это был ураган!.
John said nothing, but he trembled for his ship, and those on board.	Джон Манглс молчал, но втайне трепетал за свое судно и за тех, кто был на нем.
The DUNCAN made a frightful plunge forward, and for an instant the men thought she would never rise again.	"Дункан" страшно накренился. Был момент, когда команда решила, что судно не поднимется.
Already they had seized their hatchets to cut away the shrouds from the mainmast, but the next minute the sails were torn away by the tempest, and had flown off like gigantic albatrosses.	Матросы с топорами в руках уже бросились рубить ванты фок-мачты, как вдруг паруса сорвались с мачт и умчались, словно гигантские альбатросы.

The yacht had risen once more, but she found herself at the mercy of the waves entirely now, with nothing to steady or direct her, and was so fearfully pitched and tossed about that every moment the captain expected the masts would break short off.	"Дункан" выпрямился, но, не имея опоры и управления, стал раскачиваться с такой силой, что мачты каждую минуту грозили переломиться у самых оснований. Яхта не могла долго противостоять подобной качке: все ее части расшатывались; казалось, обшивка вот-вот не выдержит и волны хлынут внутрь судна.
John had no resource but to put up a forestaysail, and run before the gale.	Джону Манглсу оставалось одно: поставить косой парус и идти по ветру.
But this was no easy task. Twenty times over he had all his work to begin again, and it was 3 P. M. before his attempt succeeded.	Но на это потребовалось несколько часов усилий: раз двадцать почти законченную работу приходилось начинать сызнова. Только к трем часам пополудни удалось наконец поставить парус.
A mere shred of canvas though it was, it was enough to drive the DUNCAN forward with inconceivable rapidity to the northeast, of course in the same direction as the hurricane.	Под этим куском полотна подхваченный ветром "Дункан" помчался с невероятной быстротой. Буря несла его к северо-востоку.
Swiftness was their only chance of safety. Sometimes she would get in advance of the waves which carried her along, and cutting through them with her sharp prow, bury herself in their depths. At others, she would keep pace with them, and make such enormous leaps that there was imminent danger of her being pitched over on her side, and then again, every now and then the storm-driven sea would out-distance the yacht, and the angry billows would sweep over the deck from stem to stern with tremendous violence.	Нужно было во что бы то ни стало поддерживать наибольшую быстроту хода яхты, ибо только это могло ее спасти. Порой, опережая волны, "Дункан" разрезал их своим заостренным носом и, подобно огромному киту, зарывался в воду, облитый ею от носа до кормы. Иногда же скорость яхты совпадала со скоростью волн. Тут руль переставал действовать, яхту начинало кидать во все стороны, и она рисковала стать поперек волн. Наконец, бывало и так, что ураган гнал волны быстрее "Дункана". Тогда они перехлестывали через корму и с непреодолимой силой сметали все с палубы.
In this alarming situation and amid dreadful alternations of hope and despair, the 12th of December passed away, and the ensuing night, John Mangles never left his post, not even to take food.	Весь день 15 декабря и следующая ночь прошли в тревожных колебаниях между надеждой и отчаянием. Джон Манглс ни на минуту не покинул своего поста и не притрагивался к пище.
Though his impassive face betrayed no symptoms of fear, he was tortured with anxiety, and his steady gaze was fixed on the north, as if trying to pierce through the thick mists that enshrouded it.	Его мучили опасения, но он сохранял бесстрастное выражение лица. Он упорно силился проникнуть взором в туман, застилавший горизонт на севере.
There was, indeed, great cause for fear.	Действительно, молодой капитан имел основание бояться за судно.
The DUNCAN was out of her course, and rushing toward the Australian coast with a speed which nothing could lessen.	"Дункан", отброшенный ураганом со своего пути, несся к австралийскому берегу с неудержимой быстротой.
To John Mangles it seemed as if a thunderbolt were driving them along.	Джон Манглс инстинктивно чувствовал, что их несет какое-то необыкновенно быстрое течение.

Every instant he expected the yacht would dash against some rock, for he reckoned the coast could not be more than twelve miles off, and better far be in mid ocean exposed to all its fury than too near land.	Каждую минуту он ждал, что яхта налетит на подводные скалы и разобьется вдребезги. Капитан считал, что берег находится в каких-нибудь двенадцати милях под ветром, а встреча с ним означала крушение, гибель судна. В сто раз лучше необъятный океан. С ним еще можно бороться, хотя бы и уступая ему, но когда буря выбрасывает судно на берег, тогда конец.
John Mangles went to find Glenarvan, and had a private talk with him about their situation, telling him frankly the true state of affairs, stating the case with all the coolness of a sailor prepared for anything and everything and he wound up by saying he might, perhaps, be obliged to cast the yacht on shore.	Джон Манглс пошел к Гленарвану и поговорил с ним наедине. Он не скрыл от него серьезности положения, рассказал об опасности с хладнокровием моряка, готового ко всему, и в заключение предупредил Гленарвана, что, быть может, он будет вынужден выбросить "Дункан" на берег.
"To save the lives of those on board, my Lord," he added.	- Чтобы попытаться, если это будет возможно, спасти тех, кто находится на нем, - добавил он.
"Do it then, John," replied Lord Glenarvan.	- Поступайте, как найдете нужным, Джон, - ответил Гленарван.
"And Lady Helena, Miss Grant?"	- А леди Гленарван? А мисс Грант?
"I will tell them at the last moment when all hope of keeping out at sea is over.	- Я предупрежу их только в последнюю минуту, когда исчезнет всякая надежда на то, что можно удержаться в море.
You will let me know?"	Уведомьте меня.
"I will, my Lord."	- Я уведомлю вас, милорд.
Glenarvan rejoined his companions, who felt they were in imminent danger, though no word was spoken on the subject.	Гленарван вернулся к жене и Мери Грант.
Both ladies displayed great courage, fully equal to any of the party.	Обе они, хотя и не знали, как велика опасность, все же чувствовали ее.
Paganel descanted in the most inopportune manner about the direction of atmospheric currents, making interesting comparisons, between tornadoes, cyclones, and rectilinear tempests.	Они проявляли большое мужество, не уступая в этом своим спутникам: Паганель увлекся весьма несвоевременными рассуждениями о направлении воздушных течений, проводя интересные сравнения между бурями, циклонами и ураганами. Роберт слушал его.
The Major calmly awaited the end with the fatalism of a Mussulman.	Что касается майора, то он ждал конца с фатализмом мусульманина.
About eleven o'clock, the hurricane appeared to decrease slightly.	Около одиннадцати часов ураган как будто начал стихать.
The damp mist began to clear away, and a sudden gleam of light revealed a low-lying shore about six miles distant.	Влажный туман рассеялся, и Джон смог разглядеть милях в шести под ветром какой-то плоский берег.
They were driving right down on it.	"Дункан" несся прямо к нему полным ходом.

Enormous breakers fifty feet high were dashing over it, and the fact of their height showed John there must be solid ground before they could make such a rebound.	Чудовищные валы взлетали на высоту более пятидесяти футов. Джон понял, что они разбиваются о какую-то твердую преграду, иначе они не смогли бы так высоко подниматься.
"Those are sand-banks," he said to Austin.	- Здесь песчаные мели, - сказал он Остину.
"I think they are," replied the mate.	- Вы правы, - ответил его помощник.
"We are in God's hands," said John. "If we cannot find any opening for the yacht, and if she doesn't find the way in herself, we are lost."	- Если бог не поможет нам найти проход между этими мелями, - продолжал Джон Манглс, - мы погибли.
"The tide is high at present, it is just possible we may ride over those sand-banks."	- Сейчас прилив высок, капитан. Быть может, нам и удастся пройти.
"But just see those breakers.	- Но взгляните, Остин, на ярость этих валов.
What ship could stand them. Let us invoke divine aid, Austin!"	Какое судно в силах противостоять им?
Meanwhile the DUNCAN was speeding on at a frightful rate.	Тем временем "Дункан" под косым парусом продолжал нестись к берегу со страшной быстротой.
Soon she was within two miles of the sand-banks, which were still veiled from time to time in thick mist. But John fancied he could see beyond the breakers a quiet basin, where the DUNCAN would be in comparative safety.	Вскоре он был уже милях в двух от мели. Туман ежеминутно заволакивал берег, но все же Джону удалось разглядеть за пенившейся полосой бурунов более спокойную полосу моря. Там "Дункан" был бы в относительной безопасности.
But how could she reach it?	Но как добраться туда?
All the passengers were summoned on deck, for now that the hour of shipwreck was at hand, the captain did not wish anyone to be shut up in his cabin.	Капитан вызвал пассажиров на палубу. Он не хотел, чтобы в час крушения они оказались запертыми в кают-компании. Гленарван и его спутники увидали бушующее море. Мери Грант побледнела.
"John!" said Glenarvan in a low voice to the captain, "I will try to save my wife or perish with her.	- Джон, - тихо сказал Гленарван молодому капитану, - я попытаюсь спасти жену или погибну вместе с нею.
I put Miss Grant in your charge."	Позаботьтесь о мисс Грант.
"Yes, my Lord," replied John Mangles, raising Glenarvan's hand to his moistened eyes.	- Хорошо, милорд, - ответил Джон Манглс, поднося руку Гленарвана к своим влажным от слез глазам.
The yacht was only a few cables' lengths from the sandbanks.	"Дункан" находился всего в нескольких кабельтовых от края мели.
The tide was high, and no doubt there was abundance of water to float the ship over the dangerous bar; but these terrific breakers alternately lifting her up and then leaving her almost dry, would infallibly make her graze the sand-banks.	Прилив, конечно, помог бы яхте пройти через эти опасные мели. Но громадные валы, то поднимавшие, то опускавшие судно, должны были неминуемо ударить его килем о дно.
Was there no means of calming this angry sea?	Возможно ли успокоить бушующий океан?
A last expedient struck the captain.	Вдруг Джона Манглса осенила блестящая мысль.

"The oil, my lads!" he exclaimed. "Bring the oil here!"	- Жир! - крикнул он. - Жир тащите, ребята, жир!
The crew caught at the idea immediately; this was a plan that had been successfully tried already.	Вся команда сразу поняла смысл этих слов. Капитан решил пустить в ход одно средство, которое иногда бывает спасительным.
The fury of the waves had been allayed before this time by covering them with a sheet of oil.	Можно умерить ярость волн, покрыв их слоем жидкого жира. Этот слой разливается на поверхности воды, и волны стихают.
Its effect is immediate, but very temporary.	Такое средство оказывает свое действие немедленно, но на очень короткое время.
The moment after a ship has passed over the smooth surface, the sea redoubles its violence, and woe to the bark that follows.	Едва успеет судно пройти по такому искусственно успокоенному морю, как волны уже начинают бушевать с еще большей силой, и горе тому, кто отважился бы плыть вслед за проскользнувшим таким образом судном.
The casks of seal-oil were forthwith hauled up, for danger seemed to have given the men double strength.	Команда, силы которой удесятерились сознанием опасности, быстро выкатила на палубу бочонки с тюленьим жиром.
A few hatchet blows soon knocked in the heads, and they were then hung over the larboard and starboard.	Матросы вскрыли их ударами топоров и держали над водой у правого и левого бортов.
"Be ready!" shouted John, looking out for a favorable moment.	- Готовься! - крикнул Джон Манглс, выжидавший благоприятного момента.
In twenty seconds the yacht reached the bar.	В двадцать секунд яхта достигла края отмели, где бурлили и ревели волны.
Now was the time.	Пора!,
"Pour out!" cried the captain, "and God prosper it!"	- Выливай! - крикнул молодой капитан.
The barrels were turned upside down, and instantly a sheet of oil covered the whole surface of the water.	Бочонки были опрокинуты, и из них полились потоки жира.
The billows fell as if by magic, the whole foaming sea seemed leveled, and the DUNCAN flew over its tranquil bosom into a quiet basin beyond the formidable bar; but almost the same minute the ocean burst forth again with all its fury, and the towering breakers dashed over the bar with increased violence.	Маслянистый слой мгновенно сгладил пенившуюся поверхность моря. "Дункан" понесся по затихшим водам и скоро очутился в спокойном заливе, по ту сторону грозных отмелей, а за его кормой уже снова с неописуемой яростью бушевал освободившийся от пут океан.
CHAPTER VI A HOSPITABLE COLONIST	Глава VI МЫС БЕРНУЛЛИ
THE captain's first care was to anchor his vessel securely. He found excellent moorage in five fathoms' depth of water, with a solid bottom of hard granite, which afforded a firm hold.	Первой заботой Джона Манглса было стать на два якоря на глубине тридцати пяти футов. Дно оказалось хорошим - из твердого гравия - и прочно удерживало якоря.
There was no danger now of either being driven away or stranded at low water.	Значит, судно не унесет в море, и оно не сядет на мель.
After so many hours of danger, the DUNCAN found herself in a sort of creek, sheltered by a high circular point from the winds outside in the open sea.	После стольких тревожных часов "Дункан" очутился в маленькой бухте, защищенной от океанских ветров высокой дугообразной косой.
Lord Glenarvan grasped John Mangles' hand, and simply said:	Гленарван пожал руку молодому капитану и сказал:

"Thank you, John."	- Спасибо, Джон!
This was all, but John felt it ample recompense.	И Джон Манглс почувствовал себя щедро вознагражденным этими двумя словами.
Glenarvan kept to himself the secret of his anxiety, and neither Lady Helena, nor Mary, nor Robert suspected the grave perils they had just escaped.	Гленарван сохранил в тайне пережитые им душевные муки: ни леди Элен, ни Мери, ни Роберт даже и не подозревали, насколько велика была опасность, от которой они только что избавились.
One important fact had to be ascertained. On what part of the coast had the tempest thrown them?	Оставалось выяснить существенные вопросы: в какое место побережья занесен "Дункан" этой страшной бурей?
How far must they go to regain the parallel.	На сколько отклонился он от тридцать седьмой параллели?
At what distance S. W. was Cape Bernouilli?	На каком расстоянии на юго-западе находится, от него мыс Бернулли?
This was soon determined by taking the position of the ship, and it was found that she had scarcely deviated two degrees from the route.	Это первое, что должен был определить Джон Манглс, и он тотчас же занялся наблюдениями и вычислениями, результаты которых затем нанес на судовую карту. Оказалось, что "Дункан" не особенно уклонился от своего курса: всего на два градуса.
They were in longitude 36 degrees 12 minutes, and latitude 32 degrees 67 minutes, at Cape Catastrophe, three hundred miles from Cape Bernouilli.	Он находился под 136° 12' долготы и 35°07' широты, у мыса Катастрофе на южном побережье Австралии, в трехстах милях от мыса Бернулли.
The nearest port was Adelaide, the Capital of Southern Australia.	Мыс Катастрофе, носящий такое зловещее название, расположен против мыса Борда на острове Кенгуру.
Could the DUNCAN be repaired there?	Между этими двумя мысами проходит пролив Инвестигейтор, который ведет к двум довольно глубоким заливам: северный из них - залив Спенсер, а южный - залив Сент-Винсент.
This was the question.	На восточном берегу этого последнего залива находится порт Аделаида, столица провинции Южная Австралия.
The extent of the injuries must first be ascertained, and in order to do this he ordered some of the men to dive down below the stern.	Аделаида основана в 1836 году, ее население - сорок тысяч человек.
Their report was that one of the branches of the screw was bent, and had got jammed against the stern post, which of course prevented all possibility of rotation.	Это довольно богатый город, но жители его заняты только обработкой плодородной земли, приносящей им богатые урожаи винограда, апельсинов и других сельскохозяйственных продуктов.
This was a serious damage, so serious as to require more skilful workmen than could be found in Adelaide.	Крупных промышленных предприятий в городе нет.

After mature reflection, Lord Glenarvan and John Mangles came to the determination to sail round the Australian coast, stopping at Cape Bernouilli, and continuing their route south as far as Melbourne, where the DUNCAN could speedily be put right.	Поэтому там меньше инженеров, чем агрономов, и интерес к коммерции и технике невелик.
This effected, they would proceed to cruise along the eastern coast to complete their search for the BRITANNIA.	Можно ли отремонтировать
This decision was unanimously approved, and it was agreed that they should start with the first fair wind.	"Дункан" на месте?
They had not to wait long for the same night the hurricane had ceased entirely, and there was only a manageable breeze from the S.	Это надо было выяснить.
W.	Джон Манглс, желая знать, каково повреждение винта, приказал водолазам спуститься за корму яхты, и те доложили, что одна из лопастей винта погнулась и задевала за ахтерштевень, поэтому-то винт и не мог вращаться.
Preparations for sailing were instantly commenced, and at four o'clock in the morning the crew lifted the anchors, and got under way with fresh canvas outspread, and a wind blowing right for the Australian shores.	Повреждение это было очень серьезным, для его починки требовалось такое оборудование, которого, конечно, не найти в Аделаиде.
Two hours afterward Cape Catastrophe was out of sight.	По зрелом размышлении Гленарван и капитан Джон приняли такое решение: плыть на
In the evening they doubled Cape Borda, and came alongside Kangaroo Island.	"Дункане" под парусами вдоль австралийского берега, разыскивая следы крушения
This is the largest of the Australian islands, and a great hiding place for runaway convicts.	"Британии", сделать остановку у мыса Бернулли, собрать там заключительные сведения, затем продолжать плавание до Мельбурна, где повреждения яхты легко исправят.
Its appearance was enchanting.	А как только винт будет приведен в порядок,
The stratified rocks on the shore were richly carpeted with verdure, and innumerable kangaroos were jumping over the woods and plains, just as at the time of its discovery in 1802.	"Дункан" закончит свои поиски у восточных берегов.
Next day, boats were sent ashore to examine the coast minutely, as they were now on the 36th parallel, and between that and the 38th Glenarvan wished to leave no part unexplored.	Этот план был одобрен.
The boats had hard, rough work of it now, but the men never complained.	Джон Манглс решил сняться с якоря при благоприятном ветре.
Glenarvan and his inseparable companion, Paganel, and young Robert generally accompanied them.	Ждать пришлось недолго.
But all this painstaking exploration came to nothing.	К вечеру ураган совершенно стих.

Not a trace of the shipwreck could be seen anywhere.	Задул попутный юго-западный ветер. Стали готовиться к отплытию, поставили новые паруса. В четыре часа утра матросы взялись за лебедку. Высвободив якоря из грунта, они подняли их наверх, и "Дункан" под фоком, марселем, брамселем, кливерами, бизанью и крюйс-марселем пошел правым галсом вдоль австралийских берегов. Через два часа потеряли из виду мыс Катастрофе - яхта плыла мимо пролива Инвестигейтор. Вечером обогнули мыс Борда и прошли вдоль острова Кенгуру. Остров этот, самый большой из австралийских мелких островов, служит убежищем для беглых ссыльных. Вид его очарователен. Бесконечные ковры зеленой растительности спускаются к прибрежным слоистым скалам. По этим равнинам и лесам, как и в 1802 году - году открытия острова, скачут неисчислимые стаи кенгуру. На следующий день, в то время как "Дункан" лавировал вдоль побережья, на остров были посланы шлюпки с командой - осмотреть крутые берега Кенгуру. Яхта находилась под тридцать шестой параллелью, а Гленарван хотел, чтобы до тридцать восьмой параллели не осталось ни одного неисследованного клочка земли. 18 декабря яхта, летя на всех парусах с быстротой настоящего клипера, прошла вплотную вдоль берега бухты Энкаунтер, куда попал в 1828 году путешественник Стерт, после того как открыл Муррей - самую большую из рек Южной Австралии. Но берега этой бухты совсем не походили на цветущие берега острова Кенгуру. Они были мрачные: однообразие нарушалось иногда каким-нибудь серым утесом или песчаным мысом, - словом, все как на бесплодном побережье полярных земель. Работа команды шлюпок во время плавания была тяжелая, но никто не роптал. Моряков почти всегда сопровождали на берег Гленарван, неразлучный с ним Паганель и юный Роберт. Им хотелось собственными глазами увидеть останки "Британии". Но самые тщательные их поиски ничего не обнаруживали.
The Australian shores revealed no more than the Patagonian.	Австралийские берега остались так же немы, как и патагонские прерии.
However, it was not time yet to lose hope altogether, for they had not reached the exact point indicated by the document.	Все же не следовало терять надежду до тех пор, пока не будет достигнут тот пункт, который указан в документе. Поиски в этих местах производились лишь как добавочная мера предосторожности, на всякий случай. Ночью "Дункан" дрейфовал, чтобы, по возможности, держаться на месте, а днем на берегу производились самые тщательные поиски.

On the 20th of December, they arrived off Cape Bernouilli, which terminates Lacepede Bay, and yet not a vestige of the BRITANNIA had been discovered.	20 декабря путешественники поравнялись с мысом Бернулли. Им не удалось найти на своем пути ни одного обломка
Still this was not surprising, as it was two years since the occurrence of the catastrophe, and the sea might, and indeed must, have scattered and destroyed whatever fragments of the brig had remained.	"Британии". Но эта неудача ничего не доказывала. В самом деле, ведь с момента катастрофы прошло целых два года, а за это время море могло и даже должно было сорвать с подводных камней, разбросать и уничтожить все обломки трехмачтового судна.
Besides, the natives who scent a wreck as the vultures do a dead body, would have pounced upon it and carried off the smaller DEBRIS.	Да и туземцы, которые чуют кораблекрушения, как коршуны труп, конечно, подобрали бы мельчайшие его обломки.
There was no doubt whatever Harry Grant and his companions had been made prisoners the moment the waves threw them on the shore, and been dragged away into the interior of the continent. But if so, what becomes of Paganel's ingenious hypothesis about the document? viz., that it had been thrown into a river and carried by a current into the sea.	А Гарри Грант и его оба спутника, попав в плен в ту минуту, когда волны выбросили их на берег, были, вне всякого сомнения, уведены в глубь материка. Но в таком случае теряла смысл одна из остроумных гипотез Жака Паганеля. Пока речь шла об Аргентине, ученый был вправе утверждать, что цифры документа относятся не к месту кораблекрушения, а к местонахождению пленных. Конечно, в пампасах большие реки с их многочисленными притоками легко могли вынести в море драгоценный документ.
That was a plausible enough theory in Patagonia, but not in the part of Australia intersected by the 37th parallel.	Здесь же, в этой части Австралии, реки, пересекающие тридцать седьмую параллель, немногочисленны.
Besides the Patagonian rivers, the Rio Colorado and the Rio Negro, flow into the sea along deserted solitudes, uninhabited and uninhabitable; while, on the contrary, the principal rivers of Australia-the Murray, the Yarrow, the Torrens, the Darling-all connected with each other, throw themselves into the ocean by well-frequented routes, and their mouths are ports of great activity. What likelihood, consequently, would there be that a fragile bottle would ever find its way along such busy thoroughfares right out into the Indian Ocean?	К тому же Рио-Колорадо и Рио-Негро текут к морю через пустынные земли, негодные для жилья и незаселенные. Главные же австралийские реки - Муррей, Маррамбиджи, Дарлинг - либо впадают одна в другую, либо несут свои воды в океан через такие устья, которые стали крупными гаванями, оживленными портами. Как мало шансов за то, чтобы хрупкая бутылка могла спуститься по течению рек, где непрестанно движутся суда, и попасть в Индийский океан! Неправдоподобность этого, конечно, не могла ускользнуть от людей проницательных.
Paganel himself saw the impossibility of it, and confessed to the Major, who raised a discussion on the subject, that his hypothesis would be altogether illogical in Australia.	Гипотеза Паганеля, допустимая в условиях аргентинских провинций Патагонии, была бы нелогичной в Австралии. Паганель согласился с этими соображениями - их выдвинул майор Мак-Наббс.
It was evident that the degrees given related to the place where the BRITANNIA was actually shipwrecked and not the place of captivity, and that the bottle therefore had been thrown into the sea on the western coast of the continent.	Стало очевидным, что координаты, указанные в документе, могли относиться только к месту крушения и что, следовательно, бутылка была брошена у западного побережья Австралии, где разбилась "Британия".

However, as Glenarvan justly remarked, this did not alter the fact of Captain Grant's captivity in the least degree, though there was no reason now for prosecuting the search for him along the 37th parallel, more than any other. It followed, consequently, that if no traces of the BRITANNIA were discovered at Cape Bernouilli, the only thing to be done was to return to Europe.	Тем не менее, как основательно заметил Гленарван, это толкование документа не исключило гипотезы о том, что капитан Грант находится в плену. И сам он даже наводит на эту мысль следующей фразой своего документа: "где они попадут в плен к жестоким туземцам". Поэтому искать пленных именно на тридцать седьмой, а не на какой-нибудь другой параллели оснований больше не было. Так был разрешен этот долго обсуждавшийся вопрос. Из этого следовало, что, если только и у мыса Бернулли не найдется следов "Британии", Гленарвану ничего не останется, как вернуться в Европу.
Lord Glenarvan would have been unsuccessful, but he would have done his duty courageously and conscientiously. But the young Grants did not feel disheartened. They had long since said to themselves that the question of their father's deliverance was about to be finally settled.	Правда, его поиски окажутся бесплодными, но все же он исполнил свой долг добросовестно и мужественно. Конечно же, это чрезвычайно огорчило пассажиров "Дункана", а Мери и Роберта привело в отчаяние. Когда дети капитана Гранта подплывали к берегу вместе с лордом и леди Гленарван, Джоном Манглсом, Мак-Наббсом и Паганелем, они думали, что теперь уже вопрос о спасении их отца решается бесповоротно.
Irrevocably, indeed, they might consider it, for as Paganel had judiciously demonstrated, if the wreck had occurred on the eastern side, the survivors would have found their way back to their own country long since.	Бесповоротно, ибо во время предыдущего обсуждения Паганель справедливо сказал, что потерпевшие крушение давным-давно вернулись бы на родину в том случае, если бы их судно разбилось о подводные камни у восточного побережья.
"Hope on! Hope on, Mary!" said Lady Helena to the young girl, as they neared the shore; "God's hand will still lead us."	- Надейтесь и уповайте на бога! Не теряйте надежды! - повторяла леди Элен сидевшей подле нее Мери, в то время как шлюпка шла к берегу.
"Yes, Miss Mary," said Captain John. "Man's extremity is God's opportunity. When one way is hedged up another is sure to open."	- Да, мисс Мери, - сказал капитан Джон, - когда все человеческие средства исчерпаны, провидение внезапно указывает людям новые пути.
"God grant it," replied Mary.	- Да услышит вас бог, мистер Джон, - ответила Мери Грант.
Land was quite close now. The cape ran out two miles into the sea, and terminated in a gentle slope, and the boat glided easily into a sort of natural creek between coral banks in a state of formation, which in course of time would be a belt of coral reefs round the southern point of the Australian coast.	Берег был уже близко - до него оставалось не больше одного кабельтова. Он отлого спускался к воде у оконечности мыса, вдававшегося на две мили в море. Шлюпка причалила в маленькой природной бухте, между двумя коралловыми отмелями - из таких отмелей должно со временем вырасти целое заграждение из рифов вокруг южного берега Австралии.
Even now they were quite sufficiently formidable to destroy the keel of a ship, and the BRITANNIA might likely enough have been dashed to pieces on them.	Да и теперь они уже были рифами, крайне опасными для кораблей, и вполне возможно, что именно о них и разбилась "Британия".
The passengers landed without the least difficulty on an absolutely desert shore.	Пассажиры яхты беспрепятственно высадились на совершенно пустынный берег.

Cliffs composed of beds of strata made a coast line sixty to eighty feet high, which it would have been difficult to scale without ladders or cramp-irons.	Вдоль него тянулся ряд слоистых утесов вышиной от шестидесяти до восьмидесяти футов. Нелегко было бы без лестниц и крюков перелезть через эту природную крепостную стену.
John Mangles happened to discover a natural breach about half a mile south.	К счастью, Джон Манглс обнаружил в ней полумилей южнее брешь, образовавшуюся при обвале части стены.
Part of the cliff had been partially beaten down, no doubt, by the sea in some equinoctial gale.	Вероятно, море, особенно бурное во время равноденствия, бьет волнами в это рыхлое заграждение из туфа и подмывает его.
Through this opening the whole party passed and reached the top of the cliff by a pretty steep path.	Гленарван и его спутники углубились в этот проход и поднялись по довольно крутому склону на вершину утеса.
Robert climbed like a young cat, and was the first on the summit, to the despair of Paganel, who was quite ashamed to see his long legs, forty years old, out-distanced by a young urchin of twelve.	Роберт, словно котенок, первым вскарабкался на нее. Паганель был в отчаянии, что двенадцатилетний мальчуган на своих детских ножках опередил его, длинноногого сорокалетнего мужчину.
However, he was far ahead of the Major, who gave himself no concern on the subject.	Но зато географ оставил далеко позади себя безмятежного майора, которому это было совершенно безразлично.
They were all soon assembled on the lofty crags, and from this elevation could command a view of the whole plain below.	Вскоре маленький отряд весь собрался на вершине утеса и стал оттуда рассматривать расстилавшееся внизу пространство.
It appeared entirely uncultivated, and covered with shrubs and bushes.	Это были обширные невозделанные земли, поросшие жалким кустарником, - местность почти бесплодная.
Glenarvan thought it resembled some glens in the lowlands of Scotland, and Paganel fancied it like some barren parts of Britanny.	Гленарвану она напомнила глены Шотландии, а Паганелю - бесплодные ланды Бретани.
But along the coast the country appeared to be inhabited, and significant signs of industry revealed the presence of civilized men, not savages.	Но если край этот казался необитаемым у побережья, то несколько видневшихся вдали построек говорили уже о присутствии человека, - и не дикаря, а цивилизованного труженика.
"A mill!" exclaimed Robert.	- Мельница! - крикнул Роберт.
And, sure enough, in the distance the long sails of a mill appeared, apparently about three miles off.	И действительно, милях в трех вертелись в воздухе крылья ветряной мельницы.
"It certainly is a windmill," said Paganel, after examining the object in question through his telescope.	- Это действительно мельница, - отозвался Паганель, посмотрев в свою подзорную трубу. - Вот маленькое сооружение, столь же скромное, сколь и полезное. Вид его всегда радует мой взор. - Как похоже на колокольню, - сказала леди Элен. - Да, сударыня, между ними еще одно сходство: и колокольня и мельница дают пищу - одна для души, другая для тела человека.
"Let us go to it, then," said Glenarvan.	- Идем на мельницу, - сказал Гленарван.

Away they started, and, after walking about half an hour, the country began to assume a new aspect, suddenly changing its sterility for cultivation.	Двинулись в путь. Через полчаса ходьбы местность преобразилась. Голая земля внезапно сменилась обработанной.
Instead of bushes, quick-set hedges met the eye, inclosing recent clearings.	Исчезли жалкие кустарники; зеленая живая изгородь окружала, видимо, недавно распаханный участок.
Several bullocks and about half a dozen horses were feeding in meadows, surrounded by acacias supplied from the vast plantations of Kangaroo Island.	Несколько быков и с полдюжины лошадей паслись на лугах, обсаженных раскидистыми акациями - питомцами обширных рассадников острова Кенгуру.
Gradually fields covered with cereals came in sight, whole acres covered with bristling ears of corn, hay-ricks in the shape of large bee-hives, blooming orchards, a fine garden worthy of Horace, in which the useful and agreeable were blended; then came sheds; commons wisely distributed, and last of all, a plain comfortable dwelling-house, crowned by a joyous-sounding mill, and fanned and shaded by its long sails as they kept constantly moving round.	Мало-помалу стали показываться и поля; на них росли хлеба, местами уже начавшие золотиться. Поднимались стога сена, сложенные в виде громадных ульев. Стали видны за новыми оградами фруктовые деревья, прекрасный, достойный Горация сад, сочетавший приятное с полезным. Затем сараи и другие службы, весьма разумно расположенные. Наконец, путешественники увидели простой, но уютный жилой дом; над ним, лаская его скользящей тенью своих длинных крыльев, возвышалась островерхая мельница.
Just at that moment a pleasant-faced man, about fifty years of age, came out of the house, warned, by the loud barking of four dogs, of the arrival of strangers.	На лай четырех собак, возвестивших о появлении чужих людей, из дома вышел человек лет пятидесяти, с располагающей наружностью.
He was followed by five handsome strapping lads, his sons, and their mother, a fine tall woman.	За ним показались пять красивых, здоровых молодцов, его сыновей, и высокая, крепкая женщина, их мать.
There was no mistaking the little group. This was a perfect type of the Irish colonist-a man who, weary of the miseries of his country, had come, with his family, to seek fortune and happiness beyond the seas.	Картина была ясна: этот человек, со своими бравыми домочадцами, среди новых построек, в этой почти девственной местности, представлял собой законченный тип колониста-ирландца, который, устав от нищенской жизни на своей родине, отправился искать достатка и счастья за моря.
Before Glenarvan and his party had time to reach the house and present themselves in due form, they heard the cordial words:	Не успели путники представиться, как уже раздались сердечные слова хозяина:
"Strangers! welcome to the house of Paddy O'Moore!"	- Чужеземцы, милости просим в дом Падди О'Мура!
"You are Irish," said Glenarvan, "if I am not mistaken," warmly grasping the outstretched hand of the colonist.	- Вы ирландец? - спросил Гленарван, пожимая руку колониста.
"I was," replied Paddy O'Moore, "but now I am Australian.	- Был им, - ответил Падди О'Мур, - а теперь я австралиец.
Come in, gentlemen, whoever you may be, this house is yours."	Кто бы вы ни были, господа, входите и будьте как дома.

It was impossible not to accept an invitation given with such grace.	Оставалось только воспользоваться без дальнейших церемоний этим радушным приглашением.
Lady Helena and Mary Grant were led in by Mrs. O'Moore, while the gentlemen were assisted by his sturdy sons to disencumber themselves of their fire-arms.	Миссис О'Мур тотчас же повела в дом леди Элен и Мери Грант, а сыновья колониста помогли пришельцам снять их оружие.
An immense hall, light and airy, occupied the ground floor of the house, which was built of strong planks laid horizontally.	В нижнем этаже дома, сложенного из толстых бревен, находилась большая, светлая, совсем новая горница.
A few wooden benches fastened against the gaily-colored walls, about ten stools, two oak chests on tin mugs, a large long table where twenty guests could sit comfortably, composed the furniture, which looked in perfect keeping with the solid house and robust inmates.	К стенам ее, выкрашенным яркой краской, было приделано несколько деревянных скамей. Тут же стояло с десяток табуреток, два дубовых буфета с расставленной на них белой фаянсовой посудой и блестящими оловянными жбанами, и широкий длинный стол, за которым, пожалуй, и двадцати гостям было бы не тесно. Вся обстановка как нельзя более соответствовала и этому прочно построенному дому, и его крепким обитателям.
The noonday meal was spread; the soup tureen was smoking between roast beef and a leg of mutton, surrounded by large plates of olives, grapes, and oranges. The necessary was there and there was no lack of the superfluous.	На столе уже стоял обед. Между ростбифом и жареной бараньей ногой дымилась суповая миска; кругом были расставлены большие тарелки с маслинами, виноградом и апельсинами; тут было все необходимое и даже больше того.
The host and hostess were so pleasant, and the big table, with its abundant fare, looked so inviting, that it would have been ungracious not to have seated themselves.	Хозяин и хозяйка были так приветливы, стол так велик и так заманчиво уставлен яствами, что не сесть за него казалось просто неучтивым.
The farm servants, on equal footing with their master, were already in their places to take their share of the meal.	В это время появились работники фермера; они были на равных правах с хозяевами и обедали вместе с ними.
Paddy O'Moore pointed to the seats reserved for the strangers, and said to Glenarvan:	Падди О'Мур указал места, предназначенные для гостей.
"I was waiting for you."	- Я ждал вас, - сказал он просто Гленарвану.
"Waiting for us!" replied Glenarvan in a tone of surprise.	- Ждали? - с удивлением переспросил тот.
"I am always waiting for those who come," said the Irishman; and then, in a solemn voice, while the family and domestics reverently stood, he repeated the BENEDICITE.	- Я всегда жду пришельцев, - ответил ирландец. Затем он торжественно произнес предобеденную молитву, а его семья и слуги почтительно стояли у стола. Элен была растрогана простотой нравов. Во взгляде мужа она прочитала, что он разделяет ее чувства.
Dinner followed immediately, during which an animated conversation was kept up on all sides.	Обеду была воздана заслуженная честь. Завязался общий оживленный разговор.
From Scotch to Irish is but a handsbreadth.	Ведь у ирландцев и шотландцев много общего.

The Tweed, several fathoms wide, digs a deeper trench between Scotland and England than the twenty leagues of Irish Channel, which separates Old Caledonia from the Emerald Isle.	Узенькая река Твид больше отделяет Шотландию от Англии, чем все двадцать лье Ирландского канала отделяют древнюю Каледонию от зеленого Эрина.
Paddy O'Moore related his history.	Падди О'Мур рассказал свою историю.
It was that of all emigrants driven by misfortune from their own country.	Это была типичная история эмигранта, изгнанного нуждой со своей родины.
Many come to seek fortunes who only find trouble and sorrow, and then they throw the blame on chance, and forget the true cause is their own idleness and vice and want of commonsense.	Из тех, кто уехал за счастьем на чужбину, многие находят лишь горести и неудачи. Они пеняют на судьбу, забывая, что виноваты их собственные пороки и лень.
Whoever is sober and industrious, honest and economical, gets on.	Кто смел, трудолюбив и рачителен - тот добивается успеха.
Such a one had been and was Paddy O'Moore.	Именно таков был Падди О'Мур.
He left Dundalk, where he was starving, and came with his family to Australia, landed at Adelaide, where, refusing employment as a miner, he got engaged on a farm, and two months afterward commenced clearing ground on his own account.	Он уехал из Дандолка, где вместе с семьей умирал от голода, к берегам Австралии, высадился в Аделаиде. Работе на шахте он предпочел нелегкий, но дающий верный достаток труд земледельца, и через два месяца по прибытии он завел свое хозяйство, так процветающее ныне.
The whole territory of South Australia is divided into lots, each containing eighty acres, and these are granted to colonists by the government.	Вся южная Австралия разделена на участки по восемьдесят акров, которые правительство предоставляет колонистам.
Any industrious man, by proper cultivation, can not only get a living out of his lot, but lay by pounds 80 a year.	Хороший земледелец может на них прокормиться и даже накопить кругленькую сумму фунтов в восемьдесят.
Paddy O'Moore knew this.	Падди О'Муру это удавалось.
He profited by his own former experience, and laid by every penny he could till he had saved enough to purchase new lots.	Ему помогли его агрономические познания. На свои сбережения он выгодно приобрел новые участки.
His family prospered, and his farm also.	Его семья и хозяйство процветали.
The Irish peasant became a landed proprietor, and though his little estate had only been under cultivation for two years, he had five hundred acres cleared by his own hands, and five hundred head of cattle.	Ирландский крестьянин стал землевладельцем, и, хотя он работал всего два года, у него было уже пятьсот акров распаханной земли и пятьсот голов скота.
He was his own master, after having been a serf in Europe, and as independent as one can be in the freest country in the world.	В Европе он был рабом, здесь же стал сам себе господином и независимым, как в самой свободной стране.
His guests congratulated him heartily as he ended his narration; and Paddy O'Moore no doubt expected confidence for confidence, but he waited in vain.	Выслушав рассказ ирландского эмигранта, гости искренно и сердечно поздравили его. Окончив свое повествование, Падди О'Мур, без сомнения, ждал, что на его откровенность гости ответят такой же откровенностью, однако никаких вопросов им не задавал.
However, he was one of those discreet people who can say,	Он был из тех сдержанных, скромных людей, которые говорят:

"I tell you who I am, but I don't ask who you are."	"Вот кто я, а кто вы такие - об этом я вас не спрашиваю".
Glenarvan's great object was to get information about the BRITANNIA, and like a man who goes right to the point, he began at once to interrogate O'Moore as to whether he had heard of the shipwreck.	Гленарван и сам хотел рассказать ему о "Дункане", о том, что яхта стоит на якоре у мыса Бернулли, а также о поисках, которые он продолжал с такой неутомимой настойчивостью. Но, будучи человеком, который всегда прямо идет к цели, он прежде всего спросил Падди О'Мура, не знает ли тот чего-нибудь относительно крушения "Британии".
The reply of the Irishman was not favorable; he had never heard the vessel mentioned.	Оказалось, что ирландец ничего не слышал о таком судне.
For two years, at least, no ship had been wrecked on that coast, neither above nor below the Cape.	Да и вообще за эти два года не случилось ни одного кораблекрушения ни у самого мыса, ни в окрестностях его.
Now, the date of the catastrophe was within two years.	Между тем "Британия" потерпела крушение не более двух лет назад.
He could, therefore, declare positively that the survivors of the wreck had not been thrown on that part of the western shore.	Ирландец с полной уверенностью утверждал, что никто не был выброшен на этой части западного побережья.
"Now, my Lord," he added, "may I ask what interest you have in making the inquiry?" This pointed question elicited in reply the whole history of the expedition.	- А теперь, милорд, - прибавил он, - я спрошу, почему это вас интересует.
Glenarvan related the discovery of the document, and the various attempts that had been made to follow up the precise indications given of the whereabouts of the unfortunate captives; and he concluded his account by expressing his doubt whether they should ever find the Captain after all.	Тут Гленарван рассказал колонисту историю документа, рассказал о плавании "Дункана" и обо всех попытках отыскать капитана Гранта. Не скрыл он и того, что после столь определенных заявлений Падди О'Мура приходится отказаться от всякой надежды разыскать потерпевших крушение на "Британии".
His dispirited tone made a painful impression on the minds of his auditors.	Эти слова произвели удручающее впечатление на его спутников.
Robert and Mary could not keep back their tears, and Paganel had not a word of hope or comfort to give them.	У Роберта и Мери заблестели слезы на глазах. Даже Паганель не мог найти ни единого слова утешения и надежды.
John Mangles was grieved to the heart, though he, too, was beginning to yield to the feeling of hopelessness which had crept over the rest, when suddenly the whole party were electrified by hearing a voice exclaim:	Джон Манглс терзался мучительной скорбью. Отчаяние начало овладевать мужественными, великодушными людьми, понапрасну приплывшими на "Дункане" к этим далеким берегам, как вдруг кто-то произнес:
"My Lord, praise and thank God! if Captain Grant is alive, he is on this Australian continent."	- Благодарите бога, милорд. Если капитан Грант жив, то он в Австралии.
CHAPTER VII THE QUARTERMASTER OF THE "BRITANNIA"	Глава VII АЙРТОН
THE surprise caused by these words cannot be described.	Невозможно представить себе удивление, вызванное этими словами.

Glenarvan sprang to his feet, and pushing back his seat, exclaimed:	Гленарван вскочил и, оттолкнув табурет, крикнул:
"Who spoke?"	- Кто это сказал?
"I did," said one of the servants, at the far end of the table.	- Я, - ответил один из работников Падди О'Мура, сидевший в конце стола.
"You, Ayrton!" replied his master, not less bewildered than Glenarvan.	- Ты, Айртон? - проговорил колонист, изумленный не менее самого Гленарвана.
"Yes, it was I," rejoined Ayrton in a firm tone, though somewhat agitated voice. "A Scotchman like yourself, my Lord, and one of the shipwrecked crew of the BRITANNIA."	- Да, я, - отозвался взволнованным, но решительным голосом Айртон, - такой же шотландец, как вы, милорд, и один из потерпевших крушение на "Британии".
The effect of such a declaration may be imagined.	Впечатление, произведенное таким заявлением, было неописуемо.
Mary Grant fell back, half-fainting, in Lady Helena's arms, overcome by joyful emotion, and Robert, and Mangles, and Paganel started up and toward the man that Paddy O'Moore had addressed as AYRTON.	Мери Грант, почти лишившись чувств от волнения и счастья, склонилась на грудь леди Элен. Джон Манглс, Роберт, Паганель вскочили со своих мест и бросились к тому, кого Падди О'Мур только что назвал Айртоном.
He was a coarse-looking fellow, about forty-five years of age, with very bright eyes, though half-hidden beneath thick, overhanging brows.	Это был человек лет сорока пяти, с суровым лицом и блестящими глазами, глубоко сидевшими под густыми бровями.
In spite of extreme leanness there was an air of unusual strength about him.	Несмотря на свою худобу, он, должно быть, обладал незаурядной силой.
He seemed all bone and nerves, or, to use a Scotch expression, as if he had not wasted time in making fat.	Казалось, он весь состоял только из костей и нервов и, как говорят шотландцы, "жалел время жир нагуливать".
He was broad-shouldered and of middle height, and though his features were coarse, his face was so full of intelligence and energy and decision, that he gave one a favorable impression.	Он был широк в плечах, среднего роста. Его решительная осанка, умное и энергичное, хотя и резко очерченное лицо располагали в его пользу.
The interest he excited was still further heightened by the marks of recent suffering imprinted on his countenance.	Внушаемое им чувство симпатии еще усиливалось при виде запечатлевшихся на его лице следов недавно пережитых тяжелых испытаний.
It was evident that he had endured long and severe hardships, and that he had borne them bravely and come off victor.	Он, несомненно, много выстрадал, но производил впечатление человека, способного переносить страдания, бороться с ними и преодолевать их. Гленарван и его друзья почувствовали это с первого взгляда. Личность Айртона внушала к себе уважение. Гленарван, выражая общие чувства, засыпал его вопросами. Оба они, и Гленарван и Айртон, видимо, были взволнованы этой встречей, поэтому вопросы Гленарвана вначале были довольно беспорядочны.
"You are one of the shipwrecked sailors of the BRITANNIA?" was Glenarvan's first question.	- Вы один из потерпевших крушение на "Британии"? - спросил Гленарван.
"Yes, my Lord; Captain Grant's quartermaster."	- Да, милорд, я был боцманом у капитана Гранта, - ответил Айртон.

"And saved with him after the shipwreck?"	- Вы спаслись во время кораблекрушения вместе с ним?
"No, my Lord, no.	- Нет, милорд, нет!
I was separated from him at that terrible moment, for I was swept off the deck as the ship struck."	В ту страшную минуту меня смыло с палубы волной, и я был выброшен на берег.
"Then you are not one of the two sailors mentioned in the document?"	- Стало быть, вы не из числа тех двух матросов, о которых упоминается в документе?
"No; I was not aware of the existence of the document.	- Нет. Я не подозревал о существовании этого документа.
The captain must have thrown it into the sea when I was no longer on board."	Капитан бросил его в море, когда меня уже не было на судне.
"But the captain? What about the captain?"	- Но что же с капитаном... с капитаном?
"I believed he had perished; gone down with all his crew.	- Я считал его утонувшим, исчезнувшим, погибшим вместе со всей командой "Британии".
I imagined myself the sole survivor."	Мне казалось, что спасся я один.
"But you said just now, Captain Grant was living."	- Ведь вы сказали, что капитан Грант жив!
"No, I said, 'if the captain is living.'"	- Нет, я сказал: "Если капитан Грант жив..."
"And you added, 'he is on the Australian continent.'"	- И вы прибавили: "то он в Австралии".
"And, indeed, he cannot be anywhere else."	- Да, он может быть только здесь.
"Then you don't know where he is?"	- Вам, значит, неизвестно, где он?
"No, my Lord.	- Неизвестно, милорд.
I say again, I supposed he was buried beneath the waves, or dashed to pieces against the rocks.	Повторяю: я считал, что он утонул в волнах или разбился о скалы.
It was from you I learned that he was still alive."	Это от вас я узнаю, что он, может быть, еще жив.
"What then do you know?"	- Но тогда что же вы знаете?
"Simply this-if Captain Grant is alive, he is in Australia."	- Только одно, что если капитан Грант жив, то он в Австралии.
"Where did the shipwreck occur?" asked Major McNabbs.	- Так где же произошло крушение? - спросил майор Мак-Наббс.
This should have been the first question, but in the excitement caused by the unexpected incident, Glenarvan cared more to know where the captain was, than where the BRITANNIA had been lost.	Этот вопрос, конечно, надо было задать с самого начала, но Гленарван был так взволнован и так спешил узнать, где капитан Грант, что не осведомился о месте гибели "Британии". Разговор до сих пор велся сбивчиво, непоследовательно, скачками, лишь слегка касаясь вопросов, а, не углубляясь в них.
After the Major's inquiry, however, Glenarvan's examination proceeded more logically, and before long all the details of the event stood out clearly before the minds of the company.	После же слов майора беседа приняла более деловой характер, и вскоре слушателям стали совершенно отчетливо ясны все подробности этой загадочной истории.
To the question put by the Major, Ayrton replied:	На вопрос Мак-Наббса Айртон ответил так:

"When I was swept off the forecastle, when I was hauling in the jib-boom, the BRITANNIA was running right on the Australian coast.	- Когда меня смыло с бака, где я в это время спускал парус, "Британия" мчалась к австралийскому берегу - до него оставалось меньше двух кабельтовых.
She was not more than two cables' length from it and consequently she must have struck just there."	Крушение и произошло, значит, у этого самого места.
"In latitude 37 degrees?" asked John Mangles.	- Под тридцать седьмым градусом? - спросил Джон Манглс.
"Yes, in latitude 37 degrees."	- Под тридцать седьмым, - подтвердил Айртон.
"On the west coast?"	- На западном побережье?
"No, on the east coast," was the prompt reply.	- О нет, на восточном, - живо возразил боцман.
"And at what date?"	- А когда это случилось?
"It was on the night of the 27th of June, 1862."	- В ночь на двадцать седьмое июня 1862 года.
"Exactly, just exactly," exclaimed Glenarvan.	- Так и есть! Все сходится! - крикнул Гленарван.
"You see, then, my Lord," continued Ayrton, "I might justly say, If Captain Grant is alive, he is on the Australian continent, and it is useless looking for him anywhere else."	- Как видите, милорд, я имел основание сказать именно так, - добавил Айртон, - если капитан Грант еще жив, то его надо искать только на Австралийском материке, и нигде больше.
"And we will look for him there, and find him too, and save him," exclaimed Paganel. "Ah, precious document," he added, with perfect NAIVETE, "you must own you have fallen into the hands of uncommonly shrewd people."	- И мы будем искать его, и найдем его, и спасем его, мой друг! - воскликнул Паганель. - Ах, драгоценный документ, - продолжал географ с бесподобной наивностью, - надо-таки признаться, что ты попал в руки людей проницательных!
But, doubtless, nobody heard his flattering words, for Glenarvan and Lady Helena, and Mary Grant, and Robert, were too much engrossed with Ayrton to listen to anyone else. They pressed round him and grasped his hands.	Но этих самодовольных слов Паганеля, конечно, никто не слышал. Гленарван и леди Элен, Мери и Роберт - все обступили Айртона и наперебой пожимали ему руку.
It seemed as if this man's presence was the sure pledge of Harry Grant's deliverance.	Казалось, присутствие этого человека служило верным залогом спасения капитана Гранта.
If this sailor had escaped the perils of the shipwreck, why should not the captain?	Если при крушении удалось уцелеть матросу, то почему не мог спастись капитан?
Ayrton was quite sanguine as to his existence; but on what part of the continent he was to be found, that he could not say.	Айртон повторял, что, по всей вероятности, капитан уцелел, как и он сам. Где именно капитан находится, он, Айртон, сказать не может, но, без сомнения, где-нибудь на этом же материке.
The replies the man gave to the thousand questions that assailed him on all sides were remarkably intelligent and exact.	На бесчисленные вопросы, которыми его забрасывали, боцман отвечал совершенно точно и ясно.
All the while he spake, Mary held one of his hands in hers.	Пока он говорил, мисс Мери держала его руку в своих.
This sailor was a companion of her father's, one of the crew of the BRITANNIA.	Ведь это спутник ее отца, один из матросов "Британии"!

He had lived with Harry Grant, crossed the seas with him and shared his dangers. Mary could not keep her eyes off his face, rough and homely though it was, and she wept for joy.	Он жил одной жизнью с Гарри Грантом, скитался с ним по одним морям, преодолевал те же опасности... И Мери, плача от радости, не могла оторвать глаз от сурового лица боцмана.
Up to this time no one had ever thought of doubting either the veracity or identity of the quartermaster; but the Major, and perhaps John Mangles, now began to ask themselves if this Ayrton's word was to be absolutely believed.	До сих пор никому не приходило в голову, действительно ли этот человек - тот боцман, за которого он себя выдает, и можно ли вообще доверять его словам. Только майор и, пожалуй, Джон Манглс, которых не так-то легко было убедить, колебались, заслуживают ли слова Айртона полного доверия.
There was something suspicious about this unexpected meeting.	Встреча с ним была так неожиданна, что действительно могла внушить некоторое подозрение.
Certainly the man had mentioned facts and dates which corresponded, and the minuteness of his details was most striking. Still exactness of details was no positive proof. Indeed, it has been noticed that a falsehood has sometimes gained ground by being exceedingly particular in minutiae. McNabbs, therefore, prudently refrained from committing himself by expressing any opinion.	Правда, Айртон говорил о событиях и числах, совершенно согласующихся с теми сведениями, которые заключались в документе, и приводил при этом разительные подробности. Но подробности, как бы они ни были точны, все же не делают рассказа достоверным, ибо замечено, что нередко за точностью подробностей скрывается ложь. Но Мак-Наббс оставил при себе свои сомнения и промолчал.
John Mangles, however, was soon convinced when he heard Ayrton speak to the young girl about her father.	Что же касается Джона Манглса, то, как только матрос заговорил с молодой девушкой о ее отце, все его подозрения рассеялись, и он уверовал в то, что Айртон действительно товарищ капитана Гранта.
He knew Mary and Robert quite well. He had seen them in Glasgow when the ship sailed.	Выяснилось, что бывший боцман знал и Мери и Роберта, так как видел их в Глазго перед отплытием "Британии".
He remembered them at the farewell breakfast given on board the BRITANNIA to the captain's friends, at which Sheriff Mcintyre was present.	Он напомнил молодой девушке, как оба они с братом были на прощальном завтраке, который капитан дал друзьям на борту своего судна. На этом завтраке присутствовал шериф города Мак-Интайр.
Robert, then a boy of ten years old, had been given into his charge, and he ran away and tried to climb the rigging.	Присматривать за Робертом - ему едва минуло тогда десять лет - поручено было старшему матросу Дику Тернеру, а мальчуган вырвался от него и взобрался на бом-салинг.
"Yes, that I did, it is quite right," said Robert.	- Правда, правда! - подтвердил Роберт.
He went on to mention several other trifling incidents, without attaching the importance to them that John Mangles did, and when he stopped Mary Grant said, in her soft voice:	Айртон припомнил много таких фактов, видимо не придавая им того значения, которое они имели в глазах Джона Манглса. И каждый раз, когда боцман останавливался, Мери с мольбой говорила:
"Oh, go on, Mr. Ayrton, tell us more about our father."	- Еще, еще расскажите нам, мистер Айртон, о нашем отце!

The quartermaster did his best to satisfy the poor girl, and Glenarvan did not interrupt him, though a score of questions far more important crowded into his mind. Lady Helena made him look at Mary's beaming face, and the words he was about to utter remained unspoken.	И он рассказывал о чем ей было угодно. Гленарвану хотелось задать ему множество более полезных вопросов, но леди Элен удерживала его, указывая ему взглядом, какая радость для Мери этот разговор.
Ayrton gave an account of the BRITANNIA'S voyage across the Pacific.	Айртон рассказал всю историю плавания "Британии" по Тихому океану.
Mary knew most of it before, as news of the ship had come regularly up to the month of May, 1862.	Многое из того, что говорил он, было известно Мери, так как вести с судна приходили вплоть до мая 1862 года.
In the course of the year Harry Grant had touched at all the principal ports.	За это время Гарри Грант побывал на многих островах Океании.
He had been to the Hebrides, to New Guinea, New Zealand, and New Caledonia, and had succeeded in finding an important point on the western coast of Papua, where the establishment of a Scotch colony seemed to him easy, and its prosperity certain.	Он заходил на Ново-Гебридские острова, Новую Гвинею, Новую Зеландию, Новую Каледонию. Но всюду оказывалось, что земли уже захвачены, и часто без законных оснований. Местные же английские власти чинили ему всяческие препятствия, будучи предупреждены о его предприятии из метрополии. Все же капитану Гранту удалось найти на западном берегу Гвинеи подходящие земли: ему казалось, что здесь нетрудно будет создать шотландскую колонию и что она, несомненно, будет процветать.
A good port on the Molucca and Philippine route must attract ships, especially when the opening of the Suez Canal would have supplanted the Cape route.	И в самом деле, хороший порт по пути между Молуккскими и Филиппинскими островами должен был привлечь немало судов, особенно когда будет закончено прорытие Суэцкого канала и этим упразднен морской путь вокруг мыса Доброй Надежды.
Harry Grant was one of those who appreciated the great work of M. De Lesseps, and would not allow political rivalries to interfere with international interests.	Гарри Грант был в Англии поборником начинания г-на де Лессепса, ставя международные интересы выше политического соперничества.
After reconnoitering Papua, the BRITANNIA went to provision herself at Callao, and left that port on the 30th of May, 1862, to return to Europe by the Indian Ocean and the Cape.	По окончании обследования Новой Гвинеи "Британия" пошла в Кальяо, чтобы возобновить запасы продовольствия и топлива. 30 мая она покинула этот порт и направилась в Европу через Индийский океан, а затем вокруг мыса Доброй Надежды.
Three weeks afterward, his vessel was disabled by a fearful storm in which they were caught, and obliged to cut away the masts.	Через три недели по выходе "Британии" в море страшная буря лишила судно управления, и оно легло набок. Пришлось срубить мачты.
A leak sprang in the hold, and could not be stopped.	В трюме появилась течь, и справиться с ней не удалось.
The crew were too exhausted to work the pumps, and for eight days the BRITANNIA was tossed about in the hurricane like a shuttlecock.	Вскоре команда совершенно выбилась из сил. Выкачать всю воду насосами было невозможно. Целую неделю "Британия" была игрушкой урагана.

She had six feet of water in her hold, and was gradually sinking.	Вода в трюме дошла до шести футов. Судно мало-помалу погружалось.
The boats had been all carried away by the tempest; death stared them in the face, when, on the night of the 22d of June, as Paganel had rightly supposed, they came in sight of the eastern coast of Australia.	Шлюпки сорвал ураган. Экипажу предстояла неминуемая гибель, как вдруг в ночь на 27 июня (Паганель угадал правильно) показалось восточное побережье Австралии.
The ship soon neared the shore, and presently dashed violently against it.	Вскоре "Британию" выбросило со страшной силой на берег.
Ayrton was swept off by a wave, and thrown among the breakers, where he lost consciousness.	Айртон был подхвачен волной, упал в бурлящую воду и потерял сознание.
When he recovered, he found himself in the hands of natives, who dragged him away into the interior of the country.	Когда он пришел в себя, то увидел, что он в плену у туземцев. Они увели его в глубь материка.
Since that time he had never heard the BRITANNIA's name mentioned, and reasonably enough came to the conclusion that she had gone down with all hands off the dangerous reefs of Twofold Bay.	С тех пор он ничего не слышал о "Британии" и вполне обоснованно предполагал, что она, разбившись о рифы Туфоллд-Бей, погибла со всем экипажем и грузом.
This ended Ayrton's recital, and more than once sorrowful exclamations were evoked by the story.	Этим закончилась та часть рассказа, которая имела отношение к капитану Гранту. Не раз, пока говорил Айртон, слова его прерывались горестными восклицаниями.
The Major could not, in common justice, doubt its authenticity.	Даже майор по справедливости не мог бы усомниться в правдивости боцмана.
The sailor was then asked to narrate his own personal history, which was short and simple enough.	Теперь следовало выслушать историю самого Айртона - она представляла, пожалуй, еще больший интерес, чем даже история "Британии". Ведь благодаря документу не было сомнения в том, что капитан Грант с двумя матросами уцелел после крушения, как и сам Айртон, и, следовательно, зная участь одного, можно было с полным основанием судить об участи других. Поэтому Айртона попросили рассказать о его приключениях. Сделал он это очень просто и коротко.
He had been carried by a tribe of natives four hundred miles north of the 37th parallel.	Уцелевшего после крушения моряка, очутившегося в плену у одного туземного племени, увели в глубь страны, в местность, орошаемую рекой Дарлингом и отстоящую от тридцать седьмой параллели миль на четыреста к северу.
He spent a miserable existence there-not that he was ill-treated, but the natives themselves lived miserably.	Жил он там в тяжелых лишениях, потому что и само племя было нищее, но дурного обращения он не видел.
He passed two long years of painful slavery among them, but always cherished in his heart the hope of one day regaining his freedom, and watching for the slightest opportunity that might turn up, though he knew that his flight would be attended with innumerable dangers.	Долго тянулись эти два года тягостного рабства. Но все же в сердце его жила надежда когда-нибудь вырваться на волю. Он решил бежать и выжидал только удобного случая, хотя знал, что ему будут угрожать бесчисленные опасности.

At length one night in October, 1864, he managed to escape the vigilance of the natives, and took refuge in the depths of immense forests.	В одну октябрьскую ночь 1864 года ему удалось обмануть бдительность туземцев и скрыться в дебрях огромных лесов.
For a whole month he subsisted on roots, edible ferns and mimosa gums, wandering through vast solitudes, guiding himself by the sun during the day and by the stars at night.	Целый месяц блуждал он по этим пустынным местам, питаясь кореньями, папоротниками и мимозной смолой, ориентируясь днем по солнцу, ночью по звездам, часто впадая в отчаяние.
He went on, though often almost despairingly, through bogs and rivers, and across mountains, till he had traversed the whole of the uninhabited part of the continent, where only a few bold travelers have ventured; and at last, in an exhausted and all but dying condition, he reached the hospitable dwelling of Paddy O'Moore, where he said he had found a happy home in exchange for his labor.	Так перебрался он через болота, реки, горы - через всю необитаемую часть Австралийского материка, где побывали лишь немногие отважные путешественники. Наконец, истощенный, почти умирающий, дотащился он до гостеприимной кровли Падди О'Мура и здесь, поступив на работу, зажил счастливой жизнью.
"And if Ayrton speaks well of me," said the Irish settler, when the narrative ended, "I have nothing but good to say of him.	- Если Айртон доволен мной, - проговорил колонист-ирландец, когда моряк кончил свой рассказ, - то должен сказать, что и я доволен им.
He is an honest, intelligent fellow and a good worker; and as long as he pleases, Paddy O'Moore's house shall be his."	Человек он умный, храбрый, хороший работник, и если он захочет, то дом Падди О'Мура надолго будет его домом.
Ayrton thanked him by a gesture, and waited silently for any fresh question that might be put to him, though he thought to himself that he surely must have satisfied all legitimate curiosity.	Айртон поклонился ирландцу в знак благодарности и стал ждать новых вопросов. Впрочем, ему казалось, что законное любопытство его слушателей должно уже быть удовлетворено.
What could remain to be said that he had not said a hundred times already.	И в самом деле, что мог он еще сказать, чего бы уже раз сто не повторил!
Glenarvan was just about to open a discussion about their future plan of action, profiting by this rencontre with Ayrton, and by the information he had given them, when Major McNabbs, addressing the sailor said,	Гленарван собирался было начать составление нового плана действий, учитывая полученные от Айртона сведения, но тут майор обратился к моряку с вопросом:
"You were quartermaster, you say, on the BRITANNIA?"	- Вы были боцманом на "Британии"?
"Yes," replied Ayrton, without the least hesitation. But as if conscious that a certain feeling of mistrust, however slight, had prompted the inquiry, he added, "I have my shipping papers with me; I saved them from the wreck."	- Да, - ответил, не задумываясь, Айртон и вслед за этим, понимая, что вопрос Мак-Наббса был продиктован остатком недоверия, прибавил: - У меня даже уцелел при крушении мой судовой договор.
He left the room immediately to fetch his official document, and, though hardly absent a minute, Paddy O'Moore managed to say,	И он тут же отправился за этим документом. Отсутствовал он менее минуты, но Падди О'Мур все же успел сказать Гленарвану:
"My Lord, you may trust Ayrton; I vouch for his being an honest man.	- Милорд, поверьте мне, Айртон - честный человек.
He has been two months now in my service, and I have never had once to find fault with him.	За два месяца его службы у меня я решительно ни в чем не могу его упрекнуть.

I knew all this story of his shipwreck and his captivity.	О том, что он пережил кораблекрушение и был в плену, я знал от него и раньше.
He is a true man, worthy of your entire confidence."	Это надежный человек, достойный вашего доверия.
Glenarvan was on the point of replying that he had never doubted his good faith, when the man came in and brought his engagement written out in due form.	Гленарван хотел ответить, что он и не думал сомневаться в порядочности Айртона, но в эту минуту боцман вернулся и подал Гленарвану заключенный по всем правилам договор.
It was a paper signed by the shipowners and Captain Grant.	Подписан он был владельцем "Британии", капитаном Грантом.
Mary recognized her father's writing at once.	Мери тотчас же узнала почерк отца.
It was to certify that	Документ устанавливал, что
"Tom Ayrton, able-bodied seaman, was engaged as quartermaster on board the three-mast vessel, the BRITANNIA, Glasgow."	"Том Айртон, матрос первого класса, был принят боцманом на трехмачтовое судно "Британия".
There could not possibly be the least doubt now of Ayrton's identity, for it would have been difficult to account for his possession of the document if he were not the man named in it.	Итак, относительно личности Айртона не могло быть больше никаких сомнений, ибо трудно было допустить, чтобы документ, находившийся в его руках, не принадлежал ему.
"Now then," said Glenarvan, "I wish to ask everyone's opinion as to what is best to be done.	- А теперь, - сказал Гленарван, - прошу всех высказаться и немедленно решим, что следует сделать.
Your advice, Ayrton, will be particularly valuable, and I shall be much obliged if you would let us have it."	Ваши советы, Айртон, для нас особенно ценны, и я буду вам за них очень признателен.
After a few minutes' thought, Ayrton replied-"I thank you, my Lord, for the confidence you show towards me, and I hope to prove worthy of it.	Подумав немного, Айртон ответил: - Спасибо вам, милорд, за доверие, которое вы мне оказываете. Надеюсь, что я оправдаю его.
I have some knowledge of the country, and the habits of the natives, and if I can be of any service to you-"	Конечно, я кое-что знаю об этом крае, о нравах туземцев, и если я смогу быть вам полезен...
"Most certainly you can," interrupted Glenarvan.	- Несомненно, - ответил Гленарван.
"I think with you," resumed Ayrton, "that the captain and his two sailors have escaped alive from the wreck, but since they have not found their way to the English settlement, nor been seen any where, I have no doubt that their fate has been similar to my own, and that they are prisoners in the hands of some of the native tribes."	- Я думаю так же, как и вы, - продолжал Айртон, - что капитан Грант и двое матросов спаслись после крушения, а раз они при этом не добрались до английских владений и о них нет никаких сведений, то я не сомневаюсь в том, что они, как и я, попали в плен к какому-нибудь туземному племени.
"That's exactly what I have always argued," said Paganel. "The shipwrecked men were taken prisoners, as they feared.	- Вы, Айртон, повторяете те самые доводы, которые я уже приводил, - сказал Паганель. - Очевидно, капитан Грант со своими двумя матросами, как он и опасался, находится в плену у туземцев.
But must we conclude without question that, like yourself, they have been dragged away north of the 37th parallel?"	Но можем ли мы считать, что их, подобно вам, увели на север от тридцать седьмой параллели?

"I should suppose so, sir; for hostile tribes would hardly remain anywhere near the districts under the British rule."	- Вероятно, да, сэр, - ответил Айртон, - враждебные племена не очень-то любят жить по соседству с районами, подвластными англичанам.
"That will complicate our search," said Glenarvan, somewhat disconcerted. "How can we possibly find traces of the captives in the heart of so vast a continent?"	- Это осложнит наши поиски, - проговорил озабоченно Гленарван. - Как найти следы пленников на таком огромном материке?
No one replied, though Lady Helena's questioning glances at her companions seemed to press for an answer.	Ответом на эти слова было продолжительное молчание. Тщетно леди Элен обводила вопросительным взглядом своих спутников.
Paganel even was silent.	Даже Паганель, вопреки своему обыкновению, оставался нем.
His ingenuity for once was at fault.	Его всегдашняя изобретательность изменила ему.
John Mangles paced the cabin with great strides, as if he fancied himself on the deck of his ship, evidently quite nonplussed.	Джон Манглс в замешательстве расхаживал по зале большими шагами, словно по капитанскому мостику своего судна.
"And you, Mr. Ayrton," said Lady Helena at last, "what would you do?"	- А что бы вы предприняли, мистер Айртон? - обратилась к моряку леди Элен.
"Madam," replied Ayrton, readily enough, "I should re-embark in the DUNCAN, and go right to the scene of the catastrophe. There I should be guided by circumstances, and by any chance indications we might discover."	- Я, сударыня, вернулся бы на "Дункан" и прямо отправился бы на то место, где произошло крушение, - с живостью ответил Айртон. - А там я бы действовал сообразно с обстоятельствами, а быть может, и с теми указаниями, которые бы мог послать мне счастливый случай.
"Very good," returned Glenarvan; "but we must wait till the DUNCAN is repaired."	- Отлично, - сказал Гленарван, - но только придется подождать, пока отремонтируют "Дункан".
"Ah, she has been injured then?" said Ayrton.	- А, так у вас на судне есть повреждения? - спросил Айртон.
"Yes," replied Mangles.	- Да, - отозвался Джон Манглс.
"To any serious extent?"	- И серьезные?
"No; but such injuries as require more skilful workmanship than we have on board.	- Нет, но для исправления нужно оборудование, которого у нас нет на судне.
One of the branches of the screw is twisted, and we cannot get it repaired nearer than Melbourne."	У винта погнулась одна из лопастей, и починить его смогут только в Мельбурне.
"Well, let the ship go to Melbourne then," said Paganel, "and we will go without her to Twofold Bay."	- Но разве нельзя идти под парусами? - спросил боцман. - Можно. Но если подует встречный ветер, наш переход до Туфоллд-Бей затянется надолго, а зайти в Мельбурн все равно надо. - Ну, так пусть "Дункан" идет в Мельбурн, - воскликнул Паганель, - а мы и без него доберемся до бухты Туфоллд!
"And how?" asked Mangles.	- Каким же образом? - поинтересовался Джон Манглс.
"By crossing Australia as we crossed America, keeping along the 37th parallel."	- Мы пересечем Австралию подобно тому, как пересекли Южную Америку, придерживаясь тридцать седьмой параллели.

"But the DUNCAN?" repeated Ayrton, as if particularly anxious on that score.	- А как же "Дункан"? - с какой-то особой настойчивостью спросил Айртон.
"The DUNCAN can rejoin us, or we can rejoin her, as the case may be.	- "Дункан" придет к нам или мы придем к нему. Это будет зависеть от обстоятельств.
Should we discover Captain Grant in the course of our journey, we can all return together to Melbourne.	Если во время нашего перехода мы найдем капитана Гранта, то вместе с ним вернемся в Мельбурн.
If we have to go on to the coast, on the contrary, then the DUNCAN can come to us there. Who has any objection to make?	Если же мы продлим поиски до самого побережья, "Дункан" явится туда за нами... Кто возражает против этого плана?
Have you, Major?"	Вы, майор?
"No, not if there is a practicable route across Australia."	- Нет, - ответил Мак-Наббс, - если только переход через Австралию возможен.
"So practicable, that I propose Lady Helena and Miss Grant should accompany us."	- Настолько возможен, что я предлагаю леди Гленарван и мисс Грант присоединиться к нам, - ответил ученый.
"Are you speaking seriously?" asked Glenarvan.	- Вы серьезно говорите это, Паганель? - спросил Гленарван.
"Perfectly so, my Lord.	- Вполне серьезно, дорогой лорд.
It is a journey of 350 miles, not more.	Это переход в каких - нибудь триста пятьдесят миль.
If we go twelve miles a day it will barely take us a month, just long enough to put the vessel in trim.	Делая по двенадцати миль в день, мы закончим его меньше чем за месяц, то есть за то время, какое потребуется для ремонта "Дункана".
If we had to cross the continent in a lower latitude, at its wildest part, and traverse immense deserts, where there is no water and where the heat is tropical, and go where the most adventurous travelers have never yet ventured, that would be a different matter.	Вот если бы нужно было пересечь Австралийский материк севернее, там, где он шире всего, где простираются его необозримые безводные пустыни с нестерпимым зноем, - словом, проделать то, чего не пытались еще осуществить самые смелые путешественники, тогда другое дело.
But the 37th parallel cuts only through the province of Victoria, quite an English country, with roads and railways, and well populated almost everywhere.	А тридцать седьмая параллель проходит через провинцию Виктория, через английские владения, почти везде заселенные, с дорогами, поездами.
It is a journey you might make, almost, in a chaise, though a wagon would be better.	Такое путешествие можно совершить даже в коляске, а еще лучше на телеге.
It is a mere trip from London to Edinburgh, nothing more."	Это все равно что прогулка из Лондона в Эдинбург, не больше.
"What about wild beasts, though?" asked Glenarvan, anxious to go into all the difficulties of the proposal.	- А хищные звери? - заметил Гленарван, желая предусмотреть все заранее.
"There are no wild beasts in Australia."	- В Австралии нет хищных зверей.
"And how about the savages?"	- А дикари?
"There are no savages in this latitude, and if there were, they are not cruel, like the New Zealanders."	- Дикарей под этой широтой нет, и, во всяком случае, они не так свирепы, как новозеландцы.
"And the convicts?"	- А каторжники?

"There are no convicts in the southern provinces, only in the eastern colonies.	- В южных провинциях Австралии их нет. Их много лишь в восточных колониях.
The province of Victoria not only refused to admit them, but passed a law to prevent any ticket-of-leave men from other provinces from entering her territories.	Провинция же Виктория не только не принимает каторжников, но даже издала закон, не допускающий на ее территорию людей, отбывших наказание в других провинциях.
This very year the Government threatened to withdraw its subsidy from the Peninsular Company if their vessels continued to take in coal in those western parts of Australia where convicts are admitted. What! Don't you know that, and you an Englishman?"	Еще в этом году власти провинции Виктория грозили одной пароходной компании прекратить выдачу ей субсидии, если та будет продолжать погрузку угля в портах западного побережья, где разрешается проживать ссыльным... Удивительно, что вы, англичанин, этого не знаете!
"In the first place, I beg leave to say I am not an Englishman," replied Glenarvan. "What M. Paganel says is perfectly correct," said Paddy O'Moore. "Not only the province of Victoria, but also Southern Australia, Queensland, and even Tasmania, have agreed to expel convicts from their territories.	- Прежде всего я не англичанин, - ответил Гленарван.
Ever since I have been on this farm, I have never heard of one in this Province."	- То, что сказал мистер Паганель, совершенно верно, - заявил Падди О'Мур. - Не только провинция Виктория, но и вся Южная Австралия, Квинсленд и даже Тасмания - все они не допускают к себе бывших каторжников.
"And I can speak for myself. I have never come across one."	С тех пор как я живу на этой ферме, я не слыхал ни об одном из них.
"You see then, friends," went on Jacques Paganel, "there are few if any savages, no ferocious animals, no convicts, and there are not many countries of Europe for which you can say as much. Well, will you go?"	- Я тоже никогда ни одного не встречал, - заметил Айртон.
"What do you think, Helena?" asked Glenarvan.	- Как видите, друзья мои, - продолжал Жак Паганель, - в этих краях очень мало дикарей, совсем нет ни хищных зверей, ни каторжников, а ведь немного мест найдется в Европе, о которых можно было бы сказать то же самое... Итак, решено?
"What we all think, dear Edward," replied Lady Helena, turning toward her companions; "let us be off at once."	- Что скажете, Элен? - обратился к жене Гленарван.
CHAPTER VIII PREPARATION FOR THE JOURNEY	- То, что готов сказать каждый из нас, дорогой Эдуард, - ответила она, поворачиваясь к остальным путешественникам. - В дорогу! В дорогу!
GLENARVAN never lost much time between adopting an idea and carrying it out.	Глава VIII ОТЪЕЗД
As soon as he consented to Paganel's proposition, he gave immediate orders to make arrangements for the journey with as little delay as possible.	Не в обычае Гленарвана было тратить много времени между принятием решения и его выполнением. Как только предложение Паганеля было одобрено, Гленарван тотчас распорядился как можно скорее готовиться к путешествию.

The time of starting was fixed for the 22d of December, the next day but one.	День отъезда был назначен на послезавтра, 22 декабря.
What results might not come out of this journey.	Чего можно было ожидать от этого перехода через Австралию?
The presence of Harry Grant had become an indisputable fact, and the chances of finding him had increased.	Раз было бесспорно, что капитан Грант здесь, экспедиция могла дать существенные результаты. Она увеличивала благоприятные шансы.
Not that anyone expected to discover the captain exactly on the 37th parallel, which they intended strictly to follow, but they might come upon his track, and at all events, they were going to the actual spot where the wreck had occurred.	Правда, никто не обольщал себя надеждой найти капитана Гранта именно на тридцать седьмой параллели, которой было решено в точности придерживаться, но можно было ожидать, что обнаружатся какие-нибудь следы пребывания Гарри Гранта, и, во всяком случае, параллель эта вела прямо к месту кораблекрушения.
That was the principal point.	А это было самым главным.
Besides, if Ayrton consented to join them and act as their guide through the forests of the province of Victoria and right to the eastern coast, they would have a fresh chance of success.	Если бы еще Айртон согласился присоединиться к путешественникам и, указывая им дорогу в лесах провинции Виктория, довел их до восточного побережья, это дало бы лишний шанс на успех.
Glenarvan was sensible of this, and asked his host whether he would have any great objection to his asking Ayrton to accompany them, for he felt particularly desirous of securing the assistance of Harry Grant's old companion.	Гленарван понимал это и потому, стремясь заполучить в помощники бывшего спутника Гарри Гранта, спросил хозяина дома, не будет ли тот недоволен, если он предложит Айртону сопровождать их.
Paddy O'Moore consented, though he would regret the loss of his excellent servant.	Падди О'Мур заявил, что ничего не будет иметь против этого, хотя и очень жалеет, что лишается такого превосходного работника.
"Well, then, Ayrton, will you come with us in our search expedition?"	- Что ж, Айртон, согласны ли вы принять участие в наших поисках потерпевших крушение на "Британии"?
Ayrton did not reply immediately.	Айртон не сразу ответил на этот вопрос.
He even showed signs of hesitation; but at last, after due reflection, said,	Казалось даже, что несколько минут он колебался, но затем, подумав, сказал:
"Yes, my Lord, I will go with you, and if I can not take you to Captain Grant, I can at least take you to the very place where his ship struck."	- Хорошо, милорд, я отправлюсь с вами, и если даже мне не удастся навести вас на следы капитана Гранта, то все же я доведу вас до того места, где разбилось его судно.
"Thanks, Ayrton."	- Спасибо, Айртон, - промолвил Гленарван.
"One question, my Lord."	- Разрешите, милорд, задать вам один вопрос.
"Well?"	- Говорите, мой друг!
"Where will you meet the DUNCAN again?"	- Где встретитесь вы с "Дунканом"?
"At Melbourne, unless we traverse the whole continent from coast to coast."	- В Мельбурне, если нам не понадобится пересекать всю Австралию от берега до берега, или на восточном побережье, если наши поиски приведут туда.
"But the captain?"	- А как же капитан...

"The captain will await my instructions in the port of Melbourne."	- Капитан будет ждать моих распоряжений в порту Мельбурна.
"You may depend on me then, my Lord."	- Что ж, милорд, - сказал Айртон, - рассчитывайте на меня.
"I will, Ayrton."	- Буду рассчитывать, Айртон, - ответил Гленарван.
The quartermaster was warmly thanked by the passengers of the DUNCAN, and the children loaded him with caresses.	Пассажиры "Дункана" горячо поблагодарили боцмана. Дети капитана не знали, как выказать ему свою нежность.
Everyone rejoiced in his decision except the Irishman, who lost in him an intelligent and faithful helper.	Все радовались решению Айртона, за исключением ирландца, терявшего умного и надежного помощника.
But Paddy understood the importance Glenarvan attached to the presence of the man, and submitted.	Но Падди О'Мур понял, какое значение придавал Гленарван участию боцмана в экспедиции, и потому примирился с этой утратой. Гленарван поручил ирландцу снабдить экспедицию средствами передвижения для путешествия через Австралию.
The whole party then returned to the ship, after arranging a rendezvous with Ayrton, and ordering him to procure the necessary means of conveyance across the country.	Заключив эту сделку и условившись с Айртоном, путешественники направились обратно на яхту. Возвращались весело. Все изменилось, колебаниям не было места. Теперь отважной экспедиции не придется вести вслепую поиски вдоль тридцать седьмой параллели. Гарри Грант находится на этом материке, это несомненно, и сердца всех были переполнены радостью, как обычно бывает, когда вслед за сомнениями является уверенность. Через два месяца - при благоприятных обстоятельствах - "Дункан" высадит Гарри Гранта на берег Шотландии.
When John Mangles supported the proposition of Paganel, he took for granted that he should accompany the expedition.	Когда Джон Манглс поддерживал предложение Паганеля совершить переход через Австралию, он, конечно, надеялся, что на этот раз и сам присоединится к пассажирам.
He began to speak to Glenarvan at once about it, and adduced all sorts of arguments to advance his cause-his devotion to Lady Helena and his Lordship, how useful could he be in organizing the party, and how useless on board the DUNCAN; everything, in fact, but the main reason, and that he had no need to bring forward.	Заведя на эту тему разговор с Гленарваном, он привел всевозможные доводы в пользу своего участия в экспедиции: говорил, как он предан леди Элен и самому Гленарвану, как полезен он будет при организации каравана и как бесполезно сейчас его присутствие как капитана на "Дункане". Словом, Джон Манглс привел множество всяких соображений, за исключением самого важного, которое и не понадобилось, чтобы убедить Гленарвана.
"I'll only ask you one question, John," said Glenarvan. "Have you entire confidence in your chief officer?"	- Один только вопрос, Джон, - сказал Гленарван, выслушав молодого капитана, - вполне ли вы доверяете своему помощнику?
"Absolute," replied Mangles, "Tom Austin is a good sailor.	- Вполне, - ответил Джон Манглс. - Том Остин хороший моряк.

He will take the ship to her destination, see that the repairs are skilfully executed, and bring her back on the appointed day.	Он доведет "Дункан" до Мельбурна, умело произведет ремонт, а затем приведет судно куда нужно, в назначенный день.
Tom is a slave to duty and discipline.	Том - человек долга и дисциплины.
Never would he take it upon himself to alter or retard the execution of an order.	Он никогда не решится отступить от приказа или выполнить его с опозданием.
Your Lordship may rely on him as on myself."	Вы можете положиться на него совершенно так же, как и на меня, милорд.
"Very well then, John," replied Glenarvan. "You shall go with us, for it would be advisable," he added, smiling, "that you should be there when we find Mary Grant's father."	- Решено, Джон, вы отправляетесь с нами, - сказал Гленарван, а затем, улыбаясь, добавил: - Ведь лучше, чтобы вы присутствовали, когда мы разыщем отца Мери Грант.
"Oh! your Lordship," murmured John, turning pale.	- О, милорд! - пробормотал Джон Манглс.
He could say no more, but grasped Lord Glenarvan's hand.	Это все, что смог произнести молодой капитан. Побледнев, он сжал протянутую ему Гленарваном руку.
Next day, John Mangles and the ship's carpenter, accompanied by sailors carrying provisions, went back to Paddy O'Moore's house to consult the Irishman about the best method of transport.	На следующий день Джон Манглс в сопровождении плотника и матросов, несших съестные припасы, снова отправился в усадьбу Падди О'Мура. Он должен был заняться вместе с ирландцем организацией транспорта для экспедиции.
All the family met him, ready to give their best help.	Вся семья колониста ждала его, готовая начать работать по его указанию.
Ayrton was there, and gave the benefit of his experience.	Айртон тоже был здесь и не скупился на советы, подсказанные опытом.
On one point both he and Paddy agreed, that the journey should be made in a bullock-wagon by the ladies, and that the gentlemen should ride on horseback.	Падди с Айртоном сошлись на том, что женщинам следует ехать в повозке, запряженной быками, а мужчинам - верхом на лошадях.
Paddy could furnish both bullocks and vehicle.	Ирландец взялся снабдить экспедицию как животными, так и повозкой.
The vehicle was a cart twenty feet long, covered over by a tilt, and resting on four large wheels without spokes or felloes, or iron tires-in a word, plain wooden discs.	Повозка была длиной в двадцать футов, с брезентовым верхом. Четыре колеса ее были сделаны из сплошного дерева, без спиц, без ободов, без железных обручей - словом, это были просто деревянные диски.
The front and hinder part were connected by means of a rude mechanical contrivance, which did not allow of the vehicle turning quickly. There was a pole in front thirty-five feet long, to which the bullocks were to be yoked in couples.	Передний ход, отстоявший на большом расстоянии от заднего, был прикреплен довольно первобытным способом, так что сразу повернуть повозку было невозможно; к этому переднему ходу было приделано длиннейшее, в тридцать пять футов, дышло; в него впрягались три пары быков.
These animals were able to draw both with head and neck, as their yoke was fastened on the nape of the neck, and to this a collar was attached by an iron peg.	Они тянули повозку, запряженные ярмом и прикрепленным к нему железной чекой шейным кольцом.

It required great skill to drive such a long, narrow, shaky concern, and to guide such a team by a goad; but Ayrton had served his apprenticeship to it on the Irishman's farm, and Paddy could answer for his competency.	Нужна была большая ловкость, чтобы управлять этой узкой, длинной и валкой колымагой и править быками с помощью одной только остроконечной палки. Но Айртон постиг это искусство на здешней ирландской ферме, и Падди ручался за его ловкость.
The role of conductor was therefore assigned to him.	Поэтому Айртону и были поручены обязанности возницы.
There were no springs to the wagon, and, consequently, it was not likely to be very comfortable; but, such as it was, they had to take it.	Повозка без всяких рессор была, конечно, малоудобна, но приходилось принять ее такой, какова она есть.
But if the rough construction could not be altered, John Mangles resolved that the interior should be made as easy as possible.	Джон Манглс, не в силах изменить что-либо в топорном строении колымаги, постарался устроить все поудобнее хотя бы внутри.
His first care was to divide it into two compartments by a wooden partition.	Прежде всего он разделил ее дощатой перегородкой на два отделения.
The back one was intended for the provisions and luggage, and M. Olbinett's portable kitchen. The front was set apart especially for the ladies, and, under the carpenter's hands, was to be speedily converted into a comfortable room, covered with a thick carpet, and fitted up with a toilet table and two couches.	Заднее предназначалось для хранения съестных припасов, багажа и походной кухни мистера Олбинета, переднее же отделение должно было всецело поступить в распоряжение путешественниц. Плотник превратил его в уютную комнатку, с толстым ковром на полу, туалетным столиком и двумя диванчиками для леди Элен и Мери Грант.
Thick leather curtains shut in this apartment, and protected the occupants from the chilliness of the nights.	Ночью для защиты от холода можно было опускать плотные кожаные занавеси.
In case of necessity, the gentlemen might shelter themselves here, when the violent rains came on, but a tent was to be their usual resting-place when the caravan camped for the night.	В крайнем случае и мужчины могли укрыться там во время ливней, но обычно они должны были ночевать в палатке.
John Mangles exercised all his ingenuity in furnishing the small space with everything that the two ladies could possibly require, and he succeeded so well, that neither Lady Helena nor Mary had much reason to regret leaving their cosy cabins on board the DUNCAN.	Джон Манглс умудрился собрать в этом маленьком помещении все вещи, необходимые для обеих женщин. Леди Элен и Мери Грант не пришлось слишком жалеть о комфортабельных каютах на "Дункане".
For the rest of the party, the preparations were soon made, for they needed much less.	С мужчинами дело было проще.
Strong horses were provided for Lord Glenarvan, Paganel, Robert Grant, McNabbs, and John Mangles; also for the two sailors, Wilson and Mulrady, who were to accompany their captain.	Приготовили семь лошадей: для лорда Гленарвана, Паганеля, Роберта Гранта, Мак-Наббса, Джона Манглса и двух матросов - Вильсона и Мюльреди, сопровождавших своего хозяина и в этой новой экспедиции.
Ayrton's place was, of course, to be in front of the wagon, and M. Olbinett, who did not much care for equitation, was to make room for himself among the baggage.	Айртону предстояло занять место на козлах колымаги, а мистер Олбинет, не прельщавшийся перспективой верховой езды, мог прекрасно устроиться в багажном отделении.

Horses and bullocks were grazing in the Irishman's meadows, ready to fetch at a moment's notice.	Лошади и быки паслись на лугах фермы, и к моменту отъезда их легко можно было собрать.
After all arrangements were made, and the carpenter set to work, John Mangles escorted the Irishman and his family back to the vessel, for Paddy wished to return the visit of Lord Glenarvan.	Дав указания плотнику и обо всем распорядившись, Джон Манглс отправился обратно на "Дункан" вместе с ирландским семейством, пожелавшим посетить лорда Гленарвана.
Ayrton thought proper to go too, and about four o'clock the party came over the side of the DUNCAN.	Айртон тоже решил присоединиться к ним. Около четырех часов пополудни Джон и его спутники уже были на борту "Дункана".
They were received with open arms.	Гостей приняли с распростертыми объятиями.
Glenarvan would not be outstripped in politeness, and invited his visitors to stop and dine.	Гленарван пригласил всех отобедать на яхте: он не захотел остаться в долгу у гостеприимных австралийцев.
His hospitality was willingly accepted.	Те с удовольствием приняли его приглашение.
Paddy was quite amazed at the splendor of the saloon, and was loud in admiration of the fitting up of the cabins, and the carpets and hangings, as well as of the polished maple-wood of the upper deck.	Меблировка кают, обои, стенные ковры и вся надводная часть яхты, отделанная кленом и палисандровым деревом, - все это привело в восторг Падди О'Мура.
Ayrton's approbation was much less hearty, for he considered it mere costly superfluity.	Айртон же, наоборот, отнесся довольно равнодушно ко всей этой дорогостоящей роскоши.
But when he examined the yacht with a sailor's eye, the quartermaster of the BRITANNIA was as enthusiastic about it as Paddy.	Зато боцман "Британии" осмотрел яхту с точки зрения мореплавателя.
He went down into the hold, inspected the screw department and the engine-room, examining the engine thoroughly, and inquired about its power and consumption.	Он спустился до самого дна трюма, побывал там, где помещается винт, и в машинном отделении, осведомился о мощности машины, о том, сколько ей нужно топлива.
He explored the coal-bunkers, the store-room, the powder-store, and armory, in which last he seemed to be particularly attracted by a cannon mounted on the forecastle.	Он обследовал угольные ямы, запасы продовольствия и пороха. Он особенно заинтересовался запасами оружия и пушкой, поставленной на баке, ее дальнобойностью.
Glenarvan saw he had to do with a man who understood such matters, as was evident from his questions.	Гленарван имел дело с опытным моряком. Он увидел это по тем специальным вопросам, которые задавал Айртон.
Ayrton concluded his investigations by a survey of the masts and rigging.	Боцман закончил свой обход осмотром мачт и такелажа.
"You have a fine vessel, my Lord," he said after his curiosity was satisfied.	- Красивое у вас судно, милорд, - сказал он.
"A good one, and that is best," replied Glenarvan.	- Хорошее судно, это главное, - ответил Гленарван.
"And what is her tonnage?"	- А каков его тоннаж?
"Two hundred and ten tons."	- Двести десять тонн.

"I don't think I am far out," continued Ayrton, "in judging her speed at fifteen knots. I should say she could do that easily."	- Кажется, я не очень ошибусь, если скажу, что "Дункан", идя полным ходом, легко делает пятнадцать узлов.
"Say seventeen," put in John Mangles, "and you've hit the mark."	- Прибавьте еще два, - отозвался Джон Манглс, - и вы не ошибетесь.
"Seventeen!" exclaimed the quartermaster. "Why, not a man-of-war-not the best among them, I mean-could chase her!"	- Семнадцать! - воскликнул боцман. - Так, значит, ни одно военное судно - даже из самых лучших - не угонится за ним?
"Not one," replied Mangles.	- Ни одно! - заявил капитан. -
"The DUNCAN is a regular racing yacht, and would never let herself be beaten."	"Дункан" - настоящая гоночная яхта, и он не даст обогнать себя.
"Even at sailing?" asked Ayrton.	- Даже под парусами?
"Even at sailing."	- Даже под парусами.
"Well, my Lord, and you too, captain," returned Ayrton, "allow a sailor who knows what a ship is worth, to compliment you on yours."	- Ну тогда, милорд, и вы, капитан, примите поздравления моряка, знающего цену хорошему судну.
"Stay on board of her, then, Ayrton," said Glenarvan; "it rests with yourself to call it yours."	- Рад слышать это, Айртон, - ответил Гленарван. - Оставайтесь на нашем судне, и если вы захотите, оно станет и вашим.
"I will think of it, my Lord," was all Ayrton's reply.	- Подумаю об этом, милорд, - просто ответил боцман.
Just then M. Olbinett came to announce dinner, and his Lordship repaired with his guests to the saloon.	Появившийся в эту минуту мистер Олбинет доложил, что обед подан. Гленарван со своими гостями направился в кают - компанию.
"That Ayrton is an intelligent man," said Paganel to the Major.	- Этот Айртон - умный малый, - заметил Паганель, обращаясь к майору.
"Too intelligent!" muttered McNabbs, who, without any apparent reason, had taken a great dislike to the face and manners of the quartermaster.	- Слишком умный, - тихо отозвался Мак-Наббс. Майору, без всяких, впрочем, оснований, не нравилось лицо боцмана и его манера держать себя.
During the dinner, Ayrton gave some interesting details about the Australian continent, which he knew perfectly.	Во время обеда Айртон, прекрасно знавший Австралийский материк, рассказал о нем много интересных подробностей.
He asked how many sailors were going to accompany the expedition, and seemed astonished to hear that only two were going. He advised Glenarvan to take all his best men, and even urged him to do it, which advice, by the way, ought to have removed the Major's suspicion.	Между прочим, он спросил Гленарвана, сколько матросов берет он с собой в экспедицию. Услыхав, что только двоих - Мюльреди и Вильсона, - он, видимо, был удивлен и стал советовать Гленарвану сформировать целый отряд из лучших матросов "Дункана". Он даже настаивал на этом, что, кстати сказать, - должно было рассеять последние подозрения майора.
"But," said Glenarvan, "our journey is not dangerous, is it?"	- Но ведь наше путешествие в Южную Австралию не представляет никакой опасности? - проговорил Гленарван.
"Not at all," replied Ayrton, quickly.	- Никакой, - поспешил подтвердить Айртон.

"Well then, we'll have all the men we can on board.	- Тогда надо оставить на судне как можно больше народа.
Hands will be wanted to work the ship, and to help in the repairs.	Люди понадобятся, чтобы вести "Дункан" под парусами в Мельбурн, чтобы ремонтировать его.
Besides, it is of the utmost importance that she should meet us to the very day, at whatever place may be ultimately selected.	Очень важно, чтобы яхта могла без опоздания прибыть в то место, которое ей будет назначено.
Consequently, we must not lessen her crew."	Поэтому не будем сокращать его команду.
Ayrton said nothing more, as if convinced his Lordship was right.	Айртон, по-видимому, понял соображения Гленарвана и больше не настаивал.
When evening came, Scotch and Irish separated.	Наступил вечер, и ирландцы распрощались с шотландцами.
Ayrton and Paddy O'Moore and family returned home.	Айртон и семья Падди О'Мура вернулись на ферму.
Horses and wagons were to be ready the next day, and eight o'clock in the morning was fixed for starting.	Лошади и повозка должны были быть готовы к следующему дню. Отъезд назначили на восемь часов утра.
Lady Helena and Mary Grant soon made their preparations.	Леди Элен и Мери Грант занялись последними приготовлениями.
They had less to do than Jacques Paganel, for he spent half the night in arranging, and wiping, and rubbing up the lenses of his telescope.	Сборы были недолгие, а главное, менее кропотливые, чем сборы Жака Паганеля. Ученый до поздней ночи развинчивал стекла своей подзорной трубы, вытирал их, затем снова свинчивал.
Of course, next morning he slept on till the Major's stentorian voice roused him.	Поэтому утро застало его спящим. Майор зычным голосом разбудил его.
The luggage was already conveyed to the farm, thanks to John Mangles, and a boat was waiting to take the passengers.	Джон Манглс уже отправил багаж на ферму. Шлюпка ждала путешественников; они быстро разместились в ней.
They were soon seated, and the young captain gave his final orders to Tom Austin, his chief officer.	Молодой капитан отдавал последние распоряжения Тому Остину.
He impressed upon him that he was to wait at Melbourne for Lord Glenarvan's commands, and to obey them scrupulously, whatever they might be.	Он особенно настаивал на том, чтобы его помощник ждал приказаний Гленарвана в Мельбурне и, каковы бы они ни были, выполнил их самым точным образом.
The old sailor told John he might rely on him, and, in the name of the men, begged to offer his Lordship their best wishes for the success of this new expedition.	Старый моряк заверил Джона Манглса, что тот может на него положиться. Затем от имени всей команды Том Остин пожелал Гленарвану успеха в его экспедиции.
A storm of hurrahs burst forth from the yacht as the boat rowed off.	Шлюпка отвалила от трапа под громовое "ура" команды.
In ten minutes the shore was reached, and a quarter of an hour afterward the Irishman's farm.	Через десять минут она пристала к берегу, а еще через четверть часа путешественники были уже на ирландской ферме.
All was ready.	Здесь все было готово.

Lady Helena was enchanted with her installation.	Леди Элен пришла в восторг от своего жилища.
The huge chariot, with its primitive wheels and massive planks, pleased her particularly.	Огромная повозка из массивных досок и с первобытными колесами очень понравилась ей.
The six bullocks, yoked in pairs, had a patriarchal air about them which took her fancy.	Шесть впряженных попарно быков своим патриархальным видом весьма подходили к ней.
Ayrton, goad in hand, stood waiting the orders of this new master.	Айртон, держа в руках заостренную длинную палку, ждал приказаний своего нового хозяина.
"My word," said Paganel, "this is a famous vehicle; it beats all the mail-coaches in the world.	- Черт возьми, - воскликнул Паганель, - какой чудесный экипаж!
I don't know a better fashion of traveling than in a mountebank's caravan-a movable house, which goes or stops wherever you please. What can one wish better?	Ни одна почтовая карета в мире не сравнится с ней. Я не знаю лучшего способа бродить по свету! Дом, который трогается с места, движется, останавливается, когда вам заблагорассудится, - чего можно пожелать лучшего?
The Samaratians understood that, and never traveled in any other way."	Это некогда поняли сарматы и путешествовали только так.
"Monsieur Paganel," said Lady Helena, "I hope I shall have the pleasure of seeing you in my SALONS."	- Господин Паганель, - обратилась к нему леди Элен, - надеюсь, я буду иметь удовольствие видеть вас в моем салоне?
"Assuredly, madam, I should count it an honor.	- Конечно, мадам! Почту за честь.
Have you fixed the day?"	Какой ваш приемный день?
"I shall be at home every day to my friends," replied Lady Helena; "and you are-"	- Я буду дома для своих друзей ежедневно, - смеясь, ответила леди Элен, - а вы...
"The most devoted among them all," interrupted Paganel, gaily.	- ... самый преданный из них, мадам, - галантно ответил Паганель.
These mutual compliments were interrupted by the arrival of the seven horses, saddled and ready.	Этот обмен любезностями был прерван появлением семи уже оседланных и взнузданных лошадей.
They were brought by Paddy's sons, and Lord Glenarvan paid the sum stipulated for his various purchases, adding his cordial thanks, which the worthy Irishman valued at least as much as his golden guineas.	Их привел один из сыновей Падди О'Мура. Гленарван уплатил ирландцу-фермеру за все, что было приобретено у него, и горячо поблагодарил его, а это для честного колониста было не менее ценно, чем полученные золотые гинеи.
The signal was given to start, and Lady Helena and Mary took their places in the reserved compartment. Ayrton seated himself in front, and Olbinett scrambled in among the luggage.	Была дана команда к отъезду. Леди Элен и Мери заняли места в своем купе, Айртон - на козлах, а мистер Олбинет - в задней части повозки.
The rest of the party, well armed with carbines and revolvers, mounted their horses.	Гленарван, майор, Паганель, Роберт, Джон Манглс и оба матроса сели на лошадей. Все они были вооружены карабинами и револьверами. - С богом! - крикнул Падди О'Мур, а за ним хором вся его семья.
Ayrton gave a peculiar cry, and his team set off.	Айртон издал особый возглас и тронул быков длинной палкой.

The wagon shook and the planks creaked, and the axles grated in the naves of the wheels; and before long the hospitable farm of the Irishman was out of sight.	Повозка тронулась, доски ее затрещали, оси в ступицах колес заскрипели, и вскоре гостеприимная ферма славного ирландца скрылась за поворотом дороги.
CHAPTER IX A COUNTRY OF PARADOXES	Глава IX ПРОВИНЦИЯ ВИКТОРИЯ
IT was the 23d of December, 1864, a dull, damp, dreary month in the northern hemisphere; but on the Australian continent it might be called June.	Было 22 декабря 1864 года. Декабрь, такой унылый и хмурый в Северном полушарии, должен был бы называться июнем на Австралийском материке.
The hottest season of the year had already commenced, and the sun's rays were almost tropical, when Lord Glenarvan started on his new expedition.	Ведь с астрономической точки зрения, здесь два дня назад наступило лето: начиная с 21-го, когда солнце достигло тропика Козерога, оно с каждым днем бывало над горизонтом на несколько минут меньше. Таким образом, это новое путешествие Гленарвана должно было совершиться в самое жаркое время года, под почти тропическими лучами солнца. Совокупность английских владений в этой части Тихого океана носит название Австралазии. Сюда входят Новая Голландия, Тасмания, Новая Зеландия и несколько соседних островов. Сам же Австралийский материк делится на несколько обширных колоний-провинций, очень отличающихся друг от друга по величине и по природным богатствам. При взгляде на современную карту Австралии бросается в глаза прямолинейность границ австралийских провинций - очевидно, англичане проводили их чисто условно, нисколько не сообразуясь ни с рельефом, ни с течением рек, ни с различием климата, ни с разноплеменностью населения. Эти колонии примыкают друг к другу, как кусочки мозаики правильной формы. Во всех этих прямых линиях и углах чувствуется рука не столько географа, сколько геометра. Природа берет свое только в пленительной неправильности очертаний берегов с их разнообразными изгибами, бухтами, мысами, заливами. Это сходство между картой Австралии и шахматной доской вызвало заслуженные насмешки Жака Паганеля. Если бы Австралия была французской колонией, то уж французские географы не проявили бы такой страсти к угольнику и рейсфедеру. Обширный австралийский остров делится в настоящее время на шесть колоний-провинций: Новый Южный Уэльс, столица - Сидней; Квинсленд, столица - Брисбен; Виктория, столица - Мельбурн; Южная Австралия, столица - Аделаида; Западная Австралия, столица - Перт; и, наконец, Северная территория, пока не имеющая столицы. Колонистами заселены лишь побережья. Почти нет сколько-нибудь значительных городов дальше двухсот миль в глубь страны. Центральная же часть материка, равная по величине двум третям Европы, еще почти не исследована.

Most fortunately the 37th parallel did not cross the immense deserts, inaccessible regions, which have cost many martyrs to science already.	К счастью, тридцать седьмая параллель не проходит через эти беспредельные пустыни, через эти недоступные области, уже стоившие науке стольких жертв.
Glenarvan could never have encountered them.	Гленарван не смог бы их преодолеть.
He had only to do with the southern part of Australia-viz., with a narrow portion of the province of Adelaide, with the whole of Victoria, and with the top of the reversed triangle which forms New South Wales.	На его пути, проходившем только через юг Австралии, лежали небольшая часть провинции Южная Австралия, затем вся провинция Виктория и, наконец, вершина опрокинутого треугольника, который представляет собой провинция Новый Южный Уэльс.
It is scarcely sixty-two miles from Cape Bernouilli to the frontiers of Victoria.	От мыса Бернулли до границы провинции Виктория - около шестидесяти двух миль.
It was not above a two days' march, and Ayrton reckoned on their sleeping next night at Apsley, the most westerly town of Victoria.	Это расстояние можно было свободно покрыть в два дня, и Айртон рассчитывал к вечеру следующего дня уже расположиться на ночлег в Апли, самом западном городе Виктории.
The commencement of a journey is always marked by ardor, both in the horses and the horsemen.	Обычно в начале всякого путешествия и всадники и лошади рвутся вперед.
This is well enough in the horsemen, but if the horses are to go far, their speed must be moderated and their strength husbanded.	Воодушевление первых было только похвально, но прыть вторых понадобилось умерить. Кому предстоит далекий путь, тот должен беречь силы своей лошади.
It was, therefore, fixed that the average journey every day should not be more than from twenty-five to thirty miles.	Поэтому было решено проезжать в среднем не больше двадцати пяти - тридцати миль в день.
Besides, the pace of the horses must be regulated by the slower pace of the bullocks, truly mechanical engines which lose in time what they gain in power.	К тому же приходилось соразмерять бег лошадей с медленным шагом быков - этих настоящих живых машин, выигрывающих в силе то, что они теряют во времени.
The wagon, with its passengers and provisions, was the very center of the caravan, the moving fortress.	Повозка с пассажирами и провиантом была ядром экспедиции, ее движущейся крепостью.
The horsemen might act as scouts, but must never be far away from it.	Всадники могли разъезжать по сторонам, но не должны были слишком от нее удаляться.
As no special marching order had been agreed upon, everybody was at liberty to follow his inclinations within certain limits.	Вообще, так как для всадников не было установлено никакого определенного порядка езды, каждый мог до известной степени действовать по своему усмотрению.
The hunters could scour the plain, amiable folks could talk to the fair occupants of the wagon, and philosophers could philosophize.	Охотники рыскали по равнине за дичью, любезные кавалеры беседовали с ехавшими в повозке дамами, философы философствовали.
Paganel, who was all three combined, had to be and was everywhere at once.	Паганель, совмещавший в себе все эти качества, должен был поспевать повсюду разом.
The march across Adelaide presented nothing of any particular interest.	Переезд через провинцию Южная Австралия оказался неинтересным.

A succession of low hills rich in dust, a long stretch of what they call in Australia "bush," several prairies covered with a small prickly bush, considered a great dainty by the ovine tribe, embraced many miles. Here and there they noticed a species of sheep peculiar to New Holland-sheep with pig's heads, feeding between the posts of the telegraph line recently made between Adelaide and the coast.	На протяжении нескольких миль низкие пыльные холмы чередовались с пустошами, называемыми в этом краю английским словом "bush", то есть просто "кустарник"; это луга, поросшие кустами с остроконечными солоноватыми листьями - излюбленным лакомством овец. Между столбами телеграфной линии, недавно соединившей Аделаиду с побережьем, мирно паслись овцы особой породы, встречающиеся только в Новой Голландии.
Up to this time there had been a singular resemblance in the country to the monotonous plains of the Argentine Pampas.	Эти равнины удивительно напоминали однообразные аргентинские пампасы.

There was the same grassy flat soil, the same sharply-defined horizon against the sky. McNabbs declared they had never changed countries; but Paganel told him to wait, and he would soon see a difference. And on the faith of this assurance marvelous things were expected by the whole party.	Такой же ровный травяной покров, такая же четкая линия горизонта. Мак-Наббс уверял, что они и не покидали Южной Америки. Однако Паганель утверждал, что местность скоро должна измениться, и его спутники, полагаясь на слова географа, стали ждать чего-то чудесного. В три часа отряд очутился на одной из обширных безлесных равнин, которые называют "москитными полями". Географ имел удовольствие убедиться в правильности этого названия. И путешественники, и их лошади очень страдали от непрекращавшихся укусов этих назойливых насекомых. Избежать их невозможно, но можно смягчить нашатырным спиртом из походной аптечки. Долговязый Паганель, весь исколотый жалами беспощадных москитов, выйдя из терпения, не мог удержаться от проклятий. К вечеру несколько живых изгородей из акаций придали равнине более веселый вид. Стали попадаться группы белых камедных деревьев; появились недавно проложенные колеи и растения, вывезенные из Европы: оливковые и лимонные деревья, вечнозеленые дубы; наконец, потянулись аккуратные заборы. В восемь часов вечера быки, подгоняемые палкой Айртона, добрались до "станции" Ред-Гам. Станцией здесь называют место, где разводится скот, главное богатство Австралии. Местные животноводы называются "скваттеры", то есть "сидящие на земле". И в самом деле, первое, что делает усталый колонист после скитаний по необъятным равнинам, - он садится на землю. Станция Ред-Гам была невелика, но приняли здесь Гленарвана очень радушно. Под кровом этих уединенных жилищ путешественника всегда ждет угощение, и в лице австралийского колониста он всегда находит гостеприимного хозяина. На следующий день Айртон запряг своих быков уже на рассвете. Ему хотелось в тот же день добраться до границы Виктории. Местность постепенно становилась неровной. До горизонта волнообразно тянулись холмики, усыпанные красным песком; казалось, что на равнину наброшен огромный красный флаг, складки которого раздуваются ветром. "Малли" - карликовые эвкалипты - простирали свои темно-зеленые ветви над тучными лугами, где бегало множество веселых тушканчиков. Дальше замелькали обширные заросли кустарников и молодые камедные деревца. Потом кусты стали еще гуще, деревья - выше, - это начинались уже австралийские леса. По мере приближения к границам Виктории пейзаж все более изменялся. Путешественники почувствовали себя в новой стране. Они неизменно двигались по прямой линии, и никакое препятствие на пути: ни озеро, ни гора - не

	принуждало их превратить эту линию в кривую или ломаную. Они неуклонно осуществляли на практике геометрическую теорему: двигались по кратчайшему пути между двумя точками. Не было ни усталости, ни трудностей. Всадники соразмеряли свой марш с медленным шагом быков, а эти спокойные животные хотя и не очень-то быстро передвигались, зато никогда не останавливались в пути.
In this fashion, after a march of sixty miles in two days, the caravan reached the parish of Apsley, the first town in the Province of Victoria in the Wimerra district.	Сделав, таким образом, в два дня переход в шестьдесят миль, караван прибыл 23 декабря вечером в Апли, ближайший к границе город провинции Виктория, расположенный в округе Уиммера, под сто сорок первым градусом долготы.
The wagon was put up at the Crown Inn.	Айртон остановил повозку перед харчевней, носившей, за неимением лучшей гостиницы, громкое название "Отель Короны".
Supper was soon smoking on the table. It consisted solely of mutton served up in various ways.	Был подан горячий ужин, состоявший исключительно из баранины в разных видах.
They all ate heartily, but talked more than they ate, eagerly asking Paganel questions about the wonders of the country they were just beginning to traverse.	Путешественники много ели, но еще больше разговаривали. Желая побольше узнать об особенностях Австралийского материка, спутники Паганеля засыпали его вопросами.
The amiable geographer needed no pressing, and told them first that this part of it was called Australia Felix.	Географ не заставил себя просить и охотно принялся рассказывать о провинции Виктория, называемой также Счастливой Австралией.
"Wrongly named!" he continued. "It had better have been called rich, for it is true of countries, as individuals, that riches do not make happiness.	- Неверное название! - заметил Паганель. - Было бы ближе к истине назвать эту провинцию Богатой Австралией, ибо о странах можно сказать, как и о людях: "Богатство не дает счастья".
Thanks to her gold mines, Australia has been abandoned to wild devastating adventurers.	Благодаря своим золотым приискам Австралия попала в лапы свирепых хищников-авантюристов.
You will come across them when we reach the gold fields."	Вы сами это увидите, когда мы будем проезжать через золотоносные земли.
"Is not the colony of Victoria of but a recent origin?" asked Lady Glenarvan.	- Кажется, колония Виктория существует не так давно? - спросила леди Элен.
"Yes, madam, it only numbers thirty years of existence. It was on the 6th of June, 1835, on a Tuesday-"	- Да, она основана всего каких-нибудь тридцать лет назад, а именно: шестого июня 1835 года, во вторник...
"At a quarter past seven in the evening," put in the Major, who delighted in teasing the Frenchman about his precise dates.	- ... в четверть восьмого вечера, - добавил майор, любивший подтрунивать над точностью дат, приводимых географом.
"No, at ten minutes past seven," replied the geographer, gravely, "that Batman and Falckner first began a settlement at Port Phillip, the bay on which the large city of Melbourne now stands.	- Ошибаетесь, - серьезно возразил географ. - В семь часов и десять минут Бетман и Фолкнер основали поселение Порт - Филлип у той самой бухты, где теперь раскинулся большой город Мельбурн.

For fifteen years the colony was part of New South Wales, and recognized Sydney as the capital; but in 1851, she was declared independent, and took the name of Victoria."	В течение первых пятнадцати лет эта колония входила в состав Нового Южного Уэльса и имела общую с ним столицу Сидней, но в 1851 году она была объявлена независимой и получила название "Виктория".
"And has greatly increased in prosperity since then, I believe," said Glenarvan.	- И много изменилось с тех пор? - спросил Гленарван.
"Judge for yourself, my noble friend," replied Paganel. "Here are the numbers given by the last statistics; and let McNabbs say as he likes, I know nothing more eloquent than statistics."	- Судите сами, мой друг, - ответил Паганель, - я приведу вам цифры - новейшие статистические данные. А что бы ни говорил Мак-Наббс, я ничего не знаю более красноречивого, чем цифры.
"Go on," said the Major.	- Ну давайте, - сказал майор.
"Well, then, in 1836, the colony of Port Phillip had 224 inhabitants. To-day the province of Victoria numbers 550,000.	- Начинаю. В 1836 году колония Порт-Филлип насчитывала двести сорок четыре жителя, а в настоящее время население провинции Виктория достигло пятисот пятидесяти тысяч человек.
Seven millions of vines produce annually 121,000 gallons of wine.	Семь миллионов виноградных лоз приносят ей ежегодно сто двадцать одну тысячу галлонов вина.
There are 103,000 horses spreading over the plains, and 675,272 horned cattle graze in her wide-stretching pastures."	Сто три тысячи лошадей носятся по ее равнинам, и шестьсот семьдесят пять тысяч двести семьдесят две головы рогатого скота пасется на ее беспредельных лугах.
"Is there not also a certain number of pigs?" inquired McNabbs.	- А свиньи здесь тоже есть? - поинтересовался Мак-Наббс.
"Yes, Major, 79,625."	- Да, майор. С вашего позволения, их здесь семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать пять.
"And how many sheep?"	- А сколько овец, Паганель?
"7,115,943, McNabbs."	- Семь миллионов сто пятьдесят тысяч девятьсот сорок три, Мак-Наббс!
"Including the one we are eating at this moment."	- Считая и барана, которого мы в данную минуту едим, Паганель?
"No, without counting that, since it is three parts devoured."	- Нет, без него: ведь три четверти его мы уже уничтожили.
"Bravo, Monsieur Paganel," exclaimed Lady Helena, laughing heartily. "It must be owned you are posted up in geographical questions, and my cousin McNabbs need not try and find you tripping."	- Браво, господин Паганель! - весело смеялась леди Элен. - Надо сознаться, что вы прекрасно подкованы в географии и, сколько бы ни старался наш кузен Мак-Наббс, ему не удастся поставить вас в тупик.
"It is my calling, Madam, to know this sort of thing, and to give you the benefit of my information when you please.	- Что ж, это моя профессия - знать все это и при надобности сообщать вам.
You may therefore believe me when I tell you that wonderful things are in store for you in this strange country."	Поэтому можете поверить мне, если я скажу, что в этой необыкновенной стране нам предстоит увидеть немало чудесного.
"It does not look like it at present," said McNabbs, on purpose to tease Paganel.	- Однако до сих пор... - начал Мак-Наббс, любивший подзадорить географа.

"Just wait, impatient Major," was his rejoinder. "You have hardly put your foot on the frontier, when you turn round and abuse it.	- Да подождите же, нетерпеливый майор! - воскликнул Паганель. - Вы едва успели перешагнуть через границу, а уже ворчите.
Well, I say and say again, and will always maintain that this is the most curious country on the earth.	А я говорю, повторяю вам, клянусь вам, что этот край - самый любопытный на всем земном шаре!
Its formation, and nature, and products, and climate, and even its future disappearance have amazed, and are now amazing, and will amaze, all the SAVANTS in the world.	Его возникновение, природа, растения, животные, климат, его грядущее исчезновение - все это удивляло, удивляет и удивит всех ученых мира.
Think, my friends, of a continent, the margin of which, instead of the center, rose out of the waves originally like a gigantic ring, which encloses, perhaps, in its center, a sea partly evaporated, the waves of which are drying up daily; where humidity does not exist either in the air or in the soil; where the trees lose their bark every year, instead of their leaves; where the leaves present their sides to the sun and not their face, and consequently give no shade; where the wood is often incombustible, where good-sized stones are dissolved by the rain; where the forests are low and the grasses gigantic; where the animals are strange; where quadrupeds have beaks, like the echidna, or ornithorhynchus, and naturalists have been obliged to create a special order for them, called monotremes; where the kangaroos leap on unequal legs, and sheep have pigs' heads; where foxes fly about from tree to tree; where the swans are black; where rats make nests; where the bower-bird opens her reception-rooms to receive visits from her feathered friends; where the birds astonish the imagination by the variety of their notes and their aptness; where one bird serves for a clock, and another makes a sound like a postilion cracking of a whip, and a third imitates a knife-grinder, and a fourth the motion of a pendulum; where one laughs when the sun rises, and another cries when the sun sets!	Представьте себе, друзья мои, материк, который, образовываясь, поднимался из морских волн не своей центральной частью, а краями, как какое-то гигантское кольцо; материк, в середине которого есть, быть может, наполовину испарившееся внутреннее море; где реки с каждым днем все больше и больше высыхают; где нет влаги ни в воздухе, ни в почве; где деревья ежегодно теряют не листья, а кору; где листья обращены к солнцу не поверхностью, а ребром и не дают тени; где растут огнестойкие леса; где каменные плиты тают от дождя; где деревья низкорослы, а травы гигантской вышины; где животные необычны; где у четвероногих имеются клювы, например у ехидны и утконоса, что заставило ученых выделить их в особый класс; где у прыгуна кенгуру лапы разной длины; где у овец свиные головы; где лисицы порхают с дерева на дерево; где лебеди черного цвета; где крысы вьют себе гнезда; где птичка-шалашник строит целые беседки для своих крылатых подруг; где вообще все птицы поражают разнообразием песен и способностей: одна подражает бою часов, другая - щелканью бича почтовой кареты, третья - точильщику, четвертая отбивает секунды, точно маятник; есть такая, которая смеется утром, на восходе солнца, и такая, которая плачет вечером, на закате.
Oh, strange, illogical country, land of paradoxes and anomalies, if ever there was one on earth-the learned botanist Grimard was right when he said,	Самая причудливая, самая нелогичная страна из всех когда-либо существовавших! Земля парадоксальная, опровергающая законы природы! Ученый-ботаник Гримар имел полное основание сказать о ней:
'There is that Australia, a sort of parody, or rather a defiance of universal laws in the face of the rest of the world.'"	"Вот она, эта Австралия, какая-то пародия на мировые законы или, вернее сказать, вызов, брошенный в лицо остальному миру!"
Paganel's tirade was poured forth in the most impetuous manner, and seemed as if it were never coming to an end.	Эта тирада, стремительно произносимая Паганелем, казалось, никогда не кончится.
The eloquent secretary of the Geographical Society was no longer master of himself.	Красноречивый секретарь Географического общества уже не владел собой.

He went on and on, gesticulating furiously, and brandishing his fork to the imminent danger of his neighbors.	Он несся все вперед и вперед, отчаянно жестикулируя и при этом так размахивая вилкой, что его соседям по столу положительно грозила опасность.
But at last his voice was drowned in a thunder of applause, and he managed to stop.	Наконец голос его был заглушен громом аплодисментов, и он умолк.
Certainly after such an enumeration of Australian peculiarities, he might have been left in peace but the Major said in the coolest tone possible:	Конечно, после этого перечисления особенностей Австралии никому не пришло в голову задать географу еще какие-либо вопросы. Только майор спросил-таки своим неизменно спокойным голосом:
"And is that all, Paganel?"	- И это все, Паганель?
"No, indeed not," rejoined the Frenchman, with renewed vehemence.	- Нет, представьте, не все! - воскликнул с новым азартом ученый.
"What!" exclaimed Lady Helena; "there are more wonders still in Australia?"	- Как, в Австралии есть что-нибудь еще более удивительное? - спросила заинтригованная леди Элен.
"Yes, Madam, its climate. It is even stranger than its productions."	- Да, ее климат: он еще необычнее, чем все, что в нем растет и живет.
"Is it possible?" they all said.	- Как? - раздалось со всех сторон.
"I am not speaking of the hygienic qualities of the climate," continued Paganel, "rich as it is in oxygen and poor in azote. There are no damp winds, because the trade winds blow regularly on the coasts, and most diseases are unknown, from typhus to measles, and chronic affections."	- Я не говорю уж о том, как богат воздух Австралии кислородом и беден азотом, не говорю об отсутствии влажных ветров вследствие того, что пассаты дуют параллельно побережью; и о том, что большинство болезней, начиная от тифа и кончая корью и разными хроническими болезнями, здесь неизвестны...
"Still, that is no small advantage," said Glenarvan.	- Однако это немалое преимущество, - заметил Гленарван.
"No doubt; but I am not referring to that, but to one quality it has which is incomparable."	- Без сомнения, но, повторяю, я не это имею в виду, - ответил Паганель. - Здесь климат обладает свойством... прямо - таки неправдоподобным...
"And what is that?"	- Каким же? - спросил Джон Манглс.
"You will never believe me."	- Вы ни за что мне не поверите...
"Yes, we will," exclaimed his auditors, their curiosity aroused by this preamble.	- Поверим! - воскликнули заинтересованные слушатели.
"Well, it is-"	- Так вот, он...
"It is what?"	- Ну, что же?
"It is a moral regeneration."	- ... благотворно действует на нравственность!
"A moral regeneration?"	- На нравственность?
"Yes," replied the SAVANT, in a tone of conviction.	- Да, - с убеждением ответил ученый. - Он благотворно действует на нравственность.
"Here metals do not get rust on them by exposure to the air, nor men.	В Австралии металлы не ржавеют на воздухе, то же происходит и с людьми.

Here the pure, dry atmosphere whitens everything rapidly, both linen and souls.	Сухой и чистый воздух здесь быстро все выбеливает: и белье и души.
The virtue of the climate must have been well known in England when they determined to send their criminals here to be reformed."	В Англии подметили это свойство здешнего климата, почему и решили ссылать сюда людей для исправления.
"What! do you mean to say the climate has really any such influence?" said Lady Helena.	- Как, в самом деле такое влияние чувствуется? - спросила леди Гленарван.
"Yes, Madam, both on animals and men."	- Да, и на животных и на людях.
"You are not joking, Monsieur Paganel?"	- Вы не шутите, господин Паганель?
"I am not, Madam.	- Нет, не шучу.
The horses and the cattle here are of incomparable docility.	Австралийские лошади и рогатый скот поразительно послушны.
You see it?"	Вы сами в этом убедитесь.
"It is impossible!"	- Не может быть!
"But it is a fact.	- Но тем не менее это так.
And the convicts transported into this reviving, salubrious air, become regenerated in a few years.	Преступники, переселенные в эту живительную, оздоровляющую атмосферу, через несколько лет духовно перерождаются.
Philanthropists know this.	Это известно филантропам.
In Australia all natures grow better."	В Австралии все люди делаются лучше.
"But what is to become of you then, Monsieur Paganel, in this privileged country-you who are so good already?" said Lady Helena. "What will you turn out?"	- Но тогда каким же станете вы, господин Паганель, в этой благодатной стране, - вы, и без того такой хороший? - улыбаясь, сказала леди Элен.
"Excellent, Madam, just excellent, and that's all."	- Стану превосходным, просто превосходным! - ответил географ.
CHAPTER X AN ACCIDENT	Глава X РЕКА УИММЕРА
THE next day, the 24th of December, they started at daybreak.	На следующий день, 24 декабря, двинулись в путь на заре.
The heat was already considerable, but not unbearable, and the road was smooth and good, and allowed the cavalcade to make speedy progress.	Уже чувствовался зной, но терпимый. Дорога была почти ровной - и удобной для лошадей. Пролегала она по довольно редкому лесу.
In the evening they camped on the banks of the White Lake, the waters of which are brackish and undrinkable.	Вечером, после целого дня езды, отряд сделал привал на берегу озера Бланш с солоноватой и непригодной для питья водой.
Jacques Paganel was obliged to own that the name of this lake was a complete misnomer, for the waters were no more white than the Black Sea is black, or the Red Sea red, or the Yellow River yellow, or the Blue Mountains blue.	Жак Паганель принужден был согласиться, что это озеро не более бело, чем Черное море черно, Красное море красно, Желтая река желта, а Голубые горы голубого цвета.
However, he argued and disputed the point with all the amour propre of a geographer, but his reasoning made no impression.	Впрочем, из профессионального самолюбия географ попытался было спорить, но его доводы не имели успеха.

M. Olbinett prepared the evening meal with his accustomed punctuality, and after this was dispatched, the travelers disposed themselves for the night in the wagon and in the tent, and were soon sleeping soundly, notwithstanding the melancholy howling of the "dingoes," the jackals of Australia.	Мистер Олбинет с обычной для него аккуратностью приготовил и подал ужин. Затем путешественники - одни в повозке, другие в палатке - быстро уснули, невзирая на жалобный вой динго, этих австралийских шакалов.
A magnificent plain, thickly covered with chrysanthemums, stretched out beyond the lake, and Glenarvan and his friends would gladly have explored its beauties when they awoke next morning, but they had to start.	За озером Бланш раскинулась чудесная равнина, вся пестревшая хризантемами. Проснувшись на следующее утро, Гленарван и его спутники пришли в восторг от представшей перед их взором великолепной картины. Снова двинулись в путь.
As far as the eye could reach, nothing was visible but one stretch of prairie, enameled with flower, in all the freshness and abundance of spring.	Местность была ровная, только вдали виднелось несколько пригорков. Всюду до самого горизонта зеленела и алела цветами беспредельная равнина.
The blue flowers of the slender-leaved flax, combined with the bright hues of the scarlet acanthus, a flower peculiar to the country.	Голубые цветы мелколистного льна красиво сочетались с ярко-красными цветами медвежьих когтей.
A few cassowaries were bounding over the plain, but it was impossible to get near them.	Солончаковую почву густо покрывали серо-зеленые и красноватые цветы серебрянки, лебеды, свекловичника. Растения эти очень полезны, так как из их золы путем промывания добывается отличная сода. Паганель, который, очутившись среди цветов, сейчас же сделался ботаником, принялся называть все эти разновидности растений и, верный своему пристрастию к цифрам, не упустил случая сообщить, что австралийская флора включает четыре тысячи двести видов растений, принадлежащих к ста двадцати семействам. Быстро проехали еще с десяток миль, и вот повозка катится среди рощиц высоких акаций, мимоз и белых камедных деревьев с их разнообразными цветами. Растительное царство этих равнин, богатых источниками, благодарно воздавало ароматами и цветами за теплые лучи, которые изливало на него дневное светило. Зато царство животных представлено было более скупо. Лишь кое-где бродили по равнине эму, приблизиться к которым оказалось невозможным.
The Major was fortunate enough, however, to hit one very rare animal with a ball in the leg.	Майору все же удалось подстрелить одну из очень редких и уже исчезающих птиц.
This was the jabiru, a species which is fast disappearing, the gigantic crane of the English colonies.	Это был ябиру - гигантский аист английских колонистов.
This winged creature was five feet high, and his wide, conical, extremely pointed beak, measured eighteen inches in length.	Ростом он был пяти футов, а клюв его, черный, широкий, конической формы, очень заостренный на конце, имел восемнадцать дюймов длины.
The violet and purple tints of his head contrasted vividly with the glossy green of his neck, and the dazzling whiteness of his throat, and the bright red of his long legs.	Лилово-пурпурная окраска его головы составляла резкий контраст с лоснящейся зеленой шеей, блестящей белой грудью и ярко - красными длинными ногами.

Nature seems to have exhausted in its favor all the primitive colors on her palette.	Казалось, что природа употребила все цвета радуги на оперение ябиру.
Great admiration was bestowed on this bird, and the Major's spoil would have borne the honors of the day, had not Robert come across an animal a few miles further on, and bravely killed it. It was a shapeless creature, half porcupine, half ant-eater, a sort of unfinished animal belonging to the first stage of creation.	Путешественники залюбовались птицей, и майор был бы, конечно, героем дня, если бы юный Роберт, проехав несколько миль дальше, не встретил и не подстрелил бесстрашно какое-то бесформенное животное - нечто среднее между ежом и муравьедом, напоминавшее недоразвитое допотопное существо.
A long glutinous extensible tongue hung out of his jaws in search of the ants, which formed its principal food.	Из его сомкнутой пасти висел длинный, растягивавшийся липкий язык, которым это животное вылавливало муравьев - свою главную пищу.
"It is an echidna," said Paganel. "Have you ever seen such a creature?"	- Это ехидна, - объяснил Паганель. - Случалось ли вам когда-либо видеть подобное животное?
"It is horrible," replied Glenarvan.	- Она отвратительна! - отозвался Гленарван.
"Horrible enough, but curious, and, what's more, peculiar to Australia.	- Отвратительна, но интересна, - заметил Паганель. - К тому же она встречается только в Австралии.
One might search for it in vain in any other part of the world."	В другой части света ее не найти.
Naturally enough, the geographer wished to preserve this interesting specimen of monotremata, and wanted to stow it away in the luggage; but M. Olbinett resented the idea so indignantly, that the SAVANT was obliged to abandon his project.	Понятно, Паганелю захотелось взять мерзкую ехидну с собой, и он решил положить ее в багажное отделение, но тут мистер Олбинет запротестовал с таким негодованием, что ученый должен был отказаться от мысли сохранить для науки этого представителя австралийской фауны. В этот день путешественники достигли 141° 30' долготы. До сих пор им в пути встречалось мало колонистов и скваттеров. Местность казалась пустынной. Туземцев совсем не было видно, так как дикие племена кочуют севернее, по бесконечным пустыням, орошаемым притоками Дарлинга и Муррея. Отряду Гленарвана встретилось интересное зрелище: одно из тех колоссальных стад, которые предприимчивые торговцы пригоняют с восточных гор в провинции Виктория и Южная Австралия.
About four o'clock in the afternoon, John Mangles descried an enormous column of smoke about three miles off, gradually overspreading the whole horizon.	Около' четырех часов пополудни Джон Манглс указал своим спутникам на огромный столб пыли, поднимавшийся в трех милях впереди.
What could be the cause of this phenomenon?	Никто не мог догадаться, что означало это явление.
Paganel was inclined to think it was some description of meteor, and his lively imagination was already in search of an explanation, when Ayrton cut short all his conjectures summarily, by announcing that the cloud of dust was caused by a drove of cattle on the road.	Паганель склонен был видеть в нем какой-нибудь метеор, и пылкая фантазия ученого уже подыскивала естественное объяснение, но Айртон, не дав географу углубиться в область догадок, заявил, что пыль эту поднимает двигающееся стадо.

The quartermaster proved right, for as the cloud came nearer, quite a chorus of bleatings and neighings, and bel-lowings escaped from it, mingled with the loud tones of a human voice, in the shape of cries, and whistles, and vociferations.	Боцман был прав. Густое облако пыли все приближалось. Оттуда неслось мычание, ржание и блеяние. К этой пасторальной симфонии примешивались также - в виде криков, свиста и брани - человеческие голоса.
Presently a man came out of the cloud.	Из шумного облака появился человек.
This was the leader-in-chief of the four-footed army.	То был главный погонщик этой четвероногой армии.
Glenarvan advanced toward him, and friendly relations were speedily established between them.	Гленарван поехал к нему навстречу, и они вскоре разговорились.
The leader, or to give him his proper designation, the stock-keeper, was part owner of the drove.	Погонщик был в то же время и владельцем части этого стада.
His name was Sam Machell, and he was on his way from the eastern provinces to Portland Bay.	Звался он Сэм Мэчел и направлялся из восточных провинций к бухте Портленд.
The drove numbered 12,075 head in all, or l,000 bullocks, 11,000 sheep, and 75 horses.	Его стадо состояло из двенадцати тысяч семидесяти пяти голов: тысячи быков, одиннадцати тысяч овец и семидесяти пяти лошадей.
All these had been bought in the Blue Mountains in a poor, lean condition, and were going to be fatted up on the rich pasture lands of Southern Australia, and sold again at a great profit.	Весь этот скот, купленный худым на равнинах у Голубых гор, перегонялся теперь на тучные пастбища Южной Австралии, чтобы после откорма его можно было перепродать с большим барышом.
Sam Machell expected to get pounds 2 on each bullock, and 10s. on every sheep, which would bring him in pounds 3,750.	Сэм Мэчел, выгадывая по два фунта стерлингов с быка и по полфунта с овцы, должен был выручить кругленькую сумму в пятьдесят тысяч франков.
This was doing good business; but what patience and energy were required to conduct such a restive, stubborn lot to their destination, and what fatigues must have to be endured.	Дело, конечно, выгодное, но сколько надо было проявить терпения и энергии, чтобы довести до места назначения это норовистое стадо, сколько трудов приходилось положить на это!
Truly the gain was hardly earned.	Да, нелегко достается барыш, получаемый от этого сурового ремесла.
Sam Machell told his history in a few words, while the drove continued their march among the groves of mimosas.	В то время, как стадо Сэма Мэчела продолжало двигаться вперед через рощицы мимоз, сам он в немногих словах рассказал свою историю.
Lady Helena and Mary and the rest of the party seated themselves under the shade of a wide-spreading gum-tree, and listened to his recital.	Леди Элен, Мери Грант и всадники сошли на землю и, усевшись в тени большого камедного дерева, слушали рассказ скотопромышленника.
It was seven months since Sam Machell had started.	Сэм Мэчел был в пути уже семь месяцев.
He had gone at the rate of ten miles a day, and his interminable journey would last three months longer.	В среднем он проходил ежедневно миль десять, и его бесконечное путешествие должно было продлиться еще месяца три.
His assistants in the laborious task comprised twenty dogs and thirty men, five of whom were blacks, and very serviceable in tracking up any strayed beasts.	В трудном деле ему помогали тридцать погонщиков и двадцать собак. Среди погонщиков было пять негров, умевших замечательно отыскивать отбившихся от стада животных по следам.

Six wagons made the rear-guard.	За этой армией следовало шесть телег.
All the men were armed with stockwhips, the handles of which are eighteen inches long, and the lash nine feet, and they move about among the ranks, bringing refractory animals back into order, while the dogs, the light cavalry of the regiment, preserved discipline in the wings.	Погонщики с бичами в руках (рукоятка этих бичей была восемнадцати дюймов длины, а ремень - девяти футов) пробирались между рядами животных и восстанавливали то и дело нарушаемый строй, между тем как легкая кавалерия в виде собак носилась по флангам.
The travelers were struck with the admirable arrangement of the drove.	Путешественников привел в восхищение царивший в стаде порядок.
The different stock were kept apart, for wild sheep and bullocks would not have got on together at all.	Различные породы животных шли отдельно, ибо дикие быки не станут пастись там, где прошли овцы.
The bullocks would never have grazed where the sheep had passed along, and consequently they had to go first, divided into two battalions.	Поэтому быков необходимо было гнать во главе армии. Разделенные на два батальона, они выступали впереди.
Five regiments of sheep followed, in charge of twenty men, and last of all came the horses.	За ними под командой двадцати погонщиков следовали пять полков овец; взвод лошадей шел в арьергарде.
Sam Machell drew the attention of his auditors to the fact that the real guides of the drove were neither the men nor the dogs, but the oxen themselves, beasts of superior intelligence, recognized as leaders by their congenitors.	Сэм Мэчел обратил внимание своих слушателей на то, что вожаками этой армии были не люди, не собаки, а некоторые быки - смышленые "лидеры", авторитет которых признавался их сородичами.
They advanced in front with perfect gravity, choosing the best route by instinct, and fully alive to their claim to respect.	Они с большой важностью шествовали впереди, инстинктивно выбирая лучшую дорогу и глубоко убежденные в своем праве на всеобщее уважение.
Indeed, they were obliged to be studied and humored in everything, for the whole drove obeyed them implicitly.	Стадо беспрекословно повиновалось им, и поэтому с ними приходилось считаться.
If they took it into their heads to stop, it was a matter of necessity to yield to their good pleasure, for not a single animal would move a step till these leaders gave the signal to set off.	Если им заблагорассудилось сделать остановку, надо было уступать их желанию; и тщетно было бы пытаться после стоянки снова пуститься в путь до того, как они сами подадут сигнал.
Sundry details, added by the stock-keeper, completed the history of this expedition, worthy of being written, if not commended by Xenophon himself.	Скотопромышленник добавил еще несколько подробностей к рассказу об этом походе, достойном того, чтобы сам Ксенофонт если не возглавил, то хотя бы описал его.
As long as the troop marched over the plains it was well enough, there was little difficulty or fatigue.	Пока армия животных движется по равнине, все идет хорошо - без затруднений, без усталости.
The animals fed as they went along, and slaked their thirst at the numerous creeks that watered the plains, sleeping at night and making good progress in the day, always obedient and tractable to the dogs.	Скот пасется тут же, по дороге, утоляет жажду в многочисленных ручьях, ночью спит, днем идет, послушный лаю собак.
But when they had to go through great forests and groves of eucalyptus and mimosas, the difficulties increased.	Но в обширных лесах материка, в зарослях мимоз и эвкалиптов, трудности возрастают.

Platoons, battalions and regiments got all mixed together or scattered, and it was a work of time to collect them again.	Взводы, батальоны, полки - все смешивается или рассыпается по сторонам, и надо немало времени, чтобы снова всех собрать.
Should a "leader" unfortunately go astray, he had to be found, cost what it might, on pain of a general disbandment, and the blacks were often long days in quest of him, before their search was successful.	Если, к несчастью, потеряется один из быков-лидеров, его нужно во что бы то ни стало разыскать, иначе все стадо может разбрестись; негры - погонщики нередко тратят по нескольку дней на эти трудные поиски.
During the heavy rains the lazy beasts refused to stir, and when violent storms chanced to occur, the creatures became almost mad with terror, and were seized with a wild, disorderly panic.	Когда идут сильные дожди, ленивые животные отказываются двигаться вперед, а во время сильных гроз обезумевший от страха скот охватывает паника.
However, by dint of energy and ambition, the stock-keeper triumphed over these difficulties, incessantly renewed though they were.	И все же благодаря энергии и расторопности скотопромышленнику удавалось преодолевать все эти трудности.
He kept steadily on; mile after mile of plains and woods, and mountains, lay behind.	Он шел вперед миля за милей. Равнины, леса, горы оставались позади.
But in addition to all his other qualities, there was one higher than all that he specially needed when they came to rivers. This was patience-patience that could stand any trial, and not only could hold out for hours and days, but for weeks.	Но на переправах через реки ему требовалось, кроме энергии и расторопности, еще нечто большее: ничем не сокрушимое терпение, которого должно было хватить не на часы, не на дни, а на целые недели.
The stock-keeper would be himself forced to wait on the banks of a stream that might have been crossed at once.	Каждая речка становилась преградой, но вовсе не потому, что ее нельзя было преодолеть.
There was nothing to hinder but the obstinacy of the herd. The bullocks would taste the water and turn back. The sheep fled in all directions, afraid to brave the liquid element.	Причина задержек одна - упрямство стада, не желающего идти вброд: быки, хлебнув воды, поворачивают назад; овцы в страхе разбегаются в разные стороны.
The stock-keeper hoped when night came he might manage them better, but they still refused to go forward.	Надо ждать ночи, чтобы снова попытаться загнать стадо в реку, но попытка не удается.
The rams were dragged in by force, but the sheep would not follow.	Баранов бросают в воду силой, но овцы не решаются следовать за ними.
They tried what thirst would do, by keeping them without drink for several days, but when they were brought to the river again, they simply quenched their thirst, and declined a more intimate acquaintance with the water.	Пробуют в течение нескольких дней томить скот жаждой, но и это ни к чему не приводит.
The next expedient employed was to carry all the lambs over, hoping the mothers would be drawn after them, moved by their cries.	Переправляют на противоположный берег ягнят в надежде, что матери, услышав их крики, бросятся к ним.
But the lambs might bleat as pitifully as they liked, the mothers never stirred.	Но ягнята блеют, а матери не трогаются с места.
Sometimes this state of affairs would last a whole month, and the stock-keeper would be driven to his wits' end by his bleating, bellowing, neighing army.	Такое положение длится иногда целый месяц, и скотопромышленник не знает, что ему делать со своей блеющей, ржущей и мычащей армией.

Then all of a sudden, one fine day, without rhyme or reason, a detachment would take it into their heads to make a start across, and the only difficulty now was to keep the whole herd from rushing helter-skelter after them. The wildest confusion set in among the ranks, and numbers of the animals were drowned in the passage.	Вдруг в один прекрасный день без всякой видимой причины, словно по какому-то капризу, часть стада начинает переходить реку, и тут возникает новая трудность - помешать животным беспорядочно бросаться в воду, так как при этом они сбиваются в кучу и многие, попав в стремнины, тонут.
Such was the narrative of Sam Machell.	Вот что рассказал путешественникам Сэм. Мэчел.
During its recital, a considerable part of the troop had filed past in good order. It was time for him to return to his place at their head, that he might be able to choose the best pasturage.	Во время его рассказа большая часть стада прошла мимо в полном порядке, и скотопромышленник должен был поторопиться снова встать во главе своей армии и вести ее к лучшим пастбищам.
Taking leave of Lord Glenarvan, he sprang on a capital horse of the native breed, that one of his men held waiting for him, and after shaking hands cordially with everybody all round, took his departure. A few minutes later, nothing was visible of the stock-keeper and his troop but a cloud of dust.	Он простился с Гленарваном и его спутниками. Все крепко пожали ему руку. Затем он вскочил на прекрасного туземного коня, которого держал под уздцы один из погонщиков, и через несколько мгновений уже исчез в облаке пыли.
The wagon resumed its course in the opposite direction, and did not stop again till they halted for the night at the foot of Mount Talbot.	Повозка снова двинулась в путь и остановилась только вечером у подошвы горы Толбот.
Paganel made the judicious observation that it was the 25th of December, the Christmas Day so dear to English hearts.	На привале Паганель весьма кстати напомнил о том, что было 25 декабря, день Рождества - праздника, столь чтимого в английских семьях.
But the steward had not forgotten it, and an appetizing meal was soon ready under the tent, for which he deserved and received warm compliments from the guests.	Но и мистер Олбинет не забыл этого: в палатке был сервирован вкусный ужин, заслуживший искреннюю похвалу сотрапезников.
Indeed, M. Olbinett had quite excelled himself on this occasion. He produced from his stores such an array of European dishes as is seldom seen in the Australian desert.	И в самом деле, Олбинет превзошел самого себя: он умудрился приготовить из своих запасов европейские блюда, которые не часто можно получить в пустынях Австралии.
Reindeer hams, slices of salt beef, smoked salmon, oat cakes, and barley meal scones; tea ad libitum, and whisky in abundance, and several bottles of port, composed this astonishing meal.	На этом достопримечательном ужине были поданы: оленья ветчина, солонина, копченая семга, пирог из ячменной и овсяной муки, чай в неограниченном количестве, виски в изобилии и несколько бутылок портвейна.

The little party might have thought themselves in the grand dining-hall of Malcolm Castle, in the heart of the Highlands of Scotland.	Как будто все это было в столовой замка Малькольм, среди гор Шотландии. Действительно, на пиршестве было все, начиная от имбирного супа и кончая печеньем. Все же Паганель счел нужным еще пополнить десерт плодами дикого апельсинового дерева, росшего у подножия холмов. Надо признаться, апельсины эти были довольно-таки безвкусны, а их зернышки, попав на зуб, обжигали рот, словно кайенский перец. Географ же, видимо, из научной добросовестности, так наелся этими апельсинами, что сжег себе нёбо и оказался не в состоянии отвечать на многочисленные вопросы майора об особенностях австралийских пустынь. На следующий день, 26 декабря, не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать. Путешественники миновали истоки реки Нортон, а позднее - наполовину пересохшую реку Макензи. Погода стояла прекрасная, не слишком жаркая. Дул южный ветер, приносящий здесь прохладу, как северный ветер в нашем полушарии. Паганель обратил на это внимание своего юного приятеля Роберта Гранта. - Нам повезло, - прибавил он, - ибо в Южном полушарии обычно жарче, чем в Северном. - А почему? - спросил мальчик. - Почему, Роберт? Разве ты никогда не слыхал, что Земля зимой ближе к Солнцу? - Слыхал, господин Паганель. - И что зимой холодно только потому, что лучи солнца падают более косо? - Да, господин Паганель. - Так вот, мой мальчик, по этой самой причине в Южном полушарии жарче. - Не понимаю, - с удивлением ответил Роберт. - А вот подумай, - продолжал Паганель. - Когда у нас там, в Европе, зима, то какое же время года здесь, в Австралии, у антиподов? - Лето, - сказал Роберт. - Ну, и если в это время Земля как раз ближе к Солнцу... Понимаешь? - Понимаю. - Значит, лето Южного полушария должно быть жарче лета Северного полушария именно благодаря этой близости к Солнцу. - Теперь мне все ясно, господин Паганель. - Итак, когда говорят, что Земля ближе к Солнцу зимой, то это верно лишь по отношению к нам, живущим в северной части земного шара. - Вот это мне не приходило в голову, - промолвил Роберт. - Ну так помни теперь, мой мальчик. Роберт с большой охотой выслушал эту маленькую лекцию по космографии, в дополнение к которой он узнал еще и о том, что средняя температура в провинции Виктория составляет плюс семьдесят четыре градуса по Фаренгейту (+23,33° по Цельсию). Вечером отряд сделал привал за озером Лонсдейл, в пяти милях от него, между горой Драммонд, поднимавшейся на севере, и горой Драйден, невысокая вершина которой вырисовывалась на южной стороне небосклона.

The next day, at 11 A. M., the wagon reached the banks of the Wimerra on the 143d meridian.	На следующий день, в одиннадцать часов утра, повозка добралась до берегов реки Уиммеры, у сто сорок третьего меридиана.
The river, half a mile in width, wound its limpid course between tall rows of gum-trees and acacias.	Река эта, шириной в полмили, несла свои прозрачные воды между высокими акациями и камедными деревьями.
Magnificent specimens of the MYRTACEA, among others, the metroside-ros speciosa, fifteen feet high, with long drooping branches, adorned with red flowers.	Великолепные мирты вздымали на пятнадцатифутовую высоту свои длинные плакучие ветви, пестревшие красными цветами.
Thousands of birds, the lories, and greenfinches, and gold-winged pigeons, not to speak of the noisy paroquets, flew about in the green branches.	Множество птиц - иволги, зяблики, золотокрылые голуби, не говоря уж о болтливых попугаях, - порхало среди зеленых ветвей.
Below, on the bosom of the water, were a couple of shy and unapproachable black swans.	Внизу, на воде, резвилась пара черных лебедей, пугливых и неприступных.
This rara avis of the Australian rivers soon disappeared among the windings of the Wimerra, which water the charming landscape in the most capricious manner.	Но эти редкие птицы австралийских рек вскоре исчезли за излучинами Уиммеры, причудливо орошавшей эту пленительную долину.
The wagon stopped on a grassy bank, the long fringes of which dipped in the rapid current.	Между тем повозка остановилась на ковре из зеленых трав, свисавших бахромой над быстрыми водами реки.
There was neither raft nor bridge, but cross over they must.	Ни моста, ни парома не было.
Ayrton looked about for a practicable ford.	А все же перебраться было необходимо.
About a quarter of a mile up the water seemed shallower, and it was here they determined to try to pass over. The soundings in different parts showed a depth of three feet only, so that the wagon might safely enough venture.	Айртон стал искать удобного брода. В четверти мили вверх по течению река показалась ему менее глубокой, и он решил, что в этом месте можно будет перебраться на другой берег. Сделанные им в нескольких местах измерения показали, что река здесь не глубже трех футов. Значит, повозка могла без большого риска пройти по такому неглубокому месту.
"I suppose there is no other way of fording the river?" said Glenarvan to the quartermaster.	- Нет никакого другого способа переправиться на другой берег? - обратился Гленарван к боцману.
"No, my Lord; but the passage does not seem dangerous.	- Другого нет, милорд, - ответил Айртон, - но эта переправа не кажется мне опасной.
We shall manage it."	Как-нибудь переберемся.
"Shall Lady Glenarvan and Miss Grant get out of the wagon?"	- Леди Гленарван и мисс Грант должны выйти из повозки?
"Not at all.	- Ни в коем случае.
My bullocks are surefooted, and you may rely on me for keeping them straight."	Мои быки крепки на ногу, и я берусь вести их по верному пути.
"Very well, Ayrton; I can trust you."	- Что ж, Айртон, - сказал Гленарван. - Я полагаюсь на вас.

The horsemen surrounded the ponderous vehicle, and all stepped boldly into the current.	Всадники окружили тяжелую повозку, и отряд смело вошел в воду.
Generally, when wagons have to ford rivers, they have empty casks slung all round them, to keep them floating on the water; but they had no such swimming belt with them on this occasion, and they could only depend on the sagacity of the animals and the prudence of Ayrton, who directed the team. The Major and the two sailors were some feet in advance.	Обычно, когда телеги пересекают реку вброд, к ним прикрепляют кругом пустые бочки, чтобы поддержать их на поверхности воды. Но здесь такого спасательного пояса не имелось, и надо было положиться на чутье быков и на осторожность возницы. Айртон, сидя на козлах, правил; майор и оба матроса, рассекая быстрое течение, пробирались в нескольких саженях впереди.
Glenarvan and John Mangles went at the sides of the wagon, ready to lend any assistance the fair travelers might require, and Paganel and Robert brought up the rear.	Гленарван и Джон Манглс держались по обеим сторонам повозки, готовые прийти на помощь путешественницам. Паганель и Роберт замыкали шествие.
All went well till they reached the middle of the Wimerra, but then the hollow deepened, and the water rose to the middle of the wheels.	Все шло хорошо до середины Уиммеры. Но здесь дно стало опускаться и вода поднялась выше колес.
The bullocks were in danger of losing their footing, and dragging with them the oscillating vehicle.	Быки, отнесенные течением от брода, могли потерять дно под ногами и потянуть за собой качавшуюся повозку.
Ayrton devoted himself to his task courageously. He jumped into the water, and hanging on by the bullocks' horns, dragged them back into the right course.	Айртон отважно соскочил в воду и, схватив быков за рога, заставил их вернуться к броду.
Suddenly the wagon made a jolt that it was impossible to prevent; a crack was heard, and the vehicle began to lean over in a most precarious manner.	В эту минуту повозка неожиданно на что-то натолкнулась, раздался сильный треск, и она сильно накренилась.
The water now rose to the ladies' feet; the whole concern began to float, though John Mangles and Lord Glenarvan hung on to the side.	Вода залила ноги путешественницам. Несмотря на все усилия Гленарвана и Джона, уцепившихся за дощатую стенку, повозку стало относить течением.
It was an anxious moment.	Минута была критическая.
Fortunately a vigorous effort drove the wagon toward the opposite shore, and the bank began to slope upward, so that the horses and bullocks were able to regain their footing, and soon the whole party found themselves on the other side, glad enough, though wet enough too.	К счастью, быки мощно рванулись вперед и потащили за собой повозку. Дно начало подниматься, и вскоре животные и люди, промокшие, но счастливые, очутились в безопасности на другом берегу.
The fore part of the wagon, however, was broken by the jolt, and Glenarvan's horse had lost a shoe.	Однако у повозки оказался сломан передок, а у лошади Гленарвана сбиты передние подковы.
This was an accident that needed to be promptly repaired.	Нужно было как можно скорее исправить эти повреждения.
They looked at each other hardly knowing what to do, till Ayrton proposed he should go to Black Point Station, twenty miles further north, and bring back a blacksmith with him.	Путешественники в замешательстве переглядывались, как вдруг Айртон предложил съездить на станцию Блэк-Пойнт, находившуюся в двадцати милях севернее, и привезти оттуда кузнеца.

"Yes, go, my good fellow," said Glenarvan. "How long will it take you to get there and back?"	- Поезжайте, конечно, поезжайте, дорогой мой Айртон, - сказал Гленарван. - Сколько вам потребуется времени на оба конца?
"About fifteen hours," replied Ayrton, "but not longer."	- Часов пятнадцать, не больше, - ответил Айртон.
"Start at once, then, and we will camp here, on the banks of the Wimerra, till you return."	- Ну так отправляйтесь же, а мы подождем вашего возвращения и расположимся на берегу Уиммеры. Несколько минут спустя боцман верхом на лошади Вильсона уже скрылся за густой завесой мимоз.

CHAPTER XI CRIME OR CALAMITY	Глава XI БЕРК И СТЮАРТ Остаток дня прошел в разговорах и прогулках. Путешественники бродили по берегам Уиммеры, беседуя и восхищаясь красотой местности. При их приближении журавли пепельного цвета и ибисы уносились с хриплыми криками, атласная птица пряталась в верхних ветвях дикого фигового дерева, иволги и чеканы-каменщики суетливо порхали между великолепными стеблями лилейных растений, а зимородки прекращали свою рыбную ловлю. Только более общительные попугаи - радужные, маленькие розеллы с пунцовой головкой и желтой грудкой и лори с красно-голубым оперением, - сидя на верхушках цветущих камедных деревьев, продолжали свою оглушительную болтовню. Так, то отдыхая на траве у журчащих вод, то бродя по рощицам мимоз, путешественники до самого заката солнца любовались чудной природой. Ночь, наступившая после коротких сумерек, застигла их в полумиле от лагеря. Они направились к нему, ориентируясь не по Полярной звезде, невидимой в Южном полушарии, а по созвездию Южного Креста, сверкавшего на небосклоне на равном расстоянии от зенита и горизонта. Мистер Олбинет уже накрыл в палатке стол. Все уселись за ужин. Наибольший успех имело рагу из жареных попугаев, ловко подстреленных Вильсоном и искусно приготовленных стюардом. Покончив с ужином, все стали искать предлога подольше не ложиться спать в такую чудесную ночь. Леди Элен, к общему удовольствию, попросила Паганеля рассказать о путешественниках, исследовавших Австралию, - он уже давно обещал сделать это. Паганель не заставил себя просить. Его слушатели расположились у подножия великолепной банксии, и вскоре дым сигар поднялся до ее тонувшей в ночном мраке листвы. Географ, полагаясь на свою неистощимую память, начал рассказ: - Друзья мои, вы должны помнить - и майор, вероятно, этого не забыл - имена тех путешественников, о которых я говорил вам на борту "Дункана". Из всех, кто стремился добраться до центральной части Австралии, только четырем удалось пройти этот материк с юга на север или с севера на юг. Бёрк это сделал в 1860 и 1861 годах, Мак-Кинли - в 1861 и 1862 годах, Ландсборо - в 1862-м, Стюарт также в 1862-м. О Мак - Кинли и Ландсборо я упомяну лишь мимоходом. Первый из них прошел от города Аделаида до залива Карпентария, а второй - от залива Карпентария до Мельбурна. Оба они были посланы австралийскими организациями на поиски Бёрка; он не возвращался, и ему уже не суждено было вернуться. Бёрк и Стюарт - вот те два

исследователя Австралии, о которых я сейчас без дальних предисловий начну рассказывать. Двадцатого августа 1860 года Мельбурнское географическое общество отправило экспедицию, во главе которой стоял Роберт О'Хара Бёрк, отставной ирландский офицер, бывший полицейский инспектор в Каслмейне. Его сопровождали одиннадцать человек: Уильям Джон Уилс, выдающийся молодой топограф, доктор Беклер, ботаник Грей, молодой военнослужащий индийской армии Кинг, затем Ландельс, Браге и несколько сипаев [100]. Двадцать пять лошадей и столько же верблюдов везли на себе путешественников, их багаж и съестные припасы на полтора года. Экспедиция направлялась на северное побережье, к заливу Карпентария, но предварительно должна была исследовать берега реки Куперс-Крик. Беспрепятственно перебравшись через реки Муррей и Дарлинг, экспедиция достигла поселения Мениндье на границе колоний. Здесь выяснилось, что такое большое количество багажа очень обременительно. Это затруднение, да еще несколько резкий характер Бёрка внесли разлад в отряд. Дело дошло до того, что Ландельс, ведавший верблюдами, отделился от экспедиции и вместе с несколькими погонщиками-индусами вернулся к берегам Дарлинга. Бёрк продолжал свой путь. Продвигаясь вперед то по великолепным, обильно орошаемым пастбищам, то по каменистым, безводным дорогам, он спустился к реке Куперс-Крик. Двадцатого ноября, после трехмесячного странствия, Бёрк устроил на берегах этой реки свой первый склад провианта. Здесь путешественники на некоторое время задержались в поисках удобного пути на север, - пути, пролегающего вблизи воды. С большими трудностями они добрались до пункта, находящегося на полпути между Мельбурном и заливом Карпентария. Они устроили в этом месте сторожевой пост, обнесли его изгородью и дали ему название "форт Уилс". Здесь Бёрк разделил свой отряд на две части. Одной группе, возглавляемой Браге, предстояло оставаться во вновь созданном форте в течение трех месяцев, а если хватит провианта, то и дольше, и ожидать возвращения другой. Эта вторая группа состояла из самого Бёрка, Кинга, Грея и Уилса. Они взяли с собой шесть верблюдов и съестных припасов на три месяца, а именно: триста фунтов муки, пятьдесят фунтов риса, пятьдесят фунтов овсяной муки, сто фунтов сушеного лошадиного мяса, сто фунтов соленой свинины и сала, а также тридцать фунтов сухарей. Взятых продуктов должно было хватить на путешествие в шестьсот лье в оба конца. И вот эти четыре человека отправились в путь. С

трудом перебравшись через каменистую пустыню, они достигли реки Эйр-Крик, крайней точки, до которой дошел в 1845 году Стюарт. Отсюда, держась как можно ближе к сто сороковому меридиану, они направились к северу. Седьмого января они под палящим солнцем пересекли тропик. Их часто морочили обманчивые миражи; они страдали от жажды; но время от времени их освежали сильные грозы. Кое-где они встречали кочующих туземцев, которые относились к ним довольно радушно. В общем, надо сказать, путь их, не преграждаемый ни озерами, ни большими реками, ни горами, не представлял особых трудностей. Двенадцатого января на севере показалось несколько холмов из песчаника, в их числе гора Форбса, а дальше пошли одна за другой гранитные горные цепи. Здесь двигаться вперед стало очень утомительно, животные еле плелись, порой совсем отказываясь идти дальше. "Мы все еще среди горных цепей. Наших верблюдов от страха бросает в пот", - писал Бёрк в своем путевом дневнике. Однако ж исследователям благодаря их энергии удалось добраться сначала до берегов реки Тернер, а затем и до верхнего течения реки Флиндерс, которую в 1841 году видел Стокс. Неся свои воды в зарослях из пальм и эвкалиптов, Флиндерс впадает в залив Карпентария. Там уже сказывалась - множеством болотистых мест - близость океана. Один верблюд погиб в болоте, а остальные отказались идти дальше. Кинг и Грей принуждены были остаться с ними. Бёрк и Уилс продолжали вдвоем двигаться к северу, и, преодолев трудности, о которых весьма смутно упоминается в дорожном дневнике Бёрка, они достигли болотистого места, заливаемого морским приливом. Но самого океана они так и не увидели. Произошло это одиннадцатого февраля 1861 года... - Значит, этим отважным людям не удалось продвинуться дальше? - спросила леди Элен. - Нет, сударыня, - ответил Паганель. - Болотистая почва уходила из-под ног, и им оставалось только попытаться вернуться к своим спутникам, оставшимся в форте Уилс. Поистине печальное возвращение. Слабые, изнуренные, едва передвигая ноги, дотащились они до Грея и Кинга. Отсюда экспедиция, спускаясь к югу по уже пройденной дороге, направилась к Куперс-Крик. Нам не известны в точности все перипетии, опасности, муки этого путешествия, ибо в дорожном дневнике нет соответствующих записей, но, несомненно, все это было ужасно. В апреле в долину Куперс-Крик прибыли только трое: Грей изнемог в пути и скончался. Четыре верблюда погибли. Однако, доберись путешественники до форта Уилс, где ждал их Браге со своим складом

провианта, и они были бы спасены. Они удвоили усилия и брели еще несколько дней. Двадцать первого апреля показалась наконец ограда форта. Они входят - и что же: в этот самый день, тщетно прождав пять месяцев, Браге ушел из форта Уилс!.. - Ушел? - воскликнул Роберт. - Да, ушел, по роковой игре случая... И, судя по оставленной Браге записке, всего за каких-нибудь семь часов до их появления. Нечего было и думать догнать его. Несчастные, брошенные на произвол судьбы люди немного подкрепились оставленными на складе продуктами. Но у них не было средств передвижения, а до реки Дарлинг оставалось еще целых полтораста лье. Тут Бёрку пришла в голову мысль идти к австралийским поселениям, находящимся у подножия горы Хоплесс, в шестидесяти лье от форта. И вот, несмотря на то, что Уилс был против этого плана, трое путешественников пустились в путь. Из двух еще уцелевших верблюдов один утонул в тинистом притоке Куперс-Крик, а другой был не в силах больше сделать ни шагу; пришлось прикончить верблюда и питаться его мясом. Вскоре припасы иссякли. Трем несчастным пришлось питаться только "нарду" - съедобным водяным растением. Отдалиться же от реки они не могли, так как в стороне от нее нет воды, а нести запас ее они не могли. Хижина, в которой они ночевали, сгорела вместе со всеми дорожными вещами. Они были обречены на гибель. Оставалось лишь умереть. Бёрк подозвал к себе Кинга и сказал ему: "Мне осталось жить всего несколько часов. Вот мои часы и мой дневник. Когда я умру, вложите в мою правую руку пистолет и оставьте меня так, не зарывая". Это было последнее, что сказал Бёрк. На следующий день, в восемь часов утра, его не стало. Кинг, в страхе и отчаянии, бросился искать туземцев. Вернувшись, он застал мертвым и Уилса. Самого Кинга приютили туземцы. У них нашла его в сентябре экспедиция Хоуита, которая одновременно с экспедициями Ландсборо и Мак-Кинли была послана разыскивать Бёрка. Так из четырех исследователей, предпринявших переход через Австралийский материк, уцелел лишь один... Рассказ Паганеля произвел на всех слушателей тяжелое впечатление. Каждый думал о капитане Гранте, который, быть может, подобно Бёрку и его спутникам, бродил по этому роковому материку. Удалось ли потерпевшим кораблекрушение избежать участи отважных исследователей? Это сопоставление было так естественно, что слезы заблестели на глазах Мери Грант. - Отец, бедный отец!.. - прошептала она. - Мисс Мери, мисс Мери! - воскликнул Джон Манглс. - Чтобы подвергнуться всем этим бедам, нужно углубиться внутрь материка, а капитан

Грант, как Кинг, попал к туземцам и, как Кинг, будет спасен. Ваш отец никогда не был в таких страшных условиях. - Никогда, - подтвердил Паганель. - И я еще раз говорю вам, дорогая мисс Мери, что австралийцы очень гостеприимны. - О, если бы это было так! - промолвила девушка. - Ну, а Стюарт? - спросил Гленарван, желая отвлечь своих товарищей от этих грустных мыслей. - Стюарт? - отозвался ученый. - О, ему больше повезло, и имя его внесено и прославлено в анналах австралийской истории. Еще в 1848 году Джон Мак-Доуэлл Стюарт, ваш соотечественник, друзья мои, начал свои странствия по Австралии, приняв участие в путешествии Стерта в пустыню, простирающуюся к северу от Аделаиды. В 1860 году Стюарт, в сопровождении всего двух человек, тщетно пытался проникнуть в глубь Австралии. Но он не падал духом. Первого января 1861 года, во главе одиннадцати смелых спутников, он двинулся в путь с берегов Чамберс-Крик и остановился всего лишь в шестидесяти лье от залива Карпентария. Пересечь весь этот опасный материк он так и не смог - из-за недостатка съестных припасов пришлось вернуться в Аделаиду. Все же Стюарт отважился еще раз попытать счастья и организовал третью экспедицию. На этот раз ему суждено было достигнуть цели, к которой он так пылко стремился. Парламент Южной Австралии поддержал это начинание и постановил выдать Стюарту пособие в две тысячи фунтов стерлингов. Стюарт, обладая уже опытом исследователя, принял все меры предосторожности. Друзья его: естествоиспытатель Уотерхауз, Фринг, Кэкуик, его бывшие спутники; Вудфорд, Олд и другие - всего десять человек - присоединились к нему. Он взял с собой двадцать бурдюков из американской кожи, вместимостью по семь галлонов каждый, и пятого апреля 1862 года экспедиция в полном составе уже находилась в бассейне Ньюкасль-Уотерхаус, за восемнадцатым градусом широты, в том самом пункте, дальше которого Стюарт не смог продвинуться в прошлый раз. Дальнейший путь экспедиции лежал приблизительно вдоль сто тридцать первого меридиана, то есть на семь градусов отклонялся на запад от маршрута Бёрка. Базой этих новых исследований должен был служить бассейн Ньюкасль-Уотерхаус. Стюарт тщетно старался пройти через густые леса на север и северо-восток. Также не удалось ему достичь на западе реки Виктории: путь преграждала непроходимая чаща кустарников. Тогда Стюарт решился перенести свой лагерь в другое место, и ему удалось раскинуть его немного севернее, среди Говеровых болот. Отсюда, идя к востоку,

он встретил на своем пути среди равнин, поросших травой, реку Дейли и поднялся по ее течению приблизительно миль на тридцать. Места становились чудесными: роскошные пастбища обрадовали и обогатили бы любого скваттера; эвкалипты изумляли своей вышиной. Восхищенный Стюарт продолжал двигаться вперед. Он достиг берегов реки Странгуэйс, притока реки Ропер, открытой Лейххардтом. Эти реки несут свои воды среди великолепных пальмовых рощ, достойных детищ этого тропического края. Здесь жили туземные племена. Они радушно приняли исследователей. Отсюда экспедиция направилась к северо-западу, разыскивая среди песчаника и железистых горных пород истоки реки Аделейд, впадающей в залив Ван-Димена. Ее русло проходит по области Арнхемленда, среди пальм, бамбука, сосен и панданусов. Река Аделейд делалась все шире, а берега ее становились болотистыми. Чувствовалась близость моря. Во вторник, двадцать второго июля, Стюарт разбил лагерь среди болот Фришуотер. Его продвижение очень затрудняли бесчисленные ручьи, и он решил послать троих из своих спутников на поиски более удобных путей. На следующий день, то огибая непроходимые озера, то увязая в топях, Стюарт выбрался на более высокие места, поросшие травой. Там и здесь виднелись рощицы камедных деревьев и каких-то деревьев с волокнистой корой. Носились стаи ибисов, гусей, совершенно диких водяных птиц. Туземцев не было, только вдалеке виднелись дымки их кочевий. Двадцать четвертого июля, через девять месяцев после выступления из Аделаиды, Стюарт, желая достигнуть в тот же день берега океана, двинулся на север в восемь часов двадцать минут утра. Он проходил по холмистой местности, усеянной железной рудой и обломками горных вулканических пород. Деревья становились ниже, как всегда на берегу моря. Перед глазами открылась широкая долина с наносной почвой, окаймленная деревцами. Стюарт отчетливо слышал шум прибоя, но ничего не говорил своим спутникам. Они вошли в заросли дикого винограда. Стюарт сделал несколько шагов - и вот он на берегу Индийского океана! "Море, море!" - закричал изумленный Фринг. Подбежали остальные, и путешественники приветствовали Индийский океан троекратным продолжительным "ура". Австралийский материк был пересечен в четвертый раз. Выполняя обещание, данное губернатору сэру Ричарду Макдонеллу, Стюарт ступил в море и умыл лицо и руки соленой водой. Вернувшись в долину, он вырезал на стволе дерева свои инициалы: Д. М. Д. С. Лагерь

раскинули у ручья. На следующий день Фринг отправился в разведку: надо было выяснить, можно ли с юго-запада подойти к устью реки Аделейд. Почва оказалась слишком болотистой для лошадей, и пришлось отказаться от этого намерения. Тогда Стюарт выбрал на поляне высокое дерево, срубил его нижние ветки, а на верхушке водрузил австралийский флаг. На коре дерева он вырезал следующие слова: "Ищи под землей на один фут к югу". И если какой-нибудь путешественник когда-либо разроет землю в указанном месте, то он найдет там в жестяной коробке документ, каждое слово которого врезалось в мою память: "Великое исследование и переход с юга на север Австралии. Исследователи, возглавляемые Джоном Мак-Доуэллом Стюартом, достигли этого места двадцать пятого июля 1862 года. Перед тем они пересекли всю Австралию от Южного моря до берегов Индийского океана, пройдя через центр материка. Они покинули город Аделаиду двадцать шестого октября 1861 года, а последний населенный пункт английских колоний в северном направлении - двадцать первого января 1862 года. В память этого счастливого события они водрузили здесь австралийский флаг с начертанным на нем именем главы экспедиции. Все обстоит благополучно. Боже, храни королеву". За этим следуют подписи Стюарта и его спутников. Так было увековечено это крупное событие, слух о котором прокатился по всему земному шару. - А свиделись ли эти мужественные люди со своими друзьями на юге? - спросила леди Элен. - Да, - ответил Паганель, - до юга добрались все, но чего им это стоило! Больше всех страдал Стюарт. Когда он двинулся обратно в Аделаиду, здоровье его было очень расшатано цингой. В начале сентября болезнь стала так прогрессировать, что Стюарт уже потерял надежду когда-нибудь увидеть обитаемые места; он был не в силах держаться в седле и двигался вперед, лежа на носилках, подвешенных между двумя лошадьми. В конце октября у него началось кровохарканье, совершенно его истощившее. Пришлось убить одну из лошадей, чтобы сварить ему бульон. Двадцать восьмого октября Стюарт чуть не умер, но наступил спасительный кризис, и десятого декабря маленький отряд в полном составе достиг первых поселений. Семнадцатого декабря восхищенные жители Аделаиды встречали Стюарта. Но здоровье его все же было подорвано, и вскоре, получив от Географического общества большую золотую медаль, он на судне "Инд" отплыл на родину - в Шотландию, где мы можем по возвращении встретиться с ним. - А после Стюарта никто не пытался делать новые

	открытия? - спросила леди Элен. - Как же, - ответил Паганель, - я не раз упоминал о Лейххардте. Этот исследователь уже в 1844 году совершил замечательное путешествие на север Австралии. В 1848 году он организовал экспедицию на северо-восток Австралии. Вот уже семнадцать лет, как он исчез. В прошлом году ботаник доктор Мюллер из Мельбурна организовал сбор средств на снаряжение поисковой экспедиции. Нужная сумма была в короткое время собрана, и отряд скваттеров во главе с Мак-Интайром покинул двадцать первого июня 1864 года берега реки Пару. Сейчас, когда я рассказываю вам об этой экспедиции, она, вероятно, уже далеко углубилась внутрь страны. Пусть же поиски Лейххардта увенчаются успехом, и пусть мы сами, подобно этой экспедиции, отыщем дорогих нам друзей! Так закончил географ свое повествование. Час был поздний. Поблагодарив Паганеля, слушатели разошлись. Несколько минут спустя все уже мирно спали. Только птица-часы, спрятавшись в листве белого камедного дерева, равномерно отбивала секунды этой безмятежной ночи. Глава XII ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ИЗ МЕЛЬБУРНА В САНДХЕРСТ
IT was not without apprehension that the Major saw Ayrton quit the Wimerra camp to go and look for a blacksmith at the Black Point Station.	Майор с некоторым опасением отнесся к поездке Айртона за кузнецом на станцию Блэк-Пойнт.
But he did not breathe a word of his private misgivings, and contented himself with watching the neighborhood of the river; nothing disturbed the repose of those tranquil glades, and after a short night the sun reappeared on the horizon.	Но он ни словом не обмолвился о своем недоверии к бывшему боцману, а ограничился наблюдением за окрестностями реки. Спокойствие, царившее над соседними лугами, ничем не нарушалось. Прошла короткая ночь, и над горизонтом снова появилось солнце.
As to Glenarvan, his only fear was lest Ayrton should return alone.	Что касается Гленарвана, то он боялся только одного: что Айртон вернется один.
If they fail to find a workman, the wagon could not resume the journey.	Повозка без починки не сможет продолжать путь.
This might end in a delay of many days, and Glenarvan, impatient to succeed, could brook no delay, in his eagerness to attain his object.	Задержка могла затянуться на несколько дней, а Гленарван, которому не терпелось поскорее добиться успеха, не допускал никаких промедлений.
Ayrton luckily had lost neither his time nor his trouble. He appeared next morning at daybreak, accompanied by a man who gave himself out as the blacksmith from Black Point Station.	К счастью, Айртон не потратил времени и усилий даром Он явился на следующий день, на рассвете, в сопровождении человека, назвавшегося кузнецом из Блэк-Пойнт.
He was a powerful fellow, and tall, but his features were of a low, brutal type, which did not prepossess anyone in his favor.	Это был рослый, крепкий парень, но в лице его было что-то отталкивающее, зверское.
But that was nothing, provided he knew his business.	Но, в сущности, это было не так уж важно, если он знал свое ремесло.

He scarcely spoke, and certainly he did not waste his breath in useless words.	Во всяком случае, он был чрезвычайно молчалив и даром слов не тратил.
"Is he a good workman?" said John Mangles to the quartermaster.	- А он хороший кузнец? - спросил Джон Манглс боцмана.
"I know no more about him than you do, captain," said Ayrton. "But we shall see."	- Я знаю его не больше вашего, капитан, - ответил Айртон. - Посмотрим.
The blacksmith set to work.	Кузнец принялся за работу.
Evidently that was his trade, as they could plainly see from the way he set about repairing the forepart of the wagon.	По тому, как он чинил повозку, видно было, что он знает свое дело.
He worked skilfully and with uncommon energy.	Работал он проворно и с незаурядной силой.
The Major observed that the flesh of his wrists was deeply furrowed, showing a ring of extravasated blood. It was the mark of a recent injury, which the sleeve of an old woolen shirt could not conceal. McNabbs questioned the blacksmith about those sores which looked so painful. The man continued his work without answering.	Майор заметил вокруг кистей рук кузнеца кольцо черноватой, запекшейся крови - следы недавних ран, которые рукава грязной шерстяной рубахи плохо скрывали. Мак-Наббс спросил кузнеца о происхождении этих, вероятно, очень болезненных ссадин, но тот ему ничего не ответил, а молча продолжал работать.
Two hours more and the damage the carriage had sustained was made good.	Через два часа колымага была починена.
As to Glenarvan's horse, it was soon disposed of. The blacksmith had had the forethought to bring the shoes with him.	Лошадь Гленарвана кузнец подковал очень быстро, так как захватил с собой готовые подковы.
These shoes had a peculiarity which did not escape the Major; it was a trefoil clumsily cut on the back part. McNabbs pointed it out to Ayrton.	Подковы эти имели особенность, которая не ускользнула от майора: на их внутренней стороне был грубо вырезан трилистник. Мак-Наббс указал на это Айртону.
"It is the Black-Point brand," said the quartermaster. "That enables them to track any horses that may stray from the station, and prevents their being mixed with other herds."	- Это клеймо Блэк-Пойнта, - пояснил боцман. - Оно помогает находить след убежавших со стоянки лошадей и не смешивать их с чужими.
The horse was soon shod. The blacksmith claimed his wage, and went off without uttering four words.	Подковав лошадь, кузнец потребовал плату за свою работу и ушел, не произнеся за все время и двух слов.
Half an hour later, the travelers were on the road.	Полчаса спустя путешественники снова ехали вперед.
Beyond the grove of mimosas was a stretch of sparsely timbered country, which quite deserved its name of "open plain."	Из-за поднимавшихся по сторонам мимоз открывались обширные пространства, вполне заслуживавшие свое местное название: "open plain" - "открытая равнина".
Some fragments of quartz and ferruginous rock lay among the scrub and the tall grass, where numerous flocks were feeding.	Среди кустов, высоких трав и изгородей, за которыми паслись многочисленные стада, валялись обломки кварца и железистых горных пород.

Some miles farther the wheels of the wagon plowed deep into the alluvial soil, where irregular creeks murmured in their beds, half hidden among giant reeds.	Несколькими милями дальше колеса повозки начали довольно глубоко врезаться во влажный грунт. Здесь журчали извилистые ручьи, полускрытые зарослями гигантских тростников.
By-and-by they skirted vast salt lakes, rapidly evaporating.	Позднее пришлось огибать обширные высыхающие соленые озера.
The journey was accomplished without trouble, and, indeed, without fatigue.	Путешествие совершалось без всяких затруднений, а также, надо добавить, и без скуки.
Lady Helena invited the horsemen of the party to pay her a visit in turns, as her reception-room was but small, and in pleasant converse with this amiable woman they forgot the fatigue of their day's ride.	Из-за тесноты "салона" леди Элен приглашала к себе в гости всадников по одному, всех по очереди. Каждый отдыхал от верховой езды и приятно проводил время, беседуя с этой милой женщиной.
Lady Helena, seconded by Miss Mary, did the honors of their ambulatory house with perfect grace.	Леди Элен вместе с Мери с очаровательной любезностью принимала гостей в своем передвижном доме.
John Mangles was not forgotten in these daily invitations, and his somewhat serious conversation was not unpleasing.	Конечно, не был обойден этими приглашениями и Джон Манглс. Его несколько серьезная беседа отнюдь не утомляла путешественниц. Даже наоборот.
The party crossed, in a diagonal direction, the mail-coach road from Crowland to Horsham, which was a very dusty one, and little used by pedestrians.	Двигаясь таким образом, отряд пересек почтовую дорогу из Крауленда в Хоршем, - дорогу очень пыльную, по которой мало кто ходит.
The spurs of some low hills were skirted at the boundary of Talbot County, and in the evening the travelers reached a point about three miles from Maryborough.	Близ границы округа Толбот путешественники проехали мимо ряда невысоких холмов, а вечером они разбили лагерь в трех милях севернее Мэриборо.
The fine rain was falling, which, in any other country, would have soaked the ground; but here the air absorbed the moisture so wonderfully that the camp did not suffer in the least.	Шел мелкий дождь. В любой другой стране он размыл бы почву, но здесь воздух так поразительно впитывает сырость, что лагерь нисколько не пострадал от дождя.
Next day, the 29th of December, the march was delayed somewhat by a succession of little hills, resembling a miniature Switzerland.	В течение следующего дня, 29 декабря, отряд двигался немного медленнее, из-за того что ехать пришлось по гористой местности, напоминавшей Швейцарию в миниатюре.
It was a constant repetition of up and down hill, and many a jolt besides, all of which were scarcely pleasant. The travelers walked part of the way, and thought it no hardship.	Надо было то подниматься, то опускаться; трясло при этом довольно изрядно, поэтому путешественники часть пути сделали пешком, что было гораздо приятнее.
At eleven o'clock they arrived at Carisbrook, rather an important municipality.	В одиннадцать часов подъехали к Карлсбруку, довольно значительному городу.
Ayrton was for passing outside the town without going through it, in order, he said, to save time.	Айртон считал, что его надо объехать стороной, чтобы не терять времени.
Glenarvan concurred with him, but Paganel, always eager for novelties, was for visiting Carisbrook.	Гленарван согласился с ним, но Паганелю, жадному до всяких достопримечательностей, очень хотелось побывать в Карлсбруке.
They gave him his way, and the wagon went on slowly.	Ему представили эту возможность, повозка же медленно продолжала свой путь.

Paganel, as was his custom, took Robert with him.	Паганель, по своему обыкновению, взял с собой Роберта.
His visit to the town was very short, but it sufficed to give him an exact idea of Australian towns.	Пробыли они в Карлсбруке недолго, но этого времени оказалось достаточно для ученого, чтобы составить себе точное представление об австралийских городах.
There was a bank, a court-house, a market, a church, and a hundred or so of brick houses, all exactly alike.	В Карлсбруке имелись банк, суд, рынок, школа, церковь и сотня совершенно схожих между собой кирпичных домов.
The whole town was laid out in squares, crossed with parallel streets in the English fashion.	Все это было расположено по английской системе - правильным четырехугольником, пересеченным параллельными улицами.
Nothing could be more simple, nothing less attractive.	Ничего не может быть проще, но и скучнее этого.
As the town grows, they lengthen the streets as we lengthen the trousers of a growing child, and thus the original symmetry is undisturbed.	По мере того как город растет, улицы его просто удлиняются, как штанишки подрастающего ребенка, и первоначальная симметрия не нарушается.
Carisbrook was full of activity, a remarkable feature in these towns of yesterday.	В Карлсбруке царило большое оживление - любопытная особенность всех таких лишь вчера народившихся городов.
It seems in Australia as if towns shot up like trees, owing to the heat of the sun.	Кажется, в Австралии города растут, как деревья под жарким солнцем.
Men of business were hurrying along the streets; gold buyers were hastening to meet the in-coming escort; the precious metal, guarded by the local police, was coming from the mines at Bendigo and Mount Alexander.	Люди, озабоченные делами, бежали по улицам. Агенты по пересылке золота толпились у транспортных контор. Драгоценный металл под охраной местной полиции привозился сюда с заводов Бендиго и с горы Александра.
All the little world was so absorbed in its own interests, that the strangers passed unobserved amid the laborious inhabitants.	Все эти люди, охваченные жаждой наживы, настолько были погружены в свои дела, что даже не заметили проезжавших мимо них иностранцев.
After an hour devoted to visiting Carisbrook, the two visitors rejoined their companions, and crossed a highly cultivated district.	Паганель и Роберт, осмотрев город за час, поехали тщательно обработанными полями и вскоре догнали своих спутников.
Long stretches of prairie, known as the "Low Level Plains," next met their gaze, dotted with countless sheep, and shepherds' huts.	За полями потянулись обширные луга с бесчисленными стадами овец и разбросанными там и сям хижинами пастухов.
And then came a sandy tract, without any transition, but with the abruptness of change so characteristic of Australian scenery.	Затем вдруг, без всякого перехода, как это часто бывает в Австралии, перед путниками раскинулась пустыня.
Mount Simpson and Mount Terrengower marked the southern point where the boundary of the Loddon district cuts the 144th meridian.	Холмы Симпсон и гора Таранговер отмечали южную границу округа Лоддон под 144° долготы.
As yet they had not met with any of the aboriginal tribes living in the savage state.	До сих пор экспедиция не встретила на своем пути ни одного туземного племени.

Glenarvan wondered if the Australians were wanting in Australia, as the Indians had been wanting in the Pampas of the Argentine district; but Paganel told him that, in that latitude, the natives frequented chiefly the Murray Plains, about one hundred miles to the eastward.	Гленарвану уже приходило в голову, что в Австралии, пожалуй, так же не окажется австралийцев, как в аргентинских пампасах не оказалось индейцев. Но Паганель объяснил ему, что дикие племена кочуют главным образом по равнине у реки Муррей, милях в ста на восток.
"We are now approaching the gold district," said he, "in a day or two we shall cross the rich region of Mount Alexander.	- Мы приближаемся к стране золота, - продолжал он. - Не пройдет и двух дней, как мы окажемся в богатейшем районе горы Александра.
It was here that the swarm of diggers alighted in 1852; the natives had to fly to the interior.	Туда в 1852 году устремилось множество золотоискателей.
We are in civilized districts without seeing any sign of it; but our road will, before the day is over, cross the railway which connects the Murray with the sea.	Коренным жителям пришлось уйти в пустыни Центральной Австралии. Мы с вами теперь - в цивилизованном крае, хоть это и незаметно, и еще сегодня мы пересечем железную дорогу, соединяющую берега Муррея с морем.
Well, I must confess, a railway in Australia does seem to me an astonishing thing!"	Но все же должен признаться, друзья мои, что в Австралии железная дорога мне кажется чем-то совершенно удивительным.
"And pray, why, Paganel?" said Glenarvan.	- Почему же, Паганель? - поинтересовался Гленарван.
"Why? because it jars on one's ideas.	- Почему? Да потому, что это неестественно!
Oh! I know you English are so used to colonizing distant possessions. You, who have electric telegraphs and universal exhibitions in New Zealand, you think it is all quite natural.	О, я знаю: вы, англичане, привыкли заселять свои отдаленные владения, вы провели телеграф в Новой Зеландии и даже устраиваете там всемирные выставки, и для вас это в порядке вещей.
But it dumb-founders the mind of a Frenchman like myself, and confuses all one's notions of Australia!"	Но ум француза железная дорога приводит в замешательство и спутывает все его представления об Австралии.
"Because you look at the past, and not at the present," said John Mangles.	- Потому что вы смотрите в прошлое, а не в настоящее, - заметил Джон Манглс. - Согласен, - ответил Паганель. - Но свист паровоза, мчащегося по пустыням; клубы его пара, обволакивающие ветви мимоз и эвкалиптов; ехидны, утконосы и казуары, убегающие от курьерских поездов; дикари, садящиеся в три тридцать в скорый Мельбурн - Каслмейн, - все это не может не привести в изумление любого человека, если только он не англичанин и не американец. Из-за вашей железной дороги уходит поэзия пустыни. - Что из этого, зато приходит прогресс! - отозвался майор.
A loud whistle interrupted the discussion.	Громкий свисток паровоза прервал этот спор.

The party were within a mile of the railway.	Путешественники находились всего в какой-нибудь миле от железной дороги. Паровоз, шедший малой скоростью с юга, остановился как раз в том месте, где дорога, по которой ехала повозка, пересекала железнодорожный путь. Железнодорожная линия, как сказал Паганель, соединяла столицу провинции Виктория с самой большой рекой Австралии - Мурреем. Эта огромная река, открытая в 1828 году Стертом, берет свое начало в Австралийских Альпах, затем, обогащенная водами притоков, Лаклан и Дарлинг, течет вдоль всей северной границы провинции Виктория и впадает в залив Энкаунтер, близ города Аделаиды. Муррей несет свои воды по цветущим, плодородным местам, и благодаря хорошему железнодорожному сообщению с Мельбурном по его берегам вырастают все новые и новые фермы. Эта железнодорожная линия эксплуатировалась на протяжении ста пяти миль, от Сандхорста до Мельбурна, обслуживая также Кайнтон и Каслмейн. Дальнейший ее участок, длиной в семьдесят миль, только еще строился. Шла она в Эчуку, столицу провинции Риверина, лишь в этом году основанную на берегах Муррея. Тридцать седьмая параллель пересекла полотно железной дороги в нескольких милях севернее Каслмейна, у Кемденского моста, переброшенного через Лоддон, один из многочисленных притоков Муррея. К этому месту Айртон и направил свою повозку, а всадники помчались туда галопом.
Quite a number of persons were hastening toward the railway bridge.	Их любопытство привлекало множество устремившихся к железнодорожному мосту людей.
The people from the neighboring stations left their houses, and the shepherds their flocks, and crowded the approaches to the railway.	Жители соседних поселений покинули свои дома, пастухи бросили стада, и все они запрудили подступы к полотну железной дороги.
Every now and then there was a shout, "The railway! the railway!"	Слышались крики: - Сюда, сюда!
Something serious must have occurred to produce such an agitation. Perhaps some terrible accident.	Видимо, это смятение было вызвано каким-то важным событием, быть может крупной катастрофой.
Glenarvan, followed by the rest, urged on his horse.	Гленарван и его спутники еще быстрее погнали своих лошадей.
In a few minutes he arrived at Camden Bridge and then he became aware of the cause of such an excitement.	Через несколько минут они уже были у Кемденского моста. Здесь им сразу стала понятна причина скопления народа.
A fearful accident had occurred; not a collision, but a train had gone off the line, and then there had been a fall. The affair recalled the worst disasters of American railways.	Произошла ужасающая катастрофа. Поезд не столкнулся с другим, а сошел с рельсов и рухнул; это напоминало самые крупные катастрофы на американских линиях.

The river crossed by the railway was full of broken carriages and the engine.	Река, через которую шла железная дорога, была завалена обломками вагонов и паровоза.
Whether the weight of the train had been too much for the bridge, or whether the train had gone off the rails, the fact remained that five carriages out of six fell into the bed of the Loddon, dragged down by the locomotive.	Мост ли не выдержал тяжести поезда, или поезд сам сошел с рельсов, но из шести вагонов пять вместе с паровозом свалились в русло Лоддона.
The sixth carriage, miraculously preserved by the breaking of the coupling chain, remained on the rails, six feet from the abyss.	Лишь последний вагон, чудом уцелевший благодаря лопнувшей цепи, один стоял на рельсах в каком-нибудь метре от пропасти.
Below nothing was discernible but a melancholy heap of twisted and blackened axles, shattered wagons, bent rails, charred sleepers; the boiler, burst by the shock, had scattered its plates to enormous distances. From this shapeless mass of ruins flames and black smoke still rose.	Внизу зловеще громоздились почерневшие, погнутые оси, обломки вагонов, исковерканные рельсы, обуглившиеся шпалы. Далеко кругом валялись куски парового котла, разорвавшегося от удара. Из этого скопления бесформенных обломков поднимались языки пламени и клубы пара, смешанные с черным дымом.
After the fearful fall came fire, more fearful still!	После ужасного крушения - еще более ужасный пожар.
Great tracks of blood, scattered limbs, charred trunks of bodies, showed here and there; none could guess how many victims lay dead and mangled under those ruins.	Виднелись кровавые останки, обуглившиеся, обезображенные трупы. Никто не решался подумать о том, сколько жертв погребено под этими обломками.
Glenarvan, Paganel, the Major, Mangles, mixing with the crowd, heard the current talk.	Гленарван, Паганель, майор, Джон Манглс, смешавшись с толпой, прислушивались к тому, что говорилось вокруг.
Everyone tried to account for the accident, while doing his utmost to save what could be saved.	Все старались найти объяснение катастрофе. Между тем уже начались спасательные работы.
"The bridge must have broken," said one.	- Должно быть, мост провалился, - говорил один.
"Not a bit of it. The bridge is whole enough; they must have forgotten to close it to let the train pass. That is all." It was, in fact, a swing bridge, which opened for the convenience of the boats.	- Какое там провалился, - возражали другие, - он и теперь целехонек! Видно, забыли перед проходом поезда свести его, только и всего. Действительно, мост был разводной, что требовалось для прохода судов.
Had the guard, by an unpardonable oversight, omitted to close it for the passage of the train, so that the train, coming on at full speed, was precipitated into the Loddon?	Неужели железнодорожный сторож по непростительной небрежности забыл свести мост и мчавшийся поезд провалился в реку?
This hypothesis seemed very admissible; for although one-half of the bridge lay beneath the ruins of the train, the other half, drawn up to the opposite shore, hung, still unharmed, by its chains.	Такая гипотеза казалась очень правдоподобной, ибо если обломки одной части моста и валялись под разбитыми вагонами, то другая часть его, отведенная на противоположный берег, продолжала висеть на своих совершенно неповрежденных цепях.
No one could doubt that an oversight on the part of the guard had caused the catastrophe.	Ясно, катастрофа произошла по вине сторожа.

The accident had occurred in the night, to the express train which left Melbourne at 11:45 in the evening.	Крушение случилось ночью с экспрессом номер тридцать семь, вышедшим из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера.
About a quarter past three in the morning, twenty-five minutes after leaving Castlemaine, it arrived at Camden Bridge, where the terrible disaster befell.	Было около четверти четвертого утра, когда этот поезд, выйдя за двадцать пять минут перед этим со станции Каслмейн, рухнул с Кемденского моста.
The passengers and guards of the last and only remaining carriage at once tried to obtain help. But the telegraph, whose posts were lying on the ground, could not be worked.	Пассажиры и служащие последнего, уцелевшего, вагона пытались было просить помощи, но телеграф, столбы которого валялись на земле, не работал.
It was three hours before the authorities from Castlemaine reached the scene of the accident, and it was six o'clock in the morning when the salvage party was organized, under the direction of Mr. Mitchell, the surveyor-general of the colony, and a detachment of police, commanded by an inspector.	Поэтому каслмейнские власти прибыли на место крушения только через три часа. И только в шесть часов утра удалось начать спасательные работы под руководством главного инспектора колонии мистера Митчела и отряда полисменов во главе с полицейским офицером.
The squatters and their "hands" lent their aid, and directed their efforts first to extinguishing the fire which raged in the ruined heap with unconquerable violence. A few unrecognizable bodies lay on the slope of the embankment, but from that blazing mass no living thing could be saved.	Полисменам помогали скотоводы со своими рабочими. Прежде всего стали тушить огонь, с огромной быстротой пожиравший груды обломков. Несколько изуродованных до неузнаваемости трупов лежало на откосах насыпи. Однако пришлось отказаться от мысли извлечь из такого пекла хотя бы одно живое существо.
The fire had done its work too speedily.	Огонь быстро завершил смертоносную работу крушения.
Of the passengers ten only survived-those in the last carriage.	Из всех пассажиров поезда - число их было неизвестно - уцелело лишь десять, бывших в последнем вагоне.
The railway authorities sent a locomotive to bring them back to Castlemaine.	Управление железной дороги только что послало за ними паровоз, который должен был доставить их обратно в Каслмейн.
Lord Glenarvan, having introduced himself to the surveyor-general, entered into conversation with him and the inspector of police.	Тем временем лорд Гленарван, представившись инспектору, вступил в беседу с ним и полицейским офицером.
The latter was a tall, thin man, im-perturbably cool, and, whatever he may have felt, allowed no trace of it to appear on his features.	Офицер этот был худощавый, высокий, невозмутимо хладнокровный человек. Если он и способен был что-то чувствовать, то это, во всяком случае, не отражалось на его бесстрастном лице.
He contemplated this calamity as a mathematician does a problem; he was seeking to solve it, and to find the unknown; and when Glenarvan observed,	К крушению он относился как математик к задаче, которую нужно было решить и определить неизвестное. Услыхав слова взволнованного Гленарвана:
"This is a great misfortune," he quietly replied,	"Какое великое несчастье!", он спокойно заметил:
"Better than that, my Lord."	- Больше чем несчастье, милорд.

"Better than that?" cried Glenarvan. "I do not understand you."	- Больше? - воскликнул Гленарван, пораженный этой фразой. - Что же может быть больше этого несчастья?
"It is better than a misfortune, it is a crime!" he replied, in the same quiet tone.	- Преступление, - спокойно ответил полицейский офицер.
Glenarvan looked inquiringly at Mr. Mitchell for a solution.	Гленарван вопросительно поглядел на Митчела.
"Yes, my Lord," replied the surveyor-general, "our inquiries have resulted in the conclusion that the catastrophe is the result of a crime.	- Да, милорд, - отозвался главный инспектор, - из осмотра места крушения мы вынесли убеждение, что причина катастрофы - преступление.
The last luggage-van has been robbed. The surviving passengers were attacked by a gang of five or six villains.	Последний, багажный вагон разграблен, а на уцелевших пассажиров напала шайка из пяти или шести злоумышленников.
The bridge was intentionally opened, and not left open by the negligence of the guard; and connecting with this fact the guard's disappearance, we may conclude that the wretched fellow was an accomplice of these ruffians."	Мост, очевидно, оказался разведенным не по небрежности, а намеренно, и если сопоставить это обстоятельство с исчезновением железнодорожного сторожа, то можно сделать вывод, что этот негодяй был соучастником преступления.
The police-officer shook his head at this inference.	Услыхав такое заключение главного инспектора, полицейский офицер покачал головой.
"You do not agree with me?" said Mr. Mitchell.	- Вы, я вижу, не согласны со мной, - сказал инспектор.
"No, not as to the complicity of the guard."	- Не согласен, поскольку речь идет о соучастии сторожа.
"Well, but granting that complicity, we may attribute the crime to the natives who haunt the Murray. Without him the blacks could never have opened a swing-bridge; they know nothing of its mechanism."	- Однако только при его соучастии можно допустить, что это преступление совершено дикарями, бродящими по берегам Муррея, - возразил инспектор. - Ведь без его содействия туземцам, ничего не смыслящим в механизме моста, никогда бы не развести его.
"Exactly so," said the police-inspector.	- Правильно.
"Well," added Mr. Mitchell, "we have the evidence of a boatman whose boat passed Camden Bridge at 10:40 P. M., that the bridge was properly shut after he passed."	- Далее, - продолжал Митчел, - показаниями одного капитана установлено, что после прохождения его судна под Кемденским мостом в десять часов сорок минут вечера мост этот, согласно правилам, был снова сведен.
"True."	- Совершенно верно.
"Well, after that I cannot see any doubt as to the complicity of the guard."	- Поэтому соучастие железнодорожного сторожа мне представляется безусловно доказанным.
The police-officer shook his head gently, but continuously.	Но полицейский офицер продолжал покачивать головой.
"Then you don't attribute the crime to the natives?"	- Значит, вы не считаете, что преступление это совершили дикари? - обратился к нему Гленарван.
"Not at all."	- Ни в коем случае.
"To whom then?"	- Но тогда кто же?

Just at this moment a noise was heard from about half a mile up the river.	В это время в полумиле вверх по течению Муррея раздался гул голосов.
A crowd had gathered, and quickly increased. They soon reached the station, and in their midst were two men carrying a corpse.	Там собралась толпа. Она быстро увеличивалась, а скоро все подошли к мосту. Посредине толпы шли два человека, несшие труп.
It was the body of the guard, quite cold, stabbed to the heart.	То было уже окоченевшее тело железнодорожного сторожа. Удар кинжалом поразил его в сердце.
The murderers had no doubt hoped, by dragging their victim to a distance, that the police would be put on a wrong scent in their first inquiries.	Убийцы, оттащив тело своей жертвы подальше от Кемденского моста, очевидно, стремились направить первые розыски полиции по ложному пути.
This discovery, at any rate, justified the doubts of the police-inspector. The poor blacks had had no hand in the matter.	Найденный труп в полной мере подтверждал слова полицейского офицера: дикари были ни при чем.
"Those who dealt that blow," said he, "were already well used to this little instrument"; and so saying he produced a pair of "darbies," a kind of handcuff made of a double ring of iron secured by a lock.	- Люди, подстроившие крушение, - сказал офицер, - давно знакомы с этой игрушкой. С этими словами он показал ручные кандалы, сделанные из двух железных колец, замыкавшихся замком.
"I shall soon have the pleasure of presenting them with these bracelets as a New Year's gift."	- Вскоре, - прибавил он, - я буду иметь удовольствие преподнести им этот браслет в виде новогоднего подарка.
"Then you suspect-"	- Так, значит, вы подозреваете...
"Some folks who came out free in Her Majesty's ships."	- ... бесплатных пассажиров на судах ее величества.
"What! convicts?" cried Paganel, who recognized the formula employed in the Australian colonies.	- Что! Каторжников? - воскликнул Паганель, знавший, что в австралийских колониях обозначает эта метафора.
"I thought," said Glenarvan, "convicts had no right in the province of Victoria."	- Я думал, что ссыльные не имеют права жительства в провинции Виктория, - заметил Гленарван.
"Bah!" said the inspector, "if they have no right, they take it!	- Что из этого? - отозвался полицейский офицер. - Не имея этого права, они тем не менее пользуются им.
They escape sometimes, and, if I am not greatly mistaken, this lot have come straight from Perth, and, take my word for it, they will soon be there again."	Некоторым из этих молодчиков удается бежать, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что наши молодцы прибыли прямехонько с Пертской каторги. Но, поверьте мне, они не замедлят туда вернуться.
Mr. Mitchell nodded acquiescence in the words of the police-inspector.	Митчел кивнул в знак согласия.
At this moment the wagon arrived at the level crossing of the railway.	В эту минуту к переезду через полотно железной дороги подъехала повозка.
Glenarvan wished to spare the ladies the horrible spectacle at Camden Bridge.	Гленарвану хотелось избавить путешественниц от ужасного зрелища.
He took courteous leave of the surveyor-general, and made a sign to the rest to follow him.	Он тотчас же простился с инспектором и знаком пригласил своих спутников следовать за ним.

"There is no reason," said he, "for delaying our journey."	- Из-за этого все же нельзя прерывать наше путешествие, - сказал он им.
When they reached the wagon, Glenarvan merely mentioned to Lady Helena that there had been a railway accident, without a hint of the crime that had played so great a part in it; neither did he make mention of the presence of a band of convicts in the neighborhood, reserving that piece of information solely for Ayrton's ear.	Подъехав к повозке, Гленарван сказал леди Элен, что здесь произошла железнодорожная катастрофа, умолчав при этом, что вызвана она была преступлением. Не упомянул он также и о шайке беглых каторжников: Гленарван собирался сообщить об этом только Айртону.
The little procession now crossed the railway some two hundred yards below the bridge, and then resumed their eastward course.	Маленький отряд пересек железную дорогу в нескольких сотнях метров выше моста и продолжал свой путь на восток.
CHAPTER XII TOLINE OF THE LACHLAN	Глава XIII ПЕРВАЯ НАГРАДА ПО ГЕОГРАФИИ

ABOUT two miles from the railway, the plain terminated in a range of low hills, and it was not long before the wagon entered a succession of narrow gorges and capricious windings, out of which it emerged into a most charming region, where grand trees, not closely planted, but in scattered groups, were growing with absolutely tropical luxuriance.	На горизонте, милях в двух от железной дороги, вырисовывались удлиненные профили нескольких холмов, замыкавших равнину. Повозка вскоре попала в узкие, извилистые ущелья. Ущелья эти вывели путешественников к прекрасным местам, где, разбившись на маленькие рощицы, росли с поистине тропической роскошью чудесные деревья. Самые замечательные из них - казуарины - казалось, заимствовали у дуба его могучий ствол, у акации - пахучие стручки, у сосны - жесткость сине-зеленых листьев. Сквозь их ветви выглядывали причудливые конусообразные вершины стройных, удивительно изящных банксий. Большие кусты с ниспадающими ветвями производили в этой чаще впечатление зеленых вод, льющихся из переполненных водоемов. Восхищенные взоры блуждали среди всех этих чудес природы, не зная, на котором остановиться. Маленький отряд на минуту задержался. Айртон, по приказанию леди Элен, остановил быков, и колеса повозки перестали скрипеть по кварцевому песку. Между рощицами расстилались длинные зеленые ковры. Какие-то холмики, расположенные рядами, разделяли их на квадраты, еще достаточно отчетливые, и делали похожими на большую шахматную доску. Паганель сразу понял назначение этих пустынных зеленых луговин, так поэтично приспособленных для вечного покоя. Он узнал четырехугольные могилы туземцев; ныне почти все они заросли травой и потому так редко попадаются путешественнику на австралийской земле. - Это рощи смерти, - сказал он. Действительно, перед глазами путешественников было кладбище туземцев, но оно дышало такой свежестью, было так тенисто, так уютно, так оживляли его стаи птиц, что не навевало никаких грустных мыслей. Его можно было принять за райский сад тех времен, когда на земле еще не властвовала смерть. Казалось, все здесь сделано для жизни. Могилы, которые когда-то содержались в безукоризненном порядке, теперь уже исчезали под бурно нахлынувшими травами. Нашествие европейцев заставило австралийцев далеко уйти от земель, где покоились их предки, и было ясно, что продолжающаяся колонизация в ближайшем же будущем отдаст эти кладбища под пастбища скоту. Вот почему эти рощицы встречаются все реже и реже, и нога равнодушного путешественника часто ступает по земле, под которой скрыты останки не так давно еще жившего поколения. Паганель и Роберт, опередив своих спутников, ехали по тенистым аллейкам между могильными холмиками. Они разговаривали, просвещая друг друга, ибо Паганель утверждал, что ему очень много дают

	беседы с юным Грантом. Но не проехали эти два друга и четверти мили, как Гленарван увидел, что они остановились, затем сошли с лошадей и нагнулись к земле. Судя по их выразительным жестам, они нашли что-то чрезвычайно любопытное. Айртон погнал быков, и повозка быстро нагнала обоих друзей. Тотчас стало ясно, почему остановились и чем были так удивлены Паганель и Роберт.
As the party drove on they stumbled upon a little native boy lying fast asleep beneath the shade of a magnificent banksia. He was dressed in European garb, and seemed about eight years of age.	Под тенью великолепной банксий спал мирным сном мальчик-туземец лет восьми, одетый в европейское платье.
There was no mistaking the characteristic features of his race; the crisped hair, the nearly black skin, the flattened nose, the thick lips, the unusual length of the arms, immediately classed him among the aborigines of the interior. But a degree of intelligence appeared in his face that showed some educational influences must have been at work on his savage, untamed nature.	О том, что мальчуган - уроженец центральных областей Австралии, красноречиво говорили его курчавые волосы, почти черная кожа, приплюснутый нос, толстые губы и необычайно длинные руки; но смышленое лицо ребенка доказывало, что образование продвинуло его развитие.
Lady Helena, whose interest was greatly excited by this spectacle, got out of the wagon, followed by Mary, and presently the whole company surrounded the peaceful little sleeper.	Леди Элен, заинтересовавшись, сошла с повозки, и вскоре весь отряд окружил спавшего крепким сном мальчика.
"Poor child!" said Mary Grant. "Is he lost, I wonder, in this desert?"	- Бедное дитя! - проговорила Мери Грант. - Неужели он заблудился?
"I suppose," said Lady Helena, "he has come a long way to visit this part.	- Мне думается, - сказала леди Элен, - что он пришел издалека, чтобы посетить эти рощи смерти.
No doubt some he loves are here."	Здесь, верно, покоятся те, кого он любил.
"But he can't be left here," added Robert. "We must-"	- Его нельзя так оставить, - заявил Роберт, - он ведь совсем один и...
His compassionate sentence remained unfinished, for, just at that moment the child turned over in his sleep, and, to the extreme surprise of everybody, there was a large label on his shoulders, on which the following was written:	Но сострадательная фраза Роберта осталась незаконченной: маленький австралиец, не просыпаясь, повернулся на другой бок, и окружавшие его, к своему величайшему удивлению, увидели прикрепленный к спине мальчика плакат, где было написано по-английски:
TOLINE.	"Толине.
To be conducted to Echuca. Care of Jeffries Smith, Railway Porter.	Должен быть доставлен в Эчуку под присмотром железнодорожного носильщика Джеффри Смита.
Prepaid.	Уплачено вперед".
"That's the English all over!" exclaimed Paganel. "They send off a child just as they would luggage, and book him like a parcel.	- Узнаю англичан! - воскликнул Паганель. - Они отправляют ребенка, как какую-нибудь посылку, и пишут на нем адрес, словно на конверте.
I heard it was done, certainly; but I could not believe it before."	Правда, мне говорили, что у них так делается, но я не хотел этому верить.

"Poor child!" said Lady Helena. "Could he have been in the train that got off the line at Camden Bridge?	- Бедняжка! - промолвила леди Элен. - Уж не был ли он в том поезде, который сошел с рельсов?
Perhaps his parents are killed, and he is left alone in the world!"	Быть может, родители его погибли, и он теперь один на свете?
"I don't think so, madam," replied John Mangles. "That card rather goes to prove he was traveling alone."	- Не думаю, сударыня, - сказал Джон Манглс. - Этот плакат, наоборот, указывает на то, что он путешествовал один.
"He is waking up!" said Mary.	- Он просыпается, - объявила Мери Грант.
And so he was.	Действительно, ребенок просыпался.
His eyes slowly opened and then closed again, pained by the glare of light.	Глаза его открылись, потом закрылись от яркого дневного света.
But Lady Helena took his hand, and he jumped up at once and looked about him in bewilderment at the sight of so many strangers.	Леди Элен взяла его за руку. Мальчуган поднялся и с удивлением стал рассматривать путешественников.
He seemed half frightened at first, but the presence of Lady Helena reassured him.	В первую минуту на лице ребенка отразился страх, но присутствие леди Элен успокоило его.
"Do you understand English, my little man?" asked the young lady.	- Понимаешь ли ты по-английски, дружок? - обратилась к нему молодая женщина.
"I understand it and speak it," replied the child in fluent enough English, but with a marked accent. His pronunciation was like a Frenchman's.	- Понимаю и говорю, - ответил мальчик на языке путешественников, но с сильным акцентом, напоминавшим тот, с каким обыкновенно говорят по-английски французы.
"What is your name?" asked Lady Helena.	- Как тебя зовут? - спросила леди Элен.
"Toline," replied the little native.	- Толине, - ответил маленький австралиец.
"Toline!" exclaimed Paganel. "Ah! I think that means 'bark of a tree' in Australian."	- А, Толине! - воскликнул Паганель. - Если я не ошибаюсь, на языке австралийцев это значит "древесная кора", не так ли?
Toline nodded, and looked again at the travelers.	Толине утвердительно кивнул головой и снова принялся рассматривать путешественниц.
"Where do you come from?" inquired Lady Helena.	- Откуда ты? - продолжала расспрашивать леди Элен.
"From Melbourne, by the railway from Sandhurst."	- Я из Мельбурна и ехал в поезде.
"Were you in the accident at Camden Bridge?" said Glenarvan.	- Ты был в том поезде, который сошел с рельсов на Кемденском мосту? - спросил Гленарван.
"Yes, sir," was Toline's reply; "but the God of the Bible protected me."	- Да, сэр.
"Are you traveling alone?"	- Ты путешествуешь один?
"Yes, alone; the Reverend Paxton put me in charge of Jeffries Smith; but unfortunately the poor man was killed."	- Один. Преподобный отец Пэкстон поручил меня Джеффри Смиту. К несчастью, бедный носильщик погиб.
"And you did not know any one else on the train?"	- А ты никого больше не знал в этом поезде?
"No one, madam; but God watches over children and never forsakes them."	- Никого, сэр, но детей оберегает сам бог.

Toline said this in soft, quiet tones, which went to the heart.	Толине произнес эти слова проникновенным голосом.
When he mentioned the name of God his voice was grave and his eyes beamed with all the fervor that animated his young soul.	Когда он говорил о боге, он становился серьезным, глаза его загорались, и чувствовалось, что он взволнован всей душой.
This religious enthusiasm at so tender an age was easily explained.	Религиозный пыл у такого маленького мальчика объяснялся просто.
The child was one of the aborigines baptized by the English missionaries, and trained by them in all the rigid principles of the Methodist Church.	Он был одним из детей туземцев, которых английские миссионеры окрестили и воспитали в суровом духе методистской церкви.
His calm replies, proper behavior, and even his somber garb made him look like a little reverend already.	Сдержанные ответы, аккуратный темный костюм уже и теперь придавали ему вид маленького священника.
But where was he going all alone in these solitudes and why had he left Camden Bridge?	Но куда же брел мальчуган через эти пустынные места и почему покинул он Кемденский мост?
Lady Helena asked him about this.	Леди Элен спросила его об этом.
"I was returning to my tribe in the Lachlan," he replied. "I wished to see my family again."	- Я иду к моему племени в Лаклан, - пояснил Толине, - мне хочется повидать родных.
"Are they Australians?" inquired John Mangles.	- Они австралийцы? - спросил Джон Манглс.
"Yes, Australians of the Lachlan," replied Toline.	- Австралийцы из Лаклана.
"Have you a father and mother?" said Robert Grant.	- И у тебя есть отец, мать? - спросил Роберт Грант.
"Yes, my brother," replied Toline, holding out his hand to little Grant.	- Да, брат, - ответил Толине, протягивая руку юному Гранту.
Robert was so touched by the word brother that he kissed the black child, and they were friends forthwith.	Роберт, растроганный этим обращением, тут же обнял маленького австралийца, и оба мальчика сразу стали друзьями.
The whole party were so interested in these replies of the little Australian savage that they all sat round him in a listening group.	Путешественников так заинтересовали ответы маленького туземца, что скоро все сидели вокруг него и слушали.
But the sun had meantime sunk behind the tall trees, and as a few miles would not greatly retard their progress, and the spot they were in would be suitable for a halt, Glenarvan gave orders to prepare their camp for the night at once.	Солнце уже склонялось за высокие деревья. Место казалось удобным для стоянки, особенной надобности спешить не было, и поэтому Гленарван распорядился остановиться на привал.
Ayrton unfastened the bullocks and turned them out to feed at will.	Айртон распряг быков, стреножил их с помощью Мюльреди и Вильсона и пустил пастись на свободе.
The tent was pitched, and Olbinett got the supper ready.	Раскинули палатку. Олбинет приготовил обед.
Toline consented, after some difficulty, to share it, though he was hungry enough.	Толине, хотя и был голоден, не сразу согласился принять в нем участие.

He took his seat beside Robert, who chose out all the titbits for his new friend. Toline accepted them with a shy grace that was very charming.	Сели за стол. Мальчуганов посадили рядом. Роберт выбирал лучшие куски для своего нового товарища, а маленький туземец принимал их с несколько смущенным видом, но очень мило.
The conversation with him, however, was still kept up, for everyone felt an interest in the child, and wanted to talk to him and hear his history.	Разговор во время обеда не умолкал. Все с большим участием отнеслись к ребенку и засыпали его вопросами. Путешественникам хотелось узнать его историю.
It was simple enough.	Она была очень несложна.
He was one of the poor native children confided to the care of charitable societies by the neighboring tribes.	Прошлое Толине было совершенно таким же, как прошлое многих туземцев, отданных в раннем возрасте на попечение благотворительных обществ" колоний соседними туземными племенами.
The Australian aborigines are gentle and inoffensive, never exhibiting the fierce hatred toward their conquerors which characterizes the New Zealanders, and possibly a few of the races of Northern Australia.	Австралийцы - народ кроткий. Они не питают к английским завоевателям такой ненависти, как новозеландцы и, быть может, некоторые племена северной Австралии.
They often go to the large towns, such as Adelaide, Sydney and Melbourne, and walk about in very primitive costume.	Их нередко можно видеть в больших городах: в Аделаиде, Сиднее, Мельбурне, где они прогуливаются в своих первобытных костюмах.
They go to barter their few articles of industry, hunting and fishing implements, weapons, etc., and some of the chiefs, from pecuniary motives, no doubt, willingly leave their children to profit by the advantages of a gratuitous education in English.	Они торгуют мелкими поделками, охотничьими и рыболовными принадлежностями, оружием. Вожди некоторых племен предоставляют своим детям возможность получить английское образование.
This was how Toline's parents had acted. They were true Australian savages living in the Lachlan, a vast region lying beyond the Murray.	Так поступили и родители Толине, настоящие дикари обширного Лакланского края, раскинувшегося по ту сторону Муррея.
The child had been in Melbourne five years, and during that time had never once seen any of his own people.	За пять лет, проведенных мальчиком в Мельбурне, он не видел никого из своих.
And yet the imperishable feeling of kindred was still so strong in his heart that he had dared to brave this journey over the wilds to visit his tribe once more, scattered though perchance it might be, and his family, even should he find it decimated.	Тем не менее неугасимое родственное чувство жило в сердце Толине, и он не побоялся тяжелого пути через пустыню, чтобы добраться до своего племени, быть может уже рассеянного по всему материку Австралии. Он стремился повидаться со своей семьей, быть может уже погибшей.
"And after you have kissed your parents, are you coming back to Melbourne?" asked Lady Glenarvan.	- А повидавшись с родными, ты снова вернешься в Мельбурн, дитя мое? - спросила у него леди Элен.
"Yes, Madam," replied Toline, looking at the lady with a loving expression.	- Да, сударыня, - ответил Толине, с неподдельной нежностью глядя на молодую женщину.
"And what are you going to be some day?" she continued.	- А чем ты хочешь заняться, когда вырастешь?
"I am going to snatch my brothers from misery and ignorance. I am going to teach them, to bring them to know and love God.	- Хочу вырвать моих братьев из нищеты и невежества: хочу дать им знания и веру.

I am going to be a missionary."	Я буду миссионером!
Words like those, spoken with such animation from a child of only eight years, might have provoked a smile in light, scoffing auditors, but they were understood and appreciated by the grave Scotch, who admired the courage of this young disciple, already armed for the battle.	Слова эти, произнесенные с таким воодушевлением восьмилетним австралийцем, других, более легкомысленных людей могли бы насмешить, но вдумчивые шотландцы отнеслись к ним с пониманием и уважением.
Even Paganel was stirred to the depths of his heart, and felt his warmer sympathy awakened for the poor child.	Паганель был тронут до глубины души и почувствовал подлинную симпатию к маленькому туземцу.
To speak the truth, up to that moment he did not care much for a savage in European attire.	А надо признаться, что до сих пор этот дикарь, одетый в европейское платье, был не очень по душе географу.
He had not come to Australia to see Australians in coats and trousers.	Ведь он, Паганель, явился в Австралию не для того, чтобы видеть австралийцев в сюртуке, ему хотелось видеть на них татуировку.
He preferred them simply tattooed, and this conventional dress jarred on his preconceived notions.	"Приличная" одежда мальчика спутывала все его представления о туземцах.
But the child's genuine religious fervor won him over completely.	Но восторженные слова Толине изменили мнение ученого о нем, и он объявил себя поклонником маленького австралийца.
Indeed, the wind-up of the conversation converted the worthy geographer into his best friend.	Конец же разговора сделал почтенного географа лучшим другом мальчика.
It was in reply to a question Lady Helena had asked, that Toline said he was studying at the Normal School in Melbourne, and that the principal was the Reverend Mr. Paxton.	Когда леди Элен спросила Толине, где он учится, тот сообщил, что он ученик средней школы в Мельбурне, во главе которой стоит преподобный отец Пэкстон.
"And what do they teach you?" she went on to say.	- Что же тебе преподают в этой школе? - спросила леди Элен.
"They teach me the Bible, and mathematics, and geography."	- Мне преподают там Библию, математику, географию...
Paganel pricked up his ears at this, and said, "Indeed, geography!"	- О, географию! - воскликнул с живостью Паганель.
"Yes, sir," said Toline; "and I had the first prize for geography before the Christmas holidays."	- Да, сэр, - ответил Толине. - Перед январскими каникулами я даже получил первую награду по географии.
"You had the first prize for geography, my boy?"	- Ты получил награду по географии, мой мальчик?
"Yes, sir. Here it is," returned Toline, pulling a book out of his pocket.	- Вот она, сэр, - проговорил Толине, вытаскивая из кармана книгу.
It was a bible, 32mo size, and well bound.	То была Библия в хорошем переплете.
On the first page was written the words:	На оборотной стороне первой страницы стояла надпись:
"Normal School, Melbourne.	"Средняя школа в Мельбурне.

First Prize for Geography. Toline of the Lachlan."	Первая награда по географии ученику Толине из Лаклана".
Paganel was beside himself.	Тут Паганель не выдержал.
An Australian well versed in geography.	Подумать только: австралиец, хорошо знающий географию!
This was marvelous, and he could not help kissing Toline on both cheeks, just as if he had been the Reverend Mr. Paxton himself, on the day of the distribution of prizes.	Он в восторге расцеловал Толине в обе щеки, как, вероятно, поцеловал мальчика преподобный Пэкстон в день раздачи наград.
Paganel need not have been so amazed at this circumstance, however, for it is frequent enough in Australian schools. The little savages are very quick in learning geography. They learn it eagerly, and on the other hand, are perfectly averse to the science of arithmetic.	Ученый, однако, должен был бы знать, что подобное явление - не редкость в австралийских школах: юные туземцы очень способны к географии и с охотой ею занимаются; зато математика им не дается.
Toline could not understand this outburst of affection on the part of the Frenchman, and looked so puzzled that Lady Helena thought she had better inform him that Paganel was a celebrated geographer and a distinguished professor on occasion.	Толине совершенно не понял, за что его целуют. Леди Элен объяснила мальчику, что Паганель - знаменитый географ да к тому же еще замечательный преподаватель географии.
"A professor of geography!" cried Toline. "Oh, sir, do question me!"	- Преподаватель географии? - воскликнул Толине. - О, сэр, спросите меня!
"Question you? Well, I'd like nothing better.	- Спросить тебя, мой мальчик? - повторил Паганель. - Да с большим удовольствием!
Indeed, I was going to do it without your leave.	Я даже собирался сделать это без твоего разрешения.
I should very much like to see how they teach geography in the Normal School of Melbourne."	Я не прочь узнать, как преподается география в Мельбурнской средней школе.
"And suppose Toline trips you up, Paganel!" said McNabbs.	- А что, Паганель, если Толине окажется сильнее вас в географии? - спросил Мак-Наббс.
"What a likely idea!" exclaimed the geographer. "Trip up the Secretary of the Geographical Society of France."	- Ну уж извините, майор! - воскликнул ученый. - Сильнее секретаря Французского географического общества!..
Their examination then commenced, after Paganel had settled his spectacles firmly on his nose, drawn himself up to his full height, and put on a solemn voice becoming to a professor.	Затем, поправив на носу очки, выпрямившись во весь свой высокий рост, Паганель с важностью, подобающей преподавателю, начал экзамен:
"Pupil Toline, stand up."	- Ученик Толине, встаньте!
As Toline was already standing, he could not get any higher, but he waited modestly for the geographer's questions.	Толине, который и без того стоял, принял более почтительную позу и стал ожидать вопросов географа.
"Pupil Toline, what are the five divisions of the globe?"	- Ученик Толине, - продолжал Паганель, - назовите мне пять частей света.
"Oceanica, Asia, Africa, America, and Europe."	- Океания, Азия, Африка, Америка и Европа.
"Perfectly so.	- Прекрасно!

Now we'll take Oceanica first; where are we at this moment?	Начнем же с Океании, раз мы в данный момент в ней находимся.
What are the principal divisions?"	Скажите, как разделяется Океания?
"Australia, belonging to the English; New Zealand, belonging to the English; Tasmania, belonging to the English. The islands of Chatham, Auckland, Macquarie, Kermadec, Makin, Maraki, are also belonging to the English."	- Она разделяется на Полинезию, Меланезию и Микронезию. Главные ее острова следующие: Австралия, принадлежащая англичанам; Новая Зеландия, принадлежащая англичанам; Тасмания, принадлежащая англичанам; острова Чатем, Окленд, Маккуори, Кермадек, Макин, Мараки и другие, также принадлежащие англичанам.
"Very good, and New Caledonia, the Sandwich Islands, the Mendana, the Pomotou?"	- Хорошо! - ответил Паганель. - А Новая Каледония, Сандвичевы острова, Менданские острова, Паумоту?
"They are islands under the Protectorate of Great Britain."	- Эти острова находятся под протекторатом Великобритании.
"What!" cried Paganel, "under the Protectorate of Great Britain. I rather think on the contrary, that France-"	- Как под протекторатом Великобритании? - воскликнул Паганель. - Мне кажется, что, наоборот, Франции...
"France," said the child, with an astonished look.	- Франции? - с удивленным видом сказал мальчуган.
"Well, well," said Paganel; "is that what they teach you in the Melbourne Normal School?"	- Эге-ге! - сказал Паганель. - Так вот чему вас учат в Мельбурнской средней школе!
"Yes, sir.	- Да, господин учитель.
Isn't it right?" "Oh, yes, yes, perfectly right. All Oceanica belongs to the English. That's an understood thing. Go on."	А разве это неверно?
Paganel's face betrayed both surprise and annoyance, to the great delight of the Major.	У Паганеля был полураздосадованный-полуудивленный вид, доставлявший удовольствие майору. Экзамен продолжался.
"Let us go on to Asia," said the geographer.	- Перейдем к Азии, - сказал географ.
"Asia," replied Toline, "is an immense country.	- Азия, - сказал Толине, - огромная страна.
Capital-Calcutta.	Столица ее - Калькутта.
Chief Towns-Bombay, Madras, Calicut, Aden, Malacca, Singapore, Pegu, Colombo. The Lacca-dive Islands, the Maldives, the Chagos, etc., belonging to the English."	Главные города: Бомбей, Мадрас, Аден, Пегу, Сингапур, Коломбо; острова: Лаккадивские, Мальдивские, Чагос и многие другие. Все это принадлежит англичанам.
"Very good, pupil Toline.	- Хорошо, хорошо, ученик Толине.
And now for Africa."	А что вы знаете об Африке?
"Africa comprises two chief colonies-the Cape on the south, capital Capetown; and on the west the English settlements, chief city, Sierra Leone."	- В Африке две главные колонии: на юге Капская со столицей Капштадтом, а на западе английские владения с главным городом Сьерра-Леоне.

"Capital!" said Paganel, beginning to enter into this perfectly taught but Anglo-colored fanciful geography.	- Прекрасный ответ! - сказал Паганель, начавший уже мириться с этой англо-фантастической географией. - Вижу, преподавание у вас было поставлено как нельзя лучше.
"As to Algeria, Morocco, Egypt-they are all struck out of the Britannic cities."	Что же касается Алжира, Марокко, Египта, то они, конечно, стерты с английских атласов.
"Let us pass on, pray, to America."	Ну, а теперь я с удовольствием послушаю, что ты мне расскажешь об Америке.
"It is divided," said Toline, promptly, "into North and South America. The former belongs to the English in Canada, New Brunswick, New Scotland, and the United States, under the government of President Johnson."	- Америка делится на Северную и Южную, - начал Толине. - В Северной англичанам принадлежит Канада, Новый Браунсвик, Новая Шотландия, а также Соединенные Штаты, которыми управляет губернатор Джонсон.
"President Johnson," cried Paganel, "the successor of the great and good Lincoln, assassinated by a mad fanatic of the slave party.	- Губернатор Джонсон? - воскликнул Паганель. - Этот преемник великого Линкольна, убитого обезумевшим фанатиком - сторонником рабовладельцев?
Capital; nothing could be better.	Чудесно! Лучше этого и придумать нельзя.
And as to South America, with its Guiana, its archipelago of South Shetland, its Georgia, Jamaica, Trinidad, etc., that belongs to the English, too!	Ну, а Южная Америка с Гвианой, с Фолклендскими и Шетлендскими островами, Южной Георгией, Ямайкой, Тринидадом и так далее, и так далее - все это также принадлежит англичанам?
Well, I'll not be the one to dispute that point!	Не стану с тобой спорить.
But, Toline, I should like to know your opinion of Europe, or rather your professor's."	А теперь, Толине, мне хотелось бы знать твое мнение или, вернее, мнение твоих преподавателей, о Европе.
"Europe?" said Toline not at all understanding Paganel's excitement.	- О Европе? - переспросил маленький австралиец, не понимавший, почему так горячится географ.
"Yes, Europe!	- Да, о Европе.
Who does Europe belong to?"	Кому принадлежит Европа?
"Why, to the English," replied Toline, as if the fact was quite settled.	- Европа принадлежит англичанам, - убежденным тоном ответил мальчик.
"I much doubt it," returned Paganel. "But how's that, Toline, for I want to know that?"	- Я и сам так думал, - продолжал Паганель. - Но каким образом? Вот что мне хотелось бы знать.
"England, Ireland, Scotland, Malta, Jersey and Guern-sey, the Ionian Islands, the Hebrides, the Shetlands, and the Orkneys."	- Англичанам принадлежат Англия, Шотландия, Ирландия, Мальта, острова Джерси и Гернси, острова Ионические, Гебридские...
"Yes, yes, my lad; but there are other states you forgot to mention."	- Молодец, молодец, Толине! - перебил его Паганель. - Но ведь в Европе существуют и другие государства, о которых ты забыл упомянуть, мой мальчик.
"What are they?" replied the child, not the least disconcerted.	- Какие же, сэр? - спросил, не смущаясь, мальчуган.
"Spain, Russia, Austria, Prussia, France," answered Paganel.	- Испания, Россия, Австрия, Пруссия, Франция.

"They are provinces, not states," said Toline.	- Это провинции, а не государства, - сказал Толине.
"Well, that beats all!" exclaimed Paganel, tearing off his spectacles.	- Это уж слишком! - крикнул Паганель, срывая с себя очки.
"Yes," continued the child.	- Конечно, провинции.
"Spain-capital, Gibraltar."	Столица Испании - Гибралтар...
"Admirable! perfect! sublime!	- Восхитительно! Чудесно! Бесподобно!
And France, for I am French, and I should like to know to whom I belong."	Ну, а Франция? Я ведь француз, и мне хотелось бы знать, кому я принадлежу.
"France," said Toline, quietly, "is an English province; chief city, Calais."	- Франция? Это английская провинция, - ответил спокойно Толине. - Главный город Кале.
"Calais!" cried Paganel.	- Кале! - крикнул Паганель. - Как!
"So you think Calais still belongs to the English?"	Ты считаешь, что Кале до сих пор принадлежит Англии?
"Certainly."	- Конечно!
"And that it is the capital of France?"	- И ты думаешь, что это главный город Франции?
"Yes, sir; and it is there that the Governor, Lord Napo-leon, lives." This was too much for Paganel's risible faculties. He burst out laughing.	- Да, сэр. И там живет губернатор лорд Наполеон... Тут Паганель расхохотался.
Toline did not know what to make of him.	Мальчуган не знал, что и думать.
He had done his best to answer every question put to him.	Его спрашивали, и он старался ответить как можно лучше.
But the singularity of the answers were not his blame; indeed, he never imagined anything singular about them.	Но курьезность его ответов не могла быть поставлена ему в вину: он даже не подозревал о ней.
However, he took it all quietly, and waited for the professor to recover himself. These peals of laughter were quite incomprehensible to him.	Все же юный австралиец не казался смущенным и с серьезным видом ждал конца этого непонятного веселья.
"You see," said Major McNabbs, laughing, "I was right. The pupil could enlighten you after all."	- Вот видите, - смеясь, сказал майор. - Разве я не был прав, когда говорил, что ученик Толине превзойдет вас?
"Most assuredly, friend Major," replied the geographer. "So that's the way they teach geography in Melbourne!	- Несомненно, милый майор, - ответил географ. - Вот как преподают географию в Мельбурне!
They do it well, these professors in the Normal School!	Хороши учителя в этой школе!
Europe, Asia, Africa, America, Oceanica, the whole world belongs to the English.	Подумать только: Европа, Азия, Африка, Америка, Океания - все, весь мир принадлежит англичанам!
My conscience! with such an ingenious education it is no wonder the natives submit. Ah, well, Toline, my boy, does the moon belong to England, too?"	Черт возьми! При таком воспитании я понимаю, что туземцы подчиняются англичанам... Ну, Толине, а как луна? Что она - тоже принадлежит англичанам?

"She will, some day," replied the young savage, gravely.	- Будет принадлежать, - серьезно ответил мальчик.
This was the climax. Paganel could not stand any more.	Тут Паганель вскочил - он уже не мог усидеть на месте.
He was obliged to go away and take his laugh out, for he was actually exploding with mirth, and he went fully a quarter of a mile from the encampment before his equilibrium was restored.	Его душил смех, и он отбежал чуть ли не на четверть мили от лагеря, чтобы посмеяться вволю.
Meanwhile, Glenarvan looked up a geography they had brought among their books.	Между тем Гленарван разыскал в своей дорожной библиотечке
It was "Richardson's Compendium," a work in great repute in England, and more in agreement with modern science than the manual in use in the Normal School in Melbourne.	"Краткий очерк географии" Самуэля Ричардсона. Эта книга была очень популярна в Англии и давала более научные сведения о земном шаре, чем мельбурнские преподаватели.
"Here, my child," he said to Toline, "take this book and keep it. You have a few wrong ideas about geography, which it would be well for you to rectify.	- Вот возьми, малыш, - сказал Гленарван маленькому австралийцу. - У тебя не совсем верные сведения по географии, и их полезно исправить.
I will give you this as a keepsake from me."	Дарю тебе эту книгу на память о нашей встрече.
Toline took the book silently; but, after examining it attentively, he shook his head with an air of incredulity, and could not even make up his mind to put it in his pocket.	Толине молча взял книгу и стал внимательно ее рассматривать, недоверчиво качая головой и не решаясь сунуть ее в карман.
By this time night had closed in; it was 10 P.	Тем временем совсем стемнело. Было десять часов вечера.
M. and time to think of rest, if they were to start betimes next day.	Следовало подумать о сне: ведь на следующий день нужно было вставать на рассвете.
Robert offered his friend Toline half his bed, and the little fellow accepted it.	Роберт предложил своему другу Толине половину постели, и маленький туземец улегся подле него.
Lady Helena and Mary Grant withdrew to the wagon, and the others lay down in the tent, Paganel's merry peals still mingling with the low, sweet song of the wild magpie.	Несколько минут спустя леди Элен и Мери Грант ушли в свою повозку, мужчины улеглись в палатке, и только доносившийся издали хохот Паганеля сливался с тихим стрекотом сорок.
But in the morning at six o'clock, when the sunshine wakened the sleepers, they looked in vain for the little Australian.	На следующее утро, когда в шесть часов солнечный луч разбудил наших путешественников, они уже не нашли рядом с собой австралийского мальчика.
Toline had disappeared.	Толине исчез.
Was he in haste to get to the Lachlan district? or was he hurt by Paganel's laughter? No one could say.	Стремился ли он поскорее попасть в свой родной край или его обидели насмешки Паганеля, это так и осталось неизвестным.
But when Lady Helena opened her eyes she discovered a fresh branch of mimosa leaves lying across her, and Paganel found a book in his vest pocket, which turned out to be	Но, когда леди Элен проснулась, она нашла у себя на груди букет свежих мимоз, а Паганель обнаружил в кармане своей куртки
"Richardson's Geography."	"Географию" Самуэля Ричардсона.

CHAPTER XIII A WARNING	Глава XIV ПРИИСКИ ГОРЫ АЛЕКСАНДРА В 1814 году Родерик Мерчисон, ныне президент Королевского географического общества в Лондоне, сравнив горную цепь, которая тянется с севера на юг, заканчиваясь у южного побережья Австралии, и Уральский хребет, нашел, что между ними существует замечательное сходство. А так как Уральский хребет золотоносен, то геолог, естественно, предположил, что этот драгоценный металл должен встречаться и в австралийских горах. И он не ошибся. Действительно, два года спустя Мерчисону были присланы из Нового Южного Уэльса образцы золота, и геолог побудил многих корнуэльских рабочих отправиться в золотоносные районы Новой Голландии. Первым нашел в Южной Австралии золотые самородки Френсис Даттон. Золотые же россыпи были открыты Форбсом и Смитом. Как только разнесся слух об этих открытиях, в Южную Австралию со всех частей света устремились золотоискатели: англичане, американцы, итальянцы, французы, немцы, китайцы. Однако только 3 апреля 1851 года Харгрейвс открыл чрезвычайно богатые месторождения золота и предложил указать это место губернатору колонии Сидней Фицрою за незначительную сумму - в пятьсот фунтов стерлингов. Предложение это не было принято губернатором, но слух об открытии Харгрейвса получил распространение, и золотоискатели наводнили Соммерхилл и Ленис-Понд. Здесь был основан город Офир, который благодаря соседству с богатыми приисками скоро оправдал свое название. До тех пор никто не интересовался провинцией Виктория, а между тем ей суждено было превзойти все другие провинции богатством своих залежей. Несколько месяцев спустя, в августе 1851 года, в провинции Виктория были найдены первые самородки золота, а затем вскоре открылись и обширные прииски в ее четырех округах: Балларат, Оуэнс, Бендиго и горы Александра. Все эти четыре округа были очень богаты золотом. Но на берегах реки Оуэнс обильные подпочвенные воды затрудняли добычу золота; в Балларате расчеты предпринимателей часто не оправдывались из - за неравномерного его распределения, в Бендиго почва была непригодна для работы старателей. Лишь у горы Александра все условия благоприятствовали добыче золота, и оно, расцениваясь по тысяче четыреста сорока одному франку за фунт, продавалось прибыльнее, чем где-либо на земном шаре. Через это место проходила и тридцать седьмая параллель, по которой следовала экспедиция в поисках Гарри Гранта. Весь день 31 декабря путешественники ехали по сильно пересеченной местности, что очень утомило и

лошадей и быков. Наконец под вечер показались округлые вершины горы Александра. Путешественники расположились лагерем в узком ущелье этой невысокой горной цепи и пустили быков и лошадей в путах искать корм среди обломков кварца. Это еще не был район, где разрабатывались золотые россыпи. Только на следующий день, первый день нового, 1865 года, тяжелые колеса повозки заскрипели по дорогам этого богатейшего края. Жак Паганель и его спутники были довольны, что им удалось увидеть на своем пути знаменитую гору, носившую на австралийском языке название "Джебур". Сюда, к этой горе, стекались целые орды авантюристов, воров и людей порядочных: и те, кто вешает, и те, кого вешают. При первых слухах о "великом открытии" в "золотом" 1851 году горожане, крестьяне, матросы покинули свои дома, поля и корабли. Золотая горячка стала эпидемией, заразной, как чума, и сколько от нее поумирало людей, уже видевших себя богачами! Шли толки, будто расточительная природа посеяла в Австралии на двадцати пяти градусах широты многие миллионы. Ремесло золотоискателя затмило все прочие. Многие из пришельцев, не выдержав тяжелого труда, погибали; другие, наоборот, обогащались одним ударом заступа. О неудачниках умалчивалось, а о счастливцах гремела молва, разносившаяся эхом по всем пяти частям света. Вскоре целые потоки авантюристов разных сословий хлынули на побережье Австралии. За последние четыре месяца 1852 года только в один Мельбурн понаехало пятьдесят четыре тысячи эмигрантов - целая армия, но армия без вождя, без дисциплины, армия, предвкушавшая еще не состоявшуюся победу. Словом, понаехало пятьдесят четыре тысячи самых зловредных хищников. В первые годы этого безумного опьянения повсюду царил неописуемый беспорядок. Но англичане, с их энергичностью, быстро стали хозяевами положения. Из местных жителей была набрана полиция, и многие из недавних воров теперь сами стали блюстителями порядка. Все резко изменилось. Поэтому Гленарван уже не застал жутких сцен, которые разыгрывались здесь в 1852 году. С тех пор протекло тринадцать лет, и теперь работы на приисках велись методично и организованно. Однако золотые россыпи начали иссякать. Усиленная разработка истощила их. Да и как могли не иссякнуть эти богатства природы, когда только с 1852 по 1858 год золотоискатели вырвали из недр земли золота больше чем на шестьдесят три миллиона фунтов стерлингов! Количество эмигрантов в связи с сокращением добычи золота уменьшилось. Жаждущие наживы бросились в места, еще не тронутые рукой

человека. И теперь золотая лихорадка забросила миллионы двуногих муравьев на недавно открытые прииски в Отаго и Марлборо в Новой Зеландии. К одиннадцати часам путешественники добрались до центра разработок. Здесь поднимался настоящий город с заводами, банками, церковью, казармой и газетными лавками. Были и гостиницы, и фермы, и виллы, и даже один пользующийся популярностью театр, где за вход берут десять шиллингов. Там с большим успехом шла пьеса местного драматурга под названием "Френсис Обадия, или Счастливый золотоискатель". В последней сцене герой, уже отчаявшись в успехе, вдруг находит самородок невероятных размеров. Гленарван, желая осмотреть обширные золотые прииски горы Александра, отправил вперед повозку в сопровождении Айртона и Мюльреди, обещая нагнать ее через несколько часов. План этот привел в восторг Паганеля, и он, по своему обыкновению, взялся быть чичероне - проводником своих спутников. По его совету первым делом отправились в банк. Улицы были широкие, вымощенные и тщательно политые. Внимание привлекали гигантские рекламы различных золотопромышленных компаний. Эти объединения рабочих рук и капитала пришли на смену одиноким старателям. Слышался шум машин, промывавших песок и измельчавших драгоценный кварц. За постройками простирались золотые россыпи, иными словами - обширные земельные пространства, откуда добывалось золото. Здесь работали рудокопы, нанятые и хорошо оплачиваемые золотопромышленными компаниями. Немыслимо было сосчитать все видневшиеся кругом ямы. Железные заступы вспыхивали на солнце, точно молнии. Среди рудокопов были люди самых различных национальностей. Но никто не ссорился. Все одинаково спокойно выполняли свою обычную работу. - Не следует, однако, думать, - сказал Паганель, - что на австралийской земле совершенно перевелись искатели, охваченные страстной жаждой найти золото. Конечно, большинство продает свой труд разным компаниям. Да и что остается делать этим людям, раз государство продало или сдало в аренду все золотоносные земли компаниям? Но все же и человек, у которого ничего нет, который не может ни купить, ни арендовать золотоносную землю, имеет возможность обогатиться. - Какая же это возможность? - спросила леди Элен.
- Джампинг, - ответил Паганель. - Например, даже мы, не имеющие никаких прав на здешние золотоносные земли, и то могли бы разбогатеть, понятно, если нам уж очень посчастливится.
- Но каким же образом? - поинтересовался майор.

- Благодаря джампингу, о котором я имел уже честь вам говорить. - А что такое джампинг? - спросил майор. - Это соглашение, действующее среди рудокопов. Из-за него, правда, происходят порой беспорядки и даже насилия, но, однако, властям так и не удалось отменить его. - Рассказывайте, Паганель, - сказал Мак-Наббс, - не томите. - Ну так слушайте. В силу этого соглашения любой участок в центре приисков, где в течение суток не производится работа (за исключением праздников), делается общим достоянием. Каждый, кто захватит такой участок, может его разрабатывать и стать богачом, если только счастье улыбнется ему. Итак, Роберт, постарайся найти одну из таких брошенных ям, и она станет твоей. - Пожалуйста, не наводите моего брата на такие мысли господин Паганель, - сказала Мери Грант. - Я шучу, дорогая мисс, и Роберт прекрасно это понимает. Он - рудокоп? Никогда! Пахать землю, переворачивать ее, обрабатывать, засевать, а затем ждать за свои труды урожая - вот это дело! Но рыться в земле, наподобие крота, вслепую, стремясь вырвать оттуда крохи золота, - это жалкое ремесло, и только отверженные и небом и людьми могут им заниматься. Побывав в самом центре приисков и пройдя по земле, состоявшей главным образом из кварца, глинистого сланца и песка, когда-то содержавших в себе золото, путешественники подошли к банку. Это было большое здание, на крыше которого развевался английский флаг. Гленарван обратился к главному инспектору банка, и тот любезно согласился показать ему и его спутникам свое учреждение. В этот банк компании сдают под расписку золото, добытое из недр земли. Прошло время, когда скупщики наживались на старателях, покупая у них золото по 53 шиллинга за унцию и перепродавая в Мельбурне по 65. Правда, в дороге скупщики подвергались опасности, и даже эскорт не всегда спасал от нападений многочисленных грабителей с большой дороги. Инспектор показал посетителям любопытные образцы золота и сообщил им ряд интересных подробностей о различных способах добывания этого металла. Обычно золото встречается в двух видах: коренное и рассыпное. Его находят в руде либо смешанным с наносной землей, либо заключенным в кварцевую оболочку. Поэтому при его добывании, сообразуясь со свойствами почвы, производят либо поверхностные, либо глубинные раскопки. Рассыпное золото обычно встречается на дне рек и ручьев, долин и оврагов и располагается соответственно величине: сверху песчинки, затем крупинки, в самом низу кусочки побольше. А коренное золото из жил, обнаженных выветриванием, залегает в больших

количествах на одном месте, в так называемых "карманах". Иногда в таких карманах лежит целое состояние. У горы Александра золото большей частью встречается в глинистых пластах и в расщелинах сланцевых скал. Здесь попадаются целые гнезда самородков, и счастливцам не раз удавалось находить их. Осмотрев различные образцы золота, посетители прошлись затем по минералогическому музею банка. Здесь были представлены и классифицированы все породы, из которых состоит почва Австралии, и к каждому образцу был прикреплен ярлычок. Золото не единственное богатство этой страны: она по справедливости может быть названа обширным ларцом, в котором природа хранит свои драгоценности. Под стеклами витрин блестели белые топазы, могущие соперничать с бразильскими, гранаты-альмандины, зеленые эпидоты, рубины необыкновенной красоты - ярко-красные и розовые, сапфиры - бледно-голубые и темно-синие, так же высоко ценимые, как сапфиры Малабара и Тибета, блестящие рутилы и, наконец, маленький кристаллик алмаза, найденный в здешних местах. В этой сияющей коллекции были представлены все драгоценные камни, не было недостатка и в золоте для оправ, даже если бы понадобилось оправить их все. Поблагодарив инспектора за любезность, Гленарван простился с ним, а затем продолжал со своими спутниками осмотр золотых россыпей. Как ни был Паганель равнодушен к благам сего мира, однако он не отрывал глаз от земли. Он ничего не мог с собой поделать, и даже шутки его спутников не помогали. Он ежеминутно нагибался, поднимал то камешек, то кусок жильной породы, то осколок кварца. Внимательно осмотрев, он отшвыривал их с пренебрежением. И так в течение всей прогулки. - Что с вами, Паганель? Потеряли вы что-нибудь? - спросил его майор. - Конечно, потерял, - ответил ученый, - в этой стране золота и драгоценных камней если вы ничего не нашли, то, значит, потеряли. Не знаю почему, но мне очень хотелось бы увезти отсюда самородок в несколько унций или даже фунтов в двадцать, не больше. - А что бы вы стали делать с ним, мой почтенный друг? - поинтересовался Гленарван. - О, это не проблема! Я поднес бы его в дар моей родине, - ответил Паганель, - положил бы его в государственный банк Франции. - И его приняли бы? - Без сомнения, в виде облигаций железнодорожной компании. Все поздравили Паганеля с его мыслью "облагодетельствовать" таким способом свою родину. Леди Элен пожелала ему найти самый крупный самородок в мире. Так, весело разговаривая,

путешественники обошли большую часть приисков. Всюду работы шли размеренно, но механически, без воодушевления. После двухчасовой прогулки Паганель заметил приличный трактир и предложил своим спутникам посидеть там, пока не придет время догонять повозку. И так как в трактире приятно освежиться, Паганель попросил трактирщика принести какой-нибудь местный напиток. Каждому из них принесли по стакану "коблера". Это, в сущности, грог навыворот. Вместо того чтобы в большой стакан воды влить маленькую рюмку водки, здесь в большой стакан водки вливают маленькую рюмку воды, затем кладут туда сахар и пьют. Это было уж слишком по-австралийски, поэтому, к удивлению трактирщика, его посетители потребовали графин воды, и коблер, разбавленный водой, превратился в британский грог. Затем, естественно, заговорили о приисках и рудокопах. Паганель, очень довольный всем виденным, однако, сказал, что было бы интереснее побывать в этих местах в первые годы разработки золотых приисков. - Земля тогда, - пояснил он свою мысль, - была вся изрешечена ямами, в которых кишело бесчисленное множество трудолюбивых муравьев, да еще каких трудолюбивых! Однако эмигранты переняли у муравьев их пыл в работе, но не их рачительность. Золото бездумно тратили: его пропивали, проигрывали, и этот самый трактир, где мы сейчас находимся, был, наверно, адом. Игра в кости заканчивалась поножовщиной. Полиция была бессильна что-либо сделать. Не раз губернатор колонии бывал принужден высылать регулярные войска для усмирения расходившихся золотоискателей... Все же ему удалось образумить их: он, хотя и не без труда, заставил уважать право патента и, в общем, на здешних приисках было меньше буйств и беспорядка, чем в Калифорнии. - Значит, золотоискателем может быть каждый? - спросила леди Элен. - Да, сударыня. Для этого нет необходимости кончать колледж, довольно двух крепких рук. Гонимые нуждой, авантюристы являлись на прииски без гроша, богатые - с заступом, бедные - только с ножом, но все они бросались копать землю с такой бешеной страстью, с какой, конечно, они не занимались бы ни одним честным ремеслом. А как выглядели в ту пору эти золотоносные земли! Здесь были разбросаны палатки, брезентовые навесы, хижины, землянки, бараки из досок и ветвей. В центре возвышалась палатка представителей власти, над которой развевался британский флаг. Вокруг нее располагались синие тиковые палатки военных, а дальше - лавки менял, скупщиков золота, торговцев - всех, кто спекулировал на

этом смешении богатства и бедности. Эти-то господа наживались наверняка. Посмотрели бы вы на длиннобородых золотоискателей в красных шерстяных рубашках, живших здесь в грязи и сырости! В воздухе стоял несмолкаемый гул от ударов заступов и разносились зловонные испарения от валявшихся кругом трупов животных. Над беднягами облаком стояла удушливая пыль. Смертность была очень высокой, и, не будь местный климат таким благодатным, их всех скосил бы тиф. И если бы все эти авантюристы добивались успеха! Но страдания не вознаграждались, и, если посчитать хорошенько, оказалось бы, что на одного разбогатевшего золотоискателя приходится сто, двести, а то и тысяча погибших в нужде и отчаянии. - Не могли бы вы, Паганель, рассказать нам, как тогда добывалось золото? - попросил Гленарван. - Делалось это как нельзя более просто, - ответил географ. - Первые старатели промывали золото почти так же, как это и теперь проделывается в некоторых местах в Севеннах, во Франции. В настоящее время золотопромышленные компании действуют иначе: они добираются до самых истоков золота, до золотоносных жил, откуда происходят все самородки, чешуйки и песчинки. Но первые золотоискатели довольствовались всего - навсего промывкой золотоносных песков. Они рыли землю, брали те ее пласты, которые им казались наиболее богатыми золотом, а затем, промывая их, добывали драгоценный металл. Было приспособление для промывки, вывезенное из Америки, которое называли "люлькой". Это ящик длиной от пяти до шести футов, нечто вроде открытого гроба, разделенного на два отделения. В одном из этих отделений было несколько расположенных одно над другим сит, причем внизу ставились более частые. Второе отделение книзу суживалось. И вот на верхнее сито сыпали золотоносный песок, лили на него воду, а затем начинали качать люльку. При этом на первом сите оставались камни, на следующих - руда и песок. Разжиженная земля уходила с водой через второе, суживающееся книзу отделение. Такова была машина, которой тогда пользовались. - Но и ее надо было иметь, - заметил Джон Манглс. - Обыкновенно машину покупали у разбогатевших или разорившихся золотоискателей или обходились без нее. - А чем ее заменяли? - спросила Мери Грант. - Железным листом, дорогая Мери, простым железным листом. Землю веяли, как пшеницу, с той лишь разницей, что вместо пшеничных зерен иногда попадались крупинки золота. В первый год золотой лихорадки многие старатели разбогатели, не тратясь ни на какое оборудование.

Видите, друзья мои, то было прибыльное время, хотя за сапоги и платили сто пятьдесят франков, а стакан лимонада стоил десять шиллингов. Ведь кто поспеет первым, тот всегда и в выигрыше. Золото было повсюду в изобилии: и на поверхности земли, и на дне ручьев, и даже на улицах Мельбурна - ведь и в щебне была золотая пыль. И вот за время с двадцать шестого января по двадцать четвертое февраля 1852 года из горы Александра было вывезено в Мельбурн под охраной правительственных войск на восемь миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят франков драгоценного металла. Это составляет в среднем на каждый день сто шестьдесят четыре тысячи семьсот двадцать пять франков. - Почти столько, сколько расходует в год на личные нужды российский император! - Бедняга! - пошутил майор. - А известны случаи внезапного обогащения? - спросила леди Элен. - Их было несколько. - И вы их знаете? - спросил Гленарван. - Конечно, знаю, - ответил Паганель. - В 1852 году в округе Балларат был найден самородок весом в пятьсот семьдесят три унции, а в Гипсленде - весом в семьсот восемьдесят две унции, и там же в 1861 году нашли слиток в восемьсот тридцать четыре унции. Один такой удар заступа - и рента в одиннадцать тысяч франков обеспечена! - На сколько же увеличилась мировая добыча золота с тех пор, как открыли эти россыпи? - спросил Джон Манглс. - Увеличилась колоссально, дорогой Джон. В начале столетия годовая добыча золота выражалась в сумме сорок семь миллионов франков, а в настоящее время в Австралии, Европе, Азии и Америке золота добывается на девятьсот миллионов, почти на миллиард. - Значит, возможно, господин Паганель, на том самом месте, где мы стоим с вами, прямо у нас под ногами скрыто много золота? - промолвил Роберт. - Да, мой милый, целые миллионы. Мы ходим по ним. Но если мы топчем их, так это потому, что мы их презираем. - Значит, Австралия - счастливая страна? - Нет, Роберт, - ответил географ, - страны, богатые золотом, никогда не бывают счастливы. Они порождают лентяев, а не сильных и трудолюбивых людей. Взгляни на Бразилию, Мексику, Калифорнию, Австралию. Что представляют они собой в девятнадцатом веке? Знай, мой мальчик: благоденствует не страна золота, а страна железа.

Глава XV "АВСТРАЛИЙСКАЯ И НОВОЗЕЛАНДСКАЯ ГАЗЕТА"

ON the 2d of January, at sunrise, the travelers forded the Colban and the Caupespe rivers.	2 января на восходе солнца путешественники покинули пределы золотоносного района и графства Толбот. Копыта их лошадей ступали теперь по пыльным тропам графства Далхоузи. Несколько часов спустя отряд вброд перебрался через речки Кальбоан и Кемпейс на 144° 35' и 144°45' долготы.
The half of their journey was now accomplished.	Половина расстояния, отделявшего путешественников от цели, была пройдена.
In fifteen days more, should their journey continue to be prosperous, the little party would reach Twofold Bay.	Еще две недели такого же благополучного путешествия - и маленький отряд достигнет берегов Туфоллд-Бей.
They were all in good health.	К тому же все чувствовали себя отлично.
All that Paganel said of the hygienic qualities of the climate was realized.	Слова Паганеля о здоровом климате Австралии вполне оправдались.
There was little or no humidity, and the heat was quite bearable.	В воздухе почти не ощущалось сырости, и жара была очень умеренной.
Neither horses nor bullocks could complain of it any more than human beings.	Лошади и быки, так же как и люди, нисколько не страдали.
The order of the march had been changed in one respect since the affair of Camden Bridge.	Надо сказать, что после Кемденского моста в походном строе отряда произошла некоторая перемена.
That criminal catastrophe on the railway made Ayrton take sundry precautions, which had hitherto been unnecessary.	Когда Айртон узнал о том, что железнодорожная катастрофа была вызвана преступлением, он посоветовал принять некоторые меры предосторожности, в которых до сих пор не было надобности.
The hunters never lost sight of the wagon, and whenever they camped, one was always placed on watch.	Теперь всадники не выпускали из виду повозку, а во время привалов один из них должен был нести караул.
Morning and evening the firearms were primed afresh.	Утром и вечером тщательно осматривались ружья.
It was certain that a gang of ruffians was prowling about the country, and though there was no cause for actual fear, it was well to be ready for whatever might happen.	Раз было известно, что в окрестностях бродит шайка злоумышленников, то, хотя непосредственная опасность еще и не грозила, тем не менее следовало держаться настороже.
It need hardly be said these precautions were adopted without the knowledge of Lady Helena and Mary Grant, as Lord Glenarvan did not wish to alarm them.	Излишне говорить о том, что это делалось без ведома леди Элен и Мери: Гленарван не хотел пугать их.
They were by no means unnecessary, however, for any imprudence or carelessness might have cost the travelers dear.	Такое решение было обоснованно. Неосторожность и даже простая небрежность могли обойтись дорого.
Others beside Glenarvan were on their guard. In lonely settlements and on stations, the inhabitants and the squatters prepared carefully against any attack or surprise.	Впрочем, не один Гленарван опасался злоумышленников - жители уединенных городков и фермеры также принимали меры предосторожности против нападения и всяких неожиданностей.

Houses are closed at nightfall; the dogs let loose inside the fences, barked at the slightest sound.	Уже в сумерки все дома запирались. Собаки, спущенные с цепи, заливались лаем при приближении посторонних.
Not a single shepherd on horseback gathered his numerous flocks together at close of day, without having a carbine slung from his saddle.	У каждого из пастухов, загонявших на ночь огромные стада, висел на луке седла карабин.
The outrage at Camden Bridge was the reason for all this, and many a colonist fastened himself in with bolts and bars now at dusk, who used to sleep with open doors and windows.	Такие чрезвычайные меры были вызваны известием о преступлении, совершенном на Кемденском мосту. Многие колонисты, спавшие до тех пор с открытыми дверями и окнами, теперь, как только смеркалось, запирались на все засовы.
The Government itself displayed zeal and prudence, especially in the Post-office department.	Администрация провинции тоже проявила бдительность и усердие.
On this very day, just as Glenarvan and his party were on their way from Kilmore to Heathcote, the mail dashed by at full speed; but though the horses were at a gallop, Glenarvan caught sight of the glittering weapons of the mounted police that rode by its side, as they swept past in a cloud of dust.	В окрестности были разосланы полицейские отряды из туземцев. Телеграммы стали доставляться под охраной. Раньше почтовая карета разъезжала по большим дорогам без конвоя.
The travelers might have fancied themselves back in those lawless times when the discovery of the first gold-fields deluged the Australian continent with the scum of Europe.	Но вот когда отряд Гленарвана пересекал большую дорогу из Килмора в Хиткот, мимо него промчалась, поднимая облака пыли, почтовая карета, и, как ни быстро неслась она, Гленарван успел заметить блеснувшие карабины полисменов, скакавших у ее дверец.
A mile beyond the road to Kilmore, the wagon, for the first time since leaving Cape Bernouilli, struck into one of those forests of gigantic trees which extend over a super-fices of several degrees.	Можно было подумать, что еще не кончилась та мрачная пора, когда вслед за открытием золотых россыпей на Австралийский материк устремились подонки европейского общества.
A cry of admiration escaped the travelers at the sight of the eucalyptus trees, two hundred feet high, with tough bark five inches thick.	Проехав с милю от Килморской дороги, повозка очутилась в лесу с гигантскими деревьями.
The trunks, measuring twenty feet round, and furrowed with foamy streaks of an odorous resin, rose one hundred and fifty feet above the soil.	Впервые с тех пор, как путешественники отправились в путь с мыса Бернулли, они очутились в таком массиве, который покрывает пространство в несколько градусов.
Not a branch, not a twig, not a stray shoot, not even a knot, spoilt the regularity of their outline.	У всех вырвался крик восхищения при виде эвкалиптов в двести футов вышины, с их губчатой корой толщиной до пяти дюймов.
They could not have come out smoother from the hands of a turner.	На этих стволах двадцати футов в окружности, изборожденных ручейками душистой смолы, не было видно ни ветки, ни сука, ни случайного побега, ни даже изгиба.
They stood like pillars all molded exactly alike, and could be counted by hundreds.	Выйдя они из рук токаря, они и то не могли бы быть ровнее.
At an enormous height they spread out in chaplets of branches, rounded and adorned at their extremity with alternate leaves.	Было похоже, что стоят сотни совершенно одинаковых колонн.

At the axle of these leaves solitary flowers drooped down, the calyx of which resembles an inverted urn.	А завершались они на громадной высоте капителями из круто изогнутых ветвей, на концах которых росли симметричные листья и крупные цветы, похожие на опрокинутые урны.
Under this leafy dome, which never lost its greenness, the air circulated freely, and dried up the dampness of the ground.	Под этим вечнозеленым куполом свободно циркулировал воздух, высушивая почву.
Horses, cattle, and wagon could easily pass between the trees, for they were standing in wide rows, and parceled out like a wood that was being felled.	Деревья росли так далеко друг от друга, что между ними, словно по просеке, могли свободно проходить стада быков, проезжать всадники и телеги.
This was neither like the densely-packed woods choked up with brambles, nor the virgin forest barricaded with the trunks of fallen trees, and overgrown with inextricable tangles of creepers, where only iron and fire could open up a track.	Не то что чаща колючих кустов или девственный лес, загроможденный свалившимися стволами, опутанный цепкими лианами, через которые только топор и огонь могут проложить дорогу пионерам.
A grassy carpet at the foot of the trees, and a canopy of verdure above, long perspectives of bold colors, little shade, little freshness at all, a peculiar light, as if the rays came through a thin veil, dappled lights and shades sharply reflected on the ground, made up a whole, and constituted a peculiar spectacle rich in novel effects.	Ковер травы у подножия деревьев, завеса зелени по их вершинам, длинные, уходящие вдаль ряды стройных стволов, мало тени и прохлады и какой-то особенный свет, будто проходящий через тонкую ткань, ровные освещенные полосы, четкая игра отблесков на земле - все это создавало причудливую, изменчивую картину.
The forests of the Oceanic continent do not in the least resemble the forests of the New World; and the Eucalyptus, the	Австралийский лес совершенно не похож на лес Нового Света.
"Tara" of the aborigines, belonging to the family of MYRTACEA, the different varieties of which can hardly be enumerated, is the tree par excellence of the Australian flora.	Эвкалипт, одна из бесчисленных разновидностей семейства миртовых, занимает главное место среди древесных пород Австралии.
The reason of the shade not being deep, nor the darkness profound, under these domes of verdure, was that these trees presented a curious anomaly in the disposition of the leaves.	То, что тень его не густа и под его зелеными сводами не бывает очень темно, объясняется любопытной аномалией в расположении листьев этого дерева.
Instead of presenting their broad surface to the sunlight, only the side is turned. Only the profile of the leaves is seen in this singular foliage.	Все они обращены к солнцу не лицевой стороной, а ребром, и глаз видит эту необычную листву только в профиль.
Consequently the sun's rays slant down them to the earth, as if through the open slants of a Venetian blind.	Вот почему лучи солнца проникают как будто через щели жалюзи.
Glenarvan expressed his surprise at this circumstance, and wondered what could be the cause of it. Paganel, who was never at a loss for an answer, immediately replied:	Все заметили это и были удивлены: почему так странно расположены листья? Понятно, этот вопрос был обращен к Паганелю, и он ответил с готовностью человека, которого ничто не может поставить в тупик.
"What astonishes me is not the caprice of nature. She knows what she is about, but botanists don't always know what they are saying.	- Меня удивляют не странности природы, - сказал он, - природа знает, что делает, но ботаники иногда не знают, что говорят.

Nature made no mistake in giving this peculiar foliage to the tree, but men have erred in calling them EUCALYPTUS."	Природа не ошиблась, дав этим деревьям такую своеобразную листву, а вот люди неверно назвали их эвкалиптами.
"What does the word mean?" asked Mary Grant.	- А что значит это слово? - спросила Мери Грант.
"It comes from a Greek word, meaning I cover well.	- По-гречески это значит: "Я хорошо покрываю".
They took care to commit the mistake in Greek, that it might not be so self-evident, for anyone can see that the ecualyptus covers badly."	Ботаники постарались скрыть свою ошибку, назвав растение греческим словом, однако очевидно, что эвкалипт покрывает очень плохо.
"I agree with you there," said Glenarvan; "but now tell us, Paganel, how it is that the leaves grow in this fashion?"	- Вполне с вами согласен, дорогой Паганель, - отозвался Гленарван. - А теперь объясните нам: почему листья растут таким образом?
"From a purely physical cause, friends," said Paganel, "and one that you will easily understand.	- По вполне естественной и легко понятной причине, друзья мои.
In this country where the air is dry and rain seldom falls, and the ground is parched, the trees have no need of wind or sun.	В здешней стране, где воздух сух, где дожди редки, где земля иссушена, деревья не нуждаются ни в ветре, ни в солнце.
Moisture lacking, sap is lacking also.	Недостаток влаги вызывает у деревьев недостаток соков.
Hence these narrow leaves, which seek to defend themselves against the light, and prevent too great evaporation.	Отсюда эти узкие листья, которые стремятся найти способ защитить себя от солнца и чрезмерных испарений.
This is why they present the profile and not the face to the sun's rays.	Вот причина, почему эти листья подставляют солнечным лучам не лицевую сторону, а ребро.
There is nothing more intelligent than a leaf."	Нет ничего умнее листа.
"And nothing more selfish," added the Major. "These only thought of themselves, and not at all of travelers."	- И ничего более эгоистичного, - заметил майор. - Листья эти думают только о себе, совершенно позабыв о путешественниках.
Everyone inclined to the opinion of McNabbs except Paganel, who congratulated himself on walking under shadeless trees, though all the time he was wiping the perspiration from his forehead.	Все в душе согласились с Мак-Наббсом, кроме Паганеля, - тот, вытирая потный лоб, ликовал, что ему довелось ехать под деревьями, не дающими тени.
However, this disposition of foliage was certainly to be regretted, for the journey through the forest was often long and painful, as the traveler had no protection whatever against the sun's fierce rays.	Такое расположение листвы весьма досадно: переход через эти леса часто бывает очень продолжителен и мучителен, так как ничто не защищает путников от жгучих лучей солнца.
The whole of this day the wagon continued to roll along through interminable rows of eucalyptus, without meeting either quadruped or native.	Весь день повозка катилась среди бесконечных рядов эвкалиптов. Ни одно четвероногое, ни один человек не попался навстречу.
A few cockatoos lived in the tops of the trees, but at such a height they could scarcely be distinguished, and their noisy chatter was changed into an imperceptible murmur.	На вершинах деревьев обитали какаду, но на такой высоте их едва было видно, и болтовня их превращалась в еле уловимый ропот.

Occasionally a swarm of par-roquets flew along a distant path, and lighted it up for an instant with gay colors; but otherwise, solemn silence reigned in this vast green temple, and the tramp of the horses, a few words exchanged with each other by the riders, the grinding noise of the wheels, and from time to time a cry from Ayrton to stir up his lazy team, were the only sounds which disturbed this immense solitude.	Порой вдали между стволами мелькала стая попугайчиков, оживляя все вокруг своим разноцветным оперением. Но, в общем, в этом огромном храме зелени царила глубокая тишина; ее нарушали лишь стук лошадиных копыт, несколько беглых слов, которыми иногда перекидывались между собой путешественники, скрип колес да порой окрик Айртона, понукавшего ленивых быков.
When night came they camped at the foot of some eucalyptus, which bore marks of a comparatively recent fire.	Вечером разбили лагерь под эвкалиптами. На их стволах видны были следы недавнего огня.
They looked like tall factory chimneys, for the flame had completely hollowed them out their whole length.	Стволы этих гигантов походили на фабричные трубы, ибо огонь выжег их внутри до самого верха.
With the thick bark still covering them, they looked none the worse.	Они держались, в сущности, одной корой, но держались, видимо, неплохо.
However, this bad habit of squatters or natives will end in the destruction of these magnificent trees, and they will disappear like the cedars of Lebanon, those world monuments burnt by unlucky camp fires.	Однако вредная привычка скваттеров и туземцев разводить таким образом огонь постепенно уничтожает эти великолепные деревья, и в конце концов они исчезнут, подобно четырехсотлетним кедрам Ливана, погибающим от неосторожно разложенных лагерных костров.
Olbinett, acting on Paganel's advice, lighted his fire to prepare supper in one of these tubular trunks.	Олбинет, по совету Паганеля, развел огонь для приготовления ужина в одном из таких выжженных полых стволов.
He found it drew capitally, and the smoke was lost in the dark foliage above.	Тотчас получилась сильная тяга: дым терялся высоко в темной листве.
The requisite precautions were taken for the night, and Ayrton, Mulrady, Wilson and John Mangles undertook in turn to keep watch until sunrise.	Ночью из предосторожности Айртон, Мюльреди, Вильсон и Джон Манглс по очереди охраняли лагерь.
On the 3d of January, all day long, they came to nothing but the same symmetrical avenues of trees; it seemed as if they never were going to end.	В продолжение всего дня 3 января тянулся этот бесконечный лес из длинных симметричных рядов эвкалиптов. Казалось, ему и конца не будет.
However, toward evening the ranks of trees began to thin, and on a little plain a few miles off an assemblage of regular houses.	Но к вечеру деревья стали редеть, и наконец в небольшой долине показался строй домов.
"Seymour!" cried Paganel; "that is the last town we come to in the province of Victoria."	- Симор! - воскликнул Паганель. - Это последний из городов провинции Виктория, который должен встретиться нам на пути.
"Is it an important one?" asked Lady Helena.	- Это действительно город? - полюбопытствовала леди Элен.
"It is a mere village, madam, but on the way to become a municipality."	- Это простой поселок, сударыня, - ответил Паганель, - который только собирается стать городом.
"Shall we find a respectable hotel there?" asked Glenarvan.	- Найдем ли мы там приличную гостиницу? - спросил Гленарван.

"I hope so," replied Paganel.	- Надеюсь, что да, - ответил географ.
"Very well; let us get on to the town, for our fair travelers, with all their courage, will not be sorry, I fancy, to have a good night's rest."	- Тогда направимся в этот Симор. Думаю, что наши отважные путешественницы будут рады провести там ночь.
"My dear Edward, Mary and I will accept it gladly, but only on the condition that it will cause no delay, or take us the least out of the road."	- Мы с Мери согласны, дорогой Эдуард, - сказала Элен, - но при условии, что это не принесет лишних хлопот и не задержит нас.
"It will do neither," replied Lord Glenarvan. "Besides, our bullocks are fatigued, and we will start to-morrow at daybreak."	- Нисколько, - сказал Гленарван. - К тому же и нашим быкам надо отдохнуть. Завтра с рассветом мы снова двинемся в путь.
It was now nine o'clock; the moon was just beginning to rise, but her rays were only slanting yet, and lost in the mist.	Было девять часов вечера. Луна уже склонилась к горизонту, и ее косые лучи тонули в тумане.
It was gradually getting dark when the little party entered the wide streets of Seymour, under Paganel's guidance, who seemed always to know what he had never seen; but his instinct led him right, and he walked straight to Campbell's North British Hotel.	Понемногу сгущался мрак. Маленький отряд, с Паганелем во главе, вступил на широкие улицы Симора. Географ, казалось, всегда прекрасно знал то, что никогда ему не приходилось видеть. Как бы руководимый инстинктом, он привел своих спутников прямо к гостинице "Северная Британия". Лошадей и быков поставили в конюшню, повозку - в сарай, а путешественникам предоставили довольно удобные комнаты. В десять часов вновь прибывшим был подан ужин, который мистер Олбинет осмотрел с видом знатока. Паганель уже успел обежать с Робертом весь город. Но о своей вечерней прогулке он рассказал весьма лаконично: он ничего не видел. Однако человек менее рассеянный обратил бы внимание на то, что на улицах Симора чувствовалась какая-то тревога. Там и здесь собирались люди, и эти группы мало-помалу увеличивались. Жители разговаривали у дверей домов, с явным беспокойством расспрашивали о чем-то друг друга, читали вслух вышедшие в этот день газеты, обсуждали их, спорили. Эти признаки не могли ускользнуть от самого невнимательного наблюдателя. Но Паганель ничего не заметил.
The Major without even leaving the hotel, was soon aware that fear absorbed the inhabitants of the little town.	Майор же, не побывав в городе, даже не переступив порога гостиницы, почувствовал, что городок чем-то напуган.
Ten minutes' conversation with Dickson, the loquacious landlord, made him completely acquainted with the actual state of affairs; but he never breathed a word to any one.	Поговорив десять минут со словоохотливым хозяином мистером Диксоном, он успел разузнать, в чем дело. Но ни слова не сказал об этом.
When supper was over, though, and Lady Glenarvan, and Mary, and Robert had retired, the Major detained his companions a little, and said,	Только когда по окончании ужина леди Гленарван, Мери и Роберт Грант разошлись по комнатам, майор, задержав остальных спутников, сказал им:
"They have found out the perpetrators of the crime on the Sandhurst railroad."	- Стали известны виновники крушения на Сандхерстской железной дороге.

"And are they arrested?" asked Ayrton, eagerly.	- И они арестованы? - живо спросил Айртон.
"No," replied McNabbs, without apparently noticing the EMPRESSMENT of the quartermaster-an EMPRESSMENT which, moreover, was reasonable enough under the circumstances.	- Нет, - ответил Мак-Наббс, казалось не замечая поспешности боцмана (впрочем, вполне понятной при данных обстоятельствах).
"So much the worse," replied Ayrton.	- Тем хуже, - заметил Айртон.
"Well," said Glenarvan, "who are the authors of the crime?"	- Так кому же приписывают это преступление? - спросил Гленарван.
"Read," replied the Major, offering Glenarvan a copy of the Australian and New Zealand Gazette, "and you will see that the inspector of the police was not mistaken."	- Вот читайте, - сказал майор, протягивая Гленарвану номер "Австралийской и Новозеландской газеты", - и вы убедитесь в том, что главный инспектор не ошибался.
Glenarvan read aloud the following message:	Гленарван прочитал вслух:
SYDNEY, Jan. 2, 1866.	- "Сидней, второго января 1865 года.
It will be remembered that on the night of the 29th or 30th of last December there was an accident at Camden Bridge, five miles beyond the station at Castlemaine, on the railway from Melbourne to Sandhurst.	Наши читатели помнят, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое декабря произошло крушение поезда у Кемденского моста, в пяти милях от станции Каслмейн железной дороги Мельбурн - Сандхерст.
The night express, 11.45, dashing along at full speed, was precipitated into the Loddon River.	Ночной экспресс, вышедший из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера, идя полным ходом, свалился в реку Лоддон.
Camden Bridge had been left open.	При прохождении поезда Кемденский мост оказался разведенным.
The numerous robberies committed after the accident, the body of the guard picked up about half a mile from Camden Bridge, proved that this catastrophe was the result of a crime.	Многочисленные кражи, совершенные после этого крушения, а также труп железнодорожного сторожа, найденный в полумиле от Кемденского моста, доказали, что крушение было результатом преступного замысла.
Indeed, the coroner's inquest decided that the crime must be attributed to the band of convicts which escaped six months ago from the Penitentiary at Perth, Western Australia, just as they were about to be transferred to Norfolk Island.	Действительно, расследование выяснило, что это является делом рук шайки каторжников, бежавших полгода тому назад из Пертской исправительной тюрьмы в Западной Австралии в то время, когда их собирались переправить на остров Норфолк.
The gang numbers twenty-nine men; they are under the command of a certain Ben Joyce, a criminal of the most dangerous class, who arrived in Australia a few months ago, by what ship is not known, and who has hitherto succeeded in evading the hands of justice.	Шайка состоит из двадцати девяти человек. Главарь ее, некий Бен Джойс, опаснейший преступник, несколько месяцев тому назад приплывший в Австралию на каком-то судне и до сих пор ускользавший от полиции.
The inhabitants of towns, colonists and squatters at stations, are hereby cautioned to be on their guard, and to communicate to the Surveyor-General any information that may aid his search.	Просим жителей городов, колонистов и скваттеров быть настороже, а также доводить до сведения главного инспектора данные, которые могут содействовать розыскам преступников.
J.	Д.
P. MITCHELL, S. G.	П. Митчел, главный инспектор".

When Glenarvan had finished reading this article, McNabbs turned to the geographer and said,	Когда Гленарван окончил чтение этого сообщения, Мак-Наббс, повернувшись к географу, сказал:
"You see, Paganel, there can be convicts in Australia."	- Видите, Паганель, что и в Австралии могут быть каторжники.
"Escaped convicts, that is evident," replied Paganel, "but not regularly transported criminals. Those fellows have no business here."	- Беглые - это неоспоримо, - отозвался ученый. - Отбывшие наказание не имеют здесь права жительства.
"Well, they are here, at any rate," said Glenarvan; "but I don't suppose the fact need materially alter our arrangements.	- И все же они тут, - заметил Гленарван. - Но я полагаю, что их присутствие не может изменить наши планы и прервать путешествие.
What do you think, John?"	Что вы думаете, Джон, по этому поводу?
John Mangles did not reply immediately; he hesitated between the sorrow it would cause the two children to give up the search, and the fear of compromising the expedition.	Джон Манглс ответил не сразу. Молодой капитан колебался: с одной стороны, он понимал, какое горе принесет Мери и Роберту Грант прекращение поисков их отца, а с другой - он боялся подвергнуть экспедицию опасности.
"If Lady Glenarvan, and Miss Grant were not with us," he said, "I should not give myself much concern about these wretches."	- Если бы с нами не было леди Гленарван и мисс Грант, то меня очень мало бы тревожила эта шайка негодяев, - промолвил он наконец.
Glenarvan understood him and added,	Гленарван понял его и добавил:
"Of course I need not say that it is not a question of giving up our task; but would it perhaps be prudent, for the sake of our companions, to rejoin the DUNCAN at Melbourne, and proceed with our search for traces of Harry Grant on the eastern side.	- Само собою разумеется, что не может быть и речи о том, чтобы отказаться от взятой нами на себя задачи, но, быть может, учитывая, что с нами дамы, было бы благоразумнее возвратиться сейчас в Мельбурн, оттуда пойти на "Дункане" к восточному побережью и там возобновить поиски Гарри Гранта?
What do you think of it, McNabbs?"	Ваше мнение, Мак-Наббс?
"Before I give my opinion," replied the Major, "I should like to hear Ayrton's."	- Раньше чем высказаться, - ответил майор, - я хотел бы знать мнение Айртона.
At this direct appeal, the quartermaster looked at Glenarvan, and said,	Боцман взглянул на Гленарвана и ответил:
"I think we are two hundred miles from Melbourne, and that the danger, if it exists, is as great on the route to the south as on the route to the east.	- Мы находимся в двухстах милях от Мельбурна, и мне кажется, что если опасность в самом деле существует, то она нам грозит на южной дороге не меньше, чем на восточной.
Both are little frequented, and both will serve us.	Обе они довольно пустынны, и одна стоит другой.
Besides, I do not think that thirty scoundrels can frighten eight well-armed, determined men.	К тому же я не думаю, чтобы три десятка злоумышленников могли быть страшны для восьми хорошо вооруженных и смелых людей.
My advice, then, is to go forward."	В общем, по-моему, если нет лучшего предложения, надо идти вперед.
"And good advice too, Ayrton," replied Paganel. "By going on we may come across the traces of Captain Grant. In returning south, on the contrary, we turn our backs to them.	- Вы правы, Айртон, - согласился Паганель. - Продолжая наш путь, мы можем напасть на следы капитана Гранта, а возвращаясь на юг, наоборот, уходить от них.

I think with you, then, and I don't care a snap for these escaped fellows. A brave man wouldn't care a bit for them!"	Я тоже думаю, как и вы, что храброму человеку не страшны какие-то беглые каторжники!
Upon this they agreed with the one voice to follow their original programme.	Предложение продолжать путешествие поставили на голосование, и оно было принято единогласно.
"Just one thing, my Lord," said Ayrton, when they were about to separate.	- Еще одно соображение, милорд, - сказал боцман, когда все уже собрались разойтись.
"Say on, Ayrton."	- Говорите, Айртон.
"Wouldn't it be advisable to send orders to the DUNCAN to be at the coast?"	- Не пора ли послать распоряжение "Дункану" держаться вблизи берегов?
"What good would that be," replied John Mangles. "When we reach Twofold Bay it will be time enough for that.	- Зачем? - вмешался Джон Манглс. - Когда мы доберемся до Туфоллд-Бей, тогда и надо будет послать такое распоряжение.
If any unexpected event should oblige us to go to Melbourne, we might be sorry not to find the DUNCAN there.	А если какой-нибудь случай заставит нас направиться в Мельбурн, нам придется пожалеть, что там нет "Дункана".
Besides, her injuries can not be repaired yet.	К тому же судно, должно быть, еще и не вышло из ремонта.
For these reasons, then, I think it would be better to wait."	Поэтому я считаю, что лучше с этим обождать.

"All right," said Ayrton, and forbore to press the matter further.	- Ну что ж, - согласился Айртон, не настаивая на своем предложении. На следующий день маленький отряд покинул Симор., Он был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям. Через полчаса путешественники снова очутились в эвкалиптовом лесу, тянувшемся на восток. Гленарван предпочел бы ехать по открытым местам. На равнине, конечно, труднее устроить нападение или засаду, чем в густом лесу. Но выбора не было, и повозка целый день пробиралась между однообразными гигантскими деревьями. Вечером, проехав вдоль северной границы графства Энглси, путешественники пересекли сто сорок четвертый меридиан и раскинули лагерь у границы округа Муррей. Глава XVI, В КОТОРОЙ МАЙОР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТО ОБЕЗЬЯНЫ На следующий день, 5 января, путешественники вступили в обширный округ Муррей. Этот малообследованный, необитаемый край простирался до высокой гряды Австралийских Альп. Цивилизация еще не разделила его на отдельные графства. Вообще эта часть провинции малоизвестна и малопосещаема. Когда-нибудь эти леса падут под ударами топора лесопромышленника, а луга будут отданы стадам скваттеров, но пока здешняя земля так же девственна и пустынна, как в те времена, когда она поднялась со дна Индийского океана. Все английские карты называют эту область следующими словами: "Reserve for the blacks" - "Территория для черных". Сюда англичане-колонисты грубо оттеснили туземцев. Австралийской расе оставили на далеких равнинах и в непроходимых лесах несколько определенных мест, где ей предстояло постепенное вымирание. Всякий белый, кто бы он ни был: колонист, эмигрант, скваттер, лесопромышленник, - имеет право проникнуть в эти места, но черный не смеет выйти за их пределы. Паганель завел беседу о важной проблеме туземных племен. Не могло быть двух мнений: британская политика направлена к уничтожению завоеванных народностей, к изгнанию их из тех мест, где жили их предки. Такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, а в Австралии - более чем где-либо. В первые времена колонизации ссыльные да и сами колонисты смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они с ружьями охотились на них и, убивая их, доказывали, ссылаясь на авторитет юристов, что раз австралиец вне закона, то и убийство его не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземных племен озера Хантер, а именно: массовое отравление. Итак, англичане,

овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где было истреблено пять миллионов индусов; так же, как в Капской колонии, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. Понятно, что коренное австралийское население в результате таких жестоких мер, а также пьянства, которое насаждается колонизаторами, постепенно вырождается и вскоре под давлением смертоносной цивилизации совершенно исчезнет. Правда, бывали губернаторы, издававшие против кровожадных лесопромышленников постановления, в силу которых белый, отрезавший нос или уши чернокожему либо отрубивший у него мизинец, чтобы "прочищать им трубку", подвергался нескольким ударам кнута. Тщетные угрозы! Убийства совершались в огромных размерах, и целые племена исчезали с лица земли. Пример тому - остров Земля Ван-Димена. Здесь в начале XIX века было пять тысяч туземцев, а в 1863 году их осталось всего семь человек. А недавно "Меркурий" сообщил о том, что в город Хобарт явился последний из тасманцев. Ни Гленарван, ни Джон Манглс, ни майор не пытались возражать Паганелю. И будь они даже не шотландцами, а англичанами, то и тогда они не смогли бы что-либо сказать в защиту своих соотечественников: факты были очевидны, неопровержимы. - Лет пятьдесят назад, - добавил Паганель, - мы уже встретили бы на пути не одно австралийское племя, а вот теперь нам до сих пор не попался ни один туземец. Пройдет столетие, и на этом материке совершенно исчезнет черная раса. В самом деле, места, предоставленные чернокожим, выглядели совершенно заброшенными. Никаких следов кочевий или поселений. Равнины чередовались с лесами, и мало-помалу местность приняла дикий вид. Казалось даже, что в этот отдаленный край не заглядывает ни одно живое существо - ни человек, ни зверь. Вдруг Роберт, остановившись у группы эвкалиптов, крикнул: - Обезьяна! Смотрите, обезьяна! Он показывал на черное существо, которое, скользя с ветки на ветку, перебиралось с одной вершины на другую с такой изумительной ловкостью, что можно было подумать, будто его поддерживают в воздухе какие-то перепончатые крылья. Может быть, в этом странном краю обезьяны летают, подобно тем лисицам, которых природа снабдила крыльями летучей мыши? Между тем повозка остановилась, и все стали следить за животным. Оно постепенно скрылось в эвкалиптовой листве. Однако вскоре оно стало спускаться с молниеносной быстротой вниз по стволу, соскочило на землю и, пробежав немного, со

всевозможными ужимками и прыжками, ухватилось своими длинными руками за гладкий ствол громадного камедного дерева. Путешественники недоумевали, как сможет это животное вскарабкаться по прямому и скользкому стволу, обхватить который оно не могло. Но тут в руках у обезьяны появилось нечто вроде топора, и она, делая в стволе небольшие зарубки, добралась по ним до верхушки дерева. Еще несколько секунд - и обезьяна скрылась в густой листве. - Что это за обезьяна? - спросил майор. - Эта обезьяна - чистокровный австралиец! - ответил Паганель. Не успели спутники географа пожать плечами, как вблизи послышались крики, что-то вроде: "Коо-э! Коо-э!" Айртон погнал быков, и через каких-нибудь сто шагов путешественники неожиданно очутились перед кочевьем туземцев. Как печально было это зрелище! На голой земле раскинулось с десяток шалашей, "гуниос". Сделанные из кусков коры, заходящих друг на друга наподобие черепицы, они защищали своих жалких обитателей лишь с одной стороны. Эти существа, доведенные до убожества, имели отталкивающий вид. Их было человек тридцать - мужчин, женщин и детей. Одеты они были в шкуры кенгуру, висевшие на них лохмотьями. Завидев повозку, они бросились было бежать, но несколько слов Айртона, произнесенных на невнятном местном наречии, видимо, несколько успокоили их. Они вернулись назад, полудоверчиво-полубоязливо, как звери, которым протягивают лакомый кусок. Эти туземцы, ростом до пяти футов и семи дюймов, с лохматыми головами, длинными руками и выпяченными животами, не были черны: цвет их кожи напоминал застаревшую копоть. Их волосатые тела были татуированы и испещрены шрамами от надрезов, сделанных в знак траура при погребальных обрядах. Трудно было себе представить более непривлекательную внешность: огромный рот, приплюснутый и словно раздавленный нос, выдающаяся нижняя челюсть с белыми, торчащими вперед зубами. Все это делало их похожими на животных. - Роберт не ошибся, - сказал майор. - Это обезьяны, чистокровные - это верно, - но обезьяны! - Мак-Наббс, - сказала леди Элен, - значит, вы одобряете тех, кто охотится на них, как на диких зверей? Но эти несчастные - люди. - Люди! - воскликнул Мак-Наббс. - Скорее нечто среднее между человеком и орангутангом. У них такой же покатый лоб, как у обезьян. В этом Мак-Наббс был прав. Лицевой угол австралийцев очень острый и почти такой же, как у орангутангов: примерно 60-62°. Поэтому де Риенци не без оснований предложил считать эти племена особой расой, которую он назвал

"питекоморфы", то есть обезьяноподобные люди. Но леди Элен была еще более права, чем Мак-Наббс, считая, что и у этих находящихся на низшей стадии развития существ есть человеческая душа. Между австралийцами и зверями - целая пропасть. Паскаль справедливо сказал, что человек нигде не бывает зверем. Правда, он столь же мудро добавлял: "и ангелом тоже". Однако леди Элен и Мери Грант были живым опровержением этой второй части высказывания великого мыслителя. Милосердные женщины вышли из повозки, ласково протянули руки изголодавшимся туземцам и предложили им еду. Те с жадностью набросились на нее. Должно быть, они приняли леди Элен за божество, тем более что, по их верованиям, белые были когда-то черными и побелели после смерти. Особенное сострадание возбудили в путницах женщины. Ничто не может сравниться с положением австралийки. Природа-мачеха отказала ей в малейшей привлекательности; это раба, похищенная силой, не знавшая других свадебных подарков, кроме ударов "вади" - палки - своего владыки. Выйдя замуж, австралийская женщина преждевременно и поразительно быстро стареет: ведь на нее падает вся тяжесть трудов кочевой жизни. Во время переходов ей не только приходится тащить своих детей в корзине из плетеного тростника, но и нести оружие и рыболовные снасти мужа, да еще запас растения phormium tenax, из которого она делает сети. Кроме того, ей надо еще добывать пищу для семьи. Она охотится за ящерицами, опоссумами и змеями, подчас взбираясь за ними до самых верхушек деревьев. Она же рубит дрова для очага и сдирает кору для постройки шалашей. Как вьючное животное, она не знает, что такое покой, и питается отвратительными объедками своего владыки-мужа. Сейчас некоторые из этих несчастных женщин, быть может давно не видевшие пищи, старались подманить к себе птиц семенами. Они лежали на раскаленной земле неподвижно, точно мертвые, готовые ждать часами, пока какая-нибудь неискушенная птичка не подлетит настолько близко, что ее можно будет схватить. Никаких ловушек они не знали, и поистине надо было быть австралийским пернатым, чтобы попасться им в руки. Между тем туземцы, успокоенные приветливостью путешественников, окружили их, и приходилось оберегать запасы от расхищения. Они говорили с прищелкиванием языка, с присвистом. Их речь напоминала крики животных. Но в голосе их подчас слышались и мягкие, ласкающие нотки. Туземцы часто повторяли слово "ноки", и по сопровождавшим его жестам можно было легко понять, что оно означает "дай мне" и относится ко

всему, даже самым мелким вещам путешественников. Мистеру Олбинету пришлось проявить немало энергии, чтобы отстоять багажное отделение и особенно бывшие в нем съестные припасы экспедиции. Эти несчастные, изголодавшиеся люди бросали на повозку страшные взгляды и скалили острые зубы, быть может отведавшие человеческого мяса. Большинство австралийских племен не людоеды, во всяком случае в мирное время, но почти все дикари пожирают побежденных врагов. Тем временем Гленарван, по просьбе жены, приказал раздать туземцам кое-что из еды. Дикари, поняв, в чем дело, стали так бурно выражать свой восторг, что это не могло не тронуть самое черствое сердце. Они издавали крики, похожие на рев зверей, когда сторож зоопарка приносит им пищу. Разумеется, майор был неправ, но трудно отрицать, что эти племена близки к животному состоянию. Мистер Олбинет, будучи человеком благовоспитанным, хотел сначала преподнести пищу женщинам. Но эти несчастные создания не посмели приступить к еде раньше своих грозных мужей. Те набросились на сухари и сушеное мясо, словно звери на добычу. Слезы навернулись на глаза у Мери Грант при мысли о том, что ее отец может быть пленником подобных дикарей. Она живо представила себе, что должен был вынести такой человек, как Гарри Грант, в плену у этих бродячих племен, как приходилось ему страдать от нищеты, голода, дурного обращения! Джон Манглс, с тревожной заботливостью наблюдавший за девушкой, угадал ее мысли и, предупреждая ее желание, сам обратился к боцману "Британии": - От таких ли дикарей вы убежали, Айртон? - Да, капитан, все эти племена внутренней Австралии похожи друг на друга. Только здесь вы видите лишь кучку этих бедняг, а по берегам Дарлинга живут многолюдные племена, подчиняющиеся вождям, которые держат их в страхе. - Что же может делать европеец среди этих туземцев? - спросил Джон Манглс. - То, что делал я, - ответил Айртон, - он охотится с ними, ловит рыбу, принимает участие в их битвах. С ним, как я уже говорил, обращаются в зависимости от тех услуг, какие он оказывает племени, и если европеец неглуп и храбр, то он занимает видное положение в племени. - Но все же он остается пленником? - спросила Мери Грант. - Конечно, и с него не спускают глаз ни днем ни ночью. - Тем не менее вам, Айртон, удалось же бежать, - вмешался в разговор майор. - Да, мистер Мак-Наббс, удалось благодаря сражению, происшедшему между моим племенем и соседним. Мне повезло. Что ж! Я не жалею об этом. Но, повторись все это, я, кажется,

предпочел бы вечное рабство тем мукам, какие пришлось мне испытать, пробираясь через пустыни материка. Дай бог, чтобы капитан Грант не попытался спастись таким же образом! - Да, конечно, нам следует желать, чтобы ваш отец, мисс Грант, оставался в плену у туземного племени, - сказал Джон Манглс. - Нам будет тогда гораздо легче найти его следы, чем в том случае, если б он бродил по лесам. - Вы все еще надеетесь? - спросила девушка. - Я не перестаю надеяться на то что когда-нибудь увижу вас счастливой, мисс Мери. Взгляд влажных от слез глаз Мери Грант послужил благодарностью молодому капитану. В то время, как велся этот разговор, среди туземцев началось какое-то необычайное движение: они громко кричали, бегали туда и сюда, хватали свое оружие и, казалось, были охвачены дикой яростью. Гленарван не мог понять, что творится с дикарями, но тут майор обратился к боцману: - Скажите, Айртон, раз вы так долго прожили у австралийцев, вы, верно, понимаете язык этих дикарей? - Не слишком хорошо, - ответил боцман, - ведь у каждого племени свое особое наречие. Но все же я, кажется, догадываюсь, в чем дело: желая отблагодарить милорда, дикари собираются представить для него бой. Он был прав. Туземцы без дальних слов набросились друг на друга с яростью, так хорошо разыгранной, что, если бы не предупреждение Айртона, это побоище можно было принять всерьез. Действительно, по словам путешественников, австралийцы превосходные актеры; и в данном случае они проявили недюжинный талант. Все их оружие - и для нападения и для защиты - состоит из палицы - дубины, способной проломить самый крепкий череп, - и топора, вроде индейского томагавка, сделанного из куска очень крепкого заостренного камня, зажатого между двумя палками и прикрепленного к ним растительным клеем. Рукоятка топора длиной футов в десять. Это грозное оружие в бою и полезный Инструмент в мирное время; он отсекает либо головы, либо ветки, врубается то в людские тела, то в древесные стволы, смотря по обстоятельствам. Бойцы с воплями кидались друг на друга, исступленно потрясая оружием. Одни падали, точно мертвые, другие издавали победный крик. Женщины, особенно старухи, одержимые духом войны, подстрекали бойцов, набрасывались на мнимые трупы и делали вид, что терзают их, и эта разыгранная свирепость устрашала не меньше, чем натуральная. Леди Элен все время боялась, как бы эта игра не превратилась в настоящий бой. Впрочем, дети, принимавшие участие в сражении, воевали по-настоящему. Мальчишки и особенно девочки,

войдя в раж, награждали друг друга полновесными тумаками. Эта военная игра длилась уже минут десять, как вдруг дикари сразу остановились. Оружие выпало из их рук. Глубокая тишина сменила шум и сумятицу. Туземцы застыли, словно действующие лица в живых картинах. Казалось, они окаменели. Что же было причиной этой внезапной перемены, почему все разом оцепенели? Скоро это выяснилось. Над вершинами камедных деревьев появилась стая какаду. Птицы наполняли воздух своей болтовней; ярко оперенные, они походили на летающую радугу. Появление этой разноцветной стаи и прервало бой. Война сменялась более полезным занятием - охотой. Один из туземцев, захватив какое-то оружие странной формы, выкрашенное в красный цвет, покинул своих все еще неподвижных товарищей и стал пробираться между деревьями и кустами к стае какаду. Он двигался ползком, бесшумно, не задевая ни одного листика, не сдвигая с места ни одного камешка. Казалось, это скользит тень. Подкравшись к птицам на достаточно близкое расстояние, дикарь метнул свое оружие. Оно понеслось по горизонтальной линии, футах в двух от земли. Пролетев так футов около сорока, оно, не ударившись о землю, вдруг под прямым углом устремилось вверх, поднялось на сто футов, сразило с дюжину птиц, а затем, описывая параболу, вернулось назад и упало к ногам охотника. Гленарван и его спутники были поражены - они не верили своим глазам. - Это бумеранг, - пояснил Айртон. - Бумеранг! Австралийский бумеранг! - воскликнул Паганель и мигом бросился поднимать это удивительное оружие, чтобы, как ребенок, "посмотреть, что там внутри". Действительно, можно было подумать, что внутри бумеранга скрыт какой-то механизм, что какая-то внезапно отпущенная пружина изменяет направление его полета. Но ничего подобного не было. Бумеранг был сделан из целого изогнутого куска твердого дерева длиной в тридцать - сорок дюймов. В середине он был толщиной дюйма в три, а на концах заострялся. Его вогнутая сторона была на полдюйма скошена, а края выпуклой - остро отточены. Все это было столь же несложно, как и непонятно. - Так вот он, этот пресловутый бумеранг! - сказал Паганель, тщательно осмотрев странное оружие. - Кусок дерева, и ничего больше. Но почему же он, летя по горизонтали, вдруг поднимается вверх, а затем возвращается к тому, кто его кинул? Ни ученые, ни путешественники не могли до сих пор найти объяснения этому явлению. - Может быть, здесь происходит то же, что с обручем, который можно так запустить, что он вернется назад? - сказал Джон Манглс. - Скорее это похоже на

попятное движение бильярдного шара, получившего удар кием в определенную точку, - добавил Гленарван. - Никоим образом, - ответил Паганель. - В обоих этих случаях есть точка опоры, которая обусловливает обратное действие: у обруча - земля, а у шара - поверхность бильярда. Но здесь точки опоры нет: оружие не касается земли и тем не менее оно поднимается на значительную высоту. - Как же вы это объясняете, господин Паганель? - спросила леди Элен. - Я не объясняю, сударыня, а только еще раз констатирую факт. По-видимому, тут все зависит от способа, которым кидают бумеранг, и от его особой формы. А способ метания - это уже тайна австралийцев. - Во всяком случае, это очень ловко придумано... для обезьян, - добавила леди Элен и взглянула на майора, который с сомнением покачал головой. Однако время шло, и Гленарван, считая, что не следует больше задерживаться, хотел уже просить путешественниц снова сесть в повозку, как вдруг прибежал какой-то дикарь и возбужденно выкрикнул несколько слов. - Вот как! - проговорил Айртон. - Они заметили казуаров. - Что, будет охота? - заинтересовался Гленарван. - О, надо непременно посмотреть! - воскликнул Паганель. - Это, должно быть, любопытно. Быть может, снова пойдут в дело бумеранги. - А вы, Айртон, как думаете? - спросил Гленарван боцмана. - Это не займет много времени, милорд, - ответил тот. Туземцы между тем не теряли ни минуты. Ведь убить нескольких казуаров - для них необыкновенная удача. Значит, племя будет обеспечено пищей на несколько дней. Поэтому охотники применяют все свое искусство, чтобы завладеть такой добычей. Но как умудряются они настигать такое быстроногое животное без собак и убивать его без ружей? Это было самое интересное в зрелище, которое так жаждал увидеть Паганель. Эму, или австралийский казуар, встречается на равнинах Австралии все реже и реже. Это крупная птица в два с половиной фута вышиной, у нее белое мясо, напоминающее мясо индейки. На голове у казуара роговой нарост, глаза его светло - коричневые, клюв черный, загнутый вниз. На ногах по три пальца, вооруженных могучими когтями. Крылья его, настоящие культяпки, не могут служить для полета. Его перья, похожие на шерсть, более темного цвета на шее и на груди. Если казуар не летает, то зато бегает так быстро, что свободно обгонит самую быструю скаковую лошадь. Захватить его можно только хитростью, причем хитростью исключительной. Вот почему на призыв дикаря тотчас же отозвался десяток австралийцев. Они, словно отряд стрелков, рассыпались по чудесной равнине, где

	кругом синели кусты дикого индиго. Путешественники столпились на опушке мимозовой рощи. При приближении туземцев несколько страусов поднялись и отбежали на милю. Охотник племени, удостоверившись, где находятся птицы, сделал знак товарищам, чтобы те не шли дальше. Те растянулись на земле, а охотник вынул из сетки две искусно сшитые вместе шкуры казуара и надел их на себя. Затем он поднял над головой правую руку и стал подражать походке страуса, разыскивающего себе пищу. Охотник направился к стае. Он то останавливался, как бы склевывая какие-то семена, то поднимал вокруг себя ногами целые облака пыли. Все это было выполнено безукоризненно. Невозможно было более верно воспроизвести повадки казуара. К тому же охотник настолько точно подражал его глухому ворчанию, что сами птицы были обмануты. Вскоре дикарь оказался среди беспечной стаи. Вдруг он взмахнул дубиной - и пять казуаров из шести свалились подле него. Охота была успешно закончена. Гленарван, путешественницы и весь отряд распрощались с туземцами. Тех не очень огорчило расставание. Наверное, удачная охота на казуаров заставила их забыть о том, как их накормили. Не только сердце, но и желудок, обычно более отзывчивый у дикарей и зверей, не подсказал им благодарности. Как бы то ни было, но в некоторых случаях туземцам нельзя было отказать в удивительной сообразительности и ловкости. - Теперь, дорогой Мак-Наббс, - сказала леди Элен, - и вы должны признать, что австралийцы не обезьяны. - Потому что они умело подражают повадкам зверей? Но это только подтверждает мое мнение, - возразил майор. - Шутка не ответ. Я хочу знать, майор, остаетесь ли вы при своем прежнем мнении? - Что ж, кузина, да или, вернее, нет. Не туземцы обезьяны, а обезьяны - туземцы. - То есть как? - А вы припомните, что говорят негры об орангутангах. - Что же они говорят? - спросила леди Элен. - Они уверены, - ответил майор, - что обезьяны - такие же черные люди, как они, но очень хитрые. "Он не разговаривает, чтобы не работать", - сказал один раздосадованный негр о ручном орангутанге, которого его хозяин кормил задаром.
CHAPTER XIV WEALTH IN THE WILDERNESS	Глава XVII СКОТОВОДЫ-МИЛЛИОНЕРЫ
ON January 6, at 7 A. M., after a tranquil night passed in longitude 146 degrees 15", the travelers continued their journey across the vast district.	После спокойно проведенной ночи под 146° 15' долготы путешественники 6 января в семь часов утра снова тронулись в путь, пересекая обширный округ Муррей.

They directed their course steadily toward the rising sun, and made a straight line across the plain.	Они двигались на восток, и следы копыт их лошадей и быков вытягивались по равнине в совершенно прямую линию.
Twice over they came upon the traces of squatters going toward the north, and their different footprints became confused, and Glenarvan's horse no longer left on the dust the Blackpoint mark, recognizable by its double shamrock.	Дважды они пересекли следы скваттеров, направлявшихся на север, и все эти отпечатки копыт, несомненно, смешались бы, если бы на пыльной земле не выделялись следы коня Гленарвана с клеймом станции Блэк-Пойнт - двумя трилистниками.
The plain was furrowed in some places by fantastic winding creeks surrounded by box, and whose waters were rather temporary than permanent.	Местами равнину бороздили извилистые, часто пересыхающие речки, по берегам которых рос самшит.
They originated in the slopes of the Buffalo Ranges, a chain of mountains of moderate height, the undulating line of which was visible on the horizon.	Все они берут начало на склонах гор Баффало, невысокая, но живописная цепь которых волнисто вырисовывалась на горизонте.
It was resolved to camp there the same night.	Решено было к ночи добраться до этих гор и там расположиться лагерем.
Ayrton goaded on his team, and after a journey of thirty-five miles, the bullocks arrived, somewhat fatigued.	Айртон стал подгонять быков и к концу дня, усталые после тридцати пяти миль пути, они дотащили повозку до подножия гор.
The tent was pitched beneath the great trees, and as night had drawn on supper was served as quickly as possible, for all the party cared more for sleeping than eating, after such a day's march.	Здесь, под большими деревьями, раскинули палатку. Наступила ночь. С ужином живо покончили: после такого перехода больше хотелось спать, чем есть.
Paganel who had the first watch did not lie down, but shouldered his rifle and walked up and down before the camp, to keep himself from going to sleep.	Паганелю первому пришлось нести дежурство, и с ружьем на плече он прогуливался взад и вперед, чтобы не поддаваться дремоте.
In spite of the absence of the moon, the night was almost luminous with the light of the southern constellations.	Хотя луны и не было, но благодаря яркому сиянию южных звезд ночь была светлая.
The SAVANT amused himself with reading the great book of the firmament, a book which is always open, and full of interest to those who can read it.	Ученый развлекался чтением великой книги неба, всегда открытой взорам и столь интересной для тех, кто может ее понимать.
The profound silence of sleeping nature was only interrupted by the clanking of the hobbles on the horses' feet.	Глубокую тишину уснувшей природы нарушал лишь звон железных пут на ногах лошадей.
Paganel was engrossed in his astronomical meditations, and thinking more about the celestial than the terrestrial world, when a distant sound aroused him from his reverie.	Паганель, предавшись своему астрономическому созерцанию, был занят больше небесным, чем земным, как вдруг он был выведен из задумчивости какими-то отдаленными звуками.
He listened attentively, and to his great amaze, fancied he heard the sounds of a piano. He could not be mistaken, for he distinctly heard chords struck.	Географ стал внимательно прислушиваться, и, к его изумлению, ему послышались звуки рояля; до его слуха донеслось несколько трепетно-звучных аккордов. Ошибки быть не могло.
"A piano in the wilds!" said Paganel to himself. "I can never believe it is that."	- Рояль в такой глуши! - пробормотал Паганель. - Никогда не поверю!

It certainly was very surprising, but Paganel found it easier to believe it was some Australian bird imitating the sounds of a Pleyel or Erard, as others do the sounds of a clock or mill.	Действительно, это было более чем странно, и Паганель предпочел уверить себя, что это какая-то удивительная австралийская птица подражает звукам рояля, так же как некоторые здешние птицы подражают звукам часов и точильной машины.
But at this very moment, the notes of a clear ringing voice rose on the air. The PIANIST was accompanied by singing.	Но в эту минуту в вышине прозвучал ясный, чистый голос - к пианисту присоединился певец.
Still Paganel was unwilling to be convinced.	Паганель слушал не сдаваясь.
However, next minute he was forced to admit the fact, for there fell on his ear the sublime strains of Mozart's	Но через несколько мгновений он был вынужден сознаться, что слышит божественную арию
"Il mio tesoro tanto" from Don Juan.	"Il mio tesoro tanto" из "Дон-Жуана".
"Well, now," said the geographer to himself, "let the Australian birds be as queer as they may, and even granting the paroquets are the most musical in the world, they can't sing Mozart!"	"Черт возьми! Как ни удивительны австралийские птицы, но самый музыкальный попугай на свете не может же спеть арию из оперы Моцарта!" - подумал географ.
He listened to the sublime inspiration of the great master to the end.	Он дослушал до конца этот шедевр гениального композитора.
The effect of this soft melody on the still clear night was indescribable.	Впечатление от пленительной мелодии, раздававшейся в чистом, прозрачном воздухе ночи, было неописуемо.
Paganel remained as if spellbound for a time; the voice ceased and all was silence.	Паганель долго наслаждался этой невыразимой красотой, но вот голос умолк, и кругом снова воцарилась тишина.
When Wilson came to relieve the watch, he found the geographer plunged into a deep reverie.	Когда Вильсон пришел сменить ученого, то застал его в глубокой задумчивости.
Paganel made no remark, however, to the sailor, but reserved his information for Glenarvan in the morning, and went into the tent to bed.	Паганель ничего не сказал матросу и, решив сообщить завтра Гленарвану об этом странном явлении, пошел спать в палатку.
Next day, they were all aroused from sleep by the sudden loud barking of dogs, Glenarvan got up forthwith.	На следующее утро весь лагерь был разбужен неожиданным лаем собак. Гленарван вскочил на ноги.
Two magnificent pointers, admirable specimens of English hunting dogs, were bounding in front of the little wood, into which they had retreated at the approach of the travelers, redoubling their clamor.	Два великолепных длинноногих пойнтера, превосходные образцы легавых собак английской породы, прыгая, резвились на опушке рощицы. При приближении путешественников они скрылись среди деревьев и принялись лаять еще громче.
"There is some station in this desert, then," said Glenarvan, "and hunters too, for these are regular setters."	- По-видимому, в этих пустынных местах расположена ферма, - сказал Гленарван, - раз есть охотничьи собаки, то есть и охотники.
Paganel was just about to recount his nocturnal experiences, when two young men appeared, mounted on horses of the most perfect breed, true "hunters."	Паганель открыл было рот, чтобы поделиться своими ночными впечатлениями, но тут появилось двое молодых людей верхом на великолепных, чистокровных лошадях, настоящих "гунтерах".

The two gentlemen dressed in elegant hunting costume, stopped at the sight of the little group camping in gipsy fashion.	Оба джентльмена - они были одеты в изящные охотничьи костюмы - остановились, увидев путников, расположившихся табором, словно цыгане.
They looked as if they wondered what could bring an armed party there, but when they saw the ladies get out of the wagon, they dismounted instantly, and went toward them hat in hand.	Они, казалось, недоумевали, что означает присутствие здесь вооруженных людей, но в эту минуту заметили путешественниц, выходивших из повозки. Всадники тотчас же спешились и со шляпами в руках направились к женщинам.
Lord Glenarvan came to meet them, and, as a stranger, announced his name and rank.	Лорд Гленарван пошел навстречу незнакомцам и назвал им свое имя и титул.
The gentlemen bowed, and the elder of them said,	Молодые люди поклонились, и старший из них сказал:
"My Lord, will not these ladies and yourself and friends honor us by resting a little beneath our roof?"	- Милорд, не пожелают ли ваши дамы, а также и вы с вашими спутниками отдохнуть у нас в доме?
"Mr.-," began Glenarvan.	- С кем я имею удовольствие говорить? - спросил Гленарван.
"Michael and Sandy Patterson are our names, proprietors of Hottam Station.	- Майкл и Сэнди Патерсоны - владельцы скотоводческого хозяйства Хотем.
Our house is scarcely a quarter of a mile distant."	Вы уже на территории фермы, и отсюда до нашего дома не больше четверти мили.
"Gentlemen," replied Glenarvan, "I should not like to abuse such kindly-offered hospitality."	- Господа, я боюсь злоупотребить вашим столь любезно предложенным гостеприимством... - начал Гленарван.
"My Lord," returned Michael Patterson, "by accepting it you will confer a favor on poor exiles, who will be only too happy to do the honors of the wilds."	- Милорд, - ответил Майкл Патерсон, - принимая приглашение скромных отшельников, вы окажете нам честь.
Glenarvan bowed in token of acquiescence.	Гленарван поклонился в знак того, что приглашение принято.
"Sir," said Paganel, addressing Michael Patterson, "if it is not an impudent question, may I ask whether it was you that sung an air from the divine Mozart last night?"	- Сэр, - обратился Паганель к Майклу Патерсону, - надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу: не вы ли пели вчера божественную арию Моцарта?
"It was, sir," replied the stranger, "and my cousin Sandy accompanied me."	- Я, сударь, - ответил джентльмен, - а мой брат Сэнди аккомпанировал.
"Well, sir," replied Paganel, holding out his hand to the young man, "receive the sincere compliments of a Frenchman, who is a passionate admirer of this music."	- Тогда, сэр, примите искренние поздравления француза, пламенного поклонника музыки! - сказал Паганель, протягивая руку молодому человеку.
Michael grasped his hand cordially, and then pointing out the road to take, set off, accompanied by the ladies and Lord Glenarvan and his friends, for the station. The horses and the camp were left to the care of Ayrton and the sailors.	Тот любезно пожал ее; затем он указал гостям дорогу, которой надо было держаться. Лошадей поручили Айртону и матросам. Беседуя и осматриваясь, путешественники направились пешком к усадьбе в обществе молодых людей.
Hottam Station was truly a magnificent establishment, kept as scrupulously in order as an English park.	Хозяйство Патерсонов содержалось в образцовом порядке, как английские парки.

Immense meadows, enclosed in gray fences, stretched away out of sight.	Громадные луга, обнесенные серой оградой, расстилались, насколько мог охватить глаз.
In these, thousands of bullocks and millions of sheep were grazing, tended by numerous shepherds, and still more numerous dogs.	Там паслись тысячи быков и миллионы овец. Множество пастухов и еще больше собак сторожили это шумное стадо.
The crack of the stock-whip mingled continually with the barking of the "collies" and the bellowing and bleating of the cattle and sheep.	Мычание и блеяние сливались с лаем собак и резким щелканьем бичей.
Toward the east there was a boundary of myalls and gum-trees, beyond which rose Mount Hottam, its imposing peak towering 7,500 feet high.	На востоке взгляд останавливали австралийские акации и камедные деревья на опушке леса, над которым высилась величественная гора Хотем, поднимающаяся на семь с половиной тысяч футов над уровнем моря.
Long avenues of green trees were visible on all sides.	Во все стороны расходились длинные аллеи вечнозеленых деревьев.
Here and there was a thick clump of "grass trees," tall bushes ten feet high, like the dwarf palm, quite lost in their crown of long narrow leaves.	Там и здесь виднелись группы густых кустов вышиной футов в десять, похожих на карликовые пальмы. Ветви их терялись в массе узких и длинных листьев.
The air was balmy and odorous with the perfume of scented laurels, whose white blossoms, now in full bloom, distilled on the breeze the finest aromatic perfume.	Воздух был напоен благоуханием мятнолавровых деревьев, усыпанных гроздьями белых, тонко пахнущих цветов.
To these charming groups of native trees were added transplantations from European climates.	Среди живописных групп туземных растений росли также породы, вывезенные из Европы.
The peach, pear, and apple trees were there, the fig, the orange, and even the oak, to the rapturous delight of the travelers, who greeted them with loud hurrahs!	При виде этих деревьев: персиковых, апельсиновых, смоковниц, яблонь, груш и даже дубов - у путешественников вырвалось громкое "ура".
But astonished as the travelers were to find themselves walking beneath the shadow of the trees of their own native land, they were still more so at the sight of the birds that flew about in the branches-the "satin bird," with its silky plumage, and the "king-honeysuckers," with their plumage of gold and black velvet.	Идя под тенью деревьев своей родины, они восхищались и порхавшими между ветвей атласными птицами с шелковистым оперением, и иволгами, словно одетыми в золото и черный бархат.
For the first time, too, they saw here the "Lyre" bird, the tail of which resembles in form the graceful instrument of Orpheus.	Здесь же путешественникам довелось впервые увидеть птицу, хвост которой напоминает изящный инструмент Орфея - лиру.
It flew about among the tree ferns, and when its tail struck the branches, they were almost surprised not to hear the harmonious strains that inspired Amphion to rebuild the walls of Thebes.	Лирохвост носился среди древовидных папоротников, и когда хвост его ударял по листьям, то казалось почти удивительным, что при этом не раздаются гармонические аккорды.
Paganel had a great desire to play on it.	Паганелю захотелось сыграть на этой лире.
However, Lord Glenarvan was not satisfied with admiring the fairy-like wonders of this oasis, improvised in the Australian desert.	Впрочем, лорд Гленарван был занят не только созерцанием феерических чудес этого нежданного оазиса в пустынных австралийских землях.

He was listening to the history of the young gentlemen.	Он слушал рассказ молодых джентльменов.
In England, in the midst of civilized countries, the new comer acquaints his host whence he comes and whither he is going; but here, by a refinement of delicacy, Michael and Sandy Patterson thought it a duty to make themselves known to the strangers who were about to receive their hospitality.	В цивилизованных английских поместьях всякий пришелец прежде всего должен был бы сообщить хозяину, откуда они куда направляется. Здесь же, движимые какой-то тонкой деликатностью, Майкл и Сэнди Патерсоны сочли своим долгом сначала поведать путешественникам, которым предлагали гостеприимство, о себе. И они рассказали свою историю. Это была обычная история молодых англичан, умных, предприимчивых и не считающих, что богатство избавляет от труда.
Michael and Sandy Patterson were the sons of London bankers.	Майкл и Сэнди Патерсоны были сыновьями одного лондонского банкира.
When they were twenty years of age, the head of their family said,	Когда им исполнилось по 20 лет, глава семейства сказал:
"Here are some thousands, young men.	"Вот, молодые люди, столько-то миллионов.
Go to a distant colony; and start some useful settlement there. Learn to know life by labor.	Отправляйтесь в какую-нибудь далекую колонию, заведите там хорошее хозяйство, и пусть работа научит вас жить.
If you succeed, so much the better.	Если дело пойдет на лад - отлично.
If you fail, it won't matter much.	Если нет - не беда.
We shall not regret the money which makes you men."	Мы не будем сожалеть о миллионах, которые ушли на то, чтобы сделать вас взрослыми людьми".
The two young men obeyed.	Юноши послушались.
They chose the colony of Victoria in Australia, as the field for sowing the paternal bank-notes, and had no reason to repent the selection.	Местом для посева отцовских средств они выбрали австралийскую колонию Виктория, и им не пришлось раскаиваться.
At the end of three years the establishment was flourishing.	По прошествии трех лет их хозяйство процветало.
In Victoria, New South Wales, and Southern Australia, there are more than three thousand stations, some belonging to squatters who rear cattle, and others to settlers who farm the ground.	В провинциях Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия насчитывается более трех тысяч ферм; на одних живут скваттеры, которые разводят скот, на других - поселенцы, главное занятие которых земледелие.
Till the arrival of the two Pattersons, the largest establishment of this sort was that of Mr. Jamieson, which covered an area of seventy-five miles, with a frontage of about eight miles along the Peron, one of the affluents of the Darling.	До прибытия двух юных англичан самым крупным хозяйством такого рода была ферма Джеймсона, чьи земли протянулись на сто километров по берегу притока Дарлинга Пару.
Now Hottam Station bore the palm for business and extent.	Теперь же первой по величине и по размаху стала ферма Хотем.
The young men were both squatters and settlers.	Два молодых хозяина были и скваттерами и земледельцами одновременно.

They managed their immense property with rare ability and uncommon energy.	Они управляли своими огромными владениями с редким умением и, что еще труднее, необыкновенно энергично.
The station was far removed from the chief towns in the midst of the unfrequented districts of the Murray.	Ферма была расположена, как гости и сами видели, в отдалении от главных городов, в пустынном, уединенном округе Муррей.
It occupied a long wide space of five leagues in extent, lying between the Buffalo Ranges and Mount Hottam.	Она занимала пространство между 146° 48' и 147°, то есть участок длиной и шириной в 5 лье, который ограничивали горы Баффало и гора Хотем.
At the two angles north of this vast quadrilateral, Mount Aberdeen rose on the left, and the peaks of High Barven on the right.	На севере по углам этого обширного квадрата возвышалась слева гора Эбердин, справа - вершины Хай-Барвен.
Winding, beautiful streams were not wanting, thanks to the creeks and affluents of the Oven's River, which throws itself at the north into the bed of the Murray.	Здесь протекало множество живописных извилистых речушек и ручьев - притоков Овечьей реки, которая впадает на севере в Муррей.
Consequently they were equally successful in cattle breeding and farming.	На таких угодьях можно было с равным успехом разводить скот и засевать землю.
Ten thousand acres of ground, admirably cultivated, produced harvests of native productions and exotics, and several millions of animals fattened in the fertile pastures.	На десяти тысячах лье прекрасно обработанной земли туземные культуры чередовались с привозными, а на зеленых лугах паслись миллионы голов скота.
The products of Hottam Station fetched the very highest price in the markets of Castlemaine and Melbourne.	И недаром продукция фермы Хотем высоко ценилась на рынках Каслмейна и Мельбурна.
Michael and Sandy Patterson had just concluded these details of their busy life, when their dwelling came in sight, at the extremity of the avenue of the oaks.	Рассказ Майкла и Сэнда Патерсонов об их хозяйстве подходил к концу, когда в конце широкой аллеи, по сторонам которой росли казуариновые деревья, показался дом.
It was a charming house, built of wood and brick, hidden in groves of emerophilis.	То был домик в швейцарском стиле, из кирпича и дерева, прятавшийся в густых эмерофилис. Вокруг шла увешанная китайскими фонариками веранда, напоминавшая галереи древнеримских зданий. Над окнами висели разноцветные маркизы, казавшиеся огромными цветами. Трудно было себе представить более уютный, ласкающий глаз, комфортабельный уголок. На лужайках и среди рощиц, раскинутых вокруг дома, высились бронзовые канделябры с изящными фонарями. С наступлением темноты весь парк освещался белым газовым светом. Газ поступал из резервуара, скрытого в чаще акаций и древовидных папоротников.
Nothing at all, however, belonging to a station was visible-neither sheds, nor stables, nor cart-houses.	Вблизи дома не было видно ни служб, ни конюшен, ни сараев - ничего, что говорило бы о сельском хозяйстве.
All these out-buildings, a perfect village, comprising more than twenty huts and houses, were about a quarter of a mile off in the heart of a little valley.	Все эти строения - настоящий поселок более чем в двадцать домов и хижин - находились в четверти мили от дома, в глубине маленькой долины.

Electric communication was established between this village and the master's house, which, far removed from all noise, seemed buried in a forest of exotic trees.	От хозяйского дома в поселок был проведен электрический телеграф, по которому они могли мгновенно сообщаться друг с другом. Сам же дом, удаленный от всякого шума, казался затерянным среди чащи экзотических деревьев. В конце казуариновой аллеи через журчащий ручей был переброшен изящный железный мостик. Он вел в часть парка, прилегавшую к дому. Когда путешественники вместе с хозяевами перешли мостик, их встретил внушительного вида управляющий. Двери хотемского дома распахнулись, и гости вступили в великолепные апартаменты, скрывавшиеся за этими скромными, увитыми цветами кирпичными стенами. Их глазам представилась роскошная обстановка, говорившая о художественных склонностях хозяев. Из прихожей, увешанной принадлежностями верховой езды и охоты, двери вели в просторную гостиную в пять окон. Рояль, заваленный всевозможными нотами, и старинными, и современными, мольберты с начатыми полотнами, цоколи с мраморными статуями, несколько картин фламандских художников на стенах, гобелены с мифологическими сюжетами, под ногами - мягкие, словно густая трава, ковры, старинная люстра под потолком, расставленный всюду драгоценный фарфор, дорогие, со вкусом подобранные безделушки, тысяча разных изящных мелочей, которые так странно было видеть в австралийском доме, - все это являло прекрасное сочетание артистизма и комфорта. В этой сказочной гостиной, казалось, было собрано все, что могло развеять печаль добровольной ссылки и напомнить европейские обычаи. Можно было подумать, что находишься в каком-нибудь княжеском замке во Франции или в Англии. Свет смягчался, проходя через полузатемненную веранду и тонкую ткань маркиз. Леди Элен, подойдя к одному из окон, пришла в восторг. Дом был расположен над широкой долиной, расстилавшейся на восток до самых гор. Луга сменялись лесами; среди них проглядывали большие поляны, а вдали виднелась группа плавно закругленных холмов. Все это представляло неописуемую по красоте картину. Ни один уголок на земном шаре не мог бы сравниться с этим, даже знаменитая Райская долина в Норвегии, у Телемарка. Эта огромная панорама, пересекаемая полосами света и теней, то и дело изменялась по прихоти солнца. Никакое воображение не могло бы нарисовать ничего подобного, волшебное зрелище восхищало взор.

At Sandy Patterson's bidding, a sumptuous breakfast was served in less than a quarter of an hour.	Тем временем Сэнди Патерсон приказал дворецкому распорядиться завтраком для гостей, и не прошло и четверти часа после прибытия путешественников, как они уже садились за роскошно сервированный стол.
The wines and viands were of the finest quality; but what pleased the guests most of all in the midst of these refinements of opulence, was the joy of the young squatters in offering them this splendid hospitality.	Поданные кушанья и вина были выше всяких похвал, но гостям больше всего доставляла удовольствие та радость, с которой молодые хозяева угощали их.
It was not long before they were told the history of the expedition, and had their liveliest interest awakened for its success.	Узнав за завтраком о цели экспедиции, братья Патерсон горячо заинтересовались поисками Гленарвана.
They spoke hopefully to the young Grants, and Michael said:	Они укрепили надежды детей капитана Гранта.
"Harry Grant has evidently fallen into the hands of natives, since he has not turned up at any of the settlements on the coast. He knows his position exactly, as the document proves, and the reason he did not reach some English colony is that he must have been taken prisoner by the savages the moment he landed!"	- Раз Гарри Грант не появлялся нигде на побережье, он, очевидно, в руках туземцев, - сказал Майкл Патерсон. - Судя по документу, капитан точно знал, где находится, и если он не добрался до какой-нибудь английской колонии, то только потому, что при высадке был захвачен в плен дикарями.
"That is precisely what befell his quartermaster, Ayrton," said John Mangles.	- Как раз это и случилось с его боцманом Айртоном, - заметил Джон Манглс.
"But you, gentlemen, then, have never heard the catastrophe of the BRITANNIA, mentioned?" inquired Lady Helena.	- А вам, господа, никогда не случалось слышать о гибели "Британии"? - спросила леди Элен.
"Never, Madam," replied Michael.	- Никогда, сударыня, - ответил Майкл.
"And what treatment, in your opinion, has Captain Grant met with among the natives?"	- А как, по-вашему, должны были обращаться австралийцы со своим пленником?
"The Australians are not cruel, Madam," replied the young squatter, "and Miss Grant may be easy on that score.	- Австралийцы не жестоки, - ответил молодой скваттер, - и мисс Грант может не беспокоиться на этот счет.
There have been many instances of the gentleness of their nature, and some Europeans have lived a long time among them without having the least cause to complain of their brutality."	Известно немало случаев, когда проявлялась мягкость характера здешних дикарей. Некоторые европейцы подолгу жили среди них и не имели повода жаловаться на жестокость.
"King, among others, the sole survivor of the Burke expedition," put in Paganel.	- В числе их Кинг, - сказал Паганель, - единственный уцелевший человек из всей экспедиции Бёрка.
"And not only that bold explorer," returned Sandy, "but also an English soldier named Buckley, who deserted at Port Philip in 1803, and who was welcomed by the natives, and lived thirty-three years among them."	- Не только этот отважный исследователь, - вмешался в разговор Сэнди Патерсон, - но и английский солдат по имени Бакли. Бакли дезертировал в 1803 году с берегов залива Порт-Филлип, попал к туземцам и прожил с ними тридцать три года.

"And more recently," added Michael, "one of the last numbers of the AUSTRALASIA informs us that a certain Morrilli has just been restored to his countrymen after sixteen years of slavery.	- А в одном из последних номеров "Австралийской газеты", - добавил Майкл Патерсон, - есть сообщение о том, что какой-то Морилл вернулся на родину после шестнадцатилетнего плена.
His story is exactly similar to the captain's, for it was at the very time of his shipwreck in the PRUVIENNE, in 1846, that he was made prisoner by the natives, and dragged away into the interior of the continent.	История капитана Гранта, должно быть, похожа на его историю, ибо этот Морилл был взят в плен туземцами и уведен ими в глубь материка после крушения судна "Перуанка" в 1846 году.
I therefore think you have reason to hope still."	Итак, мне кажется, вам не надо терять надежду.
The young squatter's words caused great joy to his auditors.	Эти слова чрезвычайно обрадовали слушателей.
They completely corroborated the opinions of Paganel and Ayrton.	Они подтверждали догадки Паганеля и Айртона.
The conversation turned on the convicts after the ladies had left the table.	Когда леди Элен и Мери Грант удалились из столовой, мужчины заговорили о каторжниках.
The squatters had heard of the catastrophe at Camden Bridge, but felt no uneasiness about the escaped gang.	Патерсоны знали о катастрофе на Кемденском мосту, но бродившая в окрестностях шайка беглых каторжников не внушала им никакого беспокойства.
It was not a station, with more than a hundred men on it, that they would dare to attack.	Уж конечно, злоумышленники не осмелились бы напасть на их ферму, где жило больше сотни мужчин.
Besides, they would never go into the deserts of the Murray, where they could find no booty, nor near the colonies of New South Wales, where the roads were too well watched.	К тому же трудно было допустить, чтобы эти злодеи решили углубиться в пустыни, прилегающие к реке Муррею, - им там совершенно нечего делать - или рискнули бы приблизиться к колониям Нового Южного Уэльса, дороги которых хорошо охранялись.
Ayrton had said this too.	Такого же мнения придерживался Айртон.
Glenarvan could not refuse the request of his amiable hosts, to spend the whole day at the station.	Гленарван не мог не исполнить просьбу своих радушных хозяев провести у них весь день.
It was twelve hours' delay, but also twelve hours' rest, and both horses and bullocks would be the better for the comfortable quarters they would find there.	Эти двенадцать часов задержки дали двенадцать часов отдыха как для путешественников, так и для их лошадей и быков, поставленных в удобные стойла.
This was accordingly agreed upon, and the young squatters sketched out a programme of the day's amusements, which was adopted eagerly.	Итак, решено было остаться до следующего утра. Молодые хозяева предложили гостям программу дня, которая была горячо одобрена.
At noon, seven vigorous hunters were before the door.	В полдень семь породистых коней нетерпеливо били копытами землю у крыльца дома.
An elegant brake was intended for the ladies, in which the coachman could exhibit his skill in driving four-in-hand.	Дамам была подана коляска, запряженная четырьмя лошадьми, которыми возница искусно управлял с помощью длинных вожжей.

The cavalcade set off preceded by huntsmen, and armed with first-rate rifles, followed by a pack of pointers barking joyously as they bounded through the bushes.	Всадники, вооруженные превосходными охотничьими ружьями, скакали по обеим сторонам экипажа. Доезжачие неслись верхом впереди, а своры собак оглашали леса веселым лаем.
For four hours the hunting party wandered through the paths and avenues of the park, which was as large as a small German state. The Reuiss-Schleitz, or Saxe-Coburg Gotha, would have gone inside it comfortably.	В течение четырех часов кавалькада объезжала аллеи и дороги парка, по величине не уступавшего какому-нибудь маленькому германскому государству.
Few people were to be met in it certainly, but sheep in abundance.	Правда, здесь встречалось меньше жителей, но зато все кругом кишело овцами.
As for game, there was a complete preserve awaiting the hunters.	Дичи же было столько, что даже целая армия загонщиков не могла бы выгнать на охотников больше.
The noisy reports of guns were soon heard on all sides.	Поэтому вскоре загремели один за другим выстрелы, вспугивая мирных обитателей рощ и равнин.
Little Robert did wonders in company with Major McNabbs.	Юный Роберт, охотившийся рядом с Мак-Наббсом, творил чудеса.
The daring boy, in spite of his sister's injunctions, was always in front, and the first to fire.	Отважный мальчуган, несмотря на наставления сестры, был всегда впереди и стрелял первым.
But John Mangles promised to watch over him, and Mary felt less uneasy.	Но Джон Манглс взялся наблюдать за Робертом, и Мери Грант успокоилась.
During this BATTUE they killed certain animals peculiar to the country, the very names of which were unknown to Paganel; among others the "wombat" and the "bandicoot."	Во время этой облавы было убито несколько австралийских животных, которых до сего времени сам Паганель знал только по названию. Таких, например, как вомбат и бандикут.
The wombat is an herbivorous animal, which burrows in the ground like a badger.	Вомбат - это травоядное животное. Он роет норы, как сурок.
It is as large as a sheep, and the flesh is excellent.	Ростом он с овцу, и мясо его превкусное.
The bandicoot is a species of marsupial animal which could outwit the European fox, and give him lessons in pillaging poultry yards.	Бандикут - сумчатый барсук - превосходит хитростью даже европейскую лису и мог бы поучить ее искусству выкрадывать обитателей птичьих дворов.
It was a repulsive-looking animal, a foot and a half long, but, as Paganel chanced to kill it, of course he thought it charming.	Такое животное, довольно отталкивающего вида, фута в полтора длиной, убил Паганель и из охотничьего самолюбия нашел его прелестным.
"An adorable creature," he called it.	- Очаровательное животное! - заявил географ.
But the most interesting event of the day, by far, was the kangaroo hunt.	Роберт ловко подстрелил одну виверру - зверька, похожего на маленькую лису, чей черный с белыми пятнышками мех не уступает куньему, и пару опоссумов, прятавшихся в густой листве больших деревьев. Но, конечно, самым интересным из всех этих охотничьих подвигов была погоня за кенгуру.

About four o'clock, the dogs roused a troop of these curious marsupials.	Около четырех часов дня собаки вспугнули целое стадо этих любопытных сумчатых животных.
The little ones retreated precipitately into the maternal pouch, and all the troop decamped in file.	Детеныши мигом вскочили в материнские сумки, и все стадо гуськом помчалось прочь.
Nothing could be more astonishing than the enormous bounds of the kangaroo.	До чего странно видеть огромные скачки кенгуру!
The hind legs of the animal are twice as long as the front ones, and unbend like a spring.	Их задние лапы вдвое длиннее передних и распрямляются, словно пружины.
At the head of the flying troop was a male five feet high, a magnificent specimen of the macropus giganteus, an "old man," as the bushmen say.	Во главе убегавшего стада несся самец футов в пять вышиной, великолепный экземпляр кенгуру-великана.
For four or five miles the chase was vigorously pursued.	Погоня продолжалась неустанно на протяжении четырех-пяти миль.
The kangaroos showed no signs of weariness, and the dogs, who had reason enough to fear their strong paws and sharp nails, did not care to approach them.	Кенгуру не проявляли признаков усталости, а собаки, опасавшиеся - и не зря - могучих лап с острыми когтями, не очень-то старались к ним приблизиться.
But at last, worn out with the race, the troop stopped, and the "old man" leaned against the trunk of a tree, ready to defend himself.	Но наконец, выбившись из сил, стадо остановилось, и кенгуру-великан, прислонясь к стволу дерева, приготовился к защите.
One of the pointers, carried away by excitement, went up to him. Next minute the unfortunate beast leaped into the air, and fell down again completely ripped up.	Одна из собак в пылу погони подкатилась к самцу, но в тот же миг взлетела на воздух и свалилась на землю с распоротым брюхом.
The whole pack, indeed, would have had little chance with these powerful marsupia.	Конечно, и всей своре было бы не под силу справиться с этими могучими животными.
They had to dispatch the fellow with rifles. Nothing but balls could bring down the gigantic animal.	Приходилось охотникам взяться за ружья - только пули могли прикончить их.
Just at this moment, Robert was well nigh the victim of his own imprudence.	В эту минуту Роберт едва не пал жертвой своей неосторожности.
To make sure of his aim, he had approached too near the kangaroo, and the animal leaped upon him immediately.	Желая лучше прицелиться, мальчик так приблизился к кенгуру, что тот бросился на него.
Robert gave a loud cry and fell.	Роберт упал, раздался крик.
Mary Grant saw it all from the brake, and in an agony of terror, speechless and almost unable even to see, stretched out her arms toward her little brother.	Мери Грант, онемев от ужаса и едва не лишившись сознания, протягивала руки к брату.
No one dared to fire, for fear of wounding the child. But John Mangles opened his hunting knife, and at the risk of being ripped up himself, sprang at the animal, and plunged it into his heart.	Ни один из охотников не решался стрелять, боясь попасть в мальчика, но тут Джон Манглс, рискуя жизнью, бросился с раскрытым охотничьим ножом на кенгуру и поразил его в сердце.
The beast dropped forward, and Robert rose unhurt.	Животное рухнуло, Роберт поднялся на ноги, целый и невредимый.
Next minute he was in his sister's arms.	Миг - и сестра прижимала его к своей груди.

"Thank you, Mr. John, thank you!" she said, holding out her hand to the young captain.	- Спасибо, мистер Джон, спасибо! - сказала Мери Грант, протягивая руку молодому капитану.
"I had pledged myself for his safety," was all John said, taking her trembling fingers into his own.	- Он был на моем попечении, - отозвался Джон Манглс, пожимая дрожащую руку девушки.
This occurrence ended the sport.	Этим происшествием закончилась охота.
The band of marsupia had disappeared after the death of their leader. The hunting party returned home, bringing their game with them.	После смерти вожака стадо кенгуру разбежалось, а убитого кенгуру-великана охотники увезли с собой.
It was then six o'clock.	Домой вернулись в шесть часов вечера.
A magnificent dinner was ready.	Охотников ожидал великолепный обед.
Among other things, there was one dish that was a great success. It was kangaroo-tail soup, prepared in the native manner.	Гостям особенно понравился бульон из хвоста кенгуру, приготовленный по-туземному. После десерта из мороженого и шербета все перешли в гостиную. Вечер был посвящен музыке. Леди Элен, прекрасная пианистка, взялась аккомпанировать хозяевам. Майкл и Сэнди Патерсоны с большим вкусом исполнили отрывки из новейших партитур Гуно, Фелисьена Давида и даже из сочинений Рихарда Вагнера. В одиннадцать часов подали чай. Приготовлен он был наилучшим способом, по-английски. Но Паганель захотел попробовать австралийского чая, и ему принесли жидкость, похожую на чернила. Ничего удивительного - полфунта чая кипело в литре воды в течение четырех часов! Паганель хоть и поморщился, но объявил напиток превосходным. В полночь гостей провели в прохладные удобные комнаты, и они погрузились в сон после полного удовольствий дня.
Next morning very early, they took leave of the young squatters, with hearty thanks and a positive promise from them of a visit to Malcolm Castle when they should return to Europe.	На другой день, на рассвете, они простились с молодыми скваттерами. Хозяева и гости благодарили друг друга и обещали по возвращении в Европу встретиться в замке Малькольм.
Then the wagon began to move away, round the foot of Mount Hottam, and soon the hospitable dwelling disappeared from the sight of the travelers like some brief vision which had come and gone.	Наконец повозка тронулась, обогнула гору Хотем, и вскоре дом исчез из глаз путешественников, словно его и не было.
For five miles further, the horses were still treading the station lands.	Но еще целых пять миль их лошади скакали по территории огромной фермы.
It was not till nine o'clock that they had passed the last fence, and entered the almost unknown districts of the province of Victoria.	Только в девять часов последняя изгородь осталась позади, и маленький отряд вступил на почти неизведанные земли провинции Виктория.
CHAPTER XV SUSPICIOUS OCCURRENCES	Глава XVIII АВСТРАЛИЙСКИЕ АЛЬПЫ
AN immense barrier lay across the route to the southeast. It was the Australian Alps, a vast fortification, the fantastic curtain of which extended 1,500 miles, and pierced the clouds at the height of 4,000 feet.	Путь на юго-восток преграждала цепь Австралийских Альп. Это подобие гигантских крепостных стен причудливо извивается на протяжении тысячи пятисот миль и задерживает тучи на высоте четырех тысяч футов.

The cloudy sky only allowed the heat to reach the ground through a close veil of mist. The temperature was just bearable, but the road was toilsome from its uneven character. The extumescences on the plain became more and more marked.	Небо заволакивали облака, и зной, смягченный сгустившимися парами, был не так жгуч, так что жара не особенно давала себя чувствовать, но зато делалось труднее двигаться по все более изрезанной местности.
Several mounds planted with green young gum trees appeared here and there.	Стали появляться холмики, поросшие молодыми зелеными камедными деревьями.
Further on these protuberances rising sharply, formed the first steps of the great Alps.	Дальше потянулись высокие холмы, это уже были первые отроги Альп.
From this time their course was a continual ascent, as was soon evident in the strain it made on the bullocks to drag along the cumbrous wagon.	Дорога все время шла в гору, это особенно ясно было видно по тем усилиям, которые делали быки.
Their yoke creaked, they breathed heavily, and the muscles of their houghs were stretched as if they would burst.	Их ярмо скрипело под тяжестью громоздкой повозки, они громко пыхтели, мускулы ног напрягались так, что, казалось, готовы были лопнуть.
The planks of the vehicle groaned at the unexpected jolts, which Ayrton with all his skill could not prevent.	Повозка трещала при неожиданных толчках, избежать которых не удавалось даже ловкому Айртону.
The ladies bore their share of discomfort bravely.	Путешественницы весело с этим мирились.
John Mangles and his two sailors acted as scouts, and went about a hundred steps in advance.	Джон Манглс со своими двумя матросами, обследуя путь, ехали в нескольких стах шагах впереди.
They found out practical paths, or passes, indeed they might be called, for these projections of the ground were like so many rocks, between which the wagon had to steer carefully.	Они выбирали удобный путь - так и хочется сказать: фарватер, так похожи были все эти бугры на рифы, среди которых повозка искала проход.
It required absolute navigation to find a safe way over the billowy region.	Такое путешествие действительно напоминало плавание по морским волнам.
It was a difficult and often perilous task.	Задача была трудной, а подчас даже и опасной.
Many a time Wilson's hatchet was obliged to open a passage through thick tangles of shrubs.	Не раз топору Вильсона приходилось прокладывать дорогу среди густой чащи кустарников.
The damp argillaceous soil gave way under their feet.	Глинистая и влажная почва словно ускользала из-под ног.
The route was indefinitely prolonged owing to the insurmountable obstacles, huge blocks of granite, deep ravines, suspected lagoons, which obliged them to make a thousand detours.	Путь удлинялся частыми объездами непреодолимых препятствий: высоких гранитных скал, глубоких оврагов, не внушающих доверия озерков.
When night came they found they had only gone over half a degree.	Поэтому за целый день едва преодолели полградуса.
They camped at the foot of the Alps, on the banks of the creek of Cobongra, on the edge of a little plain, covered with little shrubs four feet high, with bright red leaves which gladdened the eye.	Вечером расположились лагерем у подошвы Альп, на берегу горной речки Кобонгры, в маленькой долине, поросшей кустарником футов четырех вышины, со светло-красными, веселящими взгляд листьями.

"We shall have hard work to get over," said Glenarvan, looking at the chain of mountains, the outlines of which were fast fading away in the deepening darkness.	- Да, трудно будет перевалить, - проговорил Гленарван, глядя на горную цепь, очертания которой уже начинали теряться в надвигавшейся вечерней мгле. - Альпы!
"The very name Alps gives plenty of room for reflection."	Одно название заставляет призадуматься.
"It is not quite so big as it sounds, my dear Glenarvan. Don't suppose you have a whole Switzerland to traverse.	- Не надо понимать буквально, дорогой Гленарван, - отозвался Паганель. - Не думайте, что вам предстоит пройти через целую Швейцарию.
In Australia there are the Grampians, the Pyrenees, the Alps, the Blue Mountains, as in Europe and America, but in miniature.	Правда, в Австралии есть, как в Европе, Пиренеи и Альпы, но все это в миниатюре.
This simply implies either that the imagination of geographers is not infinite, or that their vocabulary of proper names is very poor."	Эти названия доказывают только то, что фантазия географов ограниченна или что количество собственных имен очень невелико.
"Then these Australian Alps," said Lord Glenarvan, "are-"	- Так эти Австралийские Альпы... - начала леди Элен.
"Mere pocket mountains," put in Paganel; "we shall get over them without knowing it."	- ... карманные горы, - ответил Паганель. - Мы и не заметим, как переберемся через них.
"Speak for yourself," said the Major. "It would certainly take a very absent man who could cross over a chain of mountains and not know it."	- Говорите за себя! - сказал майор. - Только рассеянный человек может перевалить через горную цепь, не заметив этого:
"Absent! But I am not an absent man now.	- Рассеянный! - воскликнул географ. - Да я уже больше не рассеян.
I appeal to the ladies.	Спросите у наших дам.
Since ever I set foot on the Australian continent, have I been once at fault?	Разве с тех пор, как я ступил ногой на этот материк, я не держал своего слова? Бывал ли я хоть раз рассеян?
Can you reproach me with a single blunder?"	Можно ли упрекнуть меня в каком-нибудь промахе?
"Not one. Monsieur Paganel," said Mary Grant. "You are now the most perfect of men."	- Ни в одном, господин Паганель! - заявила Мери Грант. - Теперь вы самый совершенный из смертных!
"Too perfect," added Lady Helena, laughing; "your blunders suited you admirably."	- Даже слишком совершенный! - смеясь, добавила леди Элен. - Ваша рассеянность шла вам.
"Didn't they, Madam? If I have no faults now, I shall soon get like everybody else.	- Не правда ли, сударыня, - отозвался Паганель, - ведь если у меня не будет ни одного недостатка, я стану заурядным человеком?
I hope then I shall make some outrageous mistake before long, which will give you a good laugh.	Поэтому я в ближайшем же будущем постараюсь совершить какой-нибудь крупный промах, который всех вас насмешит.
You see, unless I make mistakes, it seems to me I fail in my vocation."	Видите ли, когда я ничего не путаю, мне кажется, что я изменяю своему призванию.

Next day, the 9th of January, notwithstanding the assurances of the confident geographer, it was not without great difficulty that the little troop made its way through the Alpine pass.	На следующий день, 9 января, вопреки уверениям самонадеянного географа, маленький отряд с самого начала перехода через Альпы стал испытывать большие трудности.
They were obliged to go at a venture, and enter the depths of narrow gorges without any certainty of an outlet.	Приходилось идти на авось по узким, глубоким ущельям, которые могли закончиться тупиком.
Ayrton would doubtless have found himself very much embarrassed if a little inn, a miserable public house, had not suddenly presented itself.	Айртон очутился бы в очень затруднительном положении, если бы после часа тяжелого пути по горной дороге им неожиданно не встретился жалкий кабачок.
"My goodness!" cried Paganel, "the landlord of this inn won't make his fortune in a place like this. What is the use of it here?"	- Не думаю, черт побери, чтобы кабачок в подобном месте мог обогатить своего хозяина! - воскликнул Паганель. - Какой от него здесь толк?
"To give us the information we want about the route," replied Glenarvan. "Let us go in."	- Хотя бы тот, что мы сможем в нем узнать дорогу, - отозвался Гленарван. - Войдем!
Glenarvan, followed by Ayrton, entered the inn forthwith.	Гленарван вместе с Айртоном вошел в кабачок.
The landlord of the	Хозяин
"Bush Inn," as it was called, was a coarse man with an ill-tempered face, who must have considered himself his principal customer for the gin, brandy and whisky he had to sell.	"Куста" - такое название было написано на вывеске - производил впечатление человека грубого. Лицо у него было неприветливое и говорившее о том, что сам он является главным потребителем джина, бренди и виски своего трактира.
He seldom saw any one but the squatters and rovers.	Обычно его единственными посетителями были путешествующие скваттеры и пастухи, перегоняющие стада.
He answered all the questions put to him in a surly tone.	На вопросы кабатчик отвечал неохотно.
But his replies sufficed to make the route clear to Ayrton, and that was all that was wanted.	Но все же по его ответам Айртон смог сориентироваться.
Glenarvan rewarded him with a handful of silver for his trouble, and was about to leave the tavern, when a placard against the wall arrested his attention.	Гленарван отблагодарил кабатчика за усердие несколькими кронами и собирался было уже уходить, когда заметил наклеенное на стене объявление колониальной полиции.
It was a police notice, and announcing the escape of the convicts from Perth, and offering a reward for the capture of Ben Joyce of pounds 100 sterling.	В нем сообщалось о бегстве каторжников из Пертской тюрьмы и была оценена голова Бена Джойса. Сто фунтов стерлингов полагалось за его выдачу.
"He's a fellow that's worth hanging, and no mistake," said Glenarvan to the quartermaster.	- Несомненно, такого негодяя стоило бы повесить, - сказал Гленарван боцману.
"And worth capturing still more. But what a sum to offer!	- А главное, недурно бы поймать его! - отозвался Айртон. - Сто фунтов стерлингов - сумма немалая!
He is not worth it!"	Он ее не стоит.

"I don't feel very sure of the innkeeper though, in spite of the notice," said Glenarvan.	- А этот кабатчик, хотя у него и висит объявление полиции, признаться, внушает мне мало доверия, - добавил Гленарван.
"No more do I," replied Ayrton.	- Мне тоже, - подтвердил Айртон.
They went back to the wagon, toward the point where the route to Lucknow stopped. A narrow path wound away from this which led across the chain in a slanting direction.	Гленарван и боцман вернулись к повозке. Отсюда отряд направился к тому месту, где дорога на Лакнау кончается и начинается узкий извилистый проход, пересекающий наискось горную цепь.
They had commenced the ascent.	Начали подниматься.
It was hard work.	Восхождение было трудным.
More than once both the ladies and gentlemen had to get down and walk.	Не раз путешественницы выходили из повозки, а их спутники спешивались.
They were obliged to help to push round the wheels of the heavy vehicle, and to support it frequently in dangerous declivities, to unharness the bullocks when the team could not go well round sharp turnings, prop up the wagon when it threatened to roll back, and more than once Ayrton had to reinforce his bullocks by harnessing the horses, although they were tired out already with dragging themselves along.	Приходилось поддерживать тяжелую повозку, подталкивать ее, удерживать на опасных спусках, распрягать быков на крутых поворотах, подкладывать клинья под колеса, когда повозка начинала катиться назад. Не раз Айртон должен был прибегать к помощи лошадей, и без того утомленных подъемом.
Whether it was this prolonged fatigue, or from some other cause altogether, was not known, but one of the horses sank suddenly, without the slightest symptom of illness.	То ли из-за этой усталости, то ли из-за чего-то другого, но в тот день одна из лошадей пала. Она вдруг рухнула на землю, хотя ничто перед тем не предвещало такого несчастья.
It was Mulrady's horse that fell, and on attempting to pull it up, the animal was found to be dead.	Это была лошадь Мюльреди. Когда тот хотел поднять ее, она оказалась мертвой.
Ayrton examined it immediately, but was quite at a loss to account for the disaster.	Подошел Айртон и стал осматривать лежавшее на земле животное. Видимо, он совершенно не мог понять причины его мгновенной смерти.
"The beast must have broken some blood vessels," said Glenarvan.	- Должно быть, у этой лошади лопнул какой-нибудь сосуд, - сказал Гленарван.
"Evidently," replied Ayrton.	- Очевидно, так, - отозвался Айртон.
"Take my horse, Mulrady," added Glenarvan. "I will join Lady Helena in the wagon."	- Садись на мою лошадь, Мюльреди, - обратился Гленарван к матросу, - а я поеду с леди Элен в повозке.
Mulrady obeyed, and the little party continued their fatiguing ascent, leaving the carcass of the dead animal to the ravens.	Мюльреди повиновался, и маленький отряд, бросив труп лошади на съедение воронам, продолжал утомительный подъем.
The Australian Alps are of no great thickness, and the base is not more than eight miles wide.	Цепь Австралийских Альп в ширину невелика, не более восьми миль.
Consequently if the pass chosen by Ayrton came out on the eastern side, they might hope to get over the high barrier within forty-eight hours more.	Поэтому если проход, которого придерживался Айртон, действительно шел к восточному склону, то двумя сутками позже маленький отряд должен был бы оказаться по ту сторону хребта.
The difficulty of the route would then be surmounted, and they would only have to get to the sea.	А там уже до самого моря не могло встретиться никаких непреодолимых препятствий и трудных дорог.

During the 18th the travelers reached the top-most point of the pass, about 2,000 feet high.	Днем 10 января путешественники добрались до наивысшей точки перевала, на высоте двух тысяч футов.
They found themselves on an open plateau, with nothing to intercept the view.	Они очутились на плоскогорье, откуда открывался обширный вид.
Toward the north the quiet waters of Lake Omco, all alive with aquatic birds, and beyond this lay the vast plains of the Murray.	На севере сияли спокойные воды озера Омео, изобилующего водоплавающими птицами, а за ним расстилались необъятные равнины Муррея.
To the south were the wide spreading plains of Gippsland, with its abundant gold-fields and tall forests.	К югу тянулись зеленеющие пространства Гипсленда - его золотоносные земли, высокие леса.
There nature was still mistress of the products and water, and great trees where the woodman's ax was as yet unknown, and the squatters, then five in number, could not struggle against her.	Этот край имел первобытный вид. Здесь природа еще владычествовала над своими творениями - над водами рек, над огромными деревьями, незнакомыми с топором, и скваттеры, пока, правда, редко там встречавшиеся, не решались вступать с ней в борьбу.
It seemed as if this chain of the Alps separated two different countries, one of which had retained its primitive wildness.	Казалось, что Альпы эти отделяют друг от друга две различных страны, одна из которых сохранила первобытную дикость.
The sun went down, and a few solitary rays piercing the rosy clouds, lighted up the Murray district, leaving Gippsland in deep shadow, as if night had suddenly fallen on the whole region.	Солнце заходило, и его лучи, прорываясь сквозь мрачные облака, оживляли краски округа Муррей. А Гипсленд, заслоненный горами, терялся в смутной мгле, и во всей заальпийской области, казалось, наступала преждевременная ночь.
The contrast was presented very vividly to the spectators placed between these two countries so divided, and some emotion filled the minds of the travelers, as they contemplated the almost unknown district they were about to traverse right to the frontiers of Victoria.	Зрители, стоявшие между двумя резко отличавшимися друг от друга областями, живо почувствовали этот контраст и с некоторым волнением смотрели на простиравшийся перед ними почти неведомый край, через который им предстояло пробираться до самой границы провинции Виктория.
They camped on the plateau that night, and next day the descent commenced.	Здесь же, на плоскогорье, был разбит лагерь, а на следующее утро начался спуск.
It was tolerably rapid.	Спускались довольно быстро.
A hailstorm of extreme violence assailed the travelers, and obliged them to seek a shelter among the rocks.	Вдруг на путешественников обрушился страшный град и принудил их забиться под скалы.
It was not hail-stones, but regular lumps of ice, as large as one's hand, which fell from the stormy clouds.	Это были не градины, а настоящие куски льда величиной с ладонь, летевшие из грозовых туч с такой силой, словно они были выпущены из пращи.
A waterspout could not have come down with more violence, and sundry big bruises warned Paganel and Robert to retreat.	И несколько основательных ушибов убедили Паганеля и Роберта в необходимости поскорее укрыться.

The wagon was riddled in several places, and few coverings would have held out against those sharp icicles, some of which had fastened themselves into the trunks of the trees. It was impossible to go on till this tremendous shower was over, unless the travelers wished to be stoned.	Повозка была продырявлена во многих местах. Против ударов таких острых ледяшек не устояли бы и крыши домов. Некоторые градины врезались даже в стволы деревьев. Такой град мог убить, и пришлось переждать его.
It lasted about an hour, and then the march commenced anew over slanting rocks still slippery after the hail.	На это ушел час, а затем маленький отряд снова двинулся в путь по отлогим каменистым тропам, скользким от таявшего града.
Toward evening the wagon, very much shaken and disjointed in several parts, but still standing firm on its wooden disks, came down the last slopes of the Alps, among great isolated pines.	К вечеру повозка уже спускалась по последним уступам Альп, меж огромных одиноких елей. Ее остов во многих местах от сильной тряски разошелся, но все же крепко держался на своих грубых деревянных колесах.
The passage ended in the plains of Gippsland.	Горный проход заканчивался у равнин Гипсленда.
The chain of the Alps was safely passed, and the usual arrangements were made for the nightly encampment.	Переход через Альпы был благополучно завершен, и отряд, как обычно, расположился на ночлег.
On the 21st, at daybreak, the journey was resumed with an ardor which never relaxed.	12-го с рассветом маленький отряд, охваченный неослабевающим воодушевлением, снова двинулся в путь.
Everyone was eager to reach the goal-that is to say the Pacific Ocean-at that part where the wreck of the BRITANNIA had occurred.	Все стремились как можно скорее достичь цели, то есть побережья Тихого океана в том месте, где разбилась "Британия".
Nothing could be done in the lonely wilds of Gippsland, and Ayrton urged Lord Glenarvan to send orders at once for the DUNCAN to repair to the coast, in order to have at hand all means of research.	Конечно, только там можно было напасть на след потерпевших крушение, а не здесь, в этом пустынном Гипсленде. И Айртон настаивал, чтобы Гленарван поскорее отправил "Дункану" приказ идти к восточному побережью, где яхта могла быть очень полезна при поисках.
He thought it would certainly be advisable to take advantage of the Lucknow route to Melbourne.	По мнению боцмана, надо было воспользоваться дорогой из Лакнау в Мельбурн.
If they waited it would be difficult to find any way of direct communication with the capital.	Позднее послать нарочного будет трудно, ибо дальше со столицей нет прямого сообщения.
This advice seemed good, and Paganel recommended that they should act upon it. He also thought that the presence of the yacht would be very useful, and he added, that if the Lucknow road was once passed, it would be impossible to communicate with Melbourne.	Предложение боцмана казалось целесообразным, и Паганель советовал прислушаться к нему: географ тоже думал, что яхта могла бы быть очень полезна при подобных обстоятельствах и что позднее миновав Лакнаускую дорогу, они не смогут уже сообщаться с Мельбурном.
Glenarvan was undecided what to do, and perhaps he would have yielded to Ayrton's arguments, if the Major had not combated this decision vigorously.	Гленарван был в нерешительности. Быть может, он и послал бы приказ "Дункану", чего так настойчиво добивался Айртон, если бы против этого плана энергично не восстал майор.

He maintained that the presence of Ayrton was necessary to the expedition, that he would know the country about the coast, and that if any chance should put them on the track of Harry Grant, the quartermaster would be better able to follow it up than any one else, and, finally, that he alone could point out the exact spot where the shipwreck occurred.	Мак-Наббс доказывал, что присутствие Айртона необходимо для экспедиции: он ведь знал местность вблизи побережья, и если отряд случайно нападет на следы Гарри Гранта, то боцман лучше всякого другого сумеет повести отряд по этим следам; наконец, только он, Айртон, сможет указать место крушения "Британии".
McNabbs voted therefore for the continuation of the voyage, without making the least change in their programme.	Словом, майор стоял за то, чтобы путешествие продолжалось без изменений.
John Mangles was of the same opinion.	Он нашел единомышленника в лице Джона Манглса.
The young captain said even that orders would reach the DUNCAN more easily from Twofold Bay, than if a message was sent two hundred miles over a wild country.	Молодой капитан указал Гленарвану на то, что его распоряжения легче будет переслать на "Дункан" из Туфоллд-Бей морским путем, чем теперь с гонцом, которому придется проехать верхом двести миль по дикому краю.
His counsel prevailed.	Майор и капитан одержали верх.
It was decided that they should wait till they came to Twofold Bay.	Гленарван решил послать гонца по прибытии в Туфоллд-Бей.
The Major watched Ayrton narrowly, and noticed his disappointed look.	Майору, наблюдавшему за Айртоном, показалось, что у того был довольно разочарованный вид.
But he said nothing, keeping his observations, as usual, to himself.	Но Мак-Наббс ни с кем не поделился своими наблюдениями, а, по обыкновению, оставил их при себе.
The plains which lay at the foot of the Australian Alps were level, but slightly inclined toward the east.	Равнины, простиравшиеся у подножия Австралийских Альп, едва заметно понижались к востоку.
Great clumps of mimosas and eucalyptus, and various odorous gum-trees, broke the uniform monotony here and there.	Их монотонное однообразие кое-где нарушали рощи мимоз, эвкалиптов и различных пород камедных деревьев.
The gastrolobium grandiflorum covered the ground, with its bushes covered with gay flowers.	Попадались кусты гастролобиум грандифлорум с ярко окрашенными цветами.
Several unimportant creeks, mere streams full of little rushes, and half covered up with orchids, often interrupted the route.	Часто дорогу пересекали небольшие горные речки, вернее, ручьи, берега которых густо заросли мелким тростником и орхидеями.
They had to ford these.	Их переходили вброд.
Flocks of bustards and emus fled at the approach of the travelers. Below the shrubs, kangaroos were leaping and springing like dancing jacks.	Вдали видно было, как убегали при приближении отряда стаи дроф и эму, а через кусты прыгали кенгуру, как бумажные чертики на резинке.
But the hunters of the party were not thinking much of the sport, and the horses little needed any additional fatigue.	Но всадники не помышляли об охоте, их истомленным лошадям тоже было не до этого.
Moreover, a sultry heat oppressed the plain.	К тому же стояла удушливая жара.

The atmosphere was completely saturated with electricity, and its influence was felt by men and beasts.	Воздух был насыщен электричеством. И животные и люди испытывали на себе его влияние.
They just dragged themselves along, and cared for nothing else.	Сил хватало только на то, чтобы брести вперед.
The silence was only interrupted by the cries of Ayrton urging on his burdened team.	Тишину нарушали лишь окрики Айртона, подгонявшего измученных быков.
From noon to two o'clock they went through a curious forest of ferns, which would have excited the admiration of less weary travelers.	С полудня до двух часов отряд ехал по любопытному лесу из папоротников, который восхитил бы путников менее изнуренных.
These plants in full flower measured thirty feet in height.	Эти древовидные растения были вышиной футов в тридцать.
Horses and riders passed easily beneath their drooping leaves, and sometimes the spurs would clash against the woody stems.	Не только лошади, но и всадники, не нагибаясь, проезжали под склоненными ветвями гигантских папоротников, и порой колесико чьей-нибудь шпоры позвякивало, ударяясь об их стволы.
Beneath these immovable parasols there was a refreshing coolness which every one appreciated.	Под неподвижными зонтами зеленой листвы царила прохлада, которая всех только порадовала.
Jacques Paganel, always demonstrative, gave such deep sighs of satisfaction that the paroquets and cockatoos flew out in alarm, making a deafening chorus of noisy chatter.	Паганель, как всегда экспансивный, испустил несколько столь звучных вздохов удовольствия, что вспугнул стаи какаду. Поднялся оглушительный птичий гвалт.
The geographer was going on with his sighs and jubilations with the utmost coolness, when his companions suddenly saw him reel forward, and he and his horse fell down in a lump.	Географ продолжал ликовать и восторженно вскрикивать, как вдруг на глазах у своих спутников закачался и рухнул вместе с лошадью на землю.
Was it giddiness, or worse still, suffocation, caused by the high temperature?	Что с ним случилось: головокружение или припадок удушья от жары?
They ran to him, exclaiming:	Все бросились к нему.
"Paganel!	- Паганель!
Paganel! what is the matter?"	Паганель! Что с вами? - крикнул Гленарван.
"Just this. I have no horse, now!" he replied, disengaging his feet from the stirrups.	- Со мною то, что я остался без лошади, милый друг, - ответил географ, высвобождая ноги из стремян.
"What! your horse?"	- Как! Ваша лошадь...
"Dead like Mulrady's, as if a thunderbolt had struck him."	- ... пала, словно пораженная молнией, так же, как лошадь Мюльреди.
Glenarvan, John Mangles, and Wilson examined the animal; and found Paganel was right.	Гленарван, Джон Манглс и Вильсон осмотрели лошадь.
His horse had been suddenly struck dead.	Паганель не ошибся: она внезапно околела.
"That is strange," said John.	- Странно! - проговорил Джон Манглс.
"Very strange, truly," muttered the Major.	- Очень странно... - пробормотал майор.
Glenarvan was greatly disturbed by this fresh accident.	Гленарвана очень озаботило это новое злоключение.

He could not get a fresh horse in the desert, and if an epidemic was going to seize their steeds, they would be seriously embarrassed how to proceed.	Ведь в таком пустынном крае негде взять лошадей. Так что если их поражает какая-то эпидемия, то дальнейший путь экспедиции окажется весьма затруднительным.
Before the close of the day, it seemed as if the word epidemic was really going to be justified. A third horse, Wilson's, fell dead, and what was, perhaps equally disastrous, one of the bullocks also.	Еще до наступления вечера догадка об эпидемии подтвердилась: издохла третья лошадь, на которой ехал Вильсон, а за ней - что было, быть может, еще серьезнее - пал также и один из быков.
The means of traction and transport were now reduced to three bullocks and four horses.	Оставалось только три быка и четыре лошади.
The situation became grave.	Положение стало тяжелым.
The unmounted horsemen might walk, of course, as many squatters had done already; but if they abandoned the wagon, what would the ladies do?	Всадники, лишившиеся лошадей, могли, на худой конец, идти пешком. Немало скваттеров до них пробиралось таким же образом через этот пустынный край. Но если придется бросить повозку, как быть с путешественницами?
Could they go over the one hundred and twenty miles which lay between them and Twofold Bay?	Смогут ли они пройти пешком оставшиеся до Туфоллд - Бей сто двадцать миль?
John Mangles and Lord Glenarvan examined the surviving horses with great uneasiness, but there was not the slightest symptom of illness or feebleness in them.	Встревоженные, Гленарван и Джон Манглс осмотрели уцелевших лошадей. Нельзя ли предотвратить новые жертвы? При этом осмотре не было обнаружено не только признаков какой-либо болезни, но и слабости.
The animals were in perfect health, and bravely bearing the fatigues of the voyage.	Лошади казались вполне здоровыми и хорошо выносили утомительное путешествие.
This somewhat reassured Glenarvan, and made him hope the malady would strike no more victims.	Гленарван начал надеяться, что эта странная эпидемия ограничится четырьмя павшими животными.
Ayrton agreed with him, but was unable to find the least solution of the mystery.	Так же думал и Айртон. Боцман признался, что он ровно ничего не понимает в этом молниеносном падеже скота.
They went on again, the wagon serving, from time to time, as a house of rest for the pedestrians.	Снова тронулись в путь. То один, то другой пеший по очереди садились отдохнуть в повозку.
In the evening, after a march of only ten miles, the signal to halt was given, and the tent pitched.	Вечером после небольшого перехода, всего в десять миль, сделали привал и раскинули лагерь.
The night passed without inconvenience beneath a vast mass of bushy ferns, under which enormous bats, properly called flying foxes, were flapping about.	Ночь прошла благополучно в рощице из древовидных папоротников, между которыми носились огромные летучие мыши, метко названные летучими лисицами.
The next day's journey was good; there were no new calamities.	Следующий день, 13 января, начался хорошо. Несчастные случаи не возобновлялись.
The health of the expedition remained satisfactory; horses and cattle did their task cheerily.	Все чувствовали себя неплохо. Лошади и быки бодро справлялись со своей работой.
Lady Helena's drawing-room was very lively, thanks to the number of visitors.	В "салоне" леди Элен из-за притока посетителей было очень оживленно.

M. Olbinett busied himself in passing round refreshments which were very acceptable in such hot weather.	Мистер Олбинет усердно обносил всех прохладительными напитками, что было очень кстати при тридцатиградусной жаре.
Half a barrel of Scotch ale was sent in bodily.	Выпили целых полбочонка шотландского эля.
Barclay and Co. was declared to be the greatest man in Great Britain, even above Wellington, who could never have manufactured such good beer.	Беркли и К° был объявлен самым великим человеком Великобритании, более великим, чем даже Веллингтон, который никогда не изготовил бы такого хорошего пива.
This was a Scotch estimate.	Вот оно, шотландское тщеславие!
Jacques Paganel drank largely, and discoursed still more de omni re scibili.	Паганель много выпил и ораторствовал еще больше и обо всем на свете.
A day so well commenced seemed as if it could not but end well; they had gone fifteen good miles, and managed to get over a pretty hilly district where the soil was reddish.	Так хорошо начавшийся день, казалось, должен был и закончиться хорошо. Отряд прошел добрых пятнадцать миль по довольно гористой местности с красноватой почвой.
There was every reason to hope they might camp that same night on the banks of the Snowy River, an important river which throws itself into the Pacific, south of Victoria.	Можно было надеяться, что в тот же вечер удастся расположиться на берегу Сноуи-Ривер, крупной реки, впадающей на юге провинции Виктория в Тихий океан.
Already the wheels of the wagon were making deep ruts on the wide plains, covered with blackish alluvium, as it passed on between tufts of luxuriant grass and fresh fields of gastrolobium.	Вскоре колеса повозки стали прокладывать колеи в темной наносной почве обширных, поросших буйными травами и кустами гастролобиума равнин.
As evening came on, a white mist on the horizon marked the course of the Snowy River.	Наступил вечер, и туман, четко выделявшийся на горизонте, обозначил течение Сноуи-Ривер.
Several additional miles were got over, and a forest of tall trees came in sight at a bend of the road, behind a gentle eminence.	Повозка продвинулась еще на несколько миль. За небольшим холмом дорога круто поворачивала в высокий лес.
Ayrton turned his team a little toward the great trunks, lost in shadow, and he had got to the skirts of the wood, about half-a-mile from the river, when the wagon suddenly sank up to the middle of the wheels.	Айртон направил утомленных быков между высокими стволами, погруженными во мрак, и уже миновал опушку, как вдруг в какой-нибудь полумиле от реки повозка завязла до ступиц.
"Stop!" he called out to the horsemen following him.	- Осторожнее! - крикнул боцман ехавшим за ним всадникам.
"What is wrong?" inquired Glenarvan.	- Что случилось? - спросил Гленарван.
"We have stuck in the mud," replied Ayrton.	- Мы завязли в грязи, - ответил Айртон.
He tried to stimulate the bullocks to a fresh effort by voice and goad, but the animals were buried half-way up their legs, and could not stir.	Он понукал быков криками и ударами заостренной палки, но они увязли по колена и не могли сдвинуться с места.
"Let us camp here," suggested John Mangles.	- Остановимся здесь, - предложил Джон Манглс.
"It would certainly be the best place," said Ayrton. "We shall see by daylight to-morrow how to get ourselves out."	- Это лучшее, что мы можем сделать, - отозвался Айртон, - завтра, при свете, нам легче будет выбраться.
Glenarvan acted on their advice, and came to a halt.	- Привал! - крикнул Гленарван.

Night came on rapidly after a brief twilight, but the heat did not withdraw with the light.	После коротких сумерек быстро наступила ночь, но прохлады она не принесла.
Stifling vapors filled the air, and occasionally bright flashes of lightning, the reflections of a distant storm, lighted up the sky with a fiery glare. Arrangements were made for the night immediately.	Воздух был насыщен душными парами. У горизонта порой вспыхивали ослепительные молнии далекой грозы.
They did the best they could with the sunk wagon, and the tent was pitched beneath the shelter of the great trees; and if the rain did not come, they had not much to complain about.	Кое-как устроились на ночлег в увязшей колымаге и в палатке, раскинутой под темными сводами больших деревьев.
Ayrton succeeded, though with some difficulty, in extricating the three bullocks.	Если только не пойдет дождь, жаловаться не на что.
These courageous beasts were engulfed up to their flanks.	Айртону удалось, хотя и не без труда, высвободить быков из трясины - они увязли в ней по брюхо.
The quartermaster turned them out with the four horses, and allowed no one but himself to see after their pasturage.	Боцман разместил их на ночь вместе с лошадьми и взялся сам, никому не препоручая, набрать им корму.
He always executed his task wisely, and this evening Glenarvan noticed he redoubled his care, for which he took occasion to thank him, the preservation of the team being of supreme importance.	Вообще он ухаживал за скотом очень умело. Гленарван заметил, что в тот вечер он особенно старался, и поблагодарил его, так как сохранить скот было теперь важнее всего.
Meantime, the travelers were dispatching a hasty supper.	Пока Айртон возился со скотом, путешественники быстро поужинали.
Fatigue and heat destroy appetite, and sleep was needed more than food.	Усталость и жара отбивали аппетит. Все нуждались не в пище, а в отдыхе.
Lady Helena and Miss Grant speedily bade the company good-night, and retired.	Леди Элен и мисс Грант, пожелав спокойной ночи своим спутникам, улеглись, как всегда, в повозке на своих диванчиках.
Their companions soon stretched themselves under the tent or outside under the trees, which is no great hardship in this salubrious climate.	Что же касается мужчин, то одни из них устроились в палатке, а другие предпочли растянуться под деревьями, на густой траве, что в этой здоровой местности было совершенно безопасно.
Gradually they all fell into a heavy sleep.	Постепенно все заснули тяжелым сном.
The darkness deepened owing to a thick current of clouds which overspread the sky.	Небо заволакивалось большими тучами, и делалось еще темней.
There was not a breath of wind.	Не чувствовалось ни малейшего ветерка.
The silence of night was only interrupted by the cries of the "morepork" in the minor key, like the mournful cuckoos of Europe.	Ночная тишина нарушалась лишь заунывным криком "морпука", напоминающим печальное кукование европейской кукушки.
Towards eleven o'clock, after a wretched, heavy, unrefreshing sleep, the Major woke.	Около одиннадцати часов вечера, после нездорового сна, тяжелого и утомительного, майор проснулся.
His half-closed eyes were struck with a faint light running among the great trees.	Его взгляд с удивлением остановился на каком-то неясном свете, мерцавшем под деревьями.

It looked like a white sheet, and glittered like a lake, and McNabbs thought at first it was the commencement of a fire.	Как будто поблескивала водная гладь озера. Мак-Наббс сначала принял это за начало распространявшегося по земле пожара.
He started up, and went toward the wood; but what was his surprise to perceive a purely natural phenomenon! Before him lay an immense bed of mushrooms, which emitted a phosphorescent light.	Он встал и направился к лесу. Велико было его удивление, когда он увидел, что обширное пространство кругом было занято фосфоресцирующими грибами.
The luminous spores of the cryptograms shone in the darkness with intensity.	Их споры довольно сильно светились в темноте.
The Major, who had no selfishness about him, was going to waken Paganel, that he might see this phenomenon with his own eyes, when something occurred which arrested him.	Майор, не желая быть эгоистом, уже собирался разбудить Паганеля, чтобы ученый мог собственными глазами увидеть это редкое явление, как вдруг заметил нечто такое, что остановило его.
This phosphorescent light illumined the distance half a mile, and McNabbs fancied he saw a shadow pass across the edge of it.	Фосфорический свет освещал лес на полмили кругом, и Мак-Наббсу показалось, что какие-то тени скользят у опушки.
Were his eyes deceiving him?	Что это, обман зрения?
Was it some hallucination?	Галлюцинация?
McNabbs lay down on the ground, and, after a close scrutiny, he could distinctly see several men stooping down and lifting themselves up alternately, as if they were looking on the ground for recent marks.	Майор бросился на землю и стал внимательно наблюдать. Вскоре он ясно увидел несколько человек. То нагибаясь, то выпрямляясь, они, казалось, искали на земле еще свежие следы.
The Major resolved to find out what these fellows were about, and without the least hesitation or so much as arousing his companions, crept along, lying flat on the ground, like a savage on the prairies, completely hidden among the long grass.	Нужно было узнать, чего хотят эти люди. Мак-Наббс не колебался. Не будя никого из своих спутников, точно дикарь в прериях, он исчез среди высоких трав.
CHAPTER XVI A STARTLING DISCOVERY	Глава XIX НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА
IT was a frightful night.	Ночь была ужасна.
At two A. M. the rain began to fall in torrents from the stormy clouds, and continued till daybreak.	В два часа пошел проливной дождь, ливший до утра.
The tent became an insufficient shelter.	Палатка оказалась ненадежным убежищем.
Glenarvan and his companions took refuge in the wagon; they did not sleep, but talked of one thing and another.	Гленарвану и его спутникам пришлось приютиться в повозке. О сне и думать было нечего. Пошли разговоры о том о сем.
The Major alone, whose brief absence had not been noticed, contented himself with being a silent listener.	Только майор, чьего недолгого отсутствия никто не заметил, слушал молча. Страшный ливень не прекращался.
There was reason to fear that if the storm lasted longer the Snowy River would overflow its banks, which would be a very unlucky thing for the wagon, stuck fast as it was already in the soft ground.	Стали опасаться, что Сноуи-Ривер выйдет из берегов, а тогда повозка, и так увязшая в трясине, очутилась бы в критическом положении.
Mulrady, Ayrton and Mangles went several times to ascertain the height of the water, and came back dripping from head to foot.	Поэтому Мюльреди, Айртон и Джон Манглс не раз ходили смотреть уровень воды в реке и возвращались, промокшие с головы до ног.

At last day appeared; the rain ceased, but sunlight could not break through the thick clouds.	Наконец стало светать. Дождь перестал, но солнечные лучи не могли пробиться сквозь нависшие густые тучи.
Large patches of yellowish water-muddy, dirty ponds indeed they were-covered the ground.	Кругом виднелись большие лужи желтоватой воды, похожие на мутные, грязные пруды.
A hot steam rose from the soaking earth, and saturated the atmosphere with unhealthy humidity.	Из размытой почвы поднимались горячие испарения и насыщали воздух нездоровой сыростью.
Glenarvan's first concern was the wagon; this was the main thing in his eyes.	Гленарван решил прежде всего заняться повозкой. Он считал это самым важным.
They examined the ponderous vehicle, and found it sunk in the mud in a deep hollow in the stiff clay.	Принялись осматривать эту тяжелую колымагу. Она застряла посреди большой котловины в вязкой глине.
The forepart had disappeared completely, and the hind part up to the axle.	Передний ход почти весь провалился в трясину, а задний - по оси.
It would be a hard job to get the heavy conveyance out, and would need the united strength of men, bullocks, and horses.	Вытащить такую махину было делом нелегким даже для соединенных усилий людей, быков и лошадей.
"At any rate, we must make haste," said John Mangles.	- Как бы то ни было, а надо спешить.
"If the clay dries, it will make our task still more difficult."	Когда глина начнет высыхать, станет еще труднее, - заметил Джон Манглс.
"Let us be quick, then," replied Ayrton.	- Поспешим, - отозвался Айртон.
Glenarvan, his two sailors, John Mangles, and Ayrton went off at once into the wood, where the animals had passed the night.	Гленарван, оба матроса, Джон Манглс и Айртон отправились в лес, где ночевали быки и лошади.
It was a gloomy-looking forest of tall gum-trees; nothing but dead trees, with wide spaces between, which had been barked for ages, or rather skinned like the cork-oak at harvest time.	Это был мрачный лес из высоких камедных деревьев. На большом расстоянии друг от друга высились одни лишь давно засохшие деревья, у которых отвалилась кора, как у пробковых дубов во время сбора пробки.
A miserable network of bare branches was seen above two hundred feet high in the air.	Наверху, футах в двухстах над землей, виднелись их жалкие кроны с переплетающимися между собой обнаженными ветвями.
Not a bird built its nest in these aerial skeletons; not a leaf trembled on the dry branches, which rattled together like bones.	Ни одна птица не сидела на этих деревьях-скелетах, ни один лист не дрожал на их сухих, стучащих, как кости, сучьях.
To what cataclysm is this phenomenon to be attributed, so frequent in Australia, entire forests struck dead by some epidemic; no one knows; neither the oldest natives, nor their ancestors who have lain long buried in the groves of the dead, have ever seen them green.	Такие мертвые леса, словно пораженные какой-то болезнью, встречаются в Австралии нередко. Что послужило причиной их гибели, неизвестно. Ни старики туземцы, ни их отцы, давно погребенные в рощах смерти, не видели эти леса зелеными.
Glenarvan as he went along kept his eye fixed on the gray sky, on which the smallest branch of the gum-trees was sharply defined.	Идя под мертвыми деревьями, Гленарван смотрел на серое небо, на фоне которого отчетливо вырисовывались, будто вырезанные, мельчайшие их веточки.

Ayrton was astonished not to discover the horses and bullocks where he had left them the preceding night.	Айртон удивился, не найдя лошадей и быков на том месте, куда он отвел их вчера вечером.
They could not have wandered far with the hobbles on their legs.	Не могли же спутанные животные забрести далеко!
They looked over the wood, but saw no signs of them, and Ayrton returned to the banks of the river, where magnificent mimosas were growing.	Их стали искать по всему лесу, но безуспешно. Изумленный Айртон вернулся на поросший великолепными мимозами берег Сноуи-Ривер.
He gave a cry well known to his team, but there was no reply.	Здесь он принялся громко звать быков привычным для них окликом, но они не появлялись.
The quartermaster seemed uneasy, and his companions looked at him with disappointed faces.	Боцман, казалось, был очень встревожен; его спутники растерянно поглядывали друг на друга.
An hour had passed in vain endeavors, and Glenarvan was about to go back to the wagon, when a neigh struck on his ear, and immediately after a bellow.	Так в тщетных поисках прошел целый час, и Гленарван уже собирался направиться к повозке, находившейся в доброй миле оттуда, как вдруг он услышал ржание, а затем почти одновременно раздалось и мычание.
"They are there!" cried John Mangles, slipping between the tall branches of gastrolobium, which grew high enough to hide a whole flock.	- Вон они где! - крикнул Джон Манглс, пробираясь между высокими кустами гастролобиума, которые свободно могли бы скрыть и целое стадо.
Glenarvan, Mulrady, and Ayrton darted after him, and speedily shared his stupefaction at the spectacle which met their gaze. Two bullocks and three horses lay stretched on the ground, struck down like the rest.	Гленарван, Мюльреди и Айртон бросились вслед за ним и оцепенели: два быка и три лошади, как и те, прежние, лежали распростертые на земле, точно подкошенные.
Their bodies were already cold, and a flock of half-starved looking ravens croaking among the mimosas were watching the unexpected prey.	Трупы уже успели остыть. Среди мимоз каркала стая тощих воронов, выжидая, когда можно будет наброситься на добычу.
Glenarvan and his party gazed at each other and Wilson could not keep back the oath that rose to his lips.	Гленарван и его спутники переглянулись. У Вильсона невольно вырвалось крепкое словцо.
"What do you mean, Wilson?" said Glenarvan, with difficulty controlling himself. "Ayrton, bring away the bullock and the horse we have left; they will have to serve us now."	- Ничего не поделаешь, Вильсон, - сказал, едва сдерживаясь, Гленарван. - Айртон, уведите уцелевших быка и лошадь. Теперь им вдвоем придется выручать нас.
"If the wagon were not sunk in the mud," said John Mangles, "these two animals, by making short journeys, would be able to take us to the coast; so we must get the vehicle out, cost what it may."	- Если бы повозка не завязла в грязи, - сказал Джон Манглс, - то бык и лошадь небольшими переходами, пожалуй, и смогли бы дотащить ее до побережья. Значит, проклятую колымагу нужно во что бы то ни стало высвободить.
"We will try, John," replied Glenarvan. "Let us go back now, or they will be uneasy at our long absence."	- Попытаемся, Джон, - ответил Гленарван. - А теперь вернемтесь в лагерь: там, наверное, все уже обеспокоены нашим долгим отсутствием.
Ayrton removed the hobbles from the bullock and Mulrady from the horse, and they began to return to the encampment, following the winding margin of the river.	Айртон снял путы с быка, а Мюльреди - с лошади, и все, держась извилистого берега реки, направились в лагерь.

In half an hour they rejoined Paganel, and McNabbs, and the ladies, and told them of this fresh disaster.	Полчаса спустя Паганель, Мак-Наббс, леди Элен и мисс Грант были посвящены во все происшедшее.
"Upon my honor, Ayrton," the Major could not help saying, "it is a pity that you hadn't had the shoeing of all our beasts when we forded the Wimerra."	- Ей-богу, жаль, Айртон, что не пришлось подковать всех лошадей после переправы через Уиммеру, - не выдержав, сказал боцману майор.
"Why, sir?" asked Ayrton.	- Почему, сэр?
"Because out of all our horses only the one your blacksmith had in his hands has escaped the common fate."	- Да потому, что из всех наших лошадей уцелела только та, которую подковал ваш кузнец.
"That's true," said John Mangles. "It's strange it happens so."	- Совершенно верно, - подтвердил Джон Манглс. - Вот странная случайность!
"A mere chance, and nothing more," replied the quartermaster, looking firmly at the Major.	- Случайность, и только, - ответил боцман, пристально глядя на майора.
Major McNabbs bit his lips as if to keep back something he was about to say.	Мак-Наббс крепко сжал губы, как бы не желая произнести те слова, которые уже были готовы у него вырваться.
Glenarvan and the rest waited for him to speak out his thoughts, but the Major was silent, and went up to the wagon, which Ayrton was examining.	Гленарван, Манглс, леди Элен, казалось, ждали, чтобы майор высказал до конца свою мысль, но он молча направился к повозке, которую осматривал Айртон.
"What was he going to say. Mangles?" asked Glenarvan.	- Что он хотел сказать? - спросил Гленарван Джона Манглса.
"I don't know," replied the young captain; "but the Major is not at all a man to speak without reason."	- Не знаю, - ответил молодой капитан, - но майор не такой человек, чтобы говорить зря.
"No, John," said Lady Helena. "McNabbs must have suspicions about Ayrton."	- Конечно, Джон, - сказала леди Элен. - Мак-Наббс, наверное, в чем-то подозревает Айртона.
"Suspicions!" exclaimed Paganel, shrugging his shoulders.	- Подозревает? - пожимая плечами, переспросил Паганель.
"And what can they be?" asked Glenarvan. "Does he suppose him capable of having killed our horses and bullocks?	- Но в чем же? - удивился Гленарван. - Неужели он считает Айртона способным убить наших лошадей и быков?
And for what purpose?	С какой же целью?
Is not Ayrton's interest identical with our own?"	Разве интересы боцмана не совпадают с нашими?
"You are right, dear Edward," said Lady Helena! "and what is more, the quartermaster has given us incontestable proofs of his devotion ever since the commencement of the journey."	- Вы правы, дорогой Эдуард, - сказала леди Элен, - к тому же с самого начала путешествия боцман дал нам не одно бесспорное доказательство своей преданности.
"Certainly he has," replied Mangles; "but still, what could the Major mean?	- Без сомнения, - подтвердил Джон Манглс. - Но что же тогда означают слова майора?
I wish he would speak his mind plainly out."	Я хотел бы понять это.
"Does he suppose him acting in concert with the convicts?" asked Paganel, imprudently.	- Не считает ли он его сообщником тех каторжников? - необдуманно воскликнул Паганель.

"What convicts?" said Miss Grant.	- Каких каторжников? - спросила Мери Грант.
"Monsieur Paganel is making a mistake," replied John Mangles, instantly. "He knows very well there are no convicts in the province of Victoria."	- Господин Паганель ошибся, - поспешно ответил Джон Манглс. - Ему прекрасно известно, что в провинции Виктория нет каторжников.
"Ah, that is true," returned Paganel, trying to get out of his unlucky speech. "Whatever had I got in my head?	- Ах да, разумеется! - спохватился географ, охотно бы взявший назад вырвавшиеся у него слова. - Как это я забыл?
Convicts! who ever heard of convicts being in Australia?	Какие там каторжники - о них никто никогда и не слыхал в Австралии!
Besides, they would scarcely have disembarked before they would turn into good, honest men.	К тому же они не успеют высадиться здесь, как моментально становятся честными людьми.
The climate, you know, Miss Mary, the regenerative climate-"	Все климат, мисс Мери! Знаете, благотворное влияние климата...
Here the poor SAVANT stuck fast, unable to get further, like the wagon in the mud.	Бедный ученый, желая загладить свой промах, увяз не хуже колымаги.
Lady Helena looked at him in surprise, which quite deprived him of his remaining sang-froid; but seeing his embarrassment, she took Mary away to the side of the tent, where M. Olbinett was laying out an elaborate breakfast.	Леди Элен не спускала с него глаз, и это лишало его всякого хладнокровия. Но, не желая дольше смущать географа, леди Элен увела Мери в палатку, где Олбинет был занят в это время приготовлением завтрака по всем правилам кулинарного искусства.
"I deserve to be transported myself," said Paganel, woefully.	- Меня самого следовало бы сослать за это! - с. конфуженно проговорил Паганель.
"I think so," said Glenarvan.	- Вот именно, - отозвался Гленарван.
And after this grave reply, which completely overwhelmed the worthy geographer, Glenarvan and John Mangles went toward the wagon.	Серьезный тон, каким это было сказано, еще более удручил достойного географа, а Гленарван с Джоном Манглсом направились к повозке.
They found Ayrton and the two sailors doing their best to get it out of the deep ruts, and the bullock and horse, yoked together, were straining every muscle.	В эту минуту Айртон и оба матроса старались вытащить ее из трясины. Бык и лошадь, запряженные бок о бок, напрягались изо всех сил. Казалось, постромки вот-вот лопнут, а хомуты разорвутся.
Wilson and Mulrady were pushing the wheels, and the quartermaster urging on the team with voice and goad; but the heavy vehicle did not stir, the clay, already dry, held it as firmly as if sealed by some hydraulic cement.	Вильсон и Мюльреди силились сдвинуть колеса,, а боцман подгонял животных криком и ударами. Тяжелая колымага не трогалась с места. Успевшая уже подсохнуть глина держала ее, словно цемент.
John Mangles had the clay watered to loosen it, but it was of no use. After renewed vigorous efforts, men and animals stopped.	Джон Манглс приказал полить глину водой, чтобы сделать ее менее вязкой. Тщетно: увязшая махина по-прежнему была неподвижна. После новых бесплодных усилий люди и скот остановились.
Unless the vehicle was taken to pieces, it would be impossible to extricate it from the mud; but they had no tools for the purpose, and could not attempt such a task.	Ничего нельзя было поделать, разве что разобрать повозку по частям. Но без инструментов и это было невозможно.

However, Ayrton, who was for conquering this obstacle at all costs, was about to commence afresh, when Glenarvan stopped him by saying:	Один Айртон, который хотел во что бы то ни стало преодолеть это препятствие, собирался предпринять новую попытку, но Гленарван остановил его.
"Enough, Ayrton, enough. We must husband the strength of our remaining horse and bullock.	- Довольно, Айртон, довольно! - сказал он. - Оставшихся быка и лошадь нам надо беречь.
If we are obliged to continue our journey on foot, the one animal can carry the ladies and the other the provisions.	Раз уж приходится продолжать путешествие пешком, то одно из этих животных повезет обеих женщин, а другое - провизию.
They may thus still be of great service to us."	Они еще смогут принести нам большую пользу.
"Very well, my Lord," replied the quartermaster, un-yoking the exhausted beasts.	- Хорошо, милорд, - ответил боцман и стал выпрягать измученных животных.
"Now, friends," added Glenarvan, "let us return to the encampment and deliberately examine our situation, and determine on our course of action."	- А теперь, друзья мои, - продолжал Гленарван, - вернемтесь в лагерь. Обсудим наше положение, взвесим, на что надеяться и чего опасаться, а затем примем решение.
After a tolerably good breakfast to make up for their bad night, the discussion was opened, and every one of the party was asked to give his opinion.	Путешественники подкрепились после тяжелой ночи вполне сносным завтраком, и совещание началось. Все должны были высказать свое мнение.
The first point was to ascertain their exact position, and this was referred to Paganel, who informed them, with his customary rigorous accuracy, that the expedition had been stopped on the 37th parallel, in longitude 147 degrees 53 minutes, on the banks of the Snowy River.	Прежде всего следовало самым точным образом определить местонахождение лагеря. Паганель выполнил это возложенное на него поручение с безупречной пунктуальностью. По словам географа, экспедиция находилась на берегу Сноуи-Ривер, на тридцать седьмой параллели, под 147° 53' долготы.
"What is the exact longitude of Twofold Bay?" asked Glenarvan.	- А какова точная долгота Туфоллд-Бей? - спросил Гленарван.
"One hundred and fifty degrees," replied Paganel; "two degrees seven minutes distant from this, and that is equal to seventy-five miles."	- Она находится на сто пятидесятом градусе, - ответил Паганель. - Сколько же миль составляют эти два градуса семь минут? - Семьдесят пять миль.
"And Melbourne is?"	- А сколько до Мельбурна?
"Two hundred miles off at least."	- Не меньше двухсот миль.
"Very good. Our position being then settled, what is best to do?"	- Так, - сказал Гленарван. - Теперь, когда наше местоположение выяснено, что же мы будем делать?
The response was unanimous to get to the coast without delay.	Ответ был единодушным: идти к побережью, и как можно скорее.
Lady Helena and Mary Grant undertook to go five miles a day.	Леди Элен и Мери Грант готовы были делать по пять миль ежедневно.
The courageous ladies did not shrink, if necessary, from walking the whole distance between the Snowy River and Twofold Bay.	Отважные женщины не боялись, если понадобится, идти пешком от Сноуи-Ривер до самой Туфоллд-Бей.

"You are a brave traveling companion, dear Helena," said Lord Glenarvan. "But are we sure of finding at the bay all we want when we get there?"	- Вы надежный товарищ в путешествии, дорогая Элен, - сказал жене Гленарван. - Но можем ли мы быть уверены, что, придя в бухту, мы достанем все необходимое?
"Without the least doubt," replied Paganel. "Eden is a municipality which already numbers many years in existence; its port must have frequent communication with Melbourne.	- Без сомнения, - сказал Паганель. - Идеи - город, существующий не со вчерашнего дня, и между его портом и Мельбурнским должны часто курсировать суда.
I suppose even at Delegete, on the Victoria frontier, thirty-five miles from here, we might revictual our expedition, and find fresh means of transport."	Но мне думается, что в тридцати пяти милях отсюда, в Делегите, мы сможем не только запастись съестными припасами, но добыть даже и средства передвижения.
"And the DUNCAN?" asked Ayrton. "Don't you think it advisable to send for her to come to the bay?"	- А как с "Дунканом"? - спросил Айртон. - Вы не находите уместным, милорд, вызвать его в Туфоллд-Бей?
"What do you think, John?" said Glenarvan.	- Ваше мнение, Джон? - спросил Гленарван.
"I don't think your lordship should be in any hurry about it," replied the young captain, after brief reflection. "There will be time enough to give orders to Tom Austin, and summon him to the coast."	- Мне кажется, милорд, не следует торопиться с этим, - ответил, подумав, молодой капитан. - Вы всегда успеете отдать приказ и вызвать Тома Остина к побережью.
"That's quite certain," added Paganel.	- Совершенно верно, - добавил Паганель.
"You see," said John, "in four or five days we shall reach Eden."	- Подумайте, - продолжал Джон Манглс, - ведь через четыре-пять дней мы будем в Идене.
"Four or five days!" repeated Ayrton, shaking his head; "say fifteen or twenty, Captain, if you don't want to repent your mistake when it is too late."	- Четыре-пять дней? - повторил Айртон, качая головой. - Нет, капитан, положите на это дней пятнадцать, а то и все двадцать, или вам придется потом жалеть о вашей ошибке.
"Fifteen or twenty days to go seventy-five miles?" cried Glenarvan.	- Пятнадцать или двадцать дней, чтобы покрыть семьдесят пять миль? - воскликнул Гленарван.
"At the least, my Lord.	- Никак не меньше, милорд.
You are going to traverse the most difficult portion of Victoria, a desert, where everything is wanting, the squatters say; plains covered with scrub, where is no beaten track and no stations.	Ведь впереди - самая трудная часть Виктории: пустынные места, где, по словам скваттеров, нет никаких ферм, все заросло кустарником, дорог нет.
You will have to walk hatchet or torch in hand, and, believe me, that's not quick work."	Придется пробираться с топором или факелом в руках, и, поверьте, вы не сможете идти быстрее.
Ayrton had spoken in a firm tone, and Paganel, at whom all the others looked inquiringly, nodded his head in token of his agreement in opinion with the quartermaster.	Айртон сказал все это уверенным тоном. Все вопросительно взглянули на Паганеля, и географ кивком головы подтвердил слова боцмана.
But John Mangles said, "Well, admitting these difficulties, in fifteen days at most your Lordship can send orders to the DUNCAN."	- Пусть так, - сказал Джон Манглс. - Ну что ж, милорд, вы пошлете распоряжение "Дункану" через пятнадцать дней.
"I have to add," said Ayrton, "that the principal difficulties are not the obstacles in the road, but the Snowy River has to be crossed, and most probably we must wait till the water goes down."	- Надо прибавить, - продолжал Айртон, - что трудная дорога - еще не самое главное. Ведь надо будет переправляться через Сноуи-Ривер и, наверное, придется ожидать убыли воды.

"Wait!" cried John. "Is there no ford?"	- Ожидать? - воскликнул молодой капитан. - Да разве нет брода?
"I think not," replied Ayrton. "This morning I was looking for some practical crossing, but could not find any.	- Не думаю, - ответил Айртон. - Сегодня утром я пытался найти брод, но это мне так и не удалось.
It is unusual to meet with such a tumultuous river at this time of the year, and it is a fatality against which I am powerless."	Редкая река бывает такой бурной в это время года, но ничего не поделаешь.
"Is this Snowy River wide?" asked Lady Helena.	- Значит, она широкая, эта Сноуи-Ривер? - спросила леди Гленарван.
"Wide and deep, Madam," replied Ayrton; "a mile wide, with an impetuous current.	- Широкая и глубокая, сударыня, - ответил Айртон. - Шириной она будет с милю, и течение ее стремительно.
A good swimmer could not go over without danger."	Даже для хорошего пловца было бы рискованным делом попытаться переплыть ее.
"Let us build a boat then," said Robert, who never stuck at anything. "We have only to cut down a tree and hollow it out, and get in and be off."	- Ну так что ж! - воскликнул ничем не смущавшийся Роберт. - Срубим дерево, выдолбим его и поплывем. Вот и все!
"He's going ahead, this boy of Captain Grant's!" said Paganel.	- Молодец, сын капитана Гранта! - воскликнул Паганель.
"And he's right," returned John Mangles. "We shall be forced to come to that, and I think it is useless to waste our time in idle discussion."	- Конечно, он прав, - сказал Джон Манглс. - Нам ничего другого не остается. И я считаю, что не стоит терять время на бесполезные споры.
"What do you think of it, Ayrton?" asked Glenarvan seriously.	- Что скажете, Айртон? - обратился к боцману Гленарван.
"I think, my Lord, that a month hence, unless some help arrives, we shall find ourselves still on the banks of the Snowy."	- Боюсь, милорд, что если не подоспеет помощь, то мы и через месяц все еще будем на Сноуи-Ривер.
"Well, then, have you any better plan to propose?" said John Mangles, somewhat impatiently.	- А есть у вас другой, лучший план? - с некоторой досадой спросил Джон Манглс.
"Yes, that the DUNCAN should leave Melbourne, and go to the east coast."	- Есть: если "Дункан" покинет Мельбурн и приплывет к восточному побережью.
"Oh, always the same story!	- Ай, опять "Дункан"!
And how could her presence at the bay facilitate our means of getting there?"	А почему, скажите, если яхта придет в Туфоллд-Бей, нам легче будет добраться до этой бухты?
Ayrton waited an instant before answering, and then said, rather evasively:	Айртон подумал немного и сказал довольно уклончиво:
"I have no wish to obtrude my opinions.	- Не стану навязывать свое мнение.
What I do is for our common good, and I am ready to start the moment his honor gives the signal."	Я хочу только общего блага и готов идти вперед, как только милорд прикажет.
And he crossed his arms and was silent.	Проговорив это, он скрестил руки на груди.
"That is no reply, Ayrton," said Glenarvan. "Tell us your plan, and we will discuss it.	- Это не ответ, Айртон, - сказал Гленарван. - Познакомьте нас с вашим планом, и мы обсудим его.

What is it you propose?"	Что вы предлагаете?
Ayrton replied in a calm tone of assurance: "I propose that we should not venture beyond the Snowy in our present condition. It is here we must wait till help comes, and this help can only come from the DUNCAN.	- Я считаю, что в нашем тяжелом положении не следует рисковать и уходить с берегов Сноуи-Ривер, - начал спокойным и уверенным тоном Айртон. - Мы должны ждать помощи здесь, а получить ее мы сможем только от "Дункана".
Let us camp here, where we have provisions, and let one of us take your orders to Tom Austin to go on to Twofold Bay."	Остановимся на этом месте, где много дичи, и пусть один из нас доставит Тому Остину приказ идти в Туфоллд-Бей.
This unexpected proposition was greeted with astonishment, and by John Mangles with openly-expressed opposition.	Все были несколько удивлены этим неожиданным предложением, а Джон Манглс отнесся к нему явно неодобрительно.
"Meantime," continued Ayrton, "either the river will get lower, and allow us to ford it, or we shall have time to make a canoe.	- Тем временем, - продолжал боцман, - или спадет вода в Сноуи-Ривер, и мы сможем перебраться вброд, или мы успеем соорудить лодку.
This is the plan I submit for your Lordship's approval."	Вот план, который я предлагаю вам, милорд.
"Well, Ayrton," replied Glenarvan, "your plan is worthy of serious consideration.	- Хорошо, Айртон, - ответил Гленарван, - ваше предложение заслуживает серьезного обсуждения.
The worst thing about it is the delay it would cause; but it would save us great fatigue, and perhaps danger. What do you think of it, friends?"	Главный его недостаток в том, что, поступив так, мы потеряем много времени, но зато это избавит нас от изнурительной траты сил, а быть может, и от настоящих опасностей... Что скажете, друзья мои?
"Speak your mind, McNabbs," said Lady Helena. "Since the beginning of the discussion you have been only a listener, and very sparing of your words."	- А ваше мнение, дорогой Мак-Наббс? - обратилась к майору леди Элен. - С самого начала спора вы только слушаете, а сами не проронили ни единого слова.
"Since you ask my advice," said the Major, "I will give it you frankly.	- Раз вы спрашиваете моего мнения, - ответил Мак-Наббс, - я совершенно откровенно вам его выскажу.
I think Ayrton has spoken wisely and well, and I side with him."	Мне кажется, что Айртон сейчас говорил как человек умный и осторожный, и я поддерживаю его предложение.
Such a reply was hardly looked for, as hitherto the Major had been strongly opposed to Ayrton's project.	Никто не ожидал такого ответа, ибо до сих пор Мак-Наббс всегда оспаривал мнение Айртона в этом вопросе.
Ayrton himself was surprised, and gave a hasty glance at the Major.	Самого боцмана, видимо, это удивило - он бросил быстрый взгляд на майора.
However, Paganel, Lady Helena, and the sailors were all of the same way of thinking; and since McNabbs had come over to his opinion, Glenarvan decided that the quartermaster's plan should be adopted in principle.	Паганель, леди Элен и матросы были склонны поддержать проект Айртона, слова же Мак-Наббса рассеяли их последние сомнения. Гленарван объявил, что план Айртона в общих чертах принят.
"And now, John," he added, "don't you think yourself it would be prudent to encamp here, on the banks of the river Snowy, till we can get some means of conveyance."	- А теперь, Джон, - обратился Гленарван к молодому капитану, - скажите: вы тоже находите благоразумным остаться здесь, на берегу реки, в ожидании средств передвижения?

"Yes," replied John Mangles, "if our messenger can get across the Snowy when we cannot."	- Да, - ответил Джон Манглс, - если только нашему гонцу удастся переправиться через Сноуи-Ривер, которую мы сами не можем перейти.
All eyes were turned on the quartermaster, who said, with the air of a man who knew what he was about:	Все посмотрели на боцмана. Тот улыбнулся с уверенным видом.
"The messenger will not cross the river."	- Гонец не будет переправляться через реку, - сказал он.
"Indeed!" said John Mangles.	- Не будет? - удивился Джон Манглс.
"He will simply go back to the Lucknow Road which leads straight to Melbourne."	- Он просто вернется на Лакнаускую дорогу и по ней отправится в Мельбурн.
"Go two hundred and fifty miles on foot!" cried the young Captain.	- Пройти двести пятьдесят миль пешком! - воскликнул молодой капитан.
"On horseback," replied Ayrton. "There is one horse sound enough at present.	- Нет, верхом, - возразил Айртон. - Ведь у нас есть одна здоровая лошадь.
It will only be an affair of four days.	На ней дня в четыре можно покрыть это расстояние.
Allow the DUNCAN two days more to get to the bay and twenty hours to get back to the camp, and in a week the messenger can be back with the entire crew of the vessel."	Прибавьте еще два дня на переход "Дункана" в Туфоллд-Бей, сутки, чтобы добраться до нашего лагеря. Значит, через неделю гонец с отрядом матросов будет здесь.
The Major nodded approvingly as Ayrton spoke, to the profound astonishment of John Mangles; but as every one was in favor of the plan all there was to do was to carry it out as quickly as possible.	Майор сопровождал одобрительными кивками слова Айртона, что очень удивляло Джона Манглса. Итак, предложение боцмана было принято единогласно, и оставалось только выполнить этот действительно хорошо задуманный план.
"Now, then, friends," said Glenarvan, "we must settle who is to be our messenger.	- А теперь, друзья мои, - сказал Гленарван, - нам остается выбрать гонца.
It will be a fatiguing, perilous mission. I would not conceal the fact from you.	Он возьмет на себя поручение и трудное и рискованное, не хочу скрывать этого.
Who is disposed, then, to sacrifice himself for his companions and carry our instructions to Melbourne?"	Кто из преданности товарищам рискнет отправиться с письмом?
Wilson and Mulrady, and also Paganel, John Mangles and Robert instantly offered their services.	Тотчас же вызвались Вильсон, Мюльреди, Джон Манглс, Паганель и даже Роберт.
John particularly insisted that he should be intrusted with the business; but Ayrton, who had been silent till that moment, now said:	Особенно настаивал Джон Манглс. Но тут заговорил молчавший до этого времени Айртон:
"With your Honor's permission I will go myself.	- С вашего разрешения, поеду я, милорд.
I am accustomed to all the country round.	Я знаю этот край.
Many a time I have been across worse parts.	Не раз мне случалось скитаться по местам еще более диким и опасным.
I can go through where another would stick.	Я смогу выпутаться из беды там, где другой погибнет.

I ask then, for the good of all, that I may be sent to Melbourne.	Вот почему я в общих интересах прошу отправить в Мельбурн именно меня.
A word from you will accredit me with your chief officer, and in six days I guarantee the DUNCAN shall be in Twofold Bay."	Вы дадите мне письмо к помощнику капитана яхты, и я ручаюсь, что через шесть дней "Дункан" будет уже в бухте Туфоллд-Бей.
"That's well spoken," replied Glenarvan. "You are a clever, daring fellow, and you will succeed."	- Хорошо сказано, Айртон! - ответил Гленарван. - Вы человек умный и смелый и добьетесь своего!
It was quite evident the quartermaster was the fittest man for the mission.	Действительно, было очевидно, что Айртон сможет лучше, чем кто-либо, справиться с этой трудной задачей.
All the rest withdrew from the competition.	Все это поняли, и никто не стал с ним спорить.
John Mangles made this one last objection, that the presence of Ayrton was necessary to discover traces of the BRITANNIA or Harry Grant.	Только Джон Манглс попытался возразить, что Айртон нужен для отыскивания следов "Британии" и Гарри Гранта.
But the Major justly observed that the expedition would remain on the banks of the Snowy till the return of Ayrton, that they had no idea of resuming their search without him, and that consequently his absence would not in the least prejudice the Captain's interests.	Но на это майор заметил, что экспедиция до возвращения боцмана никуда не тронется с берегов Сноуи-Ривер, и потому не может быть и речи о возобновлении без него этих важных поисков. Следовательно, отсутствие Айртона отнюдь не принесет никакого ущерба интересам капитана Гранта.
"Well, go, Ayrton," said Glenarvan. "Be as quick as you can, and come back by Eden to our camp."	- Ну что ж, отправляйтесь, Айртон, - сказал Гленарван. - Поторапливайтесь и возвращайтесь через Идеи в наш лагерь У Сноуи-Ривер.
A gleam of satisfaction shot across the quartermaster's face.	В глазах боцмана сверкнуло торжество.
He turned away his head, but not before John Mangles caught the look and instinctively felt his old distrust of Ayrton revive.	Он быстро отвернулся, но Джон Манглс успел уловить этот блеск. Молодой капитан чувствовал, как инстинктивно растет его недоверие к Айртону.
The quartermaster made immediate preparations for departure, assisted by the two sailors, one of whom saw to the horse and the other to the provisions.	Боцман занялся приготовлениями к отъезду. Ему помогали оба матроса: один седлал лошадь, другой готовил провизию.
Glenarvan, meantime, wrote his letter for Tom Austin.	Гленарван же в это время писал письмо Тому Остину.
He ordered his chief officer to repair without delay to Twofold Bay.	В нем он приказывал помощнику капитана "Дункана" немедленно идти в Туфоллд-Бей.
He introduced the quartermaster to him as a man worthy of all confidence.	Об Айртоне он говорил как о человеке, на которого можно всецело положиться.
On arriving at the coast, Tom was to dispatch a detachment of sailors from the yacht under his orders.	По прибытии яхты на восточное побережье Тому Остину предписывалось дать в распоряжение Айртона отряд матросов с яхты.
Glenarvan was just at this part of his letter, when McNabbs, who was following him with his eyes, asked him in a singular tone, how he wrote Ayrton's name.	Гленарван как раз дописывал это распоряжение, когда Мак-Наббс, следивший глазами, спросил его каким-то особенным тоном, как он пишет имя "Айртон".

"Why, as it is pronounced, of course," replied Glenarvan.	- Да так, как оно произносится, - ответил Гленарван.
"It is a mistake," replied the Major quietly. "He pronounces it AYRTON, but he writes it Ben Joyce!"	- Вы ошибаетесь, - спокойным тоном проговорил майор. - Это имя произносится "Айртон", а пишется "Бен Джойс"!
CHAPTER XVII THE PLOT UNVEILED	Глава XX "ALAND! ZEALAND!"
THE revelation of Tom Ayrton's name was like a clap of thunder.	Бен Джойс! Это имя произвело впечатление удара молнии.
Ayrton had started up quickly and grasped his revolver.	Айртон резко выпрямился. В руках его блеснул револьвер.
A report was heard, and Glenarvan fell wounded by a ball.	Грянул выстрел. Гленарван упал, сраженный пулей.
Gunshots resounded at the same time outside.	Снаружи раздалась ружейная стрельба.
John Mangles and the sailors, after their first surprise, would have seized Ben Joyce; but the bold convict had already disappeared and rejoined his gang scattered among the gum-trees.	Джон Манглс и матросы, в первую минуту оцепеневшие от неожиданности, хотели кинуться на Бена Джойса, но дерзкий каторжник уже исчез и присоединился к своей шайке, рассеянной по опушке леса.
The tent was no shelter against the balls.	Палатка была плохим прикрытием от пуль.
It was necessary to beat a retreat.	Надо было отступать.
Glenarvan was slightly wounded, but could stand up.	Легко раненный Гленарван поднялся на ноги.
"To the wagon-to the wagon!" cried John Mangles, dragging Lady Helena and Mary Grant along, who were soon in safety behind the thick curtains.	- К повозке! К повозке! - крикнул Джон Манглс, увлекая за собой леди Элен и Мери Грант. Вскоре женщины были в безопасности за толстыми дощатыми стенками повозки.
John and the Major, and Paganel and the sailors seized their carbines in readiness to repulse the convicts.	Джон Манглс, майор, Паганель и матросы схватили свои карабины и приготовились отражать нападение каторжников.
Glenarvan and Robert went in beside the ladies, while Olbinett rushed to the common defense.	Гленарван и Роберт присоединились к женщинам, а Олбинет поспешил занять место среди защитников.
These events occurred with the rapidity of lightning.	Все эти события совершились с быстротой молнии.
John Mangles watched the skirts of the wood attentively.	Джон Манглс внимательно наблюдал за опушкой леса.
The reports had ceased suddenly on the arrival of Ben Joyce; profound silence had succeeded the noisy fusillade.	Как только Бен Джойс добрался до своей шайки, выстрелы сразу прекратились. После беспорядочной стрельбы наступила тишина.
A few wreaths of white smoke were still curling over the tops of the gum trees.	Только кое-где среди камедных деревьев еще поднимались дымки от выстрелов.
The tall tufts of gastrolobium were motionless.	Высокие кусты гастролобиума не шевелились.
All signs of attack had disappeared.	Не было никаких признаков нападения.

The Major and John Mangles examined the wood closely as far as the great trees; the place was abandoned.	Майор и Джон Манглс разведали все до самого леса. Никого уже не было.
Numerous footmarks were there and several half-burned caps were lying smoking on the ground.	Виднелись многочисленные следы, да кое-где дымились не погасшие еще запалы.
The Major, like a prudent man, extinguished these carefully, for a spark would be enough to kindle a tremendous conflagration in this forest of dry trees.	Майор из осторожности затоптал их, потому что одной искры было достаточно, чтобы вызвать в высохшем лесу страшный пожар.
"The convicts have disappeared!" said John Mangles.	- Каторжники скрылись, - сказал Джон Манглс.
"Yes," replied the Major; "and the disappearance of them makes me uneasy.	- Да, - отозвался майор, - и это, признаться, тревожит меня.
I prefer seeing them face to face.	Я предпочел бы встретиться с ними лицом к лицу.
Better to meet a tiger on the plain than a serpent in the grass.	Не так страшен тигр на равнине, как змея среди высоких трав.
Let us beat the bushes all round the wagon."	Обследуем-ка весь кустарник вокруг повозки.
The Major and John hunted all round the country, but there was not a convict to be seen from the edge of the wood right down to the river.	Майор и Джон Манглс осмотрели все вокруг. От опушки леса до Сноуи-Ривер им не попался ни один каторжник.
Ben Joyce and his gang seemed to have flown away like a flock of marauding birds.	Шайка Бена Джойса как будто улетела, подобно стае хищных птиц.
It was too sudden a disappearance to let the travelers feel perfectly safe; consequently they resolved to keep a sharp lookout.	Это исчезновение было слишком странно, чтобы путешественники могли почувствовать себя в безопасности. Поэтому решили держаться настороже.
The wagon, a regular fortress buried in mud, was made the center of the camp, and two men mounted guard round it, who were relieved hour by hour.	Повозка, эта настоящая увязшая в глине крепость, сделалась центром лагеря. Двое часовых сменялись каждый час.
The first care of Lady Helena and Mary was to dress Glenarvan's wound.	Первой заботой леди Элен и Мери Грант было перевязать рану Гленарвана.
Lady Helena rushed toward him in terror, as he fell down struck by Ben Joyce's ball.	В ту минуту, когда муж упал, сраженный пулей Бена Джойса, леди Элен в ужасе бросилась к нему.
Controlling her agony, the courageous woman helped her husband into the wagon.	Потом, овладев собой, храбрая женщина помогла раненому добраться до повозки.
Then his shoulder was bared, and the Major found, on examination, that the ball had only gone into the flesh, and there was no internal lesion. Neither bone nor muscle appeared to be injured.	Когда плечо Гленарвана обнажили, майор, исследовав рану, убедился, что пуля не задела ни костей, ни мускулов.
The wound bled profusely, but Glenarvan could use his fingers and forearm; and consequently there was no occasion for any uneasiness about the issue.	Рана сильно кровоточила, но Гленарван свободно двигал пальцами и предплечьем - это успокоило его жену и друзей.
As soon as his shoulder was dressed, he would not allow any more fuss to be made about himself, but at once entered on the business in hand.	Тотчас была сделана перевязка, после чего Гленарван потребовал, чтобы им более не занимались. Настало время прояснить все, что случилось.

All the party, except Mulrady and Wilson, who were on guard, were brought into the wagon, and the Major was asked to explain how this DENOUEMENT had come about.	Все путешественники, за исключением Мюльреди и Вильсона, стороживших снаружи, кое-как разместились в повозке. Майора попросили дать объяснения.
Before commencing his recital, he told Lady Helena about the escape of the convicts at Perth, and their appearance in Victoria; as also their complicity in the railway catastrophe.	Прежде чем начать свой рассказ, Мак-Наббс сообщил леди Элен о том, что ей было неизвестно, то есть о бегстве шайки каторжников из Пертской тюрьмы, об их появлении в провинции Виктория и о том, что крушение поезда на Кемденском мосту было делом их рук.
He handed her the Australian and New Zealand Gazette they had bought in Seymour, and added that a reward had been offered by the police for the apprehension of Ben Joyce, a redoubtable bandit, who had become a noted character during the last eighteen months, for doing deeds of villainy and crime.	Он вручил ей также номер "Австралийской и Новозеландской газеты", купленный им в Симоре, и прибавил, что полиция назначила сто фунтов стерлингов за голову Бена Джойса - опасного разбойника, приобретшего благодаря совершенным им в течение полутора лет преступлениям печальную известность.
But how had McNabbs found out that Ayrton and Ben Joyce were one and the same individual?	Но каким же образом удалось Мак-Наббсу узнать в боцмане Айртоне Бена Джойса?
This was the mystery to be unraveled, and the Major soon explained it.	Это была тайна, которую всем хотелось узнать, и майор рассказал следующее.
Ever since their first meeting, McNabbs had felt an instinctive distrust of the quartermaster.	С первого же дня Мак-Наббс почувствовал инстинктивное недоверие к Айртону.
Two or three insignificant facts, a hasty glance exchanged between him and the blacksmith at the Wimerra River, his unwillingness to cross towns and villages, his persistence about getting the DUNCAN summoned to the coast, the strange death of the animals entrusted to his care, and, lastly, a want of frankness in all his behavior-all these details combined had awakened the Major's suspicions.	Два-три незначительных факта, взгляд, которым боцман обменялся с кузнецом у реки Уиммеры; его стремление по возможности объезжать города и поселения; та настойчивость, с которой он добивался вызова "Дункана" на восточное побережье; странная гибель бывших на его попечении животных, наконец, какая-то неискренность в поведении боцмана - все это пробудило в майоре подозрения.
However, he could not have brought any direct accusation against him till the events of the preceding evening had occurred. He then told of his experience.	Однако до событий прошлой ночи Мак-Наббс все же не мог определенно сказать, в чем именно он подозревает Айртона.
McNabbs, slipping between the tall shrubs, got within reach of the suspicious shadows he had noticed about half a mile away from the encampment.	В ту ночь, прокравшись среди высоких кустов, он добрался в полумиле от лагеря до подозрительных теней, привлекших издали его внимание.
The phosphorescent furze emitted a faint light, by which he could discern three men examining marks on the ground, and one of the three was the blacksmith of Black Point.	Фосфоресцирующие грибы бросали слабый свет среди мрака. Три человека рассматривали на земле свежие следы. Среди этих людей Мак-Наббс узнал кузнеца из Блэк - Пойнта.
"'It is them!' said one of the men.	"Это они", - сказал один.
'Yes,' replied another, 'there is the trefoil on the mark of the horseshoe.	"Да, - отозвался другой, - вот и трилистники на подкове". -
It has been like that since the Wimerra.'	"След идет от самой Уиммеры". -
'All the horses are dead.'	"Все лошади подохли". -
'The poison is not far off.'	"Яд под рукой". -

'There is enough to kill a regiment of cavalry.'	"Хватит на целый кавалерийский полк". -
'A useful plant this gastrolobium.'	"Да, полезное растение этот гастролобиум!"
"I heard them say this to each other, and then they were quite silent; but I did not know enough yet, so I followed them.	- Тут они замолчали, - продолжал Мак-Наббс, - и пошли прочь. Но того, что я услышал, было слишком мало, и я пошел за ними.
Soon the conversation began again.	Вскоре они снова заговорили.
'He is a clever fellow, this Ben Joyce,' said the blacksmith. 'A capital quartermaster, with his invention of shipwreck.'	"Ну и ловкач же этот Бен Джойс! - сказал кузнец. - Каков боцман, и как хитро придумано кораблекрушение!
'If his project succeeds, it will be a stroke of fortune.'	Если его план удастся, мы богачи!
'He is a very devil, is this Ayrton.'	Этот Айртон - черт, а не человек". -
'Call him Ben Joyce, for he has well earned his name.'	"Нет, зови его Беном Джойсом, он заслужил это имя!"
And then the scoundrels left the forest.	Затем негодяи ушли из леса.
"I had all the information I wanted now, and came back to the camp quite convinced, begging Paganel's pardon, that Australia does not reform criminals."	Теперь я знал все и вернулся в лагерь, убежденный в том, что Австралия влияет благотворно далеко не на всех каторжников, не во гнев будь сказано Паганелю.
This was all the Major's story, and his companions sat silently thinking over it.	Майор умолк. Его товарищи сидели молча в раздумье.
"Then Ayrton has dragged us here," said Glenarvan, pale with anger, "on purpose to rob and assassinate us."	- Итак, Айртон завлек нас сюда, чтобы ограбить и убить? - проговорил бледный от гнева Гленарван.
"For nothing else," replied the Major; "and ever since we left the Wimerra, his gang has been on our track and spying on us, waiting for a favorable opportunity."	- Да! - ответил майор. - И от самой Уиммеры его шайка идет по нашим следам, ожидая удобного случая?
"Yes."	- Да.
"Then the wretch was never one of the sailors on the BRITANNIA; he had stolen the name of Ayrton and the shipping papers."	- Так, значит, этот негодяй вовсе не матрос с "Британии"? Значит, он украл у какого-то Айртона его имя и договор о найме на судно?
They were all looking at McNabbs for an answer, for he must have put the question to himself already.	Все посмотрели на Мак-Наббса: ведь ему тоже должны были прийти в голову все эти мысли.
"There is no great certainty about the matter," he replied, in his usual calm voice; "but in my opinion the man's name is really Ayrton.	- Вот что можно точно сказать обо всей этой истории, - ответил майор своим неизменно спокойным голосом. - Мне кажется, что имя этого человека в самом деле Айртон.
Ben Joyce is his nom de guerre.	Бен Джойс - это его кличка.
It is an incontestible fact that he knew Harry Grant, and also that he was quartermaster on the BRITANNIA.	Несомненно, что он знает Гарри Гранта и был боцманом на "Британии".
These facts were proved by the minute details given us by Ayrton, and are corroborated by the conversation between the convicts, which I repeated to you.	То и другое доказывают подробности, о которых он упоминал, это подтверждает и разговор каторжников, о котором я вам рассказал.

We need not lose ourselves in vain conjectures, but consider it as certain that Ben Joyce is Ayrton, and that Ayrton is Ben Joyce; that is to say, one of the crew of the BRITANNIA has turned leader of the convict gang."	Не будем же блуждать среди бесполезных гипотез, а признаем бесспорным, что Айртон и Бен Джойс - одно и то же лицо, то есть бывший матрос "Британии", ставший главарем шайки беглых каторжников.
The explanations of McNabbs were accepted without discussion.	Слова Мак-Наббса не вызвали никаких возражений.
"Now, then," said Glenarvan, "will you tell us how and why Harry Grant's quartermaster comes to be in Australia?"	- А теперь, - сказал Гленарван, - не объясните ли вы мне, Мак-Наббс, каким образом и почему боцман Гарри Гранта попал в Австралию? - Каким образом?
"How, I don't know," replied McNabbs; "and the police declare they are as ignorant on the subject as myself.	Не знаю, - ответил майор. - И полиция заявляет, что она не более моего осведомлена об этом.
Why, it is impossible to say; that is a mystery which the future may explain."	Почему? Это мне тоже неизвестно. Здесь тайна, которую раскроет только будущее.
"The police are not even aware of Ayrton's identity with Ben Joyce," said John Mangles.	- Полиция даже не подозревает, что Айртон и Бен Джойс одно и то же лицо, - заметил Джон Манглс.
"You are right, John," replied the Major, "and this circumstance would throw light on their search."	- Вы правы, Джон, - ответил майор. - И эти сведения могли бы помочь ее розыскам.
"Then, I suppose," said Lady Helena, "the wicked wretch had got work on Paddy O'Moore's farm with a criminal intent?"	- Очевидно, этот негодяй проник на ферму Падди О'Мура с преступной целью, - сказала леди Элен.
"There is not the least doubt of it. He was planning some evil design against the Irishman, when a better chance presented itself.	- Несомненно, - отозвался Мак-Наббс. - Он, видимо, подготовлял на ферме ирландца какое-то преступление, а тут подвернулось нечто более заманчивое.
Chance led us into his presence.	Случай свел его с нами.
He heard Paganel's story and all about the shipwreck, and the audacious fellow determined to act his part immediately.	Он услышал рассказ Гленарвана, историю кораблекрушения и, будучи человеком дерзким, тут же решил извлечь из этого Дела пользу.
The expedition was decided on.	Решено было организовать экспедицию.
At the Wimerra he found means of communicating with one of his gang, the blacksmith of Black Point, and left traces of our journey which might be easily recognized.	У Уиммеры он вошел в сношения с одним из своих людей, кузнецом из Блэк - Пойнта, и сделал приметными наши следы.
The gang followed us.	Его банда шла за нами.
A poisonous plant enabled them gradually to kill our bullocks and horses.	С помощью ядовитого растения Бен Джойс мало-помалу уничтожил наших быков и лошадей.
At the right moment he sunk us in the marshes of the Snowy, and gave us into the hands of his gang."	Наконец, когда приспело время, он завел нас в болота у Сноуи-Ривер и предал в руки беглых каторжников, которыми он заправляет.
Such was the history of Ben Joyce.	Все стало ясно.
The Major had shown him up in his character-a bold and formidable criminal.	Майор раскрыл все прошлое Бена Джойса, и этот негодяй предстал таким, каким он был на самом деле: дерзким и опасным преступником.

His manifestly evil designs called for the utmost vigilance on the part of Glenarvan.	Намерения его были теперь вполне ясны, и они требовали от Гленарвана величайшей бдительности.
Happily the unmasked bandit was less to be feared than the traitor.	К счастью, разоблаченный разбойник был все же менее страшен, чем предатель.
But one serious consequence must come out of this revelation; no one had thought of it yet except Mary Grant.	Но из этих окончательно проясненных обстоятельств вытекало одно важное следствие, о котором пока никто, кроме Мери Грант, не подумал. В то время как другие обсуждали прошлое, она думала о будущем.
John Mangles was the first to notice her pale, despairing face; he understood what was passing in her mind at a glance.	Джону Манглсу первому бросились в глаза ее бледное лицо, ее отчаяние. Он сразу понял, что должна была она переживать.
"Miss Mary!	- Мисс Мери!
Miss Mary!" he cried; "you are crying!"	Мисс Мери! Вы плачете? - воскликнул он.
"Crying, my child!" said Lady Helena.	- Ты плачешь, мое дитя? - обратилась к ней леди Элен.
"My father, madam, my father!" replied the poor girl.	- Отец, отец!.. - прошептала девушка.
She could say no more, but the truth flashed on every mind. They all knew the cause of her grief, and why tears fell from her eyes and her father's name came to her lips.	Она не в силах была продолжать. Но всех вдруг осенила одна и та же мысль - всем стало ясно горе Мери, почему она заплакала, почему вспомнила об отце.
The discovery of Ayrton's treachery had destroyed all hope; the convict had invented a shipwreck to entrap Glenarvan.	Раскрытие предательства Айртона убивало всякую надежду найти Гарри Гранта. Каторжник, для того чтобы завлечь Гленарвана в глубь материка, придумал крушение у австралийского побережья.
In the conversation overheard by McNabbs, the convicts had plainly said that the BRITANNIA had never been wrecked on the rocks in Twofold Bay.	Об этом определенно было упомянуто в разговоре бандитов, подслушанном Мак-Наббсом. Никогда "Британия" не разбивалась о подводные камни Туфоллд-Бей!
Harry Grant had never set foot on the Australian continent!	Никогда Гарри Грант не ступал ногой на Австралийский материк!
A second time they had been sent on the wrong track by an erroneous interpretation of the document.	Вот уже второй раз ошибочное истолкование документа толкнуло искавших "Британию" по ложному пути.
Gloomy silence fell on the whole party at the sight of the children's sorrow, and no one could find a cheering word to say.	Подавленные горем детей капитана Гранта, их спутники хранили молчание. Да и что можно было сказать им в утешение!
Robert was crying in his sister's arms.	Роберт плакал, прижавшись к сестре.
Paganel muttered in a tone of vexation:	Паганель с раздражением бормотал:
"That unlucky document!	- А, злосчастный документ!
It may boast of having half-crazed a dozen peoples' wits!"	Чуть не дюжина честных людей ломает головы по твоей милости!

The worthy geographer was in such a rage with himself, that he struck his forehead as if he would smash it in.	И, негодуя сам на самого себя, почтенный географ колотил себя кулаком по лбу, рискуя проломить череп.
Glenarvan went out to Mulrady and Wilson, who were keeping watch.	Тем временем Гленарван пошел к Мюльреди и Вильсону, стоявшим на страже.
Profound silence reigned over the plain between the wood and the river.	По всей долине между опушкой леса и рекой царила полная тишина. На небе неподвижно теснились густые тучи. В дремотно застывшем воздухе далеко разнесся бы малейший звук, между тем ничего не было слышно.
Ben Joyce and his band must be at considerable distance, for the atmosphere was in such a state of complete torpor that the slightest sound would have been heard. It was evident, from the flocks of birds on the lower branches of the trees, and the kangaroos feeding quietly on the young shoots, and a couple of emus whose confiding heads passed between the great clumps of bushes, that those peaceful solitudes were untroubled by the presence of human beings.	По - видимому, Бен Джойс и его шайка удалились на порядочное расстояние, иначе не веселились бы так на нижних ветках деревьев стаи птиц, не объедали бы так мирно молодые побеги несколько кенгуру, не высовывала бы доверчиво из кустов свои головы пара страусов, - все говорило о том, что нигде в мирной глуши нет людей.
"You have neither seen nor heard anything for the last hour?" said Glenarvan to the two sailors.	- Вы ничего не видели и не слышали за последний час? - спросил Гленарван матросов.
"Nothing whatever, your honor," replied Wilson. "The convicts must be miles away from here."	- Ничего, милорд, - ответил Вильсон. - Каторжники, должно быть, за несколько миль отсюда.
"They were not in numbers enough to attack us, I suppose," added Mulrady. "Ben Joyce will have gone to recruit his party, with some bandits like himself, among the bush-rangers who may be lurking about the foot of the Alps."	- Как видно, их было слишком мало, чтобы напасть на нас, - добавил Мюльреди. - Наверное, этот Бен Джойс отправился вербовать себе помощников среди других таких же беглых каторжников, бродящих у подножия Альп.
"That is probably the case, Mulrady," replied Glenarvan. "The rascals are cowards; they know we are armed, and well armed too.	- Видимо, так, Мюльреди, - согласился Гленарван. - Эти негодяи - трусы. Они знают, что мы вооружены - и вооружены хорошо.
Perhaps they are waiting for nightfall to commence the attack.	Быть может, они ждут ночи, чтобы напасть на нас.
We must redouble our watchfulness.	Когда станет темнеть, нужно будет усилить бдительность.
Oh, if we could only get out of this bog, and down the coast; but this swollen river bars our passage.	Ах, если бы мы могли покинуть эту болотистую равнину и продолжать путь к побережью! Но разлившиеся воды реки преграждают нам дорогу.
I would pay its weight in gold for a raft which would carry us over to the other side."	За плот, который переправил бы нас на тот берег, я бы отдал столько золота, сколько он весит.
"Why does not your honor give orders for a raft to be constructed? We have plenty of wood."	- А почему же вы не прикажете нам построить такой плот, милорд? - спросил Вильсон. - Ведь деревьев здесь сколько угодно.
"No, Wilson," replied Glenarvan; "this Snowy is not a river, it is an impassable torrent."	- Верно, Вильсон, - ответил Гленарван, - но эта Сноуи - Ривер не река, а непреодолимый поток.

John Mangles, the Major, and Paganel just then came out of the wagon on purpose to examine the state of the river.	Тут к Гленарвану подошли Джон Манглс, майор и Паганель. Они как раз только что обследовали Сноуи-Ривер.
They found it still so swollen by the heavy rain that the water was a foot above the level.	После последних дождей ее воды поднялись еще на один фут.
It formed an impetuous current, like the American rapids.	Они неслись со стремительностью, напоминавшей пороги американских рек.
To venture over that foaming current and that rushing flood, broken into a thousand eddies and hollows and gulfs, was impossible.	Конечно, немыслимо было пуститься по этой ревущей, клокочущей пучине, изрытой водоворотами.
John Mangles declared the passage impracticable.	Джон Манглс заявил, что переправа неосуществима.
"But we must not stay here," he added, "without attempting anything. What we were going to do before Ayrton's treachery is still more necessary now."	- Все же нельзя сидеть здесь сложа руки, - прибавил он. - То, что мы хотели сделать еще до предательства Айртона, теперь, по-моему, еще более необходимо.
"What do you mean, John?" asked Glenarvan.	- Что вы хотите сказать, Джон? - спросил Гленарван.
"I mean that our need is urgent, and that since we cannot go to Twofold Bay, we must go to Melbourne.	- Я хочу сказать, что нам срочно необходима помощь, и, раз нельзя идти в Туфоллд-Бей, надо идти в Мельбурн.
We have still one horse.	У нас осталась одна лошадь.
Give it to me, my Lord, and I will go to Melbourne."	Дайте мне ее, милорд, и я отправлюсь в Мельбурн.
"But that will be a dangerous venture, John," said Glenarvan. "Not to speak of the perils of a journey of two hundred miles over an unknown country, the road and the by-ways will be guarded by the accomplices of Ben Joyce."	- Но это рискованная попытка, Джон, - сказал Гленарван. - Не говоря уж обо всех опасностях этого путешествия в двести миль, по незнакомому краю, учтите и то, что все дороги и тропы, вероятно, отрезаны сообщниками Бена Джойса.
"I know it, my Lord, but I know also that things can't stay long as they are; Ayrton only asked a week's absence to fetch the crew of the DUNCAN, and I will be back to the Snowy River in six days.	- Знаю, милорд, но знаю и то, что дальше так продолжаться не может. Айртону, по его словам, требовалась неделя, чтобы доставить сюда матросов с "Дункана"; я же берусь вернуться с ними на берега Сноуи-Ривер через шесть дней.
Well, my Lord, what are your commands?"	Так как же, милорд? Каковы будут ваши приказания?
"Before Glenarvan decides," said Paganel, "I must make an observation.	- Прежде чем Гленарван ответит, - сказал Паганель, - позвольте мне сделать замечание.
That some one must go to Melbourne is evident, but that John Mangles should be the one to expose himself to the risk, cannot be.	Ехать в Мельбурн надо, но я против того, чтобы этим опасностям подвергался Джон Манглс.
He is the captain of the DUNCAN, and must be careful of his life.	Он капитан "Дункана" и поэтому не должен рисковать своей жизнью.
I will go instead."	Вместо него поеду я.
"That is all very well, Paganel," said the Major; "but why should you be the one to go?"	- Хорошо сказано! - похвалил майор. - Но почему именно вы, Паганель?

"Are we not here?" said Mulrady and Wilson.	- А мы разве не можем? - в один голос воскликнули Мюльреди и Вильсон.
"And do you think," replied McNabbs, "that a journey of two hundred miles on horseback frightens me."	- Думаете, я испугаюсь проехать какие-нибудь двести миль верхом? - сказал Мак-Наббс.
"Friends," said Glenarvan, "one of us must go, so let it be decided by drawing lots. Write all our names, Paganel."	- Друзья мои, - заговорил Гленарван, - раз один из нас должен поехать в Мельбурн, то давайте бросим жребий... Паганель, пишите наши имена.
"Not yours, my Lord," said John Mangles.	- Во всяком случае, не ваше, милорд, - заявил Джон Манглс.
"And why not?"	- Почему? - спросил Гленарван.
"What! separate you from Lady Helena, and before your wound is healed, too!"	- Как вы можете покинуть леди Элен, да и рана ваша не зажила еще.
"Glenarvan," said Paganel, "you cannot leave the expedition."	- Гленарван, вам нельзя покидать экспедицию! - воскликнул Паганель.
"No," added the Major. "Your place is here, Edward, you ought not to go."	- Конечно, - подтвердил Мак-Наббс. - Ваше место здесь, Эдуард, вы не должны уезжать.
"Danger is involved in it," said Glenarvan, "and I will take my share along with the rest.	- Предстоят опасности, - возразил Гленарван, - и я никому не уступлю мою долю риска.
Write the names, Paganel, and put mine among them, and I hope the lot may fall on me."	Пишите, Паганель. Пусть мое имя будет смешано с именами моих товарищей, и дай бог, чтобы оно вышло первым.
His will was obeyed.	Пришлось подчиниться воле Гленарвана.
The names were written, and the lots drawn. Fate fixed on Mulrady.	Его имя присоединили к другим. Стали тянуть жребий, и он пал на Мюльреди.
The brave sailor shouted hurrah! and said:	У отважного матроса вырвалось радостное "ура".
"My Lord, I am ready to start."	- Милорд, я готов пуститься в путь, - сказал он.
Glenarvan pressed his hand, and then went back to the wagon, leaving John Mangles and the Major on watch.	Гленарван пожал руку Мюльреди. Он направился к повозке, а майор и Джон Манглс остались на страже.
Lady Helena was informed of the determination to send a message to Melbourne, and that they had drawn lots who should go, and Mulrady had been chosen.	Леди Элен немедленно узнала о решении послать гонца в Мельбурн, и о том, на кого пал жребий.
Lady Helena said a few kind words to the brave sailor, which went straight to his heart.	У нее нашлись для честного матроса слова, тронувшие его до глубины сердца.
Fate could hardly have chosen a better man, for he was not only brave and intelligent, but robust and superior to all fatigue.	Все знали Мюльреди как человека храброго, толкового, неутомимого, и жребий поистине сделал наилучший выбор.
Mulrady's departure was fixed for eight o'clock, immediately after the short twilight.	Отъезд Мюльреди был назначен на восемь часов вечера, тотчас же после коротких сумерек.
Wilson undertook to get the horse ready.	Вильсон взялся снарядить лошадь.

He had a project in his head of changing the horse's left shoe, for one off the horses that had died in the night.	Ему пришло в голову заменить на ее левой ноге изобличительную подкову с трилистниками другой, снятой с одной из павших ночью лошадей.
This would prevent the convicts from tracking Mulrady, or following him, as they were not mounted.	Теперь, думалось ему, каторжники не смогут ни распознать следы Мюльреди, ни гнаться за ним, ведь у них нет лошадей.
While Wilson was arranging this, Glenarvan got his letter ready for Tom Austin, but his wounded arm troubled him, and he asked Paganel to write it for him.	Пока Вильсон седлал лошадь, Гленарван занялся письмом Тому Остину, но он не мог писать из-за раненой руки и попросил это сделать Паганеля.
The SAVANT was so absorbed in one fixed idea that he seemed hardly to know what he was about.	Ученый, поглощенный какой-то неотступной мыслью, казалось, не замечал ничего вокруг.
In all this succession of vexations, it must be said the document was always uppermost in Paganel's mind.	Надо сказать, что среди всех тревожных событий Паганель думал только об одном: о неверно истолкованном документе.
He was always worrying himself about each word, trying to discover some new meaning, and losing the wrong interpretation of it, and going over and over himself in perplexities.	Он всячески переставлял слова, стремясь извлечь из них новый смысл, и с головой ушел в эту работу.
He did not hear Glenarvan when he first spoke, but on the request being made a second time, he said:	Конечно, он не расслышал просьбы, и Гленарван должен был ее повторить.
"Ah, very well.	- А, прекрасно!
I'm ready."	Я готов! - отозвался Паганель.
While he spoke he was mechanically getting paper from his note-book. He tore a blank page off, and sat down pencil in hand to write.	С этими словами он машинально взял свою записную книжку, вырвал из нее листок, взял карандаш и приготовился писать.
Glenarvan began to dictate as follows:	Гленарван начал диктовать следующее:
"Order to Tom Austin, Chief Officer, to get to sea without delay, and bring the DUNCAN to-"	- Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести "Дункан".
Paganel was just finishing the last word, when his eye chanced to fall on the Australian and New Zealand Gazette lying on the ground.	Паганель дописывал это последнее слово, но тут его глаза случайно остановились на валявшемся на земле номере "Австралийской и Новозеландской газеты".
The paper was so folded that only the last two syllables of the title were visible.	Газета была сложена, и из ее названия, по-английски, "Australian and New-Zealand Gazette" виднелись только последние пять букв слова New - Zealand.
Paganel's pencil stopped, and he seemed to become oblivious of Glenarvan and the letter entirely, till his friends called out:	Карандаш Паганеля вдруг остановился: географ, по - видимому, совершенно забыл и о Гленарване, и о его письме, и о том, что ему диктовали.
"Come, Paganel!"	- Паганель! - окликнул его Гленарван.
"Ah!" said the geographer, with a loud exclamation.	- Ах! - воскликнул географ.
"What is the matter?" asked the Major.	- Что с вами? - спросил майор.
"Nothing, nothing," replied Paganel.	- Ничего, ничего, - пробормотал Паганель.

Then he muttered to himself,	Потом он зашептал про себя: - Aland!
"Aland! aland! aland!"	Aland! Aland!
He had got up and seized the newspaper.	Он вскочил и схватил газету.
He shook it in his efforts to keep back the words that involuntarily rose to his lips.	Он тряс ее, стараясь удержать слова, рвавшиеся из уст.
Lady Helena, Mary, Robert, and Glenarvan gazed at him in astonishment, at a loss to understand this unaccountable agitation.	Леди Элен, Мери, Роберт, Гленарван с удивлением смотрели на географа, не понимая причины его волнения.
Paganel looked as if a sudden fit of insanity had come over him.	Паганель словно внезапно сошел с ума.
But his excitement did not last.	Но его нервное возбуждение длилось недолго.
He became by degrees calmer.	Ученый мало-помалу успокоился.
The gleam of joy that shone in his eyes died away.	Радость, светившаяся в его глазах, угасла.
He sat down again, and said quietly:	Он сел на прежнее место и сказал спокойно:
"When you please, my Lord, I am ready."	- Я к вашим услугам, милорд.
Glenarvan resumed his dictation at once, and the letter was soon completed.	Гленарван снова принялся диктовать письмо.
It read as follows:	В окончательном виде оно гласило:
"Order to Tom Austin to go to sea without delay; and take the DUNCAN to Melbourne by the 37th degree of latitude to the eastern coast of Australia."	"Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести "Дункан", придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Австралии".
"Of Australia?" said Paganel. "Ah yes! of Australia."	- Австралии? - переспросил Паганель. - Ах, да, Австралии!..
Then he finished the letter, and gave it to Glenarvan to sign, who went through the necessary formality as well as he could, and closed and sealed the letter. Paganel, whose hand still trembled with emotion, directed it thus:	Закончив письмо, географ дал его Гленарвану. Тот кое-как подписал - ему мешала его рана. Затем письмо было запечатано, и Паганель еще дрожащей от волнения рукой написал на конверте:
"Tom Austin, Chief Officer on board the Yacht DUNCAN, Melbourne."	"Тому Остину, помощнику капитана яхты "Дункан", Мельбурн".
Then he got up and went out of the wagon, gesticulating and repeating the incomprehensible words:	Вслед за этим он вышел из повозки, жестикулируя и повторяя непонятные слова:
"Aland aland! aland!"	- Aland! Aland! Zealand!
CHAPTER XVIII FOUR DAYS OF ANGUISH	Глава XXI ЧЕТЫРЕ ТОМИТЕЛЬНЫХ ДНЯ
THE rest of the day passed on without any further incident.	Остаток дня прошел без происшествий.
All the preparations for Mulrady's journey were completed, and the brave sailor rejoiced in being able to give his Lordship this proof of devotion.	Все приготовления к отъезду Мюльреди были закончены. Честный матрос был счастлив, что может доказать Гленарвану свою преданность.
Paganel had recovered his usual sang-froid and manners.	К Паганелю вернулось хладнокровие, и он стал таким, как обычно.

His look, indeed, betrayed his preoccupation, but he seemed resolved to keep it secret.	Можно было догадаться, что он о чем-то непрерывно думает, но решил скрывать это.
No doubt he had strong reasons for this course of action, for the Major heard him repeating, like a man struggling with himself:	Без сомнения, у него были на то серьезные причины, ибо майор слышал, как он повторял, словно борясь с собой:
"No, no, they would not believe it; and, besides, what good would it be?	- Нет, нет! Они мне не поверят! Да и зачем?
It is too late!"	Слишком поздно!
Having taken this resolution, he busied himself with giving Mulrady the necessary directions for getting to Melbourne, and showed him his way on the map.	Приняв такое решение, Паганель стал показывать Мюльреди на карте путь, которого ему следовало держаться, чтобы достигнуть Мельбурна.
All the TRACKS, that is to say, paths through the prairie, came out on the road to Lucknow.	Все тропы на равнине вели к дороге на Лакнау.
This road, after running right down to the coast took a sudden bend in the direction of Melbourne.	Она шла прямо на юг до самого побережья, где круто поворачивала к Мельбурну.
This was the route that must be followed steadily, for it would not do to attempt a short cut across an almost unknown country.	Географ советовал Мюльреди все время держаться этого пути и не пытаться ехать напрямик по малоизвестной местности.
Nothing, consequently, could be more simple.	Все очень просто.
Mulrady could not lose his way.	Заблудиться Мюльреди не мог.
As to dangers, there were none after he had gone a few miles beyond the encampment, out of the reach of Ben Joyce and his gang.	Опасны были только первые несколько миль от лагеря, где, должно быть, засела шайка Бена Джойса.
Once past their hiding place, Mulrady was certain of soon being able to outdistance the convicts, and execute his important mission successfully.	Главное - миновать их, а там уже каторжники не смогут догнать Мюльреди, и его важное поручение будет выполнено.
At six o'clock they all dined together.	В шесть часов пообедали.
The rain was falling in torrents. The tent was not protection enough, and the whole party had to take refuge in the wagon.	Шел проливной дождь, защитить от которого палатка не могла. Поэтому все забрались в повозку.
This was a sure refuge.	Вот это было надежное убежище.
The clay kept it firmly imbedded in the soil, like a fortress resting on sure foundations.	Затвердевшая глина сковала повозку, и она прочно держалась, как форт на своем фундаменте.
The arsenal was composed of seven carbines and seven revolvers, and could stand a pretty long siege, for they had plenty of ammunition and provisions.	Арсенал этой крепости, состоявший из семи карабинов и семи револьверов, мог выдержать довольно долгую осаду, благо не было недостатка ни в пулях, ни в провианте.
But before six days were over, the DUNCAN would anchor in Twofold Bay, and twenty-four hours after her crew would reach the other shore of the Snowy River; and should the passage still remain impracticable, the convicts at any rate would be forced to retire before the increased strength.	А через шесть дней "Дункан", возможно, уже бросит якорь в Туфоллд-Бей. Еще сутки - и его команда появится на противоположном берегу Сноуи-Ривер, и даже если переправа будет еще невозможна, то шайка каторжников, во всяком случае, принуждена будет отступить перед превосходящими силами.

But all depended on Mulrady's success in his perilous enterprise.	Но для этого прежде всего нужно было, чтобы Мюльреди успешно выполнил опасное поручение.
At eight o'clock it got very dark; now was the time to start.	В восемь часов вечера совершенно стемнело. Настало время ехать.
The horse prepared for Mulrady was brought out.	Привели оседланную лошадь.
His feet, by way of extra precaution, were wrapped round with cloths, so that they could not make the least noise on the ground.	Ее копыта, из осторожности обернутые тряпками, беззвучно ступали по земле.
The animal seemed tired, and yet the safety of all depended on his strength and surefootedness.	Лошадь казалась усталой, а ведь от твердости ее поступи и крепости ног зависело общее спасение.
The Major advised Mulrady to let him go gently as soon as he got past the convicts.	Майор посоветовал Мюльреди щадить лошадь, как только он будет вне досягаемости каторжников.
Better delay half-a-day than not arrive safely.	Лучше задержаться на полдня, но зато наверняка добраться до цели.
John Mangles gave his sailor a revolver, which he had loaded with the utmost care.	Джон Манглс передал матросу револьвер, который сам только что тщательно зарядил.
This is a formidable weapon in the hand of a man who does not tremble, for six shots fired in a few seconds would easily clear a road infested with criminals.	Недурное оружие в руках отважного человека, ибо шесть выстрелов один за другим за несколько секунд могут расчистить дорогу, прегражденную бандитами.
Mulrady seated himself in the saddle ready to start.	Мюльреди вскочил в седло.
"Here is the letter you are to give to Tom Austin," said Glenarvan. "Don't let him lose an hour.	- Вот письмо, которое ты передашь Тому Остину, - сказал Гленарван. - Пусть не теряет ни часа!
He is to sail for Twofold Bay at once; and if he does not find us there, if we have not managed to cross the Snowy, let him come on to us without delay.	Пусть плывет в Туфоллд - Бей, и если нас там не окажется, если мы не сможем переправиться через Сноуи-Ривер, то пусть немедленно спешит сюда.
Now go, my brave sailor, and God be with you."	А теперь - в путь, мой честный матрос, да хранит тебя бог!
He shook hands with him, and bade him good-by; and so did Lady Helena and Mary Grant.	Гленарван, Элен и Мери Грант - все пожали руку Мюльреди.
A more timorous man than the sailor would have shrunk back a little from setting out on such a dark, raining night on an errand so full of danger, across vast unknown wilds.	Такой отъезд темной дождливой ночью в полный опасностей путь через огромные неизведанные дебри смутил бы человека, менее крепкого духом, чем отважный матрос.
But his farewells were calmly spoken, and he speedily disappeared down a path which skirted the wood.	- Прощайте, милорд, - произнес он спокойно и быстро исчез на тропе, шедшей вдоль опушки леса.
At the same moment the gusts of wind redoubled their violence.	К этому времени порывы ветра усилились.
The high branches of the eucalyptus clattered together noisily, and bough after bough fell on the wet ground.	Сухие ветви эвкалиптов с глухим стуком ударялись друг о друга. Порой было слышно, как они, отломившись, падали на размокшую землю.

More than one great tree, with no living sap, but still standing hitherto, fell with a crash during this storm.	Не одно гигантское дерево, высохшее, но все еще стоявшее, повалилось в эту бурную ночь.
The wind howled amid the cracking wood, and mingled its moans with the ominous roaring of the rain.	Среди треска деревьев и рева Сноуи-Ривер раздавались завывания ветра.
The heavy clouds, driving along toward the east, hung on the ground like rays of vapor, and deep, cheerless gloom intensified the horrors of the night.	Густые тучи, гонимые к востоку, неслись так низко над землей, что казались клубами пара. Беспросветный мрак делал еще страшнее эту и без того страшную ночь.
The travelers went back into the wagon immediately Mulrady had gone.	После отъезда Мюльреди путешественники укрылись в повозке.
Lady Helena, Mary Grant, Glenarvan and Paganel occupied the first compartment, which had been hermetically closed.	Леди Элен, Мери Грант, Гленарван и Паганель разместились в переднем отделении. Оно из предосторожности было наглухо закрыто.
The second was occupied by Olbinett, Wilson and Robert.	В заднем отделении устроились Олбинет, Вильсон и Роберт.
The Major and John Mangles were on duty outside.	Майор и Джон Манглс несли дозор снаружи.
This precaution was necessary, for an attack on the part of the convicts would be easy enough, and therefore probable enough.	Это было необходимо, так как каторжники могли воспользоваться возможностью легкого нападения.
The two faithful guardians kept close watch, bearing philosophically the rain and wind that beat on their faces.	Оба эти верных стража стояли на своем посту, стоически перенося хлеставший им в лицо дождь и порывы ветра.
They tried to pierce through the darkness so favorable to ambushes, for nothing could be heard but the noise of the tempest, the sough of the wind, the rattling branches, falling trees, and roaring of the unchained waters.	Они силились проникнуть взором в таившую опасность темноту, ибо из-за воя бури, треска сучьев, шума валившихся деревьев, рева бушевавших вод расслышать что-либо было невозможно.
At times the wind would cease for a few moments, as if to take breath.	Однако в оглушительном шуме порой на короткое время наступало затишье. Ветер приостанавливался, словно для того, чтобы перевести дух.
Nothing was audible but the moan of the Snowy River, as it flowed between the motionless reeds and the dark curtain of gum trees.	Одна лишь Сноуи-Ривер бурлила среди неподвижных камышей и черной завесы камедных деревьев.
The silence seemed deeper in these momentary lulls, and the Major and John Mangles listened attentively.	В такие минуты тишина казалась особенно глубокой. Тогда майор и Джон Манглс внимательно прислушивались.
During one of these calms a sharp whistle reached them.	В один из моментов затишья до них донесся пронзительный свист.
John Mangles went hurriedly up to the Major.	Джон Манглс поспешно подошел к майору.
"You heard that?" he asked.	- Слыхали? - спросил он его.
"Yes," said McNabbs. "Is it man or beast?"	- Да, - ответил Мак-Наббс. - Но кто это: человек или животное?
"A man," replied John Mangles.	- Человек, - ответил Джон Манглс.

And then both listened.	Оба стали слушать.
The mysterious whistle was repeated, and answered by a kind of report, but almost indistinguishable, for the storm was raging with renewed violence. McNabbs and John Mangles could not hear themselves speak.	Вдруг снова послышался тот же непонятный свист, а вслед за ним - звук, похожий на выстрел. Но в этот миг буря завыла с новой силой и почти заглушила его. Мак-Наббс и Джон Манглс перестали слышать друг друга.
They went for comfort under the shelter of the wagon.	Они подошли к повозке с подветренной стороны.
At this moment the leather curtains were raised and Glenarvan rejoined his two companions.	В тот же миг кожаные занавеси приподнялись, и из повозки вышел Гленарван.
He too had heard this ill-boding whistle, and the report which echoed under the tilt.	Он тоже слышал зловещий свист и выстрел, отдавшийся эхом под брезентовым навесом.
"Which way was it?" asked he.	- С какой стороны это послышалось? - спросил он.
"There," said John, pointing to the dark track in the direction taken by Mulrady.	- Оттуда, - Джон Манглс указал рукой в сторону темной тропы, по которой поехал Мюльреди.
"How far?"	- С какого расстояния?
"The wind brought it; I should think, three or four miles, at least."	- Звуки донес ветер. Это было, наверное, милях в трех от нас, - ответил Джон Манглс.
"Come," said Glenarvan, putting his gun on his shoulder.	- Идем! - сказал Гленарван, вскидывая на плечо карабин.
"No," said the Major. "It is a decoy to get us away from the wagon."	- Нельзя! - отозвался майор. - Это западня, подстроенная, чтобы увести нас подальше от повозки.
"But if Mulrady has even now fallen beneath the blows of these rascals?" exclaimed Glenarvan, seizing McNabbs by the hand.	- А что, если негодяи убили Мюльреди? - настаивал, схватив за руку Мак-Наббса, Гленарван.
"We shall know by to-morrow," said the Major, coolly, determined to prevent Glenarvan from taking a step which was equally rash and futile.	- Об этом мы узнаем завтра, - хладнокровно ответил майор, твердо решивший удержать Гленарвана от бесполезной неосторожности.
"You cannot leave the camp, my Lord," said John. "I will go alone."	- Вам нельзя покидать лагерь, милорд, - сказал Джон, - пойду я один.
"You will do nothing of the kind!" cried McNabbs, energetically. "Do you want to have us killed one by one to diminish our force, and put us at the mercy of these wretches?	- И вы не пойдете! - твердо возразил Мак-Наббс. - Неужели вы хотите, чтобы нас перебили поодиночке, хотите ослабить наши силы, хотите, чтобы мы оказались в руках этих злодеев?
If Mulrady has fallen a victim to them, it is a misfortune that must not be repeated.	Если Мюльреди стал их жертвой, зачем же прибавлять к этому несчастью еще новое?
Mulrady was sent, chosen by chance.	Мюльреди отправился потому, что на него пал жребий.
If the lot had fallen to me, I should have gone as he did; but I should neither have asked nor expected assistance."	Пади жребий на меня, отправился бы не он, а я, и не просил бы и не ждал бы никакой помощи.
In restraining Glenarvan and John Mangles, the Major was right in every aspect of the case.	Майор был совершенно прав, удерживая Гленарвана и Джона Манглса.

To attempt to follow the sailor, to run in the darkness of night among the convicts in their leafy ambush was madness, and more than that-it was useless.	Было бы безумием, притом совершенно бесполезным, идти на поиски матроса в такую темную ночь, в лес, где засели каторжники.
Glenarvan's party was not so numerous that it could afford to sacrifice another member of it.	В небольшом отряде Гленарвана слишком мало людей, чтобы рисковать еще чьей-нибудь жизнью.
Still Glenarvan seemed as if he could not yield; his hand was always on his carbine.	Однако Гленарван, видимо, не хотел согласиться с этими доводами. Рука его нервно сжимала карабин.
He wandered about the wagon, and bent a listening ear to the faintest sound.	Он ходил взад и вперед у повозки, прислушивался к малейшему шороху, вглядывался в зловещий мрак.
The thought that one of his men was perhaps mortally wounded, abandoned to his fate, calling in vain on those for whose sake he had gone forth, was a torture to him. McNabbs was not sure that he should be able to restrain him, or if Glenarvan, carried away by his feelings, would not run into the arms of Ben Joyce.	Его терзала мысль, что один из близких ему людей где-то лежит, смертельно раненный, беспомощный, тщетно зовя тех, для кого он рисковал жизнью. Мак-Наббс далеко не был уверен, что ему удастся удержать Гленарвана и что, повинуясь чувству, он не бросится под выстрелы Бена Джойса.
"Edward," said he, "be calm.	- Эдуард, - сказал он, - успокойтесь.
Listen to me as a friend.	Послушайте друга.
Think of Lady Helena, of Mary Grant, of all who are left.	Подумайте о леди Элен, о Мери Грант, обо всех, кто останется здесь.
And, besides, where would you go?	И куда вы пойдете?
Where would you find Mulrady?	Где искать Мюльреди?
He must have been attacked two miles off.	Если на него напали, то не ближе, чем в двух милях отсюда.
In what direction?	На какой дороге?
Which track would you follow?"	По какой тропе идти?
At that very moment, as if to answer the Major, a cry of distress was heard.	В эту минуту, как бы в ответ на слова майора, раздался отчаянный крик.
"Listen!" said Glenarvan.	- Слушайте! - сказал Гленарван.
This cry came from the same quarter as the report, but less than a quarter of a mile off.	Крик послышался с той же стороны, откуда прозвучал выстрел, на расстоянии какой-нибудь четверти мили.
Glenarvan, repulsing McNabbs, was already on the track, when at three hundred paces from the wagon they heard the exclamation:	Гленарван, оттолкнув Мак-Наббса, уже бежал по тропе, но тут шагах в трехстах от повозки кто-то позвал:
"Help! help!"	- Помогите! Помогите!
The voice was plaintive and despairing.	Голос был жалобный, полный боли.
John Mangles and the Major sprang toward the spot.	Джон Манглс и майор бросились туда, откуда он донесся.
A few seconds after they perceived among the scrub a human form dragging itself along the ground and uttering mournful groans.	Через несколько минут они увидели, что вдоль опушки леса ползет и тяжело стонет человек.

It was Mulrady, wounded, apparently dying; and when his companions raised him they felt their hands bathed in blood.	То был Мюльреди, раненый, умирающий, может быть, при последнем издыхании. Когда товарищи подняли его с земли, они почувствовали, что руки их в крови.
The rain came down with redoubled violence, and the wind raged among the branches of the dead trees.	Ливень все усиливался, ураган неистовствовал в вершинах мертвых деревьев.
In the pelting storm, Glenarvan, the Major and John Mangles transported the body of Mulrady.	Борясь с яростными порывами ветра, Гленарван, Джон Манглс и майор понесли Мюльреди к повозке.
On their arrival everyone got up. Paganel, Robert, Wilson and Olbinett left the wagon, and Lady Helena gave up her compartment to poor Mulrady.	Когда они вошли, все встали; Паганель, Олбинет, Роберт и Вильсон ушли из повозки, а леди Элен уступила бедному Мюльреди свое отделение.
The Major removed the poor fellow's flannel shirt, which was dripping with blood and rain. He soon found the wound; it was a stab in the right side.	Майор снял с матроса промокшую от крови и дождя куртку и обнаружил у него в правом боку рану, нанесенную кинжалом.
McNabbs dressed it with great skill.	Мак-Наббс умелой рукой перевязал ее.
He could not tell whether the weapon had touched any vital part.	Сказать, были ли задеты главные органы, он не мог.
An intermittent jet of scarlet blood flowed from it; the patient's paleness and weakness showed that he was seriously injured.	Из раны, то усиливаясь, то ослабевая, струилась алая кровь. Бледность и слабость раненого говорили о серьезности ранения.
The Major washed the wound first with fresh water and then closed the orifice; after this he put on a thick pad of lint, and then folds of scraped linen held firmly in place with a bandage.	Обмыв рану свежей водой, майор наложил на нее плотный тампон из трута и нескольких слоев корпии, а затем туго забинтовал.
He succeeded in stopping the hemorrhage.	Ему удалось остановить кровотечение.
Mulrady was laid on his side, with his head and chest well raised, and Lady Helena succeeded in making him swallow a few drops of water.	Мюльреди уложили на здоровый бок, приподняв голову и грудь, и леди Элен дала ему выпить несколько глотков воды.
After about a quarter of an hour, the wounded man, who till then had lain motionless, made a slight movement.	Через четверть часа раненый наконец зашевелился, глаза его приоткрылись, и он стал шептать какие-то бессвязные слова.
His eyes unclosed, his lips muttered incoherent words, and the Major, bending toward him, heard him repeating:	Майор нагнулся к нему и расслышал, как он несколько раз пробормотал:
"My Lord-the letter-Ben Joyce."	- Милорд... письмо... Бен Джойс...
The Major repeated these words, and looked at his companions.	Майор повторил вслух эти слова и вопросительно взглянул на своих товарищей.
What did Mulrady mean?	Что силился сказать Мюльреди?
Ben Joyce had been the attacking party, of course; but why?	Видимо, Бен Джойс напал на матроса.
Surely for the express purpose of intercepting him, and preventing his arrival at the DUNCAN.	Но только ли затем, чтобы помешать ему добраться до "Дункана"?
This letter- Glenarvan searched Mulrady's pockets.	Письмо... Гленарван осмотрел карманы Мюльреди.

The letter addressed to Tom Austin was gone!	Письма, адресованного Тому Остину, там не оказалось!
The night wore away amid anxiety and distress; every moment, they feared, would be poor Mulrady's last.	Ночь прошла в мучительном беспокойстве. Боялись, что раненый умрет.
He suffered from acute fever.	У него был сильнейший жар.
The Sisters of Charity, Lady Helena and Mary Grant, never left him.	Леди Элен и Мери Грант, сестры милосердия, не отходили от Мюльреди.
Never was patient so well tended, nor by such sympathetic hands.	Ни за одним больным не ухаживали так заботливо и с таким сочувствием.
Day came, and the rain had ceased. Great clouds filled the sky still; the ground was strewn with broken branches; the marly soil, soaked by the torrents of rain, had yielded still more; the approaches to the wagon became difficult, but it could not sink any deeper.	Рассвело. Дождь перестал, но тяжелые тучи еще ползли по небу. На земле валялись обломанные сучья. Размокшая глина стала жидкой, и хотя повозка уже не могла увязнуть глубже, но подойти к ней стало труднее.
John Mangles, Paganel, and Glenarvan went, as soon as it was light enough, to reconnoiter in the neighborhood of the encampment.	Джон Манглс, Паганель и Гленарван отправились на рассвете обследовать окрестности лагеря.
They revisited the track, which was still stained with blood.	Они пошли по тропе, где еще виднелись пятна крови.
They saw no vestige of Ben Joyce, nor of his band.	Никаких следов Бена Джойса и его шайки не было.
They penetrated as far as the scene of the attack.	Они дошли до того места, где произошло нападение.
Here two corpses lay on the ground, struck down by Mulrady's bullets.	Там лежали два трупа - бандиты, которых застрелил Мюльреди.
One was the blacksmith of Blackpoint.	Один из них был кузнец из Блэк-Пойнта.
His face, already changed by death, was a dreadful spectacle.	Смерть страшно исказила его лицо.
Glenarvan searched no further. Prudence forbade him to wander from the camp.	На этом Гленарван прекратил разведку - далеко отходить от лагеря было неблагоразумно.
He returned to the wagon, deeply absorbed by the critical position of affairs.	Озабоченный серьезностью положения, он пошел назад к повозке.
"We must not think of sending another messenger to Melbourne," said he.	- Нечего и думать об отправке нового гонца в Мельбурн, - сказал он.
"But we must," said John Mangles; "and I must try to pass where my sailor could not succeed."	- Однако это необходимо, милорд, - отозвался Джон Манглс, - и я попытаюсь пробраться там, где это не удалось моему матросу.
"No, John! it is out of the question. You have not even a horse for the journey, which is full two hundred miles!"	- Нет, Джон, у вас даже нет лошади для этого пути в двести миль.
This was true, for Mulrady's horse, the only one that remained, had not returned.	Действительно, лошадь Мюльреди, единственная оставшаяся у путешественников, не вернулась.

Had he fallen during the attack on his rider, or was he straying in the bush, or had the convicts carried him off?	Убили ее, или она заблудилась в чаще, или ее захватили каторжники?
"Come what will," replied Glenarvan, "we will not separate again.	- Во всяком случае, - сказал Гленарван, - расставаться мы больше не будем.
Let us wait a week, or a fortnight, till the Snowy falls to its normal level.	Подождем здесь неделю, две недели, пока спадет вода в Сноуи-Ривер.
We can then reach Twofold Bay by short stages, and from there we can send on to the DUNCAN, by a safer channel, the order to meet us."	А тогда, делая небольшие переходы, мы доберемся до Туфоллд-Бей и оттуда более безопасным путем пошлем "Дункану" приказ идти к восточному побережью.
"That seems the only plan," said Paganel.	- Это единственное, что нам остается сделать, - согласился Паганель.
"Therefore, my friends," rejoined Glenarvan, "no more parting.	- Итак, друзья, - продолжал Гленарван, - будем держаться все вместе.
It is too great a risk for one man to venture alone into a robber-haunted waste. And now, may God save our poor sailor, and protect the rest of us!"	Слишком велик риск пускаться в одиночку в дебри, где бродят разбойники.
Glenarvan was right in both points; first in prohibiting all isolated attempts, and second, in deciding to wait till the passage of the Snowy River was practicable.	Гленарван был прав и в том, что отказался посылать кого - нибудь одного, и в том, что решил терпеливо выжидать на берегу Сноуи-Ривер спада воды.
He was scarcely thirty miles from Delegete, the first frontier village of New South Wales, where he would easily find the means of transport to Twofold Bay, and from there he could telegraph to Melbourne his orders about the DUNCAN.	Ведь до Делегита, первого пограничного городка провинции Новый Южный Уэльс, было всего миль тридцать пять. Там они, конечно, найдут средства передвижения, чтобы добраться до Туфоллд-Бей, и смогут отправить оттуда в Мельбурн по телеграфу приказ "Дункану".
These measures were wise, but how late!	Эти решения были разумны, но запоздалы.
If Glenarvan had not sent Mulrady to Lucknow what misfortunes would have been averted, not to speak of the assassination of the sailor!	Если бы Гленарван не послал Мюльреди по дороге на Лакнау, скольких бед можно было бы избежать, не говоря уже о тяжелейшей ране матроса!
When he reached the camp he found his companions in better spirits.	Вернувшись в лагерь, Гленарван застал своих товарищей менее удрученными.
They seemed more hopeful than before.	Казалось, у них затеплилась надежда.
"He is better! he is better!" cried Robert, running out to meet Lord Glenarvan.	- Ему лучше! Ему лучше! - крикнул Роберт, бросаясь к Гленарвану.
"Mulrady?-"	- Мюльреди лучше?
"Yes, Edward," answered Lady Helena. "A reaction has set in. The Major is more confident.	- Да, Эдуард, - ответила леди Элен. - У него был кризис.
Our sailor will live."	Наш матрос будет жить!
"Where is McNabbs?" asked Glenarvan.	- Где Мак-Наббс? - спросил Гленарван.
"With him.	- Он у него.

Mulrady wanted to speak to him, and they must not be disturbed."	Мюльреди захотел с ним поговорить. Не надо им мешать.
He then learned that about an hour since, the wounded man had awakened from his lethargy, and the fever had abated.	Действительно, час назад раненый очнулся от забытья, жар уменьшился.
But the first thing he did on recovering his memory and speech was to ask for Lord Glenarvan, or, failing him, the Major. McNabbs seeing him so weak, would have forbidden any conversation; but Mulrady insisted with such energy that the Major had to give in.	Придя в себя, Мюльреди тотчас же попросил позвать Гленарвана, а если его нет, то майора. Мак-Наббс, видя, как раненый слаб, запретил было ему всякие разговоры. Но Мюльреди так упорно настаивал, что майору пришлось сдаться.
The interview had already lasted some minutes when Glenarvan returned.	Когда Гленарван вернулся, разговор длился уже несколько минут.
There was nothing for it but to await the return of McNabbs.	Оставалось только ждать, что скажет майор.
Presently the leather curtains of the wagon moved, and the Major appeared.	Вскоре кожаные занавески раздвинулись, и показался Мак-Наббс.
He rejoined his friends at the foot of a gum-tree, where the tent was placed.	Он прошел в раскинутую под камедным деревом палатку, где ждали его друзья.
His face, usually so stolid, showed that something disturbed him.	Лицо майора, обычно бесстрастное, теперь казалось сумрачным и озабоченным.
When his eyes fell on Lady Helena and the young girl, his glance was full of sorrow.	Когда глаза его остановились на леди Элен, на Мери Грант, в них отразилась глубокая грусть.
Glenarvan questioned him, and extracted the following information: When he left the camp Mulrady followed one of the paths indicated by Paganel.	Гленарван стал расспрашивать майора. Вот что Мак-Наббс узнал от раненого. Покинув лагерь, Мюльреди поехал по тропе, указанной ему Паганелем.
He made as good speed as the darkness of the night would allow.	Он спешил, насколько это было возможно в темноте.
He reckoned that he had gone about two miles when several men-five, he thought-sprang to his horse's head.	Он проехал, как он думает, уже мили две, как вдруг несколько человек - кажется, пятеро - бросились наперерез лошади.
The animal reared; Mulrady seized his revolver and fired.	Она встала на дыбы. Мюльреди выхватил револьвер и стал стрелять.
He thought he saw two of his assailants fall.	Ему показалось, что двое из нападавших упали.
By the flash he recognized Ben Joyce.	При вспышке выстрелов он узнал Бена Джойса.
But that was all.	Больше ничего Мюльреди не видел.
He had not time to fire all the barrels.	Он не успел расстрелять всех зарядов.
He felt a violent blow on his side and was thrown to the ground.	Сильный удар в правый бок сбросил его с седла.
Still he did not lose consciousness.	Однако он еще не потерял сознания.
The murderers thought he was dead.	Убийцы сочли его мертвым.
He felt them search his pockets, and then heard one of them say:	Он почувствовал, что его обыскивают. Затем он услышал, как один из разбойников сказал:

"I have the letter."	"Нашел письмо!" -
"Give it to me," returned Ben Joyce, "and now the DUNCAN is ours."	"Давай его сюда, - отозвался Бен Джойс. - Теперь "Дункан" наш!"
At this point of the story, Glenarvan could not help uttering a cry.	Здесь у Гленарвана невольно вырвался крик.
McNabbs continued: "'Now you fellows,' added Ben Joyce, 'catch the horse. In two days I shall be on board the DUNCAN, and in six I shall reach Twofold Bay.	Мак-Наббс продолжал: - "А теперь поймайте лошадь, - сказал Бен Джойс. - Через четыре дня я буду на "Дункане", через шесть - в Туфоллд-Бей.
This is to be the rendezvous.	Там встретимся.
My Lord and his party will be still stuck in the marshes of the Snowy River.	Отряд Гленарвана будет еще вязнуть здесь, в болотах у Сноуи-Ривер.
Cross the river at the bridge of Kemple Pier, proceed to the coast, and wait for me.	Вы же переходите реку через Кемпльпирский мост, добирайтесь до моря и ждите меня.
I will easily manage to get you on board.	Я найду способ привести вас на яхту.
Once at sea in a craft like the DUNCAN, we shall be masters of the Indian Ocean.'	Когда же мы побросаем команду в море, то с таким судном, как "Дункан", станем хозяевами Индийского океана". -
'Hurrah for Ben Joyce!' cried the convicts.	"Ура Бену Джойсу!" - крикнули каторжники.
Mulrady's horse was brought, and Ben Joyce disappeared, galloping on the Lucknow Road, while the band took the road southeast of the Snowy River.	Привели лошадь Мюльреди, и Бен Джойс ускакал на ней по направлению к дороге на Лакнау, а его шайка направилась к реке.
Mulrady, though severely wounded, had the strength to drag himself to within three hundred paces from the camp, whence we found him almost dead.	Мюльреди же, хотя и тяжело раненный, нашел в себе силы дотащиться до того места, где мы нашли его почти умирающим.
There," said McNabbs, "is the history of Mulrady; and now you can understand why the brave fellow was so determined to speak."	Вот что рассказал мне Мюльреди, - закончил Мак-Наббс. - Теперь вы понимаете, почему отважный матрос так спешил сообщить все это нам?
This revelation terrified Glenarvan and the rest of the party.	Рассказ майора привел в ужас Гленарвана и его спутников.
"Pirates! pirates!" cried Glenarvan. "My crew massacred! my DUNCAN in the hands of these bandits!"	- Пираты! Пираты! - воскликнул Гленарван. - Они перебьют мою команду и завладеют "Дунканом"!
"Yes, for Ben Joyce will surprise the ship," said the Major, "and then-"	- Конечно, - отозвался Мак-Наббс, - ведь Бен Джойс захватит экипаж врасплох, и тогда...
"Well, we must get to the coast first," said Paganel.	- Значит, надо опередить этих негодяев! - сказал Паганель.
"But how are we to cross the Snowy River?" said Wilson.	- Но как же мы переправимся через реку? - спросил Вильсон.
"As they will," replied Glenarvan. "They are to cross at Kemple Pier Bridge, and so will we."	- Так же, как и они, - ответил Гленарван, - каторжники перейдут через Кемпльпирский мост, то же самое сделаем и мы.
"But about Mulrady?" asked Lady Helena.	- А как быть с Мюльреди? - спросила леди Элен.

"We will carry him; we will have relays.	- Мы понесем его! Будем сменяться!..
Can I leave my crew to the mercy of Ben Joyce and his gang?"	Не могу же я допустить, чтобы моя беззащитная команда попала в лапы шайки Бена Джойса!
To cross the Snowy River at Kemple Pier was practicable, but dangerous.	План перейти реку через Кемплпирский мост был осуществим, но, конечно, рискован.
The convicts might entrench themselves at that point, and defend it.	Каторжники могли засесть у моста и оборонять его.
They were at least thirty against seven!	Их оказалось бы человек тридцать против семи мужчин отряда.
But there are moments when people do not deliberate, or when they have no choice but to go on.	Но бывают минуты, когда не до расчетов и, несмотря ни на что, надо идти вперед.
"My Lord," said John Mangles, "before we throw away our chance, before venturing to this bridge, we ought to reconnoiter, and I will undertake it."	- Милорд, - обратился к Гленарвану Джон Манглс, - прежде чем решиться испробовать последний шанс и рискнуть перейти через этот мост, стоит сначала все разведать. Я беру это на себя.
"I will go with you, John," said Paganel.	- Я с вами, Джон, - заявил Паганель.
This proposal was agreed to, and John Mangles and Paganel prepared to start immediately.	Джон согласился, и оба они стали тотчас же собираться.
They were to follow the course of the Snowy River, follow its banks till they reached the place indicated by Ben Joyce, and especially they were to keep out of sight of the convicts, who were probably scouring the bush.	Надо было идти вниз по течению, пока они не найдут мост, о котором говорил Бен Джойс, и, конечно, соблюдать осторожность, чтобы не попасться на глаза каторжникам, вероятно наблюдавшим за берегами реки.
So the two brave comrades started, well provisioned and well armed, and were soon out of sight as they threaded their way among the tall reeds by the river.	Итак, два отважных путешественника, хорошо вооруженные и снабженные пищей, пустились вперед, пробираясь среди высокого тростника, росшего по берегам.
The rest anxiously awaited their return all day. Evening came, and still the scouts did not return.	Их ждали весь день, но наступил вечер, а они все не возвращались.
They began to be seriously alarmed.	В лагере начали беспокоиться.
At last, toward eleven o'clock, Wilson announced their arrival.	Наконец около одиннадцати часов Вильсон возвестил об их приближении.
Paganel and John Mangles were worn out with the fatigues of a ten-mile walk.	Паганель и Джон Манглс вернулись, крайне утомленные десятимильным переходом.
"Well, what about the bridge?	- Ну, что этот мост?
Did you find it?" asked Glenarvan, with impetuous eagerness.	Он существует? - бросившись им навстречу, спросил Гленарван.
"Yes, a bridge of supple-jacks," said John Mangles. "The convicts passed over, but-"	- Да, мост из лиан, - сказал Джон Манглс. - Каторжники действительно прошли через него, но...
"But what?" said Glenarvan, who foreboded some new misfortune.	- Но что? - допрашивал Гленарван, предчувствуя новую беду.
"They burned it after they passed!" said Paganel.	- Они сожгли его за собой! - ответил Паганель.

CHAPTER XIX HELPLESS AND HOPELESS	Глава XXII ИДЕН
IT was not a time for despair, but action.	Предаваться отчаянию было некогда, надо было действовать.
The bridge at Kemple Pier was destroyed, but the Snowy River must be crossed, come what might, and they must reach Twofold Bay before Ben Joyce and his gang, so, instead of wasting time in empty words, the next day (the 16th of January) John Mangles and Glenarvan went down to examine the river, and arrange for the passage over.	Кемпльпирский мост сожжен, но необходимо во что бы то ни стало переправиться через Сноуи-Ривер и добраться до Туфоллд-Бей раньше шайки Бена Джойса. Вот почему, не теряя времени на бесполезные разговоры, Гленарван и Джон Манглс на следующий же день, 16 января, отправились к реке, чтобы найти какой-нибудь способ переправы.
The swollen and tumultuous waters had not gone down the least.	Бурные, вздувшиеся от дождей воды все не убывали.
They rushed on with indescribable fury.	Они клубились с неописуемой яростью.
It would be risking life to battle with them.	Пуститься по ним значило бы обречь себя на верную гибель.
Glenarvan stood gazing with folded arms and downcast face.	Гленарван, опустив голову, скрестив на груди руки, неподвижно стоял на берегу.
"Would you like me to try and swim across?" said John Mangles.	- Хотите, я попытаюсь вплавь перебраться на тот берег? - предложил Джон Манглс.
"No, John, no!" said Lord Glenarvan, holding back the bold, daring young fellow, "let us wait."	- Нет, Джон, - ответил Гленарван, удерживая за руку отважного молодого человека, - подождем еще!
And they both returned to the camp.	Они вернулись в лагерь.
The day passed in the most intense anxiety.	День прошел в томительном беспокойстве.
Ten times Lord Glenarvan went to look at the river, trying to invent some bold way of getting over; but in vain.	Раз десять Гленарван приходил на берег Сноуи - Ривер. Он пытался изобрести какой-нибудь смелый способ переправы. Тщетно.
Had a torrent of lava rushed between the shores, it could not have been more impassable.	Даже если бы меж берегов реки неслись потоки лавы, и тогда она была бы не более неприступна.
During these long wasted hours, Lady Helena, under the Major's advice, was nursing Mulrady with the utmost skill.	В эти долгие часы вынужденного бездействия леди Элен, следуя советам майора, старательно и толково ухаживала за раненым Мюльреди.
The sailor felt a throb of returning life. McNabbs ventured to affirm that no vital part was injured.	Матрос чувствовал, что он возвращается к жизни. Теперь Мак-Наббс смело мог утверждать, что у раненого не были затронуты главные органы.
Loss of blood accounted for the patient's extreme exhaustion.	Видимо, слабость его объяснялась лишь большой потерей крови.
The wound once closed and the hemorrhage stopped, time and rest would be all that was needed to complete his cure.	А раз кровотечение остановлено и рана затягивалась, для полного выздоровления нужны были только время и покой.
Lady Helena had insisted on giving up the first compartment of the wagon to him, which greatly tried his modesty.	Леди Элен настояла, чтобы Мюльреди оставался в первом, лучшем отделении повозки.

The poor fellow's greatest trouble was the delay his condition might cause Glenarvan, and he made him promise that they should leave him in the camp under Wilson's care, should the passage of the river become practicable.	Честному матросу было совестно. Он все думал, что из-за него может задержаться весь отряд, и добился обещания, что если будет найден способ переправы, то его оставят в лагере под присмотром Вильсона.
But, unfortunately, no passage was practicable, either that day or the next (January 17); Glenarvan was in despair.	К несчастью, не удалось переправиться ни в тот день, ни на следующий, 17 января. Такая задержка приводила Гленарвана в отчаяние.
Lady Helena and the Major vainly tried to calm him, and preached patience.	Напрасно леди Элен и майор пытались его успокоить и уговорить терпеливо выждать.
Patience, indeed, when perhaps at this very moment Ben Joyce was boarding the yacht; when the DUNCAN, loosing from her moorings, was getting up steam to reach the fatal coast, and each hour was bringing her nearer.	Выжидать, когда Бен Джойс, быть может, уже всходит в эту минуту на палубу яхты! Когда "Дункан", быть может, уже разводит пары и снимается с якоря, чтобы направиться к роковому для него восточному побережью!
John Mangles felt in his own breast all that Glenarvan was suffering.	Джон Манглс переживал те же муки, что и Гленарван.
He determined to conquer the difficulty at any price, and constructed a canoe in the Australian manner, with large sheets of bark of the gum-trees.	Поэтому, стремясь во что бы то ни стало преодолеть ставшее на пути препятствие, молодой капитан соорудил из больших кусков коры камедных деревьев нечто вроде пироги.
These sheets were kept together by bars of wood, and formed a very fragile boat.	Из этих легких пластов, скрепленных деревянными перекладинами, получилась хрупкая лодка.
The captain and the sailor made a trial trip in it during the day.	Днем 18 января капитан и матрос приступили к испытанию суденышка.
All that skill, and strength, and tact, and courage could do they did; but they were scarcely in the current before they were upside down, and nearly paid with their lives for the dangerous experiment.	Они проявили чудеса сноровки, силы, ловкости, отваги. Но, как только пирогу подхватило течение, она перевернулась, и храбрецы едва не поплатились жизнью за свою попытку.
The boat disappeared, dragged down by the eddy.	Пирога же, закрутившись в водовороте, исчезла.
John Mangles and Wilson had not gone ten fathoms, and the river was a mile broad, and swollen by the heavy rains and melted snows.	Джону Манглсу и Вильсону не удалось проплыть и десяти саженей по разлившейся на целую милю после дождей и таяния снегов реке.
Thus passed the 19th and 20th of January.	Дни 19 и 20 января не принесли ничего утешительного.
The Major and Glenarvan went five miles up the river in search of a favorable passage, but everywhere they found the same roaring, rushing, impetuous torrent. The whole southern slope of the Australian Alps poured its liquid masses into this single bed.	Майор и Гленарван поднялись вверх по течению на целых пять миль, но брода не нашли. Река всюду мчалась с той же бурной стремительностью: ведь в нее вливались все воды горных ручьев и речек южного склона Австралийских Альп.
All hope of saving the DUNCAN was now at an end.	Приходилось отказаться от надежды спасти "Дункан".
Five days had elapsed since the departure of Ben Joyce.	Со времени отъезда Бена Джойса прошло пять дней.

The yacht must be at this moment at the coast, and in the hands of the convicts.	Яхта, наверное, уже была у восточного побережья и в руках каторжников!
However, it was impossible that this state of things could last.	Однако такое положение вещей не могло длиться бесконечно.
The temporary influx would soon be exhausted, and the violence also.	Чем сильнее наводнение, тем быстрее оно кончается.
Indeed, on the morning of the 21st, Paganel announced that the water was already lower.	21-го утром Паганель заметил, что вода в Сноуи-Ривер начала спадать. Географ сообщил об этом Гленарвану.
"What does it matter now?" said Glenarvan. "It is too late!"	- Э, не все ли теперь равно! - ответил тот. - Слишком поздно!
"That is no reason for our staying longer here," said the Major.	- Это не основание, чтобы оставаться здесь, - заметил Мак-Наббс.
"Certainly not," replied John Mangles. "Perhaps tomorrow the river may be practicable."	- Конечно, - отозвался Джон Манглс. - Быть может, завтра можно будет переправиться.
"And will that save my unhappy men?" cried Glenarvan.	- Спасет ли это мою несчастную команду? - воскликнул Гленарван.
"Will your Lordship listen to me?" returned John Mangles. "I know Tom Austin.	- Прошу вас, милорд, выслушайте меня, - сказал молодой капитан. - Я хорошо знаю Тома Остина.
He would execute your orders, and set out as soon as departure was possible.	Он, конечно, выполнит приказ и уйдет в море, как только это станет возможным.
But who knows whether the DUNCAN was ready and her injury repaired on the arrival of Ben Joyce. And suppose the yacht could not go to sea; suppose there was a delay of a day, or two days."	Но откуда нам известно, вышла ли яхта из ремонта ко времени прибытия в Мельбурн Бена Джойса... А что, если нет? Что, если Остину пришлось на день, на два задержаться?
"You are right, John," replied Glenarvan. "We must get to Twofold Bay; we are only thirty-five miles from Delegete."	- Ты прав, Джон, - согласился Гленарван, - нужно добраться до Туфоллд-Бей. Мы ведь всего в тридцати пяти милях от Делегита!
"Yes," added Paganel, "and that's a town where we shall find rapid means of conveyance.	- А там, - сказал Паганель, - мы найдем быстрый транспорт.
Who knows whether we shan't arrive in time to prevent a catastrophe."	Как знать: быть может, мы еще успеем предупредить беду!
"Let us start," cried Glenarvan.	- Так в путь! - крикнул Гленарван.
John Mangles and Wilson instantly set to work to construct a canoe of larger dimensions.	Не теряя времени, Джон Манглс и Вильсон принялись строить большой плот.
Experience had proved that the bark was powerless against the violence of the torrent, and John accordingly felled some of the gum-trees, and made a rude but solid raft with the trunks.	Они уже убедились на опыте, что куски коры не могут выдержать сильного течения. И потому Джон Манглс срубил несколько камедных деревьев, из которых они и сбили грубый, но прочный плот.
It was a long task, and the day had gone before the work was ended.	Работы с этим плотом было немало, и он был закончен лишь на следующий день.
It was completed next morning.	К этому времени вода значительно понизилась.

By this time the waters had visibly diminished; the torrent had once more become a river, though a very rapid one, it is true.	Бурный поток опять становился рекой, правда очень быстрой, но все же рекой.
However, by pursuing a zigzag course, and overcoming it to a certain extent, John hoped to reach the opposite shore.	Джон надеялся, что, умело управляя и лавируя, он доведет плот до противоположного берега.
At half-past twelve, they embarked provisions enough for a couple of days.	В половине первого на плот погрузили столько провизии, сколько каждый мог унести с собой на два дня.
The remainder was left with the wagon and the tent.	Остальное бросили вместе с повозкой и палаткой.
Mulrady was doing well enough to be carried over; his convalescence was rapid.	Мюльреди настолько оправился, что его можно было взять с собой. Он быстро выздоравливал.
At one o'clock, they all seated themselves on the raft, still moored to the shore.	В час дня все взобрались на плот, пришвартованный к берегу.
John Mangles had installed himself at the starboard, and entrusted to Wilson a sort of oar to steady the raft against the current, and lessen the leeway. He took his own stand at the back, to steer by means of a large scull; but, notwithstanding their efforts, Wilson and John Mangles soon found themselves in an inverse position, which made the action of the oars impossible.	Джон Манглс установил на правой стороне нечто вроде весла, чтобы бороться с течением и не дать плоту отклоняться от нужного направления. Править веслом капитан поручил Вильсону. Сам же он рассчитывал, стоя сзади, управлять с помощью грубо сделанного кормового весла. Леди Элен, Мери Грант и Мюльреди разместились посередине плота. Гленарван, майор, Паганель и Роберт - вокруг них, чтобы, если понадобится, немедленно прийти им на помощь. - Все готово, Вильсон? - спросил капитан. - Все, капитан, - ответил Вильсон, взявшись мощной рукой за весло. - Будь начеку! Смотри, чтобы нас не относило течением! Джон Манглс отчалил и, оттолкнув плот от берега, пустил его по волнам. Первые саженей пятнадцать все шло хорошо. Вильсон успешно боролся с течением. Но вскоре плот попал в водовороты и завертелся так, что даже два весла не могли удержать его, как ни напрягали силы Джон Манглс и Вильсон.
There was no help for it; they could do nothing to arrest the gyratory movement of the raft; it turned round with dizzying rapidity, and drifted out of its course.	Приходилось покориться. Не было никакого способа остановить вращение плота. Его вертело с головокружительной быстротой и уносило по течению.
John Mangles stood with pale face and set teeth, gazing at the whirling current.	Джон Манглс, бледный, со сжатыми губами, стоял, не отрывая глаз от водоворотов.
However, the raft had reached the middle of the river, about half a mile from the starting point.	Постепенно плот вынесло на середину реки. Он находился полумилей ниже того места, откуда отчалил.
Here the current was extremely strong, and this broke the whirling eddy, and gave the raft some stability.	Здесь течение было еще сильнее, но так как оно разбивало водовороты, то плот стал несколько более устойчивым.

John and Wilson seized their oars again, and managed to push it in an oblique direction. This brought them nearer to the left shore.	Джон и Вильсон снова взялись за весла, и им удалось заставить плот двигаться к противоположному берегу, наискось перерезая реку.
They were not more than fifty fathoms from it, when Wilson's oar snapped short off, and the raft, no longer supported, was dragged away.	Они были уже саженях в пятидесяти от берега, как вдруг весло Вильсона сломалось. Их понесло по течению.
John tried to resist at the risk of breaking his own oar, too, and Wilson, with bleeding hands, seconded his efforts with all his might.	Джон, рискуя сломать и свое весло, изо всех сил пытался удержать плот. Вильсон, с окровавленными руками, бросился помогать капитану.
At last they succeeded, and the raft, after a passage of more than half an hour, struck against the steep bank of the opposite shore.	Наконец они победили, и после почти часа переправы плот ткнулся в крутой берег.
The shock was so violent that the logs became disunited, the cords broke, and the water bubbled up between.	Удар был силен: веревки лопнули, бревна разошлись, и на плот, бурля, ворвалась вода.
The travelers had barely time to catch hold of the steep bank. They dragged out Mulrady and the two dripping ladies.	Путешественники едва успели уцепиться за свисавшие над водой кусты и вытащить на берег промокших женщин и Мюльреди.
Everyone was safe; but the provisions and firearms, except the carbine of the Major, went drifting down with the DEBRIS of the raft.	Все уцелели, но большая часть провизии и все оружие, кроме карабина майора, были унесены течением вместе с обломками плота.
The river was crossed. The little company found themselves almost without provisions, thirty-five miles from Delegete, in the midst of the unknown deserts of the Victoria frontier.	Итак, после переправы маленький отряд очутился почти с пустыми руками в тридцати пяти милях от Делегита, в пустынном, неведомом краю.
Neither settlers nor squatters were to be met with; it was entirely uninhabited, unless by ferocious bushrangers and bandits.	Здесь не встретишь ни колонистов, ни скваттеров, разве что свирепых грабителей.
They resolved to set off without delay.	Решили сразу пуститься в дорогу.
Mulrady saw clearly that he would be a great drag on them, and he begged to be allowed to remain, and even to remain alone, till assistance could be sent from Delegete.	Мюльреди, понимая, что он будет обузой, просил, чтобы его оставили здесь, где он один подождет помощи из Делегита.
Glenarvan refused.	Гленарван отказал ему.
It would be three days before he could reach Delegete, and five the shore-that is to say, the 26th of January. Now, as the DUNCAN had left Melbourne on the 16th, what difference would a few days' delay make?	Они могли попасть в Делегит только через три дня, а на побережье - через пять, то есть не раньше 26 января. "Дункан" же должен был выйти из Мельбурна 16-го. Что значили при этом какие-то несколько часов промедления!
"No, my friend," he said, "I will not leave anyone behind.	- Нет, друг мой, - сказал Гленарван, - я тебя не брошу.
We will make a litter and carry you in turn."	Мы сделаем носилки и по очереди будем нести тебя.

The litter was made of boughs of eucalyptus covered with branches; and, whether he would or not, Mulrady was obliged to take his place on it.	Носилки сделали из крепких ветвей эвкалипта, и Мюльреди волей-неволей пришлось улечься на них.
Glenarvan would be the first to carry his sailor.	Гленарван захотел первым нести своего матроса.
He took hold of one end and Wilson of the other, and all set off.	Он взялся за носилки с одной стороны, Вильсон - с другой, и отряд двинулся в путь.
What a sad spectacle, and how lamentably was this expedition to end which had commenced so well.	Как печально было это зрелище! Как плохо кончалось так хорошо начатое путешествие!
They were no longer in search of Harry Grant.	Теперь шли не на поиски Гарри Гранта.
This continent, where he was not, and never had been, threatened to prove fatal to those who sought him.	Материк, где его не было и никогда не бывало, грозил стать роковым для тех, кто искал его следы.
And when these intrepid countrymen of his should reach the shore, they would find the DUNCAN waiting to take them home again.	И если даже его отважные соотечественники достигнут побережья, они уже не найдут там "Дункана", на котором могли бы вернуться на родину!
The first day passed silently and painfully.	В тягостном молчании прошел первый день пути.
Every ten minutes the litter changed bearers. All the sailor's comrades took their share in this task without murmuring, though the fatigue was augmented by the great heat.	У носилок сменялись каждые десять минут, и, хотя утомление усугублялось жарой, никто не жаловался.
In the evening, after a journey of only five miles, they camped under the gum-trees.	Вечером, пройдя пять миль, остановились в роще камедных деревьев.
The small store of provisions saved from the raft composed the evening meal.	Поужинали тем, что уцелело после крушения плота.
But all they had to depend upon now was the Major's carbine.	В дальнейшем можно было рассчитывать только на карабин майора.
It was a dark, rainy night, and morning seemed as if it would never dawn.	Ночь провели плохо, к тому же шел дождь. Путешественники едва дождались рассвета.
They set off again, but the Major could not find a chance of firing a shot. This fatal region was only a desert, unfrequented even by animals.	Снова двинулись в путь. Майору не удалось ничего подстрелить: этот злосчастный край был хуже любой пустыни - сюда не забегали и звери.
Fortunately, Robert discovered a bustard's nest with a dozen of large eggs in it, which Olbinett cooked on hot cinders.	К счастью, Роберт наткнулся на гнездо дрофы, в котором оказалось двенадцать крупных яиц. Олбинет испек их в горячей золе.
These, with a few roots of purslain which were growing at the bottom of a ravine, were all the breakfast of the 22d.	Эти печеные яйца да несколько сорванных в овраге стеблей портулака составили весь завтрак 22 января.
The route now became extremely difficult.	Дорога стала невероятно трудной.
The sandy plains were bristling with SPINIFEX, a prickly plant, which is called in Melbourne the porcupine.	Песчаные равнины были покрыты колючей травой спинифекс, называемой в Мельбурне "дикобраз".
It tears the clothing to rags, and makes the legs bleed.	Она рвала в клочья одежду и до крови царапала ноги.

The courageous ladies never complained, but footed it bravely, setting an example, and encouraging one and another by word or look.	Тем не менее отважные женщины, не жалуясь, шли вперед, подавая пример своим спутникам, подбадривая то одного, то другого словом или взглядом.
They stopped in the evening at Mount Bulla Bulla, on the edge of the Jungalla Creek.	Вечером остановились на привал у подножия горы Булла - Булла, на берегу горной речки Юнгалы.
The supper would have been very scant, if McNabbs had not killed a large rat, the mus conditor, which is highly spoken of as an article of diet.	Ужин был бы совсем плох, если бы Мак-Наббсу не удалось наконец подстрелить крупную крысу leporillus conditor, очень ценимую за вкусное мясо.
Olbinett roasted it, and it would have been pronounced even superior to its reputation had it equaled the sheep in size.	Олбинет зажарил ее. При всех ее достоинствах она все же была не с барана величиной.
They were obliged to be content with it, however, and it was devoured to the bones.	Пришлось довольствоваться и этим. Все косточки были обглоданы.
On the 23d the weary but still energetic travelers started off again.	23 января путешественники, утомленные, но по-прежнему полные решимости, снова зашагали вперед.
After having gone round the foot of the mountain, they crossed the long prairies where the grass seemed made of whalebone.	Обогнув подножие горы, они очутились на обширных лугах, поросших травой, похожей на китовый ус.
It was a tangle of darts, a medley of sharp little sticks, and a path had to be cut through either with the hatchet or fire.	Это было какое-то нагромождение колючек, какая-то живая стена острых штыков; приходилось прокладывать дорогу то топором, то огнем.
That morning there was not even a question of breakfast.	В то утро и не заводили речь о завтраке.
Nothing could be more barren than this region strewn with pieces of quartz.	Эта усеянная осколками кварца земля была воплощением бесплодия.
Not only hunger, but thirst began to assail the travelers. A burning atmosphere heightened their discomfort.	Помимо голода, путешественников жестоко мучила жажда, и эти муки еще усиливались страшной жарой.
Glenarvan and his friends could only go half a mile an hour.	За час едва проходили полмили.
Should this lack of food and water continue till evening, they would all sink on the road, never to rise again.	Продлись эти лишения до вечера, путешественники уже не имели бы сил держаться на ногах, а упав, уже не встали бы.
But when everything fails a man, and he finds himself without resources, at the very moment when he feels he must give up, then Providence steps in.	Но само провидение приходит на помощь людям, когда они, обессиленные, ждут скорой гибели.
Water presented itself in the CEPHALOTES, a species of cup-shaped flower, filled with refreshing liquid, which hung from the branches of coralliform-shaped bushes.	Напоило путешественников похожее на кораллы растение цефалот, цветы которого, как ковшики, были наполнены бесценной влагой.
They all quenched their thirst with these, and felt new life returning.	Все напились и почувствовали, что к ним вернулись силы.

The only food they could find was the same as the natives were forced to subsist upon, when they could find neither game, nor serpents, nor insects.	Накормило же их растение, к которому прибегают туземцы, когда не могут добыть ни дичи, ни насекомых, ни змей. Открыл его в пересохшем ручье горной речки Паганель.
Paganel discovered in the dry bed of a creek, a plant whose excellent properties had been frequently described by one of his colleagues in the Geographical Society.	Ученый не раз читал о замечательных свойствах этого растения в статьях одного из своих коллег по Географическому обществу.
It was the NARDOU, a cryptogamous plant of the family Marsilacea, and the same which kept Burke and King alive in the deserts of the interior.	То было нарду - тайнобрачное растение, то самое, которое поддерживало жизнь Бёрка и Кинга в пустынях Центральной Австралии.
Under its leaves, which resembled those of the trefoil, there were dried sporules as large as a lentil, and these sporules, when crushed between two stones, made a sort of flour.	Под его листьями, похожими на листья клевера, виднелись сухие споры величиной с чечевицу. Их растерли между двумя камнями - получилось нечто вроде муки.
This was converted into coarse bread, which stilled the pangs of hunger at least.	Из нее испекли грубый хлеб, и он позволил путешественникам утолить муки голода.
There was a great abundance of this plant growing in the district, and Olbinett gathered a large supply, so that they were sure of food for several days.	В этом месте нарду росло в изобилии, и Олбинет собрал его столько, что путешественникам была обеспечена пища на несколько дней.
The next day, the 24th, Mulrady was able to walk part of the way.	На следующий день Мюльреди оказался уже в силах пройти часть дороги пешком.
His wound was entirely cicatrized.	Его рана совершенно зажила.
The town of Delegete was not more than ten miles off, and that evening they camped in longitude 140 degrees, on the very frontier of New South Wales.	До города Делегита оставалось не более десяти миль. В тот вечер остановились под 149° долготы, на самой границе провинции Новый Южный Уэльс.
For some hours, a fine but penetrating rain had been falling.	Уже несколько часов шел мелкий дождик.
There would have been no shelter from this, if by chance John Mangles had not discovered a sawyer's hut, deserted and dilapidated to a degree.	Укрыться было негде, но и тут отряду повезло: Джон Манглс отыскал хижину, заброшенную и ветхую, в которой когда-то ночевали пильщики.
But with this miserable cabin they were obliged to be content.	Пришлось довольствоваться этим жалким шалашом из веток и соломы.
Wilson wanted to kindle a fire to prepare the NARDOU bread, and he went out to pick up the dead wood scattered all over the ground. But he found it would not light, the great quantity of albuminous matter which it contained prevented all combustion.	Вильсон пошел набрать валявшегося кругом хворосту, чтобы развести костер и испечь хлеб из нарду. Но разжечь этот хворост ему так и не удалось.
This is the incombustible wood put down by Paganel in his list of Australian products.	Это оказалось то самое огнестойкое дерево, о котором упоминал Паганель, перечисляя чудеса Австралии.
They had to dispense with fire, and consequently with food too, and sleep in their wet clothes, while the laughing jackasses, concealed in the high branches, seemed to ridicule the poor unfortunates.	Пришлось обойтись без костра, а следовательно, и без хлеба, и спать в сырой одежде. Прятавшиеся в верхушках деревьев птицы не переставали весело щебетать, словно издеваясь над несчастными путешественниками.

However, Glenarvan was nearly at the end of his sufferings.	Все же мучения отряда Гленарвана приближались к концу.
It was time.	Да и пора было.
The two young ladies were making heroic efforts, but their strength was hourly decreasing.	Молодые женщины делали героические усилия, но слабели с каждым часом.
They dragged themselves along, almost unable to walk.	Они уже не шли, а брели.
Next morning they started at daybreak.	На следующий день вышли на рассвете.
At 11 A. M. Delegete came in sight in the county of Wellesley, and fifty miles from Twofold Bay.	В одиннадцать часов утра показался наконец Делегит - городок графства Уэлси, находящийся в пятидесяти милях от Туфоллд-Бей.
Means of conveyance were quickly procured here.	В Делегите быстро нашлись средства передвижения.
Hope returned to Glenarvan as they approached the coast.	Гленарван приободрился при мысли, что он уже недалек от океана.
Perhaps there might have been some slight delay, and after all they might get there before the arrival of the DUNCAN.	Быть может, в самом деле что-нибудь задержало "Дункан", и он опередит приход яхты!
In twenty-four hours they would reach the bay.	Ведь уже через сутки он доберется до Туфоллд-Бей.
At noon, after a comfortable meal, all the travelers installed in a mail-coach, drawn by five strong horses, left Delegete at a gallop.	В полдень, после сытного завтрака, путешественники сели в почтовую карету, и пять сильных лошадей умчали их из Делегита.
The postilions, stimulated by a promise of a princely DOUCEUR, drove rapidly along over a well-kept road.	Кучер и форейторы, ожидая обещанного щедрого вознаграждения, гнали лошадей во весь дух, благо дорога была хорошей.
They did not lose a minute in changing horses, which took place every ten miles.	Они проворно перепрягали их на почтовых станциях, отстоявших на десять миль одна от другой.
It seemed as if they were infected with Glenarvan's zeal.	Казалось, нетерпение, пожиравшее Гленарвана, передалось и его возницам.
All that day, and night, too, they traveled on at the rate of six miles an hour.	Так, делая по шести миль в час, неслись весь день и всю ночь.
In the morning at sunrise, a dull murmur fell on their ears, and announced their approach to the Indian Ocean.	Назавтра, при первых проблесках зари, глухой рокот волн возвестил о близости океана.
They required to go round the bay to gain the coast at the 37th parallel, the exact point where Tom Austin was to wait their arrival.	Надо было обогнуть бухту, чтобы доехать до того места берега у тридцать седьмой параллели, где Том Остин должен был ждать путешественников.
When the sea appeared, all eyes anxiously gazed at the offing.	Когда перед ними развернулось море, все взоры устремились вдаль, ища "Дункан".
Was the DUNCAN, by a miracle of Providence, there running close to the shore, as a month ago, when they crossed Cape Corrientes, they had found her on the Argentine coast?	Вдруг яхта каким-то чудом лавирует здесь, подобно тому, как месяц назад она лавировала у мыса Корриентес, близ аргентинских берегов!

They saw nothing.	Но ничего не было видно.
Sky and earth mingled in the same horizon.	Лишь вода и небо, сливавшиеся у горизонта.
Not a sail enlivened the vast stretch of ocean.	Ни один парус не оживлял бесконечного океана.
One hope still remained. Perhaps Tom Austin had thought it his duty to cast anchor in Twofold Bay, for the sea was heavy, and a ship would not dare to venture near the shore.	Оставалась еще одна надежда: быть может, Том Остин бросил якорь в Туфоллд-Бей - море было бурно, и лавировать у открытых берегов небезопасно.
"To Eden!" cried Glenarvan.	- В Идеи! - приказал Гленарван.
Immediately the mail-coach resumed the route round the bay, toward the little town of Eden, five miles distant.	Почтовая карета свернула направо и понеслась по дороге вдоль берега бухты к маленькому городку Идеи. До него было пять миль.
The postilions stopped not far from the lighthouse, which marks the entrance of the port.	Кучер остановился невдалеке от маяка, указывавшего вход в порт.
Several vessels were moored in the roadstead, but none of them bore the flag of Malcolm.	На рейде стояло на якоре несколько судов, но ни на одном из них не развевался флаг Малькольма.
Glenarvan, John Mangles, and Paganel got out of the coach, and rushed to the custom-house, to inquire about the arrival of vessels within the last few days.	Гленарван, Джон Манглс и Паганель, выпрыгнув из кареты, побежали на таможню. Они расспросили служащих и справились по книге о судах, прибывших в порт за последние дни.
No ship had touched the bay for a week.	Оказалось, что за всю неделю ни одно новое судно не входило в порт.
"Perhaps the yacht has not started," Glenarvan said, a sudden revulsion of feeling lifting him from despair. "Perhaps we have arrived first."	- Может быть, "Дункан" еще не вышел из Мельбурна? - воскликнул Гленарван, цепляясь за последнюю надежду. - Вдруг мы прибыли раньше него?
John Mangles shook his head.	Джон Манглс покачал головой.
He knew Tom Austin.	Капитан знал своего помощника.
His first mate would not delay the execution of an order for ten days.	Том Остин ни в коем случае не мог бы медлить десять дней с выполнением приказа.
"I must know at all events how they stand," said Glenarvan. "Better certainty than doubt."	- Я хочу убедиться, - сказал Гленарван. - Уверенность лучше, чем сомнение.
A quarter of an hour afterward a telegram was sent to the syndicate of shipbrokers in Melbourne.	Четверть часа спустя была послана телеграмма судовому маклеру в Мельбурн.
The whole party then repaired to the Victoria Hotel.	Затем Гленарван приказал кучеру ехать в гостиницу "Виктория".
At 2 P.M. the following telegraphic reply was received: "LORD GLENARVAN, Eden.	В два часа дня лорду Гленарвану была вручена ответная телеграмма следующего содержания:
"Twofold Bay. "The DUNCAN left on the 16th current. Destination unknown. J. ANDREWS, S. B."	ЛОРДУ ГЛЕНАРВАНУ, ИДЕН, ТУФОЛЛД-БЕЙ. "ДУНКАН" УШЕЛ В МОРЕ 18-го ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ. Дж. Эндрю, судовой маклер.
The telegram dropped from Glenarvan's hands.	Телеграмма выпала из рук Гленарвана.
There was no doubt now.	Никаких сомнений!

The good, honest Scotch yacht was now a pirate ship in the hands of Ben Joyce!	Мирная шотландская яхта попала в руки Бена Джойса и стала пиратским судном.
So ended this journey across Australia, which had commenced under circumstances so favorable.	Так закончился этот переход через Австралию, начало которого было столь обнадеживающим.
All trace of Captain Grant and his shipwrecked men seemed to be irrevocably lost.	Следы капитана Гранта и его матросов были, кажется, безвозвратно потеряны.
This ill success had cost the loss of a ship's crew.	Эта неудача стоила жизни всей команде "Дункана".
Lord Glenarvan had been vanquished in the strife; and the courageous searchers, whom the unfriendly elements of the Pampas had been unable to check, had been conquered on the Australian shore by the perversity of man.	Лорд Гленарван потерпел поражение, и этого отважного человека, которого недавно в пампасах не заставили отступить все стихии, здесь, в Австралии, победила человеческая низость.
CHAPTER I A ROUGH CAPTAIN	ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Глава I "МАККУОРИ"
IF ever the searchers after Captain Grant were tempted to despair, surely it was at this moment when all their hopes were destroyed at a blow.	Если когда-нибудь разыскивавшие капитана Гранта должны были отчаяться увидеть его, то не в эти ли дни, когда рухнуло все сразу?
Toward what quarter of the world should they direct their endeavors?	В какую часть света снаряжать новую экспедицию?
How were they to explore new countries?	Каким образом достигнуть новых земель?
The DUNCAN was no longer available, and even an immediate return to their own land was out of the question.	Ведь "Дункана" больше не существовало, и даже нельзя было немедленно вернуться на родину.
Thus the enterprise of these generous Scots had failed!	Итак, предприятие великодушных шотландцев потерпело неудачу.
Failed! a despairing word that finds no echo in a brave soul; and yet under the repeated blows of adverse fate, Glenarvan himself was compelled to acknowledge his inability to prosecute his devoted efforts.	Неудача! Печальное слово, которое не находит отклика в душе мужественного человека. И все же Гленарван был вынужден сознаться в бессилии продолжать это самоотверженное дело.
Mary Grant at this crisis nerved herself to the resolution never to utter the name of her father.	В столь тяжелой обстановке Мери Грант имела мужество не упоминать имени отца.
She suppressed her own anguish, when she thought of the unfortunate crew who had perished.	Она сдерживала свои душевные муки, думая о несчастной погибшей команде "Дункана".
The daughter was merged in the friend, and she now took upon her to console Lady Glenarvan, who till now had been her faithful comforter.	Теперь она утешала леди Элен, прежде утешавшую ее.
She was the first to speak of returning to Scotland.	Мери первая заговорила о возвращении в Шотландию.
John Mangles was filled with admiration at seeing her so courageous and so resigned.	Джон Манглс, видя, с каким мужеством девушка безропотно покоряется своей судьбе, восхищался ею.
He wanted to say a word further in the Captain's interest, but Mary stopped him with a glance, and afterward said to him:	Он хотел сказать, что капитана Гранта еще можно найти, но Мери взглядом остановила его, а через некоторое время сказала ему.

"No, Mr. John, we must think of those who ventured their lives.	- Нет, мистер Джон, теперь нужно думать о тех, кто жертвовал собой.
Lord Glenarvan must return to Europe!"	Лорду Гленарвану необходимо возвращаться в Европу.
"You are right, Miss Mary," answered John Mangles; "he must.	- Вы правы, мисс Мери, - ответил Джон Манглс, - это необходимо.
Beside, the English authorities must be informed of the fate of the DUNCAN.	Необходимо также, чтобы английские власти были уведомлены о судьбе "Дункана".
But do not despair.	Но не теряйте надежды.
Rather than abandon our search I will resume it alone!	Я не брошу начатых нами поисков - буду продолжать их один.
I will either find Captain Grant or perish in the attempt!"	Или я найду капитана Гранта, или погибну сам!
It was a serious undertaking to which John Mangles bound himself; Mary accepted, and gave her hand to the young captain, as if to ratify the treaty.	Обязательство, которое брал на себя Джон Манглс, было нешуточное. Мери приняла его и протянула руку молодому капитану, как бы желая скрепить этот договор.
On John Mangles' side it was a life's devotion; on Mary's undying gratitude.	Джон самоотверженно ставил на карту свою жизнь, и Мери отвечала ему бесконечной благодарностью.
During that day, their departure was finally arranged; they resolved to reach Melbourne without delay.	В этот день было окончательно решено вернуться на родину. Решили без промедления добираться до Мельбурна.
Next day John went to inquire about the ships ready to sail.	На следующее утро Джон Манглс отправился узнать, какие корабли отплывают туда.
He expected to find frequent communication between Eden and Victoria.	Молодой капитан полагал, что между Иденом и столицей провинции Виктория постоянное сообщение.
He was disappointed; ships were scarce.	Однако его ожидания не оправдались: суда ходили редко.
Three or four vessels, anchored in Twofold Bay, constituted the mercantile fleet of the place; none of them were bound for Melbourne, nor Sydney, nor Point de Galle, at any of which ports Glenarvan would have found ships loading for England.	Три или четыре судна, стоявшие на якоре в порту, составляли весь местный торговый флот. И ни одно из них не шло ни в Мельбурн, ни в Сидней, ни в Пойнт-де-Галл. А только из этих трех портов и можно было отплыть в Англию.
In fact, the Peninsular and Oriental Company has a regular line of packets between these points and England.	Пароходы морской компании связывали их с метрополией.
Under these circumstances, what was to be done?	Что тут было делать? Ждать подходящего судна?
Waiting for a ship might be a tedious affair, for Twofold Bay is not much frequented.	Но можно было задержаться надолго, ибо Туфоллд-Бей не так часто посещают суда.
Numbers of ships pass by without touching.	Сколько их проходит в открытом море, не заходя в бухту!

After due reflection and discussion, Glenarvan had nearly decided to follow the coast road to Sydney, when Paganel made an unexpected proposition.	Все обсудив и обдумав, Гленарван уже решил было ехать в Сидней сухим путем, как вдруг Паганель сделал неожиданное предложение.
The geographer had visited Twofold Bay on his own account, and was aware that there were no means of transport for Sydney or Melbourne.	Географ также побывал в Туфоллд-Бей и узнал, что там не было судов, идущих на Мельбурн и Сидней.
But of the three vessels anchored in the roadstead one was loading for Auckland, the capital of the northern island of New Zealand.	Но один бриг, стоявший на рейде, готовился к отплытию в Окленд, столицу Те-Ика-а-Мауи, Северного острова Новой Зеландии.
Paganel's proposal was to take the ship in question, and get to Auckland, whence it would be easy to return to Europe by the boats of the Peninsular and Oriental Company.	Паганель предлагал зафрахтовать этот бриг и плыть на нем в Окленд, откуда легко будет вернуться в Европу, так как порт этот связан с ней регулярными рейсами.
This proposition was taken into serious consideration.	Это предложение заслуживало внимания.
Paganel on this occasion dispensed with the volley of arguments he generally indulged in.	К тому же Паганель, вопреки своему обыкновению, не стал приводить бесчисленные доводы в его пользу.
He confined himself to the bare proposition, adding that the voyage to New Zealand was only five or six days-the distance, in fact, being only about a thousand miles.	Он только изложил суть дела и прибавил, что переход займет не более пяти-шести дней. Действительно, от Австралии до Новой Зеландии не больше тысячи миль.
By a singular coincidence Auckland is situated on the self-same parallel-the thirty-seventh-which the explorers had perseveringly followed since they left the coast of Araucania.	По какому-то странному совпадению, Окленд находился на той самой тридцать седьмой параллели, которой от самой Араукании так упорно придерживались путешественники.
Paganel might fairly have used this as an argument in favor of his scheme; in fact, it was a natural opportunity of visiting the shores of New Zealand.	Конечно, географ, не рискуя быть обвиненным в эгоизме, мог бы прибегнуть к этому выгодному для него доводу. Ведь попутно это давало ему возможность посетить берега Новой Зеландии.
But Paganel did not lay stress on this argument.	Однако Паганель не воспользовался таким полезным аргументом.
After two mistakes, he probably hesitated to attempt a third interpretation of the document.	После двух неудач он не отважился предложить еще новое, третье толкование документа.
Besides, what could he make of it?	Да это было и невозможно.
It said positively that a "continent" had served as a refuge for Captain Grant, not an island.	Ведь в документе определенно сказано, что капитан' Грант нашел убежище на континенте, а не на острове.
Now, New Zealand was nothing but an island.	Новая Зеландия - только остров.
This seemed decisive.	Это было бесспорно.
Whether, for this reason, or for some other, Paganel did not connect any idea of further search with this proposition of reaching Auckland.	Во всяком случае, по этой ли причине или по иной, но, предлагая отправиться в Окленд, Паганель не упоминал ни словом, ни делом о новых поисках.
He merely observed that regular communication existed between that point and Great Britain, and that it was easy to take advantage of it.	Он только заметил, что между этим городом и Великобританией имеется регулярное сообщение, чем легко можно будет воспользоваться.

John Mangles supported Paganel's proposal.	Джон Манглс поддержал предложение Паганеля.
He advised its adoption, as it was hopeless to await the problematical arrival of a vessel in Twofold Bay.	Он советовал принять его, потому что неизвестно, сколько пришлось бы ждать в Туфоллд-Бей подходящего судна.
But before coming to any decision, he thought it best to visit the ship mentioned by the geographer.	Он счел нужным побывать на бриге, о котором говорил географ.
Glenarvan, the Major, Paganel, Robert, and Mangles himself, took a boat, and a few strokes brought them alongside the ship anchored two cables' length from the quay.	И вот Гленарван, майор, Паганель, Роберт и молодой капитан сели в лодку и в несколько взмахов весел подплыли к судну, стоявшему на якоре в двух кабельтовых от берега.
It was a brig of 150 tons, named the MACQUARIE.	Это был бриг вместимостью в двести пятьдесят тонн, носивший название "Маккуори".
It was engaged in the coasting trade between the various ports of Australia and New Zealand.	Он совершал рейсы между различными портами Австралии и Новой Зеландии.
The captain, or rather the "master," received his visitors gruffly enough.	Капитан, или, вернее сказать, хозяин брига, принял посетителей довольно грубо.
They perceived that they had to do with a man of no education, and whose manners were in no degree superior to those of the five sailors of his crew.	Они тотчас же увидели, что имеют дело с человеком невоспитанным, мало чем отличающимся от своих пяти матросов.
With a coarse, red face, thick hands, and a broken nose, blind of an eye, and his lips stained with the pipe, Will Halley was a sadly brutal looking person.	У него была толстая красная физиономия, грубые руки, приплюснутый нос, вытекший глаз, рот в табаке; все это да еще и зверский вид в придачу делало Уилла Холли малоприятным человеком.
But they had no choice, and for so short a voyage it was not necessary to be very particular.	Но выбора не было, и вообще для перехода в несколько дней можно быть и не особенно требовательным.
"What do you want?" asked Will Halley, when the strangers stepped on the poop of his ship.	- Эй, вы там! Что вам нужно? - крикнул Уилл Холли незнакомцам, всходившим на палубу его брига.
"The captain," answered John Mangles. "I am the captain," said Halley. "What else do you want?"	- Вы капитан? - спросил Джон Манглс. - Я, - ответил Холли. - Что дальше?
"The MACQUARIE is loading for Auckland, I believe?"	- Скажите, "Маккуори" идет с грузом в Окленд?
"Yes.	- Да!
What else?"	Что дальше?
"What does she carry?"	- Что он везет?
"Everything salable and purchasable.	- Все, что продается и покупается.
What else?"	Что дальше?
"When does she sail?"	- Когда он отчаливает?
"To-morrow at the mid-day tide.	- Завтра в полдень, с отливом.
What else?"	Что дальше?
"Does she take passengers?"	- Взяли бы вы пассажиров?

"That depends on who the passengers are, and whether they are satisfied with the ship's mess."	- Смотря каких, и притом если они согласятся есть из общего судового котла.
"They would bring their own provisions."	- У них будет своя провизия.
"What else?"	- Дальше!
"What else?"	- Дальше?
"Yes.	- Да.
How many are there?"	Сколько их?
"Nine; two of them are ladies."	- Девять, из них две дамы.
"I have no cabins."	- У меня нет кают.
"We will manage with such space as may be left at their disposal."	- Они удовольствуются предоставленной им рубкой.
"What else?"	- Что дальше?
"Do you agree?" said John Mangles, who was not in the least put out by the captain's peculiarities.	- Вы согласны? - спросил Джон Манглс, которого нисколько не смущали повадки капитана.
"We'll see," said the master of the MACQUARIE.	- Подумать надо, - пробурчал хозяин "Маккуори".
Will Halley took two or three turns on the poop, making it resound with iron-heeled boots, and then he turned abruptly to John Mangles.	Уилл Холли прошелся раза два по палубе, стуча своими грубыми, подбитыми гвоздями сапожищами, а затем, круто остановившись перед Джоном Манглсом, бросил:
"What would you pay?" said he.	- Сколько даете?
"What do you ask?" replied John.	- Сколько хотите? - спросил Джон.
"Fifty pounds."	- Пятьдесят фунтов.
Glenarvan looked consent.	Гленарван кивнул в знак согласия.
"Very good! Fifty pounds," replied John Mangles.	- Ладно, - ответил Джон Манглс, - идет: пятьдесят фунтов.
"But passage only," added Halley.	- Только за проезд!
"Yes, passage only."	- Только.
"Food extra."	- Харчи свои!
"Extra."	- Свои.
"Agreed.	- Уговорились.
And now," said Will, putting out his hand, "what about the deposit money?"	Дальше! - буркнул Холли. - Что еще? - Задаток.
"Here is half of the passage-money, twenty-five pounds," said Mangles, counting out the sum to the master.	- Вот вам половина - двадцать пять фунтов, - сказал Джон Манглс, отсчитывая хозяину брига деньги... Холли засунул их в карман, не найдя нужным поблагодарить.
"All aboard to-morrow," said he, "before noon.	- Быть завтра на судне! До полудня.
Whether or no, I weigh anchor."	Будете, нет ли - снимаюсь с якоря.
"We will be punctual."	- Будем.

This said, Glenarvan, the Major, Robert, Paganel, and John Mangles left the ship, Halley not so much as touching the oilskin that adorned his red locks.	Закончив переговоры, Гленарван, майор, Роберт, Паганель и Джон Манглс покинули судно, причем Уилл Холли не соблаговолил даже пальцем прикоснуться к своей клеенчатой шляпе, покрывавшей его рыжие всклокоченные волосы.
"What a brute," exclaimed John.	- Какой грубиян! - вырвалось у Джона Манглса.
"He will do," answered Paganel. "He is a regular sea-wolf."	- А мне он по вкусу, - возразил Паганель. - Настоящий морской волк!
"A downright bear!" added the Major.	- Скорее - медведь, - отозвался майор.
"I fancy," said John Mangles, "that the said bear has dealt in human flesh in his time."	- И я думаю, что этот медведь торговал в свое время рабами, - прибавил Джон Манглс.
"What matter?" answered Glenarvan, "as long as he commands the MACQUARIE, and the MACQUARIE goes to New Zealand.	- Не все ли равно? - отозвался Гленарван. - Важно лишь то, что он капитан "Маккуори", а "Маккуори" идет в Новую Зеландию.
From Twofold Bay to Auckland we shall not see much of him; after Auckland we shall see him no more."	От Туфоллд-Бей до Окленда мы будем видеть его мельком, а после Окленда и совсем больше не увидим.
Lady Helena and Mary Grant were delighted to hear that their departure was arranged for to-morrow.	Леди Элен и Мери Грант были рады узнать, что отъезд назначен на завтра.
Glenarvan warned them that the MACQUARIE was inferior in comfort to the DUNCAN.	Гленарван предупредил их, что на "Маккуори" у них не будет таких удобств, как на "Дункане".
But after what they had gone through, they were indifferent to trifling annoyances.	Но после всех испытаний такой пустяк не мог смутить женщин. Олбинету было поручено позаботиться о провизии. Бедняга оплакивал свою несчастную жену, которая осталась на яхте и, значит, сделалась жертвой свирепых каторжников вместе со всем экипажем. Однако Олбинет выполнил обязанности стюарда с обычным усердием, и "харчи", припасенные им, состояли из отборных продуктов, каких на бриге не водилось. В несколько часов закупки были окончены. В это время майор получил деньги по чекам Гленарвана на Мельбурнский объединенный банк. Он не желал остаться без денег. Без оружия и патронов тоже. Поэтому он обновил свой арсенал. Что же касается Паганеля, то ему удалось добыть прекрасную карту Новой Зеландии, составленную Джонсоном. Мюльреди совсем поправился. Рана, которая угрожала его жизни, теперь почти не чувствовалась. Морской переход должен был окончательно восстановить его силы. Он рассчитывал полечиться ветрами Тихого океана.
Wilson was told off to arrange the accommodation on board the MACQUARIE.	Вильсону было поручено подготовить на "Маккуори" помещения для пассажиров.
Under his busy brush and broom things soon changed their aspect.	После его щетки и метлы рубка брига стала неузнаваемой.
Will Halley shrugged his shoulders, and let the sailor have his way.	Уилл Холли пожимал плечами, но предоставлял ему действовать по его усмотрению.

Glenarvan and his party gave him no concern.	Гленарван с его спутниками и спутницами не интересовал капитана.
He neither knew, nor cared to know, their names.	Он даже не знал имен своих пассажиров и не спрашивал их.
His new freight represented fifty pounds, and he rated it far below the two hundred tons of cured hides which were stowed away in his hold.	Эта прибавка к грузу дала ему лишних пятьдесят фунтов стерлингов - вот и все. В его глазах более заслуживали внимания двести тонн дубленой кожи, до отказа переполнившей его трюм.
Skins first, men after.	На первом месте кожа, люди - на втором.
He was a merchant.	Он был, прежде всего, торговцем.
As to his sailor qualification, he was said to be skillful enough in navigating these seas, whose reefs make them very dangerous.	Но все же его считали довольно опытным моряком, хорошо знающим здешние моря, столь опасные из-за коралловых рифов.
As the day drew to a close, Glenarvan had a desire to go again to the point on the coast cut by the 37th parallel.	Гленарван задумал использовать последние часы дня накануне отплытия для того, чтобы еще раз побывать на побережье под тридцать седьмой параллелью.
Two motives prompted him.	У него были на это две причины.
He wanted to examine once more the presumed scene of the wreck.	Ему хотелось еще раз осмотреть место, где могло быть крушение "Британии".
Ayrton had certainly been quartermaster on the BRITANNIA, and the BRITANNIA might have been lost on this part of the Australian coast; on the east coast if not on the west.	Ведь Айртон действительно был боцманом на ней, и она действительно могла разбиться у этой части побережья Австралии - не западного, а восточного.
It would not do to leave without thorough investigation, a locality which they were never to revisit.	Было бы легкомысленно, навсегда покидая страну, не обследовать это место.
And then, failing the BRITANNIA, the DUNCAN certainly had fallen into the hands of the convicts.	Затем, если даже "Британии" там никогда не было, то уж "Дункан" попал в руки каторжников именно у этого берега.
Perhaps there had been a fight?	Быть может, завязался бой.
There might yet be found on the coast traces of a struggle, a last resistance.	Разве нельзя было надеяться найти там следы борьбы, последнего сопротивления?
If the crew had perished among the waves, the waves probably had thrown some bodies on the shore.	Если команда погибла в море, разве не могли волны выбросить на берег трупы?
Glenarvan, accompanied by his faithful John, went to carry out the final search.	И Гленарван вместе с Джоном Манглсом отправился на разведку.
The landlord of the Victoria Hotel lent them two horses, and they set out on the northern road that skirts Twofold Bay.	Хозяин гостиницы "Виктория" предоставил в их распоряжение двух верховых лошадей, и они снова пустились на север по дороге, огибавшей Туфоллд-Бей.
It was a melancholy journey.	Печальной была эта разведка.
Glenarvan and Captain John trotted along without speaking, but they understood each other.	Гленарван и капитан Джон Манглс ехали молча, но каждый понимал другого.

The same thoughts, the same anguish harrowed both their hearts.	Одни и те же мысли, а стало быть, одни и те же тревоги мучили их обоих.
They looked at the sea-worn rocks; they needed no words of question or answer.	Они всматривались в утесы, подточенные морем. Им не о чем было спрашивать друг друга и нечего отвечать.
John's well-tried zeal and intelligence were a guarantee that every point was scrupulously examined, the least likely places, as well as the sloping beaches and sandy plains where even the slight tides of the Pacific might have thrown some fragments of wreck.	Положась на усердие и сообразительность Джона Манглса, можно смело утверждать, что весь берег был исследован самым тщательным образом. Не были пропущены ни одна бухточка, ни один покатый пляж, ни одна песчаная отмель, куда прилив Тихого океана, правда не очень сильный, мог выбросить обломки корабля.
But no indication was seen that could suggest further search in that quarter-all trace of the wreck escaped them still.	Но не нашлось решительно ничего такого, что дало бы основание начать в этих местах новые поиски. След "Британии" снова потерян.
As to the DUNCAN, no trace either.	Не нашли и следов "Дункана".
All that part of Australia, bordering the ocean, was desert.	Вся эта часть австралийского побережья была пустынна.
Still John Mangles discovered on the skirts of the shore evident traces of camping, remains of fires recently kindled under solitary Myall-trees.	Однако Джон Манглс наткнулся невдалеке от берега на несомненные следы какого-то лагеря: обуглившиеся поленья недавнего костра.
Had a tribe of wandering blacks passed that way lately?	Может быть, тут несколько дней назад кочевало какое-нибудь туземное племя?
No, for Glenarvan saw a token which furnished incontestable proof that the convicts had frequented that part of the coast.	Нет, Гленарвану бросилось в глаза нечто безусловно свидетельствовавшее о том, что здесь были каторжники.
This token was a grey and yellow garment worn and patched, an ill-omened rag thrown down at the foot of a tree.	Это была брошенная под деревом желто-серая изношенная, заплатанная куртка.
It bore the convict's original number at the Perth Penitentiary.	На зловещих лохмотьях виднелся номер узника Пертской исправительной тюрьмы.
The felon was not there, but his filthy garments betrayed his passage.	Каторжника уже не было, но мерзкое тряпье говорило о его недавнем присутствии.
This livery of crime, after having clothed some miscreant, was now decaying on this desert shore.	Эта ливрея каторги, побывав на плечах какого-то негодяя, теперь догнивала на пустынном побережье.
"You see, John," said Glenarvan, "the convicts got as far as here! and our poor comrades of the DUNCAN-"	- Видишь, Джон, - сказал Гленарван, - каторжники добрались сюда. А вот где-то наши бедные товарищи с "Дункана"?
"Yes," said John, in a low voice, "they never landed, they perished!"	- Да, - ответил молодой капитан глухим голосом, - ясно, что их не высадили и они погибли!..
"Those wretches!" cried Glenarvan.	- Презренные негодяи!
"If ever they fall into my hands I will avenge my crew-"	Попадись они только в мои руки, я отомщу им за свою команду! - воскликнул Гленарван.
Grief had hardened Glenarvan's features.	Горе сделало черты лица Гленарвана более жесткими.

For some minutes he gazed at the expanse before him, as if taking a last look at some ship disappearing in the distance.	Несколько минут он не отрывал взора от горизонта, будто надеясь увидеть затерявшееся в беспредельных пространствах океана судно.
Then his eyes became dim; he recovered himself in a moment, and without a word or look, set off at a gallop toward Eden.	Мало-помалу гнев потух в глазах Гленарвана. Он пришел в себя и, не прибавив ни слова, ни жеста, во весь опор поскакал обратно в Идеи. Оставалось выполнить еще одну формальность - заявить обо всем случившемся в полицию. Это было сделано в тот же вечер. Чиновник Томас Бенкс, составляя протокол, едва мог скрыть свое удовольствие. Бенкс просто был в восторге, узнав, что Бен Джойс со своей шайкой убрался прочь. И этот восторг разделял с ним весь город. Правда, каторжники покинули Австралию, совершив еще новое преступление, но все же они ее покинули. Важная новость была немедленно передана по телеграфу властям в Мельбурн и Сидней. Гленарван, покончив с этим делом, вернулся в гостиницу "Виктория".
The wanderers passed their last evening sadly enough.	Грустно провели путешественники свой последний вечер в Австралии.
Their thoughts recalled all the misfortunes they had encountered in this country.	Мысли их невольно блуждали по стране, принесшей им столько несчастий.
They remembered how full of well-warranted hope they had been at Cape Bernouilli, and how cruelly disappointed at Twofold Bay!	Вспоминались те, казалось бы, основательные надежды, которые засияли им у мыса Бернулли и которые так жестоко разбились в Туфоллд-Бей.
Paganel was full of feverish agitation.	Паганель был в каком-то лихорадочно-возбужденном состоянии.
John Mangles, who had watched him since the affair at Snowy River, felt that the geographer was hesitating whether to speak or not to speak.	Джон Манглс, наблюдавший за ним с самого происшествия на Сноуи-Ривер, чувствовал, что географ что-то и хочет и не хочет сказать.
A thousand times he had pressed him with questions, and failed in obtaining an answer.	Много раз он осаждал его вопросами, но так ничего и не добился.
But that evening, John, in lighting him to his room, asked him why he was so nervous.	Все же в этот вечер, провожая ученого в его комнату, Джон спросил, почему он сегодня так нервничает.
"Friend John," said Paganel, evasively, "I am not more nervous to-night than I always am."	- Джон, друг мой, - ответил уклончиво географ, - мои нервы в том же состоянии, как и всегда.
"Mr. Paganel," answered John, "you have a secret that chokes you."	- Господин Паганель, - не отступал Джон, - у вас есть секрет, и он вас мучит!
"Well!" cried the geographer, gesticulating, "what can I do? It is stronger than I!"	- Но что же я могу с этим поделать? - крикнул, отчаянно всплеснув руками, географ.
"What is stronger?"	- О чем вы говорите?
"My joy on the one hand, my despair on the other."	- О своей радости - с одной стороны, и отчаянии - с другой.
"You rejoice and despair at the same time!"	- Вы одновременно и радуетесь и приходите в отчаяние?

"Yes; at the idea of visiting New Zealand."	- Да, я и радуюсь и в отчаянии, что попаду в Новую Зеландию.
"Why! have you any trace?" asked John, eagerly. "Have you recovered the lost tracks?"	- Нет ли у вас каких-нибудь новых соображений? - с живостью спросил Джон Манглс. - Уж не напали ли вы опять на следы капитана Гранта?
"No, friend John.	- Нет, друг Джон!
No one returns from New Zealand; but still-you know human nature. All we want to nourish hope is breath.	Из Новой Зеландии не возвращаются. Однако ж... Словом, вы знаете человеческую натуру: пока дышишь - надеешься.
My device is 'Spiro spero,' and it is the best motto in the world!"	И мой девиз: "spiro - spero", лучший девиз на свете!
CHAPTER II NAVIGATORS AND THEIR DISCOVERIES	Глава II ПРОШЛОЕ ТОЙ СТРАНЫ, КУДА НАПРАВЛЯЮТСЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
NEXT day, the 27th of January, the passengers of the MACQUARIE were installed on board the brig.	На следующий день, 27 января, пассажиры брига "Маккуори" расположились в его тесной рубке.
Will Halley had not offered his cabin to his lady passengers. This omission was the less to be deplored, for the den was worthy of the bear.	Уилл Холли, конечно, не предложил женщинам своей каюты, но об этом жалеть не приходилось, ибо эта берлога была достойна медведя, который в ней жил.
At half past twelve the anchor was weighed, having been loosed from its holding-ground with some difficulty.	В половине первого дня, при наступлении отлива, стали сниматься с якоря. Лишь с большим трудом удалось оторвать его ото дна.
A moderate breeze was blowing from the southwest.	С юго-запада дул умеренный ветер.
The sails were gradually unfurled; the five hands made slow work.	Стали ставить паруса. Пятеро матросов брига не торопились.
Wilson offered to assist the crew; but Halley begged him to be quiet and not to interfere with what did not concern him.	Вильсон хотел было помочь команде, но Холли остановил его, грубо сказав, чтобы он не вмешивался не в свое дело.
He was accustomed to manage his own affairs, and required neither assistance nor advice.	Он, Холли, привык сам со всем справляться и не просит ни помощи, ни советов.
This was aimed at John Mangles, who had smiled at the clumsiness of some maneuver.	Последнее относилось к Джону Манглсу. Молодой капитан, видя, до чего неискусно орудуют матросы снастями, не мог порой не улыбаться.
John took the hint, but mentally resolved that he would nevertheless hold himself in readiness in case the incapacity of the crew should endanger the safety of the vessel.	Джон понял намек Холли и решил, что вмешается, хотя бы и непрошеным, лишь в том случае, если судну из-за неловкости команды будет грозить опасность.
However, in time, the sails were adjusted by the five sailors, aided by the stimulus of the captain's oaths.	Наконец пятеро матросов, понукаемые бранными окриками хозяина, все-таки подняли все паруса.
The MACQUARIE stood out to sea on the larboard tack, under all her lower sails, topsails, topgallants, cross-jack, and jib. By and by, the other sails were hoisted.	"Маккуори" под нижними парусами, марселями, брамселями, бизанью и кливерами вышел левым галсом в открытое море.

But in spite of this additional canvas the brig made very little way.	Но несмотря на обилие парусов, бриг едва двигался.
Her rounded bow, the width of her hold, and her heavy stern, made her a bad sailor, the perfect type of a wooden shoe.	Со своим слишком закругленным носом, широким дном и тяжелой кормой "Маккуори" был неуклюжим - вот уж настоящая калоша!
They had to make the best of it.	Пришлось с этим мириться.
Happily, five days, or, at most, six, would take them to Auckland, no matter how bad a sailor the MACQUARIE was.	К счастью, как ни плохо шел "Маккуори", а через пять, самое большее шесть дней он все же должен был бросить якорь на рейде Окленда.
At seven o'clock in the evening the Australian coast and the lighthouse of the port of Eden had faded out of sight.	В семь часов вечера скрылись из виду берега Австралии и маяк иденского порта.
The ship labored on the lumpy sea, and rolled heavily in the trough of the waves.	Море было довольно бурным, и бриг сильно качало. Он тяжело зарывался в волны.
The passengers below suffered a good deal from this motion.	От такой качки пассажирам в рубке приходилось плохо.
But it was impossible to stay on deck, as it rained violently.	Но выйти на палубу было невозможно из-за сильного ливня.
Thus they were condemned to close imprisonment.	Они оказались в вынужденном заключении.
Each one of them was lost in his own reflections.	Каждый погрузился в свои думы.
Words were few.	Говорили мало.
Now and then Lady Helena and Miss Grant exchanged a few syllables.	Только леди Элен и Мери Грант иногда обменивались несколькими словами.
Glenarvan was restless; he went in and out, while the Major was impassive.	Гленарвану не сиделось, и он расхаживал из угла в угол. Майор же не двигался с места.
John Mangles, followed by Robert, went on the poop from time to time, to look at the weather.	Джон Манглс, а с ним и Роберт время от времени выходили на палубу понаблюдать за морем.
Paganel sat in his corner, muttering vague and incoherent words.	Ну, а Паганель бормотал в своем углу какие-то непонятные бессвязные слова.
What was the worthy geographer thinking of?	О чем думал почтенный географ?
Of New Zealand, the country to which destiny was leading him.	О Новой Зеландии, куда влекла его судьба.
He went mentally over all his history; he called to mind the scenes of the past in that ill-omened country.	Паганель перебирал в уме ее историю, и перед его глазами воскресало прошлое этой мрачной страны.
But in all that history was there a fact, was there a solitary incident that could justify the discoverers of these islands in considering them as "a continent."	Но случалось ли за всю историю что-нибудь, что позволило бы первооткрывателям этих островов видеть в них материк?
Could a modern geographer or a sailor concede to them such a designation.	А современный географ и моряк - могли ли они назвать их материком?
Paganel was always revolving the meaning of the document.	Как видим, Паганель опять и опять возвращался к толкованию письма капитана Гранта.

He was possessed with the idea; it became his ruling thought.	Это была просто одержимость, навязчивая идея.
After Patagonia, after Australia, his imagination, allured by a name, flew to New Zealand.	После Патагонии, после Австралии его воображение, подстегнутое каким-то словом, уцепилось за Новую Зеландию.
But in that direction, one point, and only one, stood in his way.	Но вот одно, только одно смущало его.
"Contin-contin," he repeated, "that must mean continent!"	- Contin... contin... - повторял он. - Ведь это же значит continent - материк.
And then he resumed his mental retrospect of the navigators who made known to us these two great islands of the Southern Sea.	И он стал припоминать мореплавателей, обследовавших эти два больших острова южных морей.
It was on the 13th of December, 1642, that the Dutch navigator Tasman, after discovering Van Diemen's Land, sighted the unknown shores of New Zealand.	13 декабря 1642 года голландец Тасман, открыв Землю Ван-Димена, подошел к неведомым до того берегам Новой Зеландии.
He coasted along for several days, and on the 17th of December his ships penetrated into a large bay, which, terminating in a narrow strait, separated the two islands.	В течение нескольких дней он плыл вдоль этих берегов, а 17 декабря его суда вошли в просторную бухту, в глубине которой виднелся узкий пролив, разделявший два острова.
The northern island was called by the natives Ikana-Mani, a word which signifies the fish of Mani.	Северный из них был остров Те-Ика-а-Мауи, что значило по-зеландски "рыба мауи".
The southern island was called Tavai-Pouna-Mou, "the whale that yields the green-stones."	Южный остров носил название Те-Вахи пунаму, то есть "страна зеленого камня".
Abel Tasman sent his boats on shore, and they returned accompanied by two canoes and a noisy company of natives.	Абель Тасман послал на берег шлюпки, и они вернулись в сопровождении двух пирог с кричащими туземцами.
These savages were middle height, of brown or yellow complexion, angular bones, harsh voices, and black hair, which was dressed in the Japanese manner, and surmounted by a tall white feather.	Дикари эти были среднего роста, с коричневой или желтой кожей, тощие, с резкими голосами; их черные волосы, связанные на японский лад, были увенчаны большим белым пером.
This first interview between Europeans and aborigines seemed to promise amicable and lasting intercourse.	Эта первая встреча европейцев с туземцами, казалось, обещала прочные дружеские отношения.
But the next day, when one of Tasman's boats was looking for an anchorage nearer to the land, seven canoes, manned by a great number of natives, attacked them fiercely.	Но на следующий же день, когда одна из шлюпок разыскивала новую стоянку, поближе к берегу, на нее набросилось множество туземцев на семи пирогах.
The boat capsized and filled.	Шлюпка накренилась и наполнилась водой.
The quartermaster in command was instantly struck with a badly-sharpened spear, and fell into the sea.	Командовавшего шлюпкой боцмана ударили грубо отточенной пикой в шею. Он свалился в море.
Of his six companions four were killed; the other two and the quartermaster were able to swim to the ships, and were picked up and recovered.	Из шести матросов четверо было убито. Двоим остальным и раненому боцману удалось доплыть до своих судов и спастись.

After this sad occurrence Tasman set sail, confining his revenge to giving the natives a few musket-shots, which probably did not reach them.	После этого зловещего происшествия Тасман стал немедленно сниматься с якоря. Туземцам он отомстил лишь несколькими мушкетными выстрелами, которые, по всей вероятности, в них не попали.
He left this bay-which still bears the name of Massacre Bay-followed the western coast, and on the 5th of January, anchored near the northern-most point.	Тасман ушел из этой бухты, за которой осталось название бухты Убийц, поплыл вдоль западного побережья и 5 января бросил якорь у северной оконечности острова.
Here the violence of the surf, as well as the unfriendly attitude of the natives, prevented his obtaining water, and he finally quitted these shores, giving them the name Staten-land or the Land of the States, in honor of the States-General.	Но здесь сильный прибой, а также враждебное отношение дикарей не дали ему запастись водой, и он окончательно покинул эту страну, дав ей название Земля Штатов - в честь голландских Генеральных Штатов.
The Dutch navigator concluded that these islands were adjacent to the islands of the same name on the east of Terra del Fuego, at the southern point of the American continent. He thought he had found "the Great Southern Continent."	Голландский мореплаватель назвал так эти земли потому, что воображал, что они граничат с островами того же имени, открытыми к востоку от Огненной Земли, у южной оконечности Америки, и считал, что он открыл Великий южный материк.
"But," said Paganel to himself, "what a seventeenth century sailor might call a 'continent' would never stand for one with a nineteenth century man. No such mistake can be supposed!	"Моряк семнадцатого века еще мог назвать эту землю материком, но не моряк девятнадцатого! - твердил себе Паганель. - Нет!

No! there is something here that baffles me."	Тут есть что-то для меня непонятное!" В течение более чем ста лет никто не вспоминал о сделанном Тасманом открытии. Новая Зеландия словно и не существовала, когда к ней пристал под 35° 37' широты французский мореплаватель Сюрвиль. Сначала он не имел оснований жаловаться на туземцев. Но вот подул сильный ветер, на море разыгралась буря, и лодка, перевозившая больных матросов, была выброшена на берег бухты Приют. Здесь туземный вождь Наги-Нуи прекрасно принял французов и даже угощал их в своей собственной хижине. Все шло хорошо, пока не была украдена одна из шлюпок Сюрвиля. Сюрвиль тщетно требовал возвращения ее и решил в наказание за воровство спалить всю деревню. Эта ужасная и несправедливая месть, несомненно, сыграла роль в тех кровавых расправах, которые потом имели место в Новой Зеландии. 6 октября 1769 года у этих берегов появился капитан Кук. Он поставил на якорь судно "Индевор" в бухте Тауэ-Роа и пытался завоевать расположение туземцев. Но чтобы общаться с людьми, надо было захватить их. И Кук, не колеблясь, взял в плен двух или трех туземцев, чтобы, так сказать, насильно оказать им благодеяния. Осыпав подарками пленных, Кук отправил их на берег. Вскоре множество туземцев, соблазненных их рассказами, добровольно явились на судно и обменялись товарами с европейцами. Через несколько дней Кук отправился в большую бухту Хаукс-Бей на восточном берегу Северного острова. Здесь его встретили воинственные туземцы с криками и угрозами. Их пыл зашел так далеко, что пришлось усмирить его пушечным залпом. 20 октября "Индевор" стал на якоре в бухте Токо-Малу. На берегу ее обитало мирное племя в двести человек. Ботаники, бывшие на судне, произвели в этой местности полезные исследования, причем туземцы переправляли их на берег на своих пирогах. Кук посетил два селения, обнесенных частоколами, брустверами и двойными рвами, которые говорили об умении туземцев строить оборонительные сооружения. Главное их укрепление возвышалось на скале, которая во время сильных приливов делалась настоящим островом. И не просто островом: волны не только окружали ее, но даже с ревом прорывались сквозь естественную арку в шестьдесят футов вышиной, на которой держалась эта неприступная крепость. Кук пробыл в Новой Зеландии пять месяцев. 31 марта он покинул ее, собрав много растений, образцов утвари, этнографических сведений и дав свое имя проливу, разделяющему два острова. Ему предстояло еще вернуться сюда во время позднейших путешествий. И действительно, в

1773 году мореплаватель снова появился в Хаукс-Бей. На этот раз он стал свидетелем каннибализма. о, надо сказать, что его товарищи сами подстрекали дикарей. Офицеры нашли на берегу останки убитого молодого туземца, принесли их на судно, "сварили" и предложили дикарям, которые жадно набросились на эту пищу. Какая гнусная прихоть - готовить людоедское угощение! Во время своего третьего путешествия Кук снова посетил эти места, к которым он питал особое пристрастие. Мореплаватель непременно захотел закончить здесь гидрографические съемки. Навсегда покинул он Новую Зеландию 25 февраля 1777 года. В 1791 году Ванкувер в течение двадцати дней стоял на якоре в Бей-оф-Айлендс. Но он ничего не внес нового в естествознание и географию. В 1793 году д'Антркасто сделал на протяжении двадцати пяти миль съемку северного побережья Те-Ика - а-Мауи. Капитаны торгового флота Хаузен и Дальримп, а позднее Баден, Ричардсон, Муди появлялись ненадолго у этих островов. Доктор Седжж за пять недель собрал в Новой Зеландии немало интересных сведений о нравах ее обитателей. В 1805 году племянник вождя Ранги-Ху, смышленый Дуа - Тара, отправился в море на судне "Арго" под командой капитана Бадена, которое стояло тогда в Бей-оф-Айлендс. Быть может, приключения Дуа-Тара послужат в будущем сюжетом героической поэмы для какого-нибудь новозеландского Гомера. Приключения эти изобиловали бедами, несправедливостями и дурным обращением. Вероломство, заключение, побои, ранения - вот что пришлось испытать бедному дикарю за его верную службу. Какое представление должен был получить он о людях, считавших себя цивилизованными! Дуа-Тара привезли в Лондон и сделали матросом последнего разряда, предметом издевательств для всей команды. Несчастный юноша не перенес бы таких мук, если бы не преподобный Марсден. Этот миссионер увидел в юном дикаре сметливость, отвагу, необыкновенную кротость и приветливость и заинтересовался им. Он добыл для родины своего любимца несколько мешков зерна и орудия для обработки земли, но все это у бедняги было украдено. Злоключения и муки снова обрушились на несчастного Дуа-Тара, и только в 1814 году ему удалось вернуться в страну предков. Но как раз тогда, когда после стольких превратностей судьбы он собирался изменить жестокие обычаи своей родины, его в возрасте двадцати восьми лет настигла смерть. Несомненно, это непоправимое несчастье на долгие годы задержало культурное развитие Новой Зеландии. Ничто не может заменить

умного, хорошего человека, в сердце которого сочетаются любовь к добру и любовь к родине! До 1816 года Новой Зеландией никто не интересовался. В этом году Томсон, в 1817 году Николас, в 1819 году Марсден обследовали различные местности обоих островов, а в 1820 году Ричард Крюйс, капитан 84-го пехотного полка, пробыл на островах десять месяцев и собрал за это время много ценных материалов о нравах туземцев. В 1824 году Дюперре, командир судна "Кокий", простоял пятнадцать дней на якоре в Бей-оф-Айлендс и встретил самое дружелюбное отношение со стороны туземцев. После него, в 1827 году, английскому китобойному судну "Меркурий" пришлось обороняться от туземцев. А в том же самом году капитан Диллон во время двух своих стоянок был встречен туземным населением чрезвычайно гостеприимно. В марте 1827 года командир судна "Астролейб", знаменитый Дюмон-Дюрвиль, не имея при себе никакого оружия, смог благополучно провести несколько дней на берегу, среди новозеландцев. Он обменялся с ними подарками, слушал их пение, спал в их хижинах и спокойно выполнил свои интересные работы по съемкам, результатом которых были столь полезные для флота карты. На следующий год английский бриг "Хоус", которым командовал Джон Джеймс, сделал стоянку в Бей-оф-Айлендс, направился к Восточному мысу. Здесь англичанам много пришлось вытерпеть от вероломного вождя по имени Энараро. Некоторые из спутников Джона Джеймса погибли ужасной смертью. Из этих противоречивых происшествий, из этой смены кротости и жестокости следует сделать тот вывод, что часто жестокость новозеландцев была лишь местью. Хорошее или дурное отношение туземцев зависело от того, хороши или дурны были капитаны. Конечно, бывали и нападения ничем не оправданные, но большей частью они являлись местью, вызываемой самими европейцами. Наказаны же бывали, к несчастью, те люди, которые этого не заслуживали. После Дюрвиля этнография Новой Зеландии была дополнена отважным исследователем, двадцать раз объехавшим весь земной шар, бродягой, цыганом от науки, - английским ученым Ирлем. Он побывал в неисследованных дотоле местностях обоих островов, причем хотя сам и не имел оснований жаловаться на туземцев, но не раз был свидетелем того, как они лакомились человеческим мясом. Новозеландцы с отвратительной алчностью пожирали друг друга. Те же сцены людоедства наблюдал в 1831 году во время стоянки в Бей-оф-Айлендс и капитан Лаплас. Бои туземцев между собой стали

несравненно грозней, ибо дикари уже выучились владеть с удивительным искусством огнестрельным оружием. Поэтому когда-то цветущие, густо населенные местности острова Те-Ика-а-Мауи превратились в настоящие пустыни. Целые племена исчезли, как исчезает стадо овец, которых жарят и поедают. Тщетно пытались миссионеры победить эти кровавые инстинкты. Начиная с 1808 года миссионерское общество посылало своих самых искусных агентов - такое название им весьма подходит - в главные поселения Северного острова. Но дикость новозеландцев пресекла все попытки основать миссии. Только Марсден, покровитель Дуа-Тара, Холл и Кинг высадились в 1814 году в Бей-оф-Айлендс и купили у местных вождей участок в двести акров за дюжину железных топоров. Там разместилась миссия англиканского общества. Первые шаги были трудными. Но все же туземцы не лишили жизни миссионеров. Они приняли их заботу и их учение. Смягчились даже самые суровые. В сердцах, прежде чуждых человечности, пробудилась благодарность. Однажды, в 1824 году, новозеландцы даже защитили своих священников от грубости матросов, которые оскорбляли миссионеров и угрожали им. Итак, через некоторое время миссии добились успехов, несмотря на разлагающее влияние, которое оказывали на население каторжники, бежавшие из Порт-Джексона. В 1831 году миссионерская газета писала о двух значительных миссиях: одна из них в Киди-Киди, на берегу канала, ведущего в Бей-оф-Айлендс, а другая - в Паи-Хиа, на берегу реки Кава-Кава. Под руководством миссионеров туземцы прокладывали дороги, прорубали просеки в огромных лесах, перекидывали мосты через реки. Все миссионеры поочередно отправлялись проповедовать благую веру в глухие племена, строя из тростника и коры часовни, школы для детей; и над крышей этих простых сооружений развевался флаг миссии с изображением креста и словами "Ронго-Паи", то есть "Евангелие" по-новозеландски. По существу, влияние миссионеров не распространилось дальше ближайших селений. Вне его остались все кочующие племена. Только христиане отказались от людоедства, да и тех не следовало подвергать слишком сильному искушению. Кровавый инстинкт еще не умер в них. В этих диких местах не прекращается война. Новозеландцы не похожи на забитых австралийцев, которые убегают перед нашествием европейцев, - они сопротивляются, защищаются, ненавидят захватчиков. В данное время эта неукротимая ненависть побуждает их набрасываться на английских эмигрантов.

	Будущее этих больших островов в руках случая. Их ждет или быстрая цивилизация, или века дремучего варварства - в зависимости от того, кто победит в войне. Так Паганель, горя нетерпением поскорее добраться до Новой Зеландии, восстанавливал в своей памяти ее историю. Но увы, ничто в ней не давало ему права называть эти два острова континентом. И если некоторые слова документа снова воспламеняли воображение нашего географа, то два злополучных слога "кон-ти" упорно останавливали его на пути к новой расшифровке.
CHAPTER III THE MARTYR-ROLL OF NAVIGATORS	Глава III НОВОЗЕЛАНДСКИЕ ИЗБИЕНИЯ
ON the 31st of January, four days after starting, the MACQUARIE had not done two-thirds of the distance between Australia and New Zealand.	За четыре дня плавания "Маккуори" не прошел еще и двух третей пути от Австралии до Новой Зеландии.
Will Halley took very little heed to the working of the ship; he let things take their chance.	Уилла Холли мало заботило управление судном, сам он ничего не делал.
He seldom showed himself, for which no one was sorry.	Показывался он редко, и пассажиры на это отнюдь не жаловались.
No one would have complained if he had passed all his time in his cabin, but for the fact that the brutal captain was every day under the influence of gin or brandy.	Никто ничего не имел бы против того, чтобы он проводил время у себя в каюте, но грубиян-хозяин ежедневно напивался джином и бренди.
His sailors willingly followed his example, and no ship ever sailed more entirely depending on Providence than the MACQUARIE did from Twofold Bay.	Команда охотно следовала его примеру, и никогда ни одно судно не плыло так, как "Маккуори" из Туфоллд-Бей, положившись только на милость судьбы.
This unpardonable carelessness obliged John Mangles to keep a watchful eye ever open.	Эта непростительная беспечность заставила Джона Манглса быть настороже.
Mulrady and Wilson more than once brought round the helm when some careless steering threatened to throw the ship on her beam-ends.	Не раз Мюльреди и Вильсон бросались выправлять руль, когда бриг заносило и он готов был лечь набок.
Often Will Halley would interfere and abuse the two sailors with a volley of oaths.	Подчас Уилл Холли обрушивался за это на обоих матросов со. страшной бранью.
The latter, in their impatience, would have liked nothing better than to bind this drunken captain, and lower him into the hold, for the rest of the voyage.	Те были не склонны терпеть, и им очень хотелось скрутить пьяницу и засадить его на дно трюма до конца перехода.
But John Mangles succeeded, after some persuasion, in calming their well-grounded indignation.	Но Джон Манглс, правда не без труда, сдерживал справедливое негодование своих матросов.
Still, the position of things filled him with anxiety; but, for fear of alarming Glenarvan, he spoke only to Paganel or the Major. McNabbs recommended the same course as Mulrady and Wilson.	Разумеется, положение судна не могло не заботить молодого капитана. Но, не желая тревожить Гленарвана, он поделился своими опасениями лишь с майором и Паганелем. Мак-Наббс дал ему тот же совет, что Мюльреди и Вильсон, только в других выражениях.

"If you think it would be for the general good, John," said McNabbs, "you should not hesitate to take the command of the vessel.	- Если вам это кажется нужным, Джон, - сказал майор, - вы должны без колебаний взять на себя командование, или - если хотите - руководство судном.
When we get to Auckland the drunken imbecile can resume his command, and then he is at liberty to wreck himself, if that is his fancy."	Когда мы высадимся в Окленде, этот пьяница снова станет хозяином своего брига и тогда сможет переворачиваться, сколько душе его будет угодно.
"All that is very true, Mr. McNabbs, and if it is absolutely necessary I will do it. As long as we are on open sea, a careful lookout is enough; my sailors and I are watching on the poop; but when we get near the coast, I confess I shall be uneasy if Halley does not come to his senses."	- Конечно, мистер Мак-Наббс, я так. и поступлю, когда это будет безусловно необходимо, - ответил Джон Манглс. - Пока мы в открытом море, достаточно одного надзора. Ни я, ни мои матросы не покидаем палубы. Но если этот Уилл Холли не протрезвится при приближении к берегу, я, признаться, окажусь в очень затруднительном положении.
"Could not you direct the course?" asked Paganel.	- Разве вы не сможете взять верный курс? - спросил Паганель.
"That would be difficult," replied John. "Would you believe it that there is not a chart on board?"	- Это будет не так-то легко сделать, - ответил Джон. - Трудно поверить, но, представьте, на этом судне нет морской карты.
"Is that so?"	- Неужели?
"It is indeed.	- Это действительно так.
The MACQUARIE only does a coasting trade between Eden and Auckland, and Halley is so at home in these waters that he takes no observations."	"Маккуори" совершает каботажное плавание только между Иденом и Оклендом, и Уилл Холли так изучил эти места, что ему не нужны вычисления.
"I suppose he thinks the ship knows the way, and steers herself."	- Он, вероятно, думает, что бриг сам знает дорогу и идет куда надо, - сказал Паганель.
"Ha! ha!" laughed John Mangles; "I do not believe in ships that steer themselves; and if Halley is drunk when we get among soundings, he will get us all into trouble."	- Ох, что-то я не верю в суда, которые идут сами собой, - отозвался Джон Манглс. - И если вблизи берегов Уилл Холли будет пьян, нам придется нелегко.
"Let us hope," said Paganel, "that the neighborhood of land will bring him to his senses."	- Будем надеяться, что, подходя к земле, он образумится, - сказал Паганель.
"Well, then," said McNabbs, "if needs were, you could not sail the MACQUARIE into Auckland?"	- Значит, если понадобится, вы не сможете ввести "Маккуори" в Оклендский порт? - спросил Мак-Наббс.
"Without a chart of the coast, certainly not.	- Без карты побережья это невозможно.
The coast is very dangerous.	Тамошние берега чрезвычайно опасны.
It is a series of shallow fiords as irregular and capricious as the fiords of Norway.	Это цепь неправильных и причудливых фиордов, напоминающих фиорды Норвегии.
There are many reefs, and it requires great experience to avoid them.	Там много рифов, и, чтобы избежать их, нужен большой опыт.
The strongest ship would be lost if her keel struck one of those rocks that are submerged but a few feet below the water."	Даже самое крепкое судно неминуемо разобьется вдребезги, если его киль наткнется на одну из этих подводных скал.

"In that case those on board would have to take refuge on the coast."	- И тогда экипажу останется только искать спасения на берегу, не так ли? - спросил майор.
"If there was time."	- Да, мистер Мак-Наббс, если позволит погода.
"A terrible extremity," said Paganel, "for they are not hospitable shores, and the dangers of the land are not less appalling than the dangers of the sea."	- Рискованный выход, - отозвался Паганель. - Ведь берега Новой Зеландии отнюдь не гостеприимны: на суше грозит не меньшая опасность, чем на море!
"You refer to the Maories, Monsieur Paganel?" asked John Mangles.	- Вы имеете в виду маори, господин Паганель? - спросил Джон Манглс.
"Yes, my friend.	- Да, друг мой.
They have a bad name in these waters.	Среди моряков, плавающих по океану, их репутация установлена прочно.
It is not a matter of timid or brutish Australians, but of an intelligent and sanguinary race, cannibals greedy of human flesh, man-eaters to whom we should look in vain for pity."	Это не робкие австралийцы, а смышленое, кровожадное племя, людоеды, от которых ждать пощады не приходится.
"Well, then," exclaimed the Major, "if Captain Grant had been wrecked on the coast of New Zealand, you would dissuade us from looking for him."	- Итак, если б капитан Грант потерпел крушение у берегов Новой Зеландии, вы бы не посоветовали устремиться туда на его поиски? - спросил майор.
"Oh, you might search on the coasts," replied the geographer, "because you might find traces of the BRITANNIA, but not in the interior, for it would be perfectly useless.	- К берегам - да, - ответил географ, - так как там, быть может, удалось бы найти следы "Британии", но идти вглубь - нет, это было бы бесполезно.
Every European who ventures into these fatal districts falls into the hands of the Maories, and a prisoner in the hands of the Maories is a lost man.	Каждый европеец, который осмеливается проникнуть в этот край, попадает в руки маори, а пленники их обречены на верную гибель.
I have urged my friends to cross the Pampas, to toil over the plains of Australia, but I will never lure them into the mazes of the New Zealand forest.	Я побуждал моих друзей пересечь пампасы, пересечь Австралию, но никогда не увлек бы их по тропам Новой Зеландии.

May heaven be our guide, and keep us from ever being thrown within the power of those fierce natives!"	Да сохранит нас судьба от этих свирепых туземцев! Опасения Паганеля были более чем обоснованны. Новая Зеландия пользуется ужасной славой: почти все исследования ее связаны с кровавыми событиями. Список погибших мученической смертью мореплавателей очень велик. Эта кровавая летопись каннибализма начинается с пяти матросов Абеля Тасмана, убитых и съеденных туземцами. Та же судьба постигла весь экипаж капитана Тукнея. Были съедены дикарями и пять рыболовов с судна "Сидней-Ков", захваченных в восточной части пролива Фово. Следует еще упомянуть о четырех матросах со шхуны "Бразерс", убитых в гавани Молине, о нескольких солдатах генерала Гейтса, о трех дезертирах с судна "Матильда" и, наконец, назвать имя печально знаменитого капитана Мариона Дюфрена. 11 мая 1772 года, после первого путешествия Кука, французский капитан Марион привел в Бей-оф-Айлендс свои суда: "Маскарен", которым командовал он сам, и "Маркиз де Кастри" под командой его помощника капитана Крозе. Лицемерные новозеландцы встретили вновь прибывших очень радушно. Они даже разыграли робость, и, чтобы приручить их, пришлось делать им подарки, оказывать всякие услуги, все время дружески общаться с ними. Их вождь, смышленый Такури, по словам Дюмон-Дюрвиля, принадлежал к племени нга-рауру и был родственником туземца, за два года перед этим предательски увезенного Сюрвилем. Уроженец страны, где долг чести требует от каждого маори мстить за оскорбление кровью, Такури, конечно, не мог простить обиду, нанесенную его племени. Он терпеливо ждал появления какого-нибудь европейского судна, обдумал свою месть и привел ее в исполнение с ужасающим хладнокровием. Притворившись сначала, что он боится французов, Такури всеми средствами постарался внушить им ложную уверенность в безопасности. Часто он со своими товарищами ночевал на кораблях. Они привозили отборную рыбу. Их сопровождали жены и дочери. Вскоре дикари узнали имена офицеров и стали приглашать их к себе в поселения. Марион и Крозе, подкупленные такими знаками дружелюбия, объехали весь берег, где жили четыре тысячи человек. Туземцы выбегали навстречу французам без всякого оружия и старались вызвать полное доверие к себе. Капитан Марион стал на якорь в Бей-оф-Айлендс с целью заменить на судне "Маркиз де Кастри" мачты, очень пострадавшие от последних бурь. И вот, осмотрев окрестности, он 23 мая наткнулся на чудесный кедровый лес в двух лье от берега и рядом с бухтой, расположенной в лье от стоянки кораблей. В этом лесу был разбит лагерь, и две

трети матросов, вооружившись топорами и другими инструментами, принялись рубить кедры и расширять дорогу к бухте. Было и еще два лагеря: один - на островке Моту-Аро, посреди бухты, сюда перевезли всех больных с кораблей, а также судовых кузнецов и бондарей; другой - на берегу океана, в полутора лье от судов; этот последний лагерь сообщался с лагерем плотников. Во всех трех пунктах морякам помогали в их работах сильные и услужливые Дикари. До сих пор капитан Марион все же считал необходимым принимать некоторые меры предосторожности. Так, дикарям было запрещено появляться на судах с оружием, а шлюпки ходили на берег не иначе, как с хорошо вооруженной командой. Однако туземцы своим обращением ввели в заблуждение и Мариона и даже самых недоверчивых его офицеров, и глава экспедиции приказал разоружить шлюпки. Капитан Крозе все же убеждал Мариона отменить такой приказ, но ему не удалось этого добиться. Тут предупредительность и преданность новозеландцев еще более возросли. Вожди их были с французскими офицерами в самой нежной дружбе. Не раз Такури привозил на корабль своего сына и оставлял его там ночевать. 8 июня, во время торжественного визита Мариона, туземцы провозгласили французского капитана "великим вождем" всего края и в знак почтения украсили его волосы четырьмя белыми перьями. Так прошло тридцать три дня со времени прихода судов в Бей-оф-Айлендс. Работа над мачтами продвигалась вперед, запас пресной воды пополнялся из источников островка Моту - Аро. Капитан Крозе лично командовал плотниками, и казалось, все позволяло рассчитывать на удачное завершение работ. 12 июня катер командира был приготовлен для рыбной ловли близ деревни, где жил Такури. Вместе с Марионом на катер сели два офицера - Водрикур и Леу, один волонтер, каптенармус и двенадцать матросов. Их сопровождали пять туземных вождей во главе с Такури. Ничто не предвещало той ужасной участи, которая ожидала шестнадцать европейцев из семнадцати. Катер отвалил от борта, поплыл к берегу и вскоре скрылся из виду. Вечером капитан Марион не вернулся ночевать на судно. Это не возбудило ни в ком беспокойства. Решили, что капитан пожелал посетить лагерь в лесу и там остался на ночь. На следующее утро, в пять часов, шлюпка с судна "Маркиз де Кастри" отправилась, как обычно, за пресной водой на островок Моту-Аро. Она благополучно вернулась обратно. В девять часов вахтенный с "Маскарена" заметил в море плывущего к кораблям почти обессилевшего человека. На помощь ему была послана шлюпка, которая и

доставила его на борт. Это был Тюрнер, гребец с катера капитана Мариона. В боку у него было две раны, нанесенных копьем. Из семнадцати человек, покинувших накануне судно, вернулся он один. Тюрнера засыпали вопросами, и вскоре стали известны все подробности ужасной драмы. Катер несчастного Мариона пристал к берегу в семь часов утра. Дикари с веселым видом выскочили навстречу гостям и на плечах вынесли на берег офицеров и матросов, которые не пожелали замочить себе ноги. На берегу французы разошлись в разные стороны. Тут-то дикари, вооруженные копьями и дубинами, набросились на них по десятку на одного и прикончили. Раненому Тюрнеру удалось ускользнуть от врагов и спрятаться в чаще. Сидя там, он был свидетелем страшных сцен. Дикари сдирали с мертвых одежду, вспарывали им животы, рубили их на куски. Никем не замеченный, Тюрнер бросился в море и, почти умирающий, был подобран шлюпкой с "Маскарена". Все это привело в ужас команды обоих судов. Раздались призывы к мести. Но, прежде чем мстить за мертвых, надо было спасать живых. Ведь на берегу находилось три лагеря, и их окружали тысячи кровожадных дикарей-людоедов, которые уже вошли во вкус. Капитана Крозе на судне не было: он ночевал в лагере, в лесу, поэтому необходимые меры поспешил принять старший офицер Дюклемер. Он отправил с "Маскарена" шлюпку с офицером и отрядом солдат. Этому офицеру был отдан приказ в первую очередь спасти плотников. Он отправился, проплыл вдоль берега, увидел разбитый катер капитана Мариона и высадился на берег. Капитан Крозе, которого, как сказано, не было на судне, ничего не знал о резне, как вдруг около двух часов пополудни он увидел приближающийся отряд. Предчувствуя что-то недоброе, Крозе поспешил ему навстречу и узнал, что произошло. Не желая лишать бодрости духа всех работников, Крозе запретил сообщать им об этом. Между тем толпы туземцев заняли все окрестные возвышенности. Капитан Крозе велел взять самые важные инструменты, остальные зарыть, поджечь навесы и затем стал отступать, уводя шестьдесят человек. Туземцы шли за ними, выкрикивая: "Такури мате Марион!" Они надеялись запугать матросов известием о гибели их командира. Матросы, охваченные бешенством, хотели было броситься на дикарей. Капитану Крозе с трудом удалось удержать их. Прошли два лье. Отряд добрался до берега, и, соединившись с матросами из второго лагеря, все разместились по шлюпкам. Все это время тысячи дикарей сидели на земле и не двигались. Но, как только лодки вышли в море, вслед полетели

камни. Тут четыре матроса, хорошие стрелки, открыли огонь и уложили одного за другим всех вождей, к великому изумлению дикарей, не имевших понятия об огнестрельном оружии. Капитан Крозе, вернувшись на "Маскарен", тотчас же послал шлюпку на островок Моту-Аро. Под охраной отряда солдат бывшие на островке больные провели там еще одну ночь, а утром были водворены на суда. На другой день сторожевой пост Моту-Аро был усилен еще одним отрядом. Надо было очистить островок от орд туземцев и заполнить резервуары водой. В поселении на Моту-Аро насчитывалось триста жителей. Французы напали на них. Шестерых вождей они убили, остальных дикарей обратили в бегство штыками, а деревню сожгли. Однако "Маркиз де Кастри" не мог выйти в море без мачт, и Крозе, вынужденный отказаться от кедровых стволов, распорядился починить старые мачты. Снабжение судов пресной водой продолжалось. Так прошел месяц. Дикари не раз делали попытки вернуть Моту-Аро, но добиться этого не могли. Как только показывались пироги, пушечные выстрелы превращали их в щепы. Наконец работы были закончены. Оставалось узнать, не спасся ли кто-нибудь из шестнадцати жертв, и отомстить за всех остальных. Шлюпка с отрядом офицеров и солдат направилась к деревне, где жил Такури. При приближении шлюпки этот вероломный и трусливый вождь, одетый в шинель командира Мариона, убежал. Хижины поселка были тщательно обысканы. В хижине самого Такури оказался череп недавно изжаренного человека. На нем еще виднелись следы зубов людоеда. Тут же висела человеческая ляжка, насаженная на деревянный прут. Нашли сорочку Мариона с окровавленным воротником, одежду и пистолеты юного Водрикура, оружие с катера и много изодранной одежды. Подальше, в другом поселке, наткнулись на вычищенные и сваренные человеческие внутренности. Все эти неопровержимые доказательства убийства и людоедства были собраны. Человеческие останки почтили погребением. А затем поселения Такури и его соучастника Пики-Оре были преданы пламени. 14 июля 1772 года оба судна покинули эти роковые места. Таково было ужасное событие, помнить о котором должен каждый путешественник, вступающий на берега Новой Зеландии. Неблагоразумен капитан, который не учтет подобного предупреждения. Новозеландцы и поныне вероломны и падки на человеческое мясо. В этом убедился и Кук во время своего второго путешествия, в 1773 году. Шлюпка одного из его кораблей, посланная 17 декабря на новозеландский берег за образцами диких трав, так и не вернулась. На шлюпке находился

	мичман с девятью матросами. Капитан Фюрно, обеспокоенный, послал на ее розыски лейтенанта Берни. Тот, высадившись на месте, где пристала шлюпка, увидел, по его словам, "ужасную картину зверства и варварства, о которой нельзя говорить без содрогания. Кругом валялись разбросанные на песке головы, внутренности, легкие наших товарищей, и здесь же несколько собак доедали другие такие же останки". Чтобы закончить этот кровавый перечень, следует добавить к нему нападение, произведенное в 1815 году новозеландцами на судно "Бразерс", а также гибель в 1820 году всей команды судна "Бойд" под командой капитана Томсона. Наконец, 1 марта 1829 года вождь Энараро разграбил судно "Хоус", пришедшее из Сиднея. Орда его людоедов убила несколько матросов, трупы которых затем зажарила и съела. Вот какой была та Новая Зеландия, куда шел бриг "Маккуори" со своей тупоумной командой, возглавляемой капитаном - пьяницей.
CHAPTER IV THE WRECK OF THE "MACQUARIE"	Глава IV ПОДВОДНЫЕ СКАЛЫ
STILL this wearisome voyage dragged on.	Между тем утомительный переход продолжался.
On the 2d of February, six days from starting, the MACQUARIE had not yet made a nearer acquaintance with the shores of Auckland.	2 февраля, через шесть дней после отплытия, "Маккуори" еще не достиг оклендского побережья.
The wind was fair, nevertheless, and blew steadily from the southwest; but the currents were against the ship's course, and she scarcely made any way.	Ветер был благоприятный - юго-западный. Но бригу мешали встречные течения, и он едва двигался вперед.
The heavy, lumpy sea strained her cordage, her timbers creaked, and she labored painfully in the trough of the sea.	Море было бурное. "Маккуори" сильно качало, весь остов его трещал; судно зарывалось в волны и с трудом поднималось.
Her standing rigging was so out of order that it allowed play to the masts, which were violently shaken at every roll of the sea.	Плохо натянутые ванты, бакштаги и штаги недостаточно крепко держали мачты, а сильная качка расшатывала их.
Fortunately, Will Halley was not a man in a hurry, and did not use a press of canvas, or his masts would inevitably have come down.	К счастью еще, Уилл Холли, вообще не любивший торопиться, не ставил много парусов, а то мачты неизбежно сломались бы.
John Mangles therefore hoped that the wretched hull would reach port without accident; but it grieved him that his companions should have to suffer so much discomfort from the defective arrangements of the brig.	Джон Манглс не терял надежды, что эта жалкая посудина дотащится без особых злоключений до гавани, но ему было тяжело видеть, в каких плохих условиях находятся на бриге его спутники.
But neither Lady Helena nor Mary Grant uttered a word of complaint, though the continuous rain obliged them to stay below, where the want of air and the violence of the motion were painfully felt.	Однако ни леди Элен, ни Мери Грант ни на что не жаловались, хотя непрекращающийся дождь и заставлял их сидеть в рубке. Там было душно и очень ощущалась качка.

They often braved the weather, and went on the poop till driven down again by the force of a sudden squall. Then they returned to the narrow space, fitter for stowing cargo than accommodating passengers, especially ladies.	Поэтому, не обращая внимания на дождь, они часто выходили на палубу, и только налетавший шквал заставлял их спускаться в тесную рубку, более годную для перевозки товаров, чем пассажиров, а тем более женщин.
Their friends did their best to amuse them.	Друзья старались как-нибудь развлечь их.
Paganel tried to beguile the time with his stories, but it was a hopeless case.	Паганель пробовал было заинтересовать их своими рассказами, но это ему плохо удавалось.
Their minds were so distracted at this change of route as to be quite unhinged.	Печальное возвращение всех угнетало.
Much as they had been interested in his dissertation on the Pampas, or Australia, his lectures on New Zealand fell on cold and indifferent ears.	И если прежде речи географа о пампасах, об Австралии слушались с интересом, то все его замечания и размышления о Новой Зеландии принимались холодно и равнодушно.
Besides, they were going to this new and ill-reputed country without enthusiasm, without conviction, not even of their own free will, but solely at the bidding of destiny.	Ведь путешественники плыли в этот мрачный край без воодушевления, без вдохновляющей цели, не по своему желанию, а по злому капризу судьбы.
Of all the passengers on board the MACQUARIE, the most to be pitied was Lord Glenarvan.	Из всех пассажиров "Маккуори" наибольшего сожаления заслуживал лорд Гленарван.
He was rarely to be seen below. He could not stay in one place.	Он редко бывал в рубке: ему не сиделось на месте.
His nervous organization, highly excited, could not submit to confinement between four narrow bulkheads.	По природе нервный и легко возбуждающийся, он не мог примириться с этим заключением в тесной каюте.
All day long, even all night, regardless of the torrents of rain and the dashing waves, he stayed on the poop, sometimes leaning on the rail, sometimes walking to and fro in feverish agitation.	Весь день и часть ночи проводил он на палубе и, не обращая внимания ни на волны, хлеставшие по ней, ни на потоки дождя, то стоял, опершись на поручни, то лихорадочно расхаживал взад и вперед.
His eyes wandered ceaselessly over the blank horizon.	И все время смотрел на море.
He scanned it eagerly during every short interval of clear weather.	Когда на короткое время рассеивался туман, Гленарван не отрывал глаз от подзорной трубы.
It seemed as if he sought to question the voiceless waters; he longed to tear away the veil of fog and vapor that obscured his view.	Казалось, он вопрошал эти немые волны; ему хотелось взмахом руки разорвать эту завесу тумана, это скопление паров, застилавшее горизонт.
He could not be resigned, and his features expressed the bitterness of his grief.	Он никак не мог примириться, и лицо его выражало глубокое страдание.
He was a man of energy, till now happy and powerful, and deprived in a moment of power and happiness.	Это был энергичный человек, до сей поры удачливый и сильный, которому вдруг изменили сила и удача.
John Mangles bore him company, and endured with him the inclemency of the weather.	Джон Манглс не покидал Гленарвана и вместе с ним переносил ненастье.

On this day Glenarvan looked more anxiously than ever at each point where a break in the mist enabled him to do so.	В тот день Гленарван особенно настойчиво вглядывался в прорывы дымки у горизонта.
John came up to him and said, "Your Lordship is looking out for land?"	- Вы ищете землю, милорд? - спросил Джон Манглс.
Glenarvan shook his head in dissent.	Гленарван отрицательно покачал головой.
"And yet," said the young captain, "you must be longing to quit this vessel. We ought to have seen the lights of Auckland thirty-six hours ago."	- Все же вам не терпится, наверно, сойти с этого брига, - продолжал молодой капитан. - Мы должны были увидеть огни оклендского порта еще тридцать шесть часов назад.
Glenarvan made no reply.	Гленарван ничего не ответил.
He still looked, and for a moment his glass was pointed toward the horizon to windward.	Он продолжал смотреть в подзорную трубу на горизонт, в ту сторону, откуда дул ветер.
"The land is not on that side, my Lord," said John Mangles. "Look more to starboard."	- Земля не там, - заметил Джон Манглс. - Смотрите направо, милорд.
"Why, John?" replied Glenarvan. "I am not looking for the land."	- Зачем, Джон? - сказал Гленарван. - Я ищу не землю.
"What then, my Lord?"	- А что же, милорд?
"My yacht! the DUNCAN," said Glenarvan, hotly. "It must be here on these coasts, skimming these very waves, playing the vile part of a pirate!	- Мою яхту! Мой "Дункан"! - гневно ответил Гленарван. - Ведь он должен плавать здесь, в этих водах, занимаясь гнусным пиратским ремеслом.
It is here, John; I am certain of it, on the track of vessels between Australia and New Zealand; and I have a presentiment that we shall fall in with her."	Говорю тебе, Джон, он здесь, на пути судов между Австралией и Новой Зеландией. У меня предчувствие, что мы с ним встретимся.
"God keep us from such a meeting!"	- Да избавит нас бог от этой встречи, милорд!
"Why, John?"	- Почему, Джон?
"Your Lordship forgets our position.	- Вы забываете, милорд, в каком мы теперь положении.
What could we do in this ship if the DUNCAN gave chase.	На этом бриге, если "Дункан" погонится за нами, мы не в силах уйти от него.
We could not even fly!"	- Уйти, Джон?
"Fly, John?"	- Да, милорд.
"Yes, my Lord; we should try in vain!	Мы тщетно пытались бы это сделать!
We should be taken, delivered up to the mercy of those wretches, and Ben Joyce has shown us that he does not stop at a crime!	Мы были бы захвачены и оказались бы во власти этих негодяев, а Бен Джойс показал уже, что он не отступит перед преступлением.
Our lives would be worth little. We would fight to the death, of course, but after that!	Дело не в нашей жизни - мы защищались бы до последнего вздоха.
Think of Lady Glenarvan; think of Mary Grant!"	Но подумайте, милорд, о наших спутницах!
"Poor girls!" murmured Glenarvan. "John, my heart is broken; and sometimes despair nearly masters me.	- Бедные женщины! - прошептал Гленарван, - У меня разрывается сердце, Джон, и порой я прихожу в отчаяние.

I feel as if fresh misfortunes awaited us, and that Heaven itself is against us. It terrifies me!"	Мне кажется, что нас ждут новые беды, что судьба против нас, и мне делается страшно.
"You, my Lord?"	- Вам, милорд?
"Not for myself, John, but for those I love-whom you love, also."	- Не за себя, Джон, но за тех, кого я люблю и кого любишь ты.
"Keep up your heart, my Lord," said the young captain. "We must not look out for troubles.	- Успокойтесь, милорд, - ответил молодой капитан. - Бояться нечего.
The MACQUARIE sails badly, but she makes some way nevertheless.	"Маккуори" идет неважно, но все же идет.
Will Halley is a brute, but I am keeping my eyes open, and if the coast looks dangerous, I will put the ship's head to sea again. So that, on that score, there is little or no danger.	Уилл Холли - тупоумная скотина, но ведь я здесь, и если мне покажется, что подходить к берегу рискованно, я поверну судно обратно в море.
But as to getting alongside the DUNCAN!	Но боже нас сохрани очутиться бок о бок с
God forbid! And if your Lordship is bent on looking out for her, let it be in order to give her a wide berth."	"Дунканом", милорд, поэтому заметить его важно лишь для того, чтобы успеть избежать встречи, уйти.
John Mangles was right. An encounter with the DUNCAN would have been fatal to the MACQUARIE.	Джон Манглс был прав: встреча с "Дунканом" оказалась бы роковой для "Маккуори".
There was every reason to fear such an engagement in these narrow seas, in which pirates could ply their trade without risk.	Пираты были страшны в этих водах, где они могли свободно разбойничать.
However, for that day at least, the yacht did not appear, and the sixth night from their departure from Twofold Bay came, without the fears of John Mangles being realized.	К счастью, яхта не появилась; наступила шестая ночь со времени отплытия из Туфоллд-Бей, а опасения Джона Манглса не оправдались.
But that night was to be a night of terrors.	Но эта ночь обещала быть ужасной.
Darkness came on almost suddenly at seven o'clock in the evening; the sky was very threatening.	В семь часов стемнело почти внезапно. Небо стало грозным.
The sailor instinct rose above the stupefaction of the drunkard and roused Will Halley.	Инстинкт моряка заговорил даже в пьяном Уилле Холли.
He left his cabin, rubbed his eyes, and shook his great red head. Then he drew a great deep breath of air, as other people swallow a draught of water to revive themselves. He examined the masts.	Протирая глаза и тряся огромной рыжей гривой, капитан вышел из каюты, с силой втянул в себя воздух - как выпивают для отрезвления стакан воды - и принялся осматривать паруса.
The wind freshened, and veering a point more to the westward, blew right for the New Zealand coast.	Ветер свежел и, повернув на четверть румба к западу, нес бриг к новозеландскому побережью.
Will Halley, with many an oath, called his men, tightened his topmast cordage, and made all snug for the night.	Уилл Холли с грубой бранью накинулся на матросов, велел им убрать на ночь брамсели.
John Mangles approved in silence.	Джон Манглс одобрил про себя распоряжение капитана.

He had ceased to hold any conversation with the coarse seaman; but neither Glenarvan nor he left the poop.	Он решил не вступать ни в какие разговоры с этим грубияном. Но ни молодой капитан, ни Гленарван не ушли с палубы.
Two hours after a stiff breeze came on. Will Halley took in the lower reef of his topsails.	Два часа спустя ветер еще усилился, и Уилл Холли приказал взять на рифы марсели.
The maneuver would have been a difficult job for five men if the MACQUARIE had not carried a double yard, on the American plan.	С этой работой трудно было бы справиться команде из пяти человек, если бы на "Маккуори" не имелось двойного рея американской системы.
In fact, they had only to lower the upper yard to bring the sail to its smallest size.	Достаточно было опустить верхний рей, чтобы марсели сократились до минимальной величины.
Two hours passed; the sea was rising.	Прошло еще два часа. Море разбушевалось.
The MACQUARIE was struck so violently that it seemed as if her keel had touched the rocks.	Волны так резко били в бриг, как будто его киль натыкался на рифы.
There was no real danger, but the heavy vessel did not rise easily to the waves. By and by the returning waves would break over the deck in great masses.	Это было не так, просто тяжелый корпус брига с трудом поднимался на гребни, и потому его захлестывали надвигавшиеся сзади волны.
The boat was washed out of the davits by the force of the water.	Шлюпка, висевшая над левым бортом, была смыта.
John Mangles never released his watch.	Джон Манглс тревожился.
Any other ship would have made no account of a sea like this; but with this heavy craft there was a danger of sinking by the bow, for the deck was filled at every lurch, and the sheet of water not being able to escape quickly by the scuppers, might submerge the ship.	Всякому другому судну были бы нипочем эти, в сущности, не такие уж страшные волны, но с тяжеловесным "Маккуори" можно было опасаться пойти ко дну, ибо каждый раз, когда он зарывался в волны, на палубу обрушивалось столько воды, что она не успевала схлынуть через шпигаты и угрожала затопить бриг.
It would have been the wisest plan to prepare for emergency by knocking out the bulwarks with an ax to facilitate their escape, but Halley refused to take this precaution.	Было бы благоразумно прорубить топорами фальшборты, но Уилл Холли не согласился принять такую меру предосторожности.
But a greater danger was at hand, and one that it was too late to prevent.	Впрочем, "Маккуори" грозила еще большая опасность, и предотвратить ее уже не было времени.
About half-past eleven, John Mangles and Wilson, who stayed on deck throughout the gale, were suddenly struck by an unusual noise.	Около половины двенадцатого ночи до Джона Манглса и Вильсона, стоявших у борта с подветренной стороны, вдруг донесся какой-то необычный шум.
Their nautical instincts awoke.	Оба опытные моряки, они насторожились.
John seized the sailor's hand.	Джон схватил матроса за руку.
"The reef!" said he.	- Прибой! - сказал он.
"Yes," said Wilson; "the waves breaking on the bank."	- Да, - отозвался Вильсон, - это волны разбиваются о рифы.
"Not more than two cables' length off?"	- Не более чем в двух кабельтовых?
"At farthest?	- Не больше!
The land is there!"	Там земля!

John leaned over the side, gazed into the dark water, and called out,	Джон перегнулся через борт, посмотрел на темные волны и крикнул:
"Wilson, the lead!"	- Лот, Вильсон, лот!
The master, posted forward, seemed to have no idea of his position.	Хозяин "Маккуори", стоявший на носу, по-видимому, не сознавал своего положения.
Wilson seized the lead-line, sprang to the fore-chains, and threw the lead; the rope ran out between his fingers, at the third knot the lead stopped.	Вильсон схватил свернутый лот и бросил его в воду. Веревка заскользила между его пальцев. У третьего узла лот остановился.
"Three fathoms," cried Wilson.	- Три сажени! - крикнул Вильсон.
"Captain," said John, running to Will Halley, "we are on the breakers."	- Капитан, мы у рифа! - воскликнул Джон, подбегая к Уиллу Холли.
Whether or not he saw Halley shrug his shoulders is of very little importance. But he hurried to the helm, put it hard down, while Wilson, leaving the line, hauled at the main-topsail brace to bring the ship to the wind.	Заметил ли Джон Манглс, как Холли пожал плечами, но только молодой капитан кинулся к штурвалу, повернул румпель, а Вильсон, бросив лот, стал подтягивать марсель, чтобы привести бриг к ветру.
The man who was steering received a smart blow, and could not comprehend the sudden attack.	Вахтенный матрос, которого Джон Манглс с силой оттолкнул, был озадачен этим внезапным нападением.
"Let her go!	- Трави!
Let her go!" said the young captain, working her to get away from the reefs.	Трави! - кричал молодой капитан, поворачивая бриг таким образом, чтобы уйти от подводных скал.
For half a minute the starboard side of the vessel was turned toward them, and, in spite of the darkness, John could discern a line of foam which moaned and gleamed four fathoms away.	С полминуты судно шло, почти касаясь рифов правым бортом, и даже в темноте Джон разглядел футах в тридцати от "Маккуори" белые гребни ревущих волн.
At this moment, Will Halley, comprehending the danger, lost his head.	Тут Уилл Холли, оценив наконец грозящую судну опасность, потерял голову.
His sailors, hardly sobered, could not understand his orders.	Еле протрезвившиеся матросы никак не могли понять, чего требует капитан.
His incoherent words, his contradictory orders showed that this stupid sot had quite lost his self-control.	Несвязная речь, противоречивые приказания - видно, у этого тупоголового пьяницы совсем не было хладнокровия.
He was taken by surprise at the proximity of the land, which was eight miles off, when he thought it was thirty or forty miles off.	Холли был поражен: он считал, что земля от него еще в тридцати - сорока милях, а она оказалась в каких-нибудь восьми.
The currents had thrown him out of his habitual track, and this miserable slave of routine was left quite helpless.	Судно отнесло течением в сторону от его обычного пути, и жалкий капитан растерялся.
Still the prompt maneuver of John Mangles succeeded in keeping the MACQUARIE off the breakers.	Благодаря быстро произведенному Джоном Манглсом маневру "Маккуори" избежал подводных скал.
But John did not know the position.	Но Джон Манглс не знал, что его ждет.
For anything he could tell he was girdled in by reefs.	Быть может, рифы окружали его со всех сторон?

The wind blew them strongly toward the east, and at every lurch they might strike.	Ветер нес бриг прямо к востоку, и каждую минуту можно было наткнуться на риф.
In fact, the sound of the reef soon redoubled on the starboard side of the bow. They must luff again.	В самом деле, вскоре шум прибоя стал нарастать справа.
John put the helm down again and brought her up.	Снова Джон Манглс повернул румпель до отказа.
The breakers increased under the bow of the vessel, and it was necessary to put her about to regain the open sea.	Перед форштевнем судна бурлил один бурун за другим. Надо было во что бы то ни стало выйти в открытое море.
Whether she would be able to go about under shortened sail, and badly trimmed as she was, remained to be seen, but there was nothing else to be done.	Но удастся ли так круто развернуть такое неустойчивое судно под зарифленными парусами? Шансов на успех немного, но все же надо было отважиться на этот маневр.
"Helm hard down!" cried Mangles to Wilson.	- Румпель вниз! До отказа! - крикнул Джон Манглс Вильсону.
The MACQUARIE began to near the new line of reefs: in another moment the waves were seen dashing on submerged rocks.	"Маккуори" стал приближаться к новой полосе подводных скал. Кипели буруны.
It was a moment of inexpressible anxiety.	Наступила минута мучительного ожидания.
The spray was luminous, just as if lit up by sudden phosphorescence.	Волны светились от пены, будто вспыхивая фосфорическим светом.
The roaring of the sea was like the voice of those ancient Tritons whom poetic mythology endowed with life.	Море ревело, словно морские чудовища из античной мифологии.
Wilson and Mulrady hung to the wheel with all their weight.	Вильсон и Мюльреди, нагнувшись, изо всех сил налегали на штурвал. Вдруг - страшный толчок. "Маккуори" наткнулся на риф.
Some cordage gave way, which endangered the foremast.	Штаги лопнули, и фок-мачта потеряла устойчивость.
It seemed doubtful whether she would go about without further damage.	Удастся ли развернуть судно без других аварий?
Suddenly the wind fell and the vessel fell back, and turning her became hopeless.	Нет, не удалось: на какой-то миг ветер спал и бриг снова снесло. Маневр сорвался.
A high wave caught her below, carried her up on the reefs, where she struck with great violence.	Нахлынувший вал подхватил судно, поднял и со страшной силой швырнул на скалы.
The foremast came down with all the fore-rigging.	Фок-мачта со всей оснасткой рухнула.
The brig rose twice, and then lay motionless, heeled over on her port side at an angle of 30 degrees.	Бриг дважды ударился килем о скалы и, накренившись на правый борт на тридцать градусов, замер.
The glass of the skylight had been smashed to powder.	Стекла в рубке разлетелись вдребезги.
The passengers rushed out.	Пассажиры бросились на палубу.
But the waves were sweeping the deck from one side to the other, and they dared not stay there.	Но по ней перекатывались волны, и оставаться там было опасно.

John Mangles, knowing the ship to be safely lodged in the sand, begged them to return to their own quarters.	Джон Манглс, зная, что судно основательно увязло в песке, попросил их вернуться в рубку.
"Tell me the truth, John," said Glenarvan, calmly.	- Говорите правду, Джон, - хладнокровно обратился к молодому капитану Гленарван.
"The truth, my Lord, is that we are at a standstill.	- Правда, милорд, такова: ко дну мы не пойдем.
Whether the sea will devour us is another question; but we have time to consider."	Будет ли судно разбито волнами, это другой вопрос, но у нас есть время.
"It is midnight?"	- Теперь полночь?
"Yes, my Lord, and we must wait for the day."	- Надо подождать, пока рассветет.
"Can we not lower the boat?"	- Нельзя ли спустить шлюпку?
"In such a sea, and in the dark, it is impossible.	- При такой волне и в темноте это немыслимо.
And, besides, where could we land?"	И в какую сторону плыть к берегу?
"Well, then, John, let us wait for the daylight."	- Хорошо, Джон, останемся здесь до утра.
Will Halley, however, ran up and down the deck like a maniac.	В это время Уилл Холли бегал словно сумасшедший по палубе своего брига.
His crew had recovered their senses, and now broached a cask of brandy, and began to drink.	Его матросы, выйдя из остолбенения, высадили дно у бочонка с водкой и принялись распивать его.
John foresaw that if they became drunk, terrible scenes would ensue.	Джон предвидел, что скоро начнется пьяный дебош.
The captain could not be relied on to restrain them; the wretched man tore his hair and wrung his hands.	Рассчитывать, что капитан сможет удержать свою команду, не приходилось. Этот ничтожный человек рвал на себе волосы и ломал руки.
His whole thought was his uninsured cargo.	Он думал только о своем грузе, который не был застрахован.
"I am ruined!	- Я разорен!
I am lost!" he would cry, as he ran from side to side.	Я погиб! - кричал он, перебегая от одного борта к другому.
John Mangles did not waste time on him.	Джон Манглс не стал его утешать.
He armed his two companions, and they all held themselves in readiness to resist the sailors who were filling themselves with brandy, seasoned with fearful blasphemies.	Он велел спутникам достать оружие, и все приготовились дать отпор матросам, которые пили водку и страшно ругались.
"The first of these wretches that comes near the ladies, I will shoot like a dog," said the Major, quietly.	- Пусть только кто-нибудь из этих мерзавцев приблизится к рубке - я убью его как собаку, - спокойно заявил майор.
The sailors doubtless saw that the passengers were determined to hold their own, for after some attempts at pillage, they disappeared to their own quarters.	Матросы, должно быть, поняли, что с ними церемониться не станут, и, увидев, что пытаться грабить их бесполезно, куда-то исчезли.
John Mangles thought no more of these drunken rascals, and waited impatiently for the dawn.	Джона Манглса эти пьяницы больше не заботили. Он с нетерпением ждал рассвета.
The ship was now quite motionless.	Бриг оставался совершенно неподвижным.

The sea became gradually calmer. The wind fell.	Ветер стихал. Море мало-помалу успокаивалось.
The hull would be safe for some hours yet.	Видимо, корпус судна мог продержаться еще несколько часов.
At daybreak John examined the landing-place; the yawl, which was now their only boat, would carry the crew and the passengers.	С восходом солнца Джон Манглс рассчитывал разглядеть берег. Если пристать будет нетрудно, то ялик - последняя лодка на судне - перевезет на берег и команду и пассажиров.
It would have to make three trips at least, as it could only hold four.	Придется сделать не меньше трех рейсов, ибо в ялик помещалось всего четыре человека.
As he was leaning on the skylight, thinking over the situation of affairs, John Mangles could hear the roaring of the surf.	Ведь шлюпку, как было сказано, снесло волной. Обдумывая это опасное положение, Джон Манглс, опершись о борт, прислушивался к шуму клокочущих бурунов.
He tried to pierce the darkness. He wondered how far it was to the land they longed for no less than dreaded.	Он старался разглядеть что-нибудь в беспросветном мраке и раздумывал, на каком расстоянии могла находиться эта столь желанная, но страшная земля.
A reef sometimes extends for miles along the coast.	Буруны часто тянутся на несколько миль от берега.
Could their fragile boat hold out on a long trip?	Сможет ли легкая, хрупкая лодка выдержать такой переход?
While John was thus ruminating and longing for a little light from the murky sky, the ladies, relying on him, slept in their little berths.	В то время как Джон Манглс, нетерпеливо ожидая, когда просветлеет небо, думал обо всем этом, женщины, положившись во всем на него, спали на своих койках.
The stationary attitude of the brig insured them some hours of repose.	Неподвижность судна дала им несколько часов отдыха.
Glenarvan, John, and their companions, no longer disturbed by the noise of the crew who were now wrapped in a drunken sleep, also refreshed themselves by a short nap, and a profound silence reigned on board the ship, herself slumbering peacefully on her bed of sand.	Гленарван, Джон Манглс и их спутники, не слыша больше" криков мертвецки пьяной команды, также решили немного поспать. В час ночи на "Маккуори", дремавшем на своем песчаном ложе, воцарилась полная тишина.
Toward four o'clock the first peep of dawn appeared in the east.	Около четырех часов утра на востоке показались первые проблески зари.
The clouds were dimly defined by the pale light of the dawn.	Облака посветлели в бледных лучах рассвета.
John returned to the deck.	Джон Манглс снова поднялся на палубу.
The horizon was veiled with a curtain of fog.	Туманная завеса застилала горизонт.
Some faint outlines were shadowed in the mist, but at a considerable height.	Какие-то неясные очертания будто реяли на некоторой высоте в утренней дымке.
A slight swell still agitated the sea, but the more distant waves were undistinguishable in a motionless bank of clouds.	Легкая зыбь колыхала море, и волны терялись в клубах тумана.
John waited.	Джон Манглс стал ждать.

The light gradually increased, and the horizon acquired a rosy hue.	Мало-помалу делалось светлее, восток загорался алым светом.
The curtain slowly rose over the vast watery stage.	Туман медленно поднимался.
Black reefs rose out of the waters.	Стали видны выступающие из воды черные скалы.
Then a line became defined on the belt of foam, and there gleamed a luminous beacon-light point behind a low hill which concealed the scarcely risen sun.	Затем за Полоской пены проступила черта, а высоко над нею загорелся, словно маяк, яркий свет - это еще невидимое солнце осветило остроконечную вершину горы.
There was the land, less than nine miles off.	Земля была там, милях в девяти.
"Land ho!" cried John Mangles.	- Земля! - крикнул Джон Манглс.
His companions, aroused by his voice, rushed to the poop, and gazed in silence at the coast whose outline lay on the horizon.	Его спутники, разбуженные этим криком, выбежали на палубу брига и молча устремили глаза на побережье, видневшееся у горизонта.
Whether they were received as friends or enemies, that coast must be their refuge.	Гостеприимное или пагубное, оно должно было дать им приют.
"Where is Halley?" asked Glenarvan.	- Где Уилл Холли? - спросил Гленарван.
"I do not know, my Lord," replied John Mangles.	- Не знаю, милорд, - ответил Джон Манглс.
"Where are the sailors?"	- А его матросы?
"Invisible, like himself."	- Скрылись, как и он.
"Probably dead drunk, like himself," added McNabbs.	- И, вероятно, как и он, мертвецки пьяны, - добавил Мак-Наббс.
"Let them be called," said Glenarvan, "we cannot leave them on the ship."	- Разыщите их, - сказал Гленарван. - Нельзя же их бросить на этом судне.
Mulrady and Wilson went down to the forecastle, and two minutes after they returned.	Мюльреди и Вильсон спустились в кубрик и тут же вернулись обратно.
The place was empty!	Там никого не оказалось.
They then searched between decks, and then the hold. But found no trace of Will Halley nor his sailors.	Затем они тщательно осмотрели все судно, до самого трюма, но ни Уилла Холли, ни его матросов нигде не обнаружили.
"What! no one?" exclaimed Glenarvan.	- Как, никого? - сказал Гленарван.
"Could they have fallen into the sea?" asked Paganel.	- Не упали ли они в море? - спросил Паганель.
"Everything is possible," replied John Mangles, who was getting uneasy.	- Все возможно, - отозвался Джон Манглс, очень озабоченный этим исчезновением.
Then turning toward the stern: "To the boat!" said he.	Затем, направляясь на корму, он крикнул: - К ялику!
Wilson and Mulrady followed to launch the yawl. The yawl was gone.	Вильсон и Мюльреди последовали за ним, чтобы спустить на воду ялик, но его не было - он исчез.
CHAPTER V CANNIBALS	Глава V МАТРОСЫ ПОНЕВОЛЕ
WILL HALLEY and his crew, taking advantage of the darkness of night and the sleep of the passengers, had fled with the only boat.	Уилл Холли ночью сбежал вместе со своей командой на единственной лодке брига.

There could be no doubt about it.	В этом не могло быть ни малейшего сомнения.
The captain, whose duty would have kept him on board to the last, had been the first to quit the ship.	Капитан, обязанный оставить судно последним, покинул его первым.
"The cowards are off!" said John Mangles. "Well, my Lord, so much the better. They have spared us some trying scenes."	- Эти мерзавцы сбежали, - сказал Джон Манглс. - Что ж, тем лучше, милорд, они избавили нас от многих неприятных сцен.
"No doubt," said Glenarvan; "besides we have a captain of our own, and courageous, if unskillful sailors, your companions, John.	- И я того же мнения, - согласился Гленарван. - К тому же, Джон, на судне ведь есть и капитан, и матросы, если не умелые, то, во всяком случае, храбрые, твои товарищи.
Say the word, and we are ready to obey."	Приказывай, мы готовы повиноваться!
The Major, Paganel, Robert, Wilson, Mulrady, Olbinett himself, applauded Glenarvan's speech, and ranged themselves on the deck, ready to execute their captain's orders.	Майор, Паганель, Роберт, Вильсон, Мюльреди и даже Олбинет встретили рукоплесканиями слова Гленарвана и, выстроившись на палубе, стали ждать распоряжений Джона Манглса.
"What is to be done?" asked Glenarvan.	- С чего же нам начать? - спросил Гленарван.
It was evident that raising the MACQUARIE was out of the question, and no less evident that she must be abandoned.	Было совершенно ясно, что поднять "Маккуори" невозможно; ясно и то, что единственный выход - это покинуть бриг.
Waiting on board for succor that might never come, would have been imprudence and folly.	Ждать на нем маловероятной помощи было бы не только неосторожно, но просто безумно.
Before the arrival of a chance vessel on the scene, the MACQUARIE would have broken up.	Пока появится этот спасительный корабль, "Маккуори" успеет обратиться в щепки.
The next storm, or even a high tide raised by the winds from seaward, would roll it on the sands, break it up into splinters, and scatter them on the shore.	Стоит только разыграться буре или просто подуть свежему ветру с открытого моря, и волны потащат по песку злосчастный бриг, разобьют, растерзают и размечут его обломки.
John was anxious to reach the land before this inevitable consummation.	Джон Манглс хотел добраться до суши раньше этой неминуемой гибели судна.
He proposed to construct a raft strong enough to carry the passengers, and a sufficient quantity of provisions, to the coast of New Zealand.	И он предложил построить такой крепкий плот, чтобы на нем можно было перевезти на берег Новой Зеландии пассажиров и достаточное количество съестных припасов.
There was no time for discussion, the work was to be set about at once, and they had made considerable progress when night came and interrupted them.	Обсуждать было некогда, и принялись за дело. Закипела работа, и до наступления темноты было немало сделано.
Toward eight o'clock in the evening, after supper, while Lady Helena and Mary Grant slept in their berths, Paganel and his friends conversed on serious matters as they walked up and down the deck.	Около восьми часов вечера, после ужина, в то время как леди Элен и Мери Грант лежали в рубке, Паганель и все остальные расхаживали по палубе, обсуждая положение.
Robert had chosen to stay with them.	Роберт не захотел идти спать.
The brave boy listened with all his ears, ready to be of use, and willing to enlist in any perilous adventure.	Храбрый мальчуган слушал, готовый оказать какую угодно услугу, пойти на любое самое опасное дело.

Paganel asked John Mangles whether the raft could not follow the coast as far as Auckland, instead of landing its freight on the coast.	Паганель спросил капитана, не может ли плот, вместо того чтобы высадить пассажиров на берег, проплыть с ними вдоль побережья до Окленда.
John replied that the voyage was impossible with such an unmanageable craft.	Джон Манглс ответил, что такое плавание на ненадежном плоту невозможно.
"And what we cannot do on a raft could have been done in the ship's boat?"	- А на ялике брига можно было бы решиться на то, что нельзя сделать на плоту?
"Yes, if necessary," answered John; "but we should have had to sail by day and anchor at night."	- Но только в крайнем случае, - ответил Джон Манглс, - и лишь при условии, что мы шли бы на нем днем, а ночью стояли на якоре.
"Then those wretches who abandoned us-"	- Так, значит, подлецы, которые нас бросили...
"Oh, as for them," said John, "they were drunk, and in the darkness I have no doubt they paid for their cowardice with their lives."	- Ах, эти! - сказал Джон Манглс. - Они были совсем пьяны, и я боюсь, что в такую непроглядную ночь они поплатились жизнью за свой низкий поступок.
"So much the worse for them and for us," replied Paganel; "for the boat would have been very useful to us."	- Тем хуже для них, - отозвался Паганель, - но тем хуже и для нас, ибо ялик был бы нам очень полезен.
"What would you have, Paganel? The raft will bring us to the shore," said Glenarvan.	- Что делать, Паганель! - вмешался в разговор Гленарван. - Плот доставит нас на сушу.
"The very thing I would fain avoid," exclaimed the geographer.	- Этого-то мне и хотелось бы избежать, - сказал географ.
"What! do you think another twenty miles after crossing the Pampas and Australia, can have any terrors for us, hardened as we are to fatigue?"	- Как, - воскликнул Гленарван, - нас ли, закаленных в странствиях по пампасам, может испугать путешествие в каких - нибудь двадцать миль.
"My friend," replied Paganel, "I do not call in question our courage nor the bravery of our friends.	- Друзья мои, - ответил Паганель, - я не сомневаюсь ни в нашей отваге, ни в мужестве наших спутниц.
Twenty miles would be nothing in any other country than New Zealand.	Двадцать миль - это, конечно, сущий пустяк, но не в Новой Зеландии.
You cannot suspect me of faint-heartedness. I was the first to persuade you to cross America and Australia.	Надеюсь, вы не заподозрите меня в малодушии - ведь я первый уговаривал вас пересечь Америку, пересечь Австралию.
But here the case is different. I repeat, anything is better than to venture into this treacherous country."	Но тут я еще раз повторяю: лучше все, что угодно, чем путешествие по этой вероломной стране.
"Anything is better, in my judgment," said John Mangles, "than braving certain destruction on a stranded vessel."	- Разве лучше верная гибель на разбитом судне? - возразил Джон Манглс.
"What is there so formidable in New Zealand?" asked Glenarvan.	- Что же такого страшного для нас в Новой Зеландии? - спросил Гленарван.
"The savages," said Paganel.	- Дикари, - ответил Паганель.

"The savages!" repeated Glenarvan. "Can we not avoid them by keeping to the shore? But in any case what have we to fear? Surely, two resolute and well-armed Europeans need not give a thought to an attack by a handful of miserable beings."	- Дикари? - повторил Гленарван. - Но разве мы не можем избежать встречи с ними, держась берега? И вообще, что могут несколько жалких дикарей сделать с десятком европейцев, хорошо вооруженных и готовых защищаться.
Paganel shook his head. "In this case there are no miserable beings to contend with. The New Zealanders are a powerful race, who are rebelling against English rule, who fight the invaders, and often beat them, and who always eat them!"	- Это вовсе не жалкие дикари, - отвечал, качая головой, Паганель. - Новозеландцы объединены в грозные племена, борющиеся против английского владычества. Они сражаются с захватчиками, часто побеждают их, а победив, всегда съедают!
"Cannibals!" exclaimed Robert, "cannibals?" Then they heard him whisper, "My sister! Lady Helena."	- Так это людоеды! Людоеды! - крикнул Роберт, а затем прошептал еле слышно: - Сестра... леди Элен...
"Don't frighten yourself, my boy," said Glenarvan; "our friend Paganel exaggerates."	- Не бойся, мой мальчик, - сказал, желая успокоить его, Гленарван. - Наш друг Паганель преувеличивает.

"Far from it," rejoined Paganel. "Robert has shown himself a man, and I treat him as such, in not concealing the truth from him."	- Я ничего не преувеличиваю, - возразил географ. - Роберт уже не раз показал себя мужчиной, и я говорю с ним как с мужчиной, не скрывая правды. Новозеландцы самые жестокие, если не сказать самые убежденные, из всех людоедов. Они пожирают всех, кто им попадается. Для них война - всего лишь охота за вкусной дичью, которая называется человеком, и, надо признать, такая война не лишена смысла. Европейцы убивают врагов и зарывают их в землю. Дикари убивают врагов и поедают их, а, как сказал мой соотечественник Туснель, не так жестоко зажарить врага, как убить его, когда он не хочет умирать. - Это спорный вопрос, Паганель, - сказал майор, - но сейчас не время для дискуссий. Есть ли логика или нет в том, чтобы быть съеденным, нам этого не хочется. Но как же христианство еще не победило эти людоедские нравы? - Так вы думаете, что все новозеландцы христиане? - возразил Паганель. - Таких очень немного, и миссионеры слишком часто становятся жертвами дикарей. В прошлом году был зверски замучен преподобный Уокнер. Маори повесили его. Их женщины выкололи ему глаза. Его кровь выпили, мозг - съели. И это убийство произошло в 1864 году, в Опотики, в нескольких лье от Окленда, буквально под носом у английских властей. Нужны века, друзья мои, чтобы изменить натуру целой расы. Маори еще долго будут такими, какими были всегда. Вся их история полна кровавых расправ. Сколько моряков они растерзали и сожрали: от матросов Тасмана до экипажа судна "Хоус"! И дело не в том, что им понравилось мясо белых. Задолго до прибытия европейцев новозеландцы убивали друг друга, потакая своему чревоугодию. Многие путешественники, жившие среди них, присутствовали при каннибальских трапезах, участникам которых просто хотелось поесть лакомого кушанья, такого, как мясо женщины или ребенка! - Ба! - сказал майор. - Не рождено ли большинство этих рассказов воображением путешественников? Приятно вернуться из опасных стран, едва избежав участи попасть в желудки людоедов. - Я допускаю, что в этих свидетельствах есть известная доля преувеличения, - ответил Паганель, - но ведь обо всем этом рассказывали люди, достойные доверия, как, например, Марсден, капитаны Дюмон-Дюрвиль, Лаплас и многие другие, и я верю их рассказам, не могу им не верить. Новозеландцы по природе жестоки. Когда у них умирает вождь, они совершают человеческие жертвоприношения. Считается, что жертвы смягчают гнев умершего, иначе этот гнев мог бы обрушиться на живых. Заодно вождь получает и слуг для "того света". Но так как, принося в

	жертву этих слуг, новозеландцы затем пожирают их, то есть основание считать, что делается это скорее из желания поесть человеческого мяса, чем из суеверия. - Однако, - сказал Джон Манглс, - я думаю, что людоедство обусловлено и религией. Поэтому, если изменится религия, изменятся и нравы. Что ж, друг мой Джон, - ответил Паганель, - вы затронули серьезный вопрос о происхождении людоедства. Религия ли, голод ли побуждает людей пожирать друг друга? Теперь этот спор был бы праздным. Пока не решен вопрос, почему существует каннибализм, но он существует - вот важный факт, который оправдывает нашу тревогу.
Paganel was right.	Паганель был прав.
Cannibalism has become a fixed fact in New Zealand, as it is in the Fijis and in Torres Strait.	Людоедство в Новой Зеландии стало таким же хроническим явлением, как и на островах Фиджи или Торресова пролива.
Superstition is no doubt partly to blame, but cannibalism is certainly owing to the fact that there are moments when game is scarce and hunger great.	Суеверие, несомненно, играет известную роль в этих гнусных обычаях, но все же людоедство существует главным образом потому, что бывают времена, когда дичь в этих местах редка, а голод силен.
The savages began by eating human flesh to appease the demands of an appetite rarely satiated; subsequently the priests regulated and satisfied the monstrous custom.	Дикари начали есть человеческое мясо, чтобы утолить голод. В дальнейшем их жрецы утвердили и освятили этот чудовищный обычай.
What was a meal, was raised to the dignity of a ceremony, that is all.	Потребность стала обрядом - вот и все.
Besides, in the eyes of the Maories, nothing is more natural than to eat one another.	К тому же, с точки зрения маори, нет ничего более естественного, чем поедать друг друга.
The missionaries often questioned them about cannibalism.	Миссионеры часто говорили с ними о каннибализме.
They asked them why they devoured their brothers; to which the chiefs made answer that fish eat fish, dogs eat men, men eat dogs, and dogs eat one another.	Спрашивали, почему они поедают своих братьев. На это вожди отвечали, что рыбы едят рыб, собаки - людей, люди - собак и что собаки едят друг друга.
Even the Maori mythology has a legend of a god who ate another god; and with such a precedent, who could resist eating his neighbor?	В их мифологии есть даже легенда о том, как один бог съел другого. Исходя из таких примеров, как устоять от соблазна пожирать себе подобных?
Another strange notion is, that in eating a dead enemy they consume his spiritual being, and so inherit his soul, his strength and his bravery, which they hold are specially lodged in the brain.	Притом новозеландцы утверждают, что, пожирая врага, они уничтожают его духовную сущность, и таким образом к ним переходит его душа, сила, доблесть, ибо все это, главным образом, заключено в его мозгу.
This accounts for the fact that the brain figures in their feasts as the choicest delicacy, and is offered to the most honored guest.	Вот почему мозг и считается на пиршествах людоедов лучшим и почетным блюдом.

But while he acknowledged all this, Paganel maintained, not without a show of reason, that sensuality, and especially hunger, was the first cause of cannibalism among the New Zealanders, and not only among the Polynesian races, but also among the savages of Europe.	Однако Паганель настаивал, и не без оснований, на том, что прихоть и, главное, голод толкали на людоедство не только новозеландцев, но и первобытных жителей Европы.
"For," said he, "cannibalism was long prevalent among the ancestors of the most civilized people, and especially (if the Major will not think me personal) among the Scotch."	- Да, - прибавил Паганель, - людоедство свирепствовало среди предков самых цивилизованных народов, и не посчитайте, друзья мои, за личную обиду, если я скажу вам, что особенно оно было развито у шотландцев.
"Really," said McNabbs.	- В самом деле? - сказал Мак-Наббс.
"Yes, Major," replied Paganel. "If you read certain passages of Saint Jerome, on the Atticoli of Scotland, you will see what he thought of your forefathers. And without going so far back as historic times, under the reign of Elizabeth, when Shakespeare was dreaming out his Shy-lock, a Scotch bandit, Sawney Bean, was executed for the crime of cannibalism.	- Да, майор, - подтвердил Паганель. - Если вы прочтете некоторые отрывки из летописей Шотландии, вы увидите, каковы были ваши праотцы, и, даже не углубляясь в доисторические времена, можно указать, что в царствование Елизаветы, в то самое время, когда Шекспир создавал своего Шейлока, шотландский разбойник Сони Бин был казнен за людоедство.
Was it religion that prompted him to cannibalism?	Что побудило его есть человеческое мясо? Религия?
No! it was hunger."	Нет, голод.
"Hunger?" said John Mangles.	- Голод? - спросил Джон Манглс.
"Hunger!" repeated Paganel; "but, above all, the necessity of the carnivorous appetite of replacing the bodily waste, by the azote contained in animal tissues.	- Да, голод, - повторил Паганель, - а точнее, та потребность пополнять в организме запас азота, содержащегося в животной пище, которую испытывают все плотоядные.
The lungs are satisfied with a provision of vegetable and farinaceous food.	Корнеплоды, крахмалистые овощи полезны для работы легких.
But to be strong and active the body must be supplied with those plastic elements that renew the muscles.	Но чтобы быть сильным, надо питаться мясом, в котором есть все, что нужно для укрепления мышц.
Until the Maories become members of the Vegetarian Association they will eat meat, and human flesh as meat."	До тех пор, пока маори не вступят в вегетарианское общество, они будут есть мясо, причем человеческое мясо.
"Why not animal flesh?" asked Glenarvan.	- А почему не мясо животных? - спросил Гленарван.
"Because they have no animals," replied Paganel; "and that ought to be taken into account, not to extenuate, but to explain, their cannibal habits.	- Потому что животных у них нет, - ответил Паганель, - и это надо знать: не для того, чтобы оправдывать новозеландцев, но чтобы объяснить их людоедство.
Quadrupeds, and even birds, are rare on these inhospitable shores, so that the Maories have always eaten human flesh.	В этом негостеприимном крае редки не только четвероногие, но и птицы. Поэтому-то маори во все времена и питались человеческим мясом.
There are even 'man-eating seasons,' as there are in civilized countries hunting seasons.	У них даже существует резон людоедства, как охотничий сезон в цивилизованных странах.

Then begin the great wars, and whole tribes are served up on the tables of the conquerors."	Тут начинаются у новозеландцев великие охоты, иначе говоря - великие войны, после которых целые племена попадают на стол победителей.
"Well, then," said Glenarvan, "according to your mode of reasoning, Paganel, cannibalism will not cease in New Zealand until her pastures teem with sheep and oxen."	- Так по-вашему, Паганель, людоедство в Новой Зеландии переведется лишь тогда, когда на ее лугах будут пастись стада овец, быков и свиней? - заметил Гленарван.
"Evidently, my dear Lord; and even then it will take years to wean them from Maori flesh, which they prefer to all others; for the children will still have a relish for what their fathers so highly appreciated.	- Очевидно, так, дорогой лорд. Но еще и потом понадобятся годы, чтобы маори отвыкли от мяса своих соплеменников, которое они предпочитают всякому другому, ибо не скоро сыновьям перестанет нравиться то, что нравилось отцам.
According to them it tastes like pork, with even more flavor.	Если верить дикарям, мясо новозеландцев похоже на свинину, но более ароматно.
As to white men's flesh, they do not like it so well, because the whites eat salt with their food, which gives a peculiar flavor, not to the taste of connoisseurs."	До мяса же европейцев они не очень охочи, потому что белые добавляют в пищу соль, и это придает их мясу особый привкус, который гурманам не по нраву.
"They are dainty," said the Major. "But, black or white, do they eat it raw, or cook it?"	- Они разборчивы! - сказал майор. - Ну, а как они едят это мясо - и белых и чернокожих - сырым или жареным?
"Why, what is that to you, Mr. McNabbs?" cried Robert.	- Да зачем вам это нужно знать, мистер Мак-Наббс? - воскликнул Роберт.
"What is that to me!" exclaimed the Major, earnestly. "If I am to make a meal for a cannibal, I should prefer being cooked."	- А как же, мой мальчик! - серьезным тоном ответил майор. - Ведь если мне придется кончить свои дни в пасти у людоеда, я предпочитаю быть зажаренным.
"Why?"	- Почему?
"Because then I should be sure of not being eaten alive!"	- Для уверенности в том, что меня не съедят живым.
"Very good. Major," said Paganel; "but suppose they cooked you alive?"	- Да, но зато вас станут поджаривать живым, майор! - озадачил его географ.
"The fact is," answered the Major, "I would not give half-a-crown for the choice!"	- Действительно, выбор не из легких, - ответил майор.
"Well, McNabbs, if it will comfort you-you may as well be told-the New Zealanders do not eat flesh without cooking or smoking it.	- Как бы то ни было, узнайте, к вашему удовольствию, Мак-Наббс, что новозеландцы употребляют человеческое мясо только в жареном или копченом виде.
They are very clever and experienced in cookery.	Это люди благовоспитанные, знатоки кулинарного искусства.
For my part, I very much dislike the idea of being eaten!	Но мне отвратительна сама мысль быть съеденным!
The idea of ending one's life in the maw of a savage! bah!"	Окончить жизнь в желудке дикаря! Тьфу!

"The conclusion of all," said John Mangles, "is that we must not fall into their hands. Let us hope that one day Christianity will abolish all these monstrous customs."	- Словом, из всего этого ясно, что не следует попадать им в руки, - заключил Джон Манглс. - Будем все же надеяться, что когда-нибудь христианство уничтожит эти чудовищные обычаи.
"Yes, we must hope so," replied Paganel; "but, believe me, a savage who has tasted human flesh, is not easily persuaded to forego it.	- Да, остается только надеяться, - ответил Паганель, - но, поверьте, дикарь, раз отведавший человеческого мяса, не так легко откажется от него.
I will relate two facts which prove it."	Судите сами по двум примерам.
"By all means let us have the facts, Paganel," said Glenarvan.	- Каким же, Паганель? - спросил Гленарван.
"The first is narrated in the chronicles of the Jesuit Society in Brazil.	- О первом сообщается в записках иезуитского миссионерского общества в Бразилии.
A Portuguese missionary was one day visiting an old Brazilian woman who was very ill.	Как-то раз один португальский миссионер повстречал больную старуху-бразилианку.
She had only a few days to live.	Ей оставалось жить считанные дни.
The Jesuit inculcated the truths of religion, which the dying woman accepted, without objection.	Иезуит открыл ей истины христианства, и старуха приняла их, не прекословя.
Then having attended to her spiritual wants, he bethought himself of her bodily needs, and offered her some European delicacies.	Оделив ее пищей духовной, иезуит подумал и о телесной пище и предложил кающейся грешнице несколько европейских блюд.
'Alas,' said she, 'my digestion is too weak to bear any kind of food.	"Ох, - простонала в ответ старуха, - мой желудок не принимает никакой пищи.
There is only one thing I could fancy, and nobody here could get it for me.'	Вот только одного мне хотелось бы поесть, но этого никто мне здесь не достанет". -
'What is it?' asked the Jesuit.	"Что же это?" - спросил иезуит.
'Ah! my son,' said she, 'it is the hand of a little boy!	"Ах, сынок, это детская ручка!
I feel as if I should enjoy munching the little bones!'"	Я бы, кажется, с удовольствием обсосала косточки!"
"Horrid! but I wonder is it so very nice?" said Robert.	- Неужели это так вкусно? - спросил Роберт.
"My second tale will answer you, my boy," said Paganel: "One day a missionary was reproving a cannibal for the horrible custom, so abhorrent to God's laws, of eating human flesh!	- Вторая история ответит на твой вопрос, мой мальчик, - продолжал Паганель. - Один миссионер говорил в упрек людоеду, что есть человеческое мясо отвратительно и противно божеским законам.
'And beside,' said he, 'it must be so nasty!'	"Да, должно быть, и невкусно!" - прибавил он.
'Oh, father,' said the savage, looking greedily at the missionary, 'say that God forbids it! That is a reason for what you tell us. But don't say it is nasty!	"О, отец мой! - ответил дикарь, с вожделением поглядывая на миссионера. - Скажите, что не велит бог, но не говорите, что это не вкусно!
If you had only tasted it!'"	Если бы вы попробовали!.."
CHAPTER VI A DREADED COUNTRY	Глава VII ВЫСАДКА НА ЗЕМЛЮ, ОТ КОТОРОЙ ЛУЧШЕ БЫ ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ
PAGANEL'S facts were indisputable.	Все, что говорил Паганель, было бесспорно.

The cruelty of the New Zealanders was beyond a doubt, therefore it was dangerous to land.	Несомненно, новозеландцы жестоки, и высаживаться на их побережье опасно.
But had the danger been a hundredfold greater, it had to be faced.	Но будь эта опасность в сто раз большей, все же приходилось идти ей навстречу.
John Mangles felt the necessity of leaving without delay a vessel doomed to certain and speedy destruction.	Джон Манглс сознавал всю необходимость безотлагательно покинуть судно, обреченное на скорую гибель.
There were two dangers, one certain and the other probable, but no one could hesitate between them.	Выбирая из двух опасностей - одной неизбежной, а другой только вероятной, - колебаться не приходилось.
As to their chance of being picked up by a passing vessel, they could not reasonably hope for it.	Трудно было рассчитывать на то, что путешественников может подобрать какое-нибудь судно:
The MACQUARIE was not in the track of ships bound to New Zealand.	"Маккуори" был в стороне от пути судов, идущих в Новую Зеландию.
They keep further north for Auckland, further south for New Plymouth, and the ship had struck just between these two points, on the desert region of the shores of Ika-na-Mani, a dangerous, difficult coast, and infested by desperate characters.	Они обычно проходят или севернее, в Окленд, или южнее, в Нью-Плимут. А бриг застрял как раз между этими двумя пунктами, против пустынных берегов Те-Ика-а-Мауи. А это опасные, редко посещаемые берега. Суда избегают их, и, если ветер заносит их сюда, они стараются как можно скорее уйти из этих мест.
"When shall we get away?" asked Glenarvan.	- Когда мы двинемся? - спросил Гленарван.
"To-morrow morning at ten o'clock," replied John Mangles. "The tide will then turn and carry us to land."	- Завтра в десять часов, - ответил Джон Манглс, - в это время начнется прилив, и он понесет нас к берегу.
Next day, February 5, at eight o'clock, the raft was finished.	Сооружение плота было закончено на следующий день, 5 февраля, к восьми часам утра.
John had given all his attention to the building of this structure.	Джон Манглс приложил все усилия, чтобы оборудовать его как можно лучше.
The foreyard, which did very well for mooring the anchors, was quite inadequate to the transport of passengers and provisions.	Марс, на котором перевозили якоря, конечно, не мог доставить на берег людей и съестные припасы.
What was needed was a strong, manageable raft, that would resist the force of the waves during a passage of nine miles.	Нужно было более солидное сооружение, способное выдержать плавание в девять миль.
Nothing but the masts could supply suitable materials.	Такой плот можно было построить только из мачт.
Wilson and Mulrady set to work; the rigging was cut clear, and the mainmast, chopped away at the base, fell over the starboard rail, which crashed under its weight.	Вильсон и Мюльреди принялись за работу. Они перерубили такелаж, и грот-мачта с треском упала под ударами топора на правый борт.
The MACQUARIE was thus razed like a pontoon.	"Маккуори" без мачт стал похож на понтон.

When the lower mast, the topmasts, and the royals were sawn and split, the principal pieces of the raft were ready. They were then joined to the fragments of the foremast and the whole was fastened securely together. John took the precaution to place in the interstices half a dozen empty barrels, which would raise the structure above the level of the water.	Нижняя часть мачты, грот-стеньга и грот-брам-стеньга были распилены и разъединены. Теперь главные части плота уже были спущены на воду. Их присоединили к обломкам фок-мачты. Все эти длинные шесты крепко-накрепко связали канатами, а между ними Джон Манглс распорядился укрепить полдюжины пустых бочек - они должны были приподнять плот над водой.
On this strong foundation, Wilson laid a kind of floor in open work, made of the gratings off the hatches.	На этом прочном фундаменте Вильсон сделал из решетчатых люков нечто вроде пола.
The spray could then dash on the raft without staying there, and the passengers would be kept dry.	Благодаря этому вода могла прокатываться по плоту, не задерживаясь на нем.
In addition to this, the hose-pipes firmly lashed together formed a kind of circular barrier which protected the deck from the waves.	К тому же крепко привязанные вокруг плота пустые бочки из-под воды образовали как бы борт для защиты от больших волн.
That morning, John seeing that the wind was in their favor, rigged up the royal-yard in the middle of the raft as a mast.	В то утро Джон Манглс, увидев, что дует попутный ветер, распорядился установить посередине плота грот-брам-рей вместо мачты.
It was stayed with shrouds, and carried a makeshift sail.	Его укрепили вантами и подняли на него парус.
A large broad-bladed oar was fixed behind to act as a rudder in case the wind was sufficient to require it.	У задней части плота было установлено большое весло с широкой лопастью - для управления.
The greatest pains had been expended on strengthening the raft to resist the force of the waves, but the question remained whether, in the event of a change of wind, they could steer, or indeed, whether they could hope ever to reach the land.	Столь тщательно и обдуманно построенный плот должен был выдержать удары волн. Но если ветер изменится, возможно ли будет управлять плотом, достигнет ли он берега? Этого никто не знал.
At nine o'clock they began to load. First came the provisions, in quantity sufficient to last till they should reach Auckland, for they could not count on the productions of this barren region.	В девять часов на плот погрузили столько провизии, что ее хватило бы до самого Окленда, ибо в этом бесплодном краю нельзя было рассчитывать достать что-либо съестное.
Olbinett's stores furnished some preserved meat which remained of the purchase made for their voyage in the MACQUARIE.	Из припасов, купленных Олбинетом для путешествия на "Маккуори", осталось лишь некоторое количество мясных консервов.
This was but a scanty resource.	Этого, конечно, было мало.
They had to fall back on the coarse viands of the ship; sea biscuits of inferior quality, and two casks of salt fish.	Пришлось взять и запасы грубой пищи с брига: морские сухари далеко не лучшего качества и два бочонка соленой рыбы.
The steward was quite crestfallen.	Стюарда это очень огорчило.
These provisions were put in hermetically sealed cases, staunch and safe from sea water, and then lowered on to the raft and strongly lashed to the foot of the mast.	Продукты поместили в герметически закупоренные, непроницаемые для морской воды ящики, которые спустили на плот и прикрепили к основанию мачты толстыми найтовами.
The arms and ammunition were piled in a dry corner.	Ружья и боевые припасы уложили в безопасное сухое место.

Fortunately the travelers were well armed with carbines and revolvers.	К счастью, путешественники были хорошо вооружены карабинами и револьверами.
A holding anchor was also put on board in case John should be unable to make the land in one tide, and would have to seek moorings.	Погрузили и небольшой якорь на тот случай, если не удастся добраться до берега за один прилив и придется в ожидании следующего стоять на якоре в море.
At ten o'clock the tide turned.	В десять часов начался прилив.
The breeze blew gently from the northwest, and a slight swell rocked the frail craft.	Дул слабый северо-западный ветер. По морю шла легкая зыбь.
"Are we ready?" asked John. "All ready, captain," answered Wilson.	- Все готово? - спросил Джон Манглс. - Все готово, капитан, - ответил Вильсон.
"All aboard!" cried John.	- На посадку! - крикнул Джон Манглс.
Lady Helena and Mary Grant descended by a rope ladder, and took their station at the foot of the mast on the cases of provisions, their companions near them.	Леди Элен и Мери Грант спустились на плот по грубой веревочной лестнице и сели около мачты на ящики со съестными припасами. Их спутники разместились вокруг них.
Wilson took the helm.	Вильсон взялся за руль.
John stood by the tackle, and Mulrady cut the line which held the raft to the ship's side.	Джон Манглс стал у паруса. Мюльреди перерубил канат, которым плот был привязан к бригу.
The sail was spread, and the frail structure commenced its progress toward the land, aided by wind and tide.	Поставили парус, и плот, движимый силой прилива и ветра, двинулся к берегу.
The coast was about nine miles off, a distance that a boat with good oars would have accomplished in three hours.	До него было девять миль. Расстояние незначительное, на шлюпке с хорошими гребцами его можно было пройти в каких-нибудь три часа.
But with a raft allowance must be made.	На плоту, конечно, это должно было занять больше времени.
If the wind held, they might reach the land in one tide.	Правда, если бы ветер продержался, можно было бы доплыть за один прилив.
But if the breeze died away, the ebb would carry them away from the shore, and they would be compelled to anchor and wait for the next tide, a serious consideration, and one that filled John Mangles with anxiety.	Но если он спадет, то отлив повлечет плот обратно в море, и тогда придется бросить якорь и дожидаться следующего прилива. Положение было не из легких, и это очень беспокоило Джона Манглса.
Still he hoped to succeed.	Но все же он верил в успех.
The wind freshened.	Ветер свежел.
The tide had turned at ten o'clock, and by three they must either make the land or anchor to save themselves from being carried out to sea.	Так как прилив начался в десять часов, то необходимо было добраться до берега не позже трех часов дня, иначе придется бросить якорь, или отлив унесет плот.
They made a good start.	Вначале все шло хорошо.
Little by little the black line of the reefs and the yellow banks of sand disappeared under the swelling tide.	Черные верхушки рифов и желтые песчаные мели мало-помалу исчезали под волнами усиливавшегося прилива.

Extreme watchfulness and perfect skill were necessary to avoid these submerged rocks, and steer a bark that did not readily answer to the helm, and that constantly broke off.	Нужно было напряженное внимание и большое искусство, чтобы избегать этих прячущихся под водой скал и править плотом, который плохо слушался руля и легко уклонялся в сторону.
At noon they were still five miles from shore.	В двенадцать часов плот был еще в пяти милях от земли.
A tolerably clear sky allowed them to make out the principal features of the land.	Погода была ясной, и уже можно было разглядеть рельеф берега.
In the northeast rose a mountain about 2,300 feet high, whose sharply defined outline was exactly like the grinning face of a monkey turned toward the sky.	На северо-востоке вырисовывалась гора странного вида. Ее очертания были похожи на запрокинутую голову кривляющейся обезьяны.
It was Pirongia, which the map gave as exactly on the 38th parallel.	То была гора Пиронгиа высотой в две тысячи пятьсот футов, расположенная, судя по карте, у тридцать восьмой параллели.
At half-past twelve, Paganel remarked that all the rocks had disappeared under the rising tide.	В половине первого Паганель обратил внимание своих спутников на то, что все подводные скалы исчезли под волнами.
"All but one," answered Lady Helena.	- Кроме одной, - отозвалась леди Элен.
"Which, Madam?" asked Paganel.	- Какой? - спросил Паганель.
"There," replied she, pointing to a black speck a mile off.	- Вон той, - ответила леди Элен, показывая на черную точку в миле от плота.
"Yes, indeed," said Paganel. "Let us try to ascertain its position, so as not to get too near it, for the sea will soon conceal it."	- Верно, - согласился географ, - постараемся же точно определить положение этой скалы, чтобы не наткнуться на нее: ведь прилив скоро скроет ее.
"It is exactly in a line with the northern slope of the mountain," said John Mangles. "Wilson, mind you give it a wide berth."	- Она находится прямо по линии северного гребня горы, - сказал Джон Манглс. - Смотри, Вильсон, обходи ее.
"Yes, captain," answered the sailor, throwing his whole weight on the great oar that steered the raft.	- Есть, капитан! - ответил матрос, наваливаясь всей тяжестью на большое рулевое весло.
In half an hour they had made half a mile.	За полчаса прошли еще полмили.
But, strange to say, the black point still rose above the waves.	Но странно: черная точка все еще виднелась среди волн.
John looked attentively, and in order to make it out, borrowed Paganel's telescope.	Джон Манглс внимательно вглядывался в нее и, чтобы лучше рассмотреть, попросил у Паганеля его подзорную трубу.
"That is no reef," said he, after a moment; "it is something floating, which rises and falls with the swell."	Поглядев в нее, молодой капитан сказал: - Это вовсе не скала, это какой-то предмет, качающийся на волнах.
"Is it part of the mast of the MACQUARIE?" asked Lady Helena.	- Не обломок ли мачты с "Маккуори"? - спросила леди Элен.
"No," said Glenarvan, "none of her timbers could have come so far."	- Нет, - ответил Гленарван, - ни один обломок не мог уплыть так далеко от судна.
"Stay!" said John Mangles; "I know it!	- Постойте! - крикнул Джон Манглс. - Я узнаю его!
It is the boat."	Это ялик!

"The ship's boat?" exclaimed Glenarvan.	- Ялик с брига? - спросил Гленарван.
"Yes, my lord. The ship's boat, keel up."	- Да, милорд, он самый, опрокинутый вверх дном.
"The unfortunate creatures," cried Lady Helena, "they have perished!"	- Несчастные! - воскликнула леди Элен. - Они погибли!
"Yes, Madam," replied John Mangles, "they must have perished, for in the midst of these breakers in a heavy swell on that pitchy night, they ran to certain death."	- Да, погибли, - подтвердил Джон Манглс. - И они неминуемо должны были погибнуть, ибо в бурном море, беспросветной ночью, среди этих рифов они шли на верную смерть. - Да простит их бог! - прошептала Мери Грант.
For a few minutes the passengers were silent.	Несколько минут путешественники молчали.
They gazed at the frail craft as they drew near it.	Они глядели на приближавшийся утлый челн.
It must evidently have capsized about four miles from the shore, and not one of the crew could have escaped.	Очевидно, он перевернулся в четырех милях от берега, и, разумеется, ни один из плывших в нем не спасся.
"But this boat may be of use to us," said Glenarvan.	- Но ялик, пожалуй, может нам пригодиться, - сказал Гленарван.
"That is true," answered John Mangles. "Keep her up, Wilson."	- Конечно, - ответил Джон Манглс. - Правь к нему, Вильсон.
The direction was slightly changed, but the breeze fell gradually, and it was two hours before they reached the boat.	Матрос выполнил приказание капитана, но ветер спадал, и плот добрался до опрокинутого ялика лишь к двум часам.
Mulrady, stationed forward, fended off the blow, and the yawl was drawn alongside.	Мюльреди, стоявший на передней части плота, ловко подтянул ялик к борту.
"Empty?" asked John Mangles.	- Пустой? - спросил Джон Манглс.
"Yes, captain," answered the sailor, "the boat is empty, and all its seams are open.	- Да, капитан, - ответил матрос. - Ялик пуст и пробит.
It is of no use to us."	Значит, нам он не годится.
"No use at all?" said McNabbs.	- И с ним ничего нельзя сделать? - спросил Мак-Наббс.
"None at all," said John Mangles. "It is good for nothing but to burn."	- Ничего, - ответил Джон Манглс. - Это обломок, годный только на дрова.
"I regret it," said Paganel, "for the yawl might have taken us to Auckland."	- Жаль, - сказал Паганель. - На ялике мы могли бы добраться до Окленда.
"We must bear our fate, Monsieur Paganel," replied John Mangles. "But, for my part, in such a stormy sea I prefer our raft to that crazy boat.	- Что делать, господин Паганель, - отозвался Джон Манглс. - Впрочем, на таких волнах я все же предпочитаю наш плот этой легкой лодке.
A very slight shock would be enough to break her up.	Достаточно слабого удара, чтобы разбить ее.
Therefore, my lord, we have nothing to detain us further."	Что ж, милорд, нам здесь больше нечего делать.
"As you think best, John."	- Едем дальше, Джон, - сказал Гленарван.
"On then, Wilson," said John, "and bear straight for the land."	- Правь прямо к берегу, Вильсон! - приказал капитан.
There was still an hour before the turn of the tide.	Прилив должен был держаться еще с час.

In that time they might make two miles.	За это время удалось пройти две мили.
But the wind soon fell almost entirely, and the raft became nearly motionless, and soon began to drift to seaward under the influence of the ebb-tide.	Но тут ветер почти совсем спал; казалось даже, что он начинает дуть с берега. Плот остановился. А вскоре отлив стал сносить его в открытое море.
John did not hesitate a moment.	Нельзя было терять ни секунды.
"Let go the anchor," said he.	- Отдать якорь! - крикнул Джон Манглс.
Mulrady, who stood to execute this order, let go the anchor in five fathoms water.	Мюльреди, бывший наготове, бросил якорь на глубине в тридцать пять футов.
The raft backed about two fathoms on the line, which was then at full stretch.	Плот отнесло назад еще немного, а затем перлинь туго натянулся, и плот застыл, обращенный передней частью к берегу.
The sail was taken in, and everything made snug for a tedious period of inaction.	Убрали парус, приготовились к довольно долгой стоянке.
The returning tide would not occur till nine o'clock in the evening; and as John Mangles did not care to go on in the dark, the anchorage was for the night, or at least till five o'clock in the morning, land being in sight at a distance of less than three miles.	Следующий прилив должен был начаться в девять часов вечера, а так как Джон Манглс не хотел идти на плоту ночью, предстояло простоять на якоре до пяти часов утра. Плот был меньше чем в трех милях от берега.
A considerable swell raised the waves, and seemed to set in continuously toward the coast, and perceiving this, Glenarvan asked John why he did not take advantage of this swell to get nearer to the land.	На море было довольно сильное волнение, и казалось, валы катились к берегу. И Гленарван, узнав, что предстоит провести на плоту всю ночь, спросил Джона Манглса, почему он не воспользуется этими валами, чтобы приблизиться к берегу.
"Your Lordship is deceived by an optical illusion," said the young captain. "Although the swell seems to carry the waves landward, it does not really move at all.	- Вас вводит в заблуждение оптический обман, милорд, - ответил ему капитан. - Зыбь не движется вперед, хотя так кажется.
It is mere undulating molecular motion, nothing more.	Это просто колебания воды.
Throw a piece of wood overboard and you will see that it will remain quite stationary except as the tide affects it.	Бросьте в волны деревяшку, и увидите, что ее никуда не унесет, пока не начнется отлив.
There is nothing for it but patience."	Нам остается только запастись терпением и ждать.
"And dinner," said the Major.	- И пообедать, - добавил майор.
Olbinett unpacked some dried meat and a dozen biscuits.	Олбинет достал из ящика с провизией несколько кусков сушеного мяса и дюжину сухарей.
The steward blushed as he proffered the meager bill of fare.	Стюард был смущен скудным меню, которое приходилось предлагать господам.
But it was received with a good grace, even by the ladies, who, however, had not much appetite, owing to the violent motion.	Но все ели охотно, не исключая путешественниц, хотя качка совсем не прибавляла им аппетита.
This motion, produced by the jerking of the raft on the cable, while she lay head on to the sea, was very severe and fatiguing.	Волны ударяли в плот, якорный канат натягивался до отказа, и эти резкие толчки были очень утомительны.

The blows of the short, tumbling seas were as severe as if she had been striking on a submerged rock.	Плот то и дело сотрясали короткие порывистые волны - не хуже, чем подводные рифы.
Sometimes it was hard to believe that she was not aground.	Подчас казалось, что он и на самом деле бьется о камни.
The cable strained violently, and every half hour John had to take in a fathom to ease it.	Перлинь сильно дергало, и молодой капитан травил его каждые полчаса.
Without this precaution it would certainly have given way, and the raft must have drifted to destruction.	Без этой предосторожности канат неизбежно лопнул бы, и плот унесло бы в открытое море.
John's anxiety may easily be understood.	Легко понять опасения Джона Манглса.
His cable might break, or his anchor lose its hold, and in either case the danger was imminent.	Лопни трос, сорвись якорь - в обоих случаях положение оказалось бы отчаянное.
Night drew on; the sun's disc, enlarged by refraction, was dipping blood-red below the horizon.	Приближалась ночь. Кроваво-красный диск солнца, вытянутый из-за преломления света, вот-вот должен был исчезнуть за горизонтом.
The distant waves glittered in the west, and sparkled like sheets of liquid silver.	Далеко на западе вода блестела и сверкала, словно расплавленное серебро.
Nothing was to be seen in that direction but sky and water, except one sharply-defined object, the hull of the MACQUARIE motionless on her rocky bed.	Там ничего не было видно, кроме неба и моря, да еще остова "Маккуори", неподвижно стоявшего на мели.
The short twilight postponed the darkness only by a few minutes, and soon the coast outline, which bounded the view on the east and north, was lost in darkness.	Сумерки длились всего несколько минут, и скоро берега, замыкавшие горизонт на севере и на востоке, потонули во мраке.
The shipwrecked party were in an agonizing situation on their narrow raft, and overtaken by the shades of night.	Как тоскливо было потерпевшим крушение путешественникам на тесном плоту, среди ночи!
Some of the party fell into a troubled sleep, a prey to evil dreams; others could not close an eye.	Одни забылись в тяжелой дремоте, нагонявшей тревожные сны, другие всю ночь не могли сомкнуть глаз.
When the day dawned, the whole party were worn out with fatigue.	Все встретили рассвет, разбитые усталостью.
With the rising tide the wind blew again toward the land.	С началом прилива снова подул ветер с моря.
It was six o'clock in the morning, and there was no time to lose.	Было шесть часов утра. Время не ждало.
John arranged everything for resuming their voyage, and then he ordered the anchor to be weighed.	Джон Манглс приготовил все к отплытию. Он приказал поднять якорь.
But the anchor flukes had been so imbedded in the sand by the repeated jerks of the cable, that without a windlass it was impossible to detach it, even with the tackle which Wilson had improvised.	Но толчки натянутого перлиня загнали лапы якоря глубоко в песок. Без брашпиля, даже блоками, поставленными Вильсоном, оказалось невозможным вытащить его.
Half an hour was lost in vain efforts.	Полчаса прошло в тщетных попытках.

John, impatient of delay, cut the rope, thus sacrificing his anchor, and also the possibility of anchoring again if this tide failed to carry them to land.	Наконец Джон Манглс, которому не терпелось отплыть, велел перерубить канат. Лишаясь якоря, молодой капитан исключил возможность стоянки в том случае, если бы прилив и на этот раз не донес их до берега.
But he decided that further delay was not to be thought of, and an ax-blow committed the raft to the mercy of the wind, assisted by a current of two knots an hour.	Но Джон Манглс не хотел больше задерживаться, и удар топора предал плот на волю ветра и волн. Скорость течения была около двух узлов.
The sail was spread. They drifted slowly toward the land, which rose in gray, hazy masses, on a background of sky illumined by the rising sun.	Поставили парус, и плот медленно понесло к земле, которая вырисовывалась еще неясно, какой-то серой массой на фоне рассветного неба.
The reef was dexterously avoided and doubled, but with the fitful breeze the raft could not get near the shore.	Искусно обойденные рифы остались позади. Но при переменчивом ветре с моря плот двигался так медленно, что, казалось, совсем не приближался к берегу.
What toil and pain to reach a coast so full of danger when attained.	Сколько трудностей, чтобы добраться до страны, которая грозила такими опасностями!
At nine o'clock, the land was less than a mile off.	Все же в девять часов до земли оставалось уже меньше мили.
It was a steeply-shelving shore, fringed with breakers; a practicable landing-place had to be discovered.	Волны разбивались о крутые берега. Нужно было найти место Для высадки.
Gradually the breeze grew fainter, and then ceased entirely.	Ветер все слабел и слабел и наконец совсем спал.
The sail flapped idly against the mast, and John had it furled.	Парус повис и только отягощал мачту. Джон приказал спустить его.
The tide alone carried the raft to the shore, but steering had become impossible, and its passage was impeded by immense bands of FUCUS.	Теперь только один прилив нес плот к берегу, и управлять им больше было нельзя. А тут еще ход замедляли огромные морские водоросли.
At ten o'clock John found himself almost at a stand-still, not three cables' lengths from the shore.	В десять часов Джон убедился, что они почти не двигаются с места, а до берега еще добрых три кабельтовых.
Having lost their anchor, they were at the mercy of the ebb-tide.	Стать на якорь нельзя. Неужели их отнесет отливом в открытое море?
John clenched his hands; he was racked with anxiety, and cast frenzied glances toward this inaccessible shore.	Джон Манглс в тревоге, судорожно стиснув руки, мрачно глядел на недоступную землю.
In the midst of his perplexities, a shock was felt.	К счастью - теперь это действительно было счастьем, - вдруг сильный толчок сотряс плот.
The raft stood still.	Он остановился.
It had landed on a sand-bank, twenty-five fathoms from the coast.	Это плот выплыл на мелководье и уткнулся в песчаное дно в двухстах футах от берега.
Glenarvan, Robert, Wilson, and Mulrady, jumped into the water.	Гленарван, Роберт, Вильсон, Мюльреди бросились в воду.
The raft was firmly moored to the nearest rocks.	Плот привязали канатами к ближайшим скалам.

The ladies were carried to land without wetting a fold of their dresses, and soon the whole party, with their arms and provisions, were finally landed on these much dreaded New Zealand shores.	Женщин перенесли на берег, передавая их с рук на руки, и они не замочили даже подола платья. И вот все путешественники, с оружием и съестными припасами, окончательно высадились на зловещий берег Новой Зеландии.
GLENARVAN would have liked to start without an hour's delay, and follow the coast to Auckland.	Гленарвану хотелось немедленно двинуться вдоль побережья к Окленду.
But since the morning heavy clouds had been gathering, and toward eleven o'clock, after the landing was effected, the vapors condensed into violent rain, so that instead of starting they had to look for shelter.	Но с самого утра небо стали заволакивать густые тучи, а после высадки на берег, около одиннадцати часов утра, начался ливень. Пуститься в дорогу было невозможно. Пришлось искать убежища.
Wilson was fortunate enough to discover what just suited their wants: a grotto hollowed out by the sea in the basaltic rocks.	Вильсон очень удачно нашел пещеру, выдолбленную морем в базальтовых скалах.
Here the travelers took shelter with their arms and provisions.	Путешественники приютились в ней вместе с оружием и провизией.
In the cave they found a ready-garnered store of dried sea-weed, which formed a convenient couch; for fire, they lighted some wood near the mouth of the cavern, and dried themselves as well as they could.	В пещере оказалось множество сухих водорослей, когда-то занесенных сюда морскими волнами. Это были готовые постели, которыми и пришлось удовольствоваться. У входа в пещеру собрали кое-какой хворост, развели костер, и каждый стал обсушиваться.
John hoped that the duration of this deluge of rain would be in an inverse ratio to its violence, but he was doomed to disappointment.	Джон Манглс надеялся, что чем сильнее ливень, тем скорее он должен прекратиться. Он ошибся.
Hours passed without any abatement of its fury.	Прошло несколько часов, а дождь все хлестал.
Toward noon the wind freshened, and increased the force of the storm.	Около полудня сильный ветер еще увеличил непогоду.
The most patient of men would have rebelled at such an untoward incident; but what could be done; without any vehicle, they could not brave such a tempest; and, after all, unless the natives appeared on the scene, a delay of twelve hours was not so much consequence, as the journey to Auckland was only a matter of a few days.	Такая помеха могла кого угодно вывести из себя. Но что же было делать? Пуститься в дорогу в такую грозу пешком было бы безумием. К тому же путь до Окленда должен был занять несколько суток, и задержка в полдня не имела особого значения, если, конечно, не появятся туземцы.
During this involuntary halt, the conversation turned on the incidents of the New Zealand war.	Во время этой вынужденной остановки зашел разговор о войне, происходившей тогда в Новой Зеландии.
But to understand and appreciate the critical position into which these MACQUARIE passengers were thrown, something ought to be known of the history of the struggle which had deluged the island of Ika-na-Mani with blood.	Но, чтобы понять и оценить, насколько серьезно было положение к моменту высадки потерпевших крушение на "Маккуори", надо знать всю историю той кровавой борьбы, которая разыгралась на острове Те-Ика-а-Мауи.
Since the arrival of Abel Tasman in Cook's Strait, on the 16th of December, 1642, though the New Zealanders had often been visited by European vessels, they had maintained their liberty in their several islands.	После появления Абеля Тасмана в проливе Кука в декабре 1642 года здешние берега часто посещались европейскими судами, но это не мешало новозеландцам пользоваться полной свободой на своих независимых островах.

No European power had thought of taking possession of this archipelago, which commands the whole Pacific Ocean.	Ни одно из европейских государств еще не помышляло о захвате этого архипелага, так выгодно расположенного в Тихом океане.
The missionaries stationed at various points were the sole channels of Christian civilization.	Только обосновавшиеся кое-где миссионеры приобщали эту девственную страну к цивилизации христианских стран.
Some of them, especially the Anglicans, prepared the minds of the New Zealand chiefs for submitting to the English yoke.	Некоторые из них, особенно англиканские, старались приучить новозеландских вождей к мысли о том, что им необходимо склониться под игом Англии.
It was cleverly managed, and these chiefs were influenced to sign a letter addressed to Queen Victoria to ask her protection.	И ловко одураченные вожди подписали письмо к королеве Виктории, в котором просили ее покровительства.
But the most clearsighted of them saw the folly of this step; and one of them, after having affixed his tattoo-mark to the letter by way of signature, uttered these prophetic words:	Но наиболее дальновидные понимали глупость такого шага, и один из них, поставив под этим посланием отпечаток своей татуировки, пророчески сказал:
"We have lost our country! henceforth it is not ours; soon the stranger will come and take it, and we shall be his slaves."	"Мы потеряли родину. Отныне она не наша. Скоро ее захватят иноземцы, и мы станем их рабами".
And so it was; on January 29, 1840, the English corvette HERALD arrived to claim possession.	Вождь был прав. 29 января 1840 года в Бей-оф-Айлендс на севере Те-Ика-а-Мауи появился английский корвет "Герольд". Капитан корвета Гобсон высадился у селения Коророрека. Туземцев собрали в протестантскую церковь. Здесь капитан прочел им привезенные от английской королевы грамоты. 5 января 1841 года английский резидент капитан Гобсон вызвал к себе в селение Пайя главных вождей новозеландцев. Он старался убедить вождей подчиниться английской королеве, говоря, что она послала войска и корабли для их защиты, что у них останутся неприкосновенные права и полная свобода. Но их земли будут принадлежать королеве Виктории, которой они и должны продать их. Большинство вождей, найдя цену королевского покровительства слишком высокой, отказались от него. Но посулы и подарки оказали большее действие на дикарей, чем громкие слова капитана Гобсона, и сделка состоялась.
From the year 1840, till the day the DUNCAN left the Clyde, nothing had happened here that Paganel did not know and he was ready to impart his information to his companions.	Что же произошло в Новой Зеландии со знаменательного 1840 года по тот день, когда "Дункан" вышел из залива Клайд? Все это знал Жак Паганель и готов был сообщить своим Друзьям.
"Madam," said he, in answer to Lady Helena's questions, "I must repeat what I had occasion to remark before, that the New Zealanders are a courageous people, who yielded for a moment, but afterward fought foot to foot against the English invaders.	- Сударыня, - обратился он к леди Элен, - я повторяю то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что новозеландцы - народ отважный. Уступив в какой-то момент притязаниям Англии, они скоро стали защищать каждую пядь земли.

The Maori tribes are organized like the old clans of Scotland.	Маорийские племена похожи на шотландские кланы.
They are so many great families owning a chief, who is very jealous of his prerogative.	Каждое из них - целый род, подчиняющийся одному вождю, который не терпит ослушания.
The men of this race are proud and brave, one tribe tall, with straight hair, like the Maltese, or the Jews of Bagdad; the other smaller, thickset like mulattoes, but robust, haughty, and warlike. They had a famous chief, named Hihi, a real Vercingetorix, so that you need not be astonished that the war with the English has become chronic in the Northern Island, for in it is the famous tribe of the Waikatos, who defend their lands under the leadership of William Thompson."	Мужчины Новой Зеландии - люди гордые и храбрые. Одни из них высокого роста, с гладкими волосами, похожи на мальтийцев или багдадских евреев - это высшая раса; другие меньше ростом, коренастые, напоминают мулатов, но все они сильные и воинственные. Некогда был у них знаменитый вождь по имени Хихи. Не удивительно, что на острове Те-Ика-а-Мауи война с англичанами тянется без конца. Ведь здесь обитает неустрашимое племя ваикато, которое вождь Уильям Томсон увлекает на защиту родной земли.
"But," said John Mangles, "are not the English in possession of the principal points in New Zealand?"	- Но разве англичанам принадлежат главные пункты Новой Зеландии? - спросил Джон Манглс.
"Certainly, dear John," replied Paganel. "After Captain Hobson took formal possession, and became governor, nine colonies were founded at various times between 1840 and 1862, in the most favorable situations.	- Конечно, дорогой Джон, - ответил Паганель. - С тех пор как капитан Гобсон захватил Новую Зеландию и стал ее губернатором, на островах возникло к 1862 году девять колоний, и все они занимают самые удобные места.

These formed the nucleus of nine provinces, four in the North Island and five in the southern island, with a total population of 184,346 inhabitants on the 30th of June, 1864."	Из этих колоний образовалось девять провинций: четыре на северном острове - Окленд, Таранаки, Уэллингтон, Гаукс-Бей, - и пять на южном острове - Нельсон, Малборо, Кентербери, Отаго и Вестланд. Тридцатого июня 1864 года в этих провинциях насчитывалось сто восемьдесят тысяч триста сорок шесть жителей. Повсюду выросли важные торговые города. Когда мы доберемся до Окленда, вас, я уверен, поразит расположение этого южного Коринфа. Он господствует над узким перешейком, переброшенным, точно мост, через воды Тихого океана. В городе уже двенадцать тысяч жителей. На западном побережье вырос Нью - Плимут, на восточном - Агугири, на южном - Уэллингтон; это все цветущие города с оживленной торговлей. И на Южном острове - Те-Вахи-пуна-му - трудно сказать, какой город лучше: утопающий в садах Нельсон, прославленный своими винами, как во Франции - Монпелье; Пиктон, расположенный у пролива Кука; или Крайстчёрч, Инверкаргилл и Данидин - города богатой провинции Отаго, куда стекаются искатели золота со всего света. И заметьте, это не просто скопления хижин, населенных семействами дикарей, но настоящие города с портами, соборами, банками, доками, ботаническими садами, музеями, обществами акклиматизации, газетами, больницами, благотворительными обществами, философскими институтами, масонскими ложами, клубами, обществами хорового пения, с театрами, дворцами, построенными для всемирной выставки, точь-в-точь как в Париже или Лондоне. И если память не изменяет мне, в текущем, 1865 году, быть может, даже в то время, когда я все это вам рассказываю, промышленные изделия всего земного шара выставлены здесь, в этой стране. - Как, несмотря на войну с туземцами? - спросила леди Элен. - Что такое какая-то война для англичан! - ответил Паганель. - Они и сражаются и устраивают выставки в одно и то же время. Их это нисколько не смущает. Они даже строят под выстрелами новозеландцев железные дороги. В провинции Окленд две железнодорожных линии ходят через опорные пункты повстанцев. Я готов биться об заклад, что железнодорожники отстреливаются с паровозов.
"But what about this interminable war?" asked John Mangles.	- И на каком же сейчас этапе эта бесконечная война? - спросил Джон Манглс.
"Well," said Paganel, "six long months have gone by since we left Europe, and I cannot say what may have happened during that time, with the exception of a few facts which I gathered from the newspapers of Maryborough and Seymour during our Australian journey.	- Вот уже шесть месяцев, как мы покинули Европу, и я, конечно, не могу знать, что случилось после нашего отплытия, - ответил Паганель, - за исключением разве нескольких происшествий, о которых я прочитал в газетах Мериборо и Симура, еще когда мы были в Австралии.

At that time the fighting was very lively in the Northern Island."	Тогда, помнится, шли бои на Те-Ика-а-Мауи.
"And when did the war commence?" asked Mary Grant.	- А когда началась война? - спросила Мери Грант.
"Recommence, you mean, my dear young lady," replied Paganel; "for there was an insurrection so far back as 1845.	- Вы, дорогая мисс Грант, верно, хотели сказать: "когда возобновилась", - ответил Паганель, - ибо первое восстание было в 1845 году.
The present war began toward the close of 1863; but long before that date the Maories were occupied in making preparations to shake off the English yoke.	Так вот: возобновилась война в конце 1863 года. Но маори задолго до этого начали готовиться к свержению английского владычества.
The national party among the natives carried on an active propaganda for the election of a Maori ruler. The object was to make old Potatau king, and to fix as the capital of the new kingdom his village, which lay between the Waikato and Waipa Rivers.	Туземная национальная партия вела деятельную пропаганду за то, чтобы избрать правителем одного из маорийских вождей, Потатау. Она хотела сделать этого старого вождя королем, а его селение, лежащее между реками Уаикато и Уайпа - столицей нового государства.
Potatau was an old man, remarkable rather for cunning than bravery; but he had a Prime Minister who was both intelligent and energetic, a descendant of the Ngatihahuas, who occupied the isthmus before the arrival of the strangers.	У самого старого Потатау было больше хитрости, чем храбрости, но его премьер-министром был умный и энергичный человек из племени игати-хауа, которое обитало на Оклендском перешейке до захвата его иноземцами.
This minister, William Thompson, became the soul of the War of Independence, and organized the Maori troops, with great skill.	Этот министр, по имени Уильям Томсон, стал вдохновителем освободительной войны. Он очень умело сформировал из маори боевые отряды.
Under this guidance a Taranaki chief gathered the scattered tribes around the same flag; a Waikato chief formed a 'Land League,' intended to prevent the natives from selling their land to the English Government, and warlike feasts were held just as in civilized countries on the verge of revolution.	Под его влиянием один вождь из Таранаки объединил несколько разрозненных племен. Другой вождь, из провинции Уаикато, основал Земельную лигу, которая убеждала туземцев не продавать своих земель английскому правительству. Перед началом переворота, как и в цивилизованных странах, дали несколько пиров.
The English newspapers began to notice these alarming symptoms, and the government became seriously disturbed at these 'Land League' proceedings.	Английские газеты начали указывать на эти тревожные симптомы; правительство было не на шутку обеспокоено действиями Земельной лиги.
In short, the train was laid, and the mine was ready to explode.	Словом, умы возбуждены, бомба готова взорваться.
Nothing was wanted but the spark, or rather the shock of rival interests to produce the spark.	Не хватало только искры, вернее, столкновения интересов, чтобы высечь ее.
"This shock took place in 1860, in the Taranaki province on the southwest coast of Ika-na-Mani.	- И это столкновение?.. - спросил Гленарван. - ... произошло в 1860 году, - отвечал Паганель, - в провинции Таранаки, на юго-западном побережье острова Те-Ика - а-Мауи.
A native had six hundred acres of land in the neighborhood of New Plymouth.	У одного туземца было шестьсот акров земли близ Нью-Плимута.

He sold them to the English Government; but when the surveyor came to measure the purchased land, the chief Kingi protested, and by the month of March he had made the six hundred acres in question into a fortified camp, surrounded with high palisades.	Он продал их английскому правительству. Когда землемеры явились вымерять проданный участок, вождь Кинги стал протестовать, а в марте этого года он выстроил на спорных шестистах акрах лагерь, огороженный высоким частоколом.
Some days after Colonel Gold carried this fortress at the head of his troops, and that day heard the first shot fired of the native war."	Через несколько дней полковник Голд со своим отрядом взял укрепление приступом. В тот же день прогремел первый выстрел национальной войны. - А многочисленны ли маори? - спросил Джон Манглс. - За последние сто лет их стало меньше, - ответил географ. - В 1769 году Кук определял их число в четыреста тысяч человек. А в 1845 году, по переписи туземного протектората, маорийское население уменьшилось до ста девяти тысяч. Болезни, водка и войны "за просвещение" сократили его, но и сейчас на обоих островах все же насчитывается девяносто тысяч туземцев, в том числе тридцать тысяч воинов, которые еще долго будут наносить поражения европейским войскам.
"Have the rebels been successful up to this time?"	- И что же, до сих пор восстание шло успешно? - спросила леди Элен.
"Yes, Madam, and the English themselves have often been compelled to admire the courage and bravery of the New Zealanders.	- Да. И самих англичан не раз приводила в восхищение отвага новозеландцев.
Their mode of warfare is of the guerilla type; they form skirmishing parties, come down in small detachments, and pillage the colonists' homes.	Они ведут партизанскую войну, совершают налеты, нападают на небольшие подразделения регулярных войск, грабят усадьбы английских поселенцев.
General Cameron had no easy time in the campaigns, during which every bush had to be searched.	Генералу Камерону пришлось туго в этой войне: опасность таилась за каждым кустом.
In 1863, after a long and sanguinary struggle, the Maories were entrenched in strong and fortified position on the Upper Waikato, at the end of a chain of steep hills, and covered by three miles of forts.	В 1863 году после долгой борьбы не на жизнь, а на смерть маори занимали у верховий реки Уаикато, в конце цепи крутых холмов, сильную укрепленную позицию, защищенную тремя оборонительными линиями.
The native prophets called on all the Maori population to defend the soil, and promised the extermination of the pakekas, or white men.	Местные пророки призывали все население на защиту своей земли, обещая полную победу над "пакекас", то есть белыми.
General Cameron had three thousand volunteers at his disposal, and they gave no quarter to the Maories after the barbarous murder of Captain Sprent.	Туземцам противостояли три тысячи английских солдат под командой генерала Камерона; они беспощадно расправлялись с маори, после того как те зверски убили капитана Спрента.
Several bloody engagements took place; in some instances the fighting lasted twelve hours before the Maories yielded to the English cannonade.	Происходили кровопролитные сражения. Иные длились по двенадцать часов, а маори все не отступали под пушечными выстрелами европейцев.
The heart of the army was the fierce Waikato tribe under William Thompson.	Ядром этой свободолюбивой армии было свирепое племя ваикато во главе с Уильямом Томсоном.

This native general commanded at the outset 2,500 warriors, afterward increased to 8,000. The men of Shongi and Heki, two powerful chiefs, came to his assistance.	Этот туземный полководец сначала командовал двумя с половиной тысячами воинов, потом восемью тысячами, когда к нему присоединились со своими подданными два грозных вождя - Хонги и Хеке.
The women took their part in the most trying labors of this patriotic war.	Женщины самоотверженно помогали мужчинам в этой освободительной войне.
But right has not always might.	Но сила не всегда на стороне справедливости.
After severe struggles General Cameron succeeded in subduing the Waikato district, but empty and depopulated, for the Maories escaped in all directions.	После жестоких боев генерал Камерон все же завоевал округ Уаикато, правда, пустой и обезлюдевший, ибо маори покинули его.
Some wonderful exploits were related.	Во время этой войны совершались удивительные подвиги.
Four hundred Maories who were shut up in the fortress of Orakau, besieged by 1,000 English, under Brigadier-General Carey, without water or provisions, refused to surrender, but one day at noon cut their way through the then decimated 40th Regiment, and escaped to the marshes."	Четыреста маори, осажденные в крепости Оракау тысячей англичан под командованием бригадного генерала Кери, без воды и пищи, отказались сдаться. Наконец, среди бела дня, осажденные проложили себе путь оружием сквозь ряды сорокового полка и скрылись в болотах.
"But," asked John Mangles, "did the submission of the Waikato district put an end to this sanguinary war?"	- Но с покорением округа Уаикато эта кровавая война окончилась? - спросил Джон Манглс.
"No, my friend," replied Paganel. "The English resolved to march on Taranaki province and besiege Mataitawa, William Thompson's fortress.	- Нет, друг мой, - ответил Паганель. - Англичане решили идти на провинцию Таранаки и осадить там крепость Матантава, где засел Уильям Томсон.
But they did not carry it without great loss.	Но без больших потерь взять ее им не удастся.
Just as I was leaving Paris, I heard that the Governor and the General had accepted the submission of the Tauranga tribes, and left them in possession of three-fourths of their lands.	Перед самым отъездом из Парижа я прочитал в газетах, что племя тауранга изъявило покорность генералу и губернатору и что туземцам оставили три четверти земель.
It was also rumored that the principal chief of the rebellion, William Thompson, was inclined to surrender, but the Australian papers have not confirmed this, but rather the contrary, and I should not be surprised to find that at this moment the war is going on with renewed vigor."	Говорилось, что и главный вождь восстания, Уильям Томсон, также собирается сдаться. Однако австралийские газеты не только не подтвердили эти слухи, но сообщили обратное. Так что, возможно, новозеландцы с новой энергией готовятся к сопротивлению.
"Then, according to you, Paganel," said Glenarvan, "this struggle is still going on in the provinces of Auckland and Taranaki?"	- И по вашему мнению, Паганель, - спросил Гленарван, - арена этой борьбы - Таранаки и Оклендская провинция?
"I think so."	- Думаю, что да.
"This very province where the MACQUARIE'S wreck has deposited us."	- Та самая, куда мы заброшены крушением "Маккуори"?
"Exactly.	- Вот именно!
We have landed a few miles above Kawhia harbor, where the Maori flag is probably still floating."	Мы высадились всего в нескольких милях севернее гавани Кафиа, где и сейчас, должно быть, развевается национальный флаг маори.

"Then our most prudent course would be to keep toward the north," remarked Glenarvan.	- Тогда будет благоразумнее идти на север, - сказал Гленарван.
"By far the most prudent," said Paganel. "The New Zealanders are incensed against Europeans, and especially against the English.	- Конечно, - согласился Паганель. - Новозеландцы ненавидят европейцев, особенно англичан.
Therefore let us avoid falling into their hands."	Поэтому постараемся не попасть им в руки.
"We might have the good fortune to fall in with a detachment of European troops," said Lady Helena.	- Быть может, мы встретим какой-нибудь отряд английских войск, - сказала леди Элен. - Это было бы большой удачей.
"We may, Madam," replied the geographer; "but I do not expect it.	- Возможно, - ответил географ, - но я на это не надеюсь.
Detached parties do not like to go far into the country, where the smallest tussock, the thinnest brushwood, may conceal an accomplished marksman.	Отдельные английские отряды не особенно охотно появляются в здешних местах, где за каждым деревом, каждым кустиком прячется искусный стрелок.
I don't fancy we shall pick up an escort of the 40th Regiment.	Вот почему я не рассчитываю на конвой из солдат сорокового полка.

But there are mission-stations on this west coast, and we shall be able to make them our halting-places till we get to Auckland."	Но на западном побережье, вдоль которого лежит наш путь в Окленд, находится несколько миссий, и мы сможем там остановиться. Хорошо бы нам попасть на дорогу, по которой шел вдоль реки Уаикато Хохштеттер. - Кто он - путешественник? - спросил Роберт Грант. - Да, мой мальчик, это член научной экспедиции, совершившей кругосветное путешествие на австрийском фрегате "Новара" в 1858 году. - Господин Паганель, - не унимался Роберт, глаза которого загорались при мысли о великих географических экспедициях, - в Новой Зеландии тоже были знаменитые путешественники, как Бёрк и Стюарт в Австралии? - Их было несколько, мой мальчик, например: доктор Хукер, профессор Бризар, естествоиспытатели Диффенбах и Юлиус Гаст. Но хотя некоторые из них поплатились жизнью за свою страсть к приключениям, они не так знамениты, как путешественники по Австралии и Африке. - А вы знаете что-нибудь о них? - спросил юный Грант. - Еще бы! И так как я вижу, дружок, что ты горишь нетерпением узнать столько же, я все расскажу тебе. - Спасибо, господин Паганель, я вас слушаю. - И мы тоже слушаем, - сказала леди Элен. - Уже не в первый раз мы набираемся знаний благодаря плохой погоде. Господин Паганель, рассказывайте нам всем. - К вашим услугам, сударыня, - ответил географ. - Но рассказ не будет длинным. Ведь это не то, что отважные исследователи, которые, не щадя сил, пробирались через Австралию, настоящий лабиринт Минотавра. Новая Зеландия слишком мала, чтобы быть недоступной для человека. Поэтому мои герои, собственно говоря, не путешественники, а просто туристы, ставшие жертвой обыкновенных несчастных случаев. - Назовите их, - попросила Мери Грант. - Геометр Уиткомб и Чарльтон Ховит. Это он нашел останки Бёрка, погибшего во время памятной экспедиции, о которой я вам рассказывал на берегу Уиммеры. Уиткомб и Ховит были во главе двух экспедиций на остров Те-Вахи-пуна-му. Оба они в начале 1863 года отправились из Крайстчёрча с целью найти проходы в горах на севере провинции Кентербери. Ховит, перевалив через горную цепь у северной границы провинции, устроил свою штаб-квартиру на берегах озера Браннер. Уиткомб же нашел в долине реки Ракаиа проход к восточному склону горы Тиндаль. У Уиткомба был спутник, Джекоб Лаупер, впоследствии опубликовавший в газете "Литтлтон Таймс" рассказ об этом путешествии и о катастрофе, которой оно завершилось. Насколько помню, эти два исследователя находились двадцать второго апреля 1863 года у ледника, где берут начало истоки реки Ракаиа.

Отсюда они поднялись на вершину горы и стали разыскивать новые горные проходы. На следующий день Уиткомб и Лаупер, измученные усталостью и холодом, сделали привал на снегу на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря. Семь дней бродили они среди гор, по ущельям, замкнутым со всех сторон отвесными скалами. Часто дождь мешал им развести огонь, случалось и голодать. Их сахар превратился в сироп, сухари - в мокрое тесто; одежда их была насквозь промочена дождем; их терзали насекомые. В удачные дни они проходили по три мили, но бывали и такие, когда они продвигались всего на каких-нибудь двести ярдов. Наконец двадцать девятого апреля они набрели на маорийскую хижину; в огороде нашлось немного картофеля. Это был последний раз, когда друзья ели вместе. Вечером они добрались до морского берега близ устья реки Тарамакау. Надо было переправиться на правый берег, чтобы потом идти на север, к реке Грей. Тарамакау - широкая и глубокая река. После долгих поисков Лаупер наткнулся на два продырявленных челнока. Он починил их, как смог, а затем связал вместе. Оба путешественника сели в челноки и стали переправляться. Едва успели они добраться до середины реки, как челноки наполнились водой. Уиткомб вернулся вплавь к левому берегу. Джекоб Лаупер не умел плавать и потому уцепился за свой челнок. Это спасло его, но все же ему пришлось пережить немало злоключений. Несчастного понесло к бурунам. Одна волна накрыла его, другая снова выбросила на поверхность. Его ударило о скалы. Наступила непроглядная ночь. Дождь лил как из ведра. Окровавленного, промокшего Лаупера носило несколько часов по волнам. Наконец челнок ударился о берег, и Лаупер, без сознания, очутился на земле. Придя в себя на рассвете, он дополз до ручья и скоро убедился, что его отнесло на целую милю от того места, где они пытались переправиться через реку. Он встал, пошел вдоль берега и вскоре набрел на несчастного Уиткомба - тот был мертв и увяз головой и туловищем в тине. Лаупер руками вырыл в песке яму и похоронил труп товарища. Два дня спустя умирающего от голода Лаупера приютили какие-то гостеприимные маори - бывают среди них и такие, - а четвертого мая он добрался до лагеря Чарльтона Ховита на берегу озера Браннер. А через полтора месяца и сам Ховит погиб так же, как Уиткомб. - Да, - сказал Джон Манглс, - это какая-то цепь несчастий. Кажется, путешественники связаны какой-то нитью, и когда она рвется, то они погибают один за другим. - Вы правы, друг Джон, - ответил Паганель. - Мне тоже это часто приходило в голову. В силу

	какого совпадения Ховит окончил свою жизнь почти при таких же обстоятельствах, что и Уиткомб? Что тут скажешь? Чарльтон Ховит выполнил задание Уайда, начальника правительственных работ, - наметить трассу проезжей дороги от равнины Хурунуи до устья реки Тарамакау. Ховит тронулся в путь первого января 1863 года с пятью спутниками. Он очень удачно справился с поручением: была проложена дорога длиной в сорок миль, до самой реки Тарамакау, но переправиться через нее оказалось невозможным. Ховит вернулся в Крайстчёрч. Несмотря на то что надвигалась зима, он испросил разрешения продолжать работы. Мистер Уайд дал согласие. Ховит, запасшись всем необходимым, отправился обратно в свой лагерь, намереваясь провести там зимний сезон. В ту пору и пришел в лагерь Джекоб Лаупер. Двадцать седьмого июня Ховит с двумя рабочими, Робертом Литлом и Генри Мюлисом, покинул лагерь. Они отплыли в лодке на противоположную сторону озера Браннер. И с тех пор исчезли бесследно. Легкую плоскодонку, на которой они плыли, нашли опрокинутой на берегу. Их тщетно разыскивали целых два месяца. Очевидно, эти несчастные, никто из которых не умел плавать, утонули в озере. - А может быть, они остались целы и невредимы и попали к какому-нибудь новозеландскому племени, - сказала леди Элен. - Во всяком случае, их смерть не так уж несомненна. - Увы, сударыня, нет, - ответил Паганель, - в августе 1865 года прошло уже больше года, а эти люди еще не вернулись... - И географ шепотом закончил: - А кто не вернулся из Новой Зеландии за год, тот погиб безвозвратно.
CHAPTER VIII ON THE ROAD TO AUCKLAND	Глава IX ТРИДЦАТЬ МИЛЬ К СЕВЕРУ
ON the 7th of February, at six o'clock in the morning, the signal for departure was given by Glenarvan.	7 февраля, в шесть часов утра, Гленарван повел свой отряд в путь.
During the night the rain had ceased.	Дождь прекратился еще ночью.
The sky was veiled with light gray clouds, which moderated the heat of the sun, and allowed the travelers to venture on a journey by day.	Сероватые тучи, заволакивавшие все небо на высоте трех миль, задерживали солнечные лучи. Жары не чувствовалось, и дневной переход обещал быть не слишком тяжелым.
Paganel had measured on the map a distance of eighty miles between Point Kawhia and Auckland; it was an eight days' journey if they made ten miles a day.	Паганель определил по карте расстояние от мыса Кафиа до Окленда: оно составляло восемьдесят миль, что означало восемь дней пути, по десяти миль в сутки.
But instead of following the windings of the coast, he thought it better to make for a point thirty miles off, at the confluence of the Waikato and the Waipa, at the village of Ngarnavahia.	Но, вместо того чтобы идти вдоль извилистого морского побережья, географ предпочел направиться к селению Нгаруавахиа, расположенному в тридцати милях при слиянии двух рек - Уаикато и Уайпы.

The "overland track" passes that point, and is rather a path than a road, practicable for the vehicles which go almost across the island, from Napier, in Hawke's Bay, to Auckland.	Здесь проходила почтовая дорога, вернее, тропа, доступная для повозок, которая пересекает большую часть острова - от бухты Хока до Окленда.
From this village it would be easy to reach Drury, and there they could rest in an excellent hotel, highly recommended by Dr. Hochstetter.	По ней можно было бы добраться до Друри и там хорошенько отдохнуть в превосходной гостинице, которую очень хвалит естествоиспытатель Хохштеттер.
The travelers, each carrying a share of the provisions, commenced to follow the shore of Aotea Bay.	Распределив между собой груз, путешественники двинулись по берегу бухты Аотеа.
From prudential motives they did not allow themselves to straggle, and by instinct they kept a look-out over the undulating plains to the eastward, ready with their loaded carbines.	Из осторожности все держались вместе, и мужчины, сжимая заряженные карабины, настороженно оглядывали холмистую равнину, расстилавшуюся к востоку.

Paganel, map in hand, took a professional pleasure in verifying the minutest details.	Паганель, со своей превосходной картой в руках, находил особое удовольствие в том, чтобы отмечать точность малейших подробностей. Часть дня маленький отряд шел по истертым в песок обломкам двустворчатых раковин и крабьих панцирей, смешанных, главным образом, с окислами железа. Стоит поднести к такой почве магнит, как он тотчас покрывается блестящими кристалликами. На берегу, у края прилива, резвились, даже и не думая убегать, несколько тюленей. Эти морские животные, с круглой головой, широким покатым лбом, выразительными глазами, имели очень добродушный вид. Глядя на них, можно было понять, почему легенда опоэтизировала этих любопытных обитателей моря, сделав из них, даже несмотря на их далеко не гармоничное ворчание, обольстительниц-сирен. Тюлени эти водятся в большом количестве у берегов Новой Зеландии, на них ведется охота, весьма выгодная, так как их жир и шкуры высоко ценятся. Среди тюленей выделялись три или четыре морских слона. Они были серо-голубого цвета, длиной футов в двадцать. Эти огромные животные, лениво раскинувшись на толстом слое гигантских водорослей - ламинарий, раздували "хобот" и смешно поводили длинными, жесткими, загнутыми усами, напоминавшими пробочник или подвитые усы какого-нибудь щеголя. Роберту доставляло большое удовольствие наблюдать за этими интересными существами. - Вот это да! - вдруг воскликнул удивленный мальчуган. - Тюлени едят гальку! В самом деле, некоторые животные с жадностью глотали валявшиеся на берегу камешки. - Еще бы! Это известно, - ответил Паганель. - То, что тюлени не брезгуют береговой галькой - бесспорный факт. - Странная пища, и переварить ее трудно, - заметил Роберт. - Они не питаются камнями, а глотают их, мой мальчик, для того, чтобы нагрузить себя балластом. Это их способ увеличивать вес, чтобы легче опускаться на дно. Вернувшись на берег, они просто-напросто выплюнут камни. Ты сейчас увидишь, как вот эти нырнут в воду. Действительно, вскоре с полдюжины тюленей, видимо достаточно нагрузив себя балластом, тяжело поползли по берегу и исчезли под водой. Но Гленарван не мог терять драгоценное время и ждать их возвращения, чтобы понаблюдать за тем, как они станут разгружаться, и, к большому сожалению Паганеля, отряд снова зашагал вперед. В десять часов остановились позавтракать под большими базальтовыми скалами, возвышавшимися у самого моря. Здесь на отмели нашли множество устриц. Они были мелкие и малоприятные на вкус. Но, по совету Паганеля, Олбинет зажарил

	их на раскаленных углях, и получилось так вкусно, что за завтраком ели дюжину за дюжиной. Передохнув, путешественники снова двинулись вдоль берега бухты. На вершинах зубчатых скал ютилось множество морских птиц: фрегаты, глупыши, чайки, огромные альбатросы, неподвижно сидевшие на остроконечных верхушках утесов. К четырем часам дня без особенного напряжения и усталости прошли десять миль. Женщины готовы были идти до самой ночи. Пора было изменять направление пути и, обогнув подножия видневшихся на севере гор, углубиться в долину реки Уайпы.
The country looked like an immense prairie which faded into distance, and promised an easy walk.	Вдали простирались бесконечные луга, идти по которым, казалось, будет нетрудно.
But the travelers were undeceived when they came to the edge of this verdant plain.	Но, приблизившись к этому морю зелени, путешественники были сильно разочарованы.
The grass gave way to a low scrub of small bushes bearing little white flowers, mixed with those innumerable tall ferns with which the lands of New Zealand abound.	Вместо луга они увидели поросль кустарников с белыми цветами, среди которых виднелось бесчисленное множество высоких папоротников, очень распространенных в Новой Зеландии.
They had to cut a path across the plain, through these woody stems, and this was a matter of some difficulty, but at eight o'clock in the evening the first slopes of the Hakarihoata Ranges were turned, and the party camped immediately.	Пришлось прокладывать дорогу между этими волокнистыми стеблями, что было не так-то легко. Все же к восьми часам вечера первые отроги горной цепи Хакарихоата остались позади, и путешественники остановились на привал.
After a fourteen miles' march, they might well think of resting.	После перехода в четырнадцать миль можно было подумать и об отдыхе.
Neither wagon or tent being available, they sought repose beneath some magnificent Norfolk Island pines.	За неимением повозки и палатки пришлось просто улечься у подножия великолепных новозеландских сосен каури.
They had plenty of rugs which make good beds.	К счастью, в одеялах недостатка не было, и из них устроили постели.
Glenarvan took every possible precaution for the night.	Гленарван принял все меры предосторожности на ночь.
His companions and he, well armed, were to watch in turns, two and two, till daybreak.	Мужчины, с оружием наготове, должны были по двое нести стражу до самого утра.
No fires were lighted.	Костров не разводили.
Barriers of fire are a potent preservation from wild beasts, but New Zealand has neither tiger, nor lion, nor bear, nor any wild animal, but the Maori adequately fills their place, and a fire would only have served to attract this two-footed jaguar.	Эта преграда из пламени хороша от хищных зверей, но ведь в Новой Зеландии не водится ни тигров, ни львов, ни медведей - ни одного свирепого зверя, но зато сами новозеландцы были им достойной заменой. Так что огонь мог бы только привлечь этих двуногих хищников.

The night passed pleasantly with the exception of the attack of the sand-flies, called by the natives, "ngamu," and the visit of the audacious family of rats, who exercised their teeth on the provisions.	В общем, ночь прошла благополучно, если не считать довольно неприятных укусов кустарниковых мух - "нгаму" на туземном наречии - да еще того, что какое-то отважное семейство крыс исправно грызло всю ночь мешки со съестными припасами.
Next day, on the 8th of February, Paganel rose more sanguine, and almost reconciled to the country.	На следующее утро, 8 февраля, Паганель проснулся в более спокойном настроении и почти примиренным с Новой Зеландией.
The Maories, whom he particularly dreaded, had not yet appeared, and these ferocious cannibals had not molested him even in his dreams.	Маори, которых географ особенно опасался, не появлялись. Даже во сне кровожадные людоеды не потревожили его покоя. Такой радостью он поделился с Гленарваном.
"I begin to think that our little journey will end favorably. This evening we shall reach the confluence of the Waipa and Waikato, and after that there is not much chance of meeting natives on the way to Auckland."	- Мне кажется, что мы благополучно закончим эту маленькую прогулку, - добавил он. - Сегодня к ночи мы доберемся до слияния Уайпы и Уаикато, а там, на дороге в Окленд, нам уже почти нечего бояться встречи с туземцами.
"How far is it now," said Glenarvan, "to the confluence of the Waipa and Waikato?"	- Сколько же предстоит пройти до этого места? - спросил Гленарван.
"Fifteen miles; just about what we did yesterday."	- Пятнадцать миль - почти столько же, сколько мы сделали за вчерашний день.
"But we shall be terribly delayed if this interminable scrub continues to obstruct our path."	- Но мы сильно задержимся, если этот несносный кустарник так и будет мешаться на пути, - заметил Гленарван.
"No," said Paganel, "we shall follow the banks of the Waipa, and then we shall have no obstacle, but on the contrary, a very easy road."	- Нет, - отозвался географ, - мы теперь пойдем по берегу Уайпы, где нет никаких препятствий, так что будет легче.
"Well, then," said Glenarvan, seeing the ladies ready, "let us make a start."	- Так в дорогу! - ответил Гленарван, видя, что женщины уже готовы.
During the early part of the day, the thick brushwood seriously impeded their progress.	В первые часы пути густой кустарник продолжал замедлять переход.
Neither wagon nor horses could have passed where travelers passed, so that their Australian vehicle was but slightly regretted.	Конечно, не только повозке, но и лошади не проехать было бы там, где они пробирались. Так что жалеть об австралийской повозке не приходилось.
Until practicable wagon roads are cut through these forests of scrub, New Zealand will only be accessible to foot passengers.	Пока через эти заросли не проложат проезжие дороги, Новая Зеландия будет доступна одним пешеходам.
The ferns, whose name is legion, concur with the Maories in keeping strangers off the lands.	Можно сказать, что бесчисленные разновидности здешних папоротников с не меньшим упорством, чем сами маори, защищают родную землю.
The little party overcame many obstacles in crossing the plains in which the Hakarihoata Ranges rise.	Поэтому равнину, где горная цепь Хакарихоата переходит в холмы, маленький отряд пересекал с большим трудом.

But before noon they reached the banks of the Waipa, and followed the northward course of the river.	Тем не менее путешественники еще до полудня добрались до реки Уайпы и отсюда уже без затруднений направились по ее крутому берегу к северу. Шли по чудесной долине, пересеченной небольшими речками со свежей, чистой водой - они, весело журча, бежали среди кустарников. По словам ботаника Хукера, в Новой Зеландии насчитывается до двух тысяч видов растений, из которых пятьсот принадлежат исключительно ей. Цветы здесь редки и однообразны по краскам. Почти не встречается однолетних растений, но в изобилии растут папоротники, злаки и зонтичные. В некотором отдалении от берега, над темной зеленью виднелись иногда высокие деревья: метросидерос с ярко-красными цветами, норфолкские сосны, туи с вертикально прижатыми ветвями и разновидность кипарисов - риму, не менее печальные, чем их европейские родичи. Стволы деревьев утопали в зеленом море папоротников. Между ветвей больших деревьев и над кустами порхали какаду, зеленые с красной полоской на шее какарири, таупо с великолепными черными бакенбардами и, наконец, кеа, названные естествоиспытателями "попугай-нестор": они величиной с утку, рыжие, с яркой подпушкой крыльев.
The Major and Robert, without leaving their companions, shot some snipe and partridge under the low shrubs of the plain.	Майор и Роберт смогли, не отдаляясь от товарищей, подстрелить несколько прятавшихся в кустах болотных куликов и куропаток.
Olbinett, to save time, plucked the birds as he went along.	Олбинет тут же на ходу ощипал их.
Paganel was less absorbed by the culinary importance of the game than by the desire of obtaining some bird peculiar to New Zealand.	Ну, а Паганель, равнодушный к гастрономическим свойствам дичи, жаждал раздобыть какую-нибудь птицу, встречающуюся лишь в Новой Зеландии.
His curiosity as a naturalist overcame his hunger as a traveler.	Любознательность естествоиспытателя заглушала в нем аппетит путешественника.
He called to mind the peculiarities of the "tui" of the natives, sometimes called the mocking-bird from its incessant chuckle, and sometimes "the parson," in allusion to the white cravat it wears over its black, cassock-like plumage.	Географу вспомнились описания местной птицы "туи". Туземцы зовут ее то "пересмешник" - за беспрестанное, словно насмешливое, воркование, то "кюре" - за оперение, совершенно черное, с белыми перьями на шее, напоминающее сутану.
"The tui," said Paganel to the Major, "grows so fat during the Winter that it makes him ill, and prevents him from flying. Then he tears his breast with his beak, to relieve himself of his fat, and so becomes lighter.	- Туи так жиреет зимой, что из-за этого даже хворает. Она уже не может летать, - рассказывал Паганель майору. - Чтобы избавиться от жира и стать легче, она рвет себе грудь клювом.
Does not that seem to you singular, McNabbs?"	Не кажется ли это вам странным, Мак-Наббс?
"So singular that I don't believe a word of it," replied the Major.	- Настолько странным, - ответил майор, - что я не верю ни единому слову.

Paganel, to his great regret, could not find a single specimen, or he might have shown the incredulous Major the bloody scars on the breast.	К большому сожалению географа, ему не удалось достать ни одного экземпляра туи, чтобы показать недоверчивому майору ее истерзанную, окровавленную грудь.
But he was more fortunate with a strange animal which, hunted by men, cats and dogs, has fled toward the unoccupied country, and is fast disappearing from the fauna of New Zealand.	Больше повезло Паганелю с другим, тоже причудливым животным, которое, спасаясь от преследований человека, собаки и кошки, бежало в необитаемые районы и теперь мало-помалу исчезает из новозеландской фауны.
Robert, searching like a ferret, came upon a nest made of interwoven roots, and in it a pair of birds destitute of wings and tail, with four toes, a long snipe-like beak, and a covering of white feathers over the whole body, singular creatures, which seemed to connect the oviparous tribes with the mammifers.	Роберт, шаривший повсюду, как настоящая ищейка, наткнулся на гнездо в переплетении корней, где сидели две курицы без крыльев и хвоста. У них было пышное белое оперение, длинный, как у бекаса, клюв, а на ногах - по четыре пальца. Казалось, эти странные животные представляют собой переходную ступень от яйцекладущих к млекопитающим.
It was the New Zealand "kiwi," the Apteryx australis of naturalists, which lives with equal satisfaction on larvae, insects, worms or seeds.	Это был новозеландский киви, который одинаково охотно питается личинками, червяками, насекомыми и семенами.
This bird is peculiar to the country.	Водится он исключительно в Новой Зеландии.
It has been introduced into very few of the zoological collections of Europe.	В зоологических садах Европы их едва удалось акклиматизировать.
Its graceless shape and comical motions have always attracted the notice of travelers, and during the great exploration of the Astrolabe and the Zelee, Dumont d'Urville was principally charged by the Academy of Sciences to bring back a specimen of these singular birds.	Неуклюжий вид, комичные движения всегда привлекали к киви внимание путешественников, и Академия наук даже поручила Дюмон - Дюрвилю, отправлявшемуся исследовать острова Океании, привезти экземпляр этой странной птицы.
But in spite of rewards offered to the natives, he could not obtain a single specimen.	Но, несмотря на обещанную туземцам награду, ему так и не удалось раздобыть живого киви.
Paganel, who was elated at such a piece of luck, tied the two birds together, and carried them along with the intention of presenting them to the Jardin des Plantes, in Paris. "Presented by M. Jacques Paganel." He mentally saw the flattering inscription on the handsomest cage in the gardens. Sanguine geographer!	Паганель, в восторге от счастливой находки, связал вместе своих курочек и бодро понес, заранее радуясь тому, что подарит их Парижскому зоологическому саду. И перед увлекающимся географом уже рисовалась заманчивая надпись: "Дар Жака Паганеля", красующаяся на самой лучшей клетке.
The party pursued their way without fatigue along the banks of the Waipa.	Тем временем маленький отряд без устали двигался вперед по берегу Уайпы.
The country was quite deserted; not a trace of natives, nor any track that could betray the existence of man.	Местность была пустынная. Кругом не было видно никаких следов туземцев, никакой тропинки, указывающей на присутствие человека в этих равнинах.
The stream was fringed with tall bushes, or glided along sloping banks, so that nothing obstructed the view of the low range of hills which closed the eastern end of the valley.	Воды реки струились то меж высоких кустов, то по длинным песчаным отмелям. Тогда взору открывалась равнина, замыкавшаяся на востоке невысокой горной цепью.

With their grotesque shapes, and their outlines lost in a deceptive haze, they brought to mind giant animals, worthy of antediluvian times.	Странные, нелепые в далекой дымке очертания этих гор напоминали гигантских допотопных животных.
They might have been a herd of enormous whales, suddenly turned to stone.	Как будто вдруг окаменело целое стадо колоссальных китов.
These disrupted masses proclaimed their essentially volcanic character.	Такое хаотически-причудливое нагромождение говорило о вулканической деятельности.
New Zealand is, in fact, a formation of recent plutonic origin.	Действительно, Новая Зеландия - сравнительно недавний продукт работы подземных сил.
Its emergence from the sea is constantly increasing.	Подъем этих островов продолжается и теперь.
Some points are known to have risen six feet in twenty years.	Некоторые точки за двадцать лет поднялись над уровнем моря на целых шесть футов.
Fire still runs across its center, shakes it, convulses it, and finds an outlet in many places by the mouths of geysers and the craters of volcanoes.	Огонь до сих пор не утих в недрах Новой Зеландии, он сотрясает ее и вырывается во многих местах через гейзеры и вулканы.
At four in the afternoon, nine miles had been easily accomplished.	К четырем часам дня бодрым шагом прошли девять миль.
According to the map which Paganel constantly referred to, the confluence of the Waipa and Waikato ought to be reached about five miles further on, and there the night halt could be made.	Судя по карте, с которой то и дело справлялся Паганель, до слияния Уайпы и Уаикато осталось меньше пяти миль. Там проходит дорога на Окленд, там отряд и заночует.
Two or three days would then suffice for the fifty miles which lay between them and the capital; and if Glenarvan happened to fall in with the mail coach that plies between Hawkes' Bay and Auckland twice a month, eight hours would be sufficient.	Пятьдесят миль до Окленда будут пройдены за два-три дня, а если посчастливится встретить почтовый дилижанс, который раза два в месяц ходит между бухтой Хока и Оклендом, то и за восемь часов.
"Therefore," said Glenarvan, "we shall be obliged to camp during the night once more."	- Итак, нам придется, как видно, еще раз ночевать под открытым небом, - сказал Гленарван.
"Yes," said Paganel, "but I hope for the last time."	- Да, - отозвался Паганель, - но надеюсь, что это будет в последний раз.
"I am very glad to think so, for it is very trying for Lady Helena and Mary Grant."	- Тем лучше, так как эти ночевки - тяжелое испытание для леди Элен и Мери Грант.
"And they never utter a murmur," added John Mangles. "But I think I heard you mention a village at the confluence of these rivers."	- И они переносят их, не жалуясь, - заметил Джон Манглс. - Но, если я верно понял вас, господин Паганель, вы упоминали о каком-то поселении, расположенном близ слияния этих двух рек.
"Yes," said the geographer, "here it is, marked on Johnston's map.	- Да, - ответил географ, - оно значится на карте Джонсона.
It is Ngarnavahia, two miles below the junction."	Это Нгаруавахиа, милях в двух ниже места слияния.
"Well, could we not stay there for the night?	- Так разве нельзя там устроиться на ночь?
Lady Helena and Miss Grant would not grudge two miles more to find a hotel even of a humble character."	Мне кажется, наши спутницы, не колеблясь, предпочтут пройти две лишние мили, чтобы отдохнуть в более или менее приличной гостинице.

"A hotel!" cried Paganel, "a hotel in a Maori village! you would not find an inn, not a tavern!	- В гостинице! - воскликнул Паганель. - Гостиница в маорийском селении! В нем нет и постоялого двора, нет даже кабака!
This village will be a mere cluster of huts, and so far from seeking rest there, my advice is that you give it a wide berth."	Это всего-навсего кучка туземных хижин, и, по-моему, нужно не искать там приюта, а, наоборот, держаться как можно дальше.
"Your old fears, Paganel!" retorted Glenarvan.	- Все ваши страхи, Паганель! - сказал Гленарван.
"My dear Lord, where Maories are concerned, distrust is safer than confidence.	- Дорогой мой лорд, недоверие здесь лучше доверия.
I do not know on what terms they are with the English, whether the insurrection is suppressed or successful, or whether indeed the war may not be going on with full vigor.	Неизвестно, в каких отношениях состоят сейчас маори с англичанами: подавлено ли восстание или одержало верх. Быть может, мы попали сюда в разгар войны.
Modesty apart, people like us would be a prize, and I must say, I would rather forego a taste of Maori hospitality.	Не будем скромничать, люди, подобные нам, - неплохая добыча для дикарей, и мне совсем не улыбается испробовать новозеландское гостеприимство.
I think it certainly more prudent to avoid this village of Ngarnavahia, to skirt it at a distance, so as to avoid all encounters with the natives.	Поэтому я нахожу благоразумным держаться подальше от этого поселения, обойти его и стараться избежать встречи с туземцами.
When we reach Drury it will be another thing, and there our brave ladies will be able to recruit their strength at their leisure."	Вот когда мы доберемся до Друри, другое дело: там наши отважные спутницы смогут вволю отдохнуть от утомительного пути.
This advice prevailed.	Мнение географа восторжествовало.
Lady Helena preferred to pass another night in the open air, and not to expose her companions to danger.	Леди Элен предпочла провести еще одну ночь под открытым небом, чем подвергать опасности своих товарищей.
Neither Mary Grant or she wished to halt, and they continued their march along the river.	Ни она, ни Мери Грант не попросили сделать остановки и снова зашагали вдоль берега реки.
Two hours later, the first shades of evening began to fall.	Через два часа с гор стали спускаться вечерние тени.
The sun, before disappearing below the western horizon, darted some bright rays through an opening in the clouds. The distant eastern summits were empurpled with the parting glories of the day.	Склонившееся к горизонту солнце вдруг пробилось из-за туч, и лучи его озарили красным светом далекие вершины восточных гор.
It was like a flying salute addressed to the way-worn travelers.	Это было как бы его кратким прощальным приветом путешественникам.
Glenarvan and his friends hastened their steps, they knew how short the twilight is in this high latitude, and how quickly the night follows it.	Все ускорили шаг, ибо знали, как коротки сумерки под этой широтой и как быстро здесь наступает ночь.
They were very anxious to reach the confluence of the two rivers before the darkness overtook them.	Надо было непременно добраться до слияния рек, прежде чем сгустится мрак.
But a thick fog rose from the ground, and made it very difficult to see the way.	Но как раз в это время все кругом заволокло густым туманом, и держаться верного направления стало очень трудно.

Fortunately hearing stood them in the stead of sight; shortly a nearer sound of water indicated that the confluence was at hand.	К счастью, слух заменил ставшие бесполезными глаза. Вскоре усилившийся рокот воды оповестил о том, что неподалеку сливаются реки.
At eight o'clock the little troop arrived at the point where the Waipa loses itself in the Waikato, with a moaning sound of meeting waves.	В восемь часов вечера маленький отряд достиг наконец того места, где Уайпа с ревом вливается в русло Уаикато.
"There is the Waikato!" cried Paganel, "and the road to Auckland is along its right bank."	- Это Уаикато, - воскликнул Паганель, - и дорога в Окленд идет по ее правому берегу!
"We shall see that to-morrow," said the Major, "Let us camp here. It seems to me that that dark shadow is that of a little clump of trees grown expressly to shelter us.	- Реку мы увидим завтра, а теперь давайте устраиваться на ночлег, - предложил майор. - Мне кажется, что вон там, где тень гуще, есть рощица, которая выросла как будто нарочно, чтобы приютить нас.
Let us have supper and then get some sleep."	Поужинаем и ляжем спать.
"Supper by all means," said Paganel, "but no fire; nothing but biscuit and dried meat.	- Поужинаем, - сказал Паганель, - но только сухарями и сухим мясом, не разводя огня.
We have reached this spot incognito, let us try and get away in the same manner. By good luck, the fog is in our favor."	Мы явились сюда инкогнито, постараемся так же и уйти, благо из-за тумана нас не видно.
The clump of trees was reached and all concurred in the wish of the geographer.	Вблизи действительно оказалась рощица.
The cold supper was eaten without a sound, and presently a profound sleep overcame the travelers, who were tolerably fatigued with their fifteen miles' march.	Добравшись до нее, путники, помня строгий наказ географа, бесшумно закончили холодный ужин и вскоре, утомленные переходом в пятнадцать миль, погрузились в глубокий сон.
CHAPTER IX INTRODUCTION TO THE CANNIBALS	Глава X НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКА
THE next morning at daybreak a thick fog was clinging to the surface of the river.	На следующее утро, на рассвете, плотный туман тяжело стелился над рекой.
A portion of the vapors that saturated the air were condensed by the cold, and lay as a dense cloud on the water.	Часть паров, насыщавших воздух, сгустилась от ночной прохлады и покрыла густым облаком поверхность воды.
But the rays of the sun soon broke through the watery mass and melted it away.	Однако лучи солнца вскоре проникли сквозь эти клубы, и они растаяли под взором сияющего светила.
A tongue of land, sharply pointed and bristling with bushes, projected into the uniting streams.	Затуманенные берега очистились, и Уаикато предстала во всей своей утренней красе. Узкая длинная коса, поросшая кустарником, заканчивалась острым мысом у слияния двух рек.
The swifter waters of the Waipa rushed against the current of the Waikato for a quarter of a mile before they mingled with it; but the calm and majestic river soon quieted the noisy stream and carried it off quietly in its course to the Pacific Ocean.	Струи более бурной Уайпы на целых четверть мили оттесняли воды Уаикато, не сливаясь с ними. Но могучая, спокойная река все же брала верх над неистовым потоком, поглощала его и мирно увлекала к Тихому океану.
When the vapor disappeared, a boat was seen ascending the current of the Waikato.	Когда туман рассеялся, показалась пирога, поднимавшаяся вверх по течению Уаикато.

It was a canoe seventy feet long, five broad, and three deep; the prow raised like that of a Venetian gondola, and the whole hollowed out of a trunk of a kahikatea.	Это была лодка в семьдесят футов длины, пять футов ширины и три фута глубины, целиком выдолбленная из местной сосны "кахикатеу" и напоминающая венецианскую гондолу своим приподнятым носом.
A bed of dry fern was laid at the bottom.	Дно ее было устлано сухим папоротником.
It was swiftly rowed by eight oars, and steered with a paddle by a man seated in the stern.	Пирога быстро неслась на восьми веслах; сзади сидел человек, управлявший кормовым веслом.
This man was a tall Maori, about forty-five years of age, broad-chested, muscular, with powerfully developed hands and feet.	Это был туземец высокого роста, лет сорока пяти, широкогрудый, мускулистый, с сильными руками и ногами.
His prominent and deeply-furrowed brow, his fierce look, and sinister expression, gave him a formidable aspect.	Выпуклый лоб, изборожденный глубокими морщинами, свирепый взгляд, мрачное выражение лица придавали ему грозный вид. То был один из верховных вождей маори. Это видно было по искусной татуировке его лица и тела. От ноздрей его орлиного носа шли спиралью две черные линии: обведя его желтые глаза, они соединялись на лбу, а затем терялись в пышных волосах. Вокруг рта с блестящими зубами, а также по подбородку тянулись разноцветные линии, ровными завитками спускавшиеся на могучую грудь туземца.
Tattooing, or "moko," as the New Zealanders call it, is a mark of great distinction.	Эта татуировка - моко - у новозеландцев является знаком отличия.
None is worthy of these honorary lines, who has not distinguished himself in repeated fights.	Такой почетной росписи достоин только тот, кто отличился в нескольких сражениях.
The slaves and the lower class can not obtain this decoration.	Рабы и люди низкого происхождения не могут притязать на моко.
Chiefs of high position may be known by the finish and precision and truth of the design, which sometimes covers their whole bodies with the figures of animals.	Знаменитые вожди узнаются по законченности, точности и характеру рисунка; на их телах часто изображаются животные.
Some are found to undergo the painful operation of "moko" five times.	Некоторые из туземных вождей до пяти раз подвергают себя мучительной процедуре моко.
The more illustrious, the more illustrated, is the rule of New Zealand.	Чем более знаменит в Новой Зеландии человек, тем больше он раскрашен.
Dumont D'Urville has given some curious details as to this custom.	Дюмон-Дюрвиль рассказывает любопытные подробности об этом обычае.
He justly observes that "moko" is the counterpart of the armorial bearings of which many families in Europe are so vain.	Он справедливо заметил, что моко заменяет здесь гербы, которыми так кичатся некоторые высокородные семейства в Европе.

But he remarks that there is this difference: the armorial bearings of Europe are frequently a proof only of the merits of the first who bore them, and are no certificate of the merits of his descendants; while the individual coat-of-arms of the Maori is an irrefragible proof that it was earned by the display of extraordinary personal courage.	Но он показывает и разницу между этими знаками отличия: ведь у европейцев герб чаще всего говорит о заслугах того, кто первым сумел его добиться, не доказывая никаких заслуг его потомков, а личный герб новозеландцев достоверно свидетельствует, что тот, кто носит его, по 'праву доказал свою исключительную отвагу.
The practice of tattooing, independently of the consideration it procures, has also a useful aspect.	Надо добавить, что татуировка маори, кроме внушаемого ею почтения, несомненно, и полезна.
It gives the cutaneous system an increased thickness, enabling it to resist the inclemency of the season and the incessant attacks of the mosquito.	Она утолщает кожу и делает ее менее чувствительной к перемене погоды и К беспрестанным укусам москитов.
As to the chief who was steering the canoe, there could be no mistake.	Высокое положение вождя, правившего лодкой, не внушало сомнений.
The sharpened albatross bone used by the Maori tattooer, had five times scored his countenance. He was in his fifth edition, and betrayed it in his haughty bearing.	Острая кость альбатроса, употребляемая маорийскими татуировщиками, пять раз глубоко бороздила узорами его гордое лицо.
His figure, draped in a large mat woven of "phormium" trimmed with dogskins, was clothed with a pair of cotton drawers, blood-stained from recent combats.	На вожде был плащ, сотканный из растения формиум и отделанный собачьими шкурами, и набедренная повязка, носившая следы крови недавних сражений.
From the pendant lobe of his ears hung earrings of green jade, and round his neck a quivering necklace of "pounamous," a kind of jade stone sacred among the New Zealanders.	На растянутых мочках его ушей висели подвески из нефрита; шею украшали ожерелья из "пунаму" - камешков, почитаемых суеверными новозеландцами священными.
At his side lay an English rifle, and a "patou-patou," a kind of two-headed ax of an emerald color, and eighteen inches long.	Рядом с вождем лежало английское ружье, а также "пату-пату" - нечто вроде топора с двойным острием изумрудного цвета, восемнадцати дюймов длины.
Beside him sat nine armed warriors of inferior rank, ferocious-looking fellows, some of them suffering from recent wounds. They sat quite motionless, wrapped in their flax mantles.	Девять более низких по положению, но вооруженных и суровых воинов и некоторые из них, казалось, страдали от недавно полученных ран, совершенно неподвижно сидели подле вождя, завернувшись в свои плащи из формиума.
Three savage-looking dogs lay at their feet.	Три свирепые собаки лежали у их ног.
The eight rowers in the prow seemed to be servants or slaves of the chief.	Восемь сидевших впереди гребцов были, по-видимому, рабами или слугами вождя.
They rowed vigorously, and propelled the boat against the not very rapid current of the Waikato, with extraordinary velocity.	Гребли они с большой силой, и пирога, плывя против течения, правда, не очень стремительного, двигалась довольно быстро.
In the center of this long canoe, with their feet tied together, sat ten European prisoners closely packed together.	Посредине пироги, со связанными ногами, но свободными руками, сидели, прижавшись друг к другу, десять пленных европейцев.
It was Glenarvan and Lady Helena, Mary Grant, Robert, Paganel, the Major, John Mangles, the steward, and the two sailors.	То были Гленарван, леди Элен, Мери Грант, Роберт, Паганель, майор, Джон Манглс, стюард и два матроса.

The night before, the little band had unwittingly, owing to the mist, encamped in the midst of a numerous party of natives.	Накануне вечером весь отряд, обманутый густым туманом, расположился на ночлег прямо посреди большого лагеря туземцев.
Toward the middle of the night they were surprised in their sleep, were made prisoners, and carried on board the canoe.	Около полуночи спавших путешественников застигли врасплох, взяли в плен и перенесли в пирогу.
They had not been ill-treated, so far, but all attempts at resistance had been vain. Their arms and ammunition were in the hands of the savages, and they would soon have been targets for their own balls.	Пока маори ничего дурного им не сделали, а сопротивляться теперь уже было бесполезно, ибо все оружие и патроны очутились в руках дикарей и те тотчас же пристрелили бы пленников из их же собственных ружей.
They were soon aware, from a few English words used by the natives, that they were a retreating party of the tribe who had been beaten and decimated by the English troops, and were on their way back to the Upper Waikato.	Из английских слов, проскальзывающих в разговорах туземцев, пленники вскоре узнали, что маори, разбитые английскими войсками, пробираются к верховьям Уаикато.
The Maori chief, whose principal warriors had been picked off by the soldiers of the 42nd Regiment, was returning to make a final appeal to the tribes of the Waikato district, so that he might go to the aid of the indomitable William Thompson, who was still holding his own against the conquerors.	Их вождь, оказав упорное сопротивление 42-му полку и потеряв в сражениях своих лучших бойцов, теперь возвращался, чтобы призвать к оружию прибрежные племена и с новым войском идти на соединение с неукротимым Уильямом Томсоном, по-прежнему ведущим борьбу с завоевателями.
The chief's name was "Kai-Koumou," a name of evil boding in the native language, meaning "He who eats the limbs of his enemy."	Вождь носил зловещее имя Кай-Куму, что на туземном языке значит: "тот, кто съедает тело своего врага".
He was bold and brave, but his cruelty was equally remarkable.	Он был отважен, смел, но его жестокость не уступала его доблести.
No pity was to be expected at his hands.	Ждать пощады от такого человека не приходилось.
His name was well known to the English soldiers, and a price had been set on his head by the governor of New Zealand.	Имя его было хорошо известно английским солдатам, и за его голову губернатор Новой Зеландии недавно назначил денежную награду.
This terrible blow befell Glenarvan at the very moment when he was about to reach the long-desired haven of Auckland, and so regain his own country; but no one who looked at his cool, calm features, could have guessed the anguish he endured.	Этот страшный удар обрушился на Гленарвана как раз в то время, когда он был совсем близко от желанного Окленда, откуда мог бы вернуться в Европу. Между тем, видя его холодное, спокойное лицо, никто не не догадался бы о переживаемых им муках.
Glenarvan always rose to his misfortunes.	Гленарван не падал духом при тяжелых обстоятельствах.
He felt that his part was to be the strength and the example of his wife and companions; that he was the head and chief; ready to die for the rest if circumstances required it. He was of a deeply religious turn of mind, and never lost his trust in Providence nor his belief in the sacred character of his enterprise.	Он чувствовал, что должен быть поддержкой, примером для своей жены и спутников и готов был, если потребуется, ради общего спасения умереть первым.

In the midst of this crowning peril he did not give way to any feeling of regret at having been induced to venture into this country of savages.	Пред лицом грозной опасности этот мужественный человек ни на одно мгновение не раскаялся в своем великодушном порыве, увлекшем его в дикие края.
His companions were worthy of him; they entered into his lofty views; and judging by their haughty demeanor, it would scarcely have been supposed that they were hurrying to the final catastrophe.	Спутники Гленарвана были достойны его. Они разделяли его благородные мысли, и, глядя на их гордые, спокойные лица, никто бы не сказал, что они плывут навстречу смерти.
With one accord, and by Glenarvan's advice, they resolved to affect utter indifference before the natives.	По совету Гленарвана и общему согласию, они выказывали перед туземцами полнейшее равнодушие ко всему происходящему.
It was the only way to impress these ferocious natures.	Это был единственный способ внушить этому суровому племени уважение к себе.
Savages in general, and particularly the Maories, have a notion of dignity from which they never derogate.	У дикарей вообще, а у маори в особенности развито чувство достоинства, никогда их не покидающее.
They respect, above all things, coolness and courage.	Они уважают того, кто заслуживает уважения хладнокровием и мужеством.
Glenarvan was aware that by this mode of procedure, he and his companions would spare themselves needless humiliation.	Гленарван знал, что, ведя себя подобным образом, он и его товарищи избавятся от грубого обращения со стороны новозеландцев.
From the moment of embarking, the natives, who were very taciturn, like all savages, had scarcely exchanged a word, but from the few sentences they did utter, Glenarvan felt certain that the English language was familiar to them.	За все время пути маори, малоразговорчивые, как все дикари, едва перекинулись между собой несколькими словами, но даже из них Гленарван мог заключить, что английский язык был им хорошо знаком.
He therefore made up his mind to question the chief on the fate that awaited them.	Он решил расспросить новозеландского вождя о той участи, которую он им готовил.
Addressing himself to Kai-Koumou, he said in a perfectly unconcerned voice: "Where are we going, chief?"	- Куда ты везешь нас, вождь? - спросил он Кай-Куму голосом, в котором не слышалось ни малейшего страха.
Kai-Koumou looked coolly at him and made no answer.	Вождь холодно посмотрел на него и ничего не ответил.
"What are you going to do with us?" pursued Glenarvan.	- Что ты собираешься делать с нами? - снова спросил Гленарван.
A sudden gleam flashed into the eyes of Kai-Koumou, and he said in a deep voice:	Глаза Кай-Куму блеснули, и он с важностью ответил:
"Exchange you, if your own people care to have you; eat you if they don't."	- Обменять тебя, если твои захотят взять тебя. Убить, если они откажутся.
Glenarvan asked no further questions; but hope revived in his heart.	Гленарван не стал больше задавать вопросов, но в сердце его вновь затеплилась надежда.
He concluded that some Maori chiefs had fallen into the hands of the English, and that the natives would try to get them exchanged.	Наверное, какие-нибудь маорийские вожди попали в руки англичан, и туземцы хотели попытаться выменять их.
So they had a chance of salvation, and the case was not quite so desperate.	Значит, какие-то шансы на спасение оставались и положение было не таким уж отчаянным.

The canoe was speeding rapidly up the river.	Тем временем лодка быстро шла вверх по реке.
Paganel, whose excitable temperament always rebounded from one extreme to the other, had quite regained his spirits.	Паганель, чья подвижная натура легко переходила от одной крайности к другой, снова воспрянул духом.
He consoled himself that the natives were saving them the trouble of the journey to the English outposts, and that was so much gain.	Ему уже казалось, что маори избавили их от необходимости самим добираться до английских аванпостов и что все к лучшему.
So he took it quite quietly and followed on the map the course of the Waikato across the plains and valleys of the province.	Примирившись со своей судьбой, географ принялся прослеживать на карте тот путь, которым Уаикато несла свои воды по равнинам и долинам.
Lady Helena and Mary Grant, concealing their alarm, conversed in a low voice with Glenarvan, and the keenest physiognomists would have failed to see any anxiety in their faces.	Леди Элен и Мери Грант, подавляя свой ужас, вполголоса разговаривали с Гленарваном, и самый опытный физиономист не прочел бы на лицах женщин их душевного смятения.
The Waikato is the national river in New Zealand.	Уаикато - это как бы национальная река Новой Зеландии.
It is to the Maories what the Rhine is to the Germans, and the Danube to the Slavs.	Маори гордятся ею так же, как немцы своим Рейном, а славяне - Дунаем.
In its course of 200 miles it waters the finest lands of the North Island, from the province of Wellington to the province of Auckland.	Река эта орошает на протяжении двухсот миль самые плодородные и красивые местности Северного острова - от провинции Уэллингтон до провинции Окленд.
It gave its name to all those indomitable tribes of the river district, which rose en masse against the invaders.	Она дала свое имя всем прибрежным туземным племенам, неукротимым и неукрощенным, которые поднялись, как один человек, против захватчиков.
The waters of this river are still almost strangers to any craft but the native canoe.	На Уаикато почти не видно иноземных судов. Одни пироги островитян рассекают своими высокими носами ее волны.
The most audacious tourist will scarcely venture to invade these sacred shores; in fact, the Upper Waikato is sealed against profane Europeans.	Редкий путешественник отваживается плыть меж ее священных берегов. А в верховья реки доступ нечестивым европейцам, по-видимому, и вовсе прегражден.
Paganel was aware of the feelings of veneration with which the natives regard this great arterial stream.	Паганель знал, как чтят туземцы эту великую новозеландскую реку.
He knew that the English and German naturalists had never penetrated further than its junction with the Waipa.	Ему также было известно, что ни один естествоиспытатель не поднимался по Уаикато выше ее слияния с Уайпой.
He wondered how far the good pleasure of Kai-Koumou would carry his captives?	Куда же заблагорассудится Кай-Куму увезти своих пленников?
He could not have guessed, but for hearing the word	Этого географ не смог бы угадать, если б часто повторяемое вождем и его воинами слово
"Taupo" repeatedly uttered between the chief and his warriors.	"Таупо" не привлекло его внимания.

He consulted his map and saw that "Taupo" was the name of a lake celebrated in geographical annals, and lying in the most mountainous part of the island, at the southern extremity of Auckland province.	Справившись по карте, он увидел, что название это относится к интереснейшему с точки зрения географии озеру, расположенному в самой гористой части острова, на юге провинции Окленд.

The Waikato passes through this lake and then flows on for 120 miles.	Уаикато берет в нем начало. Длина реки от ее слияния с Уайпой до этого озера - примерно сто двадцать миль. Паганель, обратившись к Джону Манглсу по-французски, чтобы не поняли дикари, попросил его определить скорость лодки. Молодой капитан оценил ее примерно в три мили в час. - В таком случае, - сказал географ, - если мы будем останавливаться на ночь, наше путешествие до озера продлится дня четыре. - Но где же расположены английские посты? - спросил Гленарван. - Трудно сказать, - ответил Паганель. - Впрочем, военные действия, должно быть, сосредоточились в провинции Таранаки, поэтому, по всей вероятности, войска сгруппированы по ту сторону озера, за горами, там, где находится очаг восстания. - Дай бог, чтобы это было так! - сказала леди Элен. Гленарван с грустью посмотрел на свою молодую жену и на Мери Грант. Несчастные женщины были во власти свирепых туземцев; их увозили в дикий край, где некому было прийти им на помощь. Но, заметив устремленный на него взгляд Кай-Куму, Гленарван из осторожности, боясь, как бы вождь не догадался о том, что одна из пленниц - его жена, подавил свое волнение и стал с самым равнодушным видом рассматривать берега реки. Пирога прошла, не остановившись, мимо бывшей столицы короля Потатау, расположенной в полумиле от слияния рек. Больше ни одна пирога не бороздила вод Уаикато. Разрушенные хижины, то и дело видневшиеся по берегам, свидетельствовали о недавних ужасах войны. Прибрежные поселения казались брошенными, берега были пустынны. Только водяные птицы вносили жизнь в эти печальные, безлюдные места. Взвивалась в воздух и исчезала "тапарунга" - длинноногая птица с черными крыльями, белым животом и красным клювом. Цапли трех видов: серые "матуку", красавцы "котуку" - белые, с желтым клювом и черными ногами, и еще другие, похожие на глупую выпь, - спокойно смотрели на проплывавшую пирогу. Где высокие отлогие берега указывали на глубокое место, зимородки - "котаре" на языке маори - подстерегали крошечных Угрей, которые кишат в новозеландских реках. В кустах над водой охорашивались при первых лучах солнца гордецы удоды и султанские куры. Весь этот мирок пернатых наслаждался свободой, которую не стесняли люди, изгнанные или уничтоженные войной. Здесь, в нижнем течении, Уаикато широко разлилась среди равнин, но ближе к верховью холмы, а затем горы суживают долину, где проходит ее русло. В десяти милях от слияния рек, согласно карте Паганеля, на левом берегу должно было находиться поселение Кири-Кирироа, которое там и оказалось.

Кай-Куму не сделал здесь остановки. Он велел дать пленникам их собственные съестные припасы, захваченные маори во время ночного нападения. Что же касается самого вождя, его воинов и рабов, то они довольствовались своей обычной пищей - съедобным папоротником, печеными кореньями и картофелем "капанас", в изобилии разводимым на обоих островах. Ничего мясного за трапезой маори не было, и, видимо, сушеное мясо, которое ели пленники, нисколько их не прельщало. В три часа дня на правом берегу реки показались отроги горной цепи Покароа, походившие на разрушенные крепостные стены. На некоторых вершинах виднелись развалины "па" - укреплений, когда-то воздвигнутых туземцами на неприступных местах. Они были похожи на огромные орлиные гнезда. Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда пирога причалила к крутому берегу, усыпанному пемзой, камнями вулканического происхождения, нанесенными сюда водами Уаикато. Здесь росло несколько деревьев, и это место показалось маори удобным, чтобы разбить лагерь. Кай-Куму приказал высадить пленников на землю. Мужчинам связали руки, женщин по-прежнему оставили свободными. Всех их поместили в центре лагеря, а вокруг разложили столько костров, что из них образовался непреодолимый огненный барьер. До того как Кай-Куму сообщил пленникам свое намерение обменять их, Гленарван и Джон Манглс обсуждали способы бегства. Пока они плыли в пироге, это было невозможно, но они надеялись попытать счастья на берегу во время привала, рассчитывая, что темнота облегчит побег. Но после разговора Гленарвана с новозеландским вождем решили, что разумнее отказаться от подобных попыток. Надо было запастись терпением. Так будет вернее. Ведь обмен представлял больше шансов на спасение, чем рукопашная схватка или бегство через неведомый край. Конечно, многие обстоятельства могут задержать обмен или даже помешать ему, но все же лучше подождать исхода переговоров. И в самом деле, в силах ли десять безоружных людей справиться с тридцатью вооруженными дикарями? К тому же Гленарван предполагал - и он не ошибся, - что какой-то видный вождь племени Кай-Куму был захвачен в плен и что соплеменники хотят во что бы то ни стало освободить его. На следующий день пирога понеслась по реке вверх с еще большей быстротой. В десять часов она остановилась ненадолго у впадения в Уаикато маленькой речки, извивавшейся по равнинам Правого берега, - Похайвены. Здесь к пироге Кай-Куму подплыла другая, с десятью туземцами. Воины небрежно

обменялись приветствиями: "Айре-маи-ра", - что означает пожелание доброго здравия, и обе пироги пошли дальше рядом. Вновь прибывшие маори, видимо, недавно сражались с английскими войсками. Об этом говорило окровавленное оружие и их одежда, вся в клочьях, не скрывавшая ран, из которых еще сочилась кровь. Воины были мрачны, молчаливы. Со свойственной всем дикарям сдержанностью они сделали вид, что не обращают внимания на европейцев. В полдень на западе стали вырисовываться вершины Маунгатотари. Долина Уаикато сузилась, и могучая река, стиснутая крутыми берегами, бушевала, словно горный поток. Но гребцы с удвоенной силой налегли на весла, запели в такт их ударам какую-то песню, и пирога быстро помчалась по пенящимся волнам. Стремнина осталась позади, и Уаикато по-прежнему плавно понесла свои воды между извилистыми берегами. Под вечер Кай-Куму приказал пристать у крутого берега, к которому отвесно спускались первые отроги гор. Там уже расположились человек двадцать туземцев, высадившихся из своих пирог. Под деревьями пылали костры. Какой-то вождь, равный Кай-Куму, не спеша подошел к нему и дружески его приветствовал, проделав "шонги", то есть потершись носом об его нос. Пленников снова поместили посредине лагеря и бдительно сторожили всю ночь. На следующее утро долгий путь вверх по течению Уаикато продолжался. Из мелких притоков реки появлялись новые пироги. На них было около шестидесяти воинов. Все, видимо, участники последнего восстания, которые, более или менее пострадав от английских пуль, возвращались теперь к себе в горы. Время от времени из этих шедших одна за другой пирог раздавалось пение. Кто-нибудь из воинов затягивал патриотическую песнь, гимн, призывавший маори на борьбу за независимость: Папа ративати тиди И дунга нэи... Голос певца, полный и звучный, будил эхо в горах. После каждой строфы туземцы, ударяя себя в грудь, точно в барабан, хором подхватывали воинственный припев. Гребцы вновь налегали на весла, и пироги, преодолевая течение, летели по водной поверхности. В тот день на Уаикато можно было наблюдать одно любопытное явление. Около четырех часов пополудни пирога, управляемая твердой рукой Кай-Куму, смело, не убавляя хода, вошла в узкое ущелье. Буруны с яростью разбивались о многочисленные, опасные для плывущих лодок островки. Перевернись здесь пирога, это была бы верная гибель, ибо спасения искать было негде. Всякий, кто ступил бы на кипящую тину берегов, неминуемо погиб бы. Дело в том, что Уаикато текла здесь среди горячих источников, издавна

	привлекавших внимание путешественников. Окись железа окрашивала в ярко-красный цвет ил берегов; на них нельзя было найти и сажени твердой земли. Воздух был насыщен едким запахом серы. Туземцы легко переносили его, зато пленники очень страдали от удушливых испарений, которые поднимались из расщелин почвы или прорывались наружу пузырями, лопавшимися под напором подземных газов. Но если обонянию трудно было освоиться с серными испарениями, то зато взор мог лишь восхищаться величественным зрелищем. Пироги нырнули в густое облако паров. Их ослепительно белые завитки вздымались, как купол, над рекой. По берегам сотни гейзеров выбрасывали то облака пара, то столбы воды, создавая причудливые сочетания, словно струи и каскады фонтана, созданного человеческой рукой. Казалось, их ритмом управляет какой-то скрытый механизм. Вода и пар, смешиваясь в воздухе, переливались на солнце всеми цветами радуги. В этом месте река течет по зыбкому ложу, непрерывно кипящему под действием подземного огня. Немного восточнее, в стороне озера Роторуа, ревут горячие ключи и дымящиеся водопады Ротомахана и Тетарата, виденные некоторыми отважными путешественниками. Вся эта местность изрыта гейзерами, кратерами и сопками. Через них пробивается тот избыток газа, который не находит себе выхода через клапаны Тонгариро и Тараверы - двух действующих вулканов Новой Зеландии. Две мили пироги плыли под сводом серных испарений, клубившихся над водой. Наконец это серное облако рассеялось, и струи чистого воздуха, освеженные речной влагой, принесли облегчение задыхавшимся пленникам. Район серных источников остался позади. До конца дня пироги, благодаря могучим усилиям гребцов, преодолели еще две стремнины - Гипапатуа и Таматеа. Вечером Кай-Куму остановился на привал в ста милях от слияния Уайпы и Уаикато. Обогнув озеро с востока, река теперь обрушивалась в него на юге огромным фонтаном. На следующий день на правом берегу реки показалась гора. Жак Паганель, справляясь по карте, узнал, что это гора Таубара высотою в три тысячи футов. В полдень вся вереница пирог вплыла через один из рукавов реки в озеро Таупо. У берега озера развевался на крыше одной хижины обрывок материи. Туземцы восторженно приветствовали его - то был их национальный флаг.
CHAPTER X A MOMENTOUS INTERVIEW	Глава XI ОЗЕРО ТАУПО

AN unfathomable gulf twenty-five miles long, and twenty miles broad was produced, but long before historic times, by the falling in of caverns among the trachytic lavas of the center of the island.	В доисторические времена в центре острова вследствие обвала пещер образовалась бездонная пропасть длиной в двадцать пять миль и шириной в двадцать.
And these waters falling from the surrounding heights have taken possession of this vast basin. The gulf has become a lake, but it is also an abyss, and no lead-line has yet sounded its depths.	Воды, стекавшие с окрестных гор в эту огромную впадину, превратили ее в озеро, в озеро - бездну, ибо до сих пор ни один лот не смог измерить его глубину.
Such is the wondrous lake of Taupo, lying 1,250 feet above the level of the sea, and in view of an amphitheater of mountains 2,400 feet high.	Это необычное озеро, носящее название Таупо, лежит на высоте тысячи двухсот пятидесяти футов над уровнем моря и окружено горами высотой в две тысячи четыреста футов.
On the west are rocky peaks of great size; on the north lofty summits clothed with low trees; on the east a broad beach with a road track, and covered with pumice stones, which shimmer through the leafy screen of the bushes; on the southern side rise volcanic cones behind a forest flat.	На западе поднимаются громадные остроконечные скалы; на севере виднеется несколько отдаленных вершин, поросших невысоким лесом, на востоке берег широкий и отлогий, здесь проходит дорога и меж зеленых кустов проблескивают пемзовые камни; на юге лес, за которым высятся конические вершины вулканов.
Such is the majestic frame that incloses this vast sheet of water whose roaring tempests rival the cyclones of Ocean.	Таков величественный ландшафт, окаймляющий это огромное водное пространство, где свирепствуют бури, не уступающие по своей ярости океанским циклонам.
The whole region boils like an immense cauldron hung over subterranean fires.	Вся эта местность кипит и клокочет, словно колоссальный котел, подвешенный над подземным огнем.
The ground vibrates from the agitation of the central furnace. Hot springs filter out everywhere.	Земля дрожит, и кора ее, как слишком поднявшийся в печи пирог, дает во многих местах глубокие трещины, откуда вырывается горячий пар.

The crust of the earth cracks in great rifts like a cake, too quickly baked.	Без сомнения, все это плоскогорье рухнуло бы в пылающее под ним подземное горнило, если бы скопившиеся пары не находили себе выхода на расстоянии двадцати миль от озера через кратеры вулкана Тонгариро. Этот увенчанный снегом, дымом и огнем вулкан, возвышающийся над мелкими огнедышащими сопками, отлично виден с северного берега озера. Тонгариро состоит из нескольких вулканических конусов. Позади него среди равнины одиноко поднимается другой вулкан, Руапеху, коническая вершина которого теряется среди облаков на высоте девяти тысяч футов. Нога смертного еще никогда не ступала на его неприступную вершину, человеческий взор еще не проникал в глубину его кратера. А более доступные вершины Тонгариро за последние двадцать лет были измерены трижды Бидвиллом, Дизоном и совсем недавно Хохштеттером. С этими вулканами связано немало легенд, и в другое время Паганель, конечно, не преминул бы сообщить их своим товарищам. Он рассказал бы о ссоре двух бывших друзей и соседей, Тонгариро и Таранаки, из-за женщины. Тонгариро, вспыльчивый, как всякий вулкан, вышел из себя и поколотил Таранаки. Тот, избитый и униженный, убежал по долине Вангани, обронил дорогой две скалы и, наконец, добрался до берега моря, где и стоит одиноко под именем Монт-Эгмонт. Но географ не был склонен рассказывать, а его друзья - слушать. Они молча разглядывали северо-восточный берег озера Таупо, куда привела их жестокая судьба. Миссии, учрежденной преподобным Грасом в Пукава, на западном берегу озера, больше не существовало. Война заставила проповедника бежать подальше от этого очага восстания. Пленники были одни во власти жаждущих мести маори и как раз в той дикой части острова, куда христианство так и не проникло. Кай-Куму пересек бухточку, обогнул острый мыс, вдающийся далеко в озеро, и причалил к восточному берегу, у подошвы первых отрогов горы Манга вышиной более чем в две тысячи футов. Здесь раскинулись поля формиума, ценного новозеландского льна. У туземцев он зовется "харакеке". В этом полезном растении ничего не пропадает даром. Его цветы дают превосходный мед; из стеблей получают клейкое вещество, заменяющее воск и крахмал; еще больше пользы извлекают из листьев формиума: свежие служат бумагой, сушеные - трутом, из резаных делают веревки, канаты и сети, из их расчесанных волокон ткут одеяла, циновки, плащи и набедренные повязки; в окрашенную в красный или черный цвет ткань из формиума наряжаются маорийские щеголи. Это драгоценное растение встречается повсюду на обоих островах: и на морском побережье, и по

	берегам озер и рек. Вот и здесь дикорастущими кустами формиума были покрыты Целые поля. Его красно-коричневые цветы, напоминающие цветы агавы, во множестве выглядывали из зеленой гущи длинных и острых, как клинки, листьев. Красивые птицы нектарии, завсегдатаи полей формиума, стаями носились над кустами и наслаждались медовым цветочным соком. В водах озера плескались пестрые, черно-серо-зеленые утки, легко прирученные людьми.
About a quarter of a mile off, on a craggy spur of the mountain stood a "pah," or Maori fortress.	В четверти мили на крутом утесе виднелась неприступная па - крепость маори.
The prisoners, whose feet and hands were liberated, were landed one by one, and conducted into it by the warriors.	Пленники были один за другим высажены из пироги, и воины, развязав им руки и ноги, повели их в крепость.
The path which led up to the intrenchment, lay across fields of "phormium" and a grove of beautiful trees, the "kai-kateas" with persistent leaves and red berries; "dracaenas australis," the "ti-trees" of the natives, whose crown is a graceful counterpart of the cabbage-palm, and "huious," which are used to give a black dye to cloth.	Тропинка шла сначала по полям формиума, а затем - через пышно разросшуюся рощицу. Здесь были и вечнозеленые "кайкатеа" с красными ягодами, и австралийские драцены, называемые туземцами "ти", чьи вершины заменяют здесь пальмы, и "гуюс", из которых добывают черную краску для материи.
Large doves with metallic sheen on their plumage, and a world of starlings with reddish carmeles, flew away at the approach of the natives.	При приближении людей ввысь взвились и умчались прочь крупные голуби с оперением, отливающим металлом, курклюши пепельного цвета и целые стаи скворцов с красноватым хохолком.
After a rather circuitous walk, Glenarvan and his party arrived at the "pah."	Сделав довольно большой крюк, Гленарван, леди Элен, Мери Грант и их спутники вошли в па.
The fortress was defended by an outer inclosure of strong palisades, fifteen feet high; a second line of stakes; then a fence composed of osiers, with loop-holes, inclosed Verne the inner space, that is the plateau of the "pah," on which were erected the Maori buildings, and about forty huts arranged symmetrically.	Наружным укреплением крепости был частокол из крепких столбов футов в пятнадцать вышины; второй пояс укреплений состоял из такого же частокола и ивовой ограды с проделанными в ней бойницами. Внутри виднелись различные маорийские постройки и около сорока симметрично расположенных хижин.
When the captives approached they were horror-struck at the sight of the heads which adorned the posts of the inner circle.	Ужасное впечатление произвели на пленников мертвые головы, которыми были украшены шесты второго частокола.
Lady Helena and Mary Grant turned away their eyes more with disgust than with terror.	Леди Элен и Мери отвернулись скорее с отвращением, чем со страхом.
These heads were those of hostile chiefs who had fallen in battle, and whose bodies had served to feed the conquerors.	Эти головы принадлежали павшим в боях неприятельским вождям, тела которых съели победители.

The geographer recognized that it was so, from their eye sockets being hollow and deprived of eye-balls.	Паганель определил это по пустым глазным впадинам. Действительно, глаза вражеских вождей съедаются, а головы препарируются особым образом: удаляют мозг и кожу, носы укрепляют палочками, ноздри набивают формиумом, рты и веки сшивают; а затем тридцать часов коптят. Таким образом головы навсегда сохраняются и служат трофеями победителей. Маори часто сохраняют и головы своих вождей, но в таком случае открытые глаза смотрят из своих орбит. Новозеландцы гордятся этими останками, показывают их восхищенным молодым воинам и устраивают пышные церемонии в их честь. Но жуткая выставка Кай-Куму состояла только из вражеских голов и, уж наверное, не один из безглазых черепов, украшавших коллекцию вождя маори, принадлежал англичанину. Жилище Кай-Куму возвышалось в глубине па, среди нескольких других хижин, где жили туземцы не столь высокого происхождения. За ним была большая площадка - европейцы, пожалуй, назвали бы ее военным плацем. Жилище вождя было построено из кольев, оплетенных ветвями, а внутри обито циновками из формиума. Оно имело двадцать футов в длину, пятнадцать - в ширину, десять - в вышину, то есть заключало в себе три тысячи кубических футов. Новозеландскому вождю было достаточно такого помещения. В постройке имелось лишь одно отверстие, служившее дверью. Оно было завешено плотной циновкой. Крыша выдавалась навесом, на котором собиралась дождевая вода. На концах стропил было вырезано несколько фигур. На портале красовались резные изображения веток, листьев, символических фигур чудовищ - любопытный орнамент, рожденный резцом туземных мастеров. Внутри земляной утрамбованный пол приподнимался на полфута, плетенки из тростника и матрацы из сухого папоротника, покрытые циновками из тонких и гибких листьев тифы, заменяли кровати. Яма в полу, обложенная камнями, служила очагом, а дыра в крыше - трубой. Когда густой дым наполнял всю хижину, он в конце концов выходил через это отверстие, успев изрядно закоптить стены. Рядом с хижиной Кай-Куму находились склады, в которых хранились запасы вождя: его урожай формиума, бататов, съедобного папоротника - таро - и печи, где все это готовилось на раскаленных камнях. Еще подальше в небольших загородках стояли свиньи и козы, эти редко встречающиеся здесь потомки акклиматизированных когда-то капитаном Куком полезных животных. Собаки рыскали в поисках скудной еды. Как видно, маори не слишком заботились об этих животных, хотя и питались их мясом.

Glenarvan and his companions had taken in all this scene at a glance.	Гленарван и его спутники оглядели эту картину.
They stood near an empty house, waiting the pleasure of the chief, and exposed to the abuse of a crowd of old crones.	Они дожидались у какой-то пустой хижины решения вождя, а пока их осыпала бранью целая толпа старух.
This troop of harpies surrounded them, shaking their fists, howling and vociferating.	Эти ведьмы обступили их, сжав кулаки, выли и угрожали.
Some English words that escaped their coarse mouths left no doubt that they were clamoring for immediate vengeance.	Из нескольких английских слов, сорвавшихся с их толстых губ, было ясно, что они требуют мести сию же минуту.
In the midst of all these cries and threats, Lady Helena, tranquil to all outward seeming, affected an indifference she was far from feeling.	Среди этих воплей и угроз леди Элен оставалась с виду спокойной, не показывая, каково у нее На душе.
This courageous woman made heroic efforts to restrain herself, lest she should disturb Glenarvan's coolness.	Боясь лишить мужа хладнокровия, она делала героические усилия, чтобы держать себя в руках.
Poor Mary Grant felt her heart sink within her, and John Mangles stood by ready to die in her behalf.	Бедняжка Мери была близка к обмороку. Джон Манглс поддерживал ее, готовый защитить ее ценой собственной жизни.
His companions bore the deluge of invectives each according to his disposition; the Major with utter indifference, Paganel with exasperation that increased every moment.	Остальные относились к этому извержению брани и угроз по-разному: кто, подобно майору, оставался равнодушным, а кто, как Паганель, все более раздражался.
Glenarvan, to spare Lady Helena the attacks of these witches, walked straight up to Kai-Koumou, and pointing to the hideous group:	Желая избавить леди Элен от этих старых мегер, Гленарван направился к Кай-Куму и, указывая на отвратительную толпу, сказал:
"Send them away," said he.	- Прогони их.
The Maori chief stared fixedly at his prisoner without speaking; and then, with a nod, he silenced the noisy horde.	Маорийский вождь пристально поглядел на своего пленника, не удостоив его ответом, затем жестом приказал орущим старухам замолчать.
Glenarvan bowed, as a sign of thanks, and went slowly back to his place.	Гленарван наклонил голову в знак благодарности и не спеша вернулся к своим.
At this moment a hundred Maories were assembled in the "pah," old men, full grown men, youths; the former were calm, but gloomy, awaiting the orders of Kai-Koumou; the others gave themselves up to the most violent sorrow, bewailing their parents and friends who had fallen in the late engagements.	К этому времени в па собралось человек сто новозеландцев: здесь были и старики, и люди зрелого возраста, и юноши. Одни, мрачные, но спокойные, ожидали распоряжений Каи-Куму, другие же предавались неистовому горю - они оплакивали родственников или друзей, павших в последних боях.
Kai-Koumou was the only one of all the chiefs that obeyed the call of William Thompson, who had returned to the lake district, and he was the first to announce to his tribe the defeat of the national insurrection, beaten on the plains of the lower Waikato.	Из всех маорийских вождей, откликнувшихся на призыв Уильяма Томсона, один Кай-Куму вернулся на озеро, и он первый оповестил племя о разгроме восстания, о поражении новозеландцев в низовьях Уаикато.
Of the two hundred warriors who, under his orders, hastened to the defence of the soil, one hundred and fifty were missing on his return.	Из двухсот воинов, выступивших под его командой на защиту своей земли, вернулось всего пятьдесят.

Allowing for a number being made prisoners by the invaders, how many must be lying on the field of battle, never to return to the country of their ancestors!	Правда, кое-кто попал в плен к англичанам, но скольким воинам, распростертым на поле брани, уже не суждено было вернуться на землю предков!
This was the secret of the outburst of grief with which the tribe saluted the arrival of Kai-Koumou.	Этим и объяснялось глубокое отчаяние, охватившее туземцев по возвращении Кай-Куму.
Up to that moment nothing had been known of the last defeat, and the fatal news fell on them like a thunder clap.	Они еще ничего не знали о последней битве, и эта весть поразила всех, как громом.
Among the savages, sorrow is always manifested by physical signs; the parents and friends of deceased warriors, the women especially, lacerated their faces and shoulders with sharpened shells.	У дикарей душевное горе всегда находит выражение во внешних проявлениях. И теперь родичи и друзья погибших воинов, особенно женщины, принялись раздирать себе лицо и плечи острыми раковинами.
The blood spurted out and blended with their tears.	Выступившая кровь смешивалась со слезами.
Deep wounds denoted great despair.	Порезы были тем глубже, чем больше скорбь.
The unhappy Maories, bleeding and excited, were hideous to look upon.	Ужасно было видеть этих окровавленных, обезумевших новозеландок.
There was another serious element in their grief.	Еще одна причина, очень важная в глазах туземцев, усугубляла их отчаяние.
Not only had they lost the relative or friend they mourned, but his bones would be missing in the family mausoleum.	Не только погиб оплакиваемый родич или друг, но и кости его не будут лежать в семейной могиле.
In the Maori religion the possession of these relics is regarded as indispensable to the destinies of the future life; not the perishable flesh, but the bones, which are collected with the greatest care, cleaned, scraped, polished, even varnished, and then deposited in the "oudoupa," that is the "house of glory."	А это, по верованиям маори, необходимо для будущей жизни. Туземцы кладут в "удупа", что значит "обитель славы", не тленное тело, а кости, которые предварительно тщательно очищают, скоблят, полируют и даже покрывают лаком.
These tombs are adorned with wooden statues, representing with perfect exactness the tattoo of the deceased.	Эти могилы украшаются деревянными статуями, на которых с точностью воспроизводится татуировка покойного.
But now their tombs would be left empty, the religious rites would be unsolemnized, and the bones that escaped the teeth of the wild dog would whiten without burial on the field of battle.	А теперь могилы пусты, не будут совершены погребальные обряды, и кости убитых, если их не обгрызут дикие собаки, останутся лежать без погребения на поле битвы.
Then the sorrowful chorus redoubled.	Дикари предавались горю все неистовее.
The menaces of the women were intensified by the imprecations of the men against the Europeans.	К крикам женщин присоединились проклятия мужчин по адресу европейцев.
Abusive epithets were lavished, the accompanying gestures became more violent.	Брань усиливалась, жесты делались все более угрожающими.
The howl was about to end in brutal action.	Угрозы вот-вот могли перейти в насилие.
Kai-Koumou, fearing that he might be overpowered by the fanatics of his tribe, conducted his prisoners to a sacred place, on an abruptly raised plateau at the other end of the "pah."	Кай-Куму, видимо боясь, что будет не в силах обуздать фанатизм соплеменников, приказал отвести пленных в святилище, которое находилось в другом конце па, на узкой площадке.

This hut rested against a mound elevated a hundred feet above it, which formed the steep outer buttress of the entrenchment.	Эта хижина стояла вплотную к горному отрогу в сто футов вышины, который замыкал с этой стороны кольцо укреплений крутым обрывом.
In this "Ware-Atoua," sacred house, the priests or arikis taught the Maories about a Triune God, father, son, and bird, or spirit.	В этом священном доме туземные жрецы - арики - учили новозеландцев вере в бога, единого в трех лицах: отца, сына и птицы, или святого духа.
The large, well constructed hut, contained the sacred and choice food which Maoui-Ranga-Rangui eats by the mouths of his priests.	В просторной, закрытой со всех сторон хижине хранилась избранная священная пища, которую божество Мауи-Ранга-Ранги поедает устами своих жрецов.
In this place, and safe for the moment from the frenzied natives, the captives lay down on the flax mats.	Здесь, почувствовав себя хотя бы временно в безопасности от ярости туземцев, пленники бросились на циновки из формиума.
Lady Helena was quite exhausted, her moral energies prostrate, and she fell helpless into her husband's arms.	Леди Элен, обессиленная и измученная, склонилась на грудь к мужу.
Glenarvan pressed her to his bosom and said:	Гленарван крепко обнял ее.
"Courage, my dear Helena; Heaven will not forsake us!"	- Мужайся, дорогая Элен, - повторял он.
Robert was scarcely in when he jumped on Wilson's shoulders, and squeezed his head through a crevice left between the roof and the walls, from which chaplets of amulets were hung.	Едва успели запереть пленников, как Роберт, взобравшись на плечи к Вильсону, умудрился просунуть голову в щель между крышей и стеной, на которой были развешаны амулеты.
From that elevation he could see the whole extent of the "pah," and as far as Kai-Koumou's house.	Отсюда до самого дворца Кай-Куму все было видно как на ладони.
"They are all crowding round the chief," said he softly. "They are throwing their arms about. . . . They are howling. . . . . Kai-Koumou is trying to speak."	- Они собрались вокруг вождя, - сказал вполголоса мальчик. - Размахивают руками... завывают... Кай-Куму собирается говорить...
Then he was silent for a few minutes.	Роберт умолк на несколько минут, а затем продолжал:
"Kai-Koumou is speaking. . . . The savages are quieter. . . . . They are listening. . . . ."	- Кай-Куму что-то говорит... Дикари успокаиваются... слушают его...
"Evidently," said the Major, "this chief has a personal interest in protecting us. He wants to exchange his prisoners for some chiefs of his tribe!	- Очевидно, вождь покровительствует нам недаром, - заметил майор. - Он хочет обменять нас на других вождей своего племени.
But will his warriors consent?"	Но согласятся ли воины на такой обмен?
"Yes! . . . They are listening. . . . . They have dispersed, some are gone into their huts. . . . The others have left the intrenchment."	- Да! - снова раздался голос мальчика. - Они повинуются... расходятся... Одни входят в хижины... другие покидают крепость...
"Are you sure?" said the Major.	- Правда? - воскликнул майор.
"Yes, Mr. McNabbs," replied Robert, "Kai-Koumou is left alone with the warriors of his canoe. . . .	- Ну да, мистер Мак-Наббс, - ответил Роберт, - с Каи-Куму остались только воины из его пироги... А!
Oh! one of them is coming up here. . . . ."	Вот один идет к нам...

"Come down, Robert," said Glenarvan.	- Слезай, Роберт! - сказал Гленарван.
At this moment, Lady Helena who had risen, seized her husband's arm.	В эту минуту леди Элен, выпрямившись, схватила мужа за руку.
"Edward," she said in a resolute tone, "neither Mary Grant nor I must fall into the hands of these savages alive!"	- Эдуард, - сказала она твердым голосом, - ни я, ни Мери Грант не должны попасть в руки этих дикарей живыми!
And so saying, she handed Glenarvan a loaded revolver.	С этими словами она протянула Гленарвану заряженный револьвер.
"Fire-arm!" exclaimed Glenarvan, with flashing eyes.	Глаза Гленарвана сверкнули. - Оружие! - воскликнул он.
"Yes! the Maories do not search their prisoners.	- Да! Маори не обыскивают пленниц.
But, Edward, this is for us, not for them."	Но это оружие, Эдуард, не для них, а для нас. - Спрячьте револьвер, Гленарван, - поспешно сказал Мак-Наббс. - Еще не время.
Glenarvan slipped the revolver under his coat; at the same moment the mat at the entrance was raised, and a native entered.	Револьвер исчез под одеждой Гленарвана. Циновка, которой был завешен вход в хижину, поднялась. Вошел туземец.
He motioned to the prisoners to follow him.	Он знаком приказал пленникам следовать за ним.
Glenarvan and the rest walked across the "pah" and stopped before Kai-Koumou.	Гленарван с товарищами, держась друг возле друга, прошли через площадку па и остановились возле Кай-Куму.
He was surrounded by the principal warriors of his tribe, and among them the Maori whose canoe joined that of the Kai-Koumou at the confluence of Pohain-henna, on the Waikato.	Вокруг вождя собрались первые воины племени. Среди них был и тот туземец, чья пирога присоединилась к пироге Каи - Куму у впадения Похайвены в Уаикато.
He was a man about forty years of age, powerfully built and of fierce and cruel aspect.	Это был человек лет сорока, мощного сложения, с суровым, свирепым лицом.
His name was Kara-Tete, meaning "the irascible" in the native tongue.	Он носил имя Кара-Тете, что на новозеландском языке значит "гневливый".
Kai-Koumou treated him with a certain tone of respect, and by the fineness of his tattoo, it was easy to perceive that Kara-Tete held a lofty position in the tribe, but a keen observer would have guessed the feeling of rivalry that existed between these two chiefs.	По тонкости татуировки Кара-Тете было видно, что он занимает высокое положение в племени, и сам Кай-Куму обращался с ним почтительно. Однако наблюдательный человек мог бы догадаться, что между этими двумя вождями существует соперничество.
The Major observed that the influence of Kara-Tete gave umbrage to Kai-Koumou.	От внимания майора не ускользнуло, что влияние, которым пользовался Кара-Тете, возбуждало недобрые чувства в Кай-Куму.
They both ruled the Waikato tribes, and were equal in authority.	Оба они стояли во главе крупных племен, населявших берега Уаикато, и оба обладали одинаковой властью.
During this interview Kai-Koumou smiled, but his eyes betrayed a deep-seated enmity.	И хотя губы Кай-Куму улыбались, когда он говорил с другим вождем, но глаза выражали глубокую неприязнь.
Kai-Koumou interrogated Glenarvan.	Кай-Куму начал допрашивать Гленарвана.

"You are English?" said he.	- Ты англичанин? - спросил он.
"Yes," replied Glenarvan, unhesitatingly, as his nationality would facilitate the exchange.	- Да, - не колеблясь ответил тот, понимая, что такой ответ должен был облегчить обмен.
"And your companions?" said Kai-Koumou.	- А твои товарищи? - продолжал Кай-Куму.
"My companions are English like myself.	- Товарищи мои такие же англичане, как и я.
We are shipwrecked travelers, but it may be important to state that we have taken no part in the war."	Мы - путешественники, потерпевшие кораблекрушение. Но знай, никто из нас не принимал участия в войне...
"That matters little!" was the brutal answer of Kara-Tete. "Every Englishman is an enemy.	- Неважно! - оборвал его Кара-Тете. - Каждый англичанин - наш враг.
Your people invaded our island!	Твои соплеменники захватили наш остров!
They robbed our fields! they burned our villages!"	Они присвоили себе наши поля! Они сожгли наши селения!
"They were wrong!" said Glenarvan, quietly. "I say so, because I think it, not because I am in your power."	- Они были неправы, - сказал Гленарван серьезно. - Я говорю это потому, что так думаю, а не потому, что я в твоей власти.
"Listen," said Kai-Koumou, "the Tohonga, the chief priest of Noui-Atoua has fallen into the hands of your brethren; he is a prisoner among the Pakekas.	- Послушай, - продолжал Кай-Куму, - Тогонга, верховный жрец нашего бога Нуи-Атуа, попал в руки твоих братьев - он пленник пакекас.
Our deity has commanded us to ransom him.	Бог велит нам его выкупить.
For my own part, I would rather have torn out your heart, I would have stuck your head, and those of your companions, on the posts of that palisade. But Noui-Atoua has spoken."	Я хотел бы вырвать у тебя сердце, хотел бы, чтобы твоя голова и головы твоих товарищей вечно висели на кольях этой изгороди... но Нуи-Атуа изрек свое слово!
As he uttered these words, Kai-Koumou, who till now had been quite unmoved, trembled with rage, and his features expressed intense ferocity.	Кай-Куму, до сих пор сдержанный, дрожал от гнева, и лицо его зажглось яростью.
Then after a few minutes' interval he proceeded more calmly.	Потом он снова заговорил:
"Do you think the English will exchange you for our Tohonga?"	- Как ты думаешь, согласятся ли англичане обменять тебя на нашего Тогонгу?
Glenarvan hesitated, all the while watching the Maori chief.	Гленарван внимательно посмотрел на вождя и ответил не сразу.
"I do not know," said he, after a moment of silence.	- Не знаю, - проговорил он наконец.
"Speak," returned Kai-Koumou, "is your life worth that of our Tohonga?"	- Отвечай, - настаивал Кай-Куму, - стоит ли твоя жизнь жизни нашего Тогонги?
"No," replied Glenarvan. "I am neither a chief nor a priest among my own people."	- Нет, - ответил Гленарван, - у себя на родине я не вождь и не жрец.
Paganel, petrified at this reply, looked at Glenarvan in amazement.	Паганель, пораженный этим ответом, изумленно взглянул на Гленарвана.
Kai-Koumou appeared equally astonished.	Кай-Куму, казалось, тоже был удивлен.
"You doubt it then?" said he.	- Значит, ты сомневаешься? - спросил он.
"I do not know," replied Glenarvan.	- Я не знаю, - повторил Гленарван.

"Your people will not accept you as an exchange for Tohonga?"	- Так твои не согласятся взять тебя в обмен на нашего Тогонгу?
"Me alone? no," repeated Glenarvan. "All of us perhaps they might."	- Одного меня - нет, а всех - быть может.
"Our Maori custom," replied Kai-Koumou, "is head for head."	- У маори принято менять голову на голову.
"Offer first these ladies in exchange for your priest," said Glenarvan, pointing to Lady Helena and Mary Grant.	- Так лучше предложи обменять своего жреца на этих двух женщин, - сказал Гленарван, указывая на леди Элен и Мери Грант.
Lady Helena was about to interrupt him. But the Major held her back.	Леди Элен рванулась к мужу, но майор удержал ее.
"Those two ladies," continued Glenarvan, bowing respectfully toward Lady Helena and Mary Grant, "are personages of rank in their own country."	- Эти две женщины, - продолжал Гленарван, почтительно склоняясь перед леди Элен и Мери Грант, - занимают высокое положение в своей стране.
The warrior gazed coldly at his prisoner.	Вождь холодно посмотрел на пленника.
An evil smile relaxed his lips for a moment; then he controlled himself, and in a voice of ill-concealed anger:	Злая усмешка промелькнула на его губах, но он тут же подавил ее и ответил, еле сдерживая гнев:
"Do you hope to deceive Kai-Koumou with lying words, accursed Pakeka?	- Ты надеешься обмануть Кай-Куму своими лживыми словами, проклятый европеец?
Can not the eyes of Kai-Koumou read hearts?" And pointing to Lady Helena: "That is your wife?" he said.	Ты думаешь, Кай-Куму не умеет читать в человеческих сердцах? - Вождь указал на леди Элен. - Вот твоя жена!
"No! mine!" exclaimed Kara-Tete. And then pushing his prisoners aside, he laid his hand on the shoulder of Lady Helena, who turned pale at his touch. "Edward!" cried the unfortunate woman in terror.	- Нет, моя! - воскликнул Кара-Тете и, оттолкнув прочих пленников, положил руку на плечо леди Элен. От этого прикосновения она побледнела и, обезумев от ужаса, крикнула: - Эдуард!
Glenarvan, without a word, raised his arm, a shot! and Kara-Tete fell at his feet.	Гленарван молча вытянул руку. Грянул выстрел. Кара-Тете мертвый повалился на землю.
The sound brought a crowd of natives to the spot.	При звуке выстрела туземцы высыпали из хижин.
A hundred arms were ready, and Glenarvan's revolver was snatched from him.	Толпа тут же заполнила всю площадь. Сотни рук угрожающе протянулись к несчастным пленникам. У Гленарвана вырвали револьвер.
Kai-Koumou glanced at Glenarvan with a curious expression: then with one hand protecting Glenarvan, with the other he waved off the crowd who were rushing on the party.	Кай-Куму бросил на него странный взгляд, затем, заслонив одной рукой убийцу, он поднял другую, сдерживая толпу, готовую ринуться на "проклятых пакекас".
At last his voice was heard above the tumult.	Покрывая шум, громко прозвучал его голос:
"Taboo!	- Табу!
Taboo!" he shouted.	Табу!
At that word the crowd stood still before Glenarvan and his companions, who for the time were preserved by a supernatural influence.	Услышав это слово, толпа дикарей застыла перед Гленарваном и его товарищами, словно какая-то сверхъестественная сила остановила их.

A few minutes after they were re-conducted to Ware-Atoua, which was their prison.	Через несколько минут пленников отвели в то же, служившее им тюрьмой святилище.
But Robert Grant and Paganel were not with them.	Но ни Роберта, ни Жака Паганеля с ними не было.
CHAPTER XI THE CHIEF'S FUNERAL	Глава XII ПОГРЕБЕНИЕ МАОРИЙСКОГО ВОЖДЯ
KAI-KOUMOU, as frequently happens among the Maories, joined the title of ariki to that of tribal chief. He was invested with the dignity of priest, and, as such, he had the power to throw over persons or things the superstitious protection of the "taboo."	Кай-Куму, как это нередко случается в Новой Зеландии, был не только вождем племени, но и ариком, то есть жрецом, и как таковой мог налагать табу, имевшее в глазах суеверных туземцев магическую силу.
The "taboo," which is common to all the Polynesian races, has the primary effect of isolating the "tabooed" person and preventing the use of "tabooed" things.	Табу, существующее у всех народов Полинезии, налагается на какой-нибудь предмет или на человека, делая их неприкосновенными.
According to the Maori doctrine, anyone who laid sacrilegious hands on what had been declared "taboo," would be punished with death by the insulted deity, and even if the god delayed the vindication of his power, the priests took care to accelerate his vengeance.	Религия маори учит, что всякого поднявшего святотатственную руку на то, что объявлено табу, разгневанный бог покарает смертью. Даже если божество не сразу отомстит за нанесенную ему обиду, то жрец ускорит эту месть.
By the chiefs, the "taboo" is made a political engine, except in some cases, for domestic reasons.	Иногда вожди налагают табу из политических соображений, но чаще его причиной бывают события повседневной жизни.
For instance, a native is tabooed for several days when his hair is cut; when he is tattooed; when he is building a canoe, or a house; when he is seriously ill, and when he is dead.	На туземца налагается табу на несколько дней во многих случаях: когда он остриг волосы, когда он подвергся татуировке, когда он строит пирогу или дом, когда он смертельно болен и, наконец, когда он умер.
If excessive consumption threatens to exterminate the fish of a river, or ruin the early crop of sweet potatoes, these things are put under the protection of the taboo.	Бывает, что табу накладывается из экономических соображений: если, например, неумеренное потребление грозит истребить всю рыбу в реке или опустошить плантации еще неспелых сладких бататов, рыба или бататы объявляются табу.
If a chief wishes to clear his house of hangers-on, he taboos it; if an English trader displeases him he is tabooed.	Пожелает ли вождь избавиться от назойливых гостей, он объявляет свой дом табу; захочет ли монополизировать деловые сношения с каким-либо судном, снова - табу; вздумает лишить покупателей не сумевшего угодить ему европейского купца - и тут табу.
His interdict has the effect of the old royal "veto."	Запрет вождя напоминает древнее вето королей.
If an object is tabooed, no one can touch it with impunity.	Если предмет объявлен табу, то никто не может безнаказанно дотронуться до, него.
When a native is under the interdict, certain aliments are denied him for a prescribed period.	Когда этот запрет налагается на человека, то в течение какого-то времени ему не разрешено прикасаться к определенной пище.

If he is relieved, as regards the severe diet, his slaves feed him with the viands he is forbidden to touch with his hands; if he is poor and has no slaves, he has to take up the food with his mouth, like an animal.	Если он богат, ему приходят на помощь рабы: они кладут ему в рот те кушанья, к которым он не смеет прикоснуться руками; если же беден, то он принужден подбирать пищу ртом, превращаясь из-за табу в животное.
In short, the most trifling acts of the Maories are directed and modified by this singular custom, the deity is brought into constant contact with their daily life.	Словом, этот своеобразный обычай направляет и изменяет поведение новозеландца даже в мелочах.
The taboo has the same weight as a law; or rather, the code of the Maories, indisputable and undisputed, is comprised in the frequent applications of the taboo.	Табу имеет силу закона, и можно сказать, что в его частом применении заключается вообще все туземное законодательство, притом неоспоримое и не подлежащее обсуждению.
As to the prisoners confined in the Ware-Atoua, it was an arbitrary taboo which had saved them from the fury of the tribe.	В случае с пленниками властное табу спасло их от ярости, охватившей племя.
Some of the natives, friends and partisans of Kai-Koumou, desisted at once on hearing their chief's voice, and protected the captives from the rest.	Друзья и приверженцы Кай-Куму разом остановились по этому слову вождя и не тронули пленных.
Glenarvan cherished no illusive hopes as to his own fate; nothing but his death could atone for the murder of a chief, and among these people death was only the concluding act of a martyrdom of torture.	Однако Гленарван не заблуждался относительно ожидавшей его участи. Он знал, что только жизнью своей сможет заплатить за убийство вождя. А у диких народов смерть осужденного - лишь конец долгих пыток.
Glenarvan, therefore, was fully prepared to pay the penalty of the righteous indignation that nerved his arm, but he hoped that the wrath of Kai-Koumou would not extend beyond himself.	Гленарван приготовился жестоко искупить то законное негодование, которое побудило его убить Кара-Тете, но он надеялся, что гнев Кай-Куму обрушится на него одного.
What a night he and his companions passed!	Какую ужасную ночь провели Гленарван и его спутники!
Who could picture their agonies or measure their sufferings?	Кто в силах был бы описать их тоску, измерить их муки!
Robert and Paganel had not been restored to them, but their fate was no doubtful matter.	Бедный Роберт и храбрый Паганель так и не появились. Но разве могло быть хотя бы малейшее сомнение в их участи!
They were too surely the first victims of the frenzied natives.	Они, конечно, пали первыми жертвами мстительных туземцев.
Even McNabbs, who was always sanguine, had abandoned hope.	Всякая надежда исчезла даже у Мак-Наббса, который нелегко поддается унынию.
John Mangles was nearly frantic at the sight of Mary Grant's despair at being separated from her brother.	А Джон Манглс, видя сумрачное отчаяние Мери Грант, разлученной с братом, чувствовал себя близким к безумию.
Glenarvan pondered over the terrible request of Lady Helena, who preferred dying by his hand to submitting to torture and slavery.	Гленарван думал об ужасной просьбе леди Элен, желавшей умереть от его руки, чтобы избежать пыток или рабства.
How was he to summon the terrible courage!	Найдет ли он в себе это страшное мужество?

"And Mary? who has a right to strike her dead?" thought John, whose heart was broken.	"А Мери - какое право я имею убить ее?" - с болью в сердце думал Джон Манглс.
Escape was clearly impossible.	Бегство было заведомо невозможно.
Ten warriors, armed to the teeth, kept watch at the door of Ware-Atoua.	Десять воинов, вооруженных с головы до ног, стерегли двери храма.
The morning of February 13th arrived.	Наступило утро 13 февраля.
No communication had taken place between the natives and the "tabooed" prisoners.	Туземцы не приближались к пленникам, огражденным табу.
A limited supply of provisions was in the house, which the unhappy inmates scarcely touched.	В храме была кое-какая еда, но несчастные едва к ней прикоснулись.
Misery deadened the pangs of hunger.	Скорбь подавляла голод.
The day passed without change, and without hope; the funeral ceremonies of the dead chief would doubtless be the signal for their execution.	День прошел, не принеся ни перемены, ни надежды. Видимо, погребение убитого вождя и казнь убийцы должны были совершиться одновременно.
Although Glenarvan did not conceal from himself the probability that Kai-Koumou had given up all idea of exchange, the Major still cherished a spark of hope.	Гленарван был убежден, что Кай-Куму оставил мысль об обмене пленников. У Мак-Наббса же все еще теплилась слабая надежда.
"Who knows," said he, as he reminded Glenarvan of the effect produced on the chief by the death of Kara-Tete-"who knows but that Kai-Koumou, in his heart, is very much obliged to you?"	- Как знать, - говорил он, напоминая Гленарвану, как отнесся вождь к смерти Кара-Тете, - не чувствует ли в глубине души Кай-Куму, что вы оказали ему услугу?
But even McNabbs' remarks failed to awaken hope in Glenarvan's mind.	Но, что бы ни думал Мак-Наббс, Гленарван не хотел больше ни на что надеяться.
The next day passed without any appearance of preparation for their punishment; and this was the reason of the delay.	Прошел еще день, а никаких приготовлений к казни все не было. И вот чем объяснялась эта задержка.
The Maories believe that for three days after death the soul inhabits the body, and therefore, for three times twenty-four hours, the corpse remains unburied.	Маори верят в то, что душа умершего пребывает в его теле еще три дня, и потому труп хоронят только по истечении трех суток.
This custom was rigorously observed.	Этот обычай, заставлявший откладывать погребение, был соблюден со строжайшей точностью.
Till February 15th the "pah" was deserted.	До 15 февраля крепость была совершенно пустынна.
John Mangles, hoisted on Wilson's shoulders, frequently reconnoitered the outer defences.	Джон Манглс, взобравшись на плечи Вильсона, не раз вглядывался в наружные укрепления.
Not a single native was visible; only the watchful sentinels relieving guard at the door of the Ware-Atoua.	Из-за них не показывался ни один туземец. Только сменялись часовые, бдительно несшие караул у дверей храма.
But on the third day the huts opened; all the savages, men, women, and children, in all several hundred Maories, assembled in the "pah," silent and calm.	Но на третий день двери хижин распахнулись. Несколько сот дикарей - мужчин, женщин, детей - собрались на площади па. Они были спокойны и безмолвны.

Kai-Koumou came out of his house, and surrounded by the principal chiefs of his tribe, he took his stand on a mound some feet above the level, in the center of the enclosure.	Кай-Куму вышел из своего жилища и, окруженный главными вождями племени, поднялся на земляную насыпь в несколько футов вышины, находившуюся посредине крепости.
The crowd of natives formed in a half circle some distance off, in dead silence.	Толпа туземцев стала полукругом немного позади. Все хранили глубокое молчание.
At a sign from Kai-Koumou, a warrior bent his steps toward Ware-Atoua.	Кай-Куму сделал знак, и один из воинов направился к храму.
"Remember," said Lady Helena to her husband.	- Помни же, - сказала леди Элен мужу.
Glenarvan pressed her to his heart, and Mary Grant went closer to John Mangles, and said hurriedly:	Гленарван молча прижал ее к сердцу. Тогда Мери Грант подошла к Джону Манглсу и сказала:
"Lord and Lady Glenarvan cannot but think if a wife may claim death at her husband's hands, to escape a shameful life, a betrothed wife may claim death at the hands of her betrothed husband, to escape the same fate.	- Лорд и леди Гленарван согласятся с тем, что если муж может убить свою жену, чтобы избавить ее от позора, то и жених имеет право убить невесту.
John! at this last moment I ask you, have we not long been betrothed to each other in our secret hearts?	Джон, в эту последнюю минуту разве не смею я сказать, что в глубине души вы давно называете меня своею невестой?
May I rely on you, as Lady Helena relies on Lord Glenarvan?"	Могу ли я, дорогой Джон, надеяться на вас так же, как леди Элен на лорда Гленарвана?
"Mary!" cried the young captain in his despair. "Ah! dear Mary-"	- Мери! - воскликнул в смятении молодой капитан. - Мери! Дорогая!
The mat was lifted, and the captives led to Kai-Koumou; the two women were resigned to their fate; the men dissembled their sufferings with superhuman effort.	Он не успел договорить: циновка поднялась, и пленников повели к Кай-Куму. Женщины были готовы принять смерть. Мужчины скрывали душевные муки под наружным спокойствием, говорившим о сверхчеловеческой силе воли.
They arrived in the presence of the Maori chief.	Пленники предстали перед новозеландским вождем. Приговор его был короток.
"You killed Kara-Tete," said he to Glenarvan.	- Ты убил Кара-Тете? - спросил он Гленарвана.
"I did," answered Glenarvan.	- Убил, - ответил тот.
"You die to-morrow at sunrise."	- Завтра на рассвете ты умрешь.
"Alone?" asked Glenarvan, with a beating heart.	- Один? - спросил Гленарван. Сердце его забилось.
"Oh! if our Tohonga's life was not more precious than yours!" exclaimed Kai-Koumou, with a ferocious expression of regret.	- О, если б только жизнь нашего Тогонги не была ценнее ваших! - со свирепым сожалением воскликнул Кай-Куму.
At this moment there was a commotion among the natives.	В это время среди туземцев произошло какое-то движение.
Glenarvan looked quickly around; the crowd made way, and a warrior appeared heated by running, and sinking with fatigue.	Гленарван быстро оглянулся. Вскоре толпа расступилась, и появился воин, весь в поту, изнемогавший от усталости.

Kai-Koumou, as soon as he saw him, said in English, evidently for the benefit of the captives:	Каи - Куму сейчас же обратился к нему по-английски, очевидно желая, чтобы разговор был понят пленниками:
"You come from the camp of the Pakekas?"	- Ты пришел из лагеря пакекас?
"Yes," answered the Maori.	- Да, - ответил воин.
"You have seen the prisoner, our Tohonga?"	- Ты видел пленника - нашего Тогонгу?
"I have seen him."	- Видел.
"Alive?"	- Он жив?
"Dead!	- Он мертв.
English have shot him."	Англичане расстреляли его.
It was all over with Glenarvan and his companions.	Участь Гленарвана и его спутников была решена.
"All!" cried Kai-Koumou; "you all die to-morrow at daybreak."	- Завтра на рассвете вы все умрете! - воскликнул Каи - Куму.
Punishment fell on all indiscriminately.	Итак, несчастных ждала одинаковая кара.
Lady Helena and Mary Grant were grateful to Heaven for the boon.	Леди Элен и Мери Грант молитвенно обратили взоры к небу.
The captives were not taken back to Ware-Atoua.	Пленников не повели назад в храм.
They were destined to attend the obsequies of the chief and the bloody rites that accompanied them.	Они должны были присутствовать на погребении вождя и кровавых ритуалах, сопровождающих его.
A guard of natives conducted them to the foot of an immense kauri, and then stood on guard without taking their eyes off the prisoners.	Отряд туземцев отвел пленников на несколько шагов в сторону, к подножию огромного дерева - куди. Там они и остались стоять, окруженные стражей, не спускавшей с них глаз. Остальные маори, погруженные в скорбь об усопшем вожде, казалось, забыли о них.
The three prescribed days had elapsed since the death of Kara-Tete, and the soul of the dead warrior had finally departed; so the ceremonies commenced.	После смерти Кара-Тете прошло три установленных обычаем дня. Теперь, по верованиям новозеландцев, душа покойного окончательно покинула его бренное тело. Начался обряд погребения.
The body was laid on a small mound in the central enclosure.	Тело вождя положили на небольшую земляную насыпь посреди крепости.
It was clothed in a rich dress, and wrapped in a magnificent flax mat.	Покойник был облачен в пышные одежды и покрыт великолепной циновкой из формиума.
His head, adorned with feathers, was encircled with a crown of green leaves.	На голову, украшенную перьями, был надет венок из зеленых листьев.
His face, arms, and chest had been rubbed with oil, and did not show any sign of decay.	Лицо, руки и грудь покойного, натертые растительным маслом, не обнаруживали никаких признаков разложения.

The parents and friends arrived at the foot of the mound, and at a certain moment, as if the leader of an orchestra were leading a funeral chant, there arose a great wail of tears, sighs, and sobs.	Родственники и друзья Кара-Тете подошли к насыпи, и вдруг, словно невидимый дирижер взмахнул палочкой к началу похоронного гимна, грянула оглушительная симфония плача, рыданий, стонов.
They lamented the deceased with a plaintive rhythm and doleful cadence.	Заунывен и тяжек был ритм этих причитаний.
The kinsmen beat their heads; the kinswomen tore their faces with their nails and lavished more blood than tears.	Родные покойного били себя по голове, женщины с остервенением раздирали ногтями свои лица, проливая больше крови, чем слез.
But these demonstrations were not sufficient to propitiate the soul of the deceased, whose wrath might strike the survivors of his tribe; and his warriors, as they could not recall him to life, were anxious that he should have nothing to wish for in the other world.	Эти несчастные добросовестно выполняли дикий обряд. Но, видимо, этих проявлений скорби было недостаточно для умиротворения души умершего, и воины, боясь, чтобы гнев вождя не обрушился на переживших его соплеменников, хотели умилостивить покойника, предоставив ему на том свете те блага, которыми пользовался он на земле.
The wife of Kara-Tete was not to be parted from him; indeed, she would have refused to survive him.	Поэтому и жена Кара-Тете Должна была последовать в могилу за супругом.
It was a custom, as well as a duty, and Maori history has no lack of such sacrifices.	Бедная женщина и не согласилась бы пережить мужа. Таков был ее освященный обычаем долг, и история Новой Зеландии насчитывает немало подобных жертвоприношений.
This woman came on the scene; she was still young.	Вот появилась она сама. Она была еще молода.
Her disheveled hair flowed over her shoulders.	Растрепанные волосы падали на плечи.
Her sobs and cries filled the air.	Она рыдала и голосила.
Incoherent words, regrets, sobs, broken phrases in which she extolled the virtues of the dead, alternated with her moans, and in a crowning paroxysm of sorrow, she threw herself at the foot of the mound and beat her head on the earth.	Вопли перемежались отрывочными фразами, в которых она прославляла добродетели умершего супруга и горько жалела о нем. Наконец, охваченная безудержным порывом горя, она простерлась у подножия кургана и стала биться головой о землю.
The Kai-Koumou drew near; suddenly the wretched victim rose; but a violent blow from a "MERE," a kind of club brandished by the chief, struck her to the ground; she fell senseless.	В эту минуту к ней подошел Кай-Куму. Обреченная жертва вдруг поднялась, но вождь могучим ударом дубины повалил ее обратно на землю. Она упала, сраженная.
Horrible yells followed; a hundred arms threatened the terror-stricken captives.	Раздались страшные крики. Сотни рук угрожающе протянулись к пленникам.
But no one moved, for the funeral ceremonies were not yet over.	Но никто не тронулся с места, ибо похоронный обряд еще не был закончен.
The wife of Kara-Tete had joined her husband.	Жена Кара-Тете соединилась с мужем.
The two bodies lay stretched side by side.	Их тела лежали теперь рядом.
But in the future life, even the presence of his faithful companion was not enough.	Но для вечной жизни покойнику было мало верной жены.
Who would attend on them in the realm of Noui-Atoua, if their slaves did not follow them into the other world.	Кто будет прислуживать супругам у Ниа-Атуа, если за ними не последуют на тот свет их рабы?

Six unfortunate fellows were brought to the mound.	К трупам хозяев подвели шестерых слуг.
They were attendants whom the pitiless usages of war had reduced to slavery.	Они стали рабами в силу беспощадных законов войны.
During the chief's lifetime they had borne the severest privations, and been subjected to all kinds of ill-usage; they had been scantily fed, and incessantly occupied like beasts of burden, and now, according to Maori ideas, they were to resume to all eternity this life of bondage.	При жизни вождя они терпели жестокие лишения, их били, держали впроголодь, заставляли работать, как вьючных животных, и теперь, как верили маори, они будут вечно влачить то же рабское существование в загробной жизни.
These poor creatures appeared quite resigned to their destiny.	Казалось, бедняги безропотно покорялись своей участи.
They were not taken by surprise.	В таком заранее известном конце не было для них ничего неожиданного.
Their unbound hands showed that they met their fate without resistance.	Их несвязанные руки доказывали, что от обреченных не ждут сопротивления перед смертью.
Their death was speedy and not aggravated by tedious suffering; torture was reserved for the authors of the murder, who, only twenty paces off, averted their eyes from the horrible scene which was to grow yet more horrible.	К тому же эта смерть была быстрой: их избавили от длительных мучений. Пытки предназначались виновникам гибели вождя. Те, стоя в двадцати шагах, отводили глаза от страшного зрелища; однако вскоре оно сделалось еще ужаснее.
Six blows of the MERE, delivered by the hands of six powerful warriors, felled the victims in the midst of a sea of blood.	Под ударами дубин шестерых сильных воинов жертвы распростерлись на земле в луже крови.
This was the signal for a fearful scene of cannibalism.	Это послужило сигналом к жуткой сцене людоедства.
The bodies of slaves are not protected by taboo like those of their masters.	Сила табу, которая охраняет тело хозяина, не распространяется на мертвых рабов.
They belong to the tribe; they were a sort of small change thrown among the mourners, and the moment the sacrifice was over, the whole crowd, chiefs, warriors, old men, women, children, without distinction of age, or sex, fell upon the senseless remains with brutal appetite.	Они принадлежат племени. Это как бы мелкие подачки плакальщикам. И вот, едва жертвоприношение было закончено, все туземцы: вожди, воины, старики, женщины, дети, - все, без различия пола и возраста, охваченные животной яростью, набросились на бездыханные останки жертв.
Faster than a rapid pen could describe it, the bodies, still reeking, were dismembered, divided, cut up, not into morsels, but into crumbs.	Быстрее, чем это может описать перо, еще теплые тела были растерзаны, разорваны, искромсаны даже не на куски, а на клочки.
Of the two hundred Maories present everyone obtained a share.	Каждый из двухсот присутствовавших при жертвоприношении дикарей получил свою долю человеческого мяса.
They fought, they struggled, they quarreled over the smallest fragment.	Они боролись, дрались и спорили из-за каждого куска.
The drops of hot blood splashed over these festive monsters, and the whole of this detestable crew groveled under a rain of blood.	Участники этого чудовищного пира были покрыты горячей кровью, и вся эта отвратительная орда копошилась, обливаясь кровавыми брызгами.

It was like the delirious fury of tigers fighting over their prey, or like a circus where the wild beasts devour the deer.	Это было какое-то исступление, бешенство тигров, разрывающих свою добычу. Словно дикие звери в цирке бросились на укротителей.
This scene ended, a score of fires were lit at various points of the "pah"; the smell of charred flesh polluted the air; and but for the fearful tumult of the festival, but for the cries that emanated from these flesh-sated throats, the captives might have heard the bones crunching under the teeth of the cannibals.	Вскоре в разных углах па вспыхнули двадцать костров, разнесся смрад горелого мяса, и, если бы не оглушительный шум пиршества, не крики - не утихавшие, хотя рты уже были набиты мясом, - пленники могли бы слышать, как хрустят кости жертв под зубами людоедов.
Glenarvan and his companions, breathless with horror, tried to conceal this fearful scene from the eyes of the two poor ladies.	Гленарван и его спутники, задыхаясь от отвращения, пытались скрыть от глаз женщин это гнусное зрелище.
They understood then what fate awaited them next day at dawn, and also with what cruel torture this death would be preceded.	Теперь они понимали, какая смерть ждет их завтра на рассвете и какие жестокие пытки им, без сомнения, придется испытать, прежде чем умереть.
They were dumb with horror. The funeral dances commenced.	Вслед за пиршеством начались ритуальные танцы.
Strong liquors distilled from the "piper excelsum" animated the intoxication of the natives. They had nothing human left.	Крепкая водка, настоянная на горчайшем стручковом перце, еще усилила неистовство дикарей.
It seemed possible that the "taboo" might be forgotten, and they might rush upon the prisoners, who were already terrified at their delirious gestures.	Казалось, они вот-вот забудут о наложенном вождем табу, набросятся на ошеломленных этим исступлением пленников.
But Kai-Koumou had kept his own senses amidst the general delirium.	Но среди общего опьянения Кай-Куму сохранял трезвую голову.
He allowed an hour for this orgy of blood to attain its maximum and then cease, and the final scene of the obsequies was performed with the accustomed ceremonial.	Он дал кровавой оргии достигнуть кульминационной точки, затем постепенно утихнуть, и обряд погребения завершился последним торжественным актом.
The corpses of Kara-Tete and his wife were raised, the limbs were bent, and laid against the stomach according to the Maori usage; then came the funeral, not the final interment, but a burial until the moment when the earth had destroyed the flesh and nothing remained but the skeleton.	Трупы Кара-Тете и его жены подняли и усадили по новозеландскому обычаю, подогнув колени со сложенными на них руками к животу. Наступило время предать мертвецов земле, но не окончательно, а до тех пор, пока тело не истлеет и не останутся одни кости.
The place of "oudoupa," or the tomb, had been chosen outside the fortress, about two miles off at the top of a low hill called Maunganamu, situated on the right bank of the lake, and to this spot the body was to be taken. Two palanquins of a very primitive kind, hand-barrows, in fact, were brought to the foot of the mound, and the corpses doubled up so that they were sitting rather than lying, and their garments kept in place by a band of hanes, were placed on them.	Место для могилы было выбрано вне крепости, милях в двух от нее, на вершине небольшой горы Маунгахауми, поднимавшейся на правом берегу озера. Туда должны были перенести тела вождя и его супруги. К насыпи принесли примитивный паланкин, вернее, просто носилки. На них посадили оба трупа, укрепив их лианами.
Four warriors took up the litters on their shoulders, and the whole tribe, repeating their funeral chant, followed in procession to the place of sepulture.	Четыре воина подняли носилки и двинулись к месту погребения в сопровождении всего племени, снова затянувшего похоронную песнь.

The captives, still strictly guarded, saw the funeral cortege leave the inner inclosure of the "pah"; then the chants and cries grew fainter.	Пленники, с которых не спускали глаз стражи, видели, как процессия вышла за внутреннюю ограду, потом пение и крики стали мало-помалу затихать.
For about half an hour the funeral procession remained out of sight, in the hollow valley, and then came in sight again winding up the mountain side; the distance gave a fantastic effect to the undulating movement of this long serpentine column.	С полчаса, пока мрачное шествие двигалось в глубине долины, пленники не видели его, а затем оно снова показалось на извилистой тропе, поднимавшейся в гору. Издали эта длинная, змеящаяся колонна имела фантастический вид.
The tribe stopped at an elevation of about 800 feet, on the summit of Maunganamu, where the burial place of Kara-Tete had been prepared.	Племя остановилось на высоте восьмисот футов, на вершине Маунгахауми, у того места, где была приготовлена могила для погребения Кара-Тете.
An ordinary Maori would have had nothing but a hole and a heap of earth.	Незнатного маори хоронят просто в яме и засыпают ее камнями.
But a powerful and formidable chief destined to speedy deification, was honored with a tomb worthy of his exploits.	Но для могучего вождя, которому, конечно, скоро предстояло стать богом, племя позаботилось приготовить могилу, достойную его подвигов.
The "oudoupa" had been fenced round, and posts, surmounted with faces painted in red ochre, stood near the grave where the bodies were to lie.	Могила была огорожена частоколом, а у самой ямы, где должны были покоиться тела вождя и его жены, были вбиты шесты, украшенные резными, окрашенными охрой фигурами.
The relatives had not forgotten that the "Waidoua," the spirit of the dead, lives on mortal food, as the body did in this life.	Родственники усопших не забывали о том, что для "вайдуа" - духа умершего - нужна такая же пища, как для тела в бренной жизни.
Therefore, food was deposited in the inclosure as well as the arms and clothing of the deceased.	Поэтому у могилы вместе с оружием и одеждой покойного была положена еда.
Nothing was omitted for comfort.	Теперь в могиле было все необходимое.
The husband and wife were laid side by side, then covered with earth and grass, after another series of laments.	Супругов положили рядом, а затем, оплакав в последний раз, их засыпали землей и цветами.
Then the procession wound slowly down the mountain, and henceforth none dare ascend the slope of Maunganamu on pain of death, for it was "tabooed," like Tongariro, where lie the ashes of a chief killed by an earthquake in 1846.	В глубоком молчании спустилась процессия с горы. Отныне никто, под страхом смертной казни, не смел взойти на Маунгахауми, ибо на нее было наложено табу, так же как когда-то на гору Тонгариро, на вершине которой покоятся останки вождя, погибшего в 1846 году во время землетрясения.
CHAPTER XII STRANGELY LIBERATED	Глава XIII ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ
JUST as the sun was sinking beyond Lake Taupo, behind the peaks of Tuhahua and Pukepapu, the captives were conducted back to their prison. They were not to leave it again till the tops of the Wahiti Ranges were lit with the first fires of day.	Пленников отвели обратно в тюрьму, когда солнце скрывалось за вершинами гор по ту сторону озера Таупо, а выйдут они, когда вершины горной цепи окрасятся первыми лучами солнца.
They had one night in which to prepare for death.	Это была их последняя ночь перед смертью.
Overcome as they were with horror and fatigue, they took their last meal together.	Несмотря на изнеможение, несмотря на переживаемый ими ужас, они сели поужинать вместе.

"We shall need all our strength," Glenarvan had said, "to look death in the face. We must show these savages how Europeans can die."	- Нам нужны силы, чтобы смело взглянуть в глаза смерти, - проговорил Гленарван. - Надо показать этим дикарям, как умеют умирать европейцы.
The meal ended. Lady Helena repeated the evening prayer aloud, her companions, bare-headed, repeated it after her.	После ужина леди Элен громко прочитала вечернюю молитву. Остальные, обнажив головы, присоединились к ней.
Who does not turn his thoughts toward God in the hour of death?	Кто же перед смертью не обратится к богу!
This done, the prisoners embraced each other.	Исполнив этот долг, пленники обняли друг друга.
Mary Grant and Helena, in a corner of the hut, lay down on a mat.	Мери Грант и леди Элен улеглись на циновке в углу хижины.
Sleep, which keeps all sorrow in abeyance, soon weighed down their eyelids; they slept in each other's arms, overcome by exhaustion and prolonged watching.	Сон, заставляющий на время забыть всякое горе, скоро сомкнул им глаза. Сломленные усталостью и бессонными ночами, они заснули, прижавшись друг к другу.
Then Glenarvan, taking his friends aside, said:	Гленарван, отведя своих товарищей в сторону, сказал им:
"My dear friends, our lives and the lives of these poor women are in God's hands. If it is decreed that we die to-morrow, let us die bravely, like Christian men, ready to appear without terror before the Supreme Judge.	- Дорогие друзья, если завтра нам суждено умереть, я уверен, что мы сумеем умереть как люди смелые и как христиане, готовые предстать перед высшим судом.
God, who reads our hearts, knows that we had a noble end in view.	Бог, читающий в душах, знает, что мы стремились к благородной цели.
If death awaits us instead of success, it is by His will.	Если нам уготован не успех, а смерть, значит, такова его воля.
Stern as the decree may seem, I will not repine.	Как ни суров его приговор - я не стану роптать.
But death here, means not death only, it means torture, insult, perhaps, and here are two ladies-" Glenarvan's voice, firm till now, faltered.	Но здесь нас ждет не только смерть, но и пытка; быть может, бесчестие, и эти две женщины... Твердый до сих пор голос Гленарвана дрогнул.
He was silent a moment, and having overcome his emotion, he said, addressing the young captain: "John, you have promised Mary what I promised Lady Helena.	Он замолчал, чтобы справиться с волнением. - Джон, - обратился он через минуту к молодому капитану, - ведь ты обещал Мери то же, что я обещал леди Элен.
What is your plan?"	Как же ты решил поступить?
"I believe," said John, "that in the sight of God I have a right to fulfill that promise."	- Мне кажется, я имею право выполнить это обещание, - ответил Джон Манглс.
"Yes, John; but we are unarmed."	- Да, Джон, но ведь у нас нет оружия.
"No!" replied John, showing him a dagger. "I snatched it from Kara-Tete when he fell at your feet.	- Одно есть, - сказал молодой капитан, показывая кинжал, - я вырвал его из рук Кара-Тете в ту минуту, когда этот дикарь свалился у ваших ног.
My Lord, whichever of us survives the other will fulfill the wish of Lady Helena and Mary Grant."	И пусть, милорд, тот из нас, кто останется жив, выполнит желание леди Элен и Мери Грант.
After these words were said, a profound silence ensued.	После этих слов воцарилось глубокое молчание.

At last the Major said:	Его нарушил майор.
"My friends, keep that to the last moment.	- Друзья мои, - сказал он, - приберегите это крайнее средство на самую последнюю минуту.
I am not an advocate of irremediable measures."	Я не сторонник непоправимых поступков.
"I did not speak for ourselves," said Glenarvan. "Be it as it may, we can face death!	- Это не относится к нам, мужчинам, - ответил Гленарван. - Какая бы ни ждала нас смерть, мы сумеем без страха встретить ее.
Had we been alone, I should ere now have cried,	Ах, если бы мы были одни, я уже двадцать раз крикнул бы вам:
'My friends, let us make an effort.	"Друзья, попытаемся прорваться!
Let us attack these wretches!'	Нападем на этих негодяев!"
But with these poor girls-"	Но моя жена, но Мери...
At this moment John raised the mat, and counted twenty-five natives keeping guard on the Ware-Atoua.	Джон Манглс приподнял циновку и стал считать воинов, стороживших дверь храма. Их было двадцать пять.
A great fire had been lighted, and its lurid glow threw into strong relief the irregular outlines of the "pah."	Они развели большой костер, бросавший зловещие отблески на площадь, хижины и изгороди па.
Some of the savages were sitting round the brazier; the others standing motionless, their black outlines relieved against the clear background of flame.	Некоторые дикари лежали вокруг костра, другие стояли неподвижно, и их резкие черные силуэты вырисовывались на фоне яркого пламени.
But they all kept watchful guard on the hut confided to their care.	Но все они то и дело глядели на хижину, наблюдать за которой им было поручено.
It has been said that between a vigilant jailer and a prisoner who wishes to escape, the chances are in favor of the prisoner; the fact is, the interest of the one is keener than that of the other.	Говорят, что у узника всегда есть шансы убежать от стерегущего его тюремщика. И в самом деле, для узника успех всегда важнее, чем для тюремщика.
The jailer may forget that he is on guard; the prisoner never forgets that he is guarded.	Тюремщик может забыть, что он поставлен стеречь, - узник не может забыть, что его стерегут.
The captive thinks oftener of escaping than the jailer of preventing his flight, and hence we hear of frequent and wonderful escapes.	Узник чаще думает о побеге, чем его страж о том, как помешать ему бежать. Оттого часто удаются поразительные побеги.
But in the present instance hatred and revenge were the jailers-not an indifferent warder; the prisoners were not bound, but it was because bonds were useless when five-and-twenty men were watching the only egress from the Ware-Atoua.	Но здесь за пленниками наблюдали не равнодушные тюремщики, а ненависть и жажда мести. Если их не связали, то только потому, что узы излишни, раз двадцать пять человек охраняли единственный выход из храма.
This house, with its back to the rock which closed the fortress, was only accessible by a long, narrow promontory which joined it in front to the plateau on which the "pah" was erected.	Эта хижина, примыкавшая к скале, которой завершались укрепления крепости, была доступна лишь со стороны входа, откуда узкая тропа вела на площадь па.
On its two other sides rose pointed rocks, which jutted out over an abyss a hundred feet deep.	Две боковые стены хижины выходили на отвесные склоны над пропастью футов сто глубиной.

On that side descent was impossible, and had it been possible, the bottom was shut in by the enormous rock.	Спуститься здесь никак нельзя. Немыслимо было убежать и со стороны задней стены, ибо она упиралась в огромную скалу.
The only outlet was the regular door of the Ware-Atoua, and the Maories guarded the promontory which united it to the "pah" like a drawbridge.	Единственным выходом была дверь храма, и маори стерегли тропу, соединявшую его с па, подобно подъемному мосту.
All escape was thus hopeless, and Glenarvan having tried the walls for the twentieth time, was compelled to acknowledge that it was so.	Итак, бегство было невозможно. Гленарван, исследовав чуть ли не в двадцатый раз стены своей тюрьмы, принужден был признать это.
The hours of this night, wretched as they were, slipped away.	Между тем один за другим проходили часы этой мучительной ночи.
Thick darkness had settled on the mountain.	Горы погрузились в непроницаемый мрак.
Neither moon nor stars pierced the gloom.	На небе не видно было ни луны, ни звезд.
Some gusts of wind whistled by the sides of the "pah," and the posts of the house creaked: the fire outside revived with the puffs of wind, and the flames sent fitful gleams into the interior of Ware-Atoua. The group of prisoners was lit up for a moment; they were absorbed in their last thoughts, and a deathlike silence reigned in the hut.	Порой над па, сотрясая сваи святилища, проносились порывы ветра. Они на миг раздували костер маори, и отблески его пламени озаряли мимолетным светом внутренность храма и сидевших в нем узников. Несчастные были погружены в предсмертные думы. Мертвая тишина царила в хижине.
It might have been about four o'clock in the morning when the Major's attention was called to a slight noise which seemed to come from the foundation of the posts in the wall of the hut which abutted on the rock. McNabbs was at first indifferent, but finding the noise continue, he listened; then his curiosity was aroused, and he put his ear to the ground; it sounded as if someone was scraping or hollowing out the ground outside.	Около четырех часов утра внимание майора вдруг привлек какой-то шорох, казалось доносившийся из-под задней стены, примыкавшей к скале. Сначала Мак-Наббс не придал этому шуму значения, но так как он не прекращался, майор стал прислушиваться, а затем, заинтересовавшись, даже припал ухом к земле, чтобы яснее его расслышать.
As soon as he was sure of it, he crept over to Glenarvan and John Mangles, and startling them from their melancholy thoughts, led them to the end of the hut.	Ему показалось, что кто-то за стеной скребет, роет землю. Когда Мак-Наббс убедился, что слух не обманывает его, он тихо подошел к Гленарвану и Джону Манглсу и, оторвав их от мучительных дум, увел обоих в глубину хижины.
"Listen," said he, motioning them to stoop.	- Прислушайтесь, - проговорил он шепотом, знаком приглашая их нагнуться.
The scratching became more and more audible; they could hear the little stones grate on a hard body and roll away.	Шорох слышался все явственнее. Уже можно было различить, как под нажимом чего-то острого скрипели и скатывались вниз камешки.
"Some animal in his burrow," said John Mangles.	- Какой-нибудь зверь роет нору, - сказал Джон Манглс.
Glenarvan struck his forehead.	Гленарван вдруг ударил себя по лбу.
"Who knows?" said he, "it might be a man."	- Как знать, - сказал он, - а вдруг это человек!
"Animal or man," answered the Major, "I will soon find out!"	- А вот мы сейчас выясним, человек это или животное, - отозвался майор.

Wilson and Olbinett joined their companions, and all united to dig through the wall-John with his dagger, the others with stones taken from the ground, or with their nails, while Mulrady, stretched along the ground, watched the native guard through a crevice of the matting.	К ним подошли Вильсон и Олбинет, и все вчетвером принялись подкапываться под стену: Джон Манглс работал кинжалом, остальные - вырванными из земли камнями или просто руками. Мюльреди, растянувшись на полу и приподняв циновку, наблюдал за группой туземцев.
These savages sitting motionless around the fire, suspected nothing of what was going on twenty feet off.	Дикари, неподвижно сидя вокруг костра, и не подозревали о том, что происходило в двадцати шагах от них.
The soil was light and friable, and below lay a bed of silicious tufa; therefore, even without tools, the aperture deepened quickly.	В этом месте, где пленники стали копать, скалу из кремнистого туфа покрывал слой рыхлой земли. Поэтому, хотя не хватало инструментов, яма быстро углублялась.
It soon became evident that a man, or men, clinging to the sides of the "pah," were cutting a passage into its exterior wall.	Вскоре стало ясно, что какой-то человек или несколько человек роют подкоп в хижину с внешней стороны крепости.
What could be the object?	Зачем они это делали?
Did they know of the existence of the prisoners, or was it some private enterprise that led to the undertaking?	Знали ли они о том, что здесь находятся пленники, или кто-то хотел проникнуть сюда с какой-то особой целью?
The prisoners redoubled their efforts.	Пленники удвоили усилия.
Their fingers bled, but still they worked on; after half an hour they had gone three feet deep; they perceived by the increased sharpness of the sounds that only a thin layer of earth prevented immediate communication.	Кровь сочилась из их пальцев, но они все рыли и рыли. Через полчаса они уже вырыли яму фута в три глубиной. Шорох с той стороны доносился все отчетливее: наверное, работавших отделял друг от друга лишь тонкий слой земли.
Some minutes more passed, and the Major withdrew his hand from the stroke of a sharp blade.	Прошло еще несколько минут - и вдруг майор отдернул руку, пораненную каким-то острым лезвием.
He suppressed a cry.	Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть.
John Mangles, inserting the blade of his poniard, avoided the knife which now protruded above the soil, but seized the hand that wielded it.	Джон Манглс отклонил своим кинжалом нож, показавшийся из земли, и схватил руку, которая держала его.
It was the hand of a woman or child, a European!	То была рука женская или детская, рука европейца!
On neither side had a word been uttered.	Ни с той, ни с другой стороны не последовало ни слова.
It was evidently the cue of both sides to be silent.	Очевидно, обе стороны избегали шума.
"Is it Robert?" whispered Glenarvan.	- Уж не Роберт ли это? - прошептал Гленарван.
But softly as the name was breathed, Mary Grant, already awakened by the sounds in the hut, slipped over toward Glenarvan, and seizing the hand, all stained with earth, she covered it with kisses.	Как ни тихо произнес он это имя, но Мери Грант, разбуженная возней в хижине, сейчас же проскользнула к Гленарвану и, схватив эту всю перепачканную землей руку, осыпала ее поцелуями.
"My darling Robert," said she, never doubting, "it is you! it is you!"	- Ты! Ты! - шептала девушка. (Уж она не могла ошибиться!) - Ты, мой Роберт!

"Yes, little sister," said he, "it is I am here to save you all; but be very silent."	- Да, сестричка, это я, - послышался голос Роберта. - Я здесь, чтобы всех вас спасти. Но тише!
"Brave lad!" repeated Glenarvan.	- Храбрый мальчик!.. - повторял Гленарван.
"Watch the savages outside," said Robert.	- Наблюдайте за дикарями у входа, - снова донесся голос юного Гранта, - и расширьте ход.
Mulrady, whose attention was distracted for a moment by the appearance of the boy, resumed his post.	Мюльреди, отвлеченный на миг появлением мальчугана, снова вернулся на свой наблюдательный пункт.
"It is all right," said he. "There are only four awake; the rest are asleep."	- Все в порядке, - сказал он, - бодрствуют только четверо. Остальные спят. - Смелей! - отозвался Вильсон.
A minute after, the hole was enlarged, and Robert passed from the arms of his sister to those of Lady Helena.	В одну минуту отверстие было расширено, и Роберт из объятий сестры попал в объятия леди Элен.
Round his body was rolled a long coil of flax rope.	Вокруг пояса у него была закручена длинная веревка из формиума.
"My child, my child," murmured Lady Helena, "the savages did not kill you!"	- Мальчик, мой мальчик, - шептала леди Элен, - так тебя не убили дикари?
"No, madam," said he;	- Не убили.
"I do not know how it happened, but in the scuffle I got away; I jumped the barrier; for two days I hid in the bushes, to try and see you; while the tribe were busy with the chief's funeral, I came and reconnoitered this side of the path, and I saw that I could get to you.	Сам не знаю как, но мне удалось во время общего переполоха ускользнуть от них. Я выбрался из крепости и два дня скрывался в кустах, а по ночам бродил. Мне хотелось увидеть вас. Пока все племя было занято погребением вождя, я осмотрел ту сторону крепости, на которой находится ваша тюрьма, и увидел, что смогу добраться до вас.
I stole this knife and rope out of the desert hut. The tufts of bush and the branches made me a ladder, and I found a kind of grotto already hollowed out in the rock under this hut; I had only to bore some feet in soft earth, and here I am."	Я стащил из какой-то пустой хижины этот нож и веревку и стал карабкаться к вам, хватаясь за пучки трав и ветки кустов. К счастью, в скале, на которой стоит эта хижина, оказалось что-то вроде пещеры, и оттуда мне осталось прокопать всего несколько футов рыхлой земли. И вот я с вами!
Twenty noiseless kisses were his reward.	Два десятка поцелуев послужили безмолвным ответом на слова Роберта.
"Let us be off!" said he, in a decided tone.	- Идем! - сказал он решительным тоном.
"Is Paganel below?" asked Glenarvan.	- А Паганель внизу? - спросил Гленарван.
"Monsieur Paganel?" replied the boy, amazed.	- Господин Паганель? - с удивлением переспросил Роберт.
"Yes; is he waiting for us?"	- Да. Он ждет нас?
"No, my Lord; but is he not here?" inquired Robert.	- Да нет, милорд. Разве господин Паганель не с вами?
"No, Robert!" answered Mary Grant.	- Его здесь нет, Роберт, - ответила Мери Грант.

"Why! have you not seen him?" asked Glenarvan. "Did you lose each other in the confusion? Did you not get away together?"	- Как, ты его не видел? - спросил Гленарван. - Значит, вы убежали не вместе?
"No, my Lord!" said Robert, taken aback by the disappearance of his friend Paganel.	- Нет, милорд, - ответил мальчик, удрученный известием об исчезновении своего друга Паганеля.
"Well, lose no more time," said the Major.	- Идем! - сказал майор. - Нельзя терять ни минуты.
"Wherever Paganel is, he cannot be in worse plight than ourselves.	Где бы ни был Паганель, он все же не может быть в худшем положении, чем мы здесь.
Let us go."	Идемте!
Truly, the moments were precious.	Действительно, каждая минута была на счету.
They had to fly.	Нужно было спасаться бегством.
The escape was not very difficult, except the twenty feet of perpendicular fall outside the grotto.	К счастью, побег не представлял больших трудностей, если не считать почти вертикального обрыва сразу по выходе из пещеры, всего футов в двадцать.
After that the slope was practicable to the foot of the mountain.	Дальше до самого подножия горы спуск был не слишком крут.
From this point the prisoners could soon gain the lower valleys; while the Maories, if they perceived the flight of the prisoners, would have to make a long round to catch them, being unaware of the gallery between the Ware-Atoua and the outer rock.	Оттуда пленники могли быстро добраться вниз, в долину. А дикарям, заметь они бегство европейцев, пришлось бы в погоне за ними проделать длинный путь в обход, так как они не знали о ходе, прорытом из хижины на внешний склон.
The escape was commenced, and every precaution was taken.	Побег начался. Действовали со всей осторожностью.
The captives passed one by one through the narrow passage into the grotto.	Один за другим пленники пробрались через узкий ход и очутились в пещере.
John Mangles, before leaving the hut, disposed of all the evidences of their work, and in his turn slipped through the opening and let down over it the mats of the house, so that the entrance to the gallery was quite concealed.	Джон Манглс, прежде чем покинуть святилище, уничтожил все следы подкопа, а затем и сам соскользнул в отверстие, закрыв его за собой циновкой. Теперь ход был совсем незаметен.
The next thing was to descend the vertical wall to the slope below, and this would have been impracticable, but that Robert had brought the flax rope, which was now unrolled and fixed to a projecting point of rock, the end hanging over.	Дальше предстояло спуститься с отвесной скалы. Этот спуск был бы неосуществим, не принеси с собой Роберт веревку из формиума. Ее размотали, один конец прикрепили к выступу скалы, а другой опустили вниз.
John Mangles, before his friends trusted themselves to this flax rope, tried it; he did not think it very strong; and it was of importance not to risk themselves imprudently, as a fall would be fatal.	Прежде чем предоставить своим друзьям вввериться этой скрученной из волокон формиума веревке, Джон Манглс испробовал ее. Она показалась ему не особенно крепкой. Приходилось быть осмотрительным: падение с такой высоты могло оказаться смертельным.
"This rope," said he, "will only bear the weight of two persons; therefore let us go in rotation.	- Эта веревка может выдержать не больше двух человек, - сказал он. - Поэтому поступим так.

Lord and Lady Glenarvan first; when they arrive at the bottom, three pulls at the rope will be a signal to us to follow."	Пусть лорд и леди Гленарван спустятся первыми. Добравшись до подножия скалы, они три раза дернут за веревку - дадут знать, что могут спускаться другие.
"I will go first," said Robert. "I discovered a deep hollow at the foot of the slope where those who come down can conceal themselves and wait for the rest."	- Но сначала спущусь я, - заявил Роберт. - Я нашел внизу глубокую впадину, в которой могут спрятаться те, кто спустятся первыми.
"Go, my boy," said Glenarvan, pressing Robert's hand.	- Отправляйся, дитя мое, - сказал Гленарван, пожимая руку Роберту.
Robert disappeared through the opening out of the grotto.	Мальчик скрылся.
A minute after, the three pulls at the cord informed them the boy had alighted safely.	Через минуту троекратное подергивание веревки дало знать, что он благополучно спустился.
Glenarvan and Lady Helena immediately ventured out of the grotto.	Лорд Гленарван и леди Элен тотчас вышли из пещеры.
The darkness was still very great, though some grayish streaks were already visible on the eastern summits.	Было еще очень темно, но вершины гор, поднимавшихся на востоке, начали чуть-чуть сереть.
The biting cold of the morning revived the poor young lady. She felt stronger and commenced her perilous descent.	Резкий утренний холодок подбодрил молодую женщину, и она почувствовала прилив сил.
Glenarvan first, then Lady Helena, let themselves down along the rope, till they came to the spot where the perpendicular wall met the top of the slope.	Первым Гленарван, за ним леди Элен спустились со скалы на склон горы.
Then Glenarvan going first and supporting his wife, began to descend backward.	Отсюда Гленарван, поддерживая жену, пятясь, пошел вниз.
He felt for the tufts and grass and shrubs able to afford a foothold; tried them and then placed Lady Helena's foot on them.	Он нащупывал пучки травы, кустики, и, испытав их прочность, ставил на них ногу леди Элен.
Some birds, suddenly awakened, flew away, uttering feeble cries, and the fugitives trembled when a stone loosened from its bed rolled to the foot of the mountain.	Взлетали с криком какие-то напуганные птицы. Беглецы вздрагивали, когда сорвавшийся из-под ноги камень с шумом катился до подножия горы.
They had reached half-way down the slope, when a voice was heard from the opening of the grotto. "Stop!" whispered John Mangles.	Они уже спустились до половины склона, как вдруг из пещеры послышался тихий голос Джона Манглса: - Остановитесь!..
Glenarvan, holding with one hand to a tuft of tetragonia, with the other holding his wife, waited with breathless anxiety.	Гленарван, уцепившись одной рукой за куст, а другой поддерживая жену, замер на месте.
Wilson had had an alarm.	Тревогу поднял Вильсон.
Having heard some unusual noise outside the Ware-Atoua, he went back into the hut and watched the Maories from behind the mat.	Услышав какие-то звуки на площади перед хижиной, он вернулся в храм и, приподняв циновку, стал наблюдать за маори.
At a sign from him, John stopped Glenarvan.	По его знаку Джон Манглс остановил Гленарвана.
One of the warriors on guard, startled by an unusual sound, rose and drew nearer to the Ware-Atoua.	Оказалось, что один из воинов, уловив непонятный шум, встал и подошел к хижине.

He stood still about two paces from the hut and listened with his head bent forward.	Стоя в двух шагах от нее, он, склонив голову, прислушивался.
He remained in that attitude for a minute that seemed an hour, his ear intent, his eye peering into the darkness.	В такой позе он простоял с минуту, показавшуюся Вильсону часом.
Then shaking his head like one who sees he is mistaken, he went back to his companions, took an armful of dead wood, and threw it into the smouldering fire, which immediately revived.	Затем, тряхнув головой, как бы поняв, что ошибся, туземец вернулся к своим товарищам, поднял с земли охапку хвороста и подбросил ее в полупотухший костер.
His face was lighted up by the flame, and was free from any look of doubt, and after having glanced to where the first light of dawn whitened the eastern sky, stretched himself near the fire to warm his stiffened limbs.	Огонь сразу запылал и осветил лицо воина; на нем уже не осталось и следа озабоченности. Поглядев на первые проблески зари на горизонте, он улегся У костра, чтобы согреться.
"All's well!" whispered Wilson.	- Все в порядке, - сказал Вильсон.
John signaled to Glenarvan to resume his descent.	Джон дал знак Гленарвану продолжать спуск.
Glenarvan let himself gently down the slope; soon Lady Helena and he landed on the narrow track where Robert waited for them.	Гленарван осторожно двинулся дальше, и вскоре он и леди Элен очутились на узенькой тропинке, где их ждал Роберт.
The rope was shaken three times, and in his turn John Mangles, preceding Mary Grant, followed in the dangerous route.	Снова трижды дернулась веревка, а затем пустились в опасный путь Джон Манглс и Мери Грант.
He arrived safely; he rejoined Lord and Lady Glenarvan in the hollow mentioned by Robert.	Они так же удачно достигли земли и вскоре встретились с лордом и леди Гленарван в указанном Робертом углублении.
Five minutes after, all the fugitives had safely escaped from the Ware-Atoua, left their retreat, and keeping away from the inhabited shores of the lakes, they plunged by narrow paths into the recesses of the mountains.	Через каких-нибудь пять минут все беглецы, счастливо выбравшись из храма, уже покинули свое временное убежище. Стремясь удалиться от обитаемых берегов озера, они двигались по узким тропинкам в самую глубь гор.
They walked quickly, trying to avoid the points where they might be seen from the pah.	Шли быстро, стараясь избегать тех мест, где кто-нибудь мог их увидеть.
They were quite silent, and glided among the bushes like shadows.	Безмолвно, словно тени, скользили между кустами.
Whither?	Куда шли они?
Where chance led them, but at any rate they were free.	Куда глаза глядят, но главное - они были свободны.
Toward five o'clock, the day began to dawn, bluish clouds marbled the upper stratum of clouds.	Около пяти часов начало светать. Тянувшиеся высоко в небе облака приняли голубоватый оттенок.
The misty summits began to pierce the morning mists.	Вершины гор очищались от утреннего тумана.
The orb of day was soon to appear, and instead of giving the signal for their execution, would, on the contrary, announce their flight.	Вскоре должно было показаться солнце, и его появление не послужит сигналом к казни, но обнаружит бегство осужденных.

It was of vital importance that before the decisive moment arrived they should put themselves beyond the reach of the savages, so as to put them off their track.	Поэтому беглецам надо было во что бы то ни стало до наступления этого рокового момента уйти так далеко, чтобы дикари не догнали их.
But their progress was slow, for the paths were steep.	Но вперед подвигались довольно медленно, так как тропинки были круты.
Lady Glenarvan climbed the slopes, supported, not to say carried, by Glenarvan, and Mary Grant leaned on the arm of John Mangles; Robert, radiant with joy, triumphant at his success, led the march, and the two sailors brought up the rear.	Гленарван не вел, а скорее нес жену. Мери Грант опиралась на руку Джона Манглса. Роберт, счастливый, торжествующий, радуясь успеху, шел впереди. Шествие замыкали матросы.
Another half an hour and the glorious sun would rise out of the mists of the horizon.	Еще полчаса - и из-за туманного горизонта должно было появиться солнце.
For half an hour the fugitives walked on as chance led them. Paganel was not there to take the lead. He was now the object of their anxiety, and whose absence was a black shadow between them and their happiness.	Эти полчаса беглецы шли наугад: ведь с ними не было Паганеля, всегда направлявшего их на верный путь, Паганеля, чье отсутствие так их тревожило и набрасывало мрачную тень на их счастье.
But they bore steadily eastward, as much as possible, and faced the gorgeous morning light.	Все же они старались по возможности двигаться на восток, навстречу разгоравшейся чудесной заре.
Soon they had reached a height of 500 feet above Lake Taupo, and the cold of the morning, increased by the altitude, was very keen.	Вскоре они уже достигли высоты пятисот футов над озером Таупо, и их охватил холод, который здесь был еще сильнее.
Dim outlines of hills and mountains rose behind one another; but Glenarvan only thought how best to get lost among them.	Перед беглецами вырисовывались неясные контуры холмов и громоздившихся над ними гор. Но Гленарван желал только одного - затеряться в них.
Time enough by and by to see about escaping from the labyrinth.	А там, позднее, говорил он себе, видно будет, как выбраться из этого горного лабиринта.
At last the sun appeared and sent his first rays on their path.	Наконец появилось солнце и озарило первыми лучами беглецов.
Suddenly a terrific yell from a hundred throats rent the air.	Вдруг раздался ужасающий вой - в него слились вопли сотни глоток.
It came from the pah, whose direction Glenarvan did not know.	Он несся из крепости, местонахождение которой Гленарван не совсем ясно себе представлял.
Besides, a thick veil of fog, which, spread at his feet, prevented any distinct view of the valleys below.	Густой туман еще скрывал простиравшиеся внизу долины.
But the fugitives could not doubt that their escape had been discovered; and now the question was, would they be able to elude pursuit?	Беглецы поняли, что их исчезновение обнаружено. Удастся ли им ускользнуть от погони?
Had they been seen?	Заметили ли их туземцы?
Would not their track betray them?	Не выдадут ли их следы?
At this moment the fog in the valley lifted, and enveloped them for a moment in a damp mist, and at three hundred feet below they perceived the swarming mass of frantic natives.	В эту минуту клубившийся внизу туман поднялся кверху, на минуту окутал беглецов влажным облаком, и они увидели в трехстах футах под собой толпу туземцев.

While they looked they were seen.	Они могли теперь видеть, но и их увидали.
Renewed howls broke forth, mingled with the barking of dogs, and the whole tribe, after vainly trying to scale the rock of Ware-Atoua, rushed out of the pah, and hastened by the shortest paths in pursuit of the prisoners who were flying from their vengeance.	Снова раздались завывания, к ним присоединился лай собак, и все дикари, тщетно попытавшись спуститься со скалы храма, бросились из крепости и помчались по кратчайшим тропинкам в погоню за узниками, ускользавшими от их мести.
CHAPTER XIII THE SACRED MOUNTAIN	Глава XIV СВЯЩЕННАЯ ГОРА
THE summit of the mountain was still a hundred feet above them.	До вершины горы оставалось еще футов сто.
The fugitives were anxious to reach it that they might continue their flight on the eastern slope out of the view of their pursuers.	Важно было достичь ее, чтобы скрыться на противоположном склоне от взоров маорийцев.
They hoped then to find some practicable ridge that would allow of a passage to the neighboring peaks that were thrown together in an orographic maze, to which poor Paganel's genius would doubtless have found the clew.	Там они надеялись по какому-нибудь доступному гребню пробраться до одной из ближайших вершин горного лабиринта, столь запутанного, что, пожалуй, только бедный Паганель, будь он здесь, смог бы в нем разобраться.
They hastened up the slope, spurred on by the loud cries that drew nearer and nearer.	Угрожающие вопли слышались все ближе, и беглецы, насколько могли, ускоряли шаг.
The avenging crowd had already reached the foot of the mountain.	Орда преследователей уже подбегала к подошве горы.
"Courage! my friends," cried Glenarvan, urging his companions by voice and look.	- Смелее! Смелее, друзья! - кричал Гленарван, подбадривая товарищей и подавая пример.
In less than five minutes they were at the top of the mountain, and then they turned to judge of their position, and decide on a route that would baffle their pursuers.	Меньше чем в пять минут беглецы достигли вершины горы. Здесь они огляделись по сторонам, разбираясь в обстановке и выбирая, куда пойти, чтобы сбить со следа маори.
From their elevated position they could see over Lake Taupo, which stretched toward the west in its setting of picturesque mountains.	На западе перед глазами беглецов расстилалось среди гор озеро Таупо.
On the north the peaks of Pirongia; on the south the burning crater of Tongariro.	На севере поднимались вершины Пиронгии, на юге - огнедышащий кратер Тонгариро.
But eastward nothing but the rocky barrier of peaks and ridges that formed the Wahiti ranges, the great chain whose unbroken links stretch from the East Cape to Cook's Straits.	На востоке же взоры упирались в барьер гор, смыкавшихся с Вахити - большой цепью, которая тянется через весь Северный остров, от пролива Кука до Восточного мыса.
They had no alternative but to descend the opposite slope and enter the narrow gorges, uncertain whether any outlet existed.	Итак, надо было спуститься по противоположному склону и углубиться в узкие ущелья, из которых, быть может, даже не было выхода. Гленарван тревожно оглянулся. Под лучами солнца туман рассеялся, и ему было видно все до мелочей. Ни одно движение дикарей не ускользнуло от его взора. Когда беглецы карабкались на гору, туземцы были менее чем в пятистах футах от них.
Glenarvan could not prolong the halt for a moment.	Гленарван понимал, что нельзя останавливаться ни на минуту.

Wearied as they might be, they must fly or be discovered.	Как ни были все утомлены, а приходилось бежать, чтобы не попасть в руки преследователей.
"Let us go down!" cried he, "before our passage is cut off."	- Будем спускаться! - воскликнул он. - Скорее, пока нам не отрезали путь!
But just as the ladies had risen with a despairing effort, McNabbs stopped them and said:	Но когда обессилевшие женщины, собрав всю волю, поднялись на ноги, Мак-Наббс остановил их.
"Glenarvan, it is useless. Look!"	- Это излишне, Гленарван, - сказал он. - Взгляните!
And then they all perceived the inexplicable change that had taken place in the movements of the Maories.	И действительно, в поведении маори произошло непонятное изменение.
Their pursuit had suddenly stopped. The ascent of the mountain had ceased by an imperious command.	Штурм горы вдруг прекратился, словно был отменен чьим-то властным приказом.
The natives had paused in their career, and surged like the sea waves against an opposing rock.	Толпа туземцев вдруг остановилась, как морская волна, задержанная высоким утесом.
All the crowd, thirsting for blood, stood at the foot of the mountain yelling and gesticulating, brandishing guns and hatchets, but not advancing a foot.	Все эти жаждавшие крови дикари, столпившись у подошвы горы, вопили, размахивали руками, потрясали ружьями и топорами, но не двигались вперед ни на шаг.
Their dogs, rooted to the spot like themselves, barked with rage.	Их собаки тоже как будто вросли в землю и бешено лаяли.
What stayed them?	Что же произошло?
What occult power controlled these savages?	Какая невидимая сила удерживала туземцев?
The fugitives looked without understanding, fearing lest the charm that enchained Kai-Koumou's tribe should be broken.	Беглецы глядели, ничего не понимая, боясь, как бы племя Кай-Куму вдруг не сбросило с себя сковавшие его чары.
Suddenly John Mangles uttered an exclamation which attracted the attention of his companions.	Вдруг у Джона Манглса вырвался крик. Его товарищи оглянулись.
He pointed to a little inclosure on the summit of the cone.	Он указал им рукой на маленькую крепость, высившуюся на горе.
"The tomb of Kara-Tete!" said Robert.	- Да ведь это могила вождя Кара-Тете! - воскликнул Роберт.
"Are you sure, Robert?" said Glenarvan.	- Ты уверен, Роберт? - спросил Гленарван.
"Yes, my Lord, it is the tomb; I recognize it."	- Да, милорд, она самая, я узнаю ее...
Robert was right.	Мальчик не ошибался.
Fifty feet above, at the extreme peak of the mountain, freshly painted posts formed a small palisaded inclosure, and Glenarvan too was convinced that it was the chief's burial place.	Футах в пятидесяти над ними, на самой вершине, виднелась свежевыкрашенная ограда. Тут уже и Гленарван узнал склеп новозеландского вождя.
The chances of their flight had led them to the crest of Maunganamu.	Случай привел беглецов на вершину Маунгахауми.
Glenarvan, followed by the rest, climbed to the foot of the tomb.	Гленарван и его спутники поднялись к могиле.

A large opening, covered with mats, led into it.	Широкий вход в склеп был завешен циновками.
Glenarvan was about to invade the sanctity of the "oudoupa," when he reeled backward.	Гленарван хотел было войти, но вдруг быстро подался назад.
"A savage!" said he.	- Там дикарь, - проговорил он.
"In the tomb?" inquired the Major.	- Дикарь у этой могилы? - спросил майор.
"Yes, McNabbs."	- Да, Мак-Наббс.
"No matter; go in."	- Что из этого! Войдем.
Glenarvan, the Major, Robert and John Mangles entered.	Гленарван, майор, Роберт и Джон Манглс вошли внутрь.
There sat a Maori, wrapped in a large flax mat; the darkness of the "oudoupa" preventing them from distinguishing his features.	Там действительно сидел маори в длинном плаще из формиума. Тень от ограды мешала разглядеть черты его лица.
He was very quiet, and was eating his breakfast quite coolly.	Казалось, он был очень спокоен и завтракал самым беззаботным образом.
Glenarvan was about to speak to him when the native forestalled him by saying gayly and in good English:	Гленарван собирался заговорить с ним, но туземец, опередив его, любезно сказал на чистейшем английском языке:
"Sit down, my Lord; breakfast is ready."	- Садитесь, дорогой лорд! Завтрак ждет вас.
It was Paganel.	То был Паганель.
At the sound of his voice they all rushed into the "oudoupa," and he was cordially embraced all round.	Услышав его голос, все бросились в склеп и стали обнимать бесценного географа.
Paganel was found again.	Паганель нашелся!
He was their salvation.	Вот залог спасения всех!
They wanted to question him; to know how and why he was here on the summit of Maunganamu; but Glenarvan stopped this misplaced curiosity.	Каждому не терпелось расспросить его, узнать, как и почему очутился он на вершине Маунгахауми, но Гленарван пресек одним словом это несвоевременное любопытство.
"The savages?" said he.	- Дикари! - напомнил он.
"The savages," said Paganel, shrugging his shoulders. "I have a contempt for those people!	- Дикари! - повторил, пожимая плечами, Паганель. - Вот уж кого я решительно презираю! - Но разве они не могут... - Они-то! Эти болваны?
Come and look at them."	Идемте, взгляните на них.
They all followed Paganel out of the "oudoupa."	Все вышли вслед за Паганелем.
The Maories were still in the same position round the base of the mountain, uttering fearful cries.	Новозеландцы находились на том же месте, у подошвы горы, и издавали ужасающие вопли.
"Shout! yell! till your lungs are gone, stupid wretches!" said Paganel. "I dare you to come here!"	- Кричите! Завывайте! Надсаживайтесь! - сказал Паганель. - Попробуйте-ка взберитесь на эту гору!
"But why?" said Glenarvan.	- Но почему же... - начал Гленарван.
"Because the chief is buried here, and the tomb protects us, because the mountain is tabooed."	- Да потому, что на ней похоронен вождь, потому, что на гору наложено табу!
"Tabooed?"	- Табу!

"Yes, my friends! and that is why I took refuge here, as the malefactors used to flee to the sanctuaries in the middle ages."	- Да, друзья мои! И вот почему я сам забрался сюда, как в одно из тех средневековых убежищ, где находили приют гонимые.
"God be praised!" said Lady Helena, lifting her hands to heaven.	- Сам бог хранит нас! - воскликнула леди Элен, воздевая руки к небу.
The fugitives were not yet out of danger, but they had a moment's respite, which was very welcome in their exhausted state.	Действительно, священная власть табу сделала гору недоступной для суеверных дикарей. Это было еще не полное спасение, но, во всяком случае, благодетельная передышка, которая была так необходима беглецам.
Glenarvan was too much overcome to speak, and the Major nodded his head with an air of perfect content.	Гленарван, охваченный невыразимым волнением, не мог произнести ни слова; майор с довольным видом покачивал головой.
"And now, my friends," said Paganel, "if these brutes think to exercise their patience on us, they are mistaken.	- А теперь, друзья мои, - сказал Паганель, - если эти скоты рассчитывают поупражнять на нас свое терпение, они жестоко ошибаются.
In two days we shall be out of their reach."	Не пройдет и двух дней, как мы будем вне их досягаемости.
"By flight!" said Glenarvan. "But how?"	- Мы убежим! - сказал Гленарван. - Но как?
"That I do not know," answered Paganel, "but we shall manage it."	- Пока не знаю как, но убежим, - ответил Паганель.
And now everybody wanted to know about their friend's adventures.	Тут все стали просить географа рассказать о его приключениях.
They were puzzled by the reserve of a man generally so talkative; on this occasion they had to drag the words out of his mouth; usually he was a ready story-teller, now he gave only evasive answers to the questions of the rest.	Но странная вещь: на этот раз из разговорчивого ученого пришлось прямо вытягивать каждое слово. Он, так любивший рассказывать, давал на все вопросы лишь какие-то уклончивые ответы.
"Paganel is another man!" thought McNabbs.	"Подменили моего Паганеля", - подумал Мак-Наббс.
His face was really altered. He wrapped himself closely in his great flax mat and seemed to deprecate observation.	В самом деле, в достойном ученом произошла какая - то перемена: он усердно кутался в свою огромную шаль из формиума и, казалось, избегал любопытных взглядов.
Everyone noticed his embarrassment, when he was the subject of conversation, though nobody appeared to remark it; when other topics were under discussion, Paganel resumed his usual gayety.	Ни от кого не укрылось, что географ смущался всякий раз, когда заходила речь о нем, но из деликатности все делали вид, что не замечают этого. Впрочем, как только разговор переходил на другой предмет, к Паганелю тотчас же возвращалась его обычная веселость.
Of his adventures all that could be extracted from him at this time was as follows:	Что же до приключений, то вот всё, что географ счел нужным рассказать товарищам, когда все уселись вокруг ограды склепа.
After the murder of Kara-Tete, Paganel took advantage, like Robert, of the commotion among the natives, and got out of the inclosure.	После убийства Кара-Тете Паганель, как и Роберт, воспользовался сумятицей и выбрался из па.

But less fortunate than young Grant, he walked straight into a Maori camp, where he met a tall, intelligent-looking chief, evidently of higher rank than all the warriors of his tribe.	Но ему не так посчастливилось, как юному Гранту: он угодил в другое маорийское поселение. Здесь управлял вождь высокого роста, с умным лицом, гораздо более развитой, чем все его воины.
The chief spoke excellent English, and he saluted the new-comer by rubbing the end of his nose against the end of the geographer's nose.	Он говорил на правильном английском языке и приветствовал гостя, потершись кончиком носа о его нос.
Paganel wondered whether he was to consider himself a prisoner or not. But perceiving that he could not stir without the polite escort of the chief, he soon made up his mind on that point.	Сначала Паганель не мог понять, в плену он или нет, но вскоре, видя, что вождь любезно, но неотступно следует за ним по пятам, понял, как обстоит дело.
This chief, Hihi, or Sunbeam, was not a bad fellow.	Этот вождь по имени Хихи, что означает "луч солнца", вовсе не был злым.
Paganel's spectacles and telescope seemed to give him a great idea of Paganel's importance, and he manifested great attachment to him, not only by kindness, but by a strong flax rope, especially at night.	Видимо, очки и подзорная труба придавали Паганелю особый вес в глазах вождя, и Хихи решил привязать географа к себе не только хорошим обращением, но и крепкими веревками из формиума.
This lasted for three days; to the inquiry whether he was well treated, he said	Так продолжалось три долгих дня. На вопрос, хорошо или плохо с ним обращались в это время, географ ответил:
"Yes and no!" without further answer; he was a prisoner, and except that he expected immediate execution, his state seemed to him no better than that in which he had left his unfortunate friends.	"И да и нет", не вдаваясь в подробности. Словом, он был пленником, и положение его только тем выгодно отличалось от положения его несчастных друзей, что ему не предстояла немедленная казнь.
One night, however, he managed to break his rope and escape.	К счастью, однажды ночью он умудрился перегрызть свои веревки и убежать.
He had seen from afar the burial of the chief, and knew that he was buried on the top of Maunganamu, and he was well acquainted with the fact that the mountain would be therefore tabooed.	Издали видел он, как происходило погребение Кара-Тете. Теперь он знал, что на горе Маунгахауми похоронен вождь, и, следовательно, она стала табу.
He resolved to take refuge there, being unwilling to leave the region where his companions were in durance.	Не желая покидать друзей в плену, Паганель решил там и укрыться.
He succeeded in his dangerous attempt, and had arrived the previous night at the tomb of Kara-Tete, and there proposed to recruit his strength while he waited in the hope that his friends might, by Divine mercy, find the means of escape.	Ему удалось выполнить этот опасный замысел. В прошлую ночь он добрался до могилы Кара-Тете и, "восстанавливая свои силы", ждал, не освободит ли какой-нибудь счастливый случай его друзей.
Such was Paganel's story.	Таков был рассказ Паганеля.
Did he designedly conceal some incident of his captivity?	Не умолчал ли он намеренно о чем-нибудь из того, что с ним произошло в плену?
More than once his embarrassment led them to that conclusion.	Замешательство географа не раз наводило его слушателей на такую мысль.
But however that might be, he was heartily congratulated on all sides.	Но как бы то ни было, все единодушно поздравили географа со счастливым избавлением и, покончив с прошлым, занялись настоящим.

And then the present emergency came on for serious discussion.	Положение беглецов все еще было тяжелым.
The natives dare not climb Maunganamu, but they, of course, calculated that hunger and thirst would restore them their prey.	Правда, туземцы не решались взобраться на вершину Маунгахауми, но они рассчитывали, что голод и жажда вновь приведут пленников в их руки.
It was only a question of time, and patience is one of the virtues of all savages.	Вопрос был только во времени, а у дикарей терпение долгое.
Glenarvan was fully alive to the difficulty, but made up his mind to watch for an opportunity, or make one.	Гленарван не строил себе иллюзий, но он решил ждать благоприятных обстоятельств, а если придется, то и создать их.
First of all he made a thorough survey of Maunganamu, their present fortress; not for the purpose of defence, but of escape.	Прежде всего он решил досконально осмотреть Маунгахауми, свою импровизированную крепость: не для того, чтобы защищать ее - ведь приступа бояться не приходилось, а для того, чтобы выбраться из нее.
The Major, John, Robert, Paganel, and himself, made an exact map of the mountain. They noted the direction, outlet and inclination of the paths.	Поэтому Гленарван, майор, Джон Манглс, Роберт и Паганель тщательно обследовали гору, изучили направление и крутизну каждой тропки.
The ridge, a mile in length, which united Maunganamu to the Wahiti chain had a downward inclination.	Гребень длиной в милю, соединявший Маунгахауми с цепью гор Вахити, шел, понижаясь, к равнине.
Its slope, narrow and jagged though it was, appeared the only practicable route, if they made good their escape at all.	Этот гребень, узкий и извилистый, был единственным доступным путем для бегства.
If they could do this without observation, under cover of night, they might possibly reach the deep valleys of the Range and put the Maories off the scent.	Если бы путешественники под прикрытием ночи пробрались по нему незамеченными, им, быть может, и удалось бы, ускользнув от маорийских воинов, достигнуть ущелий в горах Вахити.
But there were dangers in this route; the last part of it was within pistol shot of natives posted on the lower slopes. Already when they ventured on the exposed part of the crest, they were saluted with a hail of shot which did not reach them.	Но эта дорога представляла немало опасностей. В нижней части гребень был досягаем для ружейных выстрелов, а под перекрестным огнем стерегущих внизу туземцев никто не смог бы пробраться. Когда Гленарван и его друзья отважились ступить на опасный участок гребня, воины приветствовали их градом пуль, которые, правда, не долетели.
Some gun wads, carried by the wind, fell beside them; they were made of printed paper, which Paganel picked up out of curiosity, and with some trouble deciphered.	Ветер донес к ним несколько пыжей. Они были сделаны из обрывков книжных страниц. Паганель, из любопытства, подобрал бумажку и, расправив ее, не без труда разобрал то, что на ней было напечатано.
"That is a good idea! My friends, do you know what those creatures use for wads?"	- Каково! - воскликнул он. - Знаете, друзья мои, чем они набивают свои ружья?
"No, Paganel!" said Glenarvan.	- Не знаем, Паганель, - ответил Гленарван.
"Pages of the Bible!	- Страницами, вырванными из Библии!
If that is the use they make of the Holy Book, I pity the missionaries!	Так-то используют они священные стихи! Мне жалко местных миссионеров.

It will be rather difficult to establish a Maori library."	Нелегко им будет создать маорийские библиотеки.
"And what text of scripture did they aim at us?"	- И каким же отрывком из священного писания выпалили в нас туземцы? - спросил Гленарван.
"A message from God Himself!" exclaimed John Mangles, who was in the act of reading the scorched fragment of paper. "It bids us hope in Him," added the young captain, firm in the faith of his Scotch convictions.	- Это слова всемогущего бога, - ответил Джон Манглс, тоже прочитавший написанное на обгоревшей бумаге и с пылом несокрушимой шотландской веры прибавил: - Он призывает нас уповать на него.
"Read it, John!" said Glenarvan.	- Прочти, Джон, - попросил Гленарван.
And John read what the powder had left visible:	Джон прочел стих, оставшийся невредимым:
"I will deliver him, for he hath trusted in me."	- "Псалом 90. Ибо уповающий на мя спасется".
"My friends," said Glenarvan, "we must carry these words of hope to our dear, brave ladies.	- Друзья, - сказал Гленарван, - отнесем эти слова надежды нашим милым отважным спутницам.
The sound will bring comfort to their hearts."	Они придадут им сил.
Glenarvan and his companions hastened up the steep path to the cone, and went toward the tomb.	И все пошли за ним по крутым тропинкам на вершину горы к могиле вождя.
As they climbed they were astonished to perceive every few moments a kind of vibration in the soil.	Взбираясь, они с удивлением заметили, что земля у них под ногами подрагивает.
It was not a movement like earthquake, but that peculiar tremor that affects the metal of a boiler under high pressure.	Это были не резкие толчки, а постоянная вибрация, как будто дрожали стенки котла, в котором кипит вода.
It was clear the mountain was the outer covering of a body of vapor, the product of subterranean fires.	Очевидно, в недрах горы скопилось большое количество паров, образовавшихся там под действием подземного огня.
This phenomenon of course excited no surprise in those that had just traveled among the hot springs of the Waikato.	Это своеобразное явление не могло удивить тех, кто недавно плыл между горячими ключами Уаикато.
They knew that the central region of the Ika-na-Mani is essentially volcanic.	Им было известно, что центральная область Те-Ика-а-Мауи - район сильной вулканической деятельности.
It is a sieve, whose interstices furnish a passage for the earth's vapors in the shape of boiling geysers and solfataras.	Это настоящее сито, через отверстия которого выбиваются наружу горячие ключи и серные пары.
Paganel, who had already noticed this, called the attention of his friends to the volcanic nature of the mountain.	Паганель, уже раньше наблюдавший гору Маунгахауми, обратил внимание своих спутников на ее вулканическую природу.
The peak of Maunganamu was only one of the many cones which bristle on this part of the island. It was a volcano of the future.	Географ считал, что в будущем Маунгахауми с ее конической вершиной, как и другие подобные ей горы центральной части острова, превратится в действующий вулкан.
A slight mechanical change would produce a crater of eruption in these slopes, which consisted merely of whitish silicious tufa.	Достаточно самого незначительного механического воздействия, и в ее почве из беловатого кремнистого туфа может образоваться кратер.

"That may be," said Glenarvan, "but we are in no more danger here than standing by the boiler of the DUNCAN; this solid crust is like sheet iron."	- Но все же, - заметил Гленарван, - мы здесь не в большей опасности, чем близ парового котла "Дункана". Ведь земная кора, пожалуй, еще покрепче железа.
"I agree with you," added the Major, "but however good a boiler may be, it bursts at last after too long service."	- Это так, - отозвался майор, - но даже самый лучший паровой котел в конце концов лопается от слишком долгого употребления.
"McNabbs," said Paganel, "I have no fancy for staying on the cone. When Providence points out a way, I will go at once."	- Я и не собираюсь долго оставаться на этой горе, Мак-Наббс! - возразил Паганель. - Была бы возможность, я тотчас же покинул бы ее.
"I wish," remarked John, "that Maunganamu could carry us himself, with all the motive power that he has inside. It is too bad that millions of horse-power should lie under our feet unavailable for our needs.	- Ах, почему эта Маунгахауми не может сама унести нас, раз в ее недрах заключена такая колоссальная механическая сила! - воскликнул Джон Манглс. - Здесь у нас под ногами целые миллионы лошадиных сил, которые пропадают зря.
Our DUNCAN would carry us to the end of the world with the thousandth part of it."	"Дункану" хватило бы тысячной доли этого, чтобы увезти нас на край света!
The recollections of the DUNCAN evoked by John Mangles turned Glenarvan's thoughts into their saddest channel; for desperate as his own case was he often forgot it, in vain regret at the fate of his crew.	Напоминание о "Дункане" навеяло Гленарвану самые грустные мысли. Как ни тяжело было его собственное положение, он нередко забывал о нем, горюя об участи своей команды.
His mind still dwelt on it when he reached the summit of Maunganamu and met his companions in misfortune.	В таком раздумье он добрался до вершины Маунгахауми, где его ждали остальные.
Lady Helena, when she saw Glenarvan, came forward to meet him.	Леди Элен, завидев мужа, тотчас же пошла ему навстречу.
"Dear Edward," said she, "you have made up your mind?	- Дорогой Эдуард, - сказала она, - что же вы разведали?
Are we to hope or fear?"	Надеяться ли нам или страшиться?
"Hope, my dear Helena," replied Glenarvan. "The natives will never set foot on the mountain, and we shall have time to devise a plan of escape."	- Будем надеяться, дорогая Элен, - ответил Гленарван. - Дикари не посмеют вступить на склоны горы, и у нас будет достаточно времени, чтобы обдумать план бегства.
"More than that, madam, God himself has encouraged us to hope."	- Да и сам бог, сударыня, - сказал Джон Манглс, - велит нам надеяться.
And so saying, John Mangles handed to Lady Helena the fragment of paper on which was legible the sacred words; and these young women, whose trusting hearts were always open to observe Providential interpositions, read in these words an indisputable sign of salvation.	И он протянул ей клочок из Библии со священным стихом. Леди Элен и Мери, всегда готовые уверовать в помощь свыше, увидели в этих библейских словах верное предзнаменование спасения.
"And now let us go to the 'oudoupa!'" cried Paganel, in his gayest mood. "It is our castle, our dining-room, our study!	- А теперь - в склеп! - весело крикнул Паганель. - Ведь это наша крепость, наш замок, наша столовая, наш кабинет.
None can meddle with us there!	Там никто нам не помешает.

Ladies! allow me to do the honors of this charming abode."	Сударыни, разрешите мне оказать вам гостеприимство в этой прелестной обители.
They followed Paganel, and when the savages saw them profaning anew the tabooed burial place, they renewed their fire and their fearful yells, the one as loud as the other.	Все последовали за неунывающим Паганелем. Когда дикари увидели, что беглецы снова оскверняют священную могилу, раздались громкие выстрелы и едва ли не более громкие завывания.
But fortunately the balls fell short of our friends, though the cries reached them.	Но, к счастью, пули не долетали так далеко, как крики: они не пролетели и половину горы, вопли же затихли высоко в небе.
Lady Helena, Mary Grant, and their companions were quite relieved to find that the Maories were more dominated by superstition than by anger, and they entered the monument.	Леди Элен, Мери Грант и их спутники, убедившись, что суеверие маори превосходит даже их злобу, спокойно вошли в склеп.
It was a palisade made of red-painted posts.	Могила новозеландского вождя была огорожена частоколом, окрашенным в красную краску.
Symbolic figures, tattooed on the wood, set forth the rank and achievements of the deceased.	Символические изображения, настоящая татуировка по дереву, свидетельствовали о высоком положении и славных подвигах покойного.
Strings of amulets, made of shells or cut stones, hung from one part to another.	На столбах были подвешены амулеты из раковин и обточенных камней.
In the interior, the ground was carpeted with green leaves, and in the middle, a slight mound betokened the place of the newly made grave.	Внутри ограды земля была покрыта ковром зеленых листьев. Посередине возвышался холмик над свежей могилой.
There lay the chief's weapons, his guns loaded and capped, his spear, his splendid ax of green jade, with a supply of powder and ball for the happy hunting grounds.	На нем было разложено оружие вождя: заряженные ружья, копье, великолепный топор из зеленого нефрита. Тут же запас пуль и пороха для охоты в "вечной жизни".
"Quite an arsenal!" said Paganel, "of which we shall make a better use. What ideas they have! Fancy carrying arms in the other world!"	- Вот целый арсенал, который мы используем лучше, чем покойный! - сказал Паганель. - Дикари неплохо придумали брать с собой оружие на тот свет!
"Well!" said the Major, "but these are English firearms."	- Э, да это ружья английского образца! - сказал майор.
"No doubt," replied Glenarvan, "and it is a very unwise practice to give firearms to savages!	- Конечно, - отозвался Гленарван. - А все эта нелепая идея дарить дикарям огнестрельное оружие.
They turn them against the invaders, naturally enough.	Они потом пускают его в ход против завоевателей, и правильно делают.
But at any rate, they will be very valuable to us."	Эти-то ружья пригодятся хоть нам.
"Yes," said Paganel, "but what is more useful still is the food and water provided for Kara-Tete."	- А еще больше, - прибавил Паганель, - пригодятся вода и пища, предназначенные для Кара-Тете.
Things had been handsomely done for the deceased chief; the amount of provisions denoted their esteem for the departed.	И в самом деле, родичи и друзья покойного не поскупились: судя по количеству еды, они питали к высоким качествам вождя настоящее почтение.

There was food enough to sustain ten persons for fifteen days, or the dead man forever.	Съестных припасов хватило бы десятку людей на полмесяца, а покойному вождю и на целую вечность.
The vegetable aliments consisted of edible ferns, sweet potatoes, the "convolvulus batatas," which was indigenous, and the potato which had been imported long before by the Europeans.	Пища эта была растительная и состояла из корней папоротника, сладких бататов и картофеля, давно уже ввезенного в Новую Зеландию европейцами.
Large jars contained pure water, and a dozen baskets artistically plaited contained tablets of an unknown green gum.	Тут же стояли объемистые сосуды с чистой водой, которой новозеландцы запивают еду, и дюжина искусно сплетенных корзин, наполненных плитками какой-то неведомой зеленой смолы.
The fugitives were therefore provided for some days against hunger and thirst, and they needed no persuasion to begin their attack on the deceased chief's stores.	Итак, беглецы были обеспечены пищей и питьем по меньшей мере на несколько дней. Не дожидаясь приглашения, они тут же отведали угощения вождя.
Glenarvan brought out the necessary quantity and put them into Olbinett's hands.	Гленарван отдал все продукты Олбинету.
The steward, who never could forget his routine ideas, even in the most exceptional circumstances, thought the meal a slender one.	Стюард, взыскательный даже при самых тяжелых обстоятельствах, нашел меню обеда несколько скудным.
He did not know how to prepare the roots, and, besides, had no fire.	К тому же он не имел представления о способе приготовления этих кореньев, и у него не было огня.
But Paganel soon solved the difficulty by recommending him to bury his fern roots and sweet potatoes in the soil.	Но Паганель вывел его из затруднения, посоветовав просто закопать корни папоротника и бататы в землю.
The temperature of the surface stratum was very high, and a thermometer plunged into the soil would have marked from 160 to 170 degrees; in fact, Olbinett narrowly missed being scalded, for just as he had scooped a hole for the roots, a jet of vapor sprang up and with a whistling sound rose six feet above the ground.	В самом деле, температура верхнего слоя почвы была очень высока, и если воткнуть туда термометр, он, наверное, показал бы градусов шестьдесят - шестьдесят пять. Олбинет даже чуть не обварился, ибо когда он стал рыть яму, чтобы положить в нее свои коренья, из земли вырвался столб пара и со свистом взлетел на целых шесть футов.
The steward fell back in terror.	Стюард в ужасе упал навзничь.
"Shut off steam!" cried the Major, running to close the hole with the loose drift, while Paganel pondering on the singular phenomenon muttered to himself:	- Заверните кран! - крикнул майор и, подбежав с двумя матросами к яме, засыпал ее валявшимися вблизи кусками пемзы. Между тем Паганель, с каким-то странным видом наблюдавший все это, бормотал:
"Let me see! ha! ha! Why not?"	- Так... так... А почему бы и нет?
"Are you hurt?" inquired McNabbs of Olbinett.	- Вас не обожгло? - спросил майор Олбинета.
"No, Major," said the steward, "but I did not expect-"	- Нет, мистер Мак-Наббс, - ответил стюард, - но я, право, не ожидал...
"That Providence would send you fire," interrupted Paganel in a jovial tone. "First the larder of Kara-Tete and then fire out of the ground!	- ... такой удачи! - воскликнул Паганель радостно. - Оказывается, у нас есть не только пища и вода Кара-Тете, но и огонь в земле.

Upon my word, this mountain is a paradise!	Да эта гора - настоящий рай!
I propose that we found a colony, and cultivate the soil and settle here for life!	Я предлагаю основать здесь колонию, распахать поля и жить до конца наших дней.
We shall be the Robinsons of Maunganamu.	Мы будем робинзонами Маунгахауми!
We should want for nothing."	Поистине, я тщетно ищу, чего нам еще не хватает на этой уютной горе!
"If it is solid ground," said John Mangles.	- Ничего, если только она прочна, - отозвался Джон Манглс.
"Well! it is not a thing of yesterday," said Paganel. "It has stood against the internal fire for many a day, and will do so till we leave it, at any rate."	- Ну! Не со вчерашнего же дня она стоит, - возразил Паганель. - Она уже давно сдерживает подземный огонь и, уж конечно, выдержит еще до нашего ухода.
"Breakfast is ready," announced Olbinett with as much dignity as if he was in Malcolm Castle.	- Завтрак подан, - объявил Олбинет с таким видом, словно исполнял свои обязанности в Малькольм-Касле.
Without delay, the fugitives sat down near the palisade, and began one of the many meals with which Providence had supplied them in critical circumstances.	Усевшись у ограды, беглецы тотчас принялись за еду. Уже который раз за последнее время в самые тяжелые минуты их кормило само провидение!
Nobody was inclined to be fastidious, but opinions were divided as regarded the edible fern.	Съели все, не привередничая, но мнения о съедобном папоротнике все же разделились.
Some thought the flavor sweet and agreeable, others pronounced it leathery, insipid, and resembling the taste of gum.	Одни находили, что он сладок и приятного вкуса, другим же он казался каким-то слизистым, совершенно безвкусным и удивительно жестким.
The sweet potatoes, cooked in the burning soil, were excellent.	Зато сладкие бататы, испеченные в горячей земле, оказались превосходными.
The geographer remarked that Kara-Tete was not badly off after all.	Паганель заметил, что Кара-Тете недурно устроился.
And now that their hunger was appeased, it was time to decide on their plan of escape.	После завтрака Гленарван предложил немедленно заняться обсуждением плана бегства.
"So soon!" exclaimed Paganel in a piteous tone. "Would you quit the home of delight so soon?"	- Уже? - жалобным тоном воскликнул Паганель. - Как, вы собираетесь так скоро покинуть этот чудесный уголок?
"But, Monsieur Paganel," interposed Lady Helena, "if this be Capua, you dare not intend to imitate Hannibal!"	- Будь мы в Капуе, господин Паганель, - ответила леди Элен, - нам, как вы знаете, не следовало бы подражать Ганнибалу.
"Madam, I dare not contradict you, and if discussion is the order of the day, let it proceed."	- Сударыня, - ответил географ, - я не позволю себе перечить вам. Приступим к обсуждению, раз вам так угодно.
"First," said Glenarvan, "I think we ought to start before we are driven to it by hunger.	- Прежде всего, - сказал Гленарван, - я думаю, что мы должны попытаться выбраться отсюда раньше, чем нас принудит к этому голод.
We are revived now, and ought to take advantage of it.	Пока у нас есть силы, надо их использовать.

To-night we will try to reach the eastern valleys by crossing the cordon of natives under cover of the darkness."	Попробуем этой же ночью прорваться в темноте через окружение туземцев в восточные долины.
"Excellent," answered Paganel, "if the Maories allow us to pass."	- Чудесно, если только маори дадут нам пройти! - отозвался Паганель.
"And if not?" asked John Mangles.	- А если нет? - спросил Джон Манглс.
"Then we will use our great resources," said Paganel.	- Тогда мы прибегнем к сильнодействующим средствам, - ответил Паганель.
"But have we great resources?" inquired the Major.	- Так у вас имеются сильнодействующие средства? - заинтересовался майор.
"More than we can use!" replied Paganel, without any further explanation.	- В таком количестве, что я даже не знаю, что с ними делать, - заявил географ, не вдаваясь ни в какие объяснения.
And then they waited for the night.	Оставалось ждать наступления ночи, чтобы попытаться прорвать цепь туземцев.
The natives had not stirred.	Те не двигались с места.
Their numbers seemed even greater, perhaps owing to the influx of the stragglers of the tribe.	Казалось даже, что ряды их еще пополнились запоздавшими товарищами.
Fires lighted at intervals formed a girdle of flame round the base of the mountain, so that when darkness fell, Maunganamu appeared to rise out of a great brasier, and to hide its head in the thick darkness.	Горящие костры образовали словно огненный пояс вокруг горы. Когда соседние долины погрузились во тьму, могло показаться, будто подножие Маунгахауми охвачено пожаром, в то время как вершина терялась во мраке.
Five hundred feet below they could hear the hum and the cries of the enemy's camp.	Пленники слышали ропот, крики, шум вражеского бивуака в шестистах футах под ними.
At nine o'clock the darkness being very intense, Glenarvan and John Mangles went out to reconnoiter before embarking the whole party on this critical journey.	В девять часов, в глубокой темноте Гленарван и Джон Манглс решили пойти на разведку, прежде чем вести своих товарищей по столь опасному пути.
They made the descent noiselessly, and after about ten minutes, arrived on the narrow ridge that crossed the native lines, fifty feet above the camp.	Они стали бесшумно спускаться и минут через десять были уже на узком гребне горы, пересекавшем неприятельскую цепь на высоте пятидесяти футов.
All went well so far.	До сих пор все шло хорошо.
The Maories, stretched beside the fires, did not appear to observe the two fugitives.	Лежавшие вокруг костров воины, казалось, не замечали двух беглецов, и они продвинулись еще на несколько шагов дальше.
But in an instant a double fusillade burst forth from both sides of the ridge.	Но вдруг слева и справа грянула ружейная пальба.
"Back," exclaimed Glenarvan; "those wretches have the eyes of cats and the guns of riflemen!"	- Назад! - сказал Гленарван. - У этих разбойников кошачьи глаза и отменные ружья.
And they turned, and once more climbed the steep slope of the mountain, and then hastened to their friends who had been alarmed at the firing.	И вместе с Джоном Манглсом он поспешил подняться обратно по крутому склону и вскоре успокоил опасения своих испуганных стрельбой друзей.

Glenarvan's hat was pierced by two balls, and they concluded that it was out of the question to venture again on the ridge between two lines of marksmen.	Шляпа Гленарвана оказалась простреленной в двух местах. Итак, отважиться идти по длинному горному хребту между двумя рядами стрелков было немыслимо.
"Wait till to-morrow," said Paganel, "and as we cannot elude their vigilance, let me try my hand on them."	- До завтра, - сказал Паганель. - И раз мы не сможем обмануть бдительность этих туземцев, так уж разрешите мне угостить их по моему вкусу!
The night was cold; but happily Kara-Tete had been furnished with his best night gear, and the party wrapped themselves each in a warm flax mantle, and protected by native superstition, slept quietly inside the inclosure, on the warm ground, still violating with the violence of the internal ebullition.	Было довольно холодно. К счастью, в гробнице у Кара-Тете были его лучшие ночные одежды и теплые одеяла из формиума. Беглецы без зазрения совести укутались в них, улеглись внутри ограды склепа и вскоре, охраняемые суеверием туземцев, уже спали спокойным сном на теплой земле, содрогавшейся от клокочущих в глубине газов.
CHAPTER XIV A BOLD STRATAGEM	Глава XV СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИЕ СРЕДСТВА ПАГАНЕЛЯ
NEXT day, February 17th, the sun's first rays awoke the sleepers of the Maunganamu.	На следующее утро, 17 февраля, спавших на вершине Маунгахауми беглецов разбудили первые лучи солнца.
The Maories had long since been astir, coming and going at the foot of the mountain, without leaving their line of observation.	Маори давно уже бродили у подножия, не переставая наблюдать за тем, что происходит на горе.
Furious clamor broke out when they saw the Europeans leave the sacred place they had profaned.	Яростные крики встретили европейцев, как только они показались из оскверненного склепа.
Each of the party glanced first at the neighboring mountains, and at the deep valleys still drowned in mist, and over Lake Taupo, which the morning breeze ruffled slightly.	Беглецы окинули взглядом окрестные горы, еще затянутые туманом глубокие долины, озеро Таупо, воды которого слегка рябил утренний ветерок.
And then all clustered round Paganel eager to hear his project.	Затем, желая проникнуть в замыслы Паганеля, все окружили географа, вопросительно глядя на него.
Paganel soon satisfied their curiosity.	Паганель не замедлил удовлетворить любопытство своих спутников.
"My friends," said he, "my plan has one great recommendation; if it does not accomplish all that I anticipate, we shall be no worse off than we are at present.	- Друзья мои, - начал он, - в моем плане превосходно то, что если он не даст всех ожидаемых от него эффектов, если он даже потерпит неудачу, наше положение от этого все же не ухудшится.
But it must, it will succeed."	Но план этот должен удаться, и он удастся!
"And what is it?" asked McNabbs.	- А что это за план? - спросил Мак-Наббс.
"It is this," replied Paganel, "the superstition of the natives has made this mountain a refuge for us, and we must take advantage of their superstition to escape.	- Вот мой план, - продолжал Паганель. - Суеверие туземцев обеспечило нам здесь убежище, и надо, чтобы это же суеверие помогло нам выбраться отсюда.

If I can persuade Kai-Koumou that we have expiated our profanation, that the wrath of the Deity has fallen on us: in a word, that we have died a terrible death, do you think he will leave the plateau of Maunganamu to return to his village?"	Если мне удастся уверить Кай-Куму, что мы пали жертвой нашего осквернения могилы, что над нами разразился гнев небесный - словом, что мы мертвы и погибли ужасной смертью, то Кай-Куму тут же покинет подножие Маунгахауми и вернется в свое селение, не так ли?
"Not a doubt of it," said Glenarvan.	- Несомненно, - сказал Гленарван.
"And what is the horrible death you refer to?" asked Lady Helena.	- А какой же ужасной смертью вы угрожаете нам? - поинтересовалась леди Элен.
"The death of the sacrilegious, my friends," replied Paganel. "The avenging flames are under our feet.	- Смертью святотатцев, друзья мои! - ответил Паганель. - Карающее пламя у нас под ногами.
Let us open a way for them!"	Откроем же ему путь!
"What! make a volcano!" cried John Mangles.	- Что! Вы хотите создать вулкан? - воскликнул Джон Манглс.
"Yes, an impromptu volcano, whose fury we can regulate.	- Да, но вулкан не настоящий, а импровизированный, которым мы сами будем управлять.
There are plenty of vapors ready to hand, and subterranean fires ready to issue forth.	Здесь, под нами, огромное количество подземных паров и пламени, стремящихся вырваться наружу.
We can have an eruption ready to order."	Устроим же для нашего блага искусственное извержение!
"An excellent idea, Paganel; well conceived," said the Major.	- Хорошая мысль! - заметил майор. - Славно придумано, Паганель!
"You understand," replied the geographer, "we are to pretend to fall victims to the flames of the Maori Pluto, and to disappear spiritually into the tomb of Kara-Tete. And stay there three, four, even five days if necessary-that is to say, till the savages are convinced that we have perished, and abandon their watch."	- Понимаете, - сказал географ, - мы сделаем вид, будто нас пожрало пламя новозеландского Плутона, а сами в это время скроемся в могиле Кара-Тете и там пробудем дня три, четыре и даже пять, если понадобится, - словом, до тех пор, пока дикари, убедившись в нашей гибели, уйдут ни с чем.
"But," said Miss Grant, "suppose they wish to be sure of our punishment, and climb up here to see?"	- А что, если они вздумают собственными глазами убедиться в постигшей нас каре и взберутся на вершину? - усомнилась мисс Грант.
"No, my dear Mary," returned Paganel. "They will not do that.	- Нет, дорогая Мери, - ответил Паганель, - этого они не сделают.
The mountain is tabooed, and if it devoured its sacrilegious intruders, it would only be more inviolably tabooed."	Ведь на гору наложено табу, а когда она сама истребит своих осквернителей, это табу будет иметь еще большую силу.
"It is really a very clever plan," said Glenarvan. "There is only one chance against it; that is, if the savages prolong their watch at the foot of Maunganamu, we may run short of provisions.	- Ваш план действительно хорошо задуман, - сказал Гленарван. - Он может не удаться лишь при одном условии: если дикари будут упорно оставаться у подножия горы и у нас кончится запас пищи.
But if we play our game well there is not much fear of that."	Но это маловероятно, особенно если мы разыграем все как следует.
"And when shall we try this last chance?" asked Lady Helena.	- Когда же мы испытаем этот последний шанс на спасение? - спросила леди Элен.

"To-night," rejoined Paganel, "when the darkness is the deepest."	- Сегодня же вечером, - ответил Паганель, - когда совсем стемнеет.
"Agreed," said McNabbs; "Paganel, you are a genius! and I, who seldom get up an enthusiasm, I answer for the success of your plan.	- Решено, - проговорил Мак-Наббс. - Паганель, вы гениальны! Меня не так-то легко увлечь, но тут и я ручаюсь за успех.
Oh! those villains! They shall have a little miracle that will put off their conversion for another century.	Мы им устроим такое чудо, которое еще на сто лет отодвинет их обращение в христианство.
I hope the missionaries will forgive us."	Да простят нам это миссионеры.
The project of Paganel was therefore adopted, and certainly with the superstitious ideas of the Maories there seemed good ground for hope.	Итак, план Паганеля был принят, и, пожалуй, с суеверными маори он мог и должен был удаться. Оставалось лишь привести его в исполнение.
But brilliant as the idea might be, the difficulty was in the modus operandi.	Идея хороша, но осуществить ее было непросто.
The volcano might devour the bold schemers, who offered it a crater.	Не уничтожит ли вулкан смельчаков, прорывших ему кратер?
Could they control and direct the eruption when they had succeeded in letting loose its vapor and flames, and lava streams?	Смогут ли они совладать с извержением, управлять им, когда пары, пламя и огненная лава устремятся наружу?
The entire cone might be engulfed.	Не рухнет ли вся вершина в огненную бездну?
It was meddling with phenomena of which nature herself has the absolute monopoly.	Ведь они посягают на силы, которыми властна распоряжаться лишь сама природа.
Paganel had thought of all this; but he intended to act prudently and without pushing things to extremes.	Паганель предвидел эти трудности, но надеялся действовать осторожно, не доходя до крайностей.
An appearance would be enough to dupe the Maories, and there was no need for the terrible realities of an eruption.	Чтобы обмануть маори, нужна была только видимость извержения, а не грозная реальность.
How long that day seemed.	Каким длинным показался этот день!
Each one of the party inwardly counted the hours.	Все с нетерпением считали часы.
All was made ready for flight.	Для бегства все было готово.
The oudoupa provisions were divided and formed very portable packets.	Пищу из склепа разделили на части, чтобы было удобнее ее нести.
Some mats and firearms completed their light equipment, all of which they took from the tomb of the chief.	К этому легкому снаряжению присоединили еще ружья и несколько циновок из запасов вождя.
It is needless to say that their preparations were made within the inclosure, and that they were unseen by the savages.	Разумеется, все приготовления делались втайне от дикарей, за оградой могилы.
At six o'clock the steward served up a refreshing meal.	В шесть часов вечера стюард подал сытный обед.
Where or when they would eat in the valleys of the Ranges no one could foretell.	Кто знает, где и когда придется поесть в следующий раз.
So that they had to take in supplies for the future.	Поэтому ели впрок.

The principal dish was composed of half a dozen rats, caught by Wilson and stewed.	Основным блюдом было жаркое из полдюжины крупных крыс - их поймал Вильсон.
Lady Helena and Mary Grant obstinately refused to taste this game, which is highly esteemed by the natives; but the men enjoyed it like the real Maories.	Леди Элен и Мери Грант наотрез отказались отведать этой дичи, столь ценимой в Новой Зеландии, но мужчины отдали ей честь, как настоящие маори.
The meat was excellent and savory, and the six devourers were devoured down to the bones.	И в самом деле, мясо оказалось превосходным, и от всех шести грызунов остались лишь обглоданные кости.
The evening twilight came on.	Наконец наступили сумерки.
The sun went down in a stormy-looking bank of clouds.	Солнце скрылось за густыми грозовыми тучами.
A few flashes of lightning glanced across the horizon and distant thunder pealed through the darkened sky.	У горизонта поблескивали молнии, громыхал отдаленный гром.
Paganel welcomed the storm, which was a valuable aid to his plans, and completed his program.	Паганель был рад надвигавшейся грозе: она пойдет на пользу его замыслам и дополнит задуманную им инсценировку.
The savages are superstitiously affected by the great phenomena of nature.	Ведь дикари относятся с суеверным страхом к грозным явлениям природы.
The New Zealanders think that thunder is the angry voice of Noui-Atoua, and lightning the fierce gleam of his eyes.	Новозеландцы слышат в громе разъяренный голос своего бога Нуи-Атуа, а в молнии видят сверкание его разгневанных очей.
Thus their deity was coming personally to chastise the violators of the taboo.	Им покажется, что само божество явилось покарать нечестивцев, нарушивших табу.
At eight o'clock, the summit of the Maunganamu was lost in portentous darkness.	В восемь часов вершина Маунгахауми скрылась в зловещем мраке.
The sky would supply a black background for the blaze which Paganel was about to throw on it.	Небо готовило черный фон для того взрыва пламени, который собирался вызвать Паганель.
The Maories could no longer see their prisoners; and this was the moment for action.	Маори уже не могли разглядеть беглецов.
Speed was necessary.	Наступило время действовать не медля.
Glenarvan, Paganel, McNabbs, Robert, the steward, and the two sailors, all lent a hand.	Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт, стюард и два матроса дружно принялись за работу.
The spot for the crater was chosen thirty paces from Kara-Tete's tomb.	Место для кратера выбрали в тридцати шагах от склепа Кара-Тете.
It was important to keep the oudoupa intact, for if it disappeared, the taboo of the mountain would be nullified.	Было важно, чтобы извержение не тронуло могилу, ибо с исчезновением ее перестало бы действовать и табу.
At the spot mentioned Paganel had noticed an enormous block of stone, round which the vapors played with a certain degree of intensity.	Паганель приметил огромную каменную глыбу, из-под которой с силой вырывались пары.
This block covered a small natural crater hollowed in the cone, and by its own weight prevented the egress of the subterranean fire.	Она, очевидно, прикрывала небольшой кратер, естественно образовавшийся на этом месте, и только ее тяжесть мешала выходу подземного огня.

If they could move it from its socket, the vapors and the lava would issue by the disencumbered opening.	Если бы удалось откатить глыбу, то пары и лава вырвались бы через освободившееся отверстие.
The workers used as levers some posts taken from the interior of the oudoupa, and they plied their tools vigorously against the rocky mass.	Друзья вооружились кольями, вырванными из могильной ограды, и изо всех сил принялись выворачивать ими, как рычагами, огромный камень.
Under their united efforts the stone soon moved.	Под их напором глыба скоро закачалась.
They made a little trench so that it might roll down the inclined plane.	Тогда по склону горы вырыли небольшую траншею, чтобы глыба скатилась по ней.
As they gradually raised it, the vibrations under foot became more distinct.	Чем больше приподнимали скалу, тем ощутимее делалось сотрясение почвы.
Dull roarings of flame and the whistling sound of a furnace ran along under the thin crust.	Из-под тонкой коры земли доносились глухой рев и свист пламени.
The intrepid la-borers, veritable Cyclops handling Earth's fires, worked in silence; soon some fissures and jets of steam warned them that their place was growing dangerous.	Смельчаки, словно циклопы, раздувающие подземный огонь, трудились молча. Вскоре появилось несколько трещин, из которых выбивались горячие пары - признак того, что опасность близка.
But a crowning effort moved the mass which rolled down and disappeared.	Но вот последнее усилие - и глыба, сорвавшись с места, покатилась вниз и скрылась из виду.
Immediately the thin crust gave way.	Тонкий слой земли в ту же минуту прорвался.
A column of fire rushed to the sky with loud detonations, while streams of boiling water and lava flowed toward the native camp and the lower valleys.	Из образовавшегося отверстия с грохотом вырвался огненный столб, а за ним хлынули кипящая вода и лава; потоки их устремились по склону горы к лагерю туземцев и в долину.
All the cone trembled as if it was about to plunge into a fathomless gulf.	Вся вершина содрогнулась. Казалось, она вот-вот рухнет в бездну.
Glenarvan and his companions had barely time to get out of the way; they fled to the enclosure of the oudoupa, not without having been sprinkled with water at 220 degrees.	Гленарван и его товарищи едва успели спастись от извержения. Они добежали до склепа, отделавшись легкими ожогами от брызг горячей, близкой к кипению воды.
This water at first spread a smell like soup, which soon changed into a strong odor of sulphur.	Скоро легкий запах кипящей воды сменился сильным запахом серы.
Then the mud, the lava, the volcanic stones, all spouted forth in a torrent.	Комья земли, лава, вулканические обломки - все смешалось в едином потоке.
Streams of fire furrowed the sides of Maunganamu.	Огненные реки потекли по склонам Маунгахауми.
The neighboring mountains were lit up by the glare; the dark valleys were also filled with dazzling light.	Соседние горы осветились заревом извержения. Глубокие долины ярко озарились его отблеском.
All the savages had risen, howling under the pain inflicted by the burning lava, which was bubbling and foaming in the midst of their camp.	Лава уже клокотала в лагере дикарей, метавшихся, ища спасения. Те, кого не настиг этот огненный поток, бросились бежать и взобрались на соседние холмы.

Those whom the liquid fire had not touched fled to the surrounding hills; then turned, and gazed in terror at this fearful phenomenon, this volcano in which the anger of their deity would swallow up the profane intruders on the sacred mountain.	Оттуда они с ужасом глядели на это грозное явление, на этот вулкан, поглотивший, по повелению их разгневанного бога, нечестивцев, которые осквернили священную гору.
Now and then, when the roar of the eruption became less violent, their cry was heard:	В те минуты, когда грохот извержения несколько ослабевал, до беглецов доносились исступленные заклинания:
"Taboo! taboo! taboo!"	- Табу! Табу! Табу!
An enormous quantity of vapors, heated stones and lava was escaping by this crater of Maunganamu.	Между тем из кратера вырывались в огромном количестве пары, раскаленные камни, лава.
It was not a mere geyser like those that girdle round Mount Hecla, in Iceland, it was itself a Hecla.	Это уже был не гейзер, каких много в окрестностях вулкана Гекла в Исландии, а вулкан, не хуже самой Геклы.
All this volcanic commotion was confined till then in the envelope of the cone, because the safety valve of Tangariro was enough for its expansion; but when this new issue was afforded, it rushed forth fiercely, and by the laws of equilibrium, the other eruptions in the island must on that night have lost their usual intensity.	Вся эта клокочущая огненная масса до сих пор не вырывалась на поверхность, потому что располагала достаточным отводным клапаном в виде вулкана Тонгариро, а теперь, когда ей представился новый выход, она со страшной силой устремилась в него, и в эту ночь, по закону распространения давления, все другие извержения на острове были слабее обычного.
An hour after this volcano burst upon the world, broad streams of lava were running down its sides.	Через час после начала извержения этого нового на земном шаре вулкана по его склонам уже неслись широкие потоки огненной лавы.
Legions of rats came out of their holes, and fled from the scene.	Полчища крыс бросали свои норы и убегали с охваченной пламенем земли.
All night long, and fanned by the tempest in the upper sky, the crater never ceased to pour forth its torrents with a violence that alarmed Glenarvan.	Всю ночь новый вулкан бушевал вместе с грозой в небесах так сильно, что Гленарван встревожился.
The eruption was breaking away the edges of the opening.	Жерло кратера все расширялось.
The prisoners, hidden behind the inclosure of stakes, watched the fearful progress of the phenomenon.	Беглецы, укрывшись за оградой могилы, наблюдали, как нарастает сила извержения.
Morning came.	Наступило утро.
The fury of the volcano had not slackened.	Ярость вулкана не ослабевала.
Thick yellowish fumes were mixed with the flames; the lava torrents wound their serpentine course in every direction.	К пламени примешивались густые желтоватые пары. Всюду змеились потоки лавы.
Glenarvan watched with a beating heart, looking from all the interstices of the palisaded enclosure, and observed the movements in the native camp.	Гленарван с бьющимся сердцем наблюдал сквозь щели ограды за туземцами.
The Maories had fled to the neighboring ledges, out of the reach of the volcano.	Маори укрылись на соседних склонах, где извержение было им не страшно.
Some corpses which lay at the foot of the cone, were charred by the fire.	На месте их бывшего лагеря виднелось несколько обуглившихся трупов.

Further off toward the "pah," the lava had reached a group of twenty huts, which were still smoking.	Дальше, по направлению к па, раскаленная лава сожгла десятка два хижин - некоторые из них еще дымились.
The Maories, forming here and there groups, contemplated the canopied summit of Maunganamu with religious awe.	Кое-где стояли группы туземцев, с благоговейным ужасом взиравших на объятую пламенем вершину Маунгахауми.
Kai-Koumou approached in the midst of his warriors, and Glenarvan recognized him.	Среди воинов появился Кай-Куму. Гленарван тотчас же узнал его.
The chief advanced to the foot of the hill, on the side untouched by the lava, but he did not ascend the first ledge.	Вождь подошел к подножию горы с той стороны, где не текла лава, но не сделал ни шагу дальше.
Standing there, with his arms stretched out like an exerciser, he made some grimaces, whose meaning was obvious to the prisoners.	Он распростер руки, словно колдун, творящий заклинания, и по мимике вождя беглецы легко догадались о смысле его действий.
As Paganel had foreseen, Kai-Koumou launched on the avenging mountain a more rigorous taboo.	Как и предвидел Паганель, Кай-Куму наложил на гору-мстительницу еще более строгое табу.
Soon after the natives left their positions and followed the winding paths that led toward the pah.	Вскоре маори вереницей двинулись по извилистым тропинкам вниз, в па.
"They are going!" exclaimed Glenarvan. "They have left their posts!	- Они уходят! - воскликнул Гленарван. - Покидают свой сторожевой пост!
God be praised! Our stratagem has succeeded!	Наша военная хитрость удалась!
My dear Lady Helena, my brave friends, we are all dead and buried!	Ну, дорогая Элен и мои добрые товарищи, вот мы все и мертвы и погребены под лавой!
But this evening when night comes, we shall rise and leave our tomb, and fly these barbarous tribes!"	Но сегодня же вечером мы воскреснем, покинем нашу могилу и убежим от этих варваров!
It would be difficult to conceive of the joy that pervaded the oudoupa.	Трудно себе представить радость беглецов.
Hope had regained the mastery in all hearts.	Их сердца снова зажглись надеждой.
The intrepid travelers forgot the past, forgot the future, to enjoy the present delight!	Отважные путешественники забыли о прошлом, не помышляли о будущем - они думали только о настоящем.
And yet the task before them was not an easy one-to gain some European outpost in the midst of this unknown country.	А между тем пробраться через этот дикий край до какой-нибудь английской колонии было нелегко.
But Kai-Koumou once off their track, they thought themselves safe from all the savages in New Zealand. A whole day had to elapse before they could make a start, and they employed it in arranging a plan of flight.	Но после того, как беглецам удалось обмануть Кай-Куму, им казалось, что никакие дикари Новой Зеландии для них уже не страшны! Майор теперь и вовсе ни в грош не ставил этих маори и не жалел для них презрительных кличек. Паганель и он, стремясь перещеголять друг друга, обзывали туземцев дремучими олухами, тупыми ослами, первейшими болванами на всем Тихом океане, буйно-помешанными, кретинами и т. д. Оба были неистощимы. Однако, прежде чем уйти, надо было переждать.

Paganel had treasured up his map of New Zealand, and on it could trace out the best roads.	Паганелю удалось уберечь свою драгоценную карту Новой Зеландии, и он искал по ней безопасные пути.
After discussion, the fugitives resolved to make for the Bay of Plenty, towards the east.	По зрелом размышлении решено было отправиться на восток, к заливу Пленти.
The region was unknown, but apparently desert.	Этот путь проходил по местам неисследованным, но, по-видимому, пустынным.
The travelers, who from their past experience, had learned to make light of physical difficulties, feared nothing but meeting Maories.	Ни суровая природа, ни лишения не страшили закаленных путешественников так, как встреча с туземцами.
At any cost they wanted to avoid them and gain the east coast, where the missionaries had several stations.	Поэтому они во что бы то ни стало хотели уклониться от такой встречи и стремились добраться до восточного побережья, где было несколько миссий.
That part of the country had hitherto escaped the horrors of war, and the natives were not in the habit of scouring the country.	К тому же эта часть острова пока избежала ужасов войны и там не было повстанческих отрядов.
As to the distance that separated Lake Taupo from the Bay of Plenty, they calculated it about a hundred miles.	Расстояние от озера Таупо до залива Пленти составляло примерно сто миль.
Ten days' march at ten miles a day, could be done, not without fatigue, but none of the party gave that a thought.	Десять дней пути, по десяти миль в день. Конечно, путешествие было не из легких, но никто из этих отважных людей не думал об усталости.
If they could only reach the mission stations they could rest there while waiting for a favorable opportunity to get to Auckland, for that was the point they desired to reach.	Только бы дойти до какой-нибудь миссии, а там можно будет и отдохнуть в ожидании удобного случая добраться до Окленда - конечной цели их путешествия.
This question settled, they resumed their watch of the native proceedings, and continued so doing till evening fell.	Приняв такое решение, Гленарван и его спутники продолжали до самого вечера наблюдать, не появятся ли туземцы.
Not a solitary native remained at the foot of the mountain, and when darkness set in over the Taupo valleys, not a fire indicated the presence of the Maories at the base.	Но у подошвы горы не осталось никого и, когда тьма поглотила окрестные долины, не зажегся ни один костер.
The road was free.	Путь был свободен.
At nine o'clock, the night being unusually dark, Glenarvan gave the order to start.	В девять часов, в полной темноте, Гленарван повел свой отряд вперед.
His companions and he, armed and equipped at the expense of Kara-Tete, began cautiously to descend the slopes of Maunganamu, John Mangles and Wilson leading the way, eyes and ears on the alert.	Захватив оружие и одеяния Кара-Тете, все начали осторожно спускаться с Маунгахауми. Первыми шли Джон Манглс и Вильсон.
They stopped at the slightest sound, they started at every passing cloud.	Они ловили малейший проблеск света, останавливались при всяком шорохе.
They slid rather than walked down the spur, that their figures might be lost in the dark mass of the mountain.	Беглецы словно скользили по склону, как бы стараясь слиться с ним.

At two hundred feet below the summit, John Mangles and his sailors reached the dangerous ridge that had been so obstinately defended by the natives.	Спустившись на двести футов, молодой капитан и матрос очутились на том опасном горном гребне, который так бдительно охранялся туземцами.
If by ill luck the Maories, more cunning than the fugitives, had only pretended to retreat; if they were not really duped by the volcanic phenomenon, this was the spot where their presence would be betrayed.	Если бы, к несчастью, маори оказались хитрее беглецов и, не дав себя обмануть искусственным извержением, только сделали вид, что уходят, чтобы вернее захватить пленников, то тогда именно здесь, на этом гребне, и должно было обнаружиться их присутствие.
Glenarvan could not but shudder, in spite of his confidence, and in spite of the jokes of Paganel.	Несмотря на всю свою уверенность и на шутки Паганеля, Гленарван невольно содрогнулся.
The fate of the whole party would hang in the balance for the ten minutes required to pass along that ridge.	Жизнь его близких будет висеть на волоске все десять минут, пока они будут переходить по гребню.
He felt the beating of Lady Helena's heart, as she clung to his arm.	Он слышал, как билось сердце прижавшейся к нему жены.
He had no thought of turning back.	Однако Гленарван и не помышлял повернуть назад.
Neither had John.	Джон, разумеется, тоже.
The young captain, followed closely by the whole party, and protected by the intense darkness, crept along the ridge, stopping when some loose stone rolled to the bottom.	Молодой капитан первый пополз под покровом ночи по узкому гребню. За ним - остальные. Когда какой-нибудь камень скатывался вниз, все замирали на месте.
If the savages were still in the ambush below, these unusual sounds might provoke from both sides a dangerous fusillade.	Если дикари все же сторожили у подножия хребта, этот необычный шорох непременно вызвал бы град ружейных выстрелов.
But speed was impossible in their serpent-like progress down this sloping crest.	Понятно, что, пробираясь ползком, точно змеи, вдоль покатого хребта, беглецы подвигались вперед не так уж быстро.
When John Mangles had reached the lowest point, he was scarcely twenty-five feet from the plateau, where the natives were encamped the night before, and then the ridge rose again pretty steeply toward a wood for about a quarter of a mile.	Когда Джон Манглс дополз до самого низкого места гребня, он очутился всего в каких-нибудь двадцати пяти футах от площадки, где накануне стояли лагерем туземцы. Дальше гребень круто шел в гору и вел к лесу, до которого оставалось четверть мили.
All this lower part was crossed without molestation, and they commenced the ascent in silence.	Путешественники благополучно миновали страшное место и стали молча подниматься в гору.
The clump of bush was invisible, though they knew it was there, and but for the possibility of an ambush, Glenarvan counted on being safe when the party arrived at that point.	Леса из-за темноты не было видно, но все знали, что он близко, а там, если только им не устроили засаду, они будут в безопасности.
But he observed that after this point, they were no longer protected by the taboo.	Гленарван надеялся на это, но он понимал, что защитное действие табу уже кончилось.

The ascending ridge belonged not to Maunganamu, but to the mountain system of the eastern side of Lake Taupo, so that they had not only pistol shots, but hand-to-hand fighting to fear.	Восходящая часть гребня принадлежала уже другой горе, расположенной к востоку от озера Таупо. Стало быть, здесь можно было опасаться не только обстрела, но и рукопашной схватки с туземцами.
For ten minutes, the little band ascended by insensible degrees toward the higher table-land.	В течение десяти минут беглецы бесшумно поднимались к вышележащему плоскогорью.
John could not discern the dark wood, but he knew it ought to be within two hundred feet.	Джон не мог еще разглядеть лес, но до него, должно быть, оставалось уже меньше двухсот футов.
Suddenly he stopped; almost retreated.	Вдруг молодой капитан остановился и как будто попятился назад.
He fancied he heard something in the darkness; his stoppage interrupted the march of those behind.	Ему почудился в темноте какой-то шорох. Все замерли.
He remained motionless long enough to alarm his companions.	Джон Манглс стоял неподвижно так долго, что его спутники забеспокоились.
They waited with unspeakable anxiety, wondering if they were doomed to retrace their steps, and return to the summit of Maunganamu.	Они выжидали. Кто опишет их мучительную тревогу! Неужели придется идти назад и снова искать убежища на вершине Маунгахауми?
But John, finding that the noise was not repeated, resumed the ascent of the narrow path of the ridge.	Но, убедившись, что шум не возобновляется, Джон Манглс снова начал подниматься по узкому гребню.
Soon they perceived the shadowy outline of the wood showing faintly through the darkness.	Вскоре в ночи стали неясно вырисовываться деревья.
A few steps more and they were hid from sight in the thick foliage of the trees.	Еще несколько шагов - и беглецы, добравшись наконец до леса, укрылись под его густой листвой.
CHAPTER XV FROM PERIL TO SAFETY	Глава XVI МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ
THE night favored their escape, and prudence urged them to lose no time in getting away from the fatal neighborhood of Lake Taupo.	Ночь благоприятствовала беглецам. Надо было воспользоваться ею, чтобы уйти подальше от роковых берегов озера Таупо.
Paganel took the post of leader, and his wonderful instinct shone out anew in this difficult mountain journey.	Паганель взялся вести отряд и снова проявил во время этого трудного странствования в горах свое изумительное чутье путешественника.
His nyctalopia was a great advantage, his cat-like sight enabling him to distinguish the smallest object in the deepest gloom.	Он с удивительным проворством пробирался в темноте, отыскивая едва приметные тропинки и не уклоняясь от нужного направления. Правда, географу очень помогала его никталопия: его кошачьи глаза различали в непроницаемой тьме самые мелкие предметы.
For three hours they walked on without halting along the far-reaching slope of the eastern side.	Три часа подряд беглецы шли, не останавливаясь, по отлогим восточным склонам гор.
Paganel kept a little to the southeast, in order to make use of a narrow passage between the Kaimanawa and the Wahiti Ranges, through which the road from Hawkes' Bay to Auckland passes.	Паганель отклонился немного к юго-востоку, стремясь попасть в узкое ущелье между горными цепями Каймаи и Вахити, по которому проходит дорога от Окленда к бухте Хока.

Once through that gorge, his plan was to keep off the road, and, under the shelter of the high ranges, march to the coast across the inhabited regions of the province.	Он рассчитывал пересечь это ущелье и, оставив дорогу в стороне, пробираться к побережью под защитой высоких гор по необитаемой части провинции.
At nine o'clock in the morning, they had made twelve miles in twelve hours.	К девяти часам утра, за двенадцать часов, было пройдено двенадцать миль.
The courageous women could not be pressed further, and, besides, the locality was suitable for camping.	Пора было пощадить отважных женщин. К тому же и место оказалось подходящим для привала.
The fugitives had reached the pass that separates the two chains.	Беглецы добрались до ущелья, разделявшего горные цепи. Дорога на юг, к Оберленду, осталась справа.
Paganel, map in hand, made a loop toward the northeast, and at ten o'clock the little party reached a sort of redan, formed by a projecting rock.	Паганель, справляясь по карте, сделал крюк к северо-востоку, и в десять часов маленький отряд очутился у крутого горного уступа.
The provisions were brought out, and justice was done to their meal.	Здесь вынули из сумок съестные припасы и подкрепились ими.
Mary Grant and the Major, who had not thought highly of the edible fern till then, now ate of it heartily.	Даже Мери Грант и майор, которым до тех пор корни папоротника были не по вкусу, теперь ели их с удовольствием.
The halt lasted till two o'clock in the afternoon, then they resumed their journey; and in the evening they stopped eight miles from the mountains, and required no persuasion to sleep in the open air.	Отдохнув до двух часов пополудни, путешественники снова двинулись к востоку и вторично остановились на привал вечером в восьми милях от гор. Здесь все с наслаждением растянулись под открытым небом и уснули крепким сном.
Next day was one of serious difficulties.	На следующий день путь оказался труднее.
Their route lay across this wondrous region of volcanic lakes, geysers, and solfataras, which extended to the east of the Wahiti Ranges.	Он пролегал по любопытному району вулканических озер, гейзеров и дымящихся серных сопок, простиравшемуся к востоку от Вахити.
It is a country more pleasant for the eye to ramble over, than for the limbs.	Путь этот был гораздо приятнее для глаз, чем для ног.
Every quarter of a mile they had to turn aside or go around for some obstacle, and thus incurred great fatigue; but what a strange sight met their eyes!	Все время надо было обходить, огибать, преодолевать препятствия. Это было утомительно. Но зато какое необычайное зрелище!
What infinite variety nature lavishes on her great panoramas!	Как неистощимо разнообразие природы!
On this vast extent of twenty miles square, the subterranean forces had a field for the display of all their varied effects.	На обширном пространстве в двадцать квадратных миль можно было видеть всевозможные проявления подземных сил.
Salt springs, of singular transparency, peopled by myriads of insects, sprang up from thickets of tea-tree scrub.	Из рощ местного чайного дерева струились до странности прозрачные соляные источники, кишащие мириадами насекомых.
They diffused a powerful odor of burnt powder, and scattered on the ground a white sediment like dazzling snow.	Вода их едко пахла жженым порохом и оставляла на земле белый осадок, похожий на ослепительно сверкающий снег.

The limpid waters were nearly at boiling point, while some neighboring springs spread out like sheets of glass.	Одни источники были горячи, другие холодны как лед.
Gigantic tree-ferns grew beside them, in conditions analogous to those of the Silurian vegetation.	Гигантские папоротники росли по берегам этих ручьев в условиях, сходных с условиями силурийской эры.
On every side jets of water rose like park fountains, out of a sea of vapor; some of them continuous, others intermittent, as if a capricious Pluto controlled their movements.	Со всех сторон среди клубящихся паров били из земли снопы воды, напоминавшие фонтаны какого-нибудь парка. Одни из них били непрерывно, другие пульсировали, подчиняясь прихотям своенравного Плутона.
They rose like an amphitheater on natural terraces; their waters gradually flowed together under folds of white smoke, and corroding the edges of the semi-transparent steps of this gigantic staircase. They fed whole lakes with their boiling torrents.	Эти фонтаны были расположены амфитеатром на естественных террасах. Воды их, осененные клубами белого пара, постепенно сливались воедино и, разъедая полупрозрачные ступени этих гигантских природных лестниц, свергались по ним кипящими водопадами, питая собой целые озера.
Farther still, beyond the hot springs and tumultuous geysers, came the solfataras.	Потом на смену горячим ключам и бурным гейзерам пошли серные сопки.
The ground looked as if covered with large pustules.	Вся земля казалась покрытой крупными прыщами.
These were slumbering craters full of cracks and fissures from which rose various gases.	Это были полупотухшие кратеры; через их многочисленные трещины выбивались различные газы.
The air was saturated with the acrid and unpleasant odor of sulphurous acid.	В воздухе чувствовался едкий, неприятный запах серной кислоты, и земля кругом была усеяна кристаллами серы.
The ground was encrusted with sulphur and crystalline concretions. All this incalculable wealth had been accumulating for centuries, and if the sulphur beds of Sicily should ever be exhausted, it is here, in this little known district of New Zealand, that supplies must be sought.	Здесь целыми веками накапливались огромные неиспользуемые богатства, и если когда-нибудь серные рудники Сицилии истощатся, новые запасы сырья будет поставлять промышленности этот пока почти не изведанный район Новой Зеландии.
The fatigue in traveling in such a country as this will be best understood.	Можно представить себе, чего стоил путешественникам этот мучительный переход.
Camping was very difficult, and the sportsmen of the party shot nothing worthy of Olbinett's skill; so that they had generally to content themselves with fern and sweet potato-a poor diet which was scarcely sufficient to recruit the exhausted strength of the little party, who were all anxious to escape from this barren region.	Место для привала найти было нелегко, и охотникам не попадалось ни одной птицы, достойной быть общипанной руками мистера Олбинета. Поэтому чаще всего приходилось довольствоваться съедобными папоротниками и сладким бататом - скудной едой, которая, конечно, не могла восстановить силы изнуренных путников. Естественно, что каждый стремился поскорее распроститься с этими бесплодными, пустынными террасами.
But four days at least must elapse before they could hope to leave it.	Однако понадобилось не менее четырех дней, чтобы пересечь труднопроходимый край.

On February 23, at a distance of fifty miles from Maunganamu, Glenarvan called a halt, and camped at the foot of a nameless mountain, marked on Paganel's map.	Только 23 февраля путешественники смогли сделать привал в пятидесяти милях от Маунгахауми, у подошвы безымянной горы, обозначенной на карте Паганеля.
The wooded plains stretched away from sight, and great forests appeared on the horizon.	Вокруг расстилались равнины, поросшие кустарником, а дальше, у горизонта, снова показались большие леса. Такой вид сулил легкий путь, если только в этом гостеприимном краю не обосновалось уже слишком много постоянных жителей. До сих пор туземцев не было и в помине.
That day McNabbs and Robert killed three kiwis, which filled the chief place on their table, not for long, however, for in a few moments they were all consumed from the beaks to the claws.	В тот день Мак-Наббс и Роберт подстрелили трех киви, которые могли скрасить обед, но удовольствие длилось недолго, и через несколько минут от дичи ничего не осталось.
At dessert, between the potatoes and sweet potatoes, Paganel moved a resolution which was carried with enthusiasm. He proposed to give the name of Glenarvan to this unnamed mountain, which rose 3,000 feet high, and then was lost in the clouds, and he printed carefully on his map the name of the Scottish nobleman.	За десертом, состоявшим из картофеля и сладких бататов, Паганель внес предложение, которое было принято с восторгом: назвать безымянную гору, вершина которой терялась на высоте трех тысяч футов в облаках, именем Гленарвана. И географ тут же старательно нанес имя шотландского лорда на свою карту.
It would be idle to narrate all the monotonous and uninteresting details of the rest of the journey.	Было бы бесполезно описывать дальнейшее путешествие: дни проходили однообразно и малоинтересно.
Only two or three occurrences of any importance took place on the way from the lakes to the Pacific Ocean.	В течение всего перехода от озер до Тихого океана произошло лишь два-три более или менее значительных события.
The march was all day long across forests and plains.	Обычно шли целый день по лесам и равнинам.
John took observations of the sun and stars.	Джон Манглс определял направление по солнцу и звездам.
Neither heat nor rain increased the discomfort of the journey, but the travelers were so reduced by the trials they had undergone, that they made very slow progress; and they longed to arrive at the mission station.	Небо было довольно милостиво: оно не посылало ни зноя, ни дождя. Но тем не менее измождение путешественников, перенесших уже столько мук, мешало им идти быстро, и всем не терпелось скорее добраться до миссии.
They still chatted, but the conversation had ceased to be general.	Они, правда, разговаривали, но разговор этот не был общим.
The little party broke up into groups, attracted to each other, not by narrow sympathies, but by a more personal communion of ideas.	Отряд разбился на группки, состав которых определялся не каким-то особым предпочтением, а общими мыслями.
Glenarvan generally walked alone; his mind seemed to recur to his unfortunate crew, as he drew nearer to the sea.	Гленарван обычно шел один. По мере приближения к побережью он все чаще вспоминал о "Дункане" и его команде.
He apparently lost sight of the dangers which lay before them on their way to Auckland, in the thought of his massacred men; the horrible picture haunted him.	Забывая об опасностях, еще подстерегавших отряд на пути к Окленду, он думал об убитых матросах. Эта страшная мысль неотступно томила его.

Harry Grant was never spoken of; they were no longer in a position to make any effort on his behalf.	О Гарри Гранте никто не заговаривал. К чему, раз ничего нельзя для него сделать.
If his name was uttered at all, it was between his daughter and John Mangles.	Если имя капитана и упоминалось, то только в беседах его дочери с Джоном Манглсом.
John had never reminded Mary of what she had said to him on that last night at Ware-Atoua.	Молодой капитан никогда не возвращался к тому, что девушка сказала ему в ту ужасную ночь в хижине.
He was too wise to take advantage of a word spoken in a moment of despair.	Скромность не позволяла ему напомнить о словах, вырвавшихся у нее в минуту отчаяния.
When he mentioned Captain Grant, John always spoke of further search.	Говоря о Гарри Гранте, Джон Манглс строил все новые планы.
He assured Mary that Lord Glenarvan would re-embark in the enterprise.	Он уверял Мери, что Гленарван организует еще одну экспедицию.
He persistently returned to the fact that the authenticity of the document was indisputable, and that therefore Harry Grant was somewhere to be found, and that they would find him, if they had to try all over the world.	Ведь подлинность найденного в бутылке документа не подлежала сомнению. Следовательно, Гарри Грант где-то должен был находиться. А если так, то в конце концов он все же будет найден, хотя бы для этого пришлось обшарить весь свет.
Mary drank in his words, and she and John, united by the same thought, cherished the same hope.	Мери упивалась этими речами. Она и Джон Манглс жили одними и теми же мыслями, надеждами.
Often Lady Helena joined in the conversation; but she did not participate in their illusions, though she refrained from chilling their enthusiasm.	Нередко и леди Элен принимала участие в их разговоре. Она не разделяла надежд молодых людей, но не хотела возвращать их к печальной действительности.
McNabbs, Robert, Wilson, and Mulrady kept up their hunting parties, without going far from the rest, and each one furnished his QUOTA of game.	Мак-Наббс, Роберт, Вильсон и Мюльреди старались, не слишком удаляясь от товарищей, настрелять как можно больше дичи.
Paganel, arrayed in his flax mat, kept himself aloof, in a silent and pensive mood.	Паганель, по-прежнему драпируясь в свой плащ из формиума, молчаливый и задумчивый, держался в стороне.
And yet, it is only justice to say, in spite of the general rule that, in the midst of trials, dangers, fatigues, and privations, the most amiable dispositions become ruffled and embittered, all our travelers were united, devoted, ready to die for one another.	И все-таки, хотя испытания, опасности, усталость и лишения, как правило, делают раздражительными и ожесточают даже людей с самым лучшим характером, все эти товарищи по несчастью остались так же дружны, верны и были готовы пожертвовать жизнью друг за друга.
On the 25th of February, their progress was stopped by a river which answered to the Wakari on Paganel's map, and was easily forded.	25 февраля дорогу путникам преградила река. Судя по карте Паганеля, это была Уаикаре. Через нее удалось перебраться вброд.
For two days plains of low scrub succeeded each other without interruption.	Два дня тянулись равнины, поросшие кустарником.
Half the distance from Lake Taupo to the coast had been traversed without accident, though not without fatigue.	Теперь половина пути между озером Таупо и берегом океана была пройдена если не без труда, то, во всяком случае, без нежелательных встреч.

Then the scene changed to immense and interminable forests, which reminded them of Australia, but here the kauri took the place of the eucalyptus.	Затем пошли громадные, бесконечные леса, напоминавшие австралийские, только вместо эвкалиптов здесь росли каури.
Although their enthusiasm had been incessantly called forth during their four months' journey, Glenarvan and his companions were compelled to admire and wonder at those gigantic pines, worthy rivals of the Cedars of Lebanon, and the "Mammoth trees" of California.	Хотя за четыре месяца странствий у Гленарвана и его спутников изрядно притупилась способность восторгаться, но и они были восхищены этими гигантскими соснами, достойными соперниками ливанских кедров и мамонтовых деревьев Калифорнии.
The kauris measured a hundred feet high, before the ramification of the branches.	Каури были так высоки, что только футах в ста от земли начинались ветви.
They grew in isolated clumps, and the forest was not composed of trees, but of innumerable groups of trees, which spread their green canopies in the air two hundred feet from the ground.	Они росли группами, и лес состоял не из отдельных деревьев, а из целых семей этих гигантов, вздымавших зонты из зелени на высоту двухсот футов.
Some of these pines, still young, about a hundred years old, resembled the red pine of Europe. They had a dark crown surmounted by a dark conical shoot.	Некоторые еще молодые каури, едва достигшие столетнего возраста, походили на красные ели европейских стран: у них была темная конусообразная крона.
Their older brethren, five or six hundred years of age, formed great green pavilions supported on the inextricable network of their branches.	Более старые деревья, которым перевалило за пятьсот - шестьсот лет, несли огромные шатры зелени, покоившиеся на бесчисленных переплетающихся ветвях.
These patriarchs of the New Zealand forest measured fifty yards in circumference, and the united arms of all the travelers could not embrace the giant trunk.	У этих патриархов новозеландских лесов стволы были до пятидесяти футов в окружности. Все спутники Гленарвана, взявшись за руки, не могли бы охватить такой гигантский ствол.
For three days the little party made their way under these vast arches, over a clayey soil which the foot of man had never trod.	Три дня маленький отряд брел под этими огромными зелеными сводами по глинистой почве, на которую никогда не ступала нога человека.
They knew this by the quantity of resinous gum that lay in heaps at the foot of the trees, and which would have lasted for native exportation many years.	Об этом говорили и большие наплывы клейкой смолы на многих стволах: она могла бы на долгие годы обеспечить туземцев товаром для торговли с европейцами.
The sportsmen found whole coveys of the kiwi, which are scarce in districts frequented by the Maories; the native dogs drive them away to the shelter of these inaccessible forests.	Охотники наталкивались на большие стаи киви, столь редких в обитаемых местах. Здесь же, в недоступных лесах, эти странные птицы нашли себе убежище.

They were an abundant source of nourishing food to our travelers. Paganel also had the good fortune to espy, in a thicket, a pair of gigantic birds; his instinct as a naturalist was awakened. He called his companions, and in spite of their fatigue, the Major, Robert, and he set off on the track of these animals. His curiosity was excusable, for he had recognized, or thought he had recognized, these birds as "moas" belonging to the species of "dinornis," which many naturalists class with the extinct birds. This, if Paganel was right, would confirm the opinion of Dr. Hochstetter and other travelers on the present existence of the wingless giants of New Zealand. These moas which Paganel was chasing, the contemporaries of the Megatherium and the Pterodactyles, must have been eighteen feet high. They were huge ostriches, timid too, for they fled with extreme rapidity. But no shot could stay their course. After a few minutes of chase, these fleet-footed moas disappeared among the tall trees, and the sportsmen lost their powder and their pains.	Теперь у путешественников было вдоволь здоровой пищи - мяса киви.
That evening, March 1, Glenarvan and his companions, emerging at last from the immense kauri-forest, camped at the foot of Mount Ikirangi, whose summit rose five thousand five hundred feet into the air.	Вечером 1 марта отряд Гленарвана, выйдя наконец из огромного леса гигантов-каури, расположился лагерем у подошвы горы Икиранги высотой в пять с половиной тысяч футов.
At this point they had traveled a hundred miles from Maunganamu, and the shore was still thirty miles away.	От горы Маунгахауми было пройдено около ста миль, а до побережья оставалось еще миль тридцать.
John Mangles had calculated on accomplishing the whole journey in ten days, but he did not foresee the physical difficulties of the country.	Когда Джон Манглс надеялся закончить весь переход дней в десять, он еще не знал, какой трудный предстоит путь.
On the whole, owing to the circuits, the obstacles, and the imperfect observations, the journey had been extended by fully one-fifth, and now that they had reached Mount Ikirangi, they were quite worn out.	Оказалось, что частые обходы, различные препятствия, неточность в определении координат удлинили маршрут на одну пятую. И вот путешественники добрались до горы Икиранги уже в совершенном изнеможении.
Two long days of walking were still to be accomplished, during which time all their activity and vigilance would be required, for their way was through a district often frequented by the natives.	Чтобы выйти на побережье, нужно было еще два больших дневных перехода. И как раз теперь требовалось удвоить энергию и бдительность, ибо путники снова вступали в обитаемые места.
The little party conquered their weariness, and set out next morning at daybreak.	Однако все преодолели свою усталость и на следующий день на рассвете вновь двинулись в путь.
Between Mount Ikirangi which was left to the right, and Mount Hardy whose summit rose on the left to a height of 3,700 feet, the journey was very trying; for about ten miles the bush was a tangle of "supple-jack," a kind of flexible rope, appropriately called "stifling-creeper," that caught the feet at every step.	Дорога между двумя горами - Икиранги справа и Харди, высотой в три тысячи семьсот футов, слева - стала очень трудной. На протяжении десяти миль тянулась долина, сплошь заросшая гибкими растениями, метко названными "удушающие лианы". На каждом шагу лианы, как змеи, обвивались вокруг ног, рук и всего тела.

For two days, they had to cut their way with an ax through this thousand-headed hydra.	Два дня пришлось путешественникам продвигаться вперед с топором в руках и бороться с этой многоголовой гидрой, с этими неотвязными, цепкими растениями, которые Паганель охотно отнес бы к классу зоофитов.
Hunting became impossible, and the sportsmen failed in their accustomed tribute.	В этих равнинах стало невозможно охотиться, и охотники не приносили обычной дичи.
The provisions were almost exhausted, and there was no means of renewing them; their thirst was increasing by fatigue, and there was no water wherewith to quench it.	Съестные припасы истощались, а пополнить их было нечем. Иссякла вода, и путники уже не могли утолить жажду, которая еще усугублялась усталостью.
The sufferings of Glenarvan and his party became terrible, and for the first time their moral energy threatened to give way.	Гленарван и его спутники испытывали страшные муки, и впервые их чуть не оставила сила воли.
They no longer walked, they dragged themselves along, soulless bodies, animated only by the instinct of self-preservation which survives every other feeling, and in this melancholy plight they reached Point Lottin on the shores of the Pacific.	Наконец, уже не шагая, а еле волоча ноги, измученные путники, руководимые одним лишь инстинктом самосохранения, добрались до мыса Лоттин на побережье Тихого океана.
Here they saw several deserted huts, the ruins of a village lately destroyed by the war, abandoned fields, and everywhere signs of pillage and incendiary fires.	Здесь виднелось несколько пустых хижин, остатки опустошенного войной селения, брошенные поля. Везде следы грабежа и пожара.
They were toiling painfully along the shore, when they saw, at a distance of about a mile, a band of natives, who rushed toward them brandishing their weapons.	И тут судьба обрекла несчастных путников на новое ужасное испытание. Обессиленные, они брели по берегу, как вдруг в миле от них показался отряд туземцев. Дикари устремились на них, размахивая оружием.
Glenarvan, hemmed in by the sea, could not fly, and summoning all his remaining strength he was about to meet the attack, when John Mangles cried:	Бежать было некуда, позади только море, и Гленарван, собрав последние силы, хотел было отдать приказ защищаться, как вдруг Джон Манглс закричал:
"A boat! a boat!"	- Пирога! Пирога!
And there, twenty paces off, a canoe with six oars lay on the beach.	В самом деле, на плоском песчаном берегу в двадцати шагах от беглецов стояла вытащенная на берег пирога с шестью веслами.
To launch it, jump in and fly from the dangerous shore, was only a minute's work.	Столкнуть лодку в воду, прыгнуть в нее и отплыть прочь от опасного берега было делом одной минуты.
John Mangles, McNabbs, Wilson and Mulrady took the oars; Glenarvan the helm; the two women, Robert and Olbinett stretched themselves beside him.	Джон Манглс, Мак-Наббс, Вильсон и Мюльреди сели на весла, Гленарван взялся за руль, обе женщины, Олбинет, Паганель и Роберт разместились на корме.
In ten minutes the canoe was a quarter of a mile from the shore.	Через десять минут пирога была уже в четверти мили от берега.
The sea was calm.	Море было спокойно.
The fugitives were silent.	Беглецы молчали.

But John, who did not want to get too far from land, was about to give the order to go up the coast, when he suddenly stopped rowing.	Джон, не желая все-таки заплывать слишком далеко, хотел уже приказать плыть вдоль берега, как вдруг весло замерло в его руках.
He saw three canoes coming out from behind Point Lottin and evidently about to give chase.	Из-за мыса Лоттин показались три пироги - это была погоня.
"Out to sea!	- В море!
Out to sea!" he exclaimed. "Better to drown if we must!"	В море! - крикнул молодой капитан. - Уж лучше погибнуть в волнах!
The canoe went fast under her four rowers.	Четыре гребца налегли на весла, и пирога снова понеслась в открытое море.
For half an hour she kept her distance; but the poor exhausted fellows grew weaker, and the three pursuing boats began to gain sensibly on them.	Полчаса расстояние между ними и преследователями не сокращалось, но несчастные, измученные люди вскоре ослабели, и вражеские пироги стали приближаться.
At this moment, scarcely two miles lay between them.	Вот между ними уже меньше двух миль.
It was impossible to avoid the attack of the natives, who were already preparing to fire their long guns.	Итак, нападение туземцев неизбежно, их длинные ружья уже нацелены!
What was Glenarvan about?-standing up in the stern he was looking toward the horizon for some chimerical help.	А что же Гленарван? Стоя на корме пироги, он вглядывался в горизонт в безумной надежде на помощь.
What did he hope for?	Чего он ждал?
What did he wish?	Чего хотел?
Had he a presentiment?	Или в нем пробудилось какое-то предчувствие?
In a moment his eyes gleamed, his hand pointed out into the distance.	Вдруг глаза его вспыхнули, рука протянулась, указывая на что-то вдали.
"A ship! a ship!" he cried.	- Корабль! - крикнул он. - Корабль, друзья мои!
"My friends, row! row hard!"	Гребите! Гребите сильнее!
Not one of the rowers turned his head-not an oar-stroke must be lost.	Ни один из четырех гребцов даже не повернулся, чтобы взглянуть на это неожиданно появившееся судно: нельзя было упустить ни одного взмаха весла.
Paganel alone rose, and turned his telescope to the point indicated.	Только Паганель встал и направил свою подзорную трубу туда, куда указывал Гленарван.
"Yes," said he, "a ship! a steamer! they are under full steam! they are coming to us!	- Да, - сказал географ, - там судно. Паровое судно! Идет на всех парах! Сюда, к нам!
Found now, brave comrades!"	Ну, еще немного, друзья мои!
The fugitives summoned new energy, and for another half hour, keeping their distance, they rowed with hasty strokes.	Беглецы с новой энергией налегли на весла и еще полчаса не давали преследователям приблизиться, гребя из последних сил.
The steamer came nearer and nearer.	Корабль вырисовывался все яснее и яснее.
They made out her two masts, bare of sails, and the great volumes of black smoke.	Вот уже видны две его мачты со спущенными парусами и густые клубы черного дыма.

Glenarvan, handing the tiller to Robert, seized Paganel's glass, and watched the movements of the steamer.	Гленарван, передав руль Роберту, схватил подзорную трубу Паганеля и внимательно следил за каждым движением судна.
John Mangles and his companions were lost in wonder when they saw Glenarvan's features contract and grow pale, and the glass drop from his hands.	Но как были изумлены Джон Манглс и все остальные, когда увидели, что черты Гленарвана исказились, лицо его побледнело и подзорная труба выпала из рук.
One word explained it.	Одного слова хватило, чтобы объяснить эту внезапную перемену.
"The DUNCAN!" exclaimed Glenarvan.	- "Дункан"! - крикнул Гленарван. -
"The DUNCAN, and the convicts!"	"Дункан" и каторжники!
"The DUNCAN!" cried John, letting go his oar and rising.	- "Дункан"! - воскликнул Джон Манглс, выпуская весло и поднимаясь.
"Yes, death on all sides!" murmured Glenarvan, crushed by despair.	- Да, смерть!.. Смерть и там и здесь... - прошептал Гленарван, сломленный отчаянием.
It was indeed the yacht, they could not mistake her-the yacht and her bandit crew!	Это и правда была их яхта, сомневаться не приходилось, - их яхта и команда бандитов!
The major could scarcely restrain himself from cursing their destiny.	У майора вырвалось проклятие. Судьба жестоко пошутила!
The canoe was meantime standing still.	Между тем пирога была предоставлена самой себе.
Where should they go?	Куда править?
Whither fly?	Куда бежать?
What choice was there between the convicts and the savages?	Что лучше: угодить к дикарям или к каторжникам?
A shot was fired from the nearest of the native boats, and the ball struck Wilson's oar.	С ближайшей пироги туземцев раздался выстрел, пуля попала в весло Вильсона.
A few strokes then carried the canoe nearer to the DUNCAN.	Несколько взмахов весел снова толкнули пирогу по направлению к "Дункану".
The yacht was coming down at full speed, and was not more than half a mile off.	Яхта шла полным ходом, до нее оставалось всего полмили.
John Mangles, between two enemies, did not know what to advise, whither to fly!	Все пути отрезаны, и Джон Манглс уже не знал, куда и направить пирогу.
The two poor ladies on their knees, prayed in their agony.	Женщины, еле живые от ужаса, бросились на колени и стали молиться.
The savages kept up a running fire, and shots were raining round the canoe, when suddenly a loud report was heard, and a ball from the yacht's cannon passed over their heads, and now the boat remained motionless between the DUNCAN and the native canoes.	Дикари открыли беглый огонь, пули градом сыпались вокруг пироги. Вдруг на яхте прогремел залп, и над головами беглецов пролетело пушечное ядро. Очутившись между двух огней, они замерли на месте между "Дунканом" и пирогами туземцев.
John Mangles, frenzied with despair, seized his ax.	Джон Манглс, обезумев от отчаяния, схватил топор.

He was about to scuttle the boat and sink it with his unfortunate companions, when a cry from Robert arrested his arm.	Он хотел прорубить дно пироги и потопить ее вместе со всеми своими спутниками, но его остановил голос Роберта.
"Tom Austin!	- Том Остин!
Tom Austin!" the lad shouted. "He is on board!	Том Остин! - кричал мальчуган. - Он на борту!
I see him!	Я вижу его!
He knows us! He is waving his hat."	Он узнал нас, он машет шапкой!
The ax hung useless in John's hand.	Топор Джона замер в воздухе.
A second ball whistled over his head, and cut in two the nearest of the three native boats, while a loud hurrah burst forth on board the DUNCAN.	Второе ядро со свистом пронеслось над головой беглецов. Оно надвое разбило ближайшую из трех пирог. На "Дункане" грянуло громкое "ура".
The savages took flight, fled and regained the shore.	Дикари в страхе повернули пироги и стремительно поплыли обратно к берегу.
"Come on, Tom, come on!" cried John Mangles in a joyous voice.	- К нам! К нам, Том! - громовым голосом крикнул Джон Манглс.
And a few minutes after, the ten fugitives, how, they knew not, were all safe on board the DUNCAN.	Через несколько минут беглецы, все еще плохо понимая, как это случилось, были уже в безопасности на "Дункане".
CHAPTER XVI WHY THE "DUNCAN" WENT TO NEW ZEALAND	Глава XVII ПОЧЕМУ "ДУНКАН" КРЕЙСИРОВАЛ У ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ
IT would be vain to attempt to depict the feelings of Glenarvan and his friends when the songs of old Scotia fell on their ears.	Невозможно описать чувства Гленарвана и его друзей, когда их слуха коснулись напевы старой Шотландии.
The moment they set foot on the deck of the DUNCAN, the piper blew his bagpipes, and commenced the national pibroch of the Malcolm clan, while loud hurrahs rent the air.	Когда они ступили на палубу "Дункана", волынщик заиграл гимн древнего клана Малькольм и дружные крики "ура" встретили лорда, вернувшегося на борт своего судна.
Glenarvan and his whole party, even the Major himself, were crying and embracing each other.	Гленарван, Джон Манглс, Паганель, Роберт и даже майор - все со слезами обнимали и целовали друг друга.
They were delirious with joy.	Это был порыв безумной радости.
The geographer was absolutely mad. He frisked about, telescope in hand, pointing it at the last canoe approaching the shore.	Географ совсем потерял голову: он приплясывал как сумасшедший и все прицеливался своей неразлучной подзорной трубой в подходившие к берегу уцелевшие пироги.
But at the sight of Glenarvan and his companions, with their clothing in rags, and thin, haggard faces, bearing marks of horrible sufferings, the crew ceased their noisy demonstrations.	Но, видя, в какие лохмотья превратилась одежда Гленарвана и его спутников, как бледны их лица, отражающие все пережитые ими страшные муки, команда яхты прервала свои бурные изъявления радости.
These were specters who had returned-not the bright, adventurous travelers who had left the yacht three months before, so full of hope!	На борт "Дункана" вернулись лишь тени тех отважных, блестящих путешественников, которые три месяца назад, полные надежд, устремились на поиски капитана Гранта.

Chance, and chance only, had brought them back to the deck of the yacht they never thought to see again.	Случай, и только случай, привел их на судно, которое они уже не ожидали никогда увидеть.
And in what a state of exhaustion and feebleness.	Как они исхудали, как ослабли!
But before thinking of fatigue, or attending to the imperious demands of hunger and thirst, Glenarvan questioned Tom Austin about his being on this coast.	Все же, прежде чем подумать об отдыхе, пище и питье, Гленарван стал расспрашивать Тома Остина.
Why had the DUNCAN come to the eastern coast of New Zealand?	Почему "Дункан" находился у восточного берега Новой Зеландии?
How was it not in the hands of Ben Joyce?	Каким образом не попал в руки Бена Джойса?
By what providential fatality had God brought them in the track of the fugitives?	Какой сказочно счастливый случай привел яхту навстречу беглецам?
Why? how? and for what purpose? Tom was stormed with questions on all sides.	"Почему? Как? Зачем?" - посыпались со всех сторон вопросы на Тома Остина.
The old sailor did not know which to listen to first, and at last resolved to hear nobody but Glenarvan, and to answer nobody but him.	Старый моряк не знал, кого и слушать. Наконец он решил слушать одного Гленарвана и отвечать только ему.
"But the convicts?" inquired Glenarvan. "What did you do with them?"	- А где же каторжники? - спросил Гленарван. - Что вы сделали с каторжниками?
"The convicts?" replied Tom, with the air of a man who does not in the least understand what he is being asked.	- С каторжниками? - переспросил с недоумением Том Остин.
"Yes, the wretches who attacked the yacht."	- Да! С теми негодяями, которые напали на яхту.
"What yacht? Your Honor's?"	- На какую яхту? - спросил Том Остин. - На вашу яхту, милорд?
"Why, of course, Tom. The DUNCAN, and Ben Joyce, who came on board."	- Ну да, Том, на "Дункан". Ведь явился же к вам Бен Джойс?
"I don't know this Ben Joyce, and have never seen him."	- Никакого Бена Джойса я не знаю.
"Never seen him!" exclaimed Paganel, stupefied at the old sailor's replies.	Никогда его не видывал, - ответил Остин.
"Then pray tell me, Tom, how it is that the DUNCAN is cruising at this moment on the coast of New Zealand?"	- Как - никогда?.. - воскликнул Гленарван, пораженный ответом старого моряка. - Тогда скажите мне, Том, почему же "Дункан" крейсирует сейчас вдоль берегов Новой Зеландии?
But if Glenarvan and his friends were totally at a loss to understand the bewilderment of the old sailor, what was their amazement when he replied in a calm voice:	Если Гленарван, леди Элен, Мери Грант, Паганель, майор, Роберт, Джон Манглс, Олбинет, Мюльреди, Вильсон не понимали, чему удивляется старый моряк, то каково же было их изумление, когда Том спокойно ответил:
"The DUNCAN is cruising here by your Honor's orders."	- Но он крейсирует здесь по вашему приказанию, милорд.
"By my orders?" cried Glenarvan.	- По моему приказанию?.. - опешил Гленарван.

"Yes, my Lord. I only acted in obedience to the instructions sent in your letter of January fourteenth."	- Так точно, милорд, я лишь выполнял предписание, содержавшееся в вашем письме от четырнадцатого января.
"My letter! my letter!" exclaimed Glenarvan.	- В моем письме? В моем письме? - вскричал Гленарван.
The ten travelers pressed closer round Tom Austin, devouring him with their eyes. The letter dated from Snowy River had reached the DUNCAN, then.	Тут все десять путешественников окружили Тома Остина и впились в него глазами: значит, письмо, написанное у Сноу - Ривер, все-таки дошло до него?
"Let us come to explanations, pray, for it seems to me I am dreaming.	- Давайте-ка объяснимся хорошенько, - сказал Гленарван, - а то мне кажется, будто я вижу сон.
You received a letter, Tom?"	Вы говорите, Том, что получили письмо?
"Yes, a letter from your Honor."	- Да, милорд.
"At Melbourne?"	- В Мельбурне?
"At Melbourne, just as our repairs were completed."	- В Мельбурне, как раз в тот момент, когда я закончил ремонт.
"And this letter?"	- А что это за письмо?
"It was not written by you, but bore your signature, my Lord."	- Оно написано не вами, но подпись ваша, милорд.
"Just so; my letter was brought by a convict called Ben Joyce."	- Это верно. И мое письмо вам передал каторжник по имени Бен Джойс?
"No, by a sailor called Ayrton, a quartermaster on the BRITANNIA."	- Нет, милорд, матрос по имени Айртон, боцман с "Британии".
"Yes, Ayrton or Ben Joyce, one and the same individual.	- Ну да! Айртон и Бен Джойс - это одно и то же лицо!
Well, and what were the contents of this letter?"	И что же говорилось в письме?
"It contained orders to leave Melbourne without delay, and go and cruise on the eastern coast of-"	- В нем содержался приказ покинуть Мельбурн и направляться к восточному побережью.
"Australia!" said Glenarvan with such vehemence that the old sailor was somewhat disconcerted.	- ... Австралии! - крикнул Гленарван с горячностью, смутившей старого моряка.
"Of Australia?" repeated Tom, opening his eyes. "No, but New Zealand."	- Австралии? - с удивлением повторил Том, широко открывая глаза. - Да нет же, Новой Зеландии!
"Australia, Tom! Australia!" they all cried with one voice.	- Австралии, Том, Австралии! - подтвердили в один голос все спутники Гленарвана.
Austin's head began to feel in a whirl.	Тут на Остина словно нашло помрачение.
Glenarvan spoke with such assurance that he thought after all he must have made a mistake in reading the letter.	Гленарван говорил с такой уверенностью, что старому моряку стало казаться, что он и вправду ошибся, читая письмо.
Could a faithful, exact old servant like himself have been guilty of such a thing!	Неужели он, преданный и пунктуальный моряк, мог сделать подобную ошибку?
He turned red and looked quite disturbed.	Он смутился и покраснел.

"Never mind, Tom," said Lady Helena. "God so willed it."	- Успокойтесь, Том, - ласково сказала леди Элен, - такова была воля провидения.
"But, no, madam, pardon me," replied old Tom. "No, it is impossible, I was not mistaken.	- Да нет же, сударыня, простите, - пробормотал старый моряк. - Это невозможно, я не ошибся!
Ayrton read the letter as I did, and it was he, on the contrary, who wished to bring me to the Australian coast."	Айртон прочел это письмо так же, как и я. И он-то, он-то и хотел, чтобы я, вопреки приказанию, шел к австралийским берегам!
"Ayrton!" cried Glenarvan.	- Айртон? - воскликнул Гленарван.
"Yes, Ayrton himself.	- Он самый.
He insisted it was a mistake: that you meant to order me to Twofold Bay."	Айртон уверял, что это ошибка и что назначенное место встречи - Туфоллд-Бей.
"Have you the letter still, Tom?" asked the Major, extremely interested in this mystery.	- У вас сохранилось это письмо, Том? - спросил крайне заинтересованный майор.
"Yes, Mr. McNabbs," replied Austin. "I'll go and fetch it."	- Да, мистер Мак-Наббс, - ответил Остин. - Я сейчас схожу за ним.
He ran at once to his cabin in the forecastle.	И Остин побежал к себе в каюту.
During his momentary absence they gazed at each other in silence, all but the Major, who crossed his arms and said:	Несколько минут, пока его не было, все молча переглядывались. Только майор вперил взор в Паганеля и, скрестив на груди руки, проговорил:
"Well, now, Paganel, you must own this would be going a little too far."	- Ну, знаете, Паганель,. это было бы уж слишком!
"What?" growled Paganel, looking like a gigantic note of interrogation, with his spectacles on his forehead and his stooping back.	- А? Что вы сказали? - пробормотал географ. Сгорбившийся, с очками на лбу, он удивительно походил на гигантский вопросительный знак.
Austin returned directly with the letter written by Paganel and signed by Glenarvan.	Остин возвратился. Он держал в руке письмо, написанное Паганелем и подписанное Гленарваном.
"Will your Honor read it?" he said, handing it to him.	- Прочтите, пожалуйста, - сказал старый моряк.
Glenarvan took the letter and read as follows:	Гленарван взял письмо и стал читать:
"Order to Tom Austin to put out to sea without delay, and to take the Duncan, by latitude 37 degrees to the eastern coast of New Zealand!"	- "Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести "Дункан", придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Новой Зеландии..."
"New Zealand!" cried Paganel, leaping up.	- Новой Зеландии! - крикнул, сорвавшись с места, Паганель.
And he seized the letter from Glenarvan, rubbed his eyes, pushed down his spectacles on his nose, and read it for himself.	Он вырвал из рук Гленарвана письмо, протер глаза, сдвинул на нос очки и прочел письмо сам.
"New Zealand!" he repeated in an indescribable tone, letting the order slip between his fingers.	- Новой Зеландии! - повторил он непередаваемым тоном, роняя письмо.
That same moment he felt a hand laid on his shoulder, and turning round found himself face to face with the Major, who said in a grave tone:	В этот момент он почувствовал, что на плечо его легла чья-то рука. Он поднял голову. Перед ним стоял майор.

"Well, my good Paganel, after all, it is a lucky thing you did not send the DUNCAN to Cochin China!"	- Что ж, почтеннейший Паганель, - сказал с невозмутимой серьезностью Мак-Наббс, - счастье еще, что вы не услали "Дункан" в Индокитай!
This pleasantry finished the poor geographer.	Эта шутка доконала бедного географа.
The crew burst out into loud Homeric laughter.	Грянул дружный гомерический хохот.
Paganel ran about like a madman, seized his head with both hands and tore his hair.	Паганель, как сумасшедший, шагал взад и вперед, сжимая руками голову, рвал на себе волосы.
He neither knew what he was doing nor what he wanted to do.	Он уже не отдавал себе отчета в том, что он. делает и что намерен делать.
He rushed down the poop stairs mechanically and paced the deck, nodding to himself and going straight before without aim or object till he reached the forecastle.	Он спустился по трапу с юта и бесцельно зашагал, спотыкаясь, по нижней палубе, затем поднялся на бак.
There his feet got entangled in a coil of rope. He stumbled and fell, accidentally catching hold of a rope with both hands in his fall.	Здесь ноги его запутались в свернутом канате, он пошатнулся и ухватился за какую - то подвернувшуюся ему под руку веревку.
Suddenly a tremendous explosion was heard.	Вдруг раздался оглушительный грохот.
The forecastle gun had gone off, riddling the quiet calm of the waves with a volley of small shot.	Выстрелила пушка. Град картечи усеял спокойные воды океана.
The unfortunate Paganel had caught hold of the cord of the loaded gun.	Злополучный Паганель уцепился за веревку заряженной пушки, курок опустился - и грянул выстрел.
The geographer was thrown down the forecastle ladder and disappeared below.	Географа отбросило на трап бака, и он провалился в кубрик.
A cry of terror succeeded the surprise produced by the explosion.	На какой-то момент зрители оторопели, но тут же вскрикнули от ужаса.
Everybody thought something terrible must have happened.	Все подумали, что случилось несчастье.
The sailors rushed between decks and lifted up Paganel, almost bent double.	Матросы гурьбой бросились вниз и вынесли на палубу согнутого вдвое Паганеля.
The geographer uttered no sound.	Он был не в силах говорить.
They carried his long body onto the poop.	Долговязого больного перетащили на ют.
His companions were in despair.	Товарищи веселого француза были в отчаянии.
The Major, who was always the surgeon on great occasions, began to strip the unfortunate that he might dress his wounds; but he had scarcely put his hands on the dying man when he started up as if touched by an electrical machine.	Майор, который при несчастных случаях заменял врача, собирался было раздеть бедного Паганеля, чтобы перевязать его раны, но едва он прикоснулся к умирающему, как тот подскочил, словно от электрического тока.
"Never! never!" he exclaimed, and pulling his ragged coat tightly round him, he began buttoning it up in a strangely excited manner.	- Ни за что! Ни за что! - вскричал он и, запахнувшись в свою изодранную одежду, с необычайной поспешностью застегнулся на все пуговицы.
"But, Paganel," began the Major.	- Но послушайте, Паганель... - сказал майор.
"No, I tell you!"	- Нет, говорю я вам!

"I must examine-"	- Надо же осмотреть...
"You shall not examine."	- Ничего вы не осмотрите!
"You may perhaps have broken-" continued McNabbs.	- Вы, быть может, сломали... - уговаривал его Мак-Наббс.
"Yes," continued Paganel, getting up on his long legs, "but what I have broken the carpenter can mend."	- Да, - ответил Паганель, прочно становясь на свои длинные ноги, - но то, что я сломал, починит плотник.
"What is it, then?"	- Что же вы сломали?
"There."	- Палубную подпорку, когда летел вниз.
Bursts of laughter from the crew greeted this speech. Paganel's friends were quite reassured about him now. They were satisfied that he had come off safe and sound from his adventure with the forecastle gun.	Такой ответ снова всех рассмешил и совершенно успокоил друзей достойного Паганеля: он вышел из своего приключения с пушкой цел и невредим.
"At any rate," thought the Major, "the geographer is wonderfully bashful."	"Однако, - подумал майор, - какой необычайно стыдливый географ!"
But now Paganel was recovered a little, he had to reply to a question he could not escape.	Когда Паганель пришел в себя после пережитых волнений, ему пришлось ответить еще на один неизбежный вопрос.
"Now, Paganel," said Glenarvan, "tell us frankly all about it. I own that your blunder was providential.	- Теперь, Паганель, отвечайте мне чистосердечно, - обратился к нему Гленарван. - Я признаю, что ваша ошибка оказалась счастливой.
It is sure and certain that but for you the DUNCAN would have fallen into the hands of the convicts; but for you we should have been recaptured by the Maories.	Если б не вы, "Дункан", несомненно, попал бы в руки каторжников. Если б не вы, нас снова захватили бы дикари.
But for my sake tell me by what supernatural aberration of mind you were induced to write New Zealand instead of Australia?"	Но, ради бога, скажите мне: какая непостижимая причуда заставила вас вместо "Австралия" написать "Новая Зеландия"?
"Well, upon my oath," said Paganel, "it is-"	- А, черт возьми, - воскликнул Паганель, - это все потому...
But the same instant his eyes fell on Mary and Robert Grant, and he stopped short and then went on:	Но тут его взор упал на Роберта и Мери Грант, и он осекся. Потом ответил:
"What would you have me say, my dear Glenarvan?	- Что поделаешь, дорогой Гленарван!
I am mad, I am an idiot, an incorrigible fellow, and I shall live and die the most terrible absent man.	Я безумец, сумасшедший, неисправимое существо.
I can't change my skin."	Видно, я так до смерти и проживу в шкуре рассеянного чудака.
"Unless you get flayed alive."	- Если только ее раньше не сдерут с вас, - заметил майор.
"Get flayed alive!" cried the geographer, with a furious look. "Is that a personal allusion?"	- Сдерут? - вдруг вспыхнул географ. - Это что, намек?
"An allusion to what?" asked McNabbs, quietly.	- Какой намек, Паганель? - безмятежно спросил Мак-Наббс.
This was all that passed.	Но Паганель не стал продолжать разговор.

The mystery of the DUNCAN'S presence on the coast was explained, and all that the travelers thought about now was to get back to their comfortable cabins, and to have breakfast.	Таинственное появление "Дункана" разъяснилось. Чудесно спасшиеся путешественники хотели снова попасть в свои уютные каюты, хотели поскорее поесть.
However, Glenarvan and John Mangles stayed behind with Tom Austin after the others had retired. They wished to put some further questions to him.	Леди Элен, Мери Грант, майор, Паганель и Роберт ушли, а Гленарван и Джон Манглс все же задержались на палубе, желая еще порасспросить Тома Остина.
"Now, then, old Austin," said Glenarvan, "tell me, didn't it strike you as strange to be ordered to go and cruise on the coast of New Zealand?"	- А теперь, мой старый Том, - сказал Гленарван, - скажите мне вот что. Приказ крейсировать у берегов Новой Зеландии не показался вам странным?
"Yes, your Honor," replied Tom. "I was very much surprised, but it is not my custom to discuss any orders I receive, and I obeyed.	- Да, милорд, признаться, я был очень удивлен, - ответил старый моряк. - Но я не привык обсуждать получаемые приказы и повиновался.
Could I do otherwise?	Мог ли я поступить иначе?
If some catastrophe had occurred through not carrying out your injunctions to the letter, should not I have been to blame?	Если бы я не выполнил в точности ваших указаний и случилось какое-нибудь несчастье, разве не я был бы виновен в этом?
Would you have acted differently, captain?"	А вы, капитан, разве поступили бы не так? - обратился он к Джону Манглсу.
"No, Tom," replied John Mangles.	- Нет, Том, я поступил бы точно так же.
"But what did you think?" asked Glenarvan.	- Но что же вы подумали? - спросил Гленарван.
"I thought, your Honor, that in the interest of Harry Grant, it was necessary to go where I was told to go. I thought that in consequence of fresh arrangements, you were to sail over to New Zealand, and that I was to wait for you on the east coast of the island.	- Я подумал, милорд, что в интересах Гарри Гранта надо идти туда, куда вы приказываете, что ваши планы изменились и вы отправляетесь в Новую Зеландию на каком-нибудь судне, а мне следует ждать вас у восточного побережья.
Moreover, on leaving Melbourne, I kept our destination a secret, and the crew only knew it when we were right out at sea, and the Australian continent was finally out of sight.	Уходя из Мельбурна, я даже никому не сказал, куда мы направляемся, и команда узнала об этом лишь тогда, когда мы были уже в открытом море и австралийский берег скрылся из глаз.
But one circumstance occurred which greatly perplexed me."	Но тут случилось такое, чего я никак не ждал.
"What was it, Tom?" asked Glenarvan.	- Что именно, Том? - спросил Гленарван.
"Just this, that when the quartermaster of the BRITANNIA heard our destination-"	- Да то, что когда на следующий день после нашего отплытия из Мельбурна боцман Айртон узнал, куда идет "Дункан"...
"Ayrton!" cried Glenarvan. "Then he is on board?"	- Айртон! - воскликнул Гленарван. - Так он на яхте?
"Yes, your Honor."	- Да, милорд.
"Ayrton here?" repeated Glenarvan, looking at John Mangles.	- Айртон здесь! - повторил Гленарван, глядя на Джона Манглса.
"God has so willed!" said the young captain.	- Судьба, - отозвался молодой капитан.

In an instant, like lightning, Ayrton's conduct, his long-planned treachery, Glenarvan's wound, Mulrady's assassination, the sufferings of the expedition in the marshes of the Snowy River, the whole past life of the miscreant, flashed before the eyes of the two men.	Мгновенно, с быстротой молнии, перед их глазами промелькнули все злодеяния Айртона: его заранее подготовленное предательство, рана Гленарвана, покушение на Мюльреди, все муки отряда в болотах у Сноуи-Ривер.
And now, by the strangest concourse of events, the convict was in their power.	И вот теперь, по невероятному стечению обстоятельств, каторжник был в их власти.
"Where is he?" asked Glenarvan eagerly.	- Где он? - быстро спросил Гленарван.
"In a cabin in the forecastle, and under guard."	- В одной из кают бака под стражей, - ответил Том Остин.
"Why was he imprisoned?"	- Почему же вы взяли его под стражу?
"Because when Ayrton heard the vessel was going to New Zealand, he was in a fury; because he tried to force me to alter the course of the ship; because he threatened me; and, last of all, because he incited my men to mutiny.	- Потому что, когда Айртон увидел, что яхта идет к Новой Зеландии, он пришел в ярость, хотел заставить меня изменить направление судна, угрожал и, наконец, стал подстрекать команду к бунту.
I saw clearly he was a dangerous individual, and I must take precautions against him."	Я понял, что это опасный тип, и вынужден был из предосторожности изолировать его.
"And since then?"	- И с тех пор...
"Since then he has remained in his cabin without attempting to go out."	- С тех пор он сидит в каюте и не пытается выйти.
"That's well, Tom."	- Хорошо, Том.
Just at this moment Glenarvan and John Mangles were summoned to the saloon where breakfast, which they so sorely needed, was awaiting them.	Тут Гленарвана и Джона Манглса позвали в кают-компанию. Подали завтрак - сейчас это было нужнее всего.
They seated themselves at the table and spoke no more of Ayrton.	Они сели за стол, ни словом не упомянув об Айртоне.
But after the meal was over, and the guests were refreshed and invigorated, and they all went upon deck, Glenarvan acquainted them with the fact of the quartermaster's presence on board, and at the same time announced his intention of having him brought before them.	Но когда после завтрака воспрянувшие путешественники собрались на палубе, Гленарван сообщил им, что боцман находится на "Дункане". Он добавил, что хочет допросить Айртона при всех.
"May I beg to be excused from being present at his examination?" said Lady Helena. "I confess, dear Edward, it would be extremely painful for me to see the wretched man."	- Нельзя ли избавить меня от присутствия на допросе? - спросила леди Элен. - Признаюсь, дорогой Эдуард, мне было бы тягостно видеть этого негодяя.
"He must be confronted with us, Helena," replied Lord Glenarvan; "I beg you will stay.	- Это будет очная ставка, Элен, - ответил Гленарван. - Очень прошу вас остаться.
Ben Joyce must see all his victims face to face."	Нужно, чтобы Бен Джойс встретился лицом к лицу со всеми своими жертвами.
Lady Helena yielded to his wish.	Это убедило леди Элен.
Mary Grant sat beside her, near Glenarvan.	Она и Мери Грант сели подле Гленарвана.

All the others formed a group round them, the whole party that had been compromised so seriously by the treachery of the convict.	А вокруг них - майор, Паганель, Джон Манглс, Роберт, Вильсон, Мюльреди, Олбинет - все, кто так жестоко пострадал от предательства каторжника.
The crew of the yacht, without understanding the gravity of the situation, kept profound silence.	Команда яхты, не понимая еще всей важности этой сцены, хранила глубокое молчание.
"Bring Ayrton here," said Glenarvan.	- Приведите Айртона, - сказал Гленарван.
CHAPTER XVII AYRTON'S OBSTINACY	Глава XVIII АИРТОН ИЛИ БЕН ДЖОЙС?
AYRTON came.	Появился Айртон.
He crossed the deck with a confident tread, and mounted the steps to the poop.	Он твердым шагом прошел по нижней палубе и поднялся по трапу.
His eyes were gloomy, his teeth set, his fists clenched convulsively.	Его взор был мрачен, зубы стиснуты, кулаки судорожно сжаты.
His appearance betrayed neither effrontery nor timidity.	Ни вызывающей дерзости, ни смирения в нем не чувствовалось.
When he found himself in the presence of Lord Glenarvan he folded his arms and awaited the questions calmly and silently.	Очутившись перед Гленарваном, он молча скрестил на груди руки и стал ждать вопросов.
"Ayrton," said Glenarvan, "here we are then, you and us, on this very DUNCAN that you wished to deliver into the hands of the convicts of Ben Joyce."	- Итак, Айртон, - начал Гленарван, - мы с вами теперь на том самом "Дункане", который вы хотели выдать шайке Бена Джойса.
The lips of the quartermaster trembled slightly and a quick flush suffused his impassive features.	Губы боцмана слегка дрогнули. Его бесстрастное лицо на мгновение покраснело.
Not the flush of remorse, but of shame at failure.	Но не от раскаяния, а от стыда за постигшую его неудачу.
On this yacht which he thought he was to command as master, he was a prisoner, and his fate was about to be decided in a few seconds.	Он - узник на той самой яхте, которой собирался командовать, и участь его должна была решиться через несколько минут.
However, he made no reply.	Он ничего не ответил.
Glenarvan waited patiently. But Ayrton persisted in keeping absolute silence.	Гленарван терпеливо ждал, но Айртон упорно молчал.
"Speak, Ayrton, what have you to say?" resumed Glenarvan.	- Говорите же, Айртон, - снова обратился к нему Гленарван. - Что вы можете сказать?
Ayrton hesitated, the wrinkles in his forehead deepened, and at length he said in calm voice:	Айртон, видимо, колебался. Морщины на его лбу стали глубже. Наконец он спокойно ответил:
"I have nothing to say, my Lord.	- Мне нечего сказать, милорд.
I have been fool enough to allow myself to be caught.	Я имел глупость попасться вам в руки.
Act as you please."	Поступайте, как вам будет угодно.
Then he turned his eyes away toward the coast which lay on the west, and affected profound indifference to what was passing around him.	И боцман устремил глаза на берег, расстилавшийся на западе, и сделал вид, что ему глубоко безразлично все происходящее.
One would have thought him a stranger to the whole affair.	Глядя на него, можно было подумать, что это дело его нисколько не касается.

But Glenarvan was determined to be patient.	Но Гленарван решил не терять терпения.
Powerful motives urged him to find out certain details concerning the mysterious life of Ayrton, especially those which related to Harry Grant and the BRITANNIA.	Ему хотелось узнать кое-что о таинственном прошлом Айртона, особенно о том, что относилось к Гарри Гранту и "Британии".
He therefore resumed his interrogations, speaking with extreme gentleness and firmly restraining his violent irritation against him.	Он возобновил допрос, стараясь говорить мягко, подавить кипевшее в нем негодование.
"I think, Ayrton," he went on, "that you will not refuse to reply to certain questions that I wish to put to you; and, first of all, ought I to call you Ayrton or Ben Joyce?	- Мне думается, Айртон, - сказал он, - что вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы, которые я хочу вам задать. Прежде всего скажите, как звать вас: Айртоном или Беном Джойсом?
Are you, or are you not, the quartermaster of the BRITANNIA?"	Были вы или не были боцманом на "Британии"?
Ayrton remained impassive, gazing at the coast, deaf to every question.	Айртон все так же безучастно смотрел на берег, будто не слыша этих вопросов.
Glenarvan's eyes kindled, as he said again:	В глазах Гленарвана вспыхнул гнев, но он продолжал:
"Will you tell me how you left the BRITANNIA, and why you are in Australia?"	- Ответьте мне: при каких обстоятельствах вы покинули "Британию" и почему очутились в Австралии?
The same silence, the same impassibility.	То же молчание и тот же безучастный вид.
"Listen to me, Ayrton," continued Glenarvan; "it is to your interest to speak. Frankness is the only resource left to you, and it may stand you in good stead.	- Послушайте, Айртон, - еще раз обратился к нему Гленарван, - в ваших же интересах говорить: только откровенность может облегчить ваше положение.
For the last time, I ask you, will you reply to my questions?"	В последний раз спрашиваю: желаете ли вы отвечать на мои вопросы?
Ayrton turned his head toward Glenarvan, and looked into his eyes.	Айртон повернулся к Гленарвану и посмотрел ему прямо в глаза.
"My Lord," he said, "it is not for me to answer. Justice may witness against me, but I am not going to witness against myself."	- Милорд, я не собираюсь отвечать, - произнес он, - пусть правосудие само изобличает меня.
"Proof will be easy," said Glenarvan.	- Это легко сделать, - заметил Гленарван.
"Easy, my Lord," repeated Ayrton, in a mocking tone. "Your honor makes rather a bold assertion there, it seems to me.	- Легко, милорд? - насмешливо отозвался Айртон. - Мне кажется, это слишком смело сказано!
For my own part, I venture to affirm that the best judge in the Temple would be puzzled what to make of me.	Я утверждаю, что самый лучший английский судья запутается в моем деле.
Who will say why I came to Australia, when Captain Grant is not here to tell?	Кто скажет, почему я появился в Австралии, раз здесь нет капитана Гранта?
Who will prove that I am the Ben Joyce placarded by the police, when the police have never had me in their hands, and my companions are at liberty?	Кто докажет, что я тот самый Бен Джойс, приметы которого дает полиция, если я никогда не бывал в ее руках, а товарищи мои на свободе?

Who can damage me except yourself, by bringing forward a single crime against me, or even a blameable action?	Кто, кроме вас, может обвинить меня не только в преступлении, но даже в каком-нибудь предосудительном поступке?
Who will affirm that I intended to take possession of this ship and deliver it into the hands of the convicts?	Кто может подтвердить, что я собирался захватить это судно и отдать его каторжникам?
No one, I tell you, no one.	Никто! Слышите? Никто!
You have your suspicions, but you need certainties to condemn a man, and certainties you have none.	У вас есть подозрения? Пусть. Но этого мало, чтобы осудить человека, - тут нужны улики, а у вас их нет.
Until there is a proof to the contrary, I am Ayrton, quartermaster of the BRITANNIA."	До тех пор, пока не будет доказано противное, я - Айртон, боцман "Британии".
Ayrton had become animated while he was speaking, but soon relapsed into his former indifference.	Говоря это, Айртон оживился, но скоро принял прежний безразличный вид.
He, no doubt, expected that his reply would close the examination, but Glenarvan commenced again, and said:	Он думал, вероятно, что это его заявление положит конец допросу, но ошибся. Гленарван снова заговорил:
"Ayrton, I am not a Crown prosecutor charged with your indictment.	- Айртон, я не судья, расследующий ваше прошлое.
That is no business of mine.	Это не мое дело.
It is important that our respective situations should be clearly defined.	Давайте условимся точно.
I am not asking you anything that could compromise you.	Я не требую, чтобы вы свидетельствовали против себя.
That is for justice to do.	Здесь не суд.
But you know what I am searching for, and a single word may put me on the track I have lost.	Но вам известно, какими поисками я занят, и вы одним словом можете навести меня на утерянный след.
Will you speak?"	Вы будете говорить?
Ayrton shook his head like a man determined to be silent.	Айртон, твердо решивший молчать, отрицательно покачал головой.
"Will you tell me where Captain Grant is?" asked Glenarvan.	- Вы не скажете мне, где находится капитан Грант? - спросил Гленарван.
"No, my Lord," replied Ayrton.	- Нет, милорд, - ответил Айртон.
"Will you tell me where the BRITANNIA was wrecked?"	- Скажите тогда, где потерпела крушение "Британия".
"No, neither the one nor the other."	- Нет!
"Ayrton," said Glenarvan, in almost beseeching tones, "if you know where Harry Grant is, will you, at least, tell his poor children, who are waiting for you to speak the word?"	- Айртон, - сказал почти умоляющим тоном Гленарван, - если вам известно, где Гарри Грант, скажите об этом, по крайней мере, его бедным детям. Вы видите, как они ждут от вас хотя бы одного слова!
Ayrton hesitated.	Айртон дрогнул.

His features contracted, and he muttered in a low voice,	На его лице отразилась внутренняя борьба. Но он все же тихо ответил:
"I cannot, my Lord."	- Не могу, милорд.
Then he added with vehemence, as if reproaching himself for a momentary weakness:	И тут же добавил резко, словно раскаиваясь в минутной слабости:
"No, I will not speak.	- Нет! Нет! Вы ничего от меня не узнаете!
Have me hanged, if you choose."	Можете меня повесить, если хотите.
"Hanged!" exclaimed Glenarvan, overcome by a sudden feeling of anger.	- Повесить! - вскричал, выйдя из себя, Гленарван.
But immediately mastering himself, he added in a grave voice:	Но, овладев собой, он сказал серьезно:
"Ayrton, there is neither judge nor executioner here.	- Айртон, здесь нет ни судей, ни палачей.
At the first port we touch at, you will be given up into the hands of the English authorities."	На первой же стоянке вы будете переданы английским властям.
"That is what I demand," was the quartermaster's reply.	- Этого я и хочу, - ответил боцман.
Then he turned away and quietly walked back to his cabin, which served as his prison.	И он снова спокойно направился в каюту, служившую ему тюрьмой.
Two sailors kept guard at the door, with orders to watch his slightest movement.	У ее дверей стояли два матроса, которым было приказано следить за каждым движением заключенного.
The witnesses of this examination retired from the scene indignant and despairing.	Свидетели этой сцены разошлись, полные возмущения и отчаяния.
As Glenarvan could make no way against Ayrton's obstinacy, what was to be done now?	Раз Гленарвану не удалось ничего выпытать у Айртона, что же было делать?
Plainly no course remained but to carry out the plan formed at Eden, of returning to Europe and giving up for the time this unsuccessful enterprise, for the traces of the BRITANNIA seemed irrevocably lost, and the document did not appear to allow any fresh interpretation. On the 37th parallel there was not even another country, and the DUNCAN had only to turn and go back.	Очевидно, поступить так, как решили в Идене: возвращаться в Европу, с тем чтобы когда-нибудь возобновить неудавшиеся поиски. Теперь же следы "Британии" казались безвозвратно утерянными; документ не поддавался никакому новому толкованию, на всей тридцать седьмой параллели не осталось ни одной необследованной страны, и "Дункану" оставалось только идти обратно на родину.
After Glenarvan had consulted his friends, he talked over the question of returning, more particularly with the captain.	Посоветовавшись со всеми, Гленарван особо обсудил вопрос о возвращении с Джоном Манглсом.
John examined the coal bunkers, and found there was only enough to last fifteen days longer at the outside.	Джон осмотрел угольные ямы и убедился, что угля хватит не больше чем на две недели.
It was necessary, therefore, to put in at the nearest port for a fresh supply.	Значит, на первой же стоянке необходимо пополнить запас топлива.
John proposed that he should steer for the Bay of Talcahuano, where the DUNCAN had once before been revictualed before she commenced her voyage of circumnavigation.	Джон предложил Гленарвану плыть в бухту Талькауано, где "Дункан" однажды уже заправлялся перед началом своего кругосветного плавания.

It was a direct route across, and lay exactly along the 37th parallel.	Это был бы прямой путь, и он как раз проходил по тридцать седьмой параллели.
From thence the yacht, being amply provisioned, might go south, double Cape Horn, and get back to Scotland by the Atlantic route.	А затем яхта, имея все необходимое, пойдет на юг и, обогнув мыс Горн, направится через Атлантический океан в Шотландию.
This plan was adopted, and orders were given to the engineer to get up the steam.	Этот план был одобрен, и механик получил приказ разводить пары.
Half an hour afterward the beak-head of the yacht was turned toward Talcahuano, over a sea worthy of being called the Pacific, and at six P. M. the last mountains of New Zealand had disappeared in warm, hazy mist on the horizon.	Полчаса спустя "Дункан" взял курс на бухту Талькауано. Яхта понеслась по зеркальной поверхности океана, и в шесть часов последние вершины Новой Зеландии скрылись в горячей дымке на горизонте.
The return voyage was fairly commenced.	Итак, начался обратный путь.
A sad voyage, for the courageous searching party to come back to the port without bringing home Harry Grant with them!	Печален был он для отважных людей, возвращавшихся назад без Гарри Гранта, которого они искали.
The crew, so joyous at departure and so hopeful, were coming back to Europe defeated and discouraged.	Команда "Дункана", такая веселая и полная надежд на успех при отплытии из Шотландии, теперь пала духом и возвращалась в Европу в самом печальном настроении.
There was not one among the brave fellows whose heart did not swell at the thought of seeing his own country once more; and yet there was not one among them either who would not have been willing to brave the perils of the sea for a long time still if they could but find Captain Grant.	Никого из этих славных матросов не радовало, что скоро они вернутся на родину, и все готовы были продолжать опасное плавание по океану, лишь бы найти капитана Гранта.
Consequently, the hurrahs which greeted the return of Lord Glenarvan to the yacht soon gave place to dejection.	На "Дункане", где еще так недавно звучали в честь Гленарвана радостные крики "ура", теперь царило уныние.
Instead of the close intercourse which had formerly existed among the passengers, and the lively conversations which had cheered the voyage, each one kept apart from the others in the solitude of his own cabin, and it was seldom that anyone appeared on the deck of the DUNCAN.	Пассажиры, не то что прежде, почти перестали видеться друг с другом; умолкли беседы, так развлекавшие их в пути. Все держались порознь, каждый в своей каюте, лишь изредка показывались на палубе.
Paganel, who generally shared in an exaggerated form the feelings of those about him, whether painful or joyous-a man who could have invented hope if necessary-even Paganel was gloomy and taciturn.	Общее настроение, хорошее или дурное, всегда особенно ярко проявлялось у Паганеля, и вот теперь он, у которого всегда находились слова утешения, хранил мрачное молчание.
He was seldom visible; his natural loquacity and French vivacity gave place to silence and dejection.	Географа почти не было видно. Его природная болтливость и чисто французская живость сменились безмолвием и упадком духа.
He seemed even more downhearted than his companions.	Он, казалось, был даже в большем унынии, чем его товарищи.

If Glenarvan spoke at all of renewing the search, he shook his head like a man who has given up all hope, and whose convictions concerning the fate of the shipwrecked men appeared settled.	Когда Гленарван заговаривал о новых поисках в будущем, Паганель качал головой, словно он потерял всякую надежду и уже не сомневается в том, какая судьба постигла потерпевших крушение на "Британии".
It was quite evident he believed them irrevocably lost.	Чувствовалось, что он считает их безвозвратно погибшими.
And yet there was a man on board who could have spoken the decisive word, and refused to break his silence.	А между тем один человек на борту "Дункана" мог бы рассказать об этой катастрофе, но продолжал молчать.
This was Ayrton.	Это был Айртон.
There was no doubt the fellow knew, if not the present whereabouts of the captain, at least the place of shipwreck.	Без сомнения, если этот негодяй и не знал, где сейчас капитан Грант, то, во всяком случае, ему было известно место крушения.
But it was evident that were Grant found, he would be a witness against him.	Но, видимо, Грант мог стать для боцмана нежелательным свидетелем.
Hence his persistent silence, which gave rise to great indignation on board, especially among the crew, who would have liked to deal summarily with him.	Поэтому он упрямо не желал говорить. Это возмущало всех, особенно матросов, которые хотели даже расправиться с ним.
Glenarvan repeatedly renewed his attempts with the quartermaster, but promises and threats were alike useless.	Не раз Гленарван пытался добиться чего-нибудь от боцмана. Ни обещания, ни угрозы не действовали.
Ayrton's obstinacy was so great, and so inexplicable, that the Major began to believe he had nothing to reveal.	Необъяснимое упорство Айртона заходило так далеко, что майора даже взяло сомнение, знает ли он вообще что-нибудь.
His opinion was shared, moreover, by the geographer, as it corroborated his own notion about Harry Grant.	Географ разделял это мнение, подтверждавшее его собственные догадки о судьбе Гарри Гранта.
But if Ayrton knew nothing, why did he not confess his ignorance?	Но если Айртон ничего не знал, почему он в этом не признавался?
It could not be turned against him.	Ведь это не могло повредить ему.
His silence increased the difficulty of forming any new plan.	Его молчание мешало составить план на будущее.
Was the presence of the quartermaster on the Australian continent a proof of Harry Grant's being there?	Значило ли присутствие Айртона в Австралии, что Гарри Грант должен быть на этом же континенте?
It was settled that they must get this information out of Ayrton.	Во что бы то ни стало надо было заставить Айртона говорить.
Lady Helena, seeing her husband's ill-success, asked his permission to try her powers against the obstinacy of the quartermaster.	Леди Элен, видя, что у Гленарвана ничего не выходит, попросила разрешения самой попытаться сломить упорство Айртона.
When a man had failed, a woman perhaps, with her gentler influence, might succeed.	Быть может, думала она, женская мягкость сделает то, что не удается мужчинам.

Is there not a constant repetition going on of the story of the fable where the storm, blow as it will, cannot tear the cloak from the shoulders of the traveler, while the first warm rays of sunshine make him throw it off immediately?	Есть ведь старая басня о том, как буря не смогла сорвать с путника плащ, который он снял сам, как только выглянуло солнце.
Glenarvan, knowing his young wife's good sense, allowed her to act as she pleased.	Зная ум своей молодой жены, Гленарван предоставил ей поступать, как она захочет.
The same day (the 5th of March), Ayrton was conducted to Lady Helena's saloon.	И вот 5 марта Айртона привели в каюту леди Элен.
Mary Grant was to be present at the interview, for the influence of the young girl might be considerable, and Lady Helena would not lose any chance of success.	Здесь была и Мери Грант. Присутствие молодой девушки могло оказать большое влияние на боцмана, а леди Элен не хотела упустить ни одного шанса на успех.
For a whole hour the two ladies were closeted with the quartermaster, but nothing transpired about their interview.	Целый час женщины провели с боцманом "Британии".
What had been said, what arguments they used to win the secret from the convict, or what questions were asked, remained unknown; but when they left Ayrton, they did not seem to have succeeded, as the expression on their faces denoted discouragement.	Что они говорили, какие приводили доводы, чтобы вырвать у каторжника его тайну, - об этом никто ничего не узнал. Впрочем, когда леди Элен и Мери вышли, их разочарованный вид показывал, что попытка не удалась.
In consequence of this, when the quartermaster was being taken back to his cabin, the sailors met him with violent menaces.	Когда боцмана вели обратно в каюту, матросы встретили его свирепыми угрозами.
He took no notice except by shrugging his shoulders, which so increased their rage, that John Mangles and Glenarvan had to interfere, and could only repress it with difficulty.	Айртон лишь молча пожал плечами. Это еще усилило ярость команды, и только вмешательство Джона Манглса и Гленарвана спасло Айртона от расправы.
But Lady Helena would not own herself vanquished.	Но леди Элен не признала себя побежденной.
She resolved to struggle to the last with this pitiless man, and went next day herself to his cabin to avoid exposing him again to the vindictiveness of the crew.	Она все еще надеялась найти доступ к сердцу этого безжалостного человека. На следующий день она сама пошла в каюту Айртона, желая предотвратить бурные сцены, сопровождавшие появление боцмана на палубе яхты.
The good and gentle Scotchwoman stayed alone with the convict leader for two long hours.	Два часа добрая, кроткая шотландка провела с глазу на глаз с атаманом беглых каторжников.
Glenarvan in a state of extreme nervous anxiety, remained outside the cabin, alternately resolved to exhaust completely this last chance of success, alternately resolved to rush in and snatch his wife from so painful a situation.	Гленарван в волнении бродил у каюты, то решаясь испытать до конца это последнее средство, то порываясь избавить жену от такой тягостной беседы.
But this time when Lady Helena reappeared, her look was full of hope.	На этот раз, когда леди Элен покинула Айртона, в глазах ее светилась надежда.
Had she succeeded in extracting the secret, and awakening in that adamant heart a last faint touch of pity?	Неужели ей удалось пробудить последние остатки жалости в сердце этого негодяя и она вырвала у него тайну?
McNabbs, who first saw her, could not restrain a gesture of incredulity.	Первым ее увидел Мак-Наббс и не поверил своим глазам.

However the report soon spread among the sailors that the quartermaster had yielded to the persuasions of Lady Helena.	Среди команды с быстротой электрической искры разнесся слух о том, что боцман уступил наконец настояниям леди Гленарван.
The effect was electrical. The entire crew assembled on deck far quicker than Tom Austin's whistle could have brought them together.	Все матросы собрались на палубе проворнее, чем по свистку Тома Остина, созывавшего их на работу.
Glenarvan had hastened up to his wife and eagerly asked:	Гленарван бросился навстречу жене.
"Has he spoken?"	- Айртон все рассказал? - спросил он.
"No," replied Lady Helena, "but he has yielded to my entreaties, and wishes to see you."	- Нет, - ответила леди Элен, - но, уступая моей просьбе, он хочет говорить с вами.
"Ah, dear Helena, you have succeeded!"	- Ах, дорогая Элен, так вы, значит, добились своего!
"I hope so, Edward."	- Хочу надеяться, Эдуард!
"Have you made him any promise that I must ratify?"	- Вы что-нибудь обещали ему от моего имени?
"Only one; that you will do all in your power to mitigate his punishment."	- Я пообещала ему только одно: что вы используете все ваше влияние, чтобы смягчить его участь.
"Very well, dear Helena.	- Хорошо, дорогая.
Let Ayrton come immediately."	Пусть сейчас же приведут ко мне Айртона.
Lady Helena retired to her cabin with Mary Grant, and the quartermaster was brought into the saloon where Lord Glenarvan was expecting him.	Леди Элен ушла к себе вместе с Мери Грант, а боцмана привели в кают-компанию, где ожидал его Гленарван.
CHAPTER XVIII A DISCOURAGING CONFESSION	Глава XIX СДЕЛКА
As soon as the quartermaster was brought into the presence of Lord Glenarvan, his keepers withdrew.	Матросы, которые привели боцмана, тут же удалились.
"You wanted to speak to me, Ayrton?" said Glenarvan.	- Вы хотели поговорить со мной, Айртон? - спросил Гленарван.
"Yes, my Lord," replied the quartermaster.	- Да, милорд, - ответил боцман.
"Did you wish for a private interview?"	- Только со мной?
"Yes, but I think if Major McNabbs and Mr. Paganel were present it would be better."	- Да, но мне кажется, было бы лучше, если бы при нашем разговоре присутствовали майор Мак-Наббс и господин Паганель.
"For whom?"	- Лучше для кого?
"For myself."	- Для меня.
Ayrton spoke quite calmly and firmly.	Айртон говорил очень спокойно.
Glenarvan looked at him for an instant, and then sent to summon McNabbs and Paganel, who came at once.	Гленарван пристально посмотрел на него. Затем он послал сказать Мак-Наббсу и Паганелю, что просит их прийти в кают-компанию. Они тотчас явились на его приглашение.

"We are all ready to listen to you," said Glenarvan, when his two friends had taken their place at the saloon table.	Как только оба они уселись у стола, Гленарван сказал боцману: - Мы вас слушаем.
Ayrton collected himself, for an instant, and then said:	Несколько минут Айртон собирался с мыслями, потом сказал:
"My Lord, it is usual for witnesses to be present at every contract or transaction between two parties.	- Милорд, когда два человека заключают между собой сделку или контракт, то при этом обычно присутствуют свидетели.
That is why I desire the presence of Messrs. Paganel and McNabbs, for it is, properly speaking, a bargain which I propose to make."	Вот почему я и просил, чтобы здесь были господин Паганель и майор Мак-Наббс. Я, собственно говоря, и хочу предложить вам сделку.
Glenarvan, accustomed to Ayrton's ways, exhibited no surprise, though any bargaining between this man and himself seemed strange.	Гленарван, привыкший к манерам Айртона, даже глазом не моргнул, хотя всякое соглашение между ним и этим человеком казалось ему более чем странным.
"What is the bargain?" he said.	- Что же это за сделка? - спросил он.
"This," replied Ayrton. "You wish to obtain from me certain facts which may be useful to you. I wish to obtain from you certain advantages which would be valuable to me.	- Так вот, - ответил Айртон, - вы хотите узнать от меня некоторые полезные для вас сведения, а я хочу добиться от вас кое-каких важных для меня уступок.
It is giving for giving, my Lord.	Услуга за услугу, милорд.
Do you agree to this or not?"	Подходит вам это или нет?
"What are the facts?" asked Paganel eagerly.	- А что это за сведения? - живо спросил Паганель.
"No," said Glenarvan. "What are the advantages?"	- Нет, - остановил его Гленарван, - что это за уступки?
Ayrton bowed in token that he understood Glenarvan's distinction.	Айртон кивнул в знак того, что понял мысль Гленарвана.
"These," he said, "are the advantages I ask.	- Вот, - сказал он, - те уступки, на которые я предлагаю вам пойти.
It is still your intention, I suppose, to deliver me up to the English authorities?"	Скажите, милорд, вы по-прежнему намерены передать меня английским властям?
"Yes, Ayrton, it is only justice."	- Да, Айртон, и это будет только справедливо.
"I don't say it is not," replied the quartermaster quietly. "Then of course you would never consent to set me at liberty."	- Не спорю, - спокойно отозвался боцман. - Итак, вы не согласились бы вернуть мне свободу?
Glenarvan hesitated before replying to a question so plainly put.	Гленарван с минуту колебался, прежде чем ответить на такой прямой вопрос.
On the answer he gave, perhaps the fate of Harry Grant might depend!	Ведь от его ответа, быть может, зависела судьба Гарри Гранта.
However, a feeling of duty toward human justice compelled him to say:	Однако чувство долга взяло верх, и он сказал:
"No, Ayrton, I cannot set you at liberty."	- Нет, Айртон, я не могу вернуть вам свободу.
"I do not ask it," said the quartermaster proudly.	- Я и не прошу об этом! - гордо ответил боцман.

"Then, what is it you want?"	- Так что же вам нужно?
"A middle place, my Lord, between the gibbet that awaits me and the liberty which you cannot grant me."	- Нечто среднее между ожидающей меня виселицей и той свободой, которую вы, милорд, не можете мне дать.
"And that is-"	- То есть?
"To allow me to be left on one of the uninhabited islands of the Pacific, with such things as are absolute necessaries.	- Высадите меня на одном из необитаемых островов Тихого океана и оставьте мне лишь самое необходимое.
I will manage as best I can, and will repent if I have time."	Там уж я выпутаюсь, как сумею, а со временем - как знать! - может быть, и раскаюсь.
Glenarvan, quite unprepared for such a proposal, looked at his two friends in silence.	Гленарван, не подготовленный к такому предложению, поглядел на своих друзей. Они не проронили ни слова.
But after a brief reflection, he replied:	Подумав, Гленарван сказал боцману:
"Ayrton, if I agree to your request, you will tell me all I have an interest in knowing."	- А если я пообещаю вам сделать то, о чем вы просите, Айртон, вы расскажете мне все, что меня интересует?
"Yes, my Lord, that is to say, all I know about Captain Grant and the BRITANNIA."	- Да, милорд, то есть все, что я знаю о капитане Гранте и о судьбе "Британии".
"The whole truth?"	- Всю правду?
"The whole."	- Всю правду.
"But what guarantee have I?"	- Но кто же поручится мне...
"Oh, I see what you are uneasy about.	- О! Я понимаю, что вас беспокоит, милорд.
You need a guarantee for me, for the truth of a criminal.	Вам придется положиться на мое слово - слово преступника!
That's natural. But what can you have under the circumstances.	Это верно, но что поделаешь! Так уж вышло.
There is no help for it, you must either take my offer or leave it."	Придется или согласиться или отказаться.
"I will trust to you, Ayrton," said Glenarvan, simply.	- Я верю вам, Айртон, - просто сказал Гленарван.
"And you do right, my Lord.	- И правильно делаете, милорд.
Besides, if I deceive you, vengeance is in your own power."	А если даже я обману вас, то вы всегда сможете отомстить мне.
"How?"	- Каким образом?
"You can come and take me again from where you left me, as I shall have no means of getting away from the island."	- Вернуться на мой остров и снова захватить меня: ведь убежать оттуда я не смогу.
Ayrton had an answer for everything.	У Айртона был ответ на все.
He anticipated the difficulties and furnished unanswerable arguments against himself.	Он предусмотрел все затруднения и сам приводил самые невыгодные для него доводы.

It was evident he intended to affect perfect good faith in the business. It was impossible to show more complete confidence.	Было ясно, что он относился к этой "сделке" с подчеркнутой добросовестностью и был предельно откровенен.
And yet he was prepared to go still further in disinterestedness.	Но Айртон показал себя еще более бескорыстным.
"My Lord and gentlemen," he added, "I wish to convince you of the fact that I am playing cards on the table.	- Милорд и вы, господа, - добавил он, - мне хочется убедить вас в том, что я играю в открытую.
I have no wish to deceive you, and I am going to give you a fresh proof of my sincerity in this matter.	Я не стремлюсь ввести вас в заблуждение и сейчас еще раз докажу свою искренность в этом деле.
I deal frankly with you, because I reckon on your honor."	Я откровенен потому, что верю в вашу честность.
"Speak, Ayrton," said Glenarvan.	- Говорите, Айртон, - ответил Гленарван.
"My Lord, I have not your promise yet to accede to my proposal, and yet I do not scruple to tell you that I know very little about Harry Grant."	- У меня ведь еще нет вашего согласия на мое предложение, и тем не менее я, не колеблясь, говорю вам, что знаю о Гарри Гранте немного.
"Very little," exclaimed Glenarvan.	- Немного! - воскликнул Гленарван.
"Yes, my Lord, the details I am in a position to give you relate to myself.	- Да, милорд. Подробности, которые я могу сообщить вам, касаются меня лично.
They are entirely personal, and will not do much to help you to recover the lost traces of Captain Grant."	И они вряд ли помогут вам снова напасть на утерянный след.
Keen disappointment was depicted on the faces of Glenarvan and the Major.	Сильнейшее разочарование отразилось на лицах Гленарвана и майора.
They thought the quartermaster in the possession of an important secret, and he declared that his communications would be very nearly barren.	Они были уверены, что боцман владеет важной тайной, и вдруг он признается, что все его сведения окажутся для них бесполезными.
Paganel's countenance remained unmoved.	Один Паганель остался невозмутим.
Somehow or other, this avowal of Ayrton, and surrender of himself, so to speak, unconditionally, singularly touched his auditors, especially when the quartermaster added:	Как бы то ни было, но все трое были тронуты признанием Айртона, которым он сам себя обезоружил, а особенно последними словами боцмана.
"So I tell you beforehand, the bargain will be more to my profit than yours."	- Итак, милорд, я предупредил вас: сделка эта будет для вас менее выгодна, чем для меня.
"It does not signify," replied Glenarvan. "I accept your proposal, Ayrton.	- Это неважно, - ответил Гленарван. - Я согласен на ваше предложение, Айртон.
I give you my word to land you on one of the islands of the Pacific Ocean."	Даю слово, что высажу вас на одном из островов Тихого океана.
"All right, my Lord," replied the quartermaster.	- Хорошо, милорд, - промолвил боцман.
Was this strange man glad of this decision? One might have doubted it, for his impassive countenance betokened no emotion whatever.	Можно было подумать, что решение Гленарвана не обрадовало этого странного человека, ибо на его бесстрастном лице не отразилось ни малейшего волнения.
It seemed as if he were acting for someone else rather than himself.	Казалось, что он ведет переговоры не о себе, а о ком-то другом.

"I am ready to answer," he said.	- Я готов отвечать, - сказал он.
"We have no questions to put to you," said Glenarvan. "Tell us all you know, Ayrton, and begin by declaring who you are."	- Мы не станем задавать вам вопросы, - возразил Гленарван. - Расскажите нам сами, Айртон, все, что вы знаете, и прежде всего сообщите нам, кто вы такой.
"Gentlemen," replied Ayrton, "I am really Tom Ayrton, the quartermaster of the BRITANNIA.	- Господа, - начал Айртон, - я действительно Том Айртон, боцман "Британии".
I left Glasgow on Harry Grant's ship on the 12th of March, 1861.	Двенадцатого марта 1861 года я покинул Глазго на корабле Гарри Гранта.
For fourteen months I cruised with him in the Pacific in search of an advantageous spot for founding a Scotch colony.	Четырнадцать месяцев мы вместе с ним бороздили волны Тихого океана в поисках подходящего места для шотландской колонии.
Harry Grant was the man to carry out grand projects, but serious disputes often arose between us.	Гарри Грант был рожден для великих дел, но у нас с ним часто бывали серьезные столкновения.
His temper and mine could not agree.	Его характер не по мне.
I cannot bend, and with Harry Grant, when once his resolution is taken, any resistance is impossible, my Lord.	Я не умею беспрекословно подчиняться, а когда Гарри Грант принимал какое-нибудь решение - кончено: всякие возражения бесполезны.
He has an iron will both for himself and others.	Это железный человек, одинаково строгий к себе и к другим.
"But in spite of that, I dared to rebel, and I tried to get the crew to join me, and to take possession of the vessel.	Я все же осмелился восстать против него. Я попытался поднять мятеж среди команды и захватить корабль в свои руки.
Whether I was to blame or not is of no consequence.	Прав ли я был или виноват - теперь неважно.
Be that as it may, Harry Grant had no scruples, and on the 8th of April, 1862, he left me behind on the west coast of Australia."	Как бы то ни было, Гарри Грант недолго думая высадил меня восьмого апреля 1862 года на западном побережье Австралии...
"Of Australia!" said the Major, interrupting Ayrton in his narrative. "Then of course you had quitted the BRITANNIA before she touched at Callao, which was her last date?"	- Австралии? - повторил майор, прерывая рассказ Айртона. - Значит, вы покинули "Британию" до стоянки в Кальяо, откуда были получены последние сведения о ней?
"Yes," replied the quartermaster, "for the BRITANNIA did not touch there while I was on board. And how I came to speak of Callao at Paddy O'Moore's farm was that I learned the circumstances from your recital."	- Да, - ответил боцман. - Пока я был на борту "Британии", она ни разу не заходила в Кальяо, и если я упомянул на ферме Падди О'Мура о Кальяо, то только потому что узнал об этой стоянке из вашего рассказа.
"Go on, Ayrton," said Glenarvan.	- Продолжайте, Айртон, - сказал Гленарван.
"I found myself abandoned on a nearly desert coast, but only forty miles from the penal settlement at Perth, the capital of Western Australia.	- Итак, я очутился один на почти пустынном берегу, но всего в двадцати милях от Пертской тюрьмы.
As I was wandering there along the shore, I met a band of convicts who had just escaped, and I joined myself to them.	Бродя по побережью, я встретил шайку только что бежавших каторжников и присоединился к ним.
You will dispense, my Lord, with any account of my life for two years and a half.	Вы разрешите мне не рассказывать вам о моей жизни в течение двух с половиной лет.

This much, however, I must tell you, that I became the leader of the gang, under the name of Ben Joyce.	Скажу только, что я под именем Бена Джойса стал главарем банды.
In September, 1864, I introduced myself at the Irish farm, where I engaged myself as a servant in my real name, Ayrton.	В сентябре 1864 года я явился на ирландскую ферму и поступил туда батраком под моим настоящим именем - Айртон.
I waited there till I should get some chance of seizing a ship.	Я ждал подходящего случая, чтобы захватить какое-либо судно.
This was my one idea.	Это было моей заветной мечтой.
Two months afterward the DUNCAN arrived.	Два месяца спустя появился "Дункан".
During your visit to the farm you related Captain Grant's history, and I learned then facts of which I was not previously aware-that the BRITANNIA had touched at Callao, and that her latest news was dated June, 1862, two months after my disembarkation, and also about the document and the loss of the ship somewhere along the 37th parallel; and, lastly, the strong reasons you had for supposing Harry Grant was on the Australian continent.	Придя на ферму, вы, милорд, рассказали всю историю капитана Гранта. Тут я узнал о том, что мне было неизвестно: о стоянке "Британии" в порту Кальяо, о том, что последние известия о судне относились к июню 1862 года (это было через два месяца после моей высадки), о документе, о том, что судно разбилось на тридцать седьмой параллели; узнал, наконец, какие веские доводы подсказали вам, что искать Гарри Гранта нужно на Австралийском материке.
Without the least hesitation I determined to appropriate the DUNCAN, a matchless vessel, able to outdistance the swiftest ships in the British Navy.	Я не колебался ни секунды. Я решил завладеть "Дунканом", прекрасным судном, способным опередить самые быстроходные суда британского флота.
But serious injuries had to be repaired.	Но "Дункан" был серьезно поврежден, он нуждался в ремонте.
I therefore let it go to Melbourne, and joined myself to you in my true character as quartermaster, offering to guide you to the scene of the shipwreck, fictitiously placed by me on the east coast of Australia.	Поэтому я дал ему уйти в Мельбурн, а сам, сказав, как это и было на самом деле, что я боцман "Британии", предложил быть вашим проводником к вымышленному мной месту крушения у восточного побережья Австралии.
It was in this way, followed or sometimes preceded by my gang of convicts, I directed your expedition toward the province of Victoria.	Таким образом я направил вашу экспедицию через провинцию Виктория.
My men committed a bootless crime at Camden Bridge; since the DUNCAN, if brought to the coast, could not escape me, and with the yacht once mine, I was master of the ocean.	Мои молодцы то следовали за нами, то шли впереди. Это они совершили у Кемденского моста бесполезное преступление: бесполезное потому, что как только "Дункан" подошел бы к восточному берегу, он неминуемо попал бы в мои руки, а с такой яхтой я стал бы хозяином океана.
I led you in this way unsuspectingly as far as the Snowy River.	Итак, не вызвав ни в ком из вас недоверия, я довел отряд до Сноуи-Ривер.
The horses and bullocks dropped dead one by one, poisoned by the gastrolobium.	Быки и лошади пали один за другим, отравленные гастролобиумом.
I dragged the wagon into the marshes, where it got half buried.	Я завел повозку в топи Сноуи-Ривер.

At my instance-but you know the rest, my Lord, and you may be sure that but for the blunder of Mr. Paganel, I should now command the DUNCAN.	По моему настоянию... Но остальное вам известно, и вы можете быть уверены, что, если бы не оплошность господина Паганеля, я теперь командовал бы "Дунканом".
Such is my history, gentlemen.	Вот и вся моя история, господа.
My disclosures, unfortunately, cannot put you on the track of Harry Grant, and you perceive that you have made but a poor bargain by coming to my terms."	К несчастью, эта исповедь не может навести вас на след Гарри Гранта. Как видите, сделка со мной была для вас маловыгодна.
The quartermaster said no more, but crossed his arms in his usual fashion and waited.	Боцман умолк, скрестил, по своему обыкновению, руки и стал ждать.
Glenarvan and his friends kept silence.	Гленарван и его друзья молчали.
They felt that this strange criminal had spoken the whole truth.	Они чувствовали, что все в рассказе этого странного злодея было правдой.
He had only missed his coveted prize, the DUNCAN, through a cause independent of his will.	Только по независевшим от него причинам он не смог захватить "Дункан".
His accomplices had gone to Twofold Bay, as was proved by the convict blouse found by Glenarvan.	Его сообщники добрались до Туфоллд-Бей - это доказывала куртка каторжника, найденная Гленарваном.
Faithful to the orders of their chief, they had kept watch on the yacht, and at length, weary of waiting, had returned to the old haunt of robbers and incendiaries in the country parts of New South Wales.	Здесь они, согласно приказу своего атамана, стали поджидать яхту, а когда им в конце концов надоело ждать, они, наверное, снова занялись грабежами и поджогами в селениях Нового Южного Уэльса.
The Major put the first question, his object being to verify the dates of the BRITANNIA.	Первым возобновил допрос майор: ему хотелось выяснить некоторые даты, касавшиеся "Британии".
"You are sure then," he said, "that it was on the 8th of April you were left on the west coast of Australia?"	- Итак, - спросил он, - вы были высажены на западном побережье Австралии восьмого апреля 1862 года?
"On that very day," replied Ayrton.	- Точно так.
"And do you know what projects Harry Grant had in view at the time?"	- А не знаете ли вы, каковы были в это время планы Гарри Гранта?
"In an indefinite way I do."	- Довольно смутно.
"Say all you can, Ayrton," said Glenarvan, "the least indication may set us in the right course."	- Все же расскажите, что вы знаете: самый незначительный факт может навести нас на верный путь.
"I only know this much, my Lord," replied the quartermaster, "that Captain Grant intended to visit New Zealand.	- Вот все, что я могу сообщить вам, - ответил боцман. - Капитан Грант собирался побывать в Новой Зеландии.
Now, as this part of the programme was not carried out while I was on board, it is not impossible that on leaving Callao the BRITANNIA went to reconnoiter New Zealand.	Пока я был на борту "Британии", это его намерение еще не было выполнено. Так что не исключено, что капитан Грант, выйдя из Кальяо, направился в Новую Зеландию.
This would agree with the date assigned by the document to the shipwreck-the 27th of June, 1862."	Это согласовалось бы со временем крушения судна, указанным в документе: двадцать седьмого июня 1862 года.

"Clearly," said Paganel.	- Совершенно верно, - сказал Паганель.
"But," objected Glenarvan, "there is nothing in the fragmentary words in the document that could apply to New Zealand."	- Однако в тех обрывках слов, которые уцелели в документе, ничто не может относиться к Новой Зеландии, - возразил Гленарван.
"That I cannot answer," said the quartermaster.	- На это уж я не могу вам ответить, - сказал боцман.
"Well, Ayrton," said Glenarvan, "you have kept your word, and I will keep mine.	- Хорошо, Айртон, - сказал Гленарван, - вы сдержали свое слово, я сдержу свое.
We have to decide now on what island of the Pacific Ocean you are to be left?"	Мы обсудим, на каком из островов Тихого океана вас высадить.
"It matters little, my Lord," replied Ayrton.	- О, это мне все равно, - заявил Айртон.
"Return to your cabin," said Glenarvan, "and wait our decision."	- Ступайте в свою каюту и ждите нашего решения, - сказал Гленарван.
The quartermaster withdrew, guarded by the two sailors.	Боцман удалился в сопровождении охранявших его матросов.
"That villain might have been a man," said the Major.	- Этот негодяй мог бы стать настоящим человеком, - сказал майор.
"Yes," returned Glenarvan; "he is a strong, clear-headed fellow.	- Да, - согласился Гленарван. - Он умен, у него сильный характер.
Why was it that he must needs turn his powers to such evil account?"	И надо же было, чтобы его способности направились на зло!
"But Harry Grant?"	- Ну, а Гарри Грант?
"I must fear he is irrevocably lost.	- Боюсь, что найти его невозможно.
Poor children!	Бедные дети!
Who can tell them where their father is?"	Кто скажет, где их отец?
"I can!" replied Paganel. "Yes; I can!"	- Я, - отозвался Паганель, - да, я!
One could not help remarking that the geographer, so loquacious and impatient usually, had scarcely spoken during Ayrton's examination.	Читатель заметил, что географ, обычно такой словоохотливый, такой нетерпеливый, не проронил почти ни слова за все время допроса.
He listened without opening his mouth.	Он молча слушал.
But this speech of his now was worth many others, and it made Glenarvan spring to his feet, crying out:	Но то, что он сказал сейчас, стоило многих речей. Гленарван встрепенулся.
"You, Paganel! you know where Captain Grant is?"	- Вы, Паганель? Вы знаете, где капитан Грант? - воскликнул он.
"Yes, as far as can be known."	- Да, насколько это вообще возможно, - ответил географ.
"How do you know?"	- И как же вы это узнали?
"From that infernal document."	- Все из того же документа.
"Ah!" said the Major, in a tone of the most profound incredulity.	- А-а... - протянул майор тоном полнейшего недоверия.

"Hear me first, and shrug your shoulders afterward," said Paganel. "I did not speak sooner, because you would not have believed me.	- Сначала выслушайте, Мак-Наббс, а потом уже пожимайте плечами... - заметил географ. - Я молчал до сих пор, зная, что вы мне все равно не поверите.
Besides, it was useless; and I only speak to-day because Ayrton's opinion just supports my own."	Да и к чему было говорить! Если же сейчас я все же решаюсь на это, то только потому, что слова Айртона подтвердили мои предположения.
"Then it is New Zealand?" asked Glenarvan.	- Значит, в Новой Зеландии? - спросил Гленарван.
"Listen and judge," replied Paganel. "It is not without reason, or, rather, I had a reason for making the blunder which has saved our lives.	- Выслушайте меня, а потом судите сами, - отвечал Паганель. - Ошибка в письме, которая спасла нас, была не случайна, ее можно объяснить.
When I was in the very act of writing the letter to Glenarvan's dictation, the word ZEALAND was swimming in my brain. This is why.	В то время как я писал под диктовку Гленарвана, слово "Зеландия" не давало мне покоя, и вот почему.
You remember we were in the wagon. McNabbs had just apprised Lady Helena about the convicts; he had given her the number of the Australian and New Zealand Gazette which contained the account of the catastrophe at Camden Bridge.	Помните, как мы все сидели в повозке и Мак-Наббс рассказывал леди Гленарван о каторжниках, о крушении у Кемденского моста? При этом он дал ей номер "Австралийской и Новозеландской газеты", где описывалась эта катастрофа.
Now, just as I was writing, the newspaper was lying on the ground, folded in such a manner that only two syllables of the title were visible; these two syllables were ALAND.	Так вот, когда я писал письмо, эта газета валялась на полу; она была сложена так, что из ее английского названия виднелось всего два слога - aland.
What a sudden light flashed on my mind. ALAND was one of the words in the English document, one that hitherto we had translated a terre, and which must have been the termination of the proper noun, ZEALAND."	И вдруг меня осенило. Именно такое слово "aland" было в документе, написанном по-английски; до сих пор мы считали, что это означает "на землю", а на самом деле это окончание слова "Zealand", Зеландия!
"Indeed!" said Glenarvan.	- Что такое? - вырвалось у Гленарвана.
"Yes," continued Paganel, with profound conviction; "this meaning had escaped me, and do you know why?	- Да, - продолжал Паганель голосом, в котором чувствовалась глубочайшая уверенность, - это толкование раньше мне в голову не приходило. И знаете почему?
Because my wits were exercised naturally on the French document, as it was most complete, and in that this important word was wanting."	Да потому, что я, естественно, изучал главным образом французский экземпляр документа, более полный, чем другие, а как раз в нем-то этого важного слова и нет.
"Oh, oh!" said the Major; "your imagination goes too far, Paganel; and you forget your former deductions."	- Ой-ой! Какой вы, однако, фантазер, Паганель! - сказал Мак-Наббс. - И как легко вы забываете свои прежние доводы!
"Go on, Major; I am ready to answer you."	- Пожалуйста, майор, я готов на все вам ответить.
"Well, then, what do you make of your word AUSTRA?"	- Тогда скажите, как истолковывается слово austral?
"What it was at first.	- Так же, как с самого начала.
It merely means southern countries."	Оно обозначает: "южные страны".

"Well, and this syllable, INDI, which was first the root of the INDIANS, and second the root of the word indigenes?"	- Хорошо! А обрывок слова indi, который первоначально истолковывался как indiens - "индейцы", затем как indigenes - "туземцы"? Теперь как вы его понимаете?
"Well, the third and last time," replied Paganel, "it will be the first syllable of the word INDIGENCE."	- Третье и последнее его толкование таково: это начало слова indigence - нужда, лишения.
"And CONTIN?" cried McNabbs.	- А contin?
"Does that still mean CONTINENT?"	Означает ли по-прежнему континент? - воскликнул Мак-Наббс.
"No; since New Zealand is only an island."	- Нет, конечно, раз Новая Зеландия только остров.
"What then?" asked Glenarvan.	- Тогда как же? - спросил Гленарван.
"My dear lord," replied Paganel, "I am going to translate the document according to my third interpretation, and you shall judge.	- Дорогой лорд, я сейчас прочту вам документ в новом, третьем толковании, и вы сами увидите.
I only make two observations beforehand. First, forget as much as possible preceding interpretations, and divest your mind of all preconceived notions. Second, certain parts may appear to you strained, and it is possible that I translate them badly; but they are of no importance; among others, the word AGONIE, which chokes me; but I cannot find any other explanation.	Но прежде прошу вас: во-первых, забудьте, насколько возможно, прежние толкования и отбросьте предвзятые мнения; во-вторых, имейте в виду, некоторые места вам покажутся натянутыми, и возможно, что я их толкую неудачно; таково, например, слово agonie, которое я, однако, никак не могу истолковать иначе. Но все эти места совершенно не важны.
Besides, my interpretation was founded on the French document; and don't forget it was written by an Englishman, who could not be familiar with the idioms of the French language.	К тому же мое толкование основывается на французском экземпляре документа, а он, не забывайте, написан англичанином, которому могли быть неизвестны некоторые особенности чужого языка.
Now then, having said this much, I will begin."	А теперь я начинаю.
And slowly articulating each syllable, he repeated the following sentences:	И Паганель медленно и внятно прочел следующее:
"LE 27th JUIN, 1862, le trois-mats Britannia, de Glasgow, a sombre apres une longue AGONIE dans les mers AUSTRALES sur les cotes de la Nouvelle ZELANDE-in English Zealand. Deux matelots et le Capitaine Grant ont pu y ABORDER. La CONTINUellement en PRoie a une CRUELle INDIgence, ils ont jete ce document par-de longitude ET 37 degrees 11' de LATItude. Venex a leur secours, ou ils sont PERDUS!" (On the 27th of June, 1865, the three-mast vessel BRITANNIA, of Glasgow, has foundered after a long AGOnie in the Southern Seas, on the coast of New Zealand.	- "Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно "Британия", из Глазго, после долгой агонии потерпело крушение в южных морях, у берегов Новой Зеландии (по-английски Zealand).
Two sailors and Captain Grant have succeeded in landing.	Двум матросам и капитану Гранту удалось выбраться на берег.
Continually a prey to cruel indigence, they have thrown this document into the sea in-longitude and 37 degrees 11' latitude.	Здесь, терпя постоянно жестокие лишения, они бросили этот документ под.... долготы и 37° 11' широты.
Come to their help, or they are lost.)	Придите им на помощь, или они погибнут".

Paganel stopped.	Паганель умолк.
His interpretation was admissible.	Такое толкование документа было вполне допустимо.
But precisely because it appeared as likely as the preceding, it might be as false.	Но именно потому, что оно казалось таким же правдоподобным, как и прежние его толкования, оно также могло быть ошибочным.
Glenarvan and the Major did not then try and discuss it.	Вот почему ни Гленарван, ни майор не стали его оспаривать.
However, since no traces of the BRITANNIA had yet been met with, either on the Patagonian or Australian coasts, at the points where these countries are crossed by the 37th parallel, the chances were in favor of New Zealand.	Однако раз следы "Британии" не были найдены ни у берегов Патагонии, ни у берегов Австралии, там, где проходила тридцать седьмая параллель, то, конечно, были шансы найти их в Новой Зеландии.
"Now, Paganel," said Glenarvan, "will you tell me why you have kept this interpretation secret for nearly two months?"	Когда географ сказал об этом, его друзья были поражены. - Скажите, Паганель, - обратился к нему Гленарван, - почему же вы два месяца держали в тайне это новое толкование?
"Because I did not wish to buoy you up again with vain hopes.	- Потому что я не хотел понапрасну вас обнадеживать.
Besides, we were going to Auckland, to the very spot indicated by the latitude of the document."	К тому же мы ведь все равно направлялись в Окленд, лежащий именно на той широте, которая была указана в документе.
"But since then, when we were dragged out of the route, why did you not speak?"	- Ну, а потом, когда мы отклонились от этого пути, почему же вы тогда ничего не сказали?
"Because, however just the interpretation, it could do nothing for the deliverance of the captain."	- По той причине, что мое толкование, как бы верно оно ни было, не могло бы помочь спасти капитана Гранта.
"Why not, Paganel?"	- Почему вы так думаете?
"Because, admitting that the captain was wrecked on the New Zealand coast, now that two years have passed and he has not reappeared, he must have perished by shipwreck or by the New Zealanders."	- Да потому, что если с тех пор прошло целых два года и капитан не появился, значит, он пал жертвой либо крушения, либо новозеландцев.
"Then you are of the opinion," said Glenarvan, "that-"	- Так вы думаете?.. - спросил Гленарван.
"That vestiges of the wreck might be found; but that the survivors of the BRITANNIA have, beyond doubt, perished."	- Я думаю, что, быть может, и удастся найти какие-либо останки "Британии", но потерпевшие крушение люди безвозвратно погибли.
"Keep all this silent, friends," said Glenarvan, "and let me choose a fitting moment to communicate these sad tidings to Captain Grant's children."	- Ни слова об этом, друзья мои, - сказал Гленарван. - Предоставьте мне выбрать подходящий момент, чтобы сообщить эту печальную весть детям капитана Гранта.
CHAPTER XIX A CRY IN THE NIGHT	Глава XX КРИК В НОЧИ
THE crew soon heard that no light had been thrown on the situation of Captain Grant by the revelations of Ayrton, and it caused profound disappointment among them, for they had counted on the quartermaster, and the quartermaster knew nothing which could put the DUNCAN on the right track.	Вскоре вся команда "Дункана" узнала, что сообщение Айртона не пролило света на судьбу капитана Гранта. Все впали в глубокое уныние: на боцмана возлагалось столько надежд, а оказалось, что ему неизвестно ничего, что могло бы навести "Дункан" на след "Британии".

The yacht therefore continued her course.	Итак, яхта шла прежним курсом.
They had yet to select the island for Ayrton's banishment.	Оставалось лишь выбрать остров, на котором высадить Айртона.
Paganel and John Mangles consulted the charts on board, and exactly on the 37th parallel found a little isle marked by the name of Maria Theresa, a sunken rock in the middle of the Pacific Ocean, 3,500 miles from the American coast, and 1,500 miles from New Zealand.	Паганель и Джон Манглс справились по корабельным картам. Как раз на тридцать седьмой параллели значился клочок земли под названием риф Мария-Тереза. Этот скалистый, затерянный в Тихом океане островок расположен в трех с половиной тысячах миль от американского побережья и в тысяче пятистах милях от Новой Зеландии.
The nearest land on the north was the Archipelago of Pomotou, under the protectorate of France; on the south there was nothing but the eternal ice-belt of the Polar Sea.	На севере ближайшая к нему земля - архипелаг Паумоту, находящийся под протекторатом Франции; к югу же никаких земель вплоть до вечных льдов Южного полюса нет.
No ship would come to reconnoiter this solitary isle.	Суда никогда не пристают к берегам этого пустынного островка.
No echoes from the world would ever reach it.	Никаких отголосков того, что делается в мире, не долетает до него.
The storm birds only would rest awhile on it during their long flight, and in many charts the rock was not even marked.	Одни буревестники во время своих дальних перелетов опускаются сюда отдыхать. На многих картах и вовсе не значится этого островка - рифа, омываемого волнами Тихого океана.
If ever complete isolation was to be found on earth, it was on this little out-of-the-way island.	Этот остров, заброшенный в океане, в стороне от всех морских путей, был самым уединенным местом, какое только можно найти на земном шаре.
Ayrton was informed of its situation, and expressed his willingness to live there apart from his fellows.	Айртону показали его на карте. Боцман согласился поселиться там, вдали от людей, и "Дункан" взял курс на риф Мария-Тереза.
The head of the vessel was in consequence turned toward it immediately.	Яхта находилась в это время как раз на прямой линии от бухты Талькауано к Марии-Терезе.
Two days later, at two o'clock, the man on watch signaled land on the horizon.	Два дня спустя, в два часа дня вахтенный матрос заметил на горизонте землю.
This was Maria Theresa, a low, elongated island, scarcely raised above the waves, and looking like an enormous whale.	Это был остров Мария-Тереза, низкий, вытянутый, едва поднимавшийся из воды, похожий на огромного кита.
It was still thirty miles distant from the yacht, whose stem was rapidly cutting her way over the water at the rate of sixteen knots an hour.	Яхта, рассекавшая волны со скоростью шестнадцати узлов, была еще на расстоянии тридцати миль от него.
Gradually the form of the island grew more distinct on the horizon.	Мало-помалу стали видны очертания рифа.
The orb of day sinking in the west, threw up its peculiar outlines in sharp relief.	На фоне заходящего солнца отчетливо вырисовывался его причудливый силуэт.
A few peaks of no great elevation stood out here and there, tipped with sunlight.	Солнце ярко освещало отдельные невысокие скалы.

At five o'clock John Mangles could discern a light smoke rising from it.	В пять часов Джону Манглсу показалось, что над островом поднимается к небу легкий дым.
"Is it a volcano?" he asked of Paganel, who was gazing at this new land through his telescope.	- Что это, вулкан? - спросил он Паганеля, рассматривавшего остров в подзорную трубу.
"I don't know what to think," replied the geographer;	- Не знаю, что и думать, - ответил географ. - Этот остров малоизвестен.
"Maria Theresa is a spot little known; nevertheless, it would not be surprising if its origin were due to some submarine upheaval, and consequently it may be volcanic."	Конечно, не было бы ничего удивительного, если бы он оказался вулканического происхождения.
"But in that case," said Glenarvan, "is there not reason to fear that if an eruption produced it, an eruption may carry it away?"	- Но если его создало извержение, нет ли опасности, что другое извержение его разрушит? - сказал Гленарван.
"That is not possible," replied Paganel. "We know of its existence for several centuries, which is our security.	- Маловероятно, - ответил Паганель. - Гарантией его прочности служит то, что он существует несколько веков.
When the Isle Julia emerged from the Mediterranean, it did not remain long above the waves, and disappeared a few months after its birth."	Эти новые острова могут исчезнуть вскоре после возникновения, как остров Джулия, просуществовавший в Средиземном море всего лишь несколько месяцев.
"Very good," said Glenarvan. "Do you think, John, we can get there to-night?"	- Что ж, - сказал Гленарван, - как вы думаете, Джон, сможем мы подойти к берегу до наступления ночи?
"No, your honor, I must not risk the DUNCAN in the dark, for I am unacquainted with the coast.	- Нет, милорд. Я не могу подвергать корабль опасности, подводя его в темноте к незнакомому мне берегу.
I will keep under steam, but go very slowly, and to-morrow, at daybreak, we can send off a boat."	Я буду крейсировать, делая короткие галсы, а завтра на рассвете мы пошлем туда шлюпку.
At eight o'clock in the evening, Maria Theresa, though five miles to leeward, appeared only an elongated shadow, scarcely visible.	В восемь часов вечера риф Мария-Тереза, до которого оставалось всего пять миль, казался какой-то удлиненной, едва видной тенью.
The DUNCAN was always getting nearer.	"Дункан" все приближался к нему.
At nine o'clock, a bright glare became visible, and flames shot up through the darkness.	В девять часов на островке вспыхнул довольно яркий огонек.
The light was steady and continued.	Он светился ровным, неподвижным светом.
"That confirms the supposition of a volcano," said Paganel, observing it attentively.	- Вот это как будто указывает на вулкан, - проговорил Паганель, внимательно всматриваясь.
"Yet," replied John Mangles, "at this distance we ought to hear the noise which always accompanies an eruption, and the east wind brings no sound whatever to our ear."	- Однако на таком близком расстоянии мы слышали бы грохот, всегда сопровождающий извержение, - заметил Джон Манглс, - а восточный ветер не доносит до нас никакого шума.
"That's true," said Paganel. "It is a volcano that blazes, but does not speak. The gleam seems intermittent too, sometimes, like that of a lighthouse."	- Действительно, пламя есть, но вулкан безмолвствует, - согласился Паганель. - Кажется, этот огонь мигает, как маяк.

"You are right," said John Mangles, "and yet we are not on a lighted coast."	- Вы правы, - отозвался Джон. - А между тем на этих берегах нет маяков.
"Ah!" he exclaimed, "another fire? On the shore this time!	О! - воскликнул он. - Вот и другой огонек - теперь на самом берегу.
Look!	Смотрите!
It moves!	Он колышется!
It has changed its place!"	Он перемещается!
John was not mistaken.	Джон не ошибался.
A fresh fire had appeared, which seemed to die out now and then, and suddenly flare up again.	Действительно, появился другой огонек. Казалось, он то потухает, то снова разгорается.
"Is the island inhabited then?" said Glenarvan.	- Значит, остров обитаем? - спросил Гленарван.
"By savages, evidently," replied Paganel.	- Очевидно, населен дикарями, - ответил Паганель.
"But in that case, we cannot leave the quartermaster there."	- Но тогда мы не сможем высадить там боцмана.
"No," replied the Major, "he would be too bad a gift even to bestow on savages."	- Нет, конечно, - вмешался майор, - это был бы слишком плохой подарок даже для дикарей.
"We must find some other uninhabited island," said Glenarvan, who could not help smiling at the delicacy of McNabbs. "I promised Ayrton his life, and I mean to keep my promise."	- В таком случае мы поищем какой-нибудь другой, необитаемый остров, - сказал Гленарван. - Я обещал Айртону, что он будет жив и невредим, и хочу сдержать свое слово.
"At all events, don't let us trust them," added Paganel. "The New Zealanders have the barbarous custom of deceiving ships by moving lights, like the wreckers on the Cornish coast in former times.	- Во всяком случае, будем осторожны, - заметил Паганель, - у новозеландцев, как некогда у жителей Корнуэльских островов, в ходу обычай заманивать к берегам суда с помощью движущихся огней.
Now the natives of Maria Theresa may have heard of this proceeding."	Вероятно, и обитателям Марии-Терезы знаком этот прием.
"Keep her off a point," called out John to the man at the helm. "To-morrow at sunrise we shall know what we're about."	- Держись в четверти мили от берега! - крикнул Джон Манглс матросу, стоявшему на руле. - Завтра на рассвете мы узнаем, в чем дело.
At eleven o'clock, the passengers and John Mangles retired to their cabins.	В одиннадцать часов Джон Манглс и пассажиры разошлись по своим каютам.
In the forepart of the yacht the man on watch was pacing the deck, while aft, there was no one but the man at the wheel.	На баке остались вахтенные, а на корме у румпеля стоял один рулевой.
At this moment Mary Grant and Robert came on the poop.	В это время на верхнюю палубу поднялись Мери Грант и Роберт.
The two children of the captain, leaning over the rail, gazed sadly at the phosphorescent waves and the luminous wake of the DUNCAN.	Дети капитана Гранта, облокотившись на перила, с грустью смотрели на блестевшее фосфоресцирующим светом море и на светящийся след, остававшийся за кормой "Дункана".
Mary was thinking of her brother's future, and Robert of his sister's.	Мери думала о будущем Роберта, Роберт - о будущем сестры.

Their father was uppermost in the minds of both.	И оба думали об отце.
Was this idolized parent still in existence?	Жив ли он еще, их любимый отец?
Must they give him up?	Неужели надо отказаться от надежды свидеться с ним?
But no, for what would life be without him?	Но как жить без него?
What would become of them without him?	Что станется с ними?
What would have become of them already, but for Lord Glenarvan and Lady Helena?	Что было бы с ними и теперь без лорда Гленарвана и леди Элен?
The young boy, old above his years through trouble, divined the thoughts that troubled his sister, and taking her hand in his own, said,	Горе сделало мальчика взрослым не по годам. Он догадывался, какие мысли волновали сестру.
"Mary, we must never despair.	- Мери, - сказал он, беря ее за руку, - никогда не надо отчаиваться.
Remember the lessons our father gave us. Keep your courage up and no matter what befalls you, let us show this obstinate courage which can rise above everything.	Вспомни, чему учил нас отец, которого ничто не могло сломить.
Up to this time, sister, you have been working for me, it is my turn now, and I will work for you."	До сих пор, сестра, ты работала для меня, а теперь моя очередь, я стану трудиться для тебя.
"Dear Robert!" replied the young girl.	- Милый Роберт!..
"I must tell you something," resumed Robert.	- Мери, мне надо сказать тебе одну вещь.
"You mustn't be vexed, Mary!"	Ты ведь не станешь сердиться, правда?
"Why should I be vexed, my child?"	- Зачем же мне сердиться, мой мальчик!
"And you will let me do it?"	- И ты позволишь мне сделать то, что я задумал?
"What do you mean?" said Mary, getting uneasy.	- Что ты хочешь сказать? - с беспокойством спросила Мери.
"Sister, I am going to be a sailor!"	- Сестра! Я хочу стать моряком...
"You are going to leave me!" cried the young girl, pressing her brother's hand.	- Ты покинешь меня? - вскрикнула Мери, сжимая руку брата.
"Yes, sister; I want to be a sailor, like my father and Captain John.	- Да, сестра, я буду моряком, как отец, как капитан Джон!
Mary, dear Mary, Captain John has not lost all hope, he says.	Мери, дорогая Мери, ведь капитан Джон не потерял надежды разыскать отца.
You have confidence in his devotion to us, and so have I.	Верь в его преданность, как и я.
He is going to make a grand sailor out of me some day, he has promised me he will; and then we are going to look for our father together.	Джон обещал сделать из меня отличного моряка, а пока мы будем вместе с ним разыскивать отца.
Tell me you are willing, sister mine.	Скажи, сестра, что ты согласна.
What our father would have done for us it is our duty, mine, at least, to do for him.	Наш долг - мой долг - сделать для отца то, что он сделал бы для нас.

My life has one purpose to which it should be entirely consecrated-that is to search, and never cease searching for my father, who would never have given us up.	У меня лишь одна цель в жизни: искать, непрестанно искать того, кто никогда не оставил бы ни тебя, ни меня.
Ah, Mary, how good our father was!"	Мери, дорогая, как он был добр, наш отец!
"And so noble, so generous!" added Mary. "Do you know, Robert, he was already a glory to our country, and that he would have been numbered among our great men if fate had not arrested his course."	- И как благороден, как великодушен! - добавила Мери. - Знаешь ли ты, Роберт, что им уже гордилась наша родина, и, если бы злая судьба не помешала ему, он стал бы одним из величайших людей Шотландии.
"Yes, I know it," said Robert.	- Знаю ли я это! - воскликнул Роберт.
Mary put her arm around the boy, and hugged him fondly as he felt her tears fall on his forehead.	Мери прижала брата к груди, и мальчик почувствовал, как слезы сестры оросили его лоб.
"Mary, Mary!" he cried, "it doesn't matter what our friends say, I still hope, and will always hope.	- Мери! Мери! - крикнул он. - Что бы ни говорили наши друзья, сколько бы они ни молчали, я все еще надеюсь и всегда буду надеяться!
A man like my father doesn't die till he has finished his work."	Такой человек, как наш отец, не умирает, не доведя своего дела до конца!
Mary Grant could not reply. Sobs choked her voice.	Мери Грант не могла отвечать: ее душили рыдания.
A thousand feelings struggled in her breast at the news that fresh attempts were about to be made to recover Harry Grant, and that the devotion of the captain was so unbounded.	Девушка была глубоко взволнована мыслями о новых поисках Гарри Гранта и о безграничной преданности молодого капитана.
"And does Mr. John still hope?" she asked.	- Значит, мистер Джон еще надеется? - спросила она.
"Yes," replied Robert. "He is a brother that will never forsake us, never!	- Да, - ответил Роберт. - Он наш брат и никогда не покинет нас.
I will be a sailor, you'll say yes, won't you, sister? And let me join him in looking for my father.	И я тоже стану моряком, чтобы вместе с ним искать отца, да, Мери?
I am sure you are willing."	Ты согласна?
"Yes, I am willing," said Mary.	- Конечно, согласна!
"But the separation!" she murmured.	Но расстаться... - прошептала девушка.
"You will not be alone, Mary, I know that.	- Ты не останешься одна, Мери.
My friend John told me so.	Я знаю, мне говорил мой друг Джон.
Lady Helena will not let you leave her.	Леди Гленарван не отпустит тебя.
You are a woman; you can and should accept her kindness.	Ты ведь женщина, сестра, и потому можешь и должна принять ее помощь.
To refuse would be ungrateful, but a man, my father has said a hundred times, must make his own way."	Было бы неблагодарностью отказаться от нее. А я мужчина, значит, должен - отец много раз повторял мне это - сам ковать свою судьбу.
"But what will become of our own dear home in Dundee, so full of memories?"	- Но что же станет тогда с нашим милым домом в Данди? С ним связано столько воспоминаний!

"We will keep it, little sister!	- Мы его сохраним, сестричка!
All that is settled, and settled so well, by our friend John, and also by Lord Glenarvan.	Все будет в порядке. Наш друг Джон и лорд Гленарван все обдумали.
He is to keep you at Malcolm Castle as if you were his daughter.	Ты будешь жить в замке Малькольм у лорда и леди Гленарван, как их дочь.
My Lord told my friend John so, and he told me.	Лорд сам сказал это моему другу Джону, а он рассказал мне.
You will be at home there, and have someone to speak to about our father, while you are waiting till John and I bring him back to you some day.	Ты будешь у них чувствовать себя совсем как дома, и тебе будет с кем поговорить об отце. А в один прекрасный день мы тебе привезем его самого.
Ah! what a grand day that will be!" exclaimed Robert, his face glowing with enthusiasm.	Ах! Как это будет чудесно! - восторженно сказал Роберт.
"My boy, my brother," replied Mary, "how happy my father would be if he could hear you. How much you are like him, dear Robert, like our dear, dear father.	- Брат мой, мальчик мой, как счастлив был бы отец, если бы он мог слышать тебя! - сказала Мери. - Как ты похож, милый Роберт, на него, на нашего дорогого отца!
When you grow up you'll be just himself."	Когда ты станешь мужчиной, ты будешь вылитый отец!
"I hope I may," said Robert, blushing with filial and sacred pride.	- О Мери! - краснея от благородной сыновней гордости, воскликнул мальчик.
"But how shall we requite Lord and Lady Glenarvan?" said Mary Grant.	- Но чем мы отблагодарим лорда и леди Гленарван? - сказала Мери.
"Oh, that will not be difficult," replied Robert, with boyish confidence. "We will love and revere them, and we will tell them so; and we will give them plenty of kisses, and some day, when we can get the chance, we will die for them."	- О, это нетрудно будет сделать! - заявил с юношеской самоуверенностью Роберт. - Мы будем их любить, почитать, говорить им об этом, будем с ними нежны, а когда-нибудь пожертвуем для них своей жизнью!
"We'll live for them, on the contrary," replied the young girl, covering her brother's forehead with kisses. "They will like that better, and so shall I."	- Нет, уж лучше живи для них! - воскликнула молодая девушка, целуя брата. - Это будет им приятнее, да и мне тоже.
The two children then relapsed into silence, gazing out into the dark night, and giving way to long reveries, interrupted occasionally by a question or remark from one to the other.	Дети капитана Гранта умолкли, но продолжали глядеть друг на друга. Мысленно они все еще вели разговор, задавали друг другу вопросы, слышали ответы.
A long swell undulated the surface of the calm sea, and the screw turned up a luminous furrow in the darkness.	По морю плавно перекатывалась легкая зыбь, светилась сквозь сумрак бурлившая за винтом вода.
A strange and altogether supernatural incident now occurred.	И тут произошло нечто странное.
The brother and sister, by some of those magnetic communications which link souls mysteriously together, were the subjects at the same time and the same instant of the same hallucination.	Как будто какая-то магнетическая сила, связывавшая брата и сестру, вызвала у обоих одновременно одну и ту же галлюцинацию.

Out of the midst of these waves, with their alternations of light and shadow, a deep plaintive voice sent up a cry, the tones of which thrilled through every fiber of their being. "Come! come!" were the words which fell on their ears. They both started up and leaned over the railing, and peered into the gloom with questioning eyes.	Им почудилось вдруг, что из лона волн, попеременно то темных, то светящихся, зазвучал чей-то голос, и его глубокий, тоскующий звук проник им в самую душу. - Помогите! Помогите!.. - кричал голос.
"Mary, you heard that? You heard that?" cried Robert.	- Мери, ты слышала, слышала? - спросил Роберт.
But they saw nothing but the long shadow that stretched before them.	Поспешно перегнувшись через борт, они стали вглядываться во мглу, но ничего не было видно - только безбрежный мрак расстилался перед ними.
"Robert," said Mary, pale with emotion, "I thought-yes, I thought as you did, that-We must both be ill with fever, Robert."	- Роберт, - проговорила бледная от волнения Мери, - мне почудилось... Да, почудилось, как и тебе... Мы оба бредим, милый Роберт.
A second time the cry reached them, and this time the illusion was so great, that they both exclaimed simultaneously,	Но голос, призывавший на помощь, раздался снова, и на этот раз иллюзия была так велика, что у обоих вырвался крик:
"My father!	- Отец!
My father!"	Отец!
It was too much for Mary.	Мери не могла больше выдержать.
Overcome with emotion, she fell fainting into Robert's arms.	Сломленная волнением, она без чувств упала на руки брата.
"Help!" shouted Robert. "My sister! my father!	- Помогите! - крикнул Роберт. - Сестра! Отец!..
Help! Help!"	Помогите!..
The man at the wheel darted forward to lift up the girl.	Рулевой бросился поднимать бесчувственную девушку.
The sailors on watch ran to assist, and John Mangles, Lady Helena, and Glenarvan were hastily roused from sleep.	Прибежали вахтенные матросы, появились разбуженные шумом Джон Манглс, леди Элен, Гленарван.
"My sister is dying, and my father is there!" exclaimed Robert, pointing to the waves.	- Сестра умирает, а наш отец там! - воскликнул Роберт, указывая на волны.
They were wholly at a loss to understand him.	Никто не мог понять, в чем дело.
"Yes!" he repeated, "my father is there!	- Да, да, - повторял мальчик, - отец там!
I heard my father's voice; Mary heard it too!"	Я слышал его голос! Мери тоже слышала...
Just at this moment, Mary Grant recovering consciousness, but wandering and excited, called out,	В эту минуту Мери пришла в себя и в безумном порыве тоже закричала:
"My father! my father is there!"	- Отец! Там отец!
And the poor girl started up, and leaning over the side of the yacht, wanted to throw herself into the sea.	Бедная девушка перегнулась через борт, словно собиралась броситься в море.
"My Lord-Lady Helena!" she exclaimed, clasping her hands, "I tell you my father is there! I can declare that I heard his voice come out of the waves like a wail, as if it were a last adieu."	- Милорд! Леди Элен! Говорю вам, что там мой отец! - твердила она, сжимая руки. - Уверяю вас, я слышал его голос! Он звучал из волн, словно жалоба, словно последнее "прости"...

The young girl went off again into convulsions and spasms, which became so violent that she had to be carried to her cabin, where Lady Helena lavished every care on her.	С бедняжкой сделались спазмы, конвульсии. Пришлось отнести ее в каюту. Туда пошла и леди Элен, чтобы оказать ей помощь.
Robert kept on repeating,	Роберт же все повторял:
"My father! my father is there!	- Отец мой! Отец там!
I am sure of it, my Lord!"	Я уверен в этом, милорд!..
The spectators of this painful scene saw that the captain's children were laboring under an hallucination.	Свидетели этой мучительной сцены поняли наконец, что дети капитана Гранта были обмануты галлюцинацией.
But how were they to be undeceived?	Но как убедить их в этом?
Glenarvan made an attempt, however.	Гленарван попытался это сделать.
He took Robert's hand, and said,	Взяв за руку Роберта, он спросил его:
"You say you heard your father's voice, my dear boy?"	- Ты слышал голос отца, дитя мое?
"Yes, my Lord; there, in the middle of the waves.	- Да, милорд. Там, среди волн.
He cried out,	Он кричал:
'Come! come!'"	"Помогите! Помогите!"
"And did you recognize his voice?"	- И ты узнал голос?
"Yes, I recognized it immediately.	- Узнал ли я голос?
Yes, yes; I can swear to it!	О да, клянусь вам!
My sister heard it, and recognized it as well.	Сестра тоже слышала и тоже узнала голос отца.
How could we both be deceived?	Неужели вы думаете, что мы оба могли ошибиться?
My Lord, do let us go to my father's help.	Милорд, надо спасти отца!
A boat! a boat!"	Шлюпку! Шлюпку!
Glenarvan saw it was impossible to undeceive the poor boy, but he tried once more by saying to the man at the wheel:	Гленарван увидел, что разубедить бедного мальчика невозможно. Тем не менее он сделал последнюю попытку и позвал рулевого.
"Hawkins, you were at the wheel, were you not, when Miss Mary was so strangely attacked?"	- Хокинс, - обратился он к нему, - вы ведь стояли у руля, когда мисс Грант так внезапно упала?
"Yes, your Honor," replied Hawkins.	- Да, - ответил Хокинс.
"And you heard nothing, and saw nothing?"	- И вы ничего не заметили, ничего не слышали?
"Nothing."	- Ничего.
"Now Robert, see?"	- Вот видишь, Роберт!
"If it had been Hawkins's father," returned the boy, with indomitable energy, "Hawkins would not say he had heard nothing. It was my father, my lord! my father."	- Хокинс не сказал бы, что ничего не слышал, будь то его собственный отец! - запальчиво крикнул мальчик. - Это был мой отец, милорд, мой отец, отец!

Sobs choked his voice; he became pale and silent, and presently fell down insensible, like his sister.	Голос Роберта прервался рыданием. Бледный и безмолвный, он тоже лишился чувств.
Glenarvan had him carried to his bed, where he lay in a deep swoon.	Гленарван распорядился отнести его на постель в каюту, и измученный волнением мальчик впал в тяжелое забытье.
"Poor orphans," said John Mangles. "It is a terrible trial they have to bear!"	- Бедные сироты, - промолвил Джон Манглс, - какое страшное испытание выпало им на долю!
"Yes," said Glenarvan; "excessive grief has produced the same hallucination in both of them, and at the same time."	- Да, - отозвался Гленарван, - чрезмерное горе, видимо, вызвало у обоих одновременно эту галлюцинацию.
"In both of them!" muttered Paganel; "that's strange, and pure science would say inadmissible."	- У обоих? - прошептал Паганель. - Странно! Наука не допускает этого.
He leaned over the side of the vessel, and listened attentively, making a sign to the rest to keep still.	Затем географ перегнулся через борт и, сделав всем знак молчать, стал прислушиваться.
But profound silence reigned around.	Кругом было тихо.
Paganel shouted his loudest.	Паганель громко крикнул.
No response came.	Но никто не ответил.
"It is strange," repeated the geographer, going back to his cabin. "Close sympathy in thought and grief does not suffice to explain this phenomenon."	- Странно, странно, - повторял географ, направляясь в свою каюту. - Сходство мыслей и общее горе все же не могут объяснить подобное явление.
Next day, March 4, at 5 A. M., at dawn, the passengers, including Mary and Robert, who would not stay behind, were all assembled on the poop, each one eager to examine the land they had only caught a glimpse of the night before. The yacht was coasting along the island at the distance of about a mile, and its smallest details could be seen by the eye.	На следующий день, 8 марта, в пять часов утра, как только стало светать, пассажиры, в том числе Роберт и Мери - их невозможно было удержать в каютах, - собрались на палубе "Дункана". Каждому хотелось посмотреть на землю, лишь мельком виденную накануне. Все жадно глядели на остров в подзорные трубы. Было видно все до подробностей.
Suddenly Robert gave a loud cry, and exclaimed he could see two men running about and gesticulating, and a third was waving a flag.	Вдруг раздался крик Роберта. Мальчик уверял, что видит, как два человека бегают по берегу, а третий машет флагом.
"The Union Jack," said John Mangles, who had caught up a spy-glass.	- Английский флаг! - крикнул Джон Манглс, взглянув в подзорную трубу.
"True enough," said Paganel, turning sharply round toward Robert.	- Верно! - воскликнул Паганель, быстро оборачиваясь к Роберту.
"My Lord," said Robert, trembling with emotion, "if you don't want me to swim to the shore, let a boat be lowered.	- Милорд, - заговорил мальчик, дрожа от волнения, - если вы не хотите, чтобы я добрался до берега вплавь, велите спустить шлюпку.
Oh, my Lord, I implore you to let me be the first to land."	На коленях умоляю вас, позвольте мне первым высадиться на берег!
No one dared to speak.	Никто не решался вымолвить ни слова.
What! on this little isle, crossed by the 37th parallel, there were three men, shipwrecked Englishmen!	Как! На этом островке, расположенном на тридцать седьмой параллели, было трое потерпевших крушение английских подданных.

Instantaneously everyone thought of the voice heard by Robert and Mary the preceding night.	Всем вспомнилось вчерашнее происшествие, голос в ночи, который услышали Роберт и Мери.
The children were right, perhaps, in the affirmation. The sound of a voice might have reached them, but this voice-was it their father's?	Что ж, может быть, им не почудилось, и кто-то в самом деле кричал, но возможно ли, чтобы это был голос их отца?
No, alas, most assuredly no.	Увы! Нет, тысячу раз нет!
And as they thought of the dreadful disappointment that awaited them, they trembled lest this new trial should crush them completely.	И каждый, думая об ужасном разочаровании, которое ожидало сирот, трепетал, боясь, что бедные дети уже не в силах будут перенести это новое испытание.
But who could stop them from going on shore?	Но как удержать их!
Lord Glenarvan had not the heart to do it.	У Гленарвана не хватило на это духу.
"Lower a boat," he called out.	- Спустить шлюпку! - крикнул он.
Another minute and the boat was ready.	Минута - и шлюпка уже была на воде.
The two children of Captain Grant, Glenarvan, John Mangles, and Paganel, rushed into it, and six sailors, who rowed so vigorously that they were presently almost close to the shore.	Дети капитана Гранта, Гленарван, Джон Манглс, Паганель бросились в нее, и она стремительно понеслась вперед под бешеными ударами весел шести матросов.
At ten fathoms' distance a piercing cry broke from Mary's lips.	В шестистах футах от берега Мери крикнула душераздирающим голосом:
"My father!" she exclaimed.	- Отец!..
A man was standing on the beach, between two others.	На берегу, рядом с двумя товарищами, стоял высокий, крепко сложенный человек.
His tall, powerful form, and his physiognomy, with its mingled expression of boldness and gentleness, bore a resemblance both to Mary and Robert.	В его выразительном лице, кротком и вместе с тем отважном, сочетались черты обоих юных Грантов.
This was indeed the man the children had so often described.	Несомненно, это был тот самый человек, которого так часто описывали Мери и Роберт.
Their hearts had not deceived them. This was their father, Captain Grant!	Сердце не обмануло их - то был их отец, то был капитан Грант!
The captain had heard Mary's cry, for he held out his arms, and fell flat on the sand, as if struck by a thunderbolt.	Капитан услышал крик Мери, протянул руки и упал, словно пораженный громом.
CHAPTER XX CAPTAIN GRANT'S STORY	Глава XXI ОСТРОВ ТАБОР
JOY does not kill, for both father and children recovered before they had reached the yacht.	От радости не умирают: и отец и дети пришли в себя еще до того, как шлюпка доставила их на яхту.
The scene which followed, who can describe? Language fails.	Где найти слова, чтобы описать эту сцену!
The whole crew wept aloud at the sight of these three clasped together in a close, silent embrace.	Вся команда плакала, видя, как эти трое молча приникли друг к другу.

The moment Harry Grant came on deck, he knelt down reverently. The pious Scotchman's first act on touching the yacht, which to him was the soil of his native land, was to return thanks to the God of his deliverance.	Взойдя на палубу "Дункана", олицетворявшую для него родную Шотландию, Гарри Грант возблагодарил бога за свое спасение.
Then, turning to Lady Helena and Lord Glenarvan, and his companions, he thanked them in broken words, for his heart was too full to speak.	Затем он дрожащим от волнения голосом выразил горячую признательность Гленарвану и всем его спутникам.
During the short passage from the isle to the yacht, his children had given him a brief sketch of the DUNCAN'S history.	За то короткое время, пока шлюпка доплыла до яхты, Мери и Роберт успели в нескольких словах рассказать отцу всю историю экспедиции "Дункана".
What an immense debt he owed to this noble lady and her friends!	Как бесконечно он был обязан леди Гленарван, этой благородной женщине, и ее спутникам!
From Lord Glenarvan, down to the lowest sailor on board, how all had struggled and suffered for him!	Разве все они, от самого Гленарвана и до последнего матроса, не боролись и не страдали ради него!
Harry Grant expressed his gratitude with such simplicity and nobleness, his manly face suffused with pure and sweet emotion, that the whole crew felt amply recompensed for the trials they had undergone.	Гарри Грант излил переполнявшую его благодарность с такой простотой, с таким благородством, его мужественное лицо было озарено таким чистым и кротким светом, что вся команда почувствовала себя вознагражденной с лихвой за все перенесенные испытания.
Even the impassable Major himself felt a tear steal down his cheek in spite of all his self-command; while the good, simple Paganel cried like a child who does not care who sees his tears.	Даже невозмутимый майор не мог сдержаться и прослезился. А Паганель плакал, как ребенок, даже не стараясь скрыть слезы.
Harry Grant could not take his eyes off his daughter.	Гарри Грант не сводил глаз с дочери.
He thought her beautiful, charming; and he not only said so to himself, but repeated it aloud, and appealed to Lady Helena for confirmation of his opinion, as if to convince himself that he was not blinded by his paternal affection.	Он восхищался красотой и обаянием Мери и повторял это ей вслух, призывая леди Элен в свидетельницы того, что это не только голос отцовской любви.
His boy, too, came in for admiration. "How he has grown! he is a man!" was his delighted exclamation.	Повернувшись к сыну, он восклицал с восторгом: - Как он вырос! Совсем мужчина!
And he covered the two children so dear to him with the kisses he had been heaping up for them during his two years of absence.	И он осыпал любимых детей бесконечными поцелуями.
Robert then presented all his friends successively, and found means always to vary the formula of introduction, though he had to say the same thing about each.	Роберт представил отцу по очереди всех своих друзей. И хотя мальчуган старался разнообразить характеристики, но повторял о каждом одно и то же.
The fact was, each and all had been perfect in the children's eyes.	Все, как один, были очень добры к сиротам.
John Mangles blushed like a child when his turn came, and his voice trembled as he spoke to Mary's father.	Когда наступила очередь Джона Манглса, молодой капитан покраснел, как девушка, и во время разговора с отцом Мери голос его дрожал.

Lady Helena gave Captain Grant a narrative of the voyage, and made him proud of his son and daughter.	Леди Элен рассказала капитану Гранту об их путешествии. Капитан мог гордиться и сыном и дочерью.
She told him of the young hero's exploits, and how the lad had already paid back part of the paternal debt to Lord Glenarvan.	Гарри Грант узнал о подвигах юного героя, узнал, как мальчик уже отчасти уплатил Гленарвану отцовский долг.
John Mangles sang Mary's praises in such terms, that Harry Grant, acting on a hint from Lady Helena, put his daughter's hand into that of the brave young captain, and turning to Lord and Lady Glenarvan, said:	Вслед за леди Элен заговорил Джон Манглс. Он так отзывался о Мери, что Гарри Грант, который кое-что понял еще со слов леди Элен, вложил руку дочери в руку отважного молодого капитана и, обращаясь к лорду и леди Гленарван, сказал:
"My Lord, and you, Madam, also give your blessing to our children."	- Милорд и вы, сударыня, благословим наших детей!
When everything had been said and re-said over and over again, Glenarvan informed Harry Grant about Ayrton.	Когда все было рассказано и пересказано сотню раз, Гленарван поведал Гарри Гранту об Айртоне.
Grant confirmed the quartermaster's confession as far as his disembarkation on the coast of Australia was concerned.	По словам капитана, все, что боцман сообщил о его высадке на австралийское побережье, было правдой.
"He is an intelligent, intrepid man," he added, "whose passions have led him astray.	- Это малый с головой, смельчак, - добавил он, - но страсти увлекли его ко злу.
May reflection and repentance bring him to a better mind!"	Будем надеяться, что он одумается, раскается и вернется к лучшим чувствам.
But before Ayrton was transferred, Harry Grant wished to do the honors of his rock to his friends.	Но Гарри Гранту хотелось, прежде чем на остров будет высажен Айртон, принять там, на своей скале, новых друзей.
He invited them to visit his wooden house, and dine with him in Robinson Crusoe fashion.	Он пригласил их посетить свой деревянный домик и отобедать за столом Робинзона Океании.
Glenarvan and his friends accepted the invitation most willingly.	Гленарван и его спутники с удовольствием приняли это приглашение.
Robert and Mary were eagerly longing to see the solitary house where their father had so often wept at the thought of them.	Роберту и Мери не терпелось поскорее увидеть те места, где так долго тосковал по ним отец.
A boat was manned, and the Captain and his two children, Lord and Lady Glenarvan, the Major, John Mangles, and Paganel, landed on the shores of the island.	Снарядили лодку, и вскоре капитан с детьми, лорд и леди Гленарван, майор, Джон Манглс и Паганель высадились на берег острова.
A few hours sufficed to explore the whole domain of Harry Grant.	Им достаточно было нескольких часов, чтобы обойти владения Гарри Гранта.
It was in fact the summit of a submarine mountain, a plateau composed of basaltic rocks and volcanic DEBRIS.	Этот островок был, в сущности, вершиной подводной горы и представлял собой плоскогорье со множеством базальтовых скал и обломков вулканических пород.

During the geological epochs of the earth, this mountain had gradually emerged from the depths of the Pacific, through the action of the subterranean fires, but for ages back the volcano had been a peaceful mountain, and the filled-up crater, an island rising out of the liquid plain. Then soil formed. The vegetable kingdom took possession of this new land.	Под действием подземного огня гора эта в отдаленную геологическую эпоху мало-помалу поднялась со дна Тихого океана. Но с тех пор прошло уже много веков, вулкан потух, и его вершина превратилась в остров, на нем образовался плодородный слой почвы; этой новой землей постепенно завладела растительность.
Several whalers landed domestic animals there in passing; goats and pigs, which multiplied and ran wild, and the three kingdoms of nature were now displayed on this island, sunk in mid ocean.	Проплывавшие мимо острова китобои высадили здесь домашних животных - коз и свиней, которые размножились и с течением времени одичали. Таким образом на этом островке, затерянном среди Тихого океана, были представлены теперь все три царства природы.
When the survivors of the shipwrecked BRITANNIA took refuge there, the hand of man began to organize the efforts of nature.	Когда же здесь очутились моряки, потерпевшие крушение на "Британии", силы природы стали направляться рукой человека.
In two years and a half, Harry Grant and his two sailors had metamorphosed the island.	За два с половиной года Гарри Грант и его матросы совершенно преобразили остров.
Several acres of well-cultivated land were stocked with vegetables of excellent quality.	Несколько тщательно обработанных акров земли приносили им превосходные овощи.
The house was shaded by luxuriant gum-trees. The magnificent ocean stretched before the windows, sparkling in the sunlight.	Гости подошли к домику, осененному зелеными камедными деревьями; перед его окнами живописно расстилалось море, сверкавшее под лучами солнца.
Harry Grant had the table placed beneath the grand trees, and all the guests seated themselves.	Под раскидистыми деревьями поставили стол, и все уселись вокруг него.
A hind quarter of a goat, nardou bread, several bowls of milk, two or three roots of wild endive, and pure fresh water, composed the simple repast, worthy of the shepherds of Arcadia.	Жаркое из козлятины, хлеб из нарду, несколько чашек молока, два-три стебля дикого цикория и чистая холодная вода составляли эту простую, идиллическую трапезу.
Paganel was enchanted.	Паганель был в восторге.
His old fancies about Robinson Crusoe revived in full force.	Воскресли его старые мечты стать Робинзоном.
"He is not at all to be pitied, that scoundrel, Ayrton!" he exclaimed, enthusiastically. "This little isle is just a paradise!"	- Жалеть пройдоху Айртона не приходится: этот островок - настоящий рай! - воскликнул географ.
"Yes," replied Harry Grant, "a paradise to these poor, shipwrecked fellows that Heaven had pity on, but I am sorry that Maria Theresa was not an extensive and fertile island, with a river instead of a stream, and a port instead of a tiny bay exposed to the open sea."	- Да, он был раем для трех жертв кораблекрушения, - отозвался Гарри Грант. - Но я очень жалею, что Мария-Тереза не обширный плодородный остров с рекой вместо ручья и удобным портом вместо бухточки.
"And why, captain?" asked Glenarvan.	- Почему, капитан? - спросил Гленарван.
"Because I should have made it the foundation of the colony with which I mean to dower Scotland."	- Потому что тогда я основал бы здесь, в Тихом океане, колонию, которую подарил бы Шотландии.

"Ah, Captain Grant, you have not given up the project, then, which made you so popular in our old country?"	- Вот как, капитан Грант! Вы, стало быть, не оставили своего замысла, который сделал вас столь популярным на нашей родине? - сказал Гленарван.
"No, my Lord, and God has only saved me through your efforts that I might accomplish my task.	- Нет, не оставил, милорд. И я спасен богом и вами именно для того, чтобы осуществить этот замысел.
My poor brothers in old Caledonia, all who are needy must have a refuge provided for them in another land against their misery, and my dear country must have a colony of her own, for herself alone, somewhere in these seas, where she may find that independence and comfort she so lacks in Europe."	Нужно, чтобы наши несчастные братья, обитатели древней Каледонии, нашли на новой земле убежище от нищеты. Наша родина должна иметь в этих морях свою, ей одной принадлежащую колонию, где у нее будет хоть немного той независимости, того благосостояния, которых ей так недостает в Европе!
"Ah, that is very true, Captain Grant," said Lady Helena. "This is a grand project of yours, and worthy of a noble heart.	- О! Это хорошо сказано, капитан Грант! - сказала леди Элен. - Прекрасный план, достойный благородного сердца!
But this little isle-"	Но этот островок...
"No, madam, it is a rock only fit at most to support a few settlers; while what we need is a vast country, whose virgin soil abounds in untouched stores of wealth," replied the captain.	- Наш риф смог бы прокормить всего нескольких колонистов, а нам нужны большие, плодородные земли.
"Well, captain," exclaimed Glenarvan, "the future is ours, and this country we will seek for together."	- Ну что ж, капитан, - воскликнул Гленарван, - будущее в наших руках! Будем искать эти земли вместе.
And the two brave Scotchmen joined hands in a hearty grip and so sealed the compact.	Гарри Грант и Гленарван крепко пожали друг другу руки, как бы скрепляя данное обещание.
A general wish was expressed to hear, while they were on the island, the account of the shipwreck of the BRITANNIA, and of the two years spent by the survivors in this very place.	Всем не терпелось услышать на этом самом островке, в этом скромном домике рассказ о том, как потерпевшие крушение прожили два долгих года вдали от людей.
Harry Grant was delighted to gratify their curiosity, and commenced his narration forthwith.	Гарри Грант охотно исполнил желание своих новых друзей.
"My story," he said, "is that of all the Robinson Crusoes cast upon an island, with only God and themselves to rely on, and feeling it a duty to struggle for life with the elements.	- Моя история, - начал он, - это история всех робинзонов, заброшенных на пустынный остров. Уповая лишь на бога и на самих себя, они понимают, что должны бороться за свою жизнь с силами природы.
"It was during the night of the 26th or 27th of June, 1862, that the BRITANNIA, disabled by a six days' storm, struck against the rocks of Maria Theresa.	В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июня 1862 года "Британия", потеряв управление во время шестидневной бури, разбилась о риф Мария-Тереза.
The sea was mountains high, and lifeboats were useless.	Море так бушевало, что спасти всех было невозможно, и моя несчастная команда погибла.
My unfortunate crew all perished, except Bob Learce and Joe Bell, who with myself managed to reach shore after twenty unsuccessful attempts.	Только двум матросам, Бобу Лирсу и Джо Беллу, и мне после многих тщетных попыток удалось добраться до берега.

"The land which received us was only an uninhabited island, two miles broad and five long, with about thirty trees in the interior, a few meadows, and a brook of fresh water, which fortunately never dried up.	Земля, приютившая нас, оказалась пустынным островком длиной в пять миль, шириной в две. На нем росло три десятка деревьев, было несколько лугов, а также источник пресной воды, к счастью, никогда не пересыхавший.
Alone with my sailors, in this corner of the globe, I did not despair. I put my trust in God, and accustomed myself to struggle resolutely for existence.	Очутившись с моими двумя матросами в этом затерянном уголке земного шара, я не пал духом и приготовился к упорной борьбе.
Bob and Joe, my brave companions in misfortune, my friends, seconded me energetically.	Боб и Джо, мои отважные товарищи по несчастью, стали энергично помогать мне.
"We began like the fictitious Robinson Crusoe of Defoe, our model, by collecting the planks of the ship, the tools, a little powder, and firearms, and a bag of precious seeds.	По примеру Робинзона, созданного воображением Даниеля Дефо, мы начали с того, что подобрали обломки судна, инструменты, немного пороха, оружие и мешок с драгоценным для нас зерном.
The first few days were painful enough, but hunting and fishing soon afforded us a sure supply of food, for wild goats were in abundance in the interior of the island, and marine animals abounded on the coast.	Первые дни были трудны, но вскоре охота и рыбная ловля обеспечили нас пищей: остров кишел дикими козами, а у берегов было много рыбы.
By degrees we fell into regular ways and habits of life.	Мало-помалу наша жизнь наладилась.
"I had saved my instruments from the wreck, and knew exactly the position of the island. I found we were out of the route of vessels, and could not be rescued unless by some providential chance.	Приборы, которые мне удалось спасти от крушения, помогли мне точно определить, где находится наш островок, и я понял, что он лежит вдали от обычных путей судов и что только счастливый случай может выручить нас.
I accepted our trying lot composedly, always thinking, however, of my dear ones, remembering them every day in my prayers, though never hoping to see them again.	Не переставая думать о моих любимых детях, но уже не надеясь снова увидеть их, я решил смело принять выпавшее мне на долю испытание.
"However, we toiled on resolutely, and before long several acres of land were sown with the seed off the BRITANNIA; potatoes, endive, sorrel, and other vegetables besides, gave wholesome variety to our daily fare.	Мы работали не покладая рук. Вскоре несколько акров земли были засеяны семенами из мешка с "Британии". Картофель, цикорий и щавель оздоровили нашу пищу. Со временем появились и другие овощи.
We caught some young kids, which soon grew quite tame.	Мы поймали нескольких козлят. Их удалось легко приручить.
We had milk and butter.	Теперь у нас было молоко, масло.
The nardou, which grew abundantly in dried up creeks, supplied us with tolerably substantial bread, and we had no longer any fears for our material life.	Из нарду, росшего на дне пересохших ручьев, мы стали печь довольно вкусный хлеб. Словом, мы вполне обеспечили свою жизнь всем необходимым.
"We had built a log hut with the DEBRIS of the BRITANNIA, and this was covered over with sail cloth, carefully tarred over, and beneath this secure shelter the rainy season passed comfortably.	Мы выстроили себе дом из выброшенных на берег обломков "Британии", покрыли его тщательно просмоленными парусами. Получилось надежное убежище, где мы благополучно пережили период дождей.

Many a plan was discussed here, and many a dream indulged in, the brightest of which is this day realized.	Сколько в этом домике обсуждалось планов, сколько было мечтаний! И самая чудесная из наших грез ныне сбылась!
"I had at first the idea of trying to brave the perils of the ocean in a canoe made out of the spars of the ship, but 1,500 miles lay between us and the nearest coast, that is to say the islands of the Archipelago of Pomotou.	Сначала я хотел пуститься в море на лодке, сделанной из обломков нашего судна, но ближайшая земля - архипелаг Паумоту - отстояла от нас на полторы тысячи миль.
No boat could have stood so long a voyage.	Никакая лодка не смогла бы выдержать такое плавание.
I therefore relinquished my scheme, and looked for no deliverance except from a divine hand.	Пришлось отказаться от этой мысли. Только счастливый случай мог спасти нас.
"Ah, my poor children! how often we have stood on the top of the rocks and watched the few vessels passing in the distance far out at sea.	Ах, дорогие мои дети! Сколько раз высматривали мы с береговых скал, не появится ли судно в морской дали!
During the whole period of our exile only two or three vessels appeared on the horizon, and those only to disappear again immediately.	За все время нашего заточения на горизонте только два-три раза показались паруса, но тотчас исчезали.
Two years and a half were spent in this manner.	Так прошло два с половиной года.
We gave up hoping, but yet did not despair.	Мы уже перестали надеяться, но еще не отчаивались.
At last, early yesterday morning, when I was standing on the highest peak of the island, I noticed a light smoke rising in the west.	Наконец, вчера, взобравшись на высокую скалу, я вдруг увидел на западе легкий дымок.
It increased, and soon a ship appeared in sight.	Он стал расти. Вскоре я различил судно.
It seemed to be coming toward us.	Казалось, оно направлялось к нам.
But would it not rather steer clear of an island where there was no harbor.	Но не пройдет ли оно мимо острова? Ведь ему незачем здесь останавливаться.
"Ah, what a day of agony that was!	Ах, что это был за мучительный день!
My heart was almost bursting.	Как сердце не разорвалось у меня в груди!
My comrades kindled a fire on one of the peaks.	Мои товарищи зажгли костер на вершине одной из скал.
Night came on, but no signal came from the yacht.	Наступила ночь, а никаких признаков того, что нас заметили на яхте, не было.
Deliverance was there, however.	От этого судна зависело наше спасение.
Were we to see it vanish from our eyes?	Неужели мы упустим эту возможность!
"I hesitated no longer.	Я уже не колебался.
The darkness was growing deeper.	Тьма сгущалась.
The ship might double the island during the night.	Ночью судно могло обогнуть остров и уйти.
I jumped into the sea, and attempted to make my way toward it.	Я бросился в воду и поплыл к нему.

Hope trebled my strength, I cleft the waves with superhuman vigor, and had got so near the yacht that I was scarcely thirty fathoms off, when it tacked about.	Надежда утраивала мои силы. Я с нечеловеческой энергией рассекал волны. Уже яхта была от меня в каких-нибудь двух сотнях футов, как вдруг она переменила галс.
"This provoked me to the despairing cry, which only my two children heard. It was no illusion.	Тогда-то я испустил те отчаянные крики, которые услышали только мои дети и которые не были их галлюцинацией.
"Then I came back to the shore, exhausted and overcome with emotion and fatigue.	Затем я вернулся на берег, обессиленный волнением и усталостью.
My two sailors received me half dead.	Матросы вытащили меня из воды полумертвым.
It was a horrible night this last we spent on the island, and we believed ourselves abandoned forever, when day dawned, and there was the yacht sailing nearly alongside, under easy steam.	Эта последняя ночь на острове была ужасной. Мы уже считали себя навсегда обреченными на одиночество. Но вот стало светать, и мы увидели, что яхта все еще здесь и медленно лавирует.
Your boat was lowered-we were saved-and, oh, wonder of Divine goodness, my children, my beloved children, were there holding out their arms to me!"	Потом вы спустили шлюпку... Мы были спасены! И какое великое счастье: дети, мои дорогие дети были в этой шлюпке и протягивали ко мне руки!..
Robert and Mary almost smothered their father with kisses and caresses as he ended his narrative.	Последние слова капитана утонули в поцелуях и ласках, которыми его осыпали Мери и Роберт.
It was now for the first time that the captain heard that he owed his deliverance to the somewhat hieroglyphical document which he had placed in a bottle and confined to the mercy of the ocean.	И тут только капитан узнал, что своим спасением он был обязан неразборчивому документу, тому самому, который он через неделю после крушения вложил в бутылку и бросил в море.
But what were Jacques Paganel's thoughts during Captain Grant's recital?	Но о чем думал Жак Паганель во время рассказа капитана Гранта?
The worthy geographer was turning over in his brain for the thousandth time the words of the document.	Почтенный географ в тысячный раз перебирал в уме слова документа.
He pondered his three successive interpretations, all of which had proved false.	Он припоминал одно за другим все три своих толкования, которые оказались одинаково неверными.
How had this island, called Maria Theresa, been indicated in the papers originally?	Какое же из этих размытых морской водой слов относилось к рифу Мария-Тереза?
At last Paganel could contain himself no longer, and seizing Harry Grant's hand, he exclaimed:	Паганель не вытерпел. Он схватил за руку Гарри Гранта.
"Captain! will you tell me at last what really was in your indecipherable document?"	- Капитан, - воскликнул он, - скажите же мне наконец, что содержалось в вашей загадочной записке?
A general curiosity was excited by this question of the geographer, for the enigma which had been for nine months a mystery was about to be explained.	При этих словах географа все насторожились: сейчас будет разгадана тайна, в которую они тщетно пытались проникнуть в течение девяти месяцев!
"Well, captain," repeated Paganel, "do you remember the precise words of the document?"	- Помните ли вы, капитан, содержание документа дословно? - продолжал Паганель.
"Exactly," replied Harry Grant; "and not a day has passed without my recalling to memory words with which our last hopes were linked."	- Помню совершенно точно, - ответил Гарри Грант. - Не проходило дня, чтобы я не припоминал этих слов: ведь на них была вся наша надежда.

"And what are they, captain?" asked Glenarvan. "Speak, for our amour propre is wounded to the quick!"	- Какие же это слова, капитан? - спросил Гленарван. - Откройте нам их: наше самолюбие задето за живое!
"I am ready to satisfy you," replied Harry Grant; "but, you know, to multiply the chances of safety, I had inclosed three documents in the bottle, in three different languages.	- Пожалуйста, - ответил Гарри Грант. - Но, как вам известно, стремясь увеличить шансы на спасение, я вложил в бутылку три записки на разных языках.
Which is it you wish to hear?"	Какая из них вас интересует?
"They are not identical, then?" cried Paganel.	- Так они не тождественны? - воскликнул Паганель.
"Yes, they are, almost to a word."	- Тождественны, за исключением одного названия.
"Well, then, let us have the French document," replied Glenarvan. "That is the one that is most respected by the waves, and the one on which our interpretations have been mostly founded."	- Тогда скажите нам французский текст, - сказал Гленарван, - он был наименее поврежден водой, и наши толкования основывались главным образом на нем.
"My Lord, I will give it you word for word," replied Harry Grant.	- Вот этот текст слово в слово:
"LE 27 JUIN, 1862, le trois-mats Britannia, de Glasgow, s'est perdu a quinze cents lieues de la Patagonie, dans l'hemisphere austral.	"Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно "Британия", из Глазго, потерпело крушение в тысяче пятистах лье от Патагонии, в Южном полушарии.
Partes a terre, deux matelots et le Capitaine Grant ont atteint l'ile Tabor-"	Два матроса и капитан Грант добрались до острова Табор..."
"Oh!" exclaimed Paganel.	- Как?! - воскликнул Паганель.
"LA," continued Harry Grant, "continuellement en proie a une cruelle indigence, ils ont jete ce document par 153 degrees de longitude et 37 degrees 11' de latitude.	- "Здесь, - продолжал Гарри Грант, - терпя постоянные жестокие Лишения, они бросили этот документ под 153° долготы и 37° 11' широты.
Venes a leur secours, ou ils sont perdus."	Придите им на помощь, или они погибнут".
At the name of Tabor, Paganel had started up hastily, and now being unable to restrain himself longer, he called out:	Услышав слово "Табор", Паганель вскочил с места и вне себя воскликнул:
"How can it be Isle Tabor?	- Как - остров Табор?
Why, this is Maria Theresa!"	Да ведь это же риф Мария-Тереза!
"Undoubtedly, Monsieur Paganel," replied Harry Grant. "It is Maria Theresa on the English and German charts, but is named Tabor on the French ones!"	- Совершенно верно, господин Паганель, - ответил Гарри Грант. - На английских и немецких картах - Мария-Тереза, а на французских - Табор.
At this moment a vigorous thump on Paganel's shoulder almost bent him double.	В эту минуту полновесный удар обрушился на плечо Паганеля, так что он согнулся.
Truth obliges us to say it was the Major that dealt the blow, though strangely contrary to his usual strict politeness.	Справедливость требует признать, что это майор, впервые вышедший из рамок строгой корректности, так наградил Паганеля.

"Geographer!" said McNabbs, in a tone of the most supreme contempt.	- Географ! - сказал с глубочайшим презрением Мак-Наббс.
But Paganel had not even felt the Major's hand.	Но Паганель даже и не почувствовал удара.
What was that compared to the geographical blow which had stunned him?	Что значил он по сравнению с ударом, нанесенным его самолюбию ученого!
He had been gradually getting nearer the truth, however, as he learned from Captain Grant.	Так значит, как рассказал он капитану Гранту, он постепенно приближался к истине.
He had almost entirely deciphered the indecipherable document. The names Patagonia, Australia, New Zealand, had appeared to him in turn with absolute certainty. CONTIN, at first CONTINENT, had gradually reached its true meaning, continuelle. Indi had successively signified indiens, indigenes, and at last the right word was found-INDIGENCE.	Патагония, Австралия, Новая Зеландия казались ему бесспорным местом крушения. Обрывок слова contin, который он истолковал сначала как continent (континент), постепенно получил свое подлинное значение: continuelle (постоянная); indi означало сначала indiens (индейцы), потом indigenes (туземцы) и, наконец, было правильно понято как слово indigence (лишения).
But one mutilated word, ABOR, had baffled the geographer's sagacity.	Только обрывок слова abor ввел в заблуждение проницательного географа.
Paganel had persisted in making it the root of the verb ABORDER, and it turned out to be a proper name, the French name of the Isle Tabor, the isle which had been a refuge for the shipwrecked sailors of the BRITANNIA.	Паганель упорно видел в нем корень глагола aborder (причаливать), между тем как это было частью французского названия острова Мария-Тереза, где нашли приют потерпевшие кораблекрушение на "Британии": остров Табор.
It was difficult to avoid falling into the error, however, for on the English planispheres on the DUNCAN, the little isle was marked Maria Theresa.	Правда, этой ошибки трудно было избежать, раз на всех корабельных картах "Дункана" этот остров значился под названием Мария-Тереза.
"No matter?" cried Paganel, tearing his hair; "I ought not to have forgotten its double appellation.	- Но все равно! - восклицал Паганель и рвал на себе волосы в отчаянии. - Я не должен был забывать об этом двойном названии!
It is an unpardonable mistake, one unworthy of a secretary of the Geographical Society.	Это непростительная ошибка, заблуждение, недостойное секретаря Географического общества!
I am disgraced!"	Я опозорен!
"Come, come, Monsieur Paganel," said Lady Helena; "moderate your grief."	- Господин Паганель, успокойтесь! - утешала географа леди Элен.
"No, madam, no; I am a mere ass!"	- Нет, нет! Я настоящий осел!
"And not even a learned one!" added the Major, by way of consolation.	- И даже не ученый осел, - отозвался в виде утешения ему майор.
When the meal was over, Harry Grant put everything in order in his house.	Когда обед был окончен, Гарри Грант позаботился о том", чтобы привести в порядок все свое хозяйство.
He took nothing away, wishing the guilty to inherit the riches of the innocent.	Он ничего не брал с собой, желая, чтобы преступник наследовал честному человеку.
Then they returned to the vessel, and, as Glenarvan had determined to start the same day, he gave immediate orders for the disembarkation of the quartermaster.	Все вернулись на борт "Дункана". Гленарван хотел отплыть в тот же день и потому дал приказ высадить боцмана на остров.

Ayrton was brought up on the poop, and found himself face to face with Harry Grant.	Айртона привели на ют, где находился Гарри Грант.
"It is I, Ayrton!" said Grant	- Это я, Айртон, - сказал Грант.
"Yes, it is you, captain," replied Ayrton, without the least sign of surprise at Harry Grant's recovery. "Well, I am not sorry to see you again in good health."	- Вижу, капитан, - отозвался боцман, не проявляя и тени удивления. - Ну что же, рад вас видеть в добром здоровье.
"It seems, Ayrton, that I made a mistake in landing you on an inhabited coast."	- По-видимому, Айртон, я сделал ошибку, высадив вас в обитаемых местах.
"It seems so, captain."	- По-видимому, капитан.
"You are going to take my place on this uninhabited island.	- Вы сейчас останетесь вместо меня на этом пустынном островке.
May Heaven give you repentance!"	Я надеюсь, что вы раскаетесь в том зле, которое причинили людям.
"Amen," said Ayrton, calmly.	- Все может быть, - спокойно ответил Айртон.
Glenarvan then addressed the quartermaster.	Гленарван обратился к боцману:
"It is still your wish, then, Ayrton, to be left behind?"	- Итак, Айртон, вы по-прежнему хотите, чтобы я высадил вас на необитаемый остров?
"Yes, my Lord!"	- Да.
"And Isle Tabor meets your wishes?"	- Остров Табор вам подходит?
"Perfectly."	- Совершенно.
"Now then, listen to my last words, Ayrton.	- Теперь, Айртон, выслушайте то, что я хочу напоследок сказать вам.
You will be cut off here from all the world, and no communication with your fellows is possible.	Вы здесь, вдали от всякой земли, будете лишены общения с другими людьми.
Miracles are rare, and you will not be able to quit this isle.	Чудеса редки: вам не убежать с этого островка, на котором оставит вас "Дункан".
You will be alone, with no eye upon you but that of God, who reads the deepest secrets of the heart; but you will be neither lost nor forsaken, as Captain Grant was.	Вы будете один, но вы не будете затеряны, отрезаны от мира, как капитан Грант.
Unworthy as you are of anyone's remembrance, you will not be dropped out of recollection.	Люди все же будут помнить о вас, хоть вы того и не заслуживаете.
I know where you are, Ayrton; I know where to find you-I shall never forget."	Я знаю, где найти вас, Айртон, и я этого не забуду.
"God keep your Honor," was all Ayrton's reply.	- Спаси вас бог, милорд, - просто ответил Айртон.
These were the final words exchanged between Glenarvan and the quartermaster.	То были последние слова, которыми обменялись Гленарван и боцман.
The boat was ready and Ayrton got into it.	Шлюпка уже стояла наготове. Айртон спустился в нее.

John Mangles had previously conveyed to the island several cases of preserved food, besides clothing, and tools and firearms, and a supply of powder and shot.	Джон Манглс заранее распорядился перевезти на остров несколько ящиков с консервами, одежду, инструменты, оружие, а также запас пороха и пуль.
The quartermaster could commence a new life of honest labor.	Таким образом, боцман мог работать и переродиться в труде.
Nothing was lacking, not even books; among others, the Bible, so dear to English hearts.	У него было все необходимое, даже книги, и в их числе - Библия.
The parting hour had come.	Настал последний час.
The crew and all the passengers were assembled on deck.	Команда и пассажиры собрались на палубе.
More than one felt his heart swell with emotion.	У многих сжималось сердце.
Mary Grant and Lady Helena could not restrain their feelings.	Мери Грант и леди Элен не могли скрыть своего волнения.
"Must it be done?" said the young wife to her husband. "Must the poor man be left there?"	- Это так необходимо? - обратилась молодая женщина к мужу. - Необходимо покинуть здесь этого несчастного?
"He must, Helena," replied Lord Glenarvan. "It is in expiation of his crimes."	- Да, Элен, необходимо, - ответил Гленарван. - Это искупление!
At that moment the boat, in charge of John Mangles, turned away.	В эту минуту шлюпка, по команде Джона Манглса, отвалила от борта.
Ayrton, who remained standing, and still unmoved, took off his cap and bowed gravely.	Айртон, как всегда невозмутимый, стоя снял шапку и с суровой важностью поклонился.
Glenarvan uncovered, and all the crew followed his example, as if in presence of a man who was about to die, and the boat went off in profound silence.	Гленарван, а за ним вся команда обнажили головы, точно у постели умирающего. Шлюпка все удалялась. Все на палубе молчали.
On reaching land, Ayrton jumped on the sandy shore, and the boat returned to the yacht.	Когда шлюпка подошла к берегу, Айртон выскочил на песок, а шлюпка вернулась к яхте.
It was then four o'clock in the afternoon, and from the poop the passengers could see the quartermaster gazing at the ship, standing with folded arms on a rock, motionless as a statue.	Было четыре часа пополудни. С юта пассажиры видели, как боцман, скрестив на груди руки, неподвижно, словно статуя, стоял на прибрежной скале. Глаза его были устремлены на "Дункан".
"Shall we set sail, my Lord?" asked John Mangles.	- Отправляемся, милорд? - спросил Джон Манглс.
"Yes, John," replied Glenarvan, hastily, more moved than he cared to show.	- Да, Джон, - ответил Гленарван; он был взволнован, но старался не показать этого.
"Go on!" shouted John to the engineer.	- Полный вперед! - крикнул капитан механику.
The steam hissed and puffed out, the screw began to stir the waves, and by eight o'clock the last peaks of Isle Tabor disappeared in the shadows of the night.	Пар зашипел в трубах, винт закрутился, и в восемь часов скалы острова Табор скрылись в вечерней мгле.
CHAPTER XXI PAGANEL'S LAST ENTANGLEMENT	Глава XXII ПОСЛЕДНЯЯ ПРИЧУДА ЖАКА ПАГАНЕЛЯ
ON the 19th of March, eleven days after leaving the island, the DUNCAN sighted the American coast, and next day dropped anchor in the bay of Talcahuano.	18 марта, через одиннадцать дней после того, как "Дункан" отплыл от острова Табор, показались берега Америки, а на следующий день яхта бросила якорь в бухте Талькауано.

They had come back again after a voyage of five months, during which, and keeping strictly along the 37th parallel, they had gone round the world.	Она вернулась сюда после пятимесячного плавания, во время которого, строго придерживаясь тридцать седьмой параллели, обошла вокруг всего земного шара.
The passengers in this memorable expedition, unprecedented in the annals of the Travelers' Club, had visited Chili, the Pampas, the Argentine Republic, the Atlantic, the island of Tristan d'Acunha, the Indian Ocean, Amsterdam Island, Australia, New Zealand, Isle Tabor, and the Pacific.	Участники этой достопамятной, не имевшей прецедента в летописях английского Клуба путешественников экспедиции побывали в Чили, в пампасах, в Аргентинской республике, в Атлантическом океане, на островах Тристан-да-Кунья, в Индийском океане, на островах Амстердам, в Австралии, в Новой Зеландии, на острове Табор и в Тихом океане.
Their search had not been fruitless, for they were bringing back the survivors of the shipwrecked BRITANNIA.	И усилия путешественников увенчались успехом: они возвращали на родину моряков, потерпевших крушение на "Британии".
Not one of the brave Scots who set out at the summons of their chief, but could answer to their names; all were returning to their old Scotia.	Все храбрые шотландцы, отозвавшиеся на призыв Гленарвана, остались живы и невредимы и возвращались в свою старую Шотландию.
As soon as the DUNCAN had re-provisioned, she sailed along the coast of Patagonia, doubled Cape Horn, and made a swift run up the Atlantic Ocean.	Эта экспедиция напоминала битвы, которые древняя история именовала "битвами без слез". Пополнив запасы угля, "Дункан" двинулся вдоль берегов Патагонии и, обогнув мыс Горн, пошел по Атлантическому океану.
No voyage could be more devoid of incident.	Путешествие было на редкость спокойным.
The yacht was simply carrying home a cargo of happiness.	Яхта казалась доверху нагруженной счастьем.
There was no secret now on board, not even John Mangles's attachment to Mary Grant.	На борту больше не было никаких секретов, даже любовь Джона Манглса к Мери Грант перестала быть тайной.
Yes, there was one mystery still, which greatly excited McNabbs's curiosity.	Впрочем, нет, было нечто непонятное, что не давало покоя Мак-Наббсу.
Why was it that Paganel remained always hermetically fastened up in his clothes, with a big comforter round his throat and up to his very ears?	Почему Паганель всегда наглухо застегивался и укутывался по самые уши в свое кашне?
The Major was burning with desire to know the reason of this singular fashion.	Майор, снедаемый любопытством, не мог понять, чем вызвана эта странность.
But in spite of interrogations, allusions, and suspicions on the part of McNabbs, Paganel would not unbutton.	Но несмотря на все расспросы, все намеки, все подозрения Мак-Наббса, Паганель так ни разу и не расстегнулся.
Not even when the DUNCAN crossed the line, and the heat was so great that the seams of the deck were melting.	Даже тогда, когда "Дункан" пересекал экватор и смола, которой были залиты пазы палубы, растопилась от пятидесятиградусного зноя.
"He is so DISTRAIT that he thinks he is at St. Petersburg," said the Major, when he saw the geographer wrapped in an immense great-coat, as if the mercury had been frozen in the thermometer.	- Он по рассеянности воображает себя в Петербурге, - говорил майор, видя, как Паганель кутается в широчайший плащ, словно от холода ртуть замерзает в термометре.

At last on the 9th of May, fifty-three days from the time of leaving Talcahuano, John Mangles sighted the lights of Cape Clear.	Наконец, 9 мая, через пятьдесят три дня после выхода из бухты Талькауано, Джон Манглс заметил маячные огни мыса Клир.
The yacht entered St. George's Channel, crossed the Irish Sea, and on the 10th of May reached the Firth of Clyde.	Яхта вошла в пролив Св. Георга, пересекла Ирландское море и 10 мая была в заливе Клайд.
At 11 o'clock she dropped anchor off Dunbarton, and at 2 P.M. the passengers arrived at Malcolm Castle amidst the enthusiastic cheering of the Highlanders.	В одиннадцать часов утра "Дункан" бросил якорь у Дамбартона, а в два часа ночи пассажиры и экипаж уже входили в Малькольм-Касл под громкие крики "ура", которыми горцы приветствовали их возвращение.
As fate would have it then, Harry Grant and his two companions were saved. John Mangles wedded Mary Grant in the old cathedral of St. Mungo, and Mr. Paxton, the same clergyman who had prayed nine months before for the deliverance of the father, now blessed the marriage of his daughter and his deliverer.	Верно, так уж было суждено, что Гарри Грант и его два товарища спасутся, что Мери Грант обвенчается с Джоном Манглсом в старинном соборе св. Мунго, и тот самый преподобный Мортон, который девять месяцев тому назад молился о спасении отца Мери, теперь благословил брак его дочери с его спасителем.
Robert was to become a sailor like Harry Grant and John Mangles, and take part with them in the captain's grand projects, under the auspices of Lord Glenarvan.	А Роберту было суждено стать таким же смелым моряком, как Гарри Грант и Джон Манглс, и работать вместе с ними под покровительством лорда Гленарвана над осуществлением проекта капитана Гранта.
But fate also decreed that Paganel was not to die a bachelor?	Но было ли суждено Паганелю умереть холостяком?
Probably so.	По-видимому, нет.
The fact was, the learned geographer after his heroic exploits, could not escape celebrity.	Действительно, после всех своих подвигов бравый ученый не мог не стать знаменитым.
His blunders made quite a FURORE among the fashionables of Scotland, and he was overwhelmed with courtesies.	Рассказы о его рассеянности произвели фурор в светском обществе Шотландии. Географа вырывали друг у друга, и он был просто не в состоянии побывать везде, куда его приглашали.
It was then that an amiable lady, about thirty years of age, in fact, a cousin of McNabbs, a little eccentric herself, but good and still charming, fell in love with the geographer's oddities, and offered him her hand.	Тогда-то одна приятная тридцатилетняя девица, не кто иная, как двоюродная сестра майора Мак-Наббса, особа несколько эксцентричная, но добрая и еще очаровательная, влюбилась в чудака географа и предложила ему руку и сердце.
Forty thousand pounds went with it, but that was not mentioned.	В руке этой был миллион, но это обходили молчанием.
Paganel was far from being insensible to the sentiments of Miss Arabella, but yet he did not dare to speak.	Паганель был далеко не равнодушным к нежным чувствам, питаемым к нему мисс Арабеллой, однако высказаться он не решался.
It was the Major who was the medium of communication between these two souls, evidently made for each other.	Посредником между этими двумя сердцами, созданными друг для друга, явился майор.
He even told Paganel that his marriage was the last freak he would be able to allow himself.	Он даже сказал Паганелю, что женитьба - это та "последняя причуда", которую географ мог бы себе еще позволить.

Paganel was in a great state of embarrassment, but strangely enough could not make up his mind to speak the fatal word.	Но странно! Паганель в замешательстве никак не мог вымолвить решительного слова.
"Does not Miss Arabella please you then?" asked McNabbs.	- Разве мисс Арабелла вам не нравится? - не раз спрашивал Мак-Наббс.
"Oh, Major, she is charming," exclaimed Paganel, "a thousand times too charming, and if I must tell you all, she would please me better if she were less so.	- Что вы, майор! Она очаровательна, - восклицал Паганель, - даже слишком очаровательна! И, признаться, я рад был бы, если б этого очарования в мисс Арабелле было поменьше.
I wish she had a defect!"	Мне бы хотелось найти в ней хоть один недостаток!
"Be easy on that score," replied the Major, "she has, and more than one.	- Успокойтесь, - отвечал майор, - недостаток найдется, и не один.
The most perfect woman in the world has always her quota.	У самой безупречной женщины есть свои недостатки.
So, Paganel, it is settled then, I suppose?"	Итак, Паганель, это дело решенное?
"I dare not."	- Я не смею, - отвечал Паганель.
"Come, now, my learned friend, what makes you hesitate?"	- Но скажите же, мой ученый друг, почему вы колеблетесь?
"I am unworthy of Miss Arabella," was the invariable reply of the geographer.	- Я недостоин мисс Арабеллы, - отвечал неизменно географ.
And to this he would stick.	На том все и кончалось.
At last, one day being fairly driven in a corner by the intractable Major, he ended by confiding to him, under the seal of secrecy, a certain peculiarity which would facilitate his apprehension should the police ever be on his track.	Наконец однажды настойчивый майор так прижал географа, что тот, правда под большим секретом, поведал ему нечто, что было бы очень на руку полиции, если бы ей когда-нибудь понадобились приметы Паганеля.
"Bah!" said the Major.	- Вот оно что! - воскликнул майор.
"It is really as I tell you," replied Paganel.	- Так оно и есть, - подтвердил Паганель.
"What does it matter, my worthy friend?"	- Но ведь это пустяки, мой достойный друг!
"Do you think so, Major?"	- Вы так думаете?
"On the contrary, it only makes you more uncommon.	- Больше того, это только увеличивает вашу оригинальность.
It adds to your personal merits. It is the very thing to make you the nonpareil husband that Arabella dreams about."	Это дополняет ваши личные достоинства и делает вас неповторимым, а именно о таком человеке и мечтает Арабелла.
And the Major with imperturbable gravity left Paganel in a state of the utmost disquietude.	И майор вышел с невозмутимо серьезным видом, оставив Паганеля в мучительной тревоге.
A short conversation ensued between McNabbs and Miss Arabella.	Между Мак-Наббсом и Арабеллой произошел короткий разговор.
A fortnight afterwards, the marriage was celebrated in grand style in the chapel of Malcolm Castle.	Через две недели в Малькольм-Касле пышно праздновалась свадьба Жака Паганеля и мисс Арабеллы.

Paganel looked magnificent, but closely buttoned up, and Miss Arabella was arrayed in splendor.	Жених был великолепен, но все же застегнут на все пуговицы, невеста - восхитительна.
And this secret of the geographer would have been forever buried in oblivion, if the Major had not mentioned it to Glenarvan, and he could not hide it from Lady Helena, who gave a hint to Mrs. Mangles.	Тайна Паганеля так и осталась бы нераскрытой, если б майор не поделился ею с Гленарваном, а тот не рассказал бы о ней леди Элен, а леди Элен, в свою очередь, не шепнула бы об этом миссис Манглс.
To make a long story short, it got in the end to M. Olbinett's ears, and soon became noised abroad.	Одним словом, тайна дошла до миссис Олбинет, а тут уж ее узнали все.
Jacques Paganel, during his three days' captivity among the Maories, had been tattooed from the feet to the shoulders, and he bore on his chest a heraldic kiwi with outspread wings, which was biting at his heart.	Во время своего трехдневного пребывания у маори Паганель был татуирован - татуирован от ног до самых плеч. На груди у него была изображена геральдическая птица, раскинувшая крылья и впившаяся клювом в его сердце.
This was the only adventure of his grand voyage that Paganel could never get over, and he always bore a grudge to New Zealand on account of it.	Это было единственное за все долгое путешествие несчастье, после которого Паганель не мог утешиться и которого он не мог простить новозеландцам.
It was for this reason too, that, notwithstanding solicitation and regrets, he never would return to France.	Оно же было причиной того, что, несмотря на многочисленные приглашения, он так и не вернулся в родную Францию, хотя очень жалел об этом.
He dreaded lest he should expose the whole Geographical Society in his person to the jests of caricaturists and low newspapers, by their secretary coming back tattooed.	Ученый боялся, как бы Географическое общество в лице своего свежетатуированного ученого секретаря не подверглось насмешкам карикатуристов и газетных острословов.
The return of the captain to Scotland was a national event, and Harry Grant was soon the most popular man in old Caledonia.	Возвращение капитана Гранта в Шотландию стало национальным праздником, а сам он - самым популярным человеком во всей древней Каледонии.
His son Robert became a sailor like himself and Captain Mangles, and under the patronage of Lord Glenarvan they resumed the project of founding a Scotch colony in the Southern Seas.	Его сын Роберт сделался таким же моряком, как отец, как капитан Джон Манглс, и, поддерживаемый лордом Гленарваном, не оставляет мысли основать шотландскую колонию на островах Тихого океана.

